

ЭПИСТОЛЯРНОЕ
НАСЛЕДИЕ
КАЗАХСКОЙ
ПРАВЯЩЕЙ
ЭЛИТЫ
1675-1821 ГОДОВ

Л

**1675–1821 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚАЗАҚ БИЛЕУШІ
ЭЛИТАСЫНЫҢ ЭПИСТОЛЯРЛЫҚ МҰРАСЫ
ТАРИХИ ҚҰЖАТТАРДЫҢ ЕКІ ТОМДЫҚ ЖИНАҒЫ**

I том

Қазақ билеушілерінің хаттары. 1675–1780 жж.

*Кіріспенің, қазақ хандары туралы биографиялық зерттеулер мен ғылыми
түсініктемелердің және жобаның авторы, сондай-ақ кітаптың
құрастырушысы әрі жауапты редакторы*

И. В. Ерофеева

abdi®
с о м п а н ы

Алматы

2014

**ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ
КАЗАХСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ 1675–1821 ГОДОВ
СБОРНИК ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ В ДВУХ ТОМАХ**

Том I

Письма казахских правителей. 1675–1780 гг.

*Автор проекта, введения, биографий ханов, научных комментариев;
составитель и ответственный редактор*

И. В. Ерофеева

abdi[®]
с о т р а н у

Алматы
2014

УДК 94
ББК 63.3(5)51
Э 71

Рецензенты:

академик НАН РК, доктор исторических наук, профессор
К. М. Байпаков
доктор исторических наук, профессор
Т. И. Султанов

Э 71 Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов в 2-х томах/ Автор проекта, введения, биографий ханов, научных комментариев; составитель и ответственный редактор И.В. Ерофеева. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. – 696 с. + вкл. 44 с.

Т. I: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг.

ISBN 978-9965-832-25-3 (т. 1–2)

ISBN 978-9965-832-26-0 (т. 1)

Сборник включает в себя 811 переводов и 250 факсимиле оригинальных текстов писем казахских ханов и султанов монархам и чиновникам Российской империи и соседних восточных государств, которые охватывают хронологический период с 1675 по 1821 гг. В его состав вошли объемная источниковедческая статья, рассматривающая письма степных правителей того времени как исторический источник и историко-биографические очерки об авторах этих документов. Переводы писем снабжены краткими биобиблиографическими справками об их адресатах, научными комментариями к текстам документов, большим научным аппаратом и приложением.

Издание рассчитано на специалистов-историков, преподавателей вузов и школ, служащих административно-управленческого аппарата, работников культурно-просветительских учреждений, студентов вузов и на широкий круг читателей.

- © Ерофеева И.В., автор проекта, сост. и отв. ред, 2014
- © АО «АБДИ Компани», оформление, 2014
- © Ерофеева И.В., вступ. статья, 2014
- © Ерофеева И.В., биографии ханов, коммент., 2014
- © Ерофеева И.В., Кожа М.Б., Усманова Э.Р., Рогожинский А.Е., текст прил., 2014
- © Государственная Третьяковская галерея, Москва, 2014
- © Государственный исторический музей, Москва, 2014
- © Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, 2014
- © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2014
- © Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, 2014
- © Саратовский музей им. А.Н. Радищева, Саратов, 2014
- © RMN (musée Guimet, Paris) / Thierry Ollivier, 2014

Наследие правителей Степи

Пространство Евразии от Волги до Алтая, – именовавшееся Дешт-и Кыпчаком в прошлом, Великой степью в наши дни, – это наследие, которое досталось казахам от предков, объединившихся в далеком 1465 г. под джучидским стягом Керей и Жанибека, потомков Урус-хана. Великая казахская степь многие столетия являлась центром тюркского мира, «кара шаныраком» кочевой цивилизации, первоначальным очагом ойкумены номадов. Создав в этом кочевом пространстве свое Ханство, казахи Керей и Жанибека унаследовали все могущество духовной и материальной культуры своих предков и прежде всего империи Джучидов – Золотой Орды. Унаследовали «великое слово» Чингизидов.

История казахской государственности позднего средневековья и нового времени в наши дни становится все более востребованной темой среди соотечественников. Этому способствуют сформировавшийся за все годы независимости стойкий интерес к национальной истории и актуализация вопросов этнической идентичности.

Среди всех аспектов истории Казахстана наибольшее внимание приковано к истории Казахского ханства, истории сложения казахского этноса, военной и политической деятельности элиты того времени и ее связей с внешним миром. Немало способствует этому приближающийся 550-летний юбилей основания первого Казахского государства – Казахского ханства.

Все это побуждает историков Казахстана проводить новые научные исследования, публиковать важнейшие результаты своих трудов. Хотя современных исследований, посвященных истории казахской государственности XV–XVIII вв., не так уж много. Это обусловлено несколькими обстоятельствами. С одной стороны, это недостаток специалистов, способных искать и выявлять новые направления исследований. С другой – трудность в изучении истории Казахстана определяется недостаточностью источников; труднодоступностью имеющихся, как с географической точки зрения (многие документы по этому периоду рассредоточены за пределами Казахстана), так и с лингвистической (большинство из них написаны на иностранных европейских и восточных языках). Настоящее издание, посвященное эпистолярному наследию казахских ханов и султанов, призвано восполнить существующие пробелы.

Мы с готовностью откликнулись на предложение Ирины Викторовны Ерофеевой опубликовать один из важнейших результатов ее многолетних научных исследований.

И.В. Ерофеева – крупнейший в Казахстане и мире специалист по данным вопросам. Она автор нескольких монографий, многих статей. Предметом ее исследований является история казахской элиты XVIII–XIX вв., политическая и военная история, источники и историография нового времени. Широко известны ее монографии, посвященные персоне казахского хана Абулхаира; родословным казахских ханов и кожа; символам казахской государственности; казахско-джунгарским войнам и Аныракайской битве. Недавно она презентовала еще одну монографию – книгу о жизни и деятельности Жанибек-батыра. Новый колоссальный труд И. В. Ерофеевой отличается от ее прежних работ – это сборник исторических документов. Позволим себе высказать несколько слов о его содержании и достоинствах.

Эпистолярное наследие казахских ханов и султанов представлено в двух томах. В них публикуются письма 25 казахских ханов и султанов, среди них наибольшее количество писем написано от имен Нуралы (214), Абулхаира (144) и Абылая (106). Также сохранилось много писем Айшуака (81), Ералы (60) и Вали (54). Несомненный интерес вызовут восемь писем знаменитого хана Тауке, а также письма известного хана Абулмамбета (26), султанов Барака (14) и Абулфеиза (19). Немного писем сохранилось от малоизвестных казахских ханов: Каипа, сына Косроу, Жолбарыса, сына Абдаллах-хана, Пиралы, сына Нуралы, Канкожи, сына Барака, Есима, сына Нуралы, Бокея, сына Барака. Единичны письма Абылая I и Абылай-султана – тезок-предшественников великого хана Абылая, ханов Болат, сына Тауке, Сеита, сына Самеке, Кушыка, сына Турсына, Жаубасара, Батыра, сына Каипа, Каипа, сына Батыра, Таира, сына Барака. Среди этих писем особняком стоят письма ханши Бопай (24), единственной женщины-адресанта в настоящем издании. Хронологически все письма охватывают период с 1675 по 1821 год. Большинство писем публикуются впервые, а некоторые, прежде издававшиеся, даются в новом переводе. Впервые представлены факсимиле оригинальных писем казахской знати.

Письма казахской элиты, адресованные правителям соседних государств, проливают свет на многие неизученные вопросы исторического прошлого, открывают завесу внутреннего мира казахской знати, ее повседневной жизни.

Содержание писем позволяет представить значение и масштабы внешней торговли в жизни казахов и узнать о предметах этой торговли. Интересны сведения о вооружении и способах наказания у казахов.

Так, казахский хан Тауке сообщает в своем письме о наказании казахов, занимающихся грабежом караванов: кони и панцири у воров изъяты, а сами они посажены в тюрьмы. Хан Младшего жуза Абулхаир сообщал о подношении ему панцирей и прочих подарков, он же рекомендовал отнимать у воров лучших лошадей, верблюдов и панцири. Его жена ханша Бопай просила у тайного советника И.И. Неплюева три панциря для детей своих. Сын Абулхаира, хан Младшего жуза Нуралы писал императрице Екатерине II, что для пресечения похищений и продажи в рабство людей он будет воров сажать в тюрьмы. Хан Абылай требовал у российского генерал-майора И.А. Рейнсдорпа вернуть ему «один панцирь, который стрела не пробивает», а его сын Вали в письме генерал-майору Я.В. Боуверу сообщал о бесчинствах майора А.А. Скалона в Казахском улусе, убийствах 55 казахов, в том числе жены султана Чингиса, разорении 100 аулов; среди прочего Скалон награбил у казахов тысячи голов скота, панцири, шлемы, ружья, кушаки и пр. Многократно упоминаются в письмах казахской элиты ружья, луки и саадаки. Например, Абулхаир просил А.И. Тевкелева прислать ему серебряный сайдак и лук. Нуралы сообщал И.И. Неплюеву о грабежах и бесчинствах атамана Максима Пономарева, убившего много казахов и увезшего с собой много оружия, в том числе ружья, сабли, сайдаки. Хан Айшуак в своем письме князю Г.С. Волконскому сообщал о том, что его ограбили, забрав лошадей, всю одежду, три сайдака, три ружья, четыре сабли и три копья.

Отдельно стоит сказать об упоминании тигра и тигровой шкуры (в русских переводах писем – барс). Хан Абулхаир в письме к императрице Анне Иоанновне сообщал, что в окрестностях Сырдарьи много «барсов» (тигров) и других животных. В своем другом письме к ней он сообщал о том, что намеревался отправить персидскому шаху «живого барса» и всякие подарки. Бухарский хан, согласно письму Абулхаира И.И. Неплюеву, прислал ему, Абулхаиру, одного гнедого жеребца аргамака, который покрыт «барсовой кожей». Султан Среднего жуза Абулфеиз передал генерал-майору А.Д. Скалону через своего сына «барсовую кожу», а губернатору Чичерину обещал «ягу рысью». Все это наглядно свидетельствует о широком распространении тигра в степях Казахстана и его почитании казахской знатью.

В настоящей книге таких интересных сюжетов много, и мы уверены, каждый читатель найдет то, что будет интересно именно ему.

Издание открывается большой научной статьей И.В. Ерофеевой, где она в свойственной только ей манере и стиле изложения рассматривает письма казахских ханов и султанов в качестве исторического источника. Автор проанализировала историю изучения и издания эпистолярных источников; их численность, авторский состав и хронологию; материал и орудия письма; исследовала язык писем и дала характеристику писарей казахских ханов. Ею подробно изучены собственно сами письма, их жанровое многообразие и внутренняя структура; правила обозначения адресата и адресанта, приветствие, печати и место создания писем. Отдельно рассмотрены представления казахской знати о российском подданстве. Завершают книгу приложения, написанные И.В. Ерофеевой и ее коллегами – известными казахстанскими учеными М.Б. Кожа, Э.Р. Усмановой, А.Е. Рогожинским. В них авторы рассмотрели широкий спектр проблем истории Казахстана: города и аграрные поселения; внешние знаки отличия казахской элиты; тамги казахских ханов и др. Книга снабжена отличным научно-справочным аппаратом.

Издание книги «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты» соответствует нашей научно-исторической издательской деятельности, направленной на популяризацию и визуализацию исторического прошлого казахского народа.

Новый труд И.В. Ерофеевой – весомый вклад в дальнейшее изучение истории нашей страны. Мы глубоко убеждены, что это издание станет заметным явлением в исторической науке и культурной жизни Казахстана.

**Президент АО «АБДИ Компани»
Абдибек Бимендиев**

**ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАЗАХСКОЙ
ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ 1675–1821 гг.**

СБОРНИК ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ В ДВУХ ТОМАХ

Том I

Письма казахских правителей 1675–1780 гг.

От составителя

Наука история, как известно, оперирует фактами и опирается на источники. Каждый источник по-своему субъективен, что неизбежно предполагает необходимость использования в научно-исследовательской работе самых разнообразных свидетельств прошлого. Прорыв в этой сфере возможен чаще всего тогда, когда перед историком открываются новые, прежде малоизвестные и труднодоступные виды источников, а с ними и возможность выявлять новые факты, осмысливать и интерпретировать их, проникая глубже в суть предмета исследования, меняя ракурс, читая между строк, дополняя и уточняя ранее добытые знания новыми фактами, вставляя их как фрагменты мозаики в крупные исторические полотна. Новые источники и новые факты органично вплетаются в ткань реконструируемой панорамы исторических событий и тем самым образуют новую «ветку» открытий, сопоставлений, опровержений, интерпретаций, комментариев, новых интерпретаций и комментариев комментариев – то есть всего того, из чего складывается историческая наука.

Эта книга как раз относится к тому разряду изданий, что делают достоянием специалистов-историков и более широкой научной общественности большой массив новых исторических источников и новых исторических фактов. Но не одно только расширение круга доступных в наше время аутентичных письменных памятников прошлого придает ей бесспорную научно-познавательную значимость. Исторические документы, которые представлены в этом двухтомном сборнике, а именно – эпистолярное наследие казахских правителей последней четверти XVII – первой четверти XIX века – позволяет изменить прежний ракурс. До сих пор историки, изучавшие кочевое общество казахов позднего средневековья и начала нового времени, опирались главным образом на источники внешнего происхождения, созданные близкими и более удаленными иноэтничными соседями казахских племен. Теперь появилась возможность посмотреть на историю Степи «изнутри». Письменное наследие наиболее видных представителей правящей аристократической элиты казахов-кочевников – это «внутренний» источник, позволяющий услышать голос самих творцов исторического процесса, прямых участников либо свидетелей освещаемых событий, несущий в себе явную и скрытую (но выявляемую путем специального анализа) информацию о той действительно драматической и во многом переломной эпохе, которая предстает сегодня в массовом сознании великим историческим прошлым.

Письмо – такой вид исторического источника, субъективность которого «зашкаливает» уже по определению. Но герменевтический подход к источнику помогает считать безусловный «минус» обнадеживающим «плюсом». Дипломатическая переписка, сливающаяся с частной, с размытыми гранями между официальными и неофициальными стилями, тоном и «актуальной» тематикой, с высоким уровнем доверительности ко многим адресатам, отражающим и богатую палитру оттенков в эмоционально-психологических переживаниях автора, и переменчивое настроение адресата, и особый характер их взаимоотношений, открывает большой простор для интерпретации истории страны и народа через личность, через целую серию биографий конкретных людей. В этом издании многолетний либо краткосрочный период жизни каждого отдельно взятого казахского властителя отражен в собрании его писем зарубежным государственным деятелям и своим соотечественникам, а история Степи на протяжении около 150 лет раскрывается через призму 26 персональных эпистолярных собраний параллельно правивших и/или последовательно сменявших друг друга аристократических лидеров кочевников. В перспективе

такой комплексный подход к публикации аутентичных источников степного происхождения позволит глубже прояснить и понять точку зрения носителей традиционного массового сознания на причины и ход отображаемых исторических событий и их конкретную роль в этих событиях. Облегчение доступа исследователей к малоизвестной прежде группе письменных памятников, их последующее изучение и многосторонняя интерпретация сделают историю казахского народа более живой, красочной, колоритной и, в конечном итоге, – более близкой и понятной современному человеку.

Решение издать специальный сборник писем правителей Казахской степи, сохранившихся до наших дней в национальных и зарубежных архивах, было принято мной еще в 1998 г., после того, как стала вполне очевидной необходимость более широкого привлечения «степных» источников к изучению истории и культуры казахского народа, и тогда же я приступила к массовому выявлению и сбору этих исторических документов. Но поскольку системные эвристические изыскания в российских архивах и археографическая обработка выкопированных писем носили многоступенчатый и трудоемкий характер и проводились параллельно с текущей работой по разным направлениям фундаментальных исследований по общественным наукам, то процесс реализации поставленной задачи растянулся на шестнадцать лет. В течение большей части этого времени поиск архивных документов и составление сборника писем осуществлялись в тесном взаимодействии с казахстанским историком-архивистом Б.Т. Жанаевым, который выявлял и обрабатывал эпистолярные источники преимущественно более позднего хронологического периода.

Еще на начальной стадии выполнения проекта он вызвал большой интерес у отдельных отечественных меценатов, сотрудников международных неправительственных организаций и зарубежных коллег, которые не остались безучастными к проводимым исследованиям. Так, в 2000 – начале 2002 г. президент Общественного фонда «Международный фонд Абулхаир-хана» Амантай Альмукамбет профинансировал из своих собственных средств мои научные командировки в Оренбург, Санкт-Петербург и Москву и оплату копий многих исторических документов, выявленных в фундаментальных российских архивах. Позднее он создал мне необходимые материально-технические условия для своевременной научной обработки и компьютерного набора текстов писем и сам принял посильное участие в этой работе, за что выражаю ему глубокую признательность.

Почти одновременно с ним небольшой грант на реализацию проекта выделил Общественный фонд «Фонд Сорос-Казахстан», исполнительным директором которого тогда был Мурат Ауэзов; и еще один грант – Французский институт исследований Центральной Азии (IFEAC) во главе с известным востоковедом профессором Винсентом Фурньо – 1998–2002 гг., являющимся в настоящее время директором исследований по истории Центральной Азии Высшей исследовательской школы социальных наук (École des Hautes Études en Sciences Sociales – EHESS). В декабре 2004 г. г-н В. Фурньо организовал в Париже обсуждение большой группой специалистов Высшей школы предварительных результатов проделанной мной работы по подготовке будущего издания казахских эпистолярных памятников. В ходе этого обсуждения французские ученые высказали конструктивные предложения и советы, а в течение последующих двух недель у меня была возможность получить полезные консультации по отдельным вопросам источниковедения восточной дипломатики у Винсента Фурньо, профессора Национального центра научных исследований Франции (CNRS) Жана-Луи Баки-Граммона, профессора Института восточ-

ных языков и цивилизаций (Institut National des Langues et Civilisations Orientales – INALCO) Катрин Пужоль, и за это я глубоко признательна французским коллегам.

Большую практическую помощь в выявлении и копировании около 70 ценных исторических источников оказали в разные годы бывший казахстанец, а позднее российский исследователь, к.э.н. Ж.К. Хайрушин, специалисты архивного дела Е.А. Артамонова (г. Оренбург), Н.Г. Линчевская (г. Омск), Б.Т. Жанаев (г. Алматы) и И.М. Самигулин (г. Алматы). При этом изготовление копий архивных документов стало возможным благодаря организационной поддержке директора Государственного архива Оренбургской области И.Ф. Ревы – 2000–2002 гг., директора Исторического архива Омской области Н.М. Пугачевой – 2000–2001 и 2010 гг. и заведующей Отделом научно-исследовательского подразделения архивной работы ДГП «Центральная научная библиотека» Министерства образования и науки Республики Казахстан (в настоящее время – Ведомственный архив Комитета науки МОН РК) Ш.Р. Жумабаевой (2001–2003 и 2010 гг.), благожелательное содействие которых помогло реализовать поставленные задачи.

Финансовое обеспечение всех редакционно-технических, полиграфических и прочих работ по подготовке к печати и изданию двухтомного сборника писем любезно взял на себя известный отечественный меценат президент АО «АБДИ Компани» Абдибек Бимендиев, в результате чего эта книга, наконец, увидела свет.

За все время реализации проекта были обследованы фонды девяти крупных архивохранилищ России (4 – федеральных, 3 – областных, 1 – национальный и 1 ведомственный архивы) и Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК). Основной массив писем выявлен в фонде «Киргиз-кайсацкие дела» Архива внешней политики Российской империи Историко-документального департамента Министерства иностранных дел Российской Федерации, который находится в Москве. Фотокопии большинства исторических документов этого фонда с середины прошлого века хранятся в Отделе научно-исследовательского подразделения архивной работы ДГП «Центральная научная библиотека» Министерства образования и науки (МОН) РК в городе Алматы (Ф. 11), что существенно облегчило мой эвристический поиск. Большие группы писем обнаружены также в выкопированных архивистами Казахстана делах Российского государственного архива древних актов (г. Москва), в четырех крупных фондах Государственного архива Оренбургской области и в личном фонде академика Г.Ф. Миллера (1705–1783) Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). В меньшем количестве в Сборнике представлены документы из государственных архивов Омской и Астраханской областей, Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург), Архива Санкт-Петербургского института истории РАН, Национального архива Республики Калмыкия (г. Элиста) и ЦГА Республики Казахстан.

Наряду с многочисленными группами документов из вышеуказанных архивохранилищ в состав Сборника вошли послание хана Каипа I османскому падишаху Ахмеду III, сохранившееся в переводе на османско-турецкий язык в Стамбуле в архиве Топкапы-Сарайи (его электронная копия находится в ЦГА РК); и переведенные на русский язык письма степных властителей цинскому императору Цяньлуну и чиновникам Синьцзяна вместе с факсимиле их оригинальных текстов, которые были выявлены японскими и казахстанскими историками-востоковедами в Первом историческом архиве КНР в Пекине и изданы в оригинальном виде и в переводе на английский и казахский языки в Токио и Алматы. При подготовке этого издания учтены также письма, опубликованные в советских научных журналах, монографи-

ях и разных тематических сборниках исторических документов. Многие из них в свое время были изданы и сейчас переиздаются в параллельных переводах сибирских толмачей и штатных переводчиков российских провинциальных канцелярий, другие документы представлены переводами специалистов-тюркологов середины прошлого века – И.Н. Леманова, Х.Н. Леманова и Р.М. Пейгумбари.

Вместе с тем необходимо отметить, что большое количество оригинальных писем, ранее хранившихся в российских провинциальных архивах, были безвозвратно утрачены в разное время; часть тюркских документов там сохранились в дефектном виде, а отдельные уцелевшие тексты я, к сожалению, не имела возможности скопировать по техническим и иным причинам. Но несмотря на вышеуказанные трудности и проблемы, в конечном итоге удалось выявить в российских архивах и приобрести в виде копий большую группу оригинальных писем, что позволило включить их факсимильные тексты в эту книгу и перевести наиболее информативные документы на русский язык. Комментированные переводы ханских и султанских писем с чагатайского, или среднеазиатского, тюрки, среднеазиатского фарси и османо-турецкого языка подготовил ведущий научный сотрудник Института востоковедения МОН РК, к.и.н. Т.К. Бейсембиев; с литературного ойратского языка (*тодо бичиг*) – ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (г. Санкт Петербург), к.и.н. Н.С. Яхонтова, с маньчжурского языка – заведующая Отделом Дальнего Востока того же Института, к.и.н. Т.А. Пан, с китайского языка – казахстанский востоковед, д.и.н. К.Ш. Хафизова.

В целом же основную часть сборника составили 811 писем 26 представителей правящей аристократической элиты казахов, которые охватывают хронологический период с 1675 по 1821 годы. Из общей совокупности всех выявленных и обработанных документов 560 писем представлены здесь только в виде полных (подстрочных) и частично кратких (смысловых) переводов оригиналов на русский язык, 250 писем – русскими переводами и факсимиле оригинальных текстов на чагатайском тюрки и других восточных языках. Абсолютное большинство вошедших в сборник исторических документов прежде не публиковались и сейчас впервые станут доступны широкому кругу читателей.

Основную часть переведенных писем последней четверти XVII – начала XIX в. в сборнике составляют тексты, подготовленные российскими толмачами и профессиональными переводчиками того времени; остальные документы издаются в современных переводах на русский язык (под литерой а), к которым прилагаются (под литерой б) старые русские переводы, если таковые были обнаружены в обследованных архивах. Тексты параллельных переводов воспроизведены по современным нормам грамматики русского языка с сохранением орфографических и стилистических особенностей оригинала. Непрочитанные слова и словосочетания показаны отточиями, заключенными в квадратные скобки. Пропущенные слова и окончания слов воспроизведены в квадратных скобках. Имена собственные, социальные термины, этнические и географические названия даны в транслитерации оригинального перевода.

Примечания составителя и/или переводчика к тексту перевода, идентифицирующие личность адресанта и поясняющие дату создания либо получения письма адресатом, отмечены арабскими цифрами и помещены ниже текста документа. Порядковые номера комментариев к содержанию письма заключены в квадратные скобки и расположены построчно внутри текста.

Поскольку письма казахских правителей, как отдельная разновидность источников по истории и культуры Степи и казахского народа позднего средневековья

и начала нового времени, фактически не исследованы в исторической науке, возникла необходимость включить в структуру Сборника специальную источниковедческую статью, посвященную этой категории письменных памятников. История жизни и правления 26 авторов писем изучена также в недостаточной мере, поэтому я посчитала нужным сопроводить переводы составленных ими текстов краткими историко-биографическими очерками об этих ханах и султанах. В очерках даны конкретные ссылки на исторические документы и специальные исследования, освещающие их военную и общественно-политическую деятельность, что дает возможность читателям, желающим получить более полную информацию об исторической биографии интересующего правителя, обратиться к соответствующим письменным источникам, научным статьям и монографиям. Кроме того, переводы писем сопровождаются в издании серией кратких историко-биографических справок об адресатах степных монархов, которые выделены здесь в самостоятельный раздел и расположены внутри него в алфавитном порядке, так как некоторые российские государи и чиновники вели на протяжении целого ряда лет более или менее интенсивную переписку со своими степными «корреспондентами», и имена этих лиц многократно фигурируют в собраниях писем разных параллельно правивших казахских властителей.

Издаваемые переводы писем изобилуют личными, этническими и географическими именами, конкретными фактами частно-семейной жизни и более широкого социального значения, которые трудно идентифицировать без специального исследования, что обусловило необходимость дополнить эти тексты детализированными пояснениями в отношении упомянутых в них персоналий, географических названий мест, социальных терминов, хроники исторических событий и прочих жизненных реалий того времени. При подготовке комментариев были использованы другие виды исторических источников, в том числе малоизвестные делопроизводственные документы из российских архивов, описывающие те же события; и в некоторых случаях я посчитала полезным дать подробные пояснения сведениям, найденным в этих источниках. Сюда же были включены и краткие примечания более общего характера, предназначенные для неспециалистов, интересующихся историей Казахстана и Средней Азии. В этой работе мне оказал ценную помощь молодой казахстанский исследователь-историк, вчерашний выпускник Университета Сорбонны Маджер Масанов, снабжая необходимой справочной и библиографической информацией, отдельными англо- и франкоязычными изданиями, которые недоступны в Алматы.

Существенным дополнением к комментариям являются также научные статьи, освещающие отдельные малоизученные стороны жизни и деятельности степных ханов и султанов, их личных взаимосвязей с инокультурными соседями, внешнего оформления своего высокого статуса в традиционном кочевом обществе и материально-урбанистической инфраструктуры власти этих аристократических лидеров на территории расселения зависимых от них групп казахов-кочевников.

Русские переводы и оригинальные тексты писем казахских правителей выявлены в разных архивах и прежних изданиях и научно обработаны ведущим научным сотрудником Казахского научно-исследовательского института культуры Министерства культуры и спорта РК к.и.н. И.В. Ерофеевой. Ей же написаны вводная источниковедческая статья, историко-биографические очерки о ханах и султанах, комментарии к письмам и три научные статьи (одна в соавторстве) в Приложении к основному содержанию сборника. Дополнительную археографическую обработку текстов переводов осуществил ведущий специалист Национального центра архе-

ографии и источниковедения РК Б.Т. Жанаев. Оригинальные тексты писем идентифицировал с русскими переводами Т.К. Бейсембиев, подготовили их к изданию И.М. Самигулин, М.Н. Масанов и К.К. Карпун.

Историко-биографические справки об адресатах посланий казахских ханов и султанов составили: М.Н. Масанов, к.и.н. С.В. Тимченко, д.и.н. К.Ш. Хафизова, старший научный сотрудник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН к.и.н. В.Т. Тепкеев, доцент кафедры Истории Центральной Азии и Кавказа Санкт-Петербургского государственного университета, к.и.н. З.А. Джандосова; комментарии к текстам отдельных документов – Т.К. Бейсембиев [Док. № 1, 4 (п. 1), 8 (п. 1), 14 (п. 2, 4), 23 (п. 2), 83а, 188 (п. 5), 189а (п. 1, 2), 192а (п. 1). 342 (п. 1–6), 343 (п. 1), 350 (п. 1–7), 354 (п. 1–4, 9), 362 (п. 1, 2), 524 (п. 2), 644 (п. 1–3), 742 (п. 1)]; З.А. Джандосова [Док. № 3 (п. 2, 3), 4 (п. 2), 202 (п. 3, 4), 486 (п. 4)]; В.Т. Тепкеев [Док. № 93 (п. 1), 260 (п. 1), 521 (п. 1)] и К.Ш. Хафизова [Док. № 253б (п. 1–6), 486 (п. 6)].

Научные статьи, включенные в состав Приложения, подготовили казахстанские историки: ведущий научный сотрудник Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете им. акад. Е.А. Букетов Э.Р. Усманова, профессор Международного Казахско-Турецкого университета им. Ахмеда Ясауи д.и.н. М. Б. Кожа, ведущий научный сотрудник Историко-культурного и природного заповедника-музея Тамгалы к.и.н. А.Е. Рогожинский; указатели имен и географических названий – И.В. Ерофеева и М.Н. Масанов.

Большой иллюстративный материал предоставили АО «АБДИ Компани», С.В. Дмитриев (РЭМ, г. Санкт-Петербург), доктор Ph.D Р. Сала и Ж.-М. Деом (лаборатория геоархеологии при историческом факультете КазГУ им. аль-Фараби).

Я благодарна руководству АО «АБДИ Компани» за финансовую поддержку проделанной работы, которая позволила реализовать этот проект. Хочу выразить также свою признательность всем моим коллегам, которые тем или иным способом содействовали мне в исследовательской деятельности и подготовке сборника писем. В их число входят: экс-советник по культуре Посольства Франции в Республике Казахстан (2000–2004 гг.) Клод Круай, д.и.н. Т.И. Султанов (СПбГУ), проф. С.Г. Кляшторный и к.и.н. Н.С. Яхонтова (ИВР РАН), д.и.н. Г.С. Султангалиева (КазГУ им. аль-Фараби), к.и.н. К.З. Ускенбай, М.Р. Сатенова (ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова МОН РК), М.Ж. Садыкбек (директор Гос. историко-культурного заповедника-музея Азрет-Султан), Е.Х. Хорош (Нац. комитет по всемирному наследию при Нац. комиссии РК), к.г.-м.н. С.В. Перевозов (Институт геологических наук им. К.И. Сатпаева МОН РК), Р. Сала и Ж.-М. Деом.

Письма казахских ханов и султанов последней четверти XVII – середины XIX в. как исторический источник

Изучение истории казахского народа эпохи позднего средневековья и нового времени основывалось в течение двух последних веков главным образом на документах, происшедших из среды российской бюрократии и частично – на рукописных сочинениях придворных восточных хронистов, которые освещали современную им общественно-политическую и культурную жизнь казахов-кочевников с мировоззренческих позиций своих этнических групп. В обоих этих комплексах исторических источников отражение многих событий и явлений кочевого прошлого казахского народа и межэтнических отношений в доиндустриальный период носит фрагментарный и односторонний характер. В условиях относительного дефицита письменных памятников степного происхождения особое значение для изучения истории и культуры традиционного кочевого общества казахов приобретают письма казахских ханов и султанов последней четверти XVII – середины XIX в., так как в них зафиксированы непосредственные свидетельства, впечатления и представления самих участников исторических событий об этих событиях.

Как самостоятельный вид письменных источников эпистолярное наследие (от греч. *epistolē* – письмо, послание) казахов-кочевников представляет собой комплекс сходных по внешней форме и условному формуляру документов официального и личного происхождения, которые выполняли функцию установления определенных правовых, политических, деловых и иных взаимоотношений между конкретными официальными, либо частными лицами. К нему относятся следующие группы исторических документов:

- письма суверенных и / или формально зависимых от русского царя представителей правящей элиты казахского кочевого общества равным им по юридическому статусу восточным и российским монархам и влиятельным чиновникам соседних государств;

- послания правителей трех жузов, реально подчинявшихся власти царского правительства, российским императорам-сюзеренам, государственным учреждениям и конкретным должностным лицам чиновничье-бюрократического аппарата Российской империи, а также равным себе по правовому статусу соотечественникам (письма, представления, обращения, сообщения, доношения (с XIX в. – донесения), рапорты, уведомления, отношения, записки, показания, объяснения, прошения, заявления);

- распорядительные документы казахских ханов внутрискепного назначения (указные грамоты, письма, предписания, обвещительные грамоты, или уведомления; приказы, объявления), адресованные нижестоящим структурам власти – правящим элитам локального уровня (родовым старшинам, биям, членам органов «магистратского» самоуправления присырдарьинских городов и т.п.);

- письма ханов и султанов своим сыновьям, другим близким родственникам и знакомым как наделенным властными полномочиями, так и не имеющим таких полномочий.

В современном источниковедении и эпистографии письменных источников, близких друг к другу по происхождению, структуре и содержанию, к категории эпистолярных источников обычно относят частные письма, то есть источники личного происхождения и содержания, а все разновидности официальных писем – к делопроизводственной документации [Античная эпистография, 1967; Чехович, 1969. С. 75–82; Каштанов, 1970; Кумеков, Настич, Шушовцов, 1977. С. 73; Усманов, 1979. С. 5–18; Источниковедение, 1981. С. 237–276; Сметанин, 1981; Григорьева, 1984. С. 289–303; Голиков, Круглова, 2000. С. 119–189, 256–303, 394–435; Данилевский, Кабанов, Медушевская, Румянцева, 2004. С. 256, 392–408, 466–487, 634–647]. Однако общепринятые научные критерии деления писем на вышеуказанные видовые комплексы не позволяют отделить внутри большой совокупности письменных текстов, состав-

ленных казахами-кочевниками, делопроизводственные документы от личных посланий, так как условные границы между ними здесь являются взаимопроницаемыми и размытыми.

Отсутствие существенных различий между двумя этими видами по основным системообразующим признакам во многом обусловлено феноменом *межличностного общения в традиционной организации институтов власти* у кочевых народов Евразии, когда верховный правитель-хан осуществлял свои властные полномочия посредством прямых персонафицированных контактов с нижестоящими в степной иерархии элитными группировками кочевников и в *адаптированной к ней почти двухвековой традиции политических взаимоотношений степных адресантов-ханов со своими постоянными зарубежными корреспондентами* (калмыцкими ханами, джунгарскими хунтайджи, российскими и цинскими чиновниками и т.п.) [Масанов, Абылхожин, Ерофеева и др. 2000. С. 126–128; Ерофеева, 2007. С. 61–65, 309–312]. В таких системах переписки создателями официальных посланий, адресованных влиятельным чиновникам соседних государств и соотечественникам-степнякам, являлись не какие-то абстрактные, формально обезличенные ретрансляторы клановых и этнических интересов, наделенные правом принятия ответственных решений, а конкретные индивидуумы со своими собственными политическими амбициями, ценностными предпочтениями и пристрастиями, что дает основание говорить об официально-личной природе ханских и султанских писем.

Другая характерная особенность рассматриваемых коммуникаций заключалась в долговременном сохранении *патерналистской формы двусторонних отношений степных правителей с их непосредственными патронами* – оренбургскими и сибирскими губернаторами, их ближайшими помощниками и командирами пограничных войск, которым адресовано наибольшее количество письменных посланий титулованных лидеров кочевников [Масанов, Абылхожин, Ерофеева и др. 2000. С. 126–127]. Она придавала многим обращениям казахских ханов и султанов к этим персонам доверительный характер, наложив на официальные тексты писем четкий отпечаток субъективных взглядов, интересов и настроений их создателей. В связи с отмеченными обстоятельствами отнесение мной всех перечисленных выше групп письменных посланий казахов-кочевников к категории эпистолярных памятников обусловлено не только взаимным сходством внешней формы и нормативных схем построения этих источников, но и синкретичным официально-личным характером их происхождения и содержания.

Одним из наиболее очевидных проявлений этого синкретизма можно считать совмещение в начальном протоколе условного формуляра писем этикетных форм обозначения и приветствия адресата с неформальными образцами приветственного обращения к нему, отражающими субъективное отношение автора послания к конкретной персоне; а в предметно-тематической части содержания текстов – информации о насущных проблемах межэтнических и внутрискочевых межгрупповых отношений с изложением лично значимых для него самого эпизодов общественной и частной жизни. Индивидуальные черты некоторых разрядов эпистол заметны усиливают отвлеченные рассуждения их творцов на так называемые «вечные темы»: о силе и бессилии политической власти, о природе человека и несовершенстве общественных нравов; использование стилистических возможностей переписки для интеллектуального обоснования в посланиях к высокопоставленным российским персонам своих личных честолюбивых интересов и амбиций, обращение к этической стороне человеческих взаимоотношений и поступков, наличие в отдельных письмах дидактических подтекстов.

К числу других примечательных особенностей ханских и султанских писем следует отнести свободную стилистику авторской речи, отличающуюся широким спектром эмоциональных оттенков; присутствие в ней элементов сознательной фольклорной стилизации текстов, близость некоторых лексических конструкций писем к живому разговорному языку. В целом же все вышеприведенные характеристики эпистолярного наследия казахской правящей элиты позднего средневековья и нового времени однозначно свидетельствуют о том, что

оно занимает маргинальное положение по отношению к актовым материалам (дипломатике) и некоторым другим разновидностям делопроизводственной документации – с одной стороны, и к частной переписке – с другой, так как в условном формуляре и содержании подавляющего большинства степных писем присутствуют характерные черты обоих этих видов исторических источников.

Становление и развитие традиции межличностного письменного общения и обмена информацией в казахских жузах было обусловлено насущной жизненной потребностью в поддержании более или менее стабильных политических и экономических взаимоотношений с иностранными соседями, общими интересами обороны или военного наступления против неприятеля, необходимостью разрешения разного рода межклановых противоречий и конфликтов внутри кочевого общества и многими другими факторами. Все эти коммуникативные функции традиционно выполняли в Казахской степи облеченные властными прерогативами выходцы из наследственной кочевой аристократии *белой кости* (*ақ сүйек*), которые периодически письменно обращались к нижестоящим в степной иерархии представителям кочевой знати *черной кости* (*қара сүйек*) и правящим монархам других государств с целью обеспечения злободневных общественных нужд и потребностей подвластного им населения, либо – в интересах внешней безопасности. Поэтому на протяжении более чем двух веков творцами эпистолярных документов внутрискепного и внешнего назначения являлись в основном титулованные правители кочевников, их братья, жены, сыновья и прочие близкие родственники. Менее многочисленную группу адресантов в то время составляли старшины-родоправители, представлявшие собой субъектов власти локального уровня. Простые кочевники в подавляющем большинстве своем письма не создавали, предпочитая в случае необходимости обращаться за содействием в налаживании внешних коммуникаций к вышестоящим на иерархической лестнице степным посредникам.

Постоянными адресатами казахских правителей во второй половине XVII – середине XIX в. были бухарские, хивинские и калмыцкие ханы, джунгарские хунтайджи и русские цари, а позднее наряду с российским императорским домом и правящими среднеазиатскими династиями Мингов, Мангитов и Кунградов – цинские богдыханы. Кроме того в рассматриваемый период казахские ханы и султаны вели переписку с отдельными монархами Османской империи и шиитского Ирана. Основную часть всей совокупности написанных ими писем составляли послания, адресованные иноземным государям, поэтому большинство казахских источников отложилось на территории зарубежных стран. В настоящее время самый крупный массив писем казахских правителей, созданных в течение XVIII в., хранится в трех федеральных (АВПРИ, РГАДА, РГИА) и трех провинциальных архивах России (ГАОО, ГАОрО, ИАОО), большие комплексы эпистолярных документов первой половины XIX в. – в различных российских архивах и Центральном государственном архиве Республики Казахстан; относительно малочисленные группы ханских посланий разных лет рассеяны по национальным архивам Китая, Турции и Узбекистана.

Письма казахских ханов, султанов и старшин последней четверти XVII – середины XIX в. являются ценными источниками для изучения истории и культуры кочевого общества казахов, но они пока еще недостаточно используются исследователями-номадооведами. Их очевидное преимущество в сравнении с другими письменными источниками того периода заключается в том, что здесь более точно и детально, чем в различных документах внешнего происхождения, зафиксированы многие исторические события, происходившие тогда внутри Казахской степи и в соседних южных и юго-восточных странах Центральной Азии. Причем, в ханских и султанских письмах изложена точка зрения самих участников или прямых свидетелей освещаемых событий; в чем они выгодно отличаются от разного рода доношений, докладов, рапортов, представлений и служебных записок российских и цинских чиновников.

По отношению к придворным мусульманским хроникам XVIII – середины XIX в. особая научная значимость писем определяется наличием в их содержании минимального

разрыва во времени между календарными датами письменной фиксации исторических событий и хронологией этих событий, непосредственным характером их восприятия и освещения, тогда как рукописные сочинения среднеазиатских историков несут на себе заметную печать определенной идеологической обработки текстов и более позднего переосмысления исторических фактов.

С этой точки зрения письма казахских ханов, султанов и старшин имеют приоритетную научно-практическую значимость по отношению не только к письменному ретроспективному нарративу XVIII – начала XX в., но и к устным преданиям казахов о своем историческом прошлом, так как последние представляют собой многослойный и многократно субъективизированный исторический источник и поэтому могут использоваться в основном по принципу дополнительности в комплексе с аутентичными письменными источниками [об ограниченном информационном потенциале фольклора (преданий и легенд) для реконструкции точного времени, места и исторической хроники событий см.: *Соколова*, 1960; *Соколова*, 1981; *Пронн*, 1976; *Каскабасов*, 1990 и др.]. Кроме того, письма являются ценными источниками по казахской дипломатике, генеалогии, просопографии, сфрагистике, топонимике и ономастике; т.е. по тем сложным проблемам истории и культуры традиционного кочевого общества, которые относятся к предметной области целого ряда специальных научных дисциплин и пока еще слабо изучены в исторической науке.

История изучения и издания. Начало изучению и изданию писем степных правителей-джучидов, адресованных иностранным государям, положено в середине XIX в., когда в России впервые были опубликованы оригинальные тексты и переводы тарханных грамот и ярлыков золотоордынских, казанских и крымских ханов [библиографию этих изданий см.: *Григорьев*, 1974. С. 188–200; *Усманов*, 1979. С. 300–316]. Тогда же известный русский исследователь Я.В. Ханыков издал в Санкт-Петербурге на языке оригинала и в русском переводе два арабописьменных документа официальной переписки между ханом Младшего жуза Абулхаиром и иранским шахом Надиром, составленных на среднеазиатских фарси и турки [*Ханыков*, 1851. Приложение. С. 1]. В 1862 г. оба текста были переизданы И.Н. Березиным во втором томе «Турецкой хрестоматии», в разделе, посвященном чагатайскому языку [Турецкая хрестоматия, 1862. С. 18–20]. Два года спустя после ее выхода в свет В.В. Вельяминов-Зернов подготовил и опубликовал объемный сборник дипломатических документов по истории Крымского ханства, выявленных в 1858 г. преподавателем Петербургского университета Х. Фаизхановым из Московского Главного Архива Министерства иностранных дел [Материалы, 1864]. Абсолютное большинство из 378 включенных в него документов составили официальные послания крымских ханов и султанов русским царям и монархам Польско-Литовского государства, которые были изданы на языке оригинала без перевода на русский язык и каких-либо пояснительных примечаний к историческим текстам.

Во второй половине XIX в. российские историки начали обследовать в Московском Архиве иностранных дел наряду с собранием дипломатических документов крымско-татарского происхождения фонды «Ногайские дела» и «Турецкие дела». Основным результатом проведенного ими выявления и археографической обработки неизвестных аутентичных источников позднесредневековой эпохи стало издание в 1884 и 1895 гг. двух тематических сборников документов по истории взаимоотношений Русского государства с Крымским ханством, Османской империей и Ногайской ордой [Памятники, 1884; Памятники, 1895]. В состав обоих томов вошло более 30 русских переводов грамот правителей Крыма, отдельных казанских ханов, ногайских мирз и князей, адресованных московским великим князьям.

Вслед за дореволюционными российскими историками более десяти посланий (*битиков*) и жалованных грамот (*ярлыков*) золотоордынских, крымских и среднеазиатских монархов, найденных в Стамбуле во дворце-музее Топкапы, собрал, перевел и издал в 1940 г. востоковед Акдес Нимет Курат [*Kurat*, 1940]. В этом издании к турецким переводам текстов исторических документов приложены факсимиле грамот, научные комментарии составителя, ука-

затели использованных источников и литературы. Другая группа дипломатических писем разных представителей крымско-татарской династии джучидов, извлеченных из архивных фондов Топкапы, была изучена и опубликована в 1978 г. в отдельном тематическом сборнике документов по истории Крымского ханства французскими историками А. Беннигсеном и Ш. Лемерсье-Келькеже [Le Khanat, 1978]. Письма Гиреев представлены здесь в факсимильных подлинниках и французских переводах с чагатайского тюрки, снабжены обширным авторским предисловием и научными комментариями к оригинальным текстам.

Во второй половине прошлого века и в новейшее время письма золотоордынских, крымских, казанских и астраханских ханов и султанов стали объектом научных исследований, переводческой деятельности и темой специальных публикаций некоторых советских и современных российских историков, хотя многие из них были известны науке еще двести с лишним лет назад. В разные годы этим и вновь выявленным тюрко-татарским документам посвятили научные статьи и отдельные разделы в монографиях С.Е. Малов, Т.И. Султанов, М.А. Усманов, А.П. Григорьев, Ф.М. Хисамова, С.Ф. Фаизов, И.В. Зайцев и другие ученые [Малов, 1953, С. 187–195; Султанов, 1978. С. 234–251; Усманов, 1979; Хисамова, 1999; Фаизов, 2002; Фаизов, 2003; Зайцев, 2004. С. 49–81; Зайцев, 2011. С. 17; Григорьев, 2006. С. 74–142].

Параллельно с переводом и введением в научный оборот малоизвестных письменных материалов золотоордынских и крымских правителей-джучидов начали целенаправленно изучаться и издаваться на языке оригинала *тодо бичиг* («ясное письмо») письма калмыцких ханов и ойратских тайджи. В дело их выявления, публикации, перевода и интерпретации многих трудных для понимания монголоязычных терминов и понятий большой вклад внесли германский востоковед Дж. Крюгер [Kruiger, 2002], калмыцкие филологи Д.А. Сусеева, Д.Б. Гедеева и А.Т. Хараева [Сусеева, 2003; Письма, 2004; Сусеева, 2009; Сусеева, Хараева, 2009], историки Ш.Б. Чимитдоржиев, В.Т. Тепкеев и другие исследователи [Чимитдоржиев, 1961. С. 95–101; Тепкеев, 2009. С. 621–624; Тепкеев, 2010. С. 94–100].

В отличие от дипломатики Золотой Орды, Крымского, Джунгарского и Калмыцкого ханств письма казахских ханов и султанов долгое время не привлекали к себе должного внимания профессиональных историков, хотя русские переводы некоторых из них иногда публиковались в периодических изданиях и тематических сборниках исторических документов [Фукс, 1832; Русанов, 1861; Потанин, 1867; Середа, 1992. С. 35–36; 49–50; Алекторов, 1892а; Добросмыслов, 1900, С. 58–60; Дмитриев-Мамонов, 1907. С. 139–140; Серебренников, 1912. Док. № 16. С. 32–33; док. № 38. С. 70–72; док. № 39. С. 73; Серебренников, 1914. Док. № 5. С. 59 (приложение); док. № 21. С. 131–132 (приложение 1–2); док. № 22. С. 135 (приложение 1); док. № 36. С. 150–152 (приложение 1–3); док. № 55. С. 200–201 (приложение 2); док. № 66. С. 215 (приложение); Рязанов, 1924. С. 11–12]. Историографическая ситуация в этой сфере заметно изменилась только после обретения Казахстаном государственной независимости, когда казахстанские и зарубежные историки приступили к выявлению в Первом историческом архиве Китая и Центральном государственном архиве Республики Казахстан письменных источников казахского происхождения середины XVIII – первой половины XIX в. и их переводу на литературный казахский и английский языки. Одним из важных результатов проделанной в этом направлении научно-исследовательской и археографической работы стал выход свет подготовленных сотрудниками Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова МОН РК Б. Еженханулы, А.К. Муминовым, Н. Базылханом, С. Сунгатаем и другими историками во главе с М.Х. Абусейтовой совместно с китайскими коллегами отдельных томов будущего многотомного издания документов по истории дореволюционного Казахстана (на языках оригиналов и в переводе на казахский язык), выявленных в государственных архивах КНР. В состав этих томов вошло шесть ранее неизвестных ученым дипломатических посланий степных правителей чиновникам Синьцзяна, составленных на чагатайском, ойратском и маньчжурском языках [Сборник, 2007; Қазақстан тарихы, 2006. № 14. 24–26 құжаттары; Қазақ хандығы, 2009. № 198 құжат]. Четыре из них написаны султаном (с 1771 г. – ханом) Абы-

лаем, два послания – его сопровителем в Среднем жузе султаном Абулфеизом. Факсимиле оригинальных текстов степных властителей и их казахские переводы помещены в изданиях вместе с переведенными на казахский язык сопроводительными документами китайского происхождения и научными комментариями составителей. В них обстоятельно освещены конкретные исторические обстоятельства создания и получения в Синьцзяне казахских посланий, приведены основные сведения об их адресатах, даны компетентные интерпретации встречающихся в казахско-китайской переписке малоизвестных понятий.

Аналогичную по содержанию исследовательскую и археографическую работу провели в те же годы японские специалисты Т. Онума и Дж. Нода, занимающиеся изучением политической истории нового времени центральноазиатских стран. В частности, Т. Онума обнаружил в Первом историческом архиве Китая и издал в 2006 г. аутентичную копию первого письма Абылая цинскому императору Цяньлуну (1757 г.), написанного ойратским письмом (*тодо бичиг*) [Onuma, 2006. P. 12. Doc. C]. Раньше оно было известно историкам-востоковедам только по опубликованной в 1991 г. казахстанским китаеведом К.Ш. Хафизовой маньчжуро-китайской редакции оригинального текста, которая составлена с позиции традиционной синоцентристской геополитической доктрины и потому не совсем адекватно передает подлинный смысл письменного обращения султана Абылая к цинскому богдыхану [Хафизова, 1991. С. 52].

Четыре года спустя Т. Онума и его коллега Дж. Нода совместно подготовили и издали на английском языке специальный научный труд под названием «Сборник документов казахских султанов, адресованных династии Цин» [Noda, Onuma, 2010. Doc. A–P]. В первом разделе этой работы представлены английские переводы и факсимильные подлинники 16 посланий правителей Среднего жуза (ханов Абылая и Тахира, султанов Абулфеиза, Канкожи, Бопы, Жоши, Губайдуллы и Алтынсары) китайским императорам Цяньлуну и Даоуну и разным синьцзянским администраторам Цинов, в том числе 12 ранее неизвестных писем, выявленных в фондах Первого исторического архива КНР. В специальных научных комментариях к содержанию этих писем составители издания поместили наряду с конкретными пояснительными примечаниями информационно-справочного характера подстрочные английские переводы с маньчжурского языка ответных посланий цинских чиновников султанам Среднего жуза.

В трех других разделах «Сборника» изложены основные результаты проведенного японскими историками научного исследования дипломатической переписки правителей Среднего жуза с полномочными заместителями цинских императоров в Синьцзяне [Noda, Onuma, 2010. Chapters 2, 3]. Здесь высказаны интересные мысли и суждения об эволюции системы пожалования сословных титулов казахским султанам династией Цин и самого характера казахско-китайских отношений на протяжении второй половины XVIII – первой четверти XIX в., что в свою очередь убедительно свидетельствует о недостаточной изученности этой сложной проблемы в исторической науке. В целом же за последние два десятилетия в Первом историческом архиве Китая выявлено, изучено в источниковедческом отношении и опубликовано в научных изданиях 19 оригинальных дипломатических посланий степных правителей, написанных на чагатайском (среднеазиатском) тюрки и литературных ойратском и маньчжурском языках. Благодаря изданиям казахстанских и японских историков достоянием современной науки впервые стали оригинальные письма казахских ханов и султанов правящим монархам династии Цин и их синьцзянским заместителям на северо-западной периферии Китая, которые в течение долгого времени оставались труднодоступными для зарубежных исследователей-номадоведов.

Основной массив писем казахских ханов и султанов составляют послания, адресованные царствующим представителям российской императорской династии и чиновникам местной администрации, которые отложились в различных архивах России и Центральном государственном архиве Республики Казахстан. Начало массовому выявлению и изданию этих исторических документов было положено в советский период, но приобрело наиболее интенсивный характер только в постсоветские годы.

В последнее время установлено, что в эпоху позднего средневековья подлинники и переводы писем казахских ханов и султанов русским царям хранились в Российском государстве в так называемых «посольских книгах» – специальных собраниях документов Посольского приказа по межгосударственным связям в разделе «приезд» [Шмидт, 1958. С. 364–407; Масанов, 1966. С. 18; Исин, 1988. С. 161–170]. В частности, в описи царского архива, составленной в период между 1572 и 1575 гг. в Москве, указывается, что там в ящике 38-м хранились «книги и списки казатские при Касыме-царе» (казахском хане Касыме; 1509–1521 гг. – годы правления) [Описи, 1960. С. 23], т. е. тексты посланий степных правителей, а также статейные (вестевые) списки и распросные речи их посланников, не дошедшие до нашего времени.

Подлинники писем казахских ханов и султанов трех последних десятилетий XVI в. также не сохранились в российских архивах, но в первой четверти XIX в. Н.М. Карамзину, а позднее А.И. Левшину [Карамзин, 1824. Прим. 332; Левшин, 1996. С. 156–157] удалось обнаружить в одной из коллекций документов Посольского приказа (фонд «Киргиз-кайсацкие дела») Московского Архива Коллегии иностранных дел (сейчас – Российский государственный архив древних актов) тексты переводов на русский язык двух официальных посланий племянника казахского хана Таввакула (1583–1598) султана Ураз-Мухаммеда русскому царю Федору Иоанновичу 1594 и 1595 гг., которые в середине прошлого века были опубликованы казахстанскими исследователями Ф.Н. Киреевым, А.К. Алейниковой, Г.И. Семенюком и Т.Ж. Шоинбаевым в сборнике исторических документов «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.» [КРО-1. Док. № 2. С. 5; док. № 8. С. 11–12].

После завоевания Сибири, когда южные границы России приблизились к северным и восточным рубежам казахских кочевий, дипломатические контакты казахских ханов и султанов с российскими властями заметно оживились. В XVII–XVIII вв. они осуществлялись в основном через пограничную администрацию Западной Сибири, поэтому главными местами поступления и хранения письменных посланий казахских монархов русским царям стали воеводская канцелярия Тобольска, в меньшей степени – канцелярии Тюмени и Томска.

Однако почти все скопившиеся там с начала XVII в. документы по истории казахов и других тюркоязычных народов Евразии позднее погибли в результате многочисленных пожаров, уничтоживших множество деревянных строений сибирских городов. В Тобольске большие пожары происходили в 1620, 1629, 1645, 1679, 1757 и 1788 гг. Самым крупномасштабным из них по охваченной территории был пожар 1788 г., в результате которого в городе сгорело 1000 домов, в том числе здание губернского архива, где хранились дела бывших сибирских воеводств [Недашковский, 1914. С. 81, 106]. В Москве архив Посольского приказа, как известно, сильно пострадал от огня в 1812 г. Именно тогда там погибло большинство хранившихся в нем со времени правления Василия III казахских дипломатических писем, адресованных русским государям. Среди степных эпистолов, отложившихся в течение XVII – первой половины XVIII в. в Тобольском губернском и Московском посольском архивах, до нашего времени сохранились только 21 дипломатическое послание казахских ханов, которые сегодня представлены исключительно в переводах тобольских торговых «бухарцев» и служилых татар. Это: семь писем хана Тауке II (не позднее 1672–1715) царям Петру I и Ивану V совместно и тобольскому воеводе А.Ф. Нарышкину 1687 и 1691–1693 гг., по одному письму его зятя некоего хана Абылая [I], султана Каипа и родного брата последнего Абылай-султана тем же адресатам от 20 ноября 1692 г.; семь писем Каипа, ставшего не позднее 1711 г. ханом, Петру I, сибирскому губернатору М.П. Гагарину и казанскому губернатору П.С. Салтыкову 1712 и 1715–1718 гг.; три письма хана Абулхаира русскому царю и губернатору Сибири 1715 и 1718 гг. и одно письмо его младшего брата султана Булхаира (ум. в конце 1730-х гг.) Петру I, полученное в Тобольске 10 октября 1718 г.

В 1734 г. российский историк Г.Ф. Миллер, находясь в составе научно-исследовательской экспедиции на территории Западной Сибири, сделал в Тобольском архиве рукописные копии русских переводов этих писем и оригинального текста последнего письма Тауке-хана,

составленного на среднеазиатском фарси, которые позднее отложились в его личном фонде в Архиве Российской Академии наук [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12; Д. 14. «Списки Тобольской архивы»]. В связи с последующей утратой основного корпуса документов Тобольского архива миллеровские копии приобрели значение важнейших первоисточников по истории дипломатических отношений казахских жузов с Россией. В конце XIX–XX в. девять из них были опубликованы в разных документальных сборниках («Памятники Сибирской истории XVIII в.», «Материалы по истории Башкирской АССР», «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв.»), остальные письма еще не издавались и до сих пор малоизвестны специалистам по истории Казахстана.

После принятия в 30–40-х гг. XVIII в. ханами и влиятельными султанами Младшего и Среднего жузов российского протектората политические контакты правящей казахской элиты с царским правительством приобрели относительно регулярный характер. При этом основание в 1735 г. на северо-западных рубежах казахских кочевий нового административного центра – Оренбурга и перемещение в середине XVIII в. органов военно-административного управления сибирскими пограничными линиями из Тобольска в новооснованный на юго-востоке империи г. Омск явились важными факторами, способствовавшими более интенсивному развитию политических контактов степных ханов и султанов с российскими монархами и представителями царской пограничной администрации на Южном Урале и в Западной Сибири.

Прямым свидетельством динамичного развития русско-казахских коммуникаций можно считать резко возросшее к середине XVIII в. количество письменной корреспонденции из Казахской степи в фондах столичных и провинциальных государственных учреждений России. В это время наряду с письмами, адресованными российским монархам и имперским чиновникам разных должностных рангов, в губернские канцелярии Оренбурга, Астрахани и Омска эпизодически поступали дипломатические послания казахских ханов и султанов джунгарским, калмыцким и среднеазиатским монархам, которые доставлялись в приграничные российские города как их прямыми адресатами, так и русскими служилыми людьми, побывавшими в кочевьях казахов.

Самым ранним по дате написания из известных нам оригинальных текстов казахских ханов и султанов, отложившихся в фондах Коллегии иностранных дел Архива внешней политики Российской империи МИД России, является послание хана Младшего жуза Абулхаира императрице Анне Иоанновне с просьбой о представлении ему с подвластным народом российской «протекции», доставленное его посланниками в Петербург 8 сентября 1730 г. по юлианскому календарю. Факсимильный вариант этого исторического документа трижды, а два русских перевода его с литературного тюрки (1730 г. и 1960 г.) дважды издавались в советский период в Алма-Ате и в Москве [МИПСК. Док. № 1. С. 9 (современный перевод), С. 10 (факсимиле подлинника); КРО-1. Док. № 25. С. 35 (современный перевод), С. 36 (факсимиле); МОЦА-1. Док. № 106. С. 272 (факсимиле), С. 273 (перевод XVIII в.)]. Позднее функционально-стилистические особенности официального языка и социальной терминологии этого источника стали одним из объектов специального исследования тюрколога-лингвиста Ф.М. Хисамовой [*Хисамова*, 1999. С. 211–221]. Большинство других посланий Абулхаира и его титулованных казахских современников, написанных в конце 30-х – 70-х гг. XVIII в., сохранились до нашего времени не только в переводах на русский язык, но и в подлинниках на чагатайском тюрки.

В середине XVIII – первой половине XIX в. письменная корреспонденция, поступавшая из Степи в Тобольск, Омск, Оренбург и Петербург, исходила от широкого круга аристократических лидеров казахов-кочевников, что в немалой степени предопределило ее относительную многочисленность. Другим важным фактором, способствовавшим многократному увеличению в тот период общего количества казахских писем, адресованных царскому правительству, явилось установление степными ханами, султанами и наиболее влиятельны-

ми родовыми старшинами регулярных отношений с должностными лицами провинциальной российской администрации. В это время постоянную переписку с ними вели казахские ханы: Абулхаир (1710–1748), Нуралы (1748–1786), Абылай (1771–1780), Вали (1781–1821), Айчувак (1797–1805), Арынгазы (1816–1821), Ширгазы (1812–1824), Жангир (1823–1845) и Кенесары (1840–1846), которые оставили после себя обширное эпистолярное наследие. Тем не менее многочисленные группы писем казахских правителей не составляют в документальных фондах архивов бывшего СССР сколько-нибудь компактных эпистолярных комплексов, сформированных по принципам синхронности их создания, либо общей принадлежности одному и тому же автору. Они, как правило, рассредоточены небольшими группами писем, а то и отдельными единичными письмами по архивам разных стран СНГ, нескольким фондам в каждом отдельно взятом архиве и многим единицам хранения внутри каждого архивного фонда.

Такой дисперсный характер местонахождения казахских эпистолярных источников в архивах обусловлен главным образом тем, что все послания степных ханов и султанов, адресованные российским монархам и подчиненным им должностным лицам, сначала поступали в пограничные канцелярии Астраханской, Оренбургской и Сибирской губерний, где эти письма переводились с чагатайского тюрки на русский язык. Затем оригинальные тексты и их русские переводы отправлялись в одном конверте с доношениями губернаторов в Коллегию иностранных дел, а из ее канцелярии рассылались другим официальным адресатам. Со временем арабописьменные подлинники и переводы ханских писем откладывались вместе с сопроводительными документами провинциальных губернских чиновников, межведомственной перепиской и «высочайшими» повелениями по поднятым в них вопросам в отдельные дела, которые по истечении определенных сроков пользования передавались на хранение в фонды центральных и местных государственных учреждений.

При этом оренбургские и сибирские губернаторы далеко не всегда отправляли в Коллегию иностранных дел, а с 1818 г. – Азиатский департамент МИД рукописные копии адресованных лично им и нижестоящим чиновникам писем казахских ханов, хотя по имперским законам о государственной службе они были обязаны это делать. Как правило, копии тюркоязычных оригиналов и русских переводов писем пересылались в Петербург только в тех случаях, когда одновременно с ними от тех же адресантов в приграничные губернские центры поступали послания на имя высших петербургских сановников или самих царствующих императриц. Если же этого не происходило, подлинники ханских писем локального назначения большей частью не пересылались в высшие служебные инстанции и хранились в провинциальных губернских канцеляриях. Все вышеуказанные особенности хранения и межведомственного перемещения казахских эпистолярных документов из Тобольска, Омска, Астрахани и Оренбурга в Петербург и внутри него по разным государственным учреждениям столицы изначально предопределили будущую широкую разбросанность оригинальных текстов и русских переводов писем ханов и султанов по российским архивам. Это обстоятельство существенно осложняет возможность сколько-нибудь массового выявления и комплексного изучения казахских эпистолярных источников в современный период.

В 40–80-е гг. XX в. историками М.П. Вяткиным, М.И. Стеблин-Каменской, Н.В. Устюговым, М.Г. Масевич, Ф.Н. Киреевым, А.К. Алейниковой, Г.И. Семенюком, Т.Ж. Шоинбаевым, В.Я. Басиным, Б.П. Гуревичем, В.А. Моисеевым и К.Ш. Хафизовой было выявлено в российских архивах и опубликовано 163 письма казахских ханов и султанов в переводе с литературного чагатайского тюрки на русский язык, в том числе 27 современных переводов оригинальных текстов (4 письма Абулхаира, 1 – ханши Бопай, 1 – Кушыка, 1 – Барака, 3 – Нуралы, 2 – Абылая, 1 – Абулфеиза, 2 – Ералы, 3 – Айчувака, 1 – Вали, 5 – Ширгазы I, 2 – Каратая, 1 – Арынгазы) [МИКССР-2. Док. № 2, 20, 43, 44, 46, 83, 97, 98, 113; МИКССР-4. Док. № 5, 24, 65, 80, 103, 111, 114, 129, 131, 136, 140, 149; КРО-1. Док. № 25; ЦИКХ-2. Док. № 113, 119, 126,

130, 155, 176]. Новые переводы писем подготовили в разные годы ленинградские тюркологи Н.К. Дмитриев, И.Н. Леманов, Х.Н. Леманов, Р.М. Пейгумбари и казахстанский историк-востоковед Т.К. Бейсембиев. Основная часть синхронных и современных русских переводов посланий степных правителей вошла в состав восьми тематических сборников по истории Казахстана и международных отношений в Центральной Азии в новое время [МИКССР-2. – 37 документов; МИКССР-4 – 28; КРО-1 – 58; МИПСК – 6 (из них 4 переиздано в КРО-1); КРО-2. – 17; ЦИКХ-1 – 3; ЦИКХ-2 – 8; МОЦА-1 – 1 документ] и пять ранее неопубликованных писем – в документальное приложение к тексту монографии Б.С. Сулейменова и В.Я. Басина, посвященной политике России в казахских жузах [Сулейменов, Басин, 1981. Приложение. С. 174–175, 184–192, 196–197, 201–203]. Среди общего количества степных писем, учтенных советскими археографами, наиболее широко представлено в подготовленных ими изданиях эпистолярное наследие ханов Абулхаира (35) и Нуралы (42); намного меньше – Абылая (15), Ширгазы I (10), ханши Бопай (9), Айчувака (8), Барака (6) и Вали (6). Кроме того, в четырех документальных сборниках опубликовано 27 факсимиле оригинальных посланий вышеупомянутых ханов и султанов (за исключением хана Вали) и факсимильный подлинник письма султана Досалы [МИКССР-2. Док. № 2, 5, 20, 24, 43, 44, 46, 65, 80, 85, 97, 98, 111, 113, 114, 129, 131, 136, 140, 149; КРО-1. Док. № 25, 248, 252. 272; КРО-2. Док. № 10]. 14 факсимиле эпистолярных текстов ханов Абулхаира (1732, 1742 гг.), Абылая (1745 г.), Нуралы (1785 г.) и Каратая (1808 г.) изданы также языковедом Б.А. Абилкасымовым в книге, посвященной истории казахского литературного языка [Абилкасымов, 1988].

Следует отметить, что впервые особое внимание на письма казахских правителей обратил ответственный редактор и составитель «Материалов по истории Казахской ССР» М.П. Вяткин. В 1948 г. он писал в археографическом введении ко второму тому «Материалов» по поводу их большой научно-практической значимости для историков: «Все эти письма носят еще следы условности официальной переписки, но все же представляют первоклассный исторический источник. Главным образом в этих документах мы можем выслушать самих казахских владельцев, правда, с одной весьма существенной оговоркой: писались эти письма не самими феодалами, а татарскими муллами. Несомненно, что документы должны были испытать на себе влияние интерпретации мулл, но это касается не столько содержания, сколько формы документа, в частности, его языка... Познавательная значимость этих документов тем более ценна, что письма охватывают весьма широкий круг феодалов» [Вяткин, 1948. С. 25]. К сожалению, это верное суждение ленинградского ученого в свое время не привлекло к себе должного внимания других историков.

В связи с обретением Казахстаном государственного суверенитета в стране значительно повысился общественный интерес к далекому и относительно недавнему прошлому казахского народа, поискам его глубоких культурно-исторических корней, что побудило отечественных историков заняться расширением источниковой базы своих научных исследований за счет выявления в российских и центральном казахстанском архивах малоизвестных групп письменных памятников, в том числе источников казахского происхождения. Эта тенденция проявилась как в самом факте подготовки и издания трех крупных тематических сборников документов по истории Казахстана первой половины XIX в. (двух сборников по народно-освободительным движениям казахов и одного – по истории Внутренней казахской орды), так и в жанрово-видовой структуре опубликованных документальных комплексов. Хотя задача облегчения доступа исследователей именно к письмам казахских правителей составителями новых сборников документов прямо не ставилась, тем не менее, эта категория письменных источников ввиду ее большой информативно-познавательной значимости для изучения социально-политической истории казахского кочевого общества оказалась широко представленной в подготовленных ими фундаментальных изданиях.

С 1992 по 2010 гг. в Казахстане были изданы 316 синхронных русских переводов ранее малоизвестных писем казахских ханов и султанов: 305 – в пяти казахстанских тематиче-

ских сборниках документов [НОДКН – 7 документов; НОБКН – 20; ИБХ – 204; *Исатай – Махамбет*, 2003 – 59 документов; Қазақ ұлт-азаттық қозғаласы, 2008 – 15] и 11 – в российском научном журнале «Исторический архив» [Кундакбаева, 2005б; Кундакбаева, 2009]. По конкретным историческим персоналиям эта совокупность источников распределилась следующим образом: Жангир-хан (1824–1845) – 189 писем, Букей-хан (1812–1815) – 25, Шигай-хан (1816–1825) – 20, Кенесары-хан (1841–1847) – 17, Фатима-ханым (1809–1845) – 9, Пиралы-хан (1770–1805) – 7, Жанторе-хан (1805–1809) – 5, Нуралы-хан (1748–1786) – 4, другие – 44 единицы. Наряду с выходом в свет больших массивов русских переводов оригинальных документов в отдельных изданиях были опубликованы восемь факсимильных подлинников писем казахских ханов Абулхаира, Абулмамбета, Барака, Каипгали, Кенесары, Жангира, султана Ормана Нуралиева и дочери хана Нуралы – Тайкары, извлеченных из разных российских архивов [Ерофеева, 2001. С. 16, 18, 26, 28, 30, 33; Касымбаев, 2001. С. 359].

В наше время изданы также извлечения из некоторых посланий Абулхаира, Абылая II, Нуралы, Бопай-ханым и других правителей казахов и отдельные полные тексты писем тех же исторических лиц, вновь выявленные в российских архивах, в переводе на современный казахский язык [100 құжат, 1998; Абылай хан, 2005; Қазақтың ханы – Абылай, 2011 и др.]. К сожалению, составители этих тематических сборников документов неоправданно пренебрегли общепринятыми в науке правилами издания исторических источников и не поместили в своих изданиях рядом с переведенными письмами их оригинальные архивные тексты (русские и/или тюркские), что не позволяет специалистам убедиться в полной адекватности переводов этих посланий на казахский язык.

Кроме того в период независимости казахстанские историки больше стали изучать и использовать в своих научных трудах неопубликованные до сих пор материалы дипломатической переписки казахских ханов и султанов с царским правительством, императорами Цинов и среднеазиатскими монархами. Наиболее основательно рукописные русские переводы писем степных правителей использованы в научных исследованиях Ж.К. Касымбаева, К.Ш. Хафизовой, С. Мадуанова, А. Ахмета и некоторых других современных авторов, посвященных различным аспектам политической деятельности самых видных представителей правящей казахской элиты того времени [Хафизова, 1995; Хафизова, 2004; Хафизова, 2007; Мадуанов, 1995; Касымбаев, 1999; Касымбаев, 2001а; Ахмет, 2007]. Среди изученных ими эпистолярных источников видное место занимают письма ханов Абылая, Нуралы, Жанторе, Каратая, Ермухаммеда (Илекея) и Ширгазы I, которые прежде мало привлекались для научных исследований.

В последние годы отдельные письма казахских джучидов стали темой научных изысканий американских исследователей В. Мартин и Т. Мауканулы, которые посвятили одному из них специальную статью [Martin, Mawkanuli, 2009. P. 21–28]. В ней представлены факсимиле оригинального письма султана Среднего жуза Чингиза Валиханова начальнику военного отряда сибирских казаков майору И.М. Швабскому, написанного 28 октября 1832 г.; его современный английский перевод с литературного чагатайского тюрки и такой же перевод синхронной русской версии этого документа, которая в свое время была подготовлена переводчиком провинциальной губернской канцелярии для генерал-губернатора Западной Сибири. Авторы статьи установили наличие отдельных разночтений тюркоязычных слов и лексических построений в старом и новом вариантах перевода письма и на этой основе сделали сравнительный морфосинтаксический и исторический анализ обоих текстов. Предпринятый ими многосторонний исследовательский подход к интерпретации писем казахских султанов имеет большое практическое значение для системного изучения этой категории письменных источников, так как дает возможность историкам глубже раскрыть малоизвестные особенности традиционных мировоззренческих представлений, ценностных установок и политических предпочтений центральноазиатских кочевников.

Все вышеприведенные факты наглядно демонстрируют заметно возросшую в последнее время, но пока еще недостаточно осмысленную на проблемно-теоретическом уровне востребованность степных письменных источников официально-личного происхождения для разностороннего научного изучения истории и культуры казахов-кочевников. Исходя из этого, можно констатировать, что задача выявления всех сохранившихся до наших дней в архивах писем казахских ханов и султанов, их сбора, систематизации и комплексного изучения как самостоятельной группы письменных памятников, имеющей свои определенные видовые особенности, должна стать одним из основных направлений научно-исследовательской деятельности казахстанских историков.

Численность, авторский состав и хронология эпистолярных источников. С 1999 по 2011 г. автором данной статьи и ее коллегой Б.Т. Жанаевым при содействии отдельных казахстанских и российских историков были обследованы вышеупомянутые сборники исторических документов и фонды 12 крупнейших архивов и фундаментальных библиотек Российской Федерации, Казахстана и Узбекистана. За это время удалось выявить, собрать и научно обработать около 2,5 тыс. посланий многих степных ханов и султанов и их жен, охватывающих исторический период с 1675 по 1881 гг.; в том числе – более 1,75 тыс. ранее неизвестных писем.

Относительно небольшая группа этих документов, включающая в себя 207 писем хана Внутренней орды Жангира (1821–1845 – годы правления), 14 писем его жены Фатимы (1809–1845) и 42 письма разных султанов Внутренней орды и султанов-правителей Младшего жуза была опубликована Б.Т. Жанаевым еще в 2002 и 2003 гг. в Алматы в составе двух тематических сборников исторических документов: «История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.» и «Исатай – Махамбет. 1801–1848 гг.». Но основная часть собранных в течение 12 лет казахских писем прежде не издавалась.

Выше уже говорилось о рассеянности многих исторических документов степного происхождения по разным архивохранилищам СНГ и о трудности их сколько-нибудь массового выявления в современный период. Поэтому в ходе проведения эвристических поисков в национальных и зарубежных архивах мы были вынуждены ограничить круг обследуемых корреспондентов группой наиболее компетентных создателей писем. В соответствии с этим критерием приоритетное значение придавались письмам тех представителей правящей элиты казахов-кочевников, которые играли наиболее важную роль в политической, экономической и культурной жизни казахского кочевого общества конца XVII – середины XIX в., а, следовательно, являлись и самыми осведомленными о ней информаторами своего времени. К этой категории создателей писем мной отнесены 39 степных правителей и 8 жен некоторых из них. В состав первой группы авторов вошли 5 старших ханов, поочередно возглавлявших статусную иерархию традиционных институтов власти у кочевников-казахов; 12 ханов и султанов Младшего жуза, 16 – Среднего жуза, 5 – Старшего жуза и 3 – Внутренней орды. Одни из этих титулованных лиц управляли различными родоплеменными группами номадов параллельно друг с другом, другие ханы и султаны, напротив, находились во главе одних и тех же группировок казахов, но в разные десятилетия или годы. Такой избирательный подход к авторам писем позволил, с одной стороны, охватить эпистолярное наследие самых видных степных властителей за весь многолетний период их сознательной жизни и общественно-политической деятельности, а с другой, – выявить среди большого массива разновременных посланий конца XVII – середины XIX в. синхронные группы писем нескольких параллельно правивших казахских ханов, освещающих с разных сторон современную им историческую действительность.

Среди собранной и систематизированной совокупности архивных документов самую многочисленную группу – 1255 учетных единиц – составляют письма ханов Младшего жуза и Внутренней орды, исторически связанных более тесно, чем правители других социально-территориальных групп казахов-кочевников с пограничными органами царского прави-

тельства на юго-восточных окраинах Российской империи. Из них 269 писем написаны ханом Нуралы, 186 – ханом Ширгазы I, по 92 письма – Арынгазы и Ермухаммедом (Илекеем); 80 – Айчуваком, 68 – Каратаем, 61 – Букеем I, по 59 писем – Ералы и Жанторе, 41 – Шигаем, 20 – Каипгали, по 1–10 писем – Сеитом, Есимом III, Пиралы, Каипом II и Батыром.

Вторым по численности эпистолярным комплексом являются 300 писем пяти старших ханов: Тауке II, Каипа I, Абулхаира, Абулмамбета и Абылая II. Эта группа представлена в основном эпистолярным наследием Абулхаира (143 письма) и Абылая (114 писем), и только 43 послания, т. е. 14% всех относящихся к ней писем принадлежат трем остальным верховным правителям казахских жузов.

Третье место занимает группа писем ханов и султанов Среднего жуза, в состав которой входит 260 посланий. К ней относятся 66 писем султана Кенесары, 53 – хана Вали, 53 – султана Губайдуллы, 18 – султана Абулфеиза, 14 – султана (с концы 1749 г. – хана) Барака, 11 – султана Кошека Касымова, 11 – султана Булата Губайдуллина и от 1 до 8 писем других титулованных лидеров Среднего жуза: ханов Болата I, Кушыка и Букея II; султанов – Сеита (с 1741 г. – хана), Канкожи, Таира, Касыма Абылайханова, Саржана Касымова, Сыздыка и Жапара Кенесариных.

Наряду с тремя крупными комплексами посланий правителей Младшего и Среднего жузов нами выявлено 25 писем двух ханов и трех султанов Старшего жуза, которые имели эпизодические контакты с царствующими монархами и пограничными властями России. В эту группу вошли 4 письма хана Жолбарыса, 1 – хана Жаубасара, около 25 – султана Суюка Абылайханова, от 15 до 20 – султана Али Адилева и приблизительно столько же – султана Тезека Нуралиева.

Письма других известных ханов, правивших во второй четверти XVIII – начале XIX в. на территории трех казахских жузов: Самеке (1723–1738), Есима II (1756 – позднее 1798), Болата II (1771 – позднее 1798), Адила (сер. 1780-х – 1815), ‘Абд ал-‘Азиза (1794–1815) и Тогая (позднее 1800–1816) в обследованных архивных фондах не обнаружены.

Отдельную группу эпистолярных источников составляют 84 послания ханских жен: 24 письма Бопай-ханым, старшей жены (*байбише*) Абулхаира; 22 – младшей жены (*токал*) хана Вали – Айганым, 14 – младшей жены Арынгазы – Медины, 11 – старшей жены того же правителя – Кенже (Яхшии), 5 – старшей жены Букея I – Атан, 4 – старшей жены Кенесары – Кунимжан, 3 – младшей жены Ширгазы I – Анай, 1 – старшей жены Жанторе – Менли.

Основной массив выявленных посланий казахских ханов и султанов адресован царствующим особам династии Романовых и разным должностным лицам провинциальной администрации: главам пограничных губерний, подведомственным им чиновникам среднего звена, командирам воинских контингентов, дислоцированных на северных рубежах казахских кочевий и комендантам линейных крепостей. Более половины их сохранилось только в синхронных переводах на русский язык, все остальные документы представлены в арабописменных подлинниках на чагатайском тюрки и в русских переводах.

Около 70 казахских эпистолярных источников, или менее 4,0% всех писем, составляют переводы и отдельные тюркоязычные оригиналы посланий степных монархов их близким родственникам и родоправителям-старшинам, которые эпизодически попадали в губернские канцелярии Астрахани, Оренбургского края и Западной Сибири и затем откладывались в местных архивах.

Такой же малочисленной является группа тюркоязычных и монголоязычных подлинников и русских переводов писем ханов и султанов Среднего жуза, адресованных правителям Цинской империи и их заместителям на территории Синьцзяна, а также монархам и чиновникам соседних среднеазиатских государств, хотя в то время степные правители вели со своими южными соседями не менее оживленную переписку, чем с пограничными властями России. Малочисленность этой группы казахских посланий можно объяснить как долговременным отсутствием в ханствах Средней Азии устойчивой традиции централизованного

хранения делопроизводственных документов, так и слабой изученностью уцелевших фрагментов архивов бухарских, хивинских и кокандских ханов в фондах государственных архивохранилищ Узбекистана и Таджикистана [Иванов, 1940; Документы, 1958; Документы, 1967; Троицкая, 1968; Троицкая, 1969].

В хронологическом отношении ханские и султанские письма, начиная с 30-х гг. XVIII в., более или менее равномерно представлены по разным историческим периодам. В неполном объеме сохранились до наших дней послания казахских правителей за 1740–1743, 1750–1756, 1782–1810, 1822–1830 и 1848–1868 гг., хотя некоторые утраченные документы упоминаются в современных им донесениях царских чиновников и трудах дореволюционных историков [Потанин, 1867. С. 144; Н.Г., 1939. С. 60; Левшин, 2009. С. 162–163; Добромыслов, 1900. С. 58–60; Дмитриев-Мамонов, 1907. С. 139–140 и др.]. Малочисленность этих источников во многом обусловлена небрежным отношением к хранению архивных документов в Оренбургском крае и Западной Сибири на протяжении XVIII – первой половины XX в. [РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 73. Л. 11–12 об.; Левшин, 2009. С. 13; Боброва, 2001. С. 22–23; Хранители, 2009. С. 6–24, 25–42] и утратой больших массивов дел в ходе неоднократных перемещений бывших провинциальных архивов из одного здания в другое, а отдельных фондов последних (уральской войсковой канцелярии, уральского областного правления, канцелярии начальника Омской области и др.) в середине 20-х гг. прошлого века – из Оренбурга и Омска в первую столицу Казахской ССР Кзыл-Орду и из Кзыл-Орды – в новую столицу советского Казахстана – Алма-Ату [Ивлев, Щербанов, 1989; Белый, 1988; Гаснувший отблеск скрижалей // Пульс. 16 декабря 1990 г. № 7].

Наиболее дискретно представлены в настоящее время в центральных и региональных архивах России письма 80–90-х гг. XVIII в. Отсутствие многих из них в Архиве внешней политики Российской империи Историко-документального департамента МИД Российской Федерации и Российском государственном архиве древних актов (г. Москва) объясняется тем, что «дела о киргиз-кайсаках» за 1782–1797 гг., хранившиеся с того времени до последней четверти XIX в. в фонде Правительствующего Сената, были переданы в 1876 г. в канцелярию генерал-прокурора. По распоряжению сенатора Г.К. Репинского, назначенного для разборки архива, с 1876 по 1906 гг. канцелярские служащие уничтожили множество дел. В частности, по описи дел канцелярии генерал-прокурора за 1797–1799 гг., из 16916 переданных в нее на хранение архивных дел было уничтожено 15063 дел, т.е. 89% их общего количества [Вяткин, Дмитриев, 1940. С. 43].

Огромные потери понесли также фонды дореволюционных правлений бывших степных областей, в которых хранились письма казахских правителей за 40–70-е гг. XIX в. В результате проведения в 1920–1930-х гг. серии общесоюзных макулатурных кампаний в фонде Семиреченского областного правления Центрального государственного архива Республики Казахстан, охватывающего период с 1854 по 1918 гг., уцелело не более одной четверти созданных в разные десятилетия дел [Жанаев, 2009. С. 65–68]. Еще более крупномасштабные опустошения произвели эти кампании и пожар, случившийся в 1927 г. в здании Семипалатинского губернского архива, в составе фонда Семипалатинского областного правления того же Центрального государственного архива, где из 20–25 тыс. дел, отложившихся за два предшествующих столетия, сохранилось немногим более 30 тыс. дел [Жанаев, 2009. С. 68–72].

Из приведенного обзора утраченных архивных дел можно сделать вывод, что к началу XXI в. в различных архивах Российской Федерации, Казахстана и Узбекистана сохранилось предположительно не более половины всех ранее хранившихся там писем правящей элиты казахов последней четверти XVII – середины XIX в. Причем самые значительные потери понесли в дореволюционный период провинциальные архивы России, а позднее – краевые и областные архивы РСФСР, Казахской и Узбекской ССР, где отложилось наибольшее количество оригинальных текстов казахского происхождения, составленных на литературных чагатайском и ойратском языках.

Проведенные за последнее десятилетие системные эвристические изыскания в наиболее крупных архивохранилищах трех вышеуказанных государств дали возможность выявить, скопировать и научно обработать основной массив уцелевших в них до наших дней письменных посланий казахской знати, многие из которых до сих пор неизвестны специалистам-историкам этих стран. С учетом данного обстоятельства специальное издание русских переводов и факсимиле оригинальных текстов собранных писем представляется мне давно назревшей археографической задачей, так как это во многом облегчит доступ современным исследователям-востоковедам к письменному наследию степных правителей-джучидов и существенно расширит круг репрезентативных документальных источников по истории и культуре казахского народа.

Материал и орудия письма. Все сохранившиеся до нашего времени документы степного происхождения последней четверти XVII – середины XIX в. написаны на белой бумаге различных видов, производившейся как в соседних восточных, так и в западных странах. Она обозначалась в письмах казахских правителей тюркским словом *қағаз*, а отдельные бумажные листы – словосочетаниями *қағаз табағы*, или *табақ қағаз* [Алтынсарин, 1975. С. 235]. До конца 30-х гг. XVIII в. казахи использовали большей частью среднеазиатскую бумагу, которая завозилась из Хивы, Ташкента и Бухары. После вступления правителей Младшего и Среднего жузов под протекторат Российской империи в степь более или менее регулярно стала поступать писчая бумага российского производства, непосредственным подтверждением чему являются неоднократно встречающиеся упоминания об ее употреблении на канцелярские нужды в письмах казахских ханов, султанов и старшин администраторам Оренбургского края [Док. № 110, 198, 254; Койгелдиев, 1993. 54 б. Байсариева, Ходжаев, 1995. С. 151].

Все известные нам в подлинниках письма степных монархов написаны черными чернилами – *қарасия* – разных оттенков – от иссиня-черного до темно-коричневого или бурого. Как и в позднесредневековых джучидских государствах Поволжья и Крыма, в канцеляриях казахских ханов и султанов использовались устойчивые чернила хорошего качества, слабо поддающиеся химическому распаду (выцветанию) под влиянием фактора времени.

В качестве основного орудия письма ханские писцы употребляли так называемый *калам* (каз. – *қалам*), то есть специально заостренные палочки-перья, изготавливаемые преимущественно из камыша. Исходный материал имелся в изобилии на большей части территории Казахстана, поэтому его добывали и определенным образом обрабатывали для нанесения текстов на бумагу непосредственно в казахских кочевьях. В 1736 г. английский художник Джон Кэстль (прав. – *Касл*), совершив поездку в ставку хана Абулхаира, писал в своем путевом «Журнале» о таком каламе казахов: «Пишут они свои тексты слева направо, макая время от времени камышовую трость в тушь» [Кэстль, 1998. С. 106].

Во второй половине XVIII в. в Казахской степи широко употреблялись в качестве орудия письма наравне с камышовыми палочками тщательно обработанные птичьи и металлические перья, которые доставлялись непосредственно в ставки ханов и султанов из России и среднеазиатских ханств.

Языки писем и писари степных правителей. Письма писались представителями правящей элиты кочевников в основном на литературном *чагатайском*, или *среднеазиатском*, *тюрки*, который выполнял в степных ханствах XVI–XIX вв. функцию делопроизводственного языка и широко использовался казахскими правителями в дипломатической переписке с монархами и чиновниками соседних государств [Бейсембиев, 2007. С. 77–94; Бейсембиев, 2009. С. 1230–1241]. Как известно, письменный среднеазиатский тюрки служил важным средством информационного обмена во всех культурах Волго-Уральского, Сибирского и Центральноазиатского регионов и являлся около четырех столетий общим литературным языком для татар, башкир, казахов, узбеков, кыргызов и уйгуров, создававших на нем различные произведения по истории и генеалогии своих народов. В то же время живой разговорный казахский язык вплоть до середины XIX в. практически не использовался в переписке казахских ха-

нов и султанов с иностранными соседями и господствовал исключительно в разнообразных жанрах устного народного творчества.

Вместе с тем в отдельных случаях правители Среднего жуза, имевшие на протяжении многих десятилетий тесные политические отношения с правящим джунгарским домом, составляли в 1750–1770-х гг. свои письменные послания как представителям правящей маньчжурской династии Цинов, так и российским императрицам на литературном ойратском языке. В частности, среди сохранившихся в архивах России 25 писем хана Абулмамбета одно письмо, адресованное в 1752 г. императрице Елизавете Петровне, было написано, как отмечено в тексте его синхронного перевода на русский язык, «калмыцким письмом» [Док. № 222]. Будущий старший хан трех жузов Абылай и его соправитель в Среднем жузе султан Абулфеиз иногда использовали «ясное письмо» в переписке с цинским императором Цяньлуном и его наместниками в Синьцзяне, так как в тот исторический период ойратский язык был более известен пограничным китайским чиновникам, чем чагатайский тюрки [Док. № 253, 304, 344].

Возможность применения *тодо бичиг* в дипломатических отношениях с правительством Цинов облегчалась для казахских правителей тем, что некоторые знатные ойраты в 40–70-х гг. XVIII в. постоянно входили в состав их ближайшего окружения и выполняли при необходимости функцию переводчиков с монгольских языков на казахский язык и наоборот. Ойратом по происхождению и воспитанию был и будущий глава казахского посольства 1764 г. к российскому императорскому двору приемный сын Абылай-хана по имени *Буруд*, или *Борисултан*, который родился от некоего джунгарского нойона и ойратской аристократки Тобышханым, родной сестры джунгарских нойонов Байыра и Юлбулды [КРО-1. Док. № 259. С. 667; МОЦА-2. Док. № 205. С. 153; № 224. С. 187; № 229. С. 193; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1763–1775 гг. Д. 14. Л. 191–192; *Валиханов*, 1985. С. 175].

В грамоте императора Цяньлуна Абылаю 1768 г. в свою очередь упоминается среди приближенных хана некий ойрат Чоноци, отправленный им в качестве посланника в Пекин к цинскому двору, которого правитель Среднего жуза, по словам автора документа, «воспитал» как родного сына [ЦИКХ-2. Док. № 147. С. 80]. Кроме того для ведения дипломатической переписки с Цинами Абылай имел при себе не позднее, чем с середины 50-х гг. XVIII в., «грамотного зюнгорского калмыка», хорошо знавшего ойратский литературный язык [МОЦА-2. Док. № 202. С. 148]. По этому поводу главный писарь Абылая татарский мулла Ягуда Усманов в начале 1781 г. сообщал чиновникам Оренбургского края, что для составления писем китайскому богдыхану хан «особенного из калмык писаря при себе содержит» [МОЦА-2. Док. № 236. С. 201–202].

Однако большинство ханских и султанских писем создавалось в конце XVII – середине XIX в. на литературном чагатайском тюрки, который в тот период по-прежнему оставался основным языком дипломатической переписки казахских правителей с восточными и российскими монархами. Официальный статус тюрки как языка межгосударственных отношений в известной мере обязывал степных ханов, султанов и наиболее влиятельных родопривилегированных старшин осваивать его грамматические основы. Знание таковых было жизненно необходимо казахским джучидам, чтобы с одной стороны, иметь возможность четко формулировать свои мысли и намерения для точного воспроизведения их в письменном виде другими людьми, а с другой – правильно интерпретировать содержание употребленных иностранными корреспондентами нетипичных для степного лексикона тюркских, персидских и арабских слов и словосочетаний. Фактически это означало, что они могли самостоятельно читать без помощи толмачей получаемые и отправляемые ими в другие государства дипломатические письма на тюрки, в том числе компетентно оценить степень адекватности письменной передачи своими личными секретарями прослушанных текстов. В тюркоязычных письменных источниках позднего средневековья и начала нового времени для обозначения такого уровня владения общетюркским литературным языком по отношению к конкретным казахским ханам и султа-

нам нередко использовалось выражение *түркіше оқу*, под которым подразумевалось ни что иное, как умение «читать по тюркски» [История, 1979. С. 379].

По сообщению Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфাহани, казахские ханы и султаны в современную ему эпоху отдавали своих детей в школы, которые имелись в тех городах, где подолгу проживали их родители [Султанов, 2001. С. 176]. Аналогичные факты зафиксированы в письменных источниках и более позднего периода. Так, согласно свидетельствам многих оренбургских чиновников середины XVIII – начала XIX в., некоторые хорошо известные им казахские ханы и султаны получили в юношеском возрасте начальное мусульманское образование либо у домашних наставников – татарских мулл, либо в различных учебных заведениях Туркестана, Хивы и Бухары и в результате этого неплохо знали основные нормы грамматики и стилистики литературного языка.

В 1734–1740 и 1740–1748 гг. сыновья хана Абулхаира юные султаны Ералы и Кожамет, находясь в Орской крепости, а затем в Оренбурге на положении аманатов, обучались чагатайскому тюрки у переводчика Оренбургской комиссии Араслана Бакметева [МИКССР-2. Док. № 50. С. 148]. Племянник Абулхаира султан Досалы, «живучи с пятнадцать лет в Хиве, их татарской грамоте достаточно обучился» [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. Д. 4. Л. 115–116]. Старший сын султана Батыра (ум. в 1771) султан (с 1786 г. – хан) Каип II еще до того, как он стал верховным правителем Хивинского ханства (1747–1758 гг.), «грамоте своей научился в Хиве, где с молодых лет обращался, прилепясь к бывшему тамо первым по хане правителю, называемому Куразбеку» [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 3. 1786 г. Д. 3. Л. 1 об.]. Его внук султан (с 1818 г. – хан) Арынгазы, отличавшийся в свое время «знанием татарского письма и чтением книг», получил мусульманское образование и воспитание в Бухаре при дворе своего близкого родственника «по женскому колену» эмира Хайдара (1800–1825) [Казанцев, 2001. С. 228; Герман, 1821. С. 220–221; МИКССР-4. Док. № 124. С. 377].

Будущий хан Абылай (1771–1780 – годы правления), также неплохо знавший чагатайский тюрки и ойратский литературный язык [ЦИКХ-2. Док. № 165. С. 97; Хафизова, 1995. С. 253], освоил грамматические основы первого из них, вероятно, в Сузаке или позднее в каком-нибудь другом городе Туркестанского региона, где с конца XVII в. до 1723–1724 г. проживали его дед и отец [Витсен, 2006. С. 67; Валиханов, 1985. С. 111]. В конце 1730-х гг. он углубил прежние языковые познания в г. Туркестане, где ежегодно проводил зимние месяцы вместе с ханом Абулмамбетом [ИКРИ-6, 2007. С. 33–35, 44, 51]. Сын Абылая Вали-хан, его внуки – султаны Губайдулла и Кенесары, затем сыновья последнего Сыздык, Кошек и Ахмет; сын султана Барака хан Букей II, юность которого прошла в городах Икане и Туркестане, и некоторые другие султаны Среднего и Младшего жузов, по отдельным косвенным упоминаниям источников середины XIX в., также умели читать и писать на тюрки. Правда, в отличие от своих отцов и дедов они обучались этому в детстве главным образом у приезжих татарских учителей-мулл, проживавших на территории Степи [Русанов, 1861. С. 290; МИПСК. Док. № 115. С. 275; Завалишин, 1867. С. 3; Султангалиева, 2002. С. 50–72; Султангалиева, 2005. С. 73–78].

Но, несмотря на то, что многие казахские правители в конце XVII – первой половине XIX в. в той или иной степени владели литературным языком, имеющих знания им явно не хватало для составления сложных по лексическому составу официальных документов внешнего назначения, поэтому ханы и султаны предпочитали использовать для письменоводства профессиональных писцов. При этом свои оригинальные тексты они диктовали им исключительно сами.

До конца 30-х гг. XVIII в. правители казахов употребляли в качестве писарей большей частью образованных выходцев из мусульманского духовенства Средней Азии, которые в то время интенсивно мигрировали в Казахскую степь и здесь находили себе пристанище при дворах наиболее богатых и влиятельных чингизидов. По этому поводу казахский хан Таввакул (1583–1598) говорил в 1595 г. российскому посланнику Вельямину Степанову: «[Я] сам-де грамоте не умею»,... а для ведения переписки с иностранными государями есть «у

меня молла мой бухарец» [КРО-1. Док. № 11. С. 141]. Позднее по мере развития политических взаимоотношений казахских жузов с Российской империей, а затем – и с империей Циннов казахские ханы и султаны стали привлекать для письмоводства в основном поволжских татар и башкир [Приложение № 1]. Это было обусловлено тем, что за два предшествующих столетия в кругу служилых мусульманских династий Среднего Поволжья и Западной Сибири был накоплен большой опыт ведения внешнего делопроизводства, и казанские татары лучше других образованных представителей тюркоязычных народов Евразии владели сложной терминологией и строгой официально-деловой лексикой литературного языка [Белокуров, 1906. С. 26, 60–63; Косвен, 1956. С. 44; Кононов, 1982. С. 24–32; Усманов, 1979. С. 192; Хисамова, 1999. С. 46–51]. В текстах степных правителей по отношению к ним чаще всего употреблялся персизированный арабский термин *мулла-диван*, реже – тюркские названия *тилмач* или *мурза*; иногда использовалось также русское слово *писар* [Док. № 87, 283 и др.].

Корпус писарей казахской аристократической элиты формировался в рассматриваемый период как на основе взаимовыгодного найма хорошо знавших чагатайский тюрки иностранцев-мусульман, так и насильственным путем. Большинство образованных выходцев из торговых татарских слобод Казанской и Оренбургской губерний и соседних среднеазиатских ханств добровольно нанимались к казахским джучидам для письмоводства по их приглашению и регулярно получали непосредственно от своих работодателей либо из российской казны определенное вознаграждение за выполняемую работу [Андреев, 1998. С. 55; Сиверс, Фальк, 1999. С. 43–44; Броневский, 1830. С. 94–95; Левшин, 1996. С. 314–315; Русанов, 1861. С. 290]. В отличие от этой категории служилых татар и башкир, приезжих «ташкентцев» и «бухарцев» какая-то часть писарей степных монархов была представлена лично зависимыми от них людьми и состояла из «полоненных ими российских или других каких татар [т. е. выходцев из тюркоязычных народов – И. Е.], умеющих читать и писать [Георги, 2007. С. 247]». Повседневное деловое общение российских татар и башкир с пригласившими их к себе на службу казахскими ханами и султанами способствовало установлению близких доверительных отношений и хорошего взаимопонимания между ними. Такое тесное взаимодействие обеих сторон во многом предопределило исключительную точность письменной передачи иноземными писарями казахской знати литературного стиля и эмоциональных оттенков устной речи своих хозяев. В связи с указанным обстоятельством для персональных биографий большинства приехавших в степь татар и башкир был характерен в целом многолетний стаж пребывания на службе у одних и тех же аристократических кланов, так как после смерти впервые нанявших их для письмоводства ханов и султанов они, как правило, не возвращались из казахских кочевий в родные места, а переходили по наследству к правопреемникам этих правителей.

Так, например, выходец из ясачных татар Свияжского уезда Казанской губернии *Альмухаммед Нурмухаммедов*, приглашенный в 1738 г. ханом Абулхаиром на должность личного секретаря, в течение 11 лет был постоянным писарем у самого Абулхаира, а затем столько же времени – у его прямого наследника хана Нуралы [КРО-1. Док. № 96. С. 234; МИКССР-2. Док. № 73. С. 199, док. № 74. С. 202; Крафт, 1898. С. 28; ЦИКХ-1. Док. № 88. С. 161]. Другой писарь последнего – башкир Ногайской дороги *Аббас Сияшев* прослужил у Нуралы около 30 лет и 11 лет – у его старшего сына хана Есима (1795–1797) [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1759 г. Д. 4. Л. 322–323 об., 325 и об.; Оп. 2. 1785–1787 гг. Д. 8. Л. 125–128 об.; 1792–1794 гг. Д. 5. Л. 44–48; Оп. 3. 1742–1800 гг. Д. 3. Л. 2–3; ГАОРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 58. Л. 65–66 об., 85 и об.; Крафт, 1898. С. 92–93; КРО-2. Док. № 76. С. 136].

В степной канцелярии правителя Среднего жуза Абылая обязанности писаря выполнял с 1760 по 1768 гг. челябинский мишарь *Мунасип Мамбетов*, за которого казахский хан выдал замуж свою дочь от каракалпачки Сайман-ханым; а с 1776 по 1780 гг. – его земляк *Ягуда Усманов*, прослуживший у Абылая до конца его жизни [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1766–1769 гг. Д. 28. Л. 290–293; ГАОРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 22. Л. 116 и об.; Д. 176. Л. 60–61 об., 69–71; Ф. 6.

Оп. 10. Д. 609, Л. 2 и об.; КРО-1. Док. № 233. С. 602–603, док. № 272. С. 694–695; МОЦА-2. Док. № 236. С. 201–203]. Около 14 лет спустя после смерти Абылая Я. Усманов поступил на службу к его старшему сыну хану Вали (1781–1821), где выполнял свои прежние обязанности более 23 лет [РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 56. Л. 2–4]. Послания хана Айчувака письменно фиксировал на протяжении двух десятилетий каргалинский татарин *Сеит Касимов*, а его сыновей Жан-торе (1805–1809) и Ширгазы (1812–1824) – столько же лет земляк С. Касимова *Низматулла Фейзуллин*, покинувший Казахскую степь только после законодательной отмены института ханской власти в Младшем жузе [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1758 г. Д. 4. Л. 66–66а; ГАОРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 84. Л. 219–220 об.; КРО-1. Док. № 239. С. 616; МИКССР-4. Док. № 136; ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 214. Л. 66 и об., 69]¹.

На основании личной причастности всех вышеназванных писарей к письменной передаче авторских текстов некоторые современные историки *a priori* склонны считать, что эти письма несут на себе отпечаток политических взглядов, настроений и ценностных предпочтений российских татар [Кундакбаева, 2005. С. 75]. Однако системное изучение больших комплексов писем, исходивших от разных казахских ханов и султанов, взаимное сопоставление их друг с другом, с синхронными протоколами официальных встреч («журналов») наместников Оренбургского края с правителями казахов², «сказками» их доверенных лиц и рапортами некоторых мелких имперских чиновников полностью рассеивают это заблуждение. Прежде всего обращает на себя внимание взаимное сходство стилистики разновременных текстов каждого отдельно взятого правителя между собой, хотя к их появлению на свет были причастны несколько писарей, и переводили эти письма на русский язык различные переводчики. Для всех них характерно наличие одинаковых этикетных и стиливых средств подачи информации, политических терминов и форм самоопределений, чем, например, группа письменных посланий хана Абулхаира 1730–1740-х гг. заметно отличается от комплекса писем хана Абылая за те же и более поздние годы, обе эти группы – от разновременных писем Нуралы, а последние, в свою очередь – от синхронных с ними письменных текстов султанов Ералы и Айчувака. Такие системные этикетные и стиливые различия между эпистолярными комплексами разных исторических лиц, пользовавшихся услугами не менее трех-четырех писарей, однозначно указывают на то, что авторами писем были именно казахские правители, а татарские и башкирские муллы лишь письменно воспроизводили продиктованные ими оригинальные тексты на бумажных носителях.

Кроме того проведенный компаративный анализ писем и протокольных записей бесед казахских правителей с оренбургскими чиновниками за одни и те же годы убеждает в том, что так называемое «татарское влияние» проявилось вовсе не в сознательном замалчивании писарями озвученных адресантами исторических фактов и не в наличии якобы «больших искажений в передаче смысла текста» [Кундакбаева, 2005. С. 75], а в отдельных терминологических и литературно-стилистических средствах оформления устной речи. Заметное присутствие традиционных татарских элементов в лексической структуре литературного языка ханских и султанских посланий обнаруживается главным образом в употреблении здесь отдельных речевых штампов, свойственных старотатарской официально-деловой письменности XVI – начала XVIII в. [Материалы, 1864; Памятники, 1887; Памятники, 1895], а также в заимствовании ханскими писарями из современных им официальных документов российского делопроизводства некоторых расхожих канцелярских терминов и этикетных выражений [Вяткин, Дмитриев, 1940. С. 43; Хисамова, 1999. С. 220, 268–271].

¹ Более подробные сведения о татарских и башкирских писарях правителей казахов см. в Приложении № 1.

² Тексты служебных журналов за 1718, 1731–1733, 1738, 1738–1739, 1740, 1740–1741, 1742, 1748, 1749, 1750, 1755, 1756, 1757, 1758, 1763 гг. см.: РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 600–799 об., АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. Д. 4. Л. 115–175, 1751 г. Д. 3. Л. 66–143; 1755 г. Д. 5. Л. 16–102; 1756 г. Д. 5. Ч. 1; 1758 г. Д. 4. Л. 338–398; 1763–1767 гг. Д. 15. Л. 280–362; КРО-1. Док. № 19. С. 22–25; № 70. С. 134–168, № 96. С. 229–253, № 178. С. 450–473; МИКССР-2. Док. № 99. С. 264–272; ИКРИ-3, 2005. С. 65–142–297, 324–387; ИКРИ-6, 2007. С. 32–50, 56–77.

Среди последних в посланиях казахских правителей к царствующим особам династии Романовых и крупным сановникам империи наиболее часто употреблялись такие формулы, как *ман камтарин бандаңыз* – «я, всеижайший раб» или *таби'индаги бандаңыз* – «всеподданнейший раб», а также традиционные канцелярские фразеологизмы типа: *табғана үтү нич кылган ирдалар* – «подданически били челом»; *баш уру* или *баш салу* – «били челом», *барча ра'ийят карачалырым бирла баш салдым* – «бил челом со всем моим народом и знатью» и многие другие подобные им лексические формулы, унаследованные из дипломатического этикета бывших татарских ханств Восточной Европы (Крымского и Казанского) и Российского государства XVII – середины XVIII в.³ [Док. № 23, 71, 80, 271 и др.].

В связи с этим необходимо отметить, что слово *раб* является более поздним по времени синонимом старинного русского понятия *холоп*, которое употреблялось в XVII в. служилыми людьми Российского государства как самоопределение при обращениях на высочайшее имя в смысле «безусловно покорный», «верноподданный» [Волков, 1974. С. 44–45]. В течение первой четверти XVIII в. термин *раб* полностью вытеснил из политического лексикона Российской империи *холопов государевых*, когда с начала этого столетия высочайшими указами было предписано обращаться на имя царствующего монарха, подписываясь «вашего величества нижайший раб». Данная формула, как показано в специальных исследованиях современных российских историков, имела более широкое значение, чем изначальная семантика термина *раб* и была практически лишена уничижительного смысла [Марасанова, 2005. С. 5–6; Трепавлов, 2007. С. 136].

Русскому слову *раб* в тюркских языках соответствовало понятие *кул*, которое обычно употреблялось казахами-степняками в отличие от их среднеазиатских соседей [Кулмаматов, 1994. С. 102; Материалы, 1932. С. 122–123; Трепавлов, 2007. С. 136] в своем прямом значении, т. е. обозначало лишь бесправных работников знатных номадов, или самый низший слой в традиционной статусной иерархии кочевого общества, который верстался из пленных русских, иранцев, калмыков, кыргызов, туркмен и других иноземцев [Бекмаханов, 1947. С. 102–105; Аполлова, 1960. С. 81–82]. Об исключительно иноэтничных источниках формирования социальной группы рабов казахские бии говорили в 1830 г. буквально следующее одному из российских чиновников: «Кулы у киргизов (т. е. казахов – И.Е.) приобретались покупкою и пленением от калмыков, закаменных и черных киргизов с правом наследственного владения, продажи, отдачи в уплату калыма за невест и в подарок другому; и невольники сии не имеют права по своей воле отходить от своего владельца. Приобретение же кулов из киргизов не допускается из уважения к своей нации» [Зобнин, 1901. С. 40].

Принимая во внимание несовместимость традиционного степного значения этого тюркского термина с высоким правовым статусом казахских правителей, татарские и башкирские муллы терминологически оформляли слово *раб* в посланиях своих хозяев российским монархам персидским понятием *банда* (букв. – *связанный, плененный, раб, слуга*), которое использовалось в основном в смысле «несущий службу», или «слуга» [Док. № 23, 71, 271 и др.]. Как правило, оно употреблялось ими в единой связке с арабским термином *таби'* или его синонимом *ра'ийят*, заимствованными, по-видимому, из османского политического лексикона. Оба арабских термина здесь обладают исключительно значением «подданный» [Будагов, 1869. С. 270, 328, 593–594], поэтому формулы *камтарин бандаңыз* и *таби'индаги бандаңыз* – *всеподданнейший раб*, или *нижайший раб*, семантически выражали в письмах степных ханов и султанов, адресованных царствующим особам императорской фамилии, ни что иное, как их почтительное отношение к большому международному престижу русских государей и свое формально зависимое положение от российского престола. Но было бы ошибочным интерпретировать эти казенные фразеологизмы как проявление

³ Здесь и далее по тексту перевод терминологии оригинальных казахских текстов с чагайтайского тюрки на русский язык Т.К. Бейсембиева.

титулованными степными лидерами личного самоуничтожения по отношению к российским монархам-сюзеренам.

В эпоху просвещенного абсолютизма высокопоставленные чиновники Российской империи, исходя из двусмысленного значения слова *раб*, стали избегать его употребления в своих обращениях к Екатерине Второй и заменяли данное самоопределение различными витиеватыми формулами. Позднее это правило было подтверждено указом императрицы от 15 февраля 1786 г., согласно которому в прошениях, подаваемых на высочайшее имя, следовало подписываться не словом *раб*, а *верноподданный*. Ответом на этот указ стала «Ода на истребление звания раба» русского поэта В.В. Капниста [Капнист, 1973. С. 18, 63–67]. Вслед за тем арабский термин *банда* постепенно перестал употребляться в переписке казахских ханов и султанов с представителями российского правящего дома и его наместниками.

Жанровое многообразие писем и их внутренняя структура. Для обозначения основных видов письменной корреспонденции внешнего и внутреннего назначения в степном письмоводстве широко использовались различные канцелярские термины арабского, персидского, тюркского, монгольского происхождения и композитные формулы, составленные из близких по значению арабских и персидских слов. Так, многие послания, адресованные иностранным монархам, их чиновникам и своим титулованным соотечественникам-джучидам, казахские правители определяли однозначными понятиями: *хат* (араб.), *нама* (перс.), *хатт-у-нама* (арабо-перс.), *йазу* (тюрк.), *мактуб-нама* (арабо-перс.) и *фичик* (тюрк.) – производное от казахского слова *бітік* и / или ойратского – *бичиг* [Док. № 87, 194, 232, 283, 286, 350 и др.]. Все эти термины употреблялись ханами и султанами в значении «письмо», хотя определяемые ими тексты заметно отличаются друг от друга по своей жанровой принадлежности.

С середины XVIII в. казахские правители, вероятно, под влиянием российской системы делопроизводства начали подразделять на понятийном уровне свои послания имперским властям на текущие сообщения о насущных проблемах общественно-политической и экономической жизни казахов-кочевников и апелляционные письма отчетно-просительного характера. Конкретные разновидности, или жанры второй категории писем они обозначали понятием *'арз-нама* (перс.) – «представление», *дунашинжы* (монг.) – «доношение», *'арз-и хал* (араб.) – «прошение» и т.п. [Док. № 323, 345, 799]. Многократное употребление их в переписке с высокопоставленными представителями российской бюрократии на протяжении второй половины XVIII – середины XIX в. отразило постепенный процесс сближения внутренней структуры казахских писем с определенными нормативными принципами построения российских документов делопроизводственного характера. А само смысловое значение этих понятий, в свою очередь, терминологически зафиксировало наметившуюся в то время политическую тенденцию к постепенному понижению прежнего правового статуса института ханской власти в казахских жузах и установление реальной зависимости степных правителей от административно-управленческого аппарата Российской империи.

В отличие от посланий императорам-сюзеренам, их наместникам в пограничных со степью регионах и равновеликим в юридическом смысле правителям-джучидам казахские ханы и султаны определяли жанр своих писем, адресованных лицам более низкого формального ранга по сравнению с ними, синонимическими понятиями *йарлык* (тюрк.), *нишан* (араб.), *ферман* (перс.), *хат-и шариф* (араб.) и т.п., которые переводились на русский язык как «грамота», «повеление», «предписание» или «указ» [Док. № 1, 23, 109, 345, 350, 385, 648]. Вместе с тем все официальные послания правящих особ царской фамилии степным правителям, в которых так или иначе употреблялись глагольные формы повелительного наклонения, последние обозначали в своей переписке с оренбургскими и сибирскими администраторами арабо-персидскими понятиями *'ала'и-фирман* и *ферман-и алиййа* – «высочайший указ» [Док. № 170, 323].

На основании вышеизложенного можно констатировать, что в канцелярской терминологии правящей элиты казахов-кочевников последней четверти XVII – первой половины XIX в.

отсутствовало четкое разграничение понятий, используемых для обозначения определенных разновидностей письменной корреспонденции. Большинство посланий, сходных друг с другом по функциональному назначению, этикетным и стилевым средствам подачи информации, ее тематическому спектру и т.п., их создатели обозначали различными терминами, а разные виды текстов – дипломатические письма, доношения, прошения, жалобы и в отдельных случаях распорядительные документы (указы и воззвания), напротив, одними и теми же наименованиями; что косвенно указывает на синкретичный характер содержания этих исторических источников.

По сложившейся научной традиции в составе условного формуляра писем степных правителей можно выделить три раздела: *начальный протокол*, *основную часть* и *конечный протокол*, включающие в себя стандартные нормативные группы элементов внутренней структуры текстов. К начальному протоколу обычно относят краткую богословскую преамбулу, или *инвокацию* (местоименное обозначение Бога – *худа*), обозначение адресата (*инскрипцию*), приветствие адресата (*салютацию*), обозначение адресанта (*интитуляцию*). В отличие от ханских ярлыков и битиков татарских ханств Поволжья и Крыма [Усманов, 1979. С. 184–186] первый структурный элемент в письмах казахских ханов и султанов за редкими исключениями отсутствует, что обусловлено особенностями традиционной политической культуры казахов-кочевников. Поэтому предметом рассмотрения в данном исследовании будут три последние элемента начального протокола.

Обозначение и приветствие адресата. Первыми статьями вводной части писем казахских джучидов монархам и чиновникам соседних государств являются *инскрипция* и *салютация*. Именно с этих двух статей в текстах посланий начинается обращение степного корреспондента к любому адресату, хотя в отдельных единичных письмах они помещены ниже интитуляции.

Обозначение адресата в посланиях российским и отдельным восточным монархам включает в себя три обязательных элемента: обобщенную этикетную формулу обращения к любой августейшей персоне (*һазратларининг ’узма хазрина, һазратлары, һазратымыз* – «ваше величество» или «ваше императорское величество»), краткий монархический титул главы государства с прилагаемыми к нему поясняющими определениями и многообразными эпитетами и собственное имя носителя данного титула. Инскрипции писем, адресованных высокопоставленным российским, среднеазиатским и цинским чиновникам, имеют идентичную форму, только в их первой части вместо этикетной формулировки «ваше величество» употреблены словосочетания «ваше высокопревосходительство» и «ваше превосходительство», а во второй части приведены названия административной должности и чина поименованного государственного деятеля. Во многих письмах такие иноязычные заимствования замещены сходными с ними по своему значению обобщенными понятиями из традиционного политического лексикона казахов-кочевников. Менее формализованный характер носят обращения казахских правителей к мелким служащим российского административно-управленческого аппарата и своим соотечественникам всех социальных рангов, хотя и здесь непременно присутствуют различные термины, обозначающие служебные чины, монархические титулы и сословные звания этих индивидуумов.

Среди всех трех категорий инскрипций наибольший научно-познавательный интерес представляют многозначные формулы обращений казахских правителей к российским монархам, так как в них отразились характерные особенности традиционной политической культуры степных кочевников и их общие представления о своем будущем и настоящем сузере.

В XVI – первой половине XVIII в. кочевые народы евразийских степей стали непосредственными очевидцами динамичного изменения геополитической ситуации во внутренней части континента, когда Российская держава быстро расширялась в разных направлениях, раздвигая свои границы к востоку и западу от бывшей Московии и присоединяя

к себе соседние территории, населенные множеством разноязычных племен и народов. Эти крупномасштабные территориальные приобретения, огромные людские и экономические ресурсы и военное могущество молодой евразийской империи придавали известный блеск ее политическому устройству, особенно такому основополагающему институту государства как верховная власть. Носители традиционной политической культуры внутри страны и в соседних степных регионах Евразии воспринимали ее как всеохватное, пронизывающее все сферы жизненного обустройства и магически-сакральное явление, недоступное пониманию простых людей.

Главной фигурой высшей государственной власти, ее духовной субстанцией и основным носителем, естественно, оказывался царь. Причем, в традиционных представлениях кочевых народов центральноазиатского региона в качестве такового выступали не какие-то отдельные наиболее выдающиеся и успешные российские самодержцы, а обобщенный абстрагированный образ всех вместе взятых русских государей, облеченный в фигуру *белого царя* [Трепавлов, 2007. С. 5–6]. Собираательно-нарицательный образ российского монарха в массовом сознании евразийских кочевников органично сочетал в себе абстрактные и конкретные, персональные черты. В нем тесно переплетались как традиционные архетипические представления об идеальном правителе, так и разного рода искаженные сведения о реальных российских самодержцах. Со времени покорения Иваном Грозным Казанского, Астраханского и Сибирского ханств абстрактный образ могущественного «великовластного» государя, справедливого арбитра и заступника, персонифицированный в фигуре российского монарха, прочно вошел в традиционную политическую культуру разных кочевых народов евразийского континента. Их правители и простолюдины-карача обозначали в XVI–XVIII вв. этот предельно мифологизированный образ титульным понятием *белый царь*, который на тюркских и монгольских языках выражался сходными по смыслу терминами: *ак хан, ак падша, цагаан хан* и т.п. [Трепавлов, 2007. С. 3].

Проблеме восприятия образа «белого царя» различными народами Российской империи посвящено специальное исследование современного российского историка В.В. Трепавлова. В нем автор на основе взаимного сопоставления и анализа широкого круга разнообразных письменных и фольклорных источников убедительно доказал, что в традиционных представлениях восточных народов Российской империи этот титул вобрал в себя «общекультурную универсалию, объединяющую в триединстве белизну, сакральность и высшую власть» [Трепавлов, 2007. С. 56]. По его определению, русский монарх был представлен в массовом сознании своих подданных и тех чужеземных правителей и народов, которые выражали желание принять российское подданство, в нескольких ипостасях [Трепавлов, 2007. С. 76].

Прежде всего он воспринимался как победоносный воитель, непоколебимый страж пограничных рубежей своей страны от земельных притязаний агрессивных соседей и успешный завоеватель соседних земель и народов;

во-вторых, как умелый устроитель и организатор режима единоначалия, верховный начальник над всеми чиновниками, занимающими разные ступени огромной пирамиды власти;

в-третьих, как верховный арбитр и защитник личных и имущественных прав своих подданных от вседозволенности и произвола полновластных наместников;

в-четвертых, как гарант легитимности получаемых почетных званий и титулов, жалующий или подтверждающий правовой статус, различные льготы и властные полномочия подданных своими указами и грамотами.

При этом, как верно заметил автор, *белый царь* изображался в фольклоре тюркских и монгольских кочевников не только светлыми красками. Типично фольклорные, мифологические черты здесь наслаивались на вполне адекватное отражение реальной действительности. В результате этого тот или иной российский самодержец выступал в восприятии своих подданных «одновременно могущественным и жестоким, справедливым и коварным, щедрым и любостяжательным». «А поскольку, – далее пишет он, – этот “большой хозяин”... олицетворял

собой государство, то такая противоречивая трактовка распространялась на всю государственную власть, все государственное устройство как тяжелое, но неизбежное и необходимое условие повседневной жизни» [Трепавлов, 2007. С. 76–77].

В письмах казахских ханов и султанов, адресованных Петру I, Анне Иоанновне, Елизавете Петровне, Екатерине II, Александру I и некоторым другим монархам Российской империи, типичное для всех этнокультурных групп кочевников того времени мифологизированное восприятие образа чужого и далекого российского государя нашло отражение в таких цивилизационно однородных формах титулования царствующих особ императорского дома, как *ақ хан* – «белый царь», *ақ хан падишаһ* – «белый царь, падишах», *ақ ва улуғ падишаһ* – «белый и великий падишах», *ақ хан улуғ падишаһ* – «белый царь, великий падишах», *ул улуғ бек импаратор падишаһи* – «государыня императрица», *ақ бипадша* – «белая падишахиня», *шаһиншаһ* – «царь царей» и т.д. [Док. № 7, 18, 22, 23, 83, 241, 243, 343]. Обычно они употреблялись в единой связке с так называемым «малым царским титулом» и определенными этикетными формами обозначения правящих членов императорской фамилии («ваше величество», или «ваше императорское величество»). В своих обращениях на «высочайшее имя» казахские правители, начиная с 1730 г., непременно указывали вместе с термином «белый царь» собственное имя и малый титул российских императоров, поэтому конкретное оформление персоны царствующего монарха можно считать неотъемлемым элементом писем степных ханов и султанов этим адресатам.

В приветственном обращении к российским монархам обоих полов ими преимущественно использовались относительно короткие и однообразные формулы: *шавкатлы ва даранда улуғ падишаһ билистиклал куллин... Руссияның һукмдари император... һазратларина ва ғайриһум* – «могущественный и державный великий падишах, самодержец всероссийский, его величество государь император»; *импаратор а'зам һазратлары*, или *шаукатлы импатрича а'зими ва балколлай айнайтлы падишаһ һазратлары* – «ваше императорское величество всемилостивейшая государыня»; *билакан ақ ва улуғ падишаһ һазратларын хузури* – «ваше величество государыня императрица», *шаукатлу ва кодратлу улуғ падишаһымыз а'зими импиратритса* – «всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица», либо более лаконично – *ул улуғ бек импаратор падишаһи* – «государыня императрица» и т.д. [Док. № 23, 87, 345 и др.]. Такие инскрипции полностью соответствовали российскому политическому этикету того времени и потому не несли в себе какого-либо уничижительного смысла.

Однако все вышеуказанные варианты обозначения «высочайших особ» стали общепринятыми в кругу правящей элиты казахов только во второй половине XVIII в., тогда как еще незадолго до принесения Абулхаиром клятвы на верность русской императрице и в первые годы после вступления его под патронат российского престола казахский хан и влиятельные султаны Среднего жуза, письменно обращаясь к августейшим повелительницам Анне Иоанновне и Елизавете Петровне, употребляли в своих посланиях более пространные и многозначные формулы, заимствованные из политического лексикона своих южных оседлых соседей, где прибегали к образным сравнениям их с легендарными историческими деятелями древних эпох и пышным цветистым эпитетам. Ярким образчиком степной инскрипции такого рода являются следующие начальные строки совместного послания султанов Абулмамбета и Абылая Анне Иоанновне от 12 декабря 1737 г.: «В великих улусах имеючая славнейший царской двор, при приеме странных людей многих знатных персон учреждаючая и против неприятеля бесчисленное войско повелительно употребляючая, от востока до запада большим и малым народам и многим городам повелительница, яко Джемшит храбрственная и яко Феридун в бозе надеючаяся, яко Беграм высокославнейшая, яко Нушерован Адель милостиво пресчедрая, яко Кейгавиз всегда в великой радости пребываючая, яко Рюстам всепресветлейшая, яко великия горы неподвижнейшая, яко глубину акияна власть пространно имусчая, яко платом премудро разумеючая, императорскому величеству, отцу нашему, мы, Абулмамет-салтан и Аблай-салтан, нижайше кланяемся...» [Док. № 202].

Аналогичная формула обращения на «высочайшее имя» фигурирует в послании хана Старшего жуза Жолбарыса к русской императрице, которое написано им 20 апреля 1738 г.: «Кланяемся величайшему белому падишаху. Великолепному как Джамшид, твердому как Рустам, справедливому как Нуширван и щедрому как Хатим следующее наше слово» [Док. № 188].

В том же духе выдержано и послание султана Среднего жуза Барака на имя императрицы Елизаветы Петровны, полученное в Оренбурге 24 сентября 1749 г.: «Всепресветлейшия, державнейшия, великия государыни императрицы, подобящейся высокостю и богатством великой горе и быстрой и глубокой реке, гневом – высочайшему небу, поступками – бывшему великому царю Ямшиду, высокосиянием – царю Кяивану, правосудием – великим царям Баграму и Навширвану, храбростию – высокославному богатырю Рустяму, милосердием – славному бывшему царю Хатяму; бедствующих и неимущих и сирот, яко мать, милостивно призирающая...» [Док. № 236].

В 30–40-х гг. XVIII в. казахские ханы и султаны уподобляли в своих письмах российских императриц одному из самых любимых тюркскими и иранскими народами языческих героев древности – могущественному персидскому царю из династии Сасанидов Хосрову Ануширвану (531–579) и легендарным персонажам древнеиранского эпоса: Бахраму Гуру, Джамшиду, Кейкавусу, Рустаму и Феридуна; а также Александру Македонскому, к которому, по преданию, некогда перешла корона Пешенга, родоначальника царей Турана – эпического антипода Ирана [Док. № 228]. Эти исторические параллели проистекали, как установил В.В. Трепавлов, из воспринятой степными правителями позднесредневековой книжной традиции возведения дальних предков московских государей к древней династии легендарных владык Ирана, которая в то время получила широкое распространение во многих государствах Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока [Трепавлов, 2007. С. 97–98]. Она была призвана показать глубинные истоки происхождения могущественной московской династии, определив её место в традиционной иерархии правящих домов континента, и тем самым генеалогически интерпретировать исторический факт распространения сюзеренитета российских монархов на бывшие золотоордынские земли во Внутренней Евразии.

Поскольку генеалогическая привязка православных правителей к исламским реальным и легендарным воителям была невозможна, мусульманские интеллектуалы «отыскивали» родословные корни московских царей среди языческих, домусульманских персонажей древнеиранского эпоса. Древним «предком» российских самодержцев был признан родоначальник мифической страны варваров – Турана – правнук Феридуна Пешенг, который считался в средневековых восточных историографиях одним из «предшественников» Чингиз-хана [Эвлия Челеби, 1979. С. 140, 142, 231, 235 (комментарии А.Д. Желтякова); Трепавлов, 2007. С. 97–98]. Посредством фигуры Пешенга устанавливалась линия исторической преемственности правового статуса и прерогатив верховной власти российских монархов от хорошо запомнившихся народам Центральной Азии ханов Золотой Орды. Эта преемственность выражалась в представлениях огромной массы коренного населения Поволжья, Урала, Сибири и Казахской степи о таких полномочиях российских государей, как право облагать податями своих подданных, наделять земельными угодьями отдельные группы людей и даже целые народы, или подтверждать их общинные права на исконные территории; жаловать почетные звания (например, тархана) и связанные с ними личные привилегии, утверждать особыми грамотами с «золотой печатью» (*алтун мухр*) высший титул верховных правителей вассальных ханств (*хан* и / или *старший хан*), предоставлять им по собственному усмотрению свои воинские ресурсы для обуздания внутрдинастийных соперников и внешних врагов, либо отказывать в предоставлении такой помощи и т.д. [Трепавлов, 2007. С. 99–100]. Соотнесение военного и политического могущества царствующей в России династии Романовых через древнеиранских эпических персонажей с прерогативами верховной власти ордынских правителей-джучидов четко определяло в письмах степных ханов и султанов этим августейшим персонам историческую роль последних как правопреемников прежних сюзеренов русских

княжеств и соседних восточных земель, которая обозначалась здесь разного рода пышными и цветистыми формулами приветствия «высочайших» адресатов.

В отличие от них для ханских и султанских посланий, адресованных царским наместникам, их ближайшим помощникам и командующим войсками в пограничных со степью российских губерниях, характерна более пестрая и неоднозначная картина. Так в большинстве писем казахских правителей оренбургским губернаторам и командирам воинских корпусов указаны их административные должности, чины и сословные титулы, а в других посланиях этим должностным лицам употребляются лишь отдельные обобщающие понятия, определявшие правовой статус последних как вышестоящих на служебной лестнице начальников по отношению ко всем остальным категориям провинциальных чиновников. В частности, ханы Абулхаир, Жолбарыс, Кушук и султан Барак, письменно обращаясь к главе Оренбургской комиссии В.Н. Татищеву, а позднее к его преемнику – оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву, иногда обозначали статус последних в административно-бюрократическом аппарате Оренбургского края широко распространенным тогда в традиционной народной культуре термином *йанарал* – «генерал» [Док. № 37, 43, 69, 100, 140, 189, 191, 236] в смысле «главный» над другими местными начальниками [Словарь, 1989. С. 100]. Титул *генерал* присутствует также в отдельных посланиях хана Абылая и его влиятельных современников-земляков оренбургскому губернатору И.А. Рейсдорпу и некоторым должностным лицам Сибирской губернии.

Таковыми же расхожими понятиями в политическом лексиконе казахов-кочевников были в XVIII – середине XIX в. титулы *торе* и *султан* (араб.), встречающиеся в степном фольклоре и письменных источниках того периода в двух значениях. В узком смысле *торе* (букв. – *господин, князь, принц*), или *султанами* [Об этимологии термина см.: *Трепавлов*, 1993. С. 38–41; *Скрынникова*, 1997. С. 45–48, 116–117], в Степи назывались все представители аристократической династии потомков Чингиз-хана по линии его старшего сына Джучи (ок. 1221–1225), потомков Урус-хана (1368–1377), из среды которых казахи выбирали своих верховных правителей-ханов [*Султанов*, 2001. С. 66–108; *Ерофеева*, 2003. С. 12–18; *Ускенбай*, 2013. С. 172–184]. Кроме того оба синонимических термина иногда распространялись кочевниками и на более широкий круг лиц, наделенных властными полномочиями. Причем, ими обозначались не только выходцы из наследственной кочевой аристократии, но и российские чиновники среднего и высшего звеньев, поскольку должностные полномочия и обязанности последних внешне соответствовали прерогативам власти и управленческим функциям сословия султанов в традиционном кочевом обществе. Проистекая из такого иллюзорно-умозрительного восприятия институтов государственной власти, степные понятия *торе* и *султан* фигурируют в эпистолярном наследии их носителей не только как специальные наименования казахской аристократической элиты «белой кости», но и в более широком значении «чиновник» [*Алтынсарин*, 1975. С. 233; МИКССР-2. С. 432 (примечания)]. В этом отвлеченном смысле они употреблялись для определения формального ранга отдельных высокопоставленных представителей чиновничье-бюрократического аппарата Российской империи в тексте личной присяги хана Нуралы на верность императрице Елизавете Петровне, принесенной 10 июля 1749 г. [МИКССР-2. Док. № 112. С. 295 (русский перевод)]; в одном из посланий хана Ширгазы I управляющему МИД графу К.В. Нессельроде, где последний назван *султаном* [МИКССР-4. Док. № 103. С. 282], и в письме сына хана Вали султана Чингиза майору И. М. Швабскому от 28 октября 1832 г. [*Martin, Mawktanuli* 2009. P. 25]. В последнем документе наличие прямой аналогии между казахскими султанами (*торе*) и имперскими чиновниками по статусному и функциональному критериям вполне очевидно.

Следует отметить, что уже в первые годы после принятия Абулхаиром российского протектората между царским правительством и правящей верхушкой казахов установился относительно регулярный обмен информацией о важнейших событиях в общественно-политической жизни обеих стран. Казахские ханы стали регулярно получать из Коллегии иностранных дел и от оренбургской администрации письменные уведомления об очередной

смене царствующих персон на императорском престоле Российского государства и новых персональных назначениях на высшие должностные посты в центральных государственных учреждениях и местных органах власти. Эта информация содержала в себе точные сведения о собственных именах вновь назначенных оренбургских и сибирских губернаторов и командиров пограничных войск, их воинских званиях, гражданских чинах, сословных титулах и почетных регалиях. Кроме того оренбургские чиновники постоянно информировали казахскую знать о сложившихся в их стране формах обращения к разным категориям должностных лиц в соответствии с занимаемыми ими местами в «Табели о рангах». В России, как, впрочем, и во многих других европейских монархиях того периода, эпистолярный этикет был строгим, а титулатура официальных адресатов и их обозначений разработана до тонкостей, за ее соблюдением неуклонно следили во всех канцеляриях центральных и местных государственных учреждений.

Нарушение устойчивых этикетных норм ведения дипломатической переписки рассматривалось во многих монархических государствах того времени как проявление пишущим знаков неуважения к личности адресата, и если таковым оказывался сам царствующий монарх, то, как неуважительное отношение и к возглавляемому им государству. Игнорирование правил эпистолярного этикета неизбежно приводило создателя письма к конфликту с полномочными представителями правящей династии на восточных окраинах империи, являвшимися его постоянными адресатами. Не желая давать формального повода для осложнения политических взаимоотношений с «белым падишахом», казахские правители старались точно указывать в своих посланиях российским официальным лицам их полные имена, титулы и звания, а также употреблять по отношению к ним те трафаретные формулы приветствий, которые широко использовались внутри Российской империи.

В многочисленных письмах российским министрам, местным губернаторам, их помощникам и командирам пограничных войск, имевшим чин действительного тайного советника или генерал-поручика, казахские ханы и султаны в большинстве случаев указывали их полные собственные имена, административные должности и звания и употребляли по отношению к ним этикетную формулу обращения – *иззатилмиш 'алиййа мартабали* – «ваше высокопревосходительство», а в посланиях чиновникам среднего звена от бригадира до генерал-майора – *'али гаһлу джаһлу баланд һимматлу* – «ваше превосходительство». Кроме того к официальным формам обозначения российских государственных деятелей они нередко прибавляли отдельные ремарки уточняющего характера («почтенному другу моему», «покровителю моему») или прославляющие их эпитеты («достойному уважения и почтения, любезному ученому из ученых»; «отличнейшему из министров своею справедливостью и благотворениями» и т.п.). Такие неформальные инскрипции в одних случаях выражали расчетливое стремление авторов писем приобрести особое расположение влиятельных адресатов, а в других – их действительно доброжелательное или даже дружеское отношение к конкретной персоне.

Наиболее показательными в этом отношении являются письменные обращения хана Абулхаира к единоверному с ним бригадиру А.И. Тевкелеву, имевшему в отличие от других пограничных российских чиновников того периода наиболее тесные и долговременные связи с правителями Младшего и Среднего жузов. Казахский хан называет здесь своего многолетнего партнера по установлению договорных отношений казахских жузов с Россией и личного покровителя «истинным, искренним и усердным благодетелем», определяет его как человека, близкого себе в духовном отношении – «яко душе моей подобного», а самого себя – в качестве «верного друга» Тевкелева [Док. № 150, 161, 162]. По общей тональности и стилистическим особенностям речи эти образные и эмоционально насыщенные выражения резко отличаются от сухих строго официальных вариантов обращений Абулхаира к оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву и несут на себе заметный отпечаток субъективности.

Отсутствие собственного имени, служебного звания и административной должности чиновника и употребление наикратчайшей формы приветствия этого лица прослеживаются

лишь в тех текстах казахских ханов и султанов, которые предназначались мелким российским служащим (комендантам крепостей, служителям губернской канцелярии и т.п.), обладавшим ограниченной компетенцией в решении сложных вопросов двусторонних отношений. В целом же для абсолютного большинства писем степных правителей российским гражданским и военным чиновникам характерно четкое обозначение адресатов: их личных имен, официального положения, сословных титулов и почетных регалий, что практически снимает проблему идентификации этих персоналий для исследователей истории Казахстана.

Определенный научно-познавательный интерес представляют также обращения казахских ханов и султанов к монархам Цинской империи, титул которых они обозначали в своих посланиях терминами: *улуғ азин* (тюрк.) – *иджин хан* – «великий хан», *дере йеке хантанду* (ойр.) – «высший великий хан», *боғда-азин-хан* (тюрк.) – «господин богдыхан», *йукары боғда азин* (тюрк.) – «его величество богдыхан» [Док. № 253, 342, 350, 362] и проч.

В конце XV – первой половине XVIII в. северо-западные провинции Китая были отделены в геополитическом пространстве Центральной Азии от Казахской степи обширной территорией Джунгарского ханства (1635–1758), которая охватывала все Семиречье, Восточный Туркестан, Алтай, Верхнее Прииртышье и часть Среднего Прииртышья [Ерофеева, Аубекеров, Рогожинский, 2008. С. 20]. Из-за сложных взаимоотношений казахов со своими юго-восточными соседями – ойратскими кочевыми племенами – и отсутствия у казахских жузов общей границы с Китаем степные правители на протяжении более трех веков не имели дипломатических контактов с правящими там имперскими династиями Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911), вследствие чего у них не сформировалось сколько-нибудь ясное представление о далеких и малознакомых среднеазиатских народах «желтых ханах».

Но в 1755–1757 гг. многие султаны Среднего и Старшего жузов оказались непосредственными очевидцами трагической для ойратов развязки многолетнего джунгаро-цинского противостояния в регионе в качестве военных союзников мятежных ойратских нойонов Даваци (1722–1759 гг.) и Амурсаны (1722–1757) [Моисеев, 1991. С. 201–230]. Став невольными свидетелями сокрушительного разгрома и гибели Джунгарского ханства, а также завоевания многочисленными войсками маньчжуров единоверных с казахами народов Восточного Туркестана [ЦИКХ-1. Док. № 3–84; Кузнецов, 1981; Моисеев, 1998. С. 121–172], они имели возможность увидеть собственными глазами впечатляющие масштабы военного могущества и всевластия императора Китая, что в конечном итоге предопределило ориентацию части степных правителей на сближение с династией Цин. Начало этому процессу было положено в июле 1757 г. письменным обращением самого влиятельного тогда властителя казахских родов Среднего и части Старшего жузов султана Абылая к цинскому императору Цяньлуну (1736–1795), составленному на ойратском литературном языке, с просьбой о принятии протектората «великого богдыхана» [Док. № 253].

В последующие годы письма аналогичного содержания на имя той же персоны стали поступать в Пекин и от некоторых других правителей Среднего и Старшего жузов [Кузнецов, 1983. С. 22, 28, 29]. Судя по основному содержанию посланий Абылая и Абулфеиза владыке «Поднебесной империи» [Док. № 253, 265, 344, 351, 352, 354], в представлениях степных кочевников последний обладал не меньшими властными прерогативами, чем российские самодержцы, а, следовательно, формальный ранг этого адресата полагалось обозначать ханским титулом в сочетании с усиливающим его внутренний смысл эпитетом «высший», или «великий». Но поскольку новая для огромной массы населения Евразии и малоизвестная в мусульманском мире маньчжурская династия Цин не входила в традиционную иерархию правящих аристократических династий, казахские правители избегали употреблять сложные по составу и многозначные лексические формулы обращения к цинскому богдыхану, предпочитая ограничиваться кратким упоминанием его титула с прибавлением того или иного оттеночного эпитета.

Обозначение адресанта. Другим важным элементом условного формуляра писем казахских правителей является *интитуляция*, т. е. обозначение самих адресантов. Во многих

документах она присутствует во вводной части (начальном протоколе) текста, но, как показывает проведенный мной структурный анализ содержания выявленных посланий, иногда самые объемные по содержанию и сложные формы интитуляции встречаются не во введении, а в основной части или в конце документа.

Казахские ханы и султаны обычно определяли самих себя и свой официальный статус в переписке с различными адресатами *краткой* и *развернутой* формулами. Лаконичная форма самоидентификации сводилась к обозначению собственного имени и монархического титула правителя (*Абулхаир-хан*, *Барак-султан* и т.д.), которые большей частью указывались в текстах писем ниже инскрипции и салютации. В сущности именно они являлись не только основными, но и безусловно обязательными составными частями любой интитуляции, при отсутствии хотя бы одного из них адресант переставал быть таковым, то есть официальной формулой принадлежности титула *хан* или *султан* определенному историческому лицу.

Иногда казахские правители добавляли к своему имени и монархическому титулу почетное звание *бахадур*, а ханы Тауке и Абулхаир – еще и мусульманский титул *гази* (араб. От слова *газа* – «воевать»), определявший их особое положение среди кочевников-мусульман как организаторов успешных военных походов против «неверных» (*Таваккул-Мухаммад-хан Гази*, *Таваккул-Мухаммад-Бахадур-хан*, *Абу-л-Хайр-Мухаммад-Гази-Бахадур-хан* и т.п.) [Док. № 1, 7, 83]. Причем, под противниками суннитского направления в исламе, или так называемой «правильной веры», в сложившейся тогда обстановке жестокого военного противостояния казахов с соседними западномонгольскими кочевыми племенами подразумевались большей частью волжские калмыки и ойраты, исповедовавшие тибетскую форму буддизма; а также воинственные мусульмане-шииты, которые составляли в XVII – первой половине XVIII в. основное население Ирана и смежных с ним юго-восточных регионов Среднего Востока. Об этом убедительно свидетельствует претенциозное содержание интитуляции в послании хана Абулхаира иранскому шаху Надиру Афшару (1736–1747), составленном 7–8 ноября 1740 г. Здесь степной монарх обозначил свое особое положение по отношению к завоеванным последним среднеазиатским ханствам, а буддистами-джунгарами – народам Восточного Туркестана формулой *джумла мусульманның һукмдары Абу-л-Хайр-Мухаммад-Гази-Бахадур-хан* – «повелитель над всеми мусульманами Абу-л-Хайр-Мухаммад-Гази-Бахадур-хан», противопоставив себя тем самым в качестве единственного в регионе независимого защитника «истинного ислама» воинственному основателю сильной шиитской державы [Док. № 83].

В этом послании, как и в некоторых других письмах казахских титулованных лидеров, встречаются разного рода пышные эпитеты, приставляемые ими к своим собственным именам и краткому титулу: «повелитель над всеми мусульманами», «великий победоносец», «храбрый победитель», «победоносный, сиятельный и храбрый», «отец величия» и т.п. Однако такие многословные формулы нельзя считать одним из вариантов развернутого оформления адресанта, так как они не несут в себе информацию об определенном месте, занимаемом создателем писем в традиционной степной иерархии власти, а всего лишь выражают его претензию на некий наивысший статус по отношению к другим субъектам социальных отношений [НУБКН. Док. № 99. С. 211; № 139. С. 334].

В отличие от них развернутая, или полная, формула интитуляции, употреблявшаяся ханами и султанами намного реже, чем краткая, включает в себя следующие элементы: монархический титул создателя письма *хан* или *султан*, наименование подвластного ему сегмента казахского кочевого общества, либо всей этнической группы в целом и собственное имя правителя. Она представляет собой наиболее сложную и емкую формулу обозначения адресанта, хотя на первый взгляд состоит из вполне прозрачных в отдельности частей. Благодаря присутствию в составе таких титульных понятий специальных уточняющих номинаций они служат первостепенным источником информации о конкретных объектах власти поименованных носителей обоих титулов и пределах их монархических полномочий в социальном пространстве трех жузов.

Среди общей массы развернутых интитуляций казахских ханов и султанов последней четверти XVII – середины XIX в. наиболее информативной группой титульных понятий являются ханские формулы, которые емко характеризуют основные особенности традиционной политической организации у казахов. В ходе комплексного изучения всех зафиксированных в письмах ханов кратких и полных форм обозначения адресанта установлено, что 27 монархов рассматриваемого периода, оставивших после себя более или менее многочисленное эпистолярное наследие, постоянно оформляли свою персону и ее властные prerogatives лаконичным термином *хан*, без прибавления к нему каких-либо поясняющих слов и красочных эпитетов (см. ниже таблицу). Из них 15 ханов – Абулхаир, Кушык, Абулмамбет, Барак, Абылай, Нуралы, Пиралы, Вали, Ералы, Айчувак, Жанторе, Букей I, Ширгазы I, Каипгали, Ермухаммед – периодически употребляли в переписке со своими соотечественниками и иностранными корреспондентами наряду с кратким монархическим титулом многословные развернутые титулы, в составе которых присутствуют отдельные элементы уточняющего характера. При взаимном сопоставлении обеих групп титульных формул обнаруживается следующая историческая картина.

Приведенные в письменных текстах монархов 27 идентичных между собой образцов краткого оформления адресанта, содержащих только собственное имя и титул правителя, однозначно свидетельствуют о том, что в традиционном казахском обществе отсутствовала монополия какой-либо одной династийной ветви султанов-джучидов на право присвоения и наследования титула *хан*, и во все исторические эпохи на территории казахских жузов параллельно правили 3–5 и большее количество ханов, которые возглавляли разные по величине и родовому составу группы кочевников-казахов. Эти тенденции четко прослеживаются на протяжении шести условно выделенных мной поколений соправителей-ханов и отражены в данных специальной таблицы, охватывающей хронологический период со времени правления Тауке до законодательной отмены в 1822 и 1824 гг. института ханской власти в Среднем и Младшем жузах.

№ п/п	Ханы-адресанты	Годы параллельного правления
1	Тауке (до 1715 г.), Каип I, Абулхаир, Кушык (позднее 1717 г.)	1710–1719
2	Абулхаир, Жолбарыс (до 05.04.1739 г.), Кушык, Абулмамбет (с середины 1738 г.), Жаубасар (1735–1737–1744)	1720–1748
3	Абулмамбет, Нуралы, Батыр, Барак (до середины 1750 г.), Абылай II (с 1768 г.)	1749–1770
4	Нуралы (до середины 1786 г.), Абылай II (до 1781 г.), Таир (до конца 1786 г.), Пиралы, Вали (с 1781 г.)	1771–1790
5	Вали, Пиралы (до 1805 г.), Ералы (до 1794 г.), Есим III (1795–1797), Айчувак (1798–1805), Жанторе (1806–1809), Каратай (с 1806 г.)	1791–1790
6	Вали, Каратай (до 1816 г.), Букей I (до середины 1815 г.), Ширгазы, Букей II (с 1814 г.)	1812–1821

В отличие от общего для всех степных монархов «малого», или краткого, титула употребленные ими в письмах 20 вариантов развернутой формы интитуляции представлены двумя взаимно различающимися группами понятий, которые не совпадают по своему значению друг с другом. Шесть из них определяют монархические prerogatives носителей краткого титула *хан* как владык всех казахских родов и племен, а остальные варианты – как управленцев регионального и локального уровней, возглавлявших отдельные части казахского кочевого общества. Похожие неоднозначные номинации ханского титула казахские властители употребляли для оформления своей персоны, по-видимому, и в более ранний период времени, о чем убедительно свидетельствуют конкретные упоминания средневековых восточных

историков по этому поводу. Для разграничения формальных рангов степных ханов, одновременно управлявших разными родоплеменными группировками казахов-кочевников, в мусульманских персо- и тюркоязычных сочинениях XV–XVII вв. неоднократно использовались две группы уточняющих терминов. К первой группе относились такие уточняющие термины, как: *падишах*, *улуғ хāн*, *хāн-и бузург*, *хāн-и калāн* – «старший хан» либо идентичные им понятия – *хāн-и калāнтар* («более старший хан») и *хāн-и хāн-и калāн* («хан старшего хана»). Ко второй группе – *кичи[к]-хāн*, *хāн-и хурд* – «младший хан» [Султанов, 2001. С. 77, 145, 163, 183, 189; Атыгаев, 2012. С. 24–25; Атыгаев, Джандосова, 2013. С. 75–76, 79]. Кроме того отдельные ханы, возглавлявшие самые малочисленные группы кочевого и оседлого населения региона, обозначались восточными авторами термином *келте хан* – «мелкий хан» [Султанов, 2001. С. 77]. Под первой группой титулов в нарративных источниках того периода упоминаются ханы: *Керей* (1465–1473–74), *Бурундук* (1473–74–1509), *Касым* (1509–1521), *Мамаш* (1521–1522), *Тахир* (1522–1531–32), *Бауш* (1531–1532–1537), *Хаккназар* (1551–1580), *Шигай* (1580–1582), *Таваккул* (после 1583–1598), *Есим* (1598–1613–14, 1627–28), *Турсун I* (1613–14–1627), *Жанибек* (1628–29–1644–45), *Жангир I* (1644–1652) и *Тауке* (не позднее 1675–1715), а под второй и третьей – все остальные степные правители [Султанов, 2001. С. 124–229; Атыгаев, 2007. С. 50–62; Атыгаев, 2012. С. 24–30; Трепавлов, 2013. С. 54–60; Атыгаев, Джандосова, 2013. С. 73–83].

Аналогичное по смыслу разделение формальных рангов параллельно правивших казахских властителей прослеживается и в комплексе развернутых интитуляций степных владык 30–80-х гг. XVIII в., которые существенно проясняют и уточняют терминологию позднесредневековых мусульманских историков. Употребленные ханами разнообразные варианты самотитулования можно свести на основании вышеуказанных семантических различий между ними к двум следующим категориям титульных понятий. Одна из них охватывает набор таких трафаретных терминов, принятых в Казахской степи, как «хан Младшего жуза», «хан Среднего жуза», «хан Старшего жуза», «хан Среднего жуза киргиз-казахского йурта», «хан туркменского народа и некоторых киргиз-казаков», «хан западных казахов» и тому подобные наименования. Все перечисленные формулы имеют одно и то же смысловое значение и емко характеризуют социальный статус их носителей как правителей одного из трех жузов, а точнее, какой-то части родов и племен, либо нескольких родовых групп поименованного жуза. Эти образцы развернутых ханских интитуляций многократно фигурируют в письмах Нуралы, Абылая II 1768–1772 гг., Вали, Пиралы, Ералы, Есима III, Айчувака, Жанторе, Букея I, Букея II, Ширгазы I, Каипгали и являются обычной номинацией «младших» и «мелких» ханов.

Ко второй категории титульных понятий относятся композитные формулы: «хан киргиз-казахского народа», «хан киргиз-казахского йурта», «хан всех казахов», «главный хан» и проч. Они встречаются только в письмах Абулхаира 1731–1747 гг. и Абылая II 1776–1779 гг., в эпистолярном наследии других казахских ханов XVIII – первой половины XIX в. идентичные варианты обозначения адресанта отсутствуют. В данных выражениях, переданных посредством тюркских терминов, титул *хан* употреблен в сочетании с обобщенным этническим наименованием всех вместе взятых социально-территориальных групп казахов-кочевников («киргиз-казахский народ», «все казахи»), либо занимаемой ими территории («киргиз-казахский йурт»), а в последней комбинации – с универсальным уточняющим эпитетом «главный»; чем они существенно отличаются от первой группы титульных формул. Эти емкие и вполне понятные не только для современников, но и для нас термины служили персональным обозначением именно «старшего хана». Так обычно титуловали самих себя верховные правители трех жузов, которые выполняли интегрирующую функцию по отношению ко всем остальным параллельно правившим степным властителям и возглавляемым им патронимическим группировкам казахского кочевого общества.

Вместе с тем необходимо отметить, что рассмотренные здесь две статусные категории титульных понятий обнаруживают в целом неравноценность формальных рангов степных парт-

неров по управлению кочевниками и иерархический характер их взаимосвязей в структуре традиционной политической организации казахского общества. В связи с этим сравнительный анализ обеих групп ханских интитуляций за разные десятилетия и годы позволяет нам, с одной стороны, четко разграничить между собой прерогативы власти главных, или старших, ханов и монархов более низких статусов («младших» и «мелких ханов»); а с другой, – достоверно установить среди всех титульно оформивших свой социальный ранг исторических деятелей рассматриваемого периода носителей высшего титула.

Согласно данным среднеазиатских мусульманских хроник позднего средневековья и казахских эпистолярных источников нового времени, глубоко укорененная среди кочевников традиция иерархического деления синхронно правивших ханов на верховных правителей казахского народа, монархов одножужовского масштаба и властителей локального уровня просуществовала в степи с 1465 по 1780 гг., т. е. до того момента, когда институт ханской власти стал объектом целенаправленного административного воздействия царского правительства [Масанов, Абылхожин, Ерофеева, 2001. С. 174–184]. В течение 315 лет казахское кочевое общество поочередно возглавляли не менее 18 старших ханов; из них последние 4 монарха управляли всеми тремя жузами казахов с 1715 по 1780 гг.

В посланиях разных ханов, султанов и старшин 1715–1718 и 1730–1780 гг., адресованных на «высочайшее имя», к категории *старших ханов*, или верховных правителей трех жузов, отнесены после Тауке: ханы *Каип I* (1715–1718), *Абулхаир* (1719–1748), *Абулмамбет* (1748–1770) и *Абылай II* (1771–1780), хотя наивысший статус первого и третьего из этих четырех лиц сколько-нибудь определенно не обозначен в их интитуляциях. О властных полномочиях Каипа I как главного казахского хана косвенно упоминается лишь в самом раннем письме Абулхаира, усмирявшего тогда по его «приказу» неких своевольных казахов-кочевников; а о «старшинстве» Абулмамбета – в двух посланиях Абылая II Екатерине II и оренбургскому губернатору И.А. Рейсдорпу от 28 февраля 1778 г., где бывший патрон последнего выступает в качестве правопреемника верховной власти Абулхаира [Док. № 22, 322, 323].

В отличие от аморфных самоопределений Каипа I и Абулмамбета для эпистолярного наследия ханов Абулхаира и Абылая характерны более или менее четкие и емкие формулы интитуляции, которые заметно выделяются по своему содержанию из общей массы развернутых обозначений адресанта, встречающихся в письмах всех учтенных нами представителей правящей элиты казахов XVIII – первой половины XIX в. Так, например, Абулхаир официально оформлял этносоциальные и территориальные пределы своей власти в письмах на высочайшее имя терминами: *қырғызказағи йуртының хан* – «хан киргиз-казахского йурта», *қырғызказағи халқының хан* – «хан киргиз-казахского народа» и *қырғызказағи ва каракалпағы хан* – «хан киргиз-казахов и каракалпаков» [Док. № 71, 97, 144, 157], что вполне соответствовало его реальным монархическим прерогативам. Убедительным подтверждением этому является употребление влиятельными казахскими старшинами [МИКССР-2. Док. № 97. С. 260 (русский перевод), 391 (оригинальный текст)] и супругой хана Бопай-ханым в посланиях российским императорам [Док. № 170] по отношению к Абулхаиру титулов *улкен хан* – «главный хан» и *улкен һәм һақықат хан* – «главный и действительный хан», что явно указывает на его повышенный статус в сравнении с параллельно правившими тогда в Степи ханами Жолбарысом, Кушыком, Жаубасаром, Сеитом и Абулмамбетом.

Под теми же титулами, переданными в переводах второй четверти XVIII в. русскими терминами *главный хан* и *большой хан*, его имя параллельно упоминается в записях устных сообщений влиятельных башкирских тарханов Алдара Исекеева (ум. в 1740) и Таймаса Шаимова (ум. в 1737–38), знатного батыра Младшего жуза Бокенбая Караулы (ум. в 1741–1742), хана Среднего жуза Самеке (1724–1738), первого казахского тархана Жанибека Кошкарулы (ум. в 1751) и некоторых других компетентных современников [КРО-1. Док. № 33. С. 62, 64; № 166. С. 427, 429–430; ИКРИ-2, 2005. Док. № 56. С. 369; № 59. С. 372].

Кроме того, в казахских эпистолярных источниках второй четверти XVIII в. встречаются и иные определения формального ранга Абулхаира в традиционной иерархии правящих до-

мов казахских жузов. В частности, в отдельных посланиях разных лет султанов Барака и Абылая Елизавете Петровне его персона и ханские прерогативы интерпретированы через призму типичного для кочевников генеалогического восприятия институтов власти посредством взаимосвязи категорий «единства происхождения», «первородства», «родства» и «старшинства» казахских родов и племен. В соответствии с этими представлениями полномочный глава «обширного семейства» степных ханов обозначен терминами *ағамыз* и *ағамны* – «старший брат» [Док. № 224, 261], которые имеют такую же смысловую нагрузку, как и понятие *улкен хан*. Хан Абулхаир, в свою очередь, определял в письмах русским царицам правовой статус всех современных ему казахских ханов и султанов понятиями *инам* – «младший брат» и *инларымыз* – «младшие братья» [Док. № 87, 131], которые обозначали их более низкое положение в степной пирамиде власти по отношению к нему как главному хану трех жузов.

Идентичное по смыслу терминологическое оформление своего монархического ранга присутствует и в некоторых письмах Абылая, написанных в последние годы его жизни. В эпоху правления Абулхаира он был еще только султаном и тогда предпочитал обозначать себя краткой формулой – *Абулай-Бахадур-султан*, или *Абулай-Мухаммад-Бахадур-султан* [Док. № 199, 239, 241, 242], которая одновременно являлась и содержательным ядром удостоверительной надписи на его личной печати [Ерофеева, 2001. С. 50–52]. В 50–60-х гг. XVIII в., когда верховным правителем трех жузов формально считался Абулмамбет-хан, Абылай неоднократно использовал в письмах российским адресатам развернутый вариант интитуляции – *Орта йуз султан* – «султан Среднего жуза» или *Орта йуз қырғызқазағи йуртының султан* – «султан Среднего жуза киргиз-казахского йурта» [Док. № 261 и др.], хотя к концу указанного периода его власть распространялась уже не только на подавляющее большинство родов Среднего жуза, но и на часть Старшего жуза [Сулейменов, Моисеев, 1988. С. 123].

С 1769 г. в связи с постоянным проживанием хана Абулмамбета в Туркестане и его постепенным самоустранением от управления зависимыми родами и племенами кочевников [КРО-1. Док. № 178. С. 469; № 225. С. 582; № 234. С. 603; Рычков, 1999. С. 85; ИКРИ-4. С. 198, 258], Абылай стал фактически единовластным правителем казахских родоплеменных групп, кочевавших в северной, центральной и юго-восточной частях региона и с того времени стал титуловать себя в посланиях имперским чиновникам *Орта йуз Аблай хан*, то есть *ханом Среднего жуза* [Док. № 286]. Причем, самое раннее употребление им титула *хан* в сочетании со своим собственным именем встречается в письме командиру отдельного сибирского корпуса генерал-майору П.А. Девицу от 7 мая 1768 г. [Док. № 283], которое заверено другой персональной печатью Абылая с вырезанной на ней надписью – *Абулай хан бен Бахадур Вали султан* [Ерофеева, 2001. С. 48–51]. На основании приведенных фактов можно сделать вывод, что Абылай был возведен в ранг хана Среднего жуза, вероятно, не позднее начала 1768 г., так как именно с этого времени он стал постоянно заверять свои послания внешнего назначения новой именной печатью с обозначением на ней титула *хан*. Но, к сожалению, конкретные обстоятельства приобретения им более высокого статуса мне пока не известны.

В конце 1770 или в начале 1771 г. в Туркестане скончался старший хан казахов Абулмамбет, и некоторое время спустя казахские ханы, султаны и старшины официально провозгласили Абылая верховным правителем трех жузов, несмотря на то, что старший сын Абулхаира хан Младшего жуза Нуралы (1748–1786) раньше его приобрел ханский титул [Андреев, 1998. С. 36–37; ЦИКХ-2. Док. № 165. С. 95]. В письме оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу от 28 февраля 1778 г. новый глава иерархической корпорации казахских ханов так описал это знаменательное событие своей жизни: «А стал я ханом потому, что в 1771 г. с целью преградить путь отказавшимся от покровительства падишахского величества и сбежавшим калмыкам весь киргиз-казахский народ сел на коней, и все наши знатные и именитые люди казахского йурта уч-алач, города и степные окраины, а также все именитые люди Ташкентского йурта и знатные люди Туркестанского йурта согласились в том, чтобы поставить меня *главным над всеми ханами* (выделено мною – И.Е.). По нашему обычаю и по правилам пред-

шествующих ханов в городе Туркестане, где скончался наш святой хазрат Ходжа Ахмад Йаса-ви, над его могилой была прочитана Фатиха, и я был поднят ханом» [Док. № 322].

В процитированном фрагменте письма Абылай определил на чагатайском тюрки ново-приобретенный им высокий ранг композитной формулой *кулл ханларның ағласы қылыб* – «главный хан», которая по смыслу идентична более емкому и лаконичному термину *улкен хан*. Интерпретация им своего повышенного статуса – *ханлық мартабасы* («степень хана») – как верховного правителя трех жузов прочитывается также в титуле – *уч алач қырғызказакның ханы* – «хан всех кыргыз-казахов», который этот адресант употребил по отношению к своей персоне в единовременном обращении к Екатерине II с просьбой об официальном признании за ним звания «главного хана», поскольку речь здесь идет о преемственной передаче (*наубат* – об «очередности», или «череде») ему «ханского достоинства» (*ханлуқ исми*) от ханов Абулхаира и Абулмамбета [Док. № 323]. В других письмах Абылая за 1778 г. и в нескольких посланиях, составленных на протяжении двух последующих лет его жизни, последний верховный правитель трех жузов титуловал себя исключительно краткой формулой – *Абулай-хан*, так как присвоенный им высший титул – *главный хан* – не был утвержден российской императрицей. Вместо него Екатерина II своим патентом от 24 мая 1778 г. признала за Абылаем только звание хана Среднего жуза [КРО-2. Док. № 43. С. 88–89, № 44. С. 89–90, № 45. С. 90–91].

В отличие от Абулхаира и Абылая все остальные современные им степные правители (Кышык, Абулмамбет, Жолбарыс, Жаубасар, Сеит – в 1738–1740-х гг. и Нуралы, Есим III, Пиралы, Болат II, Таир – в 1771–1780 гг.) и ханы более позднего времени обозначали свою персону в письмах иностранным соседям либо исключительно кратким титулом, либо такими развернутыми формулами, как: *Кичи йуз хан*, *Орта йуз хан*, *Улуғ йуз хан* и т.п. – «хан Младшего жуза», «хан Среднего жуза», и «хан Старшего жуза». Эти номинации имели по аналогии с титулами «главный хан», «хан казахского народа» и «хан всех казахов» уточняющее значение и определяли правовой статус их носителей в традиционной пирамиде ханской власти в качестве нижестоящих, или *младших* ханов. Однако в действительности, как показывают другие письменные источники рассматриваемого периода, монархические прерогативы пяти соправителей Абулхаира и пяти – Абылая распространились даже не на весь Младший, Средний или Старший жуз, а только на часть родовых групп, либо отдельные роды поименованного ими жуза [Ерофеева, 1997. С. 74–95]; поэтому употребленные в письмах развернутые ханские титулы не являются самодостаточными для установления пределов власти нескольких титулованных современников в казахских жузах и разграничения внутри них статусов «младших» и «мелких» ханов. Следовательно, для окончательного разрешения данной проблемы необходимо привлекать наряду с письмами ханов единовременные записи устных показаний этих исторических лиц и подвластных им султанов и старшин, которые содержат дополнительную информацию о каждом хане.

В целом же изучение разнообразных вариантов полных интитуляций казахских монархов, синхронно правивших на территории региона, свидетельствует о том, что они несли одну и ту же смысловую нагрузку – терминологически оформляли место этих персон в традиционной степной иерархии статусов и информировали о нем императоров-сюзеренов. Все вышеуказанные степные номинации в лексическом отношении мало чем отличаются от монархических титулов *киргиз-кайсацкий хан* [КРО-1. Док. № 173, 175], *хан Средней киргиз-кайсацкой орды* [КРО-2. Док. 44, 45], *хан Меньшей киргиз-кайсацкой орды* [ГАОрО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 39], *хан киргиз-кайсаков, кочующих как в зауральских степях и при Нижнеуральской линии, так и среди степей астраханских* [ИБХ. Док. № 104] и т.п., которыми российские самодержцы в период с 1749 по 1824 гг. определяли социальные ранги их носителей (Нуралы, Абылая, Ералы, Букея I и др.).

Но при этом обе группы понятий не всегда совпадали по содержанию друг с другом, так как центральные и региональные власти империи, начиная с 1742 г., целенаправленно проводили в течение более 70 лет политический курс на постепенное дезавуирова-

ние в массовом сознании кочевников статусных различий между старшими, младшими и мелкими ханами, уравнивая их в получении соразмерной по величине материальной помощи и престижных знаков отличия от императорской фамилии (ежегодного денежного жалования, парадной одежды, защитных доспехов и дорогих сабель с насечкой, именных печатей из золота и серебра и т.д.), а также в праве «высочайшего» утверждения приобретенного ими традиционным путем ханского титула [МИКССР-2. С. 103–104, 114, 155–156, 178–179; 195; КРО-1. С. 272, 337–338, 348, 357–358, 401; Сулейменов, Басин, 1981. С. 175–176; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 3. Л. 71; РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. 1805 г. Д. 18. Л. 75–88; Ерофеева, 2007. С. 364–367 и др.]

После смерти Абулхаира императрица Елизавета Петровна в своем указе его преемнику хану Нуралы от 26 февраля 1749 г. не поддержала прошение группы казахских султанов и старшин о признании за ним права наследования от своего отца титула *старшего хана* и тем самым публично отказалась легитимировать, хотя и в завуалированной форме, институт верховной власти в пределах всех трех жузов [МИКССР-2. Док. № 97, 98; КРО-1. Док. № 143–145]. В дальнейшем царское правительство при титуловании очередных претендентов на высший титул придерживалось исключительно горизонтального – регионально-жузовского – принципа разграничения властных полномочий соправителей-ханов и в строгом соответствии с ним терминологически оформляло «ханское достоинство» этих высокостатусных персон как «хана Младшего жуза» и «хана Среднего жуза».

После административного отстранения в 1786 г. хана Нуралы от управления Младшим жузом имперские власти начали практиковать на территории Западного Казахстана назначение «всевысочайшими е. и. в. именными повелениями» наиболее послушных и удобных для них одножузовских монархов, который в начале XIX в. был распространен и на правящую верхушку кочевого населения других присоединенных к России степных регионов; но при этом постоянно имитировался прежний публичный обряд «всенародного избрания» ханов. Таким путем были возведены на ханский престол султаны: Ералы, Есим III, Айчувак, Жанторе, Ширгазы I – в Младшем жузе и Букей II – в Среднем жузе [АВПРИ. Ф. 122, Оп. 1. 1792 г. Д. 2. Л. 43; ГАОР. Ф. 6. Оп. 10. Д. 164. Л. 4; Рязанов, 1926. С. 5–8, 13–33; Вяткин, 1998. С. 269–272, 292, 310–314; Материалы 1960. Док. № 26. С. 47–50 и др.].

В результате проведения царским правительством политической линии на дезинтеграцию структур ханской власти у казахов и нивелирование разновеликих формальных рангов соправителей-ханов в российских актовых материалах и делопроизводственной документации второй половины XVIII – первой четверти XIX в. «ханами Младшего жуза» и «ханами Среднего жуза» в разные годы именовались два старших (Абулмамбет, Абылай), семь младших (Вали, Ералы, Айчувак, Букей I, Букей II, Ширгазы I и Жангир) и два мелких (Есим III, Жанторе) хана, которые имели неравные по своему характеру и масштабам влияния на кочевников властные прерогативы. Поскольку же петербургские сановники считали целесообразным, чтобы верховная власть в каждом жузе, включая Внутреннюю орду, принадлежала лишь одному хану, а с начала XIX в. – максимум двум параллельно правившим на его территории ханам, то высший монархический ранг одновременно жаловался русскими царями не более чем двум – четырем поднятым на белой кошке казахским султанам. Все остальные современные им ханы, кочевавшие в районах расселения казахов Младшего и Среднего жузов (Батыр, Барак, Каип II, Таир II, Каратай, Ширгазы II (1817–1819), Шигай (1816–1823), Арынгазы, Каипгали и др.), были лишены права употреблять в посланиях на высочайшее имя самовольно полученный ханский титул и постоянно обозначались в официальных документах тех лет только *султанами*.

Существенные различия прослеживаются также между степными интитуляциями и такими сословно-монархическими титулами, как *хан*, *ван* («принц»), *гун* («герцог»), *тайджи* («мелкий аристократ»), которые во второй половине XVIII – середине XIX в. цинские богдыханы жаловали многим ханам и султанам Среднего и Старшего жузов [ЦИКХ-2. Док. № 171, 180, 192,

193, 196; Хафизова, 1995. С. 141–160; Noda, 2010. P. 64–69]. Последняя группа титульных понятий относится к иной политической традиции, чем употреблявшиеся казахами внутри Степи обозначения трех разных институтов ханской власти в казахских жузах, поэтому их содержание отражает не столько саму реальную иерархию монархических рангов синхронно правивших ханов, сколько неравноценное официальное положение и функциональное предназначение этих аристократических лидеров в синоцентристской модели взаимоотношений империи Цин с соседними племенами и родами кочевников-казахов.

В связи с вышеизложенным научно-познавательная ценность приведенных в письмах вариантов самотитулования степных правителей, или обозначений адресанта, заключается в том, что они проливают новый свет на основные особенности традиционной организации институтов власти в казахском кочевом обществе, позволяют относительно точно датировать время возведения различных султанов на ханский престол и формируют более четкое и многомерное представление о реальных монархических прерогативах самых видных исторических деятелей рассматриваемого периода по сравнению с трафаретными образцами их титулования в российских и цинских делопроизводственных материалах.

Основная часть. После обозначения адресата и адресанта в посланиях казахских ханов и султанов иностранным монархам и своим соотечественникам-степнякам следует изложение сути письма. Эта часть состоит из трех относительно устойчивых элементов: наррации (повествования), сведений о доставивших письмо доверенных лицах правителя и его персональных удостоверительных знаков (подписи и печати).

Наррация, то есть повествовательный раздел, представлен внутри текста обоснованием целей и мотивов создания письма. Во многих ханских и султанских посланиях российским властям он занимает от одного до 6–8 бумажных листов (точнее – страниц), составляя в среднем 75–93% общего объема текста; в других группах писем – от 7 до 20–25 строк; и, как следствие этого, является менее информативным по своему содержанию, чем в основном массиве документов.

Налаживание относительно регулярной переписки правителей казахских ханств с главами соседних государств происходило в конце XVII – первой половине XVIII в. в условиях быстрого роста территории и военно-политического могущества Российской империи. В этот исторический период «Ликург» трех жузов хан Тауке, а позднее его правопреемники – ханы Каип I и Абулхаир являлись непосредственными очевидцами упрочения владычества России в смежных с кочевьями казахов районах Южного Урала и Западной Сибири, жесткого подавления правительственными войсками протестных движений недовольных новыми порядками башкирских тарханов и своевольных яицких казаков [Акманов, 1993. С. 205–210; Рябинин, 1864. С. 592; Дариенко, 1966. С. 97–83] и, напротив, предоставления царским правительством военной и материальной помощи тем лидерам иноэтничных элит, кто оказал важные услуги российским властям и сумел расположить их к себе [Бакунин, 1995. С. 30–31, 35; История Калмыкии, 2009. С. 362–365].

Степных правителей того времени и более поздних эпох впечатляли огромные территориальные размеры, богатство и мощь Российского государства, а также прочная как «непоколебимый столп» власть «белого царя», обеспечивавшая политическую стабильность на подвластных ему землях [КРО-1. Док. № 33. С. 73; Трепавлов, 2007. С. 103]. При этом они предусмотрительно оценивали общий потенциал казахских жузов и сопоставляли свои ресурсы, властные прерогативы и возможности с русским государем. С силой и величием российского монарха Каип I и Абулхаир связывали в 1718 г. свои надежды на военную помощь могущественного северного соседа против давних неприятелей-джунгар и его посредническое содействие в деле урегулирования перманентных пограничных конфликтов между казахами и башкирами – российскими подданными.

Именно этими мотивами определялось как функциональное назначение их обращений к Петру I, казанскому губернатору П.С. Салтыкову и сибирскому губернатору М.П. Гагарину тех

лет, так и конкретное содержание повествовательной части созданных писем. В них излагалась просьба о присылке в Степь «многих ратных людей» для ведения совместных военных действий против общего неприятеля – «контайши» и о взаимном пресечении межэтнических конфликтов на границе казахских жузов с земельными владениями России. В текстах посланий насущная необходимость получения такой поддержки аргументировалась убедительными ссылками на очередные вторжения джунгарских войск в казахские аулы, взаимные набеги «воров-башкир» и «воровских людей» из Степи в приграничные кочевья северных соседей и насильственный угон ими лошадей друг у друга [Док. № 16–19, 22]. Однако надежды обоих ханов на содействие российских чиновников в разрешении всех обозначенных в письмах актуальных вопросов в конечном итоге не оправдались [КРО-1. Док. № 23. С. 31].

К началу 30-х гг. XVIII в. международное и внутривластное положение казахских жузов еще больше осложнилось, что побудило Абулхаира обратиться летом 1730 г. к Анне Иоанновне с просьбой о предоставлении ему с подвластным народом «высочайшего» покровительства и защиты [Док. № 23; ИКРИ-2. Док. № 56–58]. В феврале следующего года русская императрица подписала жалованную грамоту о принятии казахов в подданство, вслед за тем Абулхаир принес в своих кочевьях в присутствии российского посланника А.И. Тевкелева присягу на верность «ее императорскому величеству» на заранее согласованных обеими сторонами условиях [Док. № 24, 25; КРО-1. Док. № 28, 33. С. 54].

В 30–40-х гг. XVIII в. примеру старшего казахского хана последовали младшие ханы Среднего и Старшего жузов – Самеке, Кушык, Жолбарыс, Абулмамбет и влиятельные султаны – Батыр, Барак, Абылай и Нуралы, которые отправили письма аналогичного содержания к императорскому двору [Док. № 188, 193, 210, 224, 240]. Соглашения этих монархов с российским правительством оформлялись, как и в случае с Абулхаиром, «присяжными» договорами с объявлением взаимных обязательств [КРО-1. Док. № 33. С. 60, 63–64; № 66, 70. С. 151–152; № 71, 72, 91, 103, 126]. Позднее при изменении внешнеполитической ситуации на северных и юго-восточных рубежах трех жузов и очередной смене на российском престоле царствующих персон степные правители по рекомендации провинциальных чиновников посылали в Петербург свои письменные заверения в «непоколебимой верности» новому монарху [Док. № 71, 87, 271, 666 и др.]. Вслед за тем оба политических партнера обновляли в ходе проведения особой официальной процедуры первоначальные союзно-протекторатные договоры [История Казахстана, 2013. Вып. 2. С. 15–64; КРО-1. Док. № 67, 93, 254; Левшин, с. 241].

В связи с установлением договорных отношений казахов с империей содержание основной массы писем ханов и султанов российским властям приобрело в середине XVIII – первой половине XIX в. более детальный, многоаспектный и информативный характер. Лаконичные упоминания об отдельных вторжениях и набегах иноземцев в Казахскую степь сменились в них развернутыми описаниями конкретных угроз внешней безопасности и внутривластной стабильности трех жузов с указанием точного времени и места этих событий, собственных имен причастных к ним людей, групповых интересов самых влиятельных среди казахов аристократических кланов; их намерений, взглядов и поступков. Большинство ханских и султанских посланий создавалось в тот период, как и в предыдущие годы, с целью получения необходимой помощи и поддержки, поэтому прошения – *‘арз-и хал* – мотивированные просьбы об оказании конкретных видов услуг и подробные обоснования причин их социальной востребованности в казахских жузах являются наиболее устойчивым элементом нарративной части писем степных властителей на протяжении многих десятилетий.

Принимая российский протекторат, правители казахов одновременно с гарантированным правом приобретения востребованных ресурсов и услуг брали на себя определенные обязательства по отношению к сюзерену и должны были регулярно информировать провинциальных имперских чиновников о выполнении своего «верноподданнического долга» перед «высочайшим» престолом. В результате этого более половины писем имели преимущественно уведомительное назначение, так как они содержат наряду с прошениями либо вместо

жалоб и просьб те исторические сведения, которые интересовали только царское правительство. К ним относятся сообщения о разыскании и возврате на пограничную линию захваченных кочевниками русских пленных, беглых «мятежников», «рабочих людей» и разграбленных товаров российских и среднеазиатских купцов; о разнообразных контактах ханов и султанов с другими восточными монархами и равновеликими им по социальным рангам степными лидерами, а также о самых знаменательных событиях их частно-семейной жизни.

В некоторых документах подобная информация об «ордынских делах» представлена такими малыми делопроизводственными формами, как показание и объяснение, то есть прямыми ответами младших партнеров на конкретные упреки и претензии имперских чиновников, недовольных нестабильной политической обстановкой на караванных путях и набегами казахов в смежные башкирские кочевья и крестьянские селения юго-восточных российских губерний. Иногда она подавалась в жанре заявления, которым обозначены односторонние отказы от выполнения непосильных для ханской власти или непопулярных среди кочевников требований царских наместников и пограничных военных командиров.

В других группах писем ханы и султаны вместо извещения старших партнеров о выполнении своих обязанностей по отношению к ним объявляли встречные претензии имперским властям по поводу нарушения ими части жизненно важных для казахов пунктов двусторонних соглашений: лишения кочевников права зимнего выпаса родовых стад на правобережной стороне Урала и Иртыша, периодически случавшихся нападений отрядов линейных казаков на ближайшие кочевые аулы и угонов их скота, строительства укреплений на территории своих летних пастбищ и оттеснения действительных хозяев этих мест вглубь Степи. После изложения подобных упреков и обвинений некоторые степные правители предлагали в письмах своим партнерам наиболее приемлемые с точки зрения подвластного им населения способы разрешения самых острых вопросов союзно-протекторатных отношений. Тем самым, прошения о предоставлении ресурсов и услуг и уведомления о выполнении верноподданнических обязанностей по отношению к сюзерену перерастают в целом ряде текстов в донесения, рапорты, объяснения, заявления, объявления и другие делопроизводственные разновидности официальных документов, что свидетельствует о структурной неоднородности повествовательной части писем и различной жанровой принадлежности составляющих ее элементов.

До распространения власти Российской империи на территорию трех жузов традиционная политическая организация казахов и характер их взаимоотношений с инокультурным и иноэтничным окружением сколько-нибудь существенно не изменились, а, следовательно, и основные побудительные мотивы создания писем также оставались более или менее устойчивыми на протяжении полутора столетий. В связи с этим постоянными темами посланий степных правителей российским властям являлись в рассматриваемый период следующие аспекты исторической жизни казахского народа:

- многолетние территориальные споры, взаимные угоны скота («внешняя барымта») и вооруженные конфликты различных родоплеменных группировок Младшего и Среднего жузов с северными кочевыми и оседлыми соседями (волжские калмыки, башкиры, уральские и сибирские казаки) – российскими подданными;
- продолжительное военное противоборство казахов с сильными юго-восточными (ойраты, кыргызы) и южными (Хивинское и Кокандское ханства) соседями;
- дипломатические контакты правящей верхушки трех жузов с властями Иранской державы и Джунгарского ханства, а позднее – Цинской империи и Бухарского эмирата;
- неустойчивое положение ханской власти, ограниченность ее прерогатив и мобилизационного потенциала;
- междоусобные распри внутри степной аристократической элиты и родовой знати низшего уровня;

- установление российского подданства и постепенная инкорпорация казахских ханств в административно-территориальную структуру империи;
- организация стационарной торговли на пограничных линиях, нестабильная международная обстановка на транзитных торговых путях;
- честолюбивые политические стремления и материальные потребности ханов и султанов.

В основной части разновременных эпистолярных текстов эта тематика отражена средствами нарратива – последовательного изложения исторических событий, побед и поражений; описаний человеческих интересов и поступков. Примечательно, что в ней зафиксированы не только самые разнообразные вызовы, обусловившие необходимость создания писем, но и интеллектуальные трактовки этих событий, которые воспринимались казахскими правителями в контексте их традиционных представлений о верховной власти, ее функциях и прерогативах и статусах обоих политических партнеров в системе двусторонних договорных отношений.

Для стилистики нарративной части изученного массива исторических документов характерен своеобразный симбиоз архаичных канцелярских штампов, унаследованных от степного делопроизводства средневековой эпохи (*сөз бу кім* или *сөзіміз бу турур кім* – «следующее наше слово», *баш уру* – «бил челом», *камтарин банданыз* – «всенижайший раб» и т.п.) и живой разговорной речи с целым спектром эмоциональных оттенков. При структурном анализе взаимно различимых описательно-повествовательных стилей писем обращает на себя внимание присутствие в них наряду с трафаретными формулировками XV–XVII столетий разножанровых элементов старинного фольклора (поговорок, легенд и преданий) и оригинальных по своей семантике авторских изречений (афоризмов, метафор, сравнений), а также вкрапление в традиционную тюркскую лексику текстов более поздних терминологических и конструктивных заимствований из русского политического лексикона.

Представления о российском подданстве и характере договорных отношений казахских жузов с империей. Системообразующим ядром всей переписки правящей элиты трех жузов с царствующим домом Романовых и имперскими чиновниками высших рангов является тема *российского подданства*: основные функции и прерогативы власти российского монарха, обязанности «верноподданных» степных властителей по отношению к «белому государю» и пределы их подчиненности ему. Сравнительный анализ большого комплекса разновременных писем казахских ханов и султанов, прямо или косвенно затрагивающих эти аспекты проблемы, и сопоставление их с текстами соответствующих делопроизводственных документов российских государственных учреждений свидетельствует о том, что институт подданства и статус подданных по-разному интерпретировались в приграничных административных центрах России и в казахских жузах.

Термин *подданство* в строго юридическом значении этого слова вошел в русский политический лексикон не раньше, чем в конце первой четверти XVIII в., когда верховная власть московского царя, распространив свое владычество на обширную часть внутриматерикового пространства, объединила в едином государстве многие разноязычные племена и народы, и возникла необходимость в употреблении четкого понятия для обозначения статуса всех вошедших в его состав конфессиональных и этнических групп [Брун, 1898. С. 70; Трепавлов, 2007. С. 135]. Согласно специальным лингвосемантическим изысканиям В.В. Трепавлова, происхождение термина *подданство* восходит к двум тесно связанным между собой значениям однокоренных слов и словосочетаний в словарном фонде древнерусского языка: *поддаватися* или *быть под даню* – признать свою зависимость, быть под властью и *ятися под дань* – отдаться под власть, обязаться платить дань. Одно из них заключается в явлении подчиненности, пребывания под чьей-то «данью», т. е. властью, когда «поддающийся» этой власти становится «подданным». Другим семантическим источником слова *подданный* служит само обязательство платить «дань» или подати в пользу того, кому некто «ялся под дань» [Трепавлов, 2007. С. 135].

С учетом отмеченной взаимосвязи обеих социально-политических категорий уплата налогов в государственную казну выступала в представлениях царских чиновников и интеллектуальной общественности России XVIII – начала XIX в. самым наглядным показателем подданства, т. е. знаком безусловного подчинения народа государству [Рычков, 1999. С. 86; Болтин, 1788. С. 7 и др.]. Одновременно она воспринималась ими в качестве главного политического инструмента обеспечения «крепости», прочной принадлежности народа своему монарху, поскольку способствовала через систему налоговых повинностей и органы внеэкономического принуждения (войска, полиция, тюрьмы и т.п.) установлению всеобщей неразрывной связи первичных ячеек социума с верховной властью государства.

Исходя из этого, институт подданства характеризовался с точки зрения царского правительства и различных российских общественных деятелей того времени набором определенных идентифицирующих признаков. К ним относились: 1) включенность народа и населения им региона в административно-территориальную систему государства; 2) безусловная подчиненность его соответствующим административным подразделениям государственной власти на местах; 3) регулярная уплата налогов населением данного региона в общегосударственную казну; 4) обязанность народа «служить» своему монарху, т. е. выполнять конкретные обязанности в пользу единого государства [Рычков, 1999. С. 86; Георги, 2007. С. 231; Болтин, 1788. С. 7; Гавердовский, 2007. С. 430; Левшин, 2009. С. 361–364 и др.]. В соответствии с такой интерпретацией понятия *подданство*, видные российские администраторы второй четверти – середины XVIII в. А.И. Тевкелев, И.И. Неплюев, П.И. Рычков и их ближайшие преемники в Оренбургском крае, хотя и постоянно именовали казахских правителей в адресованных им письмах «верноподданными» императорского престола, но на самом деле не считали их таковыми. В межведомственной переписке с Петербургом и протокольных «журналах», предназначенных для Правительствующего Сената и Коллегии иностранных дел, они прагматично трактовали приносимые степными монархами присяги на верность русским императрицам как начальную веху обращения казахского населения в подданство, т. е. вполне легитимное приведение своевольных кочевников под контроль государства, чтобы постепенно приучить их к пребыванию в административном режиме, а затем «положить на них узду» [ИКРИ-3. С. 305–323; МИКССР-2. Док. № 152, 165, 225].

Совсем иное представление о прерогативах верховной власти, правовом статусе зависимых от нее людей и характере взаимоотношений монарха с традиционной правящей элитой регионального и локального уровней сформировалось в степных юго-восточных регионах Внутренней Евразии. В отличие от оседлых государств объектом власти у казахов-кочевников являлась в первую очередь не сама территория, а социальные группы индивидуумов, так как у них преобладала *траво-пастбищная трактовка территории* [Масанов, Абылхожин, Ерофеева, Алексеенко, Баратова, 2000. С. 100; Ерофеева, 2007. С. 309]. Такое восприятие своего природно-географического пространства подразумевало его приоритетную утилитарно-практическую значимость именно как *травостоя*, или *пастбища*, а, следовательно, и неравномерное использование различных составных частей всех осваиваемых земель для проживания и хозяйственно-культурной деятельности в разные периоды календарного года. Иначе говоря, максимальная концентрация локальных скотоводческих общин на общей площади пастбищных угодий происходила только в зимний период, что было обусловлено единством кочевых маршрутов и совместным выпасом скота; тогда как в прочие сезоны кочевого цикла они рассредоточивались по всему обширному географическому пространству региона и находились на более или менее значительном удалении друг от друга и от степных ставок ханов [Масанов, 2011. С. 351–374; Историко-культурный атлас, 2011. С. 103–133, 137–149].

При такой стратегии землепользования власть хана распространялась лишь на те родоплеменные группы кочевников, которые размещались вблизи маршрутов его сезонных перекочевков, охватывая относительно небольшую часть казахского населения; в результате чего тотальный контроль верховных правителей над всей территорией степного аре-

ала фактически отсутствовал, а объем их властных полномочий отличался неравномерностью в географическом и этносоциальном пространстве и сезонной изменчивостью во времени. [Ерофеева, 2007. С. 309]. По этому поводу старший хан казахов Абулхаир писал 3 июля 1745 г. оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву: «Средней и Меньшей орд... городов не имеют, а у вас тамо имеются; також и плутов изловить вскоре можете... А мы не токмо, чтоб ваших караулить, но и сами себя караулить не можем, понеже... на широкой степе признать невозможно» [Док. № 129].

Также скептически оценивал prerogatives ханской власти у казахов и правопреемник Абулхаира последний старший хан трех жузов Абылай в письме оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу от 19 сентября 1772 г.: «Орда наша, – писал он, – не так, как ваша Россия, в пределах, но рассеянно находится; так что продержатели и воры киргиз-кайсаки не скоро в мои руки попадают... Земля наша пространна, следовательно, где кто кочует, знать почти невозможно» [Док. № 302].

В немалой степени слабость ханской власти и ограниченность мобилизационного потенциала казахских ханов обуславливались отсутствием в кочевом обществе сколько-нибудь развитых институтов управления и принуждения (регулярной армии, чиновничества, полиции, тюрем и т.п.), в результате чего концентрация более или менее значительных властных полномочий в руках верховных правителей носила здесь дискретный, пульсирующий и исторически обратимый характер. В условиях обширности ареала кочевания, относительной дисперсности и малой плотности размещения в его пределах скотоводческого населения, отсутствия у номадов отчужденного от социума административного аппарата принуждения казахские ханы были вынуждены осуществлять свои распорядительные, контрольные и арбитражные функции посредством эпизодических персонифицированных контактов с родственниками-султанами и правящими элитами локального уровня [Масанов, 2011. С. 370–371; Ерофеева, 2007. С. 310]. Такие межличностные отношения традиционно осмысливались казахами-кочевниками через призму генеалогической системы «первородства» и «старшинства» родов и племен и функционировали в форме свободного патроната самого знатного и сильного, или *старшего*, партнера над менее сильными, или *младшими*, партнерами [Масанов, 2007. С. 53]. При этом относительная стабильность положения верховной власти в кочевом обществе казахов обуславливалась высоким уровнем консенсусности политических установок хана с групповыми притязаниями влиятельных родовых старшин. При попытках верховного правителя изменить достигнутый баланс интересов в сторону расширения своих властных полномочий и ограничения традиционных привилегий локальных элит в казахском социуме спонтанно набирали силу сепаратистские тенденции и затем происходило очередное рассеивание власти. В связи с этим примечательной особенностью патронатных отношений в казахских жузах являлся их добровольный, неупорядоченный и в известном смысле необязательный характер. Именно в виде таких привычных контактов и представляли себе казахские правители свои договорные отношения с русскими царями [Ерофеева, 2007. С. 311–312].

Отправной точкой в заключении союзно-протекторатных договоров между двумя сторонами явилось, как известно, письменное обращение хана Абулхаира к Анне Иоанновне от 20 июля 1730 г. с просьбой о «высочайшем» покровительстве и миротворческом посредничестве в деле урегулирования поземельных споров казахов с приуральскими башкирами [Док. № 23]. Примечательно, что верховный правитель казахских жузов употребил в этом послании тюркскую формулировку *сызың йарлығыңыз бирла ил болғаймыз*, которая имеет буквальное значение – «будем послушны вашему повелению», а вовсе не подразумевает стремления хана утратить свои prerogatives и признать над казахским народом полную и безраздельную власть русской императрицы [Кляшторный, Султанов, 2004. С. 300; Трепавлов, 2007. С. 165]. Между тем в современном дате получения переводе этого письма на русский язык

процитированная фраза передана выражением – «желаю быть со всем моим владением в. и. в. в подданстве», что не совсем точно отражает ее истинный смысл [Док. № 23].

Еще более заметным отступлением от подлинной сути аналогичного обращения к Анне Иоанновне является формулировка «великой государыни императрицы и белой царицы в подданство пришли» тюркской фразы – *ақ хан улуғ падишаһина баш салдук*, употребленной в письме влиятельных биев и батыров Старшего жуза – Толе Алибекулы, Кодара, Сатая и батыров Старшего жуза Кангельды и Болека русской императрице от 23 ноября 1732 г. [КРО-1. Док. № 45. С. 101, 103 (тюркский оригинал), 102 (русский перевод XVIII в.)]. Буквальное значение этой фразы – «приклоняем голову белому хану, великому падишаху» – заметно расходится с ее трактовкой переводчиком Коллегии иностранных дел, так как здесь речь идет всего лишь о стремлении знатных казахских старшин заручиться покровительством «белой царицы» для более регулярного и безопасного движения среднеазиатских торговых караванов через казахские степи в приграничные российские города, но вовсе не о принятии ими российского подданства.

Такая же искаженная интерпретация прошения о вступлении под российский протекторат прослеживается в русском переводе послания хана Старшего жуза Жолбарыса Анне Иоанновне от 20 апреля 1738 г., подготовленном в Орской крепости три месяца спустя после создания его оригинального тюркского текста. В нем правитель южных казахов выразил желание «сплотиться» с Россией перед вероятной угрозой нападения внешнего врага и заверял «величайшего белого падишаха» (*ақ падишаһ-и а'замға*) в том, что он вместе с подвластными ему людьми «будут ее рабами» – *сізға құл булғаймізні білдурсунлар* и «готовы выполнить любое ее распоряжение» – *йарлығлары болса біз муста 'алл-у-тайарміз* [Док. № 188]. Но переводчик Оренбургской комиссии передал эту просьбу лаконичной фразой: «Я, Юлбарыс-хан, в подданство отдаюсь», которая неадекватно трактует буквальное значение употребленных здесь автором письма витиеватых выражений.

Сходный смысл с основным содержанием послания Жолбарыса имеет и тюркский текст письменного обращения к Анне Иоанновне от 7 апреля 1739 г. Сеит-султана (с 1741 г. – хан; ум. позднее 1745 г.), управлявшего единолично городом Туркестаном и его округой после смерти своего отца Самеке-хана (1723/24–1738) с 1738 по 1742 гг., и совместно с ханом Абулмамбетом – с 1743 по 1745 гг.; хотя его намерение быть в союзе с «великим белым падишахом» (*улуғ ақ падишаһ*), «как пребывают Средний и Младший жузы», и оказывать русской императрице «добрые услуги» (*йакши хизматлар*) неточно передано оренбургским переводчиком выражением: «Как Средняя и Меньшая орды вашему императорскому величеству в подданстве, так и мы в таком же подданстве находимся» [Док. № 192].

О желании получить *покровительство белого падишаха* говорится также в посланиях хана Кушыка и султана Среднего жуза Барака начальнику Оренбургской экспедиции И.К. Кириллову и А.И. Тевкелеву от 20 декабря 1735 г. [Док. № 193] и Елизавете Петровне – от 17 октября 1745 г. [Док. № 194] при изложении их готовности принести свои присяги на верность российскому престолу (*би'ат келдуруп*). В пользу этого убеждения однозначно свидетельствует употребленное адресантами в письмах арабское слово *һимайат*, значение которого вполне соответствует широко расхожему в русском политическом лексиконе того времени понятию «протекция», или «покровительство» [Док. № 194].

Иными словами, все вышеназванные представители правящей элиты трех жузов, обращаясь к русским царицам за помощью и поддержкой, рассматривали свои будущие договорные отношения с ними всего лишь как взаимовыгодный «военно-политический союз» двух равноправных партнеров под малообязывающим патронатом более сильного и могущественного «белого царя», а вовсе не как вынужденную необходимость привести самих себя и свой народ к нему «в неволю» [Басин, 1971. С. 252, 258–260; Трепавлов, 2007. С. 164]. Однако в отличие от казахских правителей служители имперских столичных и провинциальных канцелярий интерпретировали многословные формулы та-

ких обращений совсем иначе и потому переводили их на русский язык привычным словом «подданство» [Khodarkovski, 2002. P. 51–59, 184].

Впервые арабский термин *таби'* в значении «подданство» был употреблен по отношению к степным правителям и самому казахскому народу в тюркском переводе «Жалованной грамоты» Анны Иоанновны хану Абулхаиру, составленной 19 февраля 1731 г. [КРО-1. Док. № 28. С. 40–41 (русский перевод XVIII в.); Хисамова, 1999. С. 221 (перевод документа на тюрки)]. В течение последующих пятнадцати лет это понятие и сходный с ним по смыслу другой арабский термин – *ра'иййат* – неоднократно тиражировались в переведенных на чагатайский тюрки текстах присяг казахских правителей на верность российскому престолу, грамотах русских императриц и сопроводительных посланиях к ним первых начальников Оренбургского края ханам Самеке, Кушыку, Бараку, Абулмамбету и Абылаю, которые оперативно доставлялись из Самары и Орской крепости в Степь [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 4; КРО-1. Док. № 53, 54, 67, 91, 93]. По аналогии с лексическими штампами царских грамот вышеупомянутые казахские ханы и султаны на рубеже 1730–1740-х гг. начали обозначать свой статус по отношению к «белому падишаху» арабскими формулами *таби'*, *таби' болу*, *таби' муту*, *ра'иййат* («подданство») и *һақызы ра'иййаликлар* («верноподданство») и именовать себя вместе с подвластными кочевниками в письмах русским императрицам и чиновникам пограничной администрации «покорными подданными» (*таби' ра'иййа*) или «верноподданными» (*таби' индаги*) [Док. № 71, 194, 343]. Однако в данной ситуации имело место лишь формальное заимствование ими казенных трафаретных понятий из русского политического лексикона для соотнесения самих себя с российским престолом, тогда как первоначальная трактовка присяжных соглашений с царствующим императорским домом сколько-нибудь существенно не изменилась.

Позднее хан Абылай, обращаясь к цинскому императору Цяньлуну и наместнику Синьцзяна Илэту, употреблял в своих посланиях к ним вместо используемых в переписке с российскими властями арабизмов *таби'* и *таваби таалуқ* [Док. № 343] монгольскую кальку этих слов – *албату*, поскольку она была более известна династии Цин, чем термины литературного тюрки [Док. № 253, 342]. Но использование Абылаем заимствованных из иноземных грамот и указов официальных понятий для достижения своих политических целей носило чисто внешний, номинальный характер и, как убедительно показывает конкретное содержание его писем зарубежным адресатам, мало соотносилось не только с российским, но и с синоцентрическим маньчжурским вариантами интерпретации института подданства.

При этом закономерно возникает вопрос, как именно представляли себе казахские ханы и султаны военно-политический союз с правящей российской династией, ее функции и прерогативы по отношению к ним и свои собственные обязанности перед императорами-сюзеренами? Обстоятельный ответ на него дают письма Абулхаира, Кушыка, Жолбарыса, Абулмамбета и Барака 1730–1745 гг. и Абылая – 1769–1779 гг., в которых четко изложены основные мотивы, побудившие их к принятию российского подданства и тесно связанные с ним ожидания и надежды.

Согласно этим историческим документам, в представлениях степных правителей обязательства «высокого старшего брата» (*йукур ағамыз*) перед казахами-кочевниками сводились к следующему:

– защищать своих приемных «сыновей» (*уғул*), или «младших братьев» (*инларымыз, инелерим*), вместе с подвластным им народом (*ра'иййат карача, карачамыз, бизга қараған*) военными и дипломатическими средствами от внешней агрессии «черных» (*қара қалмақ*), или «верхних, калмыков» (*йуқары қалмақ*), то есть ойратов; иранцев (*кизилбаши*) и других внешних врагов;

– быть верховным арбитром в поземельных спорах казахов с их ближайшими северо-западными и северными соседями, состоявшими в российском подданстве: волжскими, или так называемыми «нижними, калмыками» (*тубанги қалмақ*); «речными», или «уральскими», башкирами (*ака аштак, урал иштаки башқурд*); уральскими и сибирскими казаками;

- способствовать развитию меновой торговли кочевников со среднеазиатскими торговцами (*савдагар*) и русскими купцами (*ақ базарган*) на пограничных линиях;
- утверждать «высочайшими указами» (*хукм-и'ами, а'ла'и фирман, фарман-и алиййа*) казахских правителей в «звании хана» (*ханлуқ исми*); награждать лично преданных им «лучших» (*йахшилары, или йахшиси*) старшин почетным званием *тархан* и связанными с ним привилегиями;
- предоставлять степным властителям гуманитарную помощь пищевыми продуктами, промышленными изделиями (парадной одеждой, мехами, лекарствами и т.д.) и людскими ресурсами (строителями, лекарями, писарями и проч.) для укрепления их имущественного благосостояния и внешнего имиджа среди подвластного населения; а позднее – регулярно выплачивать им ежегодное денежное жалованье за «верную службу» царскому правительству;
- содействовать повышению статуса ханов (*ханлық мартабасы*) внутри Степи и за ее пределами путем предоставления отрядов русских пограничных войск для борьбы с внутренними и внешними неприятелями, организации «пограничной барымты» по отношению к неподчинявшимся ханской власти группам кочевников и/или возведения для них оборонительных укреплений (*кала*) в местах постоянного кочевания.

Большинство перечисленных обязательств в 30–70-х гг. XVIII в. совпадали с тактическими установками царского правительства на обозримый период и, как следствие этого, в большей или меньшей степени выполнялись российскими чиновниками, что неоднократно отмечалось в посланиях степных властителей главам пограничных губерний и их ближайшим помощникам. Но просьбы старших ханов об отправке к ним в степь русских регулярных войск в качестве военной помощи принципиально расходились с точкой зрения имперских властей, проводивших политический курс на понижение статуса старшего хана и дезинтеграцию ханской власти в казахских жузах, и поэтому неизменно игнорировались наместниками Оренбургского края.

Наиболее ярко взаимные разногласия сторон проявились в переписке оренбургских губернаторов и их помощников с ханами Абулхаиром и Абылаем – двумя самыми инициативными и заинтересованными представителями правящей степной элиты в привлечении воинских ресурсов императора-сюзерена для укрепления и усиления верховной власти у казахов.

Стремление получить воинскую «команду» от российских пограничных командиров возникло сначала у Абулхаира, а затем и у других правителей казахов под сильным впечатлением хорошо известных им случаев предоставления комендантами Астрахани, Казани и Уфы эскадрона драгун и конных отрядов яицких казаков хану волжских калмыков Аюке (1667–1724) для «охранения пушками» своего подданного от его неприятелей «бухарцев, каракалпаков и киргиз-казаков» [Бакунин, 1995. С. 30–31; Ерофеева, 2007. С. 80–81]. Этот исторический прецедент на протяжении многих лет подавал надежду последовательно сменявшим друг друга казахским ханам на возможность оказания им подобных услуг, что во многом стимулировало их внешнеполитическую ориентацию на Россию.

В письмах оренбургским чиновникам Абулхаир, а позднее и Абылай откровенно выражали свое намерение с помощью внешней силы возвыситься над династическими соперниками-джучидами, чтобы опираясь на полевую артиллерию и отряды русских солдат и казаков, укрепить верховную власть в Казахской степи и распространить сферу ее геополитического влияния на соседние регионы Центральной Азии. В этом отношении их стратегические цели заметно расходились с мотивацией аналогичных прошений ханов Абулмамбета, Нуралы, Ералы и прочих лидеров казахов, предполагавших использовать будущие «крепостцы», или укрепленные города внутри казахских степей и полученные из российской глубинки регулярные войска исключительно для обеспечения личной безопасности от враждебных происков политических соперников из противостоявших им аристократических кланов [Док. № 211, 455, 464, 465, 707].

В частности, 24 января 1741 г. Абулхаир писал Анне Иоанновне о своих политических интересах: «В нынешнее время противники явились персияны и верхние калмыки, и между

нами некоторые кайсаки, и каракалпаки, и издали приехавшие юрт разорители от башкирцев... наших лехкомысленных народов к возмущению приводят. А для искоренения таковых мочи нашей не становится, пока от в. и. в. сильные войска не прибудут, то Ташкент, Туркестан, Хива, Арал и все мусульмане будут у в. и. в. в подданстве. Мы, подданные ваши, вначале будем их к тому приводить, ежели бог соизволит» [Док. № 84]. Наличие таких же политических целей прослеживается в дальнейшем и у правопреемника Абулхаира – Абылая, наглядным подтверждением чему служат следующие выразительные строки одного из его посланий оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу: «Как скоро от вас о даче сей команды уведомление получу, – писал он, – в таком случае на все и поступить я готов, то есть и к свиданию с вами, и к учинению е. и. в. присяги, каковую с бывшими в Средней орде Абулмамбет-ханом, Яныбек-батырем и прочими старшинами и киргизцами назад тому с 38 лет еще при бывшем генерале Урусове всемилостивейшей государыне учинил... Изъясная сию секретную мою просьбу о команде, не могу умолчать, что как такового дела при бывших государях как ваших, так и моих предместниках еще не бывало, то дабы оное последовало ныне, ... ибо естли сие последует, то в честь нашим именам и в прославление собственное наше произойти может» [Док. № 337].

Впервые просьба о присылке «регулярного и нерегулярного войска с полковыми запасами», или «артиллериею», была изложена ханом Абулхаиром 12 марта 1739 г. в письме начальнику Оренбургской комиссии В.Н. Татищеву и с тех пор стала постоянной темой его переписки с главными администраторами Оренбургского края [Док. № 76, 78, 84, 86, 88, 90, 109]. Вслед за Абулхаиром 7 ноября 1769 г. с прошением о присылке в свою летнюю ставку «войска в сан или по крайней мере в тысячу или пятьсот человек» обратился к оренбургскому начальству хан Абылай, под патронатом которого тогда находилось уже большинство родов Среднего и Старшего жузов [Док. № 287]. С 1772 по 1779 гг. он десятикратно возобновлял просьбу о военной помощи в разных посланиях оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу и сибирским пограничным командирам, ссылаясь то на малочисленность своих воинских ресурсов для разыскания русских пленных и обуздания непокорных казахских родов, то на острую необходимость подчинения его власти воинственных тяньшанских кыргызов [Док. № 300–302, 323, 325, 328, 330, 335, 337, 338]. Но поскольку все эти прошения однозначно противоречили представлениям российской бюрократии о статусе подданных, то в получении регулярных войск сначала Абулхаиру, а потом и Абылаю под благовидными предлогами было отказано [Крафт, 1898. С. 7; КРО-1. Док. № 96. С. 235–236, 238, 249; КРО-2. Док. № 49. С. 96; Матвиевский, Ефремов, 1991. С. 49].

Другая сторона интересующей нас проблемы заключается в представлениях казахских ханов и султанов об их собственных обязанностях в двусторонних договорных отношениях со «старшим» партнером. Этот вопрос получил детальное освещение в эпистолярном наследии подавляющего большинства учтенных нами представителей правящей элиты кочевников середины XVIII – первой трети XIX в., так как на протяжении всего рассматриваемого периода он был объектом повышенного интереса со стороны российских чиновников и регулярно обсуждался ими в переписке с казахскими правителями. Основную суть изложенных кочевыми лидерами в своих письмах личных заверений в готовности верно «служить» «белым падишахам» можно свести к нескольким гарантированным ими обязательствам перед царским престолом:

- не нападать на соседние народы, находившиеся в российском подданстве;
- не заключать аналогичные военные и политические союзы (*'ahd-нама*) с враждебно настроенными по отношению к России государствами и народами, что обычно выражалось в письмах трафаретной формулой: *падшаһның дустуна дустымыз, душманина – душманнимыз* – «друзьям падишахины – мы друзья, врагам ее – мы враги» [Док. № 261];
- содействовать царским властям в разыскании и выдаче на пограничную линию беглых работных и служилых людей, государственных преступников и тех российских подданных, которые насильно были уведены в плен подвластными степным ханам группами кочевников;

- беспрепятственно пропускать торговые караваны по территории своих кочевий;
- обеспечивать зависимыми от них людьми сопровождение дипломатических миссий и российских купеческих караванов по Степи;
- предоставлять сюзерену в качестве надежной гарантии взятых на себя обязательств знатных заложников-аманатов, называемых ханами *ақ ив* – «белый дом».

В письмах казахских правителей отразилось своеобразное кочевническое понимание «верноподданнического долга», интерпретация своих обещаний старшему партнеру как подлежащих безусловному выполнению, если к этому их не принуждали внешние угрозы или какие-нибудь другие экстремальные обстоятельства. Время от времени нападения казахов на русские поселения, набеги в порубежные земли северных кочевых соседей и грабежи торговых караванов проистекали из спонтанного недовольства царским правительством, когда командиры пограничных войск ограничивали казахам право перехода на внешнюю сторону Урала и Иртыша для зимнего выпаса скота и не обеспечивали защиту от посягательств на их пастбищные угодья волжских калмыков, башкир, уральских и сибирских казаков [Сабырханов, 1965. С. 68].

В отдельных случаях казахские ханы целенаправленно саботировали выполнение принятых обязательств, как это делал в 1746–1747 гг. Абулхаир, организуя вторжения отрядов своих батыров в смежные с кочевьями казахов российские губернии, угон скота и захват в плен калмыков и русских крестьян, чтобы тем самым оказать давление на местных губернаторов и принудить их к принятию выгодных для себя решений [Ерофеева, 2007. С. 372–374]. Однако в своих посланиях царским чиновникам степные правители далеко не всегда указывали истинные причины всех этих нападений. Кроме того, они нередко объясняли невыполнимость требований российских властей о прекращении набегов казахов на прилинейные крестьянские поселения и возврате на линию русских пленных отсутствием у них необходимых средств принуждения для подчинения непокорных родов кочевников своей власти, что хотя и соответствовало реальной действительности, но далеко не всегда представлялось убедительным царскому правительству.

Вместе с тем необходимо отметить, что казахские ханы и султаны, как можно видеть по письмам Бопай-ханым, Абылая и Абулфеиза отдельным восточным монархам, считали вполне совместимым со статусом российских подданных параллельное заключение союзных договоров с другими партнерами – Османской империей, Джунгарией, империей Цинов и Хивой, включая междинастические браки своих сыновей и дочерей с правителями ойратов и среднеазиатских государств или будущими наследниками их монархических престолов [АВПРИ. Ф. 122. 1742 г. Д. 3. Л. 42–43; Док. № 181, 253, 265, 344]. Если обращение в подданство Джунгарского или Хивинского ханств было обусловлено интересами внешней безопасности, либо гарантировало заинтересованным в нем степным правителям получение каких-нибудь дополнительных привилегий во взаимоотношениях с монархами этих стран, они, как правило, предварительно информировали царских наместников о своих намерениях заключить такой союзный договор [Док. № 84, 85, 368]. Но когда казахские ханы рассматривали его главным образом как средство политического давления на российское правительство, чтобы добиться реализации определенных стратегических целей, они предпочитали хранить молчание в течение более или менее долгого времени и письменно сообщали о новом военно-политическом союзе только после оформления двусторонних соглашений со вторым патроном [Док. № 255, 256].

Комплексный анализ писем казахских ханов и султанов середины XVIII – первой половины XIX в. и сопоставление их с делопроизводственной российской документацией того периода дает основание утверждать о наличии принципиальных различий в интерпретации статуса подданных у российских властей и у правителей кочевников. Если первые видели в приносимых ими клятвах верности российскому монарху (*бу'ат*) «начало безусловного подчинения и покорности царю со всеми вытекающими из этого обязанностями» [Трепавлов,

2007. С. 144], то вторые воспринимали присяжные договоры с ним (*'ahd*-нама) как взаимовыгодный, а потому добровольный союз равноправных, хотя и неравных по своим потенциалам политических партнеров под патронатом / протекторатом более сильного государя. Такой союз не мыслился ими в качестве вечного или даже долговременного альянса, как это имело место при оформлении европейских межгосударственных договоров, и допускал право заключения выгодных для них альянсов с другими иностранными патронами, либо возможность разрыва прежнего соглашения и смены политического партнера [Сабырханов, 1965. С. 68; Каппелер, 2000. С. 24, 36; Ерофеева, 2007. С. 312].

Стремление вступить под патронат «неверного», но могущественного государя привычно мотивировалось правящими элитами кочевников как сиюминутными внешними вызовами и прочими экстремальными обстоятельствами, так и определенными кланово-корпоративными интересами и амбициями. Последние обычно носили более долговременный характер, чем потенциальная угроза внешней безопасности и другие чрезвычайные ситуации. Исходя из этого, союзный договор, по представлениям казахов-степняков, мог быть дополнен аналогичным договором с другим сильным патроном, либо расторгнут инициировавшей его стороной не только вследствие изменения ситуации или несостоятельности этого патрона, но и по причине игнорирования им амбициозных притязаний своих младших партнеров на извлечение насущных политических выгод для самих себя из договорных соглашений. При таком подходе к подданству, как убедительно показывают послания Губайдуллы, Касыма, Кенесары и других честолюбивых султанов, претендовавших на высший монархический ранг в казахских жузах, аристократические лидеры активно противодействовали любым попыткам российских властей вмешаться в традиционную иерархию степных институтов власти и свои внутривластные дела. Однако имперские чиновники воспринимали статус подданных совсем иначе по сравнению с кочевниками.

Таким образом, на примере освещения проблемы становления и развития протекторатных отношений казахов с Россией в ханских и султанских письмах 30-х гг. XVIII – первой половины XIX в. можно убедиться в том, что здесь отражены не только многие события прошлой действительности, но и наиболее типичные образцы их восприятия самими участниками и непосредственными очевидцами этих событий. Степные правители, как правило, фиксировали в своих текстах те внешние угрозы, дипломатические контакты с иностранными соседями и междоусобные конфликты внутри кочевого общества, которые требовали незамедлительной реакции со стороны их политических партнеров и практического взаимодействия или помощи в ближайшем будущем. С учетом указанной коммуникативной функции писем содержащаяся в них информация по широкому кругу вопросов кочевого прошлого казахского народа носит в целом достоверный и репрезентативный характер и имеет важное значение для реконструкции как самих межгрупповых и межэтнических отношений на территории казахстанского региона в XVIII – первой половине XIX в., так и мировоззренческих представлений казахских аристократических лидеров об этих отношениях в современный им хронологический период.

Удостоверительные знаки. Ниже повествовательно-описательной части письма автор текста, как правило, ставил свою личную подпись, подтверждающую его непосредственную причастность к составлению документа и достоверность изложенной в нем информации. В отдельных случаях она представлена кратким вариантом интитуляции, но в большинстве текстов – развернутой формулой, где наряду с собственным именем и титулом степного правителя обозначались его почетное воинское звание *бахадур*, происхождение от конкретного исторического лица (приставка *ибн* или *бен*), собственное имя и титул последнего (например: *Абу-л-Хайр-Бахадур хан ибн Хаджи-султан* и т.п.).

Абсолютное большинство писем казахские ханы и султаны заверяли чернильными отисками своих персональных перстневых печатей. Их основное функциональное назначе-

ние состояло в удостоверении личности и официального статуса адресанта, без которого его подпись считалась недействительной. Для обозначения печатей писари степных монархов обычно использовали персидское слово *муһр* или *моһр*, поэтому все заверенные оттисками оригинальные тексты посланий завершались одной и той же лаконичной фразой-штампом – *муһрумны* – «приложил мою печать».

Персональные печати казахских ханов и султанов имели почти стандартную миндалевидную (продолговатую) форму (*бадами муһр*), наглядно свидетельствующую о монопольной принадлежности таких печатей именно аристократическому сословию чингизидов. По своему внешнему виду они заметно контрастировали с личными печатями родовых старшин – выходцев из традиционной степной знати «черной кости» (биев, батыров, кожа и проч.), для которых характерны другие внешние формы (круглая, овальная, квадратная, прямоугольная), простота исполнения слов, отсутствие художественных достоинств в оформлении общего фона надписей [ИКРИ-8. Ч. II. С. 924–927]. Судя по выявленным мною в общем массиве ханских и султанских писем 28 однотипным образцам чернильных оттисков персональных удостоверительных знаков, перстневые печати казахских властителей сколько-нибудь значительно не различались между собой по размерам, составляя от 2,3 до 3 см в длину и от 2,0 до 2 см в диаметре их нижней части, образующей полуовал или полукруг. Печати более крупных размеров – от 3,5 до 4 см в длину и 2,3–2,8 см в диаметре полукруга и существенно видоизмененных форм (12 разных образцов форм – ромбовидной, овальной, круглой, сердцевидной, кувшинообразной и др.) впервые стали употребляться степными правителями – Ширгазы II (1817–1819), Каратаем и Ермухаммедом в своем письмоводстве только с начала XIX в., что было обусловлено установлением в это время более интенсивных политических и культурных взаимоотношений между ними и правящими аристократическими элитами соседних среднеазиатских государств [Ерофеева, 2001, С. 72, 886, 96, 98; ИКРИ-8. Ч. II. С. 922–924].

При изготовлении перстня-печати миндалевидный щиток его металлической матрицы обычно делился мастером на две равные части: верхнюю – с заостренной верхушкой и нижнюю, представляющую собой правильный полуовал, или полукруг. В верхней части щитка на самом вершине вырезался монархический титул владельца печати – *хан* или *султан*, а немного ниже – его собственное имя и удлинненным знаком по горизонтали почетный воинский титул – *бахадур* либо какое-нибудь замещающее его престижное духовное звание (например, *саййид* – потомок пророка Мухаммеда) или эпитет (например, *джихан* – «повелитель») [Ерофеева, 2001. С. 38–43, 46–55, 60–61, 64–65, 82–83]. Ниже этого разделителя помещались собственное имя и монархический титул отца удостоверяемого правителя с указанием прямого родства между ними (приставка *бен*, или *ибн* – «сын»). Кроме перечисленных структурных элементов в отдельных легендах присутствует также религиозное самоблагословление владельца печати: *би маһи* – «с богом» или *ала-Аллахи* – «положился на Аллаха», подчеркивающее его личную приверженность исламским духовным ценностям и культурным традициям [Ерофеева, 2001. С. 96–99].

Несмотря на то, что арабские буквы и слова удостоверительных надписей на наружной поверхности перстня своеобразно переплетались между собой и создавали довольно изощренную, на первый взгляд, конфигурацию знаков, тексты печатей легко поддавались прочтению. Обязательное присутствие в них собственных имен владельца печати и его отца, переданных в единой связке с их монархическими титулами, обеспечивали персональную адресность монопольно-сословного миндалевидного символа власти, без которых тот был бы «анонимным, безликим, то есть недействительным» [Усманов, 1979. С. 161]. Различные варианты такой формы обозначения адресанта выглядят в тюркоязычных легендах оттисков следующим образом: *Абу-л-Хайр-Бахадур-хан ибн Хаджи-султан*, *Абулай-хан бен Бахадур Вали-султан*, *Ай-Чувак-хан [и] Джихан*, *Саййид Арын-Гази ибн Абд-ал-Азиз-хан*, *Ер-Мухаммад-хан ибн Касим-хан би-маһи*, *Ер-Мухаммад-султан Таваккул ала-Аллахи* и т.д. [Ерофеева, 2001. С. 38–99].

В конце XVIII – первой половине XIX в. пограничные органы оренбургской и сибирской администрации, стремясь привести внешние атрибуты монархической власти в казахских жузах в соответствие с проводимой царским правительством политической линией на постепенное нивелирование статусных различий между неравными по своим властным прерогативам представителями аристократической элиты кочевников, целенаправленно взяли на себя функцию изготовления перстневых печатей для казахских правителей [ГААО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 35. Л. 5 и об.; Ерофеева, 2001, С. 56–57, 74–75, 86–87]. В них термином *хан* обозначались только те индивидуумы, которые получили ханский титул по «высочайшему повелению», все остальные степные ханы и их «младшие» политические партнеры – султаны, имевшие более низкий монархический ранг по сравнению с ними, именовались однозначно – *султанами*.

При таких обстоятельствах самые сильные и авторитетные «самозванные» ханы казахов не использовали новоприобретенные султанские регалии по их прямому назначению и предпочитали заверять свои письма перстневыми печатями степного производства, в которых их собственные имена фигурировали в сочетании с ханским титулом [Ерофеева, 2001. С. 82–83, 88–89, 96–97]. В течение нескольких десятилетий российские власти не придавали этим фактам особого значения, но после законодательной отмены в 1822–1824 гг. института ханской власти в Среднем и Младшем жузах всякие попытки потомков прежних ханов обозначить свою персону высшим монархическим титулом жестко пресекались местными губернаторами, и потому уже к середине XIX в. ханские печати за редкими исключениями практически вышли из употребления [ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 1360. Л. 11 об., 12, 14 и об.; Д. 416а и др.].

Комплексное изучение изображений персональных печатей казахских ханов и султанов показывает, что они содержат лаконичную, но емкую информацию о личности и монархических рангах их владельцев, которая использовалась степными правителями для заверения своих посланий соотечественникам и иностранным соседям. Чернильные оттиски печатных знаков на бумажных листах тюркских текстов удостоверяют подлинность личных подписей создателей писем, а при отсутствии таковых позволяют установить авторство этих документов. Кроме того, в удостоверительных надписях печатей указаны собственные имена, титулы и почетные звания родных отцов носителей персональных перстней, которые большей частью отсутствуют в структуре личных подписей и развернутых интитуляций, фигурирующих в начальном протоколе или основной части жалованных ярлыков и дипломатических писем. Эти генеалогические сведения имеют большое практическое значение для уточнения данных других источников (разновременных записей казахских родословных – шежире и различных документов внешнего происхождения) о династийном происхождении авторов писем и установления степени родственной близости между ними, в связи с чем удостоверительные легенды ханских и султанских печатей заслуживают серьезного внимания к ним современных исследователей-кочевниковедов.

Дата и место создания документа. Одним из составных элементов конечного протокола писем казахских ханов и султанов является фиксированная дата их написания, которая обычно помещалась в конце текста. Во многих письмах 1730–1740-х гг. она отсутствует, поэтому основной массив датированной корреспонденции относится ко второй половине XVIII – середине XIX в.

Адресанты, как правило, предпочитали указывать дату арабскими цифрами или словесно по хиджре, то есть по мусульманскому лунному календарю, который в то время был известен не только оседло-земледельческим народам Центральной Азии, но и по-мусульмански образованным казахам-степнякам. Помимо хиджры во многих письмах использовались также традиционные народные системы исчисления времени, имеющие глубокие корни в разных культурах центральноазиатского региона: астрологический календарь, двенадцатилетний зоологический цикл, восходивший к древнему лунно-солнечному календарю, и другие. Параллельно с ними со второй половины XVIII в. казахские ханы и султаны стали употреблять европейский календарь юлианского образца, в основу которого положен солнечный (тро-

пический) год; на его основе датирован целый ряд писем Нуралы, Есима III, Айчувака и некоторых других степных правителей.

По своему функциональному назначению – хронологическое удостоверение написанного текста – датировка относилась во второй половине XVIII – середине XIX в. к числу обязательных элементов конечного протокола писем, хотя в русских переводах многих из них обозначенные в тюркских оригиналах конкретные числа или дни недели и месяцы их написания переводчиками провинциальных губернских канцелярий по разным причинам не воспроизводились. Но при этом в рассматриваемую эпоху, как и в позднесредневековый период, она по-прежнему оставалась синкретичной не только по форме, но и по методам календарного отсчета лет, что было обусловлено традиционным совмещением в письмоводстве правящей аристократической элиты казахов древних народных и мусульманской систем летоисчисления [Усманов, 1979. С. 258]. К этому синкретизму следует добавить параллельное использование казахскими правителями юлианского календаря, который лишь частично заменил классические восточные модели исчисления равновеликих отрезков исторического времени, но полностью не вытеснил хиджру и тюрко-монгольский вариант циклического календаря из степной делопроизводственной культуры.

Наличие в письмах казахских ханов и султанов конкретных образцов применения двух параллельных способов летоисчисления (мусульманского и «животного», мусульманского и европейского, «животного» и европейского и т.п.) имеет большую научно-практическую значимость для дальнейшего развития специальных исторических исследований, так как открывает благоприятную возможность для более точной датировки казахских эпистолярных источников и предоставляет историкам богатую в количественном отношении и репрезентативную по качеству информацию для изучения традиционной хронологии у казахов-кочевников.

Приблизительно в 10,5% писем (более 200 учтенных единиц) рядом с обозначенной их авторами календарной датой или ниже её по тексту указано место создания документа. Из приведенных данных видно, что упоминание своего места пребывания в момент составления рукописного текста степные правители не считали безусловным правилом для себя, а, следовательно, этот раздел писем не являлся обязательным элементом формуляра рассматриваемой нами категории исторических документов.

Основная масса посланий составлялась в традиционных местах кочевания степных ханов и султанов, ежегодно совершавших сезонные перекочевки с зимних пастбищ (*кыстау*) на летние пастбища (*жайлау*) и обратно по строго урегулированным маршрутам [Масанов, 2011. С. 310–350]. Приведенные здесь топонимы представлены главным образом названиями урочищ, крупных водных артерий (Урал, Иртыш, Тобол, Сырдарья и др.) и более мелких рек внутреннего водотока, вдоль которых периодически перемещались со стадами скота ханские и султанские аулы. Одни из этих собственных имен, как, например, упомянутые в ряде писем Абулхаира, его жены Бопай, Нуралы и других аристократических лидеров казахов «урочище, называемое *Каракум*»; «по реке Иргизу... урочище *Кулакче*», «урочище *Ялгуз-Агач*» и т.п., представляют собой обозначения постоянных зимних и летних ставок ханов и султанов (*орда*), а другие – «из Самары», «с острова Дюка от реки Сыр», «от кочевья по Орь-реке», «при вершине речки Калдугайты», «при речке Тургае», «в городе Ташкенте» и проч. – всего лишь мест их кратковременных стоянок на пути сезонных миграций от одного естественного водоема к другому, либо – военных походов в соседние азиатские страны [Док. № 45, 74, 145, 179, 343, 378, 472, 521 и др.]. Однако отличить среди всех встречающихся здесь народных топонимов подлинные ставки степных правителей от пунктов временного пребывания их на родовых пастбищах в разные сезоны кочевого цикла не всегда предоставляется возможным. Тем не менее, эти географические названия позволяют установить основные места расположения зимних и летних кочевий авторов писем в конкретные десятилетия и годы и дают современным исследователям обширный фактический материал по исторической топонимике Казахстана доиндустриальной эпохи.

Русские переводы и переводчики писем. Большинство писем степных правителей XVIII – середины XIX в. дошло до нашего времени в синхронных переводах на русский язык, подготовленных переводчиками Коллегии иностранных дел и служебных канцелярий пограничных российских губерний. В оригинальных текстах посланий ханов и султанов на чагатайском тюрки они обычно обозначались арабским термином *тарджиман* [Док. № 271, 286]. Имена и служебные чины переводчиков практически всегда указывались в русских переводах писем, где они помещались в конце текста документа (конечный протокол), ниже личной подписи адресанта.

До начала 40-х гг. XVIII в. письма казахской знати переводили в основном служилые выходцы из татарских торговых слобод Казанской, Оренбургской и Сибирской губерний; в первую очередь – тобольские татары, которые неплохо знали чагатайский тюрки, но слабо владели русским языком [Золотов, 1876. С. 8]. По этой причине русские переводы многих писем конца XVII – первой половины XVIII в. отличаются неправильными оборотами речи, набором архаичных терминов и целым рядом запутанных лексических конструкций, существенно затрудняющих понимание истинного смысла слов и сложноподчиненных предложений.

Значительное усиление в последующие годы интенсивности политических контактов между царским правительством и правящими представителями казахской аристократической элиты обусловило острую необходимость в скорейшей подготовке профессиональных кадров переводчиков тюркских языков для органов управления юго-восточными окраинами империи. В связи с этим в 1740 г. при Оренбургской комиссии была открыта школа «татарских учеников» для русских и татарских детей, в которой стали готовить переводчиков и других мелких чиновников пограничной администрации. Эта школа функционировала до середины 1820-х гг. и подготовила большое количество переводчиков чагатайского тюрки и казахского разговорного языка, которые широко использовались высшими чиновниками Оренбургского края не только для канцелярских нужд, но и для выполнения ответственных дипломатических и разведывательных поручений в казахских аулах [Училища толмачей, 1834. С. 161; Кононов, 1982. С. 188–189]. Среди них наиболее известны Якуб Гуляев, Роман Уразлин, Усман Арасланов, Петр Чучалов, Леонтий Прасолов, Мендияр Бекчурин и некоторые другие выпускники, систематически изучавшие образ жизни, быт, политическое положение и культуру казахского народа.

В 1789 г. аналогичное учебное заведение было открыто в Омске. Омская «азиатская школа» готовила кадры переводчиков тюркских языков для сношений западносибирской пограничной администрации с казахами Среднего жуза и другими тюркоязычными народами региона. Она просуществовала почти 80 лет (до 1870 г.) и сыграла важную роль в деле подготовки квалифицированных переводчиков восточных языков и чиновников среднего звена, которые внесли немалый вклад в разностороннее изучение Казахстана и казахского народа [Золотов, 1876. С. 8; Он же, 1873. № 16. С. 4, № 17. С. 4; № 18. С. 6; Вибе, Михеев, Пугачева, 1994. С. 167].

Появление в Оренбургской комиссии в середине 40-х – начале 50-х гг. XVIII в. первых групп профессионально подготовленных переводчиков чагатайского тюрки заметно сказалось на качестве переводов тюркоязычных документов последующих десятилетий. Большинство из них отличается неплохой стилистикой, более или менее адекватным употреблением русских синонимических терминов и лексических оборотов, благодаря чему переведенные в то время на русский язык тексты писем значительно легче поддаются осмыслению, чем переводы первой половины XVIII в.

Уровень профессиональной подготовки переводчиков был различным, а, следовательно, и качество выполняемых ими переводов – неравноценным, что во многом предопределило неодинаковую профессиональную востребованность этих лиц высшими чиновниками пограничной администрации Оренбургского края и Западной Сибири. В частности, проведенный мной статистический подсчет численности казахских документов, подготовленных разными переводчиками за одни и те же годы, показал что, в середине XVIII в. оренбургским началь-

ством наиболее часто привлекался к переводческой работе лучший в этом ведомстве знаток литературного тюрки и разговорного казахского языка коллежский регистратор (с 1760 г.) Якуб (Йомагул) Гуляев (? – после 1770), перу которого принадлежит более 120 добротных переводов писем всех ханов и султанов Младшего и Среднего жузов того времени [О нем см.: Татарский энциклопедический словарь, 1999. С. 162; Султангалиева, 2008. С. 228–232].

В 70–80-е гг. XVIII в. переводы письменных посланий ханов Абылая, Нуралы, Вали и влиятельных султанов Младшего и Среднего жузов оренбургские губернаторы поручали преимущественно высококвалифицированному специалисту в области практического использования тюркских языков Мендиару Бекчурину (1740–1821), будущему автору первого в России рукописного «Русско-арабско-персидско-мещерско-киргисско-хивинско-бухарского глоссария». Позднее этот словарь был использован академиком П.С. Палласом в «Сравнительных словарях всех языков и наречий» (СПб., 1787–1789) [ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 1223. Л. 1–3; Масанов, 1966. С. 77–78; Кононов, 1989. С. 40; Галиев, 1994. С. 29–32]. Другим авторитетным переводчиком писем степных ханов был служивший в Оренбургской губернской канцелярии выходец из солдатских детей, а в будущем надворный советник (с 1793 г.) Андрей Федорович Васильев (1743 – после 1803), который неоднократно посылался с различными поручениями в ставки ханов Младшего и Среднего жузов и за «отличность» выполнения этих заданий часто получал награды в виде денежных премий и подарков [ГАОР О. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1342. Л. 30 об. – 32]. Помимо этих лиц переводы эпистолярных документов неоднократно выполняли во второй половине XVIII в.: в Оренбурге – коллежский советник Петр Чучалов и переводчик Леонтий Прасолов, а в Омске – выходец из тобольских служилых татар старший толмач Сибирской войсковой канцелярии Маметияр Кучеяров.

В числе переводчиков многих писем казахских джучидов первой половины XIX в. следует назвать титулярного советника Оренбургской пограничной комиссии Ивана Сергеева, переводчика «татарского языка» Омского общего областного правления Ивана Гурьевича Дабшинского (1789 – ?) [ЦГА РК. Ф. И-338. Оп. 1. Д. 340. Л. 23–24] и младшего переводчика Оренбургской пограничной комиссии Искендера Алюковича Батыршина (1820 – после 1865), на которого в середине XIX в. неоднократно возлагалось выполнение ответственных заданий в кочевьях Младшего жуза [История Казахстана, 2012. С. 279–299].

Синхронные русские переводы писем казахских правителей обычно составлялись в двух вариантах. Первый из них представляет собой краткий пересказ на русском языке основного содержания послания, в котором опускались отдельные малозначимые для российских чиновников факты, а иногда и даты создания оригинальных документов. Таким способом передавались преимущественно небольшие по объему тексты, составляющие от 5 до 15 строк, в которых излагались общие сведения о месте пребывания степного правителя и его конкретных намерениях и поступках. В большинстве же случаев переводчики пограничных канцелярий делали полные подстрочные переводы писем с чагатайского тюрки, скрупулезно передавая всю содержащуюся в них информацию, разнообразные оттенки эмоционально-психологического настроения авторов и подлинную стилистику тюркских текстов. Однако при беглом прочтении служебных переводов далеко не всегда можно отличить подстрочники от сравнительно вольного переложения оригинального содержания на русский язык, что требует внимательного отношения исследователей к этим историческим документам.

В целом же несмотря на известную сложность структуры лексических оборотов в переведенных текстах, эклектический набор разноязычных калек тюркских терминов и другие характерные черты русского литературного языка XVIII в., содержание писем казахских ханов и султанов в целом передано в подстрочных переводах того времени и последующих десятилетий более или менее адекватно подлинникам, без сколько-нибудь существенных неточностей и искажений. Проведенная в разные годы советскими (Н.К. Дмитриев, И.Н. Леманов, Р.М. Пейгумбари) и современными (Ф.М. Хисамова, Т.К. Бейсембиев и др.) тюркологами-лингвистами сравнительная текстологическая экспертиза синхронных русских переводов дипло-

матических документов XVIII – первой половины XIX в. и их тюркских оригиналов с целью выяснения правильности толкования современниками специальных иноязычных наименований позволила обнаружить лишь формальные редакционно-стилистические расхождения между ними и замену отдельных непереводаемых терминов казахского происхождения и витиеватых выражений более привычными для них понятиями из русского политического лексикона той эпохи (например: «народ» вместо «йурт», или «юрт», т. е. страна; «орда» вместо «йуз», или «жуз»), но не искажение реального значения оригинальных слов и словосочетаний.

Как известно, переводчики провинциальных канцелярий использовали на государственной службе чагатайский тюрки параллельно с разговорным казахским языком, что позволяло им свободно ориентироваться в терминологии кочевников и при толковании употребленных в письмах многозначных тюркских, арабских и персидских формул передавать именно то значение этих слов, какое вкладывали в них сами создатели оригинальных текстов. Емкую и убедительную характеристику такого уровня владения общетюркским литературным языком дал в свое время видный советский специалист по средневековым джучидским ярлыкам и битикам Поволжья и Крыма М.А. Усманов, который писал: «При документальных переводах официальных государственных бумаг квалифицированные толмачи-переводчики должны были передавать не только точное лексическое значение слов, фраз, но также были обязаны отражать реальное содержание специальных терминов, намеки и общий тон посланий в целом. В отличие от ученых последующих эпох, изучавших документы прошлого при помощи пособий, толмачи-современники, практически зная язык переводимых документов, могли до нюансов отражать также содержание особых оборотов, условностей... В целом, если не считать отдельных ошибок и описок, ... достоверность этих переводов, выполненных для служебной цели, не вызывает сомнений [Усманов, 1979. С. 192]. Все это дает основание достаточно высоко оценить качество русских переводов XVIII – первой половины XIX в., хотя они, безусловно, требуют осторожного подхода и сопоставления их содержания с синхронными записями устных показаний доверенных лиц степных правителей и служебными рапортами российских посланников в казахские жузы.

Общие выводы. Письма казахских ханов и султанов конца XVII – середины XIX в. представляют собой во многих отношениях уникальный исторический источник, который имеет большую научно-практическую значимость для разностороннего изучения исторического прошлого казахского народа. Их особая ценность для историков определяется прежде всего тем, что эти тексты являются самой многочисленной группой письменных источников казахского происхождения эпохи вхождения трех жузов в состав России, которые несут на себе ярко выраженный отпечаток мировоззренческих представлений, общественных настроений и ценностных ориентаций казахов-степняков.

В отличие от документов личного происхождения с неопределенными адресатами (дневников, мемуаров, исповедей) письма создавались исключительно с целью информирования современников о жизненно важных для степных правителей в момент их создания событиях и явлениях текущей действительности и получения необходимого содействия в решении злободневных проблем, а вовсе не для использования этой информации в более или менее отдаленном будущем. Ввиду прагматической направленности ханских и султанских посланий на скорейшую ответную реакцию со стороны адресатов и достижение желаемых результатов, они относительно точно и подробно освещают различные аспекты современного им положения казахских жузов, обойденные вниманием либо поверхностно описанные восточными хронистами и российскими чиновниками, поэтому их можно рассматривать как одну из самых репрезентативных групп письменных памятников дореволюционного периода, особенно в сравнении с фольклорными источниками.

Письма степных правителей содержат большое количество разнообразных сведений о малоизвестных иностранцам сторонах современной им жизни казахов-кочевников, которые

по разным причинам оказались вне поля зрения любознательных наблюдателей и исследователей соседних государств. Приведенный в них богатый фактический материал о развитии межэтнических отношений на внешних рубежах степного ареала и общественно-политических процессах внутри казахских ханств может служить для реконструкции целого ряда сложных и запутанных исторических событий, так как он существенно дополняет и уточняет односторонние ретроспективные описания восточных хроник и непосредственные свидетельства российских делопроизводственных документов.

Кроме того, послания казахских ханов и султанов представляют собой первостепенный по своей значимости источник исторических представлений правящей элиты казахских жузов об этих событиях, а последние, в свою очередь, отражают все традиционные мировоззренческие стереотипы бесписьменного большинства кочевого населения того времени. В условиях дефицита аутентичной информации о характерных чертах общественного сознания степных кочевников доиндустриальной эпохи письма отражают наиболее типичные взгляды его носителей на установление российского присутствия в казахстанском регионе и политику царского правительства по отношению к казахскому народу, что во многом восполняет имеющийся пробел в фактографическом обеспечении научных исследований этой важной проблемы.

В эпистолярном наследии казахских ханов и султанов мы находим множество оригинальных терминов, собственных и нарицательных имен, обозначающих различные элементы природного ландшафта, детали скотоводческого хозяйства, социальных отношений, правовых обычаев, обрядов и традиций казахов. Для него характерно также наличие метких народных пословиц и образных определений различных элементов быта, моделей поведения и общественных нравов кочевого населения региона, которые отражают отдельные малоизвестные нам грани традиционной культуры и духовного мира степняков. В этом отношении письма имеют большую познавательную ценность для изучения исторической этнографии, обычного права, топонимики, фольклористики, социальной психологии и этики казахского народа, так как многие приведенные в них топонимы, этнические, социальные, юридические и иные термины отсутствуют в аутентичных источниках внешнего происхождения.

В целом же публикуемые письма казахских правителей содержат огромное количество оригинальных и достоверных фактических сведений об общественно-политической, экономической и культурной жизни Степи конца XVII – середины XIX в., которые служат существенным дополнением и уточнением к информации других разновидностей исторических документов, поэтому их следует отнести к самостоятельному виду письменных источников по истории казахского народа нового времени.

Вместе с тем, аутентичность и репрезентативность – это хотя и основные, но не единственные достоинства письменного наследия казахских правителей. В частности, многочисленные группы писем старших ханов Абулхаира и Абылая разных лет представляют собой не только однородные по происхождению массивы подлинных исторических документов, но и цельные эпистолярные циклы, имеющие основные признаки литературного жанра. Письма каждого отдельного комплекса взаимосвязаны единством целей их создания, тематики и использованных изобразительных средств. При внимательном ознакомлении с обоими эпистолярными собраниями нетрудно заметить во многих составляющих их текстах присутствие самостоятельных и оригинальных мыслей и определенное литературное мастерство создателей этих писем.

В посланиях Абулхаира и Абылая российским адресатам встречаются глубокие размышления о смысле жизни и высоком предназначении человека, философских категориях добра и зла, о достоинствах единовластия и недостатках степной политической системы, о внешнем имидже, прерогативах власти и обязанностях государя.

Арсенал употребленных ханами в основной части писем способов построения композиции широк и разнообразен. Ими использованы как документальные жанры (доношение,

прошение, представление и т.п.), так и неожиданные «лирические отступления» от заданной темы, краткая апелляция к опыту правления предков и иноземных монархов, либо к эпической народной притче. Последовательное изложение фактов нередко перемежается здесь разного рода «мгновенными» вставками в виде лаконичных, но емких полемических и дидактических контекстов, либо отвлеченных рассуждений на «вечные темы» и авторских афоризмов. При этом для манеры повествования обоих ханов характерно употребление не только многих общих приемов построения речи, но и индивидуальных авторских стилей.

Так, зоркий и вдумчивый наблюдатель, человек незаурядного ума и редкой эрудиции хан Абулхаир, несомненно, был наделен от природы литературным талантом и даром живого рассказа, став со временем мастером эпистолярного жанра и ярким полемистом. Речь Абулхаира-стилиста, с одной стороны, довольно проста и легко доступна для восприятия, но с другой – очень эмоциональна, ярка, насыщена остроумными сравнениями, метафорами, элегантными по форме и глубокими по смыслу афоризмами.

Младший по возрасту современник Абулхаира хан Абылай также был сильным мыслителем и талантливым стилистом. Но в отличие от конструкции фразы в письмах его предшественника речи Абылая присущи экономность в употреблении образительных средств и лаконизм использованных лексических оборотов, с чем тесно связана и такая примечательная особенность стиля этого автора как отточенность каждой мысли и каждого слова. Типичными для его языка являются также афористичность выражений и приглушенная палитра эмоциональных оттенков.

Благодаря отмеченным литературным достоинствам письма двух старших ханов являются превосходным отображением исторического времени и социально-культурной среды, которые их породили. Эпистолярные циклы Абулхаира и Абылая дают нам возможность представить себе эпоху, когда они создавались, с наибольшим приближением к реальности прошлого и как можно глубже понять мысли, чувства, эстетику и настроения казахской аристократической элиты того времени.

Оба собрания писем имеют для современного читателя несомненную историко-культурную ценность, поэтому их можно рассматривать и как степные литературные памятники XVIII в., в которых «подлинное документальное искусство сливается с подлинной историей» [Гулыга, 1974. С. 123].

Использованные источники и литература

Әбілқасымов, 1988 – Әбілқасымов Б.Ә. XVIII–XIX ғасырлардағы қазақ әдеби тілінің жазба нұсқалары. Алматы: Ғылым, 1988.

Абылай хан, 2005 – Абылай хан. Өмірі мен қызметіне қатысты құжаттар мен материалдардың жинағы / Құраст. З.С. Тайшыбай. Петропавл: Астана баспасы, 2005.

Акманов, 1993 – Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII в. Уфа, 1993.

Алекторов, 1892 – Алекторов А.Е. Письмо Джангира Чуке Нуралиеву // Оренбургский листок. 1892. № 26.

Алекторов, 1892а – Алекторов А.Е. Из письма Джангира графу Перовскому // Астраханский листок. 1892а. № 258–259.

Алтынсарин, 1975 – Алтынсарин И. Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку (Нәрселердің аттары. [Зат есім]. Имя существительное) // Алтынсарин И. Собрание сочинений в трех томах. Т. 1. Алма-Ата, 1975. С. 227–276.

Андреев, 1998 – Андреев И.Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков / Составление, транскрипция скорописи XVIII в. и комментарии И.В. Ерофеевой. Алматы, 1998.

Античная эпистолография, 1967 – Античная эпистолография. М., 1967.

- Аполлова, 1960 – Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М., 1960.
- Атыгаев, 2007 – Атыгаев Н.А. Хронология правления казахских ханов (XV – середина XVI в.) // Тюркологический сборник. 2006. М: Восточная литература, 2007. С. 50–62.
- Атыгаев, 2012 – Атыгаев Н.А. Казахские ханы XV – середины XVI в. Хронология правлений // Отан тарихы. 2012. № 3 (59). С. 24–30.
- Атыгаев, Джандосова, 2013 – Атыгаев Н.А., Джандосова З.А. Новый источник по истории Казахстана XVI века: предварительные результаты изучения 'Алам-а́р-йи шах Исм'а́йл // Отан тарихы. 2013. № 2 (62). С. 73–83.
- Ахмет, 2007 – Ахмет А. Каратай хан. Алматы, 2007.
- Байсариева, Ходжаев, 1995 – Байсариева Г., Ходжаев М.К. К вопросу о распространении письменности у казахов в эпоху средневековья // Ата-Мура. Сборник статей, посвященный 75-летию Южно-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. Шымкент, 1995. С. 150–153.
- Бакланова, Андреев, 1999 – Бакланова Н.А., Андреев А.И. Обзор рукописей Г.Ф. Миллера по истории, географии, этнографии и языкам народов Сибири, хранящимся в московских и ленинградских архивах и библиотеках // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. Изд. 2-е. М., 1999. С. 540–567.
- Бакунин, 1995 – Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Элиста. 1995.
- Басин, 1971 – Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1971.
- Бейсембиев, 2007 – Бейсембиев Т.К. Среднеазиатский (чагатайский) тюрки и его роль в культурной истории Евразии (взгляд историка) // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 77–94.
- Бейсембиев, 2009 – Бейсембиев Т.К. Chagatay Türkic Language and its Role in the Cultural History of Eurasia: an historian's View // Бейсембиев Т.К. Кокандская историография. Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII – XIX веков. Алматы, 2009. С. 1230–1241.
- Бекмаханов, 1947 – Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Алма-Ата, 1947.
- Белокуров, 1906 – Белокуров С.А. О посольском приказе. М., 1906.
- Белый, 1988 – Белый А. Истина дороже, или о пользе фактов в жизни // Приуралье. 11 ноября 1988 г. № 218.
- Боброва, 2001 – Боброва В.С. Макулатурные кампании 1920–1930-х годов в Сибири // Отечественные архивы. 2001. № 5.
- Болтин, 1788 – Болтин И. Примечание к истории древняя и нынешняя России г. Леклерка. Т. 1. СПб., 1788.
- Броневский, 1830 – Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды // Отечественные записки. Ч. 42. СПб., 1830.
- Брун, 1898 – Брун М. Подданство // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXIX. СПб., 1898. С. 70–73.
- Будагов, 1869 – Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий: со включением употребительных слов арабских и персидских и с переводом на русский язык. Т. 1. СПб., 1869.
- Валиханов, 1985 – Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата, 1985.
- Вибе, Михеев, Пугачева, 1994 – Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994.
- Витсен, 2006 – Витсен Н.К. Северная и Восточная Тартария // История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. Т. 6. Алматы, 2006. С. 11–152.
- Витсен, 2010 – Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. В трех томах / Пер. с голландского языка В.Г. Трисман. Т. 1. Амстердам, 2010.
- Волков, 1974 – Волков С.С. Лексика русских челобитных XVII века. Формуляр, традиционные этикетные и стилевые средства. Л., 1974.
- Вяткин, Дмитриев, 1940 – Вяткин М.П., Дмитриев Н.К. Археографическое введение // МИКССР-4. С. 40–44.
- Вяткин, 1948 – Вяткин М.П. Археографическое введение // МИКССР-2. С. 22–26.
- Вяткин, 1998 – Вяткин М.П. Батыр Срым. Изд. 2-е. Алматы, 1998.

- Гавердовский, 2007* – *Гавердовский Я.П.* Обзорение Киргиз-кайсацкой степи (часть 2) или Описание страны и народа киргиз-кайсацкого // ИКРИ-5. С. 283–495.
- Галиев, 1994* – *Галиев В.З.* Караванные тропы (Из истории общественной жизни Казахстана XVIII–XIX веков). Алматы, 1994.
- Георги, 2007* – *Георги И.-Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамяностей. Изд. 2-е. СПб., 2007.
- Герман, 1821* – *Герман Ф.И.* О киргизцах // Вестник Европы. 1821. Ч. 121. Кн. 22. С. 123–138.
- Голиков, Круглова, 2000* – *Голиков А.Г., Круглова Т.А.* Источниковедение отечественной истории. М., 2000.
- Григорьев, 1974* – *Григорьев А.В.* «Вышняя троица» в ярлыке золотоордынского хана Мӧнгке-Темюра // Востоковедение. 1. К 70-летию проф. В.И. Беляева (Ученые записки ЛГУ. № 374. Сер. востоковедческих наук. Вып. 17). Л., 1974. С. 300–316.
- Григорьев, 2006* – *Григорьев А.П.* Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005. Тюркские народы России и Великой степи. М., 2006. С. 74–142.
- Григорьева, 1984* – *Григорьева И.В.* Источниковедение новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1984.
- Гулыга, 1974* – *Гулыга А.В.* Эстетика истории. М., 1974.
- Гуревич, 1979* – *Гуревич Б.П.* Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XVIII в. М., 1979.
- Данилевский, Кабанов, Медушевская, Румянцева, 2004* – *Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф.* Источниковедение. Теория, история, метод. Источники российской истории. М., 2004.
- Дариенко, 1966* – *Дариенко В.Н.* Классовая борьба на Яике в XVII – начале XVIII в. М., 1966.
- Дмитриев-Мамонов, 1907* – *Дмитриев-Мамонов А.И.* Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. Исторический очерк по официальным документам. СПб., 1907.
- Добросмыслов, 1900* – *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Т. 1. Вып. 1. Оренбург, 1900.
- Документы, 1958* – *Документы архива хивинских ханов по истории каракалпаков.* Перевод, предисловие и примечания Ю.Э. Брегеля. М., 1958.
- Документы, 1967* – *Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков.* М., 1967.
- Ерофеева, 1997* – *Ерофеева И.В.* Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX в. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Материалы к Летнему Университету по истории и культуре Центральной Азии и Казахстана (4–23 августа 1991 г., г. Алматы). Алматы, 1997. С. 46–144.
- Ерофеева, 1999* – *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. Алматы, 1999.
- Ерофеева, 2001* – *Ерофеева И.В.* Символы казахской государственности. Позднее средневековье и новое время. Алматы, 2001.
- Ерофеева, 2003* – *Ерофеева И.В.* Родословные казахских ханов и кожа XVIII–XIX вв. (история, историография, источники). Алматы, 2003.
- Ерофеева, 2007* – *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Алматы, 2007.
- Ерофеева, Аубекеров, Рогожинский, 2008* – *Ерофеева И.В., Аубекеров Б.Ж., Рогожинский А.Е.* и др. Аныракайский треугольник: историко-географический ареал и хроника великого сражения. Алматы, 2008.
- Жанаев, 2009* – *Жанаев Б.Т.* Архивы Казахстана в 1920–1930-е гг.: хроника потерь // Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Сборник материалов научно-практической конференции. Алматы, 25–26 апреля 2008 г. Алматы, 2009. С. 64–74.
- Завалишин, 1867* – *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. Т. 3. Сибирско-киргизская степь. Омск, 1867.
- Зайцев, 2004* – *Зайцев И.В.* Между Стамбулом и Москвой. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI в.) М., 2004.
- Зайцев, 2011* – *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: рукописи, тексты и их источники. Автореф. дис. на д. и. н. М., 2011.

- Зобнин*, 1901 – *Зобнин Ф.* К вопросу о невольниках, рабах и тюленгутах в Киргизской степи // Памятная книжка Семипалатинской области. Вып. 6. Семипалатинск, 1901. Отд. 2. С. 1–99.
- Золотов*, 1873 – *Золотов П.* Краткий исторический очерк бывшей Омской азиатской школы (1789–1870) // Акмолинские областные ведомости. 6 сентября 1873 г. № 16.
- Золотов*, 1876 – *Золотов П.* О сибирских переводчиках и толмачах во второй половине XVIII века // Акмолинские областные ведомости. 15 января 1876 г. № 1.
- Иванов*, 1940 – *Иванов П.П.* Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением. Л., 1940.
- Ивлев*, *Щербанов*, 1989 – *Ивлев Н., Щербанов Н.* Тайна архива // Ленинская смена. 15 февраля 1989 г. № 32.
- Исатай–Махамбет*, 2003 – Исатай–Махамбет. 1801–1848. Документы / Сост.: *Б.Т. Жанаев, И.М. Самигулин, Л.Ш. Капашев.* Алматы, 2003.
- Исин*, 1988 – *Исин А.И.* Материалы посольского приказа Русского государства о Казахском ханстве XVI – начала XVIII в. // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, 1988. С. 161–170.
- Историко-культурный атлас*, 2011 – Историко-культурный атлас казахского народа / Отв. ред. *И.В. Ерофеева.* Алматы, 2011.
- История Казахстана*, 2012 – История Казахстана в документах и материалах. Альманах. Вып. 2 / Отв. ред. *Б.Т. Жанаев.* Астана, 2012.
- История*, 1979 – История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Т. 2. Алма-Ата, 1979.
- История Калмыкии*, 2009 – История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. В трех томах. Т. 1 / Отв. ред.: *К.Н. Максимов, Н.Г. Очирова.* Элиста, 2009.
- Источниковедение*, 1981 – Источниковедение истории СССР / Под ред. *И.Д. Ковальченко.* М., 1981.
- Қазақстан тарихы*, 2006 – Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. 3-ші т. Цин патшалық дәуірінің мұрағат құжаттары. Алматы, 2006.
- Қазақтың ханы – Абылай*, 2011 – Қазақтың ханы – Абылай: Дәуірі, өмірі мен қызметі: Ғылыми басылым. Өмірі мен қызметіне қатысты құжаттар мен материалдар. Т. 1–2. / Құрастырып, қазақшаға аударып, көрсеткіштерін түзген және түсініктерін жазған *З.С. Тайшыбай.* Алматы, 2011.
- Қазақ ұлт-азаттық қозғаласы*, 2008 – Қазақ ұлт-азаттық қозғаласы. Т. 9. Кенесары ұрпақтары мұрағат құжаттарында. Құжаттар және мен материалдар жинағы. Потомки Кенесары в архивных документах. Сборник документов и материалов / Бас ред.: *М. Койгелдиев, жауапты құраст.: Р.Е. Оразов.* Астана, 2008.
- Қазақ хандығы*, 2009 – Қазақ хандығы мен Цин патшалығының саяси-дипломатиялық қатынастары туралы қытай мұрағат құжаттары. 1-ші т. Құрастырған, қытай деректемелерін аударған, кіріспесін, ескертулері мен түсіндірмелерін жазған *Б. Еженханұлы.* Алматы, 2009.
- Казанцев*, 2001 – *Казанцев И.М.* Описание киргиз-кайсак // Букеевской орде 200 лет. Кн. 1. Алматы, 2001. С. 162–318.
- Капнист*, 1973 – *Капнист В.В.* Избранные произведения. Л., 1973.
- Каппелер*, 2000 – *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000.
- Карамзин*, 1824 – *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 10. М., 1824.
- Каскабасов*, 1990 – *Каскабасов С.А.* Казахская сказочная проза. Алматы, 1990.
- Касымбаев*, 1999 – *Касымбаев Ж.К.* Государственные деятели казахских ханств (XVIII век). Алматы, 1999.
- Касымбаев*, 2001 – *Касымбаев Ж.К.* Государственные деятели казахских ханств. Хан Жанторе (1759–1809). Алматы, 2001.
- Касымбаев*, 2001а – *Касымбаев Ж.К.* Государственные деятели казахских ханств. Жангир-хан (1801–1845). Алматы, 2001.
- Каштанов*, 1970 – *Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970.
- Кляшторный*, *Султанов*, 2004 – *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.
- Койгелдиев*, 1993 – *Койгелдиев М.* Қаздауысты Қазыбек бидің генерал-губернатор *И.И. Неплюевке* жазған хаттары // Қазақ тарихы. 1993. № 2. 53–57 бб.

- Кононов*, 1982 – *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Изд. 2-е. Л., 1982.
- Кононов*, 1989 – *Кононов А.Н.* Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. Изд. 2-е. М., 1989.
- Косвен*, 1956 – *Косвен М.О.* Материалы к истории ранней русской этнографии (XII–XVII вв.) // Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М. 1956.
- Крафт*, 1898 – *Крафт И.И.* Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898.
- Кузнецов*, 1981 – *Кузнецов В.С.* Амурсана. Новосибирск, 1981.
- Кузнецов*, 1983 – *Кузнецов В.С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1983.
- Кулмаматов*, 1994 – *Кулмаматов Д.С.* Среднеазиатские дипломатические документы и их русские переводы XVII в. (Грамоты. Челобитные). М., 1994.
- Кумеков*, *Настич Шуховцов*, 1977 – *Кумеков Б.Е., Настич В.Н., Шуховцов В.К.* Письменные документы из Южного Казахстана // Вестник Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата, 1977. № 8. С. 70–73.
- Кундакбаева*, 2005 – *Кундакбаева Ж.Б.* „Знаком милости Е. И. В.” Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М., 2005.
- Кундакбаева*, 2005а – *Кундакбаева Ж.Б.* Политика Российской империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке: историография проблемы и источники изучения. М., 2005.
- Кундакбаева*, 2005б – «Нынешнее требование трухменского хана весьма есть удобное к исполнению». Документы Архива внешней политики Российской империи. 1775–1778 гг. / Сост. Ж.Б. Кундакбаева // Исторический архив. М., 2005. № 5. С. 187–200.
- Кундакбаева*, 2009 – «Из твердого моего ее императорскому величеству усердия вам доношу». Письма казахского хана Нурали оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу во время откочевки калмыков в Джунгарию 1770–1771 гг. / Сост. Ж.Б. Кундакбаева // Исторический архив. М., 2009. № 1. С. 201–211.
- Кэстль*, 1998 – *Кэстль Д.* Дневник путешествия в году 1736-м из Оренбурга в Абулхаиру, хану Киргизкайсакской орды / Пер. с нем. В. Штаркенберга. Алматы, 1998.
- Левшин*, 1996 – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Изд. 3-е / Сост. И.В. Ерофеева. Алма-Ата, 2009.
- Мадуанов*, 1995 – *Мадуанов С.* Взаимоотношения казахов с другими народами Центральной Азии в XVIII – начале XX вв. Алматы, 1995.
- Малов*, 1953 – *Малов С.Е.* Изучение ярлыков и восточных грамот // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953. С. 187–195.
- Марасинова*, 2005 – *Марасинова Е.Н.* К истории политического языка в России XVIII века // Отечественная история. М., 2005. № 5. С. 3–16.
- Масанов*, 1966 – *Масанов Э.А.* Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966.
- Масанов*, 2011 – *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Изд. 2-е, доп. Алматы, 2011.
- Масанов*, *Абылхожин*, *Ерофеева* и др., 2000 – *Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С.* История Казахстана: народы и культуры. Алматы, 2000.
- Матвиевский*, *Ефремов*, 1991 – *Матвиевский П.Е., Ефремов А.В.* Петр Иванович Рычков. 1712–1777. М., 1991.
- Материалы*, 1864 – Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению Императорской Академии наук из Московского Главного архива Министерства иностранных дел. Издал В.В. Вельяминов-Зернов. Спб., 1864.
- Материалы*, 1932 – Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. / Ред. А.Н. Самойлович. Л., 1932.
- Моисеев*, 1991 – *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи. XVII–XVIII вв. Алма-Ата, 1991.
- Моисеев*, 1998 – *Моисеев В.А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерк внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998.

- Н.Г.*, 1939. – *Н.Г.* Письмо Аблай-хана // Омская область. Август 1939 г. № 8.
- Недашковский*, 1914 – *Недашковский В.* Историческая справка о выдающихся событиях и правительственных актах, относящихся к истории как Акмолинской области, так и других смежных областей и губерний Западной Сибири // Памятная книжка Акмолинской области на 1914 г. Омск, 1914. С. 74–109.
- Описи*, 1960 – Описи царского архива XVI в. Архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1960.
- Памятники*, 1884 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т. 1. С. 1474 по 1505 гг., эпоха свержения монгольского ига в России / Под ред. Г.О. Карпова // Сборник РИО. Т. 41. СПб., 1884.
- Памятники*, 1887 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 2. (1533–1560 гг.) // Сборник РИО. Т. 59. СПб., 1887.
- Памятники*, 1895 – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, ногаями и Турциею. Т. 2. 1508–1521 гг. / Под ред. Г.О. Карпова и Г.Ф. Штендмана // Сборник РИО. Т. 95. СПб., 1895.
- Письма*, 2004 – Письма наместника Калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Издание текстов, введение, транслитерация, перевод со старокалмыцкого на современный калмыцкий язык, словарь Д.Б. Гедеевой. Элиста, 2004.
- Потанин*, 1867 – *Потанин Г.Н.* Материалы по истории Сибири // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. М., 1867.
- Пропп*, 1976 – *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.
- Русанов*, 1861 – *Русанов И.* Сборник актов, договоров, грамот, писем и прочих документов, до Киргизской степи относящихся // Томские губернаторские ведомости. 1861. № 30.
- Русанов*, 1861 – *Русанов И.Ф.* Взгляд на экономический и общественный быт киргиз (из путевых заметок Русанова) // Томские губернские ведомости. 1861. № 38.
- Рычков*, 1999 – *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Изд. 3-е. Уфа, 1999.
- Рябинин*, 1864 – *Рябинин А.Д.* Яицкое казачество. 1680–1774 // Русский вестник. Т. 52. СПб., 1864.
- Рязанов*, 1925 – *Рязанов А.Ф.* Набеги хивинцев и туркмен в Киргизскую степь в 1848 г. (по архивным документам) // Труды Оренбургской исторической комиссии. Вып. 6. (Т. 5. Вып. 2). 1924. Оренбург, 1925. С. 4–22.
- Рязанов*, 1926 – *Рязанов А.Ф.* Сорок лет борьбы за национальную независимость казахского народа. 1797–1838 // Труды общества изучения Казахстана. Отдел истории и этнографии. Т. 7. Вып. 2. Кызыл-Орда, 1926. С. 1–298.
- Сабырханов*, 1965 – *Сабырханов А.С.* Российское подданство казахов в представлении казахской феодальной знати и царского правительства // Известия АН Каз. ССР. Сер. обществ. наук. Вып. 6. Алма-Ата, 1965. С. 65–70.
- Сборник*, 2006 – Сборник архивных документов по истории казахско-китайских отношений в цинский период. Т. 1. / Отв. ред.: Синь Юнфу, М.Х. Абусейтова. Пекин, 2006 (на китайском языке).
- Сборник*, 2007 – Сборник архивных документов по истории казахско-китайских отношений в цинский период. Т. 2. / Отв. ред.: Зоу Айлянь, М.Х. Абусейтова. Пекин, 2007 (на китайском языке).
- Серебренников*, 1912 – *Серебренников А.Г.* Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. Т. 3. Ташкент, 1912.
- Серебренников*, 1914 – *Серебренников А.Г.* Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. Т. 4. Ташкент, 1914.
- Середа*, 1992 – *Середа Н.А.* Бунт киргизского султана Кенесары Касымова (1838–1847). Изд. 2-е // Хан Кенесары. Самара, 1992. С. 12–109.
- Сиверс*, 1999 – *Сиверс И.* Письма из Сибири. *Фальк И.* Описание всех национальностей России. Алматы, 1999.
- Скрынникова*, 1997 – *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.
- Словарь*, 1989 – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 5. Л., 1989.
- Сметанин*, 1981 – *Сметанин В.А.* Эпистолография. Свердловск, 1981.
- Соколова*, 1960 – *Соколова В.К.* Фольклор как историко-этнографический источник // Советская этнография. 1960. № 4. С. 11–16.

- Соколова, 1981 – Соколова В.К. Изображение действительности в разных фольклорных жанрах (на примере соотношения преданий с историческими песнями и быличками) // Русский фольклор. Т. XX. Фольклор и историческая действительность / Отв. ред. А.А. Горелов. Л., 1981. С. 35–44.
- 100 құжат, 1998 – 100 құжат (Қазақ хандағы мен Чиң империясы арасындағы қарым-қатынастарға байланысты құжаттар). Алматы: Санат, 1998.
- Сулейменов, Басин, 1981 – Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX в. Алма-Ата, 1981.
- Сулейменов, Моисеев, 1988 – Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата, 1988.
- Султангалиева, 2002 – Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов XVIII – начала XX в. Уфа, 2002.
- Султангалиева, 2005 – Султангалиева Г.С. Деятельность башкирских переводчиков и письмоводителей в Казахстане в процессе взаимодействия культур (XVIII–XIX вв.) // Ватандаш. Сентябрь. Уфа, 2005. С. 73–38.
- Султангалиева, 2008 – Султангалиева Г.С. Переводчик Мендияр Бекчурин в Казахской степи: к вопросу взаимодействия тюркоязычных народов Российской империи (вторая половина XVIII в.) // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы 3-й Всероссийской тюркологической конференции (Уфа, 27–28 июня 2008 г.). Уфа, 2008. С. 228–232.
- Султангалиева, 2009 – Султангалиева Г.С. Деятельность татарских переводчиков, толмачей Оренбургской пограничной комиссии в Казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. Тюркология. Казань, 2009. № 47. С. 125–139.
- Султанов, 1978 – Султанов Т.И. Письма золотоордынских ханов // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 234–251.
- Султанов, 2001 – Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001.
- Сусеева, 2003 – Сусеева Д.А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.). Опыт лингво-социологического исследования. Элиста, 2003.
- Сусеева, 2009 – Сусеева Д.А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Избранное. Элиста: Джангар, 2009.
- Сусеева, Хараева, 2009 – Сусеева Д.А., Хараева А.Т. К вопросу об официальном деловом стиле калмыцкого языка XVIII в. // Материалы международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Ч. 2. Элиста, 2009. С. 292–299.
- Тепкеев, 2009 – Тепкеев В.Т. Историческое обозрение писем ойратских тайшей XVII в. (по материалам РГАДА) // Материалы международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.). Ч. 2. Элиста, 2009. С. 621–624.
- Трепавлов, 1993 – Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. Проблемы исторической преемственности. М., 1993.
- Трепавлов, 2007 – Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.
- Трепавлов, 2013 – Трепавлов В.В. Казахские ханы XVI в. в Литовской метрике // Отан тарихы. 2013. № 3 (63). С. 54–60.
- Троицкая, 1968 – Троицкая А.Л. Каталог архива кокандских ханов XIX в. М., 1968.
- Троицкая, 1969 – Троицкая А.Л. Материалы по истории Кокандского ханства XIX в. по документам архива кокандских ханов. М., 1969.
- Турецкая хрестоматия, 1862 – Турецкая хрестоматия, составленная И.Н. Березиным, профессором турецкого языка в Санкт-Петербургском университете. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1862.
- ТЭС, 1999 – Татарский энциклопедический словарь. Казань, 1999.
- Ускенбай, 2013 – Ускенбай К.З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: Фэн, 2013.
- Усманов, 1979 – Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVII вв. Казань, 1979.

Тауке (не позднее начала 1635–1715)

Тауке (*Аз-Тауке* – Святой Тауке»; Тевкей, Тевки, Теуке, Тюуке, Тявка, Тявкай), полные имя и титул – *Таввакул-Мухаммад-Бахадур-хан Гази* (не позднее 1635 – весна / лето 1715), султан Младшего жуза, после 1652 г. – хан Младшего жуза, не позднее, чем с 1672 г. – старший хан трех жузов.

Средний сын старшего хана казахов Жахангира, или Жангира I (*Салкам-Жангира* – «Внутреннего», или «Представительного», Жангира; после 1644–1652) от жены ойратского происхождения, младший брат Апак-султана, старший брат Вали (Валибак)-султана [ИКРИ-3. С. 300–301; *Валиханов*, 1985. Т. 4. С. 174; *Хроника*, 2010. С. 209; *Кудайбердыулы*, 1990. С. 96; *Тынышпаев*, 1993. С. 161].

Впервые приобщился к политической деятельности в 1650 или 1651 г., когда Жангирхан отправил его в качестве посланника к правителю Кашгарии Абдаллах-хану (1638/39–1668/69) [*Хроника*, 2010. С. 209; *Султанов*, 2001. С. 227]. После трагической гибели отца был возведен старшинами многих родов Младшего жуза и предположительно – части родов Среднего жуза на ханский престол [ИКРИ-6. С. 70, 388] и с начала правления стал уделять большое внимание укреплению внутри- и внешнеполитического положения казахских ханств. Вероятно, именно к этому периоду относятся воспоминания некоторых более молодых современников Тауке и их ближайших потомков об объединении им семи малочисленных родов поколений алимулы и байулы Младшего жуза в новое поколение – жетыру, а уаков и кереев Среднего жуза – в одно общее племя уак-керей, так как только крупные племена и роды могли поставлять сильные и боеспособные воинские отряды на борьбу с неприятелем [КРО-1. Док. № 155. С. 406; № 156. С. 407].

Отличаясь большой целеустремленностью, прирожденными организаторскими способностями и талантом военачальника, Тауке сумел подавить к началу 70-х гг. XVII в. междоусобные распри в Казахской степи и совершить целый ряд победоносных сражений с джунгарами. Благодаря одержанным победам над главным внешним врагом, «своему редкому искусству примирять спорущихся и пленять... сердца даром красноречия», он объединил вокруг себя большинство казахских родов и племен и не позднее начала 1672 г. был провозглашен степными ханами, султанами и старшинами верховным правителем, или старшим ханом, трех жузов [ИКРИ-6. С. 70]. В это же время Тауке, судя по легенде его личной печати, был удостоен подвластными ему кочевниками почетных воинских званий: *Бахадур* – «герой», «храбрец» и *Гази*, то есть «Победитель неверных» [Док. № 1, 7 сборника].

В ходе военных действий 50–60-х гг. XVII в. Тауке частично лишился обеих ног, и с тех пор практически не выезжал за пределы Туркестана, а внутри города передвигался либо сидя в седле верхом на коне, либо – на особом настиле, который его слуги переносили «на руках» с одного места в другое [*Витсен*, 2010. С. 466; КРО-1. Док. № 266. С. 413; Док. № 267. С. 425].

В 1672 г. к казахскому хану прикочевали из соседней Джунгарии, спасаясь от преследования нового лидера ойратов Галдана-хунтайджи (1671–1697), сын опального правителя дэрбетских родов Даяна-Омбо (ум. позднее 1671) Малай-тайджи и старший сын влиятельного хошутского тайджи Аблая (ум. в 1674) Цаган-тайджи со всеми их «улусными людьми». В 1673 г. Цаган скончался в казахских кочевьях, а подвластные ему ойраты были задержаны казахами в окрестностях Туркестана, где в течение последующих лет «служили» Тауке-хану [ДАИ, 1857. С. 294].

С 1681 по 1685 гг. джунгарский правитель Галдан-Бошохту-хан (1678–1697), являясь активным поборником распространения тибетского буддизма в центральноазиатском регионе, совершил семь военных походов против южных казахов, кыргызов и городского населения Сайрама и Андижана, чтобы принудить их принять вместо ислама ламаизм. В 1683 г. в ходе

одного из сражений в плен к нему попал сын Тауке, который был отправлен Галданом в столицу «буддийского Ватикана» к Далай-ламе и смог возвратиться в родные края лишь четырнадцать лет спустя благодаря заинтересованному посредничеству нового главы Джунгарского ханства хунтайджи Цэван-Рабдана (1697–1727) [*Раднабхадра*, 1999. С. 98; МИРМО-4. 2000. С. 340; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 3. Л. 195].

Оправившись в середине 1687 г. после понесенных в боевых схватках с Галданом людских потерь и материальных разрушений, Тауке вновь мобилизовал воинские силы казахов против неприятельских войск и затем предпринял решительное наступление на джунгар. В течение 1688 г. ему удалось нанести Галдану ряд серьезных поражений и овладеть Ташкентом, где казахский хан, по сведениям бухарского хрониста Мухаммад-Амина, уже зимой этого года принимал посланника Аштарханида Субханкули-хана (1680–1702) Хушика-бия Аталыка. Вслед за овладением главным политическим центром Ферганы Тауке подчинил своей власти местных кыргызов и кочевавших севернее города Туркестана каракалпаков, назначив управлять последними одного из своих сыновей [МИРМО-4. 2000. С. 83, 184, 205, 223, 340; *Вельяминов-Зернов*, 1864. С. 379; *Тынышпаев*, 1993. С. 161; *Камалов*, 1968. С. 29].

К середине 90-х гг. XVII в. сфера политического влияния Тауке распространялась уже не только на кочевнические районы Казахской степи, но и на соседние торгово-ремесленные центры и оседло-земледельческие оазисы по среднему и нижнему течению Сырдарьи, где казахским ханам и султанам тогда были подвластны 32 города с прилегающими к ним аграрными селениями. Жители Ташкента, Сыгнака, Сайрама, Отрара, Туркестана, Сузака, Аккоргана, Карнака, Икана, Саурана и других присырдарьинских городов платили в пользу казахских правителей ежегодную подать деньгами и товарами, а с земледельческого населения их сельской округи взимался ясачный сбор с наличного поголовья коров и овец и хлебная пошлина в размере 1/5 или 1/10 собранного урожая [Материалы, 1932. С. 263–265; *Добротыслов*, 1900. С. 61–62; *Витсен*, 2010. С. 465].

В 1687–1697 гг. Тауке провел целый ряд политических преобразований в казахском обществе, направленных на развитие интеграционных процессов среди кочевых родов и племен и усиление верховной власти в трех жузах. Согласно историческим преданиям казахов, им четко были распределены пастбищные места между различными социальными группами кочевников, упорядочено использование родовых тамг внутри крупных родоплеменных групп, осуществлена ревизия и частичная кодификация традиционных норм обычного права [ИКРИ-6. С. 388].

С именем Тауке и его окружения народная память связывает составление устного свода степных законов под названием «Жеті жарғы», или «Семь установлений», что явилось ответной реакцией на законодательную инициативу джунгарского хунтайджи Галдана, побудившего своих приближенных дополнить ойратское уложение «Их цааз» целым комплексом актуальных для кочевников-ойратов норм обычного права [ИКРИ-6. С. 389–391; *История Казахстана*, 2011, С. 39–40; *Левшин*, 2009. С. 367–370; *Гродеков*, 2011. С. 34–35].

По преданию, Тауке поручил родовым старшинам выбрать из своей среды трех (в других вариантах – семь) наиболее авторитетных и опытных родоправителей-биев для составления некоторых правовых норм или соединения старых и новых законоположений и осуществления контроля над судебной деятельностью всех остальных биев, вменив им в «непосредственную обязанность за все могущие случиться в родах беспорядки перед ханом». Эти функции казахские старшины возложили на Толе-бия Алибекулы (1663–1756) в Старшем жузе, бия Казыбека Кельдибекулы (1667–1766) – в Среднем жузе и Айтеке-бия Байбекулы (1682–1766) – в Младшем жузе. Тауке, собрав этих биев для совета, будто бы утвердил предложенный ими свод степных законов и побудил его составителей призвать всех аульных и родовых старшин к соблюдению «Жеті жарғы», а последние, в свою очередь, обязались точно

следовать ему в судебных делах «под строгою присягою», приносимой трем главным старшинам [ИКРИ-6. С. 389–390; *Словохотов*, 1905. С. 43; *Гродеков*, 2011. С. 34–35].

Все перечисленные преобразования способствовали временной стабилизации внутривнутриполитической обстановки на территории региона и усилению роли обычного права в регулировании межгрупповых противоречий и конфликтов в кочевом обществе казахов. Более ста лет спустя после их проведения в казахских жузах известный историк А.И. Левшин (1797–1879), собиравший в Оренбургском крае народные предания о степных ханах, писал о Тауке: «При сем имени сердце всякого киргиз-кайсака, несколько возвышающегося духом над толпами буйных соотечественников своих, наполняется благоговением и признательностью. Это – Ликург, это – Дракон орд казачьих... Тявка был действительно в своем роде гений и в летописях казачьих должен стоять наряду с солонями и ликургами» [Левшин, 2009. С. 163, 367].

Параллельно с целенаправленной внутривнутриполитической деятельностью Тауке проводил в 1687–1697 гг. активную внешнюю политику. В этот период он последовательно стремился урегулировать пограничные конфликты казахов с их северными соседями и наладить развитие транзитных торговых связей между Россией и ханствами Средней Азии через казахские степи, для чего направил в Тобольск в разные годы пять специальных посольств [Басин, 1971. С. 105–108, 112].

В 1698 г. южные кочевья казахов в очередной раз подверглись нападению ойратов во главе с хунтайджи Цэван-Рабданом, что положило начало новой полосе вооруженной конфронтации между двумя соседними народами. В течение последних 17 лет правления Тауке казахско-джунгарские войны следовали одна за другой (1698–1703, 1708, 1709–1710, 1712 и т.д.), но хан из-за своего преклонного возраста с 1710 г. уже не принимал активного участия в организации военных походов казахов против внешних неприятелей и в первой половине 1715 г. скончался в городе Туркестане, где, вероятно, и похоронен [Док. № 20 сборника; МИБАССР, С. 279].

По сведениям разных источников, Тауке имел не менее трех сыновей, из которых известны ханы Среднего жуза: Болат (не позднее 1712–1723) и его правопреемник Самеке (1723–1738). Кроме того, участник посольства А. Неприпасова к хану Тауке 1692 г. тобольский торговый татарин Теуш-мерген упомянул в своих «расспросных речах» о его сыне Турсын-султানে, который вместе со своим старшим братом Болат-султаном встретил российских посланников недалеко от Туркестана и проводил их до ставки отца [ИКРИ-1. С. 404]. Согласно более поздним сведениям хорошо информированного ташкентского сарта Н. Алимова, после смерти хана Турсына (II-го, ум. в 1717), отца Барак-султана, управляющего частью конратов и другими родами Среднего жуза, его тезка Турсын (III-й) в течение некоторого времени был ханом казахов рода шымыр племени дулат Старшего жуза и умер, вероятно, не позднее середины 1720-х годов [ИКРИ-6. С. 25].

№ 1

1675–1676 г.¹ – Жителям города Сыгнака

Высочайший указ (*хукм-и 'али*)

В настоящее время мы милостиво пожаловали раба [нашего] двора (*банда-йи баргаһ*) Кази Баба должностью кази (*қазилық*) [1], накиба (*нақиблық*) [2] и шайх ал-ислама (*шайх ал-исламлық*) [3] в Сыгнаке (*Сигнақ*) [4] по старинному заведенному обычаю (*қадим дастури бирлан*). Те, кто увидел этот указ (*йарлық*), пусть признают упомянутого казием, накибом и шайх ал-исламом; по старинному заведенному обычаю (*қадим дастури бирлан*) оказывают ему почести, проявляют уважение и делают ему подарки и подношения (*табаррукат*) [5]. Не выходя из повиновения к нему [...] ² и нигде не считая это дозволенным, пусть служат ему. [По этому поводу] и составлен (*битилди*) указ (*нишан*), скрепленный печатью (*муһрлук*).

[Надпись на печати]: *Таваккул-Мухаммад-хан Гази*³.

Современный перевод с чагатайского тюрки Т.К. Бейсембиева. Подлинник хранился до начала 1990-х гг. в составе комплекса исторических документов XVII–XIX вв. (30 ед. хр.), приобретенных 31 августа 1976 г. казахстанским фольклористом М.К. Байдильдаевым у одного из потомственных старожиллов города Жанакорган (совр. Кызылординская область Республики Казахстан), в научном архиве Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР (далее: ИИАЭ; инв. № 3799–3828). Настоящее местонахождение документа неизвестно. Оpubл.: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней в пяти томах. Т. 2. Алма-Ата, 1979. С. 285.

№ 2

1687 г., май⁴. – Царям Ивану V, Петру I и царевне Софье Алексеевне

Перевод с листа, которой подал на посольстве Казачьи орды Тевки-ханов посланец Ташим-батыр [1].

Из дальние земли ближним своим помышлением издавна спознати дружбу великим белым царям слово то.

¹ В опубликованном факсимиле указа отсутствует дата его составления, помещенная вероятно в отрезанной при подготовке книги к изданию нижней части фотографии отснятого листа. Обработкой и исследованием текстов исторических документов позднего средневековья и нового времени, выявленных в 1970-х гг. в ходе специальных источниково-эвристических изысканий на территории Южного Казахстана, занимались в тот период научные сотрудники ИИАЭ АН КазССР Б.Е. Кумеков, В.Н. Настич и В.К. Шуховцов. См.: *Кумеков Б.Е., Настич В.Н., Шуховцов В.К. Письменные документы из Южного Казахстана // Вестник АН КазССР. 1977. № 8. С. 70–73; Шуховцов В.К. Письменные документы из города Туркестана // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981. С. 164–191. В подписи под изученной ими и опубликованной во втором томе «Истории Казахской ССР» фотографией этого документа обозначено: «Указ Таваккул-Мухаммад-хана. Дата на печати (не на печати, а на документе – И.Е.) – 1086/1675–76 г.»*

² Слово неразборчиво.

³ Развернутое обозначение полного собственного имени, титула и почетного звания казахского хана Тауке. О составлении им издаваемого указа убедительно свидетельствуют идентичность удостоверительных надписей на печатях, оттиснутых на этом документе и письме Тауке царю Петру I от 4 октября 1693 г. (см. док. № 7 настоящего сборника) и данные отдельных российских исторических документов, датированных 1674 г., о том, что правителем «Казачьей орды» в то время был «Тевки-кан», т. е. Тауке-хан. См.: *Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек, 2001. С. 407–408.*

⁴ Датруется по отписке тобольского воеводы А.П. Головина в Сибирский приказ о приезде в Тобольск посланника Тауке-хана батыра Ташима с письмом от верховного правителя казахов и отправке перевода этого письма в Москву от 31 июля 1687 г. См.: ИКРИ-1. Док. № 254. С. 388–389.

У меня, слава Богу, дал Бог, живу здорово, и вы, великие государи, бутте здоровы на многие лета; отчичи и дедичи многим государствам меж нами хаживали, торговые люди – в совете, в дружбе. А ныне Гаган [2] в степи, что шайтан объявился, друг к другу не стали ездить, меж нами людем ездить нельзя было. А ныне-де дружбу меж нами положить надежного ближнего Ташима-батыря послом с торговыми людьми к вам, великим государям, к вашей милости я отпустил, для того издавна в совете и в дружбе и лист довезет, и дружба посередь нас; и моево б посла и торговых людей чтоб пожаловали, з добрым посланником и с торговыми людьми отпустили. Меж нами тьма живота недоброго, надобно слава добрая меж нами; ныне подданным людем надобно покой, и послы и торговые люди меж нами ездили; добрая слава меж нами хорошая будет без смерти на свете.

Позади листа по скаске переводчиков печать, а в ней назначено: *Баатыр Теука-хан*.

Сей лист переводили тобольской служилой татарин Аvezбакей Кулмаметев, бухаретин Максют Алимов.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 162 об. – 163 об. («Списки Тобольской архивы». Ч. 2. № 91). Перевод XVII в. Копия XVIII в.

№ 3

1691 г., октября 27⁵. – Тобольским юртовским служилым татарам Азбакею Кулмаметову и Акметею Кучугаеву

Перевод с письма, которое подал стольник и письменной голова Павел Шарыгин, а в письме написано.

Прямосердешному и светлосердешному вернодушному Азбакею-баю, Метею и всем бусорманам [1] и бекам великой к вашей милости после того в сем месте в большей своей державе. Слава Богу, в нашей полуденной стороне дал Бог здоровья, свою веру светло учиняю, трудя себя. По его милости, азрят-де Бузрюк [2], всех супостатов наших не стало и ныне-де во всяком добре и таланту живут милостию божию. Которое Бог дал место, на том живем; вас всех, на котором месте живете, вас Бог миловал, чтоб к вам и к нам ездокам было, дал Бог путешествие в нынешнее последнее время, а они на доброе дело душами порадели; только дорога очистится, и вам, бусурманам, ездить без опасения, и богатые и бедные ездили. А которые после их останутся, чтоб им было доброе имя, а неумершего человека не остается; в том деле порадейте, чтоб дорога очистилась. Исюп-пророк [3] радел, чтоб бедных накормить, и вы-де порадейте, чтоб караваны ходили, имужие и бедные кормились; корованы, похотя, чтоб к нам ездили и в иные земли; лутче бы было, чтоб дорога очистилась. А ныне-де казаков-плутов нет, и не опасались воров, и в прошлом году съезжались, о проезде дороги договорились и шертовали, а своих воров указ учинили. Для того князя Тенибека, сына мурза Килдея-батыря, верного своего холопа, послал, а всякого дела у него спроситесь.

В печати у того письма пишет: *Тавакуль-Магамьметь-Богодур-хин*.

А сие письмо переводили тобольские юртовские: бухаретин мулла Максют Алимов да служилой татарин Бакий Назаров, а толмачили переводчик Спиридон Безрядов, толмач Иван Чекеев.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 170 об. – 171. («Списки Тобольской архивы». Ч. 2. № 94). Перевод XVII в. Копия XVIII в.

⁵ Дата подачи письма стольником и письменным головой Павлом Шарыгиным тобольскому воеводе С.И. Салтыкову. Датируется по отписке С.И. Салтыкова в Сибирский приказ от 28 ноября 1691 г. См.: там же. Л. 163 об. – 173 об.

№ 4

1691 г., ноября 6⁶. – Царям Ивану V и Петру I

Перевод с листа, которой подал на посольстве в приказной палате Тевти-ханов посланец Бака Аталыков⁷.

Высокопрестольным и наследником, таковым же обладателем, каков был Зямшит-царь [1], и тот царь сильной был, мог владеть всею вселенною, каков-де Фурюдун-царь и батырь [2] был милостив; милостивым белым царям царствовать до скончания века, много, много челом бью, а после поклонения речи то. Промеж нами ссора прошлой зимы батырев по соседству зделали, отпустили для того, город-де без воров, а лес без волков не бывает; иные, Бога не боясь, в украинных местах кашку с караванов пограбили, для тово сколько мочи моей было, которые люди пограбили, гаразно наказанье учинено. Езжалых коней и пансыри, которые носили те, с них взяты, в тюрьму садил, и наказанье им учинено; а воров, худых людей, где нет. А мы дурна никакова не ищем, вы и мы буде в совете учнем жить, воры нигде не денутся, худое дело на ветер бросим, что преж было, а впредь того не будет. Только мы будем в совете, и ваши с торгом к нам будут, а наши же бедные к вам, такоже буде, будут ездить; и вам, великим государям – честь; а дурные дела с мысли покинем весною по пластам. А от нас которые к вам поехали, к нам отпустите, а кои ваши люди у нас, и тех людей с караваном весною по пластам к вам отпустим, и иного ничего нет. А написано в сем листе всею правдою.

А в печате у того письма пишет: *Тевти-хан, Зангыр-хана сын.*

А переводил то письмё тобольской юртовской служилой татарин Баки Назаров.

Толмачили татарской городовою толмач Иван Чекеев, калмыкской грамоты переводчик Спиридон Безрядов.

Бабру цена полтора рубли.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 171 и об. («Списки Тобольской архивы». Ч. 2. № 95). Перевод XVII в. Копия XVIII в.

№ 5

1692 г., ноября 20⁸. – Царям Ивану V и Петру I

Перевод Казачьи орды с Тевкиханова листа, которой подал посланец Туманчи-батур.

По повелению праведного Бога всем великим государствам обладателям и самодержцем; честью, величествам, и славою, и государствами Бог вас благословил, вашим повелением и державою все царства укреплены, и в постоянстве, и подсудны все вашему величеству, белым великим царям; подай Бог вам и впредь нескончаему милость и постоянство; премного, премного челом бьем з добродетелию.

А речи наши: после дедов и отцов наших ваших государств люди к нам приезжали, а наши – к вам, и всяко бы доброе дело промеж нами по-прежнему совершалось многия лета, дороги залегли, чтоб ныне очистились и промеж нами ваши и наши убогие люди ездили и полнились, а нам бы была добрая слава. Мы же, чаяси, слава добрая, Чакова князя внука, а князь – Тенибекова сына мурзу Килдея [1], доброва человека, послали к Соле [2] и, будучи у Соли с торговыми, добрые бы речи говорили и, всякую б правду, учиня, приехал и приказывал, чтоб от вас и от нас торговые люди ходили по-прежнему, мыслил я так. А ныне слышим

⁶ Дата подачи письма посланника Тауке-хана Кабая Аталыкова тобольскому воеводе С.И. Салтыкову. Датируется по отписке С.И. Салтыкова в Сибирский приказ от 28 ноября 1691 г. См.: там же. Л. 163 об. – 173 об.

⁷ Ошибка переписчика. Правильно – Кабай Аталыков.

⁸ Дата подачи письма в Тобольской приказной палате посланником Тауке-хана Туманчи-батыром. Датируется по отписке тобольского воеводы С.И. Салтыкова в Сибирский приказ от того же числа 1692 г. См.: там же. Л. 177–178.

мы, того нашего человека держите в великом мучении, а суда не отпустите; а ваших людей мы здесь, как мощно, мы, не жалея, жаловали, берегли и отпустили к вам, и то-де милость ли.

А слышим мы ныне, что дважды каракалпаки были и вашу той стороны вотчину убогих людей раззорили, и для того нашего человека держите. А каракалпаки особым владетьством – вам и нам неприятели, а как вы умеете, с ними управляйтесь, и мы будем рады о том. А от нашей стороны кто-нибудь без нашего ведома в вашу сторону учинит дурное, и таких людей не жалеите; а с вами деды и отцы наши, что родители, и меж нами было б доброе, а не злое. В это время с вами у нас всякое дурное ненадобно, а у нас мысль такая: хотя сколь далеко, и друг друга не видим, а убогие бы люди меж нами ездили и кормились, а того человека нашего с Карагызбаем отпустили, и то бы добро было; и буде одним человеком грады наполнятся, и вы его держите. А последние наши речи слышал и знает Тохтар-батыр и вам скажет, а про то вам мы извещаем и не таим за собою. По многое время каракалпаков водил Азан-султанова сына его человек Кызыркул-абыз, а прозвище – *Истяк*, подлинно тот человек водил, а ныне доброва человека Туманчи-батыря в Тобольск послали в посланниках. А и иные речи вам Туманчи-батырь известит в Тобольску, а к Туманчи-батырю чтоб милостивы были и ранней весною отпустили; и мы к вам со всякою добродетелью писали и вашему величеству со всеми государствами подай Бог и боле счастья.

На заде листа в печате написано: *Тевекуль-Магаметь-Багатур-хан*.

А сей лист переводил тобольской житель ахун мулла Максют Алимов, толмачили толмачи Ивашка Чекеев, Богдан Неустроев, Спирон Безрядов.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 178 и об. («Списки Тобольской архивы». Ч. 2. № 99). Перевод XVII в. Копия XVIII в.

№ 6

1692 г., ноября 20⁹. – Царям Ивану V и Петру I

Перевод с листа Казачьи орды с Тевкиханова, которой подал посланец Кабай Аталыков [1].

По повелению праведного Бога всем великим государствам обладателям, и самодержцам, и высокопрестольным достойно быти. Вам, великим государям милостивым и праведным, и белым царям, подай вам Бог милость и впредь постоянно нескончаемую; премного, премного челом бьем з добродетелью.

Наши речи: после дедов и отцов наших ваших государств люди к нам приезжали, а к вам – наши, и доброе дело промеж нами всякое по-прежнему было. Дороги залегли многие лета и чтоб ныне очистились и ваши бы и наши промеж нами убогие люди ездили и полнились, а ныне бы была слава добрая, Чакова князя внука, а князь – Тенибекова сына мурзу Килдея, доброва человека, к Соле послали, и у Соли бы с торговыми добрые речи говорили, и, прадажу всякую учиня, приехал и приказал, чтоб торговые люди от вас и от нас по-прежнему ходили, так я мыслил. И слышим мы ныне, того нашего человека в великом мучении держите, а к нам не отпустите, а ваших людей мы здесь, как мощно, не жалея, жаловали, берегли и отпустили к вам и то-де милость ли.

А ныне мы слышим, что многожды каракалпаки были и ваши вотчины раззорили, а на нас не мыслите и человека нашего для того держите. А те каракалпаки владетьствуют особо, вам и нам – неприятели, а вы как с ними умеете, так и управитесь, и мы будем о том рады. А кто с нашей стороны без ведома нашего вашей стороне учинит дурное, и таких людей вы не жалеите, а с вами мы, что родители и деды и отцы наши; а меж нами было б доброе, а не

⁹ Дата подачи письма в Тобольскую приказную палату посланником Тауке-хана Кабаем Аталыковым. Датируется по отписке тобольского воеводы С.И. Салтыкова в Сибирский приказ от того же числа 1692 г. См.: там же. Л. 177–178.

злое. В это время с вами у нас дурное всякое ненадобно, а мысль у нас такая. Так же как деды и отцы наши жили, хотя сколь далеко и друг друга не видим, а меж нами убогие люди ездили и кормились; а караалпакам людей мы своих послали и велели говорить: государским-де людем – неприятели и нам-де какие вы приятели, сколько вам Бог помочи подаст, управливайтесь, а и мы на Бога надеемся. Другу мы дружны, а недругом – недружны, а вам-де от нас ныне никакого дурна нет, oprичь добродетели. И тоже нам подлинно ведомо учинилось, по многое время караалпаков водил Азан-салтанова сына человек ево Кызылкурт-абыз, а прозвище – *Истяк* [2], и ныне мы послали сродичей, детей и братьей, чтоб таких воров смирить; а про ту же посылку и Тохтар-батыр знает, и он-де известно учинил. Души своей не жалеем, Кабай-ясаула послали к Москве, и вы ево пожалуйте, бутте милостивы; и вам бы ево, Кабая, с мурзою Килдеем отпустить весною, а мы о том бьем челом, и мы о том любезно пишем, и со всеми вашими государствами вашему величеству подай Бог и боле счастья.

Позади листа в печати: *Тевекул-Магамет-Богатур-хан*.

Переводил сей лист ахун мулла Максют Алимов, толмачили толмач Ивашко Чекеев, Богдан Неустроев (руку приложил).

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 178 об. – 179 об. («Списки Тобольской архивы». Ч. 2. № 100). Перевод XVII в. Копия XVIII в.

№ 7

1693 г., октября 4¹⁰. – Царю Петру I

Перевод с листа, каков подал на посольство Казачьи орды Тевки-ханов посланец Тайкомур Култубай-аталыков [1].

Высокопрестольнейшему и превысочайшему и высоконаместнику и обладателю и много-можному великому белому царю.

Подай бог тебе наипаче милости. По сем челом бью, а после челобитья о добродетели вашему пресветлому величеству ведомо буди: о добром деле послал двух человек в посланцах к Тобольским уездом и один умер, а холопа моего мурза Кильдея там задержали. И ведомо от Адама, и по се время такова дела не слыхали, чтоб за воровских людей держать посланца. И ныне к твоему пресветлому величеству своего надежного холопа Тайкумура-батыря, Култабая-аталыкова сына послали; прошение наше от вас, чтоб вы пожаловали, чтобы за таких худых воровских людей за дело и худые речи лиха не зделайте, мурза Кильдея отпустите. Мурза Кильдеевы сродичи к нашему величеству о нем бьют челом, чтоб не отпустить русских посланцев отсюда, и для того мы ныне тобольских посланцев и задержали. А как государская милость в кое время будет, и по вашей и по нашей милости посланцы и торговые люди будут ездить по-прежнему; и впредь бы вам и нам была добрая слава и меж нашими царствами по вашей и по нашей милости всякие люди во всяком добре покоились. А ныне Казыя-салтана [2] имя, особой малой владелец ездил с воровскими людьми с своих урочищ на ваших людей, и я к ним ездил месяц, и тот салтан ездил к русским сторонам с караалпаки [3] вместе для сесветного последнего худова дела; и я их за такое худое дело крепко бранил, и в стыд привел, и говорил я им, чтоб они здравствовали на своих государствах, а мы бы здесь. И мы такому худому воровству и недоброму делу не рады, и не надобно, и не любим, что меж царствами такие дурости чинятся.

И сверх сих речей Тайкумур, что будет на словах сказывать, ему поверьте. По сем челом бью.

Да в том же листу на поле написано слово такое: Байсары-батыря сын Кайдаул-батыр у Минизбая в руках, и ево с послами пожалуй прикажите прислать.

¹⁰ Датируется на основании рассказа посланца Тауке-хана Тайкомыра Куллубая о том, что он прибыл из Туркестана в Тобольск 28 ноября 1693 г. и находился в пути 55 дней. См. примечания А.И. Исина к док. № 263 и тексты док. № 264 и 265 (ИКРИ-1. С. 402–407).

И позади листа печать, а в ней назначено: Тавакул-Маамет-Баатур-хан.

А лист переводил агун мулла Максют Алимов, а толмачили тобольские городовые татарские толмачи Омелька да Ивашко Чекевы.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 187 об. – 188 («Списки Тобольской архивы». Ч. 2. № 107). Перевод XVII в. Копия XVIII в. Опул.: Известия АН СССР. Отдел. обществ. наук. 1936. № 3. С. 526–527; КРО-1. Док. № 12. С. 14–15; ИКРИ-1. Док. № 263. С. 400–402.

№ 8

1693 г., октября 4¹¹. – Тобольскому воеводе А.Ф. Нарышкину

а)

[справа на полях:] *Алпавут-бек ставит печать*

Достопочтенному, уважаемому и милостивому, после доброго приветствия, да будет ведомо, что я отправил (*фармуда будам*) в качестве посланцев [к вам] двух своих рабов. Один [из них] умер, а другой – мирза Келды – задержан. С каких это пор было, чтобы посланца (*илчи*) задерживали как разбойника (*карақчи*)?¹² А сейчас это в порядке вещей.

Если мирза Келды жив, отправьте его назад вместе с вашими купцами. Тогда мы отправим вашего посланца восвояси вместе с нашими купцами. Во всех йуртах без воров и разбойников не обходится. Я сам выезжал на них в одномесячный поход. Гази-султан сошелся с Каракалпаком и вел себя неподобающе. Я на обратном пути проучил их обоих.

Ежели постоянно купцов будут с почетом принимать и в моей стране (*улка*) и вашей стране (*улка*), после меня и вас останется на свете доброе имя. Кроме того, поскольку мы не знаем вашего имени, мы назвали (*гуфта андахтим*) вас *Алпавут-бек*.

И еще, для осуществления этого я послал (*фармудим*) вам надежного раба Тай-Қараңур-бахадур аибн Култаба аталыка. Отошлите его поскорее назад. Тогда и я осенью (*тирамах*) отошлю вашего посланца вместе с купцами. То, что следует сказать устно, передаст вам в точности упомянутый [Тай-Қараңур-бахадур]. Больше никаких просьб нет. Да будет...¹³ Год 1105¹⁴.

[Внизу справа на полях:]

И еще: сына Байсары-бахадур по имени Кайдавул, который находится в руках Мыкбая, тоже [отошлите] через вашего посланца. Благословение (*ад-ду'а*)!

Современный перевод с персидского языка Т.К. Бейсембиева. Копия подлинника на фарси – СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 14. Л. 118 (Списки Тобольской архивы. Ч. 4. №38).

б)

Перевод с листа [1], каков подал Казачьи орды Тевкиханов посланец Тайкомур, Култабай аталыков сын.

Разсудному, и разсмотрителю, и доброму правителю, боярину и воеводе наипаче дай Бог здравствовать, по сему челом бью. А после челобитства о добродетели ведомо буди вам, для того два человека холопи посланы были, а один умер, а мурза Килдея задержали. Изначалу послов не держивали, а за воровских людей посланников держать ненадобно, и ныне буде мурза Килдей здоров, с торговыми людьми пошлите, а мы также с вашими посланцы

¹¹ Датируется по документу № 7 этого издания.

¹² В оригинале игра слов: *илчи* – *карақчи*.

¹³ Завершающая (вероятно, благочестивая) фраза, состоящая из 5 слов, к сожалению, не поддается полному переводу.

¹⁴ 1105 г. = 2 сентября 1693 – 21 августа 1694 г.

торговых людей пришлем. И во всяких градах и улусах без воровских людей мало бывает, и я для тех воров с месяца созъезжал. Казы-салтан, сложась с каракалпаки, ненадобное дело зделал, и [я], для того с ними съехався, бранил и в стыд привел. По милости вашей и нашей торговые люди от вас и от нас чтоб ездили, и буде учнут ездить, и вам и нам будет имя доброе. А боярином и воеводою писали потому, что имен ваших не ведаем и для того дела послал холопа своего, верного человека. Тайкомура-батыря, Култабая, аталыкова сына, не задержите и вскоре отпустите; и мы послов ваших с караваном весною вскоре отпустим, и о том поверьте, что скажет на словах посланец Тайкомур. Опричь того слов наших нет, подай Бог тебе наипаче щастие.

Да в том же листу на поле написано: Байсары-батырова сына имя Кайдаула Умикабая в руках ево к нам с послами пожалуйте, пришлите, по сем челом бью.

А позади листа печать, а в ней назначено: *Тавакул-Маамет-Батур-хан*.

А лист переводил тобольской юртовской бухаретин агун мулла Максют Алимов. А толмачили тобольские ж городовья татарские толмачи Амелька да Ивашко Чекеевы.

*СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 14. Л. 118 об. – 119. («Списки Тобольской архивы». Ч. 4. № 37).
Перевод XVII в. Копия XVIII в.*

Абылай I (ум. позднее 1692)

Абылай (Аблаи), полное имя и титул – *Абылай-Бахадур-хан*, правитель отдельных родовых групп Среднего или Старшего жуза.

Династийное происхождение неизвестно. Согласно данным отписки тобольского воеводы С.И. Салтыкова в Сибирский приказ от 20 ноября 1692 г., приходился зятем Тауке-хану [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 177]. В письменных источниках более позднего времени его имя не упоминается.

№ 9

1692 г., ноября 20¹⁵. – Царям Ивану V и Петру I

Перевод с листа Казачьи орды Аблая-хана, который подал посланец Чочегуль.

Вам, великим государем, самодержцем, от праведного Бога честью, и величеством, и славою, и правдою вам Бог благоволил; и царства все подсудны и укреплены вашему величеству, белым царям, и впредь постоянство и нескончаемую милость подай вам Бог; премного, премного челом бью со всякою добродетелию.

А после того вашей милости ведомо бы было, в нашу сторону люди ваши приехали, и чтоб по-прежнему земли в пространстве были, добро бы было, а и мы-де тому были рады и веселы. Всяк человек не бессмертен, и слава бы добрая осталась, дедов и отцов ваших и наших по-прежнему бы было, обоих земель бедные и нужные ездили, и то бы всякое дело доброе было. И чтоб дороги, которые залегли, распространились, вашему величеству и нам добро было, вольной человек наш отец Тевекуль-Магамет-Багатур, с ханом указ-де у нас один, промеж нами для своих прокладов, чтоб люди наши были покойни, слугу своего Чочагуля-батыря послали. Слышим мы про то, что каракалпаки в вашей стороне отчины разорили, и вам ведомо то. А те каракалпаки живут особо, вам и нам – неприятели, а как мощно, с ними управитесь, а мы о том рады. А без указа и нашего кто в вашу сторону поедет, и вы также чините, а и мы также учиним. Издавна при дедах и отцах наших в добродетели жили, ссор никаких

¹⁵ Дата передачи письма в Тобольскую приказную палату посланником Абылай-хана Чочегулом. Датируется по отписке тобольского воеводы С.И. Салтыкова в Сибирский приказ от того же числа 1692 г. См.: там же. Л. 177–178.

не было; подлинно нам ведомо учинилось, Азан-салтанов человек его Кызылкурт-абыз, он водил каракалпаков и, погромя, приехал назад. Всяк человек не безсмертен, а всякое злое покинуть, чтоб бедные и нужные к вам и к нам ездили и дороги пространили, чтоб вам и нам о том слава добрая. Кто вам, великим государем, друг – и тот нам друг, а кто вам недруг – и нам недруг; а как мы живы, апричь добрые славы нам ничто не надобно. При вас и при нас вам и нам – добрая слава, о всем мы добро пишем; до скончания века, подай вам Бог, и боле счастья. В подарках послал я з Чочагулем выбойку.

А позади листа в печати написано *Аблай-Багадур-хан*.

Сей лист переводил тобольской житель ахун мулла Максут Алимов. Толмачили Богдашка Неустроев, Спирка Безрядов, Ивашко Чекеев.

*СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 180–181. («Списки Тобольской архивы». Ч. 2. № 102).
Перевод XVII в. Копия XVIII в.*

Абылай-султан (ум. позднее 1718)

Абылай (Аблай, Абулай), полные имя и титул – *Абылай-Бахадур-султан*, султан Младшего жуза.

Сын султана Косроу, родной брат хана Младшего жуза (после 1703–1715), а позднее – старшего хана казахов Каипа I (1715–1718).

В 90-х годах XVII – начале XVIII в. входил в состав ближайшего окружения верховного правителя трех жузов Тауке-хана, а после смерти этого монарха – в число младших политических партнеров его правопреемника Каипа I. Во втором десятилетии XVIII в. имел, по-видимому, постоянную ставку в г. Карнаке [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 177; КРО-1. Док. № 21. С. 28; № 23. С. 30]. Другие обстоятельства его жизни и деятельности неизвестны.

№ 10

1692 г., ноября 20¹⁶. – Царям Ивану V и Петру I

Перевод с листа Казачьи орды Аблая-салтана, которой подал посланец Айжачи.

Милостивым самодержцем и высокопрестольным, достойно быти вам, великим государем, белым царем, подай Бог вам милость и впредь постоянно нескончаемую, а к вам речи наши те. Наш господин Тевекуль-Магаметь-Багатур-хан послов посылает, чтоб убогие люди по-прежнему ездили и богатились, вам бы и нам было доброе имя; худ ли, или я добр, только повеление ево слушался, и в мысли нашей нет, чтоб ево не слушать. А я же служу больше иных сродичей своих, а и ныне вам, государем, что изволите, как и своему рад служить, и всякого добра жалатель, а убогим бы людем дорога роспристранилась; и я, как мошно, рад служить, от вас – милость и жалованья, а от нас – служба, а больши того что говорить и речей нет. Айжачи-батыря послал в послах, а вы ево пожалуйте, поскоряе отпустите; затем челом бьем, подай Бог и боле счастья.

Позади того листа в печати: *Аблай-Багатур-салтан*.

Сей лист переводил тобольской житель ахун мулла Максут Алимов. Толмачили Ивашко Чекеев, Богдашка Неустроев, Спирка Безрядов (и за себя Спирка Безрядов руку приложил).

*СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 179 об. – 180. («Списки Тобольской архивы». Ч. 2. № 101).
Перевод XVII в. Копия XVIII в.*

¹⁶ Дата передачи письма в Тобольскую приказную палату посланником Абылай-султана Айжачи-батыром. Датируется по отписке тобольского воеводы С.И. Салтыкова в Сибирский приказ от того же числа 1692 г. См.: там же. Л. 177–178.

№ 11

1712 г. – Сибирскому губернатору князю М.П. Гагарину

Губернатору князю Матвею Петровичу Гагарину, брату моему, многа, многа челобитья.

Я в добром здравии. Великого государя белого царя послы присланы были, в доброе время и час пришли, брату моему Гаиб-Махамет-Багатур-хану поклонились, великого государя белого царя про здоровье слушали, зело радовались.

Я, Гаиб-Махамет-Багатур-хана брат, чтоб жить нам с вашей милостью в совете вечно и послов и торговых людей посылать, да и между нами за доброе слово еще друг [за] друга воевать находить; покамест живы будем, что у кого в руках будет, не жалеть, что понадобится, о том бы писать. Которые наши люди станут ходить в вашу сторону воевать, чтоб их поймать и казнить, а живых бы не отпускать, о том приговорено от всего нашего народа.

Еще контайшу [1] воевать во сте тысячех июля десятого числа поехали, и вы посылайте силы много. Контайша – вам и нам недруг, достальные речи Бекбулат, Солтан-Мамет доложат, изволь поверить.

Бекбулат – человек доброй, чтоб долго не держали, до снегу бы отпустили скоряе, ожидаем с ним вестей.

У того листа печать Абуляй-султан Усряев-салтанова [2].

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 14. Л. 192. («Списки Тобольской архивы». Ч. 4. № 84). Перевод XVII в. Копия XVIII в.

Болат I (не позднее 1670-х – не позднее 1723)

Болат (Булат, Полат, Пулат; не позднее 1670-х – не позднее 1723), султан, не позднее, чем с 1712 г. – хан Среднего жуза.

Старший сын хана Тауке (1652–1715) [ИКРИ-3. С. 301, ИКРИ-1. С. 404; *Левшин*, 2009. С. 161; *Валиханов*, 1985. Т. 4. С. 174. Таб. 1; *Кудайберды-улы*, 1990. С. 50, 97]. При жизни отца был сначала султаном и в конце XVII в. имел свою постоянную ставку в городе Икане [*Витсен*, 2010. С. 465]. Позднее при неизвестных обстоятельствах приобрел ханский титул, управлял разными родовыми группами племен аргын, кыпшак, уак и керей и проживал, по-видимому, в Туркестане. После смерти Тауке какое-то время являлся младшим политическим партнером хана Каипа I (1715–1718). Умер еще до начала «великого бедствия», так как согласно историческим преданиям казахов, записанным в начале прошлого века Шакаримом Кудайбердыулы и документам Астраханской губернской канцелярии 1724–1727 гг., ханом Среднего жуза в 1723 г. был уже его младший брат Самеке (ум. в 1738) [*Кудайберды-улы*, 1990. С. 52, 97; ИКРИ-2. С. 315–316, 362, 364, 366, 369].

История правления хана Болата не нашла отражения в письменных источниках первой четверти XVIII в. и не оставила сколько-нибудь заметных следов в устной народной памяти [*Левшин*, 2009. С. 165], что косвенно свидетельствует о его незначительной роли в общественно-политической жизни казахского народа того исторического периода.

Сведения о потомстве Болат-хана скудны и противоречивы. Из сыновей достоверно известен только султан Абулмамбет (ум. в 1770/71), избранный после смерти своего дяди хана Самеке в 1739 г. ханом Среднего жуза.

№ 12

1712 г. – Сибирскому губернатору князю М.П. Гагарину

Перевод с татарского письма, которое подано в Тобольску губернатору князю Матвею Петровичу Гагарину в нынешнем 712-м году. А по переводе в том письме написано.

Полат-хан (а ханская титла на русской язык перевесть не знают), я-де от себя объявил всем доброго здоровья, а вас-де как бог сохранит. А у меня в саде земля и с посаженными овощами, про твое здоровье посажено. И про твое здоровье челом ударять и велено беспрестанно, и бога молить день и ночь по вся дни, и здравствуй а хоть на множество лет. И бога молим о тебе на сем свете и в будущие на оном свете вовеки, аминь.

(Назад того письма [1] подписано: отдать тую грамоту в Туркустан-город Полат-хану [2]. Под тою грамотою написана роспись: принята посылка у тенгута Чюмалак-бая – посланные от них всякие товары, а именно: дороги [3] и зендени [4] разных цветов и иные прочие товары). Тую грамоту с росписью переговорили голова татарской Сабанак Авесбаев, бухаретин мулла Халпет.

А у переводу толмачил толмач Григорий Еремеев.

Подлинное подписано. Толмач Григорей Еремеев руку приложил.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 14. Л. 191 об. («Списки Тобольской архивы». Ч. 4. № 83). Перевод XVIII в.

Каип I (? – 1718)

Каип I (Гаиб, Гаип, Ир-Гаип, Каиб, Каипджан, Хаип, Chaip), полное имя и титул – *Каип-Мухаммад-Бахадур-хан* (? – 1718), султан Младшего жуза, не раньше, чем с 1704/09 г. – хан основной массы родов Младшего жуза, с середины 1715 г. – старший хан трех жузов.

Сын султана Косроу, внук султана Сырдака, приходившегося внуком старшему хану казахов Есиму (*Ер-Есиму* – «Высокорослому Есиму»)(1598–1613, 1627 – начало 1628) [ИКРИ-3. С. 300–301; *Валиханов*, 1985. Т. 4. С. 174].

В 90-х гг. XVII в. управлял группой родов Младшего жуза и городом Карнаком, расположенным недалеко от Туркестана [*Витсен*, 2010. С. 465]. В российских документах тех лет и начала следующего века он упоминается как наиболее влиятельный военный и политический лидер среди казахских султанов («казахьи орды большей их Каип-солтан»), который входил в ближайшее окружение Тауке-хана [АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1739 г. Д. 1. Л. 273; *Моисеев*, 1991. С. 56, 65; ИКРИ-1. Док. № 265. С. 404].

В середине или в конце первого десятилетия XVIII в. Каип был избран ханом старшинами подвластных ему родов Младшего жуза и, вероятно, тогда же получил от них почетное воинское звание *бахадур* (батыр) [Док. № 13, 20 сборника; КРО-1. Док. № 165. С. 422, № 166. С. 428]. В течение первых лет своего ханского правления он вел перманентные военные действия с ойратами и волжскими калмыками. Желая заручиться поддержкой авторитетного единоверного монарха в сложных взаимоотношениях казахов с кочевыми и оседлыми иноверческими соседями, в 1711 и 1714 гг. отправлял своих посланников в Стамбул к турецкому султану Ахмеду III с просьбой о покровительстве, но эти обращения сколько-нибудь заметных политических последствий не имели [Док. № 14 сборника; *Материалы*, 2011. С. 47–48].

По свидетельству посланника ханов Каипа и Абулхаира батыра Тойгунура Култабайулы в Уфу от 4 сентября 1715 г., Тауке-хан «по смерти оставил свое владительство нынешнему Каип-хану» [МИБАССР, С. 279]. После смерти Тауке в начале или середине 1715 г. Каип был провозглашен казахами старшим ханом трех жузов и поселился в городе Туркестане, ставшим его постоянной резиденцией («стольным городом») на территории Казахстана [Док. № 20 сборника; ИКРИ-2, С. 269, 295, 297].

В 1716 г. казахские жузы подверглись массированному вторжению джунгарских войск во главе с опытным полководцем Цэрэн-Дондобом Младшим, в ходе которого в плен к ойратам попало «людей немалое число» [*Моисеев*, 1991. С. 69–70]. Одновременно с нападениями

джунгар значительно обострились взаимоотношения казахов Младшего и Среднего жузов с башкирами, волжскими калмыками, сибирскими и уральскими казаками, что привело к установлению оживленной переписки между Каипом и его младшим партнером ханом Абулхаиром, с одной стороны, и пограничными российскими властями – с другой. Основными темами этих дипломатических контактов явились процедура взаимного обмена пленными, урегулирование вооруженных конфликтов между казаками и российскими подданными, создание благоприятных условий для развития торговли русских купцов с казахским населением региона, обеспечение безопасности движения транзитных торговых караванов по Степи и заключение военного союза против ойратов. Для разрешения всех перечисленных вопросов осенью 1715 – весной 1716 г. в Уфе и Казани находился посланник обоих ханов Тойгунур Култабайулы, а в сентябре 1716 г. в Тобольске – посланники Бекбулат Екешулы и Байдаулет Буриулы, которые предложили местным губернаторам одновременно с ханами начать военные действия против общего неприятеля – «контайши» [ИКРИ-2. Док. № 1–5].

Казахско-русские переговоры 1715–1716 гг. не привели к желаемым результатам, поэтому хан Каип совместно с Абулхаиром весной – летом 1717 г. совершили военный поход в приграничные восточные кочевья ойратских племен, который вылился в крупное кровопролитное сражение казахского ополчения с двумя караульными отрядами джунгарских войск на берегу реки Аягоз. Из-за слабой организации этой военной кампании Каипом, как верховным командующим воинскими силами Младшего и Среднего жузов, и высокого тактического мастерства джунгарских полководцев казахи потерпели поражение [Бобров, 2009. С. 83–112].

Тем не менее, старший хан не оставлял надежды взять реванш у хунтайджи Цэван-Рабадана и для достижения этой цели в 1718 г. неоднократно обращался с письмами к главам приграничных российских губерний и самому русскому царю с просьбой о военной помощи против ойратов [Док. № 12, 14–19 сборника; КРО-1. Док. № 18–23]. Однако неудачный исход подавляющего большинства боевых сражений народного ополчения казахов с их главным врагом на протяжении 1716–1717 гг. основательно подорвал престиж Каипа в казахских жузах. Осенью 1718 г. он был покинут большинством своих младших партнеров, а зимой того же года убит некими непримиримыми соперниками из среды правящей элиты Среднего жуза [КРО-1. Док. № 19. С. 23; № 165. С. 422; № 166. С. 428]. После себя оставил двух сыновей: Батыра (с 1748 г. – хан; ум. в 1771) и Кодайменде (Худайменды; ум. позднее 1748).

№ 13

1692 г., ноября 20¹⁷. – Царям Ивану V и Петру I

Перевод с листа Казачьи орды Хаипа-салтана, которой подал посланец Уразанбет.

По повелению праведного Бога, всем великим государствам самодержцы, честью, и величеством, и славою, и правдою вас Бог благословил; и все царства укреплены и подсудны вашему величеству, белым царем. Подай Бог и впредь вам постоянство и нескончаему милость.

Речи наши: деды и отцы ваши в те времена людей к нам посылали, а наши к вам приезжали, богателись и в благоденстве жили, а ныне мы жалаем, чтобы по-прежнему вольной наш милостивой хан и господин наш посланцов послал, и с ними нужные и бедные торговые люди ездили. А мы жалаем, чтоб бедные и нужные в благоденстве были, вам и нам была бы добрая слава. Хотя-де мы и плохи при своей стати, вольного нашего хана я, последней сынишко, служу, а хотя меня с великую службу не будет, а я на караул и в посылку годен. При вас, великих государей, и при своем хане службу и повеление ваше радею, а опричь службы

¹⁷ Дата подачи письма в Тобольскую приказную палату посланником Каип-султана Уразымбет-батыром. Датируется по отписке тобольского воеводы С.И. Салтыкова в Сибирский приказ от того же числа 1692 г. См.: там же. Л. 177–178.

и раденья чинить мне невозможно. Уразанбетя-батыря, своего человека, к вам в посланцах послал, а сверх того учнет сам говорить, а затем вам, великим государем, челом бьет, подай вам Бог и боле счастья.

Позади листа в печате: *Хаип-Багатур-салтан*.

Сей лист переводил тобольской житель ахун мулла Максут Алимов. Толмачили толмачи: Богдашка Неустроев, Спирка Безрядов, Ивашко Чекеев.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 181 и об. («Списки Тобольской архивы». Ч. 2. № 103). Перевод XVII в. Копия XVIII в.

№ 14

1711 г., позднее июля¹⁸. – Турецкому султану Ахмеду III

Власть и отвага, величие и справедливость, слава и милость наполняют служителя двух священных городов [Мекки и Медины], хакана земель и морей, хакана ибн хакана, султана Ахмад-хана благодаря его славе, отмеченной примирением и согласием, чистосердечием и единодушием, присущими безграничной вере; и вследствие его чистоты и чистосердечия искреннего покровителя [веры] – избранного и похвального потомка великого правящего дома и славной высокой династии Осман-хана.

После вышеизложенного да будет ясным сиятельному уму [султана], что искренний ваш друг восседает на троне Афрасиаба в Ташкенте. Вместе со своими подданными и зависимыми владениями, как-то: Туркестан, Андижан, Сайрам, каракалпаки [1] и другие народы, мы радостно молимся утром и вечером, вознесенные знаменем шариата...

Да будет известно вашему благороднейшему величеству, что между нашим государством и Московским (*Москов*) государством есть владение, которое называют «Ака Аштак» [2]. Его жители – все сунниты. Прежде, когда это владение было в разорении, Москва силой завоевала его. С тех пор они – подданные Москвы и платят ей пошлину (*бидж*). Теперь же этот народ со всем своим войском и знаменем, испугавшись Москвы, переселился к нам, воспылав мусульманской верой. Если вы окажете нам помощь, мы сможем отнять у неверных (*кафир*) восемь городов этого владения. Если мы будем действовать сообща, то нанесем урон владениям [Москвы]. Когда мы были заняты этой мыслью и подумывали сначала отправить с дружественной целью Цаййидкули чухра-агаси-бия [3] к Великой Порте, до наших ушей дошла весть о войне и поражении неверных [4]. Мир наполнился радостью.

Когда известие об этом событии достигло нас, мы послали это письмо к вашему двору через преданного и благородного Курбан-бека кукелдаша. Поскорее сообщите, каким будет ваше распоряжение, мы с нетерпением ждем его. Все, что исходит от вашего августейшего чертога, мы готовы выполнить подобающим образом.

Современный перевод с османо-турецкого языка Т.К. Бейсембиева. Подлинник – Архив Османской империи. Топкапы Сарайи. Name-I Нитайун 251. Т. 12.

№ 15

1715 г., начало июля. – Царю Петру I

В 716-м году, марта 1-го числа будущей в Уфе киргиз-казацкого Каип-хана посланник Тойгунур в Казани в губернской канцелярии ближнему боярину и губернатору казанскому

¹⁸ Письмо не датировано. В связи с тем, что речь здесь идет, вероятно, о неудачном для России Прутском походе Петра I против Турции (май – начало июля 1711 г.), завершившемся заключением 12 июля 1711 г. мира между двумя государствами, оно было написано Каип-ханом в скором времени после подписания обеими сторонами этого договора.

Петру Самойловичу Салтыкову с товарищи явился и подал лист татарского письма, в котором по переводу переводчика казанского слобочного татарина Юсупа Ижбулатова явствует.

Белому царю, брату моему большому, от меня, Каипа-хана, премноего челобитье.

Многим градам, селам и деревням, и улусом повелительствующий государь и многих своих неприятелей победитель со множеством своею силой и судитель правокомандующий своих и доношу вашему царскому ведомству.

Ежели изволишь об нас припомнить по се число, дал бог, здоровы, и дай боже вашему величеству в своем царстве премноего здоровье, и всегда вашим приятелем быть в сохранении божеском, и неприятелей ваших вам всегда б побеждать.

Доношу вашему царскому величеству: которой прислан от вашего величества за вашу государевою печатью лист с киргиз-кайсаком с Чюрюю, да з башкирцами Бикаиком да с Тютюком, я тот лист получил и с честью, и зело тому обрадовались, и потом мы желаем, чтоб нам между вашим и наших орд прямым путем торговые люди от вас к нам и от нас к вам безопасно ездили и чтоб вашему царскому величеству к нашему ханскому владению было доброе слово. Еще ж доношу вашему царскому величеству: брат мой Балгаир [1] ходил с малыми людьми с киргиз-казаками в башкирскую сторону на заставу для караулу свой улус от калмык, и в то число вашего владения приходец к нам татарин Сеитка [2], подговаривал ево, Балгаира; и вашего царского величества владения деревень разбили, и про то я воистинно не ведал. И как про то я проведал, к нему, Балгаиру, послал от себя указ, чтоб в вашу царского величества сторону таким порядком отнюдь не ездил, и о том от себя посылал к вам посыльщика Тойгунура с листом за синею печатью. И ежели после того моего посыльщика в вашу сторону какие наши воры таким обычаем будут являтца, и таких воров ваше царское величество прикажите наказать как надлежит; а буде у нас те воры, люди наши будут, и явятца, и их, кончая, велим казнить. Да в прошлом году он же, Сеитка, подговорил ево, Абалгаира, в вашу сторону, и будучи в вашей стороне, також разорили, и в то время взят в полон наш киргиз-казак Текибачка Чюрабаев, и тот у нас был лутчей человек. Чтоб ты, великий государь, пожаловал за нашу прозьбу ево, Текибачку, свободить и с сим нашим посыльщиком отпустил, и за ево, Сеиткино, воровство заказал я везде, чтоб ево поймать и, связав, привести к себе. И когда он будет пойман, то именно ево отошлю к вам живова, и ежели он поймать себя живым не дастца, то хотя будет убит. И так для подлинного свидетельства ево, Сеиткину, пошлю я голову.

Еще доношу вашему царскому величеству: калмыцкой владелец контайша [3] прислал ко мне посланца, тому будет три года. И тот посланец ныне у меня, и он шертовался, чтоб быть ему со мною в миру. И он, контайша, преступя свое шертование, моих улусов киргиз-кайсаков разбил многое число, и о том, ваше величество, что повелите. И с выписанными присланными башкирцы з Бикаиком да с Тютюком послал я к вашему величеству другава посланца и того посланца до зимнего пути ваших мест прикажите отпустить. Да с ним же моим посыльщиком того вышеписанного Чюрюю, да с ним, Чюрюю, своего одного человека для верности прикажите прислать. А ежели вы кого к нам пришлете, и я с ним пошлю к вам для торгового промыслу и с тысячу человек, и словесно мой приказ донесет вам вышеписанной посланник Тойгунур, и чтоб ваша милость пожаловали, в том поверили. Я сей лист мой писал июля в первых числах. Нашего посланца прикажите отпустить в октябре или в ноябре месяце немедленно.

Да еще прошу у тебя, царского величества, милости: напредь сего пойман сиповщик мой, имя ему Бермухаммет, который был в прошлых годах с ним, Абулгаиром, у башкирцев; и об отпуске ево ко мне я вашей милости желаю.

За сим, ваше царское величество, здравствуй во многие века, и челом бью до лица земли.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 373. Л. 614–615 об. Перевод XVIII в. Копия – СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 14. Л. 217–218 («Списки Тобольской архивы». Ч. 4. № 103). Опубл.: ИКРИ-2. Док. № 1. С. 267–269.

№ 16

1718 г., января 10¹⁹. – Казанскому губернатору П.С. Салтыкову

Благочестивым господам великородным боярам и казанским большим судьям Петру Самойловичу Салтыкову, Никите Алферовичу Кудрявцеву Казацкой орды владелец Каип-хан премного челом бьет.

Дай боже милости вашей многолетное здравие и честности со всем вашим праведным домом. Объявляю вам: белой царь и великий государь, которого послал к нам от себя посланца Федора Жилина с товарищи [1] и з башкирцы с посланным и вашим Тогунуром Култабаевым, к нашему ханству в добром здравии прибыли и от белого царя за золотой печатью листы привезли. И увидя тех, мы зело обрадовались, что великий государь в своем преславном царском превысоком престоле бывает в добром божиим сохранении, а потом и про ваше боярское благородие здравие услыша, также обрадовались; а с великим государем и с вами, бояры, всяково числа желаем вечный мир и союзно жить. А в том признак мне с вами, чтоб с приятелем моим быть вам мирно и союзно и с неприятельми также жить в недружбе. И мне также с вашими приятелями жить в верном союзе, а неприятельми также в недружбе. И увидя такой наш мир и союз, другие наши приятели обрадовались, а неприятельми так же опасались.

И о том я подписался своею рукой и припечатал своею печатью, и то видели Федор Жилин и з башкирцами и со всеми товарищи.

Еще объявляю, что изволят великий государь указать воевать на контайшу и мы желаем на него ж, контайшу, воевать, и о том просим мы от великого государя многих ратных людей. И как прибудут от великого государя такие воинские люди в Ямышино озеро, которые ездят по соль из Тобольского, и в то время прислали б к нам наскоро ведомость, а в которой срок прикажут, и мы, которые у нас в руках воинские люди готовы будут, на такого на неприятеля своего ехать будем, а желаем от бога, чтоб их победить и разорять.

Да еще доношу вам же. В прошлом году Федора Жилина с товарищи к вам я от себя не отправлял для того, что калмыки, приехав, дважды наши улусы разоряли, и в тех улусах, которой был Турсун-хан [2], волею божиею умре, без него волосных людей управлять было некому, и за таким случаем оного Жилина не отправлено, и от такого калмыцкого разорения остальные уходцы прижались близ к вашему владению, и они бедные-де и убогие люди, будет свой юрт около вашего владения. И будут такие разорители попадутся вам в руки, и их прикажите казнить смертию без остатку, чтобы другим было неповадно, и о том мы ни в чем гневатца не будем.

А вышеписанной Тогунур Култабаев посланных ваших к нам приводил в добром здравье, оной же Тогунур [и] с ними посланцы назад к вашей милости послан, а оного Тогунура вам и нам службы есть, а жалованье ему воля вашей милости, чтоб с другими его не верстали.

Назади того письма печать его, Каип-хана.

Секретарь диак Осип Протопопов. Правил Федор Сухарев.

РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1718 г. Д. 2. Л. 7 об. – 8 об. Перевод XVIII в. Копия. Опубл.: КРО-1. Док. № 18. С. 21; ИКРИ-2. Док. № 8. С. 278–279.

№ 17

1718 г., мая 1²⁰. – Сибирскому губернатору князю М.П. Гагарину

1718 г., мая в 1-й день, перевод с листов, которые подали в Тобольску губернатору Сибири князю Матвею Петровичю Гагарину Казацкии орды посланцы Елмет Баулуков с товарищи [1].

¹⁹ Дата получения письма в Казанской губернской канцелярии. (Прим. ред. КРО-1).

²⁰ Дата перевода.

Мамай-султан [2], Абулхаир-хан, все алацкие улусы милости просим. По Нагайской дороге башкирцы воры взяли у нас тысяча пятьсот лошадей, чтоб по указу великого государя поволлил князь Матвей Петрович об отдаче тех лошадей послать к ним, башкирцам, указ.

Хаип-хан и Абулхаир-хан и все алацкие улусы [3] просим воров ...²¹ А Хаиб-хан Петру Силину²² чинит всякую добродетель и отпустить хочет. И мы живем в миру, о том бог свидетель. Кто добродетель сделает – борода побелеет, кто худо сделает – борода выпадет. Грамотный человек помрет – письмо останетца, добрый человек умрет – слава останетца. Башкирцы, чтоб к ним приехали и живот свой взяли бы по прежнему указу белого царя. Князя без всякого послушанья будем слушать. А о вышеписанных лошадях об отдаче, чтоб скорей указ учинить. А иные слова посланцы, с которыми лист послан, на словах донесут.

Хаип-хан и Батыр-салтан князю Гагарину кланяемся.

Сии листы переводили тобольские юртовские служилой татарин Бака Назаров, бухаретинин Аитмет Урмекеев. Толмачил тобольской толмач Аника Еремеев.

К сему переводу вместо толмача Аника Еремеева, по его веленью, сын боярской Павел Суздальцов руку приложил.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 14. Л. 209. («Списки Тобольской архивы». Ч. 4. № 105). Перевод XVIII в. Опул.: ПСИ-2. Док. № 41. С. 163–164; КРО-1. Док. № 20. С. 26; ИКРИ-2. Док. № 10. С. 284–285.

№ 18

1718 г., октября 28²³. – Сибирскому губернатору князю М.П. Гагарину

Белому царю, великому государю благочестивому много челом бью.

В нашей стороне, дал бог здоровы; ни с которую сторону не опасаемся. Господь бог вас, великого государя, на многие лета здравствовать и друзьям чтоб радоватца, а недругов не было б.

Тобольскому губернатору князю Матвею Петровичю Гагарину от меня, Хаипа, много челом бью.

А мы здесь со всеми здравствуем, и вас господь бог помиловал бы, великий государь, что прислал к нам про нас проведать, и тому мы обрадовались, про его, государево, здоровье слышачи.

Князь Матвей Петрович Гагарин, к нам, что присланы послы Борис да Кабай-ясаул и Тимган Мергень со всеми товарищи в добром здоровье к нам приехали [1] и свиделись. За красною печатью листы, и к нам, что присланы, подарки: портище красного сукна и два портища на золоте, да чаю батман до наших рук дошло, и тому мы обрадовались.

Да еще доношу: казанских посланцов Петра Жилина с товарищи прошлого году хотел было отпустить, а контайшины в два пойма нашу землю воевали, за тем опоздали, чтоб в том не прогневался великий царь [2]. И прошлые указы чтоб не отставить; от всех сторон, которые будут други, будем и мы други, а которые будут недруги, и мы будем недруги.

Еще доношу, чтоб лиха не имели бы. Подъячего Автамона да татарина Убеткула с Байком-батырем к вам послали доброго человека наскоре, и к нам бы наскоре его отпустить. А Кабая с товарищи, с русскими людьми, сентября с 1-го числа отпущу, а отселе торговых людей також пошлем, а Бекбулата с большим посланцем отпущу, и вы також торговых людей побольши отпускайте, и от нас також бы побольши ездить. И вы, нас почитаючи, три человека, чтоб с ними на службу идти, послали, и об этом мы обрадовались, и

²¹ Здесь пропущено одно или несколько слов. (Прим. ред. ПСИ-2).

²² В акте от 28 октября 1718 г. – Жилину. См.: КРО-1. С. 26.

²³ Дата получения.

те три человека, естли умрут или утеряютца, и в том, чтоб нам стыд не принять, и для того их с Кабаем хочю вместе отпустить.

Да еще прошу милости. От нас, которые нужны и голодны, ушли к вам близко, нас не слушаючи, а ежели вас будут воевать и в руки к вам попадут, всех бы их прибить, а живых не отпускать, и мы в том лиха не будем иметь, тажкож бы воров и впредь не было.

Да еще слово. Контайша вам и нам недруг, а на него итти мы вздумали, великому государю будем писать, чтобы силы прислать, и буде силы пришлют, и мы готовы и воеватца и миритца, вместе б быть и при его великого государя здоровье и счястье обеих бы земель в добродетели и в угомоне быть, и великому бы государю чтоб слава добрая осталась.

Сие письмо писано в наше говенье в 15-й день.

Бекбулата-батыря брат Бабек-батыр да Толобай, чтоб их пожаловать и отпустить бы их скорее.

Сей лист переводил тобольской юртовский служилой татарин Бака Назаров.

Толмачили толмачи Петр Григорьев, Аника Еремеев.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 14. Л. 209 об. – 210 об. («Списки Тобольской архивы». Ч. 4. № 107). Перевод XVIII в. Опул.: ПСИ-2. Док. № 41. С. 165–167; КРО-1. Док. № 20. С. 27; ИКРИ-2. Док. № 10. С. 286–287.

№ 19

1718 г., декабря 10²⁴. – Царю Петру I

Благочестивый и великий монарх восточных, и западных, и северных земли, и премногих градов, и сел, и деревень, и улусов и премногих воинских людей владетель, и на многих на приятелей милостивейший, и многих неприятелей победительствующий, и превеликий правдиво, и храбрый, и великие казны богатством, и благоверный великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич, всея России самодержец, желаю от бога всегда вашего царского величества многолетнего здравия на царствованном превысоком вашего величества престоле и при преславном войск своих и других подданных под высокодержавнейшею вашею рукою. И превозвыши бог всегда ваше царское величество во владении на многие веки и желаю от бога всегда вашего царского величества неприятелям в покорении быть.

Казачей орды владелец Каип-хан премного челом бьет и кланяется. Ежели изволите про нас припомнить, и мы, слава богу, живем по милости великого бога во всем сохранении.

Доношу вашему царскому величеству: посланные ваши посланцы Федор Жилин с товарищи и з башкирцами и с нашим посланным Тогунуром Култубаевым и отпущенным Малдыбаем Елболдиным все к нам приехали в добром здравии и привезли к нам вашего царского величества за золотою печатью милостивой лист, и оной лист у оных посланных принят честью и прочтено, и потом, услыша по ваше здравие, обрадовались. Которые попалися к высокодержавнейшии ваши руки наши грешные люди и виноватые, не токмо наши прозьбы, и без наши просьбы оной прощен и освобожден, и видя мы вашу такую великую к себе милость, и паки обрадовались.

Доношу еще вашему царскому величеству, чтоб нам не прогневать вашего величества о том, что беглой вор от вас Сеитка, и про то велено нам, чтобы поймав, прислать ево к вашему царскому величеству. И мы оного вора ищем непрестанно, изловить не можем, и оной вор ушед от нас, которые живут в дальном разстоянии, соединясь с ними, с такими ж глупыми ворами, ездили и ваше владение разорили и побрали многих полонеников, и таких полонеников ваше величество указал, чтобы, сыскав, прислать. И те воры живут от нас в дальном разстоянии, например, к вашему владению ближе. И вышеписанного вора Сеитку сыскать

²⁴ Дата получения письма в Казанской губернской канцелярии. (Прим. ред. КРО-1).

приказал сыну своему Кудайберде-Багатыр-султану, чтобы он роставлял от себя людей везде по дорогам и по перелазам, и по переправам, и изловили б неотложно.

Да прошу у вашего царского величества, желаю ехать на неприятеля вашего на контайшу [1], и кроме ево, у меня ныне никаких войны нет. И ежели повелишь, ваше величество, нас пожаловать, и вы б указали от себя послать воинских людей на него ж, контайшу, и нам на то можение, и в которое время оные воинские люди посланы будут, о том нам ведомость прислать наскоро, и на тот срок мы також-де выедем со всеми, и таких неприятелей, милости божиею, чаем разбить [2].

А хорошо на него, контайшу, ехать зимним временем или весною, чтоб по вашему царскому величеству между нами непрестанно переезжатца посланцов и купецким людям без опасения, и от того подвластным людем было жить упокойно и торгов заводить, чтоб всегда вашему величеству, также и нам вечно в доброй славе быть.

Еще доношу вашему величеству, которые наши казачьи орды придут без нашего ведения для разорения к вашему владению, и такие воры попадутца к вам в руки, и таких глупых воров прикажите казнить смертью, чтоб другим неповадно было, и о том мы гневаться ни в чем не будем. А ежели також-де такие воры попадутся к нам в руки, и мы их искоренять будем.

И к вашему царскому величеству подписался я, Каип-хан, для уверения своею рукою и припечатал лист своею печатью, чтоб нам в коих чисел вечно в миру и в союзе быть и промеж собою посланцев и купецких людей пересылатца.

А послал я от себя к вашему величеству старинного своего слугу и аталыка Араслана-батыря, лутчего человека, сына его Тантая-батыря большим посланником, да с ним же и Тогунура Култабаева и Федора Жилина с товарищи приказал я поставить к вашему величеству в добром здравии, а чем их жаловать ты, великий государь, волен.

Назади того подлинного письма печать ево, Каип-хана.

Секретарь диак Осип Протопопов. Правил Федор Сухарев.

РГАДА. Ф. 122. Оп. 2. 1718 г. Д. 2. Л. 5–7. Перевод XVIII в. Копия. Опубл.: КРО-1. Док. № 22. С. 28–29; ИКРИ-2. Док. № 12. С. 289–291.

Абулхаир (не позднее 1680 – 15.08.1748)

Абулхаир (Абалгаим, Абалгаир, Абалгари, Абалхаир, Абдулхаир, Аболгаир, Абулхайр, Абуэрхайли, Балгаир, Болкаир, Болхаир, Булгаир, Буркаил, Оболгаир, Оболгары, Обулхайр, Abul-Geir, Abulchair, Abulkair), полные имя и титул – *Абулхаир-Мухаммад-Гази-Бахадур-хан* (не позднее 1680 – 15 или 17.08.1748), султан Младшего жуза, с 1710 г. – хан Младшего жуза, с 1719 г. – старший хан трех жузов.

Представитель династийной ветви Осек-султана, средний сын султана Кажы (Ажа, Гази, Каз, Казы, Кас, Хаджи), который в конце XVII в. управлял городом Саураном [ИКРИ-3. С. 300, *Левшин*, 2009. С. 161. Таблица 1; *Ерофеева*, 2003. С. 87; ИКРИ-1. Док. № 264. С. 402, № 266. С. 411–412, № 267. С. 426; ИКЗИ-6. С. 67; *Витсен*, 2010. С. 465].

Согласно народным преданиям, Абулхаир рано потерял своих родителей и старшего брата и провел юные годы в глубокой бедности и тяжелых скитаниях по Степи [ИКРИ-9. С. 224–225]. В конце 90-х гг. XVII – начале XVIII в. в ходе одного из вооруженных вторжений волжских калмыков в западные кочевья казахов он оказался в политической зависимости от калмыцкого хана Аюки (1672–1724) и в течение нескольких лет фактически находился на службе у этого правителя, а затем при неизвестных обстоятельствах возвратил себе ранее утраченную свободу [*Бакунин*, 1995. С. 26; *Бичурин*, 1991. С. 87].

В последующие годы молодой султан приложил немало усилий для своего возвышения в Степи и уже к середине первого десятилетия XVIII в. проявил себя не только отважным и искусным воином, но и талантливым организатором военных набегов подвластных кочевников в порубежные страны. В декабре 1707 г. Абулхаир участвовал в сражении воставших башкир во главе со знаменитым башкирским тарханом Алдаром Исекеевым (ум. в 1740) с российскими войсками, возглавляемыми дворянином Петром Хохловым, около горы Юрактау на территории Ногайской дороги, после чего сумел уйти от преследования противника, несмотря на полученное в этой схватке тяжелое ранение [Таймасов, 2009. С. 247, 260]. В 1709 г. он вновь прикочевал из своих кочевий по приглашению Алдара Исекеева в Восточную Башкирию и здесь был возведен башкирскими повстанцами на ханский престол, но год спустя в связи с очередным вторжением джунгарских войск в Присырдарьинский регион покинул кочевья Ногайской дороги и возвратился в казахские степи [Акманов, 1993. С. 203, 217; Ерофеева, 2007. С. 133–134].

Благодаря полученному от башкир ханскому титулу и одержанным победам над воинскими отрядами ойратов Абулхаир существенно укрепил ранее приобретенный им большой престиж среди кочевников Младшего и Среднего жузов и заслужил доверие многих авторитетных казахских старшин. К тому времени он заметно превосходил своей отвагой, полководческим талантом и воинскими заслугами всех остальных современных ему султанов, происходивших из более знатных аристократических кланов и носил почетное звание *бахадур*. В условиях быстро нарастающей военной конфронтации казахов с ойратами, волжскими калмыками и башкирами личные качества степного лидера и поддержка влиятельных среди простых казахов батыров имели первостепенную значимость для получения высшего монархического титула. В связи с этим весной 1710 г. на состоявшемся в Приаральских Каракумах курултае народных представителей Младшего и Среднего жузов старшины родовых групп шекты, каракесек, шомекей и других крупных родов поколения алимулы, большинства родов поколения байулы и жетыру Младшего жуза, а также участвовавших в нем нескольких семей племен найман и кыпшак Среднего жуза избрали Абулхаира своим ханом. Затем «по обычаю» правитель Бухарского ханства Аштарханид Абӯ-л-файз-хан (1711–1748) утвердил ханский титул нового степного избранника своей жалованной грамотой, заверенной ханской печатью [ИКРИ-5. С. 393–394; РГАДА. Ф. 248. Кн. 1131. Л. 459–460, 471, 473].

До конца 1718 г. новый хан являлся младшим политическим партнером хана Каипа I и имел свою основную ставку в районе р. Ыргыз, но после смерти патрона в 1719 г. приобрел статус старшего хана трех жузов (*улкен хан*) и с того времени до 1724 г. кочевал большей частью на территории Туркестанского района и имел постоянную резиденцию в городе Туркестане. В 1721 г. он владел также Ташкентом [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1722 г. Д. 11. Л. 52–54 об.; КРО-1. Док. № 197. С. 515; Левшин, 2009. С. 167; ИКРИ-4. С. 198].

С 1702 по 1723 гг. Абулхаир неоднократно возглавлял воинские набеги подвластных казахов на пограничные кочевья волжских калмыков и станицы яицких казаков. В 1715 г. он совершил набег в долину р. Черемшан и выжег казачью станицу Новосешминск, в 1717, 1719, 1720 и 1723 гг. произвел новые нападения на калмыков и оседлые поселения Казанского уезда; в 1718, 1719 и 1720 гг. отряды его батыров трижды осаждали Яицкий казачий городок [РГАДА. Ф. 248. Кн. 115. Л. 679 об. – 680; ИКРИ-2. С. 295–299; Из истории казахов, 1938. С. 145–146; МИБАССР. Док. № 129. С. 278, 283; Рычков, 2001. С. 25; Карпов, 1911. С. 472–473, 560–561, 767–770, 790–793 и др.; Бакунин, 1995. С. 42–43].

Во втором десятилетии XVIII в. хан установил непосредственные дипломатические отношения с российскими пограничными властями в Казанской и Сибирской губерниях и в 1715, 1718 гг. обменивался с ними официальной корреспонденцией по наиболее острым вопросам взаимоотношений зависимых от него казахских родов и племен с российскими подданными.

В первые месяцы «великого бедствия», наступившего весной 1723 г., Абулхаир был единственным из степных правителей, кто не поддавался психологическому стрессу и общей

панике в результате массированного натиска джунгарских войск и уже в конце того года возглавил вооруженное сопротивление казахского народа сильному неприятелю. В начале 1724 г. он освободил захваченный ойратами Туркестан, заставив джунгарского военачальника Лоузана-Шоно (ум. в 1732) отступить к хребту Каратау. Около года Абулхаир удерживал Туркестанский район под своим контролем, но в начале 1725 г. был вынужден покинуть его и откочевать под напором численно превосходивших сил противника на территорию Бухарского ханства, откуда в том же году возвратился в присырдарьинские степи [ИКРИ-2. С. 343–347]. Принимая во внимание личную смелость, выдающиеся организаторские способности и воинские заслуги Абулхаира, казахские ханы, султаны и батыры избрали его зимой 1726 г. на многолюдном курултае представителей народа, состоявшемся предположительно в Приаральских Каракумах, верховным командующим общеказахского ополчения для изгнания джунгар с завоеванных ими земель [Левшин, 2009. С. 168].

В 1727 г. коалиционные воинские силы трех жузов под командованием Абулхаира перешли в решительное наступление на джунгарские войска и в течение четырех лет одержали целый ряд крупных побед над своим главным врагом на территории Сарыарки в междуречье Буланты – Белеуитты (1727 г.), в Чу-Таласском междуречье, у северных предгорий Кыргызского Алатау (1729 г.) и в Чу-Илийском регионе, в урочище Аныракай (1730 г.) [Диваев, 1905. С. 40–42; Тынышпаев, 1999. С. 192–196; Козыбаев, Галиев, 2000. С. 39–43; Свод памятников, 2002. С. 292, 312; Ерофеева, Аубекеров, 2010. С. 228–250; Усманова, 2011; История Казахстана, 2012. С. 271–278 (комментарии)]. Эти уверенные победы фактически предопределили будущий успешный исход восьмилетней казахско-ойратской войны и широко прославили полководческое искусство и мужество старшего хана среди казахского населения трех жузов. Именно Абулхаиру принадлежит главная заслуга в устранении нависшей над казахским народом опасности подчинения Джунгарской державе и последующего его расчленения по частям между инокультурными юго-восточным и южными соседями. Имя верховного командующего воинской коалицией трех жузов было увековечено благодарной народной памятью в названии *Абулхаир* одной из сопкок Чу-Илийских гор, расположенной в современном Кордайском районе Жамбылской области северо-западнее урочища Аныракай, в нескольких километрах к югу от реки Жынгельды (бывшая *Суукайтын*); в названии лога *Абылкаир*, который находится на территории района Турара Рыскулова той же области в 25 км к северо-западу от аула Кулан и лога *Абулхаир* – в Сарысуском районе той же области, представляющего собой верховье сухого русла реки Буртыбай, левого притока реки Ушбас, которая впадает с юго-востока в озеро Кызылколь [Тынышпаев, 1993. С. 194–195; Свод памятников, 2002. С. 292; Список, 1913. С. 46; Ерофеева, Аубекеров, Рогожинский, 2008. С. 76].

Кроме того, в это же время Абулхаир-хан получил в мусульманском мире Центральной Азии титул *Гази* – «Победитель неверных» – и стал вторым по счету после хана Тауке и последним в истории Казахской степи обладателем этого почетного звания.

Весной 1730 г. после победы над джунгарами в урочище Аныракай Абулхаир получил известие о вторжении вооруженных отрядов башкирских батыров в северные кочевья Младшего и Среднего жузов и не позднее начала мая того же года заключил мирный договор с джунгарским хунтайджи Галдан-Цэреном (1727–1745), а затем вместе с младшим ханом Самеке (1724–1738) спешно откочевал на север региона [ИКРИ-2. Док. № 56. С. 369. № 59. С. 373]. В конце мая на курултае знатных представителей Младшего жуза казахские старшины с целью урегулирования при содействии российских пограничных властей резко обострившихся казахско-башкирских противоречий по поводу землепользования в районе Яика и Тобола приняли решение о заключении мирного договора с царским правительством и поручили выполнение этой миссии непосредственно хану Абулхаиру [ИКРИ-3. С. 55–56; КРО-1. С. 53, 95; Ерофеева, 2007. С. 256, 315].

Однако по совету давнего сподвижника именитого башкирского тархана Алдара Исекеева, который летом 1730 г. прибыл с территории Ногайской дороги за захваченным в конце 1729 г. казахами Младшего жуза сыном в западноказахстанские степи, Абулхаир решил пойти дальше заключения “присоветованного” ему соглашения с российскими властями о разрешении земельных конфликтов между казахами и башкирами и в начале июля 1730 г. официально обратился к императрице Анна Иоанновне с просьбой о предоставлении ему с подвластным народом покровительства и защиты [КРО-1. Док. № 25. С. 35; ИКРИ-4. С. 259–260; *Ерофеева*, 2007. С. 262–264; *Таймасов*, 2009. С. 247–248]. Посредством принятия протектората России он предполагал разрешить казахско-башкирские противоречия по поводу спорных водных источников и пастбищных мест, при опоре на ее военную силу возвратить утраченные в результате нашествия джунгар южные территории региона и в первую очередь город Туркестан вместе с его оседлой торгово-ремесленной и земледельческой округой, получить право ведения беспрепятственной торговли казахов с русскими купцами на крупных рынках Нижнего Поволжья и Западной Сибири и, опираясь на российский престол, провести модернизацию системы ханской власти в казахских жузах за счет усиления института старшего хана [ИКРИ-3. С. 52, 75; *Ерофеева*, 2007. С. 222–237]. 28 августа 1730 г. посланники Абулхаира вместе с Алдаром Исекеевым прибыли в Москву, а 19 февраля 1731 г. Анна Иоанновна подписала две грамоты Абулхаиру и казахским старшинам, в которых выражала согласие принять казахов в российское подданство на предложенных ханом условиях. [КРО-1. Док. № 28, 29].

Для приведения Абулхаира к присяге на верность русской императрице 30 апреля 1731 г. из Петербурга в Младший жуз было направлено специальное посольство во главе с переводчиком «ориентальных языков» Коллегии иностранных дел Кулмухаммед-мурзой (по русски – Алексеем Ивановичем) Тевкелевым (1674–1766), который прибыл в ставку хана на правом берегу реки Шет-Ыргыз в урочище Манитобе, или Маниаулие, 5 октября того же года. 10 октября 1731 г. на курултае родовых старшин Младшего жуза в обстановке острого противостояния сторонников и противников принятия российского покровительства Абулхаир и 30 влиятельных казахских старшин принесли присягу на верность «белой императрице» [КРО-1. С. 53–54; ИКРИ-3. С. 74–76]. Этот исторический прецедент положил начало сложному долговременному процессу вступления казахских жузов под протекторат Российской империи.

В начале 30-х гг. XVIII в. Абулхаиру удалось договориться с царским правительством о разграничении спорных пастбищных территорий в Волго-Яицком регионе между казахами, башкирами и калмыками в пользу своего народа. Эти устные соглашения обеих сторон легли в основу принятых Кабинетом Анны Иоанновны и Коллегией иностранных дел нормативных актов по земельному вопросу от 18 мая и 13 августа 1734 г., 15 февраля 1738 г. и других, которые юридически закрепили право казахов на занятые ими в 1725–1726 гг. пастбищные районы на левобережной («бухарской») стороне Яика в его среднем и нижнем течении [ПСЗРИ-1. Т.1. X. № 6576. П. 9; РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 90. Л.364–365 об.; МИКССР -4. Док. № 137. С. 433; *Крафт*, 1898. С. 4–5]. Успешное разрешение чрезвычайно острой для кочевого населения Младшего и Среднего жузов проблемы «северных территорий» казахские старшины считали одной из главных заслуг политической деятельности Абулхаира, что глубоко запечатлелось в устной памяти их ближайших потомков. Именно к Абулхаиру и его двусторонним договорам с А.И. Тевкелевым, И.К. Кириловым и В.Н. Татищевым последние многократно апеллировали в конце XVIII – первой четверти XIX в. в своей полемике с оренбургской пограничной администрацией по вопросу землепользования казахов в бассейне Урала, пытаясь обосновать незаконность посягательств Уральского казачьего войска на пастбищные земли казахских родов и племен на левобережной стороне этой реки [ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 230. Л. 54 об. – 55; МИКССР-4. Док. № 114. С. 333; № 137. С. 433–434; № 142. С. 443–444].

Кроме того Абулхаир предпринял в 30-х – середине 40-х гг. XVIII в. энергичные усилия по вытеснению каракалпаков с берегов Сырдарьи и Кувандарьи и волжских калмыков – из районов среднего и нижнего течения Жемы (Эмбы) и Ойыла, в результате чего казахи Младшего жуза начали кочевать на обоих берегах Сырдарьи и по ее левым притокам, а также на всем течении Жемы [Камалов, 1968. С. 27, 33, 51–55 Ищенко и др., 1928. С. 100–101; Жданко, 1998. С. 261–263, 269, 273].

В результате успешного решения Абулхаиром земельного вопроса его политическое влияние в Степи к началу 40-х гг. XVIII в. существенно стабилизировалось и укрепилось. К тому времени основной социальной опорой хана были наиболее многочисленные в Младшем жузе род шомаек и большинство патронимических групп рода шекты поколения алимулы, кочевавшие в районе Мугоджарских гор и в низовьях Сырдарьи. Кроме них под патронатом Абулхаира находились поколение байулы во главе с его старшим сыном султаном Нуралы, поколение жетыру, возглавляемое «наизнатнейшим» среди западных казахов батыром (с 1743 г. – тарханом) Есетом Кокыулы; племя керей, состоявшее под управлением второго сына хана султана Ералы, и большинство родов племени аргын и племя кыпшак Среднего жуза, которыми управлял преданный ему «знатнейший между всеми казахскими старшинами» батыр (с 1742 г. – тархан) Жанибек Кошкарулы [О киргиз-казаках, 1938. С. 153–158; КРО-1. С. 324, 406–408; МИКССР-2. С. 8 (предисловие М.П. Вяткина). С. 55–57, 75; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 54–65 об.; 1749 г. Д. 4. Л. 279–280].

Наряду с казахами Младшего и Среднего жузов Абулхаир имел большое политическое влияние среди узбеков Северного Хорезма и других районов Хивинского ханства и по приглашению их старшин был возведен 5 ноября 1740 г. в Хиве на ханский престол, но 11 ноября покинул столицу ханства, опасаясь кровавой расправы со стороны иранского шаха Надира (1736–1747) [ИКРИ-6. С. 58–61]. В 1741–1746 гг. он постоянно обменивался письменной корреспонденцией и посланниками с правителями и высшими придворными чиновниками Ирана, Бухарского и Хивинского ханств, налаживая добрососедские отношения казахских жузов с этими государствами [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 92–95; 1745 г. Д. 3. Л. 142–143, 137–137 а, 133 об. – 135, 132, 132 а – 133, 144–145; Касымбаев, 2001. С. 71–77; Мұқтар, 2012. 73–77 бб.].

Параллельно с ними он поддерживал регулярные дипломатические контакты с Джунгарской державой, но в отличие от младших казахских ханов – Кушыка, Абулмамбета и Жаубасара и влиятельных султанов Барака и Батыра неизменно отказывался платить алман и посылать в ургу знатных заложников-аманатов [Моисеев, 1991. С. 133; Ерофеева, 2007. С. 334–338, 345–348]. Более того, Абулхаир был единственным в истории кочевого государства казахов верховным правителем-ханом, кому глава Джунгарского ханства предложил междинастический союз путем заключения брака его дочери от калмычки Баяны с официальным наследником джунгарского престола Цэваном Доржи. Однако хан не поддался на настойчивые уговоры Галдан-Цэрена и дважды проигнорировал его брачные инициативы [РГАДА. Ф. 248. 1740–1746 гг. Д. 12/143. Л. 1025 об.; О киргиз-казаках, 1938. С. 143; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 103 об.; Моисеев, 1991. С. 126–127; МИКССР-2. С. 340].

На протяжении 40-х гг. XVIII в. Абулхаир упорно стремился получить военную помощь и административную поддержку у оренбургских пограничных властей для объединения под своей властью всех казахских родов и племен и усиления института старшего хана. Но при этом он встретил целенаправленное противодействие своим планам первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева (1744–1758), заинтересованного в децентрализации институтов ханской власти у казахов. В 1746–1747 гг. старший хан вел жесткую политическую борьбу с Неплюевым за реализацию своих основных стратегических целей, которая завершилась в конце июня 1748 г. заключением при посредничестве прибывшего из Петербурга в Степь бригадира А.И. Тевкелева компромисса с наместником Оренбургского края. Одновременно с этим Абулхаир пообещал сыну Галдан-Цэрена новому джунгарскому хунтайджи Цэван-Дор-

жи-Аджа-Намжилу (1745–1750) выдать замуж за него свою дочь, что значительно усилило бы позиции хана внутри и за пределами казахских кочевий [Вяткин, 1948. С. 15–20; Касымбаев, 1999. С. 26–28; Ерофеева, 2007. С. 372–383].

Но в середине августа 1748 г. Абулхаир был убит на местности между реками Олкейек и Торгай в неравной схватке его главным политическим противником внутри Степи султаном Бараком, не желавшим возрастания личного престижа и власти хана в казахских жузах [Ерофеева, 2007, С. 398–399].

Хан Абулхаир был похоронен родственниками на расстоянии 4 км к западу от слияния рек Олкейек и Кабырга на границе современных Айтекебийского района Актюбинской области и Жанкельдынского района Костанайской области. На могиле покойного его сыном Ералы летом 1752 г. был возведен прямоугольной формы мавзолей со стенами из сырцового кирпича и входным проемом в западной стене. В интерьере данного сооружения находилось глиняное надгробие, где покоился хан. Он был погребен в парадной одежде и с воинскими доспехами – саблей, копьем и стрелами [Ажигали, 1999. С. 11–17; подробную сводку новейшей литературы о месте захоронения хана см.: Ерофеева, Жанаев, 2012. С. 325–327, 332]. По свидетельству переводчика Оренбургской пограничной комиссии И.А. Батыршина (1819 – позднее 1865), основанному на показаниях праправнука Абулхаира султана (с 1843 по 1852 гг. – хана присырдарьинских казахов) Ермухаммеда (Илекея) Касымова (1819–1883), останки хана в середине XIX в. были перевезены его потомками в район низовий Сырдарьи и перезахоронены на берегу одного из правых притоков Кувандарьи напротив урочища Акжар, недалеко от места захоронения хана Ералы [Ерофеева, Жанаев, 2012. С. 327–335].

При жизни Абулхаир имел четыре жены. Имя и происхождение первой жены (ум. между 1731 и 1736 гг.) неизвестны. Предположительно хан был вторым мужем этой женщины, которая перешла к нему по обычаю левирата от его старшего брата султана Токтамыса, умершего на рубеже XVII–XVIII вв. От нее Абулхаир имел двух дочерей, одну из которых выдал замуж за султана Младшего жуза Жанибека, а вторую – за султана того же жуза Абыгая.

Вторая жена – Бопай-ханым (не позднее 1680–1780) – являлась, по одним сведениям, дочерью казахского чингизида и сестрой султана Дербесалы, по другим, – дочерью богатого старшины из рода адай Младшего жуза. Она вышла замуж за молодого султана Абулхаира не позднее конца 1709 – начала 1710 гг. и родила ему пять сыновей: Нуралы (1710/11–1790), Ералы (1721–1794), Кожамет (1722/23–1749), Айчувака (1723/24 – 1811), Адила (1724/25–1756) и дочь Зулейху (род. в 1733 или 1734).

Третья жена – Баяна – дочь неизвестного калмыцкого тайши была захвачена ханом в плен в ходе одного из его набегов в заволжские степи не позднее конца первой четверти XVIII в. От нее у Абулхаира родились сын Шынғыс (около 1724/27 – 1760-е) и две дочери. Имя первой из них (1728/29–1749) – неизвестно; вторую дочь звали Намуруны (1731/32–1750). После смерти хана Баяна вышла замуж за его племянника Досалы-султана.

Четвертая жена была башкиркой, родной сестрой некоего башкирского батыра Отнохарта. На ней Абулхаир женился по политическим мотивам в 1737 г. и имел от этого брака сына Карагая (около 1738/39 – позднее 1830).

Помимо четырех жен он в 1745 г. захватил в плен в ходе одного из своих набегов на улусы волжских калмыков дочь тайши Санджилан-Цэрена (Жоншары) Цойроши, которая стала наложницей хана и постоянно находилась при его байбише Бопай-ханым [ИКРИ-3. С. 300; Вельяминов-Зернов, 1853. С. 3; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1722–1755 гг. Д. 1. Л. 108 и об.; 1749 г. Д. 4. Л. 275–280; 1750 г. Д. 3. Л. 101–102 об.; КРО-1. С. 248, 254, 285, 304, 353, 362, 418; МИБАССР. С. 349; МИКССР-2. С. 40, 69, 148, 198, 201, 292, 316, 324, 326; Левшин, 2009. С. 221; Волжские ставропольские калмыки, 2011. С. 177, 180–181; Кэстль, 1998. С. 37].

Среди казахских батыров, старшин и простых кочевников трех жузов авторитет Абулхаира на протяжении всей его сознательной жизни и после смерти являлся очень высоким, так

как он проявил себя дальновидным политиком, выдающимся полководцем и крупнейшим в истории своего государства военным стратегом. В 1726–1727 гг. хан разработал и успешно реализовал на деле глубоко продуманный план поэтапного наступления казахов на широко рассеянные по Степи крупные караульные отряды джунгар, основанный на точном учете всех мест их дислокации и численности людей в каждом карауле. В 1727 – начале 1730 гг. он оперативно руководил многочисленными воинскими силами степняков на огромном театре военных действий от мелкосопочника Улытау и Приаральских Каракумов до южной периферии пустыни Бетпақдала, северных предгорий Кыргызского Алатау и района Чу-Илийских гор; своевременно координировал боевые операции локальных ополчений и осуществлял сложнейшие тактические маневры в различных ландшафтно-географических зонах региона.

Абулхаир был ведущим организатором и главным героем всенародного сопротивления казахов джунгарской агрессии, добился расширения казахских кочевий на севере и западе региона, прекратил взаимные убоицы и набеги яицких казаков, волжских калмыков и башкир на родоплеменные подразделения казахов Младшего и Среднего жузов, инициировал строительство Оренбурга, активно содействовал развитию регулярных торговых связей Казахстана с Россией и установлению непосредственного обмена между ними продуктами материальной культуры, информацией и идеями. Он ушел из жизни в представлении своих казахских современников великим ханом и продолжал существовать в таком же ореоле славы в устной памяти многих поколений казахов [Касымбаев, 1999. С. 60–64; Ерофеева, 2007. С. 399–406, 411–412]. Подробнее о нем см.: Аполлова, 1948. С. 129–147, 194–254; Вяткин, 1948. С. 4–21; Матвиевский, 1948. С. 66–111; Басин, 1971. С. 120–177; Bodger, 1980. P. 40–57; Касымбаев, 1999. С. 14–64; Ерофеева, 1999; Ерофеева, 2007.

№ 20

1715 г., сентября 4²⁵. – Царю Петру I

С переводу татарского письма, каково подал в Уфе Каип-хана киргиского от подданного Балгаира-батыря присланной ево киргис-казак Тойгунур сентября 4-го дня 715-го года.

От владельца своего юрта от Балгаира, славного батыря, слово то: от шестидесяти тысяч приказ имеет разных волостей промеж их в совету всех своих подначальных, которые над теми владеют, великому князю и государю многа многа челом бьем. После того челобитья слово то: от четырехсот тысяч и от шестидесяти тысяч волостей из Минския волости [1] с честью Каип-Мухамета-Батыря-хана приказом ево мы здесь глупых дураков уйдем. Из вас, великий князь государь, которые между вами есть глупые дураки, вы унимайте. А буде кто не уймет, и кто есть в худых будет, на бога положилися, что у наших есть ясырей, и мы отдадим, а которой есть у вас ясырь, вы отдайте. И между собою станем без выкупу менянца: русских, и татарских, и башкирских, а воров унимать вопче станем.

Доброю волею умре Тявка [2]. Мухамет-Батыря-хана²⁶ ближней, Тойгунур-батыря своим жалованьем послом отрядил великому государю двенадцати родов. Ис табын Тулуша-князя сын Карт-батырь приезжал, да Елубая-бия батыря сын к хану в посольстве приезжал [3], и мы их с честью, дав своих послов, отпустили. Естли нас честить, и им честь воздать, к великому государю мы с честью отпустили, а чести нашей то буде, что у нас есть, вы возьмите, а что у вас есть, мы возьмем. А мы по ханскому приказу воров не посылали, а воровского привозу всяких ратных русских и татарских ясырей есть. А я тово посла отпустил к нам в рекостав, а далее Уфы того посла не провади, и от доброго здравья великое челобитье. А Тогунара-баты-

²⁵ Дата получения.

²⁶ В тексте перевода, вероятно, пропущено одно слово, и упомянутое здесь собственное имя казахского хана, по видимому, следует читать как «Каип-Мухамет-Батыр-хана».

ря чесна отпустили с Картом-батырем к государю. Да Сыроязова сына Араслана, да Чаныкеева сына Умита на Ногайскую дорогу послали, он, Араслан, Ногайские дороги посол [4].

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 14. Л. 215 и об. («Списки Тобольской архивы» Ч. 4. № 98). Перевод XVIII в. Копия перевода – РГАДА. Ф. 248. Кн. 373. Л. 612 и об. Опубл.: МИБАССР. Ч. 1. Док. № 129. С. 278–279; ИКРИ-2. Док. № 3. С. 270–271.

№ 21

1718 г., августа 21. – Сибирскому губернатору князю М.П. Гагарину

718 г., октября в 7-й день приехали в Тобольск Казачьи орды посланцы два человека – Сава Малаев, Айтмаметь Нумерев и подали лист. А по переводу в листе пишет.

Абулмазапер-Мансур-Сеит Абулхаир-хана слово. Славлю Бога, великий государь и белой царь, здравствуй. Здешней Хаип-хан здравствует, и, князь здравствуй, и в здешних крайних улусах здравствуем же. Промышлять бы зверей, а воевать бы калмыков, а промеж нами торговым людям ездить к нам и к вам; а кто будет вам приятель, тот и нам – приятель, а кто вам – недруг, тот и нам – недруг. Да промежду нами которые есть люди воруют и непослушны бывают, как нам есть мочь, их уйдем, а которые нашего указу непослушны и поедут на воровство, и буде в руки попадут, что хотите, над ними то и делайте; а буде к нам приедут, мы их уйдем. А воры у вас и у нас есть, а о таких воровских людях и слушать нечего, и что было слов, то все говорили. А ныне и впредь жить бы нам с вами в совете и никогда войны не иметь, а иметь всякое добро. А кто худо доспеет, на Бога положим; а послы наши Шаба-багадур, Айтмаметь-багадур посланы, оба добрые люди, чтоб их не задержать долго. А на калмаков хотим ехать подлинно. А ис Тургустана корован, сказали, что идет; для того ваших послов мы и держали, и корован оттуда еще не пришел.

Писан лист в посном месяце в 24-й день²⁷, а на словах Шаба-багадур, Айтмаметь-багадур что скажут, извольте верить.

Бекбулата-багадура брат ево Баикурман-багадур переезжают они для послованья меж нами, и самим вам ведомо, Шаба-багадур вам – работник и нам – работник, должно их пожаловать.

Во втором письме пишет:

Абулмазапер-Сеит Абулхаир-Махамет-Бахадур-хана слово. У князя нашего, доброго человека, сын есть Боромбай, буде он у вас есть или нет, о том к нам послать ведомость; для того об том сие письмо писал.

Сей лист переводил тобольской юртовской бухаретин мулла Халпеть. Толмачил тобольской толмач Аника Еремеев.

На подлинном подписано тако: *вместо толмача Аники Еремеева по его велению печать казак Микита Безменников руку приложил.*

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 14. Л. 226 и об. («Списки Тобольской архивы». Ч. 4. № 108). Перевод XVIII в.

№ 22

1718 г., октября 7²⁸. – Царю Петру I²⁹

Абулхаир-хан челом бью, и здравствуй великий и белый царь, тамо вы здравствуйте, а здесь Хаип-хан здорово, а тамо при князе здоровы, а здесь в крайних улусах мы здоровы. А ловить бы нам коз и зверей, а воевать бы нам калмыков. А меж нами купецким людям,

²⁷ Имеется ввиду месяц рамазан 1718 г., который охватывает календарный период с 29 июля по 27 августа.

²⁸ Дата получения. (Прим. ред. КРО-1).

²⁹ Письмо доставлено в Тобольск сибирскому губернатору князю М.П. Гагарину казахскими посланцами Шабой и Итмамем Багатурами.

чтобы ездить; и вам, кто будут други, а нам також будут други, також которые и недруги будут вам, и нам також недруги будут. А промеж нами которые воруют, как наша мочь сяжет, уйдем. А естли которые нас не послушают и на воровстве вам в руки попадут, как изволите, так бы и учинили; а к нам приедут, и мы их також унимать будем. А воровские люди у вас есть, також и у нас есть, а об таких ворах ничего не подумать. А опричь этих речей у нас не осталось, и ныне покамест пеленишные ребята возрастут и сайдаки обстегнут, и мы покамест живы будем, не воеватца, и в миру быть, худо бы покинуть. А посланцы наши Шаба-батыр и Итмамет-батыр посланы, оба – наши добрые люди, и буде милость государева будет, чтоб их не задерживать. А на калмыков мы итти готовимся. А из Туркустану ждали каравану, того для и посланцов задержали, и ныне тот караван опоздал.

Письмо писано в наше говенье в 24-м числе, а слова наши донесут Шаба-батыр, Итмамет-батыр, и, чтоб поверили, Бекбулата-батыря брат Бакурман-батыр, что они в посланцах переезжают, то вам ведомо.

В малом письме написано³⁰: Абулхаир-хан пишет к князю: «Нашего доброго человека сын есть, Буранбаем зовут, буде есть он или нет, к нам бы ведомость послать».

Сей лист переводил тобольский юртовский татарин Бака Назаров, толмачил тобольский толмач Аника Еремеев.

Вместо толмача Аники Еремеева, по его велению, Микита Безменников руку приложил.

СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 14. Л. 227 и об. Копия с копии – там же. Л. 249 и об. («Списки Тобольской архивы» Ч. 4. № 109). Перевод XVIII в. Опул.: ПСИ-2. Док. № 41. С. 164–165; КРО-1. Док. № 20. С. 26; ИКРИ-2. Док. № 10. С. 286.

№ 23

1730 г., июля 20³¹. – Императрице Анне Иоанновне

а)

Послание в Петербург ее величеству³²

Величайшей, благородной, богатой и умной обладательнице многих земель, ее величеству белому и великому падишаху ежедневно, ежемесячно и ежегодно желаем божьей милостью благополучного государствования.

Нижайшее прошение к вашему величеству состоит в том, что у нас нет мира (*иллик*) с принадлежащим вашему величеству народом уральских башкиров (*Урал иштаки башкурд*). Для того, чтобы быть послушным и покорным, обрета убежище под сенью вашего державного падишахского величества, я присоединил к вашему рабу (*бандаңыз*) башкиру Алдарбау [своего] посланника и отправил к вам по Ногайской дороге. Поскольку этот Алдарбай [1] просил [нас] отправить посланника к вашему падишахскому величеству, мы, Абу-л-Хайр-хан, вместе с 40 санями казахов Среднего и Младшего жузов, моими ра'ийятами [2] и подданными (*қарача*), преклоняем свои головы и готовы исполнить ваше повеление (*йарлык*). Просим вас установить мир [между нами] и вашими рабами (*кул*) – уральскими башкирами (*Урал иштаки*). Мы будем послушны (*ил*) вашему повелению (*йарлык*).

[Передали] главный посланник Сейткул [и] Кутлымбет с товарищами.

Современный перевод с чагатайского тюрки Т. К. Бейсембиева. Подлинник на тюрки – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1730–1731 гг. Д. 1. Л. 45 об. Опул.: КРО-1. С. 36; МОЦА -1. С. 272.

³⁰ Приписка чиновников Тобольской канцелярии. (Прим. ред. КРО-1).

³¹ Дата получения письма в г. Уфа.

³² Тексты первого и третьего абзацев русского перевода письма, сделанного полвека назад Р.М. Пейгумбари, вполне адекватно передают смысловое содержание приветствия и пожеланий адресанта, поэтому в новейшем переводе этого документа они оставлены без изменения.

б)

Перевод с листа к е. и. в. от казацкого Эбулхаир-хана, поданного г-ну канцлеру графу Гаврилу Ивановичу³³ от посланника ево сентября 8-й день 1730 г.

Над владеющими императрице и всемилостивейшей государыне повелительнице и многих земель обладательнице, белья и великия государыне императрице рабом пребываю, которой желаю божиею милостию всегдашнего доброго здравия и всякого благополучного государствования и всенижайше прошу в. и. в., что Ногайской и Аральской дороги башкирцами прежде сего мы согласия и миру не имели. А ныне желаю быть со всем моим владением в. и. в. в подданстве. Того ради всеподданнейшим нашим прошением к в. и. в. по требованию подданных вашего величества Ногайской и Аральской дороги [с] башкирцом Алдарбаем отправил я, Эбулхаир-хан, посланника своего, дабы в. и. в. милостивейшим указом нас под протекцию в. и. в. милостиво указать принять и с подданными в. и. в. с аральскими башкирцами, нам милостиво указать в миру и в соединении быть. О сем всеподданнейше прошу я, Эбулхаир-хан, с подданными своими старой³⁴ и малой статьи, с сорока тысяч человек казаками желаем под протекцию в. и. в. и в согласии быть с подданными в. и. в. аральскими башкирцами. А посланной от меня главнейшей посланник Кутлумет Сеиткули с товарищи.

В конце того листа две чернильные печати, в которых изображено имя его: Эбулхаир-хан, сын султанов.

Переводил Мустафа Турченинов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1730–1731 гг. Д. 1. Л. 46–47. Перевод XVIII в. Копия. Опувл.: МОЦА-1. Док. № 106. С. 273.

в)

Послание в Петербург ее величеству³⁵.

Величайшей, благородной, богатой и умной обладательнице многих земель, ее величеству государыне императрице ежедневно, ежемесячно и ежегодно желаем божией милостью благополучного государствования. Наше заявление к вашему величеству состоит в том, что с подданным вам башкирским народом, который находится за Уралом, у нас близких отношений не было. Желая быть совершенно подвластным вашему величеству, я посылаю своего посланника вместе с вашим подданным Алдарбаем. Этот Алдарбай требовал посланника от нас к вашему величеству, и поэтому мы, Абулхаир-хан, с подвластным мне многочисленным казахским народом Среднего и Малого жузов, все преклоняемся перед вами, являемся вашими слугами и все вместе с простым народом желаем вашего покровительства и ожидаем вашей помощи, чтобы с подданным вам башкирским народом, находящимся за Уралом, жить в согласии.

Желаем вам всякого благополучия и будем вашими подданными.

[Передали] главный посланник Сеиткул, Кутлымбет с товарищами.

Современный перевод с чагатайского тюрки Р.М. Пейгумбари. Опувл.: МИПСК. Док. № 1. С. 9; КРО-1. Док. № 25. С. 35.

³³ Имеется в виду канцлер Г.И. Головкин.

³⁴ В издании МОЦА-1 это слово воспроизведено как «второй ...статьи».

³⁵ В Москве письмо было получено 8 сентября 1730 г. (См. дату письма в КРО-1. Док. № 25).

№ 24

1731 г., августа 22³⁶. – Переводчику Коллегии иностранных дел А.И. Тевкелеву

Перевод с письма киргиз-касацкого Абулхаир-хана к переводчику Маметю Тевкелеву, полученного в городе Уфе чрез посланца его, Абулхаир-хана, Сиюндюк-багатура августа в 22-й день 1731 г.

Высококостепеннейшею и славнейшею государыню шествием на золотой престол поздравляю. Ежели ея величества высокою десницу на нас положет, а мы главы свои преклонять будем, и какую службу на нас положить соизволит, от всего нашего сердца и со всею душою служить будем. И с помощью божию махOMETанскою закона знатной Аболфеиз-хан – бухарской хан [1], отдался в мою волю, брат мой Албас-хан – хивинский хан [2], отдался в мою ж волю. Кочующи по реке Харже, Ченнет, Даряс Акбатур-бей в мою ж волю отдался. Барак-хан [3], владение ево 4000, города Ташкент, Сири, Торкостан в наших руках. Понеже несколько пленников имеетца в их руках, а несколько пленников имеетца в наших руках, и оным пленником так трудитца ко имени нехорошо. Воля ея, государыни, чтоб их купцы к нам приезжали, а наши бы к ним ездили, а плачущих увеселять пристойно к славе ея, государыни. А бухарцы в моей воле, а с Урганчем обсылатца в моей же воле. Тако сие письмо и написал, а в протчем словесно объявит вам Сиюндюк-багатур.

Позади того письма печать чернильная, в которой изображено имя ево, Абулхаир-хана. Переводил Мамет Тевкелев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1732 г. Д. 1. Л. 121 и об. Перевод. XVIII в. Копия.

№ 25

1732 г., января 5³⁷. – Императрице Анне Иоанновне

Перевод с татарского письма писанных листов к е. и. в. Киргис-кайсацкой [орды] от Абулхаир-хана с товарищи, которые присланы от переводчика Маметя Тевкелева.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица и самодержица все-российская и всея северные страны и протчих государств повелительница, припадая к стопам вашего величества, всепокорно доношу.

По указу в. и. в. присланной к нам посланец Мамет-мурза Тевкелев указ в. и. в. нам объявил. По которому я, Абулхаир-хан, с подданными моими кайсаками в. и. в. и предкам вашего величества в подданстве быть и служить нижеписанные пункты за благо принял. В начале обещаюся и кленуся в подданстве быть всепресветлейшей и державнейшей государыне императрице нашей Анне Иоанновне и самодержице всероссийской и проч., и проч., и проч.

1. Великой государыне императрице нашей и предкам вашего величества всегда верно и справедливо служить обещаюся.

2. И когда указ в. и. в. нам, Кайсацкой орде, будет итти на службу с российскими подданными башкирцы и калмыками вместе, в то число в повеленные места мы справедливостию своею пойдем.

3. Кайсацкой орде на яицких казаков, на башкирцов, на калмыков и на всех российских подданных неприятельски не набегать, и убытков им не чинить, и жить с ними с миру.

4. Когда российским подданным с купеческим караваном из Астрахани и их протчих мест чрез нас, кайсаков, случится им куда ехать или к нам, кайсакам, с караваном же прибудут, то нам худо б им не чинить, и от худых людей их защищать, и в надлежащих местах нам их препровождать.

³⁶ Дата получения.

³⁷ Дата отправления письма А.И. Тевкелевым из Степи. Датируется по тексту Журнала А.И. Тевкелева (3 октября 1731 г. – 14 января 1733 г.). См.: КРО-1. Док. № 33. С. 64.

5. Из нашей Кайсацкой орды взятыя в полон от российских подданных возвратить, а впредь в полон не брать и взятых пленников от башкирцов и из России, кроме тех, которые приняли крещение, тех возвратить, и для верной повсягодной службы нашей в. и. в. против рабов вашего величества башкирцов и я ясаку по 4000 лисиц присылать обещаюсь, и во уверение того я, Абулхаир-хан, к сему листу печать свою приложил и посланца своего Бакабатура отправил.

Писан 1143 г., месяца режепа 17-го дня; 1732 г., генваря в 2-й день.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1732 г. Д. 5 б. Л. 1–3. Перевод XVIII в. Копия. Опубл.: КРО-1. Док. № 27. С. 37–38.

№ 26

1732 г., апреля 19³⁸. – Советникам хивинского хана Ильбарса³⁹

От киргис-кайсацкого Абулхаир-хана в городе Хиве главным советникам 24-м человекам указ. В прошлом 1731 г., декабре в день [...] ⁴⁰отправил сына своего Нуралы-салтана к вам в Хиву объявить, что я, Абулхаир-хан, с своею ордою принял подданство российское, чтоб и Хивинская речь посполита принела подданство российское, может-де быть е. и. в., по прошению моему, прежнюю вину вашу отпустить соизволит [1], також-де договоритца и о коммерции. И вы, Хивинская речь посполита, не токмо по тому моему письму [не] учинила исполнение, но всякую противность сыну моему и образу показали. Також-де двух человек, которые были с сыном моим, одержали в Хиве под караулом. А хотя б вы российское подданство и не принели, токмо б моему сыну тяшкой обиды и противности показать вам не надлежало, понеже моей добродетели и вам зело многа, ибо когда пришед было вам последней конец от аральского хана, но я вас освободил и всякое споможение чинил, в чем вы обещали мне и присягали тако: пока я жив, слушать мои указы, а своего хана почитать яко наместником моим. А ныне то все позабыли, и стали делать мне всякие противности. И понеже чрез сие вам объявляю, что отправил я сына своего, соединясь с аральским ханом [2], воевать вас, хивинцов, а потом дожидайтесь и меня на себя войною ж в нынешнем 1732 г. в сентябре месяце.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1733 г. Д. 1. Л. 80 об. – 81 об. Перевод XVIII в. Опубл.: КРО-1. Док. № 33. С. 71–72.

№ 27

1732 г., мая 21. – Императрице Анне Иоанновне

Перевод с листа татарского, писанного к е. и. в. Киргис-кайсацкой орды от Абулхаир-хана, полученного в Санкт-Петербурхе августа в 7-й [день] 1732 г.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица, от Востока до Запада обладательница, самодержица всероссийская и иных государыня, припадая к стопам вашим, я, Абулхаир-хан, всенижайше и покорно доношу, что, понеже месяца мая в 16-й день, зилхиджея в 5-й день чрез посланца калмыцкого владельца Доржи [1] и от сына его Левбенчта получил я письма, которые при сем для моей наивящей верности к в. и. в. отправил.

Те калмыцкие посланцы просят у меня киргис-кайсацких войск, с которыми б в. и. в. российских подданных и Аюки-ханова сына Черен-Дундука [2] людей побить. И я, услыша

³⁸ Дата отправления.

³⁹ Печатается по тексту перевода А.И. Тевкелева, помещенном в его Журнале (3 октября 1731 г. – 14 января 1733 г.). См.: КРО-1. Док. № 33. С. 71–72.

⁴⁰ Пропуск в тексте.

о таких противных их намерениях, от владельца Доржи чрез посланца ево объявленных, со всеми беками и батырями своими за благо не разсудили войск своих им давать, и калмыкам в том отказали, объявляя, что я, Абулхаир-хан, со всем владением своим, з беками и батырями своими в. и. в. о пребывании в верном подданстве присягали в такой силе, что в. и. в. с приятельми приятство иметь, а с неприятельми – неприятельски поступать. А ежели они, калмыки, ныне в. и. в. стали быть противны, то и мы их неприятельми признаваем, с которым ответом вышеписанного калмыцкого посланца я от себя отправил. И к в. и. в. о верности нашей донесет Мамет-мурза Тевкелев, которой обо всем довольно известен. А я до искончания жизни моей в. и. в. в верности пребывать обещаю. И ежели за продерзости калмыцкого владельца Доржу указом в. и. в. повелено будет нам на него итти, то по получении от в. и. в. указу сею осенью того часу со всем войском моим пойдем. А сего посланного моего вскоре ко мне отправить повелите. А ежели от в. и. в. на них, калмыков, нам итти повеления не будет, то мы не пойдем.

Писано 1144 г., 1732 г., месяца зилхиджея 8-го дня, майя в 21-й день.

Позади того листа чернильная печать, в которой изображено имя его, Абулхаир-хана.

Переводил Мустафа Турченинов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1732 г. Д. 1. Л. 164 а – 164 б. Перевод XVIII в. Копия перевода – там же. Л. 160–161. Опубл.: КРО-1. Док. № 36. С. 88.

№ 28

1733 г., марта 1⁴¹. – Императрице Анне Иоанновне

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица и самодержица все-российская, и от Востока до Запада обладающая, и всемилостивейшая государыня наша, припадающая к высочайшим стопам, всеподданнейше рабски доношу, что понеже в прошлом 1731 г. отправленной от в. и. в. высокоповелительной указ с Маметом Тевкелевым я получил, и что во оном указе изображено было, известно мне учинилось. И по указу в. и. в. упомянутой переводчик Мамет Тевкелев и словесно обо всем мне предложил, и по его предложению, я, нижайший раб, Абулхаир-хан, со всем киргис-кайсацким войском моим о бытии в подданстве у в. и. в. за благо приняли и в подданство пришли, о чем и в 1732 г. к в. и. в. посланца своего Бака-батыря отправил, и ныне, припадая к высочайшим стопам и потирая лицом моим стопы в. и. в., всемилостивейшей государыни нашей, всенижайше и покорно доношу, что по силе отправленной с Бака-батырем присяги и пунктов наших в. и. в. обещанные в ясак лисицы и корсаки сего году с переводчиком Маметом Тевкелевым отправить не могли, затем что народ наш подобно диким зверям, к тому же калмыцкой владелец Лобжа их, кайсаков, весьма возмущал, и для того оной киргиз-кайсацкой народ наш мне противны были и на две партии разделились. А я, нижайши[й] раб, с своею партией от них отделился, на что и посланник ваш Мамет Тевкелев свидетель. А впредь вышеписанные лисицы и корсаки отправлены будут. А ежели же на устье реки Орь крепость сделать повелите, то и все вышеписанные противники, подобно зверям, усмирятся, а я до конца жизни и последней капли крови и по должности присяги моей, по указам в. и. в. во всем исполнение чинить обяуюсь, и ни в чем противен не буду. Також, припадая к стопам и потирая слезами моими стопы в. и. в., всемилостивейшей государыни нашей, всепокорно доношу, что послушные подданные киргис-кайсаки мои в. и. в. в подданство пришли, из которых знатной фамилии добрых людей с посланцами Маметом Тевкелевым отправлены. А непослушные глупые народы и поныне со мною противятся, ибо которых я к себе пригласить не могу, того ради дабы я, нижайши[й], по высокой милости оставлен не был. А вышеписанные дела и верность мою к в. и. в. посланец ваш

⁴¹ Дата получения.

Мамет Тевкелев обо всем известен и действительно засвидетельствовать может, и все дела мои вначале предаю в волю всемогущего бога, а потом вручаю в. и. в.. Ежели же как от бога, так и от в. и. в. мне никакого защищения не будет, то более ни от кого уже я надежды не имею.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1733 г. Д. 1. Л. 140–143. Перевод XVIII в. Опубл.: КРО-1. Док. № 41. С. 97–98.

№ 29

1733 г., марта 1⁴². – Императрице Анне Иоанновне

Во имя всевышшаго бога и всещедрого.

Всепресветлейшая державнейшая и всемилостивейшая великая государыня императрица. Припадая к стопам вашего величества, всенижайше и покорно доношу, что в 1731 г. по указу в. и. в. прибыл ко мне, нижайшему рабу, для принятия меня в подданство в. и. в. посланник Мамет-мурза Тевкелев. И по прибытии ево ко мне, нижайшему рабу, по общему согласию в. и. в. в принадлежащих делах всемилостивейшей государыни нашей отправил я, нижайший раб, со всенижайшим прошением о всех нужнейших делах моих сына своего Ерали-султана, Чадикбая и Тевелбай-мурзу. И о чем в. и. в. они просить будут, всепокорнейше прошу в. и. в. явить над ними всякую милость, понеже во всех прошениях моих от меня им приказано. И всепокорнейше прошу в. и. в. оного сына моего Ерали-султана, Чадикбая и Тевелбая-мурзу немедленно паки их сюда отправить повелите, ибо по прибытии их сюда дела мои скоро окончатся могут, а противники усмирятся. При сыне же моем отправил я брата своего Ниязсултана [1]. С ним, Тевкелевым, вместе старание свое приложили, а ныне большая часть народу моего по-прежнему противятся, а доброжелательныя народы их от того супротивления унять не могут, того ради покорно прошу в. и. в. милостливо повелеть паки к нам отправить вышеписанного Тевкелева, ибо вначале предаю я себя на всевышшаго бога, а потом в волю и повеление в. и. в. А помянутой Тевкелев дела наши поправить может, понеже он киргискайсацкой язык, и здешное состояние, и обычей знает, и по силе того в делах поступать и тех безумных противников в состояние привести может. А ежели кроме ево, Тевкелева, хотя и знатная персона к нам прислана будет, наших киргискайсацких народов, яко диких зверей, обычей познать и в состояние их привести не может, а потом та противная партия наивяще мне неприятели быть могут. Для того покорно прошу в. и. в. дабы вышеупомянутого Тевкелева милостиво повелеть отправить на устье реки Орь для строения тамо крепости хотя с 2000 человек людьми, понеже он о киргискайсацком обычии и поведении довольно известен.

А брат мой Шамяки-хан [2] в. и. в. противится и с Среднею ордою соединился, а я ево в состояние привести не могу, о чем и в. и. в. известно, всепокорно прошу на меня в том не гневаться.

Писано 1733 г. С сим листом посланца Акмурзу отправил.

Позади того листа чернильная печать, в которой изображено имя ево.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1733 г. Д. 1. Л. 144–145 об. Перевод XVIII в. Опубл.: КРО-1. Док. № 42. С. 98–99.

№ 30

1734 г., февраля 26⁴³. – Императрице Анне Иоанновне

Перевод с листа к е. и. в. Киргискайсацкой орды Эбулхаир-хана, который подан г-ну вице-канцлеру графу Андрей Ивановичу Остерману чрез сына его Эрали-салтана февраля в 26-й [день] 1734 г.

⁴² Дата получения.

⁴³ Дата получения.

Во имя всевышнего бога и всещедрого.

Всепресветлейшая державнейшая и всемилостивейшая великая государыня императрица. Припадая к стопам вашего величества, всенижайше и покорно доношу, что в 1731 г. по указу в. и. в. прислан был ко мне, нижайшему рабу, для принятия меня в подданство в. и. в. посланник Мамет-мурза Тефкелев и по прибытии его ко мне, нижайшему рабу, на общем согласии в принадлежащих делах в. и. в. с ним вместе старание свое приложили. А небольшая часть народа моего по-прежнему противится, а доброжелательные народы их от этого супротивления унять не могут, того ради покорно прошу в. и. в. милостиво повелеть и направить вышеписанного Тефкелева, ибо в начале предал я себя на всевышнего бога, а потом в волю и повеление в. и. в. А помянутый Тефкелев дела наши поправить может, понеже он киргис-кайсацкий язык и здешнего состояния обычаи знает и по силе того в делах поступать и тех безумных противников в состояние привести может; а ежели кроме его, Тефкелева, хотя и знатная персона прислана будет, и наших киргис-кайсацких народов, яко диких зверей, обычаи познать и в состояние их привести не может, а потом противная партия наивяще неприятели мне быть могут. Для того покорно прошу в. и. в., дабы вышеупомянутого Тефкелева милостиво повелеть отправить на устье реки Орь для строения крепости хотя с двумя тысячей человек, понеже он киргис-кайсацкой обычаи и поведение довольно знает. А брат мой Шемяка-хан в. и. в. противится и с Средней ордой он соединился, а я его в состояние привести не могу, о чем и в. и. в. известно, всепокорно прошу на меня в том не гневаться.

Писано 1733 г., [декабрь].

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1734 г. Д. 3. Л. 26–27. Перевод XVIII в. Опубл.: МИПСК. Док. № 1. С. 20–21.

№ 31

1734 г., сентября 29⁴⁴. – Императрице Анне Иоанновне

В листу к е. и. в. всемилостивейшей государыне императрице, Киргис-кайсацкой орды от Абулхаир-хана, полученном в Нижнем Новгороде сентября в 29-й день 1734 г. чрез посланца ево.

Всемилоостивейшая и в свете славнейшея великая государыня наша императрица всея российская и протчих многих земель обладательница.

Вашего императорского величества, всемилостивейшей государыни нашей мы, подданные Киргиз-кайсацкой орды Абулхаир-хан, и старшина, и все киргиз-кайсацкое войско, со всяким нашим усердием желаем всегда вначале в. и. в., всемилостивейшей государыне нашей, долголетнего здравия и нерушимого щастия и надо всеми неприятелями всегда быть победительницею. А мы в. и. в. по нашей присяжной должности, как при мурзе Тевкелеве были верны, и ныне в той верности и в добром состоянии состоим неотменно.

И в. и. в., всемилостивейшей государыни нашей, высочайшею протекцией мы награждены, и ныне всемилостивейшею повелительною грамоту мы, рабы в. и. в., всемилостивейше снабдены и, получа оную всемилостивейшую в. и. в. грамоту, неизреченно обрадовались. Токмо ныне в. и. в., всемилостивейшей государыне нашей, за такое высочайшее неизреченное к нам, рабам в. и. в., милосердие возблагодарения принести по должности нашей ко услужению ничего не могли. Как в. и. в., всемилостивейшей государыне нашей, известно, нашего народа дикого и неабузданного в скором времени в состояние и в послушание всех привести никак невозможно, того ради имеем себе от в. и. в., всемилостивейшей государыни нашей, великой стыд, таже-де затем по обещанию нашему и по обязательству лисиц и корсаков в платеже в. и. в. услужить не могли. И некоторые киргиз-кайсацкие неприятели меня нарекали тем,

⁴⁴ Дата получения письма в Нижнем Новгороде.

что сын мой Эрали-салтан и брат мой Нияз-салтан и протчие кайсацкие старшина, якобы они в России одержаны и в Казачию орду возвращены не будут. А как приехали к нам в. и. в. со всемилостивейшею грамотою касаченин Татлымбет-батырь и Байбек, да башкирцы Коджаш Рахманкулов, Сеит Ераткулов, Бихчеюра Тютеев, что как сын мой, так и протчие в. и. в. высочайшим милосердием награждены и во всяком удовольствии находятся; и такую высочайшую в. и. в. милость слыша, вся Киргиз-кайсацкая орда обрадовалися. Того ради всеподданнейше прошу в. и. в., всемилостивейшей государыни нашей, ежели б по всемилостивейшему указу в. и. в. повелено было при устье Орь-реки построить город, то б я, Абулхаир-хан, всех противников наших в состояние и тишину и твердых подданных их учинить мог. При сем отправил я, Абулхаир-хан, к в. и. в., всемилостивейшей государыне нашей, посланником племянника моего Клыч-Мохамбет-Богадур-салтана [1] да ходжи Мохомбетя [2] и из разных родов старшин. Того ради в. и. в. всеподданнейше прошу по прибытии оногo моего племянника к в. и. в. милостиво указать возвратно отправить ко мне сына моего и брата и с протчими их старшинами, чтоб то видя противники могли успокоитца.

В листу печать чернильная, в которой изображено имя Абулхаир-хана.

Переводил переводчик Роман Уразлин [и в том] руку приложил.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1734 г. Д. 8. Л. 3–4. Перевод XVIII в. Копия перевода – там же. Л. 7–8.

№ 32

1734 г., сентября 29⁴⁵. – Императрице Анне Иоанновне

Лист к е. и. в. от киргиз-кайсацкого Абулхаир-хана, полученной в Нижнем Новгороде сентября в 29-й день 1734 г. чрез посланца ево, хана.

Всемилоостивейшая державнейшая и в свете славнейшая великая государыня наша, императрица всероссийская и протчих многих земель обладательница.

Вашего императорского величества, всемилостивейшей государыни нашей, мы, подданные Киргиз-кайсацкой орды Абулхаир-хан, и старшина, и все киргиз-кайсацкое войско, в. и. в. всемилостивейшею грамотою всеподданнейше мы получили, в которой написано, что не токмо нашего киргиз-кайсацкого народа многие непостоянные поступки при высочайшем дворе в. и. в. упоминались, но сын мой Эрали-солтан и брат мой Нияз-солтан с киргиз-кайсацкими старшинами к величайшим стопам в. и. в. всемилостивейше допущены и обретаютца во всяком довольстве. И несмотря нашего народа непостоянство, такая высокая в. и. в. милость как сыну моему, и брату, и всем киргиз-кайсацким старшинам показана, и все вины наши всемилостивейше отпущены. И я, Абулхаир-хан, и вся Киргиз-кайсацкая орда оную неизреченную в. и. в. милость, слыша, обрадовалися. И за такое в. и. в. к нам милосердие, мы, рабы в. и. в., денно и ночью, не щадя живота своего, служить должны. А что в прошлых годах по пришествии в подданство наши некоторые киргиз-кайсацкие лехкомышленные люди ограбили российской купеческой караван, такожде и ныне некоторых плутов унять не можем, а как построен будет город в то время можно всех унять и успокоить. Того ради в. и. в. всеподданнейше просим: оным лехкомышленным, которые ограбили российской купеческой караван, вину всемилостивейше отпустить; а ежели указом в. и. в. нам повелено будет куды в службу итти, и мы по своей подданической должности всеусердно служить желаем. А что мы прежде сего подписали платить лисиц и корсаков, ныне ко отправлению управиться не могли [и] просим, чтоб оно нам в вину причтено не было. А в протчих делах обо всем я объявлял мурзе Тевкелеву, а присланных от в. и. в. башкирцов Коджаша с товарищи я ныне удержал, для того, что с ними отправлю Средней орды посланцов. При сем отправил я гонцами Котур-батыря, Чанбек-батыря, Чомет-батыря, Норумбет-батыря, а протчих посланцов отправил з башкирцом Кочашем. Я, Абулхаир-хан, приложил свою печать.

⁴⁵ Дата получения письма в Нижнем Новгороде.

Печать чернильная, в которой изображено имя Абулхаир-хана тако: Ходжи-солтанов сын Абулхаир-хан.

Переводил переводчик Роман Уразлин [и в том] руку приложил.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1734 г. Д. 8. Л. 1–2. Перевод XVIII в. Копия с копии перевода – там же. Л. 5–6.

№ 33

1734 г., ноября 12⁴⁶. – Императрице Анне Иоанновне

Перевод с листа к е. и. в. от киргиз-кайсацкого Абулхаир-хана, полученного в Санкт-Петербурге при доношении штатского советника г-на Кирилова да полковника г-на Тевкелева ноября в 12-й день 1734 г.

Всепресветлейшая державнейшая славно государствующая и самодержица всероссийская и протч., и протч., и протч.

Понеже мы, Киргиз-казацкой орды Абулхаир-хан и старшина и со всем киргиз-кайсацким войском, пребывая в подданстве в. и. в., от вас, великой государыни, в. и. в. всемилостивейшею грамоту, к нам присланную, мы получили. В которой грамоте хотя как о противных поступках наших, так и всего народа нашего написано было, но по прибытии к высочайшему трону в. и. в. сына моего Ерали-салтана да Нияз-салтана и при них несколько старшин, ваше в. и. в., яко всемилостивейшая государыня, не точию в вине нашей прощением нас снабдить повелели, но оные и высокою милостию награждены, о чем слыша, как я, Абулхаир-хан, так и старшина и все киргиз-кайсацкое войско, обрадовались, за что денно и ночью в. и. в. не щадя живота своего служить готовы.

Во время приезде сюда от в. и. в. Мамета-мурзы Тевкелева отправленного в Хиву и в Бухары полковника Гарбера [1] наши глупые киргис-казаки, яко непостоянные наруша свою присягу, в пути ево ограбили и много товаров у него отняли, о которых глупых народах и о противных их поступках, о отпущении их погрешений вас, всепросветлейшею и державнейшею великую государыню, прошу.

В нынешния времена всех касаков безумных ниже усмирить я не могу, которые приезжим купцам и послам обиды показывают. И дабы для таких безумных народов ваше величество на меня гневу не имели, как скоро город построен будет, тогда я их усмирить могу. А прежде всего в отправленном листу моем обо всем без остатку пространно написано, також и о нашем поведении обо всем обстоятельно Мамет-мурза Тевкелев известен. И какую службу вы, великая государыня, нам подданным киргис-казацкому войску, повелите, за благо приняв, по оному поступать будем. А что пред сим писал я о посылке лисиц и корсаков, которых за неимением и поныне отправить не мог. Прошу не иметь в том на меня гневу. А для отправления из Средней орды посланцов прибывшаго сюда Кочаша и Бекчуру здесь я удержал, а сей лист послал я [с] Котур-батырем, Жинбас-батырем да с Чолумбет-батырем и Чапкуном, з другими посланцами Нарумбая, с оставшимся здесь Кочашем отправил.

Я, Абулхаир-хан, к сему листу печать свою приложил, в которой изображено тако: Абулхаир-хан.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1734 г. Д. 4. Л. 103–104 об. Перевод XVIII в. Копия.

⁴⁶ Дата получения.

№ 34

1734 г., ноября 12⁴⁷. – Императрице Анне Иоанновне

Перевод с листа к е. и. в. от киргис-казацкого Абулхаир-хана, полученного в Санкт-Петербурге при доношении штатского советника г-на Кирилова да полковника г-на Тевкелева ноября в 12-й [день] 1734 г.

Всепресветлейшая державнейшая и славно государствующая великая государыня императрица и самодержица всероссийская и проч., и проч., и проч.

Понеже мы, киргис-казацкой Абулхаир-хан, старшина и все киргис-казацкое войско вам, великой государыне, в. и. в., по должности и присяге нашей по возможности нашей со всяким усердием и верностию служить, как обещались, в коем состоим. И сверх того, с того времени, как в бытность у нас Мамет-мурзы Тевкелева, вам, великой государыне, в. и. в., мы в подданство пришли, желая вашему величеству многолетнего здравия и благополучного государствования и над всеми неприятельми вашими побеждения высокой вашей им славы. По приезде к нам Маметя-мурзы Тевкелева видим от вашего величества всемилостивейше грамоту и многое жалованье, того для всему в радости пребываем. Токмо вам, великой государыне, в. и. в., я, Абулхаир-хан, ни в чем услужить не мог, ибо киргис-кайсацкие глупые народы указу моего не слушают, и в том я пред в. и. в. в стыду нахожуся; и что в прошлом году о посылке к вашему величеству лисиц и корсаков хотя я и писал было, но за неимением оных отправить не мог, и в том також-де стыжусь.

От Киргиз-кайсацкой орды народы роптали на меня, Абулхаир-хана, что отправленной сын мой Ерали-салтан, Нияз-салтан и при них имеющиеся старшины уже третьей год как отсюда отъехали, а назад не возвратились. И между тем от в. и. в. к нам с отправленною милостивейшею грамотою подданной наш Татлымбет-батыр з Байбеком да башкирцы Кочаш Рахманкулов, Сеит Яраткулов, Бекчора Тунтаев к нам з добрыми вестями приезжали, чему все киргис-кайсацкие народы обрадовались.

А ныне вам, всемилостивейшей великой государыне, в. и. в., всенижайше доношу, ежели, показуя над нами высочайшую свою милость, повелит при устье реки Орь город построить, тогда я глупых киргис-казацких народов в подданство в. и. в. привести могу.

1143 г., месяца ребиат-эввеля 2-го дня.

Я, Абулхаир-хан, брата своего меньшаго Кылыч-Махомет-Багадыр-салтана с ходжа Махометом и при них из каждого роду знатных старшин, определя их посланцами, отправил. И дабы оные посланцы к вам, всемилостивейшей великой государыне, допущены были, а сына моего и брата, и при них пребывающих старшин сюда возвратно отпустить повелит-де, и для утишения сих глупых народов, чтобы посланцы завсегда ездили.

Я, Абулхаир-хан, к сему листу печать свою приложил, в которой изображено тако: Абулхаир-хан.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1734 г. Д. 4. Л. 105–107. Перевод XVIII в. Опубл.: КРО-1. Док. № 57. С. 121–122.

№ 35

1734 г. – Переводчику Коллегии иностранных дел А.И. Тевкелеву

Перевод с письма Киргис-кайсацкой орды от Абулхаир-хана Государственной коллегии иностранных дел переводчику Маметю Тевкелеву.

Во имя всемогущего бога от дальнего ростояния ближним сердцем Маметю-мурзе чрез сие объявляю, что каракалпатцкой главной духовной Мурат Шехер Азизля и вся Каракалпат-

⁴⁷ Дата получения.

цкая орда в подданстве е. и. в. живут во всякой верности, так как были в бытность вашу, и ни в чем себя не отменяют. Також-де пришел е. и. в. в подданство аральского народу Шайтемир-хан. А хивинские трухменцы к себе наших для торгу не допускали и караванов наших розбивали. А бухарской Абюлфеиз-хан нашим купеческим караванам обид никаких чинить не велел и с нами в дружеском согласи находитца. А с Хивою имеем войну, желаем достать главных управителей Хивинской земли 24-х человек министрев. А с Шайтемир-ханом каракалпаки две партии у них, хивинцев, выиграли. Да чрез сие ж покорно просим всемилостивейшую государыню, чтоб по своей высочайшей императорской милости пожаловала б, указала освободить каракалпацкого одного человека, называемого Палвана, и пожаловала б милостиво, указала отправить к нам войско, чтоб иттить нам с войною на них, хивинцов. И я, Мухаметь-Багатырь-хан, которой розбил полковника Гарбера, покорно прошу вас донести е. и. в., что желаю быть в подданство е. и. в. до искончания моей жизни во всякой верности, токмо ныне остался между хивинцами и уртаюзцами в великом зазоре. Однако ж, пожалуй, мурза, успокой нас.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1733–1734 гг. Д. 3. Л. 18–19 об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 36 об. – 37.

№ 36

1736 г., октября 20⁴⁸. – Начальнику Оренбургской экспедиции статскому советнику И.К. Кирилову

Ея императорского величества милостивым указом присланным истинным другом и милостивым Ивану Кириловичу и Алексею Ивановичу⁴⁹ многое челобитье, вы тамо здоровы, а мы по милости е. и. в. здесь здоровы.

Доношу вашему пр-ву: по приказу вашему чрез Нурмухамметя [1] и купцы наши поехали было, и услышав об вас, многие возвратились назад. А [с] сим Нурмухамметем посылал по городам е. и. в. [с] торгом, что при них имеется, для своей верности, чтобы в славе нам стать. Для того обещались было в прошлом году, чтоб быть у нас торгу, а я е. и. в. в верном подданстве, а вам, моим государем, меньшей брат. А между нашим братством и посланных наших купцов пошлины не изволили бы приказать взять. Для того у нас в Ташкенте ни с какого купца пошлин не беретца. С сих ташкентцов ежели пошлин не возьмут, китайцы и индейцы, и бухарцы, и мешедцы изо всех краев будут торговать.

Всепокорно прошу у вас, милостивого государя, большого брата Ивана Кириловича, вышеписанные мои речи высмотря, для братска любви милость показать и прозьбу мою, меньшого брата, не оставить.

Печать приложена ханская.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1736 г. Д. 2. Л. 12 и об. Перевод XVIII в. Опубл.: КРО-1. Док. № 61. С. 125.

№ 37

1737 г., июня 6⁵⁰. – Начальнику Оренбургской комиссии тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву

Перевод с писем от Абулхаир-хана, полученных июня 6-го 1737 г.

1. Начинаю именем господним генералу, мурзе от меня поздравление. Потом объявляю вам, что вы, генерал и мурза, ваши слова я помню и вы мои слова, надеюсь, помните, а ко-

⁴⁸ Дата получения.

⁴⁹ И.К. Кирилову и А.И. Тевкелеву. (Прим. ред. КРО-1).

⁵⁰ Дата получения.

торые приезжать и отъезжать будут без указа, их не отпускать и без моего совету, и хотел я отправить ис трех родов по одному человеку с Кубеком [1] и Байбеком [2], токмо как малых робят не могу приучить. А что Кубек и Байбек отправлением отсель продолжились, и оное учинилося от препятствей хивинских и каракалпацких, ибо они на меня войну поднели за то, что я нашол государыню, однако бог мне помог, и я их победил и привел в свое покорение.

На другой странице бес печати приписано:

Джурган и Сююр с товарищи четыре человека слышим, что они живы, покорно просим над ними милосердие показать.

2. Начинаю имянем господним, е. и. в. указом, что нам повелено, не можем пременить, но будем исполнять и протчия дела, как увидимся, можем с помощью божиею окончать.

Генерал и мурза, желаю добраго здравия и благополучного пребывания.

Внизу печать такая ж.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 573 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 38

1737 г., июня 25. – Полковнику А.И. Тевкелеву

Кайсацкой Средней и Меншей орды Абулгаир-хан вам, высокоблагородному и почтенному г-ну мурзе и полковнику Алексею Ивановичу, я в прежнем своем слове верно стою.

Вашего высокоблагородия прошу, которые имеютца в России в плене наши кайсаки, чтоб от вашего высокоблагородия собраны были и присланы к нам в Кайсачью орду. Уведомился я чрез наших кайсаков, что у вас в России имеетца Амметей, Тарабердей-батыря сын, которой живет в Санкт-Петербурге у его превосходительства г-на Остерюмана [1] и что оного кайсака Амметей у его превосходительства извольте выпросить и прислать к нам в Кайсачью орду, в чем на ваше высокоблагородие надежду имею.

На подлинном письме приложена печать ево, Абулгаир-хана.

Июня 25-го числа 1737 г.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 749. Перевод XVIII в. Копия.

№ 39

1737 г., июня 25⁵¹. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву

Господам генералу и мурзе многое челобитье, после того объявляю. Я, Абулхаир-хан, по слову мурзину в Ылицком займище жил три месяца для пользы государственной, понеже е. и. в. – всероссийская государыня, а я хотя и мусюлманского народа был царем, однако по словам мурзы, е. и. в. любя и меньшим братом себя признавая и услугу свою показуя, на острове реки Яика жил три месяца. И ныне, чтоб и государыня, по твоим же словам, на острове же Волги-реки хотя бы три ночи ночевала, то б я благодарен был. И меня зделал лживым и у нашего народа в стыду, и говаривал мурза, что государевой казны не окончим, да Байбек и Мамет мне объявляли, бутто бы в Оренбург [1] пришло казны сто телег для жалования е. и. в. нам. И я думал, что мурза в том имеет силу для роздачи нам, и я в слове своем устоял и в Оренбург приехал, а мурза в слове своем не устоял, и говаривал же мне мурза, что е. и. в. мне как надлежит рабу служить. А в Оренбурге с времени третьей зимы, упоминает Рахмангул [2], Раман Уразлин [3] ел маслены булки, а мой сын – скотские ноги и едва (з голоду) не умер. И приехали башкирцы, дали ему для пици лошадей и тем от голоду избавился, а тогда

⁵¹Дата получения.

надлежащее ему жалованье не давано, которое и поныне не выдано, для чего послан был к вам Калий. И ныне в том не погневайтесь, а я послал к вам Кара-батыря да Уметея Бекбулатова, хотя он молод, но послан за старшого, чтоб, поговоря с вами, возвратились и прошу оных в скорости возвратить; а буде скоро не пришлете, то я стану пенять. Оные ж посланные посланы до Оренбурга для скорости на шести лошадях, а буде у них лошади ослабеют, то вы отдайте из моих шесть лошадей.

На подлинных письмах чернильные печати, в которых изображено белыми татарскими литерами имя Абулхаир-хана.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 1164 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 40

1737 г., июня 25⁵². – Полковнику А.И. Тевкелеву

Перевод с писем, которые получены 29 ноября 1737 г. в Самаре чрез присланных Меньшой орды от Абулхаир-хана Кара-батыря [1] с товарищем, в них по переводу написано.

Ея величеству всемилостивейшей государыне низжайше объявляю: е. и. в. желая всякие службы служить на конь сел и еду для разорения воров башкирцов и кто из них в верности и в противность, тех объявлять буду, е. и. в. служа. Дождая мурзу, при Оренбурге три месяца жил, и я в своем слове стал, и е. и. в. большим, а я меньшим братом был, токмо мурза в Оренбург не приехал. А я в пятнатцати человеках при городе Оренбурге на поле, а сын мой внутрь города жили, и в то время мне никакого почтения не было, а мурза объявлял, что он болен и ехать не может. А ныне-де уже ты выздоровел, на что меня к себе зовешь, ведь ты и не государь, великая всероссийская государыня тебя прислала мне служить и в чем мне случится нужда, чтоб ты меня награждал. А е. и. в. любя, указы исполняю, а ты не исполнил, хотя ты меня почесть не хотел, ты б почтил е. и. в. повеление, и кроме хана Дюкара (т. е. турецкого салтана) мусюльманского народа [2] я дела всех было на себя снял. И ежели бы ты объявил мне, е. и. в. кто погрешил, и когда бы ты с генералом приехал (в Оренбург), я тебе, что погрешил, представил. А на Сибирскую дорогу, что было нужды тебе ехать и для чего ты туда ездил, и много государевой казны истерялось. А ты отправлен был для приведения в состояние города Оренбурга, чтоб распространил купечество; и ты не для воевания отправлен; а ежели которые погрешили можно бы их наказать и тебе бы самому туда ехать не надобно. Которые при тебе приезжали в Кайсачью орду четыре человека Алдаровых свойственников, и из них Кутлуоловых и Бековых детей крестили и они очень плачутся.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 1164. Перевод XVIII в. Копия.

№ 41

1737 г., июня 30⁵³. – Императрице Анне Иоанновне

1737 г., июня 30-го дня в присланном письме киргис-кайсацких орд от Абулхаир-хана по переводе ахуна Мансура Абдрахманова написано.

Всепресветлейшей державнейшей государыне императрице Анне Иоанновне челобитье.

И доношу в. и. в., как я от полковника мурзы Тевкелева преж сего ваши указы получил, в том и поныне состою неотменно. А нынче полковнику мурзе Тевкелеву какие е. и. в. указы были, и он их знает, то по оным надобно сделать. А прежде сего от всемилостивой государыни был указ, что которыя имеютца в России наши киргис-кайсаки в полону, и тех всех нам отпу-

⁵² Дата получения.

⁵³ Дата получения

стить, о чем и ныне прошу, пожалуйста отпустите. А есть в Азове Чанайны, Бузнев сын, главной и другие с ним полоненики, которых пришлите к Эрали-салтану, а есче есть в Питербурге, Аптай, Танрибердеев сын, и других пожалуйста отдайте. Тако ж в Астрахани и около Саратова – Айдапшас главным, а в Астрахане-городе – Майнланай, Инчидяев сын; да в Тобольске – Шаймурза главной, и всех выше писанных, которые есть, дабы прислать к Эрали-салтану. А которые имеются у нас русские люди в Большой, в Средней и Меньшей киргис-кайсацких ордах в полону, и тех мы всех зберем и отдадим, а в том сумнения не имейте, чтоб я их не отдал. Также, всемиловитая государыня, прикажи Сенирбая Акмурзина отдать, Бекбердея и отпустить. А послал я посланника Байбека да косчей ево Тюгулбая, от Средней орды Чемантая, от Меньшей орды Ислямгула, да косчей с ним Айбаша да Кувандыка от Байбека, чтоб не оставили. А ныне наши юрты все по одно слову заедино стоят, а о протчем о всем извольте на словах Байбека спросить, а Клыч-салтана с товарысчи немедленно отпустить, а которые у нас дела не готовы были, и те ныне все зделаны, из юрт все единое слово.

Писал письмо Абылмахмет по приказу Абулхаир-хана.

З подлинным переводил ахун Мансур Абдрахманов и по-татарски подписался.

Канцелярист Сергей Неклюдов.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 748 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 42

1737 г., августа 20⁵⁴. – Полковнику А.И. Тевкелеву

Перевод с татарского письма, писанного от Абулхаир-хана к полковнику Тевкелеву, которое получено чрез присланных от одного Абулхаир-хана киргисцов Араслана и Кареичи[и] 20 августа 1737 г.

Благородному и почтенному г-ну мурзе желаем вам доброго здравия и благополучного пребывания. Больше сего пространно писать ничего не имеем, ради бога как возможно поскорая в Оренбург приезжай для того, что наш народ, смотря на возмущение воров, на худобу размышляет, а без вас ничего поправить я один не могу; как возможно поспешай, хорошо кабы до отъезду со мною увиделся, понеже народ мой не очень меня слушают и не верят тому, что ты жив. Того ради принужден был я наскоро к вам послать Букенбай-батырева брата Араслана и служителя своего Карчигу с сим известием, чтоб вы поскорая приехали, пока мы не откочуем от реки Орь, извольте сим моим словам верить, а посланных моих извольте поскорее ко мне отправить.

При письме печать Абулхаир-хана.

Пониже писано тако: табинского роду Букенбай-батырь [1] писал [и руку] приложил.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 908. Перевод XVIII в. Копия.

№ 43

1737 г., сентября 1⁵⁵. – Тайному советнику В.Н. Татищеву

По всемиловитейшему е. и. в. указу определенному его пр-ву, г-ну генералу, от меня, Абулхаир-хана, нижайшей поклон.

Вашему превосходительству всепокорнейше доношу, что от вашего пр-ва писано было ко мне о поимании бунтовщика башкирца Салтан-Мурата [1] и о присылке в российские

⁵⁴Дата получения.

⁵⁵Дата получения.

города под караулом. А оной вор у меня никогда не бывал, только слышно было мне, что оной плут приезжал с товарищи Средней орды к салтанам Абулмаметю и к Бараку, от которых ушел он обратно к уральским башкирцам, а взятых в плен русских людей отправили прежде сего 22 человека, а достальных имеющихся в Средней орде числом мало, оные были намерены отдать, но токмо за плутовства воровских башкирцов оставлены. А о взятых же калмык у нас в орде говорят, что-де оные калмыки сами бесперестанно отгоняют лошадей и людей побивают, ныне же недавно отогнали 2040 лошадей и на которых показывают их же калмыки полоненные, что-де их перевозят для отгону лошадей чрез Волгу обретающиеся по Волге-реке русские люди и плату берут лошадми. Хотя мне не так имоверно, однако ж народу нашему небезобидно и многие говорят, что какая ж де нам польза в приходе нашем в подданство е. и. в. А по учиненной моей с мурзою присяжной должности состою во всякой верности и в предложенных с ними словах моих держусь безотлагательно, в чем и богу известно, а что мурза по се число не бывал, и то нам было не безсумнительно; к тому же воры-башкирцы разглашали, якобы мурза поехал в конташи требовать войско для разорения нас, киргисцов, и будто побит башкирцом Таймасом [2]. По которым не точию другим, но и мы было поверили, не чаели его вживе. А меня называют киргисцы лживым ханом и мало слушают; пока с мурзою не увижусь или не возьмет в Оренбургскую крепость, то я не могу над ними ничего собою учинить и ни по каким образом их, диких людей, удерживать невозможно. Однако ж больше удержал их обманом, приездом в скором числе мурзы Тевкелева, которые и поныне ожидаясь ево перекочуют по Уелу, и по Илеку, и по Оре рекам. И оные жены их и дети весьма желают с мурзою видетца, но больше уже поверили, что мурза вживе по прибытии посланного от вашего пр-ва переводчика Романа Уразлина с купеческим караваном, чему и весьма обрадовались; хотя б ему, однако ж, бог повелел с нашими людьми разговор иметь, то, конечно, будут верить и отдадутся вовсе в мою волю, и не точию киргисских орд, но и других бы моселманских городов счастием е. и. в. А по присланным ко мне письмам не могу ничего услужить, а как господь бог приведет мурзу Тевкелева, то б я мог конечно достойно услужить, а ежели ево не будет, то бы не учинилась какая конфузия.

Внизу печать чернильная, в которой написано: Абулгаир-Багатыр-хан, Хаджи-Салтанов сын.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 766–767. Перевод XVIII в. Копия.

№ 44

1737 г., сентября 6⁵⁶. – Коменданту Оренбургской крепости⁵⁷ подполковнику Б.Л. Останкову

Я, Абулхаир-хан, имеюсчемоуся в Оренбурге по указу е. и. в. г-ну Борису Лукичу и господам капитанам и афицерам ведомость посылаю.

Благодарен вами, что которыя вчерашняго дня были у вас от меня старшины и батыри Тюлябай [1] с товарищи, что вы их во всем как словами, так и питьем удовольствовали, а паче, что их всех подарили порядочно, о чем и впредь прошу, ежели которыя нашей всемиловичейшей государыне в подданство пришли и будут приезжать к вам, с теми поступал также, дабы которыя хотя ныне имеются и худы и те, на них смотря, в постояанство приходили. И как ты, г-н подполковник, служишь е. и. в. верно, так и я по пришествия моем в подданство к е. и. в. состою в надлежащей своей верности, того ради к вам к городу я приехал, о чем извольте ведать, а когда г-н генерал и мурза в Оренбург придут, тогда и я за ваше к нам ласковое приятство благодарить буду. И я к вам к городу приехал, и стою дней много, и от себя к вам посылал главных старшин и батырей, а от вас ко мне для встречи из главных никто не бывал;

⁵⁶ Дата получения.

⁵⁷ С 20 августа 1739 г. – Орская крепость.

и хотя по указу е. и. в. мне в городе быть и тебе, г-ну подполковнику, ко мне приехать невозможно, однако ж бы и афицеров ко мне надобно приехать и повидатца. И ты имеешь в городе, а я имеюсь за городом, но у нас с тобою в верности к е. и. в. надобно иметь одно сердце.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 763 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 45

1737г., сентября 6⁵⁸. – Подполковнику Б.Л. Останкову

Я, Абулхаир-хан, г-ну подполковнику Борису Лукичу челом бью.

Приехал я к вам ныне к городу, что уже мне ныне от киргис-кайсаков невозможно более в ордах жить. Да еще вам ведомость объявляю, что приехали ныне башкирцы Имангул с товарищи к Бараку-салтану да х Кучаку-батырю и просят к себе салтана, и вы, дескать, мусюлмане и мы также; то надобно-де нам между собою иметь одно сердце, а ныне-де русские люди нас всех разорили, а потом-де и вас разорят; и они-де, русские, у Абулхаир-хана взяли сына, а нас всех разоряют, и вы, дескать, Барак-салтан, пошлите своих людей с нами и нас вели им в свою орду проводить. Да еще к Шумаметю [1] приехало башкирцов десять человек и две бабы полонянок в подарки привезли, да к Женыбек-батырю [2] двух же полонянок привезли, а и к другим знатым людем привезли немало полоненников.

Помета: Из Самары, сентября 6-го 1737 г.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 763 об. – 764. Перевод XVIII в. Копия.

№ 46

1737 г., октября 1⁵⁹. – Полковнику А.И. Тевкелеву

Перевод с татарских писем, которые получены чрез яицкого казака Мансура Асанова октября 1-го 1837 г. в Сакмарске [1], в них по переводу написано.

В первом

Высокоблагородному и высокопочтенному г-ну полковнику мурзе Тевкелеву челобитье. После объявляю: ваше письмо ко мне пришло, и благодарю бога; в письме вашем упоминается, чтоб я приехал к вам, но мне ехать невозможно, для того ведая кайсачьи мысли, здесь живу и воров-изменников башкирцов ласковыми словами уговариваю ж. Доброжелательных башкирцов, призвав в Оренбурх, содержу и, охраняя Оренбург, живу. А вам слово мое то: моего сына Ирали-салтана отпустите, а на место его я сам буду, и прикажите сделать зимовать мне избу. Я Ирали-салтану объявляю и прошу мне прислать серебряной сайдак да один лук.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 1010 об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 47

1737 г., октября 1⁶⁰. – Полковнику А.И. Тевкелеву

Во втором

От меня, Абулхаир-хана, г-ну мурзе челобитье и слово то.

Нагайской дороги Кипчацкой волости Сеит пришел послом, да от усергенского Алгаша приехал Тогул, от Муначера – мулла, от каныилы – Солтагул, Солтанмурат, от кипчацких –

⁵⁸ Дата получения.

⁵⁹ Дата получения.

⁶⁰ Дата получения.

Мечан, от тамянцов – Сеитбаев сын, от тингаурской – Екшимет, от бурзенской – Кошай Урусаяев, да Алдарова сына Мусу насильно привезли; Чениен-тархан; от орматынской – Бурагу-абыз, Сибирской дороги приехали Табанак, Кузьяев меньшей брат Амангул. И я, Абулхаир-хан, которых знал, тех писал, а сверх того много. Положили один панцирь, балахон кармазин, кунган и свои юрты разорили и просили себе владельца. И Абулмаметь, и Аблай, Барак, да Кузяк владельца хотели дать, а я про то не знал, и уговорились, и положили срок в Оренбурге, и Оренбурх-город взять, а главные – вышеписанные. А я о том услышал после отъезду переводчика Рамана в третей день в обед и, призвав Букенбая, Ишкатара, Кузайназая, Толубая, посоветовал, что Меньшая орда далеча, а от Средней орды, не ведая, стало то слово. Я к Ченбеку-батырю людей послал, чтоб Касбек, Алауман, Конакай-бай, Кулшар приезжали в Оренбург к вечеру и Букенбаев меньший брат Кулакирды-ишан, Атар Талканбай, Тулабай-батырь, Шерпулык, Кузайнияз, Кузякилды, послал Ченку-батыря, Пустубая-батыря, Исанова сына, Шаркана-батыря сына и брата, деревни Дертулы – Балдай Тойбура-бая братьев и детей. После того ночью приехал в Абулмаметьеву орду взять тех башкирцов и ежели по спросу отдаст, а не отдаст – силой взять, оных воров кратчи отпустил. После того приехал в город Оренбург и живу государю в верности. И приехали из жилищ все к городу, пришли государю и мне в подданство и делали торг в знак покорности, и мы троя из оных набольшого поймали, а от Кирея поймали четверых; да тех кирейцов двух Абулмаметя, привезя, отдали под караул в канцелярию подполковника и три тысячи поехали по трем кюзюлам и, разоряя, поимали и привезли изменников после в третей день еще поехали к Тоболу.

Еще Кипчатской волости Тюле-батырь, Канже, Врали, Букенбай-батырь тингаурцов разорили; усергенцов Керей разорил по указу, что привез Мансур. Пришел Алкеш к Абулхаир-хану, и Абулхаир-хан посылал людей, чтоб приехал и государыне принес повинную, а повинной не принесет, то и корня не оставлю. С прошлого году жил при Ирали-салтане Утемыш Тюрма-чеев, которого я отпустил на службу государеву.

На оных письмах приложены чернильные печати, в которой изображено белыми литерами имя Абулхаир-хана.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 1011 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 48

1737 г., октября 5⁶¹. – Полковнику А.И. Тевкелеву

Перевод с татарских писем, которые получены 5 октября 1737 г. в Сакмарске, а в них по переводу написано.

В первом

От Абулхаир-хана мурзе челобитье.

Всемиловнейшей государыни указ от генерала и от вас, мурзы, одни в город Оренбург приехать, а я для того дела приехал повидаться, и ежели вы сего дня будете, а завтра пошлю в орду к добрым людям, и как определите будет многим приехать, многие будут, а буде – малым людям, то малые приедут; и государеву бы жилищу худова делать не дерзали, а разоряли бы изменников. Мы с тобою положили, чтоб нам видеться в Оренбурхе, о чем вы мне ума придали, а так и с Орасланом наказывали, чтоб скорее пришел. Еще Шебанаю, Елумбетю и Кара-батырю сказали вы, что собшились с изменниками Абулмаметевы люди, и которой государыне верной, и мне друг; а которой государыне не верен, тот и мне не верен, и слово наше с тобою одно. И ежели вы можете, приезжайте, а не можете, так одного доброго человека с указом пришлите.

⁶¹ Дата получения.

Всемилолюбивейшая государыня, почитая меня, повелела город построить и ежели повелено будет, я в нем зимовать готов, а Ералю с купцами отпустите в Хиву, в Бухары, в Ташкент или в Туркестан – везде он готов.

С сим послан Букенбая-батыря и Тулубая-батыря меньшей брат Мандубай-батырь.

Во втором

От Абулхаир-хана поклон мурзе. Тутушних Алдарбая и всех башкирцов в Оренбурх отпущайте на житие.

На оных письмах печать чернильная, в коих изображено имя Абулхаир-хана.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 1012. Перевод XVIII в. Копия.

№ 49

1737 г., декабря 24⁶². – Императрице Анне Иоанновне

Перевод с присланных писем 24 декабря от Абулхаир-хана, в которых написано.

В первом

Ея императорскому величеству, как я обесчалься, в том я и стою, а по указу в. и. в. наименников з детьми своими Нуралы-салтаном и с Хажей-Ахметем и з братом моим Нияз-салтаном в службу в. и. в. послал, и в. и. в. милостию я доволен; а сын же мой Ходжа-Ахмет за болезнь возвратился.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 5 об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 50

1737 г., декабря 24⁶³. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву

Во втором

Его высокопревосходительству генералу и мурзе поклон я, Абулхаир-хан, объявляю.

По указу е. и. в. со многим войском поехал з Джанбек-батырем, а Джулумбетя-батыря послал до вашего пр-ва з подполковником Петром Дмитриевичем, и чтоб он, Джулумбетя, проведав о вашей здравии, возвратился скоро и меня б застал в Оренбурге, а я е. и. в. здесь служу верно.

На оных письмах печать чернильная, в которой изображено имя Абулхаир-хана.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 5 об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 51

1738 г., января 16⁶⁴. – В Оренбургскую комиссию

1738 г., января 16-го дня, перевод с татарского письма, которое прислано от Абулгаир-хана чрез Табынск [1], а по переводу в нем написано.

Из дальних мест ближним сердцем некоторые подданные е. и. в. хотели быть у меня во услужении в кайсаках и вышли было в Киргиз-кайсачью орду к моему владению, и я их воз-

⁶² Дата получения.

⁶³ Дата получения.

⁶⁴ Дата получения.

вратил и поставил их на прежнее жилища по-прежнему, как деды и отцы их жили. И прошу об вине их у е. и. в. и содержавшихся из них под караулом также, которые из них будут ездить в город, таким обид и налог не чинить, понеже они ныне приходят с повинною. Об этом моем письме и слово мое уведомить по городам и посланных от меня киргиз-кайсака Мамбетя и башкирца Мухамбетя прошу возвратить немедленно, а в другие б места их не посылать; а от себя посылаю до е. и. в. Алача, сиречь киргиз-кайсака.

Переводил переводчик Араслан Бекметев.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 197. Перевод XVIII в. Копия.

№ 52

1738 г., января 30. – Тайному советнику В.Н. Татищеву

С присланных писем от Абулхаир-хана.

Первое с полученного чрез татарина Абдулхалиля да киргисца Акуша февраля дня.

Генваря 30-го дня 1738 г. посылаетца от меня, Абулхаир-хана, Синбирского уезду деревни Четказыбаш Абдулхалиля Атмиллова с товарищи наскоро прежде других посланцов в город Уфу чрез Табынск до г-на генерала Татисчева.

Покорно прошу вашего пр-ва не погневатца, что мы посланного от вас Муштая-муллу не отправили, понеже у нас имелись некоторые советы, ибо отправляем посланников Ногайской дороги Кубеляцкой волости Карабая-князя Туруметева, Сибирской дороги Кудейской волости Юныс-тархана Текиричева, Табынской волости Азняя Кучеккулова с товарищи и письмом за моею печатью. А имеющийся в Табынской крепости камандир как бы наискорее отправил оногo Абдулхалиля, придав ему ис Табынска одного человека, а других товарищей ево отправил обратно, как самих, так и лошадей удовольствовали. И покорно прошу об оном Абдулхалиле, что отправил я ево наскоро, понеже он доброй и благонадежной человек и признал я ево добрым человеком, понеже он от зачатия замешания остался в добром состоянии и многих он от воровства уговаривал и сам к воровству не приставал и за такими резоны заставил я ево служить е. и. в. верно и привесть ему ко мне из Уфы известия и повелеваю на ночлегах ево удовольствовать пищею, а лошадей кормом и ничем ево не порицать, а ежели из верно служащих е. и. в. учинят есче какую злобу, то от е. и. в. примет гнев и от меня слово, которого любя и отправил, да при нем киргизец один.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 229. Перевод XVIII в. Копия.

№ 53

1738 г., января 30⁶⁵. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву

Второе [письмо] чрез полученных башкирца Ногайской дороги Карабая с товарищи февраля 8-го.

Ея императорского величества рабов, которые отошли в Казачью орду, остоновили на прежние жилища, как деды и отцы их жили, и обыщемся, чтоб просить о свободе содержавшихся под караулом мухамеданцов, такожде имеющих как у киргисцов, так и у башкирцов невольников выбрав, отдать обратно. И хотелось было мне нынче отдать невольников, которые у меня имеютца, стала быть мне получения в чужей стороне. Ничего у себя питья и еды и платья не имею и просим послать сюда из верных масулманов толмача Араслана да удобного дворенина. Извольте верить вначале богу и мне, понеже поступаю по е. и. в. указу, и все народы склонились, а для верности б и для лутчего их покорения изволили свободить

⁶⁵ Дата написания. См. док. № 40.

имеющихся у вас под караулом четырех человек: Акая [1], Абдуллу [2], Килмяка [3], Юсупа [4] на волю. Покорнейше доношу: уже путь очистил и прошу вас, г-на генерала и мурзу, чтоб изволили не одерживать купечества, чтоб оне имели себе распространения. Вас же покорно прошу о окончании дело мое, что изволили сами дать мне слова по свидании с вами весною милостивое решение учинить. А я всегда, как не приеду, готов также, хочю я ведать, как изволите о том собою ль оканчивать мое дело и не повелите ль ехать к государыне. Ежели поедете, извольте меня о том уведомить и как бы наискорее изволили милостиво кого отправить, понеже всеподданнейшие рабы е. и. в., всемилостивейшей государыни нашей, находятся наги, босы и негде жить; а по получении сих извольте про меня ведать, буду я в Оренбурге.

Також-де доношу вам, что я сыскал государыню е. и. в., и изволила всемилостивейше меня обнадеживать впредь в неоставлении, в чем прошение иметь буду. Но напротив того я обещался во всем быть мне послушным, и ежели от меня какое произведетца преступление против воли е. и. в. и в законе христианском какое учинено будет мною похищение, то в том будет мне стыдно и не без греха по присяжной моей должности. И покорно ж вас прошу милостиво отложить штраф и по-прежнему их содержать в милости, и прошу вас пожаловать как наискорее сделать, и между б тем неприятели какого соглашения не учинили.

При сем отправлены Карабай, князь Турумев, Юнус-тархан Теперисев, Козьяш-батырь Нуруев да Мухаметъ с товарищи; с ними ж киргисцы, о которых прошу отправить обратно ко мне поспешить, не задерживая с ними ж отправленных от вас ко мне, свобода колодников для утишения юрта; а прежде извольте для известия прислать ко мне Мустая-муллу наискоро.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 229–230. Перевод XVIII в. Копия.

№ 54

1738 г., января 30⁶⁶. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву

Третье [письмо]. От дального расстояния ближним сердцем от меня, Абулхаир-хана-Багатырь-хана, вам, господам генералу и мурзе, с мольбою поклон.

Покорнейше объявляю, что по всемилостивейшем е. и. в. указом уже я путь очистил, токмо ныне прошу вас во окончании моего дела, понеже имеете вы полномочие, а е. и. в. государыня уже соизволила приказать, а вы не изволите оканчивать. А ежели не изволите по е. и. в. указом исполнение чинить или не оканчивать, то на нас не изволите гневаться. А желаю Ирали-салтана отправить к е. и. в. государыне и доношу вам о том, что я здесь женился. О котором прошу всепокорно об учинении всемилостиво малого награждения милостивейше рассмотреть и что соблаговолено будет, ежели возможно, прошу оттуда, а ежели невозможно, изволите благоволить приказать из Оренбурха выдать; и что пожалуете или что получите, просим учинить посланному от меня Мамбетю. А ханшу свою здешнюю заставлю в Оренбурге.

При сем отправлены от меня Еныбек-батыря брат Бухарбай, Мерген да Елантуш-батырь, Сатай-батырь, да оставшей в верности башкирец, которой жительство имеет в Оренбурге. И служил е. и. в. при мне киргизец Мамбетъ.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 230. Перевод XVIII в. Копия.

№ 55

1738 г., января 30⁶⁷. – Тайному советнику В.Н. Татищеву

Четвертое [письмо]. Будучи в Оренбурге получил от вас е. и. в. указ, по которому велено мне взять к себе уходцов в нашу Казачью орду башкирцов да за них плату; а для оног

⁶⁶ Дата написания. См. док. № 40.

⁶⁷ Дата написания. См. док. № 40.

взял денги ис казны е. и. в. или у купцов, которых содержать на воле и ничем их ни обидеть. А ныне уже я безо всего и бес копейки привел башкирцов в подданство е. и. в. и ничем не повредил, так и оставил, и все склонились ко мне.

На подлинных письмах ево, Абулхаир-хана, чернильная печать.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 230. Перевод XVIII в. Копия.

№ 56

1738 г., февраля 22. – Башкирским старшинам

Сего 1738 г., февраля 22-го дня обшче сие письмо написано по приказу поверенного Абулхаира-Мухамметя-Газея-батыря-хана тебе, Козику, и Гердегулу и отцу моему Алдару. Приехалде один порутчик с указом от тайного советника Никитича Татисчева, и я, Абулхаир-хан, по указу ея государыни и брата моего белого князя приехал. Кои изменники отложились и от жилисча было отстали, и тех по присяжной моей должности возвратя их к рабству, паки в жилисче их утвердим по-прежнему, как отцы и деды их были е. и. в. рабами и как брат белой государыни по сю сторону Царяграда масюлмановских народов всех изволил вручить мне; оных врученных масюлманских народов в непорятках и в беспокойствиях смотреть, и в порядок привести, и усмирить повелено мне же. А ныне я вам объявлю: вышепомянутые знатные трое старшинав и з детьми, приехав, при мне всякой род с родственниками сыскався, посоветуетесь и брат з братом помиритесь, а ежели не помиритесь, то на меня ж не пеняйте, пени ваши будут самим от себя.

При подлинном на обороте для укрепления Абулхаир-хана печать.

И от тарханов вам, Малакаю и Ялчею, приказываю всех краденных моих три лошади, не теряя и не укрывая, пришли ко мне. При сем покорностию поздравляю.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 426. Перевод XVIII в. Копия.

№ 57

1738 г., ранее марта 6⁶⁸. – Капитану Батову

С присланного письма от Булхаир-хана капитану Батову.

Отправил я, Абулхаир-хан, к вам, г-ну капитану, в Табынск одного пленника, которого вручил Араслану, а других, имеющихся в Кайсацкой орде и в башкирах пленников, возвращу: русских – к русским, мусульманских – к мусульманам; и оной пленник отправлен з бурзенским башкирцом Давыдом, который послан от вас к Алдару, и оног б отпустили обратно вы, не задерживая, а ежели задержите его, то вами задержен буду я. Да объявляю мусульманам, что молитесь вы об моем здравии богу, поколь буду я здравствовать, то все пленники, имеющиеся в Кайсацкой орде и в башкирах, будут возвращены.

А внизу печать чернильная, в которой изображено: Хаджи-салтанов сын Абулхаир-Багадур-хан.

Переводил Роман Уразлин.

РГИА. Секретная экспедиция Правительствующего Сената. 1737–1741 гг. Д. 108. Л. 171. Перевод XVIII в. Копия с копии. Опубл.: МИБАССР. Ч. 1. Док. № 167. С. 368.

⁶⁸ Датируется на основании донесения начальника Комиссии башкирских дел Л.Я. Соймонова в Правительствующий Сенат от 6 марта 1738 г., к которому приложено это письмо (там же. Л. 160–161). (Прим. ред. МИБАССР).

№ 58

1738 г., марта 11⁶⁹. – Сыну Эралы-султану

От Абулгаир-хана сыну ево Эралы-салтану марта 11-го дня 1738 г.

Абулгаир-хан повеления тебе, Эралы-салтану.

Челобитье, есче слова ета: Куваканской волости Деветей Куваканов – етова человека вели ты выпустить. От меня, от Кудаша сродником моим и дому челобитье, а после слова эта у меня: я-де здесь и хан. Брат мой Джюман, чтоб приехал ко мне. У ково живот попал к изменникам башкирцам, скот или другое что, чтоб приезжали брать скот свой; промеж собою думайте и приезжайте. Хановы слова так: всех вас хан в Оренбурге переписал, людей и скот мой; поколи я хан здесь, приезжали бы к изменникам брать скот, а как я уеду, то на меня не пеняйте. А которая моя скотина в Оренбурге у башкирцов тысяча лошадей, нагайцы и башкирцы – все мое, а которые тутошные башкирцы – все мое. Сын Эралы-салтан, сколько лошадей попало к башкирцам, напиши на письме, пошли ко мне. От меня, Байбака и Махметя Эралы-салтану поклон, и которые старшины при нем живут; и ахуну Мансуру поклон. От Кусепа-батыря Эралы-салтану поклон. А нас спрашаешь, мы все в добром здоровье.

Повелел я, Абулгаир-хан, башкирцу Бакыргаю ета письмо отвести в Оренбург, и ради верности ханская печать приложена.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 540 об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 59

1738 г., марта 19⁷⁰. – Тайному советнику В.Н. Татищеву

Ея императорского величества тайному советнику г-ну Татисчеву и я, высокоповеренной Абулхаир-хан, во известие объявляю: некоторые е. и. в. рабы, оставя свои жилища, хотели уйти в другие края; а я, оных остановя, по-прежнему, как отцы их и деды были, утвердил паки в своих их жилищах. Которым я объявил, чтоб платили ясак, как прежде платили, и ежели оногo ясака не будут платить, то им будет стыдно; а ежели лишние будут требовать, то тем будет стыдно. Чрез сие объявляю, что вы, г-н тайной советник, приказали с посланных моих взять штрафных лошадей и вместо Юсупа взяли аманата, ево отпустили, тем меня привели в стыд, или вы какое сумнение за мною могли усмотреть. И е. и. в. во всех моих прошениях и нуждах изволила было меня пожаловать указать исполнять и для чего друга моего указу вы пременили, а в протчем уже будем обо всем вам дать знать при городе Оренбурге, а оные башкирцы, не получа з белою печатью указа, не верят.

При сем для уверения я приложил свою печать.

По сему, что в ответ писано к хану значит ниже в копиях же от № 1.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 426 об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 60

1738 г., марта 19⁷¹. – Пермскому провинциальному воеводе подполковнику Евстигнею Мазовскому

1738 г., марта 19-го дня переведено с татарского письма, присланного от Абулхаир-хана.

По указу е. и. в. у всех своих старшин главной я соержу их, Абулхаир-хан. Пожалуйте Красноярской крепости г-ну главному, чтоб оную крепость соержал в добром порядке, да и

⁶⁹ Дата получения.

⁷⁰ Дата получения.

⁷¹ Дата перевода.

рабов е. и. в. также б содержал в добром порядке, а коли не станешь в добром порядке держать, то на меня не пеняй, я и представляю е. и. в. И которые посланы торговые [люди], отнюдь не задерживай и в убытки ни в какие не вводи, чтоб от тебя не отбегали, яко и Абулхаир-хан которые кайсаки пришли под власть е. и. в., а потом ушли, а я их возвратно поставил на места по указу е. и. в. А штрафу не спрашивайте и мою просьбу не оставливайте, когда вновь придется е. и. в. указ. Дуванской волости Севергул-мулла сотник оное письмо писал при Булхаир-хане и по его велению, а оное письмо я, Абулхаир-хан, отдал Дуванской волости Мурату-мулле и пожалуйста одного Мурата не задержите и никакой обиды не чините.

И ради знаку я, Абулхаир-хан, и печать свою приложил.

На присланной копии приписано тако: Евсигней Мазовской.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1738 г. Д. 1. Л. 74 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 61

1738 г., марта 27⁷². – Тайному советнику В.Н. Татищеву

От Абулхаир-хана получено 27 марта.

От е. и. в. присланному тайному советнику Василию Никитич Татисчеву во извещение я, Абулхаир-хан, объявляю.

Присланное чрез нагайца Кубека и Сибирского уезду деревни Чатказбаш Халиля Амимова от вас письмо и при том и шубу я получил, за которое весьма благодарствую; и которые слова изволили приказать чрез оных мне объявить секретно, оной Халил мне объявил, к чему зело обрадовался. Потому разсудил я, оного Халиля повторично к вам отправить, которому також я приказал вашему пр-ву объявить некоторые секретные слова и объявляю вам – и впредь извольте ко мне приказывать секретные слова чрез оного Халиля и извольте оному Халилю во всем верить. И он, Халиль, е. и. в. служит верно, и к худым людям не пристаёт, и по возможности всех от злых намерений уговаривает к доброму намерению; того ради прошу вас, чтоб оному Халилю вы пожаловали приказали дать с прочетом указ, чтоб ему было ко всякому городу для объявления секретных вестей свободно. Объявляю вашему пр-ву, что у оного Халиля некоторые ево товары я взял к себе, за которые чтоб приказано было заплатить ему ис казны, и содержанию он был у вашего пр-ва в милости, и писчею оставлен бы не был. Сие письмо писал я, Аиткул Кинзин, и для уверения я, Абулхаир, печать приложил.

На обороте: Есче объявляю, что оной здесь всему народу объявлял об вашем милосердии и правосудии с похвалою и кроме ево никто до сего так не объявлял. И о здешних известиях извольте, спрося ево, в скорости чрез почту прислать ко мне, которого от вас с письменным известием ожидать буду, ибо уже мне здесь весьма наскучило. Також объявляю: которые доброе намерение имеют, те к ворах не пристають и от вас надеются всегда получить всякое милосердие. Сие письмо писал я, Аиткул Кинзин, по приказу Абулхаир-хана и руку приложил.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 427 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 62

1838 г., апреля 8⁷³. – Майору Г.Л. Останкову

Апреля 8-го дня в присланном письме от Абулхаир-хана по переводу ахуна Мансура Абдрахманова написано.

По е. и. в. всемилостивейшей государыни милости брата моего и по указу ея, что ко мне велено, о приведении по прежнему в подданствие башкирцов старался и то все окончал. То-

⁷² Дата получения.

⁷³ Дата получения.

чию ныне стараюсь наипаче, дабы наших киргис-кайсаков в такое ж склонение привести, что у них малое дело есть. И для того ныне велел я задержать ис киргиз-кайсаков шесть человеку при сыне моем Эрали-салтане, а имянно: Карауловой родни Мамбетъ – четырех сынов, породы Жинка-батырь – Кызганьшал, породы Килигит - батырь – Бакенбая - батыря племянник Бухарбай, Аютаевой родни – Сатай-батырь, Банбизяровой породы – Бутякан. Оных содержат под караулом как Кутыря, так и Досая добрых людей дети. Они и я племяннику, тебе, мазор, пишу, чтоб их содержать. Я желаю всемиловитивейшей государыни наипаче служить, того ради велю их чтоб не отпустил.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 556. Перевод XVIII в. Копия.

№ 63

1738 г., апреля 8⁷⁴. – Майору Г.Л. Останкову

Того ж числа в полученном от него ж, Абулхаир-хана, письме написано.

Ея императорского величества брат мой и от нее указ, да и у генерала тайного советника, что мне надобно делать и всякия орды исправить. Я Тамьянской волости у Кузяшбая на дворе стоял, и в то время прислал ко мне генерал из Уфы толмача Араслана, с ним Абдула, Акаев сын. Он колодник был и ево послал с Арасланом. Весь народ, которой и был у них в полону, поверел и народ стал после чего Табынской волости Усюпа-батыря ослободил. В то время ко мне ведомость прислал генерал, которых колодников спрашивашь здесь, которой есть колодники по три, и по два и по году, а хотя и больше трех лет, которого числа оные колодники посажены имянно, перепиши ко мне. Еще в Табынском городе колодников освободили, а в деле в каком усмотря, ныне в Оренбурхе два человека есть: один Тамьянской волости Игибай, Кулгарин сын, Талтынской волости Яныш, Еныбаков сын, етаких двух человек слободи, чтоб всякой народ слышал и радовался, и придет смело. За сем, г-н мазор, на меня пожалуй не погнавайся, еще после тебя стыду не было.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 556 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 64

1738 г., апреля 9⁷⁵. – Майору Г.Л. Останкову

1738 г., апреля 9-го дня в присланном письме от Абулхаир-хана по переводу ахуна Мансура Абдрахманова написано, а именно.

Я, Абулхаир-хан Махамбетъ-Газы-Батырь-хан, велел тебе, мазору, оное слово говорю: от государевых указов двух не будет и что государево жалованя отдаешь, отдай. Сего дня ты изволил говорить – все готово и что ты добро зделашь, и увидим, о том писать буду. Покажи сего дня милость – ежели у тебя указу нет, а у меня всемиловитивейшея государыни, брата моего, указ есть, я, верноподданный, государевы дела все зделаю, и государева указу ты не переменяй. Двое мы с тобою стоим, после бы стыда не было, и дождик силен будет; еще подарки надобно мне, для чего не готовишь.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 554. Перевод XVIII в. Копия.

⁷⁴ Дата получения.

⁷⁵ Дата получения.

№ 65

1738 г., мая 1⁷⁶. – Тайному советнику В.Н. Татищеву

Копия с переводу татарского письма, каково прислано от Абулхаир-хана майа 1-го дня, в котором по переводу пишет тако.

Ея императорского величества всякие дела отправляющему тайному советнику Василью Татисчеву кланяюсь и объявляю.

По присланному от вас ко мне указу велено разоренные юрты исправить и бунт башкирской прекратить и всякие дела окончать, и от того бы добрую славу получить. А про вас издалеча мы слышим и благодарим вышняго творца, что верно е. и. в. служите, а егда бог благоволит, блиско съедемся, сами увидим. А что положенных на вас от ея величества делах имеете вы добрые поступки, оное весьма похваляем, и ея положенные на меня башкирские дела окончал и с повинною привел, а как прибудете сюда, то изволите сами усмотреть. Если же после того кто из башкирцов, вновь вымышляя, какое дело затеет, за оное положил взять по сту добрых лошадей, ежели людей побьют, в том и мне небезопасно.

Вы, генерал, приказали буде в которой город поедут башкирцы и другие люди за своими нуждами, то их до прибытия вашего в Оренбург не страсчать, а я свой двор до окончания дел от города в одной версте поставил, и вы пожалуйста приезжайте поскоряе, дабы башкирцы паки к злым делам не обратились.

Я ис кайсаков от шести родов оставлял шесть человек з женами при Эрали-салтане, чтоб они берегли ево и смотрение имели также как и Кутур-батырь с Досаем.

На оном татарском писме печать чернильная Абулхаир-хана.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 558. Перевод XVIII в. Копия.

№ 66

1738 г., мая 1⁷⁷. – В Оренбургскую комиссию

По е. и. в. указу как я ходил в башкир и с собою взял тех башкирцов, кои жили к Кайсачьей орде, и оставил жить по-прежнему их отцов в обыкновение в их старых жилищах, и объявил, что их государыня жалует. И в то же самое время приехал Араслан-толмач с Абдуллою, и то мое слово правдивое учинилось. И они тому обрадовались, и стали быть веселы, и поверили, что их государыня жалует; а которые не верили, тех всякими ласковыми словами увесчевали. И Баракова сына Шигая [1] возвратил в орду, и всех башкирцов к государыне с повинною привел, и от всех родов добрых людей выбрав, привез было в город Оренбург обманом, якобы главные командиры едут. Ис которых одного человека взяв, Кудаш да Иткул у майора били и бросили, не спрашивая ни о чем и мне не объявляя; и протчие привезенные, услыша, в ночи ушли. И в том воля главных командиров, они такой народ приводят в доброе состояние, а протчие паки беспокоивают. Близ Тенгаурской волости всех башкирцов, служба государыне, я склонил в доброй порядок, и, во-первых, бог, а во-вторых, государыня ведает; и в правде этех слов печать приложил.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 565. Перевод XVIII в. Копия.

№ 67

1738 г., начало июня⁷⁸. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву

Копия с письма от Абулгаир-хана.

По указу е. и. в. обретающемуся г-ну тайному советнику Василию Никитичу, да благород-

⁷⁶ Дата получения.

⁷⁷ Дата получения.

⁷⁸ Дата получения.

ному и высокопочтенному г-ну мурзе премного с покорностию кланяюсь и доношу вашему пр-ву. Посланных от нас кайсаков Кулепу да Кара-батыря изволите оставить при себе, а других просим отправить к нам возвратно немедленно, и что по указу е. и. в. приказано будет, ко оному обретаемся во всем в готовности. И ежели ваше пр-во изволите приехать к нам немедленно, то всякие дела отправлены будут благополучно. Прошу вашего пр-ва, чтоб между нами вести не пресеклись, но всегда оные происходили, а Куляку да Кара-батыря изволите держать и привести при себе, пока от нас о возврате их будут вести. О здешним же состоянии и ежели изволите уведомить, то, слава богу, все благополучно и желая е. и. в. многолетнего здравия, служить всесердечно готовы.

Вручил сие письмо Ивану Киркуну да Бучюкаю.

У подлинного татарского письма Абулгаир-хана печать чернильная.

Переводил переводчик Араслан Бекметев и по-татарски подписался.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 653 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 68

1738 г., июня 6⁷⁹. – Тайному советнику В.Н. Татищеву

Перевод с письма, которое прислано от Абулгаир-хана 6 июня, а по переводу значит.

Дай бог здравствовать всемилостивейшей государыне е. и. в. самодержице всероссийской на многие лета.

Потом покорно кланяемся почтенному от е. и. в. вам, тайному советнику г-ну Татищеву.

Доносим вашему пр-ву, что издали произносятся между нами добрые и худые слова, то просим во всем не гневаться, токмо весьма пожелаем приезду вашего пр-ва немедленно, хотя о нас недобрые вести от недобрых людей произносятся извещениями, токмо надеюсь чего господь бог не похочет, никто нас от е. и. в. отлучить не могут, а когда с вами увидимся, обо всем будем ответствовать з добрым порядком. А вы нас уговариваете чрез письма для дружбы, то мы в том весьма благодарствуем, мы такого слова ни от кого найти не можем. Ея императорское величество нас в подданство соизволили взять не неволею, а пришли мы в подданство к е. и. в. по божественному писанию сердешным своим желанием своевольно, в чем известно вашему пр-ву. Также и от вас произносятся к нам всякие слова, токмо мы таковым не верим и не слушаем, а от вышних командиров, яко и вашего пр-ва никогда худова не делается, а от недобрых людей также доброго не делается же. Токмо о том весьма обрадовались, что ваше пр-во уведомили нас чрез письменно – недобрых людей будете штрафовать с наказанием, в чем я ныне никакой печали не имею, что содержаны четыре человека – Кусяп с товарысчи. Токмо я пред е. и. в. хотел поставить с семьями и с пожитками таковых, как Кусяб с товарысчи, тысячу человек; уш то майору дано от е. и. в. указ, что от меня, хана, взять из рук кого насильно, также и мы поступаем по указу же е. и. в., чтоб нам впредь в стыду не остатца. Ныне всякой человек сказывает, что я хотел упросить е. и. в. – виновных людей не токмо-де я отдаю из своих рук. Таковым я отвечаю словом, что по приезде генерала и мурзы будет обо всем со изьясьнением указы, а слава богу, получено от вас добрые вести, радуемся. Хотя при вас в зборе имеются войски или в зборе не имеются, просим, чтоб в приезде своем вашего пр-ва поспешить и понеже обо всем будем говорить словесно, и повинны служить е. и. в., и старание иметь в интересе, а потом что имеются в нашей Казачьей орде полоненники русские и другие иноверцы, будем возвратить в готовности и башкирцов, которые не пришли с повинною уговаривать. Ежели не послушают, будем поступать по-воинскому, таким образом, как е. и. в. будет угодно. Ныне, слава богу, услышали, в приезде мурзы весьма обрадовались же; е. и. в. в жалованной грамоте за белою печатью написано, что обо всем вручены ведать

⁷⁹ Дата получения.

вам, тайному советнику, в том весьма желаем приезде вашего пр-ва немедленно, понеже, что произносится издали всякие слова и по многим вашим письмам обо всем уведомились, токмо против других писать не могли, в том просим не погневатца.

Сие письмо вручили Карабалванову брату Кулаке-батырю, Карчилу, Урумбаю, всего пять человек послали и с ним же нагайца Кубека.

У подлиннаго татарского письма Абулгаир-хана чернильная печать.

Подлинное переводил переводчик Араслан Бекметев и татарским письмом подписал.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 360 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 69

1738 г., июня 16⁸⁰. – Тайному советнику В.Н. Татищеву

Ея императорского величества тайному советнику и генералу г-ну Татисчеву поклон отдаю. Посланное письмо от вашего пр-ва с радостью моею получил и прошу вашего пр-ва, чтоб присланных с сим письмом возвратить с письмами вскоре. А прежде присланного от вашего пр-ва собрав, а бурханы отдал ему и пришлю к вашему пр-ву немедленно, которой, надеюсь, до приезда вашего будет в Оренбурге.

И более сего ныне я не пишу, токмо прошу, чтоб посыланных с сим письмом возвратить немедленно. Сие письмо послано с Мамет-хатжею, Сарабаем Бастюбаевым, богатыревым сыном; Уразбердеем, батыревым сыном, да з двумя косчями Средней орды для их чести. Мурзе поклон, и в первом обещании держусь.

На подлинном письме его, Абулгаир-хана, чернильная печать.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 655 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 70

1738 г., июня 16⁸¹. – Майору Г.Л. Останкову

1738 г., иуниа 16-го дня в присланном письме от Абулгаир-хана по переводу ахуна Мансура Абдрахманова.

От меня, Абулгаир Махомет-Газы-Батырь-хана, вам, г-ну майору, челобитье, после челобитья ведомость.

Мы промеж собою худых слов не слушаем. Ея императорского величества, брата моего, верноподданныя, в одном слове стоим; а у которого человека в сердце есть худо, и тот гуляет; а на доброй путь придет. И есче говорили вы, что мурза Тевкелев будет чрез неделю, а чрез две недели – генерал; и вашим словам я верю. Токмо наши киргиз-кайсаки люди степные и безумные, говорят, что в тот день не будет, и мне стыдно. И они говорят на меня, что неправда, а я говорю киргиз-кайсакам, что у брата моего, государыни, войска много и идут тихо. А ныне наш весь юрт говорит хорошо, а как от вас письма какие к нам пришлются, и наши люди то любят и радуются.

Есче благодарствую – по моему требованию два раз присылал по три ведра вина, наши батыри и старшины стали рады.

Есче ахуну Мансуру челобитье, после челобитья слово наше: прежде сего ты мне был друг, и ныне мне ты таков же друг мой, и гневу никакова у меня на тебя нет.

На оной копии подписано тако: переводил ахун Мансур Абдрахманов и руку приложил.

С подлинным читал копиист Богомолов.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 654 и об. Перевод XVIII в. Копия.

⁸⁰ Дата получения.

⁸¹ Дата получения.

№ 71

1738 г., августа 13. – Императрице Анне Иоанновне

Перевод с татарского письма.

Пресветлейшая и державнейшая и всемилостивейшая великая императрица и самодержица всероссийская.

Вашего императорского величества я, всеподданнейший раб, Киргиз-казатской орды хан Абулхаир, всенижайше доношу.

По всемилостивейшему указу в. и. в. по прибытии в Оренбург тайного советника г-на Тащичева неотменно при нем, тайном советнике, и я сам и с сыном моим, и со всеми знатными старшинами Киргиз-казатской орды в верном подданстве пребывать присягу учиня, по закону нашему целовали Алкоран и приложили печати и тамги свои.

По указу в. и. в. он же, тайной советник, требовал у нас всех российских пленников, взятых киргиз-казаками, чтоб их всех привести для отдачи в Оренбург, чего мы всеподданнейше в действо произвести и сколько можем найти, тех всех, собрав, привести долженствуем. Притом просим, чтоб всемилостивейше повелено было и наших киргиз-казатских пленных, которые российскими войсками взяты, к нам прислать.

Я всеподданейше с сыном моим, который в Оренбурге живет, припадая к ногам в. и. в., просим, дабы оной мой сын для свидания с сродниками и братьями ево з другим моим сыном во знак верного подданства моего – Хожа-Ахметом сменен и таким же жалованьем, как первой сын мой, снабжен и по закону нашему содержан, и вместо меня в. и. в. должной поклон отправить допущен был. За что мы все за высочайшее здравие в. и. в. бога молить и верно служить, даже до окончания жизни нашей должны.

Приезжающих и отъезжающих киргиз-казаков по справедливости судить оставляем двух человек, т. е. от Средняго юза и от Меньшей орды по одному знатному старшине, которых по совету будет с переменою содержать и об оных просим жалованьем снабдевать их против примеров.

Тот же тайной советник нам объявил, что е. и. в. Большой орды Юлбарис-хан [1] просил, дабы купцов российских до Ташкента посылать, которых купцов до Ташкента и назад до Оренбурга по указу в. и. в. повелено нам конвоировать, чего мы всеусердием учинить и верность свою паказать готовы и охотно желаем. Хотя оной караван я со старшинами моими на свои руки взял, и велю до Ташкента без всякой опасности их препроводить, понеже в степных местах от ветра живет великий вред, потому что многия караваны песком засыпает. Однако же, ежели дорогою от ветра и вьюги или от посторонних неприятелей возпоследствует им какое несчастье или убытки, то б мне и старшинам не быть во ответе, а я Юлбарис-хану писал, чтоб он тех купцов летом же возвратно к Оренбургу отправил.

Вашему императорскому величеству доношу, что Средней орды солтаны Абулмамет и Аблай ныне далеко в степи кочуют и за дальностию у присяги быть не могли, но токмо я засвидетельствую, что они верными в подданстве находятся и всякое высочайшее повеление в. и. в. слушать будут, а в предбудущий год, как прибудет тайной советник в Оренбург, и они к присяге приедут.

Понеже я, всеподданнейший в. и. в. раб, и по мне все мои старшины сверх меры нашей подаянием в. и. в. пожалованы, за что мы, всеподданнейше благодарствуя, до капли крови моей со всеми моими при мне имеющимися в верном подданстве быть и служить должны, и для верности моей к сему печать моя приложена.

Писано месяца жумазиел-эвеля 9-го 1151 г., т. е. августа 13-го 1738 г.

На обороте чернильная печать: «Абулхаир-Богадыр-хан, сын Хаджи-султанов».

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 725 и об., 728 и об. Перевод XVIII в. Копия перевода – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1738 г. Д. 3. Л. 1–2. Оpubл.: МИПСК. Док. № 11. С. 32–33; КРО-1. Док. № 65. С. 127–128. Подлинник на тюрки – РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 726 и об.

№ 72**1738 г., августа 29. – Тайному советнику В.Н. Татищеву**

1738 г., августа 29-го дня перевод с татарского письма, присланного от Абулхаир-хана, а по переводе в нем написано.

По указу е. и. в. обретающемся его пр-ву тайному советнику Василию Никитичу Татисчеву доношу: благодарствую за всякия вашего пр-ва благодеяния и добрые дела, о чем я весьма радуюсь. А ныне прошу вашего пр-ва о свободе башкирцов Кусяпа, Абдуся, Мухамметя, понеже по указу е. и. в. и по повелению вашего пр-ва ездил я в башкиры и кто будет с повинною, обнадежил е. и. в. милостию и привел помянутого Кусяпа с товарищи в Оренбург с повинною. И дабы повелено было оных Кусяпа с товарищи учинил свободным, а е. и. в. до своих рабов многомилостиво; также бы на то смотря, повадно было обнадежить ушедших к нам башкирцов Салтан-Мурата, Калматая и Екяча с товарищи привести с повинною и чтоб между моими неприятели было мне похвальное слово, а я, надеясь на бога, могу всех привести в существо, в чем я и печать свою приложил.

Писано 29 августа 1738 г.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 801 об. – 802. Перевод XVIII в. Копия.

№ 73**1738 г., августа 29. – Тайному советнику В.Н. Татищеву**

1738 г., августа 30-го дня перевод с татарского письма, присланного от Абулхаир-хана, а по переводе в нем написано.

Ея императорского величества премного милостивому тайному советнику Василию Никитичу Татисчеву поклон отдаю, и желаю вам многолетнего здравия, и что наши слова приняли с почтением, за оное благодарствую, о чем и сын Эрали доносил.

При сем же доношу, что Сибирской дороги посланцы были у Барака-салтана, а другие з женами детьми к нему перешли к канчегалинскому и к тобкайлейскому родам, кто таковы именами, не знаю и об них, что указом повелите – в юрты их возвратить или разорить? Другие же башкирцы по возвращении посланцов намерены приехать к нему, Бараку.

Для уверения печать свою приложил.

Писано 29-го числа августа 1738 г.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 801. Перевод XVIII в. Копия.

№ 74**1738 г., октября 23. – Тайному советнику В.Н. Татищеву**

1738 г., декабря 15-го дня перевод с татарского письма, присланного от Абулгаир-хана, полученного чрез яицкого татарина Бузюкея Чюкумова.

По указу е. и. в. обретающемся его пр-ву тайному советнику Василью Никитичу Татисчеву нижайший поклон.

Доношу вашему пр-ву, что посланная от вашего превосходительства офицер ваш с купцами [1] все в добром здоровье и от нас с двести человек в Туркестан приехали безо всякого вреда и оттуда с ездоками поехали в Ташкент, об них не извольте сомневаться. А мы все с своими народы, желая е. и. в. доброго здравия, живем в благополучии, а сына своего Эраля ноября в первых числах намерен отправлять в Ургенч [2]. Ныне со всех сторон какие будут ведомости, буду посылать с своими людьми до вашего пр-ва с известием.

Писано сие письмо октября 23-го дня из урочисча, называемаго Каракум [3]. На оном письме на обороте чернильная печать Абулгаир-хана.

Переводил переводчик Араслан Бекметев и татарским письмом руку приложил.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 8. Перевод XVIII в. Копия.

№ 75

1739 г., марта 12. – Императрице Анне Иоанновне

1739 г., июня 18-го числа в канцелярии Оренбургской комиссии, порученной тайному советнику г-ну Татисчеву, приехавшие от Абулгаир-хана киргисцы Буранбай да каракалпаченин Булат-батырь объявили от одного хана татарское письмо, в котором по переводу написано.

Всемиловитвейшей государыне императрице и самодержице всероссийской в. и. в. подданный Киргис-кайсацкой орды Абулгаир-хан.

Вашему императорскому величеству попремногу благодарствую, что в. и. в. по прозьбе моей город Оренбург построили и как войска так издержали. В котором городе видели как войско и от них происходимую пальбу и протчие забавы, за что всегда славлю бога, что оной город построился.

Ныне же в. и. в. всепокорно прошу, чтоб тайного советника Василя Никитича и Алексея Ивановича Тевкелева соизволено было прислать ко мне с войском и с полковыми припасы для строения города по Сыр-реке при местечке Бугамуюн, которое лежит между каракалпаков и кайсаков; к пашне удобное и к строению лесу по оной реке, тако и рыбной ловли имеется довольное число. К тому ж от старого строения кирпича много и из зверей барсов и бобров и других довольно ж. А понеже когда оной город построитца, то хивинцы, бухарцы, туркестане, сауране, ташкенцы, еркенцы под рукою в. и. в. быть могут для того, что грозят им персияне и калмыки, чтоб они к ним в подданство пошли. Токмо оные под властью их быть не хотят, а желают быть, когда генерал и мурза будет, в подданстве у в. и. в.; и по оной реке Сыр ход до Туркестана и до Ташкента и от Ташкента до моря, по которому можно на судах ход иметь и до Хивы.

В прошлом же году какое от меня генералу и мурзе обещание было, в том и ныне состою, токмо люди мои в Оренбург ездить опасаются.

Писано 12 марта 1739 г. с острова Дюка от реки Сыр.

При подлинном письме на обороте чернильная печать.

С подлинного перевел переводчик князь Иван Максютов.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 379 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на турки – там же. Л. 376–378.

№ 76

1739 г., марта 12. – Тайному советнику В.Н. Татищеву

1739 г., июня 18-го дня в канцелярии Оренбургской комиссии, порученной тайному советнику г-ну Татисчеву, приехавшие от Абулгаир-хана киргисцы Буранбай да каракалпаченин Булат-батырь объявили от одного хана татарское письмо, в котором по переводу написано.

Ея императорского величества самодержицы всероссийской любезному человеку, а нас в милости содержателю тайному советнику Василью Никитичю Татисчеву поклон отдаю.

Вашему пр-ву известно, в прошлом году докладывал вам, что е. и. в. по просьбе моей от Москвы три месяца езды город построила, а ныне надеяние имею есче город построить от Оренбурга езды десять дней по Сырь-реке; и нежели с такою ж славою, как и в прошлом году, ныне ко мне прибудите, тому б весьма обрадовался. А буде б меня вживе не застали, то б и детей моих добрая слава осталась для того, что я всегда находился во услугах е. и. в., и люди мои паче к е. и. в. в подданство пришли.

Писано 12 марта 1739 г.
При подлинном письме чернильная печать приложена.
Переводил переводчик князь Иван Максютов.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 382. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 383.

№ 77

1739 г., марта 12. – Подполковнику Б.Л. Останкову

1739 г., иуниа 18-го в канцелярии Оренбургской комиссии, порученной тайному советнику г-ну Татисчеву, Меньшей орды от Абулхаир-хана татарское письмо, полученное чрез посланных от него, хана, киргисца Буранбая да каракалпаченина Булата-батыря, в котором по переводе написано.

По указу е. и. в. господам подполковнику Борису Лукичу Останкову, князю Михайле Андреевичу поклон отдаю.

Доношу вашей милости: по указу е. и. в., которой послан был со мною караван, я, приехав с ним до своей орды, и отправил их с провожатыми с Токуюром Бижяевым, Алакучюком-батырем, с Кочакбердеем-батырем, з Букенбай-батырем, да Мрозьяком, с Кубековым сыном Базрягелдием, с Мурзаулом-батырем с товарищи, которые до Туркестану все благополучно проводили; и чрез два дни уведав я, что оной караван ограбили, чего для послал для проведывания одного человека, которой есче ко мне не возврасчался.

Уведомился я, что калмыцкой владелец Галдан-Чирин [1] з Желбарс-ханом в одном со-гласии, и оному каравану изъян зделали они, что надлежит с них требовать; и ежели на меня скажут, то я шлю на вышеписанных посланных от меня за тем караваном. Во известие ж доношу, что послал я сына своего Ирали-салтана к Жанбек-батырю для всяких ведомостей, которой бы, известясь обо всем, прислал ко мне известие, а который е. и. в. зло будет мыслить, то не токмо людей, но и детей моих не буду жалеть.

Писано 12 марта 1739 г. с острова от реки Сырдарьи.

При подлинном на обороте чернильная печать.

Сие письмо переводил переводчик князь Иван Максютов.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 390. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 391 и об.

№ 78

1739 г., конец апреля. – Императрице Анне Иоанновне

Перевод с татарского письма, полученного в канцелярии Оренбургской комиссии сего июля 28-го числа 1739 г., в котором по переводе значится.

От Абулхаир-хана

Ея императорскому величеству верноподданной от в. и. в. указы за белою печатьми я получил и оное весьма с радостию принял с моим желанием; чего от бога желал, то получил, а что е. и. в. указом повелит, и то отправлять с радостию своей готов и что доносил в. и. в. об нас тайный советник Татисчев, и я оному очень обрадовался.

А ныне верноподданнейше в. и. в. прошу всемилостивейшее повелеть тайного советника Татисчева и мурзу Тевкелева с таким изрядством, как в прошлом 1738 г., с регулярным и нерегулярным войски и артиллериею в Оренбурге были, так и ныне для строения на реке Сырдарье города прислать, почему могут все здешние орды в. и. в. в подданство прийти. А мы в. и. в. желая от всевышшаго бога многолетнего здравия, несумненно уповаем, когда

оной город по соизволению в. и. в. построен быть имеет, то в. и. в. всепресветлейшей и самодержавнейшей слава здесь во веки будет.

Вашего императорского величества всемилостивейшую грамоту к ташкентскому Юлбарис-хану я всеподданнейше получил, но оною посылку к нему у себя оставил за тем, что оной хан до получения мне сей в. и. в. всемилостивейшей грамоты умре. Которую во оной город в. и. в. послать велите, всеподданнейше буду ожидать всемилостивейшего указа.

У подлинного письма Абулхаир-хана чернильная печать.

Писано апреля в последних числах 1739 г.

Переводил переводчик князь Иван Максютов.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1191. Л. 21 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 20.

№ 79

1739 г., мая 26⁸². – Тайному советнику В.Н. Татищеву

1739 г., июня 18-го числа перевод с татарских писем, присланных от Абулгаир-хана, полученных при доношении из Озерной крепости от полковника Хвостова от 26 мая 1739 г., в которых по переводе значит.

1-е

По указу е. и. в. отправленных от тайного советника и полковника Тевкелева купцов и провожатых за ними кайсаков Большой орды кайсаки разграбили, и вы, тайной советник, что о том повелите. Ежели на тех грабителей прикажете идти, то б придать к нашему войску из солдатства, или не прикажете ли их тайным образом вместо того обрату, или не послать ли для уговора их добрых людей, в том просим позволения Абулгаир-хан, Кучак-хан и Джанбек-батырь. А в нашей орде никакой худобы нет, а ежели нам поверить не изволите, то изволите спросить у самих купцов, которые вам донесут сами; а Кучак-хан со всем своим народом идет кочевать подле Оренбурга.

Желаю всякого благополучия. И я, Кучак-хан, отправил вам, тайному советнику, в подарок лошадь.

2-е

Татарское письмо от оных же ханов и Джанбека написано в той же силе и во оных обоих года и числа не показано. При тех письмах на обороте чернильные Абулгаир-хана печати.

3-е

За двумя чернильными печатями, в котором по переводе склоняется о требовании позволения о тамошних беглых башкирцах, живущих у них, что с ними учинить. А обстоятельно о том разобрату весьма за худобою письма невозможно.

Оные три письма переводил Оренбургской комиссии переводчик Араслан Бекметев и татарским письмом руку приложил⁸³.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 338 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 336–337 об.

⁸² Дата получения.

⁸³ Подпись на тюрки.

№ 80

1739 г., июня 8⁸⁴. – Императрице Анне Иоанновне

Перевод с листа к е. и. в. киргис-кайсацкого Абулхаир-хана, которой подан государственному вице-канцлеру графу Андрею Ивановичу Остерману чрез сына ево Ходжи-Ахмета июня 8-го дня 1739 г.

Всепресветлейшая державнейшая и всемилостивейшая великая государыня императрица и всяя России повелительница. Вашего императорского величества всеподданнейший раб Киргис-касацкой орды Абулхаир-хан всеподданнейше доношу: понеже ко услугам вашего величества отправил я сына своего Ходжу-Ахмета, и вся Киргис-касацкая орда в покорности находится, и тем я успокоился. И по возможности моей со всякою ревностью и верностью служить обещаюся. Благодарю господа бога, что по высокой милости в. и. в. желание мое исполнилось, а за киргис-казаков я ручаюся, что в потребных случаях служить готовы, и всегда ко двору вашего величества людей своих посылать буду.

А ныне более сего доносить не имею, о всем поведении моем сего дела начинатель мурза Алексей Тевкелев и тайный советник Василий Никитич Татищев довольно им известны.

Во уверение сего при сем листу приложена печать моя.

Писано 1738 г., месяца джумазиель-ахиря в последних числах.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1739 г. Д. 1. Л. 30–31. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 29.

№ 81

1739 г., июня 18⁸⁵. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву

1739 г., июня 18-го числа в канцелярии Оренбургской комиссии, порученной тайному советнику г-ну Татисчеву, получено татарское письмо от Абулхаир-хана чрез присланных от него киргисца Баракбая да каракалпаченина Булат-батыря, в котором по переводе написано то ж, что и к тайному советнику г-ну Татисчеву.

А к тому в пополнение приписано: кайсаки с каракалпаками алчунского, чиклинского родов Акшибиевы дети, а имянно – Баюмет-бий, Карабай-бий, Муйнак-бий, шумханского роду Тайган-бий, да каракалпацкой Уразак-бий, Муратшана-мулла, Кара-бий с нами в обшче е. и. в. верные рабы.

При подлинном чернильная печать.

Переводил переводчик князь Иван Максютков.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 388. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 389 об.

№ 82

1740 г., конец сентября – октября 7⁸⁶. – Поручику Оренбургского драгунского полка Д.В. Гладышеву

Благородный и высокопочтенный поручик Дмитрий Гладышев!

Письмо ваше я исправно получил и весьма порадовался. И я слышал, что вы трудно едете. Как-нибудь приезжайте, только б сами здоровы были; а хотя, что вами оставлено будет, то не

⁸⁴ Дата получения.

⁸⁵ Дата получения.

⁸⁶ Датируется по данным путевого журнала Д. Гладышева. См.: Географические известия. СПб., 1850. С. 525–526.

пропадет. А ежели доехали до двора моего, что есть у вас, то оставьте в доме моем; сами ко мне приезжайте, а я вас дожидаюсь, хотя на худых лошадях. А ко мне приедете, то станете на хороших ездить; а ежели не будете, то мне и от оногo сумнительно будет. А хотя вы в пути беспокойны были, а ко мне приедете, то будете в покое и в чести, и сын мой будет.

Перевод XVIII в. Опубл.: Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. С примечаниями Я.В. Ханыкова // Географические известия. СПб., 1850. С. 541–542.

№ 83

1740 г., ноября 7–8⁸⁷. – Персидскому шаху Надиру

а)

По доброте и милости благословенного и всевышнего бога повелитель над всеми мусульманами от Абу-л-Хайр Мухаммад Гази Бахадур-хана к вам, самодержавному повелителю Исфахана [1] и всех кызылбашей [2], слово: под крутым берегом (яром) – брод, после вражды – мир. В прежние времена справедливый падишах Ануширван [3] враждовал с отважным Хатимом Тайи [4], но в конце-концов они помирились. Если у тебя есть что сказать, говори – мы ответим. Да не останемся мы в напасти от кызылбашей, не оставайтесь и вы в беде от мусульман [5]. Если вы будете в мире с Белым ханом-падишахом [6], тогда и с нами вы в мире. Если вы во вражде с Ак-ханом [7], то и с нами вы во вражде. Если у вас есть какое-либо [к нам] дело, говорите, мы решим вместе. Если вы посягнете на [нашу] веру, то и дикие узбеки, и все мусульмане, пока из нас останется в живых хотя бы один человек, мы [будем говорить]: «Уповаю на Аллаха [8], о пророк, бог един!» Год 1153 [9].

Современный перевод с чагатайского тюрки Т.К. Бейсембиева. Подлинник на тюрки опубл.: Ханыков Я.В. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным. СПб., 1851. Приложение. С. 1 (тюркский текст).

б)

По милости всемогущего бога над всеми мусульманами Абулхаир-хан Мухаммет-Гази-Багатур-хан и повелитель.

Вам, Испоганскому и всея Персии владетель, надлежаща чрез сие объявление следующее.

Понеже и под самыми наивысочайшими берегами имеются удобные броды, равномерно же и по жестокой войне случающейся, наконец, бывает приятный мир. Так как в древние времена некий праведный царь, именуемый Неширван, имел престоковую войну с некоторым наисильнейшим и храбрым тараватым человеком, называемым Хатынтаем, но напоследок заключили ж между собою мир. Я же при объявлении сего прошу: ежели, что имеете мне объявить, то оным не замедлить, почему и с моей стороны надлежащим ответом не премину, дабы без такого посредства в нечаянном случае между нашим мусульманским и вашим персидским народом не последовало кровопролитного греха. Ибо, ежели вы имеете постоянный и неразрывный с е. и. в. всероссийскою мир, то и с нами учинить вам потребно, буде же с е. и. в. намерены вы подвигнуть войну, то и с нами оное продолжать не оставляйте. И для того, что вы намерены делать, оное чините, сказавшись. Ежели же вы приняли намерение приклонить нас к закону своему, то в обращение оному мы, мусульманы, до последнего человека до самой смерти к тому склонны не будем, со уважением неотменным на всевышнего бога.

⁸⁷ Датируется по времени написания документа на основании сведений путевого журнала Д. Гладышева. См.: Географические известия. СПб., 1850. С. 520.

По-мусульмански писано 1153 г., а по-русски – 1740 г.

Оное письмо переводил переводчик Араслан Бекметов и в том татарском письмом подписался.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1741 г. Д. 4. Л. 30–32. Перевод XVIII в. Копия. Опубл.: Географические известия. СПб., 1850. С. 542–543; КРО-1. Док № 74. С. 170–171.

№ 84

1741 г., января 24. – Императрице Анне Иоанновне

По милости всемогущего бога, вы, Анна, императрица и самодержица всероссийская и проч., и проч., и проч.

Вашего императорского величества подданный Киргис-кайсацкой орды Абулхаир-хан по милости в. и. в. в. и. в. подданнейше доношу.

Ездили было мы отсюда в Хиву по призыву их, что им персияне чинили обиды. По приезде мы туда к оному персицскому шаху отправили посла своего, причем, во уверение послал милостивую грамоту, присланную от в. и. в. с таким словом: ежели он в. и. в. мирен, то и нам мирен. Оный шах, посланным нашим показуя милость, придав от себя посла, отправил возвратно с письмом, в котором призывал нас к себе, и мы, поверя его слову, изготовили было к посылке послом родственника своего Нияза-салтана, кайсацких и каракалпакских лутчих биев своих, также из Аральского юрта Артука-бека да Сеиталея-бека и с ними живого барса и всякия подарки. Но при самом их отъезде прибыли в Хиву на почте с письмом от помянутого персицкого шаха бывшие у него в плене хивинцы четыре человека, которым письмом оной шах приказал нас из города не выпускать до приезде ево, шахова. По прибытии того письма я, сомневаяся, что у него стало не одно слово, и не веря ему, покинув город и взяв с собой биев, которые владели оным городом, выехал и оных оставил в Аральском юрте у сына своего Нуралея, которой ныне выбран ханом в том Аральском юрте. Оные хивинские жители, приняв на себя вину, хотели было к в. и. в. притти в подданство, но в то время персияне, приехав, привлекая их к себе, разорили город, взяли больше всего сына моего Ерадея, который ездил в С.-Петербург к престолу в. и. в. должный поклон отдать; жену ево, шуринов и тещу со всею семьею взяв, поехал. Оныя персияне из оставших от разорения Бековича знатных персон из двадцати четырех человек взяли с собою половину, а другая половина осталась здесь. Мы им, персиянам, чинить ничего не смеем, пока от в. и. в. придет сила, а когда от в. и. в. сила прибудет, тогда все хивинцы, аральцы, бухарцы в. и. в. будут холопи.

Присыланной от в. и. в. к нашему дикому юрту Кутлумухаммет-мирза Тевкелев, приехав, открыл было наши дороги и милости в. и. в. начало, показуя к нам, оной мирза Тевкелев наставил на путь, а что он ныне отселе отлучился, в том у нас сердце нимало не на месте, пока здесь он не будет. Пожалуй просим, ежели он на свете есть, прислать. А присланной сюда генерал-лейтенант князь Василей Алексеевич Урусов весьма нашим сердцам приятен, всякие наши нужды на место проводит и всякою милостию в. и. в. обнадеживает. За неприездом же мурзы многим делам остановки чинятся, понеже в наших диких юртах лехкомысленных людей сердца неимоверны.

Вашего императорского величества милостивая грамота мне, подданному вашему рабу, вручена, а мы, увидя тое грамоту, обрадовались, яко от матери родились вновь. По своему закону вышнему господу богу, прося о здоровье в. и. в., молились.

В той вашей грамоте соизволили приказать так, когда противники означатся, то генералу или протчим командирам, которые поблизости, уведомить.

Ныне всякое свое дело в. и. в. подданнически доношу: в нынешнее время противники явились персияне и верхние калмыки, и между нами некоторые кайсаки и каракалпаки, и издали приехавшие юрт разорители от башкирцов беглые наших лехкомысленных народов к

возмущению приводят. А для искоренения таковых мочи нашей не становится, пока от в. и. в. сильные войска не придут, когда же сильным оружием войска ваши и великия караваны придут, то Ташкент, Туркестан, Хива, Арал и все мусульмане у в. и. в. будут в подданстве. Мы, подданные ваши, вначале будем их к тому приводить, ежели бог соизволит.

Оной аспаганский и персиянский называется шахом, а в одном видении явилось у него два слова, а ко мне, подданному вашему рабу Абулхаир-хану, показана милостивая ваша дорога – тому стало двенадцать лет. Но никогда отменного вашего слова не было, что вы ни прикажете, то склоняюсь в волю в. и. в., а к другим не склоняюсь.

Писано генваря 24-го дня в четверг, по их 1153 г., т. е. 1740 г.⁸⁸.

На обороте того письма ево, Абулхаир-хана, две чернильные печати. Переводил с татарского письма переводчик Араслан Бекметов и в том татарском письмом подписался.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1741 г. Д. 4. Л. 57–60 об. Перевод XVIII в. Опубл.: КРО-1. Док. № 69. С. 133–134.

№ 85

1741 г., января 24. – Начальнику Оренбургской комиссии генерал-лейтенанту князю В.А. Урусову

Перевод с татарского письма, кое получено апреля 30-го 1741 г. чрез Кутыр-батыря.

Благородный и высокопочтенный г-н генерал-лейтенант князь Василей Алексеевич Урусов, в милости божией здравствуй на многие лета, дружески пишу.

Доношу я, Меньшей орды Абулхаир-хан, как я ездил в Хиву по призыву их, что от персиян учинилась им обида. И, прибыв туда, отправил от себя посла к персицкому шаху, причем во уверение послал милостивую грамоту, присланную ко мне от е. и. в. И оной шах посла моего принял честно и, придав от себя посла же, отправил ко мне возвратно с письмом, которым призывал он меня к себе. И я, поверя такому ево слову, изготовил было к посылке послом родственника своего Нияза-салтана, придав к нему из киргисцов и из каракалпаков лучших биев своих, тажкож из Аральского юрта Артука-бека, да Сеиталея-бека и с ними живого барса [1] и всякия подарки. Но при самом их отъезде прибыли в Хиву на почте с письмом от него, шаха, бывшие у него в плене хивинцы четыре человека, которым письмом оной шах приказал меня из городу не выпускать до приезде своего. Чего ради я, сумневаяся и не веря ему, покинул Хиву, и, взяв с собой из хивинцев самых лутчих людей, кои оною владели, выехал. Оная персияне в бытность их в Хиве из тутошних пленников, когда хивинцы обманом Бековича [2] порубили, то ево еще остатку из двадцети четырех человек половину взяли с собою, а другую я взял к себе и отдал на збережение сыну своему Нуралею-салтану, которой поставлен в ханы над Аральским юртом, кои и поныне имеются в ево руках.

Ныне нам над оными народы действовать ничего нашей мочи не становится, пока вы сами с великим войском и с сильным оружием будете, то Ташкент, Туркестан, Савран, каракалпаки, аральцы, трухменцы, Хива, Бухары, Самарканд и все б города были под владением е. и. в. Два письма – одно персицкаго шаха, а другое – хивинских жителей при сем послал к вам, которые прошу отправить до е. и. в. Посланные от вас послы все живут при нас в добром здоровье, служба их к нам очень показалась приятна, отправлю их, придав к ним из аральских, киргиских и с каракалпаков послов, а где надобно строить город, то видели оные присланные от вас и о том вам донесут. Места очень изрядные, токмо наши самовольные и лехкомысленные люди, пока не приехав по Сырдарье, и не возьмутся под страх, никого не боятся. А в ту пору, может быть, по нашему желанию, были б единоголосны. Вам, высокого ума

⁸⁸ Ошибка переводчика. Следует читать – 1741 г., так как все описанные здесь события происходили в конце 1740 г. См. путевой журнал Д. Гладышева (Географические известия. СПб., 1850. С. 528–532).

генералу, вестимо и самим, о чем мы стараемся, чтоб приехав во многом войске, город строить и, взяв юрты и зделав базар, привести в подданство. Потому уповаем, что все наши дела были по желанию, в чем просим у е. и. в. милостивого рассмотрения, которое состоит в воле ея величества. Недруги наши более умножились нежели други, и верхняя калмыки чинят беспокойства. О себе доношу: не хочу быть в подданстве ни у персидского шаха, ни у контайшинцов и не гляжу. Дай бог, многия лета здравствовать е. и. в., что не прикажет повинны слушать, когда с вами будем видется, тогда о всех делах говорить будем. Ежели бог соизволит, просим все свои войска и великое оружие, также и караваны, изготовя, не опасаяся ничего, приехать немедленно во время семика на сие место.

Писано сие письмо генваря 24-го дня в четверг 1740 г.⁸⁹ при урочище речки Куванского устья [3].

Внизу приписано: отправил верного человека своего Кутырь-батыря, просим отправить при почте до милостивой е. и. в. без задержания, дабы ему ездить день, иметь и приехать возвратно наскоро.

На оном письме Абулхаировы две чернильные печати.

Переводил с татарского письма переводчик Араслан Бекметев и в том татарским письмом подписался.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1741 г. Д. 4. Л. 67–68 об. Перевод XVIII в.

№ 86

1741 г., начало марта. – Генерал-лейтенанту князю В.А. Урусову

Перевод с татарского письма, полученного чрез человека Абулхаир-хана киргизца Байбека, кой приехал с порутчиком Гладышевым майя 3-го числа 1741 г.

Господин генерал-лейтенант князь Василей Алексеевич Урусов, здравствуй на многие лета со всеми своими домашними. Потом дружески доношу.

Присланной от вас послом порутчик Дмитрий Гладышев с товарищи к нам в Кайсачью орду благополучно прибыли и возвратно отправлены. Как в посланном вашем письме написано, чтоб имеющих в нашей орде русских, татарских и калмыцких полонеников всех возвратить, также б обретающегося вора Карасакала, поймав, прислать, да ограбленные товары у купцов, собрав, отдать, вновь купцов отправлять, и об нижних калмыках, о чем нам здесь и оной порутчик Дмитрий Гладышев письменно доносил. А я не токмо никуда не езживал и никакой худобы не делывал, но и других уговариваю к доброму, так не слушают дикие юрты. Токмо я оному порутчику письменно не отвечивал, а в разговорах говорили. Ныне обо всем вам отвечаю письменно, что пока сюда сила не прибудет, то наши дураки кайсаки не разумеют и не боятся, всяк своих полонеников не отдает; зачем мы о строении здесь города и скучали неоднократно раз пять-шесть.

Впротчем, что вы изволили писать, тому я весьма радуюсь, хотя и тысяча ваших слов будет – повинны слушать. При свидении нашем вы сами дела все будете оканчивать. Оное место, где город надобно строить, показывал, и что видел, о том вам донесет. Вор Карасакал [1] обретається, называя себя Шана-батырем, по призывам моим ко мне не приезжает, и неединогласные наши народы по приказам моим ево не ловят. Здесь не как у вас в России, приказов моих не слушают; когда вы сами для строения города с великим войском приедете, то все будет возвращено, ежели бог соблаговолит; куда и купцам надлежит приехать в то же время, когда и ограбленные их товары будут возвращены, а без того мы с ними управляться не можем.

⁸⁹ Ошибка переводчика. Следует читать – 1741 г. О времени этих событий см. путевой журнал Д. Гладышева (Географические известия. СПб., 1850. С. 528–532).

Мы обретаемся здесь между кайсаками и каракалпаками и от них выехать никаким образом время получить не можем. Ежли нам выехать к вашей стороне, но понеже неприятелей явилось много; верхние калмыки со всех сторон нас окружили, то по отъезде нашем народы будут склоняться к ним, а я кроме е. и. в. ни у кого в подданстве быть не хочу. И ежели е. и. в. милостивые указы не состоят и вы с великим войском не приедете, то наши безпамятные юрты, неведомо которому неприятелю склонясь, честь свою потеряют. Прежде сего, как от е. и. в. милостивым рассмотрением прислан ко мне был Кутлумухаммет-мурза Тевкелев тому лет двенадцать и с того числа всякими е. и. в. милостями обнадеживаете. Почему мы, веря такой милости, желая себе добра, обретаемся в верном подданстве. И ежели, не приехав со многим войском, от неприятелей наших нас не будете оборонять, то в то время кончае во упование своем, будем отчаеваться. В верности же нашей, вестимо единому господу богу, старание наше есть, да мочи нет, для которого я и всепресветлейшую, державнейшую и всемилостивейшую государыню свою сыскал, чтоб наших диких кайсацких и каракалпацких народов сильным своим оружием соизволила на путь наставить, и с тем всеподданническим намерением и в подданство пришел. Ежели бы во мне было тысяча душ, то б со всеми своими душами милостивой е. и. в. служить готов. Пожалуй, пожалуй, просим вас приехать, о чем и в милостивой е. и. в. грамоте написано, что наши кайсацкие и каракалпацкие юрты вам, генералу-лейтенанту князю Василью Алексеевичу Урусову, от неприятелей охранять повелено, а нам, с которой стороны неприятели являться будут, доносить. Ныне же такие неприятели нам явились, то вам повесчаем, чтоб приехать, а когда вы приедете, то мы во всяких службах е. и. в. будем в готовности.

О полоненных ис под Астрахани татарах и калмыках доносили вам Абулмамет и Аблай салтаны, Джанбек-батыр, что будто об них знает хан, но токмо те, которые ездили, чинили то не по моему велению, и я к ним писал, чтоб они их возвратили, а ежели не возвратят, то б на меня не пеняли, будут разорены. Однако вам самим надлежит больше их принуждать, мы вашему всякому слову верим, токмо наши дикие кайсаки и каракалпаки нам не верят, а я обращаюсь один, все наши бессмысленные народы меня мало любят, ежели бог соизволит, по приезде вашем на сию землю недобрых людей всех, показывая, будем ловить и за недобрых людей от доброва юрта и от е. и. в. разлучаться не буду.

Да доношу вам: присланные ваши подарки мы получили, и что вы об нас столько стараетесь, то даруй бог вам, также и нам от бога желаемое. Прежде сего, что ни было подарков, то изволили посылать при письмах, а ныне явились без писем.

Во уверение печать свою приложил.

Ниже печати его подписано по-мусульмански: 1154 г., месяца хамеля первых чисел, а по-русски: 1741 г., марта первых чисел.

Переводил переводчик Араслан Бекметев и в том татарском письмом подписался поручик Араслан Бекметев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1741 г. Д. 3. Л. 5–6 об. Перевод XVIII в. Копия перевода – там же. Л. 65–66. Оpubл.: КРО-1. Док. № 75. С. 175–176.

№ 87

1742 г., марта 4. – Императрице Елизавете Петровне

Во имя прославленного бога.

Ее величеству великой всемилостивейшей государыне императрице сообщаем: в виду того, что устраиваются [какие-то] тайные совещания нашего йурта, и братья наши младшие отвернулись от нас и ведут себя вызывающе, дела милостивейшей государыни не приводятся в исполнение. Дело в том, что до этого времени я не говорил о поведении моих младших братьев, полагая, что они сами образумятся и в будущем, опомнившись, отдадутся службе

государевой. Какой бы проступок они не совершали, об этом я не говорил. Теперь же, основываясь на нашем искреннем отношении к милостивой государыне и клятвенно уверяя, что слова наши уважаемой государыни будут также непреложны, как единство бога, сообщая как о тайных [секретных] словах их, так и о явных делах их.

I. Сказанные ими раньше при встрече с прибывшим мурзой слова я им простил. Да будет ведомо государыне – сказанные ими слова и совершенные ими после личного свидания с генералом Татищевым и мурзой дела их. Абулмамбет-султан и Барак-султан мне заявили: мы, подобно Абулхаир-хану, отдав русским своих сыновей и покорившись им, не можем превратиться в русских. Заявив так, они, внутренне и внешне объединившись с башкирами, возбудили находящийся по Тоболу народ.

Во-вторых, опять мой младший брат [...] ⁹⁰, выдав себя за великого и отдав башкирам законы [указания], тем тамошний народ возбудил, и здесь, ведя внутри [пропаганду], и здешних возбудил.

В-третьих, сам султан Абулмамбет побудил живущего в Туркестане своего старшего брата Жангир-султана [1], Караша Мурзагула [2] и Нияз-батыра [3] ограбить имущество направляющихся в Ташкент купеческих караванов.

В-четвертых, Барак-султан с находящимся при Абулмамбете Карасакалом, препятствуя всяким делам, стал на путь разбоя, возглавив его. Абулмамбет-султан, Барак-султан, Карасакал и Батыр-султан – эти четыре – единомышленники. Они, говоря нам: «Лучше отдать калмыкам своих сыновей и алман», – отталкивают йурт [от государыни]. Полагая, что несущие повинности государыне рано или поздно их пристыдят, они из осторожности воздерживаются при них говорить [что-нибудь]. Иначе простой народ тотчас же выполнял бы ярлыки государыни.

Батыр-султан [4] мне является и младшим братом, и зятем. Однако и он стал их единомышленником. Раньше после приезда мурзы всемилостивая государыня простила было [Батыру] совершенное им ограбление в пути имущества каравана.

Но он снова вступил на преступный путь. Абулмамбет-султан, Барак-султан и Батыр-султан, внося в йурт разногласие, уговаривают давать калмыкам белый дом и алман. Но мы на это им говорим: какой же вред вы потерпели от государыни, которой мы подчинились? Она стала нам отцом и матерью; вы оделись в красную, зеленую и черную лисицу и в китайский шелковый халат. Все наши желания она удовлетворяла: зимой мы имели зимовку, а летовали на Чу. Во время нападения врагов она нас укрывала. Казахов, которые были задержаны в момент совершения ими воровства, она выдавала вам в руки. Какой же вред вы потерпели? Разве теперь найдется такая справедливая государыня? Я им заявил: если же вы не дадите того, что требует от вас государыня, и не вступите на подобающий путь, то мы и государыня вам и признанным вами калмыкам – враги ⁹¹.

Как бы то ни было, поедут ли они на личное свидание [с вами] или же они здесь побудут ⁹², ты указанных султанов расспроси относительно Карасакала, пленных и купцов, и если они не смогут дать ответ, то дело [их] быстро закончится [выяснится]. Вот тут то мы увидим, являются ли они с нами равными [в покорности]. Если будет угодно единому богу, то с божьей помощью мы расправимся с ними. Сами мы, Абулхаир-хан, Нурали-хан, Ерали-султан, Хожаахмет-султан, Досали-султан [5], Айчувак-султан, Адиль-султан, Жеткуз-султан, старший наш брат – Нияз-султан, и сыновья: Карабас-султан, Дурмухамбет-султан и Орус-султан пребываем, как угодно богу, всегда на стороне государыни.

Вплоть до могилы, полагаясь на единого бога, готов служить государыне, стреляя ее стрелой и рубя ее мечом, и преследовать людей, которые пойдут против государыни. Каждое дело известно только Аллаху.

⁹⁰ В подлиннике следующие два слова неразборчивы. (Здесь и далее по тексту – прим. ред. МИКССР-2).

⁹¹ Вольный перевод.

⁹² В переводе XVIII в.: задержите их как аманатов

Во-вторых, доводим до сведения государыни о том, что во время состоявшегося личного свидания генерал-лейтенанта с Абулмамбет-султаном и султаном [Аблаем], наш Нурали-султан и Ерали-султан также прибыли туда. Они тоже приняли участие на совещании. Они вернулись обиженные и сообщили, что Абулмамбет-султана и Аблай-султана угощали лучше их; удивлялись, разве заслуги [этих султанов] перед государыней больше, чем их отца. Они говорили: оказывается после [смерти] отца их, с ними так поступают. Успокаивая Нурали-хана, сказал ему, что таких дел мне не приходилось видеть. Кто начал дело, тот и закончит его [...]⁹³ Письмо закончено.

1155 г. [...] 8 Мухаррама⁹⁴.

Диван-мулла Альмухаммед руку приложил.

На обороте приложена печать с надписью: Абулхаир-хан [Хаджи]-султан[ов сын].

Современный перевод с чагатайского тюрки составителей МИКССР под редакцией И.Н. Леманова. Опул.: МИКССР-2. Док. № 2. С. 29–31. Подлинник на тюрки – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 4. Л. 10 и об. Опул.: МИКССР-2. С. 413–418.

№ 88

1742 г., апреля 8. – Начальнику Оренбургской комиссии генерал-лейтенанту Л.Я. Соймонову

Ея императорского величества всепресветлейшия державнейшия великая государыня Елисавет Петровна в милости содержащейся и в верном подданстве находимся.

От вашего высокопр-ва г-на генерала-лейтенанта Леонтья Яковлевича Соймонова присланные к нам грамоты получили, и весьма я обрадовался и поздравляю, что вы вместо прежнего генерала находитесь, и желаю на многие лета здравствовать е. и. в. и вашему пр-ву в милости пребывать. А я нахожусь в прежней моей верности в подданстве, и по божией милости ныне я со всею моею ордою прикочевал в близости к Оренбургу и к свиданию с вашим пр-вом нынешнего лета сердечное мое желание имею. И для того прежде сего от себя отправил порутчика Гладышева и старшину своего Кутлумбетя-ясавула с письмами и с словесным моим приказом, а при свидании с вашим пр-вом все наши дела окончательно учинятся. Особливо же того желаю, чтоб всемилостивая государыня была нами довольна, и не изволите того мыслить, чтобы какая от меня и как прежней всемилостивейшей государыне находился, так и нынешней всемилостивейшей государыне в верности состою со всею сердечным моим желанием и разсуждаю, что сей свет временной, а хорошее имя вечно поминаться будет, и что от всемилостивейшей государыни какая нам служба сказана ни будет, то со всею моею радостью, и веселием, и с великим попечением готов исполнять. И когда хан и салтан в верности будут, то ево киргиской многой народ слов и повеления всегда уже слушать повинны; и те послушливые всегда становятся вразумные люди; и ваше пр-во, что нам желаете добра, то и мы все тебе от бога того же желаем, чтоб до свидания меня с вашим пр-вом встретить меня приказать с церемонию от Орска подалее, дабы глупой мой киргиской народ, видя то, могли принять себе в разум, в какой я милости нахожусь и какую честию российское войско встречает, к чему более были у меня в послушании и в верности находились, а ваше пр-во в то время изволите остаться при крепости.

Присланное ж от вашего пр-ва на кавтан сукно получил, а лисицы не получал. Еще ж вашему пр-ву доношу, что мы с нижними калмыками мир учинили чрез посланцев: от киргис-кайсаков – Бармака. а от калмык – Кусяпа-киргизенина; и между обеих сторон было по сороку человек, а имянно: от киргис-кайсак из знатных владельцы Кучак, Барак, Абул-

⁹³ Далее два слова не разобраны.

⁹⁴ 1742 г., 4 марта.

мамбет, Исет, Джанбек, Алтайбай, Тиряк, Джанак, Тюля-батыр, Ерашбай; от калмык – владелец Будансюка-зайсанг с товарищи, а всех именами сказать не знаю, с таким договором, когда в нынешнее время младенец родился, и в возраст придет, и конем станет владеть, до тех пор войны со обеих сторон не иметь, а боле-де в том воля всемилостивейшия государыни и вашего-де владельца Абулхаир-хана. И о том несумненно изволите, ваше пр-во, поверить, а более при свидании окончательно обо всем основать можем. И мы, видя, что калмыки у е. и. в. в подданстве находятся, войну оставляем, и видим, что мы все единой государыне в верности находимся, то с ними хощем, как дети при отцах своих, жить вместе, ибо всемилостивейшей государыни высочайшее повеление весьма исполнять надлежит, и от всевышша бога сердечно желаем, что она, всемилостивейшая государыня, о нас, подданных, о всех всещедрое такое свое попечение имеет.

Еще ж о воре башкирце Карасакале доношу, хотя б он настоящей Шуна был, то нам в нем нужды нет, и ежели бог повелит, то он в руки вашему пр-ву отдан будет, при свидании же с вашим пр-вом не токмо о таком воре, но и более другие дела отправить можем, дай бог всемилостивейшей государыне многолетное здравие.

Ея императорского величества всемилостивейшей государыни от нас прозьбы по повелению ея все исполнены будут, надеюсь; а персиянину Надыр-кулу, калмыцкому Галдан-Чирину в подданстве быть не желаю, а всесердечно и со всею моею радостью у всемилостивейшей государыни в подданстве быть желаю. Слышно же мне, что персидской посол в Российском государстве находится, и для того прошу, чтоб Бухарию и Хиву от того посла выпросить в российское владение, и ежели с той прозьбы не отдадут, то б соизволено было меня уволить и войска российского ко мне со ружьем прислать, то я оные купно с своими кайсаками сильно взять могу, а более в том воля всемилостивейшия государыня, что персияне и калмыки Галдан-Чиринины под властью российскою, а воля в них всемилостивейшей государыни, а наше желание и старание, чтоб Хива, Бухария и Туркестант, Ташкент под властью всемилостивейшия государыни находились, только мне время до того не допускает. О чем и в прежних моих письмах об оном же я с прозьбою просил, о чем и ныне прошу, а обо всем в волю е. и. в. полагаюсь.

До вашего пр-ва со оным письмом отправил с Юсупом-абызом своего нарочного Байназара-батыря с кощею ево. Как изволите сие письмо получить, то с надежным вашим человеком Араслана-переводчика пожаловать ко мне прислать, и всякой ваш словесной приказ и письма для исполнения с таковыми людьми всегда надлежит присылать.

Во уверение же сего моего письма свою печать приложил.

1742 г., апреля 8-го числа.

По повелению хана писал всенижайший раб Алмухаммет Нуркеев.

Вышеписанн[ое] письм[о] переводил переводчик Араслан Бекметев, в том по-татарски и подписался [следует подпись]⁹⁵.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 4. Л. 50–57 об. Перевод XVIII в. Копия. Опубл.: КРО-1. Док № 86. С. 201–202.

№ 89

1742 г., апреля 25. – Императрице Елизавете Петровне

Перевод с татарских писем, поданных прибывшим ис Киргис-кайсацкой орды порутчиком Гладышевым от Абулхаир-хана апреля 25-го числа. В которых написано.

Во имя господне! Доношу е. и. в. о совете наших юртов от поступок и о противностях братьев моих. Дела ваши, всемилостивейшей государыни, не оканчиваются. Прежде сего я

⁹⁵ Перевод сделан 21 мая 1742 г. Дата перевода установлена по примечаниям ред. КРО-1.

о показаниях от них непотребных делах сколько ни признавал, то не доносил, чаял, что они, может быть, образумятся; впредь будут угодны в службу в. и. в. Ныне же по верности и по присяжной должности в. и. в. тайные и явные мои слова доношу, хотя и тогда, как присланной мурза вначале приехал, имел с нами свидание, много от них непристойных слов знал, токмо и то было я им простил, а с того времени, как генерал Татисчев с мурзою свидание имели со мною в Оренбурге, то какие вышеобъявленных моих братьев дела и сказанные слова их происходили, о том в. и. в. доношу.

Абулмамет-салтан и Барак-салтан мне сказывали: Абулхаир-хан-де отдал сына своего, а мы того не желаем, отдав детей своих, в подданстве быть русакам; они же между собою пересылались з башкирцами и разорили Сибирской край; второе, оные же братья мои, отдав башкирцам от себя владельца, разорили тамошних, потому ж, призывая к себе их, башкирцов, разорили здесь; третье, едущих в Ташкент купцов с товарами Абулмамет-салтан ехал за ними, и, придав им живущего в Туркестане брата своего Джангера-салтана и подвластных своих Мурзагула, Нияза-батыря, заставил грабить; четвертое, живет ныне Карасакал у них же, Абулмамета и Барак-салтана, и ото всех добрых дел отговаривают они народ, что Абулмамет и Барак, Батыр салтаны и Карасакал, четверо советуют единогласно, чтоб зюнгарским калмыкам отдать детей своих, и давать дани, и отврасчают свой народ от в. и. в. подданства. Отчего я опасуюсь, что когда ни на есть нам остаться в стыду, что доношу по сущей моей верности; ежели бы они, владельцы, не были с подлыми народы в противности, то можно бы управляться по повелению в. и. в., не пропусая долгого времени. Показанной же Батыр-салтан имеется мне родственник и зять, соединился с ними прежде сего в бытность мурзы Тевкелева граблением товаров, но милостию е. и. в. вина ему просчена была. А ныне сызнова начал делать непотребства. Абулмамет, Барак и Батырь салтаны, возмущая подвластной народ, приговаривают отдать зюнгорскому калмыку белые знатные кибитки и дань, а я, сказывая им, что они за худобу видели от в. и. в., которую мы взысканием своим нашли, яко милостивого отца и мать, откуда и получили красные, зеленые кармазины и черные лисицы, и по желанию нашему всем пожалованы и удовольствованы, от неприятеля в засчищении, пойманные с воровством кайсаки их вручены им напрасно. И толикого правосудливого монарха изобрести нигде невозможно, и ежели они по повелению в. и. в. не будут поступать, то с найденными их калмыками, надеючи на в. и. в., всегда воевать будем. А ныне, хотя они к свиданию будут или не будут, однако надлежит требовать от оных салтанов Карасакала и полонеников, и ограбленных от купцов товаров, и ежели они в чем ответствовать не будут, по тому можно их признать совесть и видеть, как они с нами будут в равенстве. А нам, ежели господь бог даст здоровье, желаем в службе в. и. в. поступать сердечно з детьми своими – Нуралеем-ханом, Ералеем и Ходжаахметем, Достагалеем, Айчуваком, Годылем и Чингызом салтанами и з дядею моим Ниязом-салтаном, з детьми ево – с Карабашем, з Дулмухаметем, с Урусом салтанами, и до остатка моей фамилии, надеюсь на единого бога, будем служить в. и. в. и против неприятеля и противников в. и. в. всегда в готовности со всею моею совестью, о чем вестимо единому богу и в. и. в..

Еще же доношу. При свидании с покойным генерал-лейтенантом князем Васильем Алексеевичем Урусовым о Абулмамет и Аблай салтанах сказывали мне дети мои Нурали и Ерали салтаны и сообщники их, что они возымели честь лутчее и более детей моих, о чем оные мои дети и сумневались, ибо моя служба в. и. в. наиболее была, что-де после родителя нашего, меня, им честь такая ж будет, и в том были печальные. А я оному Ерали-хану, уговаривая, сказывал, что я о том деле несведом, только надеюсь: кем дело зачато, тем напоследок и вершится.

Писано 1742 г., марта месяца.

Писал нижайший раб писарь мулла Алмухамет и руку приложил.

На оном письме помянутого Абулхаир-хана чернильная печать.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 1. Л. 11–14 об. Перевод XVIII в. Копия. Опубл.: КРО-1. Док. № 82. С. 189–191.

№ 90

1742 г., апреля 25⁹⁶. – Генерал-лейтенанту Л.Я. Соймонову

Во имя господа бога! По указу е. и. в. самодержицы всероссийской его высокопр-ву г-ну генералу-лейтенанту Леонтью Яковлевичу Соймонову доношу.

Прежде от бывшего покойного генерал-лейтенанта князя Урусова послана к нам была грамота, а ныне уведомился я чрез порутчика Гладышева, что вместо одного генерала определены ваше пр-во, а мы рады под командою быть, кто указом е. и. в. определены будут. Также доношу, что я прикочевал со всеми моими подвластными к Орь-реке в урочище, называемом *Ялгыз Агач*⁹⁷ (сиречь «Одно дерево») [1] и обещаюсь служить, что повелено будет от е. и. в., что донесут вашему пр-ву при свидании порутчик Гладышев да толмач, что мы обращаемся в верности. Но живучи в дальности, не могли исполнить е. и. в. повеления, зачем ныне к помянутому урочищу «Одному дереву» и прикочевали.

Просим встречать нас и принять с тысячью человек солдат и с музыкою, понеже лехкомысленные дураки чрез то удобнее содержаны быть могут в руках, и по повелению е. и. в. дела, надеюсь, будут исполнять и все, как возможно б, сего года свершить. Чего ради и вашему пр-ву надлежит прибыть в Оренбург с великим войском, о чем прошу и уповаю, и тому четыре на десять лет тако по милости у е. и. в. подвласных наших смирить надеятельно, понеже кроме е. и. в. ни на кого надежды не имеем. Вначале – един бог, потом дай бог здравствовать е. и. в. на многия лета.

А что Галдан-Черин, сказывают, привлекает к себе в подданстве быть, как мы были белому царю, и бутто б мы и с ним быть в союжестве, то неистинна; что он, как хочет, з другими знается, а я к его словам не склоняюсь и учиняемую свою присягу с именем господним не поврежду, ибо оных калмык давно мы знаем, чего для не токмо ныне, но и прежде не склонились. Ныне, слава богу, уповаю счастием е. и. в. Туркестант, Ташкент и протчие города привесть в подданство.

При сем послал человека своего Кутлуметя-ясавула [2] с Коджабеком и с двумя косчегями [3].

Писано 1742 г. в марте месяце.

Писал нижайший раб писарь мулла Алмухамет и руку приложил.

На обороте того письма помянутого Абулхаир-хана чернильная печать.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 1. Л. 12 и об. Перевод XVIII в. Копия перевода – там же. Л. 15–16. Оpubл.: КРО-1. Док. № 82. С. 191.

№ 91

1742 г., апреля 25⁹⁸. – Генерал-лейтенанту Л.Я. Соймонову

Именем господним высокопочтенному г-ну генералу Леонтью Яковлевичу Соймонову с мольбою челобитье.

Доношу вашему пр-ву, что Кайсачей орды Майнакова дочь полонена была калмыками, о которой уведомился, где она живет, порутчик Гладышев; а имя ее – Калке, отец – Майнак, материно имя – Айдана, братино имя – Ирнасап. И об отыскании и о присылке ее сюда прошу вашего пр-ва.

Вручил сие письмо для отвозу к вашему пр-ву порутчику Гладышеву.

Писано 1742 в новом году.

При окончании того письма ево, Абулхаир-хана, чернильная печать.

⁹⁶ Дата получения.

⁹⁷ В подлиннике – «Агаз». (Прим. ред. КРО-1).

⁹⁸ Дата получения.

Вышеобъявленные три письма переводил переводчик Араслан Бекметев, в том по-татарски подписался⁹⁹.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 1. Л. 13. Перевод XVIII в.

№ 92

1742 г., октября 2¹⁰⁰. – Астраханскому губернатору тайному советнику В.Н. Татищеву

Перевод с писем татарских, писанных от кайсацкого Абулхаир-хана к тайному советнику и губернатору г-ну Татищеву, полученных сего октября 2-го числа 1742 г.

С 1-го

Пресветлейшей е. и. в. главнокомандующему тайному советнику и астраханскому губернатору Татищеву поздравляю и при сем доношу вам: присланное от вас письмо я, получа, очень порадовался и благодарствую. По свиданию вашему обещанное слово содержу, бог един есть, и слово ненарушимо, и грешные рабы божию много живут, а дурак ничего сыскать не может, и мизерны будут. И оного разсудить неможно, кто бога не знает, и о таковых людях вы сумневатца не извольте, такие бездельники якобы по моему повелению дурачество зделали, а я, во-первых, т бога, а во-вторых, от государя не отрекусь.

Ея императорского величества подданных, имеющие здесь пожитки и полоненников и скотину: верблюдов и протчую скотину, какие русские ни есть весчи, приказал отыскивать, и сам я возымел намерение повидатца с поспешением, в том случае ваши люди приехали с письмами; ежели бог даст, когда повидаюся и возвращусь в то время вышеписанные пожитки все прикажу отдать; а мы желаем зимовать в Нарынкумы. Также изволите в письме упоминать о полонениках наших, в котором городе сысчутца, тех возвратить прикажите.

При сем же доношу: ежели малолетные крещеные по вашему закону до пятнатцати лет, таковых прикажите возвратить, а ежели возвратные по своему желанию крестилися, тех не прошу; того ради Чекартулепа ко услугам вашим с сим письмом послал и ему троих детей прикажите отдать, а оной Чекартулеп как о своих детях, так и о иных старатца будет, чего ради оной и послан.

Писано 1155 г., месяца асета, т. е. по-российски 1742 г., месяца сентября.

На подлинном письме на обороте чернильная печать, в которой значит имя – «Абулхаир-хан».

Со 2-го

От него ж, Абулхаир-хана.

Доношу вашему пр-ву, кто е. и. в. верно служит, тот мне приятель. Что изволите приказать, все [за] благо приемлю. Одного моего служителя имеетца доброго отца сын именем Урус, а отца ево зовут Джаулыбай, при нем брат Кубек; а нам слышно, что оной в городе Черкасском, при нем два товарысча, и прошу оного Уруса с товарысчи оттуда взять и возвратить.

На подлинном письме на обороте печать чернильная, в которой значит имя – «Абулхаир-хан».

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 4. Л. 185 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 93

1742 г., октября 2¹⁰¹. – Вдове калмыцкого хана Аюки ханше Дарма-Бале

Перевод с письма татарского, писанного от кайсацкого Абулхаир-хана, полученного сего октября 2-го дня 1742 г.

⁹⁹ Подпись на тюрки.

¹⁰⁰ Дата получения.

¹⁰¹ Дата получения в Астраханской губернской канцелярии.

Тайжи-Абугаю [т. е. ханше Дарме-Бале] кланеюсь я, Абулхаир-хан, желаю многолетнего здравия, а я об вашем здравии слышел.

Прежде сего в жизнь Аюки-хана [1] вы довольно одну речь слышали, мы того слова держимся, что вам понадобится, чрез посланцов извольте нам сказать, и по вашему желанию будет исполнено; и прошу посланцу Нарбе дать позволение, чтоб оной между нами ходил, при вас – вам, а при нас – нам служил. С Нурбою Джала сюда отпустите, брат ево Бамбет внутри края.

На обороте печать чернильная, в которой значит имя – «Абулхаир-хан».

[Переводил переводчик Абдрахман Карабаев].

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 4. Л. 186. Перевод XVIII в. Копия.

№ 94

1742 г., октября 2¹⁰². – Наместнику Калмыцкого ханства Дондук-Даши

Перевод с письма татарского, писанного от кайсацкого Абулхаир-хана к наместнику калмыцкому Дондук-Даше, полученного сего октября 2-го дня 1742 г.

Дондук-Даша-Баадыр-хан, кланеюсь вам с ханством и доношу: между нами кроме дружбы ничего не имеетца и между нами кто будет в посылках находитца и ежели станут непотребными словами обносить, им верить не извольте, а ежели станут в доброжелательстве находитца, таковых надлежит чествовать. И ежели кто пожелает ехать для купечества или для своих нужд, таковым извольте позволение давать, а ежели кто от вас к нам для нужд или купечества приедет, мы потому ж станем отпускать; а кто оное письмо к вам привезет и пожелает к нам ехать з братом своим Джалом, и так оных вы оттуда отпустите. Здесь брат ево Баймат-батырь у Карабая жил, также Абугаю [т. е. ханше Дарме-Бале], как Аюка-хан вам сказывал, от батюшки Акиши посылавалось, также Абулхаир-ханова посланца Аит-ходжу много не одерживать, к нам пришли.

На обороте печать чернильная, в которой значит имя – «Абулхаир-хан».

Оные письма переводил переводчик Абдрахман Карабаев.

Канцелярист Стефан Нестеров.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 4. Л. 186 об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 95

1743 г., марта 3. – Начальнику Оренбургской комиссии тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с присланного киргис-кайсацкой Меньшей орды от Абулхаир-хана татарского письма, в котором по переводе значит.

Его превосходительству г-ну тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву niskой поклон.

При свидании с вашим пр-вом представлял я Карабая-батыра, ежели какие службы всемилостивейшия государыни будут, то оной с ревностию служить может и по тому моему представлению послали в Каракалпацкую орду со оным Карабаем порутчика Гладышева. А оной в Средней орде взял к себе реченного порутчика Гладышева в дом, в сем удовольствовал как пищею, так и лошадьми снабдил, и послал своего брата родного Баимбет-батыря и родственника своего Милке-бия с ним, Гладышевым, в Каракалпацкую орду всеблагополучно. А ныне оной Гладышев ис Каракалпацкой орды с посланцами возвратился и был у одного Карабая в

¹⁰² Дата получения в Астраханской губернской канцелярии.

доме, и от него я ево, Гладышева, к вашему пр-ву отправил во всяком благополучии. А оной Карабай-батырь, как я и прежде вашему пр-ву представлял, состоит в верной службе е. и. в., також и мне во всем послушен с самого того времени, как здесь был полковник Тевкелев. А он, Карабай, тою службу продолжает не для приезжих здесь посланцов, но для е. и. в. и вас, генералов, и для того доброе имя во веки не умирает. Чего ради вашему пр-ву представляю: оной Карабай-батырь и впредь е. и. в. всякие службы служить всегда готов, только б ево такие труды туне не пропали, но только ж вашего пр-ва прошу на сие мое представление не иметь гневу, ибо кто в верности е. и. в. находится и положенное дело по верноподданнической должности порядочно исправляет, о том мое сердце радуется.

При свидании ж вашего пр-ва со мною изволили объявить мне, что я о вашем пр-ве так коротко не знаю, а знает сын мой Козахмет-салтан и, если бог приведет, то летом и я ваше пр-во знать буду, и изволили обещать всякие наши нужды поправлением не оставить. И тако я по тому вашего пр-ва обещаю, подлежащих до меня известиев от вашего пр-ва ожидаю и по моей верноподданнической е. и. в. присяжной должности, как с вашим пр-вом в бытность мою при Орску представлял, состою. Я ж ныне со всею своею ордою прикочевываю к вашему пр-ву ближе и, если касающиеся до меня какие известия имеете, прошу меня уведомить.

И ныне я помянутого порутчика Гладышева с каракалпацкими посланцами до вашего пр-ва двух киргизцов проводить послал и приказал оным, чтоб они от вашего пр-ва ко мне приехали. А двух человек ис каракалпацких посланцов прошу пожаловать отправить ко двору е. и. в. А в вышеобъявленных посланных от меня двух киргизцах помянутой Карабай-батырь послал вместо себя своего человека Бусурмана, а я своего ж человека, алтайского роду Алтабердея, чего ради прошу оных ко мне отправить.

Марта 3-го дня 1743 г.

У подлинного письма ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

Канцелярист Иван Коптяжев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 20. Перевод XVIII в. Копия.

№ 96

1743 г., марта 3. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, присланного Киргис-кайсацкой орды от Абулхаир-хана, в котором значит.

Его превосходительству г-у тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву niskой поклон.

При сем вашему пр-ву доношу, что Каракалпацкая орда к е. и. в. и притом той орды Каип-хан и брат ево Абейдулла-салтан и Муратших, Урускул-салтан, Сяндюк-батырь и все то владение в подданство вступили и с общего согласия отправили ныне с порутчиком Дмитрием Гладышевым посланцов девять человек. Посланы с тем намерением, какия от е. и. в. в ту Каракалпацкую орду повеления будут, а они то по верноподданнической должности от е. и. в. принять и со всякою ревностью их заслужить и исполнить желают. И, если той орды впредь салтаны будут потребны, то, согласясь с биями, с надлежащими посланцами они сами ехать желают. И как е. и. в. им то позволит, тогда они с их желательным усердием и поедут; как е. и. в. киргис-кайсаки пришли в верное подданство, такими ж мерами и они службу свою продолжать желают. Также просили меня оные каракалпаки всею ордою, дабы от меня вашему пр-ву представить: дабы посланные их ко двору е. и. в. посланцы, недоехав, к ним возвратиться не могли. Каким же образом наша орда обращается, о том вашему пр-ву самим небезызвестно. При свидании же с вашим пр-вом изволили мне приказывать, чтоб о состоянии той Каракалпацкой орды, в каком она основании приемлет подданство е. и. в., о том бы мне разведав, по моей верноподданнической должности вашему пр-ву представить. И для того

ныне иного ничего объявить об их состоянии не имею, кроме того, как они о верноподданстве е. и. в. присягу по нашему закону приняли и Куран целовали, а они, каракалпаки, об их нуждах могут вашему пр-ву словесно донести сами.

По здешним одним известием, хотя на то самих видоков нет, однако здесь происходит молва, о которой вашему пр-ву умолчать не могу, якобы персияки с великим войском в черкасы, или горские татары, и к Астрахани ехать намерены. И егда они подлинно приедут, то с нашей стороны по силе помощи на оных с стороны е. и. в. помогать по нашей подданнической верности спомогать готовы, только от е. и. в. в том нам позволение будет, то уже той службы не отминет. Только ж, хотя то и правда, того опасаться нечего; бог всемогущен, врагов победить может.

При свидании с вашим пр-вом изволили обещать об отпуске сына моего Кузяхмет-салтана, получа от е. и. в. указ, меня уведомить. Но токмо я того известия и поныне не имею, а как каракалпацкой посланец Мамор от вашего пр-ва с поручником Дмитрием Гладышевым отправлен, и по отъезде от меня оной Гладышев везде объявлял, что якобы по представлению ево ваше пр-во одного сына моего отпустить не изволили. И если б-де не ево представление, то б-де отпущен был.

А понеже оной Гладышев ездить в ордах не годится и никою ни во что ставит, да и в здешних местах таких слов говорить не надлежит, а кроме ево некому ли ездить, оное нам признаватца весьма в стыд. А мы таковых присылаемых из России принимаем и содержим в почтении. А о сем я известился чрез письмо ис Каракалпацкой орды. И в Киргис-кайсацкой орде он, Гладышев, у Карабай-батыря те слова объявлял. И что по тому чинить, оное полагаю в волю вашего пр-ва. И, хотя вы поныне нам не верили, только мы верим.

Марта 3-го числа 1743 г.

У подлинного ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик князь Иван Максютков.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 18–19. Перевод XVIII в. Копия.

№ 97

1743 г., мая 15¹⁰³. – Императрице Елизавете Петровне

Божию милостию всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елизавета Петровна, самодержица всероссийская и проч., и проч., и проч.

Мы, верноподданныя киргис-кайсацкой Меньшей орды Абулхаир-хан, высочайшей вашей императорской милости рабски представляю, яко своему природному императору, по всесовершенной верности, что разцветающей день и провозсиявшее солнце рано и поздно высочайшей вашей императорской милости ожидаем. Ныне напоследок текущее время, по щастию нашему, нашло всемилостивейшую государыню и по божескому соизволению, також по присяжной нашей должности, признаваем в. и. в. за истинную нашу государыню и просим вашей высочайшей милости и сожаления об нас, старых и древних стариков, даже и до малых юношей в содержании моем з двумя санями, кибитками, т. е. з дватцетью тысящми, и каракалпацкой народ, и все их знатные люди и з главным Мратшихом, согласясь, из своей воли в верноподданство быть желали и в. и. в. всякие службы как киргис-кайсаки, так и они, служить желали. Токмо их время не допустило, а ныне, исполняя свое совершенное намерение, по Курану присягали и словесно мне объявили: ежели-де потребен будет салтан, также и купцы, и положится на нас всякая служба, и что от нас всемилостивейшая государыня потребует, по оному поступать исполнять во всякой готовности будем. По прозьбе их, называя меня киргис-кайсацким и каракалпацким ханом, обещались быть во всякой верности. И я, поверя

¹⁰³ Дата перевода.

MAGNE
TARTARIÆ
MAGNI MOCOLIS IMPERII
IAPONIÆ et CHINÆ.
Novi Descriptio ex Tabula
Impediti: Vin D'N'Witsem per Magni parte
alios Aucteribus Exceptis et data
Per Fm WITTE Amstelredam
Gen 1714, 1715

Ex Belgiam
I. COVENS ET C. MESSERS

MARE
KALMICHITARUM
quod OCEANUS OCCI-
DENTALIS.

MARE
AMORSE ZEE
nuncupatur
ad N Witsen

RECIPIUNT
Calyunen
YEDSON

MARE quod
TENSKOGI nuncupant
Et Cetera per
Hanc Tabulam

MARE
CASSIUM
Qualitque Mare
Diaro Gilan
Culzum Degrhis
Bahar Curzum

MARE
MEDITERRANEUM
CASSIUM
MARE
MEDITERRANEUM

1. Карта «Великой Тартарии, Великой Монгольской империи, Японии и Китая» Н.К. Витсена, 1687–1698 гг.

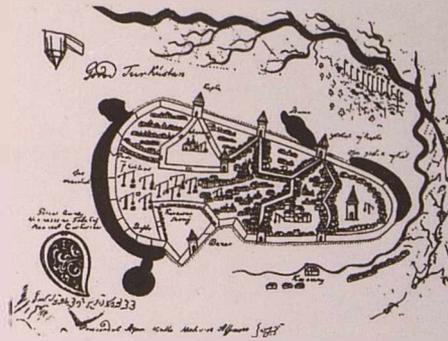

2. «Чертеж всей малопроездной каменной стени» С.У. Ремезова. 1696 г.

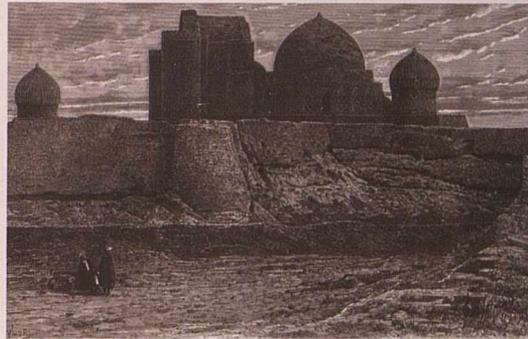
3. Подсвечники из мавзолея
Ходжи Ахмеда Ясави.
Начало XV в.

5. План города Туркестана.
Рис. К. Миллера.
Первая половина XVIII в.

4. Набор писца. Фрагмент рукописи
на бересте, калам и футляр с
принадлечениями писца. Улус
Джучи. Поволжье. XIV в.

6. «Вид мечети Азрет в Туркестане
с левой стороны».
Рис. Тэйлора по фотографии 1877 г.

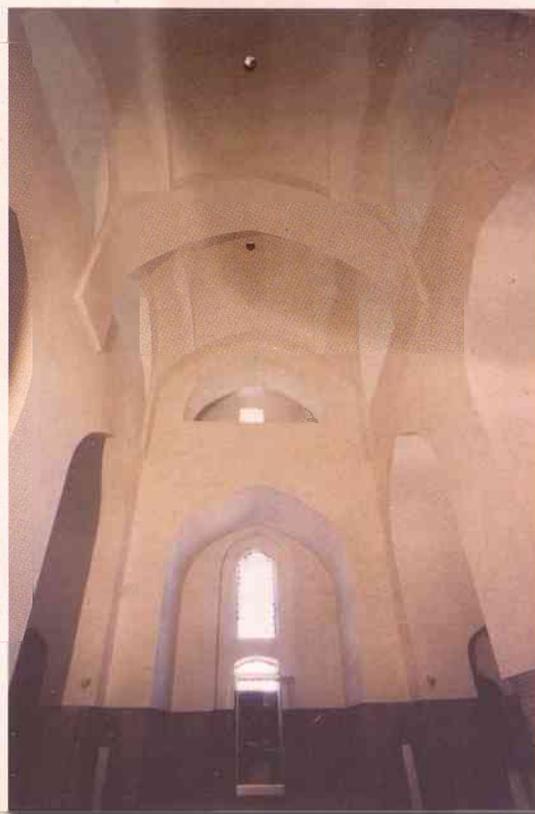
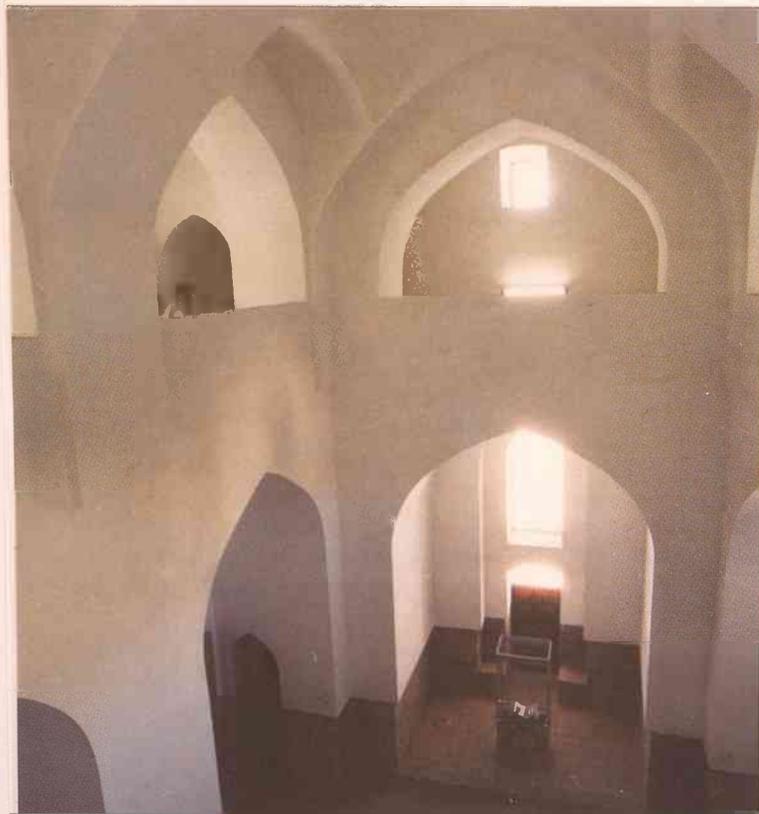

7. Шкура туранского тигра,
покрывавшая около трех веков
надгробие хана Жолбарыса в
мавзолее Ходжи Ахмеда Ясави.
XVIII в. Туркестан.
Фотография М. Кожя. 2014 г.

8. Город Туркестан. Вид на мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави от восточных крепостных ворот. Фотография Т. Стивенса. 2003 г.

9. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави (конец XIV в.). Интерьер Большого Аксарая, служившего дворцовым помещением в XVI–XVIII вв. Фотографии Р. Сала. 2001 г.

City of Tobolsk.

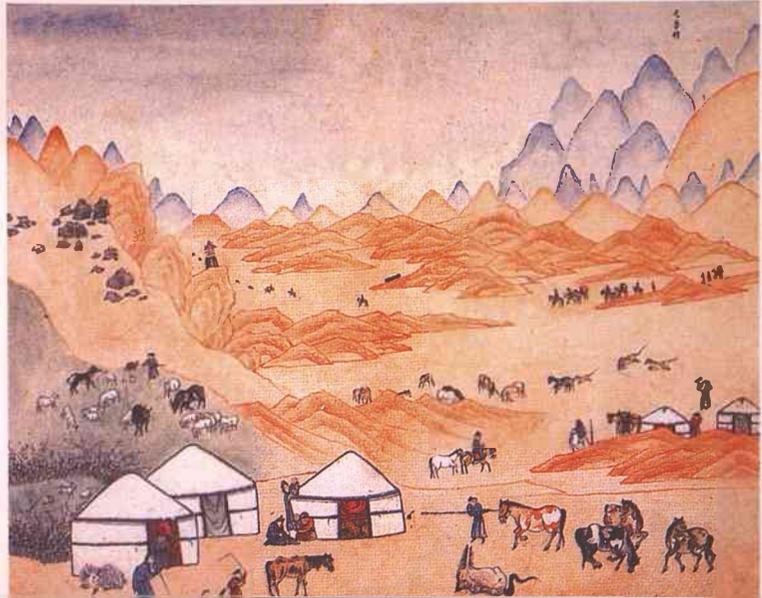
10. Город Тобольск на рубеже XVII–XVIII вв. Литография начала XVIII в.

11. Центральная часть руинированного комплекса джунгарской урги в районе бывшей Кульджи. (г. Инин, КНР). Космоснимок. 2013 г.

12. Урга джунгарских хунтайджи. Неизвестный художник. Первая половина XVIII в.

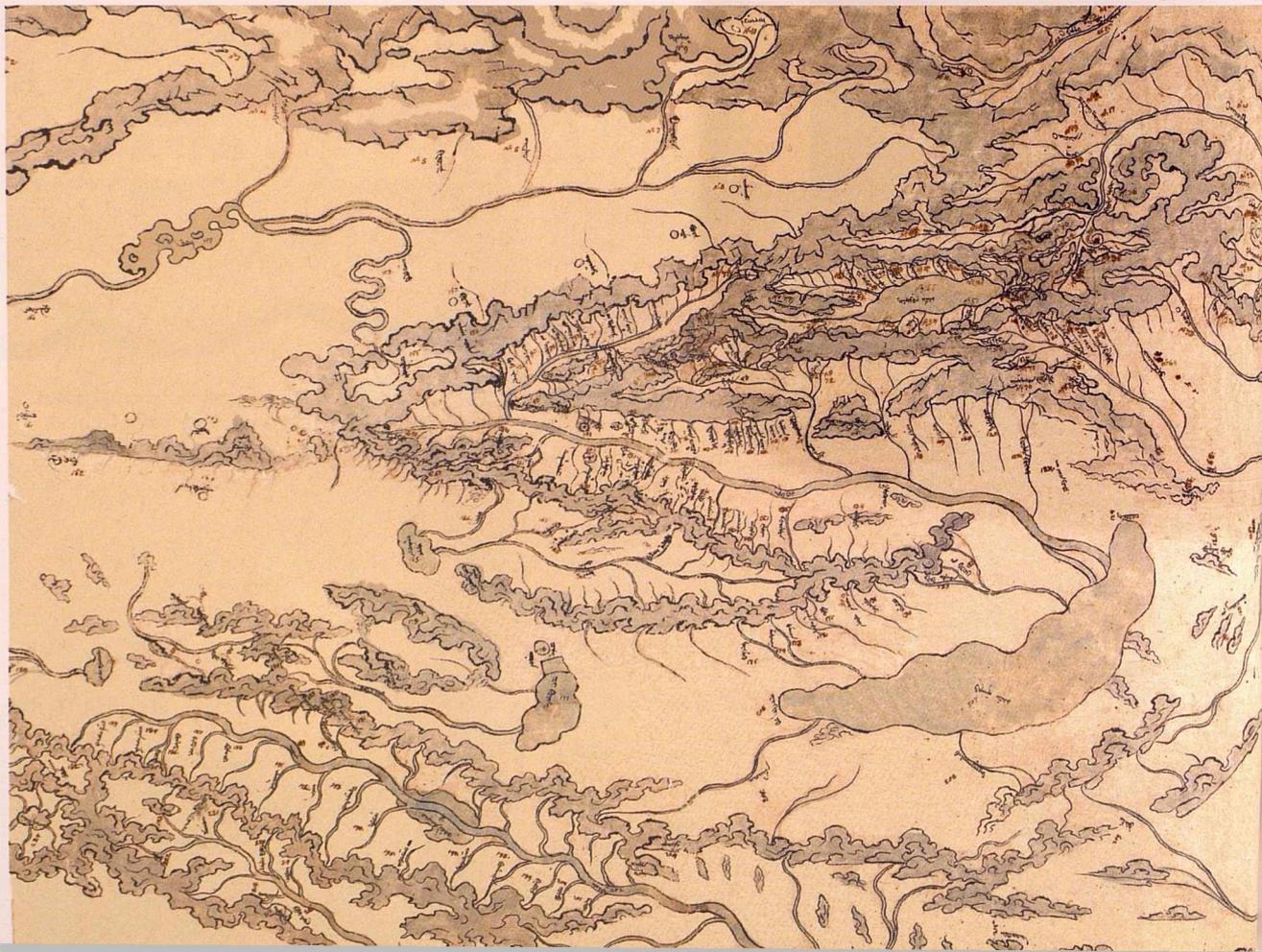

13. Ойратское кочевье. Рис. неизвестного китайского художника. 1795 г.

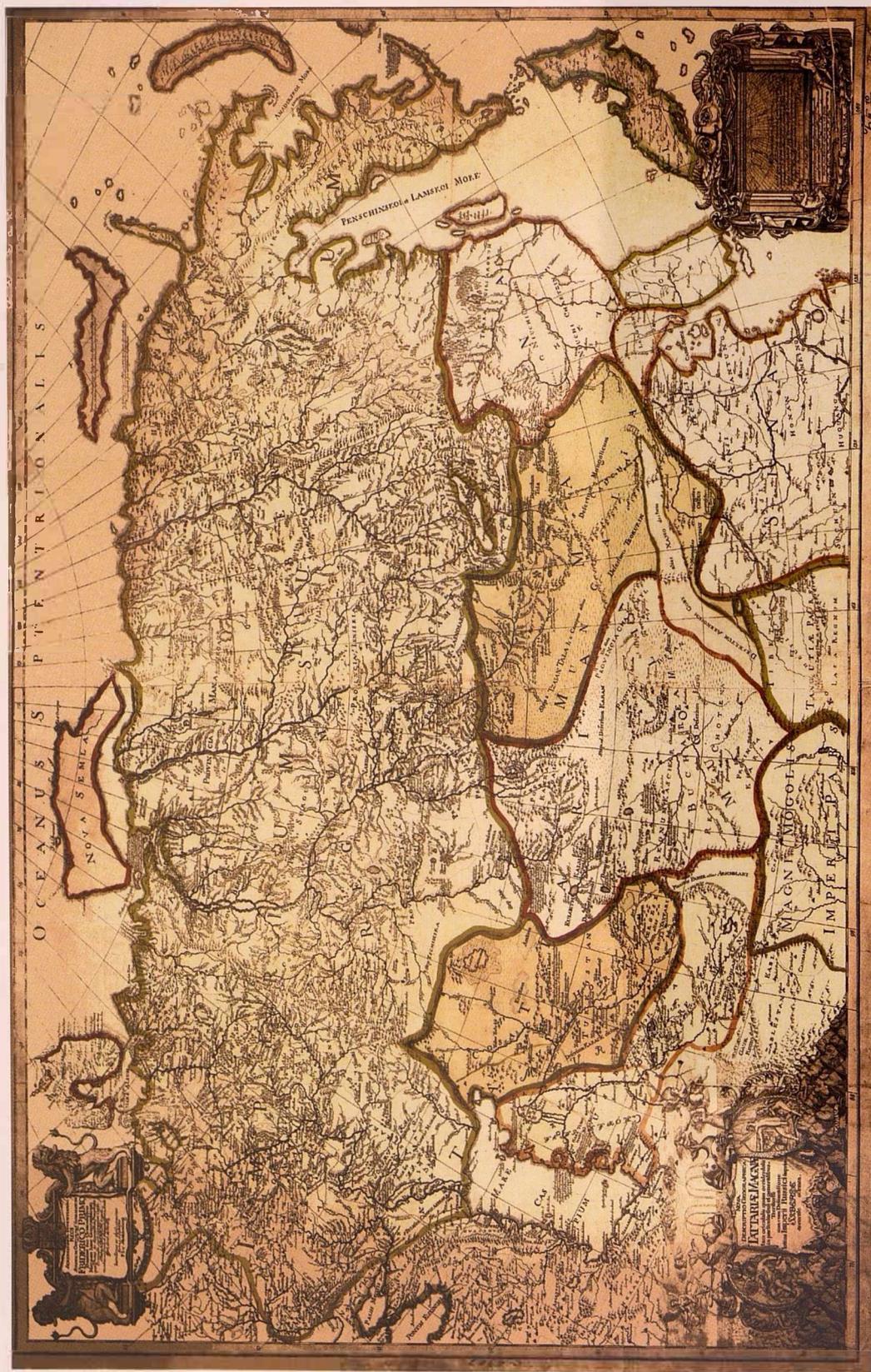
14. «Вид казахской орды». Худ. А. де Барбиш. XVIII в.

15. «Калмыцкая карта» Джунгарии, подаренная хунтайджи Галдан-Цэреном шведскому военнопленному И.-Г. Ренату. Начало XVIII в.

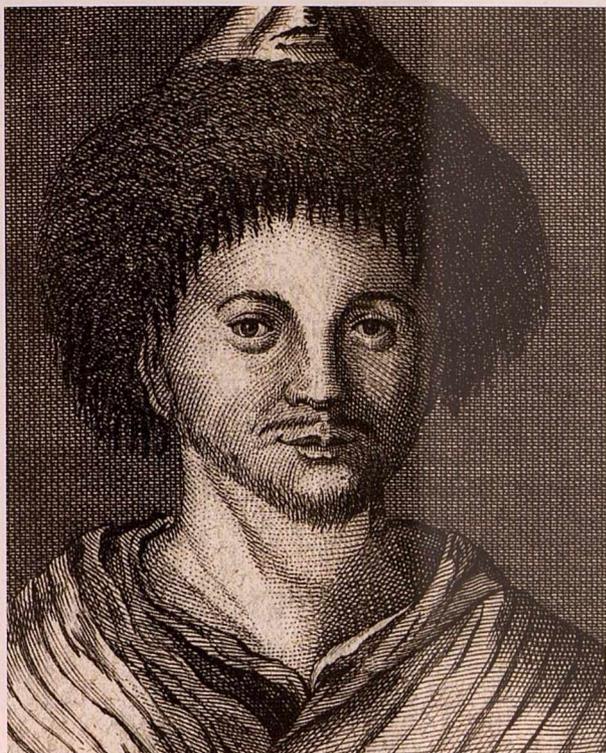

16. «Карта партикулярная калмыцкого народа конташина владения, сочиненная капитаном Иваном Унковским». 1722–1723 гг.

17. Карта «Великой Татарии» Ф.-И. фон Страленберга с обозначением мест кочевания казахских и ойратских племен. 1730 г.

18. Хан Абулхайр. Слева: гравированная литография с рисунка Дж. Касла 1736 г. (Издана в 1784 г.).
Справа: пастельный рисунок. Худ. Дж. Касл. 1736 г.

19. Элитные шлемы: сверху – клепаный ойратского производства; снизу – иранский декорированный с кольчатой бармицей (кулахуд). Из частной коллекции хана Внутренней орды Жангира и его потомков. Принадлежали предположительно хану Абулхайру. XVII - первая половина XVIII в.

20. Памятник хану Абулхайру в городе Актобе перед зданием областного акимата. Фотография Н. Москвичева. 2001 г.

21. «Перемена жилища» (перекочевка). Худ. А. де Барбиш. XVIII в.

22. Бопай-ханым, жена хана Абулхайра. Гравированная литография по рисунку Дж. Касла 1736 г. (Издана в 1784 г.)

23. Прием иностранного путешественника в юрте хана Абулхайра. Гравированная литография с рисунка Дж. Касла 1736 г. (Издана в 1784 г.)

24. Жалгызгагаш («Одинокое дерево») – место постоянной летней ставки хана Абулхайра и его потомков. Худ. Т.Г. Шевченко. 1848 г.

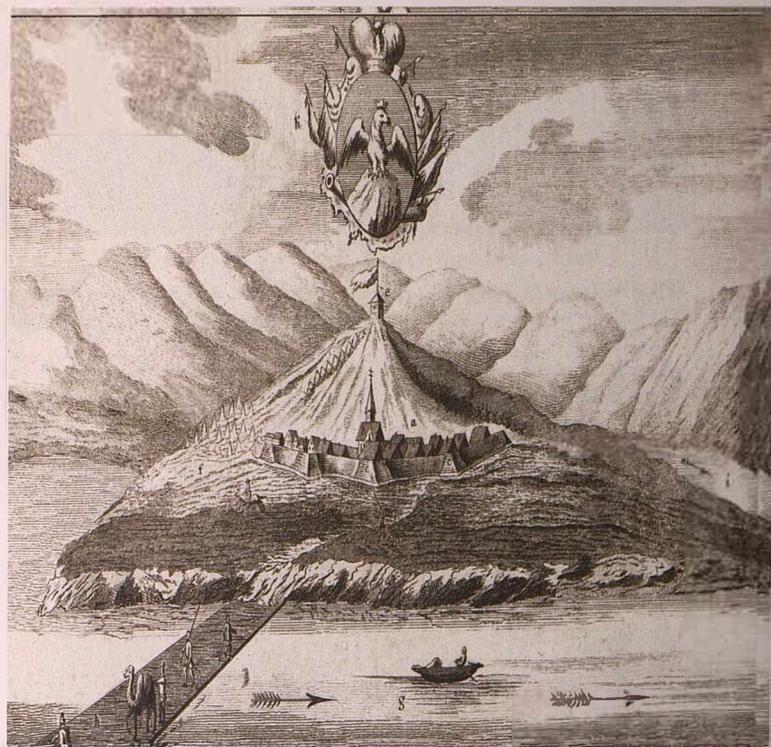

25. Ставка хана Абулхаира на территории средневекового городища Жанкент. Остатки восточной крепостной стены городища. Современный вид. Фотография Е. Хорош. 2007 г.

26. Проспект государственных коллегий в Санкт-Петербурге. Картина Е.Т. Внукова по рисунку М.И. Махаева, раскраска И.-Э. Гриммеля (?). 1753 г.

27. Вид Орской крепости в 1736 году.
Гравированная литография с рисунка Дж. Касла. 1784 г.

28. Петр I в молодости. Гравюра. 1686 г.

29. Турецкий султан Ахмед III. Портрет. XVIII в.

30. Императрица Анна Иоанновна в коронационном платье. Худ. Луи Каравакк. 1730 г.

31. В.Н. Татищев – начальник Оренбургской комиссии в 1737–1739 гг., будущий известный историк. Середина XVIII в.

32. Императрица Елизавета Петровна. Худ. Каспар-Георг де Преннер. 1754 г.

33. И.И. Неплюев – начальник Оренбургской комиссии в 1742–1743 гг., первый губернатор Оренбургского края (1744–1758). Середина XVIII в.

34. Правитель Ирана Надиршах. Худ. брат Базен. 1747 г.

их обещанию, ко двору в. и. в. отправил. О нашем состоянии в начале единому богу и в. и. в. неизвестно о сих посланных, ежели без замедления возвратить [не] соизволите, такожде настоящего посла, салтана, и знатных биев потребуете, то оные, ожидая вашей высочайшей императорской милости, в всякой готовности остались, только б хотя дале августа месяца продолжены не были б.

Вашему императорскому величеству со всепокорностью доношу о своем состоянии и в том меня не обвинить прошу. Пока я здоров, детей своих больших и меньших за равность почитаю; знания злату как большое, так и меньшее, называется златом. По высочайшей вашей милости малолетние мои дети возросли б в службе в вашей и чести б себе услужили, и аще б меня бог в порицание моим неприятелям не подверг, более состоит в вашей императорской воли, понеже мы от своей верности не отринемся. Только от того весьма в стыду нахожусь, что приятели и неприятели говорят, якобы моя верность в том состоит, что я детей своих вам отдаю, и то говорят: «Хотя-де ты и детей своих отдаешь, а мы не отдаем, токмо в такой же милости находимся». Которые речи с немалыми трудами снести могу, будто я ныне насильствен стал быть, и о том мой дикой народ в немалом сумнении находится, и на такие их легкомысленные речи прошу не обвинить. Даруй боже в. и. в. на много лет здравия.

Посланные по именам: первой – Абдулла-шейх, второй – Маман Уразаков и Батырев, третьей – шейх Усян, четвертый – Бабана, пятой – Сагындок, шестой – Пулат-есаул, седьмой – Аман, осьмой – Айдар и с поручником Гладышевым отправлены 1743 г. в марте.

На обороте того листа ево, Абулхаир-хана, чернильная печать.

Переведено с татарского письма на российское 1743 г., мая 15-го дня.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 16–17. Перевод XVIII в. Копия. Подлинник на турки – там же. Л. 15 и об.

№ 98

1743 г., июня 18¹⁰⁴. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулхаир-хана, полученного чрез киргис-касаченина Акмурзы да яицкого казака Ивана Казанцова 1743 г., июня 18-го числа в Орской крепости. По переводу в нем значит.

Высокопревосходительному г-ну тайному советнику и ковалеру Ивану Ивановичу Неплюеву премного кланяюсь и доношу, что со всем моим юртом благополучен нахожусь. Ныне до вас писать ничего более не имею, токмо обо всем объявив при мне находящемуся Ивану Муравину. И он до вас писал для того, что о приезде вашем неизвестен был. Ныне о приезде и благополучии вашем уведомился, человека своего послал.

Ныне у нас Средней и Меньшей орд будет великое собрание и совет. По окончанию того совета нарочного посланца пошлем к вам. Ныне, ежели вы соизволите приехать, то прошу е. и. в. милостию меня наградить, а имянно: достойного мне кармазинного сукна на кафтан да черную лисицу, косяк красной голи, тонкого полотна, белых китаек, четыре ведра вина, шесть пудов хорошей пшеничной муки, три пуда пшенишной крупы, фунт чаю и сахару, фунт перцу немецкого, гвоздики и бадьяну, три красных кож. За неимением у нас на степи базару в сих показанных наших вещах имеем немалую нужду. Ежели сие прислать соизволите, то я дружески приму и благодарить буду. Впредь от е. и. в. всемилостивейшей государыни высочайшую милость и награждение ожидать буду. Степной и лехкомысленный свой народ при вышепомянутом собрании искушать буду их вином, для того сие вышеписанное прошу без всякого умедления прислать до онога собрания. Человека своего Акмурзу и яицкого казака Ивана Казанцова до вас отправил дня 17-го числа и прошу их к 20-го числа июня ж возвра-

¹⁰⁴ Дата получения.

тить. Какой в прошлом году разговор имели, и в том и состою. Об калмыцком Галдан-Чирине вы б ответствовать соизволили.

Во уверение сего письма на обороте чернильную печать свою приложил.

По листам скрепа: Петр Рычков.

Канцелярист Иван Коптяжев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 45 и об. Перевод XVIII в. Копия. Опубл.: МИКССР-2. Док. № 8. С. 53–54.

№ 99

1743 г., июня 26¹⁰⁵. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулхаир-хана, полученного чрез киргис-кайсаченина ясаула Кутлумбета да ясаула Киикбая июня 26-го числа 1743 г. в Орской крепости. По переводу в нем значит.

Всепресветлейшая державнейшая великия государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийския.

Ея императорского величества г-ну тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву премного кланяюсь.

Присланные от вас четыре письма с почтением моим получил и присланные от вас подарки во всяком благополучии получил же и весьма тому обрадовался. За здравие е. и. в. всемилостивейшей государыни, собираясь, наш народ каждый день пьют. Что изволили прислать вина, почитая нас наиболее моего требования, и за оное особливим моим довольствием радость имел. Дай бог вам и впредь, чего вы от бога желаете. Сие ваше представление мне изъявлено, токмо посланной от вас человек к сыну моему Эрали-салтану к нам не бывал, [но] о получении у нас ясно растолковали.

В письмах ваших вы объявлять изволили, что всемилостивейшая великая государыня на всероссийский отеческий престол в наследники назначить соизволила родного своего племянника благоверного государя великого князя Петра Федоровича, и оного поздравляем на многие лета со всею нашею неотменительною радостью, и со всем народом присягать в готовности находимся; а кто приезжать будет, тех к присяге приводить изволите. И я до собрания моей команды для истинного к нам ответа до вас послал ясаула своего Кутлумбета. Не допуская до очей е. и. в., дела наши окончать соизволите. Свиданием с вами по-прежнему удовольствоваться могу; что нам объявлять соизволили, и мы вам в том верим. И об вас так думаю, что [б] вы вновь прибыть изволили. И о нашем состоянии действительно ведать не изволите и столько нам не верите затем, что Ходжа-Ахмет-салтана не даете, и просите ево из двух которого-нибудь брата. Ежели оного Ходжа-Ахмет-салтана с Чингизом сменить не изволите, то еще до всемилостивейшей государыни нарочного от себя послать намерение имею, ибо без того дела наши окончаться не могут. Дальние наши неприятели и ближния друзья [то] за насильство почитают. И как бы сию мою вышеписанную прозбу исправить соизволили, то наши киргис-кайсачские, зюнгорские и окольные все дела окончаться б могли.

Отпущенной от зюнгорцов Джапак-батырь [1] говорил, такожде ис полученного чрез майора от зюнгорцов вами ответа в единстве состоит об нас и за весь наш юрт. Весьма милостивым своим старанием не оставляйте тем, что киргис-кайсачские, зюнгорские и каракалпачские дела однем основанием подтвердить обещались, и то сочинять соизволите весьма изрядно. И мы завсегда за здравие е. и. в. рано и поздно молимся и тако во всяком благополучии находимся. Словесно доносить будут ясаулы наши Кутлумбет [2] и Киикбай [3]. И ежели Ходжа-Ахмет-салтан в Орскую крепость приехал, то помянутого Кутлумбета-ясаула

¹⁰⁵ Дата получения.

до него прошу допускать для разговору и осведомлении о ево здравии. Ежели ж не приехал, доподлинно сведомиться ж, и тако советоваться будем.

Во уверение оной Абулхаир-хан чернильную свою печать приложил.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 46. Перевод XVIII в. Копия.

№ 100

1743 г., июля 3¹⁰⁶. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулхаир-хана, полученного чрез киргиз-кайсаченина Акмурзы-батыря июля 3-го числа 1743 г. в Орской крепости. По переводу в нем значит.

Высокопревосходительному г-ну тайному советнику Ивану Ивановичу Неплюеву кланяюсь. Присланные от вас письма чрез казака Федора Найденова получил, в котором изволили писать о нужнейших разговорах, и тому весьма обрадовался.

С прошлого году я с народом своим в сумнении находился затем, что от всемилостивейшей государыни повеления не получали. А ныне от вас грамоты получали в том, что при свидании о всех наших и всенародных нуждах для общаго разсуждения, и то весьма изрядно. Ежели которые наши нужды окончательны быть не могут, о всех тех делах, обще с вами согласясь, до всемилостивейшей государыни отправлять будем.

Высокопревосходительный г-н генерал, кому мне доносить, что не вам; а вы также о надлежащих всенародных делах мне представлять изволите и по присяжной своей должности и обещано. Поколь моя жизнь продолжится, в том состою, при свидании нашем обо всем том персонально разговор иметь будем, и ныне показанных наших нужд, также и для дружеского свидания к вам по письму вашему приеду. И по приезде моем всякие речи говорить будем, обнадеживаясь на милость всемилостивейшей государыни, и в том прошу на меня не зазреть, и прошу прислать для удовольствия моего г-на майора Степана Семеновича Ртищева со всяким церемонием. И он бы, приехав, нас уверил, и потом бы я, уверя свой дикой народ и утешая их ветреной ум, к вам привел. Аще бог благоволит, предбудущаго месяца во втором или четвертом числе прибуду, т. е. сего июля 12-го или 14-го чисел, и к тому числу прошу Ходжахмет-салтану в Орскую крепость приказать приехать.

Еще объявляю о своих глупоразумных людех: паче чаяния для воровства и для отгону скота к нижним калмыкам и башкирцам приезжать будут. Которые при нападении друг на друга и смертно убьются, те пропадай. Ежели ж которой попадетса живой, от таких для пользы е. и. в. интереса, по кайсацкому манеру, брать штраф по сту лошадей; сверх того шесть лутчих, т. е. хороших, пансырь, лутчаго коня, да верблюда, кармазинный кафтан, да ясыря одного, да ис птиц лутчаго, которой бы мог зверей бить, беркута или ястреба. А [ежели] их потом отпускать не будут, то прошу смерти предавать, о настоящем воре сомневаться не будем. Изволите разослать вверх по Яику до Тоболу, вниз по Яику до Учюргу для известия и крепчайшей осторожности; и мы таким ворами воли не даем, которые безсовестные и самовластные, разъезжая, воровать будут.

А которые за настоящими своими нуждами приезжать будут прямо в крепость, имея о себе нашу печать, таковым обид и налог не чинили б и, обороня, обратно отправлять. Посланный от вас к Эрали-салтану человек ко мне явился и письма ваши мне вручил. Еще ж прошу для возвеселения дитя своего Адиль-салтана прислать сокола да ястреба, в чем и Федор Найденов словесно донесет, и до ваших услуг приближного своего Акмурзу-батыря при сем послал.

На подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, печать.

¹⁰⁶ Дата получения.

На листах скрепы: ассессор [Петр Рычков].
[Канцелярист Иван Коп]тяжев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 47–48. Перевод XVIII в. Копия.

№ 101

1743 г., сентября 3. – Тайному советнику В.Н. Татищеву

Всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы и самодержицы всероссийской дела управляющему превосходительному г-ну тайному советнику и губернатору Василью Никитичю Татищеву, желая многолетнего здравия, кланеюся.

При сем доношу: сие мое письмо прикажете перевести и, усмотря из оного силу, всемилостивейшей государыне извольте послать, и ежели на сие от е. и. в. милостивой ответ воспоследует, ко мне прислать.

1. Когда приезжал мурза, которой при отъезде своем от нас ничего не требовал, только мы по своей воле для всеподданнической нашей к е. и. в. верности ко двору е. и. в. с Алексеем Ивановичем Тевкелевым послал[и] сына своего одиннадцатилетнего да брата родного. И по приезде их к высочайшему е. и. в. двору, по прошению моему во всем я е. и. в. высочайшею милостью удовольствован, и прислана ко мне всемилостивейшая грамота, и притом как сын, так и брат мой возвратно ко мне со удовольствием присланы. И по прошению моему для купечества нашего город Оренбург всемилостивейше для меня и нашего народу повелела построить. И в то время как я с вашим пр-вом свидание имел, обещался я и з детьми своими до жизни нашей в непоколебимом е. и. в. подданстве быть и служить, и в то ж время по обещанию своему чрез ваши руки Ходжуахметя е. и. в. отдал.

2. Прошлого году тайный советник и кавалер Иван Иванович Неплюев для свидания с ним звал меня, и я з домом и с сыном своим к нему в крепость поехал, и было со мною знатные старшины от всех природных фамилий с таким намерением, ежели какие неприятельские поступки явятся, то б мне с ними в городе жить летним и зимним временем. Для того я от всех фамилий в город взял старшин, что несколько кайсак, согласясь, хотели уйти для житья к верхним калмыкам.

3. Ежели ж генерал требовал от меня Карасакала, т. е. «черная борода». А в то время оной Карасакал обретался в бура-найманском улусе, ибо он той природы. И из оной породы поймав я тридцать человек, отдал в город с таким представлением, ежели ему, генералу, кто от их фамилии потребен, чрез их отыскивал бы. А он, генерал, их не задержав, отпустил. А после того требовал я от него, генерала, для отправления кайсацких дел войска, но точию он и того сделать не изволил. А после того я отдавал ему для содержания сына своего и старшин, которого моего сына и старшин он не принял. А потом стал я ему представлять, что я для верности своею охотою отдавал для содержания детей и старшин своих, а ныне вы для чего брать и меня довольствоваться не изволите? А сначала не так поступали, а ныне иначе поступать изволите.

Еще ж я представлял ему, что по присланному е. и. в. всемилостивейшему ко мне указу повелено, ежели мне когда случитца нужда и протчее, от него требовать. И по той моей прозьбе он, генерал, никакого мне удовольствия не учинил. И потом послушные все старшины, собрався, стали мне говорить, что по вашему ханскому прошению генерал ничего не исполнил, и стали на меня пенять и говорить, во время-де кайсацкого Арчин-хана [1], когда он нашими ордами владел, в то время он с калмыками, и с кизылбашами, и с протчими ханствами [мир] заключил и никаких в аманаты детей своих не отдавал, а ныне-де ты сына своего отдал в аманаты, и он содержится якобы под караулом, а за неимением при вас сына вашего, нам думаетца, что рус[с]кие люди нам не верят. И на то я стал своему народу говорить, что я сына своего в аманаты отдал не для какой притчины, но он по моей воли тамо живет, и ежели я у

всемиловейшей государыни стану просить, то не точию, чтоб он, сын мой, был отдан, но и более со мною милость явлена будет и сына моего возвратить прикажешь.

Того ради всемиловейшей государыни рабски прошу и протчей мой народ старшины просят же по обещанию нашему в непоколебимом подданстве быть, по прошению нашему, показуя к нам высочайшую милость, оного Ходжаахмета приказать нам отдать, за что непоколебимо в верности служить будем.

Еще ж прошу по переводе сие письмо чрез нарочного моего человека Алтын-Джумалав-Авеса, нарядя с ним одного своего куриера, на почте ко всемиловейшей государыне вскорости послать и по прежней моей с тобою дружбе сей моей прозьбы не оставить. А от меня к генералу Неплюеву посланец послан будет, и для уверения непоколебимого своего подданства я, Абулхаир-хан, к сему письму печать приложил.

На подлинном письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать.

Писано 1743 г., сентября 3-го числа.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 7. Л. 10–11. Перевод XVIII в. Копия. Опубл.: КРО-1. Док. № 113. С. 290–292.

№ 102

1743 г., сентября 3. – Астраханскому губернатору тайному советнику В.Н. Татищеву

Его превосходительству Василью Никитичу Татисчеву премного кланяюся и при сем доношу о нашей стороне. О худых и добрых поступках вам известно, добрые речи надобно содержать, а худые речи надлежит на ветер пущать, и дабы умножил господь Бог е. и. в. многолетнего здравия. А я всегда по обещанию своему в непоколебимой верности состою должен; и при сем письме до вас Тюмен-батырь и Авес-батырь посланы и прошу, удовольствовав, их ко мне отпустить.

На обороте оного письма ево, Абулхаир-хана, чернильная печать.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 7. Л. 10–11 об. Перевод XVIII в.

№ 103

1743 г., сентября 22¹⁰⁷. – Императрице Елизавете Петровне

Перевод с татарского письма, присланного от Абулхаир-хана, полученного чрез киргиз-кайсаченина Карачюры в городе Оренбурге сентября 22-го дня. В котором по переводе значит.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня и императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская.

Я, Киргис-кайсацкой орды верноподданной Абулхаир-хан, в. и. в. рабски доношу и прошу высочайшим вашим императорским милосердием не отвергнуть. Посланную от в. и. в. высочайшую грамоту за белой печатью получа, я весьма радовался и оную генералу казал, в которой высочайшим вашим милосердием повелено нам обо всех наших делах окончания и ответственности требовать от тайного советника Ивана Неплюева и ему во всем верить. И хотя я ему и верю, только оной генерал, яко нам не совершенно верит, то в прошлом году при свидании с ним на все бывшие разговоры не всем удовольствовал, кроме вашей высочайшей милости. И для того, как во всем свете великая монархиня вы есть, то к вашей высочайшей милости все мои нужды приношу.

Вначале милосерден господь бог, такожде и в. и. в., как я сначала со усердным моим желанием пришел в подданство, с того времени желанным мне всем пожалован без всякого

¹⁰⁷ Дата получения.

отриновения. Когда же приезжал к нам в орду мурза Тевкелев, то хотя от меня сына моего не просил, но я, усердствуя в надеянии на в. и. в., что во всех моих прошениях милосердием не оставите, со обрадованием моим и одиннатцатилетнего сына да пятидесятилетнего большого брата послал посланцами, в которое время все мои прозбы мне и пожаловали, и за белой печатью грамоту прислали, и для меня город Оренбург построить приказали, где и со всем удовольствием великой торг учрежден. И тамо з генералом Татищевым и с Кутлумбет-мурзою¹⁰⁸ свидание имели, и оные, по повелению вашему, киргис-кайсаков чрез Куран к присяге привели; и мы со всей ордой в подданство пришли. Видя же такие в. и. в. высочайшие милости и другого своего сына Ходжуахмет-салтана по согласию всего нашего народа посланцем же послал, думая, что во всем неимоверен не остался. А в прошлом году в надежде, что от неприятелей, также и от зимняго скотского глада безо всякой опасности спастись могу, в предреченном городе Оренбурге пожелал было иметь дом, чего ради при свидании одного сына и с матерью привез, точию оног генерал не принел и дому меня иметь тамо не допустил. И хотя я тогда ему представлял, для чего он моего сына не принимает, токмо ничего не получил. Он же, генерал, просил Карасакала, которой называется Шуной, на что я представлял, чтоб от найманского роду киргис-кайсаков тритцать человек удержать, у которых ево и требовать, но он их не удержал. А у нас, у дикого народа, такой обычай, что в котором роду какое будет дело, то ис того роду людей удерживать надлежит, как же то окончается, то и оные удерженные выпускаются.

Еще я просил, чтоб хотя мне войско дать, дабы чрез то имеющихся в Киргис-кайсацкой орде всякие дела, даже до каракалпаков, окончать и их до предбудущего года вам вручить. Но и то мне не дано. И тако бес помощи возвратился, и хотя в своей орде в надежде в. и. в. повеление старался, чтоб оную в доброй порядок привести, токмо ныне дикой народ киргис-кайсаки мне и не верят, объявляя: «Ты-де отдал своего сына собою, а ныне-де их стали выбирать, яко скотину, то-де когда наши дела примутся, ты же-де прежде то учинил без нашего согласия». И тем меня порицают, по которому они и сами уже стали опасаться, разсуждая то, чтоб впредь и им какой-нибудь притчины не воспоследовало, что я генералу також-де представляю, но он тому и моим словам не верит и будто ис того к насильству приводит. Я сына своего отдал не из насильства, но токмо от желанного своего сердца с радостию. Слыхивал, что по высочайшему всемилостивейшей государыни милосердию люди ис-под караулу освобождаются. Слава богу, я по милости в. и. в. оставлял было дом мой и сына, токмо меня приятелем и неприятелем моим генерал, не поверя, в смех только привел, и тако в великом сумнении и неудовольствии остался. А здесь киргис-кайсацкие бии и знатные люди говорят тако: «Эй, хан! Против-де нашей орды имеющихся протчие орды – зюнгорския калмыки, Галдан-Чирин, сюрчют-китайские, также и персияне и протчие окольные – и без взятыя владельческих детей в союзе, и мы от них в близости в верности находимся!» Того ради и у в. и. в. мы, хан, и со всею ордою просим пожаловать нам приказать отдать Ходжуахмет-салтана и нашу орду пред протчими ордами в порицании не оставить. Мы же в подданстве и в послушании во веки веков находиться будем, ибо я, Абулхаир-хан, милосердием вашего величества сначала оставлен не был, в котором и по смерть мою упование иметь буду, и о многолетном в. и. в. здравии со всеми детьми своими бога просим, и за оное немалую милость ожидаем. Мы ведаем, что по соизволению всемогущего бога некоторое государство против вашего повеления преминуть не может, и ежели по высочайшему вашему милосердию, по прошению моему сына моего Ходжуахмет-салтана пожалуете, то б, тысящу крат благодаря, над неприятелями нашими и над дураками наше слово превосходило б. А для прекращения нарушителей ваше повеление и надо мною смеющих четыре сана, т. е. сорок тысяч, войска пожаловать мне прошу. По которому имеющия между киргис-кайсаков и каракалпаков всякие дела так бы привел ко окончанию, чтоб и впредь говорить было невозможно. И ежели оное

¹⁰⁸ Имеется в виду А.И. Тевкелев. (Прим. ред. КРО-1).

мне приказать соизволите, то я о состоянии народа своего разумею и для верности своей оное доношу, что все в подданство ваше приведены и мне вручены были, о чем рабски паки прошу. Я же, пока моя жизнь продолжаться будет, и со всеми моими детьми от подданства в. и. в. никогда не отстану и во уверение печать свою приложил.

Киикбай-ясаула, Баймурзу и Карачуру ко услугам послал.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 126–130 об. Перевод XVIII в. Копия. Опубл.: КРО-1. Док. № 117. С. 298–299.

№ 104

1743 г., сентября 22¹⁰⁹. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, присланного от Абулхаир-хана, в котором по переводу значит нижеписанное, а получено сентября 22-го дня 1743 г.

Его высокопревосходительству г-ну тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву niskой поклон.

Прошу от киргис-кайсаков взятых моих людей вашими, собрав, приказать отдать Ходжеахметь-салтану и, сколько оных наберется по именам, меня оному салтану прикажите уведомить, а ежели я ково велю отдавать, то по моим письмам извольте отдавать, а без моего позволения никого отдавать не извольте.

Во-первых, каракисетского роду Мамытова брата Конгурбая, да кетинского роду Сулумана, Мурзина сына, отдав, извольте прислать. Ежели у него товарищи есть взятые, то товарищев ево извольте пока удержать. Кунгурбаев товарищ Жансар и сии трое пойманы при урочище Сарайчика [1], а Мамытовы братья двое ездили в калмыки для торгового промыслу, в том пути украли у них двух лошадей, потом возвратясь оные домой, обмена своих дорожных лошадей, поехали пропалых своих лошадей искать. Как ехали они, паки, в дома свои, то у них лошади стали, тут их переловя, и взял.

Также Чюламан, Мурзин сын таким образом взят, что пять человек отогнали у него десять лошадей при урочище ж Сарайчика и за оными лошадьми ево обманом призвали, что-де мы тебе оных троих лошадей отдадим обратно; чего для он к ним и приехал, где, поймав, ево и удержали.

Ныне вас прошу объявленных Конгурбая и Чюлумана пожаловать прислать, а протчие киргисцы пусть останутся пока у вас, ибо здешних пленников, выручая, отдавать лутчему быть может, а ежели кирацкого роду Айтуар Джайтышев жив, то извольте меня в том уведомить и, хотя малые их вины в большее погрешение, отпустить. Прошу ж и показанных Кунгурбая и Чюлумана при сем посланному Карамамыту отдать, а буде изволите в том числе ему, Карамамыту, и брата ево Чюламана отдать, то ему, Мамыту, остаться при Ходжеахметь-салтане и дожидаться от меня известия. Буде ж ему братья ево отданы не будут, то оному Мамыту ехать обратно. И во уверение сего приложена чернильная печать.

Второй от него ж перевод с татарского письма, в котором значит ниже писанное, получено того же сентября 22-го числа 1743 г.

Его высокопревосходительству г-ну тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву премного кланеюсь.

Ваших приказанных нам слов для пользы нашей орды все мы слушаем, при том я прошу, чтоб и моих слов принять и пожаловать посланным от меня Киекбай-есаулу одного верблюда, Баймурзе и Карачюре учинить достойное награждение и пожитки их прислать в дома их же, а самих оных извольте отправить до всемилостивейшей государыни, а об остальных же

¹⁰⁷ Дата получения.

моих словах обстоятельно вам Федор донести может. И во уверение сего приложена чернильная печать.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 134–135. Перевод XVIII в.

№ 105

1743 г., октября 12¹¹⁰. – Вдове калмыцкого хана Аюки ханше Дарма-Бале

Вам, почтенной ханше и матушке, премного желая здравия, кланяюсь.

Посланное от тебя письмо я получил, и оно мне весьма приятно. Показалось, что ты старинной и разумной человек, и ежели тебе что потребно, я бы от себя к вам послал; только за тем нельзя послать, что с обеих сторон воров и разбойников много и провести невозможно. Аюка-хан отец мой был, хотя мы жилищем с ним далеко были, а союз наш находился близко; и дай Боже е. и. в. многолетное здравие, и ныне, ежели случитца с обеих сторон нам нужды, что вам потребно от меня, чрез посланцов изволите требовать, а бездельным людям плутовать я не приказываю, а они плутуют самовольно. И ныне я прошу вас Кушжитара з женою и з детьми ко мне отпустить, ибо об нем братия ево меня отчень просят. Еще прошу Тюменбатыря да Авес-батыря с великим почтением и довольством с своими посланцами з доброжелательным ответом до Михайлова дни ко мне прислать.

На подлинном письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 7. Л. 13 и об. Перевод XVIII в.

№ 106

1743 г., октября 13¹¹¹ – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулхаир-хана, полученного чрез киргис-кайсаченина Айдаукара с товарищи в городе Оренбурге октября 13-го дня 1743 г.; по переводу в нем значит.

Высокопревосходительному г-ну тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву премного кланяюсь.

Понеже вы от меня требуете обо всех е. и. в. подданных калмыках, татарах и башкирцах и притом представляете, чтоб мне всякие их дела окончать, для того я ныне к вам послал астраханских людей скот. Откуда б оное ваше ни было, только б от нас из орды к вам вручено было и впредь бы с нас оное вышеобъявленное не доправили. К чему я и здешних киргис-кайсаков уверил в воли вашей, как вы соизволите оного скота хозяевам отослать. А означенной же скот когда до вас дойдет, то прошу меня о том письменно уведомить. А о протчем обо всем доносить будут, которые были прежде от меня к вам отправлены Кутырь-батырь да толмач Федор Найденов. И оным прошу верить. И здешния дела оканчивать я буду, а тамошние вы изволите оканчивать. А мне весьма показалось изрядно, что в нынешнем году при свидании дикой народ удовольствован был, за что вас всегда благодарят. Только и впредь прошу также оного народа приласканием не оставить. Вышеобъявленной скот полковнику Василью Григорьевичу Пальчикову послал, чтоб он в Орской крепости оной скот изволил принять и вас о том уведомить, сколько числом оного будет.

И еще доношу: обретающейся при зимовье от Тюлебаевых людей один малолетной киргизец Минлибай Айбашев ездил алчинского роду с киргисцами в партию для разорения

¹¹⁰ Дата получения письма в Оренбурге.

¹¹¹ Дата получения.

калмыка Дубина сына и в то время в плен попал в город Черкасск. Ежели оной Менлибай ныне у вас находится, то прошу оного прислать. Еще, ныне тому пятой год, табынского роду Маман-батырев сын Джапар, ежели жив или умре, о том меня уведомить. Сказывают, что якобы оной в Сакмарску находился. И протчих киргисцов, кто б ни был, прошу прислать, кои у вас сыщутся.

Сих посланных я к вам отправил, и оные есть добрые люди, в Киргис-кайсацкой орде всякие дела отправлять могут. Оных прошу награждением не оставить, чтоб и впредь верную услугу оказать могли, а имянно: Айдаукару с награждением прошу немедленно возвратить, Токтамыш-ясаула, Касая, Юлдубая с их кощею Утарбаем. До ваших услуг послал для провожания толмача Михайлу, чтоб на дороге башкирцы и калмыки вреда б не учинили. А показанного толмача Михайлу прошу с научением прислать, ибо оной в словах невоздержанной человек, в орде быть недостоин, понеже он, что худа услышит, то, приехав, к вам доносит. И оное мне здесь, приехав, Киикбай-ясаул сказал: нам-де генерал сказывал. А Федор Найденов – доброй человек, и Михайлу-толмача затем и послал, чтоб впредь с научением прислать изволили. А сие письмо писали в доме Худай-Назар-бия при речке Толлык.

Еще ж, сверх того, доношу: Тимирбая большого брата Касая послал, которого прошу для лучшей верности на время оставить при Ходже-Ахмет-солтане со всяким удовольствием, пока еще от нас подлинного известия не будет. А в табынском роде трех отцов дети, из них знатной Худай-Назар-бий, Тюлюбай-батырь наши дела заочно окончивают, и вы извольте им приказать. Еще ж ныне один русской человек остался у киргисца Серкана. Оной Серкан – табынского роду. Извольте от них же, показанных старшин, требовать.

На обороте оного татарского письма Абулхаир-хана чернильная печать.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 137–138. Перевод XVIII в.

№ 107

1743 г., октября 31¹¹². – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, присланного от Абулхаир-хана чрез киргис-кайсаченина Тулубая с товарищи, которое получено октября 31-го 1743 г. Во оном по переводу значит.

Высокопревосходительному г-ну тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву премного кланяюсь.

Посланные от вашего высокопр-ва письма чрез Федора Найденова и Лапина я получил, которым весьма обрадовался. Однако посланные от меня письма на имя е. и. в. вы изволили распечатать, и в том уже на вашу волю к лучшему разсуждению полагаюсь, и для того сами на себя изволите суд дать, и впредь, дай бог, чтоб было все благополучно.

Ныне доношу, чтоб находящихся в Яицком городке [1] и в протчих местах киргис-кайсаков, собрав, всех содержать при Кузахмет-салтане во всяком довольстве. И все тамошня дела извольте вы окончивать, а я здешние всякие дела оканчивать буду. И я на все те дела, касающиеся до меня, ответствия и решения буду ожидать от вас, а не ис протчих мест. А помянутым находящимся ныне на Яике нашим киргис-кайсакам имена явствуют: Аралби, сын ево Джиангул, брат ево Кызка-Тюляган, Коижбай дюрткарынского роду; Букан-батырь, сын ево Айтюмбет, брат ево Дюст, таминского роду; Танатар, Джулумбет, Утявли, Усян с товарищи, 26 человек.

Напредь сего ездили киргисцы к черным калмыкам, о которых вы сами известны, а имянно – Кунурбай, Джуламан. Где их найдете, прошу прежде других возвратить для верности

¹¹² Дата получения.

нашему народу. А Аралби – человек доброй и знатной, он его прошу содержать при Кузахмет-салтане, а по окончании здешних дел сам требовать буду.

О себе доношу, что я от своего двора отъехал тому ныне три месяца и, ездя, наших киргиз-кайсаков от прежних продерзостей отвращаю, которые, ко мне всегда приходят с великою жалобой, объявляют, что те чинимые ими к российской стороне обиды от них происходили в отщепенство таких же обид от яицких казаков, калмык, также и башкирцов, которые у них отгоняют конские табуны и прочее. А имянно: калмыки в прошлом году, когда мы с вами имели свидание, приехав к нашей Киргиз-кайсацкой орде, раз дватцать отгоняли лошадей, о чем вам тогда письменно объявлено было, и тому наши терпели. А сверх того зимою киргиз-кайсаченина джагалбайлинского роду Джанбека поймали по приказу яицкого атамана на реке Яике, на урочище Дендере, которой ездил спросить ушедшего от себя полоненику и за онго Джанбека взяли те яицкие казаки тридцать иноходцов. Того ж джагалбайлинского роду киргиз-кайсаченина Туйгарбая они ж, яицкие казаки, поймали, которой ездил за ясырем же, и за онго взяли выкуп одного верблюда и двенатцать лошадей. И для того им, яицким казакам, своевольно чинить такие было обиды не подлежало, а лутче б добрым порядком, сказав об тех ясырях настоящие резоны, помянутых киргиз-кайсаков обратно отправлять, чего для тем киргизцам в тогдашнее зимнее время за дальностию от меня их кочеванья просить было невозможно, а до вас их не допускали. А прозьба оных киргизцов до самой государыни никогда не дойдет, и для-де того произошедшее от них, киргиз-кайсаков, дерзновение, не стерпя вышешоказанных им обид, было учинено. И просят о том они, киргизцы, надлежащего следствия, а вами они довольны и благодарят и, ежели б-де не ваше высокопр-во, то б-де им в ту зиму более пропасть, понеже-де и калмыки к ним приезжали, и за ними оные киргизцы гнались, которые и доныне такие ж беспокойства чинят. Также и башкирцы отгоняют лошадей, а имянно: в первых числах прошедшего месяца от реки Илека отогнали лошадей от джагалбайлинского роду 148, а на оных лошадях тамги таковы. И те наши киргизцы нагнали на устье речки Нижней Берды и помянутых было лошадей отбили, но как те воры видя, что киргисцов малолюдно, оных лошадей обратно отняли и двух человек киргизцов убили до смерти и пажить их всю к себе обрали. От того ж джагалбайлинского роду у киргисцов от вершины Ор-реки отогнали 350 лошадей, которые проехали чрез реку Яик пониже устья Орского, близ речки Губерли. На оных лошадях тамга такова. А ныне у вашего высокопр-ва об отыскании показанных лошадей прошу учинить милость, а я в здешней стороне, служа е. и. в., за полонениками стараюсь. И с сим до вас послал помянутым лошадям хозяев Тулубая, Акжигита с товарищи. И во уверение печать свою приложил чернильную.

Еще доношу: первый раз послал русских пленников 19 человек, потом четыре человека на Яик, двух человек в Орск, а ныне еще послал двух же; всех ныне полонеников я к вам отправил 27 человек. У табынского роду Серки-батыря [2] имеется один полоненику, за которого изволите держать ис прежде бывших у вас Касая, то онго вашего полоненику сами к вам привезут.

От него ж, Абулхаир-хана, на цыдульке написано: Приехав, башкирцы от Орской вершины отогнали 320 лошадей Исет-батыревых в нынешнем Рамазане¹¹³ месяце.

С подлинным [...] ¹¹⁴

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 146–147 об. Перевод XVIII в. Копия. Опубл.: МИКССР-2. Док. № 19. С. 71–72.

¹¹³ Название девятого месяца мусульманского лунного года. (Прим. ред. МИКССР).

¹¹⁴ Несколько слов не разобрано. (Прим. ред. МИКССР).

№ 108

1743 г., ноября 1¹¹⁵ – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, присланного киргис-кайсацкой Меньшей орды от Абулхаир-хана, которое получено 1-го числа ноября 1743 г.

Высокопревосходительному г-ну тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву премного кланяюсь.

Сим вам доношу, что каракалпацкого народа Халветших Муратшихова до вас отправил, которой, проводя ваших посланцов, намерен был от меня возвратиться, а я оного обнадеживал, и до вашего пр-ва отправил, и оного прошу с честью, не задерживая, возвратить для того, что весь каракалпацкой народ ему верят. Ежели показанного Халветшиха з довольным награждением нынешнею зимою отправить соизволите, то будущую весною с караваном и салтаны не токмо один, и два приедут.

Да еще доношу: Средней орды владения Джанбек-тархана тобыклы-аргынского роду у Ишят-батыря три человека пленных, за оных пленных задержать изволите Каип-ясаула с товарищи, Айдабул-ясаулова брата. В той же Средней орде у Кунакай-батыря братьев имеются два башкирских пленников, Табынской волости башкирца Азнабаева жена, о которых и прежде писал, и ныне показанных пленников у меня не спрашивайте, понеже они в Средней орде во владении Джанбек-тархана находятся. О означенных Каип-ясауле и Шамаметь-батыре, как изволите; Асан-абыза с Халветшихом возвратите.

На подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 152 и об. Перевод XVIII в.

№ 109

1743 г., ноября 7. – Императрице Елизавете Петровне

Во имя бога.

Величественной, могущественной, милостивейшей нашей государыне императрице, ее величеству Елизавете Петровне, самодержице всероссийской и владельнице всех йуртов, да увековечит бог ее царствование во веки веков.

Я, подвластный и подданный хан киргиз-казахов Абулхаир-хан, вашему величеству, милостивейшей и сострадательнейшей государыне, всепокорнейше сообщаю, прося не лишать и в будущем меня своего милосердного внимания. Увидев

посланное нам милостивое письмо ваше с белой печатью, я был весьма доволен и благодарен. Это милостивое письмо ваше я также показал генералу. Мы повелели ему ознакомиться с содержащимися в письме словами е. и. в., сострадательной и милосердной государыни, и дать нам ответ. А также вы пишете, что повелели этапному сотнику Ивану Неплюеву, чтобы он ознакомился и ведал различными нашими делами, и чтобы я верил ему. Хотя мы и верим, но генерал как будто бы нам не верит. В прошлом году мы лично виделись и говорили с ним обо всем. Однако наше чувство не успокоилось. Кроме вас нет более великой, сострадательной, благосклонной государыни на свете; вас умоляем, вам самим жалуемся. Проявляет милость свою только единый бог, да еще – вы, всегда оказывающая помощь.

С того времени, как я по своему искреннему желанию и по собственной воле вручил вам [свою судьбу], вы награждали меня, удовлетворяя все мои желания; никогда я не был недовольным. Вначале, когда к нам, к казахскому йурту, явился Тевкелев-мурза, он не предъявлял требования детей и отдачи сына. Я, лишь посоветовавшись со своей семьей, по собственному желанию и воле, в виду того, что все наши просьбы исполняются, отправил в качестве послан-

¹¹⁵ Дата получения.

ника своего 11-летнего сына и своего 50-летнего старшего брата. Тогда прислано было письмо с белой печатью в базарную крепость Оренбург касательно нас. Устроили большой базар и состоялся прием. Прибыли туда генерал Татищев и Кутлумбет-мурза. Мы лично встретились. Оба начальника с вашим ярлыком пред Кораном заставили киргиз-казахский йурт дать обет. Весь наш йурт целиком покорился. В ответ на такие милости нашей сострадательной государыни, мы с нашим йуртом со своей стороны отправили посланником еще и Хожа-Ахмета.

Чтобы быть в безопасности от своих врагов по наступлении зимы, никому совершенно не доверяя и рассчитывая, что Оренбург является крепостью, построенной для нас, и желая, чтобы у меня был один из домов там, я повез туда одного своего сына и его мать. В прошлом году, когда мы лично виделись, генерал не принял моего сына и не предоставил дома. Тогда я ему сказал: чем объясняется это обстоятельство, почему вы не принимаете, разве мы так договаривались? Он потребовал Карасакала и [сказал]: с ним он хочет быть вместе за то [не принимаю]. Поймав тридцать человек казахов из рода найман [...] ¹¹⁶, [говорил] будут из того рода объединены люди. Если в конце концов дело закончится, людьми отпустят. Тогда я сказал: дайте мне хоть войско. Если среди киргиз-казахов будут междоусобицы, то погоню [виновников] до каракалпаков и их, как лошадей, приведу и сдам в твои собственные руки. Однако ни войска и ни силы [предоставлено] не было.

После этого я возвратился жалким в глазах своего йурта. Я опирался на ярлык е. и. в., я думал направить [казахский йурт] по надлежащему пути, но тут уж казахский йурт не поверил. Наш дикий йурт [заявил]: ты сам отдал своего [сына], приготовив его как животное. Это ему не понравилось. Когда же окончится наша междоусобица? Они мне в лицо говорили: это ты поступил, не посоветовавшись раньше с нами.

Затем йурт, думая, что мы что-нибудь с ним сделаем, стал бояться. Когда я заявил об этом генералу, [он] моим словам как будто не поверил и, казалось, настаивал [на отдаче сына]. Но не под влиянием насилия я отдал сына, а по любви и своему желанию случилось это. Мы полагали, что раз имеется милостивая ко мне наша великая государыня, она проявит свое милосердие и, простив взятых в плен детей, отпустит их. Мне обидно было то, что когда, слава Аллаху, моя семья и сын находятся во власти ее величества государыни, он, генерал, не поверив, дал повод насмешкам друзей и врагов. Здесь бии и лучшие [люди] киргиз-казахов и йурт говорят: эй, хан, йурты равные нам, как-то: верхние калмыки – Галдан-Чирин, шуршуты – китайцы, персияне – окружающие йурты, – стали народами [равноправными] не тем, что отдали сына своего хана; мы же были благожелательнее их всех и мы были более искренним народом в государстве милостивой государыни. Своим ханом и всем своим йуртом убедительно просим отпустить Хожа-Ахмета.

Всемогущая государыня, мы – ваши, не навлекайте на меня жалоб йурта. Наш народ и мы сами навеки подданны и покорны вам. Я, Абулхаир-хан, будучи преданным вам, никогда не имел [случая] быть недовольным вами. При жизни вашего величества мы имеем надежды на многое. Мы со своими детьми молим бога о ниспослании вам здоровья и долгой жизни. Мы желаем вам здравствовать на многие лета. Даст бог, в вашем государстве не будет йурта, который изменил бы вам. Окажите нам милосердие, вознаградите нас, удовлетворите нашу просьбу, отпустите Хожа-Ахмета, за это тысячу благодарностей принесли бы вам. Тогда наши слова были бы более вескими в глазах злоязычных и наших врагов. Чтобы наказать изменивших вам и насмехающихся над нами врагов, было бы достаточно предоставить мне войско в четыреста человек. Тогда бы я прекратил междоусобные войны, имеющиеся среди казахов и каракалпаков, и заставил бы [виновников] замолчать. Стоило бы вам только приказать нам, а каждый человек знает положение своего йурта. Мы говорим вам это по своей искренности. Будучи целиком преданным вам, я обратился к вам с этой просьбой, полагая, что пришлете

¹¹⁶ Далее ряд слов не разобран. (Прим. ред. МИКССР).

помощь. До конца своей жизни на этом свете я со своими детьми никогда не буду терять надежды на ваше милосердие, великая государыня, не отойду от вас, если даже умру.

Написано в первый день месяца Шавваля, в пятницу, созвездия Весы 8-го дня 1156 г.¹¹⁷

В подтверждение сего приложена печать [...] ¹¹⁸

С поручением отправил есаула Киикбая, Баймурзу и Кара-Шору.

Современный перевод с чагатайского тюрки составителей МИКССР под редакцией И.Н. Леманова. Опул.: МИКССР-2. Док. № 20. С. 73–74. Подлинник на тюрки – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 3. Л. 126–127 об. Опул.: МИКССР-2. С. 406–408. Приложение.

№ 110

1744 г., мая 26¹¹⁹. – Оренбургскому губернатору тайному советнику И.И. Неплюеву

Ея императорского величества тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу от меня, Абулхаир-хана, поклон, после поклона желаю вам много лет здравствовать.

Мы подлинно не знаем, где вы изволите ныне обретаться. Ежели вы об нас ведать желаете, мы в добром здоровьи и збираю сам я, езжучи по улусам, ваших прошлогодних русских пленных. Посланные ж от вас послы ныне в добром здоровье и живут у Карабая, о котором ваше пр-во сами изволите знать; и намерен я тех послов в скором времени до вас послать, только учинилось некоторое дело, едиру-башкаракского роду кочует в вершинах Тоболареки, и я за ними хожу для того, что прошлогодних пограбленных ими у астраханских татар овец и русских пленных збираю; а я из своего дому давно и ныне нахожусь в службе е. и. в. Которой к вам поехал за лошадьми алачского роду киргизец Супак, лошадей ему отдать, а ево, поймав, изволите удержать у Кузахмет-салтана и без ведома моего ево оттуда не пускать, того ради, что посыланы были ко мне с Яицкого городка послы, то они дорогою пропали, а слышно, что и он, Супак, тут был. И ныне доведываюсь заподлинно, кто сие сделал и всякому ходячи киргисцам говорю, что кто оное учинил, то б без всякой утайки мне объявил, а ежели не объявит, то приехав его роду для того, и тот из них будет пойман. Паче всего прошу от Кузахмет-салтана прислать Маргена да Сунака ко мне. Да запрошу ж, ежели придут к вам на торг из Средней орды добрые люди, оных удержать и отсылать Кузахмет-салтану. А ныне кто к вам приедет алмай-артайского роду Худайберда, и ево також удержать и без моего ведома не пускать. А с ним, которой ходит для вашей пользы, Текана возвратить; для того киргисцам бы дал известие, что Ходайберда пойман. Потом и Джанбек-тархан в прилежном старании будет, понеже Средняя орда владения ево ягыбайлейского роду. Лошадей ваше пр-во изволили бы пожаловать всех отдать. Также прошу Имаметова сына отпустить.

У подлинного чернильная печать.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 35 и об. Перевод XVIII в.

№ 111

1744 г., мая 31¹²⁰. – Коменданту Орской крепости полковнику В.Г. Пальчикову

Перевод с присланного от Абулхаир-хана письма, получено мая 31-го числа.

Ея императорского величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни всероссийския в городе Оренбурге высокоблагородному и высокопочтенному г-ну полковнику Пальчикову низжайшей поклон и слово то.

¹¹⁷ 7 ноября 1743 г. (Прим. ред. МИКССР).

¹¹⁸ Далее два или три слова не разобраны. (Прим. ред. МИКССР).

¹¹⁹ Дата получения.

¹²⁰ Дата получения.

Во-первых, желаю всемилостивейшей государыни много лет здравствовать. Мы здесь в службах е. и. в. для их величества старание имеем, а его пр-во тайный советник и кавалер хотя ныне и губернатором, точию ево е. и. в. всемилостивейше пожаловать соизволила более для содержания наших народов, и что ежели касаться будет до наших юртов, всякие дела делать как ему е. и. в. указать изволила, так он об нас правильно и исправляет, за то и мы, хотя я и хан, точию всею моею душою, сколь могу, старание к пользе российской имею и всякие повеленные мне дела исправляю. Ежели что скорейше дело, то мы до его пр-ва и вам представляем. О киргисцах ежели что я стану вам представлять, то прошу по тому моему прошению исполнить.

Мы здесь русских пленных, тако ж и пока в збирани находимся, и капитану Гладышеву в руки их отдали, и извольте ведать, что они уже в пути. Сие письмо писано на речке Ярыкле-Тамаир. Кой ныне к вам приехал за лошадьми Субак, то изволите лошадей прислать в дом ево, а ево удержать и без ведома моего не пускать. Коих я велю уволить, то отпустить изволите, а ежели не велю, то и не пускать, ибо лутче у нас люди будут старики иметь. У коих улусов усмотрю я все исправно, то и к вам донесу, почему и тех удерженных у вас велю отпустить в их дома. Кутыря-батыря брата Тюляка при сем моем письме до вас послал, дав ему на руки торговых и одного русского пленника, которого для того боле послал, чтоб он дал известие, что я русских пленных збираю. Прошу означенного Кутырева брата с товарищи всего семь человек из Оренбурга честно отправить обратно.

Прошлого лета кои взяты из ягылбайлинского роду лошади, изволите прежде, хотя малое число, отдать; потом наши юрты лучше станут верить. Кутырь-батырь [1] к нам прибыл, всякие известия мы чрез ево получили. Прошу приезжающим к вам на торг киргисцам никаких обид не чинить. Когда придут к вам чюмакайского и тазларского родов и Средней орды от Казбек-бия [2] киргисцы, их приказать ловить.

У подлинного Абулхаирова чернильная печать.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 46 и об., 51. Перевод XVIII в. Подлинник на турки – там же. Л. 45 а и об.

№ 112

1744 г., июня 20¹²¹. – Полковнику В.Г. Пальчикову

Перевод с письма Абулхаир-хана, получено июня 20-го числа.

Ея императорского величества командуящему в Орской крепости г-ну полковнику Пальчикову от меня, Абулхаир-хана, поклон и слово то.

Как о киргисских лошадях от его пр-ва г-на генерала вам велено исполнять, для того вам объявляю, что не токмо прошлого году угнали лошадей, но и ныне дней с пять угнали еще дягалбай-биксурякского роду Чакмановых и с теми лошадьми переехали Яик ниже Верхнеяицкой крепости. И от тех воров осталась у нас у киргисца одна лошадь и одна собака, а лошадь приметам сивопегая, знатно, что езжена в телеге, грива стрижена. А тех воров было четыре человека, а угнали двадцать четыре лошади, в том числе жеребят десять да один жеребец. Покорно прошу оных лошадей, дабы не могли те воры потерять, поскорее отыскать и с своими посланными прислать: сие такой обычей. Тех лошадей хозяев Теляу да Ижбулду при сем послал.

Два письма от вас я получил, на которые ответствовать буду после, ибо сие писано в скорости. Боченок, которой был прислан с вином, ныне при сем отправил, а посланных хозяев за лошадьми вдаль от себя пожаловал не посылать, а сыскать бы вам своими людьми.

¹²¹ Дата получения.

У подлинного письма чернильная печать.
Переводил толмач Роман Аткиив.
19 июня 1744 г.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 69 и об., 102. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 68.

№ 113

1744 г., июня 26¹²². – Полковнику В.Г. Пальчикову

Перевод с письма Абулхаир-хана, [получено] июня 26-го числа 1744 г.
Всепресветлейшая державнейшая великия государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийской.

По указам е. и. в. исполняющему высокоблагородному г-ну полковнику Пальчикову от меня, Абулхаир-хана, поклон и слово то.

Присланные от вас два письма я получил, и что оными представляете, все то нами благоприятно принято; и напротиву того обесчаемся и сами служить верно, а ежели тому не верите, то в том есть бог. Я же к вам много представлял о удержании некоторых киргисцов, и вы отговариваетесь, якоб того чинить без указа вам нельзя. Однако, оное ожидая указов, время напрасно проходит, чего ради вас прошу, чтоб по моим представлениям впредь исполнять, то между вами и нами будет согласно. Однако я и на то не пеняю, что вы наш степной народ тем не пужаете, а что за воровство наших киргисцов изволили наказывать. За то я благодарен и впредь с таковыми прошу поступать таким же образом без опущения.

О прежде угнанных киргисских башкирцами лошадей вы не без известия, а ныне тому третьей день джагалбайлинского ж роду у киргисца Ижбула угнали воры башкирцы паки дватцать пять лошадей, и прошу как прежних, так и нынешних лошадей поскорее чрез нарочных сыскать и нам отдать, дабы тех лошадей башкирцы не утратили. А мы о башкирском воровстве весьма сомневаемся, и для чего они то чинят, не знаем, и ума приложить: с позволения ли командиров, или от себя они то чинят, пожалуй, оное изследовав, меня уведомя.

И я ныне кочую к Орску очень близко и прошу пожаловать приехать ко мне в гости, и ежели быть изволите или не будите, о том пожалуй меня уведомя. Притом же прошу завсегда иметь со мной дружество и корреспонденции и прислать для меня полатку. А ежели мне к вам приехать, то наш народ своими приездами вам покою не дадут, чего ради и в крепости я не еду, а паче о том позволения не имею генералитецкого. Ежели ж приедет мурза, о том пожалуй меня уведомя, а я со многими улусами кочуем близко затем, чтоб наш народ привести во обычай и не боязнь российских людей. Прежде сего Григорей Лукич и бес писем к нам вино присылывал, чего ради и вас прошу вина и полатку прислать с нарочным. Ныне я послал до вас еще одного пленного. А киргисцы наши, у которых лошади пропали – Субак с товаресчи, ныне своих лошадей дожидаются от вас присылки у меня.

Всемиловитейшая государыня для нас пожаловала своим указом изволила приказать зделать город Оренбург и пожаловала, ежели я в городе хочу жить, то стану, а ежели не хочу, то не стану. И когда я бываю кочевьем во отдалении, то вы меня призываете, а когда близко прикочую, то довольствованием и встречею, ждав, не принимаете.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 74, 75 об., 99. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 75.

№ 114

1744 г., июня 28¹²³. – Полковнику В.Г. Пальчикову

Перевод с присланного от Абулхаир-хана письма, получено июня 28-го числа.
Высокоблагородному и высокопочтенному г-ну полковнику Пальчикову от меня, Абулхаир-хана, поклон и слово то.

¹²²Дата получения.

¹²³Дата получения.

Живусчего Узянтака-бия вместо сына как ныне, так и прошлого году, поймал ево в Гурьеве-городке [1] серьсетской калмык, и, поймав, насильно ево в Гурьеве оставил. Которой калмык, искав своего живусчего отца, поехал было торговать. Ныне представляю Чебука при-слать к нам, и с теми калмыками, которые ево поймали. Мы просим и на то представляете, что якобы не изволить ловить без указа. А о вышепомянутом, отколь получен указ, для того, что на базаре какого достойного человека поймали, егда в поимке таковых дураков вы поступаете, то зачем об оном человека прежде к нам не писали. Ежели б он такой дурак был, то у вас живучи, уже б к нам не пришел. Может быть и в городках наши люди есть, только об их ничего не представляем. Вы же изволите объявлять, что тому ничем не повредите.

Сие письмо велел я Каипу-есаулу отдать, как надлежит.

У подлинного чернильная печать.

Толмач Роман Аткиив.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 104 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 103.

№115

1744 г., июня 30¹²⁴. – Астраханскому губернатору тайному советнику В.Н. Татищеву

Перевод с письма татарска, полученного сего иуниа 30-го числа 1744 году от кайсацкого Абулхаир-хана.

Ея императорскаго величества поверенному тайному советнику и астраханскому губернатору Василью Никитичу Татисчеву нижайше поздравляю и при сем объявляю: присланные от вас ко мне посланцы прибыли благополучно, кои по приезде мне объявили, что ваше высокопр-во имеется в добром здоровьи и во благополучии, что услыша, я весьма порадовался. О себе же объявляю, что и я також в добром здравии нахожусь.

Вашему ж высокопр-ву доношу: посланцы ваши прибыли ко мне апреля 25-го числа, только по приезде оные ко мне были не допущены для того, что в то время была великая стужа и снега, и видя я оное с ними долгое несвидание, чтоб не было вашему высокопр-ву какого сумнительства, для известия о прибытии их ко мне послал к вашему высокопр-ву своего нарочного курьера Танрикула. При оном же вашему высокопр-ву объявляю, что взятой ваш в прошлом 743-м году в плен, також и прежде взятая скотина будет вся отыскана и к вам при-слано; а я как ныне, так и впредь е. и. в. в верности состоять имею.

На подлинном письме, на обороте чернильной печати значится имя Абулхаир-хана.

С сего в Коллегию и в Оренбург копии посланы июля 6-го числа.

НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 180. Л. 277 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на чагатайском тюрки – там же. Л. 276 и об.

№ 116

1744 г., июня 30¹²⁵. – Полковнику В.Г. Пальчикову

Перевод с письма Абулхаир-хана, получено июня 30-го числа.

Ея императорскаго величества высокоблагородному г-ну полковнику Пальчикову от меня, Абулхаир-хана, поклон и слово то.

Присланное от вашего высокоблагородия письмо я получил исправно, и что во оном представлять изволите, оное изрядно; только все вы наши сердца ласкаете, ибо объявляете,

¹²⁴Дата получения письма в Астрахани.

¹²⁵Дата получения.

что вы у себя указов не имеете. А так вы приводите нас в немалое сумнение, и будто мы, яко степной народ, ничего не знаем. Ежели вы указов не имеете, то у нас е. и. в. высочайший указ имеется, для того всемилостивейшая государыня город Оренбург к нам в близость построить повелеть соизволила, и мы думали, что всякие наши дела в том городе исправлять будут, и мы находимся в делах к пользе е. и. в. Коих надлежало было поймать, те к вам приезжали. Терды-Карай с Кочером у Мурзагильди и у Кузьяж-бия имелись российские пленники, оных мне не отдают.

И я, усмотря подлинно, что вы их не ловите, для поимки их, чтоб привести к вам, от себя не послал. И за вышеписанные наши представления покорно прошу не погневаться. Однако хотя наши киргисцы и степной народ, постоянны ли – не постоянны ли, но все худые речи происходят на них. Ежели у вас указов не имеется, чтоб киргисцов не ловить, но зачем в Яицком городку наших безгрешных людей держать, а они ничего не зделали и находятся там, они опухнут неетчи. Ныне прошу туда послать письмо, доколе Телаша люди не померли, чтоб сюда прислали; а у них в улусах ныне все исправно, к тому ж они на воровстве не были.

Еще башкирцы у Аздобай-биева брата Яивка-батыря тринадцать лошадей ныне тому четвертой день угнали, и тако уже третьей раз отгон тем лошадям учинился; и долго ль им терпеть, а мы к вам близко кочевьем, ежели надобно, то б и есче угнали. Ежели ж надобно быть в союзе, то и мы от того не отстанем, паче всего даровал бы бог нашей всемилостивейшей государыне много лет здравствовать. Еще ж в то время, как я был для свидания с генералом, то в том году также изо всяких мест башкирцы лошадей угоняли по двадцети по тридцети, и на то и злясь, те хозяева, у коих лошади были отогнаты, и дурачили, отчего и поныне я себе покою не имею. А мы кочующих у себя степных людей-дураков сыскиваем, а вы, хотя и не степные люди, да таких же дураков башкирцов не отыскиваете. Объявлено нам было, что есть у них старшины, сотники, десятники, и что они всемилостивейшим е. и. в. указам послушны и живут в покое. К тому ж имеетца у вас караул и без воли как из городу, так и из деревень, никто не выезжает. Я удивляюсь, что башкирцы стали вольны, а я у них жил и в каком они состоянии пребывают, довольно ведаю. Хотя ж ныне и не имеется г-на губернатора генерала, то об оном о всем вам доношу, для того вы к нам писали, чтоб мне с вами иметь корреспонденцию. Я думаю, что наши представления вам неуютны. Мы, степные люди, не знаючи обо всем аккуратно вам представляем: которых лошадей башкирцы угнали, за ними хозяева побежали в погоню, о чем вам для ведома пишу.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 106 и об., 112 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – Там же. Л. 107.

№ 117

1744 г., июня 31¹²⁶. – Полковнику В.Г. Пальчикову

Получено июня 31-го числа.

Всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы

Елисавет Петровны, самодержицы всероссийския.

Высокоблагородному и высокопочтенному г-ну полковнику Пальчикову от меня, Абулха-ир-хана, поклон.

Письмо ваше и при том вино и бумагу я получил, и что в письме вашем написано, то мы все оное за благо приняли; и в дальних юртах известно будет, что я имею по милости е. и. в. с вами корреспонденци, чего и всегда желаю с вами по милости е. и. в. иметь. А на сем свете только о сердцах своих радеть надобно, а ныне желаем быть вам богатым; и что всегда вы нас почитаете и имеете с нами корреспонденции, то очень изрядно. Почему от вас до нас будет какая нужда, то объявлять мне, кое благоприятно всегда будет принето.

¹²⁶ Дата получения.

Послал я к вам чубарую лошадь, нам кажется не очень худа; как вам покажется, о том не знаю, и прошу оную принять, а впредь ежели надобно будет лучше оной, то изволите ко мне писать, а у меня будет готово.

Еще слово то: имеющихся у вас ташкенцов, сарцов и юсунцов, хотя тысяча человек, и при них киргисцов изволите до свидания моего з г-ном генералом не уволить, ибо я об них поговорю. Как и сами вы знаете, что купцов ограбить Субака зачем, не отдав лошадей, послали; и всех лошадей собрав, прислать сюда. При сем к вам послал Урмана и два пленника.

Сие письмо писано вчерашнего числа.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 108 и об., 111. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 109–110.

№118

1744 г., июля 1. – Тайному советнику В.Н. Татищеву

Перевод с татарских писем кайсацкого Меньшой орды Абулхаир-хана к тайному советнику и астраханскому губернатору Татищеву. Получено августа 6-го дня 1744 года.

По поздравлении сим объявляю: ежли касаться будут до нашей стороны каковыя потребности, онья я исправлять должен. Я же е. и. в. желаю многолетнего здравия и при том желаю, дабы между нами купечество как от вас, так и от нас во обе стороны происходило непоколебимо. О состоянии ж моем и обхождении вашему пр-ву известно, когда же ваши посланцы к вам приедут, прошу ис посланцов наших Шакертюлепа у себя удержать и без нашего уведомления не отпускать, а Девлетбая прошу обратно ко мне отпустить, понеже-де Шакиртюлеп учинил провинность такую, что российского одного молодого человека продал в Хиву, которой был сыскан тому ныне с год в других местах, но он, Шакертюлеп, украдучи его, продал в Хиву; и когда оной Шакертюлеп удержан будет, о том прошу меня чрез Девлетбая уведомить.

1157 году месяца джевзя¹²⁷.

На обороте печать чернильная на имя оного Абулхаир-хана.

НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 180. Л. 439 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на чагатайском тюрки – там же. Л. 438 и об.

№ 119

1744 г., июля 2¹²⁸. – Полковнику В.Г. Пальчикову

Перевод с присланного от Абулхаир-хана письма, получено июля 2-го числа.

Высокородному г-ну полковнику Василью Пальчикову от меня, Абулхаир-хана, неоднократные при письмах поклоны посланы были, ныне також поклон отдаю.

Хотя годное бы дело было, что нельзя того упустить, чтоб вам не донести для того, что о наших делах вам исполнить поручено. Однако вы разсудить изволите, сколько раз будут воровать, токмо б как вам, так и г-ну генералу, о том было известно.

Вчерашнего числа из драни нашей жагалбайлинского роду одного человека стрелой застрелили до смерти, а другога человека ранили; а двенатцать лошадей у воров отбили. А у воров лошади были по приметам: одна – серая, а другая – гнедая. Которые прямо в город приехали. Ежели оных двух человек воров, поймав, казнить не будете и ежель не можете унять, то прошу ко мне ответ дать. Не токмо о прежних воровствах упоминаем, но ныне зачем уже и людей бить, после будет всемилостивейшей государыне объявлено. Недалеко ныне те

¹²⁷ Примечание переводчика: «Июля 1-го числа 1744 г.»

¹²⁸ Дата получения.

воры прямо в город поехали, покорно просим их, поймав, прислать. Доколе у нас имоверны, что у наших крайних юртов разорены, в таких делах ничего доброго не будет. Истинно юрты разорили, а которою стрелою застрелен человек, тое при сем ло[...]»¹²⁹.

У подлинного приложена чернильная печать.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 116 и об. Перевод XVIII в.

№ 120

1744 г., июля 3¹³⁰. – Полковнику В.Г. Пальчикову

Перевод с присланного письма от Абулхаир-хана 1744 г., июля 3-го дня.

Всепресветлейшая державнейшая великия государыни императрицы

Елисавет Петровны, самодержицы всероссийския.

Высокоблагородному и высокопочтенному г-ну полковнику Василью Пальчикову.

Присланное от вашего высокоблагородия письмо я получил, и что вы во оном представляли, мы за благо приняли; к тому ж в том письме что достойные слова вы объявляли, тому как я, так и юрты наши радуются, и сердце мое ныне состоит в покое. За что благодарствуем и желаем, чтоб вам получить от всемилостивейшей государыни повышения высокого ранга, слава богу, только б не было от вас какого на нас сердца. О всяких делах киргисцы нам объявляли, но и от нас против того вам представлено было ныне; во всем от вас ко мне писано изрядно, никакого слова ныне у нас не осталось, только смотрим на то, что какой обычай будет, дураков не токмо калмыка, но и киргисцов не можем спросить. Мы истинно желаем во благополучном покое вечно жить и е. и. в. желаем же много лет здравствовать, ибо в высочайшем е. и. в. подданстве мы находимся в радости, и во всем мы верны. Потому ж как его высокопрва г-на тайного советника, кавалера и Оренбургской губернии губернатора Ивана Ивановича Неплюева, так же и вашего высокоблагородия г-на полковника Василья Пальчикова словам мы верим, за то, что вы нас на сем свете почитаете добрыми словами. Ежели будут дураки, то будем их от того унимать, и тако будет всем спокойно. Только желаем паче всего на многие лета здравствовать всемилостивейшей государыне, при том же и вам и между вами хорошим людям за сим все у нас состоять хорошо.

Только есче одним словом вас утруждаю, дабы Средняя с Меньшей ордою зидурусским улусом в делах не мешалась. Ежели которого улуса какое будет дело, то от них самих изволите брать; для того мы оставили и Каипа-есаула, чтоб он знал как людей, так и тамги; за то я на него пеняю. И какой обычай наш киргиской о барантах, в точию не знаете. Приехав сюда, киргисцы объявляют, что якобы Муста-мулла четырнатцать лошадей взял. Я киргисцов за их воровство не жалею, только у нас такого обычая нет, чтоб за Средню от Меньшей орды брать баранту и боль за сие наших юртов и людей сердце есть. Если б их улусов оное было, то б им нельзя не платить; и кроме сего все ваши дела изрядны.

В протчем пребуду вашему высокоблагородию со всяким доброжелательством, после угнанных тринадцати лошадей тавра такова.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 118 и об. Перевод XVIII в.

№ 121

1744 г., июля 5¹³¹. – Полковнику В.Г. Пальчикову

Перевод с присланного Абулхаир-хана письма, получено июля 5-го числа.

Высокоблагородному и высокопочтенному г-ну полковнику Василию Пальчикову от меня, Абулхаир-хана, поклон.

¹²⁹ Слово неразбочно.

¹³⁰ Дата получения.

¹³¹ Дата получения.

Письмо от вас о наших лошадях исправно получено, о которых изволили объявлять, что угнанные ниже Таналыка ворами башкирцами у киргисцов дватцать две лошади отбиты вашей партией и приведены в Орскую крепость и пущены в табун, для того как наши все юрты весьма рады, так же и я. И оное дело очень изрядно, прошу и впредь такими ж милостями нас не оставлять, и такие добродетели мы, принимая, и вас не забудем. Тех лошадей хозяев чирдиринского роду Куйбаш-бия, Байгарина брата Каржау при сем до вас послал; прошу им тех лошадей отдать в руки. И послал с сим оных хозяев к вам поклон отдать.

У подлинного письма приложена ево, Абулхаир-хана, чернильная печать.

ГАОРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 125 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 126.

№122

1744 г., августа 7¹³². – Тайному советнику В.Н. Татищеву

Перевод с татарских писем от кайсацкого Абулхаир-хана к тайному советнику и астраханскому губернатору Татищеву. Получены сего августа 7-го дня 1744 году.

С 1-го

По поздравлении вашему высокопревосходительству объявляю: посланные от вас посланцы ко мне прибыли, и чрез них два письма исправно я получил, ис которых одно писано баулынской природы к старшинам Ишбулай-бею, Байсю-бею, Бекбулат-батырю и протчим старшинам. И оные ваши письма всему кайсацкому народу я объявил, и объявленную во оных от вашего высокопр-ва милость все за благо приняли. И что ваше пр-во изволили нам советовать о союзе, весьма изрядно, и тому радуемся, и во всем на вашу, яко главнокомандующаго и поверенного от е. и. в., волю полагаемся, и желаем, дабы всегда с калмыцким народом быть в союзе и доброжелательстве. Что же наместник ханства Калмыцкого Дондук-Даша требовал, також и ваше высокопр-во писали, чтоб учиненные от кайсак калмыкам обиды и прочее, отыскав, возвратить, то оно, как и ваше высокопр-во можете ведать, между таким народом, отыскав, изследовать обо всем весьма трудно и невозможно, чего и до скончания нашей жизни сыскать и точно изследовать нельзя.

К тому ж начало всему злу от калмыцкого народа, а не от кайсак, ибо оные, поехав, воровски отгоняют табуны лошадиные и скотские; напротиву чего, не вытерпя таковой себе обиды, кайсаки принуждены во отмщение того, собрав партии, ездить под калмык и их раззорять. А ежели отныне с калмыцкой стороны таковые недобрые и вредные обоим сторонам поступки прекращены и вовсе оставлены будут, а затем от нашей кайсацкой стороны каковые будут им, калмыкам, обиды, то уже тогда в воле е. и. в. и вашей состоять будет, что изволите за то учинить. Только просим, чтоб калмыки от их продерзостей удержаны были, и для того ныне просим, чтоб во время прошедшей со обоих сторон учиненные обиды, также и взятого как от калмык кайсаками, так и от кайсак – калмыками конских табунов и скотов же, ясыря ни на ком более не отыскивать, и все прекратить, и с сего времени быть в союзном мире. И покорно просим нас с наместником ханства Дондук-Дашею в лучшую обоим народам пользу привести в согласие и мир, и для того учинить с ним договор, как ваше высокопр-во за благо изволите усмотреть; а мы во всем оном полагаемся в волю и благоразсуждение вашего высокопр-ва. Наместник же ханства Дондук-Даша, мой брат, чрез Алибая приказывал и обещал Тюлеп-батырев и Ешет-батырев конской табун возвратить, и если по тому своему обещанию, не наруша свое слово, отдаст, то весьма может быть изрядно для его чести. Ежели же того не пожелает, то в том его воля; однако ж, ежели оное учинит для чести своей, весьма тем нас одолжит, ибо оное не весьма великое дело. Протчего же ничего не требуем.

¹³² Дата получения писем в Астрахани

Сие прекратя, желаем е. и. в. всемилостивейшей нашей государыне невредного здравия; я же завсегда желаю быть в верном е. и. в. подданстве и во всяком союзе ненарушимо навеки и для того прошу впредь возмутительных и непостоянных слов за вероятность не принимать. 1157-го году месяца джезве последнего числа¹³³.

Под тем подписано: имевшиеся здесь посланцы ваши при сем отправлены, и что в сем моем письме написано, тому в сем извольте верить, и прошу, чтоб желающия купцы всегда были отпуском к нам свободны. При сем же за отправление посланца моего Айвес-батыря ко двору е. и. в. премного благодарствую, и оной посланец ко мне возвратился; ныне ж отправлен от меня к вашему высокопр-ву посланец мой Алибай, и когда оной к вам прибудет, прошу вашего пр-ва оного ко мне обратно обсче з Девлетбаем отправить, не удержав.

Со 2-го

При сем вашему пр-ву объявляю: присланные от вас посланцы ваши с ответом от меня к вам отправлены, и при них посланы от меня к вашему высокопр-ву люди мои Акджул, Айвас с товарищи для того, что в свидание наше с вашим высокопр-вом было между нами слово, чтоб всегда нам друг к другу бесперерывно посылать, чего для, помня вашу ко мне благоприятность и доброжелательство, не хотел того оставить в забвении, оных к вам послал.

Посыланной же от меня ко двору е. и. в. человек мой ко мне со всемилостивейшею е. и. в. грамотою возвратился.

Тайной советник и ковалер Иван Иванович пожалован ныне губернатором, все наши дела ему поручены, и уповаю, что он во всем, что до нас касается, будет по указам е. и. в. исполнять, что со справедливостию сходственно будет. Однако ж, как прежде ваше пр-во я видел, и многие от вас к нам добродетели были показаны, и затем вас лутче протчих сердечно люблю, и в начале желаю е. и. в. многолетнего здравия, а потом – вашему высокопр-ву здравия ж з благополучным пребыванием. Понеже как калмыцкой народ, так и кайсацкой – равно подданные е. и. в., того ради просим нас обоих согласить и премирить, и в том между нами учинить договор, дабы отныне друг другу никакова зла не чинить и жить в мире и в союзе; и оное мирное постановление просим учинить по вашему благоразсуждению, в чем мы на вас во всем полагаемся. И какой в том учинен будет с наместником договор, о том для уверения и знания здешнему народу прислать к нам на письме и посланных моих, при сем також и купцов ко мне, не удержав, возвратить.

Напредь сего ваше пр-во писали ко мне, чтоб от нас купецкие люди были посылаемы с письменным видом или пашпортами, почему как от вас к нам, так и от нас к вам посылаются с пашпортами и письмами. Оное весьма изрядно, и впредь то надлежит быть; и для того если с сего времени от нас какие люди без моего письма к вам прибудут, оных прикажите одерживать.

В бытность вашего пр-ва в здешней стороне просил я, чтоб в Хиву позволить послать купцов и с ними посланцов, токмо в то время ваше высокопр-во того позволения мне не дали и объявля, что если наперед присланы будут от хивинского хана посланцы и купцы с прозьбою, то тогда уже можно купцов и посланцов к ним послать, почему я к хивинскому Юлбарс-хану и писал, и он для того нарочно отправил от себя ко двору е. и. в. посланца Артык-Чеке с товарищи. Но после отправления оного посланца Хивою овладели персияне, и приведена в замешание, и тако была несколько времени. А потом оные хивинцы выбрали ханом сына моего Нуралия, а ныне во оной Хиве находится ханом внук мой, ибо и напредь сего оная была под рукою нашу; и зело удивляемся, что выше показанный посол Артык-Чеке поныне не возвращался, ибо мы, поныне его дожидаясь, думали, что он к нам приедет со благополучием и купечество по-прежнему будет распространяться и ездить как от нас в Хиву, так ис Хивы в Астрахань и к нам [ездят купцы] с торгом. Но для чего он там остался, знать не можем, а своею ль волею, или вами для какой притчины удержан, недоумеваемся. Но больше думаю, что он,

¹³³ Последнее число месяца джавзи 1157 г. хиджры соответствует 21 июня 1744 г.

посланец, как виделся с сыном моим Хаджи-Ахметем и между разговорами его в поношение называл *Чолбарлы, кайсаков сын*, о чем оной мой сын по приезде ко мне сказывал; и, уповаю, он, Артык Чеке, убоясь того, поехал в Астрахань, где и поныне находится.

Того ради вашего пр-ва прошу оного посланца отпустить, и если отпущен будет, то чрез нашу орду ему дорога будет безопасная; буде же вам он надобен, то состоит в воле вашей, а купецких людей с вашими письмами извольте без всякого им опасения отпустить.

1157-м году месяца джумадиил авеля 18-го числа¹³⁴.

С 3-го

У живусчего при Астрахани армянина именем *Адана* имеется кайсаченин десятилетней именем *Куте Сагундуков* сын, о котором, чтоб его возвратить ко отцу его, четыре раза писано; но токмо оной армянин объявил, якобы оной кресчен и затем не отдает. Того ради прошу покорно оного нам возвратить, понеже государыня содержит в подданстве всех законов по их воле и неволею крестить не указано; к тому ж и у нас некоторые кресченые приняли наш закон, и оные обратно отдаются.

На подлинных письмах приложена чернильная печать на имя оного Абулхаир-хана.

НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 180. Л. 418–422 об. Переводы XVIII в. Подлинники на чагатайском тюрки – там же. Л. 428 об., 437; 429 об., 436; 432–433.

№ 123

1744 г., сентября 6¹³⁵. – Полковнику В.Г. Пальчикову

Перевод с присланных от Абулхаир-хана писем, получены сентября 6-го числа 1744 г. Всепресветлейшая державнейшая великия государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийския и проч., и проч., и проч.

Ея императорского величества высокоблагородному г-ну полковнику Василью Пальчикову низжайший поклон и слово то.

Наш степной народ по милости е. и. в. поныне кочует во всяком благополучии. Освобожденные с Яику наши люди – Иршета брат Евлубай с товарищем Касаем – к нам приехали и объявили, якобы они в проезд свой чрез крепости слышали, что збирается с России войско на киргисцов, тем наш народ весьма испугали, и теперь думают, что какой же это обычай, и говорят, что ханского-де сына не отдают и посланцы-де и поныне наши не бывали. Киикбай поехал ко всемилостивейшей государыне в дальнее место, может-де быть затем и не бывал, а после ево и Елумбет-де не бывал, да и Мергень-Кашка не возвратился ж-де. О том-де они испужались, что посланные наши назад не бывали, а я сему ничему их сумнению не верю, а всегда я ожидаю от всемилостивейшей государыни высочайшей милости и себе благополучия. Наш степной народ осенью кочует вдаль, а весною паки к вам приближается; вы не сомневайтесь, что мы в даль кочуем. Хотя нам что и зделается, и ежели нам от е. и. в. высочайшая милость будет, то весьма вдаль мы не поедем. Ежели высочайшее позволение будет, чтоб вдаль нам кочевать, то в высочайшим е. и. в. повелении состоит. В моих юртах у меня никакого худа нет, ежели у нас какая худоба есть, то извольте нам объявить. Покорно прошу посланцов наших возвратить из Оренбурга в скорейшем времени. Вы меня покинули во всем юрте ж в стыду. Ежели сие дело правда, то оно зделалось; от всемилостивейшей государыни или от г-на генерала слово не так было положено.

Ныне от всемилостивейшей государыни получил я за белою печатью куверт, которым е. и. в. нас высокою своею милостию жалует, и в той было надежде состояли, и желаем, чтоб

¹³⁴ 18 джумади ал-аввал 1157 г. хиджры соответствует 29 июня 1744 г.

¹³⁵ Дата получения.

всегда между нами были посланцы. С толмачем Федором послал я своего человека Лушкара почтарем, их двоих от себя с своими провожатыми отправить прошу.

У подлинного приложена чернильная печать.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 181 и об., 184. Перевод XVIII в. Подлинник на турки – там же. Л. 183 и об.

№ 124

1744 г., сентября 6¹³⁶. – Сыну султану Кожамету

Перевод же с письма, посланного от Абулхаир-хана к сыну ево Ходже-Ахмет-салтану.

Высокоблагородному и почтенному сыну моему Ходже-Ахмет-салтану посылаю мое благословение, и ежели б дал, от бога – многолетное здравие.

Мы здесь у господа бога просим и молим о вашей здравии. Чем вам здесь зимовать, ежели твое желание есть побывать у двора е. и. в., то ехать позволяю. А здесь в наших юртах изволь признавать, что все благополучно. Которой приехал ис калмык Аблай-салтан з братом твоим Эрали-салтаном, у меня были и приказали они вам кланяться. Живусчего при вас Мергеня-Кашку для чего долго сюда не пускаете, ибо никакого настоящего о здоровье твоём известия я не получал. О юртах надобно, когда время от бога будет, стараться и терпеть. Даруй боже е. и. в. на многие лета здравия, тогда с нами высокую свою милость сотворит.

Ишкара отсель отправил, чтоб с ним Мергеня-Кашка приехал.

У подлинного приложена чернильная печать.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 184 и об. Перевод XVIII в.

№ 125

1744 г., октября 31¹³⁷. – Императрице Елизавете Петровне

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулхаир-хана, полученного чрез вахмистра князя Уракова с товарищи октября 31-го дня 1744 г. в городе Оренбурге. По переводу в нем значит.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская, дай боже в. и. в. государству всякое благополучие во веки нерушимо.

Со всякою моею верностию я, в подданстве находящийся раб, ко двору в. и. в. всеподданнейше и рабски послал сына своего Ходжу-Ахмет-салтана, чтоб он в. и. в. рабски о себе доносить мог. Сея высочайшее ваше императорское милосердие всегда уповаю яко на милость всещедрого бога и отчаеваться никогда от того не буду. оного ж Ходжу-Ахметя по высочайшей вашей императорской милости соизволите ль или нет уволить, в том состоит в. и. в. высочайшая воля, токмо я в сердце своем никакого развращения не имею. И в одном своем рабском обязательстве в. и. в., по верноподданнической должности и по высочайшей вашей императорской милости, желая всякого благополучия, вечно находиться буду. А оной сын мой Ходжа-Ахмет-салтан, будучи у двора в. и. в., на всеподданническое и рабское свое доношение высочайшего в. и. в. повеления получить удостоился б и на то б радоваться мог, а весною б сюда возвращением награжден был. И хотя он с таким высочайшим награждением и отпустится, однако ж бы в городе Оренбурге при г-не генерале повелено было ему построить дом, где б ему завсегда приезжать и выезжать было позволено. И ежели оное учинено будет,

¹³⁶ Дата получения.

¹³⁷ Дата получения.

то многие киргис-кайсаки охотно приезжать будут, а ежели оное повеление не будет, то бес того нашего народа утвердить никак невозможно. А оному Ходже-Ахметю-салтану, по моему мнению, здесь или тамо жить, то все одинако, как кому бог повелел, ибо хотя кто и в доме умрет, но и таковых в степи погребают, и тако и он, где б ни был, токмо смерти не минует.

Сие доношу по дикому нашего народа обыкновению, понеже мои братья владельцы и дети говорят: кто-де туда ездит, тот назад не возвращается, ибо-де, хотя кто к калмыкам ездит, те и от них скорее возвращаются. И тако от того отдаляются, не зная, что по высочайшему в. и. в. милосердию и из других народов удерживаемые возвращаются. Ныне же я возымел смелость всеподданнейше донести и рабски просить у в. и. в. о киргис-кайсацких пленниках и обо всех наших нуждах. Дай боже в. и. в. на всероссийском императорском престоле многолетнее здравие, а мы в. и. в. верноподданные рабы, прося у бога милости о вашем вседражайшем здравии, в спокойность и во всяком довольствии находимся и о происшедших в прошлых годах от наших людей непорядках всеподданнейше и рабски просим в. и. в. милостивейшего прощения. Из захваченных же нашими людьми российских пленных, достальных собрав, всех возвращу, и всякие здешние поведении оканчивать буду. А о умерших на высочайшую вашу императорскую волю предаюсь, которые ж живы, те без остатку высвобождены будут, ибо всякие положенные в. и. в. дела з г-ном генералом исполняем. Как то от двора в. и. в. высочайшия и всемилостивейшия за белыми печатями грамоты повсягодно получить удостоюсь, то на оное весьма радуюсь и для того ко двору в. и. в. сына своего Ходжу-Ахмет-салтана послал.

Высокопревосходительный г-н тайный советник, прошу по сему письму, дабы от вас ко всемилостивейшей государыне о скором Ходжи-Ахмет-салтана возвращении писано было.

На подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.
Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 4. Л. 234–235. Перевод XVIII в. Опубл.: МИКССР-2. Док. № 30. С. 111–112.

№ 126

1745 г., мая 6¹³⁸. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулхаир-хана, полученного чрез Кутырь-батыря с товарищи мая 6-го дня 1745 г. в городе Оренбурге. По переводу в нем значит. Всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийския и проч., и проч., и проч.

Высокопревосходительный г-н тайной советник, кавалер и Оренбургской губернии губернатор Иван Иванович Неплюев, на премножество лет здравствуй.

Доношу вам о том, что по милосердию всемогущего бога и всемилостивейшей государыни по милостивейшему счастью, славя бога, в подданстве е. и. в. в высочайшей милости со всеми бедными и рабами божьими с покойным своим сердцем находимся. А донести вам ни о чем не имею, токмо по приказу вашему приехал Кутырь-батырь и обо всем словесно объявил. И я, Абулхаир, обо всем словесно же чрез оных Кутыря-батыря и Карачуру донести вам приказал. И о всех моих речах изволите спросить у оного Кутырь-батыря, которой, что вам доносить будет, изволите оному верить.

А о торгу, где соизволите, в том состоит воля ваша. Однако здешним киргизцам в Орску торговать, яко обыкновенное место, где не только мужеска, но и женска полу, таж и малолетные, торг производить будут, и о том они меня просят. К тому ж и по моему мнению, из разных

¹³⁸ Дата получения.

дальних городов приезжающим купцам в Орску же по обыкновению их способнее б было. Что же на сие от вас будет, о том изволите чрез Кутырь-батыря незамедля меня уведомить.

На подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена. Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 42 и об. Перевод XVIII в. Копия перевода – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 3. Л. 56 и об. Подлинник на тюрки – ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 41 об.

№ 127

1745 г., июня 28. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулхаир-хана, полученного чрез старшину Нуката Ниязова с товарищем в городе Оренбурге июня 29-го числа 1745 г.; а по переводу в нем значит.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская и проч., и проч., и проч.

Ея императорского величества тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву желаю всякого благополучия и многолетнего здравия.

Присланное ко мне от сына моего Ходжахмет-салтана письмо по прозьбе ево при сообщенным вашим почтенным письме я получил и на оные истинным моем сердцем радовался. В котором пишет, что он е. и. в. высочайшую милость получить удостоился и чрез знатного министра всю нашу Киргис-кайсацкую орду со всеми солтанами и знатными людьми высочайшим е. и. в. милосердием всемилостивейше обнадеживан, также и об нем никакова против сомнения не иметь. Когда же б он, Ходжахмет-салтан, с награждением по желанию ево возвратился, то б мы желаемого своего взяли, яко сподущего с небеси получили, и всенародно б радовались; и вас бы, г-н генерал, господь сим возрадовал, а сердце наше уже ныне на место устанавливается. Ходжахметево же письмо и грамота ваша нам, яко в темной нощи месячной свет возсиял. Ежели б оной Ходжахмет с высочайшею е. и. в. пожалованною за белую печатью грамотою приехал, то б яко солнце возсияло. Что же Нуката за неимением в доме у них тамо людей в скорости возвратил, а я ныне здесь на малое время ожидаю Кутырь-батыря и по приезде ево учиню в верности присягу с целованием Курана, а обо всем подлинное известие пришло з знатными людьми.

По реке Илеку от Илецкой Соли вверх половина дни езды, июня 28-го числа 1745 г.

На подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 191 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 190 об.

№ 128

1745 г., июня 29. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулхаир-хана, полученного чрез племянника его Дос-салтана Ниязова с товарищи июля 2-го числа 1745 г. в городе Оренбурге, а по переводу в нем значит.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская и проч., и проч., и проч.

Ея императорского величества высокопревосходительному г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву премного кланяюсь.

Посланное от вас с Кутырь-батырем и с сержантом Федором Найденовым письмо я получил, из которого уведомился, что все слова истинные объявить изволили, чего ради ныне

истинным моим сердцем и ответвую. Прежде сего было у меня сердце не в целости, ибо я, дикого киргиз-кайсацкого народа хан, по воли и по истинной правде моей уповая на высочайшую е. и. в. милость, в подданство пришел и благонадежен при случающихся нуждных моих делах со стороны всемилостивейшей государыни прозьбу получать, понеже е. и. в., всемилостивейшая государыня, милосердная и богатая, яко широкия моря и реки. А до обыкновения и обхождения к тому киргиз-кайсацкого народа дан был от меня сын мой Эрали-салтан для содержания в Орску, где на пустом месте ныне происходит великой торг, и дикие киргиз-кайсаки уже приобыкли, знатные из них награждены. Потом, до присягания еще Средней киргиз-кайсацкой орды Барака и Аблая салтанов, також и Абулмаммет-хана, в службе находится сын мой Ходжахмет-салтан, и ныне вся орда в верность и к обхождению пришла. Почему всемилостивейшая государыня высочайшею грамотою за белой печатью пожаловала, в которой соизволила указать для нас и город Оренбург построить и обо всех наших нуждах генералу представлять со объявлением, что генералитеты обо всех делах имеют высочайшее повеление. Паче я, степной кайсак, по желанию моему приехал было и з домом, чтоб иногда, паче чаяния, и зимовать, а летним временем между своей орды кочевать мог. Токмо тогда, как вам и самим известно, не по моему желанию учинено, и тако был я вами недоволен. Но всемилостивейшею государынею не есть недоволен, потому что, когда вы сами пожелаете, тому и указ имеете; а не пожелаете, то говорили, якобы и указу нет. И думаю так, что всякое позволение у вас имеется. Я же, полусердечный человек, и ответствовать [могу], что не имеет, и со всем нашим народом в недовольстве находились, отчего у двоих у нас сердца не соединяются уже тому третьей год. И год от году сердце постывать было стало в том, что от построенного для нас городу благость сами видите, а называете, что указу нет. И когда нас изволите потчевать, то мы есть гости, хотя между нами есть большей хан Абулфаиз [1], да еще турецкой мусюльманской салтан [2], но мы, видя, что е. и. в., всемилостивейшая государыня, от них к нам поблизости, в подданстве и в одном слове стоять так, как пред единым богом, утвердились, и все происходившие дела оставили.

Ныне же, как услышали доброе известие, то и от всемилостивейшей государыни высочайшего милосердия ожидаем, яко от разцветающего дня и сияющего солнца, понеже, г-н генерал, кроме вас донести нам некому и сие вам все доношу. В письмах Ходжахмет-салтана и вашем написано доброе обнадеживание, что со всем нашим народом пожалованы и оставлены не будем. И тако, яко неимущи у себя глаз, прозрения ожидаем, ибо в житье человеческом дитя бог сотворил радостно, но когда посланной, яко на смерть, не возвращается, то разве оного после веку нашего видеть будем. Но что в том уже пользы, кроме сего токмо, что разве утрудить наши души. Ежели б от всемилостивейшей государыни приехал и всякое повеление объявил, то б дальним приятелем и неприятелем нашим добрая слава на сем не вековешном свете прославится могла, яко сей свет ненадежен, токмо доброе звание вечно. И мы состоим на своих словах, и ныне уже я поис своих развязал, т. е. прямым сердцем в совершенную верность пришел. Ежели мы и народ наш потребны, то все в готовности находимся, а когда желаемое получу, то и всякие дела на общее разсуждение предаю. А ныне весьма радость получили и всенародно радовались. Ежели бы Ходжахмет-салтан с полученною от всемилостивейшей государыни за белою печатью грамотою в нашу орду возвратился, то б вечно бог даровал всякое благополучное пребывание во веки нерушимо, в чем наша всеподданническая от всемилостивейшей государыни и прозьба состоит, дай боже е. и. в. на златом престоле многолетнего здравия и со обоих стран всякаго благополучия, аминь.

В протчем, для лучшей верности послал знатных своих людей, определя к ним первым человеком Салтана, о чем вы и словесно мне объявить приказывали. А Кутырь-батырь с Федором все ваше словесное приказывание мне представили и пленников, которые отыскались, собрав нынешнею весною, калмыкам на Учюг отослали. Ныне же здесь имеется калмыцкой посланец, которой из них же трех или четырех с собою повезет. Но куда б они возвращены ни были, токмо все, почитая ваше повеление, также некоторых и с Федором при сем послал.

Что же касается до кибитки, то понеже она ныне от дороги нашей стала быть в стороне, и тако оную отыскав, годную взять нарочного послал. И не извольте о том сомневаться, чтоб оную не отдать; и не токмо тою кибитку, но и еще двух наших киргиз-кайсацких гнедых иноходцов и две бобровые кожи изготовлено.

А бухарской хан ныне мне стал быть зять и прислал одного гнедова жеребца аргамача, которой покрыт барсовой кожей [3], и оную вам же приготовил. Ежели будет угодно, и когда впредь оттоль аргамачи придут, тогда вы годных взять извольте, и оные вещи по возвращении моем в свои улусы приехавшие от вас люди ваши взять и к вам привезть могут.

А о неприезде моем к вам прошу не сомневаться, и оные мои слова яко персональные. Каким же бы все милостивейшая государыня в приезде моем высочайшим награждением наградила, о том и ныне, будучи здесь, уповаю, ибо хотя я сам и далеко, токмо сердцем в близости нахожусь, сверх же высочайшего е. и. в. награждения остались еще наши степные места потребные вещи, о которых, ежели не зазрите, донести имею. А имянно: большие палатки, каковые и прежде давались; черные лисицы, от кармазинов и от голевых парчей и два тюня китайки, десять красных кумачей, да ханше бобров достойных, чашек и блюд, да еще смешенной с вином и медом красной вишневки, да меду и всяких лекарств и пшеничной сеянной самой хорошей муки, о чем я не прошу, токмо она для поправления всякому народу. И приехали б с музыкой и барабанами, ибо из Бухарии придут сватья и зять мой Абулфаизхан. И вам, г-н генерал, яко зять же, что же я оные речи доношу, то прошу их за бестолковые не причитать, ибо от радости моей и в том воля все милостивейшей государыни состоит.

С сим посланным людей всех прошу от вас, не задерживая, возвратить, дабы народу вероятнее быть могло. А оные посланные Нияз-салтанова сына Дус-салтана с кощею ево, да при нем разных людей, а имянно: алчинского роду Уразгул, Кутлумбет-ясаул да Тавашар; от симруцкаго роду – Тюлебай-бий, Бюкянбай-батырев брат; Тлямыш да Мурзабай; от кипчацкаго роду – Тюля-батырь, Чакау да Маралбаш, от герейскаго роду – Мигурбан, да от кирдаринскаго роду – Койбаш с товарищи, еще Карабаш, Бекберда, Кованбай, Минбай, Юмарат да Кутырь-батырь.

Июня 29-го числа 1745 г. от реки Илека.

При сем же прошу пожаловать прислать бумаги, чернил, сургучу, гвоздики, перцу и подьяну.

На подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 208–211. Перевод XVIII в. Копия перевода – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 3. Л. 102–105 об. Подлинник на тюрки – ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 206 и об.

№ 129

1745 г., июля 3. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулхаир-хана чрез Тулукай-батыря июля 4-го числа 1745 г. в городе Оренбурге, а по переводу в нем значит.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская и проч., и проч.

Ея императорского величества тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву премного кланеюсь.

Посланное от вас письмо я получил, в котором объявляете о воровствах. А я о том прежде сего неведом был, и хорошо, ежели б на известном месте были. Однако я уведомляться и отыскивать буду. Ежели ж тамо Джанбек-тархан об оном слышал и буде знает, то, свидевшись с ним, разговоры чинить будем и потом в окольные улусы для отыскивания отправим. Токмо я ево еще не видал, а ежели ж какие воры в руки вам попадутся, таковых не сожалеете, о чем

я и прежде вам писал. А мы никому воровать не приказываем, токмо воры и отца своего не знают. Которые же в руки вам попадутся, таковым изволите приказать учинить смертное наказание. Вы же, г-н генерал, изволите ведать, что в нашей орде отмены никакой не имеется, и с обеих стран прошу правосудствовать, ибо добрые люди ворам не потакают, понеже Средней и Младшей орды и между собою друг от друга крадут, называя барымтой, т. е. за прежние случившиеся ссоры или убийства. К тому ж и городов не имеют, а у вас тамо имеются. Також и плутов изловить вскоре можете, токмо изволите приказать, но и крепчайшее смотрение иметь. А мы не токмо, что б ваших караулить, но и сами себя караулить не можем, понеже мы городов себе не имеем, для того на широкой степе признать невозможно. Когда же признаем, то и отыскиваем, токмо до того принимаем немалой труд. И тако, что когда узнаем, не только для вас, но и для себя (ибо воры и плуты всем нам чинят равно по возможности) прекращать буду. Токмо мы так уповаем, что не от Средней ли орды приезжающие из дальних мест оное чинят? К тому ж у Бараковых и у найманцов поныне пленники имеются, и, может быть, что из аргынских разных родов приезжают. А здешние, по Яику кочующие, хотя они никакого б у себя ума не имели, токмо имея в близости свое кочевание со всем домом, надеюсь, такое воровство не учинят. И тако мне, что чинят они, кочующия, отбегая от протчих киргис-кайсаков в дальние места, из Средней орды приезжающия. Что же касается до пленных, которые из них остались, то вместо их попали к вам Алимбетевы дети, а с сим до вас послал Исетья и Серки батырей, родственника их Тулукай-батыря июля 3-го числа 1745 г.

На подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 3. Л. 114–115. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 116 об.

№ 130

1745 г., июля 6. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулхаир-хана, полученного чрез киргис-кайсаченина Сагуна июля 7-го числа 1745 г. в городе Оренбурге, а по переводу в нем значит.

Ея императорского величества г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву кланеюсь.

С сим послал уведомиться о здравии вашем. Ежели до нас что касается, то прошу от себя человек пять или десять с повелением и награждением ко мне прислать, ибо о всем, по близости ныне наше расстояния, уведомить мог. И тако ожидая, при всяком благополучии пребываю.

А Джанбек-тархан с знатными людьми ныне ко мне прибыл. Ежели с нами о чем говорить имеете, то оного до вас же пришлю, и во всем воля ваша состоит. А ныне наших Меньшей и Средней орд все знатные люди при мне находятся и обо всем от вас известия ожидать имеем. При сем же прошу пожаловать прислать с вашими людьми вина и меду, а посланные наши люди, меняя, здесь получить могли. Ежели ж кого имеете ко мне и с чем послать, то прошу их прислать в дома мои, а которых – сюда ко мне. С сим же до ваших услуг наскоре послал киргис-кайсаченина Сагуна.

От Илецкой Соли вниз и реки Яику половину дня езды, июля 6-го числа 1745 г.

На подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

ГАОРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 266 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 265 и об.

№ 131

1745 г., июля 12. – Великому князю Петру Федоровичу

Перевод с татарского письма, присланного от Абулхаир-хана, полученного чрез Кутырь-батыря июля 14-го числа 1745 г., по переводу в нем значит.

Его императорскому высочеству государю великому князю Петру Федоровичу.

Киргис-кайсацкой Меньшей орды верноподданный Абулхаир-хан всеподданнейше и рабски доношу. С начала моего подданства, как чрез Куран присягою утвердились, находимся в верности. Также и ныне вашему императорскому высочеству чрез Куран же присягу учинили. Со всем своим народом и, на высочайшую вашего императорского высочества милость уповая, находимся благополучно.

Находящейся при дворе е. и. в. сын мой Ходжаахмет-салтан сюда к нам чрез свои письма объявил, что он чрез знатного е. и. в. министра высочайшею е. и. в. милостию со всеми нашими Киргис-кайсацкой орды салтанами и знатными людьми обнадеживан, также из драгоценных парчей платьем награжден, и тако находится во всяком довольствии и радости. Также б о нем, Ходже-Ахмет-салтане, и мы никакого сомнения не имели и, получа оное письмо, мы весьма радовались. Ныне же от вашего императорского высочества со всем нашим народом всеподданнейше просим в знак высочайшей вашего императорского высочества ко всему нашему народу милости, оного Ходжаахмет-салтана в нашу орду всемилостивейше возвратить, и сию нашу всенародную прозьбу, яко от диких рабов, втуне не оставить, ибо мы на высочайшую вашего императорского высочества милость без верноподданнейшего нашего упования никогда не останемся. Дай боже вашему императорскому высочеству многолетнего здравия. Детей же меньших моих братьев, которые были у калмыцкого владельца Галдан-Чирина, оной Галдан-Чирин, будучи нам неприятелем, оных возвратно в их орду выслал. И тако в той нашей прозьбе на высочайшую вашего императорского высочества милость уповаем. Слава богу, по высочайшей вашего императорского высочества милости на всякую службу всегда в готовности будем.

От реки Илека, 1745 г., июля 12-го дня.

На обороте подлинного татарского письма ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 3. Л. 116–117. Перевод XVIII в. Копия перевода – ГАОР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 298 и об.

№ 132

1745 г., июля 12. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулхаир-хана полученного чрез Кутырь-батыря июля 14-го числа 1745 г. в городе Оренбурге. По переводу в нем значит.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елисавета Петровна, самодержица всероссийская и протч., и протч.

Высокопревосходительный г-н генерал Иван Иванович Неплюев, ваше почтенное письмо я исправно получил, и отправленные мои люди з довольствием от вас возвратились, дай боже вам всякого благополучия на многая лета. Советование ваше к нам внятно, которое приемлем за благо, и мы ни в чем никакого сомнения не имеем. Также и вы сомневаться не извольте, во мне иного умышления вечно не будет, которые дела за лутшие усмотрите, то и учинить изволите, а худые оставить во всяких ваших делах. Помогите вам господь бог, и какие дела мы знать не можем, в том нас наставлением своим не оставьте, ибо с обеих сторон вы правосудием своим находитесь яко равнительные весы, и во всем вы сами знайте. Посыла-

ющиеся же к е. и. в. наши письма, рассмотря и выбирая пристойные речи для нас, посылать изволите. Ныне при сем послал одно письмо на имя его императорского высочества, а что же вы чрез Кутырь-батыря словесно изволили приказать, чтоб прислать письмо на имя е. и. в., всемилостивейшей государыни, то каким образом оно писано мы не умеем. А вы о нашем состоянии известны, и что к нашей пользе принадлежит, про то сами знать изволите ж.

Для окончания здешних дел оставил я при себе Федора Найденова, присланное же от вас вино при таком многом собрании выпить не могли, а остальное для свадьбы с собою повезти имею. Также за незнанием наших людей тележного порядку оставил с Федором Найденовым ваших двух человек, токмо толмач Мансур оных оставить весьма не желал. С сим Кутырь-батыря к вам послал для взятых пожалованных вами содержащих кайсаков. Здешних же плутов без унимания, также и пленников, которые найдутся, без возвращения к вам не оставлю, и в том изволите быть благонадежны. Не извольте так думать, что я ваши дела не окончаю, дай боже вам тамо благополучия и впредь со известием от своего улуса прислать имею. Где б я ни был, токмо усердием своим всегда в близости нахожусь, и какое е. и. в. повеление будет, по тому исполнять всегда готов.

За посланные ко мне награждения благодарствую, и умножи господь вашего богатства. Ассессору Петру Рычкову поклон, для сыскания ево людей нарочно своего человека послал Кутырь-батыря с кощею до услуг ваших.

При сем послан июля 12-го числа 1745 г.

На подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 299 и об. Перевод XVIII в. Копия перевода – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 3. Л. 118–119. Подлинник на тюрки – ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 298 об.

№ 133

1745 г., июля 14¹³⁹. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулхаир-хана, полученного чрез Федора Найденова июля 14-го числа 1745 г. в городе Оренбурге. По переводу в нем значит.

Ея императорского величества высокопревосходительному г-ну генералу премного кланяюсь.

Ныне я поехал еще нижним улусом, а присланного от вас Федора Найденова с товарищем возвратно к вам отправил. И когда я в свои улусы возвращусь, тогда прошу в предбудущем в августе чрез Орск ко мне с вином ево прислать. Тогда он и кибитку с собою вести к вам может, а ныне за дальностию нашего расстояния и езды оного возвратно с сим к вам посылаю. Которого паки прошу около половинных чисел в предбудущего месяца ко мне прислать.

Абулхаир-хана чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 300 и об. Перевод XVIII в.

№ 134

1745 г., августа 3. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулхаир-хана, полученного чрез Баимрат-батыря августа 21-го дня 1745 г. в городе Оренбурге. По переводу в нем значит.

Всепресветлейшая державнейшая великия государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийския.

¹³⁹ Дата получения.

Высокопревосходительному г-ну генералу Иван Ивановичу Неплюеву.

Посланную от вас грамоту я чрез Кутырь-батыря получил, в которой весьма изрядно ответствуете и мне совет свой придаете, и я обо всем вам надежду свою имею, истинно уповая, что и вы уже обо мне не сомневаетесь. Я же, по возможности моей служа е. и. в., здешние дела оканчиваю. Как тамо вы е. и. в. находитесь тайным советником, а нам будите явным советником, и тако между обеих стран правосудие чинить извольте, и ежели будите только моим словесным и письменным объявлениям верить.

Также прошу по нашему обыкновению, когда из наших кайсаков кто от меня к задержанию показаны будут, таковых задержать; а кто к свобождению – таковых свободить; и тако б мы, друг от друга объявления почитая, оное учинили, то б воровство между наших людей лутчее пресекаться могло, и я сие объявляю по состоянию нашего народа.

Еще же изволили ответствовать о прозьбе Тунгачая Тянгриберганова, почему уже оное дело, или же тогда токмо для одного довольствия ево про то нам писано было. Ныне еще объявляю, ежели вам угодно быть имеет показанного Тунгача, братья ево китинского роду именами Ачбай-бий, да Алтай-бий и Арал-мурза, у которых имеется башкирцов четыре человека с семьями, а имянно: Кармуш-батырь да Сеит с товарищи, я надеюсь, что и вам про них небезызвестно, и я их не жалею, и отдавать намерен, токмо показанные бии не отпускают. И тако не изволите ль послать от себя к ним, Ачбай-бию с товарищи, своих посланцов и требовать показанных Кармоюша и Сеита и всех башкирцов. И ежели не отдадут, тогда велеть задержать от их родов людей. И потому имеющих у вышепоказанного Тунгачи двух и протчих пленников безостаточно возвращать могли. Да по писанию же вашему, кой ис пленников мне попадается, таковых отпускаю, разве о том сомневаться изволите, что не всех одним временем возвращаю, однако безперерывно и без остановки по повелениям е. и. в. исполнять стараюсь.

При сем же прошу для довольствия моего из задержанных людей хотя б человека четыре свободить, а имянно: Арыка да Казяку, Арала да Кунушбая. Ежели ж впредь таких людей задержать потребно быть имеет, то тогда и другие сыскаться могут. А тогда оные по моему ж велению задержаны быть стали, а они же ни к чему невинны и пленников у себя и в роду их не имеется и не бывало. А более полагаюсь на ваше соизволение, и я много умышления в себе не имею, хотя и всех свободить изволите, а впредь еще держать понадобится, то извольте задерживать из сильных родов, а имянно: чиклинского и чумякайского – по пяти человек, тогда, когда приезжать будут в Оренбург с торгом. Но обо всем прошу меня без ответа не оставить, и я здесь всякие дела по согласию вашему окончивать и к вам отправлять буду. А особливо впредь к задержанию людей извольте в памяти иметь китенского, куятского, байтеского, чюмеканского, байулынского родов.

Про ассессорских же людей неотменно всегда спрашиваю, а когда сыщутся, то немедленно пришлю. Прошу Кяганбаевых лошадей приказать отыскать, ибо он бедной и невинной человек. Что вы изволили писать о взятых ис-под Орской крепости киргис-кайсаками лошадях, ныне я известился чрез киргисца Шийкыма, которой был в Средней орде, что оные взятые киргис-кайсаками Большой орды есинского роду именами Ямангул Чагыров с товарищи два человека, а третьей телянгут, т. е. у владельцев служитель. Которые приехали в Орскую крепость с торговыми сартами и, будучи во оной Орской крепости, пропало-де у одного сарта несколько товаров, в чем поклепали одного русского человека, и в то время учинилась между ими драка, и ис показанных киргисцов одного зашибли до крови и от того оные киргисцы, оставя тех торговых сартов при Орске, сами поехали возвратно и увели-де показанных лошадей [с] собою. С которыми заезжали аргынского роду к Акылу и Телебий батырям. И сие известие объявляю, оно истинно правда, и о тех лошадях показанные батыри лутчее ведать могут, и Жанбек-тархан сие известие слышал. Более вы сами о том средство сыскать можете, к тому ж небезызвестно вам, что оные не в моем владении. Когда ж изволите отогнанных от

киргис-кайсаков башкирцами лошадей возвращать, прошу приказать имянно, коих взяли, не переменяя, отдавать.

По требованию же вашему кибитку при сем послал, и о чем вы просить будите, кое у нас найдется, того не жалею. А для отвозу оную кибитку до ваших услуг послал Хушагал-мурзу с кощею ево, да послал было Байтерек-аталыка, и оной заболел, токмо послал брата ево и Кутыр-батыря посылаю же. Показанной Хошагал-мурза в орде нашей ко услугам годен, и вам, ежели потребно в чем, служить против Кутыр-батыря может. Обо всем словесно донести может Кутыр-батырь, которому дан от меня ныне чин чурагасы, сиречь яко майорский ранг.

Прежде сего изволили ко мне писать: я и дети мои от е. и. в. высочайшим милосердием оставлены не будем, в чем и ныне упование свое имею и ожидаю приезд сына своего. К службам же е. и. в. всегда в готовности нахожусь, дай боже всемилостивейшей государыне многолетнего здравия и вашему высокопр-ву благополучия.

От урочища Тайсуйган-Каракулу, августа 3-го дня 1745 г.

На подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 232 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 230–231.

№ 135

1745 г., августа 23¹⁴⁰. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулхаир-хана, полученного в городе Оренбурге августа 23-го 1745 г., по переводу в нем значит.

Всепресветлейшая державнейшая великия государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийския.

Ея императорского величества высокопревосходительному г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву премного кланеюсь.

Вначале всещедрый бог да всемилостивейшая государыня, даруй боже е. и. в. долгие веки и вам желаю доброго здравия. Ежели между нами согласно будет, то мы всякое благополучие получим, ибо совет наш завсегда полагаем, яко же зюнгорские и калмыцкие посланцы на вас положены были, чего ради, когда окружностей наших, какие к нам бывают посланцы в орду, то мы, оказуя свою верноподданническую ревность и не имея никакой от вас разности к вам, и объявляем. И при сем вам доношу: из Хивы прибыли посланцы и просят сына моего Нурали-салтана в ханы и пишут ко мне тако: трухменцов за их беспокойство и за учинение многого разорения как бухарцам, так и протчим народам, взяв от персиян войска, уже искоренили, и ныне, ежели-де нам учинить ханом от других народов, то-де киргис-кайсаки с торгом приезжать к нам не будут, также-де и нашим караванам в Оренбург для торгу ездить будет невозможно, и тако они желание свое имеют большие караваны к торгу сюда присылать, а оные приехавшия из Хивы посланцы для прозьбы показанного сына моего Нуралея из людей знатных, того ради, что вы в том мне присоветуете, ибо, ежели позволите, чтоб ему для пользы е. и. в. ехать и быть тамо ханом, то поедет, а ежели ж не позволите и приезд караванов ненадобно, то в вашей воли состоит; а от персиян опасности в том не имеется, что лучше от их писем увидеть и рассмотреть можете; чего ради для получения на то разумного вашего наставления и оные письма к вам послал.

При сем же объявляю о бухарском хане, что прежде сего нам слух был, яко он умре, а ныне известие получили чрез каракалпак, что он здоров, токмо-де умре их аталык, т. е. дятка, именем Хаким, и обещал-де отправить к нам своих посланцов сего августа 15-го числа.

¹⁴⁰ Дата получения.

Того ради прошу прислать вина и муки, о чем прежде сего писал, дабы прислано было чрез Орск поблизости ко мне прямо в улус, и оное также и ответ на письма ожидать имею; с теми ж людьми прошу прислать одно исправное кресло, а прежде присланное уже износилось, да прошу от высочайшей е. и. в. милости одну палатку.

На оном подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена. Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 3. Л. 129–130. Перевод XVIII в. Опубл.: КРО-1. Док. № 125. С. 322.

№ 136

1745 г. – В Оренбургскую комиссию

1-е

Я, Абулхаир-Мухамметь-Бахадур-хан, пожаловал Исять-батырева сына Калдыбая и послал ево с сим посланным Тюлюбай-бием, которого прошу почитать с показанным Тюлюбай-бием в равенстве, ибо в родах он из лутчих людей.

На подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

Оное письмо помянутому Калдыбаю отдано обратно, ибо оное писано ни на чье имя.

2-е

От него ж, Абулхаир-хана, а по переводу в нем значит ниже сего.

У сего Куванбая имеется в Башкирии сын ево в Кубеляцкой волости у Баим-тархана Кадряева именем Балта и прошу одного приказать высвободить, ибо он находится в известном месте.

На подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

3-е

Да от него ж, Абулхаир-хана, по переводе в нем значит ниже сего.

Из содержащихся на Яике четырех человек один умре, а остальных прошу приказать освободить. Из них же три человека таминского роду, а имянно: Утямыш, Утямли, Усян; и в их таминском роду пленников ни единого не имеется, и никакого дела до них не касается, да они же Исять-батыревы братья; а возвращение б их было весьма изрядно.

На обороте [ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена].

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 250. Перевод XVIII в. Подлинник на турки – там же. Л. 249–249 а.

№ 137

1745 г. – Тайному советнику В.Н. Татищеву

[...] ¹⁴¹ К тайному советнику, Оренбургской губернии губернатору, генералу Ивану Ивановичу Неплюеву наши люди ездят. Хотя я со оным и нахожуся, однако не очень доволен, понеже случается нужды моей о донесении е. и. в., то оного ничего не исполняет и оставляет втуне. И временем как от меня, так и от детей моих посылаются посланцы к нему, також и от сына моего Нурали-хана, и от Ирали-султана, и Барак-султана, и Абулмагмета посланцы посылаются ж к нему, и посланным нашим посланцам чести никакой не имеется, точию более оных посланных султана Абулмагмета посланцев в почтении имеет. И в том оные мои посланные

¹⁴¹ Начало и конец текста опущены в первом издании.

приносят мне жалобу не для чего иного, только, что между кайсацкого народа приятель и неприятель нам есть, не без стыда, понеже прежде всех возымел я быть в подданстве е. и. в. и во всех моих представлениях верность е. и. в. оказалась. Для того я от детей своих нахожусь в стыде. Был же послан мой сын посольством, который и одержан. Ежели я прежде вашему высокопр-ву представлял, то, может быть, что чрез вас оное исполнилось, для чего всякому человеку бог надобен, понеже всю правду объявляю. А по желанию моему надлежало б их удовольствоваться, а теперь уже положился я на волю божию. А в делах я усмотрел, что обижен сильно, таким же образом оный мой сын смертию кончится, что у вас Дондук-Дашин сын; или божиею волею в руках моих. И ежели так и подлежит, тому уже так и быть. Однако одним младенцем всего владения владеть невозможно, причем вашего высокопр-ва прошу о делах наших приложить старание. Ежели оного учинено не будет, то уже нам всеконечно особая смерть случитца от сего приключившагося нам стыда. Оное я представление вам учинил по надежде приятности вашей ко мне нескротно, для того, что вы – мой приятель. Я же с вашим высокопр-вом состою союзно и по прошению моему, кого я прикажу у вас содержать, того вы изволите содержать. А ежели кого надлежит отпустить, то такожде отпустите, чем я и весьма доволен. Здешний же мой знакомый генерал Неплюев меня совсем оставляет для того, что ежели, когда случится по прошению моему из людей кого отпустить или содержать, то он ничего не исполняет, а сказывает, будто бы он такого указа у себя не имеет. А хотя он и близко возле нас имеется, точию в нашей орде поступками искусства не имеет. А вы изволите хотя от меня и в дальнем расстоянии быть, только я признаю вас к себе в ближнем союзе. Ныне ж по моему объявлению, какая последует от е. и. в. резолюция, должен ожидать от вашего высокопр-ва [...]

Перевод XVIII в. Опубл.: Добросмыслов А.И. Тургайская область. Т. 1. Вып. 1. Оренбург, 1900. С. 58–60.

№ 138

1746 г., мая 27¹⁴². – Императрице Елизавете Петровне

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулхаир - хана, полученного чрез казачьего сержанта Федора Найденова мая 27-го дня 1746 г. в городе Оренбурге. По переводу в нем значит.

От высокопочтенного Абулхаир-воина и батырь-хана.

Доношу в. и. в.: в начале, божеским соизволением, по повелению белого государя и по склонению моему с обеих сторон согласие учинилось. Един же есть бог и единое неинаковое монаршеское повеление, по тому ж и мы в прежнем обязательстве неразвращенно себя содерживаем и при благополучии в. и. в. о бедных и безгласных имеем мы попечение. И даруй бог в. и. в. на многия лета здравия и благополучия. И прошу между нами происходимым неправым словам не верить и дикого нашего народа воришков на происходимые от них непорядочныя поступки не прогневаться, ибо такая их воровские действа при благополучии в. и. в. нами без прекращения оставлено не будут. По моему мнению, в народе нашем вины не признавается, ежели же повелите исследовать, то уповаемо, что калмыцкой владелец Дондук-Даши виноват, и о том отдаюсь в волю в. и. в., ибо всякие злости от него происходят, яко же не единожды, не два и не три раза, но уже не меньше тысячи раз у нас лошадей отгонял, но у нас лошади – самое наше сокровище. И хотя захваченное ими люди наши, гнавшись за ними следом, просили, но они не отдали. И о том в. и. в. донести не могли и, не стерпя того, дикие ваши рабы, поехавши, улусы их разбили.

¹⁴² Дата получения.

Еще ж народ наш признает себе за недовольство, во-первых, что производимой в Орской крепости торг пресекается; во-вторых, бывшего для торгу при Оренбурге в вновь заведенном меновном дворе киргисца высекли; третье, у киргисца Худай-Назар-батыря брюхатую ево наложницу, калмычку, отнели; четвертое, когда наши люди для иску своих ясырей и скота приедут, то удерживают, а именно – Сейткула Тургая в Яицком-городке, поймав, продали; пятое, отогнанные от нас башкирцами лошади не возвращены; шестое, отправленной послом ко двору в. и. в. сын мой возвратно не бывал, жив или умер, о том не знаем. Еще ж при взятые сына моево Ходжа-Ахмет-салтана, как обещались, оно уже минуло, и что при последнем моем свидании обещано, и то все прошло, но как послал я ево, чтоб он удостоился видеть очи в. и. в., откуда и поныне не возвратился. Егда повелите римских, крымских, персидских и китайских царей детей при дворе в. и. в. держать, то и мне о задержании сына моего при-скорбности не будет, а бес того мне небесприкорбно есть. Зюнгарский владелец, хотя он не великовластен, но бывших у него посланцов, салтанов и подлых людей, не удерживая до году, возвращает. От самого нашего подданства какую мы себе заслужили вину ж, что сын мой задержан, которого, не видев у себя, утвердиться не могу. Кутыр-батыря неудержимо возвратить, которого все ожидать будем.

На обороте подлинного татарского письма его, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

С подлиннаго переводил переводчик Юмагул Гуляев.

Петр Рычков.

Читал канцелярист: Иван Саблуков.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1746 г. Д. 3. Л. 7–8. Перевод XVIII в. Опубл.: МИКССР-2. Док. № 48. С. 142–143.

№ 139

1746 г., августа 6¹⁴³. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с присланного татарского письма от Абулхаир-хана, полученного чрез киргизца Елумбет-батыря с товарищи августа 6-го дня 1746 г. в городе Оренбурге; по переводу в нем значит.

Ея императорского величества высокопревосходительному г-ну тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву я, Абулхаир-хан, желаю здравия.

Присланной от вас доброй и издавна порядок знающей человек Араслан обо всем мне словесно объявил, чему всенародно весьма радовались. И он равных себе киргис-кайсацких биев добропорядочно наставляет. Не извольте сомневаться, что он замешкался, а после сего я ево с надлежащим моим ответом отправлю и в том извольте быть благонадежны.

А ныне я по присланному от вас с Лапиным письму в старании нахожусь, токмо каждой год от киргис-кайсацких плутовских поступок весьма сокрушаюсь. О моем состоянии вам самим неизвестно, и тако прошу вас, г-н генерал, хотя единожды мое желание исполнить и тем мне учинить удовольствие, о чем и при свидании с вами от меня вам представлено, чтоб по согласию моему с вами в случаях мне помочь и киргизцов ловя, задерживать; чего для сим вас прошу приказать, поймав, задержать тридцать человек, которые к вам туда для торгу приехали, но купцы от того не останятся и ездить будут. А имянно: от знатных родов из Большой орды уйсюнского роду поймать десять человек, от Средней орды от знатных родов поймать десять человек, от Меньшей орды – десять же человек. Ежели б сие учинили, то б мне немалая помощь от вас быть могла и дела б наши скоро окончились, и я б чрез сие себе довольствие получить мог, даруй боже как вам, так и нам, многолетнего здравия. Что же

¹⁴³ Дата получения.

показанные уйсюнцы взятых ими пленников не дают для того, что взято от атгайского роду у Алимбетя на сибирскую сторону в полон людей, коих-де поныне не отдают. А Средней орды люди живут поблизости зюнгорских калмык, и тако моего повеления не слушают, и взятых ими пленных не отдают. Для того извольте приказать поймать приехавших к вам Джаныбек-батыревых племянников: Турдугулова сына Сююндука да Айдагулова брата Шамаметя и содержать их при Ходжахмет-салтане. А они б тамо были до приезде мурзы Тевкелева для того, что они не лутчее моего сына, к тому ж, яко обычно, командиру всегда без доброй команды быть не надлежит. И ежели вы мне приятелем имеетесь, то извольте приказать их без всякого сумнительства поймать; а ежели не поймаете, то я останусь в неудовольствии. А я, не щадя живота своего, е. и. в. служить готов и ни в чем иного мнения в себе никакого не имею. Пойманных же людей прикажите содержать под добрым смотрением, чтоб не ушли. С сим до услуг ваших послал Елумбет-батыря, Мергень-Кашку да Тугузака, и во уверение сего печать свою приложил.

Подлинное переводил и подписал переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1746 г. Д. 3. Л. 27–28. Перевод XVIII в. Копия.

№ 140

1746 г., сентября 22¹⁴⁴. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулхаир-хана, полученного чрез киргисца Завзана сентября 22-го 1746 г. в городе Оренбурге. По переводу в нем значит.

Ея императорского величества г-ну тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву желаю здравствовать.

При сем вам объявляю, что Юлумбет с человеком вашим толмачем Филатом Гордеевым, приехав от меня к вам, объявили, и вы об оном известились. Также с ним посланное письмо я здесь получил и обо всем рассмотрел, в котором пишете, что ловить людей у вас необычно. Хотя я о том прежде слышал и известен, токмо для довольствия моего по обыкновению нашего народа в надежде на вас, чтоб для пользы вашей и нашей такое дело служить могло, к тому ж дикой весь киргис-кайсацкой народ тем установиться бы мог. По посылаемым моим письмам ни единожды ничего не учинилось, но и пуще со всем нашим народом в ссоре и в стыду меня оставили, и я, надеясь на вас, яко на стену, в службах всемилостивейшей государыни находился. Кто плуты, те вам угодны; я уповал, что учиненные мои дела приняты за добрыя, но оные вам неуютны есть, которые я уже понял, когда о том указу не имеется. Куда сына моего Ходжу-Ахметя девали, разве о нем указ имеется? Хотя он и жив, токмо я почитаю ево за мертвого, ежели б был жив, то б он приехал. Да в Астрахани пойманы приехавшия для торгу 9 человек киргисцов и на Яике задержанныя, оные где? Ежели таковые не свободятся, то и имеющиеся между нами дела как окончатся могут, я в письме не объявлял ли? Ежели людей не захватите, то я осерчаю. Изволь, генерал, я предал в божескую волю, а вами недоулен. Даруй бог всемилостивейшей государыне многолетнее здравие, и ты здравствуй. Тамо мои письма в действие не производились, також-де и ваши здесь письма в действие же не производятся. Назад тому два года как мурза Тевкелев и сын мой едет. Ежели они, приехав с мурзою, не окончат, то здешние дела не окончатся. У меня е. и. в. указ имеется, чтоб обо всем генералу представлять и всякие б наши дела оканчиваны были. Каков у вас указ, таков и у меня имелись. А вы, генерал, ни единого дела не окончали, я вам стал ненадобен, уже от меня вы ничего не ожидаете, и я от вас себе ничего не ожидаю; хотя вина ваша, токмо я в божескую волю предал. Я караулить уже не мог, по Тоболу с вершины и до устья Яика карауль

¹⁴⁴ Дата получения.

сам; и плутов унимать я не мог, тамо государыня неизвестна, а я здесь не знал, только ты один знал и государь стал.

На подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

Оной подлинной перевод переводил переводчик Юмагул Гуляев.

На копии перевода подпись: переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1746 г. Д. 3. Л. 50–51. Перевод XVIII в. Копия перевода – РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 118. Л. 26–27. Опубл.: МИКССР-2. Док. № 54. С. 153.

№ 141

1746 г., сентября 29¹⁴⁵. – Султану Кожамету

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулхаир-хана, полученного сентября 29-го 1746 г. в городе Оренбурге. По переводу в нем значит.

От родителя твоего Абулхаир-Мухаммет-Газы-Багадур-хана и от матери твоей Пупай-ханши поздравление и благословение.

Поручаем тебя самому богу: что бо[г] определил, то видеть и терпеть за народ должно. Поверь мне, что я отправил тебя, только чтоб удостоиться видеть е. и. в. и опять возвратиться. Я уповал, что как и прежде было для посольства, так и ты в посольствии ж обращаться будешь, но ты в поимке, не ведаем о тебе, живы или нет. Многократно у е. и. в. я просил, токмо прозьбы своей не получил. И народа нашего, всех плутов не щадя, хотя я и отдавал, но их не принимали, только год от году мы унижились, и прозьба наша втуне оставалась. И мы уже отчаялись: каждогодно обнадеживали, что скоро прибудешь с мурзою и отпустишься сюда, тому уже два года. Ныне в недавнем времени я уведомился, что ты в отдаленности в Казане содержишься, а народ наш, слава богу, в благополучии. Сам ли ты не едешь, или уневоливают. Ежели в неволе содержишься, разве не знаешь про отца; сам ты знаешь, я за воспитание мое грудью тебя благословляю, а ты за терпение трудов нас прости и буди здрав, еще бог простит, а мы тебя простили и буди от нас благословен. Столь я всячески старался и рачительно служил, токмо мне ничто служить могло, разве, наконец, благо будет, то увидим. Коли ж приезжающие посланцы тамо удерживаются, то и сюда приезжающие задерживаны будут, письма наши тамо в действие не происходят, но и их письма также здесь в киргисцах в действие производимы не будут.

На обороте подлинного татарского письма ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

Подлинное переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1746 г. Д. 3. Л. 63 об. Перевод XVIII в. Опубл.: МИКССР-2. Док. № 56. С. 155.

№ 142

1747 г., июня 10. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, присланного от Абулхаир-хана, полученного чрез переводчика Араслана в городе Оренбурге июня 29-го дня 1747 г. По переводу в нем значит.

Всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийския и проч., и проч., и проч.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву желаю премного лет здравствовать.

¹⁴⁵ Дата получения.

А что же с прошлого году Араслана с товарищи не отправил, для того, чтоб он, будучи у меня, обо всех моих состояниях видел и вам бы окурратно донести мог. Господин генерал, я то учинил, хотя вам и противно, токмо тем хотел я стращать здешних плутов и от вас себе помощи получить, как бы к лучшему уповал. И тако, имея сердце на киргисцов, оных посланцов удержал, ожидая окончания оному делу от киргисцов или от вас, г-на генерала; а надежда моя была на город и на вас, что я и представлял, токмо вы не приняли. Весь народ наш в добрых, а между им в худой славе только я остался, о чем вы сами знаете. Которые ж ис пленных имелись у меня в руках, одного владельца, а другого рядового, отдал, а о протчих киргис-кайсацких плутовских делах вы сами, как изволите. Вы же обо всем представляете мне, а я уже о своей прозье доношу всемилостивейшей государыне. Отсель послал человека своего Байбека, прошу вас оному человеку придать добрых товарищей и толмача, а об отправлении прошу ево туда и обратно приказать на почте, а я в том на вас верно надежен. И с ним, Байбеком, послал кощеев, прошу оных от него не разлучать. А обо всем словесно донесет человек ваш бывшей – Араслан, которого извольте спросить, и оной, имея совесть свою, донесет, изволите ему верить. А кто худ, того богу поручаю.

При урочище Кумака, июня 10-го дня 1747 г.

На подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

Пониже печати подписано тако: к сим делам с начала и до конца сей мой человек Байбек употребляющей.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1747 г. Д. 3. Л. 179–180 об. Перевод XVIII в. Оpubл.: МИКССР-2. Док. № 71. С. 195–196.

№ 143

1747 г., июня 12. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, присланного от Абулхаир-хана, полученного в городе Оренбурге чрез сакмарского казака Минлибая июня 29-го дня 1747 г. По переводу в нем значит.

Всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийския и проч., и проч., и проч.

Ея императорского величества высокородному и высокопревосходительному г-ну тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву премного лет желаю здравствовать.

Посланное от вас письмо я получил, которое получа, весьма возрадовался, хотя вы меня в памяти своей мало имея, вспомнили, и тем я доволен, и вы многолетно здравствуйте. Еще ж изволили упоминать, что вы давно от меня писем не получали, то, правда, оных я нарочно не посылал и хотел, чтоб Араслан с товарищи, будучи у меня, прозимовали и, усмотря здешние кайсацкие плутовские намерения и поступки, отправились. К тому ж ожидал от вас, не будет ли какого оным поучения, а потом ныне переводчика Араслана, за два дни до сего с находящимся у меня товарищи ево благополучно содержа, проводил и что знал, словесно оным все понятно вложил, а о прежних моих представлениях вы сами известны. А я смотрю на вас и надежду имею, ежели изволите спросить о моем доношении, то прошу нарочного моего человека ко двору е. и. в., придав от себя ему товарищей, приказать туда и сюда препроводить. А у нас в намерении отменности никакой не имеется, и я более сего ныне не распространяю, ибо ваши представления мне известны, також и мои представления вам не безызвестны, а о окончании тех дел уже от вас зависит.

При урочище Ярлыкумака, июня 12-го дня 1747 г.

На подлинном татарском ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

Ниже печати подписано тако: ныне приятель мой г-н генерал, ежели обще со мною окончивать дела изволите, то сего посланного моего Байбека туда препроводите, а буде, паче

чаяния, мурза в Оренбург прибыл, а хотя и не прибыл, то ево, Байбека, туда и сюда на почте ко всемилостивейшей государыне отправить прошу.

А посланную от вас грамоту привез ко мне казак Минлибай, которого с сим обратно к вам отправил.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1747 г. Д. 3. Л. 178–179. Перевод XVIII в.

№ 144

1747 г., июня 20. – Императрице Елизавете Петровне

Перевод с татарского черного письма, объявленного переводчиком Арасланом Бекметевым по возвращении ево от Абулхаир-хана, а ему Араслану, данного ево, ханским, писарем Алмухамметем, с которого от оногo хана писано белое, и с человеком ево киргисцом Байбеком послано на всевысочайшее е. и. в. имя.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская.

Вашего императорского величества Киргиз-кайсацкой орды всеподданной Абулхаир-хан всеподданнейше и рабски доношу, что при здравии в. и. в. такую надежду имею, что как на превысокую гору и на крепкую булатную стену. Великошасливая государыня, плачущих от слез избавляющая, падших возставляющая, рыдающих утешающая и мне, нижайшему, во всяких прозьбах воздающая, напредь сего, прошение мое воздав, в знатной сан меня определила, что по высочайшей в. и. в. милости даже до затмения света не отменю. Причем, желая в. и. в. многолетнего здравия и без сумнения уповая на высочайшую милость, я, киргиз-кайсацкого народа Абулхаир-хан, всенижайше и рабски прошу признавать меня, нижайшего, правосердечным и, по возможности моей, в начале богу единому и в. и. в. рано и поздно служащим рабом. И сии мои три прозьбы за благо принять и в том меня нижайшего не обвинить. Ибо сей свет всякому не вечен, наконец, и мне оногo не миновать, токмо я желаю по мне детям и дикому моему киргиз-кайсацкому народу оставить един след, чтоб они, по тому следуя, пользовались. Надо мной уже приятели мои смеютца, а неприятели искушают и говорят: тако сына-де своего за красные кожи и за кармазинные сукна отдал. Чем и неприятели, около нас имеющиеся, порицая меня, нижайшего, смеются. Но я на то говорю, что прежде сего по Яику крепостей не было и улусы не кочевали, також обхождения и торгу с киргиз-кайсаками не было, а ныне, слава богу, все крепости построились, и с киргисцами торг основан, и во обхождении в верности уже и сумнения нет. Великорослые травы и немутные воды по сю сторону Яика-реки нам пожалованы, чем я не только однократно, но и тысящами крат доволен.

При сем первая моя прозьба – о сыне моем Ходже-Ахмет-салтане, которого б возвращением был я награжден и от печали своей избавлен.

Вторая – о имеющих в Киргиз-кайсацкой в. и. в. орде киргиз-кайсацких плутах, которые також-де и мне противниками. Я здесь определенному к нам г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву представляю, чтоб за оных ис приезжающих для торгу кайсаков ловить и содержать для окончания здешних дел и прекращения плутов, а по окончании б всех таких дел и тех пойманных кайсаков высвободить. Но оной генерал, опасаясь высочайшего в. и. в. повеления и не имея о том указу, не ловит. А такие дела у нас в обычае, чего б и народ наш за недовольство не принимали, и купеческий бы путь тем затворен не был, только б тех ловить, которые к поимке, а таких отпускать, кои к отпуску от меня показаны будут, чрез что б у дикого народу дела окончаться могли в том разсуждении, что за чинимые от глупых людей противные поступки неповинные люди задержаны, и тако бы между собою друг друга от того унимали. И ежели б от Средней или Меньшей орды или от семиродов противность показана была, то б

ис тех орд людей и задержать, а для дальних бы неприятелей, когда я буду просить пушек и людей, даны б были, чрез что и дороги отвориться могли б и между Бухарии всякие караваны ездили б. Токмо ездить немочно чрез каракалпаков, у которых и люди наши имеются в полону, и хотя оные каракалпаки и в подданстве вашем, всемилостивейшей государыни, находятся, токмо пленников наших не отдают, того ради сию мою желательную прозьбу всенижайше прошу пожаловать.

Третия. Сию Кайсацкую орду прежде моего подданства никто не знал и не нахаживал, но прежде всех сию дорогу проложил я, нижайший, а по мне и дети мои чин себе выслужили. Но мне год от году высочайшая в. и. в. милость и награждение убавляется, а кои нижние мои, те возвышаются, не знаю отчего. В полученной же мною за белою печатью высочайшей грамоте велено о моих недостатках и о всех делах и нужных мне вещах просить от тайного советника, кавалера и Оренбургской губернии губернатора Ивана Ивановича Неплюева, которой по представлению моему сии мои три прозьбы не принял. А я с ним во всяких в. и. в. делах в согласии оканчивать и плутов в народе нашем прекращать и тем обиду свою отмстить желал, а дальним моим неприятелям, показав себя сильным и имея надежду год от году чином более произойти, уповал, но не знаю, для чего прозьба моя не исполняется.

И тако всеподданнейше и рабски представляю о сих моих трех прозьбах, прошу и уповаю о сем в начале на всемогущаго бога и на вас, всемилостивейшая государыня. Аминь.

Думал я, что по высочайшей милости в. и. в. до конца жизни моей беспечально пребывать и по моим прошениям удовольствию получать буду, ибо и Оренбургская крепость ради нас построена, и намерен был я в оной крепости и дом иметь, но ныне и сына моего тамо не содержат и для того, во-первых, генералом Неплюевым я недоволен. Называемой Карасакал находится в киргис-кайсацкой Средней орде, в роде найманском, и приказано было от меня оного Карасакала ловить, токмо и поныне еще не пойман. А я за киргис-казак не стою и их не жалею, а генерал их жалеет. И всем известно, что сын мой не насильно взят. А хотя б из глупых людей ради интересов ваших государыниных несколько и пропало, ис того б ничего не воспоследовало. И я уповал на генерала Ивана Ивановича Неплюева, что о всех делах моих ко двору доносить будет, и дела мои окончатся. Но он не доносил и, будучи тем я недоволен, ради неоконченных дел моих с сим прошением человека моего Байбека налехке послал.

1145 г., а нынешней год числится 1160, месяца джумазиел ахыря в 11-й день¹⁴⁶.

Абулмамед-солтан, Барак-солтан, верхняя калмыки выше нас почитаются, а я уже ниже их нахожуся, а сначала так не бывало.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1747 г. Д. 3. Л. 189 об. – 191 об. Перевод XVIII в. Опубл.: МИКССР-2. Док. № 72. С. 196–198; Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. Алма-Ата, 1981. С. 185–186. Приложение (неполный текст).

№ 145

1747 г., сентября 14. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, присланного от Абулхаир-хана, полученного чрез посланцов Есергапа да Ярлыккапа батырей в городе Оренбурге сентября 27-го дня 1747 г. По переводу в нем значит.

Всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийския; высокородному и высокопревосходительному г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву желаю здравствовать.

Посланные от вас письма я получил, которым весьма радовался. О состоянии моем вы изволите у Араслана спрашивать, которой что вам донесет, то представление все правильно,

¹⁴⁶ 1747 г., июня 20. (Прим. ред. МИКССР).

и надеюсь, что он вам уже и объявил и те дела мои все на вас, сердечного друга моего, возложил. Изволили вы Араслана с посланным от меня человеком моим Байбаком (которой послан был от меня для всяких известей и уведомления меня) послать, о чем я, услыша, весьма возрадовался. В помышлении же моем, кроме службы всемилостивейшей государыне, иного ничего не имеется. И от года в год в Киргис-кайсацкой нашей орде имеющихся плутов я сокращаю, точию не могу их унять, и для того надеюсь в том на вас, что вы в прекращении вспоможение учините, советы мои возложил на вас же, г-на генерала. Пленных имеющие киргисцы вас паче меня боятся, с которыми, ежели изволите с своей стороны жестоко и храбро поступить, то они и сами пленнх отдадут. А я с своей стороны увещевать оных и страхом вспомоществовать буду, но сильною рукою мне с ними драться и всячески тех пленнх от них вымогать возможности столько нет, понеже я стал быть степной человек, а городов не имею и, по своему обыкновению советуя, вам представляю.

Точию вы оных моих представлений принимать не изволите, а я смотрю на ваше высокопрво, каким случаем изволите взять помянутых пленников. Напредь сего киргис-кайсацкой народ был весьма дикой, а ныне оной, пребывая во власти всемилостивейшей государыни, год от году во обыкновение приходит, и доколь река Яик не высохнет, так и киргиской народ, даже до представления света, от Яика не отлучится, понеже кроме одного удобного места им другого не отыскать. А еще бог благоволит, то вы, г-н генерал, пребывая в деснице е. и. в., конец по своему между двумя юрты правосудию о плутах изволите предусмотреть. А и киргис-кайсацкой народ, е. и. в. подвластные ж раби, також и я всемилостивейшей государыне в службах пребываю и уповаю, что с посланными моими, о чем я неоднократно слезно просил, исполнится, то плуты б и неприятели все унялись и между б нами известии непрерывно получаемы были. Напредь сего я на вас, г-на генерала, сердце свое имел, о чем уже и к вам писал, и то правда было. Токмо вы мне ничего не учинили, я думал то, чтобы нам двоим быть в одном согласии, и надеялся на вас, что вы тем плутам отмстите и меня не оставите напоследок, стало быть, благополучно и предувидим в том, что такое будет божие содеяние и всемилостивейшей государыни повеление, ибо она во всем властвующая.

Я доволен вами тем, что вы человеку моему изволили придать доброго товарища и отправили, за что вам премного благодарствую и впредь желаю вам всякое щастие желаемое от бога получить. С сим моим письмом послал я до ваших услуг брата Итимганова Исергапа да сына ево ж Ярлыкапа. Прошу сих обоих, придав к ним товарища, до сына моего Ходжихметсалтана, где он обретается, послать до того места на подводах, и о здравии его уведомясь, и о моем благополучии объявить, и потом оных возвратить на место. Итимгана просят сродники ево, чтоб для старости ево сменить другим, ежели вместо ево летась никто не приезжал, то прошу, оставя на место, ево одного возвратить.

Сентября 14-го дня 1747 г., по реке Иргизу при урочище Кулакче.

На подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1747 г. Д. 3. Л. 240–241 об. Перевод XVIII в. Опубл.: МИКССР-2. Док. № 77. С. 209–210; КРО-1. Док. № 143. С. 365–366.

№ 146

1747 г., декабря 8¹⁴⁷. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

|

Всех под солнцу земель обладатель и во всем свете при славном и высоком престоле император и всеславнейший победитель, яко во всем свете храбры Александр Македонский и

¹⁴⁷ В КРО-1 опубликован по дате получения – 2 февраля 1848 г.

Джамшита, е. и. в. самодержицы всероссийской и подай боже е. и. в. благополучного государствения, вечно, нерушимо государству е. и. в. благополучия, е. и. в. верный раб.

Превосходительной, истинной, старинной, яко душе моей подобной, усердный друг мурза, приношу мое благодарение и хвалу своему творцу за то, что вы по указу е. и. в. прибыли благополучно, и услыша того, вседушевно и весь наш народ здесь радовались.

Присланное от вас ко мне письмо декабря дня в пятницу получил, в котором изволите писать, что вы желание имеете для персонального со мною свидания быть в Орскую крепость. В которое время оное исполнится вами, того с радости моею ожидать имею, и на то имею надежду, ежели бог того благоволит, и жизнь моя до того время продолжится от высочайшей е. и. в. милости меня не лишит, чего от вас и ожидаю; хвалу богу и благодарение мое приношу, что вы еще в целом вашего здравия в свете пребываете. Притом имею крайнейшее и нижайшее прошение, на которое прошу не прогневаться. Сердечной и превосходительной друг мой мурза, поздравляю вас вступлением во учрежденном своем месте. Я ныне стал было ветх и Орск было тому ж, токмо вы ныне паки вспомнили, где мы, друг друга сыскав, с общего нашего с вами и всего киргис-кайсацкого народу согласия присоветовали быть в той Орской большому торгу (почему и был). И он, наш совет, все киргисцы – как мужеский, так и женский пол, большие и малые – признав себе за полезно, и имели тогда немалые торги, в чем присягою обязались. Означенная же Орская крепость построена для нас для того, чтоб в одни ворота въезжать вам, а в другие въезжать нам, которой крепости тогда еще и не бывало, согласясь с вами, построили (не для ли нас, а хотя между нас, киргисцов, имеютца лехкомысленные и глупые люди, точю около окрестностях над приятелем и неприятелем), понеже (т. е. доброжелателям и недоброжелателям) им оставить добрую славу. Единственно с тобою размышляя и не советовав, о том никому не объявляя – своим салтанам и подлым знатым своим биям, предал себя под высочайшею протекциею е. и. в. для того, что чрез оную высочайшею е. и. в. ко мне милостию над неприятельми своими хотел иметь отмщение и чрез которую славу е. и. в. хотел привести всех тех лехкомысленных и глупых людей в подданство, на чем было у нас с тобою тогда положено слово, и уповаю, что оное и ныне в памяти содержите.

Превосходительный мурза, мы вас имеем ныне за великую вещь и диковину, которая нам весьма чувствительна, о чем не изволили мне объявлять и все то пришло без малейшего упущения. И вы тогда мне сказывали, что-де после меня к вам знатной посланник будет или не будет, а хотя и будет, растолковать вам и вашему народу не разумеет, и вы тех посланных разговору ясно внимать не будете, от чего ко исполнению вашего желания учинится немалое препятствие, тогда я уже вам поневоле буду надобен. Которые ваши слова без всякой перемены пришли, и приезд ваш почитаю на теме моем за высочайшею е. и. в. милость, рабское благодарение приношу в том, что как сначала удостоен, так и ныне вспомнят и отправлением вашим, яко начинщика наших дел, бывшим у нас и знающим нашего народа обряды, не оставлен. С представлением обо всех моих нуждах послал я с переводчиком Арасланом своего человека Байбека, оной до ваших услуг быть получил бы или нет – не знаю. И ежели б он удостоился получить на представление мое резолюцию и поскорее возвратился, то б очень хорошо. Надеюсь, что обо всех моих нуждах Араслан вам доносил, о которых я ему приказывал, и прошу ему в том верить. Когда оные мои прозбы получить удостоюсь, то весьма доволен буду.

По отъезде вашем год от года стало быть хуже, и от самого того времени между обеими сторонами произшедшие затруднения всемилостивейшей государыне доносятся ли, я для того об отправлении вас сюда с представлением моим просил.

Ежели бы оного моего прошения не было, то бы вы сюда когда отправились. Ныне уже приезд ваш весьма приятен, естли же вы для народа нашего приехали, то по воли и помощи божией между обеих стран установить можете. И которые после меня вновь желание имеющие владельцы и солтаны приезжать будут, то и без меня их для свидания зовите и прини-

майте, а я вам уже уверен и на положенный термин приехать не премину. И ежели изволите приказать оным салтанам, хотя остаться и при местах своих, то, взяв с них обязательства, и я за всех один буду обо всем с вами, о чем надлежит ко окончанию дел, персонально переговорю. А паче ежели в Орской крепости торги производитца будут, по желаньям нашей прозбы исполнитца, то мы всегда к вам приезжать готовы. Приезду и возврат есть, т. е. возвращение наше в свою орду, чтоб со удовольствием было. Что же возвращение без удовольствия будет, то лутче смерть, нежели то недовольствие.

А при разговоре ж нашем, ежели ваше слово мне ни принять и мои слова вы принимать не будете, то между нами друг от друга недовольствия какого б быть не могло. Сие вам по моей на вас надежде объявляю, понеже прежде обо всем надобно нам с вами говорить секретно. А весною, на срок в мае месяце, в Орской крепости свидание иметь будем, аще бог благоволит. По сим обещаниям происходил бы сильный торг и зделался бы базар, то со всем моим улусом поране прикочую, а ныне за зимним путем безвременно есть.

Ежели обо мне изволите спросить, и я с своими домашними, которых вы напредь сего видели, и со всеми теми, моля бога, рано и поздно о вашем здравии с благим почтением пребываю.

От реки Меньшого Барсука от урочища Тавтулугай в четверток декабря 8-го дня 1747 г.

До услуг ваших с Мансуром послал своего человека Тюгяля.

На подленном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

II

Доношу я одну свою словесную прозбу, прошу меня в том не обвинить, государь мой, приятель, г-н мурза.

[1-е]. Джагалбайлинского рода Азнабай Шавулатов сын Елтай попался в плутовстве, о таковых хотя просить не смею, однако прошу хотя ныне сюда и не высвободить, токмо, свобода из неволи, при себе, или ежели Ходжахмет-солтан есть, то при нем содержать, пока здешние имеющиеся в джагалбайлинском роде дела окончатся, и приезжающие б и отъезжающие киргисцы ево видели, и то б было весьма хорошо.

2-е. Того ж джагалбайлинского роду Джантака-биев сын с товарищи пять человек, которые ездили в Астрахань для торгу, где один из них умер, а осталось четыре человека, тех четырех, взяв на свои руки, сообщить вместе с помянутым Елтаем и держать при себе. Мне кажитца, так бы было хорошо, а более, как сами лутче знаете, токмо я сие вам объявляю.

А что касается до здешних дел, в том я в готовности нахожусь, извольте верить.

На оном татарском письме ево ж, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

Подлинныя письма переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 3. Л. 28–30 об. Перевод XVIII в. Опул.: КРО-1. Док. № 147. С. 373–374.

№ 147

1748 г., мая 10. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Превосходительный и высокопочтенный, искренний мне благодетель и яко душе моей подобны г-н бригадир мурза!

При отправлении из Оренбурга изволили ваше пр-во прежде посланному от меня Исергапу, которой ко мне от вас был отправлен с сакмарским казаком Мансуром Асановым, призывать, чтоб он, Исергап, возвратно к вам с ним же, Мансуром, скоро приехал, но в том прошу не погневатца, что он с ним не бывал, понеже за дальностью и за большими водами и ко мне чрез десять ден с великим трудом явился. И оной же ваш служитель послан был от меня за некоторою моею собственною нуждою, но и тамо за небытностью того человека видеть не получил. И за такую необходимую нуждою и ехать к вам замедлился, и в том також и что пре-

жде сего я напротив писания вашего ответствовать, прошу не сомневаться и не презреть, что я ваш приказ исполнить опоздал. Но, однако, я для любезного с вами свидания со всею ордою перекочевал к называемому по Орь-реке урочищу к Бельтюбе-агачу с верным желанием, чтоб мы с вашим пр-вом могли видеться при всяком благополучии. Ваши же всякие наставленные речи я довольно в памяти держу, на что может и посланной от меня Исергап донести вам изъяснительно словесно, как ему от меня приказано. И прошу оное принять за благо.

Обретаются при Ходже-Ахмет-салтане Толубай да Ярлыкап, ис которых прошу Тулубая оставить в ваших услугах, а Ярлыкапа отпустить в орду с Исергапом неумедля, которой бы по приезде по нашему обыкновению мог исправить по умершем отце своем поминовение. Исергапа же до услуг ваших ныне послал с одним кощею.

Месяца джумадил-атра, т. е. мая 10-го числа во вторник 1748 г., в урочище по Орь-реке Бельтюбе-агаче.

На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 55 об. – 56 об. Перевод XVIII в.

№ 148

1748 г., мая 12¹⁴⁸. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, присланного от Абулхаир-хана, полученного чрез сакмарского казака Мансура Асанова мая 12-го дня 1748 г. В котором по переводу значит.

Ея императорского величества высокопревосходительному г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву.

Ваше почтенное писание чрез сакмарского казака Мансура, Байбека и Тюгаля я исправно получил. И они благополучно прибыли, что мне весьма приятно было. Я ваши получаемые мною письма всегда с приятностию приемлю. Даруй боже всемилостивейшей государыне доброго здравия и щасливого пребывания на многие лета, и вам желаю здравствовать; и впредь я от вас не оставлен быть уповаю.

По вашей же милости от его сиятельства государственного великого канцлера, сенатора и многих орденов кавалера графа Алексея Петровича Бестужева-Рюмина благосклонный лист я получил, ис которого, також и из слов человека моего о всем известясь, уверился, что все имеющиеся здесь в Киргис-кайсацкой орде дела, яко же и о сыне моем для окончания поручены г-ну брегодиру Тевкелеву, и он до приезде еще моего посланника оттуда отправлен, и заочно я по моим прошениям удовольствован, чему особливо весьма радовался.

Ныне уже, если господь бог благословит, и всемилостивейшая государыня силою и помощью своею не оставит, також и вы вспомоществовать и не оставлять будете, то имеющиеся в Киргис-кайсацкой орде (яко горы и камня) дела окончатся могут.

А что изволили писать о кундровских татарах, то и то не неспособно будет, и ныне уже все дела ко окончанию привесть уповаю.

Я же ныне с г-ном брегадиром персональное свидание иметь буду и особо их сторон благополучий и довольствий установлению быть уповаю.

До услуг ваших, приобща к Мансуру Нияз-салтанова сына Дуста с кощею да двух киргисцов, Мамметя и Кипа, послал.

На подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать, а над печатью подписано тако: всегда доброжелатель с благополучием.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 3. Л. 77 и об. Перевод XVIII в. Копия.

¹⁴⁸ Дата получения.

№ 149

1748 г., июня 7. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Высокоблагородному и превосходительному, истинному и искреннему мне другу и подобному душе моей благодетелю, г-ну бригадиру-мурзе!

Приятнейшее ваше письмо чрез моих людей и чрез Кубека я здесь вчерашнего числа получил, а по утру со всяким моим радостным увеселением отправил к вам своего человека для проводывания о вашем здравии, и что я в близости к вам по Камышлаку-реки кочевание имею. Между тем покамест, как отправлять буду посланных от вас людей с ответствием на ваше писание и в том, что посланные ваши нескоро паки к вам отправлены, прошу не погневаться. Однако ж они чрез два или три дни отправлены быть могут.

О вашем же в Орск прибытии и о показанном к нам попечении дал я знать Нурали-салтану, Средней орды Джанебек-тархану, которых я и ожидаю и со всею нашею ордою в близость к вам подвигнусь. А за благополучной ваш приезд, собрав немалую компанию, веселимся. Что же касается до наших дел, то мы по всенародному нашему согласию чрез посланных ваших обо всем обстоятельно к вам ответствовать будем. А ныне к вам для уведомления на почте отправил слугу своего Кудайбердея. Мы же ныне в близости к вам кочуем, отколь и вседневно уведомляться можем и за ваше благополучное в Орск прибытие радуемся немало. Токмо за неимением вина куража нет. Я было о присылке того и пшеничной муки до прибытия вашего в Орск писал, точию выразумел, что без воли вашей того чинить не могут. Возможно ль будет ныне, а более предаемся в ваше рассуждение; а наипаче нам приятнее, чтоб вы были здоровы. А когда вы будите в своем целом здоровье, то между нами, которые были малые ключики, и те засохнут, а большие реки сладким рассолом быть могут. И в таком намерении пребываю. Посланного ж от меня человека прошу поскорее отправить.

1748 г. во вторник июня 7-го дня.

На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 70 об. – 72. Перевод XVIII в.

№ 150

1748 г., июня 13. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Перевод с татарского письма г-ну бригадиру Алексею Ивановичю Тевкелеву, полученного чрез Абулхаир-ханского человека Байбека в Орской крепости июня 15-го числа 1748 г., в котором по переводу значит.

Высокородному и превосходительному, истинному, искреннему усердному благодетелю моему г-ну бригадиру-мурзе.

Мне приятнейшие вашего пр-ва письма чрез Дост-султана да Кубека и Исергапа я здесь с крайним моим и радостным удовольствием получил. А что словесно от вас мне приказано было, то Кубек и Исергап, изъясняя мне, с почтением доносили, чему я немало радовался и с глубочайшим моим усердием за истинно принял; и, аще бог благоволит, то обо всем исполнять не отрекуся. Ибо в том сила, что вы от е. и. в., всемилостивейшей нашей государыни, высочайшею милостию для исправления киргис-кайсацкого народа к нашим прошениям определены. Хотя я ныне еще и не при свидании с вами здесь нахожусь, токмо без общего вашего согласия никакого иного намерения себе не имею, потому что от всещедрого бога желание свое получить удостоились прибытием вашим к пользе нашего народа. При сем вам доношу, ежели не противно будет, что наш глупой и дикой народ опасаются от вашего премудрого разума, не весьма охотно и в Орск ехать хотят и мне не верят, а желают ведать, чтоб в Орску большой торг производим был, где и прежде производился, что и для меня бы не весьма худо было.

А более до вас распространять ничего не имею, но присланного от вас Кубека к вам обратно послал, придав к нему до услуг ваших, по желанию вашему, Исергапа и Байбека, которые от меня словесно обстоятельно вам донести могут.

1748 г., июня 13-го дня.

На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

Переводил толмач Усман Арасланов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 3. Л. 117. Перевод XVIII в. Копия. Другая копия перевода – там же. Д. 4. Л. 82 об. – 83. Опубл.: МИКССР-2. Док. № 83. С. 221.

№ 151

1748 г., июня 26¹⁴⁹. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Высокородному и превосходительному, истинному и искреннему, яко душе моей подобному, другу и усердному благодетелю г-ну бригадиру-мурзе желаю на бесчисленные лета благополучного здоровья.

Приятнейшие ваши письма чрез Байбека и Кубека да Исергапа я со всяким моим удовольствием получил.

А притом доношу, что напротив моего словесного представления, в коем не изволил сообщить, письменно за что благодарствуя, уже ныне ничего более сего не распространяя, кратко вам объявляю, для того хотя сколько бы чево мы о делах наших к вам письменно представляли, точию без того вам неимоверно, чтоб мне при свидании с вами персонально обо всем не говорить и того вы с крайним своим желанием ожидать имеете. И которой бы день я для свидания с вами к вам приехать мог, и оное вы учинить изволили весьма издрядно, за что вам дарует бог счастливого благополучия в том, что желаете вы наши дела твердо и порядочно ко окончанию привести, чего я и сам за благо принимаю и сего месяца резяпа, т. е. июля к десятому числу, аще бог благоволит, к вам неотменно приеду. А прежде себе со известием отправил к вам на почте Кутлумбет-есаула.

Между тем, прошу для спокойства нашего народа, ежели вам непротивно будет, что прежде сего от нас требовали Карасакала, так в тогдашнее время никто ево поймать не мог, а оной же плут Карасакал подбежал под имеющиеся по реке Тоболу русские жилища, ис которых несколько русских и в полон себе взял, а потом за ним гнались русские ж люди, и вместо тех своих пленников взяли они в полон же атгайского рода у киргисца Алимбета людей ево. И означенной Алимбет приезжал к русскому жилищу и требовал своих людей, где ему тогда некоторых тогда возвратно и отдали. А достальных-де не отдают для того, что-де у вас имеются наши русские пленники. А хотя они и имеются, токмо не у него, Алимбета, но в других улусах, а имянно – найман-герейского рода у киргисца Калкамана, от которого ныне дети ево поехали торговать в Оренбург и при таком способном случае, не упущая времени, прикажите из них десять человек удержать и к себе привести, понеже когда они возвратятся, то трудно будет их доставать, потому что они в дальности кочуют. А когда привезены будут, такое увещание объявить, якобы вы держите до приезде моего и со мною имеете говорить о нужде. Ежели наша прозьба за благо применена быть имеет и вы меня послушать не отречете, то прошу, как возможно, их удержать до меня, а я скоро к вам буду.

Тажо-де прошу Исергапа з Байтурой оставить при Ходже-Ахмет-салтане, а находящегося при нем Ерлыкапа с Бусаем извольте ко мне уволить.

На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 119–121. Перевод XVIII в.

¹⁴⁹Дата получения.

№ 152

1748 г., июля 2¹⁵⁰. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Высокоблагородному и превосходительному и истинному искреннему другу г-ну бригадиру, яко душе моей подобному, благодетелю мурзе желаю благополучного здоровья.

Притом доношу вашему пр-ву: посланное от вас письмо чрез Кубека и Байбека я здесь получил, и словесное ваше приказание они мне, изъясняя, доносили. И вы изволили приказывать, чтоб мне одному прежде времени не приезжать, но приехать со обстоятельным окончанием всех наших дел. За тем я и намереваюсь выступить и к предбудущему дни, четвергу, точию ныне у нас начинается немалое собрание, чего для я ныне и умедлил. И что вы словесно напротив сего изволите приказывать, того я и ожидать имею. Писание ж ваше зело мне достойно, а словесное ваше наставление к лутчему нашему совету бесполезно есть. Но я оно мне и довольно разумею, в чем изволите и быть благонадежны. Ныне же некоторые наши люди ис походу возвратились и уже ожидают того, чтоб обстоятельно с тем к вам приехать, в чем извольте быть без сомнения. Вы же изволили, доколе с вами не увижусь, дабы иным не утруждать. Того ради для обстоятельного уведомления посылаю к вам моего служителя Аралбая, а Худайбердея к Ходже-Ахмет-салтану с кумысом отправил.

При сем и я, Попай-ханша, вашему пр-ву желаю многолетнего здоровья. Притом прошу пожаловать прислать ко мне две бутылки самой хорошей вотки, да пшеничной муки, ибо в том имею некоторую нужду.

На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 123–124. Перевод XVIII в.

№ 153

1748 г., июля 7. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Высокоблагородному и высокопочтенному превосходительному истинному и искреннему, яко душе моей подобному, благодетелю г-ну бригадиру-мурзе желаю благосчастливого здоровья.

Вашего превосходительства почтеннейшее письмо мне Кубеков и Байбеков сыновья вручили верно, и посланные от вас вещи чрез их же я получил исправно, за что низайше и благодарствую; и даруй бог всякого счастливого благополучия. Что же изволили писать, дабы ко совершению наших дел заблаговременно к вам дни за два Кубека и Байбека со известием отправить, и оно мне весьма приятно, почему я оных со известием и пришлю. А по милости вашей, аще бог благоволит, и бес того ежедневно вас уведомлять будем, которого и мы по воли всемогущего бога отриновенны от вас быть не чаем, а я уже от самой весны всячески стараюсь, чтоб нашего дикого народа привести в добрый порядок. Токмо мне по их обычаю в такой порядок одному скоро было привести невозможно. А ныне по вашей помощи и с немалым моим усердным старанием чрез великую мочь уже их склонил, и касающиеся до меня здешние дела, соверша, к вам прибуду после нашего собрания. А потом достальные дела полагаю на рассуждение вашего пр-ва и уповаем, что вы обо всех наших нуждах с предстаранием своим не оставите, и даруй бог нам благополучно и радостно с вами видиться, как мы и прежде сего с вами видалися, и того всеусердно желаю. Сын мой Ходжеахмет-салтан человеку моему Кудайбердею приказывал паки ныне приехать и до приезде нашего намерен ево послать за покупкою в Оренбург, чего для я оного при сем и отправил, которого прошу, не оставляя, придав от себя человека, на подводах отправить, також-де и его высокопр-ву г-ну генералу рекомендовать. Его же высокопр-ву от меня письмо послано ни о чем ином, точию о уведомлении себя ко удовольствию его высокопр-ва.

¹⁵⁰ Дата получения.

При сем до услуг ваших послал служителя вашего, а моего писаря Алмухамметева сына Танрибердея, да моих людей Аралбая, Кудайбердея, и они имеются собственные мои люди, а не прочие киргисцы. Они же никаких дел и слов не разумеют.

От урочища Камышлак-реки, июля 7-го дня 1748 г.

На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 139–140 об. Перевод XVIII в.

№ 154

1748 г., июля 11. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Высокоблагородному превосходительному истинному и искреннему, яко душе моей подобному, другу г-ну бригадиру-мурзе.

При сем для удовольствия и обрадования вашего пр-ва объявляю, что мы уже здесь со всею нашею Меньшею ордою алчинского роду с знатными биями и старшинами, особливо сильного роду биями ж Алимчюманом, быв при мне в совете, дела наши, окончив, положили на одном слове, и означенного ж бия Алимчюмана баулинского роду все двенадцать родов, в том числе и этирувской род, слушают выше помянутых старшин. И всякого роду знатные бии обещались отдать в аманаты детей своих с Айчювак-салтаном. Того для с Кубеком и послал до вас вышеписанных биевых детей и братьев их, к тому ж прежде сего вы сами изволили ко мне писать, чтоб заблаговременно к вам отпустить со известием Кубека. А я только ожидаю приезде Нурали-салтана, однако что уже и он следует в пути. А словесно от меня вам донести могут посланные Кутлумбет и Киикбай ясаулы о состоянии Средней и Меньшей орд. Ежели б вы оных людей изволили отправить со обнадеживанием, то б они по приезде сюда подвалу приносить могли, понеже знатные бии за благо рассудили их к вам послать, которые желают быть со мною для свидания с вами. Байбек и Кубек вседневно-де и бес того ездят. И того ради чрез вышеписанных ныне посланных желают о вашем пребывании уведомить.

При сем до услуг ваших и для обнадеживания с Кубеком послал, а имянно: Алибека Байгузина, Текися Кудайбиева, Трумбетя Алучибиева, Актабердея, Яикбая Муйнакбиева, Юлбая Сакаубиева, Каная, Раимберду, итого одиннадцать человек, да при них три кощеля.

Июля 11-го дня 1748 г., от урочища Камышлак-реки.

На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 153–154 об. Перевод XVIII в.

№ 155

1748 г., июля 13 – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Высокоблагородному,превосходительномуи высокомиловитому,истинномуи искреннему благодетелю, яко душе моей подобному, г-ну бригадиру-мурзе.

По нашей верности, чувствуя того, чтобы нам впредь было нестыдно, при сем объявляю, что ныне имеющиеся в Оренбурге для торгу киргисцы Средней орды каракисяк-аргынского роду Кутырь-батыря товарищи увезли-де трех человек русских людей, а он, Кутырь, и поныне обретается в Оренбурге же. А когда ево товарищи тех русских людей повезли, то видел Чюмак, Абызов сын, которой, приехав к нам в орду, мне объявил, о чем и я известую, как о том заблагорассудите. А по моему мнению, ежели то суще будет правда, лутче оного Кутыря, да с ним трех человек приказали б задержать и распросить, и оное б было весьма сходно, чего для я нарочно к вам отправил наскоро Кубекова сына, да киргизца Айбаша. По должности моей сие я доносил. В протчем, состоит в воле вашей.

Июля 13-го дня 1748 г., от урочища Камышлак-реки.

На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

Р. С. И мы, ваши раби, ханской писарь Алмухаммет, да ханской человек Байбек, по нашей к вам усердной верности, не щадя своих животов, что услышим и увидим, то непременно и вам объявлять будем. Хотя Кубек и при вас находится, однако и я, нижайший Бабек, с ханским писарем всегда вам доносить будем и о сем доносим, а что надлежит, и хану станем объявлять.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 156–157. Перевод XVIII в.

№ 156

1748 г., июля 23¹⁵¹. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Высокоблагородный, превосходительный, истинный и искренний, яко душе моей подобный, благодетель г-н бригадир мурза! Желаю вам благополучного здоровья.

Я уже ныне в непрременном своем слове устоял и совсем в готовности выступил, и не только я, но и всякие нашей орды люди для всякого благополучия обще со мною едут. И аще бог дарует добрый час, то уже я посланных ныне от меня к вам людей и сам достигнуть имею. Ныне ж я к вам на почте послал Чемана, Даванбая, Ходжагула, Тугая, Кунашая, Кошкулака, Утяша, Исеня, Джияша, Утарбая, Сермия, Токибая, Чанчара, Ислямяса. А словесно вам от меня донести имеет Кутлумбет-ясаул.

1748 г.

На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 182 об. – 183. Перевод XVIII в.

№ 157

1748 г., июля 31¹⁵². – Императрице Елизавете Петровне

Благоволением и милостью всевышнего ее величеству всевластной нашей государыне Елизавете, самодержице всех йуртов, вам, самовластной в своих действиях нашей государыне, милостивой повелительнице всех йуртов.

Мы, Абулхаир, ставший подданным, подвластным, Киргиз-казахского йурта хан, подняли на голову доставленное нам ваше письмо с белой печатью, на котором приложена ваша милостивая золотая печать. Мы осведомились о содержании ево. Мы лично встретились с посланным вашей милостью бригадиром мурзой Тевкелевым, который, лично вручив нам письмо в присутствии всех лучших наших биев, и нас весьма понуждал. На основании вашего указа-ярлыка, вызвав к себе находящихся с нами биев Малой орды: биев байулы, находящихся с нашим сыном Нурали-ханом, находящихся в [жети]руу [рода] жетируу Есет-батыра [1] и Толебай-бия; Средней орды – Жаныбек-тархана [2], Бокенбай-батыра [3] и Утебай-бия с многими их товарищами, – он три-четыре раза [беседовал] с нами и киргиз-казахскими биями о делах, касающихся наших киргиз-казахов. Мы, как старинные слуги ее величества государыни, выразили свою готовность выполнить любую службу, а также обещали вернуть скот начальника Черкесской крепости¹⁵³. Если мы совершили против Калмыцкого йурта проступок, ошибку, преступление и грех, то готовы нести наказание.

Вас, щедрая на милости, милосердная, сострадательная государыня, нелицемерно заверяем, что мы, каждый на своем месте, уладим здешние дела по возвращении домой и представим [пленных] в Оренбург.

¹⁵¹Дата получения.

¹⁵²Датировано редакцией МИКССР по отметке о дате получения на переводе XVIII в.

¹⁵³В переводе XVIII в. – Красноярского городка. (Прим. ред. МИКССР).

Если народы указанного Калмыцкого йурта являются [вашими] подвластными слугами, то и мы, наш Казахский йурт, по своей воле, искренне и покорно вступили в подданство. Мы заранее уповаем, что вы, осведомившись о нашем положении, учтете его и вернете в наш йурт наших людей, которые, не разбираясь в различных наших делах, может совершили проступки. С давних времен указанные Калмыцкий йурт и Казахский [йурт] друг у друга брали и угоняли столько скота и людей, что и счесть нельзя. Несмотря на эти свои дела, [калмыки] все же подали прошение. Поэтому и мы со своим йуртом обращаемся к вам с мольбой и нашим прошением. Наша милостивая государыня, слезно просим вас и надеемся, что вы не оставите без вашего внимания. В течение последних восьми лет указанные нижние калмыки беспрестанно грабят наши аулы. Число захваченных ими в плен наших людей и скота нами представлено в письменном виде бригаиру Тевкелеву, который был прислан к нам. Из-за этих калмыков мы совершили ошибку и проступки, за что мы просим прощения. Хотя бригаир Тевкелев просил подождать, пока придет ответ на наше послание, отправленное к вашему величеству относительно калмыков, однако мы не могли успокоиться, пока не написали это прошение к вашему престолу с изложением нашего положения. Заверяю вас, могущественная государыня, что ваши подданные слуги, киргиз-казахские народы, впредь никаких дурных, порочных дел [не совершат] и убытка и вреда не нанесут. Мы заверяем, что искореним разбойников нашего йурта и для этого пошлем в ту сторону наше доверенное лицо. Обещаем и заверяем вас об этом.

1161 г.¹⁵⁴

Современный перевод с чагатайского тюрки составителей МИКССР под редакцией И.Н. Леманова. Опубл.: МИКССР-2. Док. № 85. С. 224–225. Подлинник на тюрки – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 33 об. Опубл.: МИКССР-2. С. 393–397.

№ 158

1748 г., июля 31¹⁵⁵. – Императрице Елизавете Петровне

Перевод с татарского письма, поданного при Орской крепости июля 31-го числа сего 1748 г. бригаиру Тевкелеву от Абулхаир-хана на высочайшее е. и. в. имя, в котором по переводу значит.

Всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской, государыне всемилостивейшей.

Вашего императорского величества всеподданнейший и нижайший раб Киргис-кайсацкой орды Абулхаир-хан, припадаю к стопам в. и. в. и всенижайше доношу.

Вашего императорского величества всемилостивейшую и высочайшую грамоту я, всенижайший и всеподданнейший ваш раб, от бригаира Тевкелева при свидании с ним в Орской крепости получил. За которое, прося вышнего бога, приносим в. и. в. всерабское благодарение, и по тому в. и. в. высочайшему повелению находящегося в Российской империи в аманатах сына своего Ходжеахмет-салтана другим сыном Айчувак-салтаном сменил и впредь погодно сменять же протчими моими детьми и содержать в Оренбурге непременно в том воли в. и. в. подвергаюсь и сам того желаю.

Бригаир же Тевкелев мне, всеподданнейшему рабу, и всем Киргис-кайсацкой орды биям и старшинам словесно и полезно изъяснял и от себя немалое наставление нам дал, которое мы по высочайшему в. и. в. повелению и ево, бригаира Тевкелева, наставлению с крайним удовольствием и приняли, и в слышании и в получении вышеобъявленной всемилостивейшей

¹⁵⁴ 1161 г. – 1748 г. (Прим. ред. МИКССР).

¹⁵⁵ Дата получения.

в. и. в. высочайшей грамоты, припадая к земле, всещедрому богу благодарение приносили, и завсегда молясь богу о здравии в. и. в., к службе в готовности пребываем.

1748 г.

На обороте того письма ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 29 и об. Перевод XVIII в.

№ 159

1748 г., июля 31. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Перевод с татарского письма, поданного в бытность в Орской крепости киргис-кайсацкой Меньшой орды Абулхаир-хана к бригадиру Тевкелеву, в котором по переводу значит.

По высочайшему е. и. в. указу, отправленному высокоблагородному и высокопочтенному, превосходительному, истинному и искреннему благодетелю и, яко душе моей подобному, другу г-ну бригадиру-мурзе.

Мы приездом вашим весьма довольны и верно приняли, и яко на правосудящих терезях утвердились, и всею нашею ордою вам объявляем: когда мы с вами еще прежде свидание имели, то с того времени наших киргисцов отгоном лошадей калмыки беспокоивают, а никакой помощи не имеют. К тому же и вы случались быть от нас в дальности, а и мы от вас кочевье свое имели по Сырдарье-реке. А когда у нас было положено слово, потому уже мы и ко всемилостивейшей государыне в подданство пришли и жили в покое. Токмо ныне крайних улусов наши киргисцы доносят, что калмыки-де заочно оклеветали и доносили, якобы наши киргисцы, подбежав под Гурьев-городок, ограбили калмык и двадцать-де четыре человека в полон взяли, да и одного-де и до смерти убили; а потом и еще время от времени также неправду наносили, и тем и до всемилостивейшей государыни внушили, и вправду им вменили. Однако ж ис того инаково признать не изволили, как токмо по высочайшей е. и. в. всемилостивейшей грамоте мы такими же подданными назначены, за что е. и. в., сущей нашей государыне, всеподданническое и рабское благодарение приносим и об обидах своих доносим.

Вышеписанные калмыки от наших киргисцов первым набегом у Бекмурата взяли 2500 лошадей, вторым, у Русбая Калычбая – 700 лошадей, у Актаба Бектава – 180 лошадей, у Тугузбая – 200 лошадей. А как для тех лошадей два человека хозяева приезжали, и они, взяв их, кубанским ногайцам продали, да у Азнабека Мурзабека взяли 170 лошадей. А потом, напротив чего, и наши киргисцы, яко дикой народ, не зная, как им умереть, и не разбирая того, чтоб кто прав или виноват был, тож чинить принуждены были. Да джагалбайлинского роду киргизец Джанбек, будучи у оных же калмык для выручки своих пленных, токмо и сам он за тридцать лошадей продан и еще таким же образом именем Тургай за одного верблюда и за тридцать лошадей продан. Да калмыки ж побили до смерти Ярбулова сына кердаринского роду Дешана, Давлятбая, Кушума, Елбая, Теша, Алакузя, да таминского роду ис Килдабиева улуса 3000 лошадей отогнали, ис которых 800 лошадей да 90 шкур возвратно отдали, а еще осталось у них 2110 лошадей; да у киргисца Карадженнея взяли 60 лошадей, у Быскула – 120 лошадей, да таминского роду у Телея – 500 лошадей, у Анатас Сатая – 32. Да они же, калмыки, кердаринского роду Бекбова с товарищи одиннадцать человек до смерти убили, да после того времени, подбежав, разных родов киргисцов девятнадцать человек убили ж, тяляуского роду Куртбаевых братьев на звероловстве восемь человек до смерти убили, а лошадей со всем убором увели. Да в прошлом году они, калмыки ж, напав на едущих для торгу киргисцов, и взяли у них 100 баранов, да имеющейся на одном верблюде весь товар, а именно: лисицы и корсаки, да 16 лошадей увели со всем же убором. Да их старшину Туманчя с товарищи семь человек до смерти убили. И для таковых притчиненных дел вас, г-на бригадира мурзу, крайне ожидали, чего для вы за шастие нашего народа от двора е. и. в. указом к нам и прибыли для

рассмотрения всяких наших нужнейших дел и е. и. в. российских пленников, где они имеются, тех всех со всем скотом и пажитью их, привезя в Оренбург, отдать обязались, коих на себя и приняли. А о калмыцких пленниках и пожитках вас просим до получения от е. и. в. на наше всеподданнейшее прошение высочайшего указу дать нам сроку.

1748 г., июля 31-го числа.

У подлинного письма ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

С отпуском читал канцелярист Василий Седов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 34–35 об. Перевод XVIII в.

№ 160

1748 г., августа 6¹⁵⁶. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Высокостепенному, превосходительному, истинному и искреннему, яко душе моей подобному, благодетелю, г-ну бригадиру-мурзе желаю благополучного здоровья.

По вашему благо разумию присланному от вас реестру о трех и о протчих пленниках, о которых я совершенно выразумил, оное очень изрядно, а купца Ганюшкина, ежели подлинно он есть, которой с Арасланом был, и у нас с ним было слово положено, чтоб ему когда-нибудь к нам побывать, а ежели ныне он сам ко мне будет, то я ево со удовольствием отпущу. Верблюдов и пять лошадей да 20 баранов паки ему возвращу, только б он сам приехал.

А которой принял из своей воли мухаметанской закон, именем Усман, и как услышал, что мы хотели ево отдать, отчего он в Хиву и бежал, откуда и известие есть, что он тамо подлинно умре. А большего ево сына в бегах убили. Про меньшего сына ж ево Ибрая слышно было, что он из Оренбурга ушел, точию в окрестности у нас не находится; и ежели где о нем услышу или ево получу, то ево точно к вам пришлю.

Калмыцкого владельца дочери имеются здесь в плену. Калмыцкой же владельческой сын именем Усю и называется ей ближним родственником, и он, было договорясь, отдал ее, рассуждая, что-де и тамо ей замужества не миновать, почему было у нас и калым приготовлен был. Чего для я ее, яко дочь свою, и содержал, а двух маленьких калмынок, осердясь на наш народ, так и учинил. (Оные калмынки признаются те, которые проданы в Бухарию).

О протчих же калмыках ко всемилостивейшей нашей государыне от нас всеподданнейшее прошение послано и об оных каким образом указ воспоследует, до тово времени изволите пообождать, а потом по обстоятельству нашего народа рассмотреть можем и в касающихся до меня делах остановки не будет. А ныне уже я зарекся, что после сего от меня ничего худова не будет. Что же пять верблюдов и сорок красных кож, да шесть концов китайки и один ковер, да двести папуш табаку кому в руки отданы, от оных отобрав, возвращу хозяевам, чтоб они, хозяева, сами приехали; а калмык Бойбок здесь с калмыком Дюшебаем братьями назвались и в небытность мою в орде до прибытия моего оное между ими учинено было. Калмык же Дюшебай ныне каракалпаками убит, токмо оное по смерти ево, Дюшебая, з братьев ево ж доправим и отдадим. Ежели хозяин сюда сам будет, також и Араслановых лошадей возвратно отдадим же.

Месяца августа 1748 г.

На подлинном татарском письме ево, Абулгаир-хана, чернильная печать приложена.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 256 об. – 258. Перевод XVIII в.

¹⁵⁶ Дата получения.

№ 161

1748 г., августа 9¹⁵⁷. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Перевод с татарского письма брегадиру Тевкелеву киргиз-кайсацкой Меньшей орды от Абулхаир-хана, полученного чрез киргизца Кангилдея в Орской крепости августа 9-го 1748 г., в котором по переводу значит.

Высокоблагородному и превосходительному, истинному и искреннему, яко душе моей подобному, благодетелю г-ну бригадиру-мурзе желаю благополучного здоровья.

Ваши дражайшие два письма я здесь со всяким моим удовольствием и искреннем усердием получил. В прежних ваших письмах с приложенным реестром упоминаемо было, чтоб обретающихся у нас всех пленников со всем скотом и пажитью их отыскивать, за которыми по всем родам уже и послали. По нашему ж обещанию, как мы вначале богу, так и всемилоливейшей государыне по подданнейшей нашей должности и во всяких повелениях, не щадя своего живота, служить должны, в чем и стараемся и усердное попечение имеем, только я о непостоянстве нашего народа более на себе стыд несу и в великом сумнении нахожусь. А ныне я, хотя того, чтоб в высочайших е. и. в. делах никакого помешательства не было, того ради, во владения зюнгорских калмык купеческих людей не допуская, ни до каких обид пропустил и, где они обижены, отобрав от них, к вам отослать заблагоразсудил для того, что я с вашим пр-вом, яко моим благодетелем г-ном бригадиром мурзою, изустно обещание в том дал. И довольно того, что по подданнической нашей к е. и. в. должности и в прежних наших делах каемся, а в нынешних порядках уже немалое попечение имея, на вас полагаемся. О купцах же ведомства верхних калмык вас прошу, ежели впредь от своего владения ездить будут, то б прямо ко мне приезжали, да и обратно также б чрез меня ездили ж, то б ежели кто их обидил или какой вред учинил, о том бы известно быть могло. Прежде сего, не почитая меня Средней и Большой орд владельцы и подлой народ без согласия со мною сами собою с калмыками обходились, а ныне уже, слава богу, и их дорогу пресекаем, чтоб в подданство е. и. в. склонились. Ныне же во всем том на вас полагаем, каким трактом их отправлять изволите, а мои слова с вашими согласны бывают. С вышеписанными ж купцами послал я Кангилдея и Тойгула, мне же от вас словесно доносили Юлумбет з Байбеком. И тако остаюсь всегдашний вам верный друг.

От кочевья по Орь-реке, августа 1748 г.

На подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 3. Л. 184 об. Перевод XVIII в. Копия перевода – там же. Д. 4. Л. 263–264 об. Опул.: МИКССР-2. Док. № 86. С. 225–226.

№ 162

1748 г., августа 17. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Перевод с татарского письма бригадиру Тевкелеву киргиз-кайсацкой Меньшой орды от Абулхаир-хана, полученного чрез орского атамана Исмаила-муллу в Орской крепости августа 17-го, в котором по переводу значит.

Высокоблагородному и превосходительному, истинному и искреннему, яко душе моей подобному, благодетелю г-ну брегадиру мурзе.

Письмо ваше я здесь чрез Исмаила-муллу получил, в котором вы изволили писать с требованием от меня ответу о собрании и о возвращении находящихся в нашей орде всех российских пленников со всем скотом и пажитью их в алчинской и в протчие роды, кого-де послали. И оное ваше требование мне весьма достойно, ибо я против прежних годов за такими делами

¹⁵⁷ Дата получения.

по всем улусам не ездил и от себя никого не посылал для того, что по приезде моем в орду, учиня собрание, и присланной высокоповелительной указ при бывших в ваших услугах знатных биях, такожде и при оставших здесь наших добрых людях, прочитал. И о вышеписанном деле всей нашей орды народ, слышев, несколько усумнились, а я еще, сверх того, словесно им подтверждал, что-де сами по совершении дел в скором времени пленников и отдать обещались. А по совету нашего народу мне в ответ сказали: за волю-де вашу ханскую и ежели-де вам самому ездить, а хотя вы и поедете, только в одном роде ездить будете, то-де когда такие дела совершены быть могут; да хотя-де и людей пошлете, токмо произойти может жалоба, якобы-де вы для своей корысти то учинить имеете; но лучше-де всякой своего роду дела сам собою окончат, как пленников, так весь скот и пожитки, у кого сколько чего имеется, о том бы он отдаст, а чего-де и не имеется, о том бы он сам себя мог очищать и в том состоять, что-де в нашем роде более не имеется. А за Среднюю-де орду ответствен был Джанбек-тархан, а байулинского роду окончили бы дела обретающиеся при сыне моем Нурали-салтане старшины Байсав-бий и Утятляу-бий, и все-де семиродские дела окончить может Ишетъ-батырь и Тюлебай-бий, чего для я к ним и печать свою послал. А алчинского роду все знатные бии, быв у вас, сами видели. А ныне уже не осталось того, чтоб они сами чего не ведали, и не токмо им, но и всей нашей орде об оном известно есть, и оное дело больше зависит в семиродском и байулинском родах. Я же для совершения вышеписанных дел послал в джагалбайлинской род сына своего Адиль-салтана к Серке-батырю и приказал ему, чтоб он, будучи тамо, согласясь с Джантыка-бием и Изнабаем, да с Шамбулатом, того роду дела окончил; и ныне вас прошу за то не погневаться, что я далеко от вас отбыл. А хотя некоторые киргисцы ко исполнению дел старание и имеют, точию за моею отлучкою на некоторое время может быть что и замедлится, однако в том прошу не сумневаться, что якобы я по приезд мой в орду оное все запомнить мог, и аще бог благоволит, то свободным временем оные дела окончить имею, в чем наше и намерение состоит, о чем и вы изволите быть благонадежны.

А кашкарских купцов двух человек, ис которых одного взял с собою Ходжанай-биев сын Айдарбек, и обещал ему отдать товар ево, которого сколько налицо имеется, за достальной же обещал добавить баранами и, как же возможно будет, только для вашей чести оное исполнить он обязался, чего для с ним, кашкарцом, и послал Собак-бия с помянутым Айдарбеком. И ежели имеется записка, то б они сами при том разобрал, отдали. Да еще другова кашкарца, придав к Байбеку и к Алдияр-бию, отправил, и оной бы кашкарец, которой з Байбеком отправлен, взяв свой товар, сам бы по записки ж мог разобрать. И слышно, что уже тот товар ему Аллаяр-бий и возвратно отдал.

Да еще ж вам доношу о имеющихся в киргизцах и у меня Красноярского города Ганюшкина пожитках; изволите быть без сумнения, оное все сполна совершить имею, и ежели ему самому за тем приехать невозможно, то б кого-ни есть вместо себя из добрых людей прислал, ибо он тамо у вас бытием своим дело свое окончать не может. А того бы он не думал, как прежде сего бывало, и ныне бы приехал без товару и совершенно б к нам приехал и, оказав себя, и потом скоро и возвратиться мог. Я же к его высокопр-ву г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Неплюеву, аще бог благоволит, сам поеду, а ежели, паче чаяния, самому туда ехать будет невозможно, то з добрыми словами Хадже-Ахмет-салтана отправлю, а Нурали-хан к их стороне уже и поехал. Ныне же вам, благодетелю моему, г-ну бригадиру мурзе, доброжелателю пребываю; как пред единым богом в одном слове и состою.

1748 г., месяца рамазана 4-го дня, в среду, т. е. августа 17-го числа.

На подлинном татарском письме ево, Абулхаир-хана, чернильная печать приложена.

Переводил толмач Усман Арасланов.

По листам скрепа: читал канцелярист Василей Седов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 3. Л. 195–196. Перевод XVIII в. Копия перевода – там же. Д. 4. Л. 272–274 об. Опубл.: МИКССР-2. Док. № 87. С. 226–228.

Перевод с татарского письма, полученного в Оренбурге августа 26-го дня 1748 г., в котором по переводу значит.

От всемилостивейшей и великой государыни обороны прошу.

Высокоблагородному и почтенному, истинному древнему и сердечному приятелю моему г-ну бригадиру Кутлумухаммет-мурзе Тевкелеву объявляю.

Обещали вы меня содержать на сем свете без всякой печали, токмо я опечален остался. Дай боже нам отныне видеться уже на том свете. Последние мои речи: исповедую бога, быти единого, и посланника его за истинного, вручаю вас богу. Ежели желаете меня удовольствовать, то прошу, по обещанию вашему, погибели моей просто не оставить, ибо мои обещания с вами неразрывно остались. Имеющихся у вас Айчувак-салтана и знатных алчинских биев детей прошу в печаль не допускать и содержать их во всяком довольствии и фамилию мою вечно бес призрения не оставить. Прошу, взяв алчинских биев Кидая, Алхуджия, Худжаная к себе, и сообщая с моими детьми Средней орды Барак-салтана с протчими неприятелями моими искоренить и тем приятелей моих обрадовать. Оное ежели вы не учините и детям моим не возвратите, то иному учинить некому и буду на вас за то на том свете богу жаловаться. Сию мою погибель паки прошу без отмщения не оставить.

Последние мои речи: Средней орды Барак-салтан, приехав с 1000 человеками и ненавидя за то, что я с вами обхождение имел, ревнуня к калмыцкой стороне и ненавидя сысканное мною государство, меня убил и тем желает Киргис-кайсацкой орде начать разорение. Губителей моих братьев, в препровождении кашкарцов к вам поехавших четырех человек, прошу, изловя, убить или отдать Айчувак-салтану на руки. Хотя я и умру, но душа моя тому радоваться будет. Прилежнейше прошу, хотя при жизни моей того не учинили, то ныне во удовольствие моей Пупай-ханши, детей и народа и чтоб мои дети в сиротстве в печаль допущены не были, оное учинить.

При сем же прошу высокопревосходительному г-ну тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу засвидетельствовать мое желание многолетнего ево здравия. Ныне уже, ежели желаете народ наш совершенно в подданстве утвердить, то ис приехавших на торг человека трех или четырех знатных людей, задержав, при Айчуваке оставьте, чрез что все дела окончиться могут. Назад тому ныне дни с четыре Бараковы придворные люди, между которые киргисского роду люди есть, поехали на торг с лошадьми. Из оных извольте, представя г-ну генералу, задержать ныне; ежели не задержите, то впредь, что от киргисцов происходить будет, бог весть. Прошу нарядить 3000 человек: 1000 русских, 1000 калмык и 1000 башкирцов, и при них 10 пушек и велеть, сообщаясь с моими доброжелателями, алчинского роду людьми, ехать в мой улус и, обороня мой дом от разорения, и мою погибель над Среднею ордою отмстить. И сие все оставляю в разсуждение божие и всемилостивейшей государыни. Всему тому вы сами свидетели, а протчия мои речи оставлю до предбудущего на том свете свидания. У бога прошу, чтоб мне умереть с чистым покаянием, и кого я чем обидел, у тех прошу прощения.

Сие письмо писано во вторник в доме Кидай-бия, после ханского представления в 9-й день, а хан представился в понедельник. Пупай-ханше и Ходже-Ахмет-салтану о смерти ханской еще не объявлено.

Сие же письмо писано по приказу ханскому, когда он был еще жив, и послано с нарочным одвуконь человеком Аджимясом для скорого уведомления и учинения по оному резолюции. А когда Пупай-ханше и Ходже-Ахмет-салтану донесено будет, то обстоятельнее писано быть имеет. В протчем же в отмщении оной погибели ханской имеем ожидать точной и

¹⁵⁸ Дата получения.

милостивой резолюции от ево высокопр-ва г-на генерала. При сем и я, нижайший писарь Алмухаммет, рабски кланеюсь.

На оном татарском письме Абулхаир-ханская чернильная печать.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 3. Л. 220–221 об. Перевод XVIII в. Опубл.: МИКССР-2. Док. № 90. С. 240–241.

Бопай-ханым (не раньше 1680 – 31.05.1780)

Бопай (Папай, Попай, Пупай; не раньше 1680 – 31.05.1780), старшая жена (байбише) хана Абулхаира (1710–1748).

Происходила, по одним сведениям, из аристократического сословия торе и была сестрой султана Дербесалы, по другим – дочерью бия рода адай Младшего жуза Сатыралды (Сатыбылды) и родной сестрой батыра Мырзатая, а, следовательно, принадлежала к казахской знати «черной кости» [АВПРИ, Ф. 122. Оп. 1. 1752 г. Д. 3. Л. 78–79; КРО-1. С. 120, 230, 254, 304, 509; ИКРИ-3, С. 220–221, 313]. Можно предположить, что с первым из упомянутых братьев Бопай имела общего отца и общую мать, либо – разных матерей, а со вторым – только одну мать. Ее родительница, по-видимому, до или после своего замужества за безымянным султаном состояла в браке с отцом будущего батыра.

По преданию, Бопай вышла замуж за одинокого и бедного султана Младшего жуза Абулхаира вопреки желанию своего отца, заставив его смириться с собственным выбором [ИКРИ-9. С. 225–228]. Она отличалась красивой внешностью, незаурядным умом, независимым характером суждений и поступков и большим честолюбием. В течение всей супружеской жизни с ханом Бопай была для него не только любящей заботливой женой, хранительницей семейного очага, но и ближайшим сподвижником в общественно-политической деятельности на территории региона, а также строгим, хотя и благожелательным критиком его опрометчивых шагов и заблуждений [там же. С. 362].

В 30–40-х гг. XVIII в. Бопай активно участвовала во всех внутри- и внешнеполитических мероприятиях Абулхаира и самостоятельно осуществляла дипломатические контакты с чиновниками высшего и среднего звеньев оренбургской пограничной администрации, направленные на централизацию институтов ханской власти в казахских жузах и повышение общественного престижа фигуры старшего хана среди казахов. По утверждению А.И. Левшина, она «имела персональную печать» со своим именем, что заметно отличало ее социальный статус от жен других казахских ханов той исторической эпохи и более позднего времени. «По уму своему, – писал в конце первой трети XIX в. «Геродот казахской истории», – Бопай пользовалась отличным уважением всей Меньшей орды (Младшего жуза – И.Е.) и имела иногда весьма сильное влияние на управление оной» [Левшин, 2009. С. 217]. В последний год жизни Абулхаира она не только была участником многолюдных курултаев знатных представителей Младшего и Среднего жузов, но и выступала с речью на одном из них по обсуждаемому здесь актуальному вопросу общественно-политической жизни казахов [КРО-1. С. 390; ИКРИ-3. С. 176–179].

После смерти хана Бопай в течение более десяти лет оказывала большое влияние на своих взрослых сыновей, которые полностью подчинялись ее воле. В конце 1748–1749 гг. она являлась главным организатором осуществления семейного плана кровной мести султану Бараку и активно инициировала на этот шаг джунгарского хунтайджи Цэвана-Доржи, выразив готовность отдать ему в жены за поимку и выдачу убийцы своего мужа обещанную еще Абулхаиром его дочь от волжской калмычки Баяны. Но из-за смерти обеих дочерей убитого

хана этот междинастический брак не состоялся. [МИКССР-2. С. 275–277, 290–293; КРО-1. С. 418–419, 496; Левшин, 2009. С. 220–221].

Бопай имела в браке с Абулхаиром пять сыновей: Нуралы, Ералы, Кожамета, Айчувака и Адила и дочь Зулейху [ИКРИ-3. С. 300; Вельяминов-Зернов, 1853. С. 3.]. Она умерла в возрасте более ста лет 31 мая 1780 г. [Кыргызстан – Россия, 1998. С. 51; Касымбаев, 1999. С. 156]. Была похоронена в верховьях реки Елек при впадении в него речки Жосалы. Над могилами Бопай и ее внука султана Акыма, сына Адила, был установлен кирпичный мавзолей, которым уже в середине XIX в. находился в полуразрушенном состоянии и до наших дней не сохранился [ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3325. Л. 1 и об.]. О ней см.: Кэстль, 1998. С. 29–34; Есмагамбетов, 1999. 373–374 бб.].

№ 164

1732 г., января 5¹⁵⁹. – Императрице Анне Иоанновне

Всепресветлейшая державнейшая, от востока до запада и все северныя страны российских государств великая государыня императрица, потирая стопы вашего величества лицом и глазами моими, всепокорно доношу.

По указу в. и. в. посланец вашего величества Мамет-мурза в нашу кайсацкую землю прибыл и всех кайсацких ханов, салтанов и беков со всеми их людьми в подданство в. и. в. привел. И все владельцы, ханы и салтаны, приказали с подданных своих на платеж ясаку в. и. в. збирать лисиц и корсаков, о чем к вашему величеству з доношениями посланцев своих отравили. Вашего величества всенижайшей раб муж мой Абулхаир-хан над всеми ханами главной, которой в. и. в. в начале со всеми детьми своими в подданство пришел. И того ради в. и. в. всепокорно прошу, дабы по своей императорской высокой милости мы, рабы ваши, оставлены не были, понеже нам неприятелей много явилось. Однако ж, уповая на в. и. в. защитение от тех неприятелей, никакова опасения не имеем и желаю от всемогущего бога в. и. в. многолетнего здравия.

Вашего императорского величества всенижайшая раба Абулхаир-хана ханша Пупай-ханым при нижайшем поздравлении послала в презент десять лисиц.

При том же листу чернильная печать, в которой изображено же имя ее, ханши.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1732 г. Д. 5 б. Л. 4 и об. Перевод XVIII в. Копия. Опубл.: КРО-1. Док. № 27. С. 39.

№ 165

1745 г., сентября 19¹⁶⁰. – Оренбургскому губернатору тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулхаирханской ханши Пупая, полученного чрез киргисцов Худайбердея и Нуката сентября 19-го дня 1745 г. в городе Оренбурге. По переводу в нем значит.

Всепресветлейшая державнейшая великия государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийския.

Ея императорского величества высокопревосходительному г-ну тайному советнику и кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву премного здравствовать желаю.

¹⁵⁹ Дата отправления письма А.И. Тевкелевым из Северного Приаралья в Коллегию иностранных дел. Установлена по тексту Журнала А.И. Тевкелева (3 октября 1731 г. – 14 января 1733 г.). См.: КРО-1. Док. № 33. С. 64.

¹⁶⁰ Дата получения.

Доношу я, Пупай-ханша, в том, что присланной от вас Нукат кресло, муку да десять ведер вина сюда привес, за которые много благодарствуем. А письма от вас еще не получены, токмо показанной Нукат словесно о вашем [...] ¹⁶¹.

А ныне хан, отъехав от своего [улуса], находится в других улусах. И тако я, не хотя вас оставить без скорого со здешней стороны уведомления, послала до ваших услуг своего человека Худайбердея, которой бы приезд сына моего Ходжихмет-салтана видеть и о здоровье ево нам объявить мог, и прошу в том не зазреть. А о протчем по получении писем ваших надлежащей ответ может представить по приезде своем сам высокопочтенный хан, ибо ныне Кутыр-батырь сюда еще не бывал, токмо услышав ваши добрые к нам обнадеживания, весьма радовались. Прошу и впредь нас не оставить. Ежели ж Ходжихмет-салтан ныне не прибудет и останется до зимы, то прошу посланного нашего человека, не задерживая, к нам возвратить и с ним прошу возвратить же находящегося тамо Истемьяса, ибо о возвращении ево просит нас брат ево, понеже он человек неимущей.

При сем же прошу не обвинять меня в том, что много представляю. Ныне же за небытностью в доме хана никаких достойных к вам подарков послать не могла. А впредь, что у нас имеется, не пожалею [...] ¹⁶², много своего сына не пожалели б. Да при сем же прошу прислать мне выхухоли, гвоздики, бадьяну и всяких благовонных духов, белого мыла, белил и румян, да таких лекарств, чтоб во всех улусах таких не было, от чего бы могли быть старые люди молодыми; да лекарства ж, называемого афьян.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 312–313. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 311 об.

№ 166

1748 г., августа 19¹⁶³. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Высокоблагородному, превосходительному, истинному и искреннему деверю моему, г-ну бригадиру-мурзе.

Я, Попай-ханша, а ваша сноха, желаю вам на бесчисленные лета доброго здоровья.

Я же ныне прошу не погневаться, хотя и несмело вам доношу, токмо прежде оказанные ваши ко мне благодеяния я и доныне запечатовать не могу, а я бы о всецелом вашем здравии уведомляться всегда желание имела, точию за несмелостью моею к вам писать не имела. А хотя к вам когда и писать мне случалось, токмо все с позволения ханского. И ныне прошу же не погневаться, хотя я и в небытность в орде хана к вам писать имею с таким упованием. Хотя вы саном и возвышены, точию меня от усердия своего отринуть не изволите. Но я желаю, дабы вам бог даровал наиболее того получить, чрез чтоб и мы возвышены ж быть имели. Я же ныне с вами не так, как прежде сего в разговоры вступала, а ныне уже столько и отважиться не посмела, для того, что когда хан в своем присутствии, то уже наша и женская мочь не в состоянии, да и стыдно есть. А, однако, по вашей ко мне приятной любви того преминовать не могла, да и все наши дела полагаем в начале на бога, потом и на вас. Что же наше детище Айчювак-салтан ныне уже не наш, но стал быть ваш, которого прошу забавлять и всячески увещевать, чтоб ему было нескушно, да и во всех наших прозьбах не оставить. Мы же чрез ваши старания всякое благополучие и счастье, т. е. желаемо наше все получить удостоились, и оно богу весьма угодно. И мы уже чрезвычайно довольны. Ваше же некоторое слово мне было зело полезно. Что вы изволили говорить: «Я-де кроме хана ни на кого не смотрю, только-де мне надобен он, хан», – от которого вашего слова и киргисцы уже страх имеют. К

¹⁶¹ Верхняя часть листа с первой строкой текста отсутствует.

¹⁶² Верхняя часть листа с первой строкой текста отсутствует.

¹⁶³ Дата получения.

тому же и хану бес помощи вашей, одному, никакого дела совершить невозможно, ибо вы степное обыкновение ведать изволите. Ныне же я о здравии вашем рано и господа бога молю, и всегда того желаю, чтоб между нами бесперерывно люди ездили.

1748 г.

А позади листа ее, ханши, чернильная печать приложена.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 277–278. Перевод XVIII в.

№ 167

1748 г., августа 28¹⁶⁴. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, присланного от Абулхайровой Пупай-ханши и сына ево Ходжи-Ахмет-салтана, полученного в Оренбурге чрез киргисцов Кушкулака и Раимберду августа 28-го дня 1748 г., в котором по переводу значит.

Всепресветлейшая державнейшая великия государыни императрицы, самодержицы всероссийския; высокопревосходительному г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву Пупай-ханша и Худжа-Ахмет-салтан желаем премного лет здравствовать и, пад на колени и целовав землю, вам чрез сие нижайше доносим.

Ныне уже мы вам ничего представлять не знаем, ибо начального нашего вольного человека, хана, Барак-салтан, ненавиствуя нашему с вами обхождению и ревнуя к калмыцкой стороне, убил. Ибо и прежде сего хан вам о нем, Барак-салтане, неоднократно письменно представлял, что он отменно ево ханскому намерению ревнует к калмыцкой стороне, для чего и сына своего к ним отдал и тем нашу орду разорить хотел. Которое, наконец, и действительно учинил: хана убил и кровь ево пролил; которой ево, Барака, поступок не нам, но вам в безчестие от него произошел. А понеже мы в случае таких наших нещастей обороною от вас всегда обнадеживаны были, к тому ж неприятели недалние, но внезапно, яко ис под ног явившихся, и их не весьма много, ибо Средняя орда не вся: Джанбек-тархан склонен к нашей стороне и 12 родов алчинцов, також байулинской и семиродской народы. Токмо, хотя оные все оное безчестие искать и будут, но ваше драгое слово нам яко 1000 золотых червонцов будет. Честь нашу вы довольно знаете, а мы вашу знаем. Того ради в таких наших ныне приключившихся нещастиях бога и всемилостивейшей государыни просим, чтоб в том во удовольствие наше надлежащее отмщение учинено быть могло. Особливо же вас, г-на генерала, яко приятеля нашего, просим одну нашу прозьбу, как и прежде не оставляли, исполнить, а имянно: поехавших к вам на торг в препровождении кашкарцов киргисцов четырех человек под видом того, что якобы Айчювак их задержал, у вас задержать – Икулидыева брата Намаза, Исянали Дюшанбаева, Куджаназарова сына, да Нараглиева брата Бигилдыя; да недавно поехавших к вам с лошадьми на торг же Сырымбетова брата с товарищи, ибо оныя самая хана убийцы. А ежели желаете быть известны о ханском убийстве, каким образом оное произошло, о том бывшей при том Кидайбиев сын Кушкулак вам донесет.

А по нашему мнению, хотя ныне, выехав с войском, Среднюю орду вырубить и имеющихся для торгу у вас всех задержать прикажите. А ежели и до алчинских какое дело есть, то и их, задержав, при Айчюваке оставьте, ибо ныне не так, как прежде, народных дел исправлять мы не в состоянии.

Нурали-салтану отец приказал после себя быть ханом, и звать ево уже поехали, коего и ожидаем; а как приедет, то чрез посланных от себя он, Нурали, уведомит. А между тем как ныне нам при таком нашем нещастии поступать, снабдить нас благоразумным вашим

¹⁶⁴ Дата получения.

установлением и воспомоществованием, а мы оную отеческую кровь без взыскания на ком-нибудь оставить не можем. Хотя Барак и в калмыки уедет, то мы уповаем, по власти, вам данной, силами своими и оттуда ево достать можете и в том нас не оставите. А словесно донесут посланные от нас Кушкулак и Раимберди.

Августа в последних числах 1748 г.

На оном татарском письме две чернильные печати.

Подлинной перевод переводил переводчик Юмагул Гуляев.

По листам скрепа: Коптя[жев].

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 3. Л. 243–244. Перевод XVIII в. Опувл.: МИКССР-2. Док. № 92. С. 245–246.

№ 168

1748 г., августа 28¹⁶⁵. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Высокоблагородному и превосходительному, высокопочтенному, истинному и искреннему, яко душе моей подобному, благодетелю г-ну бригадиру-мурзе.

Мы, сноха ваша Попай-ханша и племянник ваш Ходжаахмет-салтан, желаем вам премножество лет здравствовать.

Почтеннейшее и многоприятнейшее ваше письмо мы с крайним нашим удовольствием получили и о содержании того выразумили, что вы писание наше за благо принимать желаете, за что всепокорнейше благодарствуем. Уже сим вам представить ничего не знаем, ибо начального нашего вольного человека, хана, умышленно воры убили, ревнуя против ханского намерения особливим обхождением, Барак-салтан, сыскав себе иное владение. Уже вы нам какой можете разум дать, оное ни одним нам, но и вам болезно есть, и вы можете печаль нашу избавить, которая уже вам известна. И впредь уповаем от вас надежду, чтоб от неприятелей оборонять и отмщать. Для того, яко душе любезного, дитя своего вам и отдали и никакой от вас отменности не имеем. Ныне уже нам такая злая притчина приключилась и при таком случае просим нас в затмении не оставить. А хан уже от своей жизни лишился. И прежде сего бывало, он приказывал: ежели же, паче чаяния, мне какая притчина приключится, то-де по смерти моей останутся дети, ис которых, когда еще он сам жив был, понаследно приказывал быть на месте своем ханом Нуралею. И прежде каким образом в бытность свою с вами обходился, тако и мы уповаем к службе готовыми быть. А ежели б единое наше прошение пожаловать изволили принять, то б мы отмщение получить и со всею Меньшею ордою немало удовольствоваться могли. Да и чрез то б народ наш в страх пришли, что ж вы хана изследовать не преминуете. И ваше пр-во прошу поехавших для торгу в препровождении кашкарцов четыре человека киргисцов, а именно – Ильголдеева брата Намаса, Дюшебаева сына Исяналея, Ходженазарова сына, да Наралеева брата Бигилдея, да еще поехавших для торгу в Оренбург с лошадьми Сырымбетев брат с товарищи, которых изволите приказать удержать затем, что они хана убили, и об них вам обстоятельно донести может Кидайбиев сын Кошкулак, понеже он при том был и видел. И ежели б тех людей приказали удержать, то б они Барака, поймав, отдали. Ежели ж вам непротивно, пожалуй изволите воспомоществовать в нынешнем таком случае, да и уповаем от вас отмщение получить, и затем я Нурали-хана и в орду призывала. И когда он сам приедет, то, поговоря с ним, вас уведомить не преминует, как единому богу известно есть. О чем вы с ханом разговаривали, мы и ныне в том состоим. Только мы ныне от ума своего отстаем, и дабы нам вы совет свой приложить изволили, чтоб нам притти в разум и его высокопр-ву г-ну генералу пристойным образом о нашем несчастии донести. И прежде всего с Итчемясом к вам для ведома было писали и истинным

¹⁶⁵Дата получения.

словесным приказом тогда ево отправили. И ваше пр-во, яко старателя нашего, мурзу, прошу е. и. в. всемилостивейшей государыне всеподданнейше донести, чрез что и покойного смерть отмстить и намерение свое получить уповаем. Да и в знак нашей печали прошу прислать знамя, понеже вы об нашем обхождении сами известны. Которое б знамя, слезно плачучи, обняв, я кочевать бы имела. Хотя у нас то имеется, только от вас, мурзы, желаем большого знамя, чтоб неприятели, видя тою славу, произнести могли. Да и протчих вещей немало потребно, т. е. сто деревянных блюд. И оное, я уповаю, что обо всем том вам самим известно. Да мне, вашему племяннику Ходжехмет-салтану, обещали дать один сайдак. Оное ж и протчее намерение наше от вас получить уповаем, и все то имеется в ваших руках. Вы же нас возвышать и уничтожать можете, и тако, прекратя, остаюсь. До услуг ваших послали Кошкулака да Раимберду, которые вам словесно донести могут; а атамана Исмаила-муллу и Юлumbетя нарочно к вам обратно отправили.

На подлинном татарском письме ханши Попая и сына ее Ходжехмет-салтана две чернильные печати приложены.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 298–301. Перевод XVIII в.

№ 169

1748 г., сентября 13¹⁶⁶. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, присланного от Абулхаировой Пупай-ханши и от сына ее Эрали-салтана, полученного чрез киргисца Кудайбердея с товарищи в Оренбурге сентября 13-го числа 1748 г., в котором по переводу значит.

Высокопревосходительному и высокомилосердному г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу Неплюеву. Желаем вам всякого счастливого и благополучного на премножество лет всецелого здравия.

Я, печального состояния Пупай-ханша, ныне с Эрали и Ходжа-Ахмет салтанами и со всеми нашими детьми вашему высокопр-ву доносим: отправленные от вас ваши люди во всяком благополучии к нам прибыли и посланное от вас письмо вручили, которое мы за благо и приняли.

При том же и я, Эрали-салтан, оное ваше письмо, усмотря, сам выразумил, о чем вседушевно и радовался; и слова ваши переводчик Яков Гуляев мне объявил, и что обо мне изволили-де вы по всем городам послать письма и приказать, ежели где меня получают, то б отвезли в орду к родительнице моей; за то отдари вам всещедрый бог, а мы уже всем довольны, и не только наше сердце, но и все члены растаели. И я только было хотел со известием к вам послать, то от вас уже к нам посланные и приехали. И хотя я от вас в дальности нахожусь, однако ж сердцем моим к вам в близости.

И ныне от радости нашей в скорости вам доносим: со общего нашего с Аблай-салтаном согласия в собрании поехали было мы в поход по приказу родителя моего Абулхаир-хана, когда он еще здравствовал, на верхних каракалпак; и как были в пути по реке Сары-Тургаю, то оное дело Барак-салтановым умышлением неприятельски и чинено. А сверх того, он и меня было убить своих шпионов к Аблаю-салтану послал, но оной Аблай-салтан, услыша то, по общему нашему с ним обещанию от своего войска меня проводил. А Барак-салтан с одним родом, называемым майкитанашем, отделясь от Средней орды, бежал. Кроме же реченного роду от всей Средней орды и от главного Джанбек-тархана всегда добрые известии носятя; также Меньшей орды, как от баулинскаго и семиродского, так и от протчих родов добрые ж советы имеютя. И когда нашей орды народ в собрании будет, тогда по окончании совету со обстоятельным известием к вам пришлем.

¹⁶⁶ Дата получения.

При сем же ханши слова такие: згорающее и палящее сердце мое вы яко водою залили, за что и благодарствую. И что вы, сердечно сожалея, и з добрым наставлением прислали от себя к нам с письмом переводчика Якова Гуляева и старшину Кубека да муллу Исмаила, ис которых более переводчик Яков словесной ваш приказ мне словесно ж зело изрядно изъяснил, тому радуемся. Токмо ныне в нас какое уже состояние есть, понеже мы всегда в слезах и в такой печали находимся, что никакого тому лекарства не имеется, да и никакой доктор в том помочь не может. И при таком моем случае, не имея себе сердечного увещателя, в таком состоянии, что хотя горящей огонь водою залить можно, но мое сердце столько горит, что воду может зжечь, чему пользу тогда разве получить могу, когда с Барак-салтана голову снимут и кровь ево прольют, ибо хотя б таковых Бараков тысячу убить, токмо против Абулхаирханской чести ни единой человек не стоит, ибо он, благоразумный Абулхаир-хан, и государство сам изыскал. Оной же Барак таков, что когда есть е. и. в. всемилостивейшей государыни высочайшие повелении и ваши благоразумные наставления, то и единого вашего изустного слова не стоит же.

Что же принадлежит до всеусердной вашей к нам помощи, и оной знак ныне верно уже мы узнали, понеже вы всегда при себе имеющегося переводчика Якова з достойными товарищи ево нарочно для уведомления и обстоятельного изъяснения прислать изволили, что вы учинили весьма изрядно, и аще бог благоволит, то с полным уже ответом возвратно к вам отправим. А на разговенье у нас при великом собрании совет быть имеет и ныне ожидаю сына своего Нурали-салтана. А Эрали-салтан благополучно прибыл, чему я и радовалась немало. Слава богу, уже и от печали своей несколько избавилась. Когда же мы вообще с мужем моим Абулхаир-ханом попечение имели, о чем и говаривали согласно, то оное он денно и ночно в сердце своем было и содержал. И еще с прибытия г-на брегадира, а моего благодетеля, мурзы, всеусердно и душевно с вами видеться и говорить желал; однако ни о чем говорить с вами не успел. А когда мы ваше приятнейшее письмо получили, что яко вас самих видево, и с вами разговоры имели, и тако ваши правосудныя слова наше сердце весьма успокоили. Я же, печальный человек, по киргискому обычаю написав в письме некоторые имена, и послала было для воздержания ево, точию дикой народ воздержать не разумели; а неприятели тому радуются, якобы мы надежды ни от кого не имеем. Однако, что я разсуждала, то все с вашим благоразумием весьма и сходственно, ибо когда человек разденется, то уже воды преминовать не может, понеже мы, смотря на народное своей орды состояние, которое полезнее будет, не столько о ханской смерти плачем, сколько уже о том, что и порученные ему, хану, дела остались без окончания, и обида наша невозвратна. И ежели нашей орды советы будут несогласны, то впредь просить имеем, дабы оное все вами окончано быть могло. А ежели Барак и уедет в калмыки, или в Ташкент, или в Большую орду, тогда вашего наставления ожидать будем. Что же я з детьми моими Эрали и Ходжи Ахмет салтанами придумала, то в том же и Нурали-салтан состоять будет, а более подвергаем себя высочайшему е. и. в. всемилостивейшей нашей государыни соизволению и, когда милосердием своим соизволит оказать нам против наших безстрашных неприятелей монаршескую и высочайшую свою власть, тогда мы и свет увидеть уповаем. Ежели ж мы сами окончать не можем, то вскорости к вам ответствовать имеем и все оное полагаем вначале на волю Божию, потом и на вас. До услуг ваших послали Кудайбердея, Итчемьяса и Сунакьяса.

На оном татарском письме ее, ханши, и сына ее Эрали-салтана две чернильные печати.
Переводил толмач Леонтей Прасолов.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 127–129. Перевод XVIII в. Копия перевода – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 3. Л. 294–295. Опубл.: МИКССР-2. Док. № 94. С. 256–258. Подлинник на тюрки – ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 125–126.

Величественной, всемогущественной ее величеству, великой нашей падишах-императрице по высокому имени Елизавете, дражайшей дочери Петра Великого, самодержице всего Русского йурта и проч., и проч., и проч. Нашей всемилостивой падишах прошение пишет законная супруга Абулхаир-хана Малого жуза казахского йурта Попай-ханым, а по какому поводу – будет известно из нижеследующего.

1. Верноподданный в. и. в. великой нашей государыни наш супруг Абулхаир-хан ушел от бренного сего света, я же со своими детьми осталась сиротою. Я прошу в. и. в., как вы, в. и. в., никогда вашего верноподданного Абулхаир-хана при его жизни не оставляли без вашего августейшего внимания, так и нас не лишать вашей высочайшей милости. Каждый раз в будущем я же, когда встретится нужда в том, покорная ваша рабыня, благодарения богу, со всеми моими детьми, собравшись вместе в одном месте, готова всегда вам служить. Мои дети Нурали, Ерали, Хожаахмет, Адиль, Чингиз, – все они находятся при мне. Айчувак-султан же находится в Оренбурге на вашей службе.

2. На созванном в. и. в. тайным советником и кавалером Неплюевым и бригадиром Тевкелевым собрании весь наш йурт, придя к единодушному решению, выбрал на место вышеупомянутого нашего супруга Абулхаир-хана в ханы старшего из моих сыновей, т. е. наследника престола Нурали-султана.

3. Хотя наш йурт и выбрал нашего сына Нурали-султана в ханы, но я, пока не последует высочайшего фермана в. и. в., нашей великой падишах, благословить его в главные ханы не решаюсь.

4. Поэтому всеподданнейше прошу повеления в. и. в. об утверждении указанного моего сына Нурали-султана на место его отца Абулхаир-хана главным и действительным ханом и высочайшим ферманом вашим за золотою печатью в. и. в. о возведении его в это достоинство.

Всемилоостивейшая наша великая падишах, прошу в. и. в. о милостивом решении по данному моему прошению.

Созвездия Скорпиона¹⁶⁷ 5-го дня 1161 г.¹⁶⁸

На это свое прошение я, законная супруга Абулхаир-хана Попай-ханым, свою печать приложила.

Слева приложена миндалевидная печать, надпись не разобрана.

В вашу столицу к милостивому вашему престолу [для преклонения перед вашим величеством] послали Жаныбек-султана с нашим человеком Бибекком и спутниками его, по именам: Асбай, Кожаягул, Мамет, Молдабай, Омурзак, Боранбай, Танрикул, со своими слугами.

Написал по приказу ханым действительный и постоянный писарь Дивана Альмухамет, сын Нурмухамета.

Помета на русском языке: Подано его сиятельству канцлеру киргис-кайсацким Джанбек-султаном 6 февраля 1749 г.

Современный перевод с чагатайского тюрки составителей МИКССР под редакцией И.Н. Леманова. Оубл.: МИКССР-2. Док. № 97. С. 261–262. Подлинник на тюрки – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1748–1749 гг. Д. 8. Л. 93 об. – 96. Оубл.: МИКССР-2. С. 384–385. Перевод XVIII в. – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748–1749 гг. Д. 8. Л. 13–14. Оубл.: КРО-1. Док. № 157. С. 408.

¹⁶⁷ Октябрь. (Прим. ред. МИКССР).

¹⁶⁸ 1748 г. (Прим. ред. МИКССР).

Высокоблагородному и высокопревосходительному г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу желаю со всею вашею честною фамилиею всякого благополучия навеки нерушимо.

Писании ваши я здесь чрез переводчика Якова и чрез человека нашего получила, по прочтении которых весьма радовалась и впредь прошу таковыми ж милостивыми вашими писаниями не оставлять. Коим же образом сожителя моего, а вашего приятеля Абулхаир-хана Барак убил и как нас опечалил, о том вам уже известно. Но каково б то нам ни было, токмо ваше дружеское наставление приняв за благо, против толь печальной стрелы вооружився щитом сердца своего, удержались; и народ наш, собрався и соединився в одно согласие, сына моего Нуралея вместо отца ево Абулхаир-хана в ханы выбрали, о чем как от меня и от него, Нуралея, так и от всех Средней и Меньшей орд биев к е. и. в. всеподданнейшее доношение послано. Чего для вашего высокопр-ва прошу оное посланное от нас всеподданнейшее доношение ко двору е. и. в., придав к нашим ваших людей, при доношении вашем отправить и о пожаловании оною сына моего на место родителя ево главным ханом всемилостивейшую и высочайшую за золотую печатью е. и. в. грамоту исходатайствовать. А паче всего прошу об отмщении оному злодею нашему Бараку старанием вашим у е. и. в. высочайшее позволение испросить, ибо хотя наш киргис-кайсацкой народ отмстить и обещают, токмо я на них не надеюсь, но в том и в протчих моих нуждных случаях чрез ваше старание от е. и. в. высочайшую милость получать уповаю.

Того ради вашего высокопр-ва прошу, ежели наш киргиской народ оному нашему злодею не отмстят, то о даче нам в помощь в потребном случае к тому отмщению людей со оружием с ныне отправленными нашими людьми доношением вашим резолюцию испросить, что весьма бы было изрядно. А когда наш народ помогать нам не будут, а вы по тогдашнему нашему требованию будете писать, что вы от е. и. в. повеления требовать будете, то б мы в таком случае печальные наши сердца наивящше опечалить не могли, ибо оное не одним нам, но и вам безчестно есть; для чего мы к вам и привергаемся и надеемся, что вы вспомошествованием в том нас не оставите.

И паки прилежно прошу к предбудущей весне к смене сына моего Айчювак-салтана сыном же моим Адиль-салтаном (как о том покойной родитель их, а мой дражайшей сожитель с братом их большим г-ном бригадиром по истинной и искренной их дружбе положили, чего и мы не пременяем) обстоятельное о вышеписанном повеление исходатайствовать. А оною обретающегося ныне сына моего Айчювак-салтана прошу до того времени никуда вдаль не отлучать, ибо то, чтоб он в Оренбурге при вас обретался, и народ наш за благо разсуждают, за все же ваши в делах и недоумениях наших поправлений да воздаст господь бог. А что вы в дражайшем нам своем письме объявляете, яко вы з г-ном бригадиром письмами сообщаетесь, тому я весьма радовалась и затем к нему, г-ну бригадиру, немного писала, уповая, что обо мне в том сумневаться не будет. И как я ныне не в целом уме нахожусь, то вас обоих прошу на меня не прогневаться, в протчем же словесно с переводчиком Яковым, называла которого, с товарищи к вам возвратно отправила, а атамана Смаила-муллу до зимы здесь оставила. И паки прошу вас еще посланцов ваших ко мне прислать, и ежели б они здесь перезимовали, то б оное неприятелем нашим в досаду, а приятелем нашим и нам в благополучие служить могло. Мы весьма тем довольны, что вы нас возставляете и нам вспомошествоуете, чем вы и печаль нашу немало утишили и во всех наших нуждах не оставляете, за что вам отдари господь бог, нынешние ваши к нам благодеяния против прежнего вдвое превосходят, и честь ваша нам весьма чувствительна. Прежде я на вас надеялась, а ныне и наипаче того надеюсь, чтоб я к вам ни писала, то мне в вину не поставите, а что к вам пишу, того нашему народу не объявляю.

И пребываю к вам доброжелательная ханша Пупай.

В уверение ж сего ханскую печать приложила.

Писано октября 6-го дня 1748 г. от реки Каинлы-Иргизу.

До услуг ваших в препровождении переводчика послала Кидаева сына Кушкулака да своего человека Тюгаля, которых прошу возвратно ко мне, а к протчим, придав своих людей, ко двору отправить.

Писал природной подлинной и истинной раб писарь Алмухаммет Нурмухаметев, свияженин.

Переводил переводчик Яков Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 8. Л. 17–18 об. Перевод XVIII в. Опул.: КРО-1. Док. № 161. С. 412–413. Подлинник на турки – ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 192–193.

№ 172

1748 г., октября 6. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Высокоблагородному и превосходительному, истинному и искреннему, и попечение об нас имеющему, благодетелю моему, г-ну брегадиру-мурзе желаю премножество лет здравствовать вовеки благополучно и щасливо.

Я, Пупай-ханша, а ваша сноха, доношу, что посланные от вас приятно почтенные письма, первое, как с переводчиком Яковом Гуляевым, так и после присланные, усердно и с крайним удовольствием и радостью получила и, прочитав содержание оных, выразумила, и впредь просим такими ж приятнейшими вашими писаниями не лишиться, которые видя, радоваться имею.

При сем доношу: уже вам довольно известно, что хана нашего Барак по злобе неприятельски убил досмерти, и хотя оное нам несносно и нестерпимо досадно есть, однако ж ваше наставление, приняв за благо, против толь печальной стрелы, вооружився щитом сердца своего, удержались. И по вашему совету весь наш народ в единогласие соединились, и как Средней, так и Меньшей орды все знатные бии, согласясь, сына моего в ханы выбрали. А хотя он ханское правление по прошению народному на себя снять и не отрекается, но токмо без особливого е. и. в. высочайшего повеления на ханство не вступает и главным ханом быть не может. Того ради от тех биев и от себя к е. и. в. со всеподданнейшим доношением людей своих отправили, и прошу вашего пр-ва, по вашей к нам милости к посланным от нас со всенижайшим прошением нашим людям, придав от себя своих людей при доношении ж вашем, к высочайшим стопам е. и. в. отправить и о пожаловании оногo сына моего на место отца ево главным ханом всемилостивейшую и высочайшую за золотою печатью грамоту исходатайствовать.

О, г-н брегадир-мурза, как сначала вы нас на истинны[й] путь наставили, и чрез ваше старание мы всякое себе благополучие получать удостоивались, и мы кроме вас ничего не разумеем. И дабы вы пребывали в Оренбурге, а отлучаться б никуда не изволили; ежели б вы тут обще с Айчювак-салтаном находились, то б мы тем весьма довольны были, и оное б мы так почитали, как якобы ханское отмщение от неприятеля получили. А когда же б вы свою фамилию изволили приказать к себе привести, которое б нам зело приятно было. А что вы с его высокопр-вом генералом Иваном Ивановичем согласно находитесь, оному весь народ наш неизреченно радуются, ибо вы, по своему высококоразумию, что у нашего народа есть во уме, то вы все выразумить и обряды их признать изволите, да и всякие наши недостаточные дела поправлять можете, за что вам отдари всещедры[й] бог. Мы же ныне как на господа бога, так и на вас имея надежду, рано и позд[н]о о вашем здравии бога молим. А что вы в нынешнем случае нас изволите наставлять и наши недознания поправлять, за что отдари и заплати вам сам вышней творец, которое как нам, так и народу нашему немало приятно показалось, в чем и упование мы всегда от вас имели.

Я же более сего до вас распространять не имею, понеже его высокопр-во г-н генерал Иван Иванович изволил ко мне в письме своем упоминать, что-де мы присланные от вас письма с г-ном брегадиром друг ко другу сообщаем, чему я немало удовольствовалась. А ныне, ежели б изволили ко мне [прислать] одного верблюда и на нем пшеничной муки для поминовения хана, а ежели бог благоволит, будущю весною необходимо потребно покрыть бывшую ханскую кибитку зеленым или синим сукном, того ради в надежде вашей к нам дружбы, о том, о присылке оногo сукна, вас, утруждая, прошу и уповаю, что, вы в том не оставите. Да сим же вас прошу на меня не подосадовать, понеже вы как в благополучное время нас не оставляли, так и ныне и бес представления нашего к нам попечение свое иметь не оставите, и вами мы весьма довольны.

И, прекротя сего, пребываю, и тако, остаюсь всегдашня ваша доброжелательная Пупай-ханша; а словесно приказала обо всем вам донести переводчику Якову Гуляеву, которому изволите верить.

Писано при урочище Каинлы-Иргизе 1748 г., октября 6-го дня.

К сему письму для уверения приложили печати: одна – ханши, а другая – Нурали-салтана.

При сем прошу гвоздики, перцу да луку прислать, в чем имею необходимую нужду.

Приписка султана Нурали: Я же, племянник ваш Нурали-салтан, на вышеписанные речи ссылаюсь и вашему пр-ву, дядюшке моему г-ну брегадиру-мурзе доброжелателем пребываю, в чем и печать свою приложил. И впредь прошу от вашей милости меня не отвергнуть, и ежели какие когда ваши приказания будут, которое я имею на теме[ни] своем нести.

Да с сим к вам послали Джаныбек-салтана и человека своего Байбека, да Меньшей орды ис пяти родов по одному человеку, которых прошу чрез свое старание, придав к ним от себя людей, отправить, а Кошкулака с Тюгалам паки к нам изволите отпустить.

Переводил толмач Усман Арасланов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 324–325 об. Перевод XVIII в. Копия. Оpubл.: КРО-1. Док. № 160. С. 410–411. Подлинник на тюрки – ГАОРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 303, 301 об.

№ 173

1748 г., ноября 4. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарск[ого] пис[ьма] присланн[ого] от Абулхаирхановой ханши Пупай, полученн[ого] чрез орского атамана Смаил-муллу в городе Оренбурге ноября 19-го числа. По переводе в н[ем] значит.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу. Желая вашему высокопр-ву со всею вашею честною фамилиею всякого благополучия во веки нерушимо.

Почтенные ваши письма, также и подарки казачьим урядником Федором Найденовым и нашим киргиз-кайсаченином Кушкулаком мне, Пупай-ханше, исправно вручены, которые по прочтении, выслушав, выразумила, и на то со особливым моим удовольствием весьма радовалась; и ваше милостивое об нас сожаление и старание и приданные ваши добрые советы столько нам полезны, яко что в нашей мысли есть, то вы сами изыскиваете и милостивым вспомоществованием не оставляете, в чем мы на вас и уповали. И за то отдари вам господь бог, причем прошу и впредь пожаловать нас не оставлять, ибо мы вначале уповаем на бога, а потом во всем поверя вам, – на вас положились. И хотя у нас впереди многие дела имеются, но когда неоставлением всещедрого бога от всемилостивейшей великой государыни высочайшее повеление о определении сына моего Нурали-салтана в ханы и о управлении всеми нашими народами получить удостоимся, то с оным Нурали-салтаном и с его братьями Эралеем, Хаджиахметем, Айчуваком, Адилем и Чингизом салтанами, какая б служба положена ни была, неотменным сердцем по возможности нашей исполнять будем, яко мы все в истинном

и едином согласии находимся. И аще бог благоволит, предбудущею весною по обещанию нашему Айчувак-салтана Адиль-салтаном сменим, только дай боже, чтоб впредь какого новаго препятствия тому нашему желанию не воспоследовало.

Ныне Нурали-салтан отселе возвратился в свои улусы для того, чтоб вновь, собрав войска, ехать на отщизнение, чего ради уже из своего улуса обещался приехать к нам на праздник Курбан (т. е. в воспоминание приведения Авраамом сына своего к богу на жертву сего ноября 20-го числа), к которому празднику и Джанбек-тархан к нам же приехать хотел. А между тем он, Джанбек, и ныне людей своих непрерывно присылает и нас уведомляет, для чего и зимовать мы ныне в Каракуме расположились, где киргис-кайсацкое большее кочевье имеется, чтоб мы, кто из наших Средней и Меньшей орд народов радетьнее ко отщизнению усердны покажутся, таковых в том чрез нынешнюю зиму до весны пробовать могли; и тако, хотя ныне тем кочевьем своим мы от вас и отдалели, однако ж весною обстоятельнее уведомления присылать и от вас получать можем.

А между тем атамана Смаила-муллу к вам возвратно отправили, чтоб он что видел и слышал, вам обстоятельно донести мог; Федора же Найденова здесь зимовать оставили, и более сего писать ничего не имею, токмо как на разцветающей день и на возсиявшее солнце на вас надеюсь и завсегда о здравии всемилостивейшей великой государыни и о вашем благополучии бога молим. При сем в провожание помянутого атамана Смаила-муллу человека своего Заузана послала.

Писано в Каракуме при урочище Терекли ноября 4-го дня в пятницу 1748 г.

На подлинном татарском письме ее, Пупай-ханши, чернильная печать приложена.

Пониже печати подписано тако: По приказу ханши писал природной и истинно подданной раб писарь Алмухаммет Нурмухамметев.

Переводил переводчик Яков Гуляев.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 304–305. Перевод XVIII в. Копия перевода – там же. Л. 286–287.

№ 174

1748 г., ноября 4. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Перевод с татарского письма г-ну бригадиру Алексею Ивановичу Тевкелеву, полученного в Оренбурге Абулгаир-хана от ханши Полая Орской крепости чрез атамана Исмаила Абдрезякова ноября 19-го числа 1748 г., в котором по переводу значит.

Высокоблагородному и превосходительному, истинному и искреннему благодетелю нашему, г-ну бригадиру-мурзе.

Вашего превосходительства почтеннейшие писания чрез казачьего урядника Федора Найденова и чрез нашего человека Кошкулака с крайним нашим радованием и удовольствием мы здесь исправно получили и, прочитавши, слыша, весьма все радовались. Что же мы на словах приказывали чрез переводчика Якова Гуляева, надеемся вашему пр-ву верно донесено, ибо он обо всех наших обращениях известен, разве только о немногом о чем неизвестен. А что же в протчем во всем великое к нам божеское милосердие достигло, чем мы весьма радуемся; к нашему благополучию всещедрый господь бог даровал нам, что до кончины покойного моего сожителя вы свидание иметь изволили, которое мы за великое щастие себе признаваем, и весьма радуемся чудесам господним, и на него имеем крепкую надежду. А ежели б не ваше прибытие сюда, то б поправление нашим делам сыскать было весьма трудно, и где б нам такие дни было видать, и печаль нашу без затруднения утолить, и нужды наши исправить, но и всеподданнейшие наши доношения ко двору е. и. в. чрез кого б дойти могли; точию вашим здесь бытием и старанием неизреченно удовольствовались. А с его высокопр-м, г-ном тайным советником и кавалером Иваном Ивановичем, обеим вам приносим крайнее наше благодарение, и в наших делах во всем на вас положила, и вы обо

всем, как соизволите, в том предаюсь в волю вашего разсуждения. И все, касающееся к пользе нашей, всякие наши дела без изъятия вам поручаем, и в таком нашем нечаянном беспаямстве помогать изволите и наставлением и увещеванием не оставляете, за что вам господь бог сам может воздать. А мы вами весьма довольны и дождемся ли такой день, чтоб божьим милосердием и по милости всемилостивейшей государыни удостоились всеподданнейше получить высочайшее е. и. в. всемилостивейшее повеление, дабы сын мой Нурали-салтан был указом пожалован ханом и управление нашего народа действительно мог получить, и потом братьев своих имея себе в защиту, божеским милосердием и вспомоществом всемилостивейшей государыни неприятелю своему отомстил. И еще бог благоволит, высочайшее е. и. в. повеление всеподданнейше подняв на темя наше, сколько мочь наша достигнет, верно служить желаем, которое прошу за истинно принять. По объявлению вашему о касающихся нашего народа делах разумею, и в памяти содержим, и высокоповелительной указ при себе имеем, и по силе оного указу, хотя от вас с немалым изъяснением подтверждено было, точию нам ныне нечаянная притчина учинилась, потому и исполнить не могли. А весною действительно обо всем старание прилагать будем и нашему народу вторично подтвердить имеем тако, что он при свидании с г-ном брегадиром-мурзою, которые дела на себя сняли, и по тому их обещанию то ко исполнению учинить они должны. Однако и народ наш при свидании с вами в большем собрании в разговорах на чем основались, и оное ис памяти у них выйти не может, но токмо за нынешним приключением и великим помешательством оное дело ко исполнению не воспоследовало, и в то время к лутчему всякие способы сами сыскать изволите.

А сверх того словесно вам донести может посланной от вас Орской крепости атаман Исмаил-мулла, которого я возвратно к вам отпустила. Присланной же от вас презент, перец и гвоздику, також достойные и милостивые ваши наставления исправно получила, за что благодарствую.

И тако пребывая всегда, добро желая, остаюсь ханша Пупай.

От урочища Каракума в пятницу, т. е. ноября 4-го дня 1748 г.

Да с атаманом Смаилом в провожатые послала своего человека Завзана.

На подлинном татарском письме ее, ханши, чернильная печать приложена.

А подскрыптом написано тако: Ежели впредь будете писать, не соизволите ль еще как Средней, так и Меньшей ордам накрепчайше подтвердить, чтоб они были поопаснее.

Переводил толмач Усман Арасланов.

Канцелярист Василей Седов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 350–351 об. Перевод XVIII в.

№ 175

1749 г., апреля 20. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, присланного от Абулхаировой Пупай-ханши и от детей ее Эралия и Ходжаахмета салтанов, полученного в Оренбурге чрез присланного от них Абагай-салтана с товарищи мая 9-го числа 1749 г., в котором по переводу значит.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу желаем со всею вашею честною фамилиею всякого благополучия на веки нерушимо.

Я, бедная Пупай-ханша, Ирали и Ходжаахмет салтаны с народом несчастливым издавна истинным и сердечным нашим желанием обретенным местам к вашему высокопр-ву кочуем. Которые наши улусы зимовали по Сырдарье, те чрез всю зиму благополучно находились, а которые кочевали на степи по Бурсуку и Эмбе рекам Средней и Меньшей орд, у тех улусов скотина от гладу померла. А Нурали-салтан, как слышно, зимовал около урочища Шаматая и чрез зиму находился благополучно, а подлинно где кочевал, не знаем, ибо мы от него были в

дальном расстоянии. Чего ради ездоков между нами не было, и за зимним временем ездить было невозможно, зачем и Федора Найденова к нему, Нурали-салтану, не послали, а привезенные им к нему, Нуралею, письма с нарочным своим человеком ныне к нему послали. На что он чрез посланного уже от себя и ответственать может. А Федора Найденова, не удерживая более, отселе прямо до вашего высокопр-ва отправили.

Аблай-салтан, собравшись со всеми Средней орды бывшими при нем людьми, прошлой осени ездил на каракалпак и был тамо чрез всю зиму. А возвратно ехавши с Казбек-биевым сыном Бекбулат-бием и с протчими знатными при нем людьми, заехав к нам, советовали, что-де отмщение когда-нибудь да учиним. А ныне-де надлежит наперед возыметь свидание и взять Айчувак-салтана, чему мы в надеянии на их истинное к нам усердие и поверили. И потом они в свои улусы возвратились. А о Бараке, злодее нашем, слышно, что он, вышед из своего отечества, бежал к Туркустанту в Карнацкой городок. Джанбек же тархан всегда чрез нарочно присылаемых от себя людей сношение с нами имеет и, рассуждая ныне-де нам каким образом к свиданию ехать, ибо от наших орд не одно дело зависит. Вначале повеленное от е. и. в. не исполнено, второе – хана нашего смерть не отмщена, и при том свидании чем оправдаться и как ответственать можем, и для того советует, чтоб ныне прежде отмщение ханской смерти учинить. А о Нурали-салтановом и кочующих с ним двенадцати байульских родов киргисцов совете неизвестны, понеже он, Нурали-салтан, как выше значит, находится в дальнем расстоянии. А у Аблай-салтана и Джанбека на словах намерение такое хотя и есть, токмо мы до произведения того их намерения в действо вашего высокопр-ва просим пожаловать нам наилучшее ваше наставление, ибо мы во всех наших недостатках вас яко защитника себе имеем и чрез ваши благоразумные старания е. и. в. высочайшую милость получить удостоиться уповаем.

Выше сего как Аблай-салтаново и Джанбек-тарханово, так и наши мнения объявлены. А сверх того как Нурали-салтан приедет, и к лучшему присудите, то обо всем том обстоятельно тогда писать будем. Нам же одно то бесчестно, что ханская смерть не отмщена, но и то бесчестно есть, что когда и по приказу нашему во всяких делах киргисцы исполнять не будут. О нашей же верности и истинном усердии, надеемся уже, довольно вашему высокопр-ву известно. Хотя в народе нашем и имеющиеся е. и. в. ко окончанию надлежащие дела мы видим и разумеем, но ныне в таком печальном нашем случае против прежнего разума у нас не достает и затем в воле всещедрого бога и в высочайшее е. и. в. милосердие предаемся. И на ваше высокопр-во такую надежду имеем, что вы нас, бедных сирот, от печали отводить, и сердца наши успокоивать, и все по желанию нашему пожаловать не оставите, и приятелям и неприятелям нашим в поношение нас не попустите. И тако, возымели смелость вашего высокопр-ва просить, как и прежде по желанию нашему удовольствием не оставляли, так и ныне во всем не оставить, за что вам да воздаст господь бог. А как мы в близость к вам прикочуем, то намерены по покойном нашем хане учинить поминовение. Чего ради и в том на вашу милость и неоставление надеемся. При сем же просим об отправленных от нас Джанбек-салтане, Байбеке и протчих и о всемилостивейшей резолюции на прошение наше нас уведомить и тем обрадовать.

Я, всегда усердная и доброжелательная Пупай-ханша, и Эрали-салтан весьма тому радовались, что ваше высокопр-во Айчувак-салтана сыном себе нарекли и всегда отеческою вашею милостию и особливым в потребах ево удовольствием не оставляете и во всем ево, яко сына своего, увеселяете. За что вас господь бог да возвеселит и все о том просим и впредь нас всех такими же меры не оставлять. До услуг ваших и для слышания ваших милостивых наставлений Абагай-салтана, придав ему с разных родов по человеку, а именно: Мамметя, Джебета, Тимира, Елана, Ишимбетя и Умурзака, да и своих служителей трех человек – Аралбая, Тегеша и Тегая послали.

По реке Чит-Ыргыз от урочища Мяйли-тебе, апреля 20-го числа 1749 г.

На оном татарском письме Попай-ханши, Эралия и Ходжихметя салтанов чернильные печати, а ниже оных приписано: По приказу ханшину писал природной и истинной раб писарь Алмухаммет Нурмухамметев.

Переводил переводчик Яков Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. Д. 4. Л. 54–55. Перевод XVIII в.

№ 176

1749 г., мая 20. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с письма татарского, присланного от Абулхаировой ханши Пупай с племянником ево, хана, Карабаш Дус-салтаном с товарищи, полученного в Оренбурге мая 28-го числа 1749 г., а по переводу значит.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу. Желаем вашему высокопр-ву со всею дражайшею и честною вашею фамилиею здравствовать и во всяком благополучии пребывать вовеки нерушимо.

Я, бедная Пупай-ханша, з детьми моими Эрали и Ходжихмет салтанами и со всеми нашими домашними людьми почтенные ваши писании получили и, прочитая как первое, так и другое, радовались, что высочайшая и всемилостивейшая е. и. в. милость неотменна, яко со стороны е. и. в. высочайшая конфермация о бытии Нурали-салтану ханом по желанию нашему воспоследовала. За что даруй боже и вашему высокопр-ву во всякой радости пребывать, что нас в такую знаемость привели, в котором надеянии, яко же и по обещанию, чрез почтенные вашего высокопр-ва писании для свидания с вами, также и для совершенного получения по такой откровенной к нам милости высочайшего е. и. в. указу в близость к вам прикочевали по Орь-реке к урочищу Одинакова дерева¹⁶⁹. А оные вашего высокопр-ва почтенные писания как ныне, так и впредь присылаемые, не инако, спочитав, как за наставлении принимать, толь паче во всемилостивейшия е. и. в. высочайшие повеления подвергаемся и со всяким усердием и ревностию пребывать должны. И те вашего высокопр-ва почтенные писания за недоумеваемое к нам вспомоществование и яко неимеющей птице крылья [...] ¹⁷⁰, сем подобно тому, имея оные, содержим при себе. В протчем ссылаюсь на Айчувак-салтана, яко сына вашего, что он о всем том донесет. В чем вы в возможном, уповаем, и не оставите.

А затем вашему высокопр-ву доношу, что с нами всегда кочующие и ныне прикочевавшие знатные люди чумакайского роду Кидай-бий, Алучиалдиял-бий, Джаилган-бий, Ходжанай-бий со всеми каракиятского роду людьми во всякой верности и усердии находятся и нас не оставляют. Причем имею объявить и о сем, что имеем мы намерение знатное об Абулхаирхане поминовение учинить, чего ради в надеянии вашей к нам благосклонности просим нас против прежних лет присылкою вина, пшеничной муки не оставить.

При сем до услуг вашего высокопр-ва послала Карабаш Дус-салтана да Кидай-биева сына Кушулака, да при них одного кощя Кирбаша, да собственного нашего служителя Заузана.

Мая 20-го числа 1749 г.

На обороте того письма приложена ее, Абулхаира ханши, чернильная печать.

Перевел переводчик Яков Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. Д. 4. Л. 70 и об. Перевод XVIII в.

¹⁶⁹ Жалгызагаш.

¹⁷⁰ Слово неразборчиво.

№ 177

1749 г., июня 2. – Тайному советнику И. И. Неплюеву¹⁷¹

Высокопревосходительному г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу, милостивому другу и брату нашему желаем многолетно здравствовать.

Сим мы всепокорно все тайности сердец наших вашему высокопр-ву открываем о нижеписанном. Возымели мы намерение на месте том, где родитель наш Абулхаир-хан погребен, построить знатное строение во славу высочайшей являемой к нам от е. и. в. милости, и в чувствие, и пресечение от зловредных поступок неприятелем нашим, и нам ко исполнению повеления вашего в способство. Того ради ваше высокопр-во нижайше просим показать в том нам милость, пожаловать дать нам людей до дву тысяч человек, а ежели толикого числа дать невозможно, то хотя до тысячи. Которыми по милости вашего высокопр-ва, как мы уповаем, чрез пятнадцать дней то строение окончатъ возможно. А до оного места, где родитель наш погребен, от Орской крепости разстояния езды пять дней, и ежели на сие милость вашего высокопр-ва показана не будет, то родительница наша и протчей народ намеряются, раскопав тело, родителя нашего и отвести в Туркустант, которое их намерение нам мнится неудобно. Родительница же наша без исполнения того проминовать не хочет.

А ежели то учинено не будет, и родительница наша тело родительское отвезет в Туркустант, то чрез то, как мы мним, народ наш возьмут притчину думать, что бывшего-де хана нашего тело и родина в Туркустанти, следственно-де, и нам съехать туда-де неспособно. И того для опасения мы, дабы совершенно народ наш к съезду туда намерения не возымел, сие же наше мнение просим не последним признавать и нас не осудить, ибо ведая о состоянии и разуме нашего народа, мы по должности своей вас уведомлять и уверять должны. А на месте том, где родитель наш погребен, никакого кочевья ныне нет, следственно, и страху иметь некому. А чтоб людей тех, присланных от вас для того строения, от того места никуда не отлучать, ниже не потребить, в том, яко ж и в поставке их на термин, паки к вам обязать себя имеем. Прозьба же сия наша общая, родительницы нашей з братьями, и уповаем в том на высочайшую е. и. в. милость, что оная во славу чрез старание вашего высокопр-ва совершенно исполненна будет, и во уверение сего все мы з желательным сердцем, надеясь сполнения прозьбы нашей, печати свои приложили.

Переводил переводчик Яков Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. Д. 4. Л. 238. Перевод XVIII в. Опувл.: Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казхстан в составе России. С. 187–188.

№ 178

1749 г., июня 23. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарских писем, присланных от Пупай-ханши и от Нурали-хана, полученных чрез Кутыр-батыря августа 2-го числа 1749 г. в городе Оренбурге, в которых по переводу значит ниже.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу я, Пупай-ханша, желаю вашему высокопр-ву купно с пречестною вашею фамилиею всякого благополучия вовеки непоколеблемого.

Вашего высокопр-ва почтенное писание мною получено, которое я, с сердечным моим удовольствием получа, возрадовалась. Нижайше прошу и впредь всегда оными жаловать, милостивно не оставлять. Дети мои Нурали-хан, Ерали, Ходжаахмет и Айчувак салтаны все

¹⁷¹ Письмо написано ханшей Бопай совместно с ее сыновьями – ханом Нуралы и султанами Ералы, Кожажметом и Айчуваком.

благополучно прибыли. Сына моего ж Адиль-салтана низайше ж прошу в высокой милости своей и в увеселении содержать, ибо он и у нас здесь в веселии обращался. При сем же я е. и. в. желаю многолетнего здравия, также и вашему высокопр-ву – благополучия. Знатные бии, бывшие с сыном моим Нурали-ханом, ныне еще при нем, хане, находятся; которые по прибытии сюда все, бывшее им от вашего высокопр-ва, чувствуют и прославляют. Ныне на поминках, чинимых по муже моем, покойном Абулхаир-хане, ордою, происходит у нас во орде нашей великой совет, о котором я впредь, что у нас произойдет, ваше пр-во известие учиню. Дела же ваши сын мой Нурали-хан окончать не оставит, о окончании которых и я всеусердственно желаю.

В протчем, я уповаю на высокие вашего высокопр-ва милости, которыми я до сего, а паче в прошедшем году, во время печали моей, весьма удовольствована, и оные я никогда забыть не имею, разве тогда, когда гробу предана буду. И сим за то дело благодарствую, и что всегда прошения мои вами исполняемы бывают, которых и ныне исполнением, доколе я жива, продолжать низайше прошу; яко же и в том, что я много вам скучаю, осуждению не подвергнуть, ибо мы подданными себя е. и. в. учинили чрез многие вашего высокопр-ва милости во время ханствования нашего. Следственно, с того времени и все свое упование и надежду на ваше высокопр-во положили, напротив чего и себя с своей стороны надлежащего до вас ко исполнению определили, в чем и ныне без сожаления всего состоим. Посыланной от нас к е. и. в. Байбек все, что в бытности своей ни видел, яко же и о начальниках тамошних и словесное от вас мне наказывание объявил, чем я весьма себя удовольствовала.

Июня 23-го дня 1749 г.

При сем до услуг вашего высокопр-ва послала Кутыр-батыря да человека своего Дурбана и при них кошчей, которых прошу паки возвратить. Джанбек же тархана, поехавшаго к вашему высокопр-ву, сюда ожидаем.

На подлинном татарском письме ее, ханши, чернильная печать приложена.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. Д. 4. Л. 237. Перевод XVIII в.

№ 179

1749 г., июля 1. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, присланного от Абулхаирхановой Пупай-ханши, полученного в Оренбурге чрез посланного к ней отсель толмача Усмана Арасланова июля 4-го дня 1749 г., в котором по переводу значит.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу желаю со всею честною вашею фамилиею всякого благополучия навеки нерушимо.

Ваше почтенное писание переводчика Араслана чрез сына ево толмача Усмана получила. Которое получа, также и словесное ваше приказание слыша, весьма радовалась, ибо чего я от вас всегда желала и что получить уповала, то ныне действительно получила, за что всещедрый господь бог как е. и. в. всемилостивейшей нашей государыне на неисчетные лета здравия, так и вашему высокопр-ву всякого благополучия и наивящего щастия да дарует. Сие я весьма за щастие себе почитаю, что при таком моем огорчительном состоянии вам случиться бог определил, ибо вы, сожалея меня, от того отводите и во всем по прозьбе моей не оставляете, чего ради я свою бедность вам скрытно объявляю. Понеже находясь в той печали, по своему обыкновению для помяновения хана своего имение свое все в милостыню раздала. Для свидания с вами и для слышания всяких ваших наставлений детей своих и старшин послала, препоруча их богу и вам, ибо они у вас на руках находятся. А что я сама ныне для свидания с вами не поехала, в том прошу не сомневаться, ибо я обо всем с детьми своими

советовала и все мои слова и соизволение им поверила, почему они и ответственность могут. Но ежели они за благо присоветуют, что при таком знатном торжестве и мне быть прилично, то я нахожусь не в дальнем расстоянии.

А между тем покорно прошу по прежнему вашему обещанию милостию вашею не оставить, а именно пожаловать прислать верблюда, для покрытия кибитки – сукна, по чести моей – на платье, для вышивания травами – разных шелков, разных позументов, золота и серебра десять щепок, канители разной десять же щепок, красной кафтан, три пансыря, дабы я по возвращении детей своих по милости всемилостивейшей государыни и при здравии вашего высокопр-ва по нашему обыкновению по хане нашем знатное поминовение учинить могла.

Нам о своих нуждах у кого просить кроме вашего высокопр-ва, ибо я осиротела, очи слезами, а сердце печалью исполнилось, к тому ж малолетняя дочь осталась, о которой уже и говорить не смею. Ваше же высокопр-во и при жизни покойного хана, хотя я от вас в дальнем расстоянии была, милостию вашею меня не оставляли и иногда, он и не знал, ко мне травчатые камни присылали. А ныне, слава богу, по высочайшей милости всемилостивейшей государыни уже и несравненная тому милость к нам является. И хотя оную и здесь получу, только прошу так почесть, что якобы я от вас персонально получила. Вашему же высокопр-ву известно, что и вы с своею супругою так же, как и я с своим сожителем, разлучились. И тако нам друг друга сожалеть надлежит, ибо сей свет весьма пременен есть, токмо бы между нами добрая слава происходила. Все же наши народные дела полагаю на ваше высокопр-во.

В протчем обо всем словесно вам донесет толмач Усман, которое прошу принять за истину. И остаюсь всегда вам доброжелательная Пупай-ханша.

Июля 1-го дня, от урочища Ялгуз-Агач.

На оном письме Абулхаирханская печать.

За отлучкой переводчика переводил толмач Усман Арасланов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. Д. 4. Л. 86 и об. Перевод XVIII в. Опубл.: КРО-1. Док. № 177. С. 449–450.

№ 180

1749 г., июля 22. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Высокородному и высокопревосходительному г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу я, Пупай-ханша, желаю со всею вашею честною фамилиею всякого благополучия и многолетнего здравия.

Вашего высокопревосходительства почтенное писание видево, весьма радовалась. Коим же образом по всемилостивейшему е. и. в. указу сын мой Нурали чрез ваше высокопр-во торжественно возведен на ханство и е. и. в. з. золотыми гербами всемилостивейшим патентом и протчими ея величества высочайшей милости знаками снабден. И что в бытность у вас видел и с вами говорил, и вы во всем по желанию ево не оставляли, о том он, Нурали, обо всем подробно мне объявил, чему я всеудовольственно радовалась, ибо, что желала, то получила; и за то даруй боже всемилостивейшей государыне многолетнего здравия и вашему высокопр-ву при здравии всякого благополучия и возвышения вашей чести.

Я же вашему высокопр-ву имею некоторую секретную прозьбу свою напомнить и прошу о том на меня не прогневаться. Поступками вашими во всем я удовлетворена, кроме сего, что, как я слышала, Чингиз-салтана принять не желаете, а ханские дети как мне, так и детям моим, все равны, следственно, и сожаление о всех равно же. И ежели вам самим того учинить невозможно, то прошу прозьбу мою о сем е. и. в. донести. Хотя б он, Чингиз, пока другие подрастают, очередь свою, как то положено, один год выжил и о том меня уведомить.

Месяца шагбана 20-го 1162 г., т. е. июля 22-го числа 1749 г.

До услуг ваших племянника своего Карут-мурзу послала.
На оном письме Абулгаирханская печать.
Переводил переводчик Яков Гуляев, в чем и подлинным подписался: «Яков Гуляев».

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. Д. 4. Л. 235 об. Перевод XVIII в.

№ 181

1749 г., сентября 3¹⁷². – Джунгарскому хану Цэван-Доржи-Аджа-Намжилу¹⁷³

Перевод с копии татарского письма, присланной при рапорте от капитана Яковлева сентября 3-го числа 1749 г., в котором по переводу значит.

Аджан-хану

Чрез присланных от вас посланцов уведомились мы, что вы на место отца своего над всеми зюнгорскими калмыками главным ханом учинились, с чем и посланцов своих к нам прислали, чтоб нам с вами, как при жизни родителей наших было, между собою в согласии находиться. На которое в ответ к вам сообщаем: родитель наш при жизни своей говаривал: хотя-де сверстник мой Галдан-Чирин и умер, но после ево остались вы, хотя и молоды, но весьма благоразумны и разсудительны, и за то, любя вас, намерен был учинить себе сыном. А после ево мы, Пупай-ханша, с детьми Нурали-ханом и Ирали-салтаном, в том же состоим, и для того при жизни вашей, Аджан[а] и Нурали ханов, между собою в любви и согласии находиться желаем, и тем о себе добрую славу производить, которая и по смерти всякого человека в последующее время остается. И мы, последуя оному родителя нашего намерению, действительно исполнить, т. е., любя вас, фамилию свою с вашею совокупить желаем, следственно, то учиним, чего при прежних ханах не бывало. И оное на ваше разсуждение предаем и уповаем, что вы, паче, нежели как предки ваши, нас приемлите и приятелям нашим – приятелями, а неприятелям – неприятелями ж будете. Вследствие чего того злодея, которой убил отца нашего, а имянно – Барака (ибо, ежели по вышеписанному свойство с вами возымеет, то он, Барак, общей наш неприятель будет), искореня всею ево фамилию и товарищей ево, ево самого поймав и обшив лицо ево сырою кожею, к нам пришлите, ибо он находится в вашем ведомстве. Он же, Барак, доносил вам, якобы родитель наш чрез три года проезжающих ваших купцов грабил и чрез то, ненавидя ево, на него, Барака, и на Среднюю орду худое нареkanie чинил. И то он доносил вам ложно, что, наконец, и сами вы узнали, ибо все оное, т. е. грабеж купцов и прочее, чинил он, Барак, сам. Того ради вас просим, ежели приемлите нас за истинных приятелей, то, искореня ево, Барака, и фамилию ево, самого поймав, к нам пришлите.

В протчем словесно донесет посланной наш Карабаш-салтан и Пичкан-Ханжан. При сем и вам, зятю нашему Аджан-хану, в презент одну саблю послали.

1749 г.

Переводил переводчик Яков Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. Д. 4. Л. 281 об. Перевод XVIII в. Опул.: МИКССР-2. Док. № 117. С. 311.

¹⁷² Дата получения.

¹⁷³ Письмо написано ханшей Бопай совместно с ее сыновьями.

№ 182

1750 г., мая 14¹⁷⁴. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, присланного от Абулхаир-[хана] ханши Пупай и от детей ее Эрали и Айчувак салтанов, полученного чрез киргисцов Баяв-батыря с товарищи в городе Оренбурге мая 14-го числа 1750 г., в котором по переводе значит.

Ея императорского величества г-ну тайному советнику, кавалеру и Оренбургской губернии губернатору, его высокопр-ву Ивану Ивановичу Неплюеву мы, Пупай-ханша, Эрали да Айчувак салтаны желаем многолетнего здравия.

При том же доносим, что Ходжаахмет волею божию умре, а кроме ево со всею нашею фамилиею благополучно находимся, и хотя нам печаль к печали приключилась, точию мы на воле всещедрого бога предались, и как в начале е. и. в. всемилостивейшей государыне, а потом и вашему высокопр-ву, яко о чести нашей ведающему попечителю, г-ну генералу, такожде сыну нашему Нуралею-хану со всею нашею большею и меньшею ханскою фамилиею о многолетнем здравии бога молим.

Вы же по вашему высокому разуму о состоянии нашем довольно известны, что мы на вольной степи обретаемся и по прежней вашей к нам оказанной милости все наши дела по желанию нашему исполнить между приятелей и неприятелей наших нас возвышением оставить не преминете. В чем на вас завсегда благонадежны и в препровождение ваших купцов до Хивы для службы е. и. в. по приказу вашему, придав им от себя Бахтыбай-батырева сына Асана-батыря и Байбека, да из служителей наших Тугуша, Тянрикула, отправили. Которые тех ваших купцов до Хивы препроводили благополучно и, оставя их в Хиве с таким намерением, чтоб им по прошедшей зиме паки по них в Хиву ехать, ис Хивы возвратились. Токмо, едучи обратно, предписанной Асан в пути умре, а Байбека и Тугуша с товарищи нынешнею весною для взятя тех ваших купцов паки в Хиву отправили. От них же ныне известия еще не имеем, а как приедет, то оного Байбека к вам самово пришлю. Ежели ж он, Байбек, вскоре не возвратится, то об оном вас уведомить не преминем. При сем же до услуг ваших послали усердного, и благонадежного, и верного человека Буяв-батыря, которой все ваши словесные приказы нам верно донесет, да с ним же из служителей наших Мумина да Тарикула послали ж.

На оном татарском письме во уверение приложена от нея, Пупай-ханши, чернильная Абулхаирханская печать.

Переводил переводчик Мансур Дельной, в чем он татарским письмом и руку приложил.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1751 г. Д. 3. Л. 160 и об. Перевод XVIII в.

№ 183

1750 г., июля 5¹⁷⁵. – Тайному советнику И.И. Неплюеву и бригадиру А.И. Тевкелеву

Перевод с татарского письма, присланного от Пупай-ханши июля 5-го числа 1750 [г.], в котором значит.

Высокопревосходительному г-ну тайному советнику Ивану Ивановичу Неплюеву и г-ну бригадиру-мурзе желаю премного лет здравствовать.

Сын ваш Айчувак-салтан к вам послан. Того ради для ево нужд (ибо за него сноху вам взять намерены), как вы два отца, то прошу пожаловать прислать девять вещей, а имянно: для покрывки кибитки – две половинки красного толстого сукна, да на кафтан – кармазину красного ж, на головную покрывку – хорошей белой кисеи, гребень, всяких ягод, сумку

¹⁷⁴ Дата получения.

¹⁷⁵ Дата получения.

переметную, сахару, муки пшеничной три пуда, да глазного лекарства, сколько изволите. А при сем до услуг ваших Байбек, Тауш, Худайберган и Аралбай посланы.

На оном письме Абулхаирханская чернильная печать.

Переводил переводчик Усман Арасланов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1751 г. Д. 3. Л. 189. Перевод XVIII в.

№ 184

1750 г., августа 13¹⁷⁶. – Тайному советнику И.И. Неплюеву и бригадиру А.И. Тевкелеву

Перевод с татарских писем, присланных от Абулхаировой Пупай-ханши и Эрали-салтана на имя господ тайного советника и кавалера Неплюева и брегандира Тевкелева, полученных чрез служителей их Мергенъ-Кашку с товарищи августа 13-го числа 1750 г., в коих по переводу значит.

В 1-м

Высокородному и высокопревосходительному г-ну тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу и превосходительному г-ну мурзе.

При сем доношу, что сын мой Адиль-салтан в добром здравии ко мне прибыл и о ваших милостивых наставлениях мне довольно объявлял, чем я весьма довольна. Да и впредь надеюсь, что вы к нам милость не отмените и обо всех наших прозьбах оставить не изволите, которою еще при жизни мужа моего Абулхаир-хана не оставлена и завсегда с награждением была. Вследствие того и ныне как зимним, так и летним платьем от вас оставлена быть не уповаю, а особливо вас, деверя моего, мурзу, прошу одного верблюда ко мне прислать, ибо у меня верблюды захворали. Да и дочери моей Зюляхе прошу ж пожаловать прислать же теплую шубу. При сем же за хлебом послала я одного верблюда да трех лошадей, на которых прошу приказать отпустить пшеничной муки и просяных круп, и об оном я обще вас, господ тайного советника и кавалера Ивана Ивановича и бригадира Алексея Ивановича, прошу меня не оставить. И до услуг ваших отправила мамку Джапу, да своих служителей Мергеня с товарищи.

На оном письме ее, Пупай-ханши, чернильная печать приложена.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1750 г. Д. 3. Л. 153 и об. Перевод XVIII в.

№ 185

1751 г., октября 3¹⁷⁷. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Перевод с татарского письма, присланного от Пупай-ханши на имя г-на брегандира Тевкелева, полученного чрез сына ее Адиль-салтана в Оренбурге октября 3-го дня 1751 г., по переводу в коем значит.

Высокородному и превосходительному г-ну брегандиру-мурзе, моему истинному и присному благожелателю, купно же и с любезной вашего пр-ва фамилией от всемогущего бога многолетнего здравия и благополучия непоколебимого я, сноха ваша Пупай-ханша, желаю.

И сим объявляю, то я почтенного вашего писания, присланного к сыну моему Нурали-хану, чтение и при том ево разсуждение слышала, и хотя в том мне между вами мешаться и дела не имеетя, однак в том сумнения иметь не благоволите, о чем я представляю. Когда покойной

¹⁷⁶ Дата получения.

¹⁷⁷ Дата получения.

муж мой еще в живе был, тогда и я в совете преимуществовала, а ныне, яко осиротелая и состоящая в таком мнении, что представлении мои, иногда не так уже вами принимаемые и втуне оставляемые бывают, в слезах и печали обращаюсь. Между ж нами хотя с обеих сторон от приятелей и неприятелей и есть какое-либо роптание, однако тому веры иметь не благоволите. Мы же по возможности своей последуем благости. И тако, ваше пр-во прошу сына моево Нурали-хана пожаловать, недовольным не почесть, ибо он еще не так, как бывшей в делах и еще молодой человек, а особливо будучи в сиротстве, в горести состоящей. Однако и он в такой надежде находится, что от е. и. в. чрез ваше старание всякие желании получать и оными довольствоваться не оставлен будет. И понеже кто может ево поступки так сохранить, как вы жалуете, не оставляете, того ради паки вас прошу добродетельство ево возвысить, а непристойности милостивно прикрыть, недостаточества же исправить, о чем на вас упование полагаем. Я же по разумению моему всем детям моим пристойное наставление и журение чиню; с вашим же пр-вом мы в нынешнем непостоянном свете, будучи в диких народах, с великим трудом, как вам небезызвестно, друг друга нашли и потом по наследию сыну моему Нурали-хану все вручено, от него же по повелениям вашим сумнительного к неисполнению что имеется ль.

Что же касается до смены сына ево, то о сем он с вами условился, чтоб взять сына Ералисалтана после детей ево, Нурали-хана, кроме Ишима, а вы ныне то положение оставя, требуете сына ево Ишима. И тако, он, уважая того предложения, ево неисполнение за досаду себе почитает для того, что у него в детях разности нет, и у него ныне представленной сын уже ходит и говорит, однако и ево в будущей год взять благоволите, а ныне уже поздно стало.

Кроме же сего к предложению вам ничего не имею, ибо вышеписанное издавна при употреблении нашего труда предположено, и в том, будучи в надежде, об оном трудить вас дерзнула, ибо вы между народом нашим старателем и сына моего представлении принимать учреждены. И тако, ежели он вам в чем ныне непристойно досадил, то прошу ему милостивно упустить, и ежели имеете какой на него гнев, то оной в памяти вашей не содержать и об нем несумненным быть, чтоб чрез ваше великодушие приятели наши радовались, а неприятели во отчаянии были, а особливо оставшие б после покойного хана добрые дети наши во удовольствии пребывали. Мне к вам часто писать не следует для того, что о состоянии народа хан ведает. Токмо покорно вас прошу в таком моем сиротстве наградить меня е. и. в. милостию, а имянно: прислать ко мне красного сукна четыре аршина, кармазину дикого цвету четыре аршина, парчи соломенной, красной голи, два или три бобра, шелку разных цветов, позументу, лекарств разных, инбирю, перцу, от грудной и от глазной болезней капель, три кожи, китаек, дарагилу, холста белого тонкого, водки два ведра против прошлогодской хорошей, носового табаку, чем вы при жизни покойного моего мужа и меня не оставляли. И ныне прошу тем же меня пожаловать не оставить и оные с писарем Алмухамметем при письме вашем, ежели милость будет, прислать.

На оном письме ея, Пупай-ханши, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Яков Гуляев.

Секретарь Иван Коптяжев.

С подлинным читал Андрей Портнягин.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1752 г. Д. 3. Л. 25–26 об. Перевод XVIII в.

№ 186

1752 г., мая 7¹⁷⁸. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Перевод с татарского письма, присланного от Пупай-ханши на имя г-на бригадира Тевкелева, полученного в Оренбурге мая 7-го числа 1752 г., в коем по переводу значит.

¹⁷⁸ Дата получения.

Высокоблагородному и превосходительному и искреннему г-ну бригадиру-мурзе многолетно и благополучно со всею честною фамилиею здравствовать желаю.

Я, сноха ваша Пупай-ханша, прошу пожаловать меня всегда не оставлять, ибо я как прежде при персональном с вами свидании разговаривала, в том и ныне нахожусь и вашим неоставлением весьма довольна, за что и благодарение приношу. Токмо вам известно, что Абулхаир-хан, как большей ваш брат, с которым вы, яко [со] свойственником своим обращались и ево видали, умре, а всенародное попечение зависит ныне от сына моего Нурали-хана, и тако, мое желание в препровождении моего времени стало быть, яко сиротское, чего для я вам в моих прозьбах немало и скучаю и на ваше знание нашего состояния благонадежна. Вследствие того ныне прошу прислать ко мне черно-бурую лисицу и мне надевать достойного кармазинного сукна на кафтан и протчее, также и племянницу вашу Зюлейху не оставлять, понеже у вас имеется базар, а я от е. и. в. всегодному награждению быть себе уповаю.

На оном письме ее, ханши, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Яков Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1752 г. Д. 3. Л. 60. Перевод XVIII в.

№ 187

1752 г., мая 26. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Перевод с татарского письма, присланного от Пупай-ханши на имя г-на бригадира Тевкелева, полученного чрез присланных от нее служителей Мумина и Серкабая в Оренбурге июня 2-го числа 1752 г., в коем по переводу значит.

Высокоблагородному и превосходительному, истинному и искреннему благодетелю, а моему деверю, г-ну бригадиру-мурзе, я, сноха ваша Пупай-ханша, многолетно и благополучно здравствовать желаю.

Я вашему пр-ву в препровождении вашей жизни желала всякого благополучия, а как ныне ис письма, присланного от вас, усмотрела, что божиим посещением супруга ваша преставилась и тем приключила вам горестное нещастие, то и сама в такое несостояние пришла, что сердце мое яко облиито кровью стало и глаза слез наполнились. Однако вы можете разсудить, что сей свет не постоянен есть и таких притчин имеет в себе множество, только б ей даровал бог вечное блаженство, а вам и любезным вашим деткам многолетнего и благополучного здравия желаю и яко истинному своему благодетелю советую, по здравому вашему разсуждению, собирая память свою вместо, от оной горести себя отвращать и тяжчайшей печали и изнеможения не принять, но положиться на бога и, помня то, как вы меня при случившемся многопечальном и несносном случае, яко искренния благодетели, по благоразумному вашему разсуждению от того отвращали, и такие ваши приятнейшия наставления не инаково, как за предрагия вещи почитая, от такого несносного уныния чрез ваше попечение не за долгое время себе и свободу, благодаря бога, получать было стала, но ныне от вашего приключения в наивясшее беспамятство и горесть себя подвергнула. Того ради паки вас, сущего и нам надобного благодетеля, прошу чрезвычайно печали не предаваться и, как можно по благоразумному разсуждению, оную уголять, что вам от искрянного моего усердия и, сожалея вашего драгого здравия, представляю и за благо принять прошу. Я к вам для свидания детей моих прислать всех не оставлю, а ныне они отъезжают в Среднюю орду, где многонародной съезд для совету об отмщении смерти отца их. Правда и дети мои от той вашей печали в слабом состоянии находятся и почитают, якоб у них еще ныне отца их не стало, и для того по нашему обыкновению в знак сердечного печального моего сожаления посылаю при сем одну серую лошадь. Нурали же хан с салтаны и с знатными старшинами по возвращении ис той орды к свиданию приехать намерение имеет. До услуг ваших послала служителей своих Мумина и Серкабая от урочища реки Кобды.

Мая 26-го числа 1752 г.

На обороте того письма Абулгаир-хана чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Яков Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1752 г. Д. 3. Л. 68 и об. Перевод XVIII в.

Жолбарыс (1690 – 05.04.1739)

Жолбарыс (Джолбарс, Жолбарс, Йулбарс, Чолбарс, Юлбарис, Юлбарс, Dsholbars), полное имя и титул – *Жолбарыс-Мухаммад-Бахадур-хан* (1690 – 05.04.1739), султан, с 1720 г. – хан родовой группы шымыр племени дулат и племен: сары-уйсун, канглы, шанышкылы, албан, суан и ысты Старшего жуза.

Сын правителя Старшего жуза Абдаллах (Абдуллы)-хана (ум. в 1718/19) неизвестного династического происхождения, который управлял в течение конца XVII – двух первых десятилетий XVIII в. Ташкентом и прилегавшими к нему небольшими городами и аграрными селениями совместно с другими казахскими ханами и султанами: с Рустем-Бахадур-ханом (позднее 1681–1712), сыном некоего Иман-хана, который жил и умер в городе Намангане; и его дядей Карабас-султаном, владевшим Сайрамом; а после смерти Рустема – с его сыном Аспандияр-ханом (позднее 1712 г. – раньше 1730) и правителем многих родов племени конрат Среднего жуза, сыном султана Кодайменде ханом Турсыном II (позднее 1694–1717), правителем Икана [ИКРИ-6. С. 25, 30; *Валидов*, 1915. С. 70, 75, 77, 114; *Добросмыслов*, 1912. С. 77; *КРО-1*. Док. № 18. С. 21; *Витсен*, 2010. С. 465; *Вельяминов-Зернов*, 1864. С. 368].

Жолбарыс унаследовал власть над поименованными выше родами и племенами Старшего жуза и ханский титул непосредственно от своего отца. Он правил Ташкентом и его округой в ранге хана с 1720 г. до начала казахско-ойратской войны 1723–1730 гг., когда все города Ташкентского оазиса были захвачены джунгарскими войсками во главе со старшим сыном хунтайджи Цэван-Рабдана (1697–1726) нойоном Лоузаном-Шоно (ум. в 1732). В 1719 – начале 1723 г. соправителями Жолбарыса в Ташкенте и Ташкентском районе являлись: старший хан трех жузов Абулхаир (1721), хан отдельных подразделений рода шымыр племени дулат, сын Тауке-хана – Турсын III; правитель родовых групп канглы и курамы – Орыс-хан, которого в эпоху «Актабан шубырынды» за недостойное поведение подвластные ему казахи, «поймав», собственноручно отдали «в полон» военачальникам джунгарского хунтайджи; хан отделения капал рода жаныс племени дулат Жахангир, или Жангир (убит в 1741/42), сын бывшего правителя Сузака Канычер-Абылай-султана; а также Жаубасар-хан, приходившийся, по-видимому, близким родственником Жолбарыс-хану [ИКРИ-6. С. 25, 34, 135; ИКРИ-4. С. 198; ИКРИ-3. С. 52; *Андреев*, 1998. С. 103–104; *Бейсембиев*, 2009. С. 406–407, 620, 976; *Витсен*, 2010. С. 465–466].

В 1730–1739 гг. компетенция Жолбарыса существенно возросла по сравнению с довоенным периодом и распространялась наряду с Ташкентом на многие города, расположенные в долинах рек Келеса, Чирчика и Ахангарана, такие, как Сайрам, Чимкент, Чадак, Хандалак, Ходжикент, Нушба, Намданак, Паркент, Заткент, Карамурт и некоторые другие [ИКРИ-6. С. 28, 70]. В это время он делил власть над Ташкентом, его округой и кочевыми родами Старшего жуза с одним только Жаубасар-ханом (ум. в 1749), опираясь на влиятельного среди кочевников старшину дулатов Толе-бия Алибекулы, который при содействии других родовых старшин Старшего жуза взимал с жителей города в пользу ханской казны денежную подать в размере 40 тыс. тенге в год [там же. С. 96]. Кроме того, Жолбарыс при помощи Толе-бия брал подать с жителей некоторых соседних городов, а остальные оседлые центры предоставлял во временное пользование тем мелким ханам и султанам, в чьей политической поддержке он нуждался в текущий период [ИКРИ-6. С. 28].

Во время вторжения джунгарских войск в южные казахские степи (1723–1725 гг.) Жолбарыс вместе с подвластными ему казахами был вынужден откочевать в районы Каратегина и Ферганы, но уже в последующие годы активно включился в качестве одного из полководцев в общеказахскую освободительную эпопею, за что, вероятно, и получил в ту героическую эпоху от своих подданных почетное звание *бахадур*. В 1730 г. в связи с началом новой ойрато-цинской войны он возвратился в южноказахстанские степи и вновь подчинил своей власти Ташкент. Однако летом 1735 г. после вторичной оккупации Ташкентского района войсками ойратов хан оказался в политической зависимости от хунтайджи Галдан-Цэрена (1727–1745) и по его требованию отправил в ургу в качестве аманата своего второго сына султана Абылая; простые казахи Старшего жуза, в свою очередь, были обязаны платить правителю Джунгарского ханства алман в размере одной шкурки степной лисицы (корсака) с каждой семьи в год [Левшин, 2009. С. 167; КРО-1. Док. № 55. С. 119–121; Мусеев, 1991. С. 106–108; ИКРИ-6. С. 54].

Весной 1733 г. Жолбарыс, получив незадолго перед тем известие от хана Абулхаира о вступлении Младшего и Среднего жузов под российский протекторат, направил к нему в ставку двух посланников – Аралбая и Аразгельды-батыра с письмом влиятельных старшин Старшего жуза: Толе-бия Алибекулы, биев Кодара и Кангельды, батыров Сатая и Болека Каралы на имя русской императрицы, которые просили ее принять их под свое покровительство и содействовать развитию транзитной караванной торговли местных сартов с российскими купцами и среднеазиатскими торговцами через казахские степи. Затем посланники Жолбарыса поехали вместе с посольством Абулхаира в Петербург и там на приеме в Коллегии иностранных дел довели эту просьбу до сведения высших сановников столицы [КРО-1. Док. № 44. С. 101; № 56. С. 120; МОЦА-1. Док. № 113. С. 289–290].

Весной следующего года хан направил к Абулхаиру батыра рода шымыр племени дулат Конай-мурзу Балыкулы и простого казаха Сырымбета в составе торгового каравана ташкентских сартов Нурмухаммеда Алимова и четырех других членов городского магистрата со своим личным письмом на имя переводчика А.И. Тевкелева, но, прибыв в летнюю ставку главы Младшего жуза на реку Ыргыз, они не застали доверенного представителя «белой царицы» в Степи [ИКРИ-6. С. 24].

Летом 1738 г., воспользовавшись пребыванием посольства Карла Миллера в Ташкенте, Жолбарыс послал с его людьми свои письма Анне Иоанновне и начальнику Оренбургской экспедиции В.Н. Татищеву, в которых выражал желание принять российское покровительство и содействовать установлению регулярных торговых связей подвластных ему городских жителей с Россией и соседними среднеазиатскими государствами [ИКРИ-6. С. 37–45]. Коллегия иностранных дел поручила В.Н. Татищеву выяснить конкретные мотивы обращения хана на «высочайшее имя» и отправила в Орскую крепость грамоту императрицы о принятии его с подвластными казахами в подданство [ГАОрО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 56–57; КРО-1. Док. № 66. С. 129]. Но 5 апреля 1739 г. во время очередного намаза в ташкентской мечети хан Старшего жуза был убит лидерами местных узбеков – батырами Кара и Сара – за то, что он «от обид кайсацких их не оборонял и судил неправо» [ИКРИ-6. С. 45].

Жолбарыс был похоронен в Туркестане под сводами мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави, где родственники упокоившегося правителя символически покрыли надмогильное сооружение над местом погребения хана шкурой некогда убитого им туранского тигра [Добросмыслов, 1912. С. 21–22; Массон, 1963. С. 154; Музей-заповедник г. Туркестана. Инв. № ЭБт1–156].

В год смерти Жолбарыс имел двух взрослых сыновей – султанов Абулгазы (Аблеза, Аблези, Аблиса, Аблязи) и Абылая (Аблая). Первый из них на правах вассала джунгарского хунтайджи Галдан-Цэрена в 1740 г. получил при его содействии ханский титул в ранее подвластных отцу родах и племенах Старшего жуза и разрешение своего сюзерена управлять Ташкентом с его округой. Но уже в начале 1742 г. Абулгазы был отстранен правителем Джунгарии от управле-

ния Ташкентом и заменен неким Кучук-беком, выходцем из оседлых жителей Ташкентского района. Второй сын Жолбарыса – Абылай (ум. позднее 1785) до конца своих дней остался только султаном и управлял отдельными подразделениями рода шымыр племени дулат и племени сары-уйсун Старшего жуза [КРО-1. Док. № 80. С. 188; ИКРИ-6. С. 25, 38, 90, 96–97; Рычков, 2001. С. 185; Андреев, 1998. С. 75–76].

№ 188

1738 г., апреля 20. – Императрице Анне Иоанновне

а)

Кланяемся величайшему белому падишаху¹⁷⁹.

Великолепному как Джамшид [1], твердому как Рустам [2], справедливому как Нуширван [3] и щедрому как Хатим [4] следующее [наше] слово:

Мы прознали о вашем величии. Мы подумали: «В [наше] время, подобное концу света [5], если мы будем знать друг друга, посылая друг другу послов, и если услышим о друзьях, то обрадуемся, если прослышим о врагах, то сплотимся»¹⁸⁰. По этой причине в воскресенье двадцать четвертого мухаррама тысяча сто пятьдесят первого года¹⁸¹ мы отправили к вам послами Нур-Мухаммад-бая, Мухаммад-Йусуф-бая, Ирдаш-бахадур¹⁸², Шах-Джан-ходжу, Нияз-бахадур и Баба-бая. Знайте, что мы будем вашими рабами. Верьте всему, что я передал на словах послам. Мы готовы выполнить любое ваше распоряжение.

[Надпись на печати]: «Йулбарс-Мухаммад-Бахадур-хан».

Современный перевод с чагатайского тюрки Т.К. Бейсембиева. Подлинник – РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 706 об.

б)

1738 г., августа 2-го дня, перевод с татарского письма, которое прислано на имя е. и. в. от ташкенского хана Юлбарыса, а по переводе в нем написано.

Ея императорскому величеству я, Юлбарыс-хан, в подданство отдаюсь. Еще доношу и я в. и. в. поставляю над собою вышним. В нынущнее последнее время надобно иметь между нами дружбу и посылать друг к другу посланцов и, оное слыша, приятелям будет радостно, а неприятелям – печально. А при сем отправляя я посланцов своих Нурю-Мухаметя, Мухамметь-Юсупа, Хузяша, Гзяна, Нияз-батыра, Бабабая, чтоб они объявили в. и. в., что я ваш раб, а о протчем донесут словесно посланные мои Нур-Мухамметь с товарищи, и какой е. и. в. указ к нам будет, и мы исполнять готовы.

Писано месяца апреля 20-го числа 1738 г., на оном письме на обороте чернильная печать Юлбарыс-хана.

Переводил ахун Мансур Абдрахманов и татарским письмом руку приложил¹⁸³.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 707. Перевод XVIII в.

¹⁷⁹ Буквально: «мы поклонились величайшему белому падишаху».

¹⁸⁰ Перевод этой фразы смысловой и приблизительный.

¹⁸¹ 24 мухаррама 1151 – 13 мая 1738 г.

¹⁸² Это имя приписано на полях письма.

¹⁸³ Подпись на тюрки.

1738 г., апреля 20¹⁸⁴. – Начальнику Оренбургской комиссии тайному советнику В.Н. Татищеву

а)

Господину хазрату [1] генералу

Прибежищу справедливости, окруженному многочисленной свитой, победоносному, спешествуемому [богом], обладающему величием, наше следующее слово. Мы поминаем вас в молитвах за ваше здравие и благополучие (хвала Аллаху, что всё хорошо!).

Мы подумали, что в нынешнее время, подобное концу света, если бы мы знали друг друга и посылали друг к другу послов, а от вас к нам приезжали белые купцы (*ақ базарган*), а от нас – к вам, тогда бы мы были осведомлены о взаимном положении и делах друг у друга. Тогда всем странам стали бы известны [наши] милосердие, внимание и забота о подданных.

Мы, Йулбарс-хан, благословили двадцать четыре [2] именитых купца отправить по старинному обычаю вам налоги и пошлины. Услышав об этом, люди из Андижана, Намангана, Коканда, Худжанда, Ура-Тюбе, Заамина, Джизака, Шахрухии, Пскента и Аблыка тоже захотели поехать к вам и препоручили нам [вести дело]¹⁸⁵.

В воскресенье двадцать третьего числа месяца мухаррам тысяча сто пятьдесят первого года¹⁸⁶ мы отправили группу купцов.

Мы хотим, чтобы вы их обласкали, обрадовали и отослали [назад]. Тогда мы будем этому рады. Кроме того, пусть всякий будет отправлен в тот вилайет, откуда он прибыл.

Верьте нашим словам, которые мы передали через Мухаммад-бая, Мухаммад-Йусуф-бая, Шах-Джан-ходжу, Нийаз-бахадур и Баба-бая, и отправьте свое послание [через них].

Ташкентцы – ‘Абд ал-Маннан-бай, ‘Ашур-бай, Кучак-шейх, Бадр-бай, Мулла Надр-Джан.

Андижанский старшина – Асад-бахадур, маргиланский – Эркак-аталык, наманганский старшина – Нийаз-Мухаммад-бай, кокандский старшина – Койбак-аталык, худжандский старшина – Мулла-Балту-кучак, уратюбинский старшина – Нийаз-бай, зааминский старшина – Малик-бай, джизакский старшина – Сатыбалды-бай, старшина Шахрухии – Турсун-ага-улу, пскентский старшина – Мухаммад-‘Али-бай, аблыкский старшина – Хашим-бай.

[Надпись на печати:] «Йулбарс-Мухаммад-Бахадур-хан».

Современный перевод с чагатайского тюрки Т.К. Бейсембиева. Подлинник – РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 708 и об.

б)

1738 г., августа 2-го дня, перевод с татарского письма, которое прислано от ташкенского хана Юлбарыса, а по переводе в нем написано.

Генералу объявляем, что мы, слава богу, в добром здоровье, и молим бога о вашем здоровье. Нынешнее последнее время надобно иметь между нами дружбу и посылать друг к другу посланцов, иметь между нами купечество, чтоб от нас к вам купцы, а от вас к нам ездили безопасно и какия между нами будут известия, друг другу объявлять. А мы е. и. в. идем в подданство для того, что от всюду слышно, что е. и. в. многомилостивая, и подданных своих содержит во всяком порядке, а бывшие наши купцы с торгом беспошлинно и за оное благодарствуем. Также в городах, а имянно: Андичане, Неменгане, Кукане, Хужанте, Уратибе, Замане, Деизя-

¹⁸⁴ Датируется по письму Жолбарыс-хана императрице Анне Иоанновне (см. док. № 171), так как по содержанию оба письма сходны между собой и одновременно были доставлены в Оренбург.

¹⁸⁵ Буквально «отдали поводья».

¹⁸⁶ 23 мухаррама 1151 – 12 мая 1738 г.

ке, Шахырухе, Псыкянте, Абляке, услыша о том, обрадовались, и с торгом хотели ездить, и обещали во всем меня слушать. А ныне мы от себя несколько купцов отправили, и просим с ними чинить всякое благодеяние и отправить обратно, а о протчем донесут вам на словах посланные мои Нур-Мухаммет с товарищи.

А здесь в Ташкенте имеютца могистратцкие судьи: Абдулменнанбай, Аширбай, Кусякших, Бедырбай, Лсурла, Недыржан; акдизянские судьи – Асят-батыр, Мургинан, Иркак-аталык; неменганской судья Нияз-Мохаммет-бай, куканской судья Куянбак-аталык, хузянской судья Мулла Балту-Кусяк; уратибяской судья Ниязбай, заманской судья Мулюкбай, дейзякской судья Сатык-Адыбай; шахрухунской судья Турсун-ага, пыськянской судья Мухаммет-Алиба, аблинской судья Аширбай.

На оном письме чернильная печать Юлбарыс-хана.

Переводил ахун Мансур Абдурахманов и татарским письмом руку приложил¹⁸⁷.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 709 и об. Перевод XVIII в.

№ 190

1739 г., апреля 3.¹⁸⁸ – Императрице Анне Иоанновне

Ея императорскому величеству в подданство намерены были мы, и как присланные в. и. в. посланцы и купецкие люди были, тогда мы, услышав, обрадовались, понеже из Российского государства посланцы и купецкие люди никогда не бывали в Ташкенте. Аргунского роду Мурзагул да Коильда, два дурака, согласясь, оных посланцов и купецких людей разграбили и живот их взяли. И устыдясь, посланцов не могли послать. А на словах будут доносить посланец и купецкие люди, и о том воля в. и. в..

На обороте чернильная печать.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 572. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 571 об.

№ 191

1739 г., апреля 3¹⁸⁹. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву

1739 г., иуниа 5-го дня, перевод с татарских писем, которые объявлены в канцелярии Оренбургской комиссии, порученной тайному советнику г-ну Татисчеву, чрез подпорутчика Алексея Кушелева, в которых по переводу значит. А имянно.

От Юлбарс-хана господам генералу и мурзе поклон отдаю. Чрез божие милосердие в. и. в., показав к нам свою высочайшую милость, что послала к нам посланцов и купцов, чему было весьма порадовались. Ныне же двух дураков Марзакула, Вакулчелдея, обобрав их, неволею послал к е. и. в., а посланцов не мог послать, и сколько могли купцам, столько чинили, и ежели их бог принесет, то они сами на словах покажут. А сие письмо писал для объявления е. и. в..

На обороте оногo письма чернильная печать.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 323. Перевод XVIII в. Копия.

¹⁸⁷ Подпись на тюрки: «Я, Ахунд Мансур сын Абдирахмана, перевел и руку приложил».

¹⁸⁸ Датировано по данным «Краткого журнала» поручика Пензенского гарнизонного полка Карла Миллера о его поездке в Ташкент к хану Старшего жуза Жолбарысу с 29 августа 1738 г. по 5 июня 1739 г. См.: ИКРИ-6. Алматы, 2007. С. 45.

¹⁸⁹ Датировано по данным «Краткого журнала» поручика Пензенского гарнизонного полка Карла Миллера о его поездке в Ташкент к хану Старшего жуза Жолбарысу с 29 августа 1738 г. по 5 июня 1739 г. См.: ИКРИ-6. Алматы, 2007. С. 45.

Сеит (? – позднее 1785)

Сеит (Шасеит), полное имя и титул *Сеит-Мухаммад-хан* (ум. позднее 1785), султан Средне-го жуза, с 1741 г. – хан отдельных подразделений племени конрат Среднего жуза.

Старший сын хана Самеке (*Шах-Мухаммада*; 1723/24–1738), который свои последние девять лет жизни управлял Туркестаном и частично – его округой; внук Тауке-хана [ИКРИ-6. С. 33; МИКССР-2. Док. № 24. С. 93; № 25. С. 96].

В годы правления Самеке султан Сеит возглавлял некоторые роды конратов, кочевавшие в окрестностях Туркестана, а после смерти отца до конца 1745 г. постоянно проживал в самом городе Туркестане. Здесь в конце октября 1738 г. он познакомился с российским посланником и начальником торгового каравана поручиком К.И. Миллером и полгода спустя отправил с ним в Орскую крепость свое первое дипломатическое послание на имя русской императрицы [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1740 г. Д. 2. Л. 1–4а; Д. 3. Л. 6; ИКРИ-6. С. 33, 46]. В 1740 или 1741 г. был избран подвластными родами казахов ханом.

После окончания в мае 1741 г. трехлетней ойрато-казахской войны, в которой правители Среднего и Старшего жузов потерпели поражение, Сеит-хан оказался в политической зависимости от джунгарского хунтайджи Галдан-Цэрена (1727–1745). В середине 1741 г. он был назначен правителем Джунгарского ханства хакимом Туркестана, где с того времени до середины 1745 г. делил власть над населением этого города и его оседлой округой с неким безымянным наместником-ойратом и с главой местных ходжей Нахибом-ходжой [ИКРИ-6. С. 100, 118, 128–131; МИКССР-2. Док. № 25. С. 96].

С 27 марта по 1 апреля 1743 г. Сеит-хан принимал в своей резиденции в Туркестане возвращавшегося из ойратских кочевий на Оренбургскую линию российского посланника Карла Миллера и в ходе общения с ним выразил желание принять патронат «белой императрицы», рассчитывая тем самым избавиться от опеки джунгар и стать полновластным правителем всего Туркестанского района [ИКРИ-6. С. 128, 130–131]. Летом того же года он отправил с тарханом Жанибеком Кошкарулы (ум. в 1751) в Орск начальнику Оренбургской комиссии И.И. Неплюеву свое письменное прошение на имя императрицы Елизаветы Петровны о предоставлении ему с подвластными казахами покровительства и защиты, но обращение далекого и малоизвестного в России степного хана было оставлено царским правительством без ответа [О киргис-касаках, 1938. С. 143; *Моисеев*, 1991. С. 150–154].

Осенью 1743 г. в связи с переездом из Степи в Туркестан на постоянное жительство хана Абулмамбета (1739–1770/71) между ним и его двоюродным братом Сеитом завязалось острое соперничество за право владения «святым городом» и его округой. Оно продолжалось около двух лет, в течение которых оба хана не менее трех раз обращались за разрешением данного вопроса к Галдан-Цэрену. В конечном итоге междоусобное противоборство двух братьев завершилось в конце 1745 г. в пользу благонаравного и «тихого» Абулмамбета, так как он был старше Сеита по своему возрасту и имел среди городских жителей намного больше сторонников, чем его молодой «многошумствовавший» соперник, любитель светских развлечений и застолий [МИКССР-2. С. 93, 97, 103; КРО-1. Док. № 127. С. 324–325; *Потанин*, 2005. С. 13; *Моисеев*, 1991. С. 136, 138–139].

Утратив власть над Туркестаном, Сеит с конца 1745 г. на протяжении нескольких десятилетий кочевал в окрестностях города и севернее его, вблизи Сырдарьи, доходя с аулами подвластных ему кочевников в летнее время до озера Теликоль, бассейна Сарысу и северозападнее его – до низовьев Торгая. В то время он, как и прежде, управлял одним из подразделений племени конрат Среднего жуза [*Андреев*, 1998. С. 104, 114].

Во главе другой родовой группировки конратов параллельно находился второй по счету брат Сеита (третий сын Самеке) султан (с 1756 г. – хан) Есим (ум. позднее 1798), который в 1758–1761 гг. управлял самостоятельно Туркестаном и частично его округой; с 1762 г. – со-

вместно со своим двоюродным братом ханом Абулмамбетом, а после смерти последнего – совместно с его старшим сыном ханом Болатом II (1771 – позднее 1798) [КРО-1. Док. № 255. С. 649; ЦИКХ-1. С. 172, 188; ЦИКХ-2. С. 4, 24; МОЦА-2. Док. № 236. С. 202–203; Андреев, 1998. С. 34, 39, 41, 104, 114; ИКРИ-6. С. 161–162, 166, 177].

Третью группу родов того же племени возглавлял во второй половине XVIII в. самый младший брат Сеита (четвертый сын Самеке) Карабас-султан (ум. позднее 1797), который не позднее, чем в начале 1780-х гг. был избран подвластными ему казахами ханом и кочевал в окрестностях города Сузака [Андреев, 1998. С. 76, 104; ИКРИ-6. С. 172].

Четвертой, самой многочисленной частью конратов в то время управляли сыновья хана Абулмамбета – Болат-хан и Абултек-султан, кочевавшие, как и Сеит-хан с его двумя братьями, в Туркестанском районе и северо-западнее его до Сарысу и долины Торгая [Андреев, 1998. С. 114].

Документальные свидетельства о дате смерти и прямых потомках Сеита не обнаружены в фондах обследованных архивов. К числу наиболее ярких представителей родственного окружения этого хана следует отнести его племянника, старшего сына Карабас-хана султана, а с 1806/07 г. – хана–Тогая (Таги, Тарагая, Таракая, Токая-торе, ум. в 1827), возглавлявшего в конце XVIII – первой четверти XIX в. большинство родовых групп племени конрат Среднего жуза и отдельные роды племени сары-уйсун Старшего жуза. Он стал со временем последним в истории казахских ханств суверенным правителем южных казахов и оседлого населения Туркестанского района. После завоевания 7 апреля 1816 г. Туркестана военачальником кокандского правителя Умар-хана (1811–1822) Раджабом-кушбеги Бадахши (ум. в 1821), мужественного сопротивления Тогая иноземным завоевателям, его вынужденного бегства из захваченного города в Бухару к своему покровителю эмиру Хайдару (1800–1825), а затем трагической, хотя и во многом случайной, гибели 23–24 апреля 1827 г. казахского хана в Бухаре от шальной пули одного из сподвижников нового эмира Насраллаха (1827–1860) более чем двухвековая эпоха владычества степной династии джучидов в Туркестане окончательно завершилась [Наливкин, 1886. С. 111–113; Обзорение, 1849. С. 194; ИКПИ. Т. 5, 2007. С. 384–389; Ходжиев, 1962. С. 63–64; Ерофеева, 1997. С. 129; Тулибаева, 2001. С. 62, 95–96; Бейсембиев, 2009. С. 252, 300, 459–460, 490, 503, 631, 979].

№ 192

1739 г. апреля 8–24¹⁹⁰. – Императрице Анне Иоанновне

а)

Да будет известным составленное нами [нижеследующее] письмо белому падишаху. Уже много лет с вами, великий белый падишах, пребывают Средний и Младший жузы. Мы тоже – в их числе.

А еще мы пропустили через Туркестан вашего белого купца [по имени] Колька (*Калька*) [1], оказав ему добрые услуги. После того, как он проследовал от нас в Ташкент, там Старший жуз захватил его имущество (*мал*). Поэтому мы отослали этого торговца назад. Хорошо ли мы поступили или плохо, он сам расскажет [вам]. Разумеется, ему следует верить.

Прощайте.
Год 1153¹⁹¹.

Современный перевод с чагатайского тюрки Т.К. Бейсембиева. Подлинник – РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 575 об.

¹⁹⁰ Датируется на основании материалов поездки К. Миллера и А. Кушелева из Оренбурга в Ташкент и обратно с 29 августа 1738 г. по 5 июня 1739 г. См.: ИКРИ. Т. 6. Алматы, 2007. С. 46.

¹⁹¹ 1153 году хиджры соответствует 29 марта 1740 г. – 18 марта 1741 г. (Прим. Т.К. Бейсембиева). Вероятно, писарем султана здесь допущена ошибка, так как это письмо было передано Сеитом в апреле 1739 г. поручику К. Миллеру, который доставил его полтора месяца спустя в Орскую крепость.

б)

От Сеит-салтана.

Ея императорскому величеству доношу. Как Средняя и Меньшая орды вашему императорскому величеству в подданстве, и мы в таком же подданстве находимся. А присланных от в. и. в. купецких людей ис Туркустану благополучно отпустили, и как оне поехали в Ташкент, в Большой орде их разграбили и животы их взяли. А оных купцов у них отнять послали, и про наше доброжелательство и худобу оные купцы будут доносить сами.

На обороте чернильные две печати.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 576. Перевод XVIII в.

Кушык (не позднее 1717 – после 1785)

Кушык (Кусик, Кучак, Кучек, Кучик, Кучук, Кучюк, Кушук), полное имя и титул – *Кушык-Мухаммад-хан* (ум. Позднее 1785) – султан Среднего жуза, позднее 1717 г. – хан рода садыр и некоторых других подразделений племени найман, кочевавших на левой стороне реки Талас, по хребту Каратау до впадения р. Арысь в Сырдарью; а с середины XVIII в. – одной только родовой группы садыр Среднего жуза [Андреев, 1998. С. 116; Тынышпаев, 1993. С. 90; КРО-1. Док. № 127. С. 326].

Старший сын хана Турсына II (позднее 1694 – 1717), управлявшего многими родами племен найман и конрат Среднего жуза; потомок в шестом колене казахского хана Шигая [ИКРИ-6. С. 25; ИКРИ-3. С. 301; Бөкейхан, 1995. С. 114. Схема XVI].

Постоянно кочевал вместе с подвластными группами казахов смежно с джунгарскими владениями в Чу-Илийском регионе, управлял с 1730 г. до конца 1740-х гг. городом Сайрамом и прилегавшими к нему оседло-земледельческими селениями [КРО-1. Док. № 26. С. 36; № 33. С. 62; № 43. С. 99; ИКРИ-6. С. 46]. На протяжении всего периода своего пребывания на ханском престоле не играл сколько-нибудь заметной роли в общественно-политической жизни казахов Среднего жуза, а с 1750 г. в связи с гибелью своего младшего брата, правителя большей части найманов хана Барака (1749 – нач. 1750) и усилением султана Абылая (1711–1780) полностью утратил влияние на часть ранее зависимых от него родовых групп казахов-кочевников, жителей Сайрама и окрестных селений [КРО-1. Док. № 127. С. 326; № 167. С. 433].

В 1735 г. вслед за ханами Абулхаиром и Самеке Кушык вместе со своим братом султаном Бараком обратился к императрице Анне Иоанновне с просьбой о предоставлении им покровительства и поддержки, но официальное принятие ханом российского подданства по разным причинам затянулось до середины 1745 г. [там же. С. 326].

В середине 80-х гг. XVIII в. под его властью находилось около 1700 кибиток казахов рода садыр Среднего жуза, вместе с которыми хан кочевал в бассейнах рек Боген (Бугунь, Буконь) и Куйган (Кукан), в степях северо-восточнее среднего и нижнего течения Чу, до низовьев р. Сарысу и в верхнем течении Нуры [Андреев, 1998. С. 116].

Обстоятельства последних лет жизни и дата смерти Кушыка пока неизвестны. Из его сыновей в письменных источниках упоминаются султаны Адиль, Мамырхан и Шанхай (Сангкай, Санхай), управлявшие отдельными подразделениями родов матай, кошаматай и садыр племени найман Среднего жуза [Андреев, 1998. С. 94, 103–104; Бөкейхан, 1995. С. 114].

1735 г., декабря 20¹⁹². – Начальнику Оренбургской экспедиции статскому советнику И.К. Кирилову и полковнику А.И. Тевкелеву¹⁹³

Вначе я, Кучек-хан, е. и. в. голову свою приклонил, да я, Барак-солтан, голову свою приклонил, да я, Кирей-солтан, голову свою приклонил, да я, Тавлень-князь [1], голову свою приклонил, да я, Тлевмет-князь, голову свою приклонил, да я, Чюрюбай-старшина, голову свою приклонил, да я, Чюрюк-князь, голову свою приклонил, да я, Теньяк-князь, голову свою приклонил, да я, Букай-батыр, голову свою приклонил, да я, Калкаман-князь, голову свою приклонил, да я, Чюварбай, голову свою приклонил, да я, Утяпбай, голову свою приклонил, да я, Багулбай, голову свою приклонил, да я, Ирназар-батыр, голову свою приклонил, да я, Кабалбай-батыр, голову свою приклонил, да я, Анчюра-бай, голову свою приклонил, да я, Сюндюк-бай, голову свою приклонил, да я, Ерачбай-батыр, голову свою приклонил, да я, Урус-батыр, голову свою приклонил, да я, Атиммет-князь, голову свою приклонил, да я, Казакара-князь, голову свою приклонил, да я, Илкунду-князь, голову свою приклонил, да я, Чекаман-батыр, голову свою приклонил, да я, тирюстамгалу Ерлыхап-батыр, голову свою преклонил, да я, Ерлыхан-батыр Кумирев сын, голову свою приклонил, да я, Изгузу-князь, голову свою приклонил, да я, Карамаклу-князь, голову свою приклонил, да я, Утебай-князь голову свою приклонил, да я, Усян-князь, голову свою приклонил, да я, Балтемир, голову свою приклонил, да я, Токаш-князь, голову свою приклонил, да я, Тогун-батыр, голову свою приклонил, да я, Сатыпалду-батыр, голову свою приклонил, да я, Кунакбай-батыр, голову свою приклонил.

Ныне от меня, Кучюка-хана, и Барака-солтана вам, генералу и мурзе, премного челобитье посылаем. После челобитья слово то. Сибирския дороги по Аю-реке, Дуванские волости Миндияру послали вы, генерал и мурза, сочиня, послом. По оному послу вашему слову и милостивому мы е. и. в. головы свои приклонили. А от генерала и мурзы всякия указы ставим на головы, всякия наши ханы и князья, богатые батыри и вси нашей Средней орды народ склонились. Каким образом Абулхаир-хан склонился, также и мы склонились.

Ныне вам, мурзе, слово наше то, что недознание наше слов просим милости е. и. в. донести. Хань наши и князья, батыри и старшины – все мы, соединясь, послали с пяти родов пять человек, главнейшего Уруса-батыря. Я, Кусяк-хан, Барак-солтан послали Арсемухамметя, да я, Чаракбай, послал брата своего Кунака-батыря, да я, Чюрюбай-старшина, послал Байназара, да я, Чювар-князь, послал брата своего Янсарья.

Ныне вам, генералу и мурзе, слово наше то: и со всем миром сего посла Миндияра просим от нас не разлучить, покамест юрты наши приходят в добром состоянии. Также мы, Кусяк-хан и Барак-солтан, все ханы наши, князья и батыри просим вас, генерала и мурзу, послать тяжелого посла со оными посланниками; просим вашего, мурзина, брата, большого или меньшого. Ежели они не будут, придать одного рус[с]кого человека, подобно тому, как у Абулхаира-хана, стоя долго, время склонили.

Для того между нами послы будут ездить, иштяки, т. е. башкирцы, будут бояться генерала да мурзы, а наши казаки будут бояться от ханов своих; да от князей славы было б много, да прекратили.

Подлинной лист за печатьми Кучека-хана и Барака-салтана.

С подлинным читал канцелярист Ермолай Тишин.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1735 г. Д. 2. Л. 5–6. Перевод XVIII в. Копия. Опубл.: КРО-1. Док. № 59. С. 122–123.

¹⁹² Дата получения.

¹⁹³ Письмо написано совместно с родным братом Кушык-хана Барак-султаном.

№ 194

1745 г., октября 17¹⁹⁴. – Императрице Елизавете Петровне

а)

Во имя всеимеющего бога.

Ее величеству, величественной и могущественной государыне мира и царице Российского государства и проч., и проч., и проч. преклоняемся¹⁹⁵ и молитвенно приветствуем. И затем, уже сколько лет как все мы, ханы, торе¹⁹⁶ и все подданные¹⁹⁷ нашего йурта, подпав под покровительство вашего величества, молимся за ваше здоровье. Направляя посланника с приветственным посланием, извещаем вас о безупречности йурта. Мы проводим свою жизнь в далекой местности, на границе Мавераннахра и калмыков, а также других окраинных народов, поэтому ни к нам от вашего величества, ни от нас к вашему величеству не имеется посланника. Но, несмотря на это, наши подданные и мы сами надеемся, что не лишимся ваших милостей. Поверив добрым словам прибывшего сюда посланника Рахмет-Вали, перед ним мы целовали Коран и выразили свое верноподданство, преклонив головы и отдавшись вашему покровительству; о чем мы вместе с нашими подданными рода найман 10 000 домов направили настоящее наше дружеское письмо с этим милостивым мурзой Рахмет-Вали. Мы неизменно и постоянно до конца нашей жизни готовы вам служить. Нас с нашими подданными просим не лишать ваших милостей.

Я, Кушук-хан, свою печать приложил.

Слева приложена миндалевидная печать с надписью: Кушук-Мухамет-Турсун-хан.

Вашему генералу, находящемуся в Оренбурге, йурт...¹⁹⁸

Современный перевод с чагатайского тюрки составителей МИКССР под редакцией И.Н. Леманова. Опул.: МИКССР-2. Док. № 44. С. 133–134. Подлинник на тюрки – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 3. Л. 146 об. Опул.: МИКССР-2. С. 401–402.

б)

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица, самодержица все-российская и проч., и проч., и проч.

Вашему величеству всеподданнейшее и рабское поклонение приношу. Ныне уже тому несколько годов весь наш народ, ханы, салтаны, бии, батыри и со всеми подлыми в рабском подданстве и в верности находятся, желая вашему величеству всякого благополучия, и присылают своих посланцов, уведомляя письмами о спокойстве народа своего. А я, будучи в Великой Татарии, и в краю калмык, и в протчих крайних улусах, прежде сего от вашего величества посланцы ко мне не бывали, ни же от меня к вашему величеству. А ныне, желая неотриновенно вашего величества высочайшей милости, чрез приехавшего к нам посланца Рахмангула, по обнадеживанию ево доброприличными словами, мы ему во всем поверили, и в верности вашему величеству присягали, и Куран целовали з десятью тысящами кибиток найманского народу.

Сие мое письмо с приложением моей печати с Рахмангул-мурзою послал, и всегда в верной вашего величества службе со всеми моего ведомства людьми вечно находиться буду, и прошу вашего величества меня в рабском подданстве содержать. От находящегося в Оренбурге генерала народ наш о ево поведениях весьма довольны в верности.

¹⁹⁴ Дата получения.

¹⁹⁵ Буквально: склоняем головы. (Прим. ред. МИКССР).

¹⁹⁶ В данном случае – потомки ханов. (Прим. ред. МИКССР).

¹⁹⁷ Буквально: простые люди, простолюдины. (Прим. ред. МИКССР).

¹⁹⁸ Несколько слов не разобрано. (Прим. ред. МИКССР).

К сему письму печать приложил.

На подлинном татарском письме ево, Кучук-хана, чернильная печать.

Переводил переводчик Емагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 3. Л. 147 и об. Перевод XVIII в. Копия. Оpubл.: КРО-1. Док. № 126. С. 323.

№ 195

1745 г., октября 17¹⁹⁹. – Оренбургскому губернатору тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Кучук-хана, полученного в городе Оренбурге чрез переводчика Романа Уразина октября 17-го дня 1745 г. По переводу в нем значит.

Высокопревосходительному г-ну генералу Ивану Ивановичу Неплюеву низайше кланяюсь и доношу, что я за отдаленностью моею от всеподданнической моей верности донести случаю изыскать не мог. А ныне с приехавшими от вас к племяннику моему Барак-салтану людьми ко двору е. и. в. и к вам писал, которое прошу отправить, а впредь всегда в услугах пребуду с показанием всякие мои верные к благополучию услуги; а о рачении вашем нам благополучию и пользы [тому] народ наш весьма радовался. И впредь прошу, чтоб между нами непрерывно ездили посланцы, а я во улусах и в общем попечении всегда пребуду.

На обороте подлинного татарского письма ево, Кучук-хана, чернильная печать.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 3. Л. 148. Перевод XVIII в.

Жаубасар (? – 1749)

Жаубасар (Аувбасар, Иуабасар, Иубасар, Якуб-Яубасар, Яубасар, Бахадур-хан, Бахадур-Фарман, Бахадур-Ферман, Ферман-Бахадур), полные имя и титул – *Жаубасар-Мухаммад-Бахадур-хан* (?–1749), султан Старшего жуза, не позднее, чем с 1724 г. – хан родовой группы жаныс племени дулат и племени сейкым Старшего жуза.

Династийное происхождение неизвестно. Вероятно, приходился близким родственником Жолбарыс-хану (1720–1739). В кокандских хрониках «Тарих-и джадида-йи Ташканд» Мухаммад-Салих-Х^аджи Ташканди (1887 г.) и «Анджум ат-таварих» Мухаммад-Амин-бека б. Худайар хан (1900/01 г.), основанных на несохранившихся среднеазиатских источниках, при изложении военно-политических событий 1724–1725, 1733 и 1745 гг. на территории Бухарского ханства и Ферганы Жаубасар-хан упомянут без указания его собственного имени как *Бахадур-хан казах*, потомок Дарвиш-хана, сына Барак-хана и Йунус-хан-падишаха, управлявший Ташкентом и его округой [Бейсембиев, 2009. С. 237, 356–357, 406–407, 620, 976].

В 1723 г., когда джунгарские войска вторглись на территорию Ташкентского оазиса и захватили Ташкент, он вместе с подвластными ему племенами казахов Старшего жуза бежал в центральную часть Бухарского ханства, где в следующем году в союзе с независимым правителем Самарканда чингизидом Раджаб-ханом (1722–1731) совершил один или два военных похода против формального главы этого государства Аштарханида Абу-л-Файз-хана

¹⁹⁹ Дата получения.

(1711–1747). После поражения Раджаб-хана и его союзников летом 1725 г. в районе Вабкента в решающем сражении с войсками верховного правителя Бухарского ханства казахи Старшего жуза во главе с Жаубасаром и другими степными ханами на протяжении семи лет опустошали области Самарканда, Бухары, Шахрисабза и Карши, дойдя до Гиссара и Куляба [Бейсембиев, 2009. С. 406; хронику этих событий см.: Тулибаева, 2001. С. 87–88]. В 1731 или 1732 г. в связи с началом новой ойрато-цинской войны Жаубасар-хан возвратился из бухарских владений в родные края и восстановил свои права на управление Ташкентом.

С начала 30-х гг. XVIII в. он как и прежде делил власть над Ташкентом, окружавшими его городами и кочевым населением Старшего жуза с Жолбарысом, в 1740–1741 гг. – с его старшим сыном Абулгази-ханом (?–?), в 1742–1744 гг. – со ставленником джунгарского хунтайджи Галдан-Цэрена (1727–1745) Кучук-беком, происходившим из среды оседлых жителей Ташкентского района, который весной 1743 г. «от зюнгорского владельца отложился» и примкнул к правителю обособившегося незадолго перед тем Кокандского владения Абд ал-Карим-бию (ум. в 1747) [Потанин, 2005. С. 12; ИКРИ-6. С. 37–40, 43, 45, 135; Рычков, 2001. С. 185; Моисеев, 1989. С. 70].

В предшествующий период Жаубасар, по-видимому, особо отличился в боевых сражениях с внешними врагами, за что получил от подвластных ему казахов почетное воинское звание *бахадур*.

В 1733–1744 г. Жаубасар постоянно проживал в Ташкенте, находясь, как и его соправитель Жолбарыс-хан, в политической зависимости от Галдан-Цэрена. Здесь 25 марта и 2 и 3 апреля 1739 г. состоялись три его встречи с руководителем российской торгово-дипломатической миссии поручиком К. Миллером, который подробно осветил их в своем путевом дневнике [ИКРИ-6. С. 40, 43, 45]. В личных беседах с Миллером и позднее – в своем письме оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву Жаубасар выразил заинтересованность в стабильном развитии транзитной торговли оседлого и кочевого населения Ташкентского района с российскими купцами и проявил себя сторонником сближения с Россией.

В 1742–1744 гг. между Джунгарским ханством, Кокандским владением и казахскими жузами разгорелась борьба за господство над Ташкентом и его округой. Осенью 1744 г. кокандский правитель Абд ал-Карим-бий (1733–1747), выходец из могущественного узбекского племени минг, захватил Ташкент и стал принуждать кочевавшие в его окрестностях роды Старшего жуза признать его своим ханом. В начале следующего года племена канглы и шанышкылы покорились власти нового монарха, а остальные родоплеменные группы кочевников-казахов откочевали вниз по реке Талас к Туркестану [Моисеев, 1991. С. 167–171]. Но возглавлявший род жаныс дулатов и племя сейкым Жаубасар-хан остался в Ташкенте, где в то время управлял им совместно с назначенным Абд ал-Карим-бием в качестве хакима казахским бием Толе Алибекулы и ойратским наместником Айбеком. Летом 1745 г. после ухода кокандских войск вглубь Ферганы под стенами Ташкента вновь появились вооруженные разезды ойратов. Толе-бий и прочие городские начальники в срочном порядке покинули город [Моисеев, 1989. С. 71]. По сведениям «Та’рих-и джадида-йи Ташканд», Жаубасар-Бахадур-хан, названный автором хроники *Бахадур-ханом казахом*, во время этих событий бежал из Ташкента в Бухару [Бейсембиев, 2009. С. 237].

Но после гибели Абд ал-Карим-бия он в 1747 г. возвратился в Ташкент и управлял им на положении вассала джунгарского хана еще в течение более двух лет, так как упомянутый в «Мунтахаб ат-таварих» Мухаммад Хаким-хана [Muhammad Hakim khan, 2006. P. 33], «Тухрат ат-таварих-и хани» Мулла Аваз Мухаммад ‘Аттара [Бейсембиев, 2009. С. 621; Иванов, 1939. С. 98–99; Чехович, 1974. С. 29] и некоторых других мусульманских хрониках правитель этого города в 1747–1749 гг. *Бахадур Фарман (Ферман)*, или *Ферман-Бахадур чингизид*, был, судя по всему, одним и тем же лицом с *Бахадур-ханом казахом* вышеуказанного кокандского сочинения «Та’рих-и джадида-йи Ташканд». Подобно своему родственнику хану Жолбары-

су, Жаубасар-Бахадур-хан, по-видимому, враждовал с ташкентскими ходжами, в результате чего он в 1749 г. был убит, а вслед за тем ходжи разграбили имущество его родственников [Бартольд, 1963. С. 277; Чехович, 1974. С. 30; История Узбекистана, 1993. С. 244].

№ 196

1745 г. – Оренбургскому губернатору тайному советнику И.И. Неплюеву

Письмо ташкенское.

В прошлом году за тремя руками и за золотыми печатями получил я чрез своих грамоты, кои я к покорным мне городам оные грамоты послал. И объявил, а именно: в главные города Мадянгар, Назаккарган, кои под опекою Абдулкарям-бека; также во владение Галдан-Чирена, да в Ташкент, Туркистант, Андажан, Мургулан, Наманган, Кашкар, Яркент; и все богатые купеческие люди оные грамоты со удовольствием приняли. На что они объявили: кроме-де российских никого приятелей не имеют, а кроме Персии неприятеля не имеют.

Еще ж после того объявление: Шакалендарбаев сын Шаханбай (Узбьяк-хужи), Ханхужи, Бабахан-бия сын; ево мулла Халдар, Шаньярбай (Ханкилдибай), итого пять человек главных, да при них 15 человек кочеев, которых прошу в своей милости не оставить. Также прошу от них государевы пошлины не брать и со всяким удовольствием отпустить. И по выше писанном е. и. в. указу на торг к вам много поехали, а наши, боясь киргисцов, дают им ис товару четвертую долю. Ежели вы соизволите брать пошлины, то и весьма обидно будет нам. Известия были, якобы между российскими людьми с киргисцами война имеется, и того убоюсь, многие к торгу не поехали. Однако все наши сказали, что праведные е. и. в. указы никогда не переменятся, того ради Шакалендаров сын Шаханбай, взяв своих товарысчев, поехал, ибо он почтенной у них человек; пожалуя, со всяким удовольствием их отпустил и никакого изъяну не было. И тот их караван, окончив свое дело, з добрым конвоем до надежных киргиских юртов проводил, и от башкирцов бы им в пути никакого озлобления не было. Как приехал от е. и. в. к нам караван, им много изъяну зделал Кучак-бий, и за то ево мы за ноги повесили.

У подлинного печать Яубарса-Мухаметя-Багатырь-хана.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 45 об. Перевод XVIII в.

Абулмамбет (конец XVII в. – 1770/71)

Абулмамбет (Абдулмамет, Абулмамет, Абульмагмет, Аймамбет, Оболмамет, Abul Mamet), полные имя и титул – *Абу-л-Мухаммад-Бахадур-хан* (конец XVII в. – 1770/71), султан, с начала 1739 г. – хан Среднего жуза, с конца 1748 г. – старший хан трех жузов.

Сын хана Среднего жуза Болата (не позднее 1712 – 1723), владевшего в конце XVII в. городом Иканом; внук Тауке-хана (ум. в 1715) [ИКРИ-6. С. 301; Левшин, 2009. С. 162–163; Валиханов, 1985. Т. 4. С. 174. Таблица 1].

Во время правления своего дяди хана Самеке (1723–1738) Абулмамбет-султан управлял племенами уак, керей, частично – кыпшак и большинством подразделений рода атыгай племени аргын Среднего жуза [Док. № 179, 182, 184]. После вторжения в 1723 г. джунгарских войск во главе со старшим сыном хунтайджи Цэван-Рабдана (1697–1726) Лоузаном-Шоно (ум. в 1732) в Присырдарьинский регион он откочевал вместе с подвластными ему родовыми группами казахов сначала на территорию соседнего Бухарского ханства, а в 1725 г. из Средней Азии – в северо-западные районы Казахской степи. В 1726–1727 гг. возглавлял небольшой отряд пятисотенной воинской группировки Младшего и Среднего жузов под общим командованием ханов Абулхаира и Самеке в походах этих военачальников против волжских

калмыков и яицких казаков, позднее руководил наступательными операциями одного из подразделений общеказахского ополчения в войне с джунгарами, а осенью 1733 г. – отрядом численностью 1000 человек «собрания тысячи с четыре» казахских воинов во главе с Самеке в организованном ханом Среднего жуза набеге на кочевые роды башкир Сибирской дороги. На рубеже 20–30-х гг. XVIII в. участвовал также в ранге нижестоящего военного командира в походах Самеке и Барака против наместников среднеазиатских правителей Аштарханидов и Мангитов на территории Ташкентского и Туркестанского районов, которые увенчались восстановлением ранее утраченных ими наследственных прав на владение городом Туркестаном и его округой [Бакунин, 1995. С. 58; ИКРИ-2. Док. № 53. С. 364; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1733 г. Д. 1. Л. 296–299; ИКРИ-4. С. 77; ИКРИ-6. С. 164, 166].

В экстремальных условиях военного противостояния казахских жузов с их юго-восточными и северными соседями Абулмамбет проявил себя стойким и мужественным аристократическим лидером и за это был удостоен подвластными старшинами присвоения ему почетного звания *бахадур*. В то же время он не относился к числу самых храбрых и талантливых степных полководцев своей эпохи, способных выстраивать планы военных кампаний и совершать сложные тактические маневры на поле боя. Вероятно, именно поэтому Абулмамбет командовал в 1726–1733 гг. относительно небольшими по численности воинскими силами, находясь в непосредственном подчинении у Самеке и Барака; а в дальнейшем вообще не принимал какого-либо участия в вооруженных набегах своих бывших соратников в кочевья северных и юго-восточных соседей и сам не совершал военные походы в сопредельные страны.

Судя по многим примечательным фактам биографии правопреемника Абулхаира, он был по своему характеру непритязательным, несмелым и осторожным человеком. Воспитанный по степной традиции как умелый наездник-джигит, Абулмамбет, тем не менее, не любил быстрой езды, предпочитая всегда ездить верхом на коне «весьма тихим» ходом. Во все возрасты жизни он избегал жесткого междоусобного противоборства с династийными соперниками-джучидами и проявлял склонность к политическим компромиссам с потенциальными врагами. Но при этом, в отличие от Абулхаира, а потом и Абылая, Абулмамбет никогда не претендовал на реальную верховную власть не только на территории всех трех жузов, но даже в пределах одного Среднего жуза. По емкому определению лично знавшего хана и наслышанного о нем от своих сослуживцев оренбургского чиновника и историка П.И. Рычкова, он был правителем «тихого и покойного нрава», который не имел больших политических амбиций и вел уединенный и малоактивный («спокойный») образ жизни. Так же отзывались об Абулмамбете и некоторые другие его российские современники в более поздние годы [МИКССР-2. Док. № 25. С. 96; Рычков, 1999. С. 85; КРО-1. Док. № 225. С. 582; Андреев, 1998. С. 34].

Вместе с тем, Абулмамбет был наделен ясным и трезвым умом, умением прагматично оценивать интеллектуальные и волевые качества своих младших политических партнеров и приближать к себе тех из них, кто обладал достаточно высоким мобилизационным потенциалом и был способен эффективно обслуживать его личные интересы и широкие общественные нужды и потребности казахов. В частности, проницательный султан еще на рубеже 20–30-х гг. XVIII в. сумел разглядеть в своем юном троюродном племяннике Абылае будущего крупного лидера, поставив подающего надежды молодого аристократа-батыра во главе одного из отделений родовой группы атыгай аргынов, и затем на протяжении около десяти лет целеустремленно способствовал его возвышению в Среднем жузе [Док. № 197–208 сборника].

Летом 1736 г. отправленный начальником Оренбургской экспедиции И.К. Кириловым из Самары в Степь казак-ногаец Кубек Байназаров сообщил Абулмамбету, кочевавшему вблизи Иртыша, о принятии ханами Абулхаиром и Самеке совместно с подвластными им старшинами российского протектората, и «тот салтан тоже подданство свое подтверждал» [КРО-1. Док. № 62. С. 125–126]. После этого визита Абулмамбет завязал оживленную переписку с орен-

бургскими властями, в ходе которой обсуждал вопрос о предстоящем оформлении своего вступления под патронат императорского престола.

Весной 1739 г. Абулмамбет, находясь в Туркестане, был избран ханом старшинами группы сильных и многочисленных родов племени аргын и племенами уак и керей Среднего жуза при поддержке авторитетного и влиятельного старшины одного из отделений аргынов батыра Нияза Баркыулы (ум. в конце 40-х гг. XVIII в.) и «по прибытии в орду от многих родов поднят на епанче» [КРО-1. Док. № 70. С. 148]. Вслед за тем он вместе с Абылаем откочевал на северо-западные рубежи казахских кочевий и 28 августа 1740 г. в Орской крепости принес присягу на верность русской императрице [там же. Док. № 70. С. 151–152; № 71. С. 168–169].

В 1740 – середине 1741 г. казахи Среднего жуза вновь подверглись целой серии военных нападений джунгарских войск во главе с нойонами Шара-Манджи (ум. в 1752), Септенем (ум. в 1746) и старшим сыном хунтайджи Галдан-Цэрена Ламой-Доржи (ум. в 1753). Под ударами джунгарских войск хан Абулмамбет отступил на территорию Младшего жуза и скрывался в долинах рек Илек и Яик, но после нападения на него здесь джунгарского отряда был вынужден откочевать еще дальше на запад вниз по Яику [Моисеев, 1991. С. 115–119]. В апреле 1742 г. Галдан-Цэрэн в ответ на предложение правителей Среднего жуза о заключении мира прислал Абулмамбету и Бараку грамоту, в которой предписывал, чтобы они приехали жить к Туркестану, прислали в ургу заложников и алман (дань) «с каждой кибитки по одной шкурке степной лисицы» [Моисеев, 1991. С. 124]. В сложившейся обстановке Абулмамбет решил частично выполнить требование Галдан-Цэрена и, прикочевав в конце 1742 г. в Туркестанский район, отправил своего сына Абулфеиза (ум. в 1783) в Джунгарию в качестве аманата [там же. С. 127].

С осени 1743 г. до конца жизни он постоянно с небольшими перерывами в 1750-е гг. проживал в Туркестане, где в течение около двух лет соперничал за право единоличного владения этим городом и его округой со своим двоюродным братом сыном Самеке Сеит-ханом (ум. позднее 1785). При поддержке Галдан-Цэрена это соперничество завершилось в конце 1745 г. в пользу Абулмамбета, который с того времени стал полновластным владельцем Туркестана и соседних небольших городов: Саурана, Отрара, Сыгнака, Угуста, Сузака и других [ИКРИ-4. С. 77].

В середине 50-х гг. XVIII в. новым соперником Абулмамбета за власть в Туркестанском районе стал младший брат Сеита правитель некоторых родов племени конрат Среднего жуза Есим-хан (1756–1798), который изгнал его в 1758 г. из Туркестана. Однако весной 1762 г. после обращения хана-изгнанника к своим приближенным за поддержкой при посредничестве султана Абылая и знатного бия Казыбека Кельдибекулы между обоими соперниками состоялось примирение «на таком основании, чтоб в городе Туркестане с уездными ведомства оною городками быть им обоим ханами». Согласно взаимному договору обеих сторон, территория Туркестана и окрестные селения были разделены на две части. Одна половина города «с одними воротами и принадлежащими к той половине уездными городками» досталась Абулмамбету, а другая половина со вторыми воротами и таким же количеством городков – Есиму [КРО-1. Док. № 255. С. 648–649].

После смерти Абулхаира Абулмамбет, как степной монарх, возведенный раньше других соправителей на ханский престол, приобрел формальный статус старшего хана трех жузов. В 50–60-х гг. XVIII в. под его управлением состояли большая группа родов племени аргын, некоторые роды найманов, уаков, кереев и кыпшаков и около 5000 семей казахов разных родов племени конрат Среднего жуза [там же. Док. № 219. С. 553, № 255. С. 607–609, 648; Андреев, С. 34, 39–40]. В это время он почти безвыездно проживал в Туркестане, где и умер в конце 1770 или начале 1771 г. Похоронен вероятно в Туркестане в мавзолее Ходжа-Ахмета Ясави [ИКРИ-4. С. 85, 198, 258].

Об общем количестве браков и детей Абулмамбета в исторических источниках информации не обнаружено. По имеющимся сведениям, он имел сыновей Болата (ум. после 1798),

Абулфеиза (ум. в 1783), Тауке (ум. после 1798) и Абултека (ум. после 1785). Его старший сын Болат был в 1771–1798 гг. ханом части родов племен аргын и конрат Среднего жуза, второй сын – султан Абулфеиз управлял большой родовой группой найманов, а третий – хан Тауке (ок. 1784 – после 1798) стал правителем отдельных родов племени сыргели и сары-уйсун Старшего жуза [Андреев, 1998. С. 34, 39, 41, 104, 114; ИКРИ-6. С. 166, 177].

№ 197

1736 г., августа 25. – Начальнику Оренбургской экспедиции статскому советнику И.К. Кирилову

1736 г., ноября 20-го дня, перевод с татарского письма, каково прислано от Абулмухамета, хана мелкогиреевских орд [1] к статскому советнику Кирилову.

По указу е. и. в. всемилостивейшей государыне мы, низайшия, в верное подданство пришли. Потом наше слово первое. Отец²⁰⁰ наш Тавкель-Мухаммет-Багатур-хан со своею ордою служили белым государям многие годы и месяцы. По милости белых государей Абулмухамет-Багатур-хан учинил главным Абулая-салтана над десетью тысячами пятьюстами человек, и мы, мизерные мелкогиреевские, в верном подданстве живем и ожидаем е. и. в. указу. Ежели против неприятеля прикажет ехать, то готовы стрелять и рубить, а ежели не прикажет, то без воли е. и. в. никуда не пойдём.

Доношу генералу: откуда мы переехали, о том бы вам было известно, а для торгу прислать к нам известие с нашим посланным в сем месяце и возвратить ево до снегу, дабы нам, мизерным, з голоду и с холоду не остатца в зиму. А нынешней год торгу мы не видали, а ежели торг будет, то от нас будут с овцами и с лошадьми. Брату генералу белого государя хлеб и соль и турку носишь против неприятелей, нас, мизерных мелкогиреевских, башкирцы трижды разорили, и для того Абулмухамет-хан приказал Абулаю-салтану ехать; и оной салтан ездил, и восемьдесят человек убил до смерти, и лошадей у них побрал, и возвратился в добром здравии. У нас, мизерных, лутчия люди – Акгикит, Бихасянбей, Маметьбей, Ураззим, Битбей, Турсунбей-багатур, Карабаш-багатырь, Уатым-багатырь, которого ко услугам вашим послали ж. И на словах донесет оной Атым вашей милости обстоятельно. Генералу послал одново вороново коня.

С подлинного переводил переводчик князь Иван Максютов.

Месяца жумадыло (т. е. августа) 25-го дня в субботу.

Стацкой советник Иван Кирилов.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 20 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 198

1737 г., июня 6²⁰¹. – Начальнику Оренбургской комиссии тайному советнику В.Н. Татищеву

Из дальних мест ближним сердцем всероссийскому обладателю белого царя головы свои подклонили и его величества приятелям – приятели. И приезжающих сюда купцов во всяком благополучии мы возвратили, и наши купцы поедут, и по указу белого царя и государя башкирцов мы разоряли, и повеление исполнили, и ныне да будет повеление его величества. Ежели посланцам нашим повеление будет ездить, и то состоит в воле их величества ж.

И сию грамоту писал я, Абулмамет-хан, Аблай-Багатур-султан; и сие письмо писано оренбургскому командиру.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 573. об. Перевод XVIII в. Копия.

²⁰⁰ Слева на полях напротив данного слова имеется помета – дед.

²⁰¹ Дата получения.

№ 199

1737 г., июля 26²⁰². – Полковнику А.И. Тевкелеву

Перевод с татарского письма, присланного от Абулмухамметь-салтана, в котором написано 1737 г., июля в 26-й день.

От меня, Абулмаметь-салтана, милостивому Алексею Ивановичу niskий поклон отдаю. В том милости прошу: прежде сего мы в дальном расстоянии были, а ныне прикочевали близко, теперь милости прошу; г-н генерал и полковник, как прикажете, так и поступать будем, и niskий поклон отдаю. От Абулгаир-хана послан Байбек, и о всем скажет он, а от меня послан Исябай.

Переводил яйцкой казак Сеин-мулла и подписался по-татарски.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 749 об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 200

1737 г., сентября 11²⁰³. – Полковнику А.И. Тевкелеву

В присланных письмах к г-ну полковнику Тевкелеву киргис-кайсацкой Средней орды от Абулмаметь-салтана и Аблая-салтана, полученных сентября 11-го дня 1737 г. По переводу написано.

В 1-м

От Абулмухамметь-хана, от Аблая-салтана и всех авак-гирейских старшин и биев г-ну мурзе Тевкелеву с мольбою поклон. Вашему благородию объявляем, что посланные от вас наскоро Байбек да Мустай-Мулас к нам прибыли, и о вашем благополучии известия мы получили. Против которых, ежели вам приятно, в знак нашей верности послали и мы своих людей к вам, а именно: Айзмамбеть-батыря – домового Абулмаметь-салтанов человек, да Ураза, брат Саламат-биев, да Акрайзия, Ахзигит-биев брат, да Ураз-батыря доброго служителя сын; и для того остерегая их, ныне не откочуем. Обретаемся вблизи и, ожидая е. и. в. указу и что повелено будет, то, уповая на бога, исполнять будем. Да слышно нам, что поехали киргисцы, не слушая других, 200 человек, как бы не учинили государеву жилищу изъяну и от чего б не притить нам в стыд. Сие отправлено по прибытии к нам киргисцов Мамбета и Худайшукура.

Внизу печать чернильная, а в котором изображена: *Абулмухамметь-Бахадырь-салтан*.

Подлинное переводил Раман Уразлин.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 929 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 201

1737 г., сентября 30²⁰⁴. – Императрице Анне Иоанновне

Перевод с татарского письма, которое получено 30 сентября 1737 г., а в нем по переводу написано.

Ея императорскому величеству от Абулмаметя-хана и Аблай-салтана и от всех больших и малых мурз челобитие, а потом объявляем.

Ея императорское величество хотя какую службу прикажете нам служить, о том вас просим, чтоб нас уведомить. А с вашим повелением посланной ваш Айтмаммет приехал, и чтоб

²⁰² Дата получения.

²⁰³ Дата получения.

²⁰⁴ Дата получения.

нам служить государеву службу и воров-башкирцов разорять, и наши люди в двух партиях посылаемы были и воров-башкирцов разоряли, а имянно:

Тамьянской волости Сеитабая. И хотели мы и сами итти и разорить Усергенскую волость, но слышно нам стало, что низовья калмыки будто на нас вооружились, то не поехали. А как ныне от вас получили указ, то мы вооружились и воров ея величества противников отрубить идем; а не знаем, вам о том известно ль, и по Большой реке и по речке Иику вырубил. И о той службе е. и. в. и вам, мурзе, ведомо ль, про то не знаем. А посланных наших в Оренбург людей держут, не ведаем – тамошняи командиры, не ведаем – Абулхаир-хан. И с небольшими людьми Аблай поехал к Абулхаир-хану для согласия, что рубить башкирцов, а паче чаяния поехал он и чтоб государевы люди не наехали и не зделали бы худа. И вы пожалуйста в том и не погневайтесь, для того и поныне неведомо, и вы поведайте, кто воры и кто верные.

С сим посланные Иренчи, Чиркай Кубаков с товарищи.

И на оном письме печать чернильная, в которой изображено белыми литеры имя Абулмаметь-салтана.

На оном письме написано на обороте: Мурзе милостивому ведомо буди, когда на Чорном бору русаки многи на наших напали сто число, попали к русским двоя по именам Меметьбай, Шагир; а живы ль или нет, о том уведомить нас.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 1010. Перевод XVIII в. Копия.

№ 202

1737 г., декабря 12²⁰⁵. – Императрице Анне Иоанновне

В полученных письмах 12 декабря по переводу написано.

Лист к е. и. в. всероссийской киргиз-кайсацкой Средней орды от Абулмамет и Аблая салтанов.

В великих улусах имеющая славнейший царской двор, при приеме странных людей многих знатных персон учреждающая и против неприятеля бесчисленное войско повелительно употребляющая, от востока до запада большим и малым народам и многим городам повелительница, яко Джемшит [1] храбростенная, яко Феридун [2] в бозе надеющаяся, яко Беграм [3] высокославнейшая, яко Нушерован Адель [4] милостиво пресчадрая, яко Кейгавиз [5] всегда в великой радости пребывающая, яко Рюстям [6] всепресветлейшая, яко великия горы неподвижнейшая, яко глубину акияна власть пространно имущая, яко платом премудро разумеющая, императорскому величеству, отцу нашему, мы, Абулмаметь-салтан и Аблай-салтан, нижайше кланяемся. Також-де превосходительному генералу и брату нашему мурзе челобитье.

Чрез сие объявляем: вы, мурза, брат наш, письменно у нас требовал, чтоб Байтайлака и взятых им пленников к вам отослать, а оным к нам вашим письмом вы объявили, что он, Байтайлак, пленников взял дватцать шесть человек. Но он, Байтайлак, привез сюда только шеснатцать, ис которых четырнатцать и ево самого, Байтайлака, при сем посылаем; а о дву пленниках он, Байтайлак, сам скажет. При сем прошу я, Абулмаметь-салтан, оного Байтайлака, яко многогрешника, о отпущении вины, которое состоит в воли государыни. Я, Абулмаметь-салтан, объявляю моего владения роду гирейского, роду уак, роду атагай, роду кипчак: ежели из них кто в воровстве или в плутовстве явится, таковых, поймав, отдам; а ежели уведомясь и о других родах, что будут к воровству намерены, то немедленно пошлю от себя с известием, куда надлежит. При сем отправлены Байтайлак, Карнак, Айтимбет гирейского роду, от Акигит-бия отправлен брат его Иренджа, от

²⁰⁵ Дата получения.

Кара-бия – Достчия и Байимгень, Араслан; и ежели Байтайлака и оных возвратите, то весь наш народ возрадуется.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 5. Перевод XVIII в. Копия.

№ 203.

1737 г., декабрь 12.²⁰⁶ – Императрице Анне Иоанновне

Во втором листе к е. и. в. от оных же Абулмаметя и Аблая салтанов.

В великих улусах имеючая славнейший царской двор, при приеме странных людей многих знатных персон учреждаючая, против неприятеля бесчисленное войско повелительно употребляючая, от востока до запада большим и малым народам и многим городам повелительница, яко Джемшитъ храбрственная, яко Фиридун в бозе надеючаяся, яко Беграм высокославнейшая, яко Нушерован Адель милостиво пресчедрая, яко Кейгавиз всегда в великой радости пребываючая, яко Рюстям всепресветлейшая, яко великие горы неподвижнейшая, яко глубину акияна власть пространно имусчая, яко Платон [1] премудро разумеючая и императорскому величеству, отцу нашему, мы, Абулмаметь-салтан и Аблай-салтан, низжайше кланяемся. Також-де превосходительному г-ну генералу и мурзе чрез сие объявляем: для нашего покоя привезенных Байтайлаком пленников при сем посылаем и е. и. в. свои головы мы приклоняем; и кто е. и. в. будут противники, тем и мы будем противники, а кто е. и. в. будут доброжелательные, тем и мы будем доброжелательными. Четырех родов: роду гирей, роду уак, роду атагай, роду кипчак к воровству не допускать будем, а других родов, кто к воровству вознамерился, о том немедленно известие пошлем; а в протчем словесно вам донесет Кутлумбетъ-бий с товарычи, Айдымбетъ, Куланбай, Малкар, Карнак.

На подлинном письме печати чернильные, в которых татарскими белыми литерами изображено имя Абулмаметь-салтана.

Оной Кутлумбетъ спрашиван и показал против оногo письма.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 5 об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 204

1737 г.²⁰⁷ – Коменданту Орской крепости полковнику Б.Л. Останкову

Я, Абулмахамет-салтан, всемилостивой государыне челом бью, г-ну подполковнику Борису Лукичу челобитье.

Какое с нами слово положено, в том и ныне стою; и какие присланы будут от е. и. в. ко мне указы, и те прислать з Бербердеем. А е. и. в. состою в верности и по ея указам служить готов, и чтоб и к нам посланцы от вас были и посыланы были без опасности.

К подлинному переводу ахун Мансур Абдрахманов подписался по-татарски.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 749 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 205

1738 г., марта 3²⁰⁸. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву

1738 г., марта 3-го числа в канцелярии Комиссии, порученной тайному советнику г-ну Татисчеву, приехавшие от Абулмаметя-Багатыря-хана и Аблая-салтана из киргисцов послан-

²⁰⁶ Дата получения.

²⁰⁷ Дата получения.

²⁰⁸ Дата получения.

цы Абулмамметевы – Тулан да Иниян, Аблаевы – Иранджа, Авджа, которые объявили от них лист, а по переводу в нем написано.

Его превосходительству генералу и благородному мурзе от Абулмаметья-Багатыря-хана и от Аблая-салтана и от лучших людей челобитье и желаем вам доброго здоровья, а мы здесь в добром здоровье и как впредь, так и ныне обретаемся в подданстве и в службе е. и. в. А которые ваши посланные к нам письма с Котлумбетем не дошли, и за дальностью за великими снегами люди переходу с нами не имели, и какие от вас указы были, о том мы неизвестны; того ради сих послали во известие, чтоб между нами люди непрестанно переход имели.

Еще ж во известие благородному мурзе пишем, что брат мой Аблай-салтан для возвращения Иркнрата ездил и в том ево походе ис караульных поймали Ханжембетья, Акжигитова брата, чтоб их возвратили.

На подлинном листе приложена чернильная печать, в которой изображено татарскими литерами имя Абулмаммет-салтана.

С подлинным переводом читал канцелярист Федор Тихомиров.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 335. Перевод XVIII в. Копия.

№ 206

1738 г., апреля 9²⁰⁹. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву

С переводов татарских писем, полученных 9 апреля от Абулмамета и Аблая салтанов, в которых по переводе написано.

В 1-м

Ея императорского величества великополномочному г-ну тайному советнику и благородному мурзе мы, Абулмаммет и Аблай салтаны, и другие беи и батыри желаем доброго здравия и чрез сие объявляем: гулебщиков по степи наших людей, которые ездили не злым намерением, поймав, содержат в Яицком городке, о чем вы и сами известны. О которых-де от вас был послан и указ, чтоб их отпустить, но токмо и поныне не возвратились. А мы жили во всякой верности и чистым намерением, яко ваши меньшие братья, и какую б на нас службу не положили, охотою служить желали. А ныне во всей орде мыслят, что которые-де наши люди ездят не худым намерением, и их-де ловят и держат напрасно; и ежели хотите жить в совете, то просим оных людей пожаловать приказать отпустить. А если хотите вражду – и оное состоит в воле вашей. А посланцы наши Исергап-батырь, Пайдевлеть-батырь, Бекберды-батырь и при них три человека косчеев.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 533. Перевод XVIII в. Копия

№ 207

1738 г., апреля 9²¹⁰. – Атаману Яицкого казачьего войска А.Я. Карпову

Во 2-м

От них же [Абулмаметья и Аблай] салтанов яицкому казацкому атаману и всем добрым большим и малым людям челобитье, после челобитья слово наше то.

Мы думали, что вы с нами будете жить в совете, чего ради ближе и кочевали, а ныне у нас у всех сердца очень болят для того, которые наши бедные люди для звериной ловли отлучились на степь, тех поймав, держите у себя. И ежели хотите жить с нами в совете, то оных людей отпустите обратно, а если желаете совет нарушить и держать вражду, то просим нас уведомить.

²⁰⁹ Дата получения.

²¹⁰ Дата получения.

Если же желаете совета, то оных отпустите к нам. Посланы от нас [с сим] Исергап-батырь, Байдавлет-батырь, Бекбердей, Урус-батырь, Ирсибай-батырь да при них косчей Шикимби.

Подлинные письма переводил Осман-мурза, князь Богданов.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 533 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 208

1738 г., мая 1²¹¹. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву

Копии с переводов татарских писем, полученных 1 мая 1838 г.

От Абулмаметя и Аблая салтанов

Генералу и мурзе поклон отдаем и объявляем, что мы в добром здоровье и про вас слышим, что и вы также, чему очень радуемся.

Ея императорского величества я меньшей брат, и кто ея величеству доброжелателен, к тому и мы приятны, а кто явится противным, к тем и мы противны. Ежели вас государыня изволит жаловать, то упросите которой взят в полон с Ирконградом Гаип-батырь, ближней мой служитель, чтоб ево отдать и о отпущении многих его вин вы двое пожалуйста упросите, а протчие мои слова донесет вам Кара-батырь.

На оном письме печать Абулмаметя-салтана чернильная.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1167. Л. 565 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 209

1738 г., июня 6²¹². – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву

1738 г., июня 6-го дня, перевод с татарского письма, которое получено киргиз-кайсацкой Средней орды чрез кайсаков Иранчи да Имаканя. По переводу написано.

По указу е. и. в. обретающемся г-ну генералу и мурзе покорнейший поклон.

От Абулмахометя и Аблая салтанов и от протчих князей доносим вашему пр-ву: обретаемся мы по прежнему своему слову в верности, и ежели е. и. в. примет за благо, а о протчем, когда с вашим пр-вом увидимся, и будем доносить словесно и служить повинны всячески. Ныне послали мы к вам с казаком с Ыгнатьем своих людей Иранчю да Имаканя, да доносим вашему пр-ву прошлого года от кочюющих к нам башкирцов десеть дворов возвратили в подданство е. и. в. по прежнему, ежели вам угодно; а от калмыков имеем великие изнурения, по приезде казака Игнатя отогнали от нас по два пойма с шестисот лошадей.

На подлинном татарском письме печать чернильная Абулмухаметя-салтана.

Подлинное переводил переводчик Араслан Бикметев и татарским письмом руку приложил.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 361 и об. Перевод XVIII в. Копия. Копия подлинника на тюрки – там же. Л. 374.

№ 210

1739 г., июня 15²¹³. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву

1739 г., иуниа 15-го дня, переводы с татарских писем, кои в канцелярии Оренбургской комиссии, порученной тайному советнику г-ну Татисчеву, объявленные чрез присланных Средней орды от Абулмаметя-хана посланцов Айтем-бия с товарисчи, в которых значит.

²¹¹ Дата получения.

²¹² Дата получения.

²¹³ Дата получения.

В 1-м

Господам генералу Василью Никитичу и мурзе Абулмаметь-хан и все меньшигиреевские бии поклон отдаем. Пожалуйте не погневайтесь, что в прошлом году ваши очи видеть не могли для того, что были в печали; а ныне как ваша воля, о том, что повелите – видеться ль нам, о том ваша милость изволите знать дать. А что от вас приказу будет, то буду дожидатца, и как наперед обещал я, и ныне на том слове и стоим. А посланных от меня ко услугам вашим моих Айтамбетя, Кутлюмбетя, Исергапа и Мукана, Чулдубея, Синборбия, Кучкина, Булбая, Утабея с кашеями прошу, не удержав, отпустить.

В 2-м

К тайному советнику г-ну Татисчеву и мурзе. Доношу вашей милости – вам, генералу Василью Никитичу и мурзе, поклон отдаю. Приезжал к нам Иван Минин и увел от меня одну кибитку с киргисцами, да одиннатцать лошадей, в том числе одну лошадь саврасую Игнатьеву, да еще шесть лошадей, да увезли луданную шубу и другие многие животы. Пожалуйте прикажите доправить и прислать.

При подлинных письмах чернильные печати ево, Абулмаметь-хана.

Оное письма переводил переводчик князь Иван Максютов.

Резолюция: Об отыскании из Оренбургской канцелярии к Иагору Куроедову в Сорочинскую крепость указ послать.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 395 и об. Перевод XVIII в. Копия. Подлинник на тюрки – там же. Л. 394 об., 396.

№ 211

1740 г., августа 28²¹⁴. – Императрице Анне Иоанновне

Всепресветлейшая всемилостивейшая государыня императрица и самодержица всероссийская.

Ея императорского величества к подданным своим рабам высокоmaterнее милосердие и щедроты падано как от единого солнца светлосияющие лучи, хотя пред недавнем еще временем осияли ближних токмо соседей наших улусы, но в то же самое время дальнейшие наши края таким образом просветили, что и я по примеру соседа моего положил всеусердное мое желание к центру толь щедрых лучей простирать мое намерение. За которыми год от году счастливо следуя, теперь прихожу и достаиваюсь видеть позласченную е. и. в. персону, на которую смотря, изобретаю себе матерь заступницу государыню и сей высокомонаршеский е. и. в. образ тогда в памяти моей утверждая, умом моим припадая ко всевысочайшему е. и. в. престолу, поздравляя с многими благополучными е. и. в. победами, которых слава не токмо наши киргис-кайсацкие улусы ныне преисполнила, но и во всем востоке проповедует. При сем радостном моем поздравлении всеусерднейше желаю е. и. в. во веки таковыми победами над враги ее преимуществовать. Всемогучий бог, да поможет славному и высочайшему е. и. в. правосудию!

Я же со всей моей фамилией и с моими ордами во высочайшую е. и. в. власть, милость и засчищение, яко под твердой и непобедимой покров, подвергаю себя с рабским повиновением, прося да принят буду по долговременному моему желанию в число совершенных и истинных е. и. в. подданных; за которую всевысочайшую милость пребываю и пребуду в вековечной верности и покорности со всея фамилией и ордами.

²¹⁴ Дата получения.

Ваше сиятельство, яко моего приятеля, благополучным сюда прибытием поздравляю и благодарствую за прежде оказанные от вас ко мне и с подвластных мои благодеяния и склонности, желая, чтоб всегда тем не оставлены были, которое от меня и от моих с крайнею возможностью и благодарствием изъявляемо ж будет.

При подлинных оногo Абулмамет-хана на татарском диалекте разговорах чернильная печать.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1740 г. Д. 3. Л. 78 и об. Перевод XVIII в. Копия. Опувл.: МИПСК. Док. № 13. С. 35.

№ 212

1742 г., января 27²¹⁵. – Императрице Елизавете Петровне

Вашего императорского величества приклонилися в протекцию в. и. в. и службу свою в. и. в. мы, Киргис-кайсацкой орды владетель Абулмахаммет, продолжать всегда в верности готовы, и против неприятелей в. и. в. стоять буду, дабы оных неприятелей в Русь не пропускать. А ежели где явятся какия неприятели, нам о том всеподданнейше прошу повелеть давать знать. Ежели ж где являтца будут неприятели ваши, о том мы такожде без известия оставлять не будем. Нас же прежде всего разоряли калмыки, а ежели впредь будут разорять, то всеподданнейше прошу давать нам силы. А с нижними калмыками по указу в. и. в. ныне мы помирилися и так установились, как при прежних ханах Аюке и отце моем Тевкее бывало. Всеподданнейше же прошу построить для нас город и за великими разорениями нас всемилоливейше снабдить хлебом.

При сем послал своих посланцев: Айтима-Баймурат-батыря, Карабаша-батыря, Булат-батыря, Карамана-батыря к в. и. в. для поздравления с возшествием на всероссийский престол, о которых всеподданнейше прошу повелеть отправить их обратно вскорости. А по прибытии оных посланцев отправлены быть имеют от меня вторично нарочные и настоящие посланцы, с которыми по совету нашего народа, где угодно будет строить город, заподлинно объявим.

При сем всеподданнейше доношу, что Уфимского уезду Казанской дороги Гирейской волости деревни Янегитовой башкирца Абулгазы-муллу Байгузина при прииске по указу медных руд поймали воры-башкирцы, от которых он, ушед, явился ко мне и об оном в. и. в. все-нижайше прошу, чтоб ему повелено было для исправления в. и. в. дел и для обучения детей моих быть при мне.

В конце приложена чернильная печать, а что во оной изображено, того разобрать невозможно. Переводчик Роман Уразин.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 5. Л. 5 и об. Перевод XVIII в. Копия. Опувл.: КРО-1. Док. № 79. С. 186.

№ 213

1742 г., ноября 1²¹⁶. – Начальнику Оренбургской комиссии тайному советнику И.И. Неплюеву

1742 г., ноября 12-го числа. Перевод с татарского письма, присланного от Абулмамет-хана чрез переводчика Уразина и киргисца Сарымбетя, в котором по переводу значит.

Высокопревосходительному г-ну тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву от меня, Абулмамет-хана, нижайший поклон. Покорно прошу не сомневаться, что я

²¹⁵ Дата получения.

²¹⁶ Дата перевода.

для свидания к вашему пр-ву не приехал того ради, что прилучились калмыцкие посланцы. Токмо русских и каракалпацких посланцев проводить обещался Абулхаир-хан, а калмыцких я проводил и требовал брата своего Аблая-салтана и затем отправил сына своего родного, в чем прошу не погневаться ж. А мы в службе к е. и. в. находимся всегда в верности и в том приняли присягу, для того и ваших посланцев отправили обратно, понеже за отлучением нашим к кочевьям от вас стали далеко, но точию поехали к зимовью на урочище Каракум и, ежели соизволит всемогущий бог, в предбудущую весну обо всем будем с вами говорить.

При сем же отправил переводчика Уразина с Сарымбет-батыром аргынского роду.

На подлинном татарском письме ево, Абулмамет-хана, чернильная печать.

Переводил толмач Усман Арасланов.

Секретарь Петр Рычков.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 4. Л. 213 и об. Перевод XVIII в. Копия. Опубл.: Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России. С. 174–175.

№ 214

1743 г., января 18²¹⁷. – Наместнику Калмыцкого ханства Дондук-Даши и ханше Дарма-Бале

Перевод с татарского письма от киргис-кайсацкого Средней орды Абулмаметь-хана к наместнику калмыцкого народа Дондук-Даше и к ханше Дарме-Бале, полученного сего генваря 18-го дня 1743 г.

Я, Абулмаметь-хан, киргис-кайсацкой владелец, Дондук-Даше-хану поздравляю и при сем объявляю: уведомился я, что государь вам поручил отцовское ханское место, чему зело радуюся и желаю от бога вам долгодейственного и благополучного пребывания. По высочайшему е. и. в. указу Елисаветь Петровны, самодержицы всероссийской, наш киргис-кайсацкой народ в Оренбургской экспедиции имеют беспрепятственное и вольное купечество. При сем же ханше Дарме-Бале тайджи Абуйгая премного поздравляю и по поздравлении объявляю, что ваше сиятельство много прежде бывших ханов и владельцев видел, и в нынешнее время надлежит вам для дружбы обоих сторон младших владельцев и хана наставлять на доброе обхождение, как было во время Аюки-хана. А ныне промежду нами состоит благополучие, о чем мы сердечно радуемся и богу молимся, чего и вам надлежит о том богу молитца. А ежели вы от нашей стороны изволите спрашивать, мы со всею ордою состоим по сю сторону Яика по милости божией благополучно, а вам по ту сторону Яика желаем пребывать со всем народом в благополучии ж. Между обеих орд надлежит нам воровских людей накрепко запрещением удержать, а от нашей стороны никакого воровства и воинства чинимо не будет, чего ради надлежит и вам по тому ж поступать и войну вовсе оставить. А ежели нам войну промежду собою иметь, разсуждаю, оное войною не гору взвезть. А во время отца нашего Девака-хана [1] и Аюки-хана между ими беспрепятственные посланцы были посылаемы, и промежду собою в благополучном союзе находились, а ныне Кайсацкая и Калмыцкая орда имеетца в подданстве е. и. в. Того ради надлежит нам и всей нашей орде иметь братское обхождение, и даруй нам господь бог промежду собою вечно дружественное обхождение иметь. При сем моем письме отправлены посланцы Колчукбей, Ахча-батырь, Жайдар; и когда оные до вас придут, прошу, неумедля, с ответом возвратить.

При сем же знатым при вас владельцам и старшинам премного кланеются.

²¹⁷ Дата получения.

На подлинном письме на обороте ево, Абулмаметь-хана, чернильная печать.

Переводил переводчик Абдрахман Карабаев.

Оное подлинное письмо и с переводом калмыцким²¹⁸ посланы к наместнику 23 генваря.

НА РК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 163. Л. 125 и об. Перевод XVIII в. Опул.: Сусеева Д.А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (171–1771 гг.). Избранное. Элиста, 2009. С. 633–634.

№ 215

1743 г., августа 30²¹⁹. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулмаметь-хана, полученного чрез сакмарского казака Мансура да Ивана Лапина августа 30-го числа 1743 г. в городе Оренбурге. По переводу в нем значит.

Высокопочтенной Киргис-кайсацкой орды владелец Абулмаметь-хан оренбургскому главному командиру г-ну генералу Ивану Ивановичу Неплюеву кланяюсь и доношу, что мы к е. и. в. как в подданство пришли и присягу учинили, и в том нашей присягой ныне состоим и в прежних словах своих стоим, слово и присягу не нарушиваем. А от нас воров, отъезжающих для воровства, неизвестно; ежели воров, отъезжающих для воровства, уведем, то оных унимать и прикрощать будем; а ежели ж вы изволите знать от Средней орды воров, кои ограбят российских людей и возьмут скота и ясырей, то извольте меня о том уведомить, а я, служа е. и. в., отыскивать буду. Ныне я уведомился, что брат мой Аблай-салтан в дом свой приехал и желаю с ним видеться. К тому ж зделалось великой пожар, и вся степь погорела безостаточно; при оном пожаре сорок шесть человек в огне погорели, и народ наш весь врознь в дальние места от того откочевал. Того для между собою съехаться и ни о чем советовать не могли, того ради нынешнее лето с вами свидание иметь было невозможно, а в предбудущую весну, аще бог благоволит, увидимся.

При сем послал своих добрых людей – Девлетбай-аталыка, Коданберди-бия и Айтима, инака Темряй-батыря. Прошу оных неударжно пожаловать возвратить.

На подлинном татарском письме ево, Абулмаметь-хана, чернильная печать.

От него ж, Абулмаметь-хана, в цидулке написано.

Мне, Абулмаметь-хану, что потребно, сим письмом представляю: для сердечной болезни пожаловать прислать лекарств, перцу и инбирю от грудной болезни и от лихоратки, да купоросу, еще дещь бумаги; также от е. и. в. высочайшей милости и награждения ожидаю.

На подлинной цидулке ево ж, Абулмаметь-хана, чернильная печать.

Подлинные письма переводил переводчик Николай Максюттов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 3. Л. 107 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 216

1744 г., июня 18²²⁰. – Оренбургскому губернатору тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с присланных от Абулмаметь-хана писем, получены июня 18-го числа.

1

Его превосходительству г-ну генералу от меня, Абулмаметь-хана, нижайший поклон, а после поклона слово то.

²¹⁸ Имеется в виду ойратский литературный язык (тодо бичиг).

²¹⁹ Дата получения.

²²⁰ Дата получения.

Посланное от вашего пр-ва письмо чрез Мансура я исправно получил, и что во оном письме написано, тоже за благо принял. А Мансура взяв с собою, в Туркустане вместе зимовали и ныне с Кулебаем ево, Мансура, послал обратно до вас. В здешней стороне все состоят в миру с Российской империей, для того от Большой орды и от Галдан-Чирина торговать посланы, для чего Кулебай-бая при сем послал. Мы хотя и в дальности находимся, однако, ежели бог велит, в будущее лето с вами повидаемся и от всемилостивейшей государыни что приказано будет, то будем исполнять; а между тем хотя чрез посланцов оной е. и. в. приказ нам объявлять, почему мы с ревностию и исполнять должны. Ежели купцы российские желают сюда ехать торговать, то б с сими посланцами и ехали. При сем послал Кулебая, Алмысарая, Кулчук-богадюря, и что они станут говорить, изволите их речи принять. Как мы прежде в верности е. и. в. присягали, в том и ныне состоим, уже переменять не будем. Курман-багадурь и Шаудук-багатюрь и поехали.

2

Его превосходительству г-ну генералу от меня, Абулмаммет-хана поклон, а после поклону слово то.

В российских жилищах в деревне Сабы имеется моего владения один человек, мы всемилостивейшей государыни покорнейше просим помянутого человека нашего приказать отправить с Кулчуком, а того человека имя Танатар. А пленных российских, здесь обретающихся, отсель мы всех отпустим.

У подлинных приложены ево, Абулмамметевы, чернильные печати.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 70 и об., 101. Перевод XVIII в.

№217

1744 г., августа 7²²¹. – Астраханскому губернатору тайному советнику В.Н. Татищеву

От кайсацкого Абулмаммет-хана к нему ж, тайному советнику и губернатору.

При сем объявляю: я кайсацкой Средней орды народ предудержать от воровства должен, однако, вы напредь сего наш был любезной командир, и хотя между собою состоим ныне в дальном друг от друга разстоянии, но союз между нами всегда состоит блиско. О всех же делах, надлежащих до нашей стороны и о премирении, приказано Джаныбек-батырю, и для того от меня посланы [в] посланцах Джантемир-тархан и Келчан-батырь, и когда оные к вам приедут, прошу, не удержав, обратно отпустить. А я ныне поехал к туркистанской мечете для моления Богу и поминовения Хаджи-Ахмет-Весевия святого, и если Бог даст благополучие, то неумедля (вскоре) возвратюсь в свою орду; и для того сие письмо оставил я вышепоказанным посланцам Джантемиру и Келчан-батырю и приказал отвесть к вашему превосходительству.

НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 180. Л. 423. Перевод XVIII в. Подлинник на чагатайском тюрки – там же. Л. 431 и об., 434 и об.

№ 218

1745 г., июня 26²²². – Коменданту Орской крепости полковнику В.Г. Пальчикову

1745 г., июля 26-го числа перевод с татарского письма Абулмаммет-хана.

От меня, Абулмаммет-хана, командующему в Орской крепости полковнику, и слово то: мы из города Туркестанта в свои улусы выехали и всегда к нам о здоровьях ваших письма при-

²²¹ Дата получения письма в Астрахани.

²²² Дата перевода.

сыланы были, а егда государевы милостивые слова будут, то нам изволите объявить. Прошу ко мне прислать лекарства, которые бывают от нутряной пользы и от лихорадки, да прислать же ко мне десть пицей бумаги, которая в службу ея величества потребна бывает.

При сем письме отправлен от меня Хожаберда-батырь и Киикбай-батырь. Прошу оных обратно поскорее отпустить.

У подлинного письма ево, Абулмамет-хана, приложена чернильная печать.

ГАОР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 189 и об. Перевод XVIII в.

№ 219

1745 г., июня 30²²³. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулмамет-хана, полученного чрез киргис-кайсаченина Ходжабердея с товарищем в городе Оренбурге июня 30-го числа 1745 г.; а по переводу в нем значит.

Ея императорского величества всемилостивейшей и великой государыне подданнейшее поклонение. Я, высокопочтенный Абулмамет-хан, киргис-кайсацкой владелец, оренбургскому главному командиру г-ну генералу и протчим командирам кланеюсь.

Ныне кочевье наше имеется по реке Тургай. Посланную в прошлом годе от вас грамоту я получил и всегда в службе е. и. в. нахожусь, а в город Туркестан для молебствия ездил, ис которого уже и возвратился в свою орду, где будучи, всякие е. и. в. службы исправлять буду, таж и по всем указам и повелениям е. и. в. исполнять готов и всегда на высочайшую е. и. в. милость уповаю. Чего ради Ходжамберду-батыря и Киикбай-батыря с сим до ваших услуг послал, которых прошу с тамошними известиями незамедля отправить.

На подлинном татарском письме ево, Абулмамет-хана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 3. Л. 99. Перевод XVIII в. Копия.

№ 220

1745 г., октября 17²²⁴. – Императрице Елизавете Петровне

Перевод с татарского письма, которое прислано от Абулмамет-хана, полученного в городе Оренбурге чрез переводчика Романа Уразлина 1745 г., октября 17-го дня. По переводу в нем значит.

Вашему величеству я, верноподданной раб Абулмамет-хан, по верноподданнической своей должности служу с малою моего владения ордою, стараясь о владении отечества моего Таркустанта и привожу в верность кунуратской и усюнской народы со всяким моим усердным старанием и верностью. И мы обнадеживанию генеральскому во всем верим, и прошу вашего величества к нам посланцов присылать.

На подлинном татарском письме ево, Абулмамет-хана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 3. Л. 157. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 156.

²²³ Дата получения.

²²⁴ Дата получения.

№ 221

1747 г., июня 4²²⁵. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

[1747 г., не позднее мая]²²⁶

Всемиловнейшей великой государыне Средней орды Абулмаммет-хан всеподданнейше доношу, что я, несколько время быв в отечестве своем и с Калмыцкою ордою учиня мир, возвратился в свою Киргис-кайсацкую орду. Как я прежде в верности быть обещался, так и ныне в том состою, и какое повеление мне будет, то по возможности своей непременно исполнять буду, и сие мое представление, по благоразумию своему, г-н генерал и кавалер донесет. При сем же прошу, чтоб присылаемыми от вас людьми оставлен не был. К брату моему Бараксалтану человек ваш приехал и о вашем повелении известил, и я в том повелении обще с ним в одной согласии быть и служить и с своими представлениями людей моих присылать буду. Какое до меня будет повеление, прошу с сим моим посланным человеком письменно уведомить и неударно оного возвратить, и я, ожидая с всеусердным моим желанием вашего повеления, остаюсь; а о прочем словесно донесет Тялюк-батыр, прошу ево речи милостиво принять.

[1747 г., не позднее мая]²²⁷

Г-ну генералу и кавалеру объявляя, прошу пожаловать прислать ко мне несколько для пользования сердечной болезни лекарств да одну хорошую полатку, а мою полатку в бытность мою в калмыцком жилище люди выпросили.

На подлинных татарских письмах ево, Абулмаммет-хана, чернильные печати приложены.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф.122. Оп. 1. 1747 г. Д. 3. Л. 159 и об. Перевод XVIII в. Копия. Оpubл.: КРО-1. Док. № 140. С. 357.

№ 222

1752 г., июля 26²²⁸. – Императрице Елизавете Петровне

Перевод на российской с калмыцкого языка²²⁹ с письма Средней орды от владельца Абулмаммет-султана.

Великой государыни Елисавет Петровны, как еще и в прежние года великим государям приносили поклон, так и ныне приносим. А которые кочуют орды против Ямышевской крепости карача [1], и ежели-де они будут какое к российской стороне иметь злое намерение, то обещаю письменным уведомить, и от того их воздержать, и до сего поступок не допускать. И чтоб они жили тихо и смирно, обещаю ж, сокраща, их здерживать. А ежели кто ис тамошние орды в российские крепости пребудет, таких бы отсылать обратно, коего они владения, с письменным видом обратно.

Переводил тобольской юртовской бухаретин Аней Кулмаметов и подписался своеручно.

Переведено июля 26-го дня 1752 г.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28. Л. 118. Перевод XVIII в.

²²⁵ Дата получения.

²²⁶ Дата отправления.

²²⁷ Дата отправления.

²²⁸ Дата перевода.

²²⁹ Имеется в виду ойратский литературный язык (тодо бичиг).

Барак (? – февраль-март 1750)

Барак, полное имя и титул – *Барак-Мухаммад-султан* (ум. в феврале / марте 1750), султан Среднего жуза, с сентября 1749 г. – хан большой группы родов племени найман, части аргынов и конратов Среднего жуза.

Сын хана Турсына II (раньше 1694 – 1717), управлявшего в конце XVII в. г. Оттаром и кочевавшими в его окрестностях родовыми группами казахов племен найман и конрат, а позднее и – г. Иканом; младший брат Кушык-хана (позднее 1717 – после 1785), потомок в шестом колене старшего казахского хана Шигая I (1580–1582) [ИКРИ-3. С. 301; *Левшин*, 2009. С. 164; *Вельяминов-Зернов*, 1864. С. 368–370; *Витсен*, 2009. С. 465; *Бөкейхан*, 1995. Схема XVI в.].

Выдвинулся в число аристократических лидеров кочевого населения Среднего жуза в период ойрато-казахской войны 1723–1730 гг., проявив в сражениях с внешними неприятелями воинскую доблесть и талант военачальника. В 1726–1727 гг. участвовал в военных походах ханов Абулхаира и Самеке против волжских калмыков и яицких казаков, а с 1727 по 1730 гг. – в наступательной кампании общеказахского ополчения под верховным командованием Абулхаира против джунгар, в ходе которой получил почетное воинское звание батыра. В результате успешных военных действий на северо-западе и юго-востоке региона Барак существенно повысил к началу 30-х гг. XVIII в. свой престиж на территории Степи, где его влияние на общее положение дел уже тогда превосходило властные полномочия ханов Кушыка и Самеке и других казахских султанов [*Бакунин*, 1995. С. 58; ИКРИ-2. Док. № 53. С. 364, № 56. С. 369; *Моисеев*, 2001. С. 31]. Являясь талантливым и храбрым военачальником, султан, однако же, оставался на протяжении всей своей жизни малоспособным и безынициативным политиком, ничем особенным не проявив себя во внутри- и внешнеполитической деятельности. Не отличался он, по-видимому, и большими ораторскими способностями, уступая в этом отношении другим современным ему степным правителям.

В связи с усилением своих позиций в Среднем жузе Барак после окончания ойрато-казахской войны перестал мириться с наивысшим социальным статусом Абулхаира в трех жузах и активно начал противодействовать его попыткам укрепления институтов верховной власти у казахов, не желая быть зависимым от кого-либо из представителей незнатной и маловлиятельной в прошлом династийной ветви султана Болекей-Кояна [*Вельяминов-Зернов*, 1864. Ч. 1. С. 8]. Стремясь помешать своему внутривластному противнику использовать царское правительство для дальнейшего усиления его клана, он совместно со старшим братом ханом Кушыком в 1735 г. обратился с письмом на имя императрицы Анны Иоанновны, в котором выразил желание принять российский протекторат и привести к присяге на верность «белому падишаху» подвластных ему казахов Среднего жуза. По разным причинам официальное оформление Баракон патронатных отношений с Россией затянулось на несколько лет и состоялось только осенью 1742 г. после понесенных правителями Среднего жуза целого ряда крупных поражений в новой войне с Джунгарией 1739–1741 гг. [Док. № 175, 204 сборника; КРО-1. Док. № 106. С. 271–272].

Параллельно со вступлением под патронат русской императрицы Барак отправил осенью 1742 г. в ургу вместе с сыном хана Абулмамбета Абулфеизом, посланным его отцом в качестве аманата, своих личных посланников к хунтайджи Галдан-Цэрену. Весной 1744 г. на смену султану Абулфеизу он послал в Джунгарию своего старшего сына Шигая. С того времени между джунгарским правящим домом и правителем найманов установились тесные дипломатические и торгово-экономические отношения, причем они развивались в течение последующих пяти лет более динамично, чем двусторонние контакты султана с российскими властями [*Моисеев*, 1991. С. 126, 137, 172 и др.].

По мере сближения Барака с правящей элитой Джунгарского ханства его взаимоотношения с Абулхаиром все больше обострялись, так как последний усматривал в этом реаль-

ную угрозу своим властным прерогативам в кочевом обществе казахов. Благодатной почвой для разрастания взаимной неприязни между ними являлись, с одной стороны, обостренное самолюбие и повышенная эмоциональная возбудимость старшего хана, а с другой, – «пребезмерная» генеалогическая «гордость и величавость» влиятельного султана, который, по словам контактировавших с ним чиновников Оренбургского края, «по своей природе почитал себя между всеми киргиз-кайсацкими владельцами за знатнейшего» и воспринимал как личное унижение наивысший монархический ранг выходца из менее знатной аристократической «фамилии» [КРО-1. Док. № 111. С. 285, № 152. С. 395; МИКССР-2. Док. №. 26. С. 103].

«Взмерчивым о себе мнением» и политической недалёковидностью Барака воспользовался в стратегических интересах России опытный администратор оренбургский губернатор И.И. Неплюев. В течение нескольких лет он искусно взращивал обильной лестью и престижными подарками, подобающими носителю ханского титула, честолюбивые амбиции самонадеянного султана и одновременно расчетливо игнорировал все просьбы и предложения вспыльчивого и несдержанного Абулхаира, сознательно принижая его персональный имидж в общественном сознании кочевого населения трех жузов. Благодаря целенаправленному проведению в жизнь этой тактической линии давнее соперничество двух политических партнеров переросло в 1747–1748 гг. в острое противоборство друг с другом, что в конечном итоге привело к трагической гибели сначала одного, а затем и другого аристократического лидера казахов [Ерофеева, 2007. С. 363–368].

В середине августа 1748 г. в местности между реками Олкейек и Торгай произошло вооруженное столкновение Абулхаира и Барака по поводу их обоюдных притязаний на кочевавших в низовьях Сырдарьи каракалпаков. В ходе завязавшейся неравной схватки Барак убил уже раненого его сыном Шигаем и батыром Сырымбетом Бекбашулы Абулхаира [там же. С. 395–399]. Опасаясь кровной мести сыновей погибшего хана, он откочевал на границу казахских кочевий с Джунгарией, в район реки Сарысу, откуда дважды обращался к новому хунтайджи Цэван-Доржи-Аджа-Намжилу (1745–1750) с объяснением мотивов своего поступка и просьбой о покровительстве. Но на отправленные послания в ургу султан не получил от правителя ойратов никакого ответа [там же. С. 400–401].

Из-за негативной реакции многих казахских старшин на насильственную гибель Абулхаира Барак обратился в конце 1748 г. за разрешением вопроса об убийстве старшего хана к суду биев. Для судебного разбирательства султаном были привлечены четыре степных арбитра: бий Олжебай-аталык из рода баганалы племени найман Среднего жуза, подвластный самому Бараку; и бии Караток из рода торткара, Козанай и Мамет-аталык из рода каракесек поколения алимулы Младшего жуза, находившиеся под патронатом его сообщника в убийстве Абулхаира султана Батыра (ум. в 1771). Суд биев формально оправдал Барака, после чего он откочевал с группой подвластных родовых групп найманов и аргынов к городу Туркестану [КРО-1. Док. № 166. С. 426–427, 433; Док. № 185. С. 489–490; МИКССР-2. С. 319, 322].

Осенью 1749 г. Барак, находясь в районе среднего течения Сырдарьи, был избран ханом при поддержке влиятельного старшины Старшего жуза Толе-бия Алибекулы старшинами местных родов найманов. В конце того же года под его власть пришли многие другие роды найманов, часть отделений рода каракесек аргынов и некоторые роды конратов Среднего жуза. Вместе с тем новоизбранный хан подчинил себе часть «верхних каракалпаков» и городское население Икана, Ташанака, Отрара, Огустау и Сузака, с которого начал взимать регулярную подать. Основной резиденцией Барака в Туркестанском районе стал город Икан, где хан построил для своей семьи дом [КРО-1. Док. № 184. С. 484–485, № 185. С. 485–489].

Между тем, сыновья Абулхаира решили непременно отомстить семейному врагу и вступили с этой целью в политический торг с Цэваном-Доржи, пообещав ему за поимку или убийство Барака отдать в жены ранее сосватанную еще их отцом родную сестру [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. д. 5. Л. 39; д. 4. Л. 243; ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 19. Л. 85 об. – 86 об.; МИКССР-2. С. 292, 311, 316, 324, 326, 328]. В декабре 1749 г. – январе 1750 г. джунгарский хунтайджи по просьбе

старшего сына Абулхаира Нуралы (1748–1786), изложенной в урге его личным посланником султаном Карабасом, прислал своих людей в Ташкент к влиятельному старшине Толе-бию с «таким приказанием, чтоб убийца Абулхаир-хана Барак-солтана показанной Толе-бий, поймав, к нему, зюнгорскому владельцу, прислал». Узнав об этом распоряжении несостоявшегося патрона, обеспокоенный Барак спешно откочевал от Ташкента к подвластным ему родам конратов и найманов в район Туркестана и собирался «приехать с повинною к... Нуралы-хану», чтобы «просить прощения» за убийство его отца [МИКССР-2. Док. № 124. С. 334–335; *Вельяминов-Зернов*, 1853. С. 11].

Но уже месяц спустя после оповещения ойратами Толе-бия о приказе Цэвана-Доржи Барак побывал вместе с семьей в Карнаке в гостях у одного из местных ходжей и, возвратившись от него к родственникам своей байбише в Туркестан, хан «на другой или на третий день, а затем и сыновья... ево в скорое время померли». По убеждению жителей Карнака, присутствовавших семь дней спустя на поминальном асе в честь умершего Барака, казахского правителя и двух его сыновей «окормил зелием... оной ходжи по приказу зюнгорского владельца, ... по желанию и по прозьбе Нурали-хана и по старанию обретающегося при нем, владельце, оного Нурали-хана посланца Карабаш-султана в отмщение за убийство отца ево, Нурали, Абулхаир-хана» [ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 114 и об.; МИКССР-2. Док. № 128. С. 341; *Витевский*, 1897. С. 722; *Моисеев*, 1991. С. 207; *Ерофеева*, 2007. С. 404–405].

Кроме того, для мести Барак и его семье уджунгарского хунтайджи имелись и свои личные мотивы, так как, по свидетельству отдельных хорошо информированных казахов Среднего жуза, сын правителя найманов султан Шигаи, отправленный весной 1748 г. отцом в качестве его посланника в ургу, оскорбил сыновние чувства и ханскую честь Цэвана-Доржи, вступив в незаконную связь с его матерью, вдовой Галдан-Цэрена. Из-за возникшего конфликта с новым главой ойратов Шигаю пришлось срочно уехать в июне того же года из Джунгарии в кочевья Барака к Туркестану. С тех пор, – говорили казахи в своем кругу, – «вся Калмыцкая орда оному Барак-салтану – неприятели, ... и калмыки на него и на сына ево очень-де грозятся» [ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 330–331 об.; *Витевский*, 1897. С. 720–721].

Вслед за смертью Барака в конце марта 1750 г. второй сын Абулхаира султан Ералы, освободившись из каракалпакского плена, по согласованию со своим старшим братом совершил вооруженный набег в присырдарьинских степях на родовую ставку бывшего семейного врага, где убил батыра Сырымбета и его жену, а «семью ево, также и семью Бараккову и все имение, служителей, служанок и верблюдов их в добычу получил» [*Сулейменов, Басин*, 1981. С. 189; МИКССР-2. Док. № 128. С. 341].

По инициативе родственников погибших дело об убийстве султаном Младшего жуза батыра Сырымбета и «разорении» семейства Барака рассматривалось Толе-бием Алибекулы, который не только оправдал сына Абулхаира, но и присудил сородичам Сырымбета уплатить в его пользу два куна, а остальные четыре куна Ералы им простил [*Баллюзек*, 1998. С. 204; *Добросмыслов*, 1900. С. 84].

Барак был похоронен в г. Туркестане. Он имел не менее двух жен: дочь безымянного туркестанского сарта и ойратку, захваченную в плен в середине 40-х годов XVIII в. в ходе одного из его набегов в кочевья джунгар или волжских калмыков. После смерти Барака эта женщина вышла замуж за сына хана Абулмамбета султана Абулфеиза. От разных жен у Барака было семь сыновей: Шигаи (1726–1750), Бокей (1737–1819), Таир (? – 1786), Канкожа (1746–1799), Канбаба, Нуралы и Маман; четверо из них являлись носителями ханского титула. Старший сын хана – султан Шигаи, избранный в конце 1748 г. ферганскими кипчаками ханом, был правителем Намангана и основателем крепости Тора-Курган, ставшей его резиденцией на севере Ферганы; в начале 1750 г. он скончался несколько дней спустя после пребывания вместе с отцом в гостях у вышеупомянутого ходжи в Карнаке [*Чулошников*, 1936. С. 60; *Валидов*, 1915. Вып. 2. С. 75, 114–115; *Иванов*, 1939. С. 97; *Бейсембиев*, 2000. С. 278–279; *Бейсембиев*, 2009. С. 225, 350, 607].

Таир и Бокей, также имевшие ханский титул, поочередно управляли различными по величине родовыми группами племен найман, аргын и конрат Среднего жуза (биографические сведения о них см. ниже в данном издании).

Султан Нуралы в начале 1769 г. был посажен узбекской знатью Хорезма на ханский престол и в течение четырех-пяти месяцев до середины того же года номинально являлся правителем Хивинского ханства [МИКХ. С. 472; FI, 1999. P. 72]. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Султан Канкожа в малолетнем возрасте стал пасынком Абулфеиз-султана (ум. в 1783), а после смерти своего отчима управлял большой группой родов патронимического объединения каракерей найманов (более подробно о нем см. ниже в данном издании). Султан Канбаба, получивший от цинских властей титул *ван*, возглавлял во второй половине XVIII в. род бура объединения сарыжомарт найманов; а султан Маман – отдельные подразделения рода каракесек аргынов [Андреев, 1998. С. 83, 96–97, 103–104; МИКССР-4. С. 512; ИКРИ-5. С. 407].

№ 223

1739 г., апреля 6²³⁰. – Тайному советнику В.Н. Татищеву

1739 г., апреля 6-го дня в присланном письме от Барак-салтана написано.

Великая государыня императрица, многие лета здравствуй. После того оренбургскому командиру многие лета здравствовать. Послал я к вам посланников Шабанай-батыря, Теляк-батыря, чтоб вы знали, я к всемилостивейшей государыне прислонился как наш большей брат Абулхаир-хан, в одном слове стоим. Есче ж как был г-н генерал, и в то время я не был, понеже далеко кочевал с ордою, чтоб не погневались, хотя я и далеко, а с сердцем близко.

Оренбургской командир, прошу вас, как будут охотники торговать, к нам отпусчай, а мы им никакой обиды не зделаем и станем беречи; а по первой траве и наши торговья будут и пригонять баранов и корсаков, и лисиц привезут, и вы зделайте торг хорошей; а после наших посланцов из Оренбурга отпусти.

У подлинного печать такова²³¹.

Переводил ахун Мансур Абдрахманов и руку приложил.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1183. Л. 375. Перевод XVIII в. Копия. Подлинник на тюрки – там же. Л. 374.

№ 224

1742 г., ноября 12²³². – Императрице Елизавете Петровне

1742 г., ноября 12-го дня. Перевод с татарского письма, присланного от Барак-салтана чрез переводчика Романа Уразлина и киргисца Сарымбетя-батыря. В котором по переводу значит.

К всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Елисавет Петровне, самодержице всероссийской.

Всепокорнейше в подданство пришли мы, киргис-кайсацкой Средней орды Барак-салтан со всюю своею ордою, а имянно: найманского роду сорок тысяч кибиток. И хотя бы и тем токмо, что большей брат Абулхаир-хан находится в верном подданстве довольны были, но по силе присланной особливой грамоты, которою велено и нам притти в подданство, мы, признавая единого бога и присланного от бога нашего Мухаммета почитая истинным проком, по закону нашему в. и. в. в верности присягу учинили в том, что всякое повеление при случающих временах без всякого умедления исполнить; которые в. и. в. неприятели – те и нам неприятели, а которые в. и. в. приятели – те и нам приятели вовеки наши; и с таки-

²³⁰ Дата получения.

²³¹ Справа изображена печать, в которой имеется перевод текста подлинной печати: Барак-салтан Турсунов сын.

²³² Дата перевода.

ми неприятелями будем поступать не счадя своего живота и, ежели соизволит всемогущий господь бог, веки Аминь!

А что на словах будет доносить посланной наш Сарымбет, в том прошу оному верить. По уверению же переводчика Романа Уразина, в. и. в. в подданство пришли и с ним отравили вышеозначенного своего киргисца, чтоб он возшествием в. и. в. на всероссийский престол [поздравил].

На подлинном татарском письме Барак-салтана чернильная печать.
Переводил толмач Усман Арасланов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 4. Л. 222 и об. Перевод XVIII в. Копия. Опубл.: КРО-1. Док. № 103. С. 268. Подлинник на тюрки – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 4. Л. 221 об.

№ 225

1742 г., ноября 12²³³. – Начальнику Оренбургской комиссии тайному советнику И.И. Неплюеву

Письмо, присланное с вышепомянутым киргисцом Сарымбетъ-батырем, в котором написано.

Высокопревосходительному г-ну тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Неплюеву всенижайше кланяюсь и доношу, что повеления вашего высокопр-ва благосклонно приняли. Вначале сам с сорок тысячи кибиток с найманцами положились в волю вашего пр-ва и е. и. в. в подданство пришли, желая исполнять всякое повеление, и в том присягу ту чинили со всеми нашими биями и знатными старшинами, чтоб при всяких случаях, не счадя своего живота, против всякого неприятеля по воли всемогущего бога и по закону истинного пророка нашего Мухамметя старание предложить, и никакого злого желания не иметь, и всякие воровства укрощать. И о сем на словах будет доносить Сарымбетъ-батырь, оному прошу верить; а что переводчик Роман Уразин объявил, тому мы верили и своего посланного ему вручили, которого прошу отправить ко двору е. и. в.

На подлинном татарском письме ево, Барак-салтана, чернильная печать.
Переводил толмач Усман Арасланов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 4. Л. 214. Перевод XVIII в.

№ 226

1744 г., мая 31²³⁴. – Оренбургскому губернатору тайному советнику И.И. Неплюеву

Всепресветлейшая державнейшая высокославная великия государыни императрицы, самодержицы всероссийской.

Ея императорского величества тайному советнику и кавалеру Ивану Ивановичу Средней орды от Барак-салтана нижайши поклон.

Родитель мой Турсун-хан умре, а прежним российским монархам никакого к службе речения не имел, а ныне я имею пред протчими ревность. Абулхаир-хан, также и Абулмамбет-хан, и Джанбек-тархан, собиравшись при вашем пр-ве, в верности е. и. в. присягу учинили и в том положили: приятелю – приятелем, а неприятелю – неприятелем быть; только они прошлого лета в противность той присяги сами воровали и по силе своего закону и присяги они учинили, быть им проклятым. Тому ныне другой год. Слава богу, был у меня переводчик Рахмангул, и жил с неделю, и привел к присяге в верности службы е. и. в. из Средней орды, что они лутчие бии: Казбек, Токбура, Утяп, Чюряк. А Калдыкбай, Душамбай из них несколько число мне

²³³ Дата перевода. Датируется на основании письма Барак-султана императрице Елизавете Петровне, доставленного одновременно с ним в Оренбург из Степи батыром Сырымбетом. См. док. № 203 настоящего издания.

²³⁴ Дата получения.

поверили и пришли со мною в подданство е. и. в. Для своего и для малолетних их покоя и, переговора с Рахманкулом, в том утвердились, и Куран целовали, и клятвенные молитвами читали, вспомня, в-первых, единого бога, е. и. в. в подданство пошли и до конца жизни нашей я присягу не нарушу. Приятелю – приятельски, а неприятелю – неприятельски буду поступать. От меня никакой худобы не будет, поколь я сам и Казбек-бий живы, не так как Абулхаир-хан делает; также и наш Казбек будет поступать не так, как Джанбек-тархан чинит. Слышев я чрез людей, пенял было, а ныне оное уже откинул. Ежели от всемилостивейшей государыни будут нам наше худобу делать, то будем полагаться на бога. Ежели ж от нас какая будет худоба, то потом же есть бог. Поколе я жив буду, то у меня, слава богу, в команде есть сорок сан ташкенцов, четыре сана каракалпак, шесть сан киргисцов, также и бухарцы под владением моим. Я ж сам живу постоянно для того, и калмыки со мною в союзе. Кто будет во благополучном покое и ныне жить, у того борода будет бела, а кто будет беспокойно жить, то у того кости побелеют.

Прошлой осени присланной от вашего пр-ва Текан у меня явился и словесно приказ ваш мне объявил, которой мною за благо принят. А ныне я послал оното Текана до вашего пр-ва, которой обо мне обстоятельно донесет. Да покорно прошу прислать сорок листов бумаги. Послан от меня верный человек оной же Текан и с ним мое до вас слово: команды моей добрые бии е. и. в. в подданство пошли, а я сам главны, да сорок тысяч дымов найманского роду, тритцать тысяч дымов караколпаков, тому ныне третьей год. В ноябре месяце приехал я в караколпаки, которые меня послушав, пошли со мною подданство е. и. в., всего сорок тысяч. Я персонально е. и. в. сам видеть и не здостоился, однако я состою во всякой к службе верности.

У подлинного приложена Барак-солтана печать.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 43 и об., 53. Перевод XVIII в.

№ 227

1745 г., мая 22²³⁵. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

1745 г., мая 22-го числа. Перевод с письма от Барак-салтана.

Генералу многий и многий поклон и притом всем большим командирам. До вас при сем послал Шибак и Бирдий-батыря о здоровье вашем проведать.

Ныне же я для вашего уведомления оных батырей послал без дальнейшего известия, за ними ж в скорости имею послать и сверх оных посланцов з довольством; и какое от вас до меня касаться будет дело, со оными моими посланцами пожалуй уведоми. И во всем, что от вас приказано будет, служить мы должны завсегда. Особливо ж какие принадлежат от вас до меня известия, оные объявить ко мне чрез Шебака-батыря.

У подлинного письма ево, Барак-салтана, чернильная печать.

Переводил толмач Роман Акниев.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 95 и об. Перевод XVIII в.

№ 228

1745 г., июня 24²³⁶. – Великому князю Петру Федоровичу

Перевод с татарского письма, присланного от Барак-салтана, полученного чрез двоюродного брата ево Искендер-салтана с товарищи июня 24-го числа 1745 г. в городе Оренбурге. По переводу в нем значит.

Всероссийского высочайшего престола великой наследник, вождь неищетных войск, сто-тысячных неприятелей победитель, яко Рустям (т. е. пресильный и высокопочитаемый у них

²³⁵ Дата получения.

²³⁶ Дата получения.

богатырь) и храбрый поразитель остротою и действием, яко лев гневом, яко облаки от всепресветлейших и державнейших великих древних государей, царей златая отрасль, достойная всероссийского высочайшего престола, всей верноподданной Киргис-кайсацкой орды высочайшею милостию снабдитель, а Средней нашей орде, подобно горящей свеще предрогий и ясносиятельный камень, щедрый, преблагий и правосудной великой державы наследный государь, вашему императорскому высочеству всеподданнейше доносим, что мы о вступлении вашего императорского высочества в наследство всероссийского императорского высочайшего престола всенародно и пребезмерно радовались. И я, Барак-салтан, Тюрсун-ханов сын, о здоровье и благополучии вашего высочества з знатными нашими биями и батырями моление производили, дабы всещедрый господь по молитвам сырых и беспомощных исполнил всякое желание и престол бы ваш благостию своею утвердил и щастие ваше умножил бы против Александра, царя Македонского, а здоровье бы сохранил на многия лета во веки веков, Аминь!

Когда же мы о вступлении вашим императорским высочеством в наследство всероссийского императорского престола уведомились и высочайшее и всемилостивейшее награждение получили, то я, Барак-салтан, и к бухарскому хану о том объявить Искендер-салтана з знатными людьми от себя посылал и притом приказал, дабы бухарской хан для поздравления тем з знатными людьми прислал ко мне купеческой караван со объявлением, что я оной отсюда з знатными ж моими биями в великую Россию отправлю; на которое я от него и ответ письменной получил. [Он] пишет, что, аще бог благоволит, предбудущею весною з знатными людьми полной купеческой караван до меня отправит, а я б, придав от себя, знатных же людей отправил.

Еще же и в находящиеся в вершинах Сырдарьи-реки города Андижан, Намянган и Ходжант посылал знатного старшину Сарымбет-батыря [1], которой и у двора е. и. в. бывал и оной по возвращении объявил, что у народу тех городов владельцем Абдулкарим-бек [2], которой-де войска имеет у себя девятьсот тысяч, и потому-де они весьма радуются; и как о том, что ваше высочество в наследство праотеческого престола вступили, так и о многолетии вашем бога молили. А меня, что чрез моих посланных они уведомились, благодарили и обещались пред будущею весною з знатными людьми також купеческой караван отправить, желая дабы при здравии великого государя с посланцами бухарского хана и моими и ево б, Абдулкарим-бековы, посланцы и купеческие караваны непрерывно ездить стали, признавая, что то весьма изрядно и в нынешних бы временах приятность прославлена была, пока-де жизнь наша продолжится; а кто-де вашему высочеству злое намерение помыслит, таковые прокляты да будут.

Сверх того и каракалпацкие ханы, хаджи и знатные люди в числе пятидесят тысяч народа вашему императорскому высочеству при мне в подданство пришли, причем был и Кубяк-мурза.

Сын мой Шигай-салтан ездил к Галдан-Чирину, и Галдан-Чирин, дав ему в жены двух девок, отпустил, ис которых одну с тремя кибитками [Шигай] привез с собою. Оной же Галдан-Чирин с Шигай-салтаном прислал многих купцов и просил меня, чтоб я их в город Оренбург для торгу отправил, коих, аще бог благоволит, вскорости и пришлю.

И для лучшего всего того засвидетельствования Искендер-салтана да Баимбетья, Тляумбетья и Джиана, итого всех пять человек, ко двору е. и. в. отправил, всеподданнейше прося, дабы они очи е. и. в. видеть удостоились и предбудущею весною возвратно были отпущены. А Кубяк-мурза затем задержан был, чтоб при нем посылаемые из Бухарии и от Абулкаримбека, також и изо всех стран возвратиться и чрез оных надлежащее известие получить могли.

На обороте подленного татарского письма ево, Барак-салтана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745–1746 гг. Д. 9. Л. 6–8 об. Перевод XVIII в. Копия перевода – Там же. Л. 4–5 об.; Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 3. Л. 71–72 об. Опубл.: МИКССР-2. Док. № 38. С. 125–126; КРО-1. Док. № 123. С. 315–317.

№ 229**1745 г., июня 24²³⁷. – Тайному советнику И.И. Неплюеву**

Перевод с татарского письма, которое прислано от Барак-салтана, полученного чрез двоюродного брата ево Искендер-салтана июня 24-го числа 1745 г. в городе Оренбурге. По переводу в нем значит.

Высокопревосходительному г-ну генералу и в российском народе в десяти сот тысящах главному командиру, а моему приятелю, желаю здравствовать.

Ныне юрт наш в благополучии находится, старые и малолетние имеют спокойной сон при здоровье великого государя и вашего, приятеля моего г-на генерала, также при здравии ж моего Барак-салтанове Тюрсун-ханове. При сем же доношу вам, приятелю моему г-ну генералу, что изволили вы писать и приказать вместо Кулчукова сына прислать имеющую во владении Абулхаир-хана женку; и оную нам достать никак невозможно, ибо стало быть так в яко в России, а в Средней орде какое б дело ни было, то все мы окончать можем. И тако прошу показанного Кулчукова сына пожаловать прислать с Тугалак-батырем. Вас же, г-на генерала, прошу пожаловать еще прислать в бутылке лекарства с Тугалак же батырем, также и на раны, дабы груди [не болели], еще от болезни ног; и прошу приказать над каждым лекарством особливые надписки означить, которое от какой болезни.

На обороте подлинного татарского письма ево, Барак-салтана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 169 и об. Перевод XVIII в.

№ 230**1745 г., июня 24²³⁸. – Тайному советнику И.И. Неплюеву**

Перевод с татарского письма, которое прислано от Барак-салтана, полученного чрез двоюродного брата ево Искандер-салтана с товарищи июня 24-го числа 1745 г. в городе Оренбурге. По переводу в нем значит.

Высокопревосходительному г-ну генералу и в российском народе в девятисот тысящах главному командиру, а моему приятелю, желаю здравствовать.

О здешних поведениях кроме благополучия ничего донести не имею, токмо для уведомления о здоровье великого государя и о вашем, приятеля моего, благополучии послал пять человек посланцов и сверх того Тугулак-батыря затем, чтоб он о вашем здравии и об отпавленных ко двору от вас наших посланных пяти человек мне донести мог. При сем же вас, моего приятеля, прошу прислать две черные лисицы, два кафтана, да две голи и в сих моих потребностях пожаловать не отказать. С сим до услуг ваших Тугулак-батыря с товарищем послал.

На обороте подлинного татарского письма ево, Барак-салтана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 3. Л. 97. Перевод XVIII в.

№ 231**1745 г., октября 14²³⁹. – Тайному советнику И.И. Неплюеву**

Перевод с татарского письма, с присланного от Барак-салтана, полученного в городе Оренбурге чрез переводчика Романа Уразина 1745 г., октября 14-го дня. По переводу в нем значит.

²³⁷ Дата получения.

²³⁸ Дата получения.

²³⁹ Дата получения.

Господину генералу, приятелю моему Ивану Ивановичу на много лет здравствовать желаю и доношу.

Посланные от вас письма получил, в которых писано: первое – о здравии и благополучии и о производящих для народной пользы как в Орской, так и в Оренбурге торгов; второе – об отыскании белой лутчей кибитки; третье – о Кулчукове сыне; четвертое – об отправлении ко двору со всяким довольствием и с надлежащим награждением Искендер-салтана, также и о бракосочетании государя великого князя Петра Феодоровича. И притом посланного от вас Кулчукова сына все подарки и письма чрез присланного от вас надежного нашего человека Рахмангул-мурзу исправно получил. И получа все те вышереченные известия, всем народом радовались, и прошу впредь меня и народ наш во всяких случаях не оставить и в памяти вашей неотриновенно содержать. Мы ж со всем нашим народом, биями и батырями о здравии и о продолжении всемилостивейшей государыни века у бога просим, и всегда в верности е. и. в. находиться будем, и во услугах вам всегда пребудем.

Присланного ж вашего человека и с имеющимися при нем людьми, хотя ево дело ныне не окончилось, но понеже ныне зимнее время наступает, сняв на себя все дела и придав к нему своих людей, отправил. О себе ж вам доношу, что я в общем попечении нахожусь, в протчем о состоянии моем человек ваш Роман донести может.

На обороте подлинного татарского письма ево, Барак-салтана, чернильная печать.
Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 3. Л. 160 и об. Перевод XVIII в.

№ 232

1745 г., октября 17²⁴⁰. – Императрице Елизавете Петровне

а)

Ее императорского величества всемилостивейшей почтеннейшей могущественной и августейшей государыне.

Мы, верноподанные престола в. и. в., молимся за ниспослание вам здоровья, бьем челом вам и всем нашим йуртом принимаем как милость божью ваши величайшие милости. И мы надеемся на ваше милостивое беспрестанное внимание. Со всем нашим подвластным народом молимся богу о ниспослании вашему величеству многих лет и чтобы ваше могущество и царствование под божьим благословением продлилось во славе на тысячелетия.

Теперь [...] ²⁴¹ доводим до сведения вашего величества, что генерал Иван Нефли ²⁴² прислал со своим посланцем нам милостивый ярлык ваш относительно различных дел и постоянно он обо всем нам сообщал. Последний из его посланцев Рахманкул-мурза был послан им с добрым и полезным для нашего йурта письмом. Он разрешил наши дела. Мы довольны генералом за это и за труды, которые он несет. Надеемся, что вы не оставите его без вашей милости. Мы со всей искренностью всегда готовы неизменно всю свою жизнь служить вам.

От генерала Нефлюна ²⁴³ нам пришло еще письмо. Стоящий над нами ваш младший брат по вашей священной воле и милости вступает в брак. Устраивается торжество и веселье в вашей славной столице Петербурге. Да благословит бог, мы и этому очень обрадовались и молимся, – да ниспошлет бог молодой чете любовь и многие лета жизни, чтоб став хозяином отцовских владений, достичь своей высшей цели и как к своим подвластным, так и к другим йуртам быть милостивыми. Желая этого, мы со всем своим йуртом поздравляем.

²⁴⁰ Дата получения.

²⁴¹ Одно слово не разобрано. (Прим. ред. МИКССР).

²⁴² Так в подлиннике. Следует читать – И.И. Неплюев. (Прим. ред. МИКССР).

²⁴³ Следует читать – И.И. Неплюев. (Прим. ред. МИКССР).

Это наше заздравное письмо, приложив свою печать, направляем к вашему величеству²⁴⁴. Слева приложена миндалевидная печать с надписью: Султан Барак, сын Турсун-хана.

Современный перевод с чагатайского тюрки составителей МИКССР под редакцией И.Н. Леманова. Опувл.: МИКССР-2. Док. № 43. С. 133. Подлинник на тюрки – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 3. Л. 158 и об. Опувл.: МИКССР-2. С. 403–405.

б)

Перевод с татарского письма, которое прислано от Барак-салтана, полученного в г. Оренбурге чрез переводчика Романа Уразина 1745 г., октября 17-го дня. По переводу в нем значит.

Всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Елисавет Петровне, самодержице всероссийской.

В подданстве и в верности находящийся раби желаем вашему величеству многолетнего здравия. Мы ж, слава богу, со всем народом в спокойстве и благополучии находимся, уповая на высочайшее вашего величества милосердие, и с подвластными людьми прося у всемогущего бога о вседражайшем здравии вашего величества и о продолжительном государствовании. При сем же вашему величеству доношу: генерал Неплюев по высочайшему соизволению вашего величества непрерывно к нам посланцов з благопристойным обнадеживанием и достойным награждением присылает. Чего мы у него потребуем, то ни в чем не пременя, нас довольствует, а особливо присланной ныне переводчик Рахманкул, которой, во-первых, нас к присяге приводил, народ наш приятными письмами уверил и в твердое состояние привел. И мы ево, г-на генерала, поведением довольны. Рабски ж просим вашего величества, дабы мы неотриновенны были от вашей высочайшей милости, а мы вечно в верности неотриновенно находимся будем.

Писал к нам г-н генерал Неплюев, по высочайшему вашего величества соизволению, о будущем бракосочетании вселюбезнейшего вашего величества племянника великого князя Петра Федоровича и какое для того при дворе в Санкт-Петербурге будет торжество объявил. И мы тому радовались, что бог дарует щедрые милости и неизреченная веселости, и желаем от всемогущего бога, дабы их высочество в непоколебимой радости и любви, и в богодарованном желаемом счастья неисчетные лета проводили, и получили б отеческий императорский престол, и всем верноподданным своим рабам и протчим народам высочайшее милосердие оказать соизволили, с чем мы со всем нашим народом всеподданнейше поздравляем. Сие наше подданническое письмо с приложением печати до вашего величества послали.

На обороте подлинного татарского письма ево, Барак-салтана, чернильная печать.

Переводил переводчик Юмагул Гулеев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 3. Л. 159 и об. Перевод XVIII в

№ 233

1747 г., июня 4²⁴⁵. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, которое прислано от Барак-салтана, полученного чрез посланцов Яраш-батыря да Булан-мурзу в городе Оренбурге июня 4-го дня 1747 г. По переводу в нем значит.

Ея императорского величества всемилостивейшей и великой государыне и его императорскому высочеству государю и великому князю Киргис-кайсацкой орды Барак-салтан

²⁴⁴ Местами ввиду безграмотности и неясности изложения, а также неразборчивости почерка, перевод сделан не дословный, а смысловой. (Прим. ред. МИКССР).

²⁴⁵ Дата получения.

Турсунханов всеподданнейшее и рабское поклонение приношу, а вам, высокородному и высокопревосходительному г-ну генералу и приятелю моему, желаю премного лет здравствовать. При сем объявляю, что, видя благополучное возвращение Искендер-салтана, как я, так и все Средней орды киргис-кайсаки весьма радовались, за что мы о здравии всемилостивейшей государыни и е. и. в. во время молебного богу нашего стояния молимся и впредь даже до окончания жизни нашей в верности служить обязуемся; кто ж на Российское государство зло мыслить будет, мы таковых искоренять будем. При сем послал я купцов и при них начального Булана, которых прошу не оставить. А о протчем вам словесно донесет Яшар-батырь и Булан-мурза.

На подлинном татарском письме ево, Барак-салтана, чернильная печать приложена.
Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1747 г. Д. 3. Л. 160 об. Перевод XVIII в. Оpubл.: МИКССР-2. Док. № 70. С. 195.

№ 234

1747 г., июня 24²⁴⁶. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

В 1-м

Высокородному и высокопревосходительному над стами тысячами российского войска командиру, генералу, приятелю моему желаю премножество лет здравствовать. Вам, приятелю моему, каждое письмо посылаю, а все в одной силе, ибо бог един есть, пророк праведен, и я всегда в одном своем слове состою. На сем обманчивом свете каких людей нет, токмо в одном своем слове не стоят, надеюсь и обо мне сомневаетесь, когда я также чинить буду, то как богу, так и всемилостивейшей государыне угодно быть не может и вам, г-ну генералу, приятелю моему, не покажется. Но ежели бог поможет, то я по состоянию дедову и отцов наших на одном слове утверждаться намерение имею, которое б детям моим и всей фамилии нашей впредь служить могло, також и всемилостивейшей государыне служить и о киргис-кайсацком народе попечение иметь буду, за что и на оном свете добро получить уповаю. Всего мусульманского закона старья и младья и все убогие люди у единого бога просят, дабы господь бог даровал всемилостивейшей государыне шастия и здравия, яко Александру, царю Македонскому; при здравии всемилостивейшей государыни, також Барак-салтана и г-на генерала спокойное житье себе получили, о чем и бога молят, и сия добрая слава даже до представления света незабвенно продолжаться могут.

Слава богу, брат мой Искандер-салтан с товарищи благополучно прибыли, что видя, киргис-кайсацкий народ весьма радовались; причем я е. и. в. жалованье чрез брата моего и Матвея получил, а ныне до услуг ваших паки Искандер-салтана с кибиткою послал, чтоб он, привезя оную, вам вручил, а ко двору е. и. в. послал Рысмухамметя с товарищи четырех человек. До вас же, г-на генерала, моего приятеля, при Искандер-салтане послал Тугалана, Бюкяча, Салтангула, Ищевлета, Бардыгула, Кулумбетя и Сарымджана батырев.

На обороте подлинного татарского письма ево, Барак-салтана, чернильная печать приложена.

Во 2-м

Высокородному и высокопревосходительному над стами тысячами российского войска командиру, г-ну генералу, приятелю моему желаю многолетно здравствовать. Вначале богу, а потом Российскому государству, також и нашим киргис-кайсакам известно есть, что вы, г-н

²⁴⁶Дата получения.

генерал, со мною, Барак-салтаном, дружбу имеете, о чем во всем народе нашем прославляется, почему я возымел смелость просить вас о удовольствовании меня в одной сей моей просьбе. Уведомился я, что в Санкт-Петербурге Бахтыбай-батырев сын Девлетбай (отец ево Бахтыбай) при отце моем Турсун-хане был добрый человек; прошу о высвобождении ево, Девлетбая, приятельскою вашею милостию постараться. Хотя от востока и до запада все рабы во власти всемилостивейшей государыни состоят, однако б я за оного Девлетбая, отыскав здесь, одного человека свободить мог.

На оном татарском письме ево, Барак-салтана, чернильная печать приложена.

В 3-м

Приятелю моему, г-ну генералу желаю здравствовать. Один наш человек, именем Мухаммет, попал в малолетстве в полон и находится ныне по речке Джилайру у башкирца Аккиика, о свободе которого вас, г-на генерала, моего приятеля, прошу дружеское ваше старание приложить.

На подлинном татарском письме ево, Барак-салтана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Юмагул Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1747 г. Д. 3. Л. 198–199. Перевод XVIII в. Копия. Опубл.: Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России. С. 184–185.

№ 235

1748 г., июня 14²⁴⁷. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Всепресветлейшая державнейшая и всемилостивейшая великия государыни императрицы, самодержицы всероссийския и бесчисленно войско имеющей, на которую от всевышнего бога, да будет государствование ея счастливо и вечно нерушимо, и во услугах ея ж императорского величества подданному.

Высокородному и превосходительному г-ну бригадиру мурзе и военному предводителю я, Барак-салтан Турсун-ханов, желаю вашему пр-ву здравствовать.

При том доношу, что вы киргис-кайсацким народам ханам их и знатым биям порученное вам от е. и. в. высочайшее повеление изъяснять изволили к пользе нашей, и за то ваше усердное старание мы весьма удовольствованы и благодарны. И аще бог благоволит и живы будем, то мы, не щадя живота своего и без всякого упущения, к службе е. и. в. быть готовы, в чем и состоим.

Когда ж к нам послан был переводчик Роман Уразлин с присягою, которому мы по Алкуруану клятвенное и обещание дали, чтоб нам быть верноподанным всемилостивейшей нашей государыни, а над неприятельми е. и. в. противным состоять, как в том и ныне утверждаемся, и сие просим принять за истину. До услуг ваших послал Ирью да Кангильду батырей с одним кощею, и если какое от всемилостивейшей государыни высочайшее повеление, то прошу чрез оных посланных мне приказать.

На обороте подлиннова татарского письма ево, Барак-салтана, чернильная печать приложена.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 79 об. – 80 об. Перевод XVIII в.

№ 236

1749 г., сентября 24²⁴⁸. – Тайному советнику И.И. Неплюеву

Всепресветлейшая державнейшая великия государыни императрицы, подобящейся высокостю и богатством великой горе и быстрой и глубокой реке, гневом – высочайше-

²⁴⁷ Дата получения.

²⁴⁸ Дата получения.

му небу, поступками – бывшему великому царю Ямшиду, высокосиянием – царю Кяивану, правосудием – великим царям Баграму и Навширвану, храбростию – высокославному богатырю Рустяму, милосердием – славному бывшему царю Хатяму, бедствующих и неимущих и сирот, яко мать, милостивно призирающия, приятелю моему г-ну генералу и кавалеру многолетно здравствовать желаю.

Сим вам, приятелю моему, доношу, что в мысли моей иного ничего нет, кроме того, что, даруй боже, всякого вам благополучия и многолетнего здравия. О себе ж объявляю, что я прибыл в область Туркустанскую, в отчизну свою, где, возжа свещу, богу моему и творцу благодарение возсылаю. В бытность же мою тамо, приехав ко мне, Большой орды киргис-кайсацкие бии объявили, что я, будучи в Средней орде, неприятелей мне учинил приятельми, а приятелей – друзьями, и просили, чтоб мне на некоторое время быть в их орде и таким же образом, в случае неприятелей, их чинить им приятельми, а приятелей – друзьями, и тако меня оттуда сюда привезли. Токмо где б я ни находился, а всемилостивейшей государыне в верности находиться буду и вам, приятелю моему, г-ну генералу, о состоянии своем представлять не премину, о сем же прошу вас и е. и. в. донести. С сим до услуг ваших послал верного и надежного человека своего Улджабай-аталыка, которой обо всем акуратнее донесет вам словесно, и оному прошу верить.

При сем же объявляю, что кунградского роду киргис-кайсаков, сан (т. е. десять тысяч человек) е. и. в. в подданство подверглись и меня, Барака, ханом и владельцем себе приняли.

На подлинном татарском письме ево, Барак-салтана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Яков Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. Д. 4. Л. 283. Перевод XVIII в. Копия. Опубл.: КРО-1. Док. № 186. С. 489.

Батыр (? – ок. 1771)

Батыр (Батур, Батырджан, Бахадур, Бахадурджан, Batur), полные имя и титул – *Бахадур-Мухаммад-султан* (ум. ок. 1771), султан, с 15.10.1748 г. – хан группы отделений родов шекты, торткара, шомекей и карасакал поколения алимулы Младшего жуза.

Сын старшего казахского хана Каипа I, внук султана Косроу, потомок в четвертом поколении хана Есима I (Ер-Есима) [ИКРИ-3. С. 301; *Левшин*, 2009. С. 161; *Валиханов*, 1985. С. 174].

После вторжения в 1723 г. джунгарских войск в Присырдарьинский регион Батыр вместе с другими аристократическими лидерами Младшего жуза и подвластными им кочевниками откочевал на территорию Бухарского ханства. Весной 1728 г. в места вынужденного размещения казахских беженцев из соседней Хивы прибыл влиятельный представитель узбекского племени кунград эмир Ишмухаммад-бий (ум. в 1740), который пригласил молодого султана на хивинский престол и затем «посадил» его «на трон ханствования» в Хорезмском государстве [МИКХ. С. 463; FI, 1999, P. 62; КРО-1. Док. № 33. С. 68]. Совершив обряд вознесения на белой кошме, лидеры кунградов несколько дней спустя женили нового хана на дочери бывшего правителя Хивинского ханства Шибанида Ширгазы-хана (1715–1727) [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1747 г. Д. 3. Л. 265–266; КРО-1. Док. № 33. С. 68]. Она, по-видимому, происходила по матери из аристократического сословия саййидов («потомков» пророка Мухаммада), так как позднее звание *саййид* фигурировало в составе полной формулы монархического ранга ее старшего сына от брака с Батыром будущего хана Каипа II [РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 4. Л. 100; *Ерофеева*, 2001. С. 86–87]. Однако положение Батыра в качестве формального главы Хорезма оказалось непрочным, поэтому шесть недель спустя после своего восхождения на ханский престол он тайно покинул его столицу, спустившись с «крепостной стены за здани-

ем Ак-шейха» в «Старой цитадели» Хивы и бежал из узбекских владений в казахские степи [МИКХ. С. 464; FI, 1999. P. 62, 575 (примечания Ю. Брегеля); КРО-1. Док. № 88. С. 213].

Тем не менее, даже кратковременное пребывание на престоле Хивинского ханства существенно повысило престиж Батыра в кочевьях Младшего жуза, так как с того времени бывший ставленник узбекских кунградов, по свидетельству лично знавшего его английского купца Р. Хоуга, приобрел «между тамошними киргиз-кайсаками великую силу... и за умного почитался» [КРО-1. Док. № 89. С. 215]. Это возвышение способствовало быстрому росту честолюбивых амбиций влиятельного султана и положило начало его активному соперничеству с Абулхаиром. В 30-х – середине 40-х гг. XVIII в. Батыр поддерживал тесные связи с недоброжелателем старшего хана султаном Бараком, надеясь ослабить в союзе с ним политическое влияние их общего соперника на старшин Младшего и Среднего жузов; но для достижения желаемого противовеса монархическим прерогативам Абулхаира союзники не имели достаточно широкой и прочной поддержки среди родовой верхушки казахов [КРО-1. Док. № 33. С. 80–81; ИКРИ-3. С. 221; *Аполлова*, 1948. С. 137–138].

Желая не допустить дальнейшего укрепления верховной власти Абулхаира за счет поддержки приобретенного им в лице «белой царицы» могущественного патрона, Батыр встретился 3 декабря 1731 г. в Северо-Восточном Приаралье с российским переводчиком А.И. Тевкелевым и принес присягу на верность российской императрице [КРО-1. Док. № 33. С. 60–61; ИКРИ-3. С. 87]. Однако в последующие годы он, как и прежде, постоянно кочевал на территории Нижней Сырдарьи, в тех отдаленных районах западной части Степи, которые непосредственно граничили с кочевьями Старшего жуза и имел лишь эпизодические контакты с оренбургскими властями. Более интенсивные дипломатические и торговые связи султан поддерживал в это время с хивинскими правителями и правящим джунгарским домом [КРО-1. Док. № 165. С. 424; *Мусеев*, 1991. С. 126, 129 и др.].

В 1748 г. Батыр активно содействовал Бараку в организации вооруженного нападения на Абулхаира, а затем – в вынесении через участие приближенных к нему биев Младшего жуза Каратоку, Козаная и Мамбет-аталыка в судебном процессе оправдательного приговора убийце старшего хана [КРО-1. Док. № 166. С. 426–427, 431; № 167. С. 433].

После избрания султана Нуралы ханом кочевого населения Младшего жуза он категорически отказался признать власть над собой старшего сына Абулхаира и, склонив «немалыми» подарками, полученными из Хивы от своего сына хана Каипа «самых малых» казахских старшин к признанию его ханом, 15 октября 1748 г. был возведен 20 предводителями некоторых отделений родов шекты, торткара, шомекей и карасакал поколения алимулы Младшего жуза на ханский престол. Причем, в этом обряде принимали участие отдельные старшины, которые «и при выборе Нуралы-салтана в ханы были» [МИКССР-2. Док. № 103. С. 276; № 109. С. 291–292; КРО-1. Док. № 168. С. 437].

Год спустя Батыр обратился через своего посланника султана Тауке к царскому правительству с прошением об утверждении полученного им ханского титула, но Коллегия иностранных дел своим указом отказала ему в этом [*Крафт*, 1898. С. 27; *Аполлова* 1948. С. 137]. Одновременно Батыр, осознав бесперспективность для сохранения приобретенной им власти над частью кочевников Младшего жуза продолжать дальнейшую конфронтацию с Нуралы-ханом, еще до отказа российских властей признать его новый высокий статус помирился с прежним соперником и «при бывшем у них собрании во всех советах был и хану обще с киргизскими старшинами вспоможение чинить обещал» [МИКССР-2. Док. № 119. С. 316]. В последующие два десятилетия он по-прежнему кочевал исключительно в бассейне нижнего течения Сырдарьи и ее левых притоков, но в этот период уже не играл сколько-нибудь значительной роли в общественно-политической жизни казахских жузов. Умер хан сырдарьинских казахов не позднее 1771 г. в своих кочевьях и, по-видимому, там же был похоронен [МИКССР-2. С. 423 (примечания М.П. Вяткина)].

Батыр был женат одним браком на дочери хивинского хана Ширгазы, а другим с 22 декабря 1731 г. – на дочери родного брата Абулхаира, султана Младшего жуза Булхаира (ум. после 1730); о других его женах сведений пока не имеется [КРО-1. Док. № 33. С. 62, 68].

От нескольких жен он имел большое потомство, из которого известны шесть его сыновей: Каип (1729–1789), Кодайменде, Карабай (ум. после 1810), Бори (ум. в 1758), Токтамыс, Сырдак [Левшин, 2009. С. 161; Ерофеева, 2003. С. 93–95, 102–105]. Двое из них в середине XVIII в. поочередно были хивинскими ханами: Каип – с июля 1747 до конца 1757 г., а Карабай – с января или февраля по май 1758 г. [МИКХ. С. 469–470; FI, 1999. P. 68–70].

№ 237

1742 г. – Начальнику Оренбургской комиссии тайному советнику И.И. Неплюеву

Копия с письма, присланного от Батыря-салтана, в котором по переводу на русской диалект написано.

Господину генералу премного кланяюсь. Мои дружбы и приятности объявя, доношу, что с кайсацкими биями и батырьми е. и. в. в службе обретаемся; как Абулхаир и Абулмаммет ханы, и Барак-салтан, и Джанбек-батырь служат, так и я во всякой готовности потщуся служить и для того желаю к свиданию в Оренбург приехать. А присланного от вас Романа Ивановича до вас послали и обо всем, что от нас потребно будет г-ну генералу, чтоб приказано было чрез оногo Романа Ивановича ко мне, в чем я на него надеюсь и верю. И что повелено будет, во всякой готовной исправности нахожусь до вашего высокопр-ва с вышереченным Романом Ивановичем прислать.

На оном письме вышеписанного Батыря-салтана чернильная печать.

Секретарь Петр Рычков.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 4. Л. 76. Перевод XVIII в. Копия.

Абылай II (1711–1780)

Абылай (Абилмансур, Аблаи, Абулай, Ablai), полные имя и титул – *Абылай-Мухаммад-Бахадур-хан* (1711–1780), султан Среднего жуза, с 1768 г. – хан Среднего жуза, с июня 1771 г. – старший хан трех жузов.

Представитель династийной ветви Жадик-султана, сын султана Вали (каз. – Уали, Коркем-Уали), внук Абылай-султана (Канишер – Абылая), который в конце XVII в. управлял городом Сузаком [ИКРИ-3. С. 301; Левшин, 2009. С. 164. Таблица 3; Андреев, 1998. С. 102; Валиханов, 1985. Т. 4. С. 174. Таблица 1; Ерофеева, 2003. С. 158–160; Витсен, 2010. С. 465].

Абылай провел детские и отчасти юношеские годы в изгнании, лишившись в 13 лет своего отца, убитого династийными соперниками в междоусобной схватке на юге региона. Согласно народным преданиям, осиротевший подросток в сопровождении верного слуги своих родителей Ораза, или Оразака-аталыка, бежал в город Туркестан, но там был отвергнут знатными родственниками и затем под именем *Сабалака* поступил в услужение к богатым кочевникам-казахам. Сначала он работал пастухом у знатного старшины Старшего жуза Толе-бия Алибекулы (1663–1756), затем – у некоего Даулеткельды-бая из рода жаксылык – также пастухом, а позднее – табунщиком. Хозяин Абылая, обратив внимание на нетипичные для простых казахов манеры своего работника, узнал через расспросы у Оразака о его аристократическом происхождении и тотчас же отвез юношу к его троюродному дяде султану (с 1739 г. – хану) Абулмамбету (ум. в 1770/71), одарив лучшей лошастью из своего табуна [Валиханов, 1984.

Т. 1. С. 217; *Валиханов*, 1985. Т. 4. С. 111; *Потанин*, 2005. С. 326–327; *Кудайберды-улы Ш.*, 1990. С. 53; *История*, 1979. С. 41; *Машхур Жусип Копеев*, 2013. С. 57–59, 72–73, 283–285].

С 1725 по 1738 гг. Абылай находился под патронатом младшего хана казахов Самеке (1723/24–1738) и входил в ближайшее окружение султана Абулмамбета, который оказывал юному торе личное покровительство и поддержку [*История*, 1979. С. 41; *Казахский фольклор*, 1972. С. 283–284]. В 1726 г. пятнадцатилетний юноша принял активное участие в составе казахского сполчения Среднего жуза под предводительством хана Самеке и султана Абулмамбета в общенародной освободительной борьбе против джунгар и в течение последующих четырех лет проявил себя храбрым и искусным воином, способным к принятию нестандартных тактических решений. «Участвуя во всех набегах сначала как рядовой воин, – писал впоследствии на основе семейных и народных преданий Ч.Ч. Валиханов, – он показывает подвиги необыкновенной храбрости и хитрости. Полезные его советы и стратегические соображения упрочивают за ним имя мудрого». В этот период Абылай заметно выделился из плеяды других молодых казахских султанов и получил от казахов за свою смелость и боевые подвиги почетное звание *бахадур* [*Валиханов*, 1984. Т. 1. С. 217; *Валиханов*, 1985. Т. 4. С. 112; *Сулейменов, Моисеев*, 1988. С. 25]

Благодаря приобретенной известности и поддержке султана Абулмамбета Абылай был признан на рубеже 20–30-х годов XVIII в. правителем отдельных патронимических групп сильного рода атыгай в составе аргынов, где ему подчинялись в 1731 г. 1000 лиц мужского пола. В течение 30–40-х гг. умный и целеустремленный султан постепенно набирал силу в Среднем жузе: в 1736 г. под его патронатом состояли уже 10,5 тыс. семей, в 1740 г. – около 20 тыс. семей (роды атыгай и частично каракесек аргынов, часть кыпшаков), в 1749 г. – все семь родов аргынов, а также керей, уаки и часть кыпшаков [КРО-1. С. 93, 155, 204, 407, 469; РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 20]. До 1744 г. Абылай фактически, а с того времени до середины 60-х гг. XVIII в. – формально являлся младшим партнером хана Абулмамбета по управлению многими родовыми и родоплеменными группами Среднего жуза и кочевал большей частью на севере и северо-востоке региона, так как в Ташкентском и Туркестанском районах в 1735–1751 гг. хозяйничали наместники джунгарских хунтайджи.

В 1736 г. он совместно с Абулмамбетом установил дипломатические отношения с оренбургскими чиновниками и начал обмениваться с ними письменными посланиями по вопросу развития двусторонних отношений и официального принятия протектората России [КРО-1. Док. № 62. С. 125–126; Док. № 197, 198, 200, 201, 202, 204–206, 208, 238 сборника]. В конце 1739 или начале 1740 г. он отправил начальнику Оренбургской комиссии В.А. Урусову официальное письмо с просьбой о принятии его с подвластными казахами под патронат российского престола и 28 февраля 1740 г. в Орской крепости принес вместе с ханом Абулмамбетом присягу на верность русской императрице [КРО-1. С. 151–156]. Совершая этот политический шаг, Абылай рассчитывал за счет покровительства российских властей обеспечить внешнюю безопасность подвластных ему родов от набегов башкир и сибирских казаков на севере и северо-востоке региона, получить право беспрепятственного кочевания на правом берегу Иртыша, наладить регулярную торговлю казахов с русскими купцами на сибирских пограничных линиях, укрепить структуры ханской власти в Среднем жузе и расширить сферу их влияния в смежных с казахскими кочевьями южных регионах Центральной Азии.

Осенью 1740 г. началось новое вторжение джунгарских войск в казахские степи, и Абылай принял активное участие в отражении натиска неприятеля. В начале 1741 г. он убил в одном из сражений «знатного свойственника» хунтайджи Галдан-Цэрена нойона Чарчу (Чарыш, Шарыш), а в конце февраля – начале марта того же года был захвачен ойратами в плен в районе оз. Шилеген и р. Шидерты, на северо-востоке казахских кочевий. Около двух с половиной лет он провел в джунгарском плену сначала в ставке Галдан-Цэрена, а затем в кочевьях нойона Даваца (ум. в 1759), где познакомился с хойтским нойоном Амурсаной (1722–1755). В ставке джунгарского хунтайджи Абылай пробыл до начала апреля, а на территории Джунгарии – до

5 сентября 1743 г. и благодаря посредничеству дипломатической миссии Карла Миллера, содействию ей хана Абулхаира и тархана Жанибека Кошкарулы (ум. в 1751) в конце сентября того же года возвратился в свои кочевья на р. Ишим. За время пребывания в джунгарском плену он изучил разговорный ойратский язык и ойратскую письменность («тодо бичиг», или «ясное письмо»), ознакомился с политическим устройством кочевого государства ойратов и установил дружеские отношения с Галдан-Цэреном и его родственниками. На джунгарского хунтайджи произвели большое впечатление личная храбрость, государственный ум и ярко выраженное чувство собственного достоинства молодого казахского чингизида, поэтому именно с ним, а не с ханом Абулмамбетом и султаном Бараком он заключил мирный договор перед возвращением Абылая из урги в свои кочевья. Но, возвратившись на родину, Абылай, тем не менее, был вынужден отправить к Галдан-Цэрену в заложники одного из своих сыновей. [Валиханов, 1985. Т. 5. С. 113; КРО-1. С. 243; ИКРИ-6. С. 131; АВПРИ Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 8. Л.4; Сулейменов, Моисеев, 1988. С. 34–38; Док. № 241 данного сборника].

После возвращения Абылая из джунгарского плена и заключения им мира с главой ойратов добрососедские отношения между казахским султаном и ойратским правящим домом сохранялись вплоть до начала 50-х гг. XVIII в., когда в Джунгарии начались ожесточенные междоусобные войны и казахи стали активными участниками этих событий [Сулейменов, Моисеев, 1988. С.40].

В связи с переездом в конце 1743 г. хана Абулмамбета на постоянное жительство в город Туркестан и его фактическим самоустранением от степных дел Абылай в 1744–1748 гг. сблизился со старшим ханом казахов Абулхаиром и его семейством, особенно с султаном Ералы (1722–1794). В августе 1748 г., когда Абылай вместе с Ералы находились в военном походе на «верхних» каракалпаков, им стало известно об убийстве Бараком Абулхаира. После того, как Барак послал своих людей к Абылаю, чтобы расправиться с сыном убитого хана, возмущенный султан, услышав об этом, проводил Ералы от своего ополчения до кочевий ханской семьи и тем самым спас ему жизнь. Восемь месяцев спустя после этих событий Абылай приехал в ставку ханши Бопай, где жестко осудил убийство султаном Среднего жуза верховного правителя казахов Абулхаира и последующее поведение Барака, пообещав сыновьям бывшего старшего хана личное содействие в осуществлении плана кровной мести главе найманов и указал им точное местонахождение убийцы Абулхаира. Вслед за тем он отправил официальное послание оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву, в котором в резкой форме выразил свое негативное отношение к поступку Барака и намерение содействовать сыновьям убитого хана в отмщении насильственной смерти их отца. [МИКССР-2. С. 256, 291; Вельяминов-Зернов, 1853. Т. 1. С. 4; Док. № 247 данного сборника].

Осенью 1752 г. в связи с началом в Джунгарии кровавых распрей за монархический престол и бегством главного противника хунтайджи Лама-Доржи (1750–1753) нойона Даваци и поддерживавшего его хойтского нойона Амурсаны в казахские степи началась новая полоса военных столкновений между казахами и ойратами, которая продолжалась до весны 1755 года. В 1752–1753 гг. в этой борьбе Абылай поддерживал Даваци и его союзников против Лама-Доржи, а с начала 1754 г. после захвата власти ими в урге и дальнейшего разрыва союзнических отношений между Даваци, ставшим джунгарским хунтайджи, и Амурсаной перешел на сторону хойтского нойона. В ходе междоусобных войн в кочевом государстве ойратов казахский султан во главе ополчения Среднего жуза совершал военные походы в Джунгарию, посредством чего он смог обеспечивать безопасность казахских кочевий от вторжений юго-восточных соседей и добиваться от ойратских ханов и нойонов определенных территориальных уступок [там же. С. 46–54]. Поддерживая междоусобные распри в джунгарских землях, Абылай тем самым не давал усиливаться ни одной из взаимно противостоявших группировок ойратских нойонов и в результате их ослабления последовательно вытеснял ойратов из разных районов Северо-Восточного Казахстана и Семиречья.

Благодаря такой тактике султан существенно усилил и укрепил свои политические позиции среди подвластного ему кочевого населения региона и сумел продвинуть казахские кочевья в долину среднего и верхнего течения Иртыша, Зайсанскую впадину и низовья Или. К середине 50-х гг. XVIII в. влияние Абылая распространилось почти на все племена и роды Среднего жуза, чему в немалой степени способствовали его успешные военные походы против ойратов. Не случайно именно к этому периоду исторической биографии будущего старшего хана восходят сюжеты целого ряда народных преданий казахов, повествующих о ратных подвигах Абылая и его батыров на поле брани [Валиханов, 1984. Т. 1. С. 258–272; Казахский фольклор, 1972. С. 281–283; Заметки, 1914. С. 3–5; Потанин, 2005. С. 31, 325–326; Құрбанғали Халид, 1992. 105-б. и др.].

В начале весны 1755 г. огромная цинская армия численностью около 200 тыс. человек вторглась на территорию Джунгарии и к лету того же года завоевала ее. Амурсана, возглавивший народно-освободительное движение против завоевателей, в начале 1756 г. потерпел поражение и бежал в кочевья Абылая. Как только цинскому командованию стало известно местопребывание Амурсаны, оно отправило к Абылаю два посольства с требованием о выдаче им низвергнутого с джунгарского престола хунтайджи. Казахский султан отказался выполнить этот ультиматум и выступил с ополчением Среднего жуза и поддержавшим его отрядом воинов Младшего жуза во главе с сыном Абулхаира султаном Ералы навстречу цинским войскам. С лета 1756 до середины 1757 гг. между воинскими отрядами казахов и многотысячными цинскими армиями происходили тяжелые кровопролитные сражения на северо-востоке региона и в Семиречье. Однако из-за значительного численного и технического превосходства войск противника Абылаю пришлось прекратить летом 1757 г. военные действия и начать переговоры с цинским командованием о заключении мира и установлении партнерских отношений с новым юго-восточным соседом [ЦИКХ-1. Док. № 3–77; Сулейменов, Моисеев, 1988. С. 53–65].

Вместе с тем, в июле 1757 г. Абылай, оставаясь подданным русской императрицы, обратился с письмом на имя императора Цяньлуна и отправил специальное посольство в Пекин к императорскому двору с целью предоставления ему и подвластным казахам патроната цинского богдыхана. Такая форма мирных двусторонних контактов с Поднебесной империей представлялась ему необходимой для обеспечения внешней безопасности казахских жузов, получения права беспрепятственного кочевания родов Среднего и Старшего жузов в районе Тарбагатай и бассейне нижнего и среднего течения Или и налаживания регулярной меновой торговли казахов с подданными «желтого» Эжен-хана на юго-восточных рубежах Степи. В ноябре 1757 г. император Цяньлун своей грамотой на имя султанов Абылая и Абулфеиза официально гарантировал им свое покровительство и защиту, что положило начало становлению непосредственных дипломатических отношений кочевого государства казахов с Цинским Китаем [Док. № 253 сборника; ЦИКХ-1. Док. № 78–80, 83]. В дальнейшем Абылай умело использовал свой правовой статус подданного двух империй для проведения собственной политической линии в Среднем и Старшем жузах и благодаря этой прагматичной позиции существенно расширил к началу 60-х гг. XVIII в. сферу своего влияния среди казахов. Не позднее 1768 г. авторитетный султан был избран или признан ханом казахским населением Среднего жуза, так как именно с этого времени он стал заверять свои письменные послания иностранным монархам личной печатью, в которой его собственное имя фигурировало в сочетании с титулом «хан» [Ерофеева, 2001. С. 48–53; Док. № 283 сборника].

В 60-х гг. XVIII в. в условиях сохранения ханом Абулмамбетом в Степи формального статуса старшего казахского хана Абылай уже имел реальную власть над большинством населения Среднего жуза и частью родов и племен Старшего жуза. По характеристике А.И. Левшина, «превосходя всех современных владельцев киргизских [казахских – И.Е.] летами, хитростью и опытностью; известный умом, сильный числом подвластного ему народа и славный в ор-

дах сношениями своими с императрицей и китайским богдоханом, [он] соединял в себе все права на сан повелителя Средней орды» [Левшин, 2009. С. 254].

Подобно своему предшественнику хану Абулхаиру Абылай стремился объединить под своей властью казахов всех трех жузов и добиться усиления своего ханства в Центральной Азии. С этой целью он, как и в 30–40-х гг. XVIII в. Абулхаир, поставил своих многочисленных сыновей, братьев и прочих родственников во главе наиболее крупных родоплеменных подразделений казахов; твердо и последовательно подавлял клановый сепаратизм султанов и знатных старшин, «сам судил виновных в непокорных аулах и сам со своими тюленгутами чинил расправу над ними» [Валиханов, 1985. С. 116; Аполлова, 1960. С. 424].

Весной – летом 1771 г. Абылай совершил так называемый «пыльный поход» против бежавших из Волго-Уральского региона в верховья Или калмыков во главе с бывшим наместником Калмыцкого ханства Убаши (1761–1771), в ходе которого одержал победу над ними в сражении на местности, расположенной на северо-западном побережье озера Балхаш, западнее острова Тасарал (позднее место этой битвы у казахов получило название *Калмак-кырган*) и затем преследовал их до урочища Капшагай в среднем течении реки Или [Валиханов, 1984. Т. 1. С. 221–222; История Казахстана, 2012. С. 265–269 (комментарии И.В. Ерофеевой); Ерофеева, 2010. С. 521–523].

Осенью 1771 г. в связи со смертью хана Абулмамбета старшины многих казахских родов Среднего и Старшего жузов и знатные представители городского населения Присырдарьинского региона официально провозгласили Абылая в мечети Ходжа Ахмета Ясави верховным правителем казахов – старшим ханом [Док. № 306, 321–323 сборника; Андреев, 1998. С. 36–37]. В 1772 г. его ханский титул был утвержден цинским императором Цяньлуном [ЦИКХ-1. С. 30]. Пять лет спустя после приобретения высшего ранга, желая получить от царского правительства военную помощь для завоевания соседних кыргызов и оседлого населения Ферганы, он официально обратился к императрице Екатерине II с просьбой об утверждении полученного высшего титула и отправил посольство во главе со своим сыном Тогумом в столицу России к императорскому двору. Российское правительство, давно присвоившее себе право санкционировать выборы казахских ханов, с удовлетворением восприняло прошение Абылая об утверждении его нового формального ранга. Но поскольку официальный Петербург еще с начала 40-х гг. XVIII в. взял курс на дезавуирование в общественном сознании казахов института старшего хана и постепенное нивелирование статусных различий между тремя категориями степных ханов, Екатерина II по рекомендации Коллегии иностранных дел в своем патенте Абылаю и грамоте казахскому народу от 2 мая 1778 г. утвердила за ним лишь титул хана Среднего жуза. В то же время настойчивые просьбы нового верховного правителя трех жузов о присылке ему русских войск для похода против южных соседей казахов петербургские сановники признали не заслуживающими одобрения, поэтому в выполнении данной просьбы ему было решительно отказано [КРО-2. Док. № 42–46; Касымбаев, 1999. С. 102–126].

Нежелание царского правительства удовлетворить прошение Абылая об отправке в его ставку «тысячной команды» русских солдат, калмыков и сибирских казаков для похода на Тяньшанских кыргызов явилось главной причиной его отказа прибыть на Горькую линию для конфирмации и получения «знаков ханского достоинства». По этому поводу хорошо осведомленный о настроениях хана его личный писарь Ягуда Усманов в 1779 г. в разговоре с одним из оренбургских чиновников так характеризовал позицию своего хозяина: «Аблай-солтан поехал бы не только в Петропавловскую крепость, но и в Оренбург, если бы даны были просимые им войска, а бес того не только присяги, но и знаков принять не хочет» [КРО-2. Док. № 49. С. 96]. С аналогичной просьбой Абылай обращался и к правительству Цинов, для чего весной 1779 г. отправил своего сына Сыздык-султана к императорскому двору. Однако и здесь его постигла неудача, так как пекинские сановники посчитали обращение казахского хана слишком дерзким для подданного Поднебесной империи, «а потому и просьба ево,

Аблаева, в требовании войска [была] оставлена при отказе без всякого уважения» [МОЦА-2. Док. № 236. С. 201–202, Кыргызстан – Россия, 1998. С. 49–50].

В конечном счете Абылаю удалось осенью 1779 г. с помощью своей воинской хитрости и смекалки успешно провести собственными силами военную кампанию против тяньшанских кыргызов и покорить часть городков в окрестностях Туркестана и Ташкента [Сулейменов, Моисеев, 1988. С. 130–132]. Однако как опытный военачальник и политик он ясно сознавал, что без постоянного присутствия в завоеванных районах регулярных войск он не сможет долго удерживать местное население под своим контролем и поэтому не оставлял надежду на поддержку России.

Осенью 1780 г. Абылай, перекочевавший со своими аулами из Семиречья в окрестности Ташкента, серьезно заболел и был вынужден решать вопрос о престолонаследии в казахских кочевьях. По свидетельству будущих прямых наследников и ближайших сподвижников старшего хана, он следующим образом разделил власть между сыновьями: «Вся Средняя орда досталась сыну его... Вали-хану, а другой [сын] – Адиль-солтан получил в свое владение великую часть Большой орды, а прочие при них – по уделам» [Кыргызстан – Россия. С. 76, 79]

Скончался хан в октябре-ноябре 1780 г. под Ташкентом, откуда прах его был доставлен родственниками в Туркестан и захоронен в мавзолее Ходжа Ахмеда Ясави [Сулейменов, Моисеев. С. 132–133; ИКРИ-6. С. 136–152; Смағұлұлы, Кожаев, Оразаққызы, 1999; Кожа, 2012. С. 300–317].

Абылай был мудрым политиком, талантливым полководцем и выдающимся дипломатом. За пятьдесят лет правления в Среднем жузе и около двадцати лет параллельно с ним во многих племенах и родах Старшего жуза ему удалось обеспечить политическую стабильность в северных, центральных и юго-восточных регионах Степи, расширить территорию кочевания казахских родов и племен в Среднем и Верхнем Прииртышье и в Семиречье и наладить относительно регулярные торгово-экономические связи казахов с Россией, Цинской империей и среднеазиатскими ханствами. [Аполлова, 1968; Сулейменов, Моисеев, 1988; Касымбаев, 1999. С. 130–138; Абуев, 2006 и др.]. Воинская доблесть, боевые подвиги и организаторские таланты Абылая были воспеты лучшими жырау его эпохи. По словам Ч. Валиханова, многие казахи считали этого правителя «воплотившимся духом (аруах), ниспосланным для свершения великих дел» [Валиханов, 1985. Т. 4. С. 112–113]. Подтверждением этому может служить широкое бытование среди кочевого населения региона в XIX – начале XX в. различных преданий и легенд об Абылае, многие из которых сохранились в устной памяти народа до наших дней.

По воле судьбы Абылай стал последним старшим ханом казахов, так как после его смерти в результате активного вовлечения наиболее влиятельных казахских ханов и султанов в сферу геополитических интересов России, Кокандского владения (с 1809 г. – ханства) и Цинского Китая почти трехвековая традиция существования этого института в Степи окончательно прекратилась.

Хан имел 12 (по другим сведениям – 17) жен, от которых у него было 30 сыновей и 40 дочерей. Первая жена Абылая (байбише) по имени *Карашаш*, или *Каражан*, была племянницей Абулхаира; вторая – *Сайман* – дочь каракалпакского бека Сагындык-Чувактая, третья – *Бабак* – дочь кашгарского сарта по имени Кенже, который происходил, по одним сведениям из ферганских кыргызов, а по другим – из племени найман Среднего жуза; четвертая – *Зухра* – дочь Утеш-ходжи, родной сестрой правителя племени уак Сарыгалдак-ходжи; пятая – *Тобыш* – дочь джунгарского нойона и шестая – *Тохта* – казашкой по происхождению; седьмая – *Татыш* – дочь некоего безымянного влиятельного кыргыза. Остальные пять жен – *Орес*, или *Орес-Слу*, *Тулак*, *Саин-Кобен*, или *Сапай-Кубэ*, *Шаган* и *Мунтум* являлись волжскими калмычками-торгутками [КРО-1. С. 297, 557; ЦИКХ-2. С. 44; АВПРИ. Ф. 122. Оп.1. 1758 г. Д.4. Л. 99–100 об; 126–128; 1752 г. Д. 3. Л. 9–14; МОЦА-2. С. 153; КРО-2. С. 103; Валиханов, 1985. Т. 4. С. 175; Пантусов, 1901. С. 3, Приложение].

От первого брака Абылай имел две дочери, одна из которых была замужем за сыном Барака Таир-ханом, а другая – за внуком хана Самеке султаном Кодайменде, сыном хана Есима II. От второго брака известны сыновья: Вали (1744–1821), Шынгыс, Адиль (?–1815) и Есим; от третьего – Шеген, Рустем, Оспан (Осман), Сыздык, Абетай и Абдулла (Абдильда); от четвертого – Ток, Косум и Арык; от пятого – Камбар и Касым (?–1840); от шестого – Шигай (Сыгай), Тогум (Тогай) и Суюк (1779–1853); от седьмого – две дочери, одна из которых была выдана замуж за внука хана Абулмамбета султана Турсына, сына хана Тауке II, а другая – за сына Батыр-хана султана Бори (ум. в 1758), управлявшего отдельными родами каракалпаков. От восьмой жены Абылай имел сына Шаму. По отдельным сведениям, у него был еще сын Абулфеиз. Последние четыре жены хана были бездетными [Валиханов, 1985. Т. 4. С. 176–177, 304–305]. В шежире Абылая, составленном Машхуром Жусип Копеевым (1858–1931), среди его сыновей упоминаются также Абубакир (сын от Бабак, дочери Кенже-сарта) и Телек (сын одной из плененных калмычек) [Машхур Жусип Копеев, 2013. С. 311]. Кроме родных сыновей Абылай имел также пасынка Буруда, или Бори-султана, который являлся родным сыном одной из его ойратских жен от знатного джунгарского нойона Хоши-Мергена и племянником нойонов Баира (Байыра) и Юлбулды [МОЦА-2. С. 153, 193; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1762 – 1775 гг. Д. 14. Л. 191–192]. Подробнее об Абылае см.: Басин, 1971. С. 210–242; Сулеменов, Моисеев, 1988; Хафизова, 1995. С. 170–182; Касымбаев, 1999. С. 102–139; Ерофеева, 2000. С. 155–164; Ерофеева, 2001. С. 123–128; Абуев, 2006.

№ 238

1737 г., сентября 11²⁴⁹. – Полковнику А.И. Тевкелеву

Полковнику мурзе Тевкелеву от Аблая премногое челобитье.

С прошлого году и поныне живу я там, а теперь послал я своего посланного, чтоб усмотря е. и. в. указ, возвратился ко мне. И которому верить мне как своим глазам и какую мне службу повелено будет служить, то я готов. А словам смежных воров не извольте верить, е. и. в. всякую службу готов служить, и как Байбек к нам прибыл, которому больше поверили и того ж часу отправил сего человека, Берендея-батыря, Баканаева брата.

А внизу печать чернильная, в котором изображено белыми литерами: Абулмухамметь-Багадырь-салтан.

Пониже печати написано тако: во уверение я, Аблай, печать приложил.

У подлинного подписано: переводил Раман Уразлин.

РГАДА. Ф. 248. Кн. 1164. Л. 929 об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 239

1739 г., октября 29²⁵⁰. – Подполковнику Сибирского драгунского полка Я.С. Павлуцкому

Перевод с татарского письма.

От Аблая-Мухамметя-батыря от салтана много кланяюсь вам, Якову Степановичю, а после того слова те: вам в российские жилища кроме подданства ничего не хотим, кроме добра худа не желаем. От Ушинской волости жилища их кроме наших имеютца, ис тех некакия воры без ведома нашего ездили под Курганской город, малую часть взяли русских людей и, взяв, ехали. И то мы отбили у них двух русских баб, да еще же имеетца от нас в дальном разсто-

²⁴⁹ Дата получения.

²⁵⁰ Дата получения в Сибирской губернской канцелярии. Датируется на основе доношения Сибирской губернской канцелярии в Коллегию иностранных дел от 5 ноября 1739 г. См.: АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1739 г. Д. 4. Л. 1.

янии женского полу русская, а ее привести для отсылки ете не ждали, а что же не послали к вам посланников, что мы не советовали. Еще да оныя русския бабы того не дождались, да в наши жилища пожалуйте обо всем уведомляйте вы, а в ваши жилища також-де мы уведомлять будем о всем и посланников присылать без задержки. А что наши другие речи донесет вам обо всем Талашбай-батырь, и в том вы верьте, да и друг другу гостинцы присылать будем.

Переводил с татарского на русское письмо ясашных татар деревни Улугуши перевотчик Бектемир Ермаков.

На подлинном подписано по-татарски.

У подлинного приложена печать татарская на черниле.

Секретарь Соколов.

С присланною копию читал подканцелярист Иван Андреев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1739 г. Д. 4. Л. 2. Перевод XVIII в. Копия с копии.

№ 240

1740 г., августа 28²⁵¹. – Императрице Анне Иоанновне

Ея императорское величество всепресветлейшая и всемилостивейшая государыня есть во всем свете и наиславнейшая монархиня. Ее же благополучное государствование да умножит всемогущий господь бог, любящий истину и правосудие.

С таким моим всесердечным желанием, я, Аблай, султан киргис-кайсацкой Средней орды, пришед и предстоя пред позласченною е. и. в. персоною и видя сень богом освещенного е. и. в. лица, умом моим к высокомонаршим е. и. в. стопам припадаю и нижайше прошу, да принят я буду с подданными моими людьми в непобедимое засчищение высочайшей е. и. в. милости и в число совершенных и истинных е. и. в. подданных, за которую высочайшую милость долженствую не токмо я один, но и со всеми моими верным и истинным е. и. в. рабом вечно пребывать.

Вас же, превосходительного г-на генерала-лейтенанта, яко моего благодетеля и предводителя к сему моему благополучию, дружески поздравляя, прося, чтоб мое предобъявленное желание и всеподданнейшее прошение е. и. в. представить и засвидетельствовать.

Подлинное в татарском закреплено оного Аблай-султана печатью.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1740 г. Д. 3. Л. 80. Перевод XVIII в. Опубл.: МИПСК. Док. № 15. С. 36–37.

№ 241

1743 г., октября 24²⁵². – В Сибирскую губернскую канцелярию

Честная-пречестная, превеликая и пребогатая великая государыня, самодержица всероссийская, сущею правдою всю Россию держит. От орды своей мы, Аблай-Мехгамет-Батырь-султан, тобольским большим командирам много-много кланяемся.

После поклону эти речи станем говорить превеликому белому царю за здравие ево. В свою орду приехали благополучно, и вы, большие, все ли в добром здоровье? У нас кои имеются под рукой орды наши люди, государыне способствовали, и мы також государыне способствовать желаем семь тысяч человек, еще к тому и нечисленные також способствовать желают. И мы все обретаемся благополучно, вашим государевым землям обид, изьяну не учиним, оному великому белому царю приятелям – приятель, а неприятелям – неприятель; которой добро делать – до седые бороды жить будет, а буде хто худо делать – кости ево исчезнут

²⁵¹ Дата получения.

²⁵² Дата получения.

в землю. Абулмогамет-хан, Абулхаир-хан – братья большие мои – в Оренбурге торгуются, и мы желаем прямым своим путем торговатца, большой торг сделался бы.

Я, Аблай-Магамет-Батырь-султан, ис калмыцкие земли выехали мы сентября 5-го дня и в свою орду приехали; и с приезде после тово Елбарс-султан, Бекбулат-батырев сын Илцабай, искони век служители Кочен-мурзин брат ево Байдавлет, еще Избасар для служительства посланы, которая остальные речи есть с письмами. Посланные люди скажут: посланное письмо писано, лишнего говорить нечего, послали двух лошадей в подарки.

У подлинного письма сургучевая красная печать, в которой значит: Казачьей орды письмом Аблай-салтан.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 8. Л. 11 об. – 12. Перевод XVIII в.

№ 242

1743 г., ноября 10²⁵³. – Коменданту Коркиной слободы

I

От меня, Аблай-Батыря-султана, от нашей стороны в российскую сторону майору Петру Кириловичу кланяемся, после поклону эте речи говорить. Которые посланные от него, и тем людям торговатца прикажи хорошенько с радением и скоро назад возвратите, только коротко. Зделали это письмо, от Чики-бия послано. А тебе, майору Петру Кириловичу, послана от нас посылка – лошадь одна, а от тебя просим одного хорошего верблюда.

Оное подлинное письмо за сургучевою красною печатью, на которой значит имя: Аблай-султан.

II

От меня, Аблая-Батырь-султана, от нашей стороны в российскую сторону тебе, майору Петру Кириловичу, кланяемся, после челобитья еще станем речи говорить. Станем торговать на сторону и сего человека ис торговавши радением на стороне отпустить. Которые посланы были за торгом, и они потерялись, и о том указ ли государев повелевает, или воры так делают; и оных бы лошадей, сыскавши, прислать скоро. И это послано этих посланных людей от головы Абдула-бия.

Оное подлинное письмо за сургучевою красною печатью, на которой значит имя: Аблай-султан²⁵⁴.

Переводили татарский агун Есуп Мамешугуров и отставной солдат Василий Третьяков.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 8 Л. 12 об. – 13 об. Перевод XVIII в.

№ 243

1745 г., мая 7²⁵⁵. – Полковнику Я.С. Павлуцкому

Перевод с присланных ис Киргис-кайсацкой орды татарских дву писем, полученных полковником Павлуцким чрез посланных во оную казачья сотника Якова Ерафеева с товарищем майя 7-го дня 1745 г. И во оных по переводе оказалось, а имянно.

²⁵³ Дата получения.

²⁵⁴ В сопроводительных документах к письмам, составленных чиновниками Сибирской губернской канцелярии, имеется следующая приписка: «Оные письма присланы в пакете, а на том пакете подписано тако: "Я от Аблай- Батур-султана тебе, мазору Петру Кириловичу, челом бьем. После челобитья этих людей, сторону исторговавши, с понуждением назад выслать. Сие письмо от Чикибий-батур от Якшабая послано"». См.: там же. Л. 13 об.

²⁵⁵ Дата получения.

Всепресветлейшая державнейшая великая императрица, самодержица всероссийская и проч., и проч., и проч.

По указу е. и. в. верноподданной киргис-кайсацкой Средней орды Облай-салтана г-ну полковнику Якову Степановичу Павлуцкому великое челобитие и поклоны. Белой царь, кто дружбу имеет, и мы дружбу имеем; кто недружбу имеет, и мы дружбу не имеем. В государственной земли поданныя ея величеству пространством своим поволит, сколько могу, столько услужу, так желаю, покуль жив, в слугах ея величества.

Вашим приказом приказано, чтоб вверх по Иртышу в области Иртыша не быть. Которые мне подданны, тем всем известие пошло, которым от меня известия не было, а которые, когда блись Иртыша будут, тем изневали не чинить. От вас до нас известия есть, которые от вашего здоровья к нам писано, отдать о лошедах и о полону. Которыя под моим владением, вашего полону и лошадей не имеется. Когда быть стали подданные, и нам такой полон и коня ежели удержать, то нам какой и союз будет. И топерече в прошлом годе ваши люди 42 человека в плен взяли, 24 верблюда, 1300 лошадей, 13 юрт з богачем, з домами и з животом. И 382 лошади пришло к нам, еще 918 лошадей у вас осталось. Тосов сын Тайлак сказали, что окрещены наши люди, напредки увезут и окрестят; и наши веры ваших в нашу веру привезут и обусурманят, и то хорошо ли будет. И того Тайлака не изволите послать, то я буду печален. Иштавлетева имеется ружье, а за то ваше ружье ж – Абыткарыева ружье ж, Бурхабаева ружье ж, и тех людей имеется у вас ружье их, и лошади их. И те пленные – наш полон и лошади.

Желаем у милостивой государыни высочайшую милость. Сие письмо послано с Турунбетем, з Бек-мурзой. Алимбетя-батыря жену, имя ей Аим, в начале ее просим прислать с протчим полоном, а и его ж дочь Байбику. Да еще того ж году одного человека увезли ваши, промышленного стрельца, а имя ему Елыбулды. Указом всемилостивой государыни я, Аблай-салтан, со всею волостию, а ис той волости своей в Ямышевскую и в Семиполатскую крепость и с торгоми буду посылать.

У подлинного татарского письма, приложена чернильная Аблай-салтана печать.

С татарского письма на русское переводил тобольской служилой татарин Сафар Салеев, в чем и подписался.

Толмачил Ямышевской крепости казак Илья Шульгин, в чем и подписался.

К сему переводу ямышевской казак Илья Шульгин подписался своеручно.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 7. Л. 6 об. – 7. Перевод XVIII в. Опубл.: МИКССР-2. Док. № 35. С. 120–121.

№ 244

1745 г., не позднее июня²⁵⁶. – Полковнику Я.С. Павлуцкому

Здравствуй Яков Степаныч, на множество лет! Пожалуй пожалуй, не оставь, в чем я прошу. Как вы – подданные великой государыни, так и мы – подданные. Все у нее верноподданные радуются и веселятся, токмо один Алимбет-батырь изобижен, в печали всегда. Я тебя, г-н полковник, покорно прошу, чтобы ты за них был старатель завсегда. Да еще же покорно прошу отдать нам Алимбетев полон и живот, который взят был у нас, чтобы выслать. Который вы изволили требовать у нас полон, ни прежде, ни после на всемилостивейшую государыню лиха не думаем, не токмо полону русского, которая есть у нас пленная баба, и та взята в давних годах; мы эту полонянку купили. Которые в полон взяты у вас в давних годах, также у нас взя-

²⁵⁶ Дата получения.

та пленная баба в давних годах. Еще у вас полону нашего людей – 31, зверей – 24, лошадей – 765, 7 юрт с животом со всем у князя капитана, 2 кафтана бархатные и прочее [...]²⁵⁷

Перевод XVIII в. Опубл.: Потанин Г.Н. Материалы для истории Сибири // ЧОИДР. М., 1867. Кн. 2. С. 143.

№ 245

1745 г., ноября 22²⁵⁸. – Командующему войсками в Западной Сибири генерал-майору Х.Х. Киндерману

Всемиловнейшей государыни императрицы г-ну генерал-маэору Киндерману я, Аблай-салтан, посылаю великое челобитие и ниской поклон. Я же здесь живу в добром здравии, слава богу, и вы-де все ли в добром здравии там живете; а после тово слово наше ето.

Прежде-де сего немирные и супротивные нашему государю люди, называемые уйсонские, триста изб, кои-де жительство имеют промеж калмаками и нашу Казацкою ордою, ездили-де они и шатались повсюду, а лутчее-де всемиловнейшей государыни не нашли. И как-де прежде воевали и несклонны были, а ныне-де приехали ко мне их зайсан и прощения просят, и мирные-де их Казачьей орды люди и русские не принимают, то своими-де головами приклонились и повинну принесли всемиловнейшей государыни, и приняли их или нет, о том г-н генерал Киндерман, что изволишь, полагаемся на вашу волю: как зделать прикажешь, и по приказу вашему мы рады делать. А из них-де, уйсонцов, слышал я, что один человек Байгит Чаулеев да брат ево Айбаш сидят в Табольску в тюрьме, и тебя, г-н генерал Киндерман, просим, нельзя ли их, холопей государевых, отпустить обратно, и буде та милость ваша зделаетца, то бы с етеми посланными и з Девлетем Чакаевым оных прислать.

На подлинном приложена чернильная печать.

Переводил татарин Сабангул Бурнашев, толмачил тарской городовоной толмач Иван Кислой.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 10. Л. 2. Перевод XVIII в. Копии перевода – РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 1446. Л. 111 и об., 116 и об.

№ 246

1745 г., декабря 23²⁵⁹. – Сибирскому губернатору А.М. Сухареву

а)

Графу²⁶⁰ Алексею Михайловичу, генералу могущественного, уважаемого, великодушного, ко всем сострадательного его величества великого государя, от меня, Аблай-султана, много, много молитв и привет. Мы здесь, слава богу, пребываем, живы и здоровы, будьте и вы там здоровым.

Наша речь о следующем. Здесь имеется народ, называемый пара-уйсун, который враждовал против йурта государя. Теперь они говорят: устраивая восстания среди верхних калмыков, и казахов, и против йурта государя, мы никакой пользы не нашли. Мы лишились возможности разъезжать среди казахского йурта, а также не можем разъезжать среди русского йурта. Они заявили, что в своих старых грехах раскаиваются, что они покоряются государю. Главварь 300 домохозяев их явился к нам и, покорившись, возвратился к себе. На это какое

²⁵⁷ Конец письма опущен составителем первого издания.

²⁵⁸ Датируется на основании сведений о дате получения этого письма генерал-майором Х.Х. Киндерманом в экстракте сибирского губернатора А.М. Сухарева за 1745 г. См.: АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 10. Л. 24–25.

²⁵⁹ Дата получения.

²⁶⁰ Так в документе.

последует ваше решение: чтобы они склонили свою голову перед государем, или же примите решение, чтобы они не склоняли своей головы? Конечно, вы, Алексей Михайлович, знаете, как поступить им. В соответствии с вашим приказом, они готовы покориться государю и жадут стать покорными рабами. Указанные народы услышали о том, что один их жигит заключен в тюрьму в городе Тобольске. Отца его зовут Жаулыбай, старшего его брата зовут Ибаш, а его самого – Байжигит. В виду того, что они покорились государю и стали его рабами, вы, генерал Алексей Михайлович, смилостивившись над их жигитом, освободили бы его. Если же вы смилостивитесь, то просили бы вас вернуть его вместе с посланными нами к вам Шакаулы Есдаулетом и его спутником Есенаманулы Боздаком.

Слева приложена сургучная печать; форма ее и надпись не разобраны.

Современный перевод с чагатайского языка составителей МИКССР под редакцией И.Н. Леманова. Опувл.: МИКССР-2. Док. № 46. С. 139–140. Подлинник на тюрки – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 10. Л. 11 об. Опувл.: МИКССР-2. С. 398–400.

б)

Перевод с татарского письма, присланного при доношении тобольского губернатора Сухарева, писанного к нему, Сухареву, киргис-кайсацкой Средней орды от Аблай-солтана; здесь полученного при доношении его, Сухарева, 23 декабря 1745 г.

Препочтеннейшия и славы достойнейшия, всепресветлейшия и всемилостивейшия великой государыни г-ну генералу Алексею Михайловичу Сухареву от Аблай-салтана множественное поздравление. Благодарю господа бога, что мы здесь во всяком благополучии пребываем, а вы тамо благополучно пребываете.

Слово наше в том состоит: понеже Российскому государству в противности находящиеся называемые уйсунские народы, состоящая в трехстах кибитках, которые, будучи здесь между верхних калмык и кайсак, всегда России противности оказывали и от пребывания их здесь никакой пользы от них не было. А ныне оной народ, пришед в раскаяние и оставя прежние ими чинимыя поступки, у е. и. в. в подданстве быть желают. И с тем требованием прислан был к нам от них один старшина; того ради чрез сие вам, г-ну генералу, объявляем: прикажите ли вы оной народ в подданство е. и. в. принять или не принимать, – оное предается в волю и разсуждение вашего пр-ва, а оной народ охотно желает быть в подданстве е. и. в. Из помянутого народу один человек, называемой Байигит Джавлыбаев сын, в Тобольском под арестом содержится, о котором просят, чтоб ради приходу их в подданство е. и. в. из-под аресту освобожден был. Причем и я прошу, дабы с подателем сего письма Ишдаулет Чакаевым сыном и с товарищем ево Буздак Исенамановым помянутой Байигит сюда прислан был.

На подлинном письме сургучевая печать, в которой изображено имя ево, Аблай-салтана. Переводил переводчик Александр Турченинов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1745 г. Д. 10. Л. 12–13. Перевод XVIII в. Копия перевода – РГАДА. Ф. 248. Оп 113. Кн. 1446. Л. 124 об. – 125 об. Опувл.: КРО-1. Док. № 128. С. 328–329.

№ 247

1749 г., мая 9²⁶¹. – Оренбургскому губернатору тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма, присланного от Аблай-салтана, полученного в Оренбурге чрез присланного от Абулхаир-хановой Пупай-ханши и от детей ея Абагая-салтана с товарищи майя 9-го числа 1749 г., в котором по переводу значит.

²⁶¹ Дата получения.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну тайному советнику и кавалеру и Оренбургской губернии губернатору Ивану Ивановичу желаю со всею вашею честною фамилиею всякого благополучия навеки нерушимо.

Я, Аблай-салтан, вашему высокопр-ву с находящимися при мне Казбек-биевым сыном Бекбулат-бием и с протчими Средней орды знатными людьми свое истинное усердие изъявляем и просим нас и впредь з бездельниками не счислять. Покойной наш Абулхаир-хан нашего народного счастья содержатель и отец наш был, и по нем мы всегда в верных службах обращались. Ныне же с оставшими от него детьми Нурали и Эрали салтанами обо всем единственной совет учинили, а злодей Барак, яко собака, з бесчестьем умрет. И мы ныне от таких ево поступок почти каждой день от стыда весьма уязвляемся, за что, согласясь всенародно, отмщение смерти хана нашего учинить мы намерены. И когда ханские дети для отмщения смерти отца своего поедут, то мы по крайней нашей возможности вспомоствовать будем и ево, Барак-салтана, уьем. Он же, Барак, ныне от отечества своего бежал, а мы от того пути, которой нам Абулхаир-хан показал, вечно не отстанем. Токмо просим, чтоб мы милостию вашею и впредь оставлены не были, и какая служба на нас положена будет, оную на тем своем нести имеем и всегда е. и. в. по возможности нашей верно служить обязуемся.

Во уверение чего я, Аблай-салтан, печать свою приложил.

На подлинном татарском письме ево, Аблай-салтана, чернильная печать.

Переводил переводчик Яков Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. Д. 4. Л. 59 и об. Перевод XVIII в.

№ 248

1749 г., июля 12²⁶². – Командиру Уйской пограничной линии полковнику П.С. Бахметеву

Переводы с киргис-кайсацких писем на русской диалект.

1-е письмо

Господин полковник Петр Степанович, от меня, Аблай-салтана, челобитье. После челобитья слова мои: прислал ко мне послом гранодир Роман Москвитин, и, не доехавши к нам, едучи дорогою, у них одну лошадь, два кафтана, один хам ограбили и взяли оное непочти ведомства Еныбекова люди, которые воры – имя Куилбай, мастеровой. За то и ответ от Иныбека требовать. У сего письма черная печать. Подлинное переводил переводчик [...]

3-е письмо²⁶³

Великие государыни императрицы Елисаветы Петровны верный слуга г-ну полковнику Петру Степановичу Средней орды от Аблая-салтана премного много челобитья. Слово наше то: прошлых годов, когда воевали Балакатайской волости Сысканов сын, имя ево Акюкузина, жена и сын ево попали в плен киргисцам. Суймасов сын Исекеман Акукузина жену и сына на живот выкупить и отдал, и моих пленников хотел я выкупить и отдать. Жену Каравалкисарды сын Караванки живы ли, и Сакаманов брат возврат не хотел отдать, Акукузин сын взял здесь и поныне обратно не отдал и братнин живот не отдал. Салхузи Исакаманова призвав, просит их возвратно тот живот отдать и Сакаманов брат большой Катайской волости Араскуллу живот за Аккузина сына взять и отдать. Прошу я: Утеганов брат Дюулетели – большой Катайской волости Уркебаю брат, у реки живут, Кулунбету брат Азатбай той Катайской волости – у

²⁶² Дата получения.

²⁶³ Второе письмо от Кулсары-батыря.

старшины Емантая. Об оных пленниках даром не прошу: пленников – за пленников или на живот. Того ради ответ пришли, вам много много ответы будут. У сего письма черная печать (Мулла Кедряс).

4-е письмо

Ея императорского величества императрицы Елисавет Петровны.

Средней орды от владельца Аблай-салтана по Уйской линии г-ну полковнику Петру Степановичу премного много кланяюсь. После челобитья слово наше то:

От Петра Петрашевича, от майора, в третьем году четыре человека беглых приехало; двоих киргиския дети и отцы и матери их опознали и в дели за двух просим. Когда нападение было наше, киргиских пленных города Гургана [1] те пленники возвратятся, найдутся русские пленники, тех мы возвратим, всегда так делается. Когда государыни в верное подданство пришли, после того города Омны [2] князь Кагадан Илюмбет-батырь взял тысячу лошадей, сорок ясыря, дватцать верблюдов и тринадцать кибиток, одиннадцать человек, и убили девятерых на дороге. Назад тому седьмой год просим вышних командиров по совету милость показать, отдать. Мы, Аблай-салтан, просим в Троицкой крепости лошадьми менять всем товарам кармазинными кафтанами, лисицами черными как в Оренбурге.

У сего письма черная печать и подписался татарским письмом.

Подпрапорщик Петр Куницын.

ГАОРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 52. Л. 101–102. Перевод XVIII в.

№ 249

1752 г., ноября 21. – Бригадиру А.И. Тевкелеву

Перевод с татарского письма, присланного киргис-кайсацкой Средней орды от Аблай-салтана на имя г-на бригадира Тевкелева, полученного чрез посыланного к нему капитана Яковлева в Оренбург ноября 21-го дня 1752 г., в коем значит.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыни и императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийская и протч., протч., протч.; высокоблагородному и превосходительному бригадиру Алексею Ивановичу Тевкелеву киргис-кайсацкой Средней орды Аблай-салтан многолетняго здравия желаю.

Вашего превосходительства письмо, коим напоминаете о здешних азиатских купцах, яко то ташкенцах и кашгарцах, и о свободном и безопасном препровождении, и что оных ныне в приезде к вам нет, я чрез нарочного присланного от вас капитана Яковлева с немалым моим удовольствием получить удостоился, за что и благодарение приношу.

И об оных купцах вашему пр-ву чрез сие доношу, что понеже прошедшей зимы ис Зенгорского владения по происшедшему у калмык междоусобию [1] прибежали к нам в орду три знатные их калмыцкие владельцы, а имянно: первый из них бывшаго Черен-Дундука внук Лобача [2], а другие двое – родные братья, родившиеся от контайшиной дочери, бывшего владельца Джамбы дети, почему и азиатские купцы ездить к вам не без опасения быть стали.

И хотя за ними, владельцами, от зенгорцев с требованием отдачи их обратно и посланцы к нам присыланы были, но нами не отданы затем, что как их в нашу орду побег конечно не бес притчины, то тем хотели узнать: вольно ли оной последовали или по происшедшей притчине? И тако я, объявля вышеписанное, приезжавших от них посланцов и, придав еще от себя для посольства ж киргисцов, их отпустил. Токмо оныя калмыки, не склоняся на то нимало, собравшись своею силою, приехали к нам в орду и крайняя киргис-кайсацкия улусы разорили, и киргис-кайсак несколько в полон взяли и, отогнавши скот, отъехали прочь. Того ради вашего пр-ва в сей случившейся между нами ссоре благоразумным вашим наставлением не оставить прошу.

Вышеписанной капитан Яковлев данное ему словесное от вашего пр-ва приказание, которое состояло о вышеупомянутых владельцах, все окуртно и с ясным истолкованием мне доносил, почему оное за истинное мною и принято. Токмо оные владельцы – Лобачи с товарищы – до приезде еще ево, капитана, из улусов наших отлучился, почему ныне за ними уже я сам ехать заблагоразсудил. И аще бог благоволит, то елико возможности моей будет по верноподданнической моей к е. и. в. должности всеусердно их сыскивать и от вашего пр-ва приказание капитану, а от него мне изъяснены слова и им внушить, и тем их утвердить, и по возможности привлекать буду. И ежели благополучно к себе получить могу, то вас уведомить не премину, чего для ныне присыланных от вашего пр-ва капитана и протчих, дав ему сие письмо, отпустил. Ежели ж вы, уведомясь о моем возвращении, от себя кого прислать заблагоразсудите, то состоит в воле вашего пр-ва, а в протчем словесно вам донести может он, капитан, которому и верить прошу; и для верности печать свою приложил.

На оном письме ево, Аблай-салтана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Яков Гуляев.

АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1752–1753 гг. Д. 5. Л. 81–82. Перевод XVIII в. Опул.: Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.). Документы и извлечения. Барнаул, 2006. С. 174–176.

№ 250

1755 г., мая 6²⁶⁴. – Коменданту Ямышевской крепости полковнику Дебонгу

Перевод с татарского письма киргис-кайсацкого Аблай-салтана, писанного к полковнику Дебонгу, присланного при репорте брегадира Крофта из Тобольска от 16 марта, а здесь в Коллегии полученного 6 мая 1755 г.

Почтеннейший, славы и чести достойнейший, командующий полковник, по поздравлении чрез сие объявляю, что божиею милостию, учиняя над калмыками победу, в той же ночи еще на них же калмык послал с старшинами 4 сана – 40 000 человек военных людей. А сам я с 6-ю санями благополучно возвратился и, призывая господа бога на помощь, со всеми улусными людьми в благополучии нахожуся и кроме россиян братьев и сродников себе не имею, и ежели вы меня за брата признаваете, то б Джаик-мурзы ушедшего человека сыскав, отдайте, а еже, отыскав, не отдадите, от россиян отыскав, вещи ево отдайте. А по Иртышу-реке лошадей пасти и с кибитками кочевать не запрещайте, дабы они по своей воле кочевали. Ежели же россияне кайсаков требовать будут, дабы ко мне указ прислан был, по которому я между кайсаками распорядение учиню.

Кроме сего более писать не имею, кайсаков с россиянами, ежели господь бог не разлучит, то человек разлучить не может, и дабы мы по имеющемуся между нами братерству для наведования о здравии нашем письменную пересылку имели.

При окончании того письма в чернильной печати изображено имя ево, Аблай-солтана.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 1. Д. 24. Л. 54. Перевод XVIII в. Копия.

№ 251

1755 г., сентября 22²⁶⁵. – Действительному тайному советнику И.И. Неплюеву

Перевод с татарского письма киргис-кайсацкой Средней орды от Аблай-салтана с посланным к нему отсель толмачем Матвеем Араповым, 22-го числа сего сентября 1755 г. полученного.

²⁶⁴ Дата получения.

²⁶⁵ Дата перевода.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийской и прочая, и прочая, и прочая.

Высокопочтенному г-ну генералу и государеву тайному советнику Ивану Ивановичу Неплюеву Средней орды от Аблай-салтана поздравление. Затем доношу: хотя жилище наше и далеко, но усердие близко, почему мы и в службе государевой находимся; токмо на вас, больших, от многих лет имею неудовольствие в том, что вы назад тому лет с девять взятых от Алиметя-батыря завоеванных 40 есырей, 50 верблюдов, да 800 лошадей не возвратили, да от того времени, как мы вам подданными учинились и войной на калмык шли, тако ж по рекам Яику, Ую и Тоболу зимовали. Во время моего на калмык выезду от подчиненного мне народа русские 600 есырей силою отняли и из оных ни одного ж не возвратили, однако я и ныне уповаю, что оных с стороны государевой, жалую нас, возвратите.

За пропалые из Ямышевской крепости деньги наших двух человек задержали, а понеже как в горных местах волки, так и в жилых воры имеются; и тако, кто оные взял, не знаю и для того прошу пожаловать тех негрешных двух человек поскорее отпустить, которые именами один Кулбулды Суймасов, а другой – Кунтуар Утяганов.

В прочем словесно вам донесет Матвей-толмач, которому изволите верить, чрез которого и ответ ваш на степь прислать ко мне извольте.

На оном письме ево, Аблай-салтана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Петр Чучалов, в чем он и подписался.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 1. Д. 24. Л. 61. Перевод XVIII в. Копия.

№ 252

1756 г., октября 31²⁶⁶. – Действительному тайному советнику И.И. Неплюеву и генерал-майору А.И. Тевкелеву

Перевод с татарского письма киргис-кайсацкой Средней орды от Аблай-салтана, чрез нарочно посыланного к нему отсель ведомства Исетской провинции Белокатайской волости старшину Абдуллу Каскинова в Оренбурге октября 31-го дня 1756 г. полученного.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыни императрицы Елисавет Петровны; вам, великим е. и. в. тайному советнику Ивану Ивановичу г-ну губернатору и почтенному Кутлумухамметю-мурзе от меня, Аблая-салтана, поздравление. А затем слово сие: то правду изволите упоминать, что в Троицкой крепости торг по прошению нашему учрежден, и мы оной производим. Токмо тогда калмыки были в миру и кашкарцы торговые ездили, да и мы, до вас людей своих придавая, посылали. А как калмыки злодействовать начали, то торговые ездить перестали, и мы с ними враждовать стали и попавшихся нам побрали, а достальных чурчутцы захватили; и по причине того кочевье наше удалело. Чего ради в Троицку и торгу не производили. Мир – дело божие, а торг – дело не по охоте ль бывающее, однако оной чинен будет. Только на народ ваш есть мое сердце, которого невежих поступки таким вам великим не можно ль поправить, а понеже у нас прежде с вами говоренное есть слово, да и учиненный пароль, а имянно – в каком сердце вы будете, в таком и мы. Однако ж хотя пребывание мое и далеко, только сердце к вам близко, т. е. где-нибудь близко ли, далеко ли, точно в службе государыне нахожусь. Писание ваше Абдулла мне доставил и жалованье государынино вручил.

Под сим письмом ево, Аблай-салтана, чернильная печать приложена.

Переводил переводчик Петр Чучалов, в чем он под подлинным и подписался.

АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. 1755 г. Д. 4. Л. 555 и об. Перевод XVIII в. Копия.

²⁶⁶ Дата получения.

№ 253

1757 г., июля 30²⁶⁷. – Цинскому императору Цяньлуну

а)

Высшему великому хану подношу [это послание] [1]. Со времен моего деда и отца – Ешим-хана [2] и Янгир-хана [3] – до сих пор [мы] ваши повеления не получали. Теперь [мы] услышали ваше повеление и очень обрадовались, что мы имеем счастье принять [его]. Я, Абулай, с сыновьями и все казахи стали вашими подданными. Покорнейше ждем проявления любой вашей высокой милости. Семь послов, одиннадцать [человек].

[Надписи внутри двух прорисованных пером контуров миндалевидных печатей]: «Печать казаха Аблая», «Печать младшего брата Аблая Абулфеиза».

Транслитерация:

/1/ dēre yeke xāntandu bariba. mini öbokö ecege Esim xan Yanggir xānāsa nārān tani

/2/ zarliq mandu kürēd ödüi belei. odō zarliq sonosöd maniyigi ayiladji ülbeyinü geji

/3/ bayarlād. Abulai bi köböüteyi xasaq bügüdēr albatutani bolba. odō yamāra

/4/ xayiralxuyigi dēgēse ayiladxu ülbeyinü. dolōn tolyoi elci arban nigüüle.

Современный перевод с ойратского литературного языка Н.С. Яхонтовой. Подлинник (копия оригинального документа) – Первый исторический архив КНР (г. Пекин). 1643.8; 45:2679. QL. 22.6.18. (1757.8.2). Приложение к маньчжурской хронике Чжао Хоя. Опул.: Onuma T. The Political Relationship between the Qing Dynasty and Kazakh Nomads: Promotion of the «ejen-albatu relationship» in Central Asia // 7-th CESS Annual Conference (University of Michigan, Ann Arbor) «Chinese Turkestan in the Colonial period». September 30, 2006. Journal of Asian and African Studies. 2006. N 72. P. 12 (Doc. C); Noda J., Onuma T. A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. Doc. A. P. 11–12.

б)

1757 г., августа 31²⁶⁸

Послание покорного слуги маленького казахского хана Аблая могущественному владыке китайского государства. Со времен наших предков Ишим-хана и Джаяхангир-хана никогда не удостоивались поучений из Китая. Лишь теперь благоговейно приняли высочайшее повеление великого императора, облагодетельствовавшее пограничные племена. Ваш слуга со своими подвластными не могли [скрыть] своей радости [и чувства] уважения к гуманности повелителя. Ваш покорный слуга Аблай желает со всем своим казахским народом обратиться к великой цивилизации, вечно служить китайскому государству. Павши ниц лицом, отдаемся прозорливому благоусмотрению великого императора. Почтительно отправляем для вручения данного послания семь старшин с сопровождением – всего одиннадцать человек справиться о здоровье десяти тысячелетнего. Также с почтением приготовили для подношения коней. О чем почтительно [представляем] доклад.

Транслитерация:

/1/ Hasake xiao han chen //

/2/ Abulai jin //

²⁶⁷ Дата получения письма заместителем командующего правого крыла цинских войск Чжао Хоем. См.: Onuma T. The Political Relationship between the Qing Dynasty and Kazakh Nomads. P. 3.

²⁶⁸ Дата представления китайской редакции текста письма (грамоты) султана Абылая Чжао Хоем императору Цяньлуну. См. Хафизова К.Ш. Первое посольство казахов в Китае. С. 52.

/3/ zou Zhongguo //
/4/ da huangdi yu qian. Zi chen zu Eshimu han, Yangjier han yilai cong wei //
/5/ de tong Zhongguo sheng jiao. Jin zhi feng //
/6/ da huangdi yuzhi, jia en bian mo buluo. Chen ji chen shu mo bu huanbian. Gan //
/7/ mu //
/8/ huang ren. Chen Abulai yuan shuai hasake quan bu gui yu hong hua. Yong wei Zhong //
/9/ guo chenpu, fu wei Zhongguo //
/10/ da huangdi ruijian. Jin qian toumu qi ren ji sui yi, gong shi yi ren lai peng //
/11/ biao wen, gong qing //
/12/ wan an bing jing bei ma pi //
/13/ jin xian. Jin //
/14/ zou.

Современный перевод с китайского официального языка К.Ш. Хафизовой. Подлинник – Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюэ. Чжэнбянь. Стратегические планы умиротворения джунгар. Основные записи. Цзюань 41. С. 22 об. – 23.

№ 254

1758 г., января 15²⁶⁹. – Действительному тайному советнику И.И. Неплюеву и генерал-майору А.И. Тевкелеву

Перевод с приобщенных при сем писем киргис-кайсацкой Средней орды от Аблай-салтана, в Оренбурге чрез нарочно присланных от него киргизцов Тайкилтыра да Токтамыша генваря 15-го числа 1758 г. полученных, ис коих написано.

|

Вам, высокопревосходительному г-ну генералу Ивану Ивановичу Неплюеву и превосходительному г-ну Кутлумухаммет-мурзе, от меня, Аблая-салтана, мир и благословение, а затем слово то.

Писание ваше, с переводчиком Леонтьем Прасоловым посланное, я получил, которым изволили требовать от меня о миру нашем с китайцами письменного уведомления. Почему и отвечаю, что я с оными мир в первых числах июня месяца при урочище, называемом Айгуз и Айтансык, учинил, где их, китайцов, было человек тысяч с шездесят, которые располагались в трех местах в урочищах, зовомых Куйманграк, Кузыманграк да Джиинкуль. Причем с обеих сторон положили, чтоб при местечке, нарицаемом Иран-Каберга, нам с ними и торг производить такой же, каков и в Оренбурге бывает; с чем я и к его величеству богдыхану китайскому тринадцатый человек из людей моих отправил.

И тако, ныне, как китайцы объявляют, да и мы сведомы, Калмыцкая орда вся уже разорена, кроме только детей торгоутских владельцев Акима да Агасака, ибо оные, как присланной ко мне от владельца Уши дал знать, в семи тысячах кибитках людей остались, что все в истинное вероятие представляю.

И притом еще доношу: слышал я, что прошлаго году команды Баимовой башкирцы Бектемир с товарищи у Джиплая 340 лошадей отогнали, о которых хотя мы поблизости бригадиру Бахметеву и непрестанно докучаем, только он их не возвращает, да и бегающих от нас калмык не отдает, объявляя, якобы они веру государынину восприяли. А понеже помянутые лошади наши, яко безсловесной скот, к восприятию той веры невозможны суть, того ради прошу вас пожаловать приказать оных к нам возвратить.

Под оным письмом чернильная печать приложена, токмо ево ли, Аблая-салтана, или другая, что познать неможно, яко неясно напечатана.

²⁶⁹ Дата получения.

Высокопревосходительному г-ну генералу Ивану Ивановичу Неплюеву и превосходительному г-ну Кутлумухаммет-мурзе от меня, Аблая-салтана, мир и благословение, а затем слово то: в сим декабре месяце ис посланников китайских наперед четыре человека ко мне приехали и объявляют, что его величество изволит, дабы я был ему яко сын и, утвердя мир, пребывал с ордою моею в покое и тишине, яко от единого отца произошедшия дети, а протчия еще дватцать человек остались от них при урочище, называемом Ирайменда, однако-де и они в будущем феврале месяце прибыть сюда могут.

В протчем объявляю вам, что весною прошлаго году Барынтабынской волости команды старшины Курманая башкирцы Лаба с товарищи от Тобола-реки и еще сто пятьдесят лошадей, да кроме того со степи двух жеребцов с косяками их отогнали, которых всех, также и калмык, на трех верблюдах бежавших, о коих вам пред сим и Кулсара доносил, прошу пожаловать приказать отыскать и возвратить же, чего ради с сим послал до вас Тайкилыра да Токтамыша, и с ними в презент вам две лошади, из коих одну, серую, – вам, г-ну генералу, а другую, бурую, – вам, г-ну мурзе.

Итак, прекратя сие, остаюсь киргис-кайсацкой Средней орды Аблай-салтан.

И под оным письмом чернильная печать приложена, токмо во оной литеры явственны и значит имя ево, Аблая-салтана.

Переводил переводчик Петр Чучалов.

С подлинным читал переводчик и коллежский регистратор Петр Чучалов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1758 г. Д. 4. Л. 1–4. Перевод XVIII в. Копия. Другие копии перевода – там же. Д. 3. Л. 9–10; Архив СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 1. Д. 24. Л. 109. Опубл.: КРО-1. Док. № 215. С. 548–549.

№ 255

1758 г., января 17. – Командиру Уйской пограничной линии бригадиру П. С. Бахметеву

Перевод с татарского письма, присланного от Аблай-салтана, полученного чрез капрала Якова Маслова. В котором по переводу написано.

Мы, Средней орды Аблай-салтан, вам, высокородному г-ну бригадиру и оренбургскому коменданту Бахметеву с верностью нашею желаем много лет здравствовать.

Присланное от вас письмо чрез Якова Маслова я получил, за которое и за отправление моих посланцев на подводах покорно благодарствую. При сем вам доношу: бывшие у нас от чурчутцов посланцы четыре человека возвратились, и я их проводил; а оставшие ж после их тамо чурчутцы хотели стоять в урочище, называемом Уланды. И ежели они в то урочище приедут, то уповаем быть им к нам марта месяца в последних числах, понеже ныне снега углубели. Буде же в урочище Уланды не приехали, то признаваем, что в апреле месяце будут, а которые чурчутцы с нами воевали, и поныне стоят, не возвратились по сю сторону Тарбугатай-горы.

По совету же моему с здешними их генералами от посланных наших к их хану посланцов известие пришло и признаваем, что они будут в мае месяце. А от него, хана, известие такое, чтоб мне, Аблай-салтану, быть ему, хану, сыном, хотя-де расстояние и далеко, пускай же-де сердце близко будет, и всегда мы награждение даем. Ежели-де содержите другом, то и мы тако. А буде неприятелем будете, то и мы – неприятели. А торгу назначили быть в урочище, называемом Ирен-Кабырге. Присланных же от вас Якова Маслова и муллу Ильяса возвратно к вам отправил за продолжительным оных чурчутцов неприездом. А когда те чурчутцы приедут, то в Усть-Уйскую или в Звериноголовскую крепости знать дам.

Подлинное перевел переводчик Леонтей Прасолов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1758 г. Д. 4. Л. 13 и об. Перевод XVIII в.

Перевод с приобщенного при сем татарского письма киргис-кайсацкой Средней орды от Аблай-салтана, чрез нарочно присланных от него киргисцов в Оренбурге июля 22-го числа 1758 г. полученного.

Ея величества моей преизящнейшей государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийския и проч., и проч., и проч.; превосходительному г-ну оренбургскому главному командиру Кутлу-Мухаммет-мурзе безчисленная похвала. А затем слово то: изволили вы предложить ко мне, когда посланные мои от чурчутцов возвратятся, тогда б к вам сообщить. Почему и сообщаю, что посланные мои к китайскому хану благополучно возвратились, которые сказывают, что оной хан желает, дабы я был ему по киргиски называем *иным*, т. е. меньшей брат или племянник, а киргис-кайсаки – мирные, объявляя притом, что хотя-де сам он от них и во отдалении, однако же сердце ево к нам близко и благосклонно, и приятелем-де он – приятель, а неприятелем-де и он – неприятель, и 17-де санов (т. е. 170 тысяч) войска в поход отправил; а и помянутых посланных моих для препровождения 500 человек послал, которые, выпроводя их до дороги, называемой Калбуашу, и по ту сторону при урочище, зовомом Букян Чюкадяк, разстались, и тут расположились, и намерены ж были нынешнюю весною оставших калмык разорять.

Притом оной китайской хан, как те ж посланные мои сказывают, еще проговоривал, что он для требования Амурсаная в Россию посылает посла, ибо-де оной Амурсанай в семи человеках в Россию прибегнул. А понеже-де российского народа государыня с ним имеет мир, того-де ради ево одного и выдать ему указать изволит, а ежели-де указать не изволит, то-де он помянутые 17 санов чурчютцов на Россию пошлет и реченного Амурсаная достанет [1]. Что ныне слышанное, а что и впредь еще услышится, о том також-де от меня сообщиться может.

В прошлом 1757 г. ис тех пропалых наших 500 лошадей, о которых с письмом моим ездил к вам посыланной мой Тайкильтырь, получено нами только 221, а затем в неполучении осталось их еще 290, которых от вас требуем, жалуясь ведомства Исецкой провинции команды Баймовой на Бектемира, Барынской волости команды старшины Курманая Налабыя; в тех лошадях были быстрые иноходцы и хорошие бегунцы и кобылы, то ис тех ни одной в получении не имеем, а в полученных нами иные – жеребята, а иные – малорослые, а видных нет. И тако вас, превосходительного г-на Кутлумухамметя-мурзу, просим пожаловать тех лошадей от помянутых людей, взыскав, к нам доставить.

Бегают от нас в государство Российское разных наций пленники, ис которых подданных российских, яко то башкирцов, мещеряков и русских не требуем, а протчих, т. е. калмык, сартов и протчих азиатцов о возвращении от вас, превосходительного мурзы, просим, ибо мы и сами в нынешнем году прибегших к нам одного драгуна, да другого тринадцатилетнего малого, также из беглых от Якова Алегтеева сына Тоузакова двух – одного калмыка, поймав, выдали, а другого, хотя ныне за дальностью того улуса, в котором он находится, разстояния, достать и не возмogli, однако и ево отыщем и выдадим. Прошедшею зимою бежали в Омскую крепость из собственных моих людей наложница моя калмынка с прижитыми ею со мною двумя сыновьями да дочерью, да и другая наложница ж. Также в Троицкую и протчие Уйские и Тобольские крепости бегут калмыки, сарты и протчие, которых хотя мы и требуем, только тех крепостей командиры не возвращают, отзываясь тем, что они не знают. А ведают-де про то первенствующие им, а мы к нам прибегающих, как то и выше сего упомянуто, выдаем. Того ради вас, превосходительного и милосердного Кутлумухамметя-мурзу, о том просим, и какое от вас на сие определение будет.

²⁷⁰ Дата получения.

В заключение же сего доношу вам, ежели помянутые наши беглецы возвращаемы от вас будут, то и ваши от нас выдаваемы быть могут. А буде возвращаемы не будут, то и от нас вашим выдачи быть не имеет, пускай наши беглецы у вас будут, а ваши у нас. Однако будет ли тем беглецам взаимное возвращение или нет, прошу ко мне сообщить. Буде же сообщить изволите, что того взаимного возвращения не будет, то как то выше упомянуто, пускай к вам беглые наши у вас будут, а ваши к нам беглые у нас. И тако прекратя сие, остаюсь киргис-кайсацкой Аблай-салтан. При сем до вас послана от меня в презент лошадь.

Под оным письмом чернильная печать приложена ево, Аблай-салтана.

Переводил регистратор Петр Чучалов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1758 г. Д. 4. Л. 99–100 об. Перевод XVIII в. Копия перевода – там же. Л. 126–128. Опубл.: ЦИКХ-1. Док. № 90. С. 166 (половина текста).

№ 257

1758 г., августа 3²⁷¹. – Сибирскому губернатору Ф.И. Соймонову

Перевод учиненной в крепости Святого Петра 3-го числа сего августа с присланного от Аблай-салтана письма, в котором следующее написано.

От меня, Аблая, которые содержатца в державе моей киргис-кайсаки посланы были к Иртышу за калмыками, кои угнали у киргисцов табуны семь тысяч лошадей и одного от них калмыка не допуская до крепости поймали, кой и содержитца поныне в державе его, Аблая, и он-де сказывает нам, русские-де господа приказали з голоду не умирать киргис-кайсацкие табуны отгоняйте и еште, и такое дело от всемилостивейшей государыни приказано ли чинить, или от самих воровство их происходит; и ежели от их, воров самих, то б те их табуны отобрать от них и ему, Аблай-салтану, возвратить, и ежели от всемилостивейшей государыни такое приказание имеетца, то мы-де сами о себе старание иметь будем, чтоб не умирать, о чем себе известия просить и ежели ж то воровское дело то б не последовало в том ссоры, то-де прошу оных отогнанных лошадей сыскать и возвратить.

Подлинной перевод переводил и подписался по-татарски тобольской толмач Тажбулла Зарывкин.

РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 594. Ч. 4. Л. 10 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 258

1758 г., августа 21²⁷². – Коменданту Омской крепости

Перевод с присланного Средней киргис-кайсацкой орды от владельца Аблай-салтана с их языка на русской диалект письма, которое переведено чрез находящегося при Омской крепости за толмача тобольского служилого татарина Маметьяра Кучеярова 1758 г., августа 21-го дня.

Средней орды от владельца Аблай-салтана в Омской крепости командиру г-ну брегадиру низайши поклон, а после поклона слово. Как русские, так и киргис-кайсаки всемилостивейшей государыни холопи и безвинно их обидить указу нет. Августейшей всемилостивейшей государыне в верное подданство Шерин-торгоут, посылав своих калмак, прошедшего месяца пять тысяч лошадей, а после еще того ж месяца 21-го числа пятьсот лошадей угнали. Оные лошади Атагайской волости моих подвластных людей Кулсары, Куляки батырей [1] и их братьев. А етех лошадей взяли калмыки, которые следуют с майром. А которые были воры, от

²⁷¹ Дата перевода.

²⁷² Дата перевода.

них остались два мерина да мешок сухарей, мы нашли и взяли их к себе, а у сиих воров, мы думали, что и русские люди есть. За ними гонялись наши люди, и у оных лошади пристали и назад приехали, а сие ж видели, что к Петропавловской прошел, токмо догнать не могли; и командиры ли то им учинить велели или сами собой. И нежели они сами собой, то вы, господа командиры, сами соберите и нам отдайте, а ежели не можете собрать и буде вас не послушают оне, то с теми калмыками сами, как хотите, поступайте; а мы сами за себя будем стоять. И ежели не можем, то воля божия, и буде тех лошадей собрать и нам отдать не можете, то с теми калмыками нас на чистое поле пустите. А ежели мы в подданстве российском быть не надобны, то пишите к нам командирское имя в письме, а мы всемилостивейшей государыне с об оном деле будем репортовать и от себя пошлем послов, а сами в дальние урочищи будем откочевывать. А своего брата Юлбарыса-салтана [2] с добрыми людьми с толмачем Араповым всемилостивейшей государыне рапортовать послал, а тех лошадей сыскать и кои от меня люди посыланы, с оными всех без остатку прислать; а об оставших табунах посланные от меня людей Байкаши, Банцыгыр, Изгибай скажут.

На подлинном письме приложена Аблай-салтана чернильная печать.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 867. Л. 7 и об. Перевод XVIII в. Копия. Другая копия перевода – РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 594. Ч. 4. Л. 50 и об. Копия с копии перевода – Архив СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 1. Д. 24. Л. 140–141.

№ 259

1758 г., августа 29²⁷³. – Коменданту Омской крепости

Перевод с присланного Средней киргис-кайсацкой орды владельца Аблай-салтана с их языка на русской диалект письма, которое переведено чрез находящегося при Омской крепости за толмача тобольского служилого татарина Маметьяра Кучеярова 1758 г., августа 29-го дня.

Средней орды владелец Аблай-салтан в Омской крепости командиру г-ну бригадиру нижайши поклон, а после поклона слово. От моих подвластных людей Кулсары и Куляки батырей и от их родных братьев двести лошадей отогнали прошлого месяца 7-го числа калмыки восемь человек, а за ними гонялись наши люди, и они ушли в Черлаковской форпост; и затем их не могли догнать и назад возвратились. А боялись в форпост приехать за тем, что малолюдны, дабы поймать и задержать их не могли; и в етом деле командир ли им, калмыкам, повелевал или по своей воле отгоняли. И ежели от командиров велено, то мы всемилостивейшую государыню будем просить, а ежели ете воры своевольно зделали, то оных двести лошадей отобрать и нам с посланными от нас людьми прислать и чтоб оные лошади за реку Иртыш хорошенько переправлены были. А посланные люди от нас Олцагыр, Мерзакуль об отогнавших табунах вам скажут, пожалуйста послушайте нас; а брат мой Юлбарис-салтан з добрыми людьми с толмачом Араповым об етом деле ко всемилостивейшей государыне репортовать посланы.

На подлинном письме приложена Аблай-салтана чернильная печать.

РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Кн. 867. Л. 8 и об. Перевод XVIII в. Копия. Другая копия перевода – РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 594. Ч. 4. Л. 51 и об.

№ 260

1758 г., сентября 8²⁷⁴. – Императрице Елизавете Петровне

а)

Величественной могущественной великой государыне императрице, самодержице все-российской и прочих и прочих и прочих владений Елизавете Петровне от ее подданных.

²⁷³ Дата перевода.

²⁷⁴ Дата получения.

От верноподданного вам Аблай-султана Среднего жуза Киргиз-казахского йурта направляем наше прошение. Наш старший брат Абулхайр-хан сам вам покорился. Мы также под вашей милостью пребываем благополучно. В течение многих лет у вас не было нашего посланника, и до вас не доходили наши прошения. Под вашей милостью, дал бог, мы, ваши рабы, и ваш казахский йурт благополучно пребываем от различных опасностей и угроз. У нас был один враг – это китайский народ. Но и с ним мы живем в согласии. Наше прошение сообщит вам о следующем: мы живем близко к русскому народу, находящемуся в этой далекой окраине; хотя казахский йурт, как и русский народ, пребывает рабами государя, мы терпим обиды и убытки со стороны русских торе этих окраинных ваших владений. Они нанесли нам следующие убытки: ограбили аул Алимбета-батыра из рода атыгай подведомственного мне Среднего жуза. Это [сделали] русские жители Омской крепости. Князь капитан с толмачем по имени Максуд еще при жизни Алексея Миклиса Шукуравиза убили 11 человек и с собой увели живыми 43 человека. Кроме того они с собой увели 28 верблюдов и 1500 лошадей, и забрали имущество 13 домов. Упомянутых пленных они возвратили. Семействам девяти пленных они вернули 500 лошадей из 1500, и еще они вернули 8 верблюдов из 28. За исключением этого остальное до сих пор находится в руках русских. У упомянутого Алимбет-батыра одна жена [по имени] Крымша, другая жена – Слуша, дочь – Байбек и сын – Сабан до сих пор находится живыми в руках упомянутого Алексея Миклиса Шукуравиза. Где находятся остальные, нам ничего неизвестно. Ограбление скота указанного Алимбета батыра произошло в 1742 г.

Вторая глава. В 1751 г. [русские] из Куртамышской крепости, убив всех людей одной семьи, захватили с собой весь ее скот и все домашнее имущество. Об этом нам сообщила одна женщина, которую убийцы считали мертвой²⁷⁵.

Третья глава. Подведомственный мне один человек, который был назначен пастухом, зимовал возле подчиненного Темирской крепости, расположенной по берегу Иртыша, Фошмарского редута, находящегося выше Темира по Иртышу. Один посторонний казах перегнал своих лошадей через [Иртыш] во внутреннюю сторону, повыше указанного Фошмарского редута. Поручик вышеуказанного редута спросил упомянутого моего пастуха: кто перегнал лошадей на внутреннюю сторону? Пастух ответил: я не знаю. Поручик, говоря, почему ты не знаешь, приказал его сильно избить. Ввиду избиения, [мой пастух] сильно заболел. Ввиду болезни он пользовался услугами лекаря упомянутого Фошмарского редута. Этот лекарь за свое лечение и лекарство получил от него 4 лошади и 20 овец. Однако от этого [лечения] пользы он не получил. Тогда он стал лечиться у казахского лекаря. Этому казахскому лекарю он дал одного верблюда и одного коня-иноходца. Несмотря на это, он находится при смерти.

Четвертая глава. В прошлую зиму 1757 г. два калмыка, захватив у некоего Медета из рода атыгай Среднего жуза кама и двух его собственных сыновей, скрылись с ними в Омской крепости. Мы обратились к бригадиру Омской крепости фон Фрауендорфу с просьбой вернуть нам упомянутую каму и наших сыновей. Но он не отдает их. Пусть будет известно, что как вам, так и нам одинаковы пленные калмыки. Сироты, которые нами были взяты во время войны с калмыками и которые нами были куплены, убежали от нас и скрылись в окраинных русских крепостях. Мы ездили туда вслед за ними и просили вернуть их нам, однако торе, проживающие в ваших окраинных владениях, нам их не возвращают. Также они не отдают нам лошадей, на которых [сироты] убежали и взятые ими с собой ценности. Бывает, что и со стороны русских к нам тоже прибегают как русских, так и калмыки. Но мы, не задерживая ни одного часа, возвращаем как русских, так и калмыков. Подведомственные бригадиру Бахметову башкиры захватили у трех родов Среднего жуза – керей, аргын и кипшак – 1300 лошадей. В 1758 г. торе верхнеторгоутских калмыков Шерин [1], приняв подданство вашего русского йурта, стал проживать в Семипалатинской крепости. Выехав оттуда, он захватил у казахского

²⁷⁵ Буквально: которая воскресла после ее убийства.

йурта 2000 лошадей. Кроме того мы слышали, что им захвачено еще 500 лошадей. Владелец [этих лошадей] ко мне не явился, так как он был ранен. Упомянутых калмыков, став во главе их, привел майор Алексей Кондуров.

Когда с какой-нибудь стороны вытесняют нас враги или когда случается пожар и сгорает вся трава, мы, казахский народ, зимуем недалеко от русских. Русские не отгораживают свое скошенное сено. Если скот, принадлежащий нашему казахскому народу, пройдет мимо сена, то русские задерживают этот скот. Если же [попадутся] владельцы этого скота, то [русские] сажают их в тюрьму и вымогают у них скот. Они применяют и другие притеснения. Они нас выдают за противников государя. Вот таковые обиды наносят нам русские, когда мы прикочевываем, спасаясь от опасности. Русские наносят нам много, много обид. Стоит ли их перечислять? Мы знаем, что невозвращение нам наших беглецов и захваченных лошадей – дело бригадира Бахметова. Все жестокие меры против нас исходят исключительно от этого бригадира Бахметова. Все упомянутые дела, которые изложены выше, не доходят до вас, наша великая государыня. Здешние младшие торе не ценят нас. О, наша величественная государыня, мы остаемся в надежде, что последует ваша милость по нашему вышеизложенному прошению. Друзьям всемогущественной и всемилостивейшей государыни – мы друзья и врагам ее – мы враги. Пока наша душа находится в теле, мы готовы ей служить. Никаких дурных намерений у нас нет. Наш старший брат Абулхаир-хан пребывал под вашей защитой, и мы пребываем в надежде получить от вас подобную защиту. Уважаемые йуртом мои лучшие люди Кулсары-аулие и Кулаке-батыр представятся вашим величественным очам. Нашего младшего брата, Жолбарыс-султана, Клышт-батыра со всеми его спутниками направили к вам. Остальные наши слова устно сообщит вам наш младший брат Жолбарыс-султан.

Слева черным приложена миндалевидная печать; надпись не разобрана.

Современный перевод с чагатайского тюрки составителей МИКССР под редакцией И.Н. Леманова – Архив СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 1. Д. 24. Л. 177–180. Подлинник на тюрки – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1758 г. Д. 4. Л. 205 и об.

б)

Перевод с татарского письма на высочайшее имя е. и. в. киргиз-кайсацкой Средней орды от Аблай-салтана присланного; в Оренбурге сентября 8-го числа 1758 г. учиненного.

Всепресвятлейшая державнейшая великая государыня императрица Елисавет Петровна, самодержица всероссийская и проч., и проч., и проч.

Вашего императорского величества верноподданного киргис-кайсацкой Средней орды Аблая-салтана всеподданнейшее прошение.

Как дядя наш Абулхаир-хан в подданство пришел, так поныне под высочайшею вашего величества державою находимся мы благополучно, хотя от многих уже лет от нас посланников присылано и прошения приносимо и не было, однако при высочайшей вашей державе, слава богу, как я, раб, так и Киргис-кайсацкая орда вашего величества от всех стран опасностей свободны, а хотя брань с китайским народом и имели, однако и со оным примиряемся. Токмо в. и. в. со особливым нашим прошением приступаем. Таковым находимся мы на границах земли вашей в близости российского вашего народа, которой державы вашего величества почитаем, да и орду нашу оные ж разумеем. Только со всем тем мы от пограничных российских командиров досады и вреда претерпеваем следующие, а именно: в прошлом 1742 г. под рукою моею находящегося Средней орды атагайского роду Алимбета-батыря капитан князь толмач Махмет да Алексей Михайлович Сухарев еще в жизни своей, прибыв с партией российского народа из Омской крепости, деревню разорили и притом 11 человек убили, а 43 человека ясырей живых захватили, 28 верблюдов, да 1500 лошадей отогнали, и 13 домов сокровища побрали, ис которых уже и возвращено, а имянно: 9 человек из ясырей, 500 лошадей, да 8 верблюдов, а протчее и поныне в руках российских находится. Да того Алимбета-батыря

и жены Кармыша, да Сулуча, дочь Бейбека, да сын Сабан у реченного Алексея Михайловича Сухарева также поныне в живых находятся, а протчие, где пребывают, не знаем.

В 1751 г. ис Куртамышской крепости партия драгун приезжала и одного киргисца все домовне, т. е. з детьми, побила и все имение и сокровище побрала, потом из оные одна жена неведомо каким случаем в живых нашлась и о сем сообщила.

По Иртышу ведения Железинской крепости близ верхнего редута, называемого Фусмарышки, подвластной мой, имянем Рай, зимовал, но как в то время вверху того редута на внутреннюю сторону другой киргизец скот свой перегнал, так того редута порутчик у оногo Рая спрашивал, кто имянно тот скот перегнал. Коему хотя он и ответственвал, что не знает, только-де оной, объявля ему для чего он не знает, жестоко и столько ево, Рая, бил, что он крайне стал быть увечен, которого чрез находящегося в том редуте лекаря и лечили. Тот лекарь за труд свой и лекарство взял с него, Рая, четыре лошади да двадцать баранов, только пользы не зделал; потом оной и чрез киргисского лекаря пользовался ж, дав ему верблюда, да лошадь иноходую, но и чрез него не получа цельбы, при смерти лежит.

[В] 1757 г. зимою атагайского роду от киргизца Медята две наложницы калмынки з двумя с ним, Медятем, рожденными детьми в Омскую крепость бежали. И хотя мы от находящегося в той крепости брегадира фон Фрауендорфа их требовали, только он не отдает. И хотя калмыцкие ясыри как вам, так и нам равные, только в них и завоеванные, а протчие и купленные нами есть, которые почти все от нас разбежались и в пограничные ваши крепости приняты. А хотя мы оных от командиров тех крепостей и требуем, только оные не токмо их самих, но и уводимых ими лошадей и с носимыми всякие вещи не отдают. А понеже и российской стороны к нам как русские, так и калмыки бегут, то мы оных, кто б он ни был, не удерживая ни часу, выдаем.

Средней орды из киреитского, аргинского и кипчатского родов в трех прошедших годах находящиеся в ведении бригадира Бахметева башкирцы отогнали 1300 лошадей, а в нынешнем 1758 г. торгоуцких верхних калмык владелец Шерен по приходе своем в Омской крепости в подданство российское паки на сю сторону переходил и 2000 киргиских лошадей отогнал, что истинная правда. Да и еще, как слышим, 5000 лошадей паки отогнал же. Только хозяева оных за дальним от меня расстоянием ко мне еще не приезжали, а оногo Шерена с калмыками препровождает майор Алексей Кондырев.

Когда при случае с которой-либо стороны бывающей внезапной войны или степной травы пожара киргис-кайсацкой народ приближается и зимует близ крепостей, тогда мимо накошенного российскими людьми сена, которое у них бывает без городьбы, ходящей оногo народа скот ловится, причем и хозяева оногo захватываются и в тюрьмах заключаются и из-за того [...] ²⁷⁶ и побои и притеснения нести принуждены бывают, а понеже мы себя как подданными в. и. в. разумеем, то потому и прибежище наше возымеваем, только при том российские такие нам досады и огорчения причиняют, что и инные в сим и не изъясняем. Но что касается до неотдачи наших беглецов и уводимых ими лошадей, то все яко же и всякие случающиеся важные дела, уповаем, происходят от брегадира Бахметева, сии все упомянутые дела в. и. в. не доносятся, а здешние меньшие командиры чести моей не знают.

Всемиловитейшая высокославнейшая и щастливейшая государыня! Просим в. и. в. по вышеписанному нашему прошению учинить с нами высочайшую милость, на которую и уповаем. А мы приятелям в. и. в. – приятели, а неприятелям – также неприятели. И доколе в теле нашем дух будет, дотолe и мы в службе вашего величества пребывать будем.

И никакого злого намерения не имеем, а понеже дети дяди нашего Абулхаир-хана в. и. в. жалованье получают, того ради и я к получению оногo надежду имею, да и ордынских попечителей добрых моих людей Кулсару и Куляку батырей высочайшее вашего величества призрению представляю. Чего ради с сим брата моего Елбарыс-салтана и при нем Кылчина-

²⁷⁶ Слово неразборчиво.

батыря, Сатыпалдыя, Кичинбая, Ярлыкамышы, Дабичая к в. и. в. послал. И тако, протчее вашему величеству изустно донесет реченной брат мой Елбарыс-салтан.

Под оным письмом чернильная печать приложена со изображением имени Аблай-салтана. Петр Чучалов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1758 г. Д. 4. Л. 206–208 об. Перевод XVIII в.

№ 261

1758 г., сентября 8²⁷⁷. – Генерал-майору А.И. Тевкелеву

Ея императорского величества преизящнейшей государыни Елисавет Петровны г-ну генералу-майору Алексею Ивановичу Тевкелеву киргиз-кайсацкой Средней орды от Аблай-салтана поздравление, а затем слово то.

Отправленной от вас толмач Арапов писание ваше мне вручил и все словесно доносил, и я содержание того письма слышал и за благо принял. А понеже оным, яко из собственных ваших сладких уст, сахарными словами предложить изволили, дабы я ныне для свидания к вам приехал, то на то в ответ вам скажу, что мне самому ныне для того ехать к вам невозможно, ибо с одной стороны, брат мой Абулмамет-хан к себе зовет, а в другой, как известие имею, Батыр-салтана, сына Бюрю-салтана, аральцы убили, то и в том надобно попечение учинить. Сверх того, и от китайского богдыхана, как слышу, послы ко мне едут. И так, к езде к вам возможности не имею, за что и не винить прошу, ибо хотя сам я и далеко, однако сердце мое блиско. Чего ради ныне брата моего Юлбарыса-салтана отправил для того, чтоб он е. и. в. благословенное лице удостоясь видеть, представил все принадлежащее, а притом со всеми ево товарищи и вашу особу, аще бог благоволит, увидит.

В прошлом 1742 г. по приходе уже нашем в подданство атагайского роду Алимбетя-батыря капитан князь толмач Максют и Алексей Михайлович Сухарев, еже в жизни своей, прибыв из Омской крепости, деревню разорили и притом 11 человек убили, а 43 человека ясырей живых захватили, 28 верблюдов, да 1500 лошадей отогнали и 13 домов сокровища побрали. Ис которых уже и возвращено, а имянно: 9 человек из ясырей, 500 лошадей, да 8 верблюдов. А понеже оного Алимбетя никакого погрешения не было, того ради он о оставшем в руках российских имении и ясырях ко мне всегда приходит и плачется, прилежно прося, чтоб я, куда надлежит, о возвращении оных представление учинил. Потому и прошу я пожаловать по силе указов е. и. в. нашей всемилостивейшей государыни то ево имяние и ясырей возвратить.

1757 г. зимою атагайского роду от киргизца Мядята две наложницы-калмычки с двумя с ним, Мядятем, рожденными детьми в Омскую крепость бежали, и хотя мы от находящегося в той крепости брегадира фон Фрауендорфа их требовали, только он не отдает, о чем также прошу учинить милость.

Ведомства Железенской крепости верхнего редута, называемого Фусмарушки, командир-поруччик подвластного моего киргизца имянем Рая безвинно жестоко бил по притчине того, как вверху того редута на внутреннюю сторону киргизцы скот свой перегнали, так он к нему, по блискому его зимованию, пристал и спрашивал, чей тот скот и кем перегнат, которой о том не знал. И как он больно изувечен, то принужден стался чрез находящегося в том редуте лекаря лечиться, и тот лекарь за труд свой и лекарство взял с него, Рая, четыре лошади да дватцать баранов, кои пользы от него не получили. Потом оной и чрез киргизского лекаря пользовался ж, дав ему верблюда да лошадь иноходную, однако от оного несколько свободы получил, но со всем тем надежды живота лишается.

Да и кроме того от россиян много досад претерпеваем, о которых подробно и изъяснять оставляем. В прошедшем времени при разорении живущих в урочище, зовомом Кыр-

²⁷⁷ Дата получения. (Прим. ред. КРО.)

Каракуктябя, карачунских калмык атагайского роду покорного моего и доброго человека Бяегита сын Букянбай живой попался в руки. А понеже с ним вместе тогда попавшей же товарищ выбежал и объявляет, что он, Букянбай, находится и ныне вживе в улусе вышедшего к вам торгоутского владельца Шерена брата батыр[а] Ауши, того ради прошу вас пожаловать ево, Букянбая, от тех калмыцких владельцев или от подлых калмык, при нем находящихся или прежде отосланных, спросить, и ежели найдется, то самого, а буде не найдется, то известие прислать. Еще вам, превосходительному мурзе, объявляю, что купленные наши и завоеванные пленники-калмыки все почти разбежались в Россию, и хотя мы оных от российских командиров и требуем, только оные не отдают. И тако, вас прошу пожаловать об оных нам учинить какое повеление и милость, т. е. чтоб чинить взаимное возвращение или объявить то, что к вам бегающие от нас, хотя б и киргисские дети были, у вас будут, а от вас бегающие, хотя б и рус[с]кие, у нас были, о чем вам, имея надежду, представляю, яко о сем е. и. в. доносил.

Хотя киргиз-кайсаки наши как Средней, так и Меньшей орды равны, следственно, и салтаны, и покорные им равны ж, однако Средняя орда пред Меньшею несколько имеет преимущества, о чем и самим вам ведомо. А понеже я слышу, что Меньшей орды салтаны, будучи е. и. в. раби, год от году жалованья ея величества получают, того ради и я оного к получению надежду мою имею и раболепствовать ея величеству желаю. Притом же прошу, дабы при зимовании нашем в ближних е. и. в. империи российских крепостях, а особливо в Красноярской, по силе указов е. и. в. хлеб всякой покупать дозволено было и на то б снабжены были мы указом.

Средней орды атагайского роду у Сарымбетева и Урусова детей четырех лошадей украли Исецкой провинции Белокатайской волости команды старшины Габдуллиной два человека, башкирцы Исергап да Шаби. С которыми при возвращении их поймал их Буранской волости правящий старшинскую должность Буляк Буранов и тех лошадей от них отобрал, а самих оных воров в Исецкую канцелярию отдал, и тако, те лошади, уповаем, и поныне у него, Буляка, находятся, ибо те воры оба, как слышно, померли, о которых также прошу показать милость.

От прежних российских командиров сердце наше покою не имело и в холодности находилось, а ныне, как слышим, что в том высочайшем месте вы пребывать начали, то о том радуемся, чего ради до вас для донесения сия наша прозьбы и послали.

Для чтения мне присылаемых ко мне от главных, яко же и от вас, писем и напротив, оных для писания во ответ писаря я не имею. И тако, прошу вас пожаловать из подчиненных вам мусюльманов одного для объявления всяких посылаемых е. и. в. повелений и для отправления службы определить, в котором крайнюю имею нужду, которой бы был при мне по мой век. До услуг ваших послал атагайского роду Байназара Бекбулатова и Джандевлетя с товарищи.

Под оным письмом ево, Аблай-салтана, чернильная печать приложена.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1758 г. Д. 4. Л. 209–211 об. Перевод XVIII в. Оpubл.: КРО-1. Док. № 222. С. 567–568.

№ 262

1759 г., февраля 23. – Генерал-майору А.И. Тевкелеву

Перевод с татарского письма киргис-кайсацкой Средней орды от Аблай-салтана, чрез нарочно посланного к нему здешнего переводчика Матвея Арапова в Оренбурге марта 16-го числа 1759 г. полученного.

Всепресветлейшая державнейшая великия государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийския и проч., и проч., и проч., превосходительному г-ну генерал-майору Кутлумухамметю-мурзе Тевкелеву поздравление, а затем слово то.

Посланные от вас чрез толмача Арапова полатку, пять аршин сукна я получил, и писарь у меня явился. Атагайского роду Бяегита-батыря сын Букенбай назад ныне тому четыре года в калмыки попался, и ныне слышно, что он находится прошедших к вам калмык владельца

Шерена у брата ево Лаузанжапа. И тако прошу вас дружески для отыскания ево употребить хорошего вашего человека, ибо я со оным Байегитом и с Араповым вместо бежавшего от Тоузакова калмыка послал и от Юрья Иванова беглого калмыка возвратил, да и протчих, к нам бегающих, отдаем, только напротиву того от нас бегающих российские не отдают, да и уводных ими лошадей не возвращают, и хорошего слова не сказывают. И тако, киргисцы мои, приходя ко мне, плачутся, а я о том вам представляю и надежду мою имею, ибо я от Российского государства никогда не отстану, но как сперва при вступлении в подданство оному о пребывании в верности пороль положил, так доколе во мне душа будет, дотоле в том и пребывать имею. В протчем прошу вас позволение учинить покупать нам муку и крупу в Бакланской крепости. До услуг ваших послал реченного Байегита-батыря [1], которой о протчем словесно вам донести может. Во уверение сего печать моя приложена.

Писано февраля 23-го дня 1759 г.

Под оным письмом чернильная печать приложена со изображением имени ево, Аблай-салтана.

Переводил регистратор Петр Чучалов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1759 г. Д. 4. Л. 125 и об. Перевод XVIII в.

№ 263

1759 г., февраля 23²⁷⁸. – Генерал-майору А.И. Тевкелеву

Перевод с татарского письма киргис-кайсацкой Средней орды от Аблая-салтана, чрез возвратившегося от него посланного к нему отсель переводчика Матвея Арапова в Оренбурге марта 16-го числа 1759 г. полученного.

Превосходительному г-ну генерал-майору Кутлумухамметю-мурзе Тевкелеву Средней орды от Аблай-салтана поздравление, а затем слово то.

Бегающих из России к нам беглецов мы выдаем, токмо, напротиву того, российские не только людей, бегающих от нас, к нам не возвращают, но и уводимых ими лошадей, и уносимые оруженные вещи не отдают, и доброго слова не сказывают; и тако, киргисцы мои, приходя ко мне, плачут, почему о том я вам представляю и надежду мою на вас имею. Слышал я, что назад ныне тому года с четыре калмык мой имянем Салма на пяти лошадях выбежал в Оренбург, при коем и ружье было. Да назад ныне тому три года еще один сарт имянем Джиргал на шести лошадях бежал в Бакланскую крепость, токмо ево по требованию нашему из оной не отдали. А в нынешнем году и сын предреченного калмыка Салмы имянем Сары-Кубянь на четырех лошадях в крепость Святого Петра бежал. Которых всех купно с лошадьми и со оружием возвратить прошу. Во уверение сего печать моя приложена.

Под оным письмом ево, Аблай-салтана, чернильная печать приложена.

Переводил регистратор Петр Чучалов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1759 г. Д. 4. Л. 126. Перевод XVIII в.

№ 264

1759 г., октября 22. – Полковнику П.А. Родену

Высокородному и высокопочтенному г-ну полковнику Петру Андреевичу Родену от меня, Аблай-салтана, поклон.

Чрез сие вам доношу, что сего октября 20-го числа от е. и. в. ко мне пожалованную высочайшую и всемилостивейшую за белым гербом грамоту, и пять аршин кармазинное сукно, и находящегося в Оренбурге его высокопр-ва г-на генерала, також и ваше письмо чрез по-

²⁷⁸ Датируется по дате написания док. № 240.

сланного вашего переводчика Филата получил и оною высочайшею полученною мною грамотою я доволен, кою владения моего киргисцам читал и объявлял. И впредь, ежели от е. и. в. какие повеления будут, с радостью исполнять буду, и какие ж с моей стороны о народном деле что-либо и донесению нужное быть может, о том вашему высокоородию, г-ну генералу письменно доносить имею.

А ныне вам доношу: владения моего Средней орде у киргисцов чрез тригодичное время башкирцами покрадено 2500 лошадей. А тех воров предводители Барын-Табынской волости Лапа да Кубеляцкой волости Бектемир. И о том я многократно уехавшим генералу и брегадирю об отыскании, возвращении тех лошадей писал, только всех не прислали, а возвратили 320 лошадей, а протчие и поныне не отысканы. Да собственные мои девять лошадей у майора Нармоцкого содержатся; одного мерина да кобылу посланному от меня человеку возвратил, а протчие и поныне там. Сего ж месяца в первых числах, ис-под крепости Красноярской (т. е. Святого Петра) приехав, рус[с]кие люди покрали у киргисцов 12 лошадей. И по следу их в догон послал я своего старшину Куляк-батыря. Отыскал или нет – еще неизвестно. Да вы писали ко мне, что Средней орды киргисцы ис-под Санарской и Нижноувельской слобод отогнали лошадей, и пока те лошади хозяевам не возвратятся, то от киргисцов бежавших пленных лошади, отбирая, отдаваны будут. У невинных и безгрешных людей скот за воров отнимать не грех ли? Только такого дела владения моего люди не учинят. Токмо в народе спрашивать буду ныне, вскорости познать неможно затем, что народ, каждой порознь разъехавшись, ищут себе к зимованию мест. Когда ж о таких случаях узнаем, лошадей ваших отдав и ворах наказания учиним. Вы б наших, а мы ваших лошадей возвращали, воров и плутов унимали, то б весьма было изрядно. А мое усердие непременно. От государыни отпасть не желаю, во всяких службах находиться будем. Егда лошади возвращены не будут, буду жалобу приносить государыне.

О нас, ежели изволите напаметовать, слава богу, и с народом здрав и благополучен. Зимовать намерен при Кукчатаве-горе и при речке Кылчаклы. Прошу ж я и народ мой, чтоб дозволить в крепости Святого Петра киргисцам выменивать муку и крупу.

Да в прошлом году прислали к нам для письма муллу Азамата, кой уже стар, и не весьма грамоте доволен, и глазами мало видит. На место ево пришлите другого хорошего годного человека, хотя б и з женой. Азамата-муллу возвратил в дом его.

Во уверение сего мы, Аблай-солтан, печать свою приложили.

Октября 22-го дня 1759 г.

Переводил переводчик Филат Гордеев и под подлинным подписался.

В должности секретаря коллежский регистратор Петр Чучалов.

С подлинным читал канцелярист Василий Цедвинцов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1759 г. Д. 4. Л. 437–438. Перевод XVIII в. Опубл.: КРО-1. Док. № 233. С. 602–603.

№ 265

1760 г., апрель-май. – Цинскому императору Цяньлуну

Послание Верховному Совершенномудрому Повелителю.

Мысли и действия исходят от меня лично. Наши казахи свободны в своих речах и поступках. Хоть они и похожи на [других] людей, однако [они] своенравны как дикие куланы.

Благодаря милости Повелителя мои владения обширны, народ и скот умножаются. Благодаря милости Повелителя мои кочевья на юге доходят до границы Чорго [1], на западе кочевья доходят до границ Шарабел [2], в центре кочуют в Лэбси [3], а если посмотреть на восток, то где же?

Моя большая забота не касается только настоящего, но я думаю о будущем. Я лелею мысль, что мои последующие поколения не рассеются, поэтому прошу издать для моих потомков, включая наследников моих детей, императорскую охранную грамоту с красной печатью.

Транслитерация:

- /1/ abkai hesei forgon be aliha /
- /2/ dergi enduringge ejen de wesimburengge. gûnifi /
- /3/ yaburengge. mini gûnin bihe. meni hasak /
- /4/ anggai ici gisurembi. bethe ici yabumbi. /
- /5/ niyalma adali bicibe. banin tahi-i gese /
- /6/ nukte bihe. //
- /7/ ejen-i hûturi de. mini ba onco oho. /
- /8/ niyalma ulha fuseke (fusengge – в издании)¹⁷⁹. /
- /9/ ejen-i hûturi de. nuktei julergi ujan
- /10/ corgo-i bade nukteme bi. wargi /
- /11/ ujan šarabel²⁸⁰ de nukteme bi. /
- /12/ dulimbaingge lebsi-i bade nukteme bi. //
- /13/ dergici bulekušereo. mini da gûnin. ere /
- /14/ yabure be teile gûnihakû. amgan (amaga – в издании)²⁸¹ be /
- /15/ gûnime albatu oho. jalan halame /
- /16/ fakcarakû gûnin be jafahabi. mini /
- /17/ amgan (amaga – в издании) jalan. juse enen de isitala
- /18/ asarara fulgiyan (fulgiysn – в издании)²⁸² doron bithe /
- /19/ dergici wasimbufi šangnarao (šangnareo – в издании)²⁸³ ...//

Современный перевод с маньчжурского языка Т.А. Пан. Подлинник – Первый исторический архив КНР (г. Пекин). 1861–042; 059–0546. QL. 25.12; Опул.: Қазақ хандығы мен Цин патшалығының саяси-дипломатиялық қатынастары туралы қытай мұрағат құжаттары. 1-ші Т. Құрастырған, қытай деректемелерін аударған, кіріспесін, ескертулері мен түсіндірмелерін жазған Б. Еженханұлы. Алматы, 2009. № 198 құжат. 441–442 б.

№ 266

1760 г., июня 6²⁸⁴. – Командующему войсками на пограничных линиях и отдельным Сибирским корпусом генерал-майору И.И. фон Веймарну

Перевод, учиненной в военной походной г-на генерал-майора фон Веймарна канцелярии с присланного Аблай-салтана и брата ево Султамамет-салтана [1] татарского письма чрез за толмача тобольского служилого татарина Речапа Аничкова июня в 6-й день 1760 г. .

Всепресветлейшая державнейшая великия государыни императрицы Елисавете Петровны, самодержицы всероссийской и проч., и проч., и проч., оной всемилостивейшей государыни главнокомандующему в крепости Омской его пр-ву г-ну генерал-майору Ивану Ивановичу чрез письмо кланеемся и желаем всей российской команде на многие лета здравствовать, також просим и нашу киргискую сторону во благополучии оставить и содержать.

²⁷⁹ По-видимому, в первом издании ошибка в транслитерации.

²⁸⁰ Можно прочесть как Šarbel.

²⁸¹ Смысл от этого не меняется.

²⁸² Здесь в первом издании опечатка.

²⁸³ Здесь в первом издании ошибка.

²⁸⁴ Дата получения.

Как мы известились, что в Омскую крепость г-н генерал прибыл, чему мы и обрадовались. Чего ради сим письмом и послали от себя вместо своих послов и в подарок Ивану Ивановичу одну хорошую лошадь для одного приятства и чтоб изволил пожаловать оную принять и российской бы стороне быть благополучно. И притом объявляем, что мы за здоровьем ея величества великой нашей государыни императрицы как весною и зимою находимся во благополучии, о чем и у вас уповательно известно, что мы благополучны, и мы как с нашей стороны, так и с вашей между добрыми и хорошими командирами находиться должны в дружелюбии, а кои худые как наши, так и здешние командиры, то мы друг от друга имеем различность. А мы известны, что его высокопр-во г-н генерал весьма доброй и приятной человек, и мы о том еще весьма обрадовались.

И ежели случитца от вашей стороны у нас беглые ваши люди, то мы, как увидим или услышим, что у нас, то таких к вам обратно отдать должны скоро, противу чего, ежели новые беглые и от нас явятца, то просим их к нам обратно отдавать. Почему у нас между собою с обеих сторон будет великое приятство, согласие и дружелюбие, а ссор никаких происходить уже не будет, почему известно, кои худые и безсовестные люди что учинят худое, то как у вас, так и у нас таковым по их винам чинятца штрафы неупустительно.

И притом покорно просим, как зима наступит, чтоб пожаловать нас к российской стороне с нашей за рекой Иртыш дозволение дать зимовать, а как весна наступит, паки на свою сторону убраться должны, и у нас между собою гораздо будет соседство и дружелюбие. А состоящие по Иртышской линии в крепостях и форпостах командиры нас на вашу сторону не допускают зимовать, и мы на их, случаем, гневаемся.

И еще объявляем, что в прошедшую худую зиму у состоящего против крепости Ямышевской нашего хорошего первого человека Шойхорбай законная ево жена Кастыгай, напредь сего была она калмынка, от него, Шойхорбай, на одном верблюде в тою Ямышевскую крепость бежала, почему ис той крепости главнокомандующим командиром верблюдов обратно нашим отдан, а оной жены Кастагана не отдали и усиленно удержали. И оной Шойхорбай просит у нас, чтобы как можно чрез наше старание и ваше командирское повеление было, чтоб ему показанную жену отдать обратно, и как отдана будет, то гораздо нам будет приятно и дружелюбно, и друг на друга между нами надежда будет. А кои прежде от нас бежавшие и ныне у вас в российской стороне находятца, нам до тех и нужды нет. Мы уже об оных главных командиров и утруждать не имеем, и оная Шойхорбаева жена Кастагай бежала от него по имеющейся между собою малой ссоре, и по неотдаче ему оной жены Кастаганы, и мне мнитца, как яко не бес противности, и оного Шойхорбай жены по вашему к нам почтению и приятству просим отдать обратно; а как не отдастся, то будем гнев держать. И ежели меня, Аблай-салтана, с братом Султамамет-салтаном соизволите послушать и прозьбы нашей по приятству не оставить, чтоб оная Шохарбай жена калмынка отдана была обратно, коя бежала в Ямышев.

И притом отдаем последней наш покорный поклон, для чего и сие письмо послали до вас с Юлбарис-салтаном и при нем Бикимзан-мурза с товарищем.

Подлинной переводил и по-татарски подписал служилый татарин Речап Аничков.

Подписал Иван Зуев.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. Л. 995–996. Перевод XVIII в. Копия перевода – ГАОРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 56. Л. 135–136. Подлинник на тюрки – ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. Л. 996 об. – 997.

№ 267

1760 г., июня 6²⁸⁵. – Генерал - майору И.И. фон Веймарну

Перевод, учиненной в военной походной г-на генерал-майора фон Веймарна канцелярии с присланного от Аблай-салтана з братом ево Юлбарис-салтаном татар-

²⁸⁵Дата получения.

ского письма чрез за толмача табольского служилого татарина Речапа Аничкова июня в 6-й день 1760 г.

Всепресветлейшая державнейшая великия государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийской и проч., и проч., и проч.

Средней орды от Аблай-салтана его высокопр-ву г-ну генералу Ивану Ивановичу посылаю свой покорный поклон и после поклона сие слово и притом, что между нами и всем народом находилось приятство и дружелюбие, чего ради до вас для будущего между нами знакомства по приятству и уведомления от себя родного брата Юлбарыс-салтана отправил. Противу чего и о вашем благополучии, как вы находитесь, так и в российской стороне благополучно ль, ожидаю такового ж к себе уведомления. А сверх того о чем мы просили, чтоб прозьбы нашей не оставить. И ежели мы благополучны будем, то какие у нас вести новые будут, вам почтенно донести имеем. И для того Юлбарис-салтана с товарищем отправили. А что есть какие мои слова, то родной мой брат Юлбарыс-салтан словесно вам объявить имеет, а другого ложного ничего объявить не может. И притом для вашего к нам приятства в подарок одну лошадь отправили.

У подлинного приложена Аблай-салтана черная чернильная печать.

Подлинной переводил за толмача табольской служилой татарин Речап Аничков.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. Л. 993 и об. Перевод XVIII в. Копия перевода – ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 56. Л. 137 и об. Подлинник на тюрки – ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. Л. 994, 999.

№ 268

1760 г., июля 17²⁸⁶. – Оренбургскому губернатору тайному советнику А.Р. Давыдову

Перевод с татарского письма киргис-кайсацкой Средней орды от Аблай-салтана, чрез возвратившегося от него посыланного жителя Троицкой крепости переводчика Филата Гордеева в Оренбурге июля 17-го числа 1760 г. полученного.

Всепресветлейшая державнейшая великия государыня императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийской и проч., проч., и проч. высокопревосходительному г-ну тайному советнику и Оренбургской губернии губернатору Афонасью Романовичу Давыдову я, Аблай-салтан, поздравляю и многолетно от господа бога здравствовать вам желаю.

Писание ваше чрез переводчика Гордеева из Троицка я получил, а что во оном изволили предложить, чтоб я приехал к вам к свиданию, то я на то вам отвечаю, что мне ехать к вам к свиданию невозможно, ибо от всех сторон ко мне посланники приезжают, в чем прошу на меня не возыметь гнева. А что касается до упомянутых в том письме ваших ясырей, то я для отыскания оных езжу, и как приехавших ко мне сего лета посланников комиссии окончатся, тогда об оных ответ дать я имею, и которые найдутся живы, тех всех, отыскав, выдам; а которые не найдутся, то о тех так и ответственность имею.

Прошу вас о жене определенного ко мне по прошению моему, а по указу е. и. в. Исецкой провинции команды старшины Муслюма мещеряка, ежели ее к нему отпустить изволите, то я ево самого за нею пришлю, а буде отпустить не изволите, то прошу мне объявить, потому не оставляю я об сем особливое попечения учинить.

Под оным письмом ево, Аблай-салтана, чернильная печать приложена.

Переводил коллежский регистратор Яков Гуляев.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 56. Л. 96 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 97.

²⁸⁶Дата получения.

№ 269

1760 г., октября 18²⁸⁷. – Коменданту Ямышевской крепости полковнику Ф.М. Демьянову

1760 г., октября 18-го дня присланное киргис-кайсацкой Средней орды от Аблай-салтана письмо в крепости Ямышевской у пограничных дел переведено.

Киргис-кайсацкой Средней орды от Аблай-хана в Ямышеве командующему г-ну полковнику низжайший поклон. После поклону объявляем вам. У моих подвластных людей назад тому пятый день четырнадцать лошадей ваши люди украли: жеребцов карих два, вороных два, рыжих два, мухортой один, савраса чалой один, игрикей один, сивых два, при жеребце мерин сивый один, итого четырнадцать лошадей. А которые воровали, оставили шубные рукавицы, оные прошу отыскать и обратно отдать, а вам, г-ну полковнику, объявляю свою нужду. В другой день после того опять три лошади украдены: мерин светлочистой, жеребцов сивых два; обоих весьма покорно просим отыскать и обратно отдать.

На подлинном листе приложена черная печать и в ней написано: Аблай-салтан.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 56. Л. 282 и об. Перевод XVIII в.

№ 270

1761 г., августа 25. – Генерал-майору И.И. фон Веймарну²⁸⁸

Перевод, учиненной в военной походной его пр-ва г-на генерал-майора фон Веймарна канцелярии чрез башкирского писаря Мансура Муртазина с присланных от Аблай и Юлбариса салтанов [писем] на их диалекте сентября 4-го дня 1761 г.

Всепресветлейшая державнейшая великия государыни Елисавет Петровны, самодержицы всероссийской и проч., и проч., и проч.

1. Средней орды Аблай-салтан состоящему в Омской крепости его пр-ву нашего государства г-ну тайному советнику и генерал-майору Ивану фон Веймарну почтенный поклон и протчим приношу и прошу от бога вашему здоровью на много лет здравствовать. Посланные от вас письма я получил благополучно и тому радуюсь. И в том вы письме пишете и желаете ведать о нашем здравии, то и тому мы весьма рады, и живем благополучно, и состоим жилищем нашим вверх от Басар-Калутану, и как бог велит, нынешнюю зиму и есть намерение зимовать Клышкалы.

Послан был от вас Алим Шихов и от вашего здоровья нам поклон приносил, и сам со всеми своими товарищи прибыл благополучно, и присланную с ним посылку я принял благополучно ж. Просите ж вы беглых уранхайцов, мы того не знаем, а когда такие беглые в наших улусах сыщутся, то мы их к вам отошлем; а буде таковых не отыщется, то ответ дадим, а оные писаны по именам.

От Аблай-салтана почтенному г-ну генерал-майору Ивану фон Веймарну. Ваше превосходительство просит от нас о беглых уранхайцах, а у нас в улусе увак [у] Дирбишли-батыря – тридцать человек, кипчацкого улуса [у] Кошкарбай-батырева сына Кунай-батыря – дватцать хлопцов.

От Аблай-же салтана вашему пр-ву генералу объявляем, которой меня должен большее себя знать. Как нам, так и вам потом объявляем: у вас которые ходят близ Семиполатной крепости, из оных захватить хороших людей человек с пять или четыре кипчатцкого улусов. Когда из оного прибудут к Ямышевской крепости, то захватить же человек с четыре или пять хороших же людей, и о том мы не будем никакого гневу иметь. И по захвате им объявить,

²⁸⁷ Дата получения.

²⁸⁸ Письмо написано совместно с Жолбарыс-султаном.

чтоб они как ваше пр-во, так и меня, Аблай-салтана, знали; то меня и ево обижают, то они поболее себя знают.

У нашего атангунского улусу от Ерек-батыря четыре калмыка бежали к вашей Ямышевской крепости, имена им: первой – Патма, другой – Маитша, третий – Шамрат, четвертой – Чархал, пятой – Кусюк, да того ж улусу Алимбет-батыря калмык два человека холопей х крепости Каптаким, которая состоит против пяти сосен, также и их просим от вашего пр-ва для дружбы затем, что мы, всемилостивой государыни слуги, прошлого 1760 г., ежели были и есть у вас, то к нам прислать, и мы просим от бога, чтоб великой нашей государыне заслуживать.

Еще ж вы в письме своем объявляли о трех верблюдах и восемнадцати лошадях, и чтоб за ними прислать людей, то для того два человека Габдулджаир и с товарищи Ходой-Бергяны и посланы. Да по указу великой нашей государыни объявили, чтоб отдать нам муки и крупы, то прикажите нам взять в крепости Святого Петра триста или двести пуд[ов], и сколько отпущено будет, так нам и объявить. За сем мы после сентября дву[х] человек пришлем.

Вы же в письме объявляли, чтоб нам застроить хоромы, тому мы весьма рады, и когда от вас к нам такая милость будет, просим прислать к нам плотников человек до десяти с ныне посланными к вам двумя человеки, где мы зимовать будем к речке Калышкалы, и я не буду к Иртышу ближе.

Еще ж вашего пр-во я прошу к нам прислать бумаги затем, что у нас оной нет и имеем в ней великую нужду, а ныне я с сими посланными послал до вас лошадь, которую и прошу принять, а более – не погневатца. И сверх того двух человек послали к вам Габдулджаир и Ходой-Биргини, и какие ваши надобности есть, прошу им объявить.

И Средней орды Аблай-салтан печать свою приложил.

На подлинном подписано тако.

Подлинной перевод переводил с татарского письма башкирской писарь Мансур Муртазин. 1761 г., августа 25-го числа.

2. Средней орды от Юлбариса-салтана вашему пр-ву почтенному генералу-майору и другу моему Ивану фон Веймарну поклон приписую и прошу от бога о вашем здравии на многие лета. Вы же пишете и желаете ведать о нашем здравии, то мы живем благополучно. И по прибытии от вас прошлого году послал меня Аблай-салтан в Китайское государство, и оттуда я благополучно возвратился и с сих пор желаю о вашем здравии ведать чрез письма. А я о своем здоровье писать буду ж, и вашим письмам я, видя здравие ваше, весьма радуюсь.

Юлбарис-же салтан прошу вашего пр-ва, г-н генерал, посланную с сими киргисцами от меня одну лошадь гнедую принять не погневатца.

Юлбарис-салтан две свои печати положил.

На подлинном подписано тако.

Подлинной переводил с татарского письма башкирской писарь Мансур Муртазин.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1761 г. Д. 6. Л. 19–20 об. Перевод XVIII в.

№ 271

1762 г., октября 17²⁸⁹. – Императрице Екатерине II

а)

Вспресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской и проч., и проч., и проч. всеподданнейшее доношение.

Вашего императорского величества высочайшую и всемилостивейшую грамоту о восприятии в. и. в. всероссийского престола я с моим рабским усердием чрез переводчика Филата

²⁸⁹ Дата получения. (Прим. ред. КРО).

Гордеева получить удостоился, за которую в. и. в. высочайшую милость приношу я, всенижайший в. и. в. раб, вседолжнейшее благодарение, а притом приемлю дерзновение в. и. в. с тем всероссийского престола восприятием всеподданнейше поздравить, на котором да утвердит всемогущий бог в мире и тишине многие лета. А что касается до рабской моей вседолжной в. и. в. верности, то я оную во всю мою жизнь непоколебимо хранить и повелеваемые мне службы в. и. в. со всяким тщанием отправлять обязуюсь так, как я и е. и. в. вселюбезнейшей тетке вашей государыне-императрице Елисавете Петровне служил. Чего ради о том и всему мне подчиненному киргис-кайсацкому народу объявить имею.

В протчем я себя с народом моим во особливую в. и. в. высочайшую милость и призрение подвергаю и пребываю с совершенною моею преданностию, всеподданнейший в. и. в. раб киргис-кайсацкой Средней орды Аблай-солтан; во уверение же сего своеручно печать мою приложил.

Под оным листом чернильная печать приложена с изображением в ней имени ево, Аблай-солтана.

Переводил переводчик Яков Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1762–1775 гг. Д. 14. Л. 30 и об. Перевод XVIII в. Опувл.: КРО-1. Док. № 252. С. 643.

б)

Могущественной и державной великой государыне самодержице всероссийской императрице Екатерине Алексеевне и проч., и проч., и проч. покорное донесение.

Вашего императорского величества всемилостивую высочайшую грамоту о принятии вами, великой императрицей, всероссийского престола я, покорный раб ваш, с преданностию удостоился получить через переводчика Филата Гордеева. За эту великую милость вашего падишахского императорского величества я, низжайший раб ваш, приношу премного благодарности, [высказывание которой считаю] своим неременным долгом и имею дерзость всеподданнейше поздравить вас, великая государыня, с принятием всероссийского трона. Да утвердит [вас] на этом троне всемогущий [бог] во здравии, благополучии и спокойствии на многие лета! Аминь, о владыка миров!

А что касается моей должной преданности, раба вашего, вашему падишахскому императорскому величеству, то я буду вне сомнения хранить и соблюдать [ее] всю мою жизнь. Клянусь и обещаю со всяческим старанием служить в. и. в. так же, как я служил ее величеству государыне, т. е. могущественной вашей тетке императрице Елисавете Петровне. Об этом я, если будет угодно Аллаху, объявлю подчиненному мне киргиз-казахскому народу.

А еще, я сам и мой народ передаем себя на особое вашего падишахского императорского величества высочайшее внимание. Пребывающий с совершенной преданностию, вашего падишахского императорского величества покорный слуга, киргиз-казахского йурта Среднего йуза Аблай-султан в уверение сего собственноручно приложил мою печать.

Современный перевод с чагатайского тюрки Т.К. Бейсембиева. Подлинник на тюрки – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1762–1775 гг. Д. 14. Л. 33 и об., 37 об. Опувл.: КРО-1. С. 644–645.

№ 272

1763 г., августа 1. – Оренбургскому губернатору тайному советнику Д.В. Волкову

Перевод с татарского письма киргис-кайсацкой Средней орды от Аблай-салтана, чрез посланного к нему из Оренбурга переводчика Филата Гордеева в Оренбурге 25-го числа сентября 1763 г. полученного.

Высокодостоинному г-ну тайному советнику и Оренбургской губернии губернатору Дмитрию Васильевичу Волкову.

Посланная ко мне от его высокопр-ва г-на канцлера и от вас письма и при том по высочайшей е. и. в. милости отправленные к подвластным моим Баир-солтану золотая да бывшим при нем старшинам Аширу, Джиянсаре, да Култу, да кощею их Калмамбетю серебряные медали чрез посланного от вас переводчика Филата сего августа 1-го числа исправно получил. Ежели изволите спросить о состоянии орды нашей, то она, а при ней и мы, в службе ея величества находимся спокойно и благополучно, хотя я с вами о ордынских обстоятельствах пред сим еще не объяснялся, однако слышу, что вы по всем делам истинное и справедливое разсуждение делаете, чему радуемся и просим, когда я о чем-либо ордынском буду к вам письменно доносить, тогда пожаловать ваше правосудие оказывать, не делая орде нашей и мне самому презрения, ибо посланная от меня пред сим письма и словесные представления недействительными остались, т. е. ни которое мое прошение за благо не принято. А особливо от покорных мне киргизцов всегда в крепости Уйской и Тобольской линей из неподданных е. и. в. завоеванных пленников, яко то – верхних калмык, сартов, персиан, каракалпак и тухменцов, бегающих с покраденными ими имением, тамошние командиры по прошению гоняющихся за ними хозяев их ни самих тех пленников, ни увезенного ими имения не возвращают, а скрывают у себя. Мыслится мне, что те градские командиры попечения государству своему и справедливости не делают, насыщаясь довольствием своей прихоти, приемля тех пленников; имеющееся у них имение по себе разделяют и тех пленников скрывают, отчего и я собственно во оскорблении нахожусь. Но что касается до бегающих от нас ис подданных е. и. в. народов, яко то – башкирцов, мещеряков, чуваш, черемис и протчих наций людей, кои никуда, как во отечество их бегут, то мы тех не только не требуем, но требовать отнюдь и не дерзаем. И тако при сих обстоятельствах некоторых орды моей в непокое находящихся воздерживать в неудобном состоянии нахожусь, яко сколько я оных ни увещаваю, склонности к покою не делают, ибо они ис тех беглецов некоторых один от одного покупкою достают, а других военным образом получили. Ежели вы сами вашим справедливым разсуждением о содержании сей орды в добром состоянии способ не примыслите, то я не знаю, что делать. Того ради прошу вас теми беглецами орду нашу удовольствовать. Буде вы сего зделать сами не можете, то ея величеству всемилостивейшей государыне прозьбу нашу донести и справедливое определение испросить, ибо орда наша теперь в развратном состоянии находится. В протчем же я с верным моим сердцем пребываю, прося на сие мое прошение непродолжительного вашего уведомления.

Сия Киргиз-кайсацкая орда разделяется на три части и именуется Большою, Среднею и Меньшею ордами под управлением нас троих, от одного отца произшедших; и у всех у нас разноты нет. Следовательно, у всех у нас оскорбление едино: с той стороны, т. е. из Меньшей, по 1000 и более лошадей отгоняется, а ни одной не возвращается. А здесь от нас калмыки, ис которых некоторые по ссорам, иные – с отцами, а иные з женами бегут. В той стороне Меньшей орды Нурали-хан от народу ево остается, а здесь я без народу, какую мы е. и. в. службу отправлять будем; лошкою наполненных всемилостивейшей государыни рабов, столько незнающих пограничных городов командиры ковшами уже разливать начали, а когда уже так, то вдаль терпеливости нашей не остается.

Я, Средней орды Аблай-солтан, своеручно печать мою приложил.

Переводил переводчик Яков Гуляев и под подлинным подписался.

Августа 1-го числа 1763 г.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1763 г. Д. 2. Л. 16–17. Перевод XVIII в. Копия. Копия с копии перевода – Архив СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 1. Д. 24. Л. 380–382.

№ 273

1763 г., сентября 13. – Заместителю командующего войсками на пограничных линиях и отдельным Сибирским корпусом генерал-майору К.Л. Фрауендорфу

1763 г., сентября 17-го дня присланное от Аблай-салтана письмо чрез толмача служилого татарина Ембакея Тусмаметева в военной его пр-ва г-на генерал-майора Фрауендорфа канцелярии переведено. В котором оказалось.

Мы, Средней орды Аблай-салтан, находящемуся в Омской крепости его пр-ву командующему кланеюсь. При сем объявляю.

В прошлых месяцах письмом я объявлял, что в городе Тюмене у татарина Шагабуца есть наша пленная баба, подвластного нашего Науразбая жена, у которой есть в наших улусах два сына: большей – именем Жангилте, а меньшей – Текубай. Только на то письмо и донине я никакого уведомления не получил, о чем милость ваша в том будет ли, и та пленная отдастся или нет – меня пожаловать незамедля уведомить. В чем, ежели от вас милость показана будет, то равномерно и мы, по вашему приказанию, исполнять готовые будем.

Еще объявляю: у наших Казыке Кашекарбай-батыря у сына [...] ²⁹⁰ Кунай-батыря человек до десяти пленных уронхайцев есть. Затем советую ево, Куная-батыря, самово или из кипчатских человек словить или двух лутчих людей в ваши крепости поймать, а я в том спорить не буду. А добровольно такие дураки меня не слушают, а из лутчих людей поймать Тасе-батыря или ево сыновей.

Еще объявляю: в нашей же Уваковской волости [у] Тербашел-батыря человек до двадцати уранхайцев [есть], а оные кочуют против Семипалатной и Усть-Каменогорской во близости. То к ним ево, Тербашалу-батыря, также поймите, а, ежели ево самово поймать невозможно, то Кирейской волости Тусыйбак и Умир-батыря захватить, которые всех ваших пленных непременно отдадут.

1763 г., сентября 13-го дня.

Во окончании ево, Аблай-салтана, чернильная печать приложена.

Переводил тобольский служилой татарин Ембакей Тусмаметев.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 116. Л. 148 и об. Перевод XVIII в.

№ 274

1763 г., октября 20²⁹¹. – Командующему войсками на пограничных линиях и отдельным Сибирским корпусом генерал-майору И.А. Клапье де Колонгу

Средней орды от Аблая-салтана ваше пр-во, г-н генерал-майор Иван Деколонг, поклон вам я со всеми господами посылаемы, здесь про вас слышали, что прибыли и о том радостны, и дай вам бог много лет.

Я прошу вашего пр-ва, которой нам от всемилостивейшей государыни и от команды нам никуда не отлучатца, того ради для знаку при речке Калчаклы, подле которой намерен я пашню пахать, а как оную начать не смыслим, я прошу вас в том нас научить и для учения прислать к нам десять человек со всеми снастями и сохами. Да у нас же гораздо рыбные места, те ж бы люди взяли и рыбные снасти и сети. Да которой послан от меня за требованием провианта, осигнованного от милостивой нашей государыни, со оным прошу в число того провианта отпустить ячменю два пуда, пшеницы – один пуд, круп просяных – полпуда; да прошу с тем же посланным от меня прислать две пары сошников. А у нас два человека знающие несколько есть, и так хочю проведать; а вышеписанных десять человек прошу прислать ко мне весною, как снег сойдет.

²⁹⁰ Слово неразбочно.

²⁹¹ Дата получения.

А о прибытии вашего пр-ва уведомился я чрез Байжигит-мурзу; да прошу как за прошлой год, так и на будущей следующей мне правянт отпустить ныне посланному киргисцу тиян-гугу Сатубалдиеву с товарищи вместе разом. Да еще милости вашей прошу прислать ко мне бумаги и чернил, ибо у меня оной весьма мало, хотя крайне надобно.

А для уверения я, Аблай-салтан, свою печать приложил.

С подлинным переводом читал вахмистр Афанасий Васильев.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 116. Л. 441 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 275

1763 г., декабря 26. – Генерал-майору И.А. Клапье де Колонгу

Переведено с присланного от Аблай-салтана письма декабря 27-го дня 1763 г.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица и самодержица все-российская и прочая, и прочая, и прочая.

Средней орды Аблай-салтан вашему пр-ву г-ну генерал-майору со всею командою поклон посылаю. Письмо от вас чрез присланного киргисца и поклон я получил, а что пишете, чтоб прислать мне за приемом правянта ста пуд киргисцов с подводами, а понеже мне следует от всемилостивейшей государыни в награждение двести пуд, для чего и послал я своих киргисцов со многим числом подвод, и чтоб с ними отпущено было все с полна двести пуд; а ежели в другой раз посылать, то лошадей за усталью и по неимению корму исправных набрать негде. А ежели двести пуд сполна отпущено не будет, в таком случае тем посланным киргисцам приказано от меня сто пуд не принимать, а привести пустых лошадей, ибо как ребячья игра, враз и впредь ездить нам весьма тягостно; однако без муки наши киргисцы еще по се время не померли; да при сих же б отпущено было пшеничной муки десеть пуд, круп дватцать пуд.

Великая государыня, я вашему величеству верной подданной состою, да которые по требованию моему обещано прислать для хлебопашества десять человек со всеми принадлежащими инструментами, оных прислать ко мне в наш посной месяц последнего числа. Да при них же в прошлом году обещано было прислать ко мне плотников для строения горницы из соснового лесу, которых с теми ж хлебопахотными прислать ко мне, для чего и послал своего Утарчи-батыря с товарищем.

Я, Аблай-салтан, во уверение свою печать приложил.

Декабря 26-го дня 1763 г.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 170. Л. 293 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 276

1764 г., июня 24. – Императрице Екатерине II

Перевод с листа на высочайшее имя е. и. в. киргис-кайсацкой Средней орды от Аблай-солтана, присланного от него с сыном его Бури-солтаном, в Оренбурге августа 13-го дня 1764 г. поданного.

Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская и проч., и проч., и проч.

Вашего императорского величества всеподданнейший и покорнейший раб киргиз-кайсацкой Средней орды Аблай-солтан, уведав о вступлении в. и. в. на всероссийский императорский наследный правосудный престол для самодержавия, с раболепнейшею подданностью челом бью и для поздравления с тем послал я сына моего Бури-солтана и с ним Байтюку-мурзу, сына Елдубай-биева, да сына ж старшины Кулсары Килчира-батыря, а большей ево сын Мирзагельда здесь остался; Байкунгура Байсарина, Баяна, Батыя, Ергала, да Анкабуляка.

Я и старшины наши Кулсары, Теним-батырь, да Байегид-батырь и протчие находимся здесь благополучно, а Елдубай-бий и Куляка-батырь от сего временного света на вечной переселились.

Как я предкам в. и. в. по присяжной моей должности служил выдачею из орды нашей 70 дымов башкирцов с детьми и со всем их скотом, 30 человек уранхайцев и 4 человек русских, в том числе 2 мужеска, да 2 же женска пола, и в протчем, так ныне и впредь в службе моей находиться имею.

Во уверение же сего я, Аблай-солтан, своеручно печать мою приложил.

Под оным листом ево, Аблай-солтана, чернильная печать приложена.

Писан июня 24-го дня 1764 г.

Переводил переводчик Леонтий Прасолов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1762–1775 гг. Д. 14. Л. 191–192. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 190.

№ 277

1765 г., сентября 12. – Командующему войсками на пограничных линиях и отдельным Сибирским корпусом генерал-поручику И.И. Шпрингеру

Находящемуся в Омской крепости его высокопр-ву г-ну генерал-порутчику и кавалеру Шпрингеру нижайший поклон.

До сего времени каждой год нам по двести пуд[ов] муки производилось в выдачу, а нынешний год, по каким причинам нам не дано, неизвестно; для чего и посланы были от меня нарочные. Только означенной муки нам не отпущено, а ежели посылать более, то лошадям состоит в тех переездах немалое изнурение. А сказано тем посланным, якобы состоящим аманатчикам употреблено в корм все без остатку. А те аманатчики мне объявили, что они только съели сорок девять пуд[ов]. Да и за прошедшей год еще не дано ста пуд[ов]. А для чего той муки ныне не производитца, прошу уведомить.

По уверению чего Аблай-салтан свою черную печать приложил.

1765 г., лаперахила месяца 7-го дня²⁹².

Переводил толмач тобольский служилый татарин Тажбулат Зарывкин 21 сентября 1765 г.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 118 об. – 119. Перевод XVIII в.

№ 278

1765 г., сентября 12. – Генерал-поручику И.И. Шпрингеру

Находящемуся в Омской крепости его высокопр-ву г-ну генерал-поручику и кавалеру Шпрингеру нижайший поклон.

Вашему высокопревосходительству объявляю, что от подвластного моего киргиской волости Баркы-мурзы бежал в российскую сторону пленник вблизи Омской крепости, где они кочевали от Камышлова озера, и тех беглецов прошу, как и прежде ваше высокопр-во нам обещали, по прежнему их отдавать. Для чего и его ради спросу Баркы-мурзу к вашему высокопр-ву отправил, которых беглецов во ожидании от вашего высокопр-ва, сыскав, к нам о присылке и остался. Которым беглецом увезено при побеге две лошади, а он калмыцкой волости, родом от бухаретина, а мать ево была киргиска. Зовут же ево именем Урус. Примечаниями верхняя губа разсечена.

²⁹² Правильно – месяц раби' ал-ахир. 7-е число данного месяца соответствует 12 сентября по юлианскому календарю (старому стилю).

Во уверение чего Аблай-султан печать свою черную приложил.

1765 г., лаперахила месяца 7-го дня²⁹³.

Переводил в военно-походной канцелярии Сибирского корпуса толмач тобольский служилый татарин Тажбулат Зарывкин 21 сентября 1765 г.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 119 и об. Перевод XVIII в.

№ 279

1765 г., сентября 15. – Генерал-поручику И.И. Шпрингеру

Перевод с [листов], присланных киргиз-кайсацких орд от старшин, чиненный в военной походной его высокопр-ва г-на генерал-поручика и кавалера Шпрингера канцелярии чрез за толмача тобольского служилого татарина Тажбулата Зарывкина сентября 21-го дня 1765 г., а имянно от Аблай-султана.

1. Высокопревосходительному и высокопочтенному г-ну генерал-поручику и кавалеру Шпрингеру низайший поклон. Притом объявляю: нынешнего лета от своих улусов намерен итти в поход в дикие киргисцы и осмотреть своих, в благополучии ль они находятся, для того, что теми дикими киргисцами много нашим обиды показываетца, и купцам и нам никаких орд не допускают, и те наши киргисцы приносят жалобу, что гораздо обижены, для чего мы и итти вознамерелись.

Еще вашему высокопр-ву объявляю: как мы с вами ныне живем в соседстве, а теперь наши улусы остаются вблизи ваших линий, и по надобности к нам с вашей стороны прирительства, мы потправляемся, а сих поручаем в ваше призрение; и между тем, чтоб со обеих сторон никаких ссор и воровства не было, наблюдать и их, оставших с улусами, ни в чем не оставить.

А в наших местах, где улусы состоят в степях, весь полевой корм выгорел. Нежели совсем оной кончитца, то прошу имеющийся у нас скот не оставить, потому что все наши пребывания состоят во власти всемилостивейшей государыни. Естли же и к ея моя речь не совсем обстоятельно написана, то прошу поправить, и о том мне объявить; а больше посланной с сим письмом Байжигит-мурза донесет персонально вашему высокопр-ву. Сей Байжигит-мурза пред сим он с российским генералитетом весьма знаком, и для свидания с вашим высокопр-вом он и послан, и свои нужды вашему высокопр-ву персонально представить имеет.

Во уверение чего Аблай-салтан и печать свою черную приложил.

1765 г., рапеля угални месяца 10-го числа²⁹⁴.

Переводил в военной походной канцелярии Сибирского корпуса толмач тобольский служилый татарин Тажбулат Зарывкин 21 сентября 1765 г.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 118 и об. Перевод XVIII в.

№ 280

1767 г., июня 17²⁹⁵. – Генерал-поручику И.И. Шпрингеру

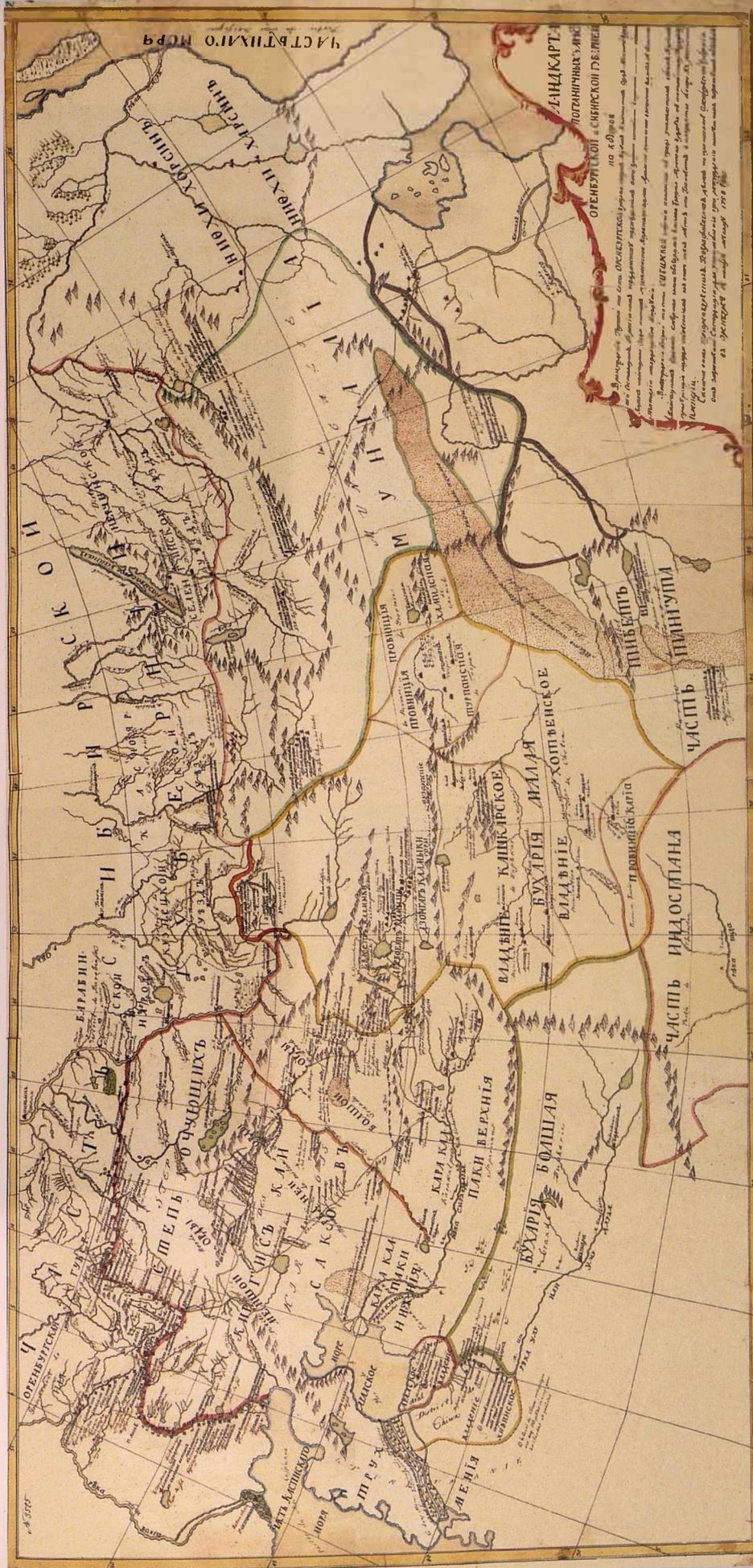
Перевод с письма Аблай-султана высокопревосходительному г-ну генерал-поручику Шпрингеру 1767 г., июня 17-го дня.

Как в крепости Омской, так и в прочих во всех крепостях главному попечителю и командиру высокопревосходительному г-ну генералу чрез сие объявляю.

²⁹³ Правильно – месяц раби' ал-ахир. 7-е число этого месяца соответствует 12 сентября по юлианскому календарю.

²⁹⁴ Название месяца переводчиком искажено; вероятно, это – раби' ас-сани. 10-е число данного месяца соответствует 15 сентября по юлианскому календарю.

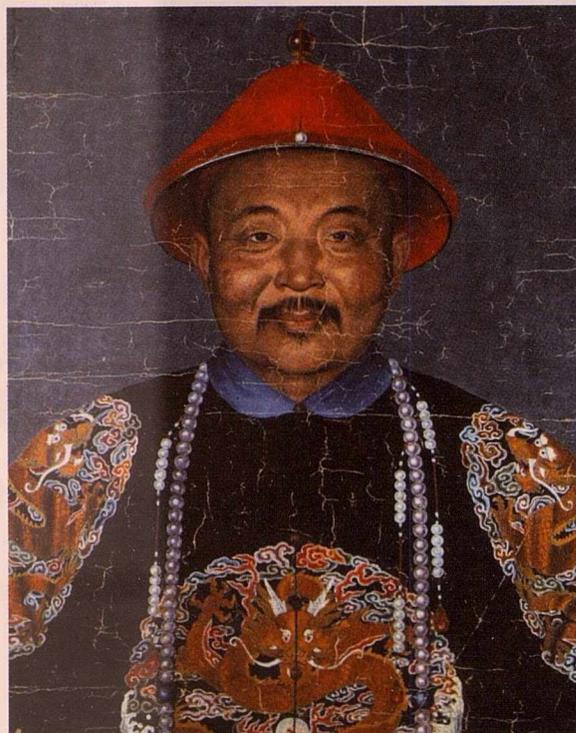
²⁹⁵ Дата получения.

35. «Ландкарта пограничных мест Оренбургской и Сибирской губерний» и смежных территорий Евразии. 1758 г.

36. Сражение войск цинского императора Цяньлуна с казахами. Худ. Дж. Кастильоне. Вторая половина XVIII в.

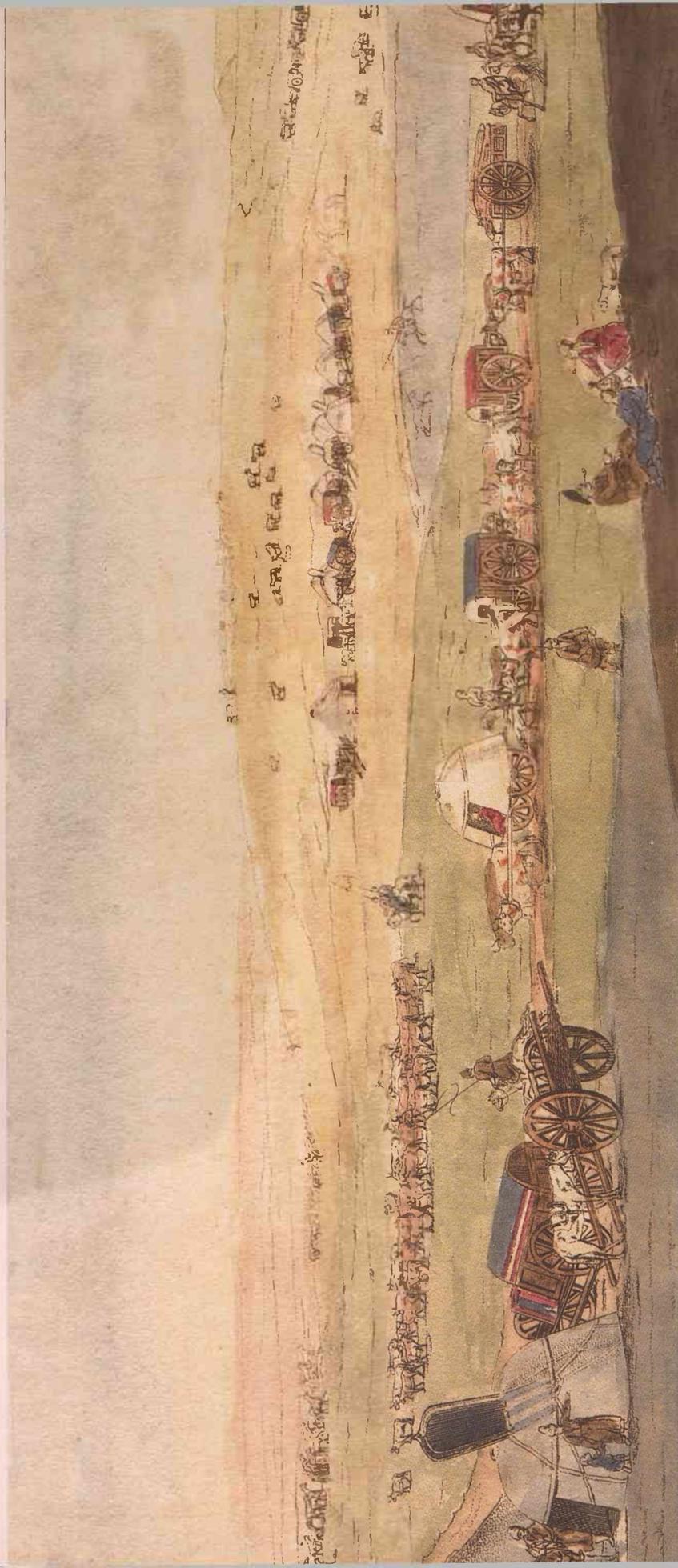
37. Последний правитель Джунгарии Давац (1753–1755), выступивший против Амурсаны и казахов. Худ. д'Аттире. 1755 г.

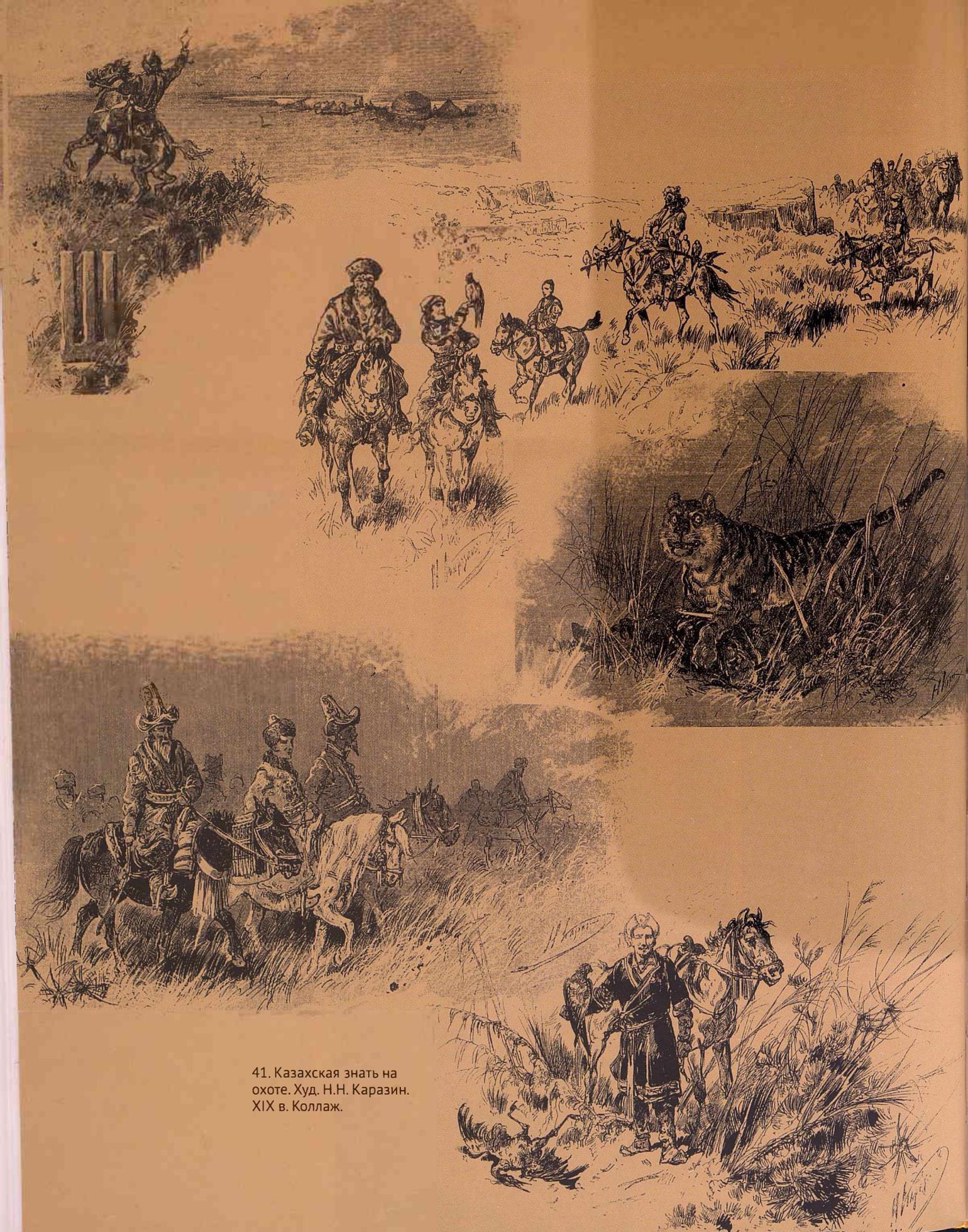
38. Император Цяньлун верхом на лошади. Худ. Дж. Кастильоне. XVIII в.

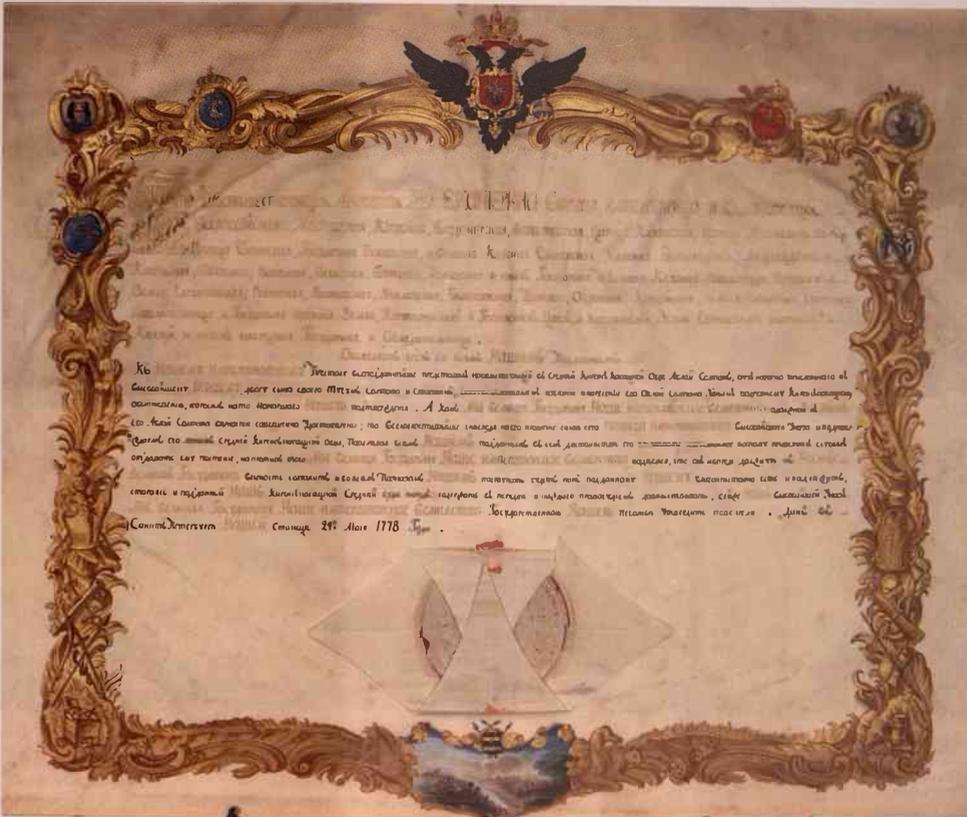
39. Екатерина II. Худ. Ф.С. Рокотов. 1780-е гг. XVIII в.

40. Казахское кочевье. Вторая половина XVIII в.

41. Казахская знать на охоте. Худ. Н.Н. Каразин. XIX в. Коллаж.

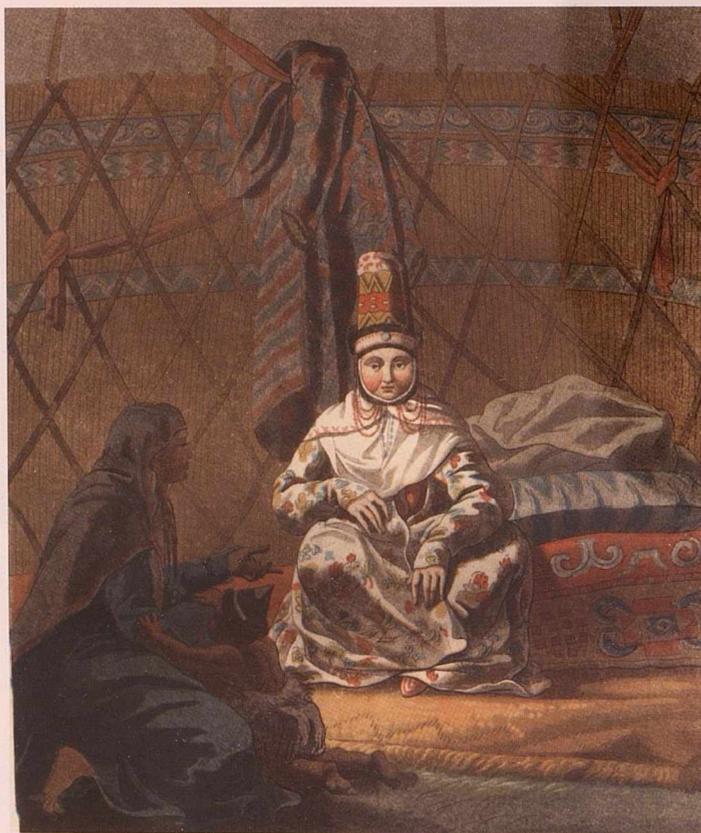
42. Грамота Екатерины II хану Абылю об утверждении его высшего титула. Февраль 1778 г.

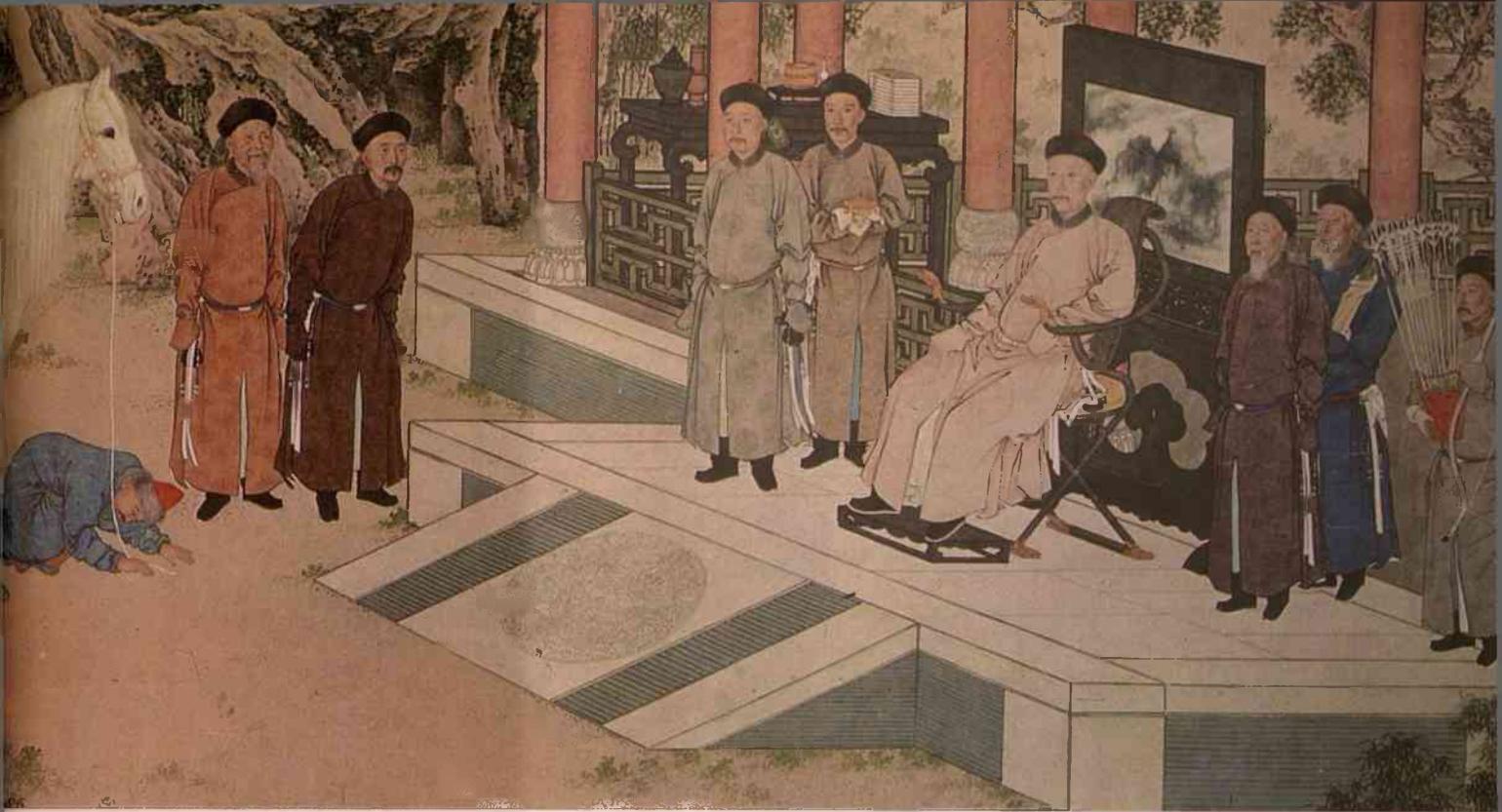
43. Парадный казахский ковер – тускииз, украшенный вшитой в середину его шкурой туранского тигра. Восточный Казахстан. Конец XIX – начало XX в.

44. Казахские посланники, дарящие коней императору Цяньлуну. Худ. Дж. Кастильоне (Лян Шинин). 1757 г.

45. Казахская султанша.
Худ. Е. Корнеев. Конец
XVIII – начало XIX в.

46. Музейный комплекс «Резиденция Абылай-хана» в Петропавловске. Современный вид после реконструкции. Фотография И. Самигулина. 2008 г.

47. Памятник хану Абылаю у железнодорожного вокзала Алматы II. Фотография А. Устиненко. 2001 г.

В прошедшем году я со своими подвластными Большой орды вступил как в Ташкент, так и Турпан, и, будучи там, живущих в Ташкенте людей по происходившей от них к нашим подвластным обиде и притеснению, смирил. Еще же дикие киргизцы [1] начали наших людей и прочих родов проживающее купечество немало обижать, то и их я от того побил и тем отстать принудил, и по вверенности я взял себе аманатов. Да и все орды, а именно: ташкентцы, бухарцы, самарканцы и прочие, живущие в тамошних городках, подклонились под мою власть, с обязательством тем, чтобы им быть на всегдашнее время в тишине и обходиться так, как детям с отцом. Но только с живущим в городке Кокане старшиною Ярденебеком [2] – войны никакой, да и разговоров не было, и так он с своими людьми остался без всякого соглашения.

А об нас изволите быть известны, что мы со всем войском в дом свой прибыли благополучно. А напротив того, желая и о вашем благополучии ведать, послал с сим письмом до вас нарочного киргизца Мазгута-батура с товарищем, которые могут, что надобно, и на словах объяснить. Еще же вашему высокопр-ву посылаю с сим лошадь бурую и почтите, хотя она и худа, принять за добрую, а ей шесть лет.

В чем для уверения Аблай-султан и печать приложил.

Перевод XVIII в. Опубл.: ТГВ (часть неофиц.). 4 августа 1861 г. № 30. С. 225.

№ 281

1767 г., октября 12²⁹⁶. – Коменданту Троицкой крепости

Перевод с татарского письма, полученного октября 12-го дня 1767 г.

Высокоблагородному высокопочтенному г-ну полковнику, находящемуся в Троицкой крепости.

Желаю вашему высокоблагородию всякого благополучия и со всею домашнею вашею фамилиею лет удовольствованно здравствовать.

Во известие вашему высокоблагородию доношу, что в прошлых годах бывшим государям много службы об нас объявлено бывало, а ныне до всемилостивейшей государыни желаем мы послать своего человека, т. е. сына своего или брата родного, как и прежде посылаемы были для поздравления всемилостивейшую государыню, отдания поклона и донесения о здешних порядках и о нашем благополучном здешнем житье. Когда пропуск будет, о чем прошу представить в Оренбургскую губернскую канцелярию г-ну генералу с требованием о пропуске упоминаемых наших людей до всемилостивейшей нашей государыни, и какое на сие будет приказание, всепокорнейше прошу меня в скором времени ныне осенью чрез знающего татарского диалекта хотя сего месяца в последних числах уведомить; а ежели дозволено будет нам послать наших людей до всемилостивейшей государыни, то прошу, чтоб от Петропавловской крепости и подводы дать.

А что же изволите просить о отогнанных лошedah, но оныя лошади в ненашей киргискайсацкой Средней орде и не под нашим ведомством находятся, а находятся оныя Меньшей орды ведомства Эрали и Нурали-хана, о чем изволите просить тех людей, а у нас оных в Средней орде не имеетца, а просить изволите тех отогнанных лошадей от Нурали и Эрали-хана. А мы киргис-кайсацкой Средней орды, как есть подданные всемилостивейшей государыни, и ея подданных же обидеть не желаем, и впредь о том слышать не хотим, и воров у себя не любим, и ни до чего не допустим; а у кого что означится, то должны доносить в ближняя крепости. А что же про оных лошадей, здесь нигде слуху нет, то как их в нашей Средней орде не состоит, потому про их и не слышно; а находятся они, как и выше значит, в Меньшей орде ведомства Эрали и Нурали-хана.

²⁹⁶ Дата получения.

Определенное мне от е. и. в. всемилостивейшей нашей государыни жалованье триста рублей я чрез посланного моего теленгута получил, за что всеусердственную мою благодарность приношу, а посланца вашего Кутлучару Абзанова с товарищи приняли честно и проводил с почтением. Всепокорнейше прошу представить о пропуске лошадей наших на внутреннюю сторону до дву миллионов против наших кочевков.

Во уверение сего я, Аблай-солтан, на татарском письме чернильную печать приложил. Переводил переводчик Иван Киржацков и под подлинным подписался.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1766–1769 гг. Д. 18. Л. 98–99. Перевод XVIII в.

№ 282

1768 г., апреля 29. – Оренбургскому губернатору тайному советнику князю А.А. Путятину

Перевод с татарского письма Средней орды от Аблай-солтана, чрез писаря ево Мунасыпа с товарищи в Оренбурге июня 6-го дня 1768 г. полученного.

Ея императорского величества самодержицы всероссийской и проч., и проч., и проч.

Средней орды от Аблай-солтана находящемуся в Оренбурге высокопочтенному и высокодостойному г-ну Оренбургской губернии губернатору поздравление.

В прошлых годах во время возвращения Юлбарис-солтана от бывших с ним сюда в присылке князя Уракова да переводчика Якова Гуляева уведомлен я, что надобно сыну моему быть министром в службе при е. и. в., на что я ответствовал, что я имею больших братьев, яко то Абулмухамет-хана и протчих, то надобно мне с ними о том советовать и затем ответ дать. После сего назад тому в третьем году с ними и советовал, которые не иное, что согласовали, как чтоб когда такое е. и. в. высочайшее соизволение воспоследует, к точному исполнению приступить, и тако я с моей стороны теперь желаю дабы для персонального о том переговору как из русских, так из магометан несколько хороших и умных людей ко мне прислано было, с коими б я о всем и переговорил. С сим послал я нарочно находящегося при мне писаря Мунасыпа Мамбетева да Шаукала Байчюрина с одним при них товарищем.

Во уверение сего я, Средней орды Аблай-солтан, своеручно печать мою приложил, которая под оным письмом чернильная приложена.

Переводил переводчик Яков Гуляев и под подлинным подписался.

Апреля 29-го числа 1768 г.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1766–1769 гг. Д. 18. Л. 294–295 об. Перевод XVIII в.

№ 283

1768 г., мая 7²⁹⁷. – И. д. командующего войсками на пограничных линиях и отдельным Сибирским корпусом генерал-майору П.А. Девицу

Перевод с присланного от Аблай-султана письма мая 7-го дня 1768 г.

Превосходительному г-ну генералу Петру Девицу низжайший поклон с протчим вашим подкомандующим офицером.

Намерен я со оренбургским г-ном губернатором повидатца, чтоб с обоих сторон быть согласными и с ним говорить. Почему наперед при сем отправил находящегося при мне писаря Мунаскепа Маметева, киргизов Кабана Карамайдыча, Шалкала Банчурьча, да при них работник один. Которых прошу вас, превосходительный г-н генерал-майор, до Троицкой крепости с моими письмами чрез ваше старание отправить при одном с вашей стороны толмаче.

Переводил тобольской служилой за толмача татарин Мамлют Исменев.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 201. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 202.

²⁹⁷ Дата получения.

1769 г., мая 15. – Оренбургскому губернатору генерал-майору И.А. Рейнсдорпу

Перевод с татарского письма Средней орды от Аблая и Юлбарыса салтанов, августа 18-го дня 1769 г. в Оренбурге полученного.

Высоковременному и высокодостойному г-ну генерал-майору Оренбургской губернии губернатору и кавалеру Ивану Андреевичу Рейнсдорпу.

Назад тому четвертой или пятой год с начала приезда в здешнюю Красноярскую крепость генерал-майора Девица от его непорядочных поступок в нашем народе ни малого спокойства не стало, ибо он двум нашим человекам чрез стрельяние из ружья руки оторвал, а пятнатцати человекам битьем спины повредил, и безо всего сорок лошадей взял, и от самого того времени для меня ни трех киргисцов не впускал, и приезжающих киргисцов во время кочевья их поблизости крепости ночным временем их бить и скот у них отнимать приказывает. А когда о том к нему от тех киргисцов прозьба произойдет, то он, Девиц, отзывается незнанием, а ежели те киргисцы посылают ему ис того отнятого у них скота третью часть, то в таком случае скот их им возвратить обещевает, токмо напоследок и десятой доли того скота не возвращает, а тем сам пользуется. Нынешнюю осенью я реченного генерала просил, дабы повелено было за неурожаем от жаров трав нам травы дал на внутренней стороне реки Уя, но того он не учинил; а как зима наступила, то он у наших киргис-кайсаков обирал хорошими парами лошадей и их за то перепускал. А как о сем осведомясь, другие жительствоющие против линейных крепостей киргисцы чрез подарение тех крепостей командирам вещей скот свой стали перепущать, то реченной генерал, уведомясь о том от командиров, пятьдесят человек драгун да пять человек толмачей всех тех киргисцов, которые с дозволения близ жительствоющих к ним крепостных командиров, кроме тех, которым сам дозволение давал, согнать приказал, не разсуждая того, что земля государственная и при том сгоне бил киргисцов сорок человек, ис коих одного тут же умертвил, а другой по приезде в дом умер, и девяноста шесть лошадей себе там поймав, взяли. А что киргисцы сами давали, то мы о тех и просить не имеем, хотя мы наперед сего о сем Омской крепости генералу и представляли, токмо на то от него никакой резолюции не получили; почему уже и вам о том представить не преминули и уповаем, что е. и. в. всемилостивейшая государыня ни одному рабу обиды чинить не велит; и тако просим вашего пр-ва, дабы равно подданным и служащим государыне людям никаких обид и налог чинено не было. А мы уже в подданстве находимся не менее сорока лет и с самого того времени поныне службы наши простираем тем, что русских людей хотя теленок или жеребенок на нашу сторону перейдет, то мы всегда по возможности нашей возвращаем, и никаких им обид и изъянов не причиняем, и они могут ли доказать, что мы у них человека убили или спины людям их повредили.

В Киргис-кайсацкой орде происходимыя дела мы знать можем, а в их стороне происходящие дела они знать могут, и во время здравствования государыни нашей и при жизни нашей те смерти преданные киргисцы и после их взятой скот без всякого возмездия оставлен не будет, о чем и просим нас уведомить.

Еще вашего пр-ва просим вышеписанного находящагося в Красноярской крепости генерала ис той крепости сменить в другую крепость за то, что он наших киргис-кайсаков много беспокоил; и бес той крепости городов у государыни много имеется, и если ваше пр-во сие дело разобрать соблаговолите, то из жительствоющих близ нас хороших людей к тому присокупить просим.

По силе указа е. и. в. просим находящагося при мне писаря за долговременную ево службу определением в тою должность другого уволить, а инаково мне ево от себя отпустить невозможно. В писари ко мне прошу прислать жительствоющего в команде у мещеряцкого старшины Мавлюта и сотника Мансура в деревне Алменкулевой муллу Сеитбурхана, которой-де ныне находится в деревне Куншаковой муллою, а настоящей он житель и с женою своею оной

деревни Алменкулевой сотни реченного Мансура. В предбудущую весну просим прислать сюда находящегося здесь писарем Мунасипа родственников ево для возвращения оногo Мунасыпа.

Во уверение сего мы, Аблай-солтан и старшина Юлбарыс, печати наши приложили, которые под оным письмом чернильные и приложены.

Переводил толмач Андрей Васильев и под подлинным подписался.

Мая 15-го дня 1769 г.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1766–1769 гг. Д. 18. Л. 376–377 об. Перевод XVIII в. Копия

№ 285

1769 г., августа 14. – Генерал-поручику И.И. Шпрингеру

Перевод, учиненный в канцелярии его высокопр-ва с посланного Средней киргиской орды от владельца Аблай-солтана письма чрез толмача татарина Тажбулат Зарывкина.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну генерал-поручику и кавалеру Ивану Ивановичу всенижайший поклон.

Присланное от вас ко мне письмо чрез Размамет-дархана я получил исправно и, прочтя оное, свидетельствую мое удовольствие. Наши киргиские владельцы и простые киргисцы есть верноподданные всемилолюбивейшей государыни раби, назад тому уже сорок лет как в подданстве состоим, и как прежде, так и ныне [также] находимся. Протчие орды чрез войну Российскому государству покорены, а мы по одному желанию в подданство оному пошли и худова мнения и намерения кроме усердности не имеем. В нынешний год какие шалости от наших киргисцов происходили, в том прошу вашего высокопр-ва простить. Напротив чего и вашим российским в таковых же чинимых киргисцам шалостях прощаю и более уже ни о чем не прошу. Естли у нас в орде есть чево краденное у ваших российских, яко то скот и прочее, то можем отыскать и вам возвратить. Также, естли и наше у вас чево найдется, прошу прислать, яко же и ограбленные у киргисца Тюляк Мурзина 35 лошадей, о коих известно. Убитова киргисца отец и наказанные плетями киргисцы ж, осердясь на вас и меня, что я их не защищаю, откочевали, [кои] и увезли с собою захваченных у вас двух. Я к ним послал двух человек на перемену лошадям. А из тех ваших российских двух, слышно, один бежал и теперь от посланных двух человек ко откочевавшим вдаль киргисцам известия не получил, потому что тогда ж в одно время и сие письмом к вам отправил. Естли сию прозьбу приятно соизволите принять, то по-прежнему между нами восстановится дружба, и сатовку производить будем, и кочевать [по] местам станем, и я своим подвластным киргисцам прикажу, чтоб они жили смирно и шалостей не делали, о чем равно и вас прошу подкомандующим вашим подтвердить же.

Еще прошу из крепости Св. Петра несколько ваших людей с толмачом [прислать] ко мне, с коими я в ту крепость и отпу[щу] моих подвластных на сатовку. И с нынешнего времени со обеих сторон, как с вашей, так и с нашей, шалостей отнюдь чтобы не происходило, и как ваши, равно и наши при сатовках поступали смирно. С сим письмом послал я к вашему высокопр-ву Утарцы-батыря, Размамет-дархана, киргисцов Аргызбая, Утяша, Этимген-батыря, верных моих людей, кои оставшее на словах вам донесут.

К тому письму во верность печать свою приложил Аблай-солтан.

Под тем приписка: Сих людей прошу в скорости ко мне отправить.

14 августа 1769 г.

При сем послал я к вам в подарок двух гнедых лошадей не с тем, что у вас есть или нет, а только в знак дружелюбия. Еще же послал двум при вас в канцелярии находящимся начальникам две лошади: одна – гнеда, другая – савраса, каждому по одной, коими и прошу их подарить.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 221 и об., 231. Перевод XVIII в. Подлинник на турки – там же. Л. 222 и об.

№ 286

1769 г., ноября 7. – Генерал-майору И.А. Рейнсдорпу

а)

Могущественная и державная великая императрица, самодержица всероссийская и проч., и проч., и проч., вилайетов государыня-повелительница, ее величество Екатерина Алексеевна!

От Среднего йуза Аблай-хана.

Вам, досточтенный и превосходительнейший г-н генерал-майор губернатор Оренбургской губернии и любезный кавалер Иван Райнсдорп, а также всем вашим домашним бесконечные и бесчисленные приветствия! Живите в здравии и благополучии много лет, много времен, много эпох!

Благословенное ваше послание дошло до нас в полной сохранности. Содержание его стало понятным через посланного вами переводчика Йа'куба с товарищами. Мы приняли и одобрили [это послание].

Если ее величество государыня внимлет нашему желанию, а я, как известно переводчику Йа'кубу, имел указания в письменной форме от прежних государей и по поводу тех дел сообщал в прошлом втором году, то через прибывшего от вас Мунасиба – сына Мамата с его казахскими спутниками [передаю вам] прошение и все еще [остаюсь] при таких своих словах: для [прославления] перед друзьями и врагами, чтобы мой сын был в звании генерала; когда он поедет [к вам], то пусть увидит благословенное [и] приятное лицо ее величества государыни, а также пусть местом пребывания его будет крепость Кызыл-Йар в Тобольской губернии. И еще, если с какой-либо стороны на нас нападет враг, нам будет оказана помощь в сан или, по крайней [мере, в] тысячу или пятьсот человек. А еще чтобы моим людям, которым вручили письма за [своей] печатью, была открыта дорога между моим йуртом и русскими как в крепостях, так и на базарах. [Речь идет о] моих тилангутах – четырех-пяти отдельных казахах. Еще чтобы мне ее величеством государыней была пожалована грамота с текстом и печатью на тарханство моим потомкам вплоть до дня Страшного суда. А обмен моих сыновей[-аманатов] производили бы через два или три года, причем тот обмен осуществлялся бы по моему выбору. Чтобы ее падишахское величество всех нас считало равными – русских, казахов и прочие народы, и коменданты ваших пограничных крепостей проявляли справедливость, и не было бы насилия и притеснения. И чтобы каждый направляющийся [в аманаты] мой сын увидел благословенное государево лицо. [Если же] мой сын долго пробудет [в аманатах], то пусть он будет видеть [государево лицо] раз в три года.

А еще чтобы упомянутое войско в сан [было бы использовано так]: против дальних врагов – сан, против ближних – тысяча, а если враг будет менее значительный, то против моих внутренних врагов – пятьсот, будь то при моей жизни или при жизни моих сыновей. Относительно беглецов отдайте приказ вы – возвращать их, нет, – если уйдут от нас некоторые казахи или придут от вас русские – пусть это будет решено, так как мы не знаем, как поступать.

А еще там, где будут находиться в аманатах мои дети, пусть будет большой базар. А еще пусть между крепостью Омбу и крепостью Баглан будут пропускаться наши казахские табуны со взятием аманатов. А еще чтобы при моих детях находилось десять знатных людей из Среднего йуза.

Если ее падишахское величество примет и одобрит это наше прошение, то пусть все это будет записано в тарханской грамоте. Если эти упомянутые наши действия будут одобрены [вами], и этой весной вы приедете, то я готов [явиться], когда зазеленеет трава. Остальные мои устные слова передаст [вам] прибывший от вас переводчик Йа'куб, которому верьте.

Прекращая речь, я, Среднего йуза Аблай-хан, собственноручно приложил мою печать.

В год 1769 благословенного месяца ша'бан 7-го дня ²⁹⁸.

Современный перевод с чагатайского тюрки Т.К. Бейсембиева. Опувл.: ЦИКХ-2. Док. № 155. С. 84–86; Подлинник на тюрки – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1769–1773 гг. Д. 19. Л. 18–19. Опувл.: КРО-1. С. 692–693.

б)

Перевод с татарского письма от киргиз-кайсацкогo Аблай-солтана, чрез переводчика Якова Гуляева ноября 21-го дня 1769 г. в Оренбурге полученного.

Всепресветлейшия, державнейшия великия государыни императрицы Екатерины Алексевны, самодержицы всероссийския и проч., и проч., и проч.

Высокопочтенному и превосходительнейшему г-ну генерал-майору Оренбургской губернии губернатору и кавалеру Ивану Андреевичу Рейнсдорпу купно со всею вашею фамилиею я, Аблай-хан, многолетно здравствовать желаю.

Благословенное вашего пр-ва писание я чрез присланного от вас переводчика Якова Гуляева с товарищи исправно получил и содержание оногo понел, приняв за благо. Ежели, напротив того, и мое желание е. и. в. аппрабовать изволит, а я, как и переводчику Гуляеву ведомо, имея от предков е. и. в. требование, и прошлого году чрез возвратившегося от вас Мунасипа Маметева с товарищи предьявление учинил, так и ныне в том же нахожусь.

В протчем, прошу для прославления приятелям и врагам моим, чтоб сын мой содержан был в достоинстве генерала, и как туда прибудет, то б допущен был видеть благословенное лице е. и. в. Пребывание б ево учреждено было Тобольской губернии в крепости Святого Петра. Ежели с которой-либо стороны неприятель на меня наступит, то б дана была мне помощь снабдением войска тысяч до десяти, а по последней мере до тысячи или до пятисот человек. Когда я буду с письмами моими за печатью моею посылать людей моих, то б им в России, в крепостях и на ярмонках дорога отверста была. Сие единственно прошу я о моих теленгутах, человеках четырех или пяти, а не о прочих киргисцах.

Еще б пожалована была дана от е. и. в. потомкам моим всегдашняя тарханская (т. е. княжеская или господская) грамота, а смена б детей моих отдана была на волю мою, чинить оную чрез два или три года. Ея императорское величество жаловать изволила российских и киргиз-кайсаков как и протчих народов в равенстве. Здешние б линейные командиры делали справедливость, а обид бы и озлобления не чинили. Каждой бы мой сын, которой будет отправляем в аманаты, сподобляем был видеть благословенное лице е. и. в. Ежели которой из детей моих в аманатах продолжится, тот бы удостваиван был видеть чрез три года.

Вышепомянутае б войско для дальних злодеев по десяти тысяч, а для ближних – по тысячи, для ж внутренних – по пятисот человек давано было во время жизни моей и потомков моих. Что касается до беглых людей от нас, киргисцов, а от вас, рус[с]ких, то оним со обеих сторон возвращение чинить ли или нет, предаю в рассмотрение ваше, а я о сем, что делать, не знаю. Где мои дети находиться будут в аманатах, тут бы для Средней орды учреждена была большая ярмонка. Между б Омской и Звериноголовской крепостей киргизкия лошади со взятъем аманатов на внутреннюю сторону перепускаемы были. При детях бы моих содержано было в аманатах Средней орды знатных киргисцов человек до десяти. Ежели сию мою прозъбу е. и. в. за благо принять изволит, то б все то написано было в тарханской грамоте, и так бы потом, а имянно: будущею весною, по траве, присланы были от вас нарочные, а я к отдаче готов буду.

²⁹⁸ Вероятно, под обозначением «ша'бан» здесь имеется месяц ноябрь по юлианскому календарю. (Прим. переводчика.)

Оставшая ж мои слова донесет вам присыланной от вас переводчик Гуляев, которому извольте в том поверить, а я ево со всеми при нем находившимися отправил со удовольствием.

В протчем, прекратя, остаюсь Средней орды Аблай-хан.

Во уверение же сего печать мою приложил, которая под оным письмом чернильная и приложена.

Переводил толмач Антон Трофимов.

Числа 24-го ноября 1769 г.²⁹⁹

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1769–1773 гг. Д. 19. Л. 16–17 об. Перевод XVIII в. Опубл.: КРО-1. Док. № 272. С. 694–695.

№ 287

1770 г., июня 14. – Генерал-майору И.А. Рейнсдорпу

Перевод с татарского письма киргис-кайсацкой Средней орды от Аблай-солтана, чрез нарочно посыланного к нему отсель переводчика Арапова в Оренбурге июня 30-го дня 1770 г. полученного.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну генерал-майору, оренбургскому губернатору и кавалеру Ивану Андреевичу Рейнсдорпу многолетно здравствовать желаю купно со всеми вашими домашними.

В прошедших годах, т. е. во время бытности генерал-майора мурзы Тевкелева ознаменовано мне было, чтоб я в службе е. и. в. из детей моих содержал, почему и я предъявил к отдаче оно-го, однако ж не прежде, как по совете со всеми моими свойственниками, готовность, в чем и теперь состою. А понеже с вашей стороны дается мне знать, как бы я сам того желал, токмо я собственно сам желания к тому не имел, а по знаменованию от стороны ее величества к тому приступил. А что я в сем не ошибаюсь, то, ссылаюсь на переводчика вашего Якупа, которой с вашей стороны письма привозил и мой ответ отвозил, с тем что я имею о том советовать с моими свойственниками, с которыми советовав, ответ мой и отправил. С присланным же от вас переводчиком Араповым послать сына моего я не в состоянии нашелся затем, что между нами по притчине взятъя скота и убийства людей многие обстоятельства произошли, что в отдаче сына моего и воспрепятствовало. Ибо орды нашей половина теперь пропадает, ежели сии дела разобраны не будут, то торги в крепостях пресекутся. В предварение чего прошу на сие снабдить меня скорым вашим ответом, и чтоб он доставлен был в начале рождения будущего месяца (т. е. к 11-му числу июля) и прежде нежели скот пропадет и люди погибнут.

Присыланного от вас переводчика Арапова обратно с его товарищами благополучно отправил, протчие ж мои слова сам он, Арапов, вам донесет, которому прошу поверить.

Во уверение же сего я, Аблай-солтан, своеручно печать приложил.

Под оным письмом его, Аблаевская, чернильная [печать] и приложена.

Июня 14-го дня 1770 г.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1762–1775 гг. Д. 14. Л. 365–366. Перевод XVIII в.

№ 288

1770 г., июня 14. – Генерал-майору И.А. Рейнсдорпу

Перевод с татарского письма киргис-кайсацкой Средней орды от Аблай-солтана, чрез нарочно посланного к нему отсель переводчика Арапова в Оренбурге июня 30-го дня 1770 г. полученного.

²⁹⁹ Дата перевода.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну генерал-майору, оренбургскому губернатору и кавалеру Ивану Андреевичу Рейнсдорпу многолетно здравствовать желаю, купно со всеми вашими домашними.

Минувшею осенью просил я у вас, чтоб вы желания мои е. и. в. донесли, которые вами изрядно и донесены, чем я обрадованным нахожусь; за что и вас превышний бог да сохранит в протекции своей на многие лета.

В протчем доношу, что мы суду всемилостивейшей моей государыни совершенно повинемся, и все за благо приемлем, и ко услугам ея величества готовы. Токмо между нами некоторые зделались обстоятельства, т. е. много скота нашего взято. А именно: нынешнею зимою от киргис-кайсак наших в близости вашей от того места, где содержаны были, в сторону вашу 70 000 лошадей взято. А сверх того и против Троицкой 7000 побрано, причем были предводители башкирцы Ямнай да Амангильды и троицкой толмач Якуп с одним русским в 500 человеках, что мне хозяева тех лошадей сказывали, из которых и самих семь человек увозили, что они точно своими глазами видели, из коих 2000 показали, а протчих внешнею стороною препроводили. Да и при взятые от устья Орь-реки 70 000 лошадей русские, как я слышал, были, коих также многих не показали; причем и из хозяев тех лошадей семнадцать человек побили. Ваше предложение хотя я за благо и приемлю, только представляю, что вы того своими глазами не видали, а мне все то сказывали хозяева тех лошадей.

Прошлого лета изволили ко мне писать, что у Баим-тархана и у протчих взято лошадей 3696, на то я ответствовал, чтоб изволили тех лошадей требовать прямо от солтанов и от старшин тех улусов; а буде они не возвратят, в таком бы случае мне известить, и что я потом управиться с ними могу. Только после того никакого от вас известия прислано не было. По притчине чего я тотчас находящемуся в Пресногорьковской крепости г-ну генералу извещал, что воры против его в близости находятся и чтоб он ко мне со 100 или с 50, а по последней мере с 25 человек прислал, чрез которых бы мне можно было тех воров уверить, что они – хозяева тех лошадей. Токмо тех людей ко мне не прислано, а что я сие неложно пишу, то известно о сем и переводчику вашему Якупу. А сверх того с прозьбою моею о сих лошадях отправил было я к вам в Оренбург чрез Троицкую крепость из ближних моих людей, только их находящейся в Троицку полковник не пропустил, отзываясь, что того скота еще мало взято, и еще взято будет, с чем тех моих посыланных и возвратил. Я, было, хозяев тех лошадей имел в воздержании, из которых, было, с теми моими посыланными некоторые ездили и по притчине того, отчаясь, настоящие беды производят. Со всем тем прошу вашего на сие скорого ответа прежде нежели взятой скот пропадет и захваченные люди погибнут, излишней из того взятого скот возвратить и из-за того все здешние дела на меня возложить. Ежели же я оных не исполню, то стыд на мне будет. И чтоб ваш тот ответ доставлен был ко мне, конечно, в сем родящемся месяце (т. е. к 11 июля), ибо везде в крепостях торги остановились, и народ начал удаляться. Оставшие мои слова донести может вам присыланной от вас переводчик Арапов, которому прошу верить.

Во уверение сего я, Аблай-хан, своеручно печать мою приложил.

Под оным письмом его, Аблаевская, чернильная печать и приложена.

Июня 14-го дня 1770 г.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1762–1775 гг. Д. 14. Л. 366 об. – 369. Перевод XVIII в. Копия перевода – Архив СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 1. Д. 25. Л. 70–72.

№ 289

1770 г., июня 14. – Генерал-майору И.А. Рейнсдорпу

Письмо султана Аблая оренбургскому губернатору с просьбой вернуть скот и имущество, захваченное у казахов и прислать в орду знающего муллу.

Современный перевод.
Среднего йуза от Аблай-хана.

Вам, высокопочтенному и высокодостойному г-ну оренбургскому губернатору [и] губернской канцелярии, а также прочему вашему обществу много, много, много и много приветов посылаем.

А затем вашему высокопр-ву речь наша следующая: в прошедшее лето мы первым письмом через приехавшего от вас посланником Матвея Арапова вам сообщали и, ввиду непоступления никакого ответа на первое письмо, мы вновь повторно сообщаем, [хотя] количество упомянутого скота должно быть известно вам самим, но я еще раз сообщаю. Количество захваченного скота от вашего Оренбурга до Троицкой крепости [выражается] в 70 000 лошадей. Убили 20 человек. И еще захватили имущество двух аулов³⁰⁰, навьючив на 15 верблюдов, принадлежащих самим казахам. В числе захваченного было много драгоценного имущества: ковры, бархат, парча и прочие шелковые одеяния. И еще было захвачено с внутренней стороны Троицка, с озера, называемого Трналы, 9000 лошадей. И еще у зимовавшего по берегу реки Уй некоего Избасты в Крутоярской крепости захватили вместе с его 20 баранами одного его пленника-кызылбаша. И еще в той Крутоярской крепости захватили одного пленника-каракалпака, с того места, на котором сдирают шкуру с исхудалого, т. е. с павшего от истощения скота, а двое его сыновей остались здесь. И еще [жители] Кырык-Бойдакской³⁰¹ крепости, сговорившись с поручиком Крутоярска, захватили 15 лошадей, в числе их – одного вороно-лысого и одного светло-рыжего иноходца. И еще у кырык-бойдакского торе³⁰² у Дерипсалы-бахадуря захватили 40 лошадей, из коих половина кобылицы. Помимо всего этого не счесть [скота], захваченного по одной-две [головы], но об этом не говорим.

Мы питаем надежду: не будет ли возвращено не все, но небольшое количество указанного скота, [в число] коего [входят] и 15 верблюдов.

Мы же сами в истекшее лето отобрали и вернули из числа захваченных кипчаками людей 10 человек [в честь] признания величия ее величества государыни и величия йурта [государыни] и в расчете, что и ее величество государыня нас также не оставит [без милости]. Еще я послал 30 лошадей. Еще осталось немного [захваченных в плен] людей; но они в данное время находятся вдали. Если угодно богу, они тоже летом, авось, будут взяты.

От убитых людей достался [вам] один панцирь, который стрела не пробивает. Прошу его вернуть. Весь упомянутый скот был захвачен башкирами. Прошу вас заставить их вернуть нам [скот]. Или же предоставьте нам самим [договориться] с башкирами, мы сами вернем, если будет дозволено, чтобы один раб присваивал [скот] у другого раба.

Еще одно прошение: уже много лет, как мы не видели священный облик ее величества высочайшей великой государыни. Поэтому сочли бы за разумное в этом году отправить одного из своих сыновей или же одного из своих младших братьев для того, чтобы повидать священную красоту ее величества высочайшей великой государыни. Однако, нашим людям, посылаемым в [...] ³⁰³годы в ту сторону, не разрешают проехать; причины этого мы не знаем. Но если будет разрешено проехать, прошу об этом известить.

И еще второе прошение. В прошлые годы двукратно мы просили [прислать] одного муллу для того, чтобы он был здесь писарем. Мулла к нам не приехал, по какой причине мы не знаем. Повторно еще в третий раз убедительнейше прошу [прислать] из Оренбургской губернской канцелярии в качестве писаря упомянутого муллу для выполнения службы ее величества высочайшей государыни. Нами было получено известие, что [мулла] намечен. Если вы хотите прислать упомянутого муллу, то прошу его прислать в самом скором времени, ибо

³⁰⁰ В переводе XVIII в. – улусов.

³⁰¹ Кырык-Бойдак – казахское название Усть-Уйской крепости.

³⁰² В переводе XVIII в. – командира.

³⁰³ Отточие документа.

я в самом скором времени возвращаю обратно [на родину] теперешнего своего муллу ввиду того, что он прослужил здесь много лет. Если же не [пришлете муллу], то скорее пришлите ответ, почему его не будет, дабы я мог искать ученого, хотя бы в другом йурте, ибо я считаю, что [имеющийся мулла] не в состоянии будет выполнять государственные дела [...]»³⁰⁴ Прошу вас прислать переселившегося на новый йурт на степной стороне жителя Ичкинского йурта Сеит-Бурхан-муллу из команды сотника Мансура вместе с его женой. Если не его, то прошу [прислать] другого хорошего совершенного муллу. Прошу ускорить его присылку сюда, ибо здесь много государственных дел, которые невозможно выполнять без ученого и без писания писем.

Если мулла приедет без жены, он не будет жить прочно более двух лет. По этой причине мы говорим [прислать муллу] с женой.

Если вы намерены возратить нам часть упомянутого скота, то прошу отослать первую партию его вместе с этими посланными моими людьми. С поручениями к вам послал Муклай-бахадур, Кобдука и Сеита, прошу верить каждому их слову.

Во уверение мы, Аблай-хан, собственноручно свою печать приложил.

Слева черным приложена миндалевидная печать с надписью: «Аблай... бахадур, властитель султан».

Современный перевод с чагатайского тюрки составителей МИКССР под редакцией И.Н. Леманова – Архив СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 1. Д. 25. Л. 119–121.

№ 290

1770 г., августа 22³⁰⁵. – Генерал-поручику И.И. Шпрингеру

Перевод, учиненный в военной походной его высокопр-ва г-на генерал-поручика и кавалера Ивана Ивановича Шпрингера канцелярии с присланного письма киргис-кайсацкой Средней орды от владельца Аблай-солтана чрез толмача Маметияра Кучиярова.

Киргис-кайсацкой Средней орды от владельца Аблай-хана находящемуся в крепости Омской генерал-поручику и кавалеру Шпрингеру всенижайший поклон. От моего брата Салтаммет-солтана письмо ваше я получил исправно, в коем пишете вы, что ваших российских людей 26 человек захвачено и четыре убито. Которых людей требуете в отдачу к себе обратно с тем, ежели мы выдадем, то будем состоять по-прежнему. На что уведомляю: Кипчатской, Егалбайской и Кирейской волостей киргисцы отогнали с вашей стороны лошадей 3196, а прошлого году зимой выехало с Оренбургской линии ис Троицкой крепости команды русских людей 1000 человек, при том был Матвей Арапов. От наших киргисцов захватили семь санов лошадей, которых лошадей киргисцы для отдачи не требуют. А требуют тех, кои при называемой реке Уй, да при озере Турналей захвачены 9047 лошадей в отдачу. При захвате которых лошадей был Амангилдейбай, Еманайбай, ис Троицкой – толмач Якуп, а всего было 500 человек. При вышеписанном отгоне семь санов лошадей был Матвей Арапов, русских людей – 100 человек, которые убили киргисцов в первом месте – 17, в другом – трех, итого – 20 человек. В котором числе и лошадей у других отогнато безвинно, тех прошу отдать. Напротив чего и ваших русских людей отдадим. А киргисцы, кои напрасно обижены, еще сряжаются от ваших российских людей отгон лошадям и людям захват делать. Однако ж я их от того удерживаю с тем обещанием, что которые за лишно захваченные их лошади, им отдадутца. Прежде находящиеся здесь командующие генералы жили с нами дружно, почему и нам с вами ссориться не для чего. Прошу приложить свое старание о выдаче наших за лишно захваченных лошадей, а я буду старатца также о выдаче ваших людей и всех, что

³⁰⁴ Отточие документа.

³⁰⁵ Дата получения.

есть, вещей. И ежели от безвинных киргисцов захваченные лошади не отдадутца, то от них так не пройдет. А буде вы наших отдадите, а мы – ваших, то по-прежнему станем мирно жить. С сим письмом отправил я Урус-салтана и брата старшину Яубариса с товарищи, кои оставшую прозбу словесно могут принести.

И во уверение печать свою черную приложил Аблай-хан.
Переводил старший толмач Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 31. Л. 257. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 258 об.

№ 291

1771 г., октября 2³⁰⁶. – Коменданту Озерной крепости полковнику А. Корфу

1771 г., октября 2-го дня. Перевод, чиненный в пограничной его пр-ва г-на генерал-майора Сергея Кириловича Станиславского канцелярии, с писем, присланных киргис-кайсацкой Средней орды от владельца Аблай-салтана и сына его Ували-султана чрез толмача Киленя Мамкина.

От владельца Аблай-салтана высокородному и почтенному г-ну полковнику Корфу нижайший поклон.

Найденных в нашей волости моего владения сыновьями моими ваших российских людей ныне семь, да в прошлом году – 18, а всего 25 человек, кои все и отданы в вашу российскую сторону. Напротив чего и я требую от вас, чтоб и моих лошадей и бежавших пленников, тогда и случающиеся какой-либо экипаж, если паки в вашей стороне найден будет – ко мне высылать, и своим командующим приказать, где что найдено будет, чтоб и они также отдавали.

А как уже требования моего много уже бывало, однако никогда по просьбе моей не делается. А от нас как ваши люди, так равно скот и прочее всегда отдается, почему и киргисцы на меня много сердятся, что они своего обратно пропалого ничего не получают. Как-то: ныне от одного моего киргисца ушли в Россию два пленника, один башкирец, а другой калмык с двумя сыновьями, кои и теперь у вас. Однако пускай, о башкирце я не говорю, что он ваш подданный, пусть и остается, а калмыка с сыновьями прошу обратно выдать, и естли выдадите, то и живущего вашего российского человека у того киргисца я, истребуя, к вам выдам. А без того тот киргизец вашего российского человека не отдаст.

Ныне ж с вышеписанными вашими людьми семью человеками отправлен от меня Саугалбатырь с тремя киргисцами, то когда оный прибудет, от него принять.

И его с двумя киргисцами прошу отправить на подводах в Тобольскую крепость, а последнего, т. е. четвертого, прислать ко мне с известием неудержно.

Доношу при сем вашему высокородию, что у нас много как рыб в озерах, так и бобров, и везде так довольно наподобие так, как рыбы в воде. Покорно прошу прислать промышленных людей, и им у меня обиды никакой не будет; и естли изволите сумнение иметь в том, что им будет причинена обида, так вас уверяю, что они жить будут всегда при мне и определю самых к ним лутчих и надежных людей.

В чем для уверения и печать свою приложил Аблай-хан.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 170. Л. 146 и об., 156. Перевод XVIII в. Копия.

³⁰⁶ Дата получения.

1771 г., ноябрь³⁰⁷. – Командующему войсками на пограничных линиях и отдельным Сибирским корпусом генерал-майору С.К. Станиславскому

1771 г., ноября 1-го дня перевод, учиненной в военной походной его пр-ва г-на генерал-майора Сергея Кириловича Станиславского канцелярии с писем киргис-кайсацкой Средней орды владельца Аблай-хана чрез толмача Маметияра Кучеярова.

Высокородному и превосходительному г-ну генерал-майору Сергею Кириловичу Станиславскому от киргисского владельца Аблай-хана всенижаший поклон.

Чрез сие вашему пр-ву доношу, что естли мне о своей службе самому не произнестъ похвалы, то всемерно она может быть у всех в забвении, ибо у кого много золота и серебра, да он оное содержит в ящике, тот и не славен, а естли кто, имея у себя то золото и серебро, да держит в тайне, тот считаетца богат и славен. Я ж во время царствования государыни Анны Иоанновны оказывал мою службу, во-первых, имевшихся в полону у моих киргисцов башкирцов шездесят кибиток отобрав со всем их скотом и богатством, выдал в Россию по требованию Оренбургской губернской канцелярии. Потом при государыне Елисавет Петровне бывших же в полону у киргисцов двоеданских телеуцких татар мужеска и женска полу тритцать душ, снабдя каждому по одной лошади, в Россию выдал. Также и после сих обстоятельств я много захваченных полонеников, лошадей и протчаго в Россию выдавал. Равно и прошедшего году до походу моего выдал пленников десять человек, а после моего походу сын мой Вали-салтан выдавал же, во-первых, семь, а потом четырех человек, да меньшей сын Цынгис-салтан в крепость Святого Петра выдал трех человек. Да в сем году я с тремя сыновьями и четырьмя братьями против изменников калмык ходил в поход военною рукою и имел сражение, в коем калмык нами побито тысяч до пяти, да в полон взято до десяти тысяч человек. И кроме сих калмык, тысяч до дватцати будучи войском нашим гонимы, страдали голодом и множество от того помирало, а напоследок тысячах в десяти кибиток ушли в китайское подданство. По случаю присланных от китайцов ко мне послов, чтоб более калмык нашим войскам не тронуть, ибо-де они идут к китайцу в подданство, для чего они и остались уже свободными и наше войско более за ними в погоню не пошло [1]. Каковыи мои услуги я вашему пр-ву, как прежде, так и ныне объявляю.

В недавне просил я г-на полковника Корфа о пропуске от меня в Тобольск к г-ну сибирскому губернатору Чичерину послов, от коего по той моей прозьбе и вашему пр-ву рапортом было представлено, на что ответствовано отказом. Почему ныне вашего пр-ва прошу приказать пропустить от меня послов ко всемилостивейшей государыне, ежели ж сей моей прозьбы исполнить покажетца невозможным, то по крайней мере хотя в Тобольск к г-ну губернатору пропустить, и что по сему учинить и какое удовольствие показать изволите, т. е. откажете, иль прикажете, покорно прошу уведомить.

Еще доношу, что при реке, именуемой по-киргиски Тобол-Убаган, прежде всегда имели довольным числом наши киргисцы кочевье, а ныне то место остаетца пустым, особливо для того, что башкирцы делают великие предобидения, отгон лошадам, драки и грабительства; о коих предобидениях, происходимых от башкирцов, мы произносили прозьбу г-ну оренбургскому генералу со испрашиванием удовольствия. От коего не получили никакого в прозьбе удовольствия, кроме одного отказа. Ныне ж я намерен в те места определить кочевать Средней орды своих киргисцов со осторожностью, то и прошу в ближних к тем местам крепостях приказать сатовку производить дозволить. Естли ж впредь будут ваши башкирцы киргисцам чинить обиды, то я уведомленным должен быть непременно. С моей же стороны старание всегда простираетца, чтоб киргисцы с народом российским всегда жили тихо и смирно.

³⁰⁷ Дата перевода.

С сим письмом послал я Шавгал-батыря и киргисца Батая Чиргала.
У подлинного письма приложена черная печать.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 170. Л. 293 и об. Перевод XVIII в.

№ 293

1771 г., ноября 27³⁰⁸. – Коменданту Петропавловской крепости полковнику К. Валленстерну

1771 г., ноября 27-го дня перевод, чиненной в военной походной его пр-ва г-на генерал-майора Сергея Кириловича Станиславского канцелярии с письма, присланного киргис-кайсацкой Средней орды от владельца Аблай-салтана чрез толмача Маметияра Кучеярова.

Находящемуся в крепости Святого Петра г-ну полковнику Карлу Валлестерну всенижайший поклон.

Чрез сие прошу вашего высокоблагородия как мне отпускалось каждой год муки пшеничной, аржаной, также и круп по двести пуд, а как я на нынешней год послал от себя для такового ж требования в отпуск вышеписанного числа хлеба нарочного, по которому требованию и изволили отпустить. Однако отпустили малыми весами, что видя посланной от меня киргизец, что отпускают несправедливо, не получа ничего, возвратился ни с чем ко мне обратно. О чем прошу вашего высокоблагородия, когда от меня приедет в крепость Святого Петра для приема просимого мною числа пуд муки приемщик, то прикажите к тому отпуску нарядить надежного афицера.

Уведомляли вы мне в письме, что вы моему киргисцу Азятю учинили штраф, но по прибытии ко мне тот киргизец объявил, что ему штраф учинен напрасно, потому что ево, Азятя, взял с собою российской татарин для отдачи муки, где захватя ево, и причли за воровство, то наказание учинили, а он, Азятя, показывает, что тою муку не украл, а выменял на товар. Но хотя бы и самым делом он пойман был в воровстве, то б ево не должно вам штрафовать, а прислать ко мне; если же вы так будете вперед (так) моих киргисцов наказывать, то и мне ваши русския попадатца будут, то и я также наказывать стану.

В письме вы изволили писать, что у Яугак-батыря никогда ваши российские табунов не отгоняли, а как тот Яугак сам действительно опознал у промышленников своих двух кобыл, коих и отнял у тех промышленников, в вашу сторону отпустил с тем, чтоб вы им за то учинили наказание. Если ж будут ваши российские люди причинять киргисцам шалости, то прикажу ловить и крепко буду наказывать.

Объявили вы еще и о том, что купцу Пеньевскому за обиду моего киргисца хотите учинить штраф, то прошу тот штраф учинить при моих киргисцах, которые от меня нарочно в Петропавловскую и отправлены, что я за большое себе удовольствие почту, да об отданных от нас Мамлютке-толмачу три кожи маральи, которые прошу от него отобрав, ко мне прислать. Да им же, Мамлюткой, взято у киргисца Баубак-батыря две лошади, за которых ряжено было кармазину, однако ни лошадей, ни кармазину тому киргисцу в отдачу и поныне нет, которое также с него взыскать. С сим письмом отправлен от меня киргизец Урман-батыр.

В чем для уверения и печать свою приложил, да покорно прошу пропустить наши киргиския табуны внутрь линии с взъемом от нас аманатов и на сие с сим посланным киргисцом уведомить.

Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 170. Л. 376 и об., 390. Перевод XVIII в. Другой перевод XVIII в. – там же. Л. 377 и об., 389.

³⁰⁸Дата перевода.

№ 294

1771 г. – Полковнику К. Валленстерну

Перевод, учиненной в Петропавловской пограничной канцелярии с полученного письма киргис-кайсацкой Средней орды от верноподданного и доброжелательного к российской стороне владельца Аблай-хана чрез толмача Речепа Аникова.

Находящемуся в крепости Святого Петра г-ну полковнику со всеми подкомандующими покорный поклон.

При сем бывших у киргисцов в полону российских людей семь человек к вашему высокородию посылаю, которые от учинивших дураков киргисцов отобраны чрез старание большого моего сына Вали-султана – четыре, да меньшого Ценгис-султана ж – три, ко мне были доставлены, а всего ис прежде выданными в прошедшем и нынешнем годах – 25; а при том прошу, что у вас в России киргисского имеетца, т. е. лошадей и протчего, по-прежнему к нам приказать выдать, о чем и по командирам дать знать. Почему и от нас к вам в Россию лошади и протчие вещи отдано будет, но только в неотдаче из российской стороны киргисского, как лошадей, так и протчего сии киргисцы крепко сердятца, почитая больше себя недовольными в том, что бежали от наших киргисцов две бабы с малолетними сыновьями, ис коих пускай бы одну башкирку приняли, а другую, как настоящую калмынку, и с теми их сыновьями не принимая, выдали; а башкирка пускай останеца у вас, и естли из оных калмынку з детьми отдадите, то и от нас ваш русской человек отдан будет. И как от вас отдачи не будет, то и вашего не отдадут с вашими ж семью человеками. Послан при сем киргизец Шаукал-батырь с товарищами тремя человеками, коих потому же прошу в Табольск на подводах отправить, а одного из них – Турягильды ко мне с ответом прислать.

В нашей же стороне довольно есть бобров и выдр, а особливо чрезвычайно много рыбы, коих для ловления прислать знающих людей, коим от нас никаких обид причинено не будет, а еще в защищение ис своих хороших людей к тому употреблю, и что ими изловлено будет, то вам и мне довольно станет. А особливо о тех ваших людях, чтоб присланы были, сын мой Ували-султан прилежно просит.

Я, Аблай-хан, для уверения печать свою приложил.

Вам известно, что толмачу Мамлюту отдано было для делания четыре маральных кожи и по зделании ко мне прислать, да сверх того за взятых им двух лошадей следует получить кармазину восемь аршин, которого также прошу о присылке. Мой доброй человек Байжигит-мурза – большой мне помощник, коего прошу завсегда не забывать, ибо он порутчику Башияку много добра делал.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 170. Л. 149 и об. Перевод XVIII в.

№ 295

1772 г., мая 26³⁰⁹ – Коменданту крепости Полуденной

Перевод, чиненный в пограничной г-на генерал-порутчика и кавалера Деколонга канцелярии с письма, присланного от киргисского владельца Аблай-султана к командующему в крепости Полуденной.

У подвластного моего киргисца Уметея Мурзина сына убежал бухаретин и увел с собою четырех лошадей. В таком случае покорно прошу г-на командующего в крепости Полуденной командира, естли тот беглец в которых российских крепостях явится, обратно в нашу сторону выдать. А естли оной бухаретин выдан не будет, то мои киргисцы намерение имеют захватить из российских людей. А сверх того, что я тем обижен, буду писать к г-ну сибирскому

³⁰⁹ Дата получения.

губернатору. С сим же письмом отправлен от меня нарочной киргизец Палапан-мурза с товарищи, которой об оставшей моей прозьбе словесно объявить может.

Подлинное письмо переводил толмач Маметияр Кучеяров и под оным подписался.

С подлинным переводом сверял обер-аудитор Михайла Федоров.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1769–1773 гг. Д. 19. Л. 381. Перевод XVIII в. Копия. Копия с копии – там же. Л. 377 об. – 378.

№ 296

1772 г., июня 10³¹⁰ – Коменданту Петропавловской крепости бригадиру Клаверу

Перевод, чиненный в пограничной генерал-порутчика и кавалера Деколонга канцелярии с присланного ис крепости Святого Петра от г-на бригадира и коменданта Клавера, а им полученного Средней киргизской орды от владельца Аблай-салтана письма.

Господину бригадиру Клаверу, яко главному в крепости Св. Петра командиру нижайший поклон.

Чрез сие прошу бежавшую от подвластного моего киргисца Сетеня карыкалпачку, тож прежде бежавшего от киргисца ж бухаретина, отыскать в своих крепостях, обеих выдать. А когда не изволите отыскать и выдать, то неотменно мои киргисцы и вашим российским людям захват учинят.

В чем для уверения и печать черную приложил.

Подлинное переводил толмач Маметияр Кучеяров и на оном подписал.

С подлинным переводом сверял обер-аудитор Михайла Федоров.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1769–1773 гг. Д. 19. Л. 380. Перевод XVIII в. Копия. Копия с копии – там же. Л. 377 и об.

№ 297

1772 г., июля 17³¹¹. – Генерал-майору С.К. Станиславскому

Перевод, учиненный в пограничной его пр-ва г-на генерал-майора Сергея Кирилловича Станиславского канцелярии с присланного от владельца Аблай-хана письма июля в 17-й день 1772 г.

При сем вашему пр-ву доношу: от всемилостивейшей государыни даецца мне по триста рублей ис Троицкой крепости жалованья. А как оттоль мне получать далече, для чего прошу вашего пр-ва с согласия с вышною командою, не можно ль мне отпустить ис крепости Петропавловской? Сверх же оного построены были для меня деревянные покои, в которых ныне изломаны оконницы. Для чего и прошу, зделав семнадцать оконниц, прислать [1].

Еще ж прошу, какие есть у вас люди, которые б могли бобров ловить, а у нас ныне очень много черных бобров. И для оной ловли тех промышленников человек до двух или четырех прислать, которые по изловле вам и нам довольно будет. Для чего и я вспомоществование им от себя дам людей, чтоб никто не мог их обидеть, и чтоб те промышленники с собою для рыбных промыслов взяли сети и протчие к тому способные снасти.

В чем для уверения и печать свою приложил.

Переводил толмач Енбакей Тусмаметьев.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 176 Л. 48. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 49.

³¹⁰ Дата получения.

³¹¹ Дата получения.

№ 298

1772 г., августа 9³¹². – Генерал-майору С.К. Станиславскому

Перевод, учиненной в пограничной его пр-ва г-на генерал-майора Сергия Кириловича Станиславского канцелярии с присланного от владельца Аблай-хана письма августа 9-го 1772 г.

Высокородному и превосходительному г-ну генерал-майору Сергию Кириловичу поклон.

Посланным от меня к вашему пр-ву прежде сего письмом прошено было о выдаче мне жалованья ис крепости Святого Петра триста рублей, о чем ныне прошу, дав знать о сем главному генералитету, и меня уведомить. И о построении в покоях моих оконниц писано было, кои изломаны, семнадцать оконниц с стеклами мерою ж каждая оконница длиною в четыре четверти и три вершка, шириною – в три четверти в два вершка. В которые прошу стеклов прислать белых, а естли недостаточно будет белых, то хотя на три оконницы прислать, а в протчие, какие есть.

Для ж промыслу бобров прошено было два людей, на которое вы требуете аманата, то-де и промышленники пришлютца. Почему б я и дал аманата, только с тем, что изловлено будет, то все нам, а естли без аманата, то пополам ловлю делить будем. Для ж ловли рыбной то оное все вам достанется, а мы оную не едим. Так, как изволите, хоть присылайте и не присылайте оное, на власть вашу даю. Только для ловли бобров неотменно прошу прислать человек до четырех или по крайней мере двух казаков – Мокринского и донского Ивана Ромашина, коим никакой обиды происходить не будет, и для збережения от себя дам человека, кой будет ловить при речке Колчакле от юртов наших недалече. И вышеписанное прошу вас исполнить и прислать.

С сим же письмом до вас послал киргизца Урала, в чем для уверения и печать свою приложил.

Переводил толмач Ембакей Тусмаматьев.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 176. Л. 120 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 121.

№ 299

1772 г., августа 29³¹³. – Генерал-майору С.К. Станиславскому

Перевод, учиненный в пограничной г-на генерал-майора Станиславского канцелярии с присланного киргиз-кайсацкой Средней орды от владельца Аблай-салтана письма.

Высокородному и превосходительному генерал-майору Сергею Кириловичу Станиславскому поклон.

У подвластного моего киргисца три человека пленников бежало, из коих два трухменца, один башкирец, которые увели с собою четырех лошадей и увезли одно ружье; да две калмычки торгоутские бежали ж пешие. Башкирца ж мы от вас не требуем, а только просим тех трухменцев и калмык с лошадьми и ружьем возвратить, которые как вам, так и нам неприятели. А естли вы не отдадите, и от вас неровно таковые ж будут к нам бегать, их не будем отдавать, в том никогда хорошева не будет. И естли не отдадите, то ваших российских половина в нашей Киргиской орде будет. Случалось и много российских к нам бегали, так мы вам отдавали, для чего и мы оных желаем выдать для соседней дружбы.

Подлинное письмо переводил толмач Ембакей Тусмаматьев и под оным подписал.

С подлинным переводом сверял обер-аудитор Михайла Федоров.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1769–1773 гг. Д. 19. Л. 394. Перевод XVIII в. Копия. Копия с копии – там же. Л. 378–379.

³¹² Дата получения.

³¹³ Дата получения.

№ 300

1772 г., сентября 14³¹⁴. – Командиру отдельного Сибирского корпуса и пограничными линиями генерал-поручику И.А. Клапье де Колонгу

Перевод, учиненной в пограничной его высокопр-ва г-на генерал-порутчика и кавалера Ивана Александровича Деколонга канцелярии с письма, присланного киргис-кайсацкой Средней орды от владельца Аблай-султана письма чрез старшего толмача Маметияра Кучеярова.

Высокородному господину, высокопревосходительному г-ну генерал-порутчику и кавалеру Ивану Александровичу ДеКолонгу от Аблай-хана всенижайший поклон.

Чрез сие вашему высокопр-ву доношу, что от прежде находящихся на линиях господ генералитетов и от китайской границы прозьба от меня чинена была с требованием, когда мне от каких-либо народов обида и притеснение причинитца, для вспоможения воинских людей тысяч до десяти давать. Почему по той моей прозьбе писали мне, егда какое притеснение и обида произойдет, то для вспоможения и давать обещались. Однако таких моих требованиев никогда не бывало, да и обиды ни от кого не происходило. А ныне кочующие по реке Тоболу киргисцы делают моим подвластным киргисцам большие обиды, также и с российской стороны людей в полон захватывают, скот отгоняют и протчее насильно отнимают. То потому, ежли я со своими подвластными не в силах с ними управитца, пришлетца от меня к вашему высокопр-ву письмо с требованием для вспоможения против вышеписанных воров киргисцов воинской силы, так пожалуйста, ваше высокопр-во, по той моей прозьбе не оставьте исполнения учинить. Когда ж из оных воров киргисцов приезжать будут к вашим российским крепостям и станут делать обиды, то, захватывая их к себе, содержать под караулом и бить без всякого милосердия плетьюми. Требуемая ж мною воинская ваша сила пробудет дней десять или еще меньше. При оной же силе я сам буду или сына своего пошлю. По окончании чего вышеписанная ваша сила от меня в прежние свои места отправлена быть имеет. И на сию мою прозьбу покорно прошувашего высокопр-ва с сим посланным от меня Иман-султан[ом] уведомить.

Посланы ж ваше высокопр-во от всемилостивейшей нашей государыни для командования Сибирским корпусом, то для поздравления с благополучным вашим сюда прибытием послал аргамака серого, коего и прошу от Иман-султана принять.

Во уверение чего и печать свою красную приложил Аблай-хан.

Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 176. Л. 182 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 183 и об.

№ 301

1772 г., сентября 14³¹⁵. – Коменданту Троицкой крепости

1. Высокородному и высокопочтенному в Троицкой крепости находящемуся г-ну бригадиру желаю вашему высокородию при всяком счастливом пребывании лет много здравствовать.

За известие вам объявляю вперво, как е. и. в. доносил, так и ныне доношу вам, главным командирам, чтоб за великим притеснением мне тысячу человек или четыреста, а по крайней мере триста или двести дать, что мне будет служить за похвалу и как на меня так бы вору киргисцы никакими партиями нападать не могли. Как словесно, так и письменно всемилостивейшей государыне донести прошу вас: как в вашем отечестве вороты бывают, а у нас

³¹⁴ Дата получения.

³¹⁵ Дата получения.

степь, негде одержать народ вольной, в руки не пойманы. Хотя ведения вашей губернии в Звериноголовскую и в Усть-Уйскую крепости, а я против оных своих людей прислать имею, а ваши б без задержания двести человек присланы были от вас и, оных взяв, следовать буду от границы за пять дней или за четыре дни, а не далее, и прошу меня уведомить скорее, дабы в вашей губернии чтоб худа не учинили. А как они, воры-киргисцы, увидят ваш народ, то устрашиться могут и бояться крепко будут.

Во уверение сего на татарском подлинном письме чернильная Аблай-хана печать приложена.

Переводил татарского диалекта переводчик Иван Киржацков.

2. Мы, Средней орды Аблай-хан, вам, в Троицкой крепости находящемуся высокородному и высокопочтенному г-ну бригадиру, много лет здравствовать желаем.

Вашему высокородию объявляю, во-первых, яко главному командиру, что злодеями киргисцы, будучи, для того тысячу человек ваших в волости наши завести и там остановить прошу, отчего те злодеи убояться могут, а хотя у нас дальнего злодейства и не происходит, и наш народ еще не наряжен, однако вашему высокородию объявляю для осторожности: люди нада и тысячу человек, а хотя пятьсот или четыреста людей да ста ли, прошу меня чрез Петропавловскую крепость уведомить. В нашей Киргис-кайсацкой орде не так, как у вас, одне ворота неединогласны, и те злодеи еще не пойманы, ибо оне в других губерниях вам и нам притеснения чинили. А как ныне сами оне поблизости вверх Тоболу приехали кипчацкого роду, чего ради вам объявляю: таких непослушников со общего согласия средство возьмем и оне от того укротиться могут. А наперед взять и вам крепкую предосторожность, в Звериноголовскую и Усть-Уйскую крепости четыреста человек русских изготовить, а когда мы пришлем людей своих, то б без задержания и оных людей взяли, ибо я сам вообще поеду и з детьми своими, и ваших людей взяв с собою, от линии на десять или на пять дней, ибо они поблизости будут. А как оные злодеи усмотрят из великого отечества российской народ, то могут устрашиться. Прошу поскорее меня уведомить, чтоб оные дела вдаль не произошли и кровопролития б не было как между нами, так и между ими по сему делу. Как вам, так и нам беспокойство от таких злодеев опасно, а когда укротим оных злодеев, то между нами спокойство будет. До жизни нашей пришло уже то, чтоб мне их укротить.

Во уверение сего на подлинном татарском письме Аблай-хана чернильная печать приложена.

Переводил с татарского диалекта переводчик Иван Киржацков.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 129. Л. 128–129. Перевод XVIII в.

№ 302

1772 г., сентября 19³¹⁶. – Генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу

Перевод с татарского письма Средней орды от Аблай-солтана, при ординарной почте в Оренбурге сентября 19-го дня 1772 г. полученного.

Высокопочтенному и высокодостойному г-ну генерал-поручику, кавалеру и губернатору Ивану Андреевичу Рейнсдорфу от меня, Аблай-хана, поздравление.

Затем вам, г-ну генералу, доношу, что орда наша не так, как ваша Россия в пределах, но рассеянно находится, так что продерзатели и воры киргис-кайсаки не скоро в руки мои попадают, ибо земля наша пространна, следовательно, где кто кочует знать почти невозможно.

С китайским богдыханом зделал я условие в такой силе: буде бы с которой стороны и какой бы ни был государь причинил нам неприятельское действие или наглость, то против его стоять. И естли б я от него, богдыхана, силы потребовал, то б ему по тому моему требованию

³¹⁶ Дата получения.

воинских людей хотя тысяч до десяти или до дватцати дать. И так, в какое б время я с китайской стороны воинских людей ни потребовал, всегда мне готовы.

Вследствие сего я вас, г-на генерала, прошу, когда с какой стороны на нашу Киргис-кайсацкую орду неприятель возстанет и когда я, будучи в сообществе е. и. в. против того неприятеля силы просить буду, тогда ея величество силы мне дать изволит ли? И на сей конец прошу вас е. и. в. донести, и что от ея величества воспоследует, меня чрез письмо ваше уведомить.

А между тем вас, г-на генерала, прошу, естли можно, то с тысячу или с пятьсот, а по последней мере с триста человек для воздержания Средней моей орды злодействующих киргис-кайсак ко мне прислать, ибо когда мы с Российским государством соединимся и воров киргис-кайсак в страх приведем, то б ни в нашей орде, ни в вашем государстве воровства и насильства делать они не стали, и я б с находящимися на границах ея величества генералитетом находился в согласии, следовательно, между двумя жилищами и никакого б худа быть не могло; ради того я от вас пятисот человек и требую с тем, в который день они вознаграбятся, мне дать прикажите. И я тех ваших воинских людей вдаль не поведу, как только на пять дней, где вору киргис-кайсаки находятся, и с теми воинскими людьми я вместе быть имею, а буде не я, то сын мой с ними будет, почему и не может им приключиться никакого вреда, но возвращены будут со всем их оружием и одежею, как и с запасом, в целости.

И так, по содержанию сего моего или пятьсот или триста человек со всем их воинским оружием во время требования моего конечно дать прошу. И сие мое последнее требование е. и. в. доносить не изволите, ибо мы такое малое дело между собою знать можем. И буде тех воинских людей дадите или не дадите, прошу чрез крепость Святого Петра меня уведомить немедленно.

В заключение сего, желая вам со всеми лутчими при вас находящимися многолетнего здравия, пребываю Аблай-хан и во уверение печать мою приложил, которая под оным чернильная и приложена.

Переводил регистратор Михаил Войнов и под подлинным подписался.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1769–1773 гг. Д. 19. Л. 363–364 об. Перевод XVIII в. Копия перевода – ГАОРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 129. Л. 104–105 об. Опубл.: ЦИКХ-2. Док. № 158. С. 88–89.

№ 303

1772 г., ноября 22³¹⁷. – Генерал-поручику И.А. Клапье де Колонгу

Перевод, учиненной в пограничной его высокопр-ва г-на генерал-поручика и кавалера Ивана Александровича Деколонга канцелярии с присланного письма киргис-кайсацкой Средней орды от владельца Аблай-султана чрез за толмача казака Егора Бездрин.

Высокопр-во и высокопревосходительному г-ну генерал-поручику и кавалеру Ивану Александровичу ДеКолонгу от владельца Аблай-султана нижайший поклон.

Чрез сие вашему высокопр-ву донесть не оставил, что к кочующему против станца Пещаного к родственнику моему Салтамамет-султану на сих днях для свидания приезжал и притом надупомануть не оставил, что напредь сего писал я с Иман-салтаном к вашему высокопр-ву письмо, коим и просил о даче вашего войска людей до четырех тысяч человек для усмирения моих подвластных пятисот человек злодеев киргисцов с тем предписанием, естли когда мне потребно будет, то б приказать изволили для моей способности из крепости Ямышевской и с Троицкой в таковом бы случае меня и уведомить. Однако я и поднесь никакого уведомления в получении себе не имею, для чего и сим надупоминая, прошу вашего высокопр-ва о вышеписанном меня неумедля уведомлением не оставить.

Во уверение сего красную свою печать приложил.

Переводил за толмача казак Егор Бездрин.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 176. Л. 335 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 337 об.

³¹⁷ Дата получения.

№ 304

1773 г. – Военному губернатору и наместнику Синьцзяна Илэту и другим сановникам

Абалай подает [это послание] правителю и сановникам. Пишу, чтобы вас поприветствовать (т. е. пожелать здоровья и благополучия). Вам как знак [пожелания] благополучия одного коня передаст человек с сопровождающими, всего четверо. Соизвольте разрешить мне торговать без обмана моим скотом, [предназначенным] на продажу.

[Надпись на печати]: Абулай, сын Бахадур-Вали-султана.

Транслитерация:

- /1/ ablai
- /2/ jiyanggiyon ambalar-tu baribo ta amur
- /3/ mendöü bičii tandu mendöü belge
- /4/ nige morin ilgedeq kümün töügel nököd-tai
- /5/ dörbüle bayiqa qudulqu mal minu šoq šoqdor
- /6/ ügei qudulji qayirlaqtun:

Современный перевод с ойратского литературного языка Н. С. Яхонтовой. Подлинник – Первый исторический архив КНР (г. Пекин). 2546.29; 100:2375. QL. 38. Приложение к маньчжурской хронике Илэту. Оpubл.: Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. 3 т. Цин патшалық дәуірінің мұрағат құжаттары. Алматы, 2006. № 25 құжат. 280 бет; Noda J., Onuma T. A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. Tokyo, 2010. Doc. D. P. 28.

№ 305

1776 г., февраля 27³¹⁸. – И. д. оренбургского губернатора генерал-майору П.Д. Мансурову

Перевод с татарского письма киргис-кайсацкой Средней орды от Облай-солтана, с Кыргыем-батырем с товарищи присланного, в Оренбурге 27-го числа февраля 1776 г. полученного.

Высокородному и превосходительному г-ну генерал-майору, начальнику войск и кавалеру Павлу Дмитриевичу Мансурову лет много здравствовать желаю.

Слова ж мои состоят в следующем. Ведомо да будет, хотя я от некоторого уже времени чрез дальное расстояние о здравии вашем и известен, а для точного о том сведения от себя людей до вас не посылал, но ныне для точного о том осведомления с сим посланцов моих и послал. О себе ж доношу, что я нахожусь благополучно равномерно и вам желаю быть под покровом божиим.

Уверены будьте, что я з детьми, старшинами и подчиненными моими службу е. и. в. все-милостивейшей государыне нашей продолжали с лишком с сорок лет так точно, как бы схватався крепко за золотые стопы ее величества в немеренном рабстве находились, за что всегда изливаемыми щедротами е. и. в. пользовались. Да и пред тем положенно бывшею на меня блаженною и вечно достойной памяти государынею императрицею Анною Иоанновною о высылке отложившихся ис протекции е. и. в. башкирцов семидесяти дворов по удостоении меня высочайшим имянным указом службу в тот самой по получении указа час без исполнения и не оставил. Тогда сия служба моя при ее величестве и известна была, и хотя сии башкирцы в самое ж почти то время, дав знать мне письменно со объявлением, чтоб я

³¹⁸ Дата получения.

с народом моим со стороны, а они б – с другой на Россию нападения учинили, токмо я, не хотя нарушить данную мною подданническую присягу, на то не склонился, ибо то дело, что оно худое, и вы знать можете. Которые, однако ж, в то время один храброй полк ваш истребили, потом между Оренбургом и городком Сакмарским неким пресечен был путь, почему в зимнее время от великих метелиц позябло 400 человек солдат. Затем называемого вора Карасакала, наименовав начальником, причинили часть некоторого бунта, когда они и вторительно о нападении на Россию ко мне писали. Только и зная вредность дела, на то отнюдь не поколебнулся и в верности такой прибыл, даже-де до возшествия на всероссийской престол государыни императрицы Елисавет Петровны и во время здравствования ее величества прибывшему ко мне толмачу Филату, а по данному ему соизволению, собрав я 33 человека пленных на 33 лошадях, отдав ему, отправил, и тем я верную мою службу продолжал. Да и при сей государыне нашей императрице Екатерине Алексеевне во время разсматривания до принадлежащей мне границе подчиненных сын мой Вали-солтан, собрав с 27 человек пленных, возвращение учинили. Да и я [...] в прошлом 30 человек русских, также и в настоящем годах русских шестерых, сам собрав, возвратил. А что касается до мужиков, то я оных враз по 40, по 50, иногда и по 100 собирая, возвращал; и сколько оных возвращено, тому и щету нет. И так оказанная мною всемилостивейшей государыне моей служба состоит в том, коя также и вашему пр-ву, уповаю, небезызвестна. При сей же царствующей государыне нашей такой оказан был от башкирцов бунт, а именно: выжигая крепости, села и деревни; разоряя и побивая мужеск пол, а женской и детей их брали себе в добычу, также и заводы ваши истребляли; в которое время также к нападению на россиян и меня чрез двоекратную присылку нарочных согласовали со объявлением таким, что они злодейство чинить будут со внутренней, а мне б производить со внешней, но и тут я на то, конечно, не поколебнулся. Русские же люди в том злодействе довольно преклонными находились, с начала же при таком намерении нахожусь, что я при возможности сил моих и сколько их доставать будет в ревности служить, а в недостатке оных к злодейству вмешиваться не буду, но дабы оно только б было согласию всех справедливостей собразно.

Поелику от стороны ее величества мне, так и от подчиненных моих стороне вашей никаких озлоблений и притеснений не бывало, а ныне от чего б сие дело произошло, мне неизвестно, что в сим году при самом мне ведении от подчиненных моих киргиских кибиток койтабынского рода, будучи начальником Калмакул-батырь, приехав, отогнал две тысячи лошадей, 25 верблюдов, да пленил трех человек; а затем по прошествии шести дней, вторично напав табынского роду на киргисца Карачу-мурзу, отогнал тысячу лошадей, да при том убили 8 человек; сии же башкирцов имяна узнали от пойманных на том воровстве двоих башкирцов сына Амангильды-бая и зятя его, кои от ран и померли. И хотя подчиненной мой народ и того скота хозяева со общего согласия и хотели было тем башкирцам за учинение ими отгоном скота и убивство людей сделать отмщение, только я до такого намерения их, удержав, не допустил, со внушением таким, что естли они без позволения на то покусятся, то забудут они, яко беспастушны скот и безсовестной народ, в чем я и обнадежил к удовлетворению прозбы их представление учинить к вашему пр-ву, в чем бы они до воспоследования от вас резолюции взяли терпения, кои, яко мне подчиненные, в послушании их и остались. А я предоставляю в надежде той, что за сих безвинно убиенных удовольствия сделать также и беспричинно взятом скоте собранием от них, грабителей, и возвращением нам того скота не оставите. Естли же ваше пр-во вышеписанное исполнить не соизволите, в таком случае позвольте самим киргисцам с ними, башкирцами, управиться, и которая сторона превозможет, той стороне в том и предоставить.

Вашего превосходительства прошу подобно бывшему при мне писарем мулле Мунасыпу, поведения хорошего, разумного, ученого и добросостоятельного человека в писари с сими посланными от меня людьми ко мне прислать, потому что реченной Мунасып, одержим будучи болезнию, по возвращению в дом ево умер, хотя ис таких же мещеряков, как он был

человек ученой, присылкою ко мне паки прошу не оставить, ибо чужестранных земель люди хотя и ученые, только оные не знают ваших поведеней и письменного содержания, почему присылкою вместо реченного муллы третично при крайном желании моем прошу, ибо равномерные муллы и пред сим ко мне от стороны вашей присыланы были.

Посланных от меня к вашему пр-ву людей прошу отправить от себя к свату моему и вашему пр-ву известному, у которого находится сын мой Гумер-солтан, кои б могли здравие его знать и мне о том ответствовать.

С сим послал к вашему пр-ву Кыргызя-батыря с товарищи, всех трех человек.

Во уверение чего я, Аблай-хан, печать мою приложил, которая под подлинным со изображением его имени чернильная и приложена.

Переводил переводчик Мендияр Бекчурин.

За дежурного майора капитан Барбот де Марни.

Архив СПбИИ РАН. Ф. 276. Оп. 1. Д. 25. Л. 138–141. Перевод XVIII в. Копия.

№ 306

1776 г., февраля 28³¹⁹. – Императрице Екатерине II

Перевод с киргизского листа.

Ея императорского величества самодержице всероссийской и проч., и проч., и проч. Во объявление письмо. Объявляется великой государыне к престолу.

Вас, великая государыня, я, киргизского владения владетель Аблай-хан, многия лета персонально видеть и великого повеления изустно слышать желание имел.

От вас, великая государыня, надежду ожидаем, может дозволено будет к престолу вашему удостоиться, и ежели дозволить соизволите, то из моих детей к службе вашей отправить бы мог, штоб здравие ваше те дети мои очевидно видеть и хорошее повеление изустно³²⁰ слышать и пречестные ручки целовать удостоились, и нам бы объявить могли, и мы б радовались.

Великая государыня, изволите быть известны, што отец и братья наши при жизни своей были султанами, а ныне все владения моего киргизцы и протчие владетели удостоили меня ханом.

При империи своей владетелем Аблай-ханом изволите ведать.

Подлинного листа на русский диалект переводил Сабанак Кулмамметев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1776 г. Д. 1. Л. 5. Перевод XVIII в. Копия. Опубл.: КРО-2. Док. № 48. С. 95.

№ 307

1776 г., апреля 24³²¹. – Сибирскому губернатору генерал-поручику Д.И. Чичерину

Перевод с киргизского листа.

Алацкого владения [1] от владетеля Аблай-хана высокородному и высокопревосходительному г-ну генерал-порутчику, кавалеру и губернатору Чичерину многая много поклон посылаетца.

Вас, г-н главнокомандующий, на многия лета бог своею милостию сохранит, а об нас, ежели соизволите знать, по власти божией благополучны. Вашему высокопревосходительству

³¹⁹ Дата получения письма в Оренбурге. Датируется на основании сведений рапорта капитана М. Брехова и д. оренбургского губернатора П.Д. Мансурову от 5 марта 1776 г. См.: ЦИКХ-2. Док. № 165. С. 95–96.

³²⁰ В подлиннике – «из золотых уст». (Прим. ред. КРО).

³²¹ Дата получения письма в Петербурге. Датируется по дате получения рапорта Д.И. Чичерина в Коллегии иностранных дел. См.: АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1776 г. Д. 1. Л. 7.

объявляю при сем одно за печатью письмо к великой государыне, за известие без задержания представить прошу я по дружбе вашей и надеюсь, што то представить можете.

Во верность от Аблай-хана печать приложена.

Подлинного листа на русском диалекте переводил Сабанак Кулмамбетев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1776 г. Д. 1. Л. 4. Перевод XVIII в.

№ 308

1776 г., апреля 24³²². – Императрице Екатерине II

Перевод, учиненный в Коллегии иностранных дел с листа на высочайшее е. и. в. имя Средней киргис-кайсацкой орды Аблай-солтана, полученного здесь при репорте сибирского губернатора генерала-порутчика Чичерина от 24 апреля 1776 г.

Всепресветлейшая державнейшая великия государыни всероссийския и всемилостивейшая матери нашей к высочайшим стопам всенижайше прошение.

Тому уже многия годы прошли, что я высокомонаршего вашего лица видеть не удостоился, а ныне, если всемилостивейше дозволено будет, то я намерение имею ко священным стопам вашего величества ради принесения глубочайшего почтения и ради сведения о дражайшем вашего величества здравии ко двору вашего величества отправить сына моего родного, чрез которого, уведомившись о благополучнейшем здравии вашего величества, всеусердно радоваться желаю и при сем вашему величеству всенижайше доношу, что я при жизни отца моего был на солтанской степени, а ныне по согласии с находящимся под ведомством моим киргис-кайсацкого народа обществом избран на ханство.

Вашего императорского величества всенижайше проситель Аблай-хан киргис-кайсацкой.

При окончании приложена чернильная печать с именем его, Аблай-салтана.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1776 г. Д. 1. Л. 7 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 8 и об.

№ 309

1777 г., января 6³²³. – Командующему войсками на пограничных линиях генерал-майору А.Д. Скалону

1777 г., генваря 6-го дня. Перевод, чиненный с письма, присланного от киргизского владельца Аблай-султана.

Высокородному и превосходительному г-ну генерал-майору и кавалеру Антону Даниловичу Скалону нижайши поклон.

Просил я прежде сего вашего пр-ва о захвате Карабараковых детей, но те изволили об оных ко мне писать, что они от крепости кочуют весьма далеко. Однако, как наивозможно, прошу вашего пр-ва постаратца, хотя команду к ним приказать послать и захватить; и ежели захватите, то они могут ваших русских людей неотменно выдадут, которые у них находятца человек с восемь, а и мне с ними есть дело, коих и прислать по захвате ко мне, по приказу вашему, чтоб я постарался отыскать и выдать ваших русских людей. Но посыланнми от меня сыновьями Чингис и Тугум салтанами для отыску оных, однако только нашли одного и привезли, которой ныне находится у меня. И я оного к вам вскоре выдать не премину, а как мне известно, что того Карабарака табуны находятца близ крепости Усть-Каменогорской, то надобно быть и им кочевьем близ оной. Да около крепости Пресногорьковской у кочевавших

³²² Дата получения.

³²³ Дата перевода.

кипчацкой волости киргисцов находится ваших русских людей весьма довольно, то изволите командировать в их волость команду и приказать захватить ис тех киргисцов, или из приезжающих на сатовку, и содержать у себя под караулом, а мне по дальнему от них кочевью тех ваших людей достать невозможно.

Однако сверх сего приказано от меня Хутайменде-салтану [1], чтоб он, как наивозможно постарался ис той волости российских людей отобрать и выдать к вам, но я много и чрез своих киргисцов старался, которых посылал к ним кочевать, но и они не могли ни одного русского от них взять, и, видно, держут крепко и от протчих киргисцов прячут. И когда захватите из них, то извольте содержать их в крепости Петропавловской. И ежели ныне зимою не постараетесь их захватить и русских у них взять, то на весну, по отдаленному их от линии откочеванию, взять будет негде. Потому паче, что оной волости киргисцы и от меня кочевьем отбегают вдаль и не соединяютца, почему и мне оных достать способу нет. В протчем пожелаю вашему пр-ву всякого благополучия и для уверения печать свою черную приложил.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 24 и об., 26 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 25 об.

№ 310

1777 г., января 13³²⁴. – Командующему отдельным Сибирским корпусом генерал-майору Н.Г. Огареву

1778 г., генваря 13-го дня перевод с писем, присланных при рапорте от г-на бригадира коменданта и кавалера Суморокова от киргиских Аблай-салтана и старшины Байжигит-мурзы.

От Аблай-салтана высокородному и превосходительному г-ну генерал-майору Николаю Гавриловичу Огареву низжайши поклон.

Письмо от вашего пр-ва я получил исправно, в коем изволили писать об отобранных мною у купца Быкова у прикащика Ерошки разного товару и скота, которое все просите от меня в выдачу обратно, то я уже об оном к вам писал, что отобраны оные товары и скот повелением прежних командующих генералитете, а сверх того и бригадира Суморокова имею об нем Ерошки тоекратные требования к обыску ево и выдаче, нежели где он найден будет, то б обобрав у него весь товар и чтоб не было самого, яко беглого, но без всякого письменного виду уехавшего к вам, выдать. Нежели б оной Ерошка хотя и вашу команду российскую у нас найден был, то также неотменно, как он был бес письменного виду, весь ево товар и прочее был конфискован, а сам неотменно без наказания хорошего оставлен не был. В письме вашем написано ко мне будто б он, едучи по линии, между крепостью и редутом нашими киргисцами захвачен и увезен сильно, то сие напрасно, и когда действительно киргисцами был захвачен, то б неотменно г-н бригадир от меня о выдаче ево так бы и требовал. Но не в одном от него требовании, чтоб он был киргисцами захвачен, от него не упомянуто, а што прикащик показывает вам, то все облыжно, и вы поверили больше ему, а меня почли против ево сиречь самым настоящим грабителем, а вам бы сей до меня зделанной обиды и названия таким человеком и писать не подлежало и не должно, но хоть их я и обобрал ево, то как и выше упомянуто, по повелениям господ, прежде командующих, потому что он был без виду у нас. Сей же поры, когда ваши приказания будут, чтоб купцов с видами, да и без видов не трогать, то оного никогда и зделано не будет, а при том проговариваете, что когда тово прикащика товары выданы не будут, то хотите ис пропущенных в вашу сторону наших табунов лошадей или ис киргисцов к себе захватить. Но мы сие отдаем на вашу волю, и когда так хотите нас обидеть, а мы напротив того будем заслуживать доброю волею; а когда будет нам уже большая обида и нестерпимость, то можем откочевать и далее в степь. Тогда прекратица

³²⁴ Дата перевода.

с киргисцами сатовка и всякой торг, и между крепостей и ездить не будут, а ежели киргисцы без моего дозволения к вам будут ездить, то я оных могу перебить и перевешать, а когда я от крепостей откочую далее в степь, то может иногда всемилостивейшей государыне будет известно об оном и пошлетца ко мне посол, для чего я откочевал так далеко. Тогда я все как прежних командующих повеления, так и все, какие бы ни были, тому послу объявлю, и тогда мои похождения будите знать, что я по повелениям ли или бес повелениев сие зделал. Да неоднократно от меня требовано и прошено было об отправлении одного моего сына ко двору, где б он мог о своих нуждах испросить, и может быть себе я большое удовольствие и увольнение получить мог.

Как назат тому будет сорок шестой год, с коего времени как российския крепости, так и люди разоряемы никогда не были, а есть таковыя люди, что разоряли крепости, убивали людей и денежную государеву казну разграбляли, но ныне приняты лучше нас. Ежели я был вор или грабитель, то бы когда везенной киргисцами на четырех верблюдах товар российской весь мною прижат был. Однако того ж часу я вам дал знать, по которому моему уведомлению вы изволили писать, что тот товар купца Курбанова и оной бы мне доставить ему. Да и прикащик ево, Курбанова, Калбиыкбулов по прибытии ко мне мог бы объявить, что тот товар послан от хозяина ево без всякого присмотру, однако не сказывал, а видно по всему, что какой-нибудь ваш купец тот товар отправил крадучи и потаенно конечно; также я мог удержать, по тем же генералитетским повелениям, однако, по вашей прозьбе, оной весь отдан будет в целости хозяину. Естли ж когда без повеления вашего кто ис купцов или из других торговых людей у нас явитца и хорошо как на мое кочевье попадет, а когда не попадет и другими кем ограблен будет, в том уже нам и не взыскивать.

В чем и печать свою приложил.

Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 28–29 об. Перевод XVIII в.

№ 311

1777 г., января 27³²⁵. – Генерал-майору А.Д. Скалону

1777 г., генваря 27-го дня перевод, чиненной с письма, присланного от киргисского владельца Аблая-салтана.

Высокородному и превосходительному г-ну генерал-майору и кавалеру Антону Даниловичу Скалону нижайши поклон.

Чрез письма я вашего пр-ва просил об отправлении от меня ко двору е. и. в. моего сына или знатного старшину, но вы изволили на мою прозьбу меня уведомить, что об оном представили вышним правительствам и что оттоль в резелюцию получить изволите, обещали меня уведомить. Чем я почитаюсь много довольным, тем паче, что вы на всякую мою прозьбу делаете мне обнадеживание и уведомление, а когда пролучитца резелюция и я от себя пришлю для тово отправления своего сына или старшину к вам, то покорнейше прошу их в свою милость принять и при отправлении зделать ему хорошее наставление, чтоб они при тамошнем высоком месте поступали со всякою учтивостью и вежливым образом. А как прежде сего по таковой моей прозьбе при жизни блаженныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны об отправлении таковых же посланников было прошено, но тогда очень скоро резелюция последовала, но ныне неизвестно для чего так оной в получении у вашего пр-ва долго нет. А особливо ожидаю от вашего пр-ва, да и чрез сие прошу, когда любезной наследник Павел Петрович вступил на свой всероссийский престол, то б мне об оной радости наперед протчих поскорая дать знать, и как я получу от вас такое уведомление, то по своему

³²⁵ Дата перевода.

закону и того ж часу дам знать и по всем своим улусам, и велю во оных произвести богу за здравие его величества хвалу и молитвенное приношение. А как я состою в подданстве российском, то и не могу без вашей резолюции ничего сам собою сделать; а что лежит до протчих владений, то я им нисколько подвластным и послушным быть не хочу, да и послов, как х китайцу, так в Персию, Бухарию и Ташкению посылаю сам собою и согласия ни от которого их владельца во оном не требую. Письмо от вашего пр-ва, тож и от бригадира Сумарокова такое ж я получил. В коих изволили ко мне писать, ежли случатца быть без всяких письменных видов в моей Киргисской орде для торгу ваши купцы, то б оных ловить и присылать к вам, то извольте по сему быть надежны, что я приказание ваше исполнить должен. В протчем прошу вашего пр-ва на мои приносимыя в письмах прозьбы своими уведомлениями не оставить.

В чем для уверения и печать свою черную приложил.

Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 159 и об., 162. Перевод XVIII в.

№ 312

1777 г., февраля 16³²⁶. – Генерал-майору А.Д. Скалону

Перевод, учиненной в пограничной г-на генерал-майора и кавалера Скалона канцелярии с присланного от владельца Аблай-салтана письма 1777 г., февраля 16-го числа.

Высокородному и превосходительному г-ну генерал-майору и кавалеру Антону Даниловичу Скалону нижайший поклон.

Племянник мой Давлеткирей-салтан по обратном ево приезде объявил мне, что он был у вашего пр-ва и принят благопристойно, чем я крайне и доволен. Отправленные ж с ним ко мне лошади рыже-пегатые с санями и со всем прибором, да и протчие посылки получил я исправно, за что приношу мою благодарность.

Прежде неоднократно вашего пр-ва просил, чтоб для выручки захваченных российских людей послать команду, но как оной в присылке нет, то ныне послал трех своих сынов, а именно: Ували-салтана, Тугум-салтана и Усман-салтана с немалым числом киргисцами в самые те улусы, где российские люди находятся, с тем приказанием – у каво оные находятца, то б и тех воров ко мне привести, в рассуждении, ежели тех воров не захватить и в том не изобличить, то они по вызовам и повелениям не только не выдадут, да и не послушают. Ваше превосходительство сомневаетесь в посылке своей команды, и ежели б оную отправили, то б я и запасом и лошадей продовольствием, ежели б не достало, снабдил бы конечно без недостатка.

Я примечаю, что с вашей стороны для выручки российских людей старание не прилагается, а мне за обширностию расположения киргисцов отыскать скоро неудобно. Для изыскания захваченных российских людей и кроме моих трех сыновей посланы от меня надежных два киргисца, однако ж хотя сколько и найдено будет, но за отдаленностию и по нескором вытребовании от воров, до будущего лета выдачи нечаятельно. За всем тем полагаю я, что мои посланные сыновья и киргисцы не оставят отыскать ваших российских людей.

Ныне я известился найман-кукьярлынской волости Барак-батыря от сыновей, которые кочевья имеют от Усть-Каменогорской крепости расстоянием езды в летнее время два, а в зимние – три дни, при речке Нарым-Ибарал, куда и российские люди для рыбной ловли часто ездят, с коей волости кипчацкой и чаргитим-чакчацкой волостей же киргисцы соединились и с собой возят российских людей восемь человек. И так, ежели надобно выручить тех российских людей, то должно послать пристойную команду под видом рыболовцов и захватить кукьярлынской волости Карабараковых людей Туся и Бустана, да старшины Кучукова сына

³²⁶ Дата получения.

Илдыбаева, человек до пяти или до шести. И когда оные захвачены будут, то и российские вышеписанные и прочие, сколько есть, неотменно выдадутца.

Племянник мой Давлеткирей-салтан в проезд свой в Изылбашском станце заприметил у тамошнева казака Ивана лошадь серо-пеговую, собой хорошую, которая к шерсти, имеющейся у меня, особенной лошади ж потребна. Оную покорно прошу вашего пр-ва в награждение.

О ташкинцах, о коих я прежде вашего пр-ва просил, чтоб их в вашей стороне не обирать пошлиной, потому что они, проезжая из своих мест, препровождаются за моим конвоем чрез киргисские улусы с безопасностью вперед и обратно, которые пропускаются чрез те улусы не для какого лакомства, но единственно к их торгу из усердия к России. О чем ныне прошу, ибо при сатовке в крепости Троицкой и крепости С[вя]того Петра то самое с ними сделано, и до меня жалоба дошла. А потому, когда так вперед делано будет, то и те ташкинцы в Россию для торгу чрез мои улусы пропущены не будут.

Во уверение чего две печати мои черные приложил, потому что первая нечетко приложена.

Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

Резолюция: У кого та лошадь находитца справитца, не продает ли оную и за какую цену?

Помета: О лошади писано приказом к фуриеру Попову 21-го числа. В ответ писано 28-го числа февраля.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 293–294 об. Перевод XVIII в. Подлинник на турки – там же. Л. 292 и об.

№ 313

1777 г., февраля 21³²⁷. – Коменданту Петропавловской крепости бригадир С.В. Сумарокову

1777 г., февраля 21-го дня перевод, чиненной крепости Святого Петра в бригадной бригадира и кавалера Сумарокова канцелярии, с присланного от владельца Аблая-салтана письма чрез толмача Енбакея Тусмаметева.

Высокородному и высокопочтенному г-ну бригадире коменданту и кавалеру Степану Васильевичу Сумарокову нижайший поклон.

Посланы были от меня в кипчацкую волость мои дети, пятеро: Вали, Цынгис, Умир, Тукам, Усман султаны для вытребования оттоль находящихся в плену российских людей, и, возвратясь ко мне обратно благополучно, привезли с собою шесть человек³²⁸. С сыновьями мои ездили для провожания и простые киргисцы немалое число³²⁹, проезд же их был в передней и обратной путь тритцать пять дён, а сверх того, как та кипчацкая волость подозрительная, създавна в штраф их, дабы они таких шалостей не чинили, вперед взято моими сыновьями от них верблюдов 35, 126 лошадей, баранов 40, ис коих, будучи там, резали и употребили из оных себе в пищу и дорогою, а сколько осталось, то ту свежину привезли домой. Да три человека из лутчих самых людей³³⁰ по притчине той, что мои дети известились, якобы и еще в их волости российские люди находятца, и по отъезде протчих сказано от детей моих, что они до тех пор будут у меня находитца под караулом, покуда все известные им российские люди не выдадутца. Почему в то же самое время для отыскания и поехали те кипчатцы по улусам³³¹ и обещались, доставши, привести ко мне; и когда привезутся, тогда и к вашему высокородию я по верноподданническому к е. и. в. долгу оных представлять не примину. Да сверх того слы-

³²⁷ Дата перевода.

³²⁸ А сколько мужеска и женска полу не различено и кто имянно не означено.

³²⁹ А сколько действительно не означивает.

³³⁰ И о именах их не означивают.

³³¹ А кто имянно и сколько числом людей не упомянуто

шел я, что недалеко есть два человека российских же, за коими я послал; и когда привезутца, то и к вашему высокородию пришло, и так будет с сими шесть-восемь человек.

Напротиву чего и я вашего высокородия прошу ис содержащихся у вас под караулом десяти человек восемь приказать отпустить: одного чаргитинской волости Кутана Елгия, ба-линской двух – Цияна, а другому имя скажет оной Циян, кипчатской – Мембая, Кулкара, Енбек, Акыкуси, Кутаубай и с ними взятые при захвате лошадь, мерин серой, и пять верблюдов. Я знаю, что из оных они съели сами, будучи под караулом, верблюдов два: остальных трех и лошадь серую прошу с ними ко мне отпустить³³². Российских ж людей шесть человек отправлены от меня с купцом Демидом Пеньевским, то напротив того прикажите, ваше высокородие, прислать и тех киргисцов с ними же ко мне, коему я верю.

Во уверение чего и печать свою черную приложил.

Переводил толмач Ембакей Тусмаметев.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 343 и об. Перевод XVIII в.

№ 314

1777 г., марта 3³³³. – Генерал-майору А.Д. Скалону

Перевод с писем, присланных от владельца Аблай-салтана.

В 1-м

Высокородному и превосходительному г-ну генерал-майору и кавалеру Антону Даниловичу Скалону низжайший поклон.

Уведомлял я прежде сего вашего пр-ва, что посланы от меня для отыску ваших русских людей мои два сына, которые по возврате, прибыв ко мне, и привезли найденные у киргисцов кипчацкой волости шесть человек, за которую их вину, что они держали у себя ваших русских людей и не выдавали, захватили ис той волости самых лутчих киргисцов трех человек и 126 лошадей, а сверх сего ис той же волости посланы три человека для такового ж отыску и выдачи ваших русских людей. А за отысканными и ныне живущими у меня российскими людьми прошу прислать для взятия оных купца Пеньевского с санями. Однако уже оные ему, Пеньевскому Демиду, для отвозу к вам от меня и препоручены. А киргисцов, содержащихся в крепости Петропавловской, прошу покорно отпустить по притчине той, что иногда тем киргисцам случится смерть, то киргисцы сетовать будут на меня.

Во 2-м письме

Состоящего в Омской крепости за рекой Иртышом на маяке прапорщика Нагашева покорно прошу не сменять, потому что он приезжающих от меня и протчих моих киргисцов принимает всегда ласково и обходится с ними очень хорошо.

В чем для уверения при обеих письмах и печати черные приложил.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 387 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 385, 386.

№ 315

1777 г., марта 23³³⁴. – Генерал-майору А.Д. Скалону

Перевод, чиненной с пограничной его пр-ва г-на генерала-майора и кавалера Скалона канцелярии, с письма, присланного от владельца Аблая марта 23-го дня 1777 г.

³³² А кого точно, не значит.

³³³ Дата получения.

³³⁴ Дата получения.

Высокородному и превосходительному г-ну генерал-майору и кавалеру Антону Даниловичу Скалону низжайший поклон.

Письмо от вашего пр-ва я получил, и что наши киргисцы восемь человек с тремя при них верблюдами отпущены по-прежнему в их улус, тем я весьма доволен. Што принадлежит до находящегося якоб в нашей орде капитана Дудина [1], то я об нем сведения ни от ково от киргисцов не имею, однако ж для отыскания онго посланы от меня по киргисским улусам нарочные с таким приказанием, чтоб как можно наведаться, где он находитца, а как скоро найден будет, то и к вам немедленно выдан быть имеет, а сверх того и еще найдены два российские человека, которые ныне содержатся у меня и при способном случае прислать их не оставлю.

Касательно до кочующего против крепости Семиполатной старшина Маман-салтана, которой вашим пограничным командирам отважился нанести грубости предобиждени, за то он подвержен строгому подтверждению. На што принадлежит до клоняющихся от него, якоб на российскую сторону других непорядочных намерениев, то я верно надеюсь, что таво статца не может, и такой смелости отнюдь принять ему не можно, а последовал и сей не сходной ево поступок единственно от ево буйности или недоразумения, почему когда я с ним сам увижусь, не премину зделать ему подтверждение и впредь от таво удержать.

О Акжигите-мурзе, которой содержится в потратившихся крестьянских дватцати трех лошадах, што он уже разделался и отпущен, я известился. И хотя взыскание с него только по одному на ево сумнительству учинено, однако ж, с моей стороны почитаю я, что едва ли он тому был участник. Но таперь тому так и быть, когда других виновных не нашлось. Между тем я сомневаюсь, што такие взыскания с наших киргисцов же чинятся не по нападкам ли и приметкам от ваших пограничных командиров, так как и ваши российские люди от таковых притеснениев делают побегии.

Я ж с подвластными моими киргисцами е. и. в. всемилостивейшее нашей государыне желаю навсегда служить так, как присяжная должность обязывает и от России удаления иметь никогда не намерен.

Обещанных же вашим пр-вом для постройки моего дому людей по просухе, когда от меня в крепость Святого Петра прислан будет аманат. Вашего пр-ва прошу присылкою не оставить; но при том г-ну бригадиру приказать, чтоб он тех работных людей прислал человек до тридцати, а по крайней мере до дватцати, чтоб таковым количеством скоряя построить, и может до будущих жаров и окончатть могут. В чем и надежным остаюсь.

За оставление при маяке прапорщика Нагашева и за взятую у казака серопегую лошадь вашему пр-ву приношу мое благодарение, а при том прошу:

1. Купца Пеньевского, каторой по часту бывает у нас для торгу и с подвластными моими киргисцами обходится порядочно, и ныне отпуском не оставить. Здесь же с абоих сторон никаких обид не чинитца, в чем и уверяю.

2. Как и прежде я к вашему пр-ву писал о захвате ис кочующих против Усть-Каменогорской крепости Карабараковых детей. Так и ныне прошу находящемуся в той крепости пограничному командиру приказать сколько можно постаратца из них захватить, ибо у них в волости находитца действительно российских людей до осьми, которые чрез захват, конечно, ими выданы будут.

Сверх сего я известился, что наш киргизец захвачен в вашу крепость³⁵⁵ за сбежавшего якоб х киргисцам купленного калмыка, но как таковые беглецы чинят побег с своей воли, и у ково хранятца, в скорости доведатся не можно, то потому и наши киргисцы задерживаютца безвинно. В таком случаи вашего пр-ва прошу онго захваченного киргисца приказать отпустить, а напред в таковых случаях захвата не чинить, что не только мне, но и киргисцам почитаться будет за обиду.

³⁵⁵ А в какую именно, не пишет.

Во уверение ж всего того и печать мою чернильную прилагаю.
Желаю вам всякого благополучия.
Переводил переводчик Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 511 и об., 515 и об. Перевод XVIII в.

№ 316

1777 г., апреля 21³³⁶. – Генерал-майору А.Д. Скалону

1777 г., апреля 21-го числа, перевод, учиненной с письма, присланного от киргисского владельца Аблая в пограничной г-на генерал-майора и кавалера Скалона канцелярии.

Высокородному и превосходительному г-ну генералу-майору и кавалеру Антону Даниловичу Скалону низжайший поклон.

Письмо от вашего пр-ва получил я исправно, что ж изволили прежде писать о отыске капитана Дудина и о выдаче оногo, то как и прежним письмом уведомил я вашего пр-ва, что для отыскания ево и других русских людей по киргиским улусам нарочные от меня люди посланы, и как скоро получить могу, то и к вашему пр-ву доставить не премину.

Што ж по прозьбе моей о захвате ис Карабараковых детей ваше пр-во изволили усть-каменогорскому каменданту дать повеление, оным я весьма доволен.

И еще о том же прошу, чтоб как можно постараться приказать ныне из них человек четырех захватить, которые и кочевье имеют не в дальнем от Усть-Каменогорской крепости расстоянии, вверх по реке Иртышу при речке Наруне и Буруле; и когда из них захвачены будут, то и находящихся у них российских людей восемь человек неотменно выдадут; самих же их по захвате прошу вашего пр-ва доставить ко мне ис крепости Петропавловской.

В крепости Лебяжьей ис подвластных моих киргисцов захвачен один за бежавшего от купца в киргисцы калмыка по сумнительству тому, что в шабулах у оногo моего киргисца найдены оставленные же им, беглым калмыком, лошади, но оной по оставлении своих, переменя ис табуна другими, бежал неизвестно куда, о котором и поныне нигде наведаться неможно, и киргизец захвачен безвинно. Ежели ваше пр-во на сем моем письме не уверитесь, то отдаю я во власть вашу оногo киргисца, хотя ис под пристрастия спросим, к обузе он о том калмыке ни сам лично не знает, ни о других не докажет. В таком случае прошу ево приказать не держав более, отпустить обратно в улусы, ибо мои киргисцы кочевьями находятца поблизости крепостей, потому и сумнительства нет, чтоб они отважились российских или от них бежавших людей задерживать у себя, либо другие какие шалости делать. А только что захватывают и держат в крепостях напрасно.

Во уверение чего и печать свою черную прилагаю.
Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 613 и об. Перевод XVIII в.

№ 317

1777 г., августа 17³³⁷. – Генерал-поручику П.Д. Мансурову

Перевод с татарского письма от киргиз-кайсацкогo Аблай-солтана, отправленного в Оренбург чрез Исецкую почту, августа 17-го дня 1777 г. полученного.

Пребывающему в должности высокопочтенного г-на генерал-поручика и кавалера Ивана Андреевича г-ну генерал-майору Мансурову по изъявлении моего почтения донести имею следующее.

³³⁶ Дата перевода.

³³⁷ Дата получения.

Как ваше превосходительство в донесении к е. и. в. деле учрежденные, то я сим объявляю. Как я уже прихожу к совершенной старости, то почему намерение мое имею сего года отправить ко двору е. и. в. для некоторого донесения сына моего. И так, оногo чрез Оренбург или Тобольск отправить способнее, ваше пр-во лутчее сделать можете, то о сем прошу снабдить меня скорым вашим ответом. Сие отправил чрез башкирского старшину Казаккула.

Во уверение чего своеручно печать мою приложил, которая во оным с изображением имени ево, Аблаева, чернильная и приложена.

Переводил переводчик Мендияр Бекчурин.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 15 и об. Перевод XVIII в.

№ 318

1777 г., декабря 22³³⁸. – Генерал-поручику П.Д. Мансурову

Перевод с письма киргиз-кайсацкой Средней орды от Аблай-солтана, при рапорте от г-на бригадира Сумарокова присланного в Оренбург, декабря 22-го дня 1777 г. полученного.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну генерал-поручику, разных орденов кавалеру и правящему губернаторскую должность Павлу Дмитриевичу Мансурову.

Отправленное от вашего пр-ва письмо я получить честь имел, за которое приношу мою благодарность. В котором писать изволили, что по посланному от меня с присланным от вас башкирцом Казаккулом письму об отправлении к высочайшему двору е. и. в. сына моего для принесения всеподданнейшего моего поклонения, изволили представить к г-ну оренбургскому губернатору, которой находится при высочайшем дворе е. и. в., и что по уведомлении его высокопр-ва в непродолжительном времени меня уведомить не оставите, чем я весьма доволен. Коего известия от вашего высокопр-ва и ожидаю нетерпеливо.

В протчем вашему высокопр-ву извещаю, что я в подданство е. и. в. вступил и нахожусь сорок шесть лет, причем в службе е. и. в. упражняюсь со всяким усердием, равномерно и впредь по возможности служить готов, удален будучи всякого худого намерения. Только от давнего времени благословенного лица е. и. в. видеть не удостоюсь. Ни же послы мои не пропускаются, а для чего или по какому пороку, того знать не могу, поелику от человека закрыто. Ежели какая от меня простота произошла, о том прошу мне открыть, ибо отправляемые от меня к владельцам китайскому, персицкому и к другим, которым хотя я и не подвластен, свободно ездят и благополучно возвращаются. А к ея величеству, моей всемилостивейшей государыне, у коей я в подданстве нахожусь, как выше сказано, посланники мои от давнего времени не пропускаются, не знаю для чего б, чем я от других владеней важно посрамляюсь.

Что же киргис-кайсаки наши чинят е. и. в. противность и пакость захватом и порабощением российских людей, то нам таковых бездельников вскоре ловить невозможно, ибо мы городов не имеем, зачем воры в злодействе их свободно обращаются, а именно: здешние – в вашей стороне, а ваши – в нашей, делая от меня и от вас укрывательство, которых ни вы, ни я знать не можем. Понеже оные воры против крепостей Троицкой, Звериноголовской и Усть-Уйской ездят, о чем я действительно наведася. И буде б я для поимки их людей моих отселе послал, то б они по уведомлении от других киргисцов скрыться могли, и так ваше высокопр-во не соизволите ль Троицкой и Звериноголовской крепостей начальникам предписать, чтоб они тех моих воров киргисцов, переловя, отослали в Петропавловскую крепость. А естли те крепостные начальники оных воров сами узнать не могут, в таком случае, буде потребно, я для указания оных от себя людей моих пошлю. Не извольте сомневаться, чтоб чрез то происходимая с киргисцами ярмонка предосуждение возымела. Означенных воров имена значутся под сим, а именно: кипчатского турайгирского рода Нурмамбет-биевы братья и сын ево, Нурмамбета,

³³⁸ Дата получения.

имянуемый Удрабай; да того ж рода имянуемые Калчановча, Танабуга, Елдубай да Темекпеевы дети Алчан и Бикберда. И когда сии киргисцы переловлены и в Петропавловскую крепость отправлены будут, тогда без сумнения вышеписанное дело окончится может. А ежели зачем-либо сего апробовать не изволите, в таком случае исполнения киргис-кайсацких дел от меня не взыскивайте.

Во уверение сего я, Аблай-солтан, своеручно печать мою приложил, которая под оным со изображением его имени чернильная и приложена.

Переводил переводчик Мендияр Бекчурун и под подлинным подписался.

Переводчик Петр Маркович.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 24–25. Перевод XVIII в. Копия перевода – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1776 г., Д. 1. Л. 37–38 об. Подлинник на тюрки – ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 26–27 об.

№ 319

1778 г., января 6³³⁹. – Бригадиру С.В. Сумарокову

1778 г., января 6-го числа перевод учинен с присланного от киргиского владельца Аблай-салтана письма чрез толмача Ембакея Тусмаметева.

Высокородному и высокопочтенному г-ну бригадиру, кавалеру и коменданту Степану Васильевичу Сумарокову поклон.

Присланное от вас о прикащике бургомистра и купца Быкова Ерошке письмо я получил и исправно читал, рассматривал и толковал, на которое ответственю. Вы меня в том назвали обманщиком, сие кажетца никак мне невоображенно и будто б я не верноподданной вашей государыне слуга. Это поверьте, что хотя Ерошка чрез свои допросы и показал, будто б он с работниками захвачен з дороги и увезен связанным к нам моими подвластными в улусы, сие никак неправда, потому когда б я ево, Ерошку, воровски захватил и взял от него все имеющие товары и скот высатованной, то б, конечно, ево умертвить приказал и никому б о том знать не дал, а то я по-прежнему ево к вам возвратил; и так никак на меня тово сумнения полагать не изволь, и кто и знал обманщиков – ты или я, не знаю. Вы ж писали ко мне, что Ерошка отпущен от тебя без представления к главной команде, о чем и письмом просили, чтоб ко оной не представлять. В таковой не только одно, но и другие многие есть от тебя письма, коими равно все просил, как отпущен вами, чтобы никуда о том не представлял я по соседственной дружбе; разве ты позабыл, что они от вас ко мне пущены, т. е. таковые письма, и ты об оных позабыл, а пишешь ко мне сурово, чего по моей власти терпеть неможно. Нежели те письма твои я представлю главному генералитету в освидетельное рассмотрение, то тебе будет стыдно, а не мне. А что Ерошка будто бы уехал от вас не воровски, это неправда; однако ж, хотя он по милости вашей государыни отпущен от тебя к нам в улусы, то ежели моим словам, будто б на дороге захвачен, не поверят, то я те письма твои представлю государыне или главному генералитету и оным буду свидетельствоватца. Еще ж ты угрожал своими письмами, ежели я не отдам товары Ерошкины, то хочешь ис пропущенных моих табунов в нашу сторону захватить людей моих и лошадей. Это неправда, а ежели сего удовольствия не зделаю, то будто б со мною иначе поступишь, о том мы радуемся; ты в своей власти что хочешь и думаешь, то и делай, а мы тово не желаем, потом я не хочу худова и товар не отыму, людей не буду захватывать. Я в своих людях власть имею и велю откочевать вдаль в степь, а кто окажетца шастающий, тот захвачен и умертвлен будет³⁴⁰; а где доволена сатовка, то откажу и никому ничем торговать не велю, почему никто из моих людей и ни с чем никуда приезжать не будет. В тогдашнее время государыня ваша схватитца, за чем моих людей нигде в приезде нет, и

³³⁹ Дата перевода.

³⁴⁰ Сие разумеетца о наших российских людях.

вдруг пришлют о том сведомитца от себя ко мне посланников, коим я в те поры ваши письма и от двух генералов³⁴¹ указы я покажу. И оными буду свидетельствоватца, сколько ж просил у здешних командиров моих посланников и сына³⁴² об отправлении к государыне вашей, вы не пропускайте и в моих прозьбах никому не докладываете. Ежели ж посланники от нее ко мне будут, то об вас в ком изъяснено и государыне известно будет.

Против вашева письма вот вам мы што ответствуем, на которое дай скорой ответ, да пришли бумаги пицей дватцеть дестей.

Во уверение чего и печать свою чернильную прилагаю.

Переводил толмач Ембака Тусмаметев.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 31–32. Перевод XVIII в.

№ 320

1778 г., февраля 11³⁴³. – Генерал-майору Н.Г. Огареву

1778 г., февраля 11-го дня перевод, учиненной в пограничной его пр-ва г-на генерал-майора Николая Гавриловича Огарева канцелярии с письма, присланного от владельца Аблай-салтана.

Высокородному и превосходительному г-ну генерал-майору Николаю Гавриловичу Огареву нижайший поклон.

Письмо от вашего пр-ва я получил исправно, в коем вы изволили писать, по требованию тобольского губернатора к выдаче увезенных российских людей, якоб находящихся Караульской волости у киргисца Асана. В таком случае вашему пр-ву изъясняюсь, что Караульская волость не одна и киргисцов Асанов есть много, потому и отыскать тех людей не можно. А естли кто о тех российских людях разведал, так и доказал бы подлинно, почему оных людей к отыску и старатца буду. Однако мною отыскивать приказано, а когда отыщется, то без выдачи не останутца.

А што ж касаетца до оставшего купца Быкова прикащика ево Ерошки, скота и товару, за оной по полученному мной от вас письму обещались захватить скота или киргисцов, а ныне в последнем письме пишете, што меня грабителем тово товару не называете и за то захвату делать не хотите, так я в том более не сомневаюсь.

Ныне пришел ко мне посол, требует сына моево одново ко двору, однако, я обещался отправить Ток-салтана з добрыми при нем будущими; с тем же послом писано от меня ко двору о своих надобностях, так прошу не сомневатца, что как на вас, так и на командующих в том ко двору письме ничево от меня не писано и писать не для чего, что мы находимса с вами почти в одном дому и для соседственной нашей дружбы обносить друг друга не долженствует.

В том же письме писано, когда купцы от вас к нам в улусы отпущены будут, чтоб сатовать дозволить; так от меня по всем волостям приказано будет.

Во уверение и печать свою черную приложил.

Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

Резолюция: О выдаче быковского товара отвечать ему завтра. Писать ко двору, возможно, он хочет. В ево воле, ежели, конечно, он-де ничево непристойнова и дурнова писать не будет и штобы не написать никогда нам о том ничево не нанеся, а для той радости ево ко двору, требуеца, просит.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 119 и об., 123. Перевод XVIII в. Подлинник на турки – там же. Л. 120 и об.

³⁴¹ А от каких, не изъясняет.

³⁴² А которова имянно не пишет.

³⁴³ Дата перевода.

№ 321

1778 г., февраля 28³⁴⁴. – Императрице Екатерине II

Перевод с листа киргиз-кайсацкой Средней орды от Аблай-солтана, с сыном его Тугум-солтаном отправленного в Оренбург, февраля 28-го дня 1778 г. учиненного.

Всепресвятлейшей державнейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской и проч., и проч., и проч.

Верноподданного вашего величества Киргиз-кайсацкой орды Аблай-солтана всеподданнейшее представление.

Хотя тому уже минуло сорок шесть лет, как мы, солтаны, всегда в высочайшем в. и. в. усыновлении, а подвластные наши во услужении, будучи удостоены пользоваться высочайшим вашего величества милосердием, изливаемыми ко всем верноподданным щедротами и милосердию, со всем верноподданным киргиз-кайсацким народом пребывание наше имеем со всех сторон безвредное. Со всем тем, однако, лет тому назад с шестнадцать не имел я случая к высочайшему двору в. и. в. для всеподданейшаго поклонения людей моих посылать, а ныне оной случай чрез старание господ оренбургского губернатора, генерал-порутчика и разных орденов кавалера Ивана Андреевича Рейнсдорпа, а с повеления его и правящего должность губернаторскую генерала Мансурова получил, ибо к высочайшему двору в. и. в. со всеподданнейшим моим представлением сына моего отправить всемилостивейше повелено, чем я предоволен.

И так, для донесения всеподданнейшего моего представления к высочайшему двору вашего величества отправил я от трех моих больших сыновей, имянуемых Вяли, Чингиз и Гумер солтанов, меньшего, Тугум-солтана, с присовокуплением к нему хороших людей. А вышепомянутые дети мои большие все троя находятся всегда между верноподданною вашего величества Киргиз-кайсацкою ордою во всеусерднейших услугах.

В протчем, ко всевысочайшему двору в. и. в. всеподданнейше доношу: Абулхаир и Абулмамет ханы скончались, которые предкам моим были родственники. Как они от сего света отошли, так чреда ханского достоинства досталась мне. По кончине их, всех киргиз-кайсацких орд, т. е. Большой, Средней и Меньшей, ханы и солтаны купно с большими и меньшими города Ташкента и провинции Туркестанской, с общего согласия в прошлом 1771 г. в городе Туркестанте при гробе мусульманского нашего святого Ходжи Ахмета, по обыкновению нашему прочтя молитву, наименовали меня всех трех киргиз-кайсацких орд³⁴⁵ ханом, в которое звание и действительно возвели. Однако, хотя и по обыкновению состояния нашего в том звании и нахожусь, только в. и. в. всеподданнейше прошу то мое ханское звание пожалованием из благословенных рук вашего величества за золотую печать высочайшей грамоты всемилостивейше подтвердить. А кроме того, и высочайшего вашего величества повеления ханом имяноваться я за непристойно и недостойно признаю. И так, я в моем уповании остаюсь, что по высочайшей милости вашего величества то мое ханское звание подтвердится.

Причем особливо и всенижайше в. и. в. прошу, когда я пожелаю к высочайшему двору вашего величества паки из детей моих посылать, то дабы тогда оным в том препятствия не было, и о том бы ближних к нам губерний господам губернаторам и крепостным комендантам и протчим начальникам всемилостивейшее повеление с отправленным ныне от меня к высочайшему двору в. и. в. сыном моим ко мне прислано, да и к тем господам губернаторам и к протчим начальникам предложено было.

Хотя я пребывание мое при границах ваших некоторых губерний и крепостей издавна и без всяких ссор, но согласно продолжаю, однако ж прошу в. и. в. высочайше повелеть, дабы в случающихся между нами малых делах правосудие и справедливость чинили.

³⁴⁴ Дата перевода.

³⁴⁵ В подлиннике: «всех трех киргиз-кайсацких алач». (Прим. ред. КРО).

Еще в. и. в. прошу, ежели бы между нашими киргиз-кайсаками случились когда в собрании изменники и плуты, для воспрепятствования злого их предприятия к России вреда, а при том и воздержания их в потребные мне времена высочайше повелеть из находящихся на границах войск вашего величества мне на короткое время давать столько, сколько когда понадобится, и о том бы находящимся вблизи к стороне нашей крепостным комендантам и прочим начальникам наслан был вашего величества высочайший указ, чрез что б мы в состоянии были всех тех злодеев воздерживать.

С сим моим всеподданнейшим представлением отправлены от меня к высочайшему двору в. и. в. сын мой Тугум-солтан, да из хороших людей двое старшинских детей, а именно: Дат-батырь Карабатырев, да Тявайкул-батыр Бинглибаев; да хороших же людей дети: Мамет Бекчин, Рыскельди Абдулзяляев, да Тангут Сатупалдыев.

Во уверение чего своеручно печать мою приложил.

Под оным листом печать со изображением имени его, Аблай-солтана, на сургуче приложена.

Переводил коллежский ассессор Петр Чучалов.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 3. 1776 г. Д. 1. Л. 42–46. Перевод XVIII в. Копия перевода – ГАОРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 55–57. Опул.: КРО-2. Док. № 42. С. 86–88; Сулейменов Б., Басин В.Я. Казахстан в составе России. Приложение. С. 201–203. Подлинник на тюрки – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 3. 1776 г. Д. 1. Л. 47–48 об. Копия подлинника – ГАОРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 53–54 об.

№ 322

1778 г., февраля 28³⁴⁶. – Генерал-поручику П.Д. Мансурову

Перевод с письма, присланного от киргис-кайсацкого Средней орды Аблай-солтана чрез присланного от него сына ево Тугум-солтана, в Оренбурге февраля 28-го дня 1778 г. полученного.

Чести достойному высокородному и высокопревосходительному правящего оренбургского губернатора должность г-ну генерал-поручику, разных орденов кавалеру Павлу Дмитриевичу Мансурову много лет здравствовать желаю.

Письмо вашего высокопр-ва чрез капитана Брехова и переводчика Бекчюрина мне исправно доставлено, и за дружеское ваше писание, а равно и за отправление первого моего его высокопр-ву г-ну оренбургскому губернатору письма, по которому им, г-ном губернатором, е. и. в. доклад учинен и ответное по присылке к вам за неудержное ко мне с посланцами вашими доставление, в том за понесенной вами труд приношу мою неисчисленную благодарность.

Вашему высокопр-ву доношу: в прошлом 1771 г. при собрании трех орд киргисцов, ташкинцов, туркистанцов и других областей мусульманов наименован я ханом. Но как от е. и. в. в том еще не утвержен, то и наименовываться оным мне неприлично. И так вашего высокопр-ва прошу о том меня ханом наименования ко двору е. и. в. пристойным образом донести, в чем я по дружеству и надежду на вас полагаю. А я для того сына моего Тугум-солтана с лутчими старшинами и товарищами послал, которого по прибытии к вам неудержно туда отправить прошу.

Что ж принадлежит о капитане Дудине, то он находится по ту сторону ближних кыргызов, в выручке которого я старание мое прилагать буду, и если всевышний вручит ево в мои руки, то я и вам без доставления ево не оставлю, и о выручке одного находящемся в Большой орде начальником сыну моему Гадиль-солтану от меня поручено, и сколько можно в том старание прилагать, почтует.

³⁴⁶ Дата получения.

Еще вашего высокопр-ва прошу присланных ко мне капитана Брехова и переводчика Бекчюрина с помянутым моим сыном Тугум-солтаном к высочайшему двору е. и. в. обще отправить, в чем я на вас и надежду мою полагаю.

Во время ис протекции побега калмык с трукменцами со стороны вашей ко мне было писано, чтоб сих бежавших самим побивать, а жен их и детей брать в плен, которые в тогдашнее время, проходя чрез орду нашу, всею пищею довольствовались и киргис-кайсак, в неведении от них находящихся, многих, порубя, и скот их брав себе в добычу, пришли, а хотя из них [трукменцов] мною и собрано, но немного. С сим послал помянутого моего сына Тугум-солтана с придачею ему Дата и Тявякеля батырей с тремя товарищи, которые подчиненных мне самолучших людей дети, и того моего сына навсегда во всем они зберегают.

Сим вашему высокопр-ву представляю, что в прошлом 1776 г. по просьбе моей присланной ко мне по указу е. и. в. Оренбургской губернии ведомства Исетской провинции команды старшины Мавлюта Мансурова служилой мещеряк Ягуда Гусманов для отправления при мне писарской должности находится верно и усердно, и так я за присылку такого разумного мне человека как е. и. в., так и вами, господами генералами, весьма доволен и прошу за такую ево, Гусманова, верную и усердную службу по указу е. и. в. определить в год жалованья по пятидесяти рублей и провиант, а сверх сего по обещанию и награждение ему сделать; и если оное по сей моей просьбе ему учинено будет, тому б я был весьма доволен и о выдаче того поблизости Петропавловской крепости г-ну коменданту сделать ваше предписание, да и меня о том в непродолжительном времени уведомить, ибо ему, Гусманову, с того времени, как он ко мне прибыл, поныне жалованье производимо не было. Да еще прошу для езды в свободные времена реченного писаря Ягудя в дом и обратно о даче как в Тобольской, так и Оренбургской губерниях с приложением вашей печати приказать дать на имя ево подорожную.

Во уверение сего своеручно печать мою приложил, которая под оным со изображением ево, Аблай-солтана, чернильная и приложена.

Переводил переводчик Андрей Васильев.

ГАОРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 69–71. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 72–73.

№ 323

1778 г., февраля 28³⁴⁷. – Генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу

Перевод с письма, киргис-кайсацкой Средней орды от Аблай-солтана присланного и в Оренбурге чрез сына ево Тугум-салтана 28-го числа февраля 1778 г. полученного.

Высоковременному и высокодостойному г-ну генерал-поручику, разных орденов кавалеру и оренбургскому губернатору Ивану Андреевичу Рейнсдорпу, приятелю моему, много лет здравствовать желаю.

Отправленное от вашего высокопр-ва с капитаном Бреховым письмо в целости мне доставлено. И за искреннее ваше дружеское ко мне писание приношу мою благодарность. В коем изволите писать, что без особенного высочайшего е. и. в. повеления мне ханом именоваться никак не надлежит. Сие ваше предложение весьма справедливо. А я на сие ханское титуло возведен еще прошлого 1771 г. [1] во время преследования бежавших ис протекции е. и. в. волских калмык трех орд киргисцов, ташкенцов и туркестанцов самолучших людей со общего согласия с тем, чтоб мне быть над всеми ханами главным³⁴⁸, будучи в городе Туркестане при гробе святого Ходжи Ахмета; причем по обычаю нашему и прежде возводимых

³⁴⁷ Дата получения.

³⁴⁸ В подлиннике – «кулл ханларнын ағласы кылыб», т. е. главный хан.

ханов, прочтя начальную молитву, и действительно на ханство возведен³⁴⁹. Однако, хотя то ханское звание я и нес, только без особенного всемилостивейшей государыни моей высочайшего повеления тем именоваться за пристойно не признаю, то по причине чего неоднократно я и от давняго времени об отправлении с донесением всемилостивейшей государыне моей о моем ханстве сына моего с лучшими людьми позволения просил, только никогда до сего допущен не был, а для чего б то учинено, о том я знать не могу.

Представления мои и посланцы не доходили до всемилостивейшей государыни моей ровно шестнадцать лет, а ныне благодарю всевышнего, что молитва моя им принята, а особливо по старанию вашего высокопр-ва. В протчем вашего высокопр-ва покорно прошу всемилостивейшей государыне моей о вышеписанном деле подробно донести, я никак не сомневаюсь, что ваше высокопр-во о подтверждении того моего ханства не изволили, будучи там, по прежней ко мне дружбе приложить ваше старание. Для чего и послал с представлением сына моего Тугум-солтана, придав к нему двух лутчих старшин, а имянно: Дата Карабатырева [2] и Тевеккеля Минлибаева, при них киргисцов Мамыта Бикчина, Рыскилдия Абдулзялилева, да Тамгата Сатыпалидина, коих прошу е. и. в. всемилостивейшей государыне моей в добром порядке представить.

Рекомендованный от вас капитан Брехов и переводчик Бекчурин, приехав ко мне добрым и законным порядком с засвидетельствованием вашего высокопр-ва почтения, письмо ваше мне вручили, коими я весьма был доволенным. Здесь оставшие при мне дети мои: большей – Вяли-солтан, Чингиз-солтан да Гумар-солтан и протчие, употреблю в те службы по имеющимся делам подданных всемилостивейшей государыни моей рабов киргис-кайсака, а по них меньшей мой сын Тугум-солтан отправлен от меня в Петербург с приданными к нему лутчими товарищами, которых я и препоручил реченному капитану Брехову переводчику Бекчюрину с тем, чтоб, побыв там, обще возвратиться. И так, ваше высокопр-во покорно прошу из милости вашей оного капитана Брехова и переводчика вашего Бекчюринина не оставить, которых за понесенной для меня их труд у всемилостивейшей государыни о повышении ходатайство учинить.

По прозьбе моей, а по указу е. и. в., прислан ко мне в писари Оренбургской губернии ведомства Исецкой провинции команды старшины Мавлета Мансурова мулла Ягуда Усманов, с прошлого 1776 г. при мне находится, которой службу е. и. в. верно продолжает. За присылку такого совершенном в разуме человека ко мне приношу мою благодарность. Которому прошу по указу всемилостивейшей государыни за верные и усердные службы определить жалованье и провианта на каждой год, равно и обещанное ваше награждение, и естли то милостиво определится, то повелено б было в силу указов по близости пребывания моего выдачу ту чинить ис Петропавловской крепости, о чем и прошу тамошним комендантам предписание учинить. Равно и меня об оном уведомить, а буде оное получать будет из Оренбурга, то быть может немалое затруднение. К тому ж здесь весьма он всегда в службе государской нужен, и он, Гусманов, с самого приезда ко мне жалованья еще никогда не получал, о чем прошу меня непродолжительным вашим уведомлением не оставить.

Во уверение чего своеручно печать мою приложил, которая под оным со изображением имени его, Аблай-солтана, чернильная и приложена.

Переводил переводчик Мендияр Бекчурин и под подлинным подписался.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 60–61 об. Перевод XVIII в. Копия подлинника на тюрки – там же. Л. 58–59 об.

³⁴⁹ Современный перевод этого абзаца письма несколько отличается от опубликованного варианта XVIII в. и выглядит следующим образом: «А стал я ханом потому, что в 1771 г. с целью преградить путь отказавшимся от покровительства ее падишахского величества и сбежавшим калмыкам весь киргис-казахский народ сел на коней, и все наши знатные и именитые люди, ханы казахского йурта Уч-алач, города и степные окраины, а также все именитые люди Ташкентского йурта и знатные люди Туркестанского йурта согласились в том, чтобы поставить меня главным над всеми ханами. По нашему обычаю и по правилам предшествующих ханов в городе Туркестане, где скончался наш святой хазрат Ходжа Ахмад Йасаби, над его могилой была прочитана Фатиха, и я был поднят ханом». (Перевод с чагатайского тюрки Т.К. Бейсембиева.)

№ 324**1778 г., марта 13³⁵⁰. – Бригадиру С.В. Сумарокову**

1778 г., марта 13-го числа, перевод с письма Аблай-салтана.

Высокородному и высокопочтенному г-ну бригадиру и ковалеру Степану Васильевичу Суморокову нижайши поклон.

С прибытия моего к вашему высокородию сына Тока и с ним будущих изволили принять благосклонно и отправили в Оренбург с тем же благодеянием, за что и приношу мою покорную благодарность. Что мне и мулла Ягута и присланное от вас с ним письмо и два петуха получил исправно. Объявил Ток и протчие киргисцы, кои моего сына провожали, почитаютца вашим высокородием, довольны и за угощение приносят благодарность; между тем и я почитаюсь довольным же.

Еще ж вашему высокородию объявляю, что кочующие около Пресногорьковской крепости киргисцы, прибыв, мне объявили, что захвачено в Пресногорьковской два киргисца Кипчатской волости, а имянно: Карысота и Букомбай, но я у тех киргисцов спрашивал за что захвачены. Но они объявили, что захвачены по той притчине, якобы им тамошней командир объявил, за то, что у них находится пленная баба старуха русская, а когда она выдана будет, то и оне, киргисцы, отдадутся; а хотя они и кипчатцы, но не той волости, кои воруют, а они Ташкурской волости, которые никогда на российскую сторону шалости не имеют, да и не намерены. У тех же воров киргисцов российских пленников я собирал и отсылал в Россию.

Я действительно знаю, когда Кипчатцкой волости Дербешали-батыр захватил российских людей, и тогда та старуха захвачена, а назат тому девятой год; а если у него, Дербешали, и еще есть россияне, то от него отберу и в Россию отпущу; а если оных не отыщу, то вашему высокородию объявлю и велю захватить той волости Дербешали ж, называемой Узюн-Кипчатской волости. Ежели поверите мне, то те захваченные в Пресногорьковской киргисцы безвинно, коих покорно прошу освободить и ко мне прислать, и сколько ж их держать не будете, прибыли не будет, отпустите их или нет, мне дайте знать.

Да изволили ж писать, чтоб я прислал для принятия на семена хлеба, то я за оным послал своего человека Тюпя с товарищи, коему и отпустить соблаговолите сто пуд ячменю и пшеницы по половине, а если есть – семя иретешное, да четыре пары сошников.

Да изволили ж ко мне писать [о] двух ваших ушедших лошадях, кои прибежали к Уилы-Атагайской волости к табунам киргисца Маманбая; которых изволите требовать от него. Но он, Маманбай, отозвался, что оных нет, того ж киргисца теперь в близости нет, а когда прикочует в близость ко мне, то те лошади отысканы и к вашему высокородию пришлютца.

Для уверения печать свою приложил.

На подлинном подпись: со слов переводил толмач Ембакей Тусмаметев.

С подлинным сверял сержант Василей Захаров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 229 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 325**1778 г., апреля 2³⁵¹. – Генерал-майору Н.Г. Огареву**

1778 г., апреля 2-го дня перевод, учиненной в военной походной его пр-ва г-на генерал-майора Николая Гавриловича Огарева канцелярии с представленного при рапорте от г-на бригадира Суморокова с писем от Аблая и Девлеткирея салтанов.

Высокородному и превосходительному г-ну генерал-майору Николаю Гавриловичу Огареву нижайший поклон от Аблая-салтана.

³⁵⁰ Дата перевода.

³⁵⁰ Дата перевода.

При обратном следовании ко мне племянник мой Давлеткирей-салтан заезжал к вашему пр-ву, и вы ево приняли благосклонно, тем я почитаюсь довольным; а что ваше пр-во изволили ему, Кирей-салтану, чтоб мне объявил о оставленном у меня купца Якова прикащиком ево Ерошкой баранах, лисицах и корсоках, об отдаче ему, Ерошке, коих вещей мною для себя употреблено лисиц и корсоков (на сколько числом, не пишет), и за оные прошу удержать годовое мое жалование триста рублей. А что следует до баранов, то оные з голоду нынешней зимою все пропали, а удержание вышеписанным вещам и баранам зделано было в силу прежним генералитетским повелением, чтоб вы впредь ему, Ерошке, и протчим потом учиненной сатовки производить было неповадно. А ежели кто с видом от вашего пр-ва для сатовки отпускаем будет, то я пропускать без задержания имею.

Да что ваше ж пр-во изволили означенному племяннику моему Давлеткирей-салтану проговаривать, когда понадобится, мне команду дать обещали, но ныне во оной надобности нет; а когда потребна будет, то я требовать буду. И об оной обещанной мне команде покорно прошу дать мне письменное повеление. А на словесное не так вероятно, и о сем прошу, неумедля, уведомить.

ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 212. Л. 289 и об., 293. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 291 и об.

№ 326

1778 г., апреля 2³⁵². – Купцу Алексею Пеньевскому

От Аблая-салтана письмо к купцу Алексею Пеньевскому.

Покорно вас прошу, испуская, прислать ко мне двоелишнего цвету голя на дватцать, да на десять рублей сукна зеленого, на десять же рублей сукна салдатского красного; да еще на десять рублей эркенчины, что и составит за сии вещи пятьдесят рублей. А об отдаче оных денег, да и впредь, что будите покупать для меня, прошено об отдаче ж г-на бригадира Сумарокова письмом; а вышеписанныя вещи прошу посланному от меня киргисцу отдать.

Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 293 об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 292.

№ 327

1778 г., апреля 10³⁵³. – Генералу-майору Н.Г. Огареву

1778 г., апреля 10-го дня перевод, учиненной с присланных писем от владельца Аблай-салтана и племянника ево Давлеткирей-салтана.

От Аблай-салтана высокогородному и превосходительному г-ну генерал-майору Николаю Гавриловичу Огареву нижайший поклон.

Приехал ныне Кипчацкой волости киргизец, объявил мне, что не в давнем времени бежала от него служанка в Россию³⁵⁴. Так прошу, естли где на линии окажетца, о доставлении оной отправить Пресногорьковской крепости командующему, от коего и ко мне прислана будет, каковым образом и я захваченных ваших российских людей к выдаче всегда стараюсь отыскивать.

При сем же прошу за неимением у меня кузнецов прислать сабан, т. е. плух, которым землю пашут на быках. И естли не противно вашему пр-ву, и коляску, которая мне надобна

³⁵² Дата перевода.

³⁵³ Дата перевода.

³⁵⁴ Какого роду не пишет.

по старости лет ездить по улусам, и о всем оном дать повеление командующему в крепости Петропавловской бригадиру, да постаратца отыскать и прислать ко мне тамвутаря, струи бобровой, шафрану и называемого по-китайски дарувиня для лечения груди.

Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 324 и об. Перевод XVIII в.

№ 328

1778 г., апреля 30. – Генерал-майору Н.Г. Огареву

1778 г., мая 7-го числа перевод, учиненной с письма, присланного от владельца Аблая.

Высокородному и превосходительному г-ну генерал-майору Николаю Гавриловичу Огареву нижайши поклон.

Чрез сие вашему пр-ву объявляю, что подвластные мои два киргисца в крепости Пресногорьковской захвачены, якобы за находящуюся у тех киргисцов российскую бабу. Так я вас в том уверяю, что у тех киргисцов никакой российской бабы нет, а разве в другом каком улусе, так прошу тех киргисцов приказать отпустить, а об отыске той бабы старатца я буду, и как скоро отыщу, то и выдать неумедлю.

И естли впредь от моих киргисцов российским людям какия шалости будут, то прошу меня о том уведомить. Я с ними за то поступать буду строго, а чтоб вперед без уведомления меня ни за што не захватывать, и естли тех захваченных двух киргисцов от вашева пр-ва отпустить приказано будет, то прошу ис Пресногорьковской взять доставить ко мне.

Ис Петропавловской прежде от меня вашему пр-ву писано было, чтоб купца Быкова прикащику Ерошке отдать годовое жалованье триста рублей, а получил или нет, я еще о том уведомления не имею, и буде получил, то б он, Ерошка, тем и был доволен.

В бытность племянника моего Давлеткирей-салтана вы изволили обещать дать воинскую команду, так прошу о том дать мне письменной вид и обо всей вышеписанной прозьбе прошу вашего пр-ва, неумедля, уведомить.

Впротчем, пожелав я с подвластными киргисцами всякаго благополучия.

Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

Писано апреля 30-го числа.

ИАОО. Ф. 6. Оп. 1 Д. 49. Л. 434 и об., 447. Перевод XVIII в.

№ 329

1778 г., мая 13³⁵⁵. – Генерал-майору Н.Г. Огареву

1778 г., мая 13-го числа перевод с письма, присланного от Аблай-салтана, полученного при рапорте от г-на бригадира коменданта и кавалера Суморокова.

Высокородному и превосходительному г-ну генерал-майору Николаю Огареву нижайши поклон.

Письмо от вашего пр-ва и при оном шафран я получил исправно, за что и приношу покорную мою благодарность. Да в бытность моего у вашего пр-ва племянника Давлеткирей-салтана изволили ему проговаривать, что когда я иметь буду надобность в воинской команде, то б об оном мне к вашему пр-ву писать, почему и прошу вас, ежели вы в самом деле тою командою обнадуживаете, прислать ко мне письменное уведомление.

И известно ли или нет вашему пр-ву, что из отпущенных ис Омской крепости к нам для торгу купцов, как у нас слух носится, якобы будто их киргисцы ограбили, да и самих хозяев нет, и где находятца, неизвестно. Которые, видно не захавши ко мне и не взявши от меня

³⁵⁵ Дата перевода.

письменного виду и вожатых, притчину себе почили, и естли сие зделали, то б они всегда были благополучны. Товару ж со оными купцами было до десяти тысяч³⁵⁶.

На посланные ж от меня к вашему пр-ву письма я от вас долгое время уведомления не получаю, или по отправлении от вас оные умедливаютца в улусах моих, того не могу я знать. Впредь же, естли к вашему пр-ву о чем я писать буду, то прошу уведомлять меня поскорее, в чем и печать чернильную приложил.

Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 449 и об. Перевод XVIII в.

№ 330

1778 г., июня 10³⁵⁷. – Генерал-майору Н.Г. Огареву

1778 г., июня 10-го дня перевод, учиненной с письма, присланного от киргисского владельца Аблай-салтана.

Высокородному и превосходительному г-ну генерал-майору Николаю Гавриловичу Огареву нижайший поклон.

Вашего превосходительства письма я получил, в которых по выслушании мною значит, што вы требуемую мною команду воинскую дать обещаетесь, так за что приношу мою покорную благодарность. Однако ныне в той команде надобности нет, а естли впредь потребна будет, то чрез письмо о присылке буду просить; а когда команда от вашего пр-ва послать приказана будет, то прошу, чтоб во оной было одна половина русских, а другая – татар и башкирцов; и сколько числом всех в оно время послано будет, ныне меня уведомить.

А что ж вы писали о взыскании за взятой у Шихова диких киргисцов старшинов Сатырбатырем товар, то со оногo, ежели бог поможет, взыскивать как можно старатца буду.

Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 512. Перевод XVIII в.

№ 331

1778 г., июня 21³⁵⁸. – Генерал-майору Н.Г. Огареву

1778 г., июня 21-го дня перевод, учиненной с письма киргисского владельца Аблай-салтана.

Высокородному и превосходительному г-ну генерал-майору Николаю Гавриловичу Огареву нижайший поклон.

Ведения брата моего Салтамаметь-салтана Кипчацкой волости от киргисцов Пустана и от Челдыбая бежали две калмынки и при них малолетна девочка, которые вышли в форпост Чернорецкой. Ныне по приезде ко мне написанные киргисцы просят, чтоб тех калмыков выдать обратно, и естли оные калмынки подлинно у вас, так прошу посланному от меня с сим письмом старшине Тюляк-батырю с уведенными ими лошадьми, платьем и протчим, что при них есть, отдать, потому што оной Тюляк у брата моего против протчих старшин всегда услугами первой человек; и буде от наших киргисцов российским людям произойдут какия шалости, то об оных давать знать тому Тюляку-батырю, которой в том изыскание зделать всегда может без всякой киргисцам понаровки. А естли он зачем-либо зделать не может, тогда уже писать брату моему Салтамамету-салтану. При сем же прошу, естли вперед старшина Тюляк-

³⁵⁷ А кто имянно ис татар или из русских и много ль числом людей, в письме не пишет.

³⁵⁸ Дата перевода.

³⁵⁹ Дата перевода.

батырь с прозьбою к вам приедет, так в том прошу ево не оставить и о всем вышеписанном прошу ж меня поскорее уведомить.

Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 546 и об. Перевод XVIII в.

№ 332

1778 г., июня 24³⁵⁹. – Генерал-майору Н.Г. Огареву

1778 г., июня 24-го дня перевод, чиненной с писем, присланных от киргиских владельца Аблай-салтана и старшины Байжигита-мурзы.

От владельца Аблай-салтана высокогородному и превосходительному г-ну генерал-майору Николаю Гавриловичу Огареву нижайши поклон.

С письмом от вашего пр-ва прибыл ко мне Быкова купца прикащик Ерошка, кое и получил я от него исправно. В коем изволили писать, чтоб оставших ево, Ерошки, баранов обратно ему отдал; а как от меня и в прежнем письме к вам писано было, что в прошедшей зиме по великости в нашей стороне снегов от бескормицы все подошли, а оставленные ево ж, Ерошки, лисицы и корсаки все употреблены без остатка на домашния мои нужды. За которыя, т. е. за лисицы и корсаки, по прозьбе вашей и велено от меня годовое жалованье 300 руб. ему, Ерошке, отдать. Когда ж вы ево обиженным изволите считать, прошу ево отпустить к нам с товаром и дозволить ему тогда года на три или на четыре, которое время я с него не одной лушки пошлинных денег не возьму, чем и может он все свои убытки возвратить, да и ни от моих подвластных киргисцов обид не будет.

Об воинской же команде как я и прежде вашего пр-ва просил то, сколько оной от вас дано будет, прошу уведомить меня.

Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 212. Л. 552 и об., 555. Перевод XVIII в.

№ 333

1778 г., августа 9³⁶⁰. – Генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу

Перевод письма, присланного от киргиз-кайсацкого Средней орды Аблай-солтана, августа 9-го дня 1778 г. в Оренбурге полученного.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну генерал-поручику, Оренбургской губернии губернатору и разных орденов кавалеру Ивану Андреевичу Рейнсдорпу.

Да будет вашему высокопр-ву известно, что посланное от вас ко мне письмо со извещанием того, что отправленной от меня с донесением ко двору е. и. в. сын мой Тугум-солтан с двумя старшинами и товарищи при бытности вашей в Санкт-Петербург прибыл, мною 6 июля месяца запечатанное печатью вашу, исправно получено. За которое, а особливо за уведомление, что он, Тугум-солтан, с товарищи остался благополучен, изъявляю мою благодарность и желаю вам навсегда и многолетно здравствовать.

Хотя я по предписанию вашему о вырубке капитана Дудина всегда ныне, употребляясь в службу ея величества, попечение мое и простираю, и к тем кыргызам, у которых он находится, к урочищу, называемому Алатау, с требованием ево раза з два нарочных посылал, только как всемиловитвейшей государыне, так и мне, делаясь ослушными, не только ево до[ныне] не отдают, но и сверх оногo, многим подданным ея величества рабам делают вред. Как-то:

³⁵⁹ Дата перевода.

³⁶⁰ Дата получения.

ныне, выходя своим родом ис повиновения, под предводительством Чадыра у подданного ея величеству следующего караваном купца, именуемого Алимшаха, на немалую сумму товару разграбили; и сими вредными поступками делают беспокойствие.

А так я о сем извещая вас, прошу для их прекращения приказать ис храбрых е. и. в. войск, находящихся по способности и близости меня, пристойное количество назначить с тем, когда я потребую, то б оныя и выкомандированы были, чтоб сие впредь таковым злодеям ослушникам и покоя нарушителям запрещение быть могло. Паки прошу о сем в силу указа к находящимся в близости меня крепостям командирам непродолжительно предложить.

Во уверение сего своеручно печать мою приложил, которая под оным со изображением ево, Аблай-солтана, имени чернильная и приложена.

Переводил переводчик Андрей Васильев.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 103 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 108 и об.

№ 334

1778 г., августа 9³⁶¹. – Генерал-поручику П.Д. Мансурову

Перевод с письма, присланного от киргизского Средней орды Аблай-солтана, августа 9-го дня 1778 г. в Оренбурге полученного.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну генерал-порутчику Павлу Дмитриевичу Мансурову.

Да будет вашему пр-ву известно, что я отправленное от его высокопр-ва г-на губернатора, генерал-порутчика и разных орденов кавалера Ивана Андреевича Рейнсдорпа письмо, в минувшем июле месяце запечатанное, исправно получил, в котором он изволил мне предписывать о выручке капитана Дудина. Хотя я о выручке оного всегда и ныне, желая доказать всемилостивейшей государыне услугу, попечение мое и простираю, да и вашему высокопр-ву пред сим доносил, что он, Дудин, находится у кыргызов, ныне продолжается у оных, которые кочевья их имеют при урочище, называемом Алатау, и я к ним с требованием ево, Дудина, в два раза нарочных посылал. Только они как всемилостивейшей государыне, так и мне, делаясь ослушными, ево не только не выдают, но, выходя своим родом ис повиновения, и протчим многим ея величества рабам делают вред, как-то: ныне под предводительством их кыргызского рода бия и старшины, именуемого Чадыр-батырем, у следующего с караваном вашего купца, называемого Алимшаха, на немалую сумму товару разграбили.

И я о сем извещая вас, прошу для прекращения таковых ослушников и вредных их поступков приказать из войск е. и. в. пристойное количество выкомандировать из способных и ближних ко мне крепостей с таким к начальникам предписанием, чтоб они, как я потребую, оные выслали, и сие б послужить могло впредь таковым злодеям от ослушания, чинения вреда, произведения беспокойств препятствием. Предварительно прошу к находящимся поблизости в крепостях командирам о сем непродолжительно, но и с порядком писать, ибо я сам, аще бог благоволит, для выручки от кыргызов реченного Дудина к пресечению вредных поступков ехать намерение мое имею.

Во уверение сего своеручно печать мою приложил, которая под оным со изображением ево, Аблай-солтана, имени чернильная и приложена.

Переводил переводчик Андрей Васильев.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 104 и об. Перевод XVIII в.

³⁶¹ Дата получения.

Перевод с письма, присланного от киргизкого Средней орды Аблай-солтана чрез посланного к нему Исецкой провинции башкирского старшину Казаккула Казанбаева с товарищи, в Оренбурге октября 26-го дня 1778 г. полученного.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну генерал-поручику, Оренбургской губернии губернатору и кавалеру Ивану Андреевичу Рейнсдорпу по поздравлении имею донести на будущее.

Отправленной от вашего высокопр-ва старшина Казаккул с товарищи благополучно ко мне приехал и следующее от вас ко мне письмо за печатью вашею в целости доставил. По прочтении которого, я материю понял и за усердное ваше о сыне моем Тугум-солтане уведомление, что он с товарищи ко двору е. и. в. доставлен благополучно, приношу великое мое благодарение. Еще писать изволили, чтоб я вас уведомил о моем пребывании, почему сим и уведомляю: я оное имею при горе, называемой Кукче [1]. А притом предписывать изволили о склонении киргизцов к езде в Троицкую крепость на мену. Но как и сами изволить ведали, что то дело непринужденное, а охотное, и на мену туда не ездят они потому, что ныне прешедшей весне у кочующих около оной крепости ведомства моего киргис-кайсак выезжавшими русскими и башкирцами весьма немало разного скота отогнато, и хозяева оного, приезжая ко мне, плачут, чего и ныне опасаясь, на мену не ездят. Но естли б сих безвинных скот возвращен и воры уняты были, то и на мену ездить стали.

Что же принадлежит о угнанных против Звериноголовской крепости со внутренней стороны мужичьих лошадей до тридцати, то кем оные угнаты, поныне я изведаться не могу, и так не изволите ль о том, что которого рода и кем именно оный угнат, меня уведомить, почему б я во отыскание их попечение взять мог.

На требования ж ваши капитана Дудина я пред сим ответствовал, что к находящемуся в Средней орде у киргизцов, называемых уйсун-кунгратцов, начальником сыну моему Гадиль-солтану [2] о вырубке ево, Дудина, писал, с тем чтоб он ево выкупом на скот, или дачею на место ево человека, или б силою от них, кыргызов, вырвал. Но он, Гадиль-солтан, напротив того письмом ево, с людьми ко мне доставленными, уведомляет, хотя же он ево, Дудина, на выкуп скота и на место ево человека им, кыргызам, и давал, и от них ево просил, только же они ево не отдали. После же чего уже для отнятия силою он с командою ездил, но они же, проговаривая, что-де вы держитесь стороны российской, против ево вооружаясь, делали немалое сражение и напоследок-де начали воевать. И так, по сим обстоятельствам выручить ево, Дудина, способа нет. В рассуждении чего вашего высокопр-ва прошу сделать мне в том помощь и прислать ко мне тысячную команду, с которою б я при старости моих лет, собрав всего ведомства моего киргизцов, и сам е. и. в. в службу душевно и телесно употребиться мог. Паки прошу в том, что я о сем настою от вас прозбою, гнева вашего не иметь и о сем моем прошении представить е. и. в.. За сим вам и всей вашего высокопр-ва фамилии пожелании здравия остался.

И во уверение сего своеручно печать мою приложил, которая со изображением ево, Аблай-солтана, имени под оным чернильная и приложена.

Переводил переводчик Андрей Васильев.

ГАОР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 121–122 об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 120 и об.

³⁶² Дата получения.

Перевод с листа, киргиз-кайсацкой Средней орды от Аблай-хана присланного, в Оренбурге генваря 16-го числа 1779 г. полученного.

Всепресветлейшая державнейшая великия государыни императрицы и самодержицы всероссийския первенствующему министру графу Никите Ивановичу Панину.

За благосклонное вашего сиятельства старание в доставление по посланному от меня к высочайшему престолу е. и. в. с сыном моим Тугум-солтаном и с приобщенными к нему двумя старшинами и протчими товарищами всеподданнейшему прошению, приятнейшего при высочайшем дворе е. и. в. принятия и того моего прошения исполнения, т. е. о высочайшем подтверждении ханского моего достоинства, в неудержном помянутого сына моего с присокупленными к нему к высочайшему двору е. и. в. допущении, за уведомление о данном от вас повелении, чтоб я по согласии с пограничными командирами во время нужное требовал себе команды из ближних ко мне мест и за благополучное того моего сына Тугум-солтана с товарищи возвращение изъявляю чрезмерное мое удовольствие с пожеланием при том от всевысшего бога е. и. в. всемилостивейшей государыне и дражайшему ея сыну великому князю Павлу Петровичу купно с любезнейшею его супругой великой княгиней, а е. и. в. высокопочтенной снохою и внуком долголетнейшего здоровья и всегдашнего державы ея величества распространения.

В протчем о бежавших от астраханской стороны трухменцах ответственую, что они сами собой между беглого калмыцкого изменнического народа не в давнем времени от места пребывания их бежали изменнически и, прокрався чрез границы е. и. в., состоящие по Уралу-реке выше Гурьева-городка, а ниже форпоста Дендерских гор, два редута разорили, созда строение, а людей побив, с похищением у них довольного имения. Ежели бы они, трухменцы, не были е. и. в. изменники, то для чего б им тот разврат делать, которые и жен их и детей, будучи в важном смятении, взять не успели, ибо как они, изменники трухменцы, по переходе чрез Урал-реку, быв в трех днях езды при урочище, называемом Тайсунган, простирая путь их на Черное озеро, намерены были от калмыцкого народа отделиться и уйти в места ираклинских трухменцов, то калмыки, сведав о том, тотчас с женами и детьми их рассказали.

Однако по проходе их с вершины Эмбы и Темира рек к горам, называемым Мугальярским, в Киргис-кайсацкой орде состоящим, собрав тех их трухменских жен и детей, расположили между изменниками калмыками.

Между чем к большему сыну моему Вяли-солтану от оренбургского г-на губернатора прислан был указ, чтоб собрався с киргиз-кайсацким народом, их, беглецов изменников калмык и трухменцов, разбивали, имение их в свойство разбирали, самих же их, калмык и трухменцов, иссекали, а жен их и детей пленили. Почему киргис-кайсаки наши собрався и ездили, и их, калмык и трухменцов, разбивали; а я тогда в доме быть не случился, а был при разбирательстве некоторых ордынских дел в местах ташкенских и туркестанских. Куда, однако ж, от помянутого сына моего Вяли-солтана и ко мне о том извещено, почему принужден я оттоль тотчас возвратиться и, сообщась с тем сыном моим Вяли-солтаном, в собрании Большой, Средней и Меньшей орд с теми беглецами и изменниками калмыками и трухменцами зделали превеликое сражение. Причем некоторую часть их, калмыцкого и трухменского, имения, также жен их и детей в добычу получили, часть побили, а часть способ и возможность нашла бегом спастись, и так тех в добычу полученных калмык и трухменцов бывшие при том помянутых трех орд киргис-кайсаки в дома свои развезли. Причем и мы трухменцов некоторую часть получили, а некоторых, от подчиненных нам киргис-кайсаки сильным образом сажая во узы, отняли, кои все з женами и з детьми в 83-х душах ныне в крепость Петропав-

³⁶³ Дата получения.

ловскую вышли; между которыми и предводители, бывшие при разорении вышеозначенных двух редутов четыре человека, из коих один именем Кулбайбан-мулла, другой – Акмурте, а двое остались в орде нашей.

О товаре тюменского купца Федора Быкова, у прикащика ево Ерофея Казакова взятом, от-
ветствую: от бывших напредь сего на сибирских линиях в Омской крепости господ генерал-
поручика Деколонга и генерал-майора Скалона имеем мы такое повеление: ежели кто-либо
из купцов из пограничных е. и. в. мест без всякого от пограничных командиров письменного
вида в Киргис-кайсацкую орду тайно выехать отважился, от таковых бы весь вывезенный
товар нам в свойство брать, а людей к пограничным командирам высылать. По основанию
которого мы того ево, Быкова, прикащика Казакова з двумя при нем бывшими товарищами,
не имеющего при себе никакого письменного вида, а тайно в орду нашу для торгу с товаром
выехавшего, с несколькими баранами и поймали и выдали, оставя только у себя несколько
вымененных им баранов, однако, и ими воспользоваться не могли, ибо по жестокости тог-
дашней зимы и по углублению снегов все оные попадали.

А что принадлежит до захвату киргис-кайсаками из-под Пресногорьковской крепости не-
сколько человек людей и отгону скота, то всем начальствующим ведомо, что во время на-
родного смятения, бывшего от злодея Пугачева, когда из верноподданных е. и. в. россиян
уральских казаков, из калмыцкого, башкирского и других народов ему, Пугачеву, повинова-
лись. А обще с ним, Пугачевым, злодействовали тогда и из нашего киргис-кайсацкого Сред-
ней и Меньшей орд народа, находившагося близ границ ваших, несколько к нему, Пугачеву,
приставали и, разъезжая, часть людей захватили. Однако я тогда дома не был, а как скоро
возвратился, и о тех обстоятельствах услышал, то тотчас и постарался тех людей отыскать и
возвратить чрез большого моего сына Вяли-солтана 13 человек, чрез другого Чингиз-солта-
на – 10 человек, чрез третьего Гумер-солтана – 7 человек, чрез четвертого Тогум-солтана – 4
человека, коих всех и доставил Петропавловской крепости к командиру.

О капитане Дудине отзываюсь: известен я, что в народе, называемом кыргыз, которой от
нашего киргис-кайсацкого состоит особливо, один российской офицер находится, за кото-
рым хотя я с письмом моим и посылал нарочных, только их тот киргиской народ, возымев
со мною вражду, к себе и до того офицера не допустили. Со всем тем, хотя тот народ поныне
в таковых обстоятельствах со мною и находится, однако я в моем попечении и исполнении
и услуги е. и. в. упражняюсь. Ежели бог благоволит, и ево, Дудина, в руки получим, то тотчас в
пограничные е. и. в. крепости ево доставим.

А что ваше сиятельство пограничным командирам предписать изволили, дабы они по слу-
чающимся у нас делам правосудно поступали, за то предъявляю полное мое удовольствие.

В протчем, вашему сиятельству долголетнего и благополучного здравия желаю и пребы-
ваю, киргис-кайсацкой Средней орды Аблай-хан.

Во уверение сего своеручно печать мою приложил, которая чернильная со изображением
имени его, Аблаева, и приложена.

Подлинное переводил переводчик Андрей Васильев.

ГАОР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 182–185. Перевод XVIII в. Копия перевода – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 3. 1779 г. Д. 1. Л. 202–206. Подлинник на тюрки – там же. Л. 208–210 об.

№ 337

1779 г., января 19³⁶⁴. – Генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу

Перевод с письма, киргиз-кайсацкой Средней орды от Аблай-хана присланного и чрез
посредство капитана Брехова с ундер-офицером в Оренбурге генваря 19-го дня 1779 г. до-
ставленного.

³⁶⁴ Дата получения.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну генерал-порутчику, оренбургскому губернатору и кавалеру Ивану Андреевичу Рейнсдорпу.

Принимая с моим удовольствием и радостью то, что вы за любезного моего сына Тугум-солтана с бывшими при нем, отправленного от меня ко двору всемилостивейшей государыни с испрашиванием о даче мне ханского достоинства, в Петербурге предстательствовали и обратно с хорошими вашими людьми возвратить изволили, свидетельствую полное мое удовольствие. Отправленные ж от вас и еще от графа Никиты Ивановича Панина ко мне с капитаном Бреховым указы я исправно получил. И из сего последнего усмотрел, что когда-либо мне потребны будут ваши войски, то б мне получать их по совету с вами, начальствующими. И как мне до 1000 человек ныне потребно, то я по содержанию того графского предписания и прошу тысячу человек из войск е. и. в. дать. Естли же сего числа единственно из русских дать за трудно признается, то хотя половину из башкирцов, и, уповаю, что тою тысячную команду из российских я действительно получу, о чем, надеюсь, и графа Панина известить не оставите.

И как скоро от вас о даче сей команды уведомление получу, в таком случае на все и поступить я готов, т. е. и к свиданию с вами и к учинению е. и. в. присяги, каковую я с бывшими в Средней орде Абулмухаммет-ханом, Яныбек-батырем и с протчими старшинами и киргизцами назад тому с 38 лет еще при бывшем генерале Урусове всемилостивейшей государыне учинил. Но из них остался только один я, а протчие все померли, то по примеру того ныне я со всеми Средней орды солтанами, ближними советниками и Большой орды со всеми лутчими людьми, живущими ко мне ближе, свидеться с вами постараюсь. Только сего настоящею зимою учинить неможно. ибо за жестокостию оной зимы и за глубокостию снегов одному к другому переезжать трудно. Ежели бог благоволит, по сходе снегов весною учинить того свидания не оставим, когда и всем Средней орды солтанам, старшинам и народу извещу.

Изъясняя сию секретную мою прозьбу о команде, не могу умолчать, что как такового дела при бывших государях как ваших, так и моих предместниках, еще не бывало, то дабы оное последовало ныне, о чем я ко всемилостивейшей государыне прозьбу мою и представлял. Ибо, естли сие последует, то в честь нашим именам и в прославление собственное наше прозойти может. Ежели та мною просимая команда от вас мне дастся, то я, получа оную, за великие горы и чрез великие камни по безводным местам, и чтоб без огня она изнурение себе нести могла, не поведу; против злодеев вооружать не буду, от голоду она помереть не может. А употреблю в такие места, где есть города. Естли в сей команде падет лошадь, заплачу; провиант и платье их на моем отчете. И когда оною меня снабдить изволите, то прошу оную дать мне в свином году (оной начнется сего 1779 г. с марта месяца), и в какое потом прикажете место оную возвратить, в то, конечно, и не премину доставить, в чем прошу зделать мне удовлетворение. Хотя в протчее время и не дадите, только я тем доволен буду, что первое мое тем прошение апробовать не оставите.

В протчем вашему высокопр-ву доношу, что в нынешнем собачьем году (которой начался прошлого 1778 г. с марта и кончится сего года в марте месяце) трухменцов 83 человека ушли от нас на 30 верблюдах со всем их имуществом в Петропавловскую крепость. Причем у моих киргис-кайсак караульского рода: Кушкелдыя, Кайдара, Тилкара, Сююндука, Дюсянтляумбета, Иркита, Бучака и Учкия, всего от 9 человек, украли было до 300 лошадей, и не доходя с ними до той крепости езды на день, оных в степи нашей и еще одною женку и двух мальчиков бросили. И как того скота хозяева, приехав туда, приступили к собранию, то Петропавловской крепости командиром г-ном бригадиром выкомандированною командою как те лошади, так и оставленные трухменцами люди взяты. При чем и киргиз-кайсакам моим учинен грабеж и из них четыре человека, связанные, увезены; из коих один, именуемый Кушкельда, бежал, а протчие трое – Иссенаман, Сарт и Басан, да и лошади поныне находятся у реченного бригадира. И так сей брегадирской народу нашему огорчительной поступок весьма прискорбен. Однако ж, надежда моя на вас в сем подает мне терпение и уверяет, что вы как тех наших лю-

дей, так и лошадей возвратить не оставите. Трухменцов же не прошу, потому что они вошли в российскую протекцию, а только прошу помянутых трех человек и при них лошадей.

Еще вашего высокопр-ва прошу капитана Брехова и находящихся при нем порутчика и переводчика Мендияра Бекчурина за справедливые и ревностные их е. и. в. службы и от двух годов от стуж и жаров претерпеваемые нужды ради меня наградить их чином с прибавкою жалованья; паки сию мою прозьбу повторяю и надеюсь, что она вами оставлена не будет. Да и при свидании нашем кроме сих троих других не употреблять, ибо сей капитан Брехов с товарищи предстал ко мне весьма порядочно, за что я вам и им изъявляю мое удовольствие.

Еще вашего высокопр-ва прошу находящегося при мне муллу Ягуду Усманова милостию вашею не оставить и определить ему погодного жалованья по 50 рублей и снабжать провиантом, которой и получать ему приказать поблизости ис Петропавловской крепости; на что ожидая ответа, желаю вам много лет здравствовать.

Во уверение ж сего своеручно печать мою приложил, которая под оным со изображением ево, Аблаева, имени чернильная и приложена.

Переводил переводчик Андрей Васильев.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 186–188 об. Перевод XVIII в. Копия перевода – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1778–1780 гг. Д. 1. Л. 211–214. Подлинник на тюрки – ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 189–190 об. Копия подлинника – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1778–1780 гг. Д. 1. Л. 208–210.

№ 338

1779 г., марта 2³⁶⁵. – Генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу

Перевод с письма, присланного киргиз-кайсацкой Средней орды от Аблай-хана чрез посланного к нему губернской роты капитана Брехова с товарищи, в Оренбурге марта 2-го дня 1779 г. полученного.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну генерал-порутчику, оренбургскому губернатору и кавалеру Ивану Андреевичу Рейнсдорпу.

Отправленное от вашего высокопр-ва на мое письмо ответное я чрез переводчика Мендияра Бекчурина за вашу печатью в целости получил, и как за оное, так и за дружеской ваш ко мне совет, приношу мою благодарность.

А что вы по всемилостивейшему ея величеству указу и его сиятельства первоначальствующего графа Никиты Ивановича Панина предписания для свидания с вами меня требовать изволите в Оренбург, то я из дружества почтеннейше вас прошу оное свидание сделать поблизости в Петропавловской крепости, ибо я не только в Оренбург, но и в Троицкую крепость ехать в разсуждении моей старости не могу и по той моей старости о нетребовании меня на столь дальное расстояние, повторяя мою просьбу, почтительнейше о сем доношу. Как те под руководством моим находящиеся солтаны и протчие лучшие люди, которые должны быть при нашем свидании, ныне пребывание и имеют от меня далее в немалом расстоянии и не менее как на месяц езды, а именно при самой китайской границе, то разсудите, на столь немалое расстояние каким образом доехать они могут, ибо и до Оренбурга толикое ж расстояние, каково теперь от меня к ним. А как в нашем киргис-кайсацком народе такового обычая, каков у вас, чтоб имелись подводы и ездить на них, нет, а каждой во все места ездит на своих лошадях, то в рассуждении сего, а особливо и потому, как и вашему высокопр-ву небезызвестно, что народ наш необузданной, и дабы те султаны и лутчие люди на столь далекое расстояние ехать не согласились и не сочли б себе то за великий труд, предварительно вашего высокопр-ва прошу то свидание сделать, как и выше значит, в Петропавловской крепости. Те ж солтаны и протчие лутчие люди в разсуждении дальнего от меня пребывания к тому

³⁶⁵ Дата получения.

собраться не прежде могут, как уже весною по выходе совершенного корма, и как я получу от вас известие, что в котором действительно месте оное свидание сделать установим, тогда и приготовиться не оставлю. Я ж во отдаленности от меня находящимся солтанам и лутчим людям при глазах вашего переводчика Мендияра послал по ямской дороге на подводах до Семиполатной крепости с данным за печатью моим повелением людей моих с тем, чтоб они ехали против реченной Семиполатной крепости к находящемуся племяннику моему Абулфиз-солтану и оттоль бы лутчих людей ко мне доставили.

На прошение мое о тысячной команде ответствовать изволили, чтоб я для усмирения мне неповинующихся киргис-кайсака и приведения их в послушание кочевье мое имел в близости линии, за что приношу мою благодарность. Однако ж, я, как ныне, так и прежде от линии вдаль не откочевывал, а всегда пребывание мое имею от Петропавловской крепости днях в трех или четырех езды; а что требовать изволили уведомления, на чтоб та команда мною просится, и в какие места она мною отправится, то хотя я в том письме и не извещал, однако чрез сие теперь дружески доношу, что я ее просил не для употребления под азиатские города, а только с тем, естли б она мне дана была, хотел было употребить я на находящихся в орде моей и живущих по реке, называемой Чу-Талаш, кыргызской народ, которого небольшое количество, и народ с места на место неподвижной, имеющий крепости и хлебопашество; да и оружие они имеют только одни ружья и копья и так, как россияна, пушек не имеют. Которые года з два назад тому, выходя из власти е. и. в. и моего послушания, кочующим близ их киргис-кайсакам делают вред и безпокойствие. Я ж бы тою вашу команду на сражение с ними не употребил, и естли б из оной хотя один человек на сражении убит был или б лошадь пала, то б я за оных заплачивать должен был, худоба ж бы лошадей и содержание той команды была на попечении моем; и по возвращении оттоль, в которое место доставить ее приказали, я б туда благополучно ее и доставил.

Начальник же того кыргызского народа называется Садыр-бием (бий – разумеется князь), а от других я притеснения ни отколь не вижу. Ласкательство мое к истребованию той из войск е. и. в. команды для того простираю, чтоб чрез то прославились наши имена, но при всем том надеюсь на ваше ко мне присланное письмо, в коем написать изволили, что при свидании вашем со мною все требования мои вами удовлетворены будут; то и не сомневаюсь, чтоб то ваше слово переменилось.

Когда ж вы свидание со мною в Петропавловской крепости иметь разсудите, то прошу меня поскорее уведомить, дабы я в окружности меня находящимся лучшим людям о том знать дать мог, да и большей бы орды ко мне ближе кочующие солтаны и лутчие люди к тому свиданию к весне быть поспешили.

А за сим при желании вам, всей вашей фамилии и вашим ближним доброго здоровья и щастливейшаго пребывания остаюсь.

И во уверение сего своеручно печать мою приложил, которая со изображением ево, Аблай-хана, имени под оным чернильная и приложена.

Переводил переводчик Андрей Васильев и под подлинным подписался.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 212–214 об. Перевод XVIII в. Копия перевода – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1778–1780 гг. Д. 1. Л. 218–220. Подлинник на тюрки – ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 223, 224 и об.

№ 339

1779 г., мая 13³⁶⁶. – Генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу

Перевод с письма, присланного киргиз-кайсацкой Средней орды от Аблай-хана, чрез переводчика Андрея Васильева мая 13-го дня 1779 г. в Оренбурге полученного.

³⁶⁶ Дата получения.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну генералу-поручику, оренбургскому губернатору и кавалеру Ивану Андреевичу Рейнсдорпу много лет здравствовать желаю.

Отправленной от вашего высокопр-ва переводчик Андрей Васильев ко мне благополучно прибыл и следующее от вас письмо мне весьма порядочно за целою печатью доставил. По прочтении коего я содержание понял, на которое сим и отвечаю. Что ваше высокопр-во писать изволили, что Петропавловская крепость состоит не в ведомстве вверенной вам губернии, и потому вы со мной свидания яко в другой иметь не можете, и когда я кроме сей Петропавловской крепости в другом месте с вами видеться не соглашусь, то оно учинено будет другими генералами. Но я сего вашего предприятия не апробую, потому разве та Петропавловская крепость не под властью всемилостивейшей государыни или вы, оною гнушаясь, быть не хотите. Я вас не требую, чтоб вы приехали в мою орду и во оной имели со мной свидание, а желаю, чтоб исполнить е. и. в. всемилостивой государыни волю. Под разными претекстами представить пред вас всех Средней и Меньшей орд и близ меня находящихся солтанов и простой народ и привести в послушание, почему и изволил сей мой секрет рассудить. И так прошу сие мое вас в Петропавловскую крепость требование принять за благо, а в протчем состоит в воле вашей, ибо я и в прежних моих письмах обо всех притчинах вашему высокопр-ву подробно кажется объявлял, о коих разве вы понять не изволили. А я ныне ради тех притчин кроме Петропавловской крепости никуда и ни под каким видом ехать не могу, за то прошу на меня не погневаться. Мне ж на такое дальное расстояние одному ехать никак не возможно, потому что принадлежащие быть при мне моего владения знаменитые и простой народ пребывания их имеют в стороне китайской около Семипалатной и Томской крепостей расстоянием по нашей киргизской езде в полуторамесячных местах. Средняя орда граничит от меня против Петропавловской крепости, потому те мои солтаны и знаменитые люди в Оренбург и в Троицкую крепость ехать не могут, ибо у нас того не узаконено, так как в России, чтоб брать с народа подводы и пищу, а только в обычаи у нас взошло то, хотя б дальнее и ближнее б было расстояние, имеют все наши солтаны и простой народ под ездю своих собственных лошадей и запас, а как мне известно, что ваши высокие персоны и знаменитые люди ездят на подводах и притом слышно, что Российская империя имеет великую обширность, да и кроме вашего высокопр-ва некоторое число высоких лиц во оной находится. Моя ж область хотя и малая, но только, по рассуждению моему, конечно, быть может против трех ваших губерний, почему хотя она и мала, токмо в ней есть я главной начальник, и кроме меня, главного в моей области нет. А в протчем, всевышнему известно, и так, когда уже называюсь я главным начальником, то потому мне туда ехать одному за изрядное я не почитаю. Ваше высокопр-во, не изволите ль подумать то, чтоб я по главному моему начальству, тщеславя себя, не имел с вами видеться и для исполнения всемилостивейшей государыни высочайшей воли и для вашей чести, не гнушаясь, еду в Петропавловскую крепость; а в протчие места отнюдь ехать не могу, на что и прошу не погневаться, потому что подвластные мне знаменитые люди кроме оной крепости никуда по притчине дальности не едут, о чем я дружественно вам доношу, а в протчем состоим в воле вашей.

Мне подчиненной народ не так, как российской ваш, а подобен он тарпанам (сие разумеются дикие лошади). Естли ваше высокопр-во сей совет мой апробуете и для свидания со мною в Петропавловскую крепость прибыть изволите, то б весьма хорошо произойти могло, и я рассуждаю, что по сему имена наши по нас в потомство останутся. В протчем извольте сами рассуждать.

Приехавшего от вашего высокопр-ва переводчика с товарищи, вруча сие, с приданными от меня людьми в Петропавловскую крепость я отправил.

В протчем со всегдашним моим к вам и ко всей вашей фамилии доброжелательством пребываю.

Во уверение сего Аблай-хан печать мою приложил, которая под оным со изображением имени ево, Аблай-хана, чернильная и приложена.

Переводил и под подлинным подписался переводчик Мендияр Бекчурин.
[Секретарь] Фаддей Чекалов.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 230–232 об. Перевод XVIII в. Копия перевода – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1778–1780 гг. Д. 1. Л. 227–229. Подлинник на тюрки – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1778–1780 гг. Д. 1. Л. 237–238.

№ 340

1779 г., июля 16³⁶⁷. – Генерал-майору Н.Г. Огареву

Перевод с письма, присланного киргиз-кайсацкой Средней орды от Аблай-хана чрез посланного к нему, хану, для вызову ево Петропавловского баталиона капитана Лилингрейна, июля 16-го дня 1779 г. в крепости Омской доставленного.

Высокородному и превосходительному г-ну генерал-майору Николаю Гавриловичу Огареву много лет здравствовать желаю.

Отправленные от вашего пр-ва ко мне люди письмо ваше з достодолжным почтением за печатью вашею в целости мне доставили, на что сим вашему пр-ву отвечаю, што мне по нижеписанным обстоятельствам с вашим пр-вом свидание иметь никак не можно. Потому: 1) что подчиненные мне киргис-кайсаки, в двухстах кибитках состоящие, ушли в подданство китайское, о которых китайской один начальник (о коем разумеется пограничной губернатор) меня из дружбы и по соседству уведомляет, что будто хан их китайской изволил ему указать с тем, что естли после сего еще на другой год ис подданства моего четыре или пятьсот дворов к нему, хану, также уйдут, то напоследок у меня в подданстве ис тех киргисцов никого оставатца не может. И так, тот начальник ко мне пишет, чтоб я помянутых киргисцов, собрав, по-прежнему к себе от них возвратил. Для коих и послал я из детей моих и братьев с лутчими людьми.

2) Из подчиненных мне киргис-кайсак, в Большой орде состоящим и около городов Туркестанта и Ташкении пребывающим, чинят называемые кыргызы несносные обиды и притеснении, т. е. нападая на них военною рукою, увозят к себе жон и детей и имение их берут. И так, те киргисцы по несносности того принуждения нашлись, приехав ко мне, слезно просить моего защищения, куда также из детей и братьев моих с лутчими людьми уже и отправил. А за ними, аще богу соизволившу, то и сам, сев на конь, на тех кыргызцов ехать готовлюсь.

3) О бухарском посланнике уведомился я, что якоб он едет ко мне с навьюченным на 24 верблюдах имуществом и со семью аргамаками, с тем намерением, чтоб я был бухарскому двору сватом. О сем же секрете вашему пр-ву дружески и по соседству моему неутайно объявляю, потому что я от давнего уже времени подданным е. и. в. нахожусь. Почему и не имею никакого в себе сомнения, также и никакого худого помышления во мне нет и не имею. И так, по вышепрописанным обстоятельствам то свидание учинить мне неможно, на што прошу и не погневаться.

В протчем при желании вашему пр-ву и всей вашей дражайшей фамилии многого здоровья остаюсь.

И во уверение сего печать мою приложил, которая под оным со изображением имени ево, Аблай-ханского сына Вали-салтана, чернильная и приложена.

Подлинное переводил переводчик Мендияр Бекчурин.

ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 272 и об., 275. Перевод XVIII в. Копия перевода – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1778–1780 гг. Д. 1. Л. 244–246.

³⁶⁷ Дата получения.

№ 341

1779 г., июля 16³⁶⁸. – Генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу

Перевод с письма, присланного киргиз-кайсацкой Средней орды от Аблай-хана чрез посланного для вызова ево Петропавловского баталиона капитана Лилингрейна, июля 16-го дня 1779 г. в Омской крепости доставленного.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну генерал-поручику, оренбургскому губернатору, разных орденов кавалеру и Оренбургского полевого корпуса главному командиру Ивану Андреевичу Рейнсдорпу много лет здравствовать желаю.

Я с вашим высокопр-вом желал бы возыметь свидание, но только тому повстречались немалые препятствия.

1. Что ис подчиненных моих киргисцов, в двустах кибитках состоящие, ушли в подданство китайское, о которых от одного китайского начальника (о котором разумеетца пограничным губернатором), яко по соседству, я уведомлен, что будто хан их китайской изволил ему указать то, что естли и впредь таковые по четыре- или по пятисот дворов моего владения во всегдашнее время к нему уходить будут, то-де ис тех киргис-кайсак в отечестве моем никого быть не может. Потом означенной начальник ко мне пишет, чтоб я тех киргисцов, всех собрав, по прежнему к себе возвратил, для чего и отправил из детей моих и братьев с лутчими людьми.

2. Во владении моем состоит Большая и Малая орда [1], ис коих Большая расположена около городов Туркестанта и Ташкента, где также находятся воюющие со мной называемые кыргызы, которые в той области кочующим моим подчиненным киргисцам чинят несносные беспокойства и претеснения, т. е. делают во всегдашнее время военную рукою на них нападения и притом захватывают к себе жон и детей и имение их; которые, не стерпя такового разорения, принуждены слезно просить моего защищения, куда от меня отправлены из детей моих и братьев с лучшими людьми, после коих и сам, сев на коня, для отечества нашего отправиться готовлюсь.

От давнего уже времени я с вашим высокопр-вом имею знакомства, так потому и к высочайшему е. и. в. двору по прежнему нахожусь в должном моем послушании. Сих же моих секретов я никак от вашего высокопр-ва не таю, надеясь притом на ваши ко мне дружбы.

Вашего высокопр-ва прошу на меня не гневаться, что я не возымел свидания. Хотя я сам отсель и отправлюсь, но только из детей моих одного с лутчими людьми в здешнем моем пребывании оставляю.

3. Вашему высокопревосходительству доношу: уведомился я, что бухарской хан [2] отправил ко мне своего посланника с навьюченным на 24 верблюдах имением и с осмью аргамаками, с тем чтоб быть мне с ним сватом, от которого уже и передовые ко мне прибыли, коего в ожидании и нахожусь.

Отправленной от вашего высокопр-ва переводчик Мендияр Бекчурин с отправленным г-ном начальствующим при нем з достодолжным почтением письмо вашего высокопр-ва мне доставил, на которое в вышеписанных терминах я и отвечал, на что прошу не погневатца.

В протчем при пожелании вашему высокопр-ву со всеми вашими подкомандующими многолетнего здравия остаюсь.

Во уверение сего Аблай-хан печать мою приложил, которая под оным со изображением ево имени чернильная и приложена.

В протчем же помянутой переводчик ваш в дополнение словесно вашему высокопр-ву донести может.

Подлинные письма переводил переводчик Мендияр Бекчурин.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 3. 1779 г. Д. 1. Л. 51–52. Перевод XVIII в. Копия перевода – ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 273–274 об. Оpubл.: КРО-2. Док. № 51. С. 100. Подлинник на тюрки – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 3. 1779 г. Д. 1. Л. 48–49.

³⁶⁸ Дата получения в Омской крепости. В Оренбурге это письмо было получено 13 августа 1779 г. См.: КРО-2. С. 100.

№ 342

**1779 г., октября 10 – ноября 7. – Военному губернатору и наместнику
Синьцзяна Илэту**

Хан казахов Аблай-хан посылает письмо цзяньцзюнь-амбаню Или. Вы справлялись о нашем здоровье. Мы здесь здоровы и в безопасности. Пусть Всевышний Аллах даст вам здоровье на многие годы.

Вы отправили через нашего человека по имени Тубет письмо. Приказав прочитать это письмо и услышав слова, заключенные в нем, мы премного обрадовались. Вы велели нам собрать у себя вернувшихся назад (*қармыш*) [1] сто человек из ак-найманов, которые, как вы сказали, пожелали стать подданными (*албату*) богдыхана (*боғда хан*) [2]. Мы согласились с этим и были очень этому рады.

В прошлом году (*бултур*) сбежали [от нас] восемь человек – четыре девушки и четыре джигита. Вы вернули нам четырех девушек и одного джигита. Не осталось ни одного человека среди казахов (*уч Алаш*), которые бы об этом не услышали, и ни одного из тех, кто, услышав это, не обрадовался бы [3].

Вы сказали, что вернули нам человека родом из казахов. Его имя Менгибай. Вы убили этого Менгибая? Он совершает много злых дел. Сообщите нам, убили ли вы его за такое поведение.

Когда я ухватился за золотой подол господина богдыхана (*изин боғда хан*) [4], моей целью было преумножить свой йурт и сделать его богатым. Если внутри города живут подданные, то те, кто живет за его пределами, разве они не подданные? Вы, живущие в городе – подданные, и мы, живущие за его пределами, – также подданные. Вплоть до Судного дня мы будем держаться за золотой подол, не отрываясь от него. Мы очень довольны Вашими действиями. Оповестите Ваши караулы, чтобы они вернули людей из ак-найманов (?) [5]. Те же, кто ушли в другие места, то им виднее. Человек, покинувший свое место, безвреден. Мне известно его прежнее кочевье. Я не говорю, что собираюсь выгнать всех, чтобы стеснить их проживание и сделать йурт бедным. Если вы решили бы так, вам пришлось бы вернуть назад сбежавших казахов. Пусть люди живут там, где они жили раньше.

У нас нет людей, которые могли бы писать по-калмыцки [6]. Если в этом [письме] есть резкость, то не судите нас строго.

[Надпись на печати]: Аблай-хан бен Бахадур Вали-султан.

Современный перевод с чагатайского турки Т.К. Бейсембиева. Подлинник – Первый исторический архив КНР (г. Пекин). 2800.5.2; 117:168–169. QL. 44.9 (1779.10.10–11.7). Опубл.: Noda J., Onuma T. A Collection of the Documents from the Kazakhs Sultans to the Qing Dynasty. Tokyo, 2010. Doc. G. P. 38–40.

№ 343

1780 г., сентября 2. – Генерал-поручику Д.И. Чичерину

а)

От нашего казахского йурта, от Аблай-хана высокопоставленному и превосходительному губернатору Тобольской губернии Денису Ивановичу Чичерину привет.

После приветствия слово пойдет о том, что в минувшем году для исследования и разбора дел киргизов на нашей стороне, [дел] Ташкента, каракалпаков и прочих и прочих наших кочевников, мы отправились [туда] [1]. Хвала Аллаху, в настоящее время все наши подданные находятся в здравии и благополучии в правление белой падишахини (ак-бипадша), все наши кочевники покорны и послушны мне. Хотя я сам нахожусь теперь в этом месте, весь наш казахский йурт, великая ставка (улуг орда) и моя семья находятся там, где вам известно.

Если будет угодно всевышнему богу, в наступающем году я надеюсь вернуться в свою ставку. А на своем месте я оставил своего старшего сына Вали-султана. В любых обстоятельствах извещайте моего сына Вали-султана о делах между русскими и казахским йуртом. Мы же, если будет нужда [...] ³⁶⁹, он даст [вам] ответ. Но прежде всего, желаю, чтобы вы поступали в делах с [нашим] йуртом строго по шариату и, пока мы существуем, не жалеете своей любви и сострадания.

Пусть вы и ваши подданные пребывают в здравии и благополучии. На этом заканчиваю.

В удостоверение сего я собственноручно приложил свою печать.

Написано 3-го числа месяца рамазан 1194³⁷⁰ в городе Ташкенте.

[Надпись на печати]: «Вали-бахадур султан бен Абулай».

Современный перевод с чагатайского тюрки Т.К. Бейсембиева. Подлинник на тюрки – ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224. Л. 460.

б)

1780 г., октября 26-го числа. Перевод с письма, присланного от киргизского Аблай-хана на имя г-на тобольскова губернатора Чичерина.

Высокородному и высокопревосходительному г-ну генерал-поручику и кавалеру Денису Ивановичу Чичерину от меня поклон.

В прошедшем году отбыл я из своего кочевья для войны на диких киргисцов, которых я унял и усмирил; да и ташкенския и карыкалпакия городки привел к себе в покорность, и теперь я со своими подвластными киргисцами нахожусь в благополучии.

Но хотя я ныне нахожусь и далеко, но на прежнем моем месте, т. е. большем кочевье, находятца мои дети и дом, и в чем ваша до меня будет надобность, то мой большой сын Вали-салтан за меня станет ответствовать, которому и изволите писать. И ежели моему сыну от киргисцов посторонних или с вашей стороны, от русских, какие будут обиды, в том прошу вас его защитить. С тем прошу, как вы первосево нас не оставляли, так и ныне сделать с ним без меня великую милость, а я на будущую весну и сам домой буду.

В протчем желаю вашему высокопр-ву и со всеми вашими подкомандующими на многие лета всякого благополучия, и для уверения печать свою приложил.

Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 224. Л. 458 и об. Перевод XVIII в.

Абулфеиз-султан (? – 1783)

Абулфеиз (Абдулфеиз, Абулфаиз, Абулфайз, Абулфеис, Абульфеиз), полные имя и титул – *Абу-л-Феиз-Бахадур-султан* (ум. в 1783) – султан, правитель рода каракерей племени найман Среднего жуза.

Сын хана Абулмамбета (1739–1770/71), младший брат хана Болата II (1771–1798) [Левшин, 2009. С. 161; КРО-1. С. 607; Андреев, 1998. С. 41, 104].

В 1742 г. в молодом возрасте был отправлен отцом в качестве аманата к джунгарскому хунтайджи Галдан-Церену (1727–1745) в ургу, где находился до начала 1744 года [Моисеев, 1991. С. 126–127, 132, 137]. После возвращения из Джунгарии стал управлять родом каракерей племени найман Среднего жуза и вместе с подвластными группами казахов кочевал в восточной части Степи, на границе с кочевьями ойратов, а позднее – с Цинской империей, в

³⁶⁹ Несколько слов не разобрано.

³⁷⁰ 2 сентября 1780 г.

горах Шынгыстау, по рекам Аягоз, Кокше, Шынгыс, и также на левой стороне Иртыша напротив Семипалатинска по реке Шаган (совр. Аягозский, Абайский, Бескарагайский районы Восточно-Казахстанской области и территория городского акимата Семипалатинска) [Андреев, 1998. С. 41–42, 148–149; Док. №345 данного издания]. В 1757 г. совместно с султаном Абылаем установил дипломатические отношения с Цинским Китаем и отправил своих посланников в составе общего казахского посольства в Пекин к императорскому двору [ЦИКХ-2. С. 141, 143–144]. В течение последующих десятилетий постоянно поддерживал политические и торговые отношения с синцзянскими властями.

Параллельно с этим проявил себя, начиная с 1760-х гг., последовательным сторонником развития устойчивых экономических и политических связей подвластных ему родов Среднего жуза с Россией. В январе 1762 г. Абулфеиз официально обратился к императору Петру III с просьбой об учреждении стационарного пункта меновой торговли русских и среднеазиатских купцов с кочевниками-казахами [Док. № 345 данного издания]. На основании этого прошения царское правительство приняло соответствующий указ об организации торговых отношений с казахами Среднего жуза в районе Семипалатинска, в результате чего летом 1764 г. в 15 км от крепости на левом берегу Иртыша был обустроен меновой двор и положено начало регулярному торговому обмену приезжих российских, среднеазиатских и кашгарских купцов с местным кочевым населением [Левшин, 2009. С. 244; Аполлова, 1976. С. 322–328]. В 1764–1783 гг. султан Абулфеиз активно содействовал развитию транзитной караванной торговли России со странами Средней Азии и Восточного Туркестана через кочевья подвластных ему родов Среднего жуза. По общему признанию современников, он «весьма довольно в бытность свою приохотил выходить в Семиполатную [крепость] купеческих ташкентских и бухарских караванов, коих и приказывал препровождать всегда знатнейшим старшинам или же своим сыновьям» [Андреев, 1998. С. 40].

Отличаясь твердым и решительным характером (по определению цинских чиновников, – «строптивым и надменным»), Абулфеиз-султан, вместе с тем, был прагматичным, рассудительным и эмоционально уравновешенным («тихого нрава») человеком [ЦИКХ-2. С. 79; Андреев, 1998. С. 40]. Благодаря этим личным качествам ему удалось поддерживать на протяжении более 40 лет относительно стабильную общественно-политическую обстановку на востоке казахских кочевий и развивать взаимовыгодные торгово-экономические и политические взаимоотношения казахов Среднего жуза с ближайшими иностранными соседями. По утверждению лично знавшего этого правителя военного инженера и компетентного семипалатинского краеведа капитана И.Г. Андреева, Абулфеиз «во время своего владения почитался во всей Средней орде наизнатнейшим и разумнейшим» и пользовался большим уважением среди подвластных ему казахов-кочевников [Андреев, 1998. С. 40, 42].

Султан умер в своих кочевьях в 1783 г. Год спустя сын этого властителя Бопы-султан отвез его останки в город Туркестан и похоронил здесь в мавзолее Ходжа Ахмета Ясави [там же. С. 40]. Абулфеиз был женат одним браком на дочери хана Нуралы, а другим – на вдове хана Барака волжской калмычке, с которой познакомился на его поминках в 1750 году. От разных жен имел сыновей: Бопы (Пула, Пупы), Жошы (Джучи), Шынгыса (Чингиза), Агадая, Шамамета (Шамагмета) и пасынка со стороны бывшей жены Барака Канкожу (Хан-Ходжу) [там же. С. 42, 104, 158; Коншин, 1900. С. 15–16, 44–45 и др.; Бөкейхан, 1995. С. 114–115].

№ 344

1758 г. – Цинскому посланнику Нусану

Письмо Абулфейза³⁷¹. Знайте, что здоровье и благополучие Нуу амбана и военачальников [хорошее]. Отправляя назад Буруда и троих [сопровождающих] верхом, проследите, [чтобы их снабдили] одним конем и провизией.

[Надпись на печати]: Абу-л-Файз-Бахадур-султан.

Транслитерация:

/1/ Abulbeyis-jiyin bičiq nuu ambun bolōd cerigiyin noyon sādiiyin

/2/ mendü amur medege-ji burudiy gi yurбуulai gi хариyudi unā

/3/ zaruji nige morin beq könösön dūni хараqtun

Современный перевод с ойратского литературного языка Н.С. Яхонтовой. Подлинник – Первый исторический архив КНР (г. Пекин). 1735.10. QL. 23.12.14 (1759.1.12). Приложение к маньчжурской хронике Дин Чана. Оубл.: Чжунго ди лиши дан ань гуань. Хасакэ сыдянь дунфансюэ яньцзюсю [изд.]. Циньдай чжунха гуаньси дан ань хуэйбянь. [Коллекция архивных документов, касающихся казахско-китайских отношений времени династии Цин.] Т. 1. Бэйцзин [Пекин]. Чжунго дан ань чубаньши, 2006. С. 199; Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. 3 т. Цин патшалық дәуірінің мұрағат құжаттары. Алматы, 2006. № 14 құжат. 209 бет; Noda J., Onuma T. A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. Tokyo, 2010. Doc. B. P. 17.

№ 345

1762 г., января 21. – Императору Петру III

а)

Могущественному и державному великому падишаху, самодержавцу всероссийскому, его величеству государю императору Петру Федоровичу и проч., и проч., и проч., также и наше покорное донесение.

Издавна, т. е. еще покойный, благородный и способный наш дед Тауке-хан сделался подданным великого падишаха – его императорского величества и направлял к его высокому двору своих людей. Также наш отец Абу-л-Мамбет-хан посылал с прошением людей. Однако с тех пор, как около нас сурсуты и калмаки вели [между собой] войну, при таком положении мы не могли направлять посланца [к вашему двору]. Теперь вокруг стало спокойно, и в согласии с именитыми, почитаемыми и уважаемыми людьми нашего народа Среднего йуза мы для направления к вашему высокому двору вместе с нашим донесением поклона [с припаданием] к вашим высочайшим стопам снарядили своих людей. Находясь поблизости от моего высокопочтенного тестя Нур-Али-хана я прибыл [к нему] и для доказательства покорности и подданства нашего народа [вам] и истинности [сего] направил [своих людей] вместе с людьми упомянутого хана [с поклоном] к вашим высочайшим стопам. Мы с нашим народом Среднего йуза готовы выполнить для вас любые услуги. А сами мы со своим народом кочуем по берегам рек Айагуз, Кокшала, Чингыз [и] Чаган [1].

Преклоняя головы к вашим высочайшим стопам, мы просим вашего повеления впредь направлять [нам] наши разнообразные прошения и получать ответ через расположенную поблизости от нас крепость Самай-Болат [2]. А еще люди Аблай-султана [из племени] аргын Среднего йуза производят выгодный торг через Троицкую [крепость]. Троицкая крепость удалена от нашего народа, [поэтому] туда [от нас] могут приезжать для торговли раз в два-три

³⁷¹ Согласно тексту письма, его отправителем был султан Абулфеиз. Письмо заверено печатью также Абулфеиза. Но в маньчжурской хронике Дин Чана, к которой приложен публикуемый документ, указано, что это – «письмо Аблая, адресованное Нусану и другим». См.: Noda J., Onuma T. A Collection of the Documents from the Kazakhs Sultans to the Qing Dynasty. Tokyo, 2010. P. 18 (Commentary).

года. Из-за удаленности народ наш: Среднего йуза – найманы [и] уйшуны и весь Старший йуз – в той Троицкой [крепости] торговать не могут. Поэтому мы подносим к вашим высочайшим благосклонным стопам прошение [о том, чтобы [для] разрешения] торговать нашему народу вы оказали высочайшую милость и передали августейшее распоряжение расположенной поблизости от нас крепости Самай-Болат, и ожидаем вашего высочайшего [на то] повеления. Если будет дан йарлык с указом торговать в той крепости Самай-Болат, то так как отец наш Абу-л-Мамбет-хан является ханом в местности Туркестан, то через него приезжие из Туркестана, Ташкента, Кашгара и Йаркенда купцы имели бы [от этого указа] большую выгоду. Мы уповаем на вашу высочайшую милость.

И, наконец, для передачи поклона благородным стопам вашего падишахского императорского величества я отправил Баймирза-батыра, Худайбергена и Даргучи.

Во уверение сего ваш покорный слуга Абу-л-Файз-султан собственноручно приложил мою печать.

Написано месяца дальв 21-го числа 1762 г.³⁷²

Современный перевод с чагатайского тюрки Т.К. Бейсембиева. Опул.: ЦИКХ-2. Док. № 113. С. 25–26. Подлинник на тюрки – АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1762 г. Д. 8. Л. 22 и об. Опул.: КРО-1. С. 636–637.

б)

Перевод с листа на татарском языке, писанного на всевысочайшее имя е. и. в. киргизкайсацкой Средней орды от сына Абулмамет-хана Абулфеиз-солтана, чрез возвратившегося от киргизкайсацкого Нурали-хана нарочно посыланного к нему, хану, переводчика Якова Гуляева в Оренбурге генваря 30-го числа 1762 г. полученного.

Всепресветлейшему державнейшему великому государю императору Петру Федоровичу, самодержцу всероссийскому и проч., и проч., и проч., всеподданнейшее прошение.

Издавна, а имянно еще во время покойного прадеда моего Тявки-хана, к высочайшему двору в. и. в. люди наши посылаемы были; во-первых, оной прадед мой Тявка-хан, при жизни ево пришед в подданство в. и. в., к высочайшему двору вашего величества людей ево посылал, а потом и отец мой Абулмамет-хан также к высочайшему двору вашего величества с прошением ево людей ево посылал же. Но как от того времени около нас обитавшие чурчуты и калмыки имели войну, то после того за тем препятствием мы людей наших посылать уже не могли. А как ныне от тех окрестных народов стало быть нам покойно, то Средней нашей орды знаменитые люди учинили совет и положили на нем, чтоб к высочайшему двору в. и. в. для отдания всенижайшего поклонения послать с прошением нашим людей наших, которых и нарядили. И я, будучи у тестя моего высокостепенного Нурали-хана, для представления издавна продолжающей подданнической моей верности с людьми реченного Нурали-хана к высочайшему двору вашего величества и послал. А мы со всем Средней орды народом остались и находимся ко всяким вашего величества службам в готовности, имея кочевье наше с народом нашим по речкам, называемым Аягузе, Кукшал, Джангызу да Чагану.

Всеподданнейше в. и. в. прошу всевысочайше указать впредь после сего всякие наши прошения к высочайшему двору вашего величества посылать и пересылку людей чинить в стоящую поблизости кочевания нашего Семипалатную крепость. И хотя Средней орды ведомства Аблай-солтана аргинцы торг свой с их пользой в Троицкой крепости производят, токмо она Троицкая крепость от народа нашего весьма удалена, в которую народ наш за дальностию в три года только единожды ездят и торгуют; а протчей наш Средней орды народ, а именно: найманцы и уйсунцы, и вся Большая орда в той Троицкой крепости торг производить и не могут. Того ради к высочайшему двору в. и. в. о том всеподданнейше доношу и прошу высочайше и всемилостивейше повелеть народу нашему торг производить в стоящей поблизости

³⁷² Здесь дата «21 дальва» соответствует 21 января 1762 г. (Прим. переводчика.)

кочевья нашего Семипалатной крепости, которого высочайшего вашего величества повеления мы и ожидать имеем. И когда в той Семипалатной крепости торг производить указано будет, то понеже отец мой Абулмаметь-хан находится в городе Туркестанте ханом, чрез которого б к торгу из Туркестанта, Ташкента, Кашгарии и Яркента ездящим купцам весьма имело быть полезно. И тако о высочайшей в. и. в. милости со упованием нашим остались, для отдания ж всеподданнейшего нашего поклонения к высочайшему двору в. и. в. посланы от нас Баймурза-батырь, Худайберган да Юргучя.

Во уверение ж сего я, Абулфеиз-солтан, своеручно печать мою приложил.

Под оным письмом чернильная печать приложена со изображением в ней имени ево, Абулфеиз-солтана.

Писано генваря 21-го дня 1762 г.

Переводил переводчик Яков Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1762 г. Д. 8. Л. 20–21 об. Перевод XVIII в. Опубл.: КРО-1. Док. № 248. С. 635, 638.

№ 346

1762 г., января 21. – Канцлеру графу М.И. Воронцову

Перевод с татарского письма киргиз-кайсацкой Средней орды Абулмаметь-хана от сына ево Абулфеиз-солтана, чрез возвратившегося от киргиз-кайсацкого Нурали-хана нарочно посланного к нему переводчика Якова Гуляева в Оренбурге генваря 30-го числа 1762 г. полученного.

Высокопревосходительному г-ну действительному тайному советнику, лейб-компани прорутчику, действительному камергеру и кавалеру, его высокографскому сиятельству Михайле Ларионовичу Воронцову прошение.

Понеже я собственно от себя и от всей Средней орды народа нашего к высочайшему двору е. и. в. послал прошение мое, того ради и вашего высокопр-ва всенижайше прошу то мое прошение к высочайшему двору е. и. в. милостиво донести и особое ваше об нем попечение приложить. А как мы с народом нашим кочевье ныне имеем по речкам Аягузе и Кукшалу, то б повелено было людям нашим переезд иметь в состоящую по близости кочевания нашего Семипалатную крепость, да и с сим посланных людей наших при возвращении их к нам пожаловать чрез то же Семипалатную крепость возвратить. А с тем, яко же и с сим моим прошением, послали мы Баймурзу-батыря, Худайбергана да Дергучия. В протчем вашему высокопр-ву с моим истинным усердием и почтением пребываю, киргиз-кайсацкой Средней орды Абулфеиз-солтан, сын Абулмаметь-хана.

Во уверение сего я, Абулфеиз-солтан, своеручно печать мою приложил.

Под оным письмом чернильная печать приложена со изображением в ней имени ево, Абулфеиз-солтана.

Писано генваря 21-го дня 1762 г.

Переводил переводчик Яков Гуляев.

АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1762 г. Д. 8. Л. 31 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на турки – там же. Л. 43 и об.

№ 347

1763 г., июля 12. – Коменданту Семипалатинской крепости

1763 г., сентября 24-го дня перевод с двух писем, от Абулфеис-салтана присланных, в которых оказалось.

В 1-м

О ее императорского величества, благополучно ли живет и здорово ли, для знания послал от себя, чтоб от е. и. в. известия привезли, ваш брат Абулфеяс-салтан для нужды Баймурзу-батыря и Ерылгаш-батыря для знания послал в третьем году к е. и. в. Посланы были посланцы от е. и. в., нам велено, как в Оренбурге, так и в Семиполатной, на товар сатовать. Нашим с российских приказано было, в прошлом году в июле месяце послан был на сатовку, и сатовки там нет и назат возвратили. Да в прошедшем августе месяце Баймурза-батырь послан был, но он не попал чрез реку и возвратился; и вторично послал Баймурзу-батыря для знания, подлинно будет ли али нет сатовка и велел ему скоро возвратитца.

Обеим печать черная.

Переводил толмач.

Во 2-м

Ея императорского величества здравия, семиполатному маеору Баймурза-батырь послан; в прошлом году от е. и. в. повелено оренбургской казны в Семиполатной крепости сатовку иметь; в прошлом году шездесят лошадей я посылал, чтоб сатовать, то посланной человек сказал – ныне сатовки нет и возвратился, и ныне послал достоверно знать Баймурза-батыря и Ерылгаш-батыря, обеих послал, чтоб с тем посланным в Семиполатной крепости подлинно сказали, будет ли, нет ли сатовка.

Июля 12-го дня писано: тобольской служивой татарин.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 116. Л. 218 и об. Перевод XVIII в. Копия.

№ 348

1765 г., сентября 23³⁷³. – Командующему войсками на пограничных линиях и отдельным Сибирским корпусом генерал-поручику И.И. Шпрингеру

Перевод с присланного от Абулфеис-салтана на их диалекте письма чрез за толмача тобольского служилого татарина Тажбулата Зарывкина 1765 г., сентября 23-го числа.

Великому белому царю желаем лет много здравствовать и исполнявшему повеление ея [величества] г-ну командующему генералу нижайший поклон. Что я в прошедшем году об отправлении ко двору посланного от меня старшину Худайберды-батыря требовал совету, на то вы и соизволили обнадеживать. Когда надо от ея величества получить известие, то и мне объявите, а когда оное я получил, да и чрез кого прочесть было можно, то таковых у меня письменных людей не имеетца. Однако о всем том, мною требуемом, прошу мне объяснить. Еще ж я просил в крепости Св. Петра у командующего письменно, чтоб мне кочевать в близости оной, но и на то ничего не получил, а мы уже от китайцов великое утеснение кочеванием имеем и для того паки прошу о том зделать нам за здравие Ея всемилостивейшей государыни, где кочевать, определение, которого чрез посланного при сем Худайберды-батыря в пяти человеках из Семипалатной крепости и ожидаю. Да и в покраденных у меня лошадях уведомите.

Месяца равезаля 1-го числа 1765 г.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 115 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 116 и об.

³⁷³ Здесь дата «21 дальва» соответствует 21 января 1762 г. (Прим. переводчика.)

№ 349

1767 г., июня 19³⁷⁴. – Генерал-поручику И.И. Шпрингеру

Белого государя командующему генералу всенижайшее почтение. И притом объявляю, что я с своими киргисцами без малого три года находимся в походе и, окончив все свое надобное дело, назад прибыл и сие письмо до вас послал. Я же к белым государыне намерен послать посла, да и назад тому уже четвертый год вы изволили чрез киргисца Худайберде-батыря обещать, что когда-де к тому удобное время будет, то бы меня уведомить. О чем и прошу ныне сим письмом, если на то способное время будет, уведомить вскорости. Да и в крепости Семипалатинской

приказать под того посла дать подводу, а что касается о всех киргизских нуждах, то показанный посол персонально объявить может.

В чем во верность Абулфеис-султан печать свою черную приложил.

Перевод XVIII в. Оубл.: ТГВ (часть неофиц.). 4 августа 1861. № 30. С. 226.

№ 350

1769 г. – Военному губернатору и наместнику Синьцзяна Юн Гуя [1]

Абу-л-Фейз ван (*ванг*) [2] преподнес письмо (*фичик тутты*) цзяньцзюню [3]. От великого императора (*улуг азин*) пришло письмо. Я поклонился и принял его. Открыв грамоту (*йарлыг*) и увидев ее, я очень обрадовался. В грамоте предписывалось отправиться мне за свои пределы, взяв с собой хорошего человека, чтобы можно было закончить дела с амбанями [4]. Я отправил со своим письмом в Чугучак [5] Йучи гуна (*гунг*) [6]. Согласно предписанию хана [7] я должен был отправиться за пределы [своей кочевки]. Обрадовавшись этому, я отправился туда и преподнес (*бардым кутарып туттым*) [письмо].

Двадцать пятого числа десятого месяца Йучи гун отправился.

[Надпись на печати]: Абу-л-Фейз Бахадур-султан.

Современный перевод с чагатайского тюрки Т.К. Бейсембиева. Подлинник – Первый исторический архив КНР (г. Пекин). 2339.15; 86:3364. QL. 34. Приложение к маньчжурской хронике Юн Гуя и Шухэдэ. Оубл.: Noda J., Onuma T. A Collection of the Documents from the Kazakhs Sultans to the Qing Dynasty. Tokyo, 2010. Doc. С. P. 22.

№ 351

1771 г., октября 9–10. – Амбаням Тарбагатая

Пребывающим в области (*йурт*) Тарбагатай амбаням цзян-цзюня от Абу-л-Фейз-вана привет!

Далее, я прослышал о том, что от находящегося в Или цзян-цзюня [к вам] прибыл Кока дзасак (*джучак*) (?). Я послал справиться о вашем здоровье Бурут батыра [1] с двумя лошадьми и с подарками (*белек бирлан*)³⁷⁵.

Во времена, когда в Ташкенте был Абу-л-Мухаммад-хан, мы получали оттуда все необходимое. Вот уже два-три года, как киргизы стали врагами. Дорога туда и обратно закрыта. Здесь нужна была пшеница (*гурундж*) и мука (*ун*).

³⁷⁴ Дата получения.

³⁷⁵ В текстах на среднеазиатском тюрки это слово встречается чаще в форме *bīlāk/būlāk*. (Прим. переводчика документа).

Это письмо написано двадцатого числа месяца сунбула³⁷⁶. Я отправил это письмо с Байыром³⁷⁷ [2].

[Надпись на печати]: Абу-л-Фейз-Бахадур-султан.

Современный перевод с чагатайского тюрки Т.К. Бейсембиева. Подлинник – Первый исторический архив КНР. № 2467–015; 095–3123. Опул.: Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. 3 т. Цин патшалық дәуірінің мұрағат құжаттары. Алматы, 2006. 273 б.

№ 352

1771 г., октября 9–10. – Амбаням Или

Пребывающим в Или амбаням цзян-цзюня от Абу-л-Фейз-вана благословение и привет!

Далее, для встречи с богдыханом (*Боғда-азин-хан*) отправляется Йучи гун. Болат-хан [также] едет послом. Поскольку Йучи гун хворает, мы просим у амбаней цзян-цзюня позволить ему проехать по уласутайской дороге (*Уласутай йулы*).

Это письмо написано двадцатого числа месяца сунбула.

[Надпись на печати]: Абу-л-Фейз-Бахадур-султан.

Современный перевод с чагатайского тюрки Т.К. Бейсембиева. Подлинник – Первый исторический архив КНР. № 2467–015; 095–3123. Опул.: Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. 3 т. Цин патшалық дәуірінің мұрағат құжаттары. Алматы, 2006. 274 б.

№ 353

1772 г., сентября 5³⁷⁸. – Командиру отдельного Сибирского корпуса и пограничных линий генерал-поручику И.А. Клапье де Колонгу

Перевод, учиненной в пограничной его высокопр-ва г-на генерал-порутчика и кавалера Ивана Александровича Деколонга канцелярии с присланного киргис-кайсацкой Средней орды от старшины Абулфеиз-салтана письма чрез толмача Маметияра Кучеярова.

При корпусе главному командиру г-ну генерал-порутчику и кавалеру Ивану Александровичу ДеКолонгу нижайший поклон.

Чрез сие вашему высокопр-ву доношу: как мой брат Аблай-солтан, так и протчие старшины получают определенное им е. и. в. жалованье, об определении коего и мне покойному г-ну генерал-порутчику и кавалеру Шпрингеру прозьба произнаема была, которой и обещал, чтоб представить в вышнее правительство. И как означенной г-н генерал-порутчик и кавалер Шпрингер помре, то и прозьба моя осталась втуне. По которой ныне произнесенной от меня прозьбе вашего высокопр-ва нижайши прошу представить в вышнее правительство или соблагволяете приказать мне от себя послать нарочного в Москву, протчие ж старшины услуги и приращения менее чинят. А я заслуживаю тем, что нередко случаютца для мены ваши российскийские купеческия караваны до Ташкени и протчих мест, коим я всегда делаю пространный путь и довожу до тех мест, куда они следуют, отчего Россия получает большой прибыток. И как

³⁷⁶ Месяц сунбула (дева) начинается 20–21 сентября. Письмо, вероятно, датируется 9–10 октября. (Прим. переводчика документа).

³⁷⁷ Посланные Абулфеиз-султана султаны Бори (Буруд, Бурыт) и Баир (Баяр) доставили это письмо и письменное послание, адресованное амбаням Или (см. док. № 331 настоящего сборника), тарбагатайскому амбаню Илэту в начале сентября 1772 г. Подробные сведения о дате и конкретных обстоятельствах получения обоих писем адресатами приведены в донесении амбана высшим цинским властям, датированном 14 сентября 1772 г. См.: Қазақстан тарихы туралы қытай деректемелері. 113–116 беттер.

³⁷⁸ Дата получения.

ваше высокопр-во об определении мне против протчих моей братьи жалованья от себя куда надлежит представить изволите, то нижашаи прошу меня уведомить.

Наперед же сего дед и отец мои имели збор с ташкенских товаров пошлин, а ныне я от них нисколько тех пошлин не получаю, почему и прошу вашего высокопр-ва приказать во время приезде на меновой двор в крепость Семипалатную из моих подвластных старшин, выбрав, для збору с ташкенцов тех пошлин определить. Посыланным же от меня в ваши крепости для случающихся нужд посланцам командуя в тех местах, куда они приезжают, не делают [им] никакого благоприятства, кои по возвратном ко мне пути произносят, просят, ис чего и признаетца как им, так и мне большое недружелюбие и непочтение. С сим письмом отправлен в крепость Семипалатинскую старшина Худайберды-батырь.

И во уверение печать свою черную приложил.

Переводил старший толмач Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 176. Л. 167 и об., 170. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 168 об.

№ 354

1775 г., июня 4 (мая 7?) – Амбаню Чугучака Цин Гую

Пребывающему в Тарбагатае и Чугучаке амбаню от Абу-л-Фейз-вана благословение и привет[1]!

Далее, в год змеи [2] я отправился в йурт моего отца Абу-л-Мухаммад-хана, чтобы встретиться с ним. После этого осенью года лошади [3] я вернулся домой. Пришли казахи и сообщили: «От императора [4] вам письмо, его везет Бурут». Но письмо до нас не дошло. Ожидая это письмо, я опоздал на встречу с вами. Я послал Бопе (Фуфи) [5], чтобы он, молясь (*тілеп кір деп*) за здоровье императора, встретился и познакомился (*курушуп танушып кір деп*) с амбанями. Тубет [6] передал нам посланные императором четыре шелка (*турғун*). Но письма нет.

От Абу-л-Фейз-вана амбаню в подарок (*белек*) одна лошадь и двум другим амбаням в подарок (*белек*) две лошади. От Бопе-торе и Хан-ходжи [7] амбаню в подарок одна лошадь. От Джучи [8] амбаню в подарок одна лошадь.

Написано в седьмой день в сезон скорпиона [9].

[Надпись на печати]: Абу-л-Фейз Бахадур-султан.

Современный перевод с чагатайского тюрки Т.К. Бейсембиева. Подлинник – Первый исторический архив КНР (г. Пекин). 2637.6; 106:1094. QL. 40.6.19 (1775.7.16). Оубл.: Noda J., Onuma T. A Collection of the Documents from the Kazakhs Sultans to the Qing Dynasty. Tokyo, 2010. Doc. E. P. 31–32.

№ 355

1777 г., февраля 9³⁷⁹. – Командующему войсками на сибирских пограничных линиях

генерал-майору А.Д. Скалону

Перевод, учиненной в пограничной его пр-ва г-на генерал-майора и кавалера Антона Даниловича Скалона канцелярии с писем, присланных от Абулфеис-солтана.

Всепресветлейшая державнейшая великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския и проч., и проч., и проч. Находящемуся в крепости Ом-

³⁷⁹ Дата получения.

ской г-ну генералу от Абулфеис-солтана нижайший поклон.

При прежде бывшем покойном г-не генерал-порутчике часто от меня для объявления старшины в Омск отправлялись, и какие от него, генерал-порутчика, приказании были, то тем посланным от меня старшинам персонально объявлял. А ныне для разговору до вашего пр-ва старшин никоим образом доставить не могу, и ныне между киргисцами и российским народом большее воровство состоит, потому что многие торгуют в непоказанных местах. А когда в летнее время приезжают для торгу ташкенцы и бухарцы, то со оных за перевоз збирают по мерлушке, а когда больше у ково окажется товаров, то и более, и не только с тех ташкенцов и бухарцов, но и с посланных от меня старшин также по мерлушке берут. И от находящегося в крепости Семиполатной за толмача российского человека тем приезжающим ташкенцам и бухарцам великие обиды происходят, и чтоб был из татар толмач. И прошу, чтоб приказать по форпостам и станцам русским с киргисцами сатовку запретить, потому что по большей части киргисцы променивают как коров, быков и лошадей воровски. А естли кому надобно сатовку производить, то дозволить в показанных местах, т. е. в крепости Семиполатной и прочих крепостях. Да сверх тово еще, где не надобно быть аманатам, то пристрачивают киргисцов к захвату в те в аманаты, и за то берут с них хороших лошадей. И что от них, командующих, по тем форпостам и станцам происходит, то вашему пр-ву, так же и г-ну полковнику, неизвестно. И при прежде бывших генералитетах между русскими и киргисцами никакова воровства и потаенной сатовки никогда не бывало, а ныне почему зделались, я неизвестен.

А особливо, где находится в крепости Иван-батырь русской, от него больше киргисцам обиды происходят. И называемого Хутеберген-батыря сына Байталака, призвав к себе обманом, и держал в темноте два месяца и при выпуске сек батогом немилосердно, которой, не доехав до своего улуса, умер. И сие ваше пр-во рассмотря, что вам обо всем вышеписанном разсудитца, меня прошу уведомить. С сим письмом от меня отправлен Буфи-солтан, Якуп и Кутайберда. Да сверх оных посланы с муллою, тарским татаринном, Тлеу Еле[...]дис³⁸⁰-батырь, Итибай-батырь, Цацы-батырь, Бисаул-батырь, Байбул-батырь, кои посланы для жалованья. Для чего и черную печать свою приложил. Да сверх того прошу уведомить, что з дозволения ли вашего купцы ездят в улусы или ково другога, только печать на пропусках полковничья, а не ваша. А с сыном моим вашему пр-ву посылаетца кожа барсовая [1].

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 241 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 242 и об.

№ 356

1777 г., марта 14³⁸¹. – Генерал-майору А.Д. Скалону

1777 г., марта 14-го числа перевод с письма, присланного от киргисского старшины Абулфеис-салтана.

Высокородному и превосходительному г-ну генерал-майору и кавалеру Антону Даниловичу Скалону нижайший поклон.

Кочующие по Иртышу-реке близ российских крепостей киргисцы разных волостей, приехав ко мне, приносят жалобы, что покрадено из их табунов российскими людьми триста лошадей; но хотя они и жаловались мне во оной потере, однако я им не поверил, а прошу вашего пр-ва приказать от себя по линии командующим предложить: в самом ли деле они ко мне прозьбу приносят и где у них такой захват зделан? А может иногда у показанных киргисцов столько лошадей взято либо за потраву сен и хлебов, или за что другое, и что последует, меня уведомить. С сим письмом отправлен от меня нарочно старшина Хутайберда-батыр с

³⁸⁰ Часть слова запачкана чернилами.

³⁸¹ Дата перевода.

тою прозьбою, чтоб онного и з будущим при нем муллою отпустить до города Тобольска.

По прежнему письму обещал я вашему пр-ву послать барсовую кожу, а губернатору Чичерину – ягу рысью. Однако кожу барсовую с ним, Хутайбердою, я послал до вас, которую и прошу принять; а яга прислана будет после.

В протчем, при пожелании вам всякого благополучия и для уверения печать свою черную приложил.

Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 434 и об. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 435 и об.

№ 357

1777 г., мая 11³⁸². – Коменданту Семипалатинской крепости полковнику И.Т. Титову

1777 г., мая 11-го числа перевод с трех писем, присланных от киргисского старшины Абулфеис-салтана, чиненной в пограничной его пр-ва г-на генерал-майора и кавалера Антона Даниловича Скалона канцелярии.

Господину полковнику и кавалеру Илье Тимофеевичу нижайший поклон.

Письмо ваше я получил исправно, на которое приношу мою благодарность. В бытность посланного от меня Кутайберды-батыря в крепости Омской у г-на генерал-майора и кавалера Антона Даниловича Скалона приказано было ему при отъезде, чтоб для осмотра в вашей стороне оставших от киргисских табунов упалого и остающего за худобой шатающегося скота взять российских людей пять человек и обще с киргисцами тот осмотр учинил с тем, естли сколько найдется живых, то б оных перегнал в киргискую степную сторону и сколько от худобы пропало, то чтоб те киргисцы сами могли видеть. А ныне приезжал ко мне киргизец Уваковской волости Умир, жаловался мне, что когда посылана команда была для згону табунов, и находился тогда за толмача из российских людей, один заколол свою лошадь сам копьем, а ис табуна поймал киргискую, которая и ныне у него; да при том згоне по изнурении тех табунов пало из оных пятнадцать лошадей, да из оной же команды побросали много своих лошадей, а на место их взяли онного ж киргисца Умира ис табуна, а те оставшие российскими людьми при згоне табунов лошади, всего 18, и ныне находятца в той Уваковской волости у показенного киргисца Умира в табуне целыми, почему я показанных просителей киргисцов и послал к вам, чтоб вы их удовольствовали; сверх же сего, когда бывают посланные от меня к вам сыновья или другия старшины с прозьбами, куда им надобно, то вы их скоро никогда не отправляете.

Почему бы было сие, что старшина Ишперда отправлен был до Тобольска, которому от меня никакого приказания, тож и в отпуске позволения не было, а мои, когда прозьбу приносят, то вы тогда отговорки приносите, что и губернатора дома нет, и почитаете вы меня за маленького ребенка. О выбежавших же к вам от нас пленников тож приносите отговорки, что оныя окрестились и выдать невозможно. А мои услуги всегдашню доходят всемилостивейшей государыне, что когда бывают у нас ваши купцы для торгу, то я оных принимаю и отправляю всегда за препровождением своих людей.

Посыланную от вас посылку я получил исправно, а имянно: черную лисицу, кусок бархату, на кафтан кармазину, кирпичнай чай и зеленого одну бакчу кишнец и десять фунтов сахара, за что и приношу покорнейшую благодарность и что по сему моему письму от вас последует,

³⁸² Дата перевода.

прошу меня уведомить.

Сие письмо следует г-ну полковнику и кавалеру Илье Тимофеевичу Титову и хотя оно послано без конверта и бес печати, прошу не осудить.

Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 665 и об. Перевод XVIII в.

№ 358

1777 г., мая 11³⁸³. – Полковнику И.Т. Титову

Приезжают ко мне из бухарцов и киргисцов многия з жалобами, что когда они бывают в приезде в крепость на сатовку, то отнимают у них ис калмык работников, а те бухарцы оных у киргисцов покупают за немалую цену. Нежели так впредь от них отниматца будут, то могут претерпеть крайнюю обиду. Письма же ваши ко мне часто доходят, [в] коих просите всегда о выдаче российских людей, но я хотя об оных скрытно от киргисцов к отыску и домогаюсь, но они, киргисцы, объявляют мне, что-де наших беглых калмык русские не отдают, так-де и у нас их людей никого нет. Но хотя б я кратчи отнять таковых пленников от них и мог, но только никоим образом не можно потому, что у них в плену много других земель людей и калмык, что они крепко во оных почитают себе за обиду; и прошу по сим моим прозьбам зделать самим исполнение, а ежели мне обо всем оном писать к г-ну генералу, то почтете себе за жалобу и во огорчение.

Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 669. Перевод XVIII в.

№ 359

1777 г., мая 11³⁸⁴. – Полковнику И.Т. Титову

Когда посыланной от меня старшина Худайберда будучи у вас, изволили с ним приказывать в отыске и выдаче вашева капитана Дудина, то я по вашему приказанию тогда ж к отыску оногo послал от себя по всем улусам нарочных, кои еще и поныне не возвратились, и когда возвратятца, тогда и вас уведомить не оставлю. О чем сверх оногo приказано от меня приезжающим ис Туркестанта братьям, детям Булат-хана [1], которые отправлялись с вашим бухаретином Алимом Шиховым обратно в Туркестант с тем, чтоб и они, как наивозможно, об оном капитане к отыску разведывали. И так я ныне по траве ожидаю к себе оттоль приезжающих бухарцов, и какое от них известие получить могу, тогда и вам дать не оставлю.

В чем для уверения при всех трех письмах и печати приложил.

Переводил толмач Маметияр Кучеяров.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 206. Л. 669 и об. Перевод XVIII в.

№ 360

1778 г., мая 23³⁸⁵. – Полковнику И.Т. Титову

Управляющему командой по повелению е. и. в. полковнику поклон.

В прошедшем году отпущен был татарин Ичкиня с товарищем своим Курманом к нам для

³⁸³ Дата перевода.

³⁸⁴ Дата перевода.

³⁸⁵ Дата перевода.

торгу, ныне оные от меня при старшине Хутайбердою и с находящимися у меня муллою в крепость Семиполатную отправлены благополучно, о чем как для вашего, так и генеральского знания доношу. А при том прошу отправить с моим муллою сына моего и человек двух киргисцов до города Тобольска, о чем и меня писано в крепость Омскую с нарочным чрез степь. Маметияр Кучеяров переводил.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 472. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 471 и об.

№ 361

1778 г., мая 23³⁸⁶. – Полковнику И.Т. Титову

В недавнем времени пропало у моего подвластного киргисца 19 лошадей, коих тот киргизец хотя около своих табунов и отыскивал, однако не нашел, а ныне оные опознаны в форпосте Шульбинском. О коих на вопросе тому киргисцу тамошния жители объявили, что тех лошадей высатовали от киргисцов. В таком случае прошу командующему дать повеление, чтоб он тех киргисцев, у ково показанные лошади высатованы, отыскал и товар бы, данной за лошадей, у них отобрал, а лошадей он неотменно вышеписанному киргисцу отдал.

Маметияр Кучеяров переводил.

ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 212. Л. 472. Перевод XVIII в. Подлинник на тюрки – там же. Л. 470.

№ 362

**1781 г. – Советнику Тарбагатае Хуэй Лину и другим
официальным лицам**

Мы желаем здоровья на долгие годы его величеству богдыхану (*йукары богда азин*). Пребывающим на постах (*зиргин*) в Тарбагатае хаба-амбаню [1], аскан-амбаню и мурин-джаин-амбаню [2] от казахского вана Абу-л-Фейза благословение и привет!

Далее, я не смог разместить казахов племени тортул (*торт оғул*) [3] на зимовье и оставил их на своих зимних пастбищах, наказав им в этом году не тяготиться этим. Если нужен фураж (*кирак*) [4] от тортулов, пусть спросят у Гонан-коя и Дунан-коя. Если нужен фураж (*кирак*) от [племени] кызай [6], то пусть спросят у Ходжакула и Нийаза. Да будет вам об этом известно. Это письмо я передал через Бабыка.

[Надпись на печати]: Абу-л-Фейз Бахадур-султан.

Современный перевод с чагатайского тюрки Т.К. Бейсембиева. Подлинник – Первый исторический архив КНР (г. Пекин). 2905.29; 123: 1100. Приложение к маньчжурской хронике Хуэй Лина. Онубл.: Noda J., Onuma T. A Collection of the Documents from the Kazakhs Sultans to the Qing

³⁸⁶ Дата перевода.

Адресаты (А – Я)

Анна Иоанновна (1693–1740) – русская императрица (1730–1740). Дочь царя Ивана V Алексеевича, старшего брата Петра I и царицы Прасковьи Федоровны (по рождению Салтыковой). В 17 лет была выдана Петром I замуж за курляндского герцога. Овдовев, осталась в Прибалтике, жила в Митаве. После неожиданной смерти Петра II Верховный тайный совет пригласил Анну Иоанновну занять российский трон, оговорив, что реальная власть будет у него. Первоначально Анна согласилась на эти условия. Однако по просьбе гвардейцев-дворян она порвала подписанные бумаги (кондиции), разогнала Верховный тайный совет и упразднила его. В апреле 1730 г. была коронована в Москве, а затем восстановила Сенат. В 1731 г. учредила Кабинет министров, возобновила ряд приказов. Свое правление Анна Иоанновна осуществляла с помощью иностранцев: Э.И. Бирона, Р. и К. Левенвольде, А.И. Остермана, К. Менгдена, П. Ласи и др.. Большими правами во властных структурах России пользовался фаворит Анны Иоанновны Э.-И. Бирон, по имени которого эта эпоха стала называться «бироновщиной». Будучи не в состоянии отстоять присоединенные при Петре I прикаспийские территории, вернула их иранскому Надир-шаху. О ней см.: *Анисимов*, 1994; ИЭС. С. 32; *Данилов*, 1999. С. 126–127.

Ахмед III (1673–1736) – османский (оттоманский) султан (1703–1730). Сын султана Мехмеда IV и Эметуллах Рабие Гюльнуш, вступил на трон после смещения своего брата Мустафы II. Его возвели на трон поднявшие мятеж военные, под полным контролем которых он находился вплоть до 1718 г. Был известен своими близкими отношениями с британскими и французскими монархами и напряженными отношениями с Российской империей, которой объявил войну в 1710 г. В своей борьбе с Россией за контроль над Черным морем достиг наибольших успехов среди всех прочих турецких правителей: в июле 1711 г. добился передачи оттоманам города Азова и уничтожения азовского русского флота. Присоединил к территории своей империи также полуостров Пелопоннес, принадлежавший ранее Венеции. Однако при нем Оттоманская империя была вынуждена уступить Венгрию и часть Сербии Австрийской империи по условиям Пожаревацкого, или Пассаровицкого, мирного договора. После поражения от Австрии в Турции значительно ослабло влияние военных, реальная власть перешла в руки гражданских политических элит, концентрировавшихся вокруг фигур великих визиров. В этот второй этап нахождения у власти Ахмеда III, называемом еще *Тулипским периодом* (1718–1730), султан не принимал активного участия в решении важных государственных вопросов. Подобная тенденция роста влияния великого визира и создания вокруг него крупного административного аппарата была заложена еще при Мехмеде IV. Вне их влияния находилось в первую очередь духовенство и дела султанского двора, но поскольку только султан имел право назначения чиновников на высшие государственные посты, Ахмед III полностью не был лишен реальной власти. За годы его правления в общей сложности сменилось 14 великих визиров. В 1730 г. был свержен в результате военного переворота, возглавлявшегося Патроной Халилом, из-за недовольства поражением оттоманских войск в войне в войне против афганцев в Западном Иране и заключен в тюрьму, а в 1736 г. отравлен. О нем см.: *Витол*, 1987; *Derman*, 2009.

Бахметев Петр Степанович – генерал-майор русской армии, воевода Исетской провинции в 1739–1744 гг. Происходил из дворянского рода Бахметевых. С 1715 г. нес военную службу на флоте, где дослужился до звания лейтенанта. Служил в армии, с начала 1730-х гг. – в звании майора на Закамской крепостной линии. В конце 1735 г. получил звание подполковника, был одним из заместителей своего тестя И.К. Кирилова в Оренбургской экспедиции. Заложил крепости Красносамарскую, Борскую, Тоцкую, Сорочью, Караульную и Бердскую. После смерти Кирилова в 1738 г. перевелся в Оренбургский драгунский полк, был воеводой Исетской провинции. С конца 1744 г. – полковник, командир Оренбургского драгунского полка. Один из ближайших подчиненных губернатора И.И. Неплюева. В 1747 г. принимал участие в подавлении башкирского восстания. С 1750 по 1758 гг. – командующий Уйской пограничной линией. Окончил службу в звании генерал-майора. О нем см.: КРО-1. С. 500–503, 566, 594; *Ерофеева*, 2013. С. 157).

Веймарн Ганс Генрих (Иван Иванович) ([1718], 1722–1792) – генерал-поручик. Выходец из дворян Лифляндской губернии, уроженец острова Эзель, воспитывался в сухопутном шляхетском кор-

пусе. В 1732–1740 гг. обучался в кадетском корпусе в Петербурге, затем служил в составе русского офицерского корпуса в германских странах и в Швеции. В 1757–1758 гг. в первую кампанию Семилетней войны в звании генерал-майора находился на должности генерал-квартирмейстера русских войск у князя Апраксина в Пруссии и был вытребован в Петербург для объяснения происшествий в армии генерал-фельдмаршала Апраксина. По предоставлении удовлетворительных ответов его назначили командующим войсками в Сибири. С 1759 по 1762 гг. был командующим войсками на сибирских линиях. В 1763 г. был переведен в Петербург. В 1764 г. императрица Екатерина II назначила его послом к польскому королю Станиславу-Августу и командиром русских войск в Польше. С 1766 г. проживал в своем родовом имении Вольмарсгоф Лифляндской губернии, где и скончался 22 марта 1792 г. Был похоронен там же. О нем см.: *Андреев*, 1998. С. 248. Комментарии И.В. Ерофеевой; *Немцы России*, Т. 1. М., 1999. С. 328.

Волков Дмитрий Васильевич (1718–1785) – русский государственный деятель, родился в Подмосковье в старинной дворянской семье. Завершив образование, поступил на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел и, благодаря уму и деловым качествам, обрел расположение влиятельного графа И.И. Шувалова. Стал ближним помощником канцлера А.П. Бестужева-Рюмина. При Петре III Д.В. Волков имел большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику России. В 1756 г. был назначен секретарем Конференции, высшего в ту пору государственного органа, созданного Елизаветой. Заслужил славу самого искусного составителя рескриптов. После кончины Елизаветы Петровны в новом Совете при Петре III занимал то же место, что и прежде. Именно ему было поручено составление мирного договора с Пруссией. 31 января 1762 г. Петр III назначил Волкова тайным секретарем. После воцарения Екатерины II Д.В. Волков сначала подвергся опале, а затем был возвращен на государственную службу. В царствование Екатерины II занимал ряд значительных постов: председателя Мануфактур-коллегии, позднее – оренбургского губернатора (1763–1764) и др. Был сторонником развития торговли и промышленности и расширения внешней торговли России. О нем см.: СИЭ. Т.3. М., 1962. С. 670; *Губернаторы*, 1999. С. 71–79.

Воронцов Михаил Илларионович (1714–1767) – граф, государственный деятель, дипломат, канцлер. В 1730-е годы – камер-юнкер цесаревны Елизаветы Петровны, деятельный участник возведения ее на престол. В январе 1742 г. женился на двоюродной сестре Елизаветы – А.К. Скавронской. С 1744 г. стал графом и вице-канцлером. Был сторонником профранцузской ориентации внешней политики России. В 1756–1762 гг. – член конференции при Высочайшем дворе. С 1758 по 1763 гг. – канцлер вместо А.П. Безбородко. С 1759 г. – сенатор. Со вступлением на престол Петра III Воронцов пользовался его особым расположением. После переворота 1762 г. отказался присягать Екатерине II, пока был жив Петр III. Тем не менее, он сохранил пост канцлера вплоть до 1765 г. Воронцов был другом и покровителем М.В. Ломоносова. О нем см.: *Данилов*, 1999. С. 138–139; *Брокгауз, Ефрон*, 2002. С. 125.

Гагарин Матвей Петрович (1658 – 16 (21) марта 1721) – князь, русский государственный деятель из рода Гагариных, нерчинский воевода (1693–1695), глава Сибирского приказа и Оружейной палаты (1706), комендант Москвы (1707), первый глава Сибирской губернии (1711–1719). С 1686 г. числился в боярских книгах стольником. С 1693 по 1695 гг. – воевода в Нерчинске, откуда в 1695 г. был отозван. В 1693–1762 гг. осуществлялась казёнными караванами торговля с Китаем. Вероятно, в Москве имелись сведения о злоупотреблениях Гагарина, который вел нелегальную торговлю, не уплачивая пошлин. В 1700 г. против него было возбуждено дело о неуплате комиссионных торговцу за покупку драгоценных камней. В это время по поручению царя Гагарин руководил работами по соединению Волги и Дона и в Вышнем Волочке (Вышневолоцкая водная система), а также строительством шлюзов. Им было построено 24 шлюза. Царь одобрил работу и назначил Гагарина (1706) «начальным человеком» Сибирского приказа. В мае 1707 г. он был назначен московским комендантом, начал вести работы по укреплению Кремля и Китай-города на случай нападения шведов. В 1708–1709 гг. занимался размещением шведских военнопленных, отвечал за приём пленных на русскую службу; в 1708–1709 гг. наблюдал за изготовлением гравюр для книг. 6 марта 1711 г. Гагарин был назначен на должность сибирского губернатора. При нем в Сибири возросли сборы налогов, набирались рекруты, развивались дипломатические отношения с восточными странами. В 1714 г. силами пленных шведов Гагарин по-

строил в Тобольске Дмитровские ворота каменного кремля, при нем же появились первые мостовые. В Охотске он организовал построение морских судов, из Охотска в Камчатку создал водное сообщение. По его указу в Тобольске была открыта школа для шведских и немецких детей, в которой обучались и дети городских чиновников, купцов. Преподавали в школе пленные иностранные офицеры. При Гагарине начались раскопки курганов по Тоболу, Иртышу, Енисею. В 1717 г. он издал приказ о сдаче в казну государства золотых и серебряных вещей, найденных при раскопках.

В 1714 г. Гагарин был обвинен в том, что допускал к торговле с Китаем только своих друзей, вместе с которыми получал «превеликое богатство». Царь приказал губернатору вывести из Сибири всех своих родственников и друзей. Следственная комиссия во главе с князем В.В. Долгоруковым завершила следствие в пользу губернатора. В 1716 г. по приказу Гагарина между реками Тобол и Иртыш был построен новый канал, который соединил реки в трех верстах выше старого устья. 11 января 1719 г. Гагарина отстранили от должности губернатора с приказом держать под караулом. Кроме экономических преступлений он обвинялся в том, что задерживал дипломатическую почту, направляемую в Китай. 16 марта 1721 г. Гагарин был приговорен сенаторами к смертной казни и повешен под окнами Юстиц-коллегии в Санкт-Петербурге. Через некоторое время виселицу перевезли на площадь рядом с новой Биржей для устрашения коррупционеров. М.П. Гагарин был похоронен в фамильной усыпальнице Гагариных, в сельце Сенницы Озерского района Московской области. О нем см.: *Акишин*, 1996; *Славянская энциклопедия*, 2004.

Гладышев Дмитрий Васильевич – первоначально вахмистр дворянских рот в Уфе (в первой половине 1730-х гг.), позднее – прапорщик, поручик (с 1741), капитан (с 1743) Оренбургского драгунского полка. В 1733–1734 гг. сопровождал казахскую делегацию, направлявшуюся в Петербург для оформления российского подданства казахов Младшего и части Среднего жузов. Знал тюркские языки и после официального учреждения Оренбургской экспедиции был зачислен в ту часть уфимских дворянских рот, которая была выделена в распоряжение И.К. Кирилова. В течение 1740–1744 гг. трижды отправлялся начальниками Оренбургской комиссии В.А. Урусовым, а затем И.И. Неплюевым с дипломатическими и исследовательскими поручениями в кочевья Младшего жуза и каракалпаков, в Северо-Восточное Приаралье и в Хиву (5 сентября 1740 – апрель 1741 гг., август 1741 – апрель 1742 гг., март – май 1744 г.). Оставил ценные рукописные материалы об этих поездках, в том числе описание исторических обстоятельств кратковременного пребывания хана Абулхаира на хивинском престоле (5–11 ноября 1740 г.), которые частично были опубликованы в середине XIX в. и в советское время, переизданы в более полном объеме в начале этого века. См.: *Ханыков*, 1851. С. 7–18; КРО-1. Док. №83. С. 193–197; МИКССР-2. Док. №22. С. 85–89; ИКРИ-6. С. 56–77; *Масанов*, 1966. С. 56–57.

Давыдов Афанасий Романович – оренбургский губернатор с 1759 по 1763 гг., сменил на этом посту И.И. Неплюева. В отличие от своего предшественника вел жесткую политику в отношении коренных народов, известен своими делами по разжиганию вражды между башкирами и казахами. В обращении с казахскими правителями А.Р. Давыдов держал себя крайне высокомерно. Его отношения со степными ханами и султанами носили напряженный характер. Они неоднократно посылали жалобы на А.Р. Давыдова императрице Елизавете Петровне и просили ее назначить оренбургским губернатором вместо Давыдова А.И. Тевкелева, но Коллегия иностранных дел нашла необходимым оставить Давыдова еще на некоторый срок на службе. После воцарения Екатерины II был уволен в 1763 г. в отставку. На посту оренбургского губернатора его сменил Д.В. Волков. О нем см.: РБС, 1916. С. 13.; *Губернаторы*, 1999. С. 61–70; ОБЭ. С. 97.

Дарма-Бала – последняя (четвертая) супруга калмыцкого хана Аюки, дочь (по другим данным – двоюродная сестра) джунгарского хунтайджи Цэван-Рабдана (1697–1727). В конце XVII в. была привезена в качестве невесты для ханского сына Гунделека, но хан Аюка взял ее в младшие жены. После смерти Аюки (1724) участвовала в политической борьбе за ханский престол для своего старшего сына Церен-Дондука. С целью предотвращения междоусобицы в Калмыцком ханстве российская власть назначила наместником ханства Дондук-Омбо. После смерти хана Дондук-Омбо (1739) Дарма-Бала выдвинула на ханский престол своего второго сына – Галдан-Данджина, который погиб в 1741 г. в междоусобице. Из-за переписки с братом Гоманг-ламой, находившимся в Джунгарии, царское прави-

тельство выселило Дарма-Балу в Воронеж, откуда она в 1747 г. по просьбе наместника Дондук-Даши возвратилась в Калмыцкое ханство, где вскоре умерла. О ней см.: *Пальмов*, 1992.

Девец (Дениц) Петр Андреевич, фон – барон, генерал-майор, в 1767–1768 гг. – и. д. командира Сибирского корпуса. О нем см.: *Андреев*, 1998. С. 137, 139; *МОЦА-2*. С. 192.

Дондук-Даши (ок. 1690–1761) – наместник Калмыцкого ханства (1741–1757), хан (1757–1761). Сын Чокдар-Джаба и внук хана Аюки. В 1741 г. после смерти своего двоюродного брата и соперника калмыцкого хана Дондук-Омбо был объявлен царским правительством новым наместником Калмыцкого ханства, а в 1758 г. провозглашен и утвержден царским правительством калмыцким ханом, а его сын Убаши – наследником ханского престола. В правление Дондук-Даши калмыцкие вспомогательные отряды легкой конницы участвовали на стороне русской армии в Семилетней войне с Пруссией. Примерно до 1758 г. им были составлены и изданы *Законы Дондук-Даши*, которые применялись в судебной практике до середины XIX века. Дондук-Даши умер 21 января 1761 г. О нем см.: *Пальмов*, 1992; *Батмаев*, 1993; *Митиров*, 2002.

Екатерина II Великая [урожд. Софья Августа Фредерика Ангальт-Цербтская] (1729–1796) – российская императрица (с 1762). Родом из Пруссии. Отец – князь Христиан Август, генерал прусской службы. Мать – княгиня Иоганна Елизавета, урожденная принцесса Шлезвиг-Голштинская. В Россию прибыла в феврале 1744 г. по приглашению Елизаветы Петровны для бракосочетания с наследником престола Петром Федоровичем. Приняла православие. Вышла замуж в августе 1745 г. В 1754 г. родила сына Павла (будущего императора Павла I). С мужем сложились напряженные отношения, приведшие к тому, что летом 1762 г. Петр III неоднократно делал заявления о необходимости отправить жену в монастырь. В этих условиях Екатерина возглавила заговор гвардейцев, в ходе которого свергла Петра III и провозгласила себя правящей императрицей. В области внутренней и внешней политики следовала заветам Петра I и Елизаветы Петровны. Во внутренних делах стремилась проводить политику просвещенного абсолютизма. Ее проявлением стали указы о секуляризации церковных владений (1764), (на Украине – в 1786), упорядочении крестьянских повинностей в Прибалтике, манифест о свободе предпринимательства (1775) и др. В результате крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева, а затем и Французской революции определяющей становится другая линия во внутренней политике – ужесточение режима и усиление репрессий. Ее важнейшими элементами стали роспуск Уложенной комиссии (1768), указы о праве помещиков ссылать крестьян на каторгу, о содержании за счет самих крестьян тех воинских формирований, которые были присланы для их усмирения; о запрещении крестьянам подавать жалобы на своего хозяина. После крестьянской войны Пугачева императрица предприняла шаги к укреплению государства путем создания аппарата оперативного и эффективного реагирования на народные выступления на местах, а также расширения привилегий дворянства. С этой целью она провела губернскую реформу 1775 г., ужесточила цензуру. В области внешней политики правление Екатерины II стало временем значительного расширения пределов Российской империи за счет Крыма, Северного Причерноморья, Прибалтики, Польши, Алеутских островов, создания русских поселений на Аляске, взятия под покровительство Восточной Грузии. Умерла 6 ноября 1796 года. Похоронена в Петропавловской крепости. О ней см.: *Данилов*, 1999. С. 131–133; *Немцы России*. Т. 2. М., 2004. С. 758–759; *ИЭС*. С. 209–211.

Елизавета Петровна (1709–1761) – российская императрица (1741–1761). Дочь Петра I и Екатерины I, рожденная вне брака. Именно это обстоятельство объясняет тот факт, что при официальном рассмотрении вопроса о престолонаследии в 1725–1730 гг. она никогда не рассматривалась как одна из претенденток на престол. Пользуясь падением авторитета и влияния власти в период правления Анны Леопольдовны, Елизавета Петровна при поддержке гвардии осуществила государственный переворот 25 ноября 1741 г., в ходе которого свергла Ивана VI Антоновича и правительницу-регентшу Анну Леопольдовну. Основными принципами внутренней и внешней политики провозгласила возвращение к петровским преобразованиям. Упразднила кабинет министров, возникший после смерти отца и восстановила Сенат в том значении, какое он имел при Петре I. Восстановила роль коллегий и Главного магистрата. В 1756 г. отменила смертную казнь. В последний период

царствования меньше занималась вопросами государственного управления, передоверив его П.И. и И.И. Шуваловым, М.И. и Р.И. Воронцовым и др. Официальным наследником престола назначила своего племянника (сына своей сестры Анны) – Петра Федоровича. Умерла 25 декабря 1761 года. О ней см.: Данилов, 1999. С. 128–130; ИЭС. С.212–213.

Ералы (1721–1794) – султан, с 1791 г. – хан Младшего жуза. Второй сын хана Абулхаира (1710–1748) от Бопай-ханым. С 1734 по 1738 гг. находился в России, в Орской крепости на положении аманата. Осенью 1738 г. был заменен родным младшим братом Кожаметом и отпущен начальником Оренбургской комиссии В.Н. Татищевым в Степь. О нем см.: Т. 2. С. 330.

Иван V Алексеевич (1666 –1696) – старший брат и соправитель (с 1682) Петра I. Сын Алексея Михайловича от брака с М.И. Милославской. После смерти царя Федора Алексеевича (1682) Нарышкины провозгласили царем младшего царевича Петра, отстранив старшего брата Ивана, болезненного и неспособного к государственным делам. Во время стрелецкого восстания Иван V был посажен на престол и 26 мая 1782 г. утвержден Земским собором в качестве «первого царя». Петр I стал считаться «вторым» царем. Царствование Ивана V было номинальным: до 1689 г. фактически управляла Российским государством царевна Софья Алексеевна, затем – Петр I. Иван V был отцом Анны Иоанновны и прадедом Ивана VI Антоновича. О нем см.: СИЭ. Т. 5. М., 1964. С. 732; Олейников, 1997. С. 63.

Илэту (?–1785) – происходил из аристократического рода нара маньчжурского войска Белого знамени, службу начал с чина *цзолинь*. Был офицером дворцовой гвардии 3-й степени, назначен *фудутун* монгольского войска Красного знамени с каймой, служил в Урумчи, Аксу, Кашгаре. В 1768 г. был назначен илийским *цанцзань дачэнем* и вновь направлен в Кашгар. 27 августа 1768 – 21 ноября 1769 г. был назначен илийским *цзяньцзюнем* (генерал-губернатором). Трижды занимал этот пост: с 30 декабря 1769 по 18 августа 1771 гг., с 18 августа 1773 по 30 июня 1783 гг. (перешел с поста тарбагатайского наместника) и с 11 сентября 1783 по 14 августа 1785 гг. Помимо управления краем имел полномочия вести дела с пограничными казахами и кыргызами. Участвовал в походе на Бирму в чине заместителя генерала. Был чиновником Военного министерства. В 1771 г. занимался приемом и устройством волжских калмыков, перекочевавших в бассейн Или во главе с наместником Калмыцкого ханства Убаши; подал прошение императору не изымать у торгутов ружья, чтобы они могли заниматься охотой, просил выделить им земли для пахоты, распределить часть торгутов на медные рудники и угольные шахты, поручить маньчжурским гарнизонам обучать их монетному делу, охране границ. В 1783 г. был прикреплен к наследнику престола, награжден павлиньим пером с двумя глазками. После смерти Илэту было велено повесить его портрет в Галерее Славы и присвоить ему степень князя 1 степени (*и дэн бо*) за добросовестную службу на границе. О нем см.: Дай Цин личао шилу (Правдивые записи периода правления великой династии Цин). Токио, 1936; Маньцзу да цыдянь (Маньчжуры). Энциклопедический словарь. Шэньян: «Ляонин дасюэ чубаньшэ», 1990; Синьцзян лиши да цыдянь. Историческая энциклопедия Синьцзяна. Отв. редактор Цзи Дачунь. Изд. 2-е. Урумчи: «Синьцзян жэньминь чубаньше», 1996; Синьцзян цзяньши. Краткая история Синьцзяна. Т. 1–4. Урумчи: «Синьцзян жэньминь чубаньшэ», 1978–1980; Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе (Стратегические планы умиротворения джунгар). Б/м, 1772.

Карпов Андрей Яковлевич – войсковой атаман яицких казаков (февраль – август 1738), сподвижник предводителя войсковой партии Ф.М. Рукавишникова, который защищал интересы казачьей общины перед Москвой. В 1723–1725 гг. на допросах во время следствия полковника И.И. Захарова по поводу противостояния казаков российским властям уличал царских чиновников во взяточничестве. Пользовался уважением простого казачества и 1 февраля 1738 г. подавляющим большинством казаков был избран войсковым атаманом Яицкого войска. Активно защищал корпоративные интересы яицкой казачьей общины, что вызвало недовольство старшин–сторонников бывшего атамана Г.М. Меркурьева, ставленника царского правительства. По их наветам в конце августа 1738 г. был смещен с занимаемой должности астраханским губернатором, затем арестован и увезен в Самару. Дальнейшая судьба его неизвестна. О нем см.: От Гугни до Толстова, 2006. С. 42.

Киндерман Христиан Христианович [Христиан Теофил фон] (?–1752) – военный и административный деятель. Из лифляндских дворян. В начале 20-х гг. XVIII в. – капитан, с 13 мая 1726 г. – майор пехотного полка фон Гагена, затем Выборгского драгунского полка. С 23 апреля 1730 г. – подполковник Ярославского драгунского полка. В 1733 г. Киндерман в чине полковника был переведен в Ростовский драгунский полк, в 1734–1735 гг. служил в Дербенте, в 1736 г. – в Азове. С 1738 г. он командовал Низовским пехотным полком, вскоре после этого был произведен в бригадиры. С 11 сентября 1741 г. – генерал-майор, в 1743 г. служил в Кронштадте. 23 сентября 1744 г. был назначен Сенатом по предложению Военной коллегии командующим над всеми регулярными и пограничными войсками Сибири в связи с военной угрозой со стороны Джунгарского ханства. Занимал эту должность до дня смерти. Под его командование переведены также первые регулярные части (Нотебурский и Ширванский пехотные и Вологодский, Олонецкий и Луцкий драгунские полки). Киндерман стал первым командиром Сибирского корпуса. Под его руководством в 1745–1746 гг. проводилась съемка местности и составлялись карты Южной Сибири. В 1745 г. под командование Киндермана для укрепления юго-восточных границ России были отправлены из европейской части страны в Западную Сибирь два пехотных и три конных полка. Ширванский и Нашебургский полки разместились в Тобольске и ряде укрепленных пунктов строившейся Ново-Ишимской и Иртышской линий, а драгунские – Луцкий, Олонецкий и Вологодский полки – на вновь создаваемой Колываново-Воскресенской линии. В 1746 г. Киндерман вместе с географом Шишковым составил проект реконструкции старой Ишимской пограничной линии, протянувшейся от Иртыша через реки Ишим и Тобол. Первоначально предполагалось устроить линию по примеру украинских пограничных укреплений (вал с маяками). Однако из-за недостатка людей и средств Киндерман был вынужден отказаться от строительства сплошной линии укреплений и перейти к созданию системы редутов, форпостов, крепостей. По его приказу были исправлены старые укрепления на реках Ануй, Бия и Катунь и заведены казённые пашни (под Омском, у Катунской и Ануйской крепостей и др.), что значительно облегчило снабжение войск продовольствием; для работы на пашнях были привлечены солдаты и казаки. Умер Х.Х. Киндерман в Тобольске и, вероятно, там же и похоронен. О нем см.: *Андреев*, 1998. С. 246–247. Комментарии И.В. Ерофеевой; *Немцы России*. Т. 2. М., 2004. С.86–87.

Кирилов Иван Кириллович (1689–1737) – русский ученый, государственный деятель, с 1727 г. – обер-секретарь Сената, в 1734–1737 гг. – начальник Оренбургской экспедиции. Возглавлял астрономические, топографические и картографические работы. Деятельно участвовал в организации крупнейших экспедиций (Второй камчатской и Оренбургской 1734–1737 гг.), осуществил издание первого русского «Атласа Всероссийской империи» 1734 года. Одним из важнейших источников для изучения народного хозяйства петровского времени является труд Кирилова «Цветущее состояние Всероссийского государства» (Кн. 1–2. М., 1831), написанный в 1727 г., первое описание России статистико-географического типа. В 1734–1737 гг. возглавил Оренбургскую экспедицию; возведением около 20 крепостей и форпостов положил начало новой пограничной линии вдоль рек Яика и Самары. На основе изысканий экспедиции официально началась разработка минеральных богатств Башкирии и промышленное строительство. Кирилов руководил научным исследованием Южного Урала. 14 апреля 1737 г. на сорок восьмом году жизни умер от туберкулеза в Самаре и там же был похоронен. О нем см.: СИЭ. Т. 7. М., 1965. С. 287; *Губернаторы*, 1999. С. 18–26; ОБЭ. С.137–138.

Клапье-де Колонг (Деколонг) Иван Александрович (1719–1789.) – генерал-майор, с 1765 г. – генерал-поручик. Дворянин, уроженец Эстляндской губернии, потомок французских переселенцев из Андалузии. Сын Александра Клапье-де Колонга и Анны Софии Каден. На русской службе с 1773 г., в 1738 г. – офицер. Со времени Семилетней войны (1757–1762) – инженер, капитан. В 1763–1777 гг. – командующий войсками на линиях и отдельным Сибирским корпусом. Умер И.А. Клапье-де Колонг на родине. Похоронен в с. Онтика Эстляндской губернии. О нем см.: *Андреев*, 1998. С. 250. Комментарии И.В. Ерофеевой.

Кожамет (1722/23–1749/50) – султан Младшего жуза. Третий сын хана Абулхаира (1710–1748) от Бопай-ханым. С осени 1738 по июнь 1748 г. находился в России на положении аманата. В течении 1742–1747 гг. наместник Оренбургского края И.И. Неплюев несмотря на настойчивые просьбы Абул-

хаира о замене Кожихмета в качестве аманата другим сыном – Шынгисом – от второй жены – калмычки Баяны категорически отказывался отпустить его в Степь, используя эту задержку как средство политического давления на честолюбивого хана и моральной дискредитации его перед султанами и старшинами трех жузов. Султан Кожихмет был отпущен из Оренбурга в родные кочевья только летом 1748 г. после того, как обострение отношений между оренбургским губернатором и старшим ханом казахов переросло в открытое противостояние и Коллегии иностранных дел пришлось вмешаться в этот конфликт. В конце 1749 или в начале 1750 г. султан умер от болезни в своих кочевьях. О нем см.: *Вяткин*, 1948. С. 14–15; *Ерофеева*, 2007. С. 369–378, 389; КРО-1. С. 510.

Коллегия иностранных дел – иностранная коллегия, центральное государственное учреждение России, ведавшее внешней политикой государства; заменила Посольский приказ. Учреждена в декабре 1714 года. Фактически начала действовать с 1718 года. Во главе Коллегии были поставлены президент (канцлер) Г.И. Головкин и вице-президент (вице-канцлер) граф П.П. Шафиров. Занималась организацией сношений с иностранными государствами, выдачей иностранных паспортов, судила иностранцев, находившихся на службе в России, а также ведала уральскими казаками и калмыками, почтовым делом (до 1782) и управлением Украиной (1727–1756). Коллегия иностранных дел возглавлялась лицами, игравшими важную роль в политической жизни России. К ним относятся: Г.И. Головкин, А.И. Остерман, А.П. Бестужев-Рюмин, Н.И. Панин и др. Коллегия подчинялась императору, минуя Сенат. С учреждением в 1802 г. должности министра иностранных дел Коллегия стала подчиняться ему, а в 1832 г. после реорганизации Министерства ее упразднили. О ней см.: СИЭ. Т. 7. М., 1965. С. 483.

Корф Алексей Алексеевич (1712–1786) – офицер в войсках Оренбургской губернии. В 1773 г. – бригадир, командир Верхнеяицкой дистанции крепостей. С ноября 1773 по март 1774 гг. – один из руководителей обороны Оренбурга, осажденного войском Е.И. Пугачева.

Мансуров Павел Дмитриевич (1726–1801) – генерал-майор (с 1770), генерал-поручик (с 1777). Один из крупных военачальников, подавивших Пугачевское восстание на территории Оренбургской области, в Заволжье и Поволжье. Происходил из среднепоместного дворянства, в военную службу был записан в 1736 г. Участвовал в русско-шведской войне 1741–1743 гг. и Семилетней войне 1757–1762 гг. В 1764 г. был произведен в полковники, в 1770 г. получил чин генерал-майора и назначение в Петербургский гарнизон.

29 ноября 1773 г. по указу Военной коллегии П.Д. Мансуров был прикомандирован к генерал-аншефу А.И. Бибикову, назначенному командующим войсками для подавления повстанческого движения в Оренбургской губернии. Прибыв в начале января 1774 г. в Самару, Мансуров принял бригаду, состоявшую из четырех легких полевых команд, отряда саратовских казаков, отдельных частей Самарского, Саратовского и Симбирского гарнизонов. С этой бригадой он начал продвижение к Оренбургу.

22 марта 1774 г. П.Д. Мансуров и генерал-майор Н.М. Голицын нанесли поражение отрядам Е.И. Пугачева в битве у Татищевой крепости, а затем – в сражении у Сакмарского городка. 16 апреля бригада вступила в Яицкий городок, освободив от блокады здешнюю городовую крепость («ретраншамент»), которая была осаждена пугачевцами с 30 декабря 1773 г.

В середине августа 1774 г. Мансуров с бригадой переправился на правый берег Волки, где его отряды, находясь в авангарде корпуса генерал-поручика А.В. Суворова, участвовали в преследовании и разгроме остатков войска Пугачева. Указом Екатерины II от 28 мая 1777 г. Мансуров был произведен в генерал-поручики, с начала 1776 г. до конца 1778 г. периодически являлся исполняющим должность оренбургского губернатора. О нем см.: ОБЭ. С. 177.

Надир-шах Афшар (Надир-Кули-бек, Тахмасп-Кули-хан, 29.10.1688–20.06.1747) – создатель последней иранской империи, шах Ирана в 1736–1747 гг.

Будучи фактическим правителем Ирана с конца 1720-х годов, сменил на троне последнего представителя династии Сафавидов Аббаса III – малолетнего внука низложенного в 1722 г. шаха Султан-Хусайна Сафави.

Надир родился в горной местности в Северном Хорасане. Он принадлежал к роду *кирклу* тюркского огузского племени *афшар*. Его отец был простым скотоводом и рано умер. О ранних годах Надира

сохранились лишь легендарные сведения. Согласно легенде, юный Надир бежал из хивинского рабства и, прибывшись к шайке разбойников, стал ее вожаком. Военный талант, храбрость, честолюбие и несомненные лидерские качества помогли ему в короткий срок стать одним из видных «полевых командиров» Хорасана. Надир стал приближенным, а позднее зятем и преемником правителя Абиварда Баба Али-бека.

В период афганского нашествия на Иран (1722–1729) Надир стал фигурой общенационального масштаба: Сафавидское «правительство в изгнании» попросило у него военной помощи в борьбе с занявшими столицу Сафавидов – Исфахан – афганцами-гильзаеями. В 1726 г. Надир привел пять тысяч бойцов под знамена шаха Тахмаспа II, жаждавшего вернуть узурпированный афганцем Махмудом Хотакком трон, и, получив титул *Тахмасп-Кули-хан* («Раб Тахмаспа»), стал главнокомандующим шаха. В том же году Надир занял главный город Хорасана – Мешед, а в 1729 г. – Герат, бывший оплотом афганцев-абдали. Разгромив гильзаев в битве под Дамганом, к концу 1729 г. армия Надира заняла Исфахан, положила конец афганскому завоеванию и восстановила на иранском троне шаха Тахмаспа II. С этого момента Надир получил полный контроль над решением политических и военных вопросов и фактически стал военным диктатором при шахе Тахмаспе II. В этом качестве он провел удачную кампанию по возвращению иранской короне занятых Османами территорий на западе страны. Когда, воспользовавшись отсутствием Надира, занятого осадой восставшего в 1730 г. Герата, шах Тахмасп II решил самостоятельно продолжить войну на западном фронте и в результате отдал часть отвоеванных территорий Османам, Надир созвал курултай и добился низложения Тахмаспа и провозглашения шахом его восьмимесячного сына Аббаса III (август 1732). В качестве регента Надир продолжил войну с Османами и после победы 1735 г. вернул Ирану Южный Кавказ. Угрожая войной, он заключил договор с Российской империей, которая вывела из северных иранских провинций свои войска, введенные Петром I в период смуты, вызванной афганским нашествием. Заслужив славу «освободителя Ирана», в 1736 г. Надир-шах стал легитимным монархом Ирана: созванный в январе 1736 года в Муганской степи курултай провозгласил его шахом; коронация прошла 8 марта 1736 г. Сафавидская династия пала, ее последние представители были умерщвлены по приказу Надира.

Надир-шах не ограничился восстановлением иранского государства на Иранском плато и возвращением территорий, присоединенных Сафавидами. Мечтая о мировом господстве и славе Чингисхана и Тимура, в 1736–1741 гг. он вел грабительские завоевательные войны. Это привело к созданию обширной империи, в которую были включены в качестве провинций или вассальных территорий Южный и частично Северный Кавказ, Ирак, Бахрейн и Оман, современный Афганистан, Средняя Азия (Туркмения, Хивинское и Бухарское ханства). В 1738 г. Надир-шах последовательно захватил основные афганские города и земли и, преследуя афганцев, вторгся в Панджаб. 13 февраля 1739 г. состоялась решающая Карнальская битва, в которой он одержал победу над могольским правителем Индии Мухаммад-шахом и месяц спустя занял Дели, где по его приказу началась массовая резня, в которой погибли более двадцати тысяч индусов и мусульман. Два месяца спустя, оставив Мухаммад-шаха на троне Дели как своего вассала, Надир-шах, отныне именуемый *шаханшахом* (императором), двинулся в обратный путь с огромной добычей, включавшей сокровища Великих Моголов – Павлиний трон, Кух-и Нур и др. В начале 1740 г., после занятия иранской армией Балха и мелких узбекских владений Северного Пригиндукушья, началось завоевание Средней Азии. Когда иранская армия оказалась на правом берегу Аму-Дарьи, правитель Бухары Абу-л-Файз-хан Аштарханид без боя изъявил покорность иранскому завоевателю и стал вассалом иранского императора. Бухарские войска участвовали вместе с иранцами в захвате Хорезма, правитель которого Ильбарс-хан оказал мужественное сопротивление и погиб. Бухарское и Хивинское ханства были захвачены иранцами, разграблены и разорены, их столицами управляли иранские наместники, в больших и малых городах разместились иранские гарнизоны. В то же время из бухарского и хивинского плена были освобождены тысячи персидских, а также русских рабов. Индийское богатство позволило Надир-шаху ослабить налоговое бремя и заняться новыми проектами – например, созданием флота и завоеваниями в Персидском заливе. В 1741 г. армия Надир-шаха двинулась на Кавказ, где целью иранского завоевателя стал Дагестан, однако отчаянное сопротивление горцев и их победа в Андалалской битве остановили его на этом направлении.

Наряду с военным расширением империи, Надир-шах старался вести активную внутреннюю политику. Например, он реформировал иранскую монетную политику по могольскому образцу (стандарт серебряной монеты «*надири*» был уравнен с могольской *рупией*). Была введена фиксированная зара-

ботная плата для солдат и чиновников, а также продолжена сафавидская политика насильственного расселения кочевых и полукочевых племен. В религиозной политике, однако, Надир отказался от Сафавидского наследия: если в государстве Сафавидов шиизм был государственной религией, то при Надире суннизм был «восстановлен в правах» и даже делались попытки создания синкретической «универсальной» религии.

Надир-шах был выдающимся полководцем, но жестоким, деспотичным и в целом довольно бездарным правителем, который довел страну до истощения. Постоянные войны держали страну в напряжении и разрушительно действовали на экономику: сельское хозяйство и ремесло пришли в полный упадок. Маниакальная подозрительность, грубость и переходящая в садизм жестокость, которые стали особенно проявляться с возрастом, вызвали всеобщий страх и ненависть к Надир-шаху. Повсюду вспыхивали жестоко подавлявшиеся восстания. В конце концов, Надир-шах был убит своими собственными приближенными в военном лагере в Хорасане в ночь на 20 июня 1747 г. После его гибели империя сразу распалась, а восстановление централизованного иранского государства произошло лишь спустя полвека. О нем см.: *Lockhart*, 1938; *Мухаммад-Казим*, 1961; СИЭ. Т. 9. М., 1966. С. 873–874; *Saberan*, 1989; *Гаджиев*, 1996; *Axworthy*, 2006; *Tucker*, 2006; Encyclopaedia Iranica (<http://www.iranicaonline.org/articles/nader-shah>).

Нарышкин Андрей Федорович (ок. 1676 – ок. 1716) – комнатный стольник, двоюродный брат царицы Натальи Кирилловны, сын думного дворянина Федора Полуектовича Нарышкина и его жены Евдокии Петровны, урожденной Хомутовой – родной племянницы жены боярина Матвеева. В 1686–1692 гг. был комнатным стольником царя Петра Алексеевича, а со 2-го апреля 1693 г. по 19-е января 1698 г. – воеводой в Тобольске. Умер около 1716 г. О нем см.: Большая биографическая энциклопедия, 2009. (http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/88340/Нарышкин).

Неплюев Иван Иванович (1693–1773) – русский государственный деятель. Из бедных новгородских дворян. В 1714 г., согласно указу о недорослях в числе других дворянских отпрысков был определен в Новгородскую математическую школу. В 1716 г. направлен в Ревельский флот гардемарин, а затем, по желанию Петра I, с другими дворянскими детьми – в Венецию для обучения «искусству мореплавания». Здесь в 1717–1718 гг. принял участие в войне с Турцией на стороне Венеции. За проявленные успехи получил от венецианского генерала Пасквалино аттестат, свидетельствующий о его мастерстве в управлении галерой на море. По окончании войны гардемарин продолжил образование в Кадиксе, в Морской академии в 1720 г., затем возвратился в Петербург. В январе 1721 г. Петр I направил Неплюева в качестве резидента в Константинополь. Неплюев заключил с Турцией мирный договор, по которому Россия приобретала во владение все земли на западном берегу Каспийского моря. В награду за это Петр I произвел его в капитаны первого ранга. В 1730 г. при восшествии на престол Анны Иоанновны И.И. Неплюев получил чин шаубенахта, то есть контр-адмирала флота. Вскоре после вступления на престол Елизаветы Петровны 27 ноября 1741 г. был арестован и лишен всех малороссийских поместий, чина, места (к этому времени он являлся главноначальствующим над всей Малороссией) и ордена Александра Невского. Однако проведенное расследование показало, что ни в какие заговоры против императрицы Неплюев не входил. Потому чин и орден ему были возвращены; жалованные же малороссийские деревни уже разошлись по другим людям. К прежней службе Неплюев также не вернулся. Согласно указу Елизаветы Петровны, он был отправлен командиром в Оренбургскую комиссию.

В 1742–1743 гг. И.И. Неплюев являлся начальником Оренбургской комиссии. После одобрения Елизаветой Петровной его плана строительства города-крепости 19 (30) апреля 1743 г. Оренбург заложили на высоком берегу Яика близ устья реки Сакмары. И.И. Неплюев проявил личную инициативу по интенсивному развитию Оренбурга. В 1744 г. он представил в Сенат проект об образовании губернии, а 15 марта Сенат издал указ об учреждении Оренбургской губернии. Неплюев стал ее первым губернатором (1744–1758). Зная мечту Петра I «отворить врата в полуденную Азию», он много сделал для того, чтобы Оренбург стал центром русско-азиатской торговли. Вскоре Оренбург превратился в главный пункт меновой торговли между русскими купцами и казаками, а также в центр русско-азиатской торговли. Для ее удобства были выстроены гостиный и меновой дворы. В конце 50-х гг. почувствовав ухудшение здоровья, Неплюев подал прошение об отставке, которое

было принято в 1758 г. Он поселился в Петербурге и до 1760 г. жил как частное лицо, а затем снова был приглашен на службу в качестве сенатора и конференц-министра. В середине 1764 г., будучи совершенно ослепшим, сенатор явился к Екатерине II с просьбой об отставке, которая была принята. Скончался И.И. Неплюев 11 ноября 1773 г. на восемьдесят первом году жизни и похоронен в своем родовом имении Поддубье, в им же построенном храме. О нем см.: СИЭ. Т. 10. М., 1967. С. 132–133; Губернаторы, 1999. С. 46–60; ОБЭ. С.195–196.

Нусань – посланник императора Цяньлуна к казахам Среднего жуза. Даты рождения и смерти неизвестны. Маньчжур рода *гуэрцзя* Желтого знамени, старший офицер дворцовой гвардии. В 1746 г. был переведен в заместители командира (*фудутун*) гарнизона монгольского хошуна Белого знамени, затем – офицером в чине *хуцзюнь цзуньлин* Голубого знамени. В 1755 г. вместе с генералом Юн Чаном переведен в северную группировку цинских войск в верхнем течении реки Орхон в Монголии. Часто направлялся с поручениями в цинскую армию при завоевании Джунгарии, в 1756 г. участвовал в составлении карты Илийского края, после окончания этой работы был направлен в Баркуль для контроля над устройством поселений. В 1758 г., когда генерал Чжао Хуэй был окружен уйгурскими войсками во главе с туркестанскими ходжами в лагере на Карасу, Нусань находился в левом крыле армии, «усмиряющей окраины», под командованием Фу Дэ, который напал с двух сторон на врагов в Курмане. После покорения Восточного Туркестана он выполнял особые поручения императора на границах владений Цинов с казахскими кочевьями, встречался с султанами Абылаем и Абулфеизом по вопросам установления казахско-китайских торговых отношений, отвечал за открытие торгового обменного пункта в урочище Урумчи. Достиг звания *дутуна* маньчжурских войск Голубого знамени. О нем см.: Дай Цин личао шилу (Правдивые записи периода правления великой династии Цин). Токио, 1936; Маньцзу да цыдянь (Маньчжуры). Энциклопедический словарь. Шэньян: «Ляцзин дасюэ чубаньшэ», 1990; Синьцзян лиши да цыдянь. Историческая энциклопедия Синьцзяна. Отв. редактор Цзи Дачунь. Изд. 2-е. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньше, 1996; Синьцзян цзяньши. Краткая история Синьцзяна. Т. 1-4. Урумчи: «Синьцзян жэньминь чубаньшэ», 1978 – 1980; Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе (Стратегические планы умиротворения джунгар). Б/м, 1772.

Огарев Николай Гаврилович (1729–19.04.1789) – генерал-майор (с 1775), генерал-поручик (с 1782), командир отдельного Сибирского корпуса с 1776 по апрель 1789 гг. Умер 19 апреля 1789 г. в Омской крепости. О нем см.: *Андреев*, 1998. С. 147–149, 155–156, 158, 175.

Останков Борис Лукич – подполковник, командир Оренбургского гарнизонного драгунского полка в 1737–1740 гг.

Останков Григорий Лукич – майор Оренбургского гарнизонного драгунского полка в 1738–1739 гг., родной брат Б.Л. Останкова.

Павлуцкий Яков Степанович – подполковник Сибирского гарнизонного драгунского полка. Службу начал с 1715 года. Определен из дворян в капитаны в Сибирский гарнизонный драгунский полк. Принимал неоднократное участие в боевых действиях в Степи. В 1732 г. был произведен в секунд-майоры, а в 1733 г. получил чин премьер-майора. В 1737 г. Павлуцкому был пожалован чин подполковника, а 6 марта 1738 г. ему было поручено командование Сибирского полка. О нем см.: *Материалы для истории Сибири*, 1866. С. 1–8.

Пальчиков Василий Григорьевич – полковник Пензенского гарнизонного пехотного полка, в 1742–1747 гг. – комендант Орской крепости.

Панин Никита Иванович (1718–1783) – граф, государственный деятель, дипломат. Дипломатическую службу начал в 1747 г. посланником в Дании, а затем – в Швеции. В 1760–1773 гг. – воспитатель цесаревича Павла Петровича. В 1762 г. принимал активное участие в перевороте в пользу Екатерины II, после ее воцарения стал ближайшим советником императрицы по внешнеполитическим делам. В 1763–1781 гг. возглавил Коллегию иностранных дел. Выступал за создание союза

держав Северной Европы под эгидой России, однако последующая переориентация Екатерины на союз с Австрией привела к краху этих планов и падению влияния Панина. Он был сторонником относительного ограничения власти Екатерины, находился в постоянной скрытой оппозиции к ней, что дало возможность конкурирующим придворным группировкам добиться его отставки в 1781 году. О нем см.: *Данилов*, 1999. С. 149–150; ИЭС. С. 514.

Петр I Великий (1672–1725) – русский царь с 1682 г., российский император с 1721 г. Был государственным деятелем, значительно продвинувшим развитие России во всех областях. Главной задачей своего царствования считал обеспечение выхода России к незамерзающим морям. Этому были посвящены его Азовские походы (1695–1696), а также длительная Северная война, в ходе которой Россия впервые заявила о себе как о Великой европейской державе и получила значительную часть Балтийского побережья. Итогом Северной войны стало также провозглашение России империей, а 22 октября 1721 г. Сенат преподнес Петру I титул императора всероссийского, наименования «Великий» и «Отец Отечества». В 1703 г. он начал строительство Санкт-Петербурга и в 1713 г. перенес туда столицу. Петр I провел серию реформ, направленных на модернизацию страны, ее политической, экономической и культурной жизни. К концу его правления в стране работало около 100 фабрик и заводов, были основаны Академия наук (1725) и первый русский музей (Кунсткамера, 1714). С 1703 г. стала выходить первая русская газета «Ведомости». Появились театры, оборудовались новые типографии, в которых печаталось все больше книг. Из Европы стали приглашать иностранных специалистов: инженеров, мастеров, медиков, офицеров. Петр I умер 28 января 1725 г. О нем см.: *Данилов*, 1999. С. 123–124; ИЭС. С. 542–543.

Петр III Федорович (Карл Петер Ульрих) (1728–1762) – российский император (с 1761), внук Петра I. Сын цесаревны Анны Петровны и герцога Гольштейн-Готторпского Карла Фридриха. По линии отца был прямым потомком шведского короля Карла XII. В 1742 г. был объявлен своей теткой императрицей Елизаветой Петровной наследником российского престола. В 1745 г. женился на принцессе Софье Августе Фредерике Ангальт-Цербстской. После смерти императрицы Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г. был провозглашен императором. Правил 168 дней. 28 июня 1762 г. был свергнут с престола в результате заговора, во главе которого стояла его жена Екатерина Алексеевна. После ареста и заключения в поместье Ропшу через неделю, 6 июля, был убит братьями А.Г. и Г.Г. Орловыми с ведома Екатерины II. От брака с Екатериной Алексеевной имел сына Павла. О нем см.: *Данилов*, 1999. С. 130–131; ИЭС. С. 544–545.

Путятин Абрам (Авраам) Артемьевич (?–1769) – генерал-майор, оренбургский губернатор (1764–1768). В 1727 г. определен солдатом в Суздальский пехотный полк. В чине бригадира принимал участие в Семилетней войне (1756–1762) После окончания войны в 1762 г. был произведен в генерал-майоры. В декабре 1764 г. был назначен оренбургским губернатором. Вступив в должность, Путятин приступил к упорядочению земельных владений и наведению порядка в Оренбургском крае. Внимание нового губернатора привлекли положение местного купечества и злоупотребления иногородних купцов, поэтому Путятин принимал различные меры для дальнейшего развития торговли и упрочения положения оренбургских купцов. В частности, на основании привилегии, данной Оренбургу 7 июня 1743 г., он удовлетворял просьбы казаков о перечислении их из казачьего звания в купеческое, имея ввиду, что «просители умножат число купечества, которого в Оренбурге очень мало и в купеческом звании сделают казне приращение платежом купеческого оклада и различных торговых пошлин». А.А. Путятин пытался решать и конфессиональные вопросы. В 1768 г. он был пожалован в сенаторы, а в 1769 г. умер. О нем см.: *Губернаторы*, 1999. С. 80–86.

Рейнсдорп Иван Андреевич (1730–1781) – генерал-поручик, занимал должность оренбургского губернатора с 1769 по 1781 гг., до выделения Оренбургской губернии в Уфимское наместничество (1781–1796). Службу начал 1 ноября 1746 г., будучи записанным в юнкеры Военной коллегии. В 1747 г. И.А. Рейнсдорп – поручик, в 1749 г. – капитан, а в 1755 г. – секунд-майор. В начале Семилетней войны (1756–1763) имел звание премьер-майора и участвовал в крупнейших операциях против прусской армии Фридриха II. За участие в главных сражениях Семилетней войны был удостоен в

1758 г. звания подполковника, а еще через год – полковника. При Петре III, который был поклонником Фридриха II, Рейнсдорп не был отмечен никакими титулами. Однако после прихода к власти в 1762 г. Екатерины II был вновь обласкан. Сразу же по восшествии на престол русская императрица произвела Рейнсдорпа в генерал-майоры, а через пять лет – 29 сентября 1768 г. назначила губернатором Оренбургского края. Ознакомившись с положением в регионе, Рейнсдорп в январе 1770 г. представил Екатерине II записку о преобразовании Оренбургского края. Свои предложения губернатор пытался воплотить в жизнь в течение всей административной деятельности. Вместе с тем он принял активное участие в подавлении пугачевского восстания. Екатерина II высоко оценила тот факт, что Оренбург выдержал шестимесячную осаду пугачёвцами и не был сдан. 1 мая 1774 г. И.А. Рейнсдорп был награжден орденом Александра Невского. Кроме того, императрица выразила ему и жителям Оренбурга благодарность именованным указом от 1 мая 1774 г., который гласил: «Оренбургскому губернатору Рейнсдорпу, военным и гражданским чиновникам и всем вообще жителям Оренбурга за оказанную верность при осаде оного бунтовщиками». Умер И.А. Рейнсдорп 3 февраля 1781 г. О нем см.: Губернаторы, 1999. С. 178–188; ОБЭ. С.87–102.

Роден Петр Андреевич – полковник Сергиевского ландмилицкого полка, с 1759 г. – командующий Уйской пограничной линией. О нем см.: КРО-1. С. 594.

Салтыков Петр Самойлович – боярин, смоленский воевода, казанский губернатор при Петре I. Его служебная деятельность началась в 80-х гг. XVII столетия; в 1684 г. П. С. Салтыкову в чине стольника было пожаловано вместе с братом Иваном село во Владимирском уезде в 386 дворов. В 1691 г. он был уже боярином и вскоре назначен воеводой в Смоленск. Сохраняя звание ближнего боярина и должность смоленского воеводы, П.С. Салтыков принимал деятельное участие в 1704–1706 гг. в военно-хозяйственных мероприятиях Петра I на восточном театре Северной войны; по личным распоряжениям государя собирал и снаряжал в поход смоленскую шляхту, заготавливал провиант, строил грузовые суда, устраивал засеки от Смоленска до Пскова и проч. Указом 6 марта 1711 г. П.С. Салтыков был назначен губернатором вновь образованной Смоленской губернии, но 20 января 1713 г. перемещен на должность губернатора в Казань, куда прибыл 10 августа того же года. Вверенная ему управлению обширная область была уменьшена наполовину в следующем году, когда указом 26 января 1714 г. ему было велено выделить из Казанской – новую – Нижегородскую – губернию. Система губернского финансового хозяйства П.С. Салтыкова выгодно отличалась от хищнической системы его предшественника П.М. Апраксина. Он аккуратно платил сборы, определенные табелью, но не стремился любыми способами увеличить сумму губернских доходов в ущерб благосостоянию плательщиков. «Для унятия от побегов» ясачных инородцев, он отменил все придуманные Апраксиным источники «приборов». В начале 1719 г. изнуряемый тяжкою болезнью П.С. Салтыков просил увольнения от дел и, получив отставку, прибыл в Москву. В конце того же года он, следуя примеру царя, отправился лечиться на Олонские минеральные воды и вскоре после этого умер. О нем см.: Большая биографическая энциклопедия, 2009. (http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/109780/).

Скалон Антон Данилович (1720–1777) – полковник, генерал-майор, с 1776 г. – генерал-поручик. Потомственный дворянин, уроженец России. Потомок семьи французских гугенотов, переселившихся после Нантского эдикта в Швецию. В 1710 г. его родители мигрировали из бывших остзейских провинций Шведского королевства в центральную Россию. В Российской империи фамильный клан Скалона считался немецким, ввиду приверженности его представителей традициям немецкой культуры и генеалогического родства многих из них в разных поколениях с балтийскими дворянами-немцами. В 1765–1777 гг. А.Д. Скалон проходил службу на пограничных линиях Западной Сибири, а в течение 1773–1776 гг. находился на должности командующего войсками на сибирских линиях. Умер в Усть-Каменогорской крепости (современный г. Усть-Каменогорск) и там же похоронен. Во время своей службы в Усть-Каменогорске составил совместно с капитаном И.Г. Андреевым рукописный словарь казахских терминов и выражений, ставший одним из первых в России русско-казахских словарей. О нем см.: Булич, 1904. С. 434; Андреев, 1998. С. 250. Комментарии И.В. Ерофеевой.

Соймонов Леонтий Яковлевич – бригадир, генерал-майор (с 1736), заведующий Башкирской комиссией в 1737–1739 гг. 21 марта 1729 г. был назначен на службу в Низовой корпус (экспедиционные войска, до 1735 г. остававшиеся после Персидского похода на западном берегу Каспийского моря), 23 ноября 1731 г. определен комендантом в Кронштадт, а 11 декабря того же года уволен по болезни в отпуск. 26 июля 1736 г. был назначен вице-губернатором в Астрахань с полномочиями по калмыцким делам. По прибытию к месту службы произведен в генерал-майоры. В конце января 1737 г. ему было поручено заведование Башкирской комиссией в Уфимской провинции и командование расположенными там войсками, а в мае того же года – расследование по делу об отдаче полковником Анненковым солдата Казанцева в работу башкирам. 3 марта 1740 г. Л.Я. Соймонов был назначен вице-губернатором в Казань и произведен в генерал-лейтенанты. В августе 1741 г. получил приказ немедленно принять Оренбургскую комиссию и «до указа» управлять ей. Однако из-за ссоры с определенным тогда в Уфу вице-губернатором Аксаковым Соймонов к месту назначения смог выехать лишь 2 февраля 1742 г. Будучи уже в пути, он получил указ, согласно которому главным командиром Оренбургской комиссии определялся И.И. Неплюев, и ему пришлось прибыть в Сенат. О нем см.: Губернаторы, 1999. С. 43–44.

Соймонов Федор Иванович (1692 – 11.07.1780) – русский ученый, гидрограф, картограф и географ. Учился в московской математико-навигационной школе (1708–1715). Участник российских морских компаний 1718–1719 гг., съемок Каспийского моря в 1718–1719 гг., Персидского похода 1722–1723 гг. Генерал-кригс-комиссар. По делу А.П. Волынского был сослан в Охотск (1740–1742). С 1753 г. – руководитель Нерчинской экспедиции, в 1757–1763 гг. – сибирский губернатор, сенатор (1763–1766). О нем см.: *Гольденберг*, 1966; СИЭ. Т. 13. М., 1971. С. 319.

Софья Алексеевна (17.09.1657 – 03.07.1704) – царевна, в 1682–1689 гг. – правительница России. Дочь царя Алексея Михайловича от брака с М.И. Милославской. Отличалась умом, энергией и честолюбием, была образованной женщиной. После смерти брата царя Федора Алексеевича в 1682 г. Софья Алексеевна приняла активное участие в борьбе придворных партий за царский престол. Воспользовавшись Московским восстанием 1682 г., партия Милославских захватила власть. «Первым» царем был провозглашен Иван V Алексеевич, «вторым» – избранный на царский престол Петр I Алексеевич, а Софья Алексеевна 29 мая провозглашена регентшей при обоих царях. Фактически она возглавила правительство, опираясь на В.В. Голицына, Ф.Л. Шакловитова и др. В 1689 г. партия Петра I одержала победу в междоусобной борьбе придворных партий. Софья Алексеевна была заточена в Новодевичий монастырь, а после подавления Стрелецкого восстания 1698 г. пострижена под именем Сусанны в монахини Новодевичьего монастыря, где и умерла. О ней см.: СИЭ. Т. 13. М., 1971. С. 362–363.

Станиславский Сергей Кириллович (1721–1776) – генерал-майор при Сибирском корпусе, один из участников подавления восстания Е.И. Пугачева. Происходил из польского шляхетства, службу начал при дворе придворным лакеем в феврале 1742 года. 24 ноября 1744 г. был пожалован в поручики и гренадеры лейб-кампании, 30 ноября 1749 г. – в вице-капралы с производством в капитан-поручики, а в 1754 г. – в капитаны. Через четыре года Станиславский был уже вице-сержантом Лейб-кампании (с 25 ноября 1758 г.), с чином премьер-майора. В октябре 1761 г. просил Сенат о занесении его в дворянский список, 30 марта того же года снова был принят на военную службу с чином полковника и назначен командиром Пермского карабинерского полка. 22 сентября 1767 г. произведен в бригадиры, а через год 22 сентября 1768 г. – в генерал-майоры с назначением в Сибирский корпус генерал-поручика И.И. Шпрингера. Во время восстания Пугачева состоял в отряде генерала-поручика Клапье-де Колонга и по приказу последнего в июне 1773 г. с небольшим отрядом выступил в Оренбургский край. После двадцатидневного форсированного марша он достиг крепости Орской, где должен был принять участие в военных действиях против Пугачева. В конце ноября Станиславский вышел из Орска и двинулся навстречу Пугачеву, который в это время находился в Ильинской крепости. Не доходя 25 верст до последней, он узнал, что крепость сожжена, а высланный им раньше отряд под начальством майора Заева разбит и взят в плен. После получения этих известий Станиславский, боясь попасть в руки самозванца, предпочел вернуться в Орскую крепость. В декабре 1773 г. Станиславский предполагал идти в Оренбург на помощь губернатору И.А. Рейнсдорпу, но не исполнил этот приказ из-за восстания

башкир. В марте 1774 г. он получил поручение наблюдать за движением повстанцев и рассылать объявления о поимке Пугачева. В апреле генерал-майор донес князю Голицыну, что Пугачев находится на Вознесенских казенных заводах; в ответ на это ему было приказано преградить самозванцу путь к Верхне-Яицкой крепости. Последнее известие о Станиславском относится к июню 1774 г., когда он со своей полевой командой находился вновь в Троицкой крепости. О нем см.: Энциклопедия Хронос (http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/stanislavski_sk.html).

Сумароков Степан Васильевич – бригадир, комендант Петропавловской крепости в 1777–1778 гг.

Сухарев Алексей Михайлович (?–16 мая 1752, Тобольск) – сибирский губернатор. Из семьи московских стрелецких полковников. В начале XVIII в. командовал Жилецким стрелецким полком, несшим гарнизонную службу в Севске и Полоцке. С 1706 г. участвовал в военных действиях в Польше. В 1711 г. А.М. Сухарев – русский комендант польского города Полонного. В 1722 г. – обер-комендант Тобольска и командир Енисейского полка, на этой должности находился до 1736 года. В 1726–1727 гг. он исполнял должность сибирского губернатора, в 1730–1732 гг. вел следствие о злоупотреблениях тарского воеводы Д. Рукина. В 1732–1733 гг. сопровождал в Санкт-Петербург и обратно, до границы, китайское посольство. В мае 1733–1736 гг. проводил в Иркутске следствие о А.И. Жолобове и временно занимал должность иркутского вице-губернатора. В 1736 г. по ложному извету А.М. Сухарев был арестован и доставлен в Москву в следственную комиссию А.П. Воынского. В 1740 г. был освобожден из-под следствия. В 1740–1742 гг. занимал должность тобольского вице-губернатора в чине бригадира. В ноябре 1742 г. был назначен сибирским губернатором в чине генерала-майора. Большую часть губернаторства находился под сенатским следствием, продолжая управлять губернией. О нем см.: *Акишин*, 2000. №5; *Рафиенко*, 2006.

Татищев Василий Никитич (1686–1750) – русский государственный деятель, историк. Родился в семье псковского помещика, окончил в Москве инженерную и артиллерийскую школу. Участвовал в Северной войне (1700–1721), выполнял различные военно-дипломатические поручения Петра I. В 1720–1722 и 1734–1737 гг. управлял казенными заводами на Урале, основал город Екатеринбург. В 1737–1739 гг. являлся начальником Оренбургской комиссии, в 1741–1745 гг. – астраханским губернатором. Научные интересы В.Н. Татищева сложились в связи с его государственной деятельностью под влиянием преобразований Петра I. Он подготовил первую русскую публикацию исторических источников, введя в научный оборот тексты «Русской правды» и «Судебника 1550 г.» с подробным комментарием. В.Н. Татищев положил начало развитию в России этнографии, исторической географии, источниковедения, составил первый русский энциклопедический словарь. В.Н. Татищеву принадлежит первый научный обобщающий труд по отечественной истории – «История Российская с самых древнейших времен (кн. 1–4. М., 1768–1784; кн. 5, СПб., 1848), который был написан на основе многочисленных русских и иностранных источников. Труд В.Н. Татищева представлял в свое время выдающееся явление не только по обилию впервые собранных сведений, но и по философскому и политическому освещению излагаемых событий. Он сохранил значение до сих пор как ценнейший памятник историографии и культуры XVIII века. О нем см.: СИЭ. Т. 14. М., 1973. С. 145–146; *Кузьмин*, 1986; Астраханские губернаторы, 1997. С. 31–38.

Тевкелев Алексей Иванович (Кутлу-Мухаммед Мамешевич), тат. – *Qotliməxəmmət Mameş uğıl Təfkiləv*, *Котлымəхəммəт Мамеш улы Тəфкилев*, *قوتلو محمد*; (1674–1766) – выдающийся российский политический деятель, татарский мурза из рода Тевкелевых, российский дипломат, основатель Челябинска. Переводчик «ориентальных языков» в Коллегии иностранных дел (1720-е – 1730) полковник (с 1734), бригадир (с 1742), генерал-майор (с 1755), участвовал в подавлении башкирских восстаний 1735–1740 гг. Службу начал при Петре I. Был переводчиком при нём во время Прутского похода 1711 г. и Персидского похода 1722–1723 гг. С 1734 г. на военно-административной службе в Оренбургском крае. Непосредственно участвовал в присоединении казахов Младшего жуза к России. В октябре 1731 г. был послан в Младший жуз во главе особой миссии для вручения Абулхаир-хану (1710–1748) царской грамоты и приведения казахских султанов и старшин к присяге на верность русской императрице. В сложной политической обстановке на территории западных кочевий казахов проявил

себя тонким дипломатом и успешно справился с возложенным на него поручением. С середины 1734 по декабрь 1739 гг. был помощником начальников Оренбургской экспедиции (с 1738 г. – комиссии) И.К. Кирилова и В.Н. Татищева, с 1747 по 1759 гг. – первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева. Пользовался большим авторитетом и доверием у правящей верхушки Младшего и Среднего жузов, особенно у старшего хана казахов Абулхаира. В Оренбургском крае принимал деятельное участие в строительстве новых крепостей, основал город Челябинск. 10 января 1760 г. был уволен на основании собственного прошения в отставку « в рассуждение глубокой старости». Умер 13 апреля 1766 г. в Петербурге. О нем см.: *Арапов*, 2002; *Ерофеева*, 2005. С. 5–50.

Титов Илья Тимофеевич (1720–1790) – полковник, комендант Семипалатинской крепости (1776–1787). С мая 1787 г. проживал у своего зятя в Троицкой крепости, где и умер в 1790 году. О нем см.: *Андреев*, 1998. С. 146, 152, 159, 172.

Урусов Василий Алексеевич (1690–1741) – военный и государственный деятель, князь. Род Урусовых восходит к 1580 г., когда ногайский князь Урус-мурза принял присягу на верность Ивану Грозному. В 1708 г. «был послан для науки» в Голландию. Возвратился в январе 1716 г. В 1718–1722 гг. вместе с Н.Н. Кожиным и Ф.И. Соимоновым возглавлял экспедиции, занимавшиеся картографическими съемками Каспийского моря. Флагманским офицером флота участвовал в Персидском походе 1722–1723 гг. В 1723 г. В.А. Урусов принимал участие в блокаде и взятии русскими войсками Баку. В 1725–1726 гг. исполнял должность заведующего Астраханским портом. В начале 1729 г. уволился «по прошению» из Астраханского адмиралтейства и перевелся на Балтийский флот. Через год стал советником Московской адмиралтейской конторы, а затем, с 25 октября 1730 г. – ее директором. В декабре 1730 г. Урусов – контр-адмирал и советник Адмиралтейства, а через два месяца – заведующий Морской академией и школами. Семнадцатого июня 1739 г. был произведен в генерал-полковники и назначен главным командиром Оренбургской комиссии вместо тайного советника В.Н. Татищева, принимал активное участие в подавлении восстания башкир 1739–1740 гг. После этого занимался устройством пограничной линии от Оренбурга (Орска) до Верхнеицкой (Верхнеуральской) крепости и дальше от нее в двух направлениях: на Челябинск через Исетскую провинцию и на Уйскую крепость. Принимал активное участие в деятельности татаро-калмыцкой школы. Скончался от цинги 22 июля 1741 г. в Самаре во время инспекционной поездки по управляемому им краю и здесь же похоронен в трапезной собора во имя Казанской Божьей Матери. О нем см.: *Губернаторы*, 1999. С. 36–42; *ОБЭ*. С.270.

Фрауендорф Карл Львович (Карл Филипп) (?–1767) – бригадир; с 1761 г. – генерал-майор. Сын прусского капитана Карла Филиппа фон Фрауендорфа. До поступления на русскую службу некоторое время проживал в Эстляндской губернии, где женился 13 января 1743 г. на местной дворянке Маргарэт Элизабет фон Врангель. С 1757 по 1764 гг. служил на пограничных линиях Западной Сибири, в 1761 – 1763 гг. был заместителем командующего Сибирским корпусом и пограничными линиями, а в 1764–1767 гг. – иркутским губернатором. Умер в Иркутске и там же похоронен. О нем см.: *Загорский*, 1912; *Быконя*, 1985. С. 101.

Хуэй Лин (?–1804) – наместник императора Цяньлуна в Тарбагатае. Происходил из рода *сартук* монгольского хошуна Белого знамени, сын сановника Военного совета Натинтая. В 1777 г. в чине *фудутуна* был назначен командиром (*линьдуй дачэнем*) илийского гарнизона. В 1780 г. по приказу генерал-губернатора (*цзянцзюня*) Или Илэту составлял списки семей илийских войск. В том же году был назначен тарбагатайским наместником (*цанцзань дачэнем*). В 1782 г. проводил инспекцию кочевий торгутов, казахов, урянхайцев Тарбагатая, представлял доклад о состоянии границ казахских и кыргызских кочевий и состоянии казны округа. В 1785 г. был отозван в Пекин, где получил чин *фудутуна* маньчжурских войск Желтого знамени. О нем см.: *Дай Цин личао шилу* (Правдивые записи периода правления великой династии Цин). Токио, 1936; *Маньцзу да цыдянь* (Маньчжуры). Энциклопедический словарь. Шэньян: «Ляонин дасюэ чубаньшэ», 1990; *Синьцзян лиши да цыдянь*. Историческая энциклопедия Синьцзяна. Отв. редактор Цзи Дачунь. Изд. 2-е. Урумчи: «Синьцзян жэньминь чубаньше», 1996; *Синьцзян цзяньши*. Краткая история Синьцзяна. Т. 1–4. Урумчи: «Синьцзян жэньминь чубаньшэ», 1978 – 1980; *Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе* (Стратегические планы умиротворения джунгар). Б/м, 1772.

Цин Гуй (?–1861) – маньчжур войска Желтого знамени с каймой, сын *дасюэши* Ицзишаня. В 1773 г. в чине *шлан* был направлен Илийским фудутуном *цанцзань дачэнем*. В том же году переведен в Тарбагатай (современный город Тачэнь). Докладывал императорскому двору о прибытии посольства Абылая с конями, которых он перегнал в Урумчи. В 1780 г. был переведен *цанцзань дачэнем* в Улясутай (расположен на территории современной МНР), но в связи с болезнью не смог выехать к месту назначения. В 1786 г. был назначен уполномоченным императора на границу Китая, затем служил генерал-губернатором в Маньчжурии в Шэньцзине (ныне Шэньян), провинции Цзилин и позднее – в Улясутае. Последний доклад от него о синьцзянских делах датируется 1819 годом. О нем см.: Дай Цин личао шилу (Правдивые записи периода правления великой династии Цин). Токио, 1936; Маньцзу да цыдянь (Маньчжуры). Энциклопедический словарь. Шэньян: «Ляонин дасюэ чубаньшэ», 1990; Синьцзян лиши да цыдянь. Историческая энциклопедия Синьцзяна. Отв. редактор Цзи Дачунь. Изд. 2-е. Урумчи: «Синьцзян жэньминь чубаньшэ», 1996; Синьцзян цзяньши. Краткая история Синьцзяна. Т. 1–4. Урумчи: «Синьцзян жэньминь чубаньшэ», 1978–1980; Циньдин пиндин чжунгээр фанлюе (Стратегические планы умиротворения джунгар). Б/м, 1772.

Цэван-Доржи (1733–1750) – правитель Джунгарского ханства под именем *Цэван-Доржи-Аджа-Намжил*, или *Аджа-Намжилу-хунтайджи* (1745–1750), второй сын и преемник хунтайджи Галдан-Цэрэна (1727–1745). Галдан-Цэрэн оставил после себя трех сыновей: Ламу-Дорджи, Цэвана-Дорджи и Цэвана-Даши. Ввиду малолетства Цэвана-Дорджи регентшей стала его старшая сестра Уламбаяр. В 1749 г. Цэван-Дорджи стал править самостоятельно, заключив в темницу и затем казнив регентшу-сестру. В том же году был свергнут с престола старшим братом Лама-Дорджи, отправлен в ссылку в г. Аксу, где умерщвлен. О нем см.: *Златкин*, 1983; *Моисеев*, 1984.

Цяньлун (1711–1799) – девиз правления четвертого императора маньчжурской династии Цин, правившей в Китае в 1644–1911 гг. Личное имя – *Хунли*, храмовое имя – *Гаоцзун*, годы правления – 1735–1796. В исторической литературе принято называть императоров по девизу их правления, а с его начала ведется хронология: соответственно – 1735 год является первым, а 1796 – шестидесятым годом правления Цяньлун. При Цяньлуэ завоеваны Монголия, Тибет, Восточный Туркестан, Джунгария и другие государства Центральной Азии; территория империи Цин расширилась до небывалых размеров, и Цинский Китай достиг своего наибольшего могущества. При нем впервые установлены посольские, торговые и культурные связи с казахскими ханствами. Изданы сборники документов по истории завоеваний, стратегические планы императорского дома, историко-географические описания приобретенных земель и другие фундаментальные труды, которые являются ценным источником по истории народов Центральной Азии. О нем см.: Дай Цин личао шилу (Правдивые записи периода правления великой династии Цин). Токио, 1936; Маньцзу да цыдянь (Маньчжуры). Энциклопедический словарь. Шэньян: «Ляонин дасюэ чубаньшэ», 1990; Синьцзян лиши да цыдянь. Историческая энциклопедия Синьцзяна. Отв. редактор Цзи Дачунь. Изд. 2-е. Урумчи: «Синьцзян жэньминь чубаньшэ», 1996; Синьцзян цзяньши. Краткая история Синьцзяна. Т. 1–4. Урумчи: «Синьцзян жэньминь чубаньшэ», 1978–1980; Циньдин пиндин чжунгээр фанлюе (Стратегические планы умиротворения джунгар). Б/м, 1772; СИЭ. Т. 15. М., 1974. С. 796; *Cordier*, 1920, Т. 3. Р. 346–407; *Elliott*, 2009.

Чичерин Денис Иванович (1720–1785) – губернатор Сибири (1763–1781). В 1735 г. был записан в Семеновский полк лейб-гвардии, в составе которого в 1740 г. стал сержантом, в 1741 г. – прапорщиком, в 1751 г. – подпоручиком, в 1753 г. – поручиком и в 1754 г. – капитан-поручиком. С 1762 г. впал в немилость при Петре III: исключен из гвардии и отправлен в отставку с правом проживания в родовом селе Ильинском вблизи города Белева, но без права поступления на государственную службу. Вызван из опалы Екатериной II, в апреле 1763 г. произведен в генерал-майоры и 10 августа того же года назначен губернатором Сибири, в 1768 г. ей же произведен в генерал-поручики. В 1765 г. приобрел для России Алеутские острова. Был известен как административной деятельностью по заселению и благоустройству территории вдоль тракта между Tobольском и Иркутском, так и участием в военном подавлении Пугачевского восстания в 1773–1775 гг. на территории Сибири и Исетской провинции. Во время восстания исполнял предписания Военной коллегии, отправляя из Сибири военные отряды под командованием генерал-поручика И.А. Клапье-де Колонга и генерал-майора

С.К. Станиславского. В частности, отправляя войска на защиту осажденного восставшими Оренбурга. В течение многих лет пользовался доверием Екатерины II, которую поддерживал еще до ее восшествия на императорский трон, и с которой вел личную переписку почти до самой отставки. Вышел в отставку в 1781 г. с повелением жить в родовом имении. Причиной отставки стали, в частности, наблюдения тайно посланного Екатериной обер-штер-кригс-комиссара Г.М. Осипова с поручением проведать о жизни губернатора в Тобольске, обвинившего Чичерина в недееспособности, казнокрадстве и взяточничестве. О нем см.: *Сухарева*, 2005.

Шпрингер Иоганн (Иван Иванович) (?–1771) – генерал-майор, с 1765 г. – генерал-поручик. Принадлежал к остзейскому дворянству. К середине 30-х гг. окончил 1-й кадетский корпус, на военной службе с 1738 года. До середины 50-х гг. имел чин полковника, с 30 июля 1757 г. – генерал-майор. В семилетнюю войну (1757–1762) был прикомандирован к австрийской армии. При Петре III был в течение нескольких месяцев шефом Белозерского пехотного полка. 3 марта 1763 г. произведен в генерал-поручики с назначением командиром над всеми русскими войсками в Западной Сибири. В 1763–1771 гг. командовал Сибирским корпусом и войсками на сибирских пограничных линиях. В 1767 г. был награжден орденом Св. Александра Невского. Под его руководством велись работы по строительству новой Колывано-Кузнецкой пограничной линии в районе Верхнего Прииртышья. В 1763 г. заложил Бухтарминскую крепость в районе верхнего течения Иртыша, а в 1768 г. – новую Омскую крепость на правом берегу реки Оми, из которой впоследствии вырос город Омск. Наряду с воинской службой, Шпрингер способствовал распространению европейских форм образования, культуры и искусства среди военнослужащих пограничных линий на территории современной Омской, Павлодарской, Северо-Казахстанской и Семипалатинской областей Казахстана, а также Алтайского края Российской Федерации. Он активно содействовал развитию торговых связей русского населения Западной Сибири с казахами Среднего жуза. И. Шпрингер умер в г. Омске и там же похоронен на юго-западной окраине иновещерского кладбища возле Ильинской церкви. Могила исчезла в 70-е гг. XIX в. О нем см.: *Вибе, Михеев, Пугачева*, 1994. С. 302–303; *Андреев*, 1998. С. 248–249. Комментарии И.В. Ерофеевой; Немцы России. Т. 3. М., 2006. С. 771–772.

Юн Гуй (?–1783) – маньчжур рода *байбу*, прикрепленного к знаменным войскам Белого знамени, из семьи переводчиков и писарей (битешу). В 1751 г. участвовал в завоевании провинции Чжэцзян, за ложное донесение разжалован и направлен в Баркуль для обслуживания войск. В 1756 г. участвовал в чине *цаньцзянь дачэнь* в покорении ойратов под командованием генерала (*цзянцзюня*) Чжао Хуэя. В 1758 г. отвечал за снабжение продовольствием войск, сражавшихся в Кашгарии против восставших уйгуров, которые боролись под предводительством братьев ходжей Бурхан ад-Дина и Джахангира за освобождение своего края. В 1759 г. Юн Гуй был переведен в Министерство наказаний на должность *шилан* по созданию военных поселений и проведению ирригационных работ в Урумчи на территории Синьцзяна. Участвовал в подавлении махачинов и восстания уйгуров в Уч-Турфане (Уши). В 1768–1769 гг. исполнял обязанности генерал-губернатора (*цзянцзюня*) Или, в 1770 г. переведен *цаньцзянь дачэнем* (советником генерал-губернатора) и *баньши дачэнем* (главноуправляющим) в Уч-Турфан и Яркенд. В последние годы жизни дослужился до помощника *дасюэши* и одновременно работал в Исторической комиссии в должности *шаншу*. О нем см.: Дай Цин личао шилу (Правдивые записи периода правления великой династии Цин). Токио, 1936; Маньцзу да цыдянь (Маньчжуры). Энциклопедический словарь. Шэньян: «Ляонин дасюэ чубаньшэ», 1990; Синьцзян лиши да цыдянь. Историческая энциклопедия Синьцзяна. Отв. редактор Цзи Дачунь. Изд. 2-е. Урумчи: «Синьцзян жэньминь чубаньшэ», 1996; Синьцзян цзяньши. Краткая история Синьцзяна. Т. 1–4. Урумчи: «Синьцзян жэньминь чубаньшэ», 1978–1980; Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе (Стратегические планы умиротворения джунгар). Б/м, 1772.

Комментарии

№ 1

1. *Кази* – шариатский судья.
2. *Накиб* – глава мусульманской общины.
3. *Шайх* (шейх) ал-ислам – верховный шайх (шейх) в местной общине.
4. *Сызнак* – город в Присырдарьинском регионе. Располагался на территории современного Жаңақорғанского района Кызылординской области Республики Казахстан.
5. *Табаррукат* – благословения, почести, приношения, преимущественно подарки святому мужу [Будагов, 1869. Т. 1. С. 340].

№ 2

1. Посланник Тауке Ташим-батыр был отправлен из Туркестана вместе с находившимися в плену у казахского хана с 1686 г. тобольскими татарами Теушмергеном Илчигенеевым и Ереняком Теритоновым 18–19 мая 1687 г. Они прибыли в Тобольск 6 июля того же года. По словам обоих татар, «от Тевки-хана-де ехали они до Тобольска шесть недель» [СПбФ АРАН Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 161 – 162 об.].

2. *Гаган* – искаж. форма собственного имени *Галдан*. *Галдан-Бошохту-хан* (1644 – 03.05.1697) – правитель Джунгарского ханства (1671–1697), обладатель (с 1678 г.) высшего в монгольском мире титула теократической власти *тензин-хан* (тиб. – *bs Tan'dzin*) – «хан веры, охранитель учения». Шестой сын основателя кочевого государства ойратов Батура–хунтайджи (1635–1654; годы правления).

В возрасте семи лет был отправлен отцом в Тибет для обучения в одном из буддийских монастырей с целью последующего посвящения в ламы. В 1651 г. переправлен из Лхасы в западную часть Тибета и определен в монастырь Ташилхунпо как перерожденец некоего Долчжен Рагба Чжалсана. Там в течение 12 лет Галдан проходил обучение на факультете Цаннид, то есть тайного эзотерического знания, дававший полный курс буддийской философии, под непосредственным руководством настоятеля этого монастыря IV-го Панчен-ламы Лобсана Чойчжи Чжалсана (1570–1662), который стал его главным духовным наставником [Кычанов, 1980. С. 7, 23; Heissig, 1944. P. 113; Раднабхадра, 1999. С. 83]. Весь образовательный курс Галдан прошел с пятилетним перерывом (1664–1669) за 15 лет и завершил свое обучение получением высшей ученой степени лхарампа [Монголын туухийн бага нэвтэрхий толь, 1988. С. 118]. В начале 1671 г. он готовился занять высокий пост настоятеля главного тибетского монастыря школы Гэлугпа – Гандан, расположенный в 30 км к востоку от Лхасы, но получив тревожное известие из Джунгарии об убийстве его единоутробного брата тайджи Сэнге старшими братьями из-за отцовского наследства, отказался не только от этого престижного сана, но и вообще от духовного звания.

В 1671 г. Галдан возвратился в ойратские кочевья, где перешел в решительное наступление на своих братьев и их союзников. В 1676 г. он нанес сокрушительное поражение войскам своего главного политического соперника – влиятельного главы ойратских хошутов Очирту-Цэцен-хана (1638–1680) и направил летом следующего года посланника к Далай-ламе с прошением о пожаловании ему высшего титула монархической власти.

30 июня 1678 г. Великий V-й Далай-лама Нгаван Лобсан Гьяцо (1617–1682) официально даровал Галдану-хунтайджи титул *Галдан-Тензин Бошогту-хан* (тиб. – *d'Ga'ldan'dzin bo shog thu khan*) – «благословенный хан веры, опора учения» [Кычанов, 2004. С. 547, 553–554; Ishihama, 1992, P. 503, 506]. Этот теократический титул рассматривался в самом Тибете и зависимом от него монгольском мире как символ сакральной природы верховной власти правителя, обусловленной ее высшим предназначением. По существу он означал, что носитель данного формального ранга не преследовал в ходе борьбы за власть «эгоистических интересов», а являлся активным поборником «желтого» учения, то есть осуществлял свою военно-политическую деятельность внутри страны и за ее пределами исключительно «от имени учения» и заботился «единственно об учении» [Ishihama, 1992. P. 506–507]. Иными словами, Далай-лама даровал титул *Тензин-хан* только тем монархам, от которых он уже получил определенный вклад в Гэлугпа и мог ожидать в дальнейшем еще более значительного вклада в реализацию ее интересов.

В связи с этим обстоятельством внутренняя политика Галдана в 70-х гг. XVII в. до и после получения высокого титула была направлена главным образом на укрепление позиций учения Цзонхавы

(Цонкапы) среди подвластных ойратских племен, что наглядно проявилось в основании им трех буддийских храмов и при них тантрических школ в кочевьях ойратов, возведении с ноября 1677 по апрель 1678 г. вблизи озера Зайсан крупнейшего в Джунгарии буддийского монастыря Бошохту-хан-хит (1678–1689), который до конца 80-х гг. XVII в. был самым многолюдным из ойратских монастырей и в создании по его инициативе в Илийском Капшагае с декабря 1676 по 1683 г. впечатляющей наскальной панорамы из пяти иконографических изображений божеств тибетского пантеона с обращенными к ним каноническими молитвенными формулами, то есть своего рода буддийского «храма под открытым небом» [Ерофеева, 2010. С. 511–516].

В 70-х гг. XVII в. Галдан проводил политику укрепления центральной власти в кочевом государстве ойратов, для чего дополнил в 1678 г. монголо-ойратское уложение 1640 г. новыми законами [Голстунский, 1880]. В 1678–1679 гг. он подчинил своей власти ханства Кашгарии, или Восточного Туркестана, поддерживал торговые и дипломатические отношения с Россией.

Как твердый и решительный приверженец учения Гэлуг, или Гэлугпа, Галдан-Бошохту-хан стремился расширить ареал тибетского буддизма в смежных с ойратскими кочевьями на западе регионах Центральной Азии, население которых традиционно исповедовало ислам. С этой целью он организовал с 1681 по 1687 г. семь крупных военных походов в Присырдарьинский регион и Фергану, рассчитывая силой обратить казахов и кыргызов в буддизм и присоединить занимаемые ими территории к Джунгарскому ханству. По поводу религиозной мотивации совершенных джунгарским тензин-ханом вторжений в присырдарьинские степи его посланники в Россию Аюка-Хашха и Очин-Хашха говорили в 1691 г. иркутскому воеводе Л.Г. Кислянскому: «Посылал-де Бушухту-хан в Казачью орду, чтоб они съединачились и веровали с ним, калмыцким Бушухту-ханом, и с ыными орды в одного Далай их ламу, оттого-де с ними учинилась и ссора, потому что они не похотели по-калмыцки в Далай-ламу веровать. И за то-де у них были бои великие, и многие-де их городы Бушухту-хан их разорил» [МИРМО-4. С. 340]

Согласно «Биографии Зая-пандиты», первый поход в южные казахские земли Галдан предпринял зимой в конце 1681 года. Отправившись со своим войском из района р. Боротал в район Средней Сырдарьи, он дошел до Сайрама и потребовал от управлявших городом наместников хана Тауке побудить местных жителей отречься от ислама и принять учение Гэлугпа. Городские аксакалы категорически отказались выполнить это требование, после чего джунгарский хан приказал своим воинам осадить Сайрам и тем самым вынудить горожан признать новую веру. Осенью 1682 г. в связи с приближением зимы Галдан был вынужден прервать многомесячную осаду непокорного города и отправился зимовать к реке Или. Но уже весной следующего года он «совершил [новый] поход на Сайрам», в ходе которого «пленил и привел [в свою ставку] двух султанов», причем один из них был сыном Тауке-хана [Раднабхадра, 1999. С. 98; Иванов, 1923. С. 57; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 3. Л. 195].

Осенью 1683 г. Галдан, по свидетельству биографа Зая-пандиты, предпринял военный поход на Андижан (Анджиан), который увенчался пленением его воинами многих ферганских кыргызов. Весной 1684 г. джунгарский хан снова «отправился походом» на Андижан, а вслед за тем летом того же года отправил своего племянника будущего джунгарского хунтайджи Цэван-Рабдана (1697–1727) на Сайрам. Захватив город, военачальник ойратов «разрушил его». Осенью 1685 г. Галдан-Бошохту-хан совершил третий по счету поход на Андижан и, проведя успешную военную кампанию против кыргызов и узбеков, «увел в полон многих беков» [Раднабхадра, 1999. С. 98]. По сообщению российского полномочного посланника в Китае Ф.А. Головина царскому правительству, весной 1687 г. Галдан-Бошохту-хан с «улусными своими людьми» вновь «приходил войною под Тевкихановы городы и отступил без дела» [МИРМО-4. С. 83]. В результате осуществленных правителем ойратов семи военных походов в присырдарьинские степи и соседнюю Фергану его войсками было захвачено и подвергнуто разорению 11 городов, подвластных казахским ханам и султанам. Это: Туркестан, Сайрам, Манкент, Харасман, Чимкент, Текек, Джан-курбан (Бабан Елган), Карамурт, Отрар, Ташкент и Чиназ [там же. С. 340–341].

Эти завоевания существенно осложнили экономическое положение казахских жузов и привели к разрыву их торговых взаимосвязей с соседними оседлыми народами Средней Азии, что в конечном счете и побудило хана Тауке искать пути сближения с царским правительством, чтобы обеспечить казахам беспрепятственный доступ на ближайшие российские рынки в Западной Сибири.

В 1688 г. Галдан, стремясь к объединению всех монгольских земель под своей властью и предотвращению присоединения Монголии к Цинской империи, вторгся во главе 30-тысячной армии в Халху (Северная Монголия), где нанес поражение местным князьям и столкнулся с Цинской империей. Отстаивая независимость монгольских государств от маньчжурской династии, он с 1690 г. вел военные действия против императора Канси. В ходе ожесточенных сражений с цинскими войсками Галдан в 1696 г. потерпел поражение в этой борьбе и после непродолжительной болезни 3 мая 1697 г. скончался в местности Ачаамутай, на территории Западной Монголии. Той же ночью труп его был предан сожжению. О нем см: *Courant*, 1912. P. 45–63; *Златкин*, 1983. С. 154–210; *Кычанов*, 1980; *Кычанов*, 2004. С. 517–618; *Perdue*, 2005. P. 144–208.

№ 3

1. *Бусормане* (бусурмане) – широко расхожий среди православных христиан того времени термин, обозначавший людей, исповедовавших ислам [Словарь, 1984. Вып. 1. С. 149].

2. *Бузрюк*, *бузрук* – тюрк. искаж. от перс. *бузург* – «большой», «великий». *Хазрат-и Бузург* – часто употребляемый титул суфийского шейха (шайха), в данном случае, вероятно, хазрата Баха уд-Дина Накшбанда.

3. *Исуп-пророк*, искаж. **Юсуф** (Йусуф) – исламский пророк, сын пророка Якуба (Йакуба), отличавшейся необыкновенной красотой и умевший толковать сны. Соответствует библейскому пророку Иосифу.

№ 4

1. *Зямшит-царь*, искаж. – **Джамшид** – иранский мифический царь, третий или четвертый по счету правитель из династии Пишдадидов. Правил будто бы 700 лет, из которых 300 лет люди жили счастливо.

2. *Фурюдун*, искаж. – **Фаридун** (*Фрейдун*, *Фиредун*, авест. *θraē-taona*) – иранский мифический царь из династии Пишдадидов, упоминаемый в «Авесте», пехлевийских источниках и «Шахнаме» Фирдоуси, разделивший мир между тремя сыновьями; победитель дракона; символ победы, справедливости и великодушия.

№ 5

1. *Сары-мурза*, сын Тактакелде (Тактагильдеев, Тангильдеев) и *Келде* (*Килдей*)-мурза, сын Тенебека были направлены весной – летом 1691 г. ханом Тауке к Ямышевскому озеру, чтобы передать тобольским юртовским татарам Азбакею Кулмаметову и Акметею Кучугаеву письмо своего патрона с предложением о восстановлении торговых связей между сибирскими купцами и казахами, прерванными из-за войны последних с джунгарами. Осенью того же года тобольский стольник и письменный голова Павел Шарыгин задержал посланников казахского правителя у озера и доставил их в Тобольск. Поводом для задержания Сары и Келде послужило нападение воинского отряда казахов в этом районе на русских служилых людей [СпбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 163 об. – 172].

2. Под *Солью* имеется в виду Ямышевское соленое озеро, расположенное на правой стороне Иртыша в его среднем течении, где казахские кочевья тогда смыкались с земельными владениями ойратских племен. С 20-х гг. XVII в. начались регулярные поездки сибирских служилых людей к озеру за солью, которая им выдавалась в качестве жалованья. Вместе с ними приезжали российские торговые люди, которые осуществляли здесь оживленный товарообмен с приезжими бухарскими торговцами, ойратами и монголами. Однако торговля часто прерывалась из-за набегов кочевников и грабежей торговых людей. [Вилков, 1967. С. 194–197 и др; МИРМО-2. С. 410 (Комментарии)].

№ 6

1. Непосредственным поводом для отправления ханом Тауке Кабая (Казбакая) Аталыкова и Туманчи-батыра в Тобольск с его письмами, адресованными русским царям, явилось долговременное насильственное удержание в плену по распоряжению Ивана V и Петра I ханского посланника мурзы Келде, который обвинялся в организации нападения кочевников на российских промысловых людей. В 1690 г. воинские отряды казахов и каракалпаков «приходили в Тобольский уезд и Тарханский острог сожгли и людей побили»; в 1691 г. они разорили Царево Городище (совр. Курган),

Утяцкую и Куртамышевскую слободы, напали на Тару и другие селения Западной Сибири [СпбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 171 об – 176; *Басин*, 1971. С. 109–110].

В связи с этим 14 июля 1692 г. «по указу великих государей и по грамоте» сибирским губернатором боярином С.И. Салтыковым из Тобольска было отправлено к хану Тауке российское посольство тобольского сына боярского Андрея Неприпасова (ум. в 1695) со служилыми людьми (конными казаками Алексеем Алемасовым и Василием Кобяковым «с товарищи», юртовским служилым татаринем толмачом Юлуем Шаманаевым и тобольским торговым татаринем Теушмергенем), чтобы потребовать от хана Тауке прекращения набегов его людей на сибирские слободы. 15 сентября 1692 г. посольство прибыло в Туркестан, но поскольку оно не только не доставило Келде-мурзу в Казахскую степь, а еще и передало правителю казахов официальный отказ российских властей выполнить его просьбу до урегулирования взаимных пограничных столкновений, российские посланники были задержаны Тауке в Туркестане [там же. Л. 182 и об; Л. 185 об. – 187 об; ИКРИ-1. С. 424–431].

Однако проблема возвращения пленных в родные кочевья имела важное значение для престижа старшего хана среди казахской знати трех жузов, поэтому осенью 1692 г. он направил в Тобольск новое посольство, включив в его состав наряду с собственными посланниками Кабаем и Туманчибатыром представителей других авторитетных властителей Степи: Кошагула (Гочагуля) – от своего зятя Абылай-хана, Оразымбета (Уразанбета) – от Каип-султана и Айжаши – от его родного брата Абылай-султана. Все эти посланники привезли в Тобольск письма своих патронов, адресованные русским царям. В них степные правители однозначно отрицали причастность подвластных им кочевников к нападениям на русские поселения и выражали общее стремление к развитию добрососедских отношений с Россией. Но их заверения не произвели ожидаемого впечатления на царское правительство [там же. Л. 177–178].

2. ...*Кызылкурт-абыза прозвище – Истяк...* Вероятно, здесь речь идет о ком-то из беглых башкирских повстанцев, скрывавшихся в кочевьях каракалпаков от преследований российских властей, так как *истяками* казахи и их ближайшие тюркоязычные соседи – каракалпаки обычно называли башкир.

№7

1. Посланник хана Тауке Тайкомыр-батыр, сын Култабай-аталыка вместе с тобольским толмачом Юлуем Шаманаевым и другими юртовскими татарами, входившими в состав посольства Андрея Неприпасова, отправились 5 октября 1693 г. из Туркестана в Сибирь и 28 ноября того же года прибыли в Тобольск [ИКРИ-1. С. 402, 427]. Основная задача доверенного лица верховного правителя казахов заключалась в освобождении мурзы Келде из российского плена, что нашло отражение и в текстах ханских писем Петру I и тобольскому воеводе А.Ф. Нарышкину.

Для урегулирования конфликтов с казахами в приграничных районах Западной Сибири тобольский воевода А.Ф. Нарышкин при отправлении батыра Тайкомыра в обратный путь снарядил вместе с ним посольство «литовского списка» казака Федора Скибина и конного казака Матвея Трошина с сопровождавшими их несколькими служилыми татарами, которое 4 апреля 1694 г. двинулось в Казахскую степь и 22 июля того же года прибыло в Туркестан, доставив казахскому хану мурзу Келде [там же. С. 407, 412]. Однако в Туркестане российские посланники столкнулись с такой неблагоприятной ситуацией, когда многие влиятельные лица Степи выражали явную заинтересованность в осуществлении воинских набегов на сибирские слободы и города. Позднее казак Василий Кобяков говорил по этому поводу в своих «расспросных речах» в Сибирском приказе, что «казаки живут по вольности своею, а Тевки-хана слушают по-малу» [там же. С. 431]. Под давлением сторонников набегов хан Тауке под разными предлогами оттягивал сроки возвращения обоих российских посольств в Тобольск. В конечном счете А. Неприпасов, пролежав всего два дня больным, умер 7 февраля 1695 года, а Матвей Трошин и Василий Кобяков, опасаясь за свою жизнь, были вынуждены бежать 30 мая в Бухару. Вслед за ними 17 октября того же года удалось вырваться из Туркестана и Федору Скибину. Соединившись в Бухаре, российские посланники через Хиву добрались в мае 1696 г. до Волго-Яицкого междуречья, а с низовьев Яика приехали в начале июля того же года в Тобольск [там же. С. 404–431].

2. *Казый-султан*. Имеется ввиду султан Младшего жуза Кажи (Аджа, Ажа, Казу, Казы, Казый, Кас, Хаджи, Ходжа), сын Ырыс-султана, отец будущего хана Младшего жуза Абулхаира [ИКРИ-3. С. 300],

который в то время управлял городом Саураном [Витсен, 2010. С. 465]. Умер или погиб при неизвестных обстоятельствах на рубеже XVII–XVIII веков [ИКРИ-9. С. 224–225].

3. В XVII – первой половине XVIII в. каракалпаки, по данным письменных и картографических источников того времени, расселялись по обе стороны среднего и нижнего течения Сырдарьи и жили в тесном соседстве с казахами Младшего жуза [Камалов, 1968. С. 25–54; История Узбекистана, 1993. С. 291–297; Жданко, 1998. С. 261–273; Ерофеева, 2011. С. 337, 350]. В последней четверти XVII в. они находились в зависимости от хана волжских калмыков Аюки (1672–1724), который после подписания в 1684 г. очередного шертного договора с царским правительством проводил активную внешнюю политику в Арало-Каспийском регионе [Бакунин, 1995. С. 26; СпбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 173–176]. Вместе с тем, в конце 70-х – начале 90-х гг. XVII в. каракалпакские кочевья стали последним убежищем для «казачествовавшего» Кучумова царевича – внука сибирского хана Кучума (1563–1595) по линии его сына Аблая султана Кучука, бежавшего из Восточной Башкирии после подавления восстания 1660-х гг. в присырдарьинские степи. Одновременно с ним и в более поздние годы в эти отдаленные места устремились также некоторые мятежные башкиры, чтобы укрыться там от преследований российских властей.

Султан Кучук играл важную консолидирующую роль в башкирском восстании 1660-х гг. на Южном Урале и в смежных районах Западной Сибири, так как одним из массовых лозунгов этого движения был отказ от подданства русскому царю. Именно его имели ввиду восставшие башкиры и татары в 1662 г., говоря после разгрома ими Мурзинской слободы: «Поднялся на Русь наш царь» [Устюгов, 1947. С. 64; Трепавлов, 2012. С. 108]. По данным В.В. Трепавлова, в конце 1660-х гг. сплотившиеся вокруг Кучука группы башкир, татар и калмыцких тайшей, недовольных российским правлением, провозгласили своего символического лидера ханом [Трепавлов, 2012. С. 119]. В связи с этим событием он в 1669 г. обозначил свой ранг в интитуляции послания, адресованного царю Алексею Михайловичу, как *Кучук Баатырь царь*, что соответствует тюркской формуле *Кучук-Бахадур-хан* [там же. С. 118]. По представлениям всех этнических групп евразийских кочевников того времени, их сюзереном мог быть выходец из любой династии джучидов независимо от его постоянного места проживания. Поэтому право Кучука на статус верховного правителя признавалось не только на территории Башкирии, но и в смежных с ней на юго-востоке землях Центральной Азии.

После разгрома основных отрядов башкирских повстанцев фигура Кучука фактически выпала из поля зрения сибирской администрации, но это вовсе не означало его физического исчезновения в последующие годы. Так, по «расспросным речам» в апреле 1708 г. в Астраханской приказной палате некоего султана Мурата, привезенного незадолго перед тем в Башкирию лидером восстания 1707–1711 гг. Алдаром Исекеевым из «чужей орды» – Каракалпакии, Кучук бежал более 30 лет назад с территории Южного Урала в кочевья каракалпаков, где какое-то время был «каракалпацких и киргиских народов хан», а через несколько лет погиб «на войне у Гречаных от Аюки-хана» [МИБАССР. С. 238–239]. Эта ретроспективная информация в основном согласуется с «расспросными речами» посланника казахского хана Тауке Кабая Аталыкова в Тобольской приказной палате 6 ноября 1691 года. В «допросе» он рассказал, что «в прошлом-де году (т. е. в 1689/90 г.) по посылке их, каракалпаков, Аюка-тайша дал им во владельцы прежнего Кучумова отродья царевича, а имени-де он ему не знает; и ныне-де те каракалпаки того царевича называют ханом. А кочуют-де они за Уральским камнем, а Тевки-хану-де те каракалпаки неподсудны, и ссора с ними из давних лет» [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12. Л. 165 – 166 об, 173–176].

Исторический факт откочевки царевича Кучука с группой семей салжеутского, барынтабынского, шуранского, буранского и кипчакского родов башкир в кочевья каракалпаков в 1671 г. подтверждается сведениями статейного списка Б. Пазухина, составленного в том году и некоторых других российских документов последней четверти XVII в., на которые ссылается историк С.У. Таймасов. [ИКРИ-1. С. 365; Таймасов, 2009. С. 108]. Та же дата фигурирует и в доношении Уфимской провинциальной канцелярии Коллегии иностранных дел от 8 июня 1732 г., отправленном по случаю приезда посланников хана Абулхаира в Уфу. В нем, в частности, отмечается, что по собранным местными чиновниками «скасам» прибывших в недавнее время из Каракалпакии 100 башкирских семей, «отцы-де их были взяты каракалпацким Кучук-ханом и неволею в каракалпацкую землю тому назад з шездесят лет [т. е. – в 1671 г. – И.Е.]. И жили-де они в той земле своими домами, а ясак брал с них

каракалпацкий хан. Которых чрез Абулхаир-хана, також-де чрез знатных старшин Букенбай-батыря, и Исет-батыря, и Худай-Назар-мурзы уфимский дворянин Волосатов ис каракалпацкой земли освободил» [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1732 г. Д. 2. Л. 109 – 110 об.].

В конце июля 1696 г. участник российского посольства А. Неприпасова к хану Тауке В. Кобяков докладывал в Тобольске после своего возвращения из казахских кочевий, что находясь среди казахов, он слышал о проживании в каракалпакских землях «Уфинского уезду башкирцов, которые изменили с Кучук царевичем». По его словам, пришлые башкиры являлись проводниками («вожами») объединенных казахско-каракалпакских отрядов в ходе их набегов на русские поселения в Западной Сибири и участвовали в разорении этих слобод. [ИКРИ-1. С. 431]. Товарищи В. Кобякова по перенесенным злоключениям в Туркестане тобольские казаки Ф. Скибин и М. Трошин, со своей стороны, тогда же сообщили сибирским властям в составленной ими «Росписи Казачьей орды городкам», что один из этих городков, расположенный недалеко от Туркестана, в недавнем прошлом «по ведомости разорил-де Кучук-салтан-хан» [там же. С. 379]. Из процитированных сообщений нетрудно заметить, что во всех них речь идет от одной и той же исторической фигуре – внуке сибирского хана Кучума царевича Кучуке, который в 1671 г. откочевал из Башкирии в присырдарьинские степи и был признан какой-то частью каракалпаков своим ханом. Из содержания этих документов также можно понять, что отдельные группы казахов участвовали в набегах подвластных ему каракалпаков на русские слободы и остроги в Западной Сибири, но в целом взаимоотношения казахских и каракалпакских родов в то время носили сложный и неоднозначный характер.

И, наконец, заслуживает особого внимания краткое описание подвластных казахским ханам и султанам присырдарьинских городов и, в первую очередь, главной достопримечательности Туркестана – мавзолея Ходжа Ахмета Ясави, составленное не позднее 1695–1696 гг. голландским бургомистром и путешественником Н.-К. Витсеном на основе показаний русских посланников в казахские земли и тобольских купцов. В нем Витсен утверждал, что « в этом мавзолее лежит Кучук Хан – небольшой принц, который раньше воевал вместе с башкирами против сибирцев. На нем лежит камень яшмы» [Витсен, 2010. С. 466]. Из этого сообщения и процитированных выше исторических документов можно сделать однозначный вывод о том, что мятежный царевич Кучук провел свои последние годы жизни в Присырдарьинском регионе, умер не позднее 1678 г., либо на рубеже 1680–1690-х гг. и был похоронен в усыпальнице знаменитого суфийского святого.

В конце XVII – первой половине XVIII в. разнообразные слухи о благополучном пребывании султана Кучука, его родственников и ближайших потомков в « чужих краях» получили широкое хождение среди башкир Южного Урала и их ближайших соседей – казахов Младшего и Среднего жузов. Они послужили благодатной почвой для появления в Восточной Башкирии и Казахской степи четырех самозванцев, выдававших себя за потомков бежавших к каракалпакам внуков хана Кучума – царевичей Кучука и его двоюродного брата Девлет-Гирея, сына Чувака.

Двое из них, башкиры по происхождению: один – безымянный уроженец Уфимского уезда, казненный российскими властями в 1708 г.; второй – местный ахун по имени Абдрахман (Габдрахман), бежавший в 1739 г. из Башкирии в кочевья «верхних каракалпаков», – называли себя сыном и родственником царевича Кучука, «бывшего у каракалпаков хана» [МИБАССР. С. 238–243 (Лжемурат I); КРО-1. С. 208–209; ИКРИ-6. С. 69; История Казахстана, 2013. С. 7–9 (Лжемурат II)]. Третий по счету самозванец – башкир Юрматынской волости Ногайской дороги Миндигул Юлаев, или Карасакал (1691–1749; о нем см: коммент. 1. к Док. №86), выдавал себя за чингизида Султан-Гирей-хана, потомка двоюродного брата Кучука царевича Девлет-Гирея, сына Чувак-султана. [МИБАССР. С. 488–492]. Другим мнимым потомком Девлет-Гирея, сыном некоего Асфендиар-хана, братом мифического хана Султан-Гирея султаном *Искандаром* (Искандером) именовался некий обедневший простой казах Младшего жуза, работавший по найму в 1739 г. у отдельных башкир Ногайской дороги [МИБАССР. С. 377, 400–401; РГАДА. Ф. 248. Кн. 1191. Л. 163 – 166 об., 178 – 179 об., 217 – 219 об., 226–240].

До середины 90-х гг. XVII в. каракалпаки имели наряду с пришлыми Кучумовыми царевичами своих собственных правителей и в политическом отношении не зависели от казахских ханов, но в последующее время эта ситуация существенно изменилась.

№ 8

1. Письмо Тауке написано на персидском языке. Это обстоятельство заслуживает особого внимания. В приписке к его русскому переводу XVII в. отмечено: «А лист переводил тобольской юртовской бухаретин агун Максют Алимов. А толмачили тобольские ж городовые татарские толмачи Амелька да Ивашко Чекеевы». Следовательно, сначала оригинал письма перевел с фарси на тюрки бухарец ахун Максют Алимов, а потом этот тюркский перевод переложили на русский язык толмачи татары Чекеевы.

Отметим грамматические особенности письма.

Везде Тауке, как правитель, обращается от себя в первом лице во множественном числе («мы», «наши» и т.д.). Перевод дается почти повсюду в первом лице единственного числа («я», «мои»). К Нарышкину он обращается иногда в уважительной форме от третьего лица во множественном числе («они»).

В письме употребляется исключительно редкий для фарси термин *аллауит*. В русском переводе XVII в. он обозначен как «боярин и воевода». В чагатайском тюрки он употреблялся в значении «помещик, дворянин, барин, господин» [Будагов, 1869. С. 80]. Это слово, отмечает Л. Будагов, вероятно, перешло из монгольского языка, на котором *албағун* (множественное – *албағут*) означает «данник». В казахском языке это слово в форме *алпауыт* имеет значения «большой, громадный; помещик; монополист» [Казахско-русский словарь, 2001. С. 52].

Персидский глагол *фармудан* («приказывать»; «соизволить что-либо сделать или сказать») употребляется в значении «посылать», что характерно для среднеазиатского фарси. Вероятно, это – тюркская семантическая калька (сравни в узбекском *буйромоқ* – «приказывать», «отправлять», «велеть ехать»).

Персидский глагол *андахтан* («бросать») используется в качестве модифицирующего глагола в значении прекращения действия (*зуфта андахтим* – «мы сказали, мы назвали»). Это – тюркская семантическая калька, потому что соответствующий ему глагол в казахском языке – *тастау* – в качестве модифицирующего глагола употребляется в том же значении.

Язык письма Тауке-хана представляет собой редчайший образец казахского варианта среднеазиатского фарси. Отличительными чертами этого регионального варианта фарси выступают отмеченные выше во втором и четвертом абзацах грамматические особенности.

№ 11

1. *Контайша* – искаж. – *хунтайджи*. Имеется ввиду **Цэван-Рабдан** (1665–1727) – джунгарский хунтайджи (с 1697 г.), сын тайджи Сэнге (1638–1671), племянник Галдан-Бошохту-хана. В начале 80-х гг. XVII в. опасаясь своего дяди, бежал с ближайшими сподвижниками сначала на р. Каратал, а затем в Кашгарию (Восточный Туркестан) и вступил в переписку с цинским императором Канси (1662–1722). Во время похода Галдана в Халху, в конце 1688 или в начале 1689 г. Цэван-Рабдан возвратился из Уч-Турфана в Джунгарию и в 1697 г. захватил власть в стране. Правил под титулом *Эрдени-Зорикту* (*Журукту*)-*Батур-хунтайджи*, пожалованным ему Далай-ламой в том же году.

В течение всего периода правления проводил активную внешнюю политику, с 1698 по 1725 гг. неоднократно вел войны с казахами. В конце 1716 г. овладел Тибетом, но в 1719 г. потерпел поражение от цинских войск, и весной 1720 г. Тибет был освобожден от ойратов. Умер в конце 1727 года. Имел шесть сыновей и четыре дочери. Его генеалогию, биографию и состав потомства см: *Pallas*, 1776. P. 42–43; *Gegen S. 46 II Stamtafel*; МИРМО-1. С. 303, 305; *Courant*, 1942. P. 64–89; *Hummel*, 1944. T. 2. P. 757–758; *Златкин*, 1983. С. 214–235; *Мусеев*, 1998. С. 9–51; *Perdue*. 2005. P. 209–249.

2. ...*Печать Абуляй-султана Усряев-султанова* – искаженная форма передачи в переводе на русский язык имени *Косроу* (Хосроу), так звали отца будущего старшего хана казахов Каипа I и его брата султана Абылая.

№ 12

1. *Назад того письма...* – то есть, на обратной стороне листа.

2. Перевод письма носит неполный и приблизительный характер. Из помещенной ниже его текста приписки служащих губернской канцелярии трудно понять, о какой «грамоте», отправленной в Туркестан хану Болату, здесь идет речь. Других документов, уточняющих это сообщение, в деле не имеется.

3. *Дороги* – прав. *дарагил* – иранская шелковая и полушелковая ткань типа тафты, полосатая и клетчатая; использовалась для шитья верхней одежды и на подкладку.

4. *Зендень* – от перс. *занданачи* – название особого вида ткани, издавна производившейся в Средней Азии, которая изготавливалась в селении Зандана Бухарского ханства и от него получила свое наименование. В российских документах XVII–XVIII вв. под общим названием «зендень» подразумевались разные виды хлопчатобумажной материи [История Узбекистана, 1993. С. 113].

№ 14

1. С конца XVII в. и в течение всей первой половины XVIII в. в кочевьях каракалпаков значительно усилилось политическое влияние казахских ханов и султанов. В 1695 г. хан Тауке подчинил многие роды каракалпаков своей власти и поставил управлять ими одного из своих сыновей. Параллельно с ним другой частью родов управлял некий Табурчак-султан, который в 1696 г. погиб в Хиве в ходе междоусобных столкновений узбекской знати. В 1709 г. одним из правителей каракалпаков был сын Табурчака Каип-султан. С 1720 по 1727 гг. в российских исторических документах в том же статусе фигурирует племянник Кучумовича Кучук-султана Ишим-Мухаммад и некий Султан-Мурат-хан. В 1715 г. Ишим был призван на хивинский престол, но через несколько недель или даже дней бежал из Хивы в свои кочевья на Сырдарью. В 1724–1727 гг. в документах Астраханской губернской канцелярии «каракалпакскими ханами» называются также ханы Младшего и Среднего жузов Абулхаир и Самеке. Позднее, в 1740–1743 гг. каракалпаками управляли сын Ишим-Мухаммада Каип-хан, его брат Губайдула-султан и Урускул. Все эти данные косвенно свидетельствуют об отсутствии у каракалпаков в тот период единой (многоуровневой) политической системы и о локальном значении института ханской власти.

Во второй половине 20-х гг. XVIII в. в результате захвата джунгарами района среднего течения Сырдарьи каракалпаки разделились на верхних и нижних: первая группа родов попала в зависимость от Джунгарского ханства, а «нижние каракалпаки» до середины XVIII в. – от ханов Младшего жуза [Иванов, 1935. С. 57–70; Камалов, 1968. С. 25–54; История Узбекистана, 1993. С. 291–297; Жданко, 1998. С. 261–273; ИКРИ-2. С. 295–299, 302, 304–306, 315; FI, 1999. P. 566–569].

2. Понятием *Ака Аштак*, или *Ака Истяк* казахи обозначали башкир, занимавших территории по обе стороны среднего течения Яика (Урала). Термин *ака* в этой композиции имеет географическое значение – «речной» (от булгарского *ака* – «полноводная река с быстрым течением»).

3. Титул *чухра-агасы* (*чора-агасы*, *чурагасы*, *чухра-агасы*, *чухра-акабаши*) встречается и в письме хана Абулхаира оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву от 3 августа 1745 года (см. Док. № 134). Он был заимствован правящей элитой казахов, по-видимому, из официальной номенклатуры чинов Бухарского и Хивинского ханств и представлял собой почетное звание, жалуемое ханом особо отличившимся выходцам из традиционной знати «черной кости» (биям и батырам) за определенные заслуги перед верховной властью.

В Бухаре XIX в. это звание являлось предпоследним, то есть одним из самых низших по рангу отличий в сложившейся иерархии чинов и соответствовало должности начальника придворного караула [Семенов, 1954. С. 60–61; Таджикско-русский словарь, 1986. С. 153; НОБКН. С. 405; *Вамбери*, 2003. С. 270]. По отдельным эпизодам из истории Хивинского ханства известно, что титул *чухра-агасы* в XVII в. имел некий Досым, сын Рустам Инака из кунградов при дворе хорезмийских правителей – Шибанидов, в другом случае оно было пожаловано в 1865/66 г. хивинским ханом вождю туркмен [FI, 1999. P. 93; Notes. № 493. P. 600 (Прим. Ю. Брегеля)]. Присвоение этого звания практиковалось и в Кокандском ханстве, где его обладателями были представители одной из низших и малооплачиваемых категорий военных чиновников (*хавалдар* – унтер-офицер) [Бейсембиев, 2009. С. 59].

4. Вероятно, имеется ввиду неудачный для России Прутский поход Петра I летом 1711 года.

№ 15

1. *Балгаир*. Речь идет о хане Младшего жуза Абулхаире (1710–1748), младшем политическом партнере хана Каипа с 1715 по 1718 годы. Весной – летом 1715 г. он во главе большого воинского отряда казахов совершил набег на башкирские кочевья, расположенные на территории Казанской губернии в долине реки Черемшан, затем напал на казачью станицу Новошешминск (ныне село,

административный центр одноименного района Республики Татарстан) и «оный пригород выжег». Вслед за тем башкирские батыры предприняли ответные вторжения в приграничные казахские аулы. В связи с этим осенью 1715 г. в целях «пресечения башкирской и киргиз-казачьей ссоры и размена их полонянников» в Казань прибыл и вел там переговоры с местным губернатором П.С. Салтыковым посланник обоих ханов Тойгунур Култабайулы. Переговоры остались незавершенными и были продолжены три года спустя по инициативе Каипа и Абулхаира. [Из истории Казахстана, 1938. С. 145–146; МИКССР-2. С. 76; МИБАССР. С. 278–284, 298–300].

2. **Сеит** – выходец чувашского происхождения из селения Челны Казанского уезда одноименной губернии, участник башкирского восстания 1707–1711 гг., бежавший около 1714 г. в присырдарьинские степи к каракалпакам. В 1715–1718 гг. совместно со своим племянником Абдреманом Таукиным возглавлял набеги объединенных воинских отрядов казахов и каракалпаков на приграничные населенные пункты Казанской губернии [К истории каракалпаков XVIII в., 1938. С. 234, 237–238, 243; КРО-1. С. 30; *Басин*, 1971. С. 123–124; *Таймасов*, 2009. С. 260].

3. *Калмаками*, или *калмыками* (каз. – *калмак*) ойратов называли их тюркоязычные соседи: сибирские татары, ногайцы, казахи, кыргызы, узбеки и другие народы. Ойраты Джунгарии, кочевавшие в верхнем и среднем течении Или и ее притоков и в бассейне Иртыша, назывались казахами *кара калмак* – то есть «черными калмаками» и *йукари калмак* – «верхними калмаками». Та часть ойратов (роды тургутов и дербетов), которая к 40-м гг. XVII в. окончательно переселилась на Волгу, обозначалась ими термином *тубанги калмак* – то есть «нижними калмаками». [КРО-1. С. 102 (факсимиле оригинального текста послания биев Старшего жуза Анне Иоановне от 23.11.1732 г.); см. также факсимиле писем Абулхаира, Абулмамбета и Абылая 40-х гг. XVIII в. в этом издании]. Все эти названия были заимствованы в XVII – начале XVIII в. от тюркоязычных народов русскими служилыми людьми.

№ 16

1. Осенью 1717 г. хан Абулхаир с десятитысячным воинским отрядом башкир, казахов и каракалпаков совершил новый поход через башкирские кочевья в Казанский уезд, захватил Новошешминск и, по словам П.И. Рычкова, «взяв оный, многое число людей в полон побрал; но оные доброю поступкою полковника Суязы отбиты, и те киргиз-кайсаки с немалым их уроном ретироваться были принуждены» [Рычков, 2001. С. 25]. За военным походом хана Младшего жуза последовали ответные вторжения башкир в казахские аулы, которые происходили в 1717 и 1718 годах [МИБАССР. С. 283.; ПСИ-2. С. 156, 162–163]. На этой почве в русско-казахских отношениях важное значение приобрела проблема взаимного обмена пленными и необходимость нормализации военно-политической обстановки на границе России с Младшим и Средним жузами.

В конце 1717 г. для решения обоих вопросов из Казани был отправлен к Каипу и Абулхаиру уфимский дворянин Федор Жилин, который более полугодом пробыл в Туркестане и только в декабре 1718 г. вместе с башкирами был доставлен посольством батыров Тантая Арасланулы и Тойгунура Култабайулы в Казань [КРО-1. С. 28–29.]

2. **Турсын** (Турсун, ум. в 1717) – хан многих родов племени найман Среднего жуза, не позднее, чем с 1690/93 г., управлял в ранге хана отдельными родами племени конрат и частью родов племени найман. Представитель династийной ветви Жадик-султана, сын султана Кодайменде, внук Кушык-султана [ИКРИ-3. С. 300–301; Бөкейхан, 1995. С. 114]. Кочевал в районе между Иканом и Отраром, имел постоянную ставку в г. Икане [Витсен, 2010. С. 465; ИКРИ-6. С. 25; *Вельяминов-Зернов*, 1864. С. 368]. Был отцом будущего хана Кушыка (после 1717–1750) и султана (с 1749 г. – хана) Барака (ум. в 1750). Умер в 1717 году.

№ 17

1. Посланник ханов Каипа и Абулхаира Елмет (Алимет) Баулыкулы (Бавлуков) «с товарищи» были отправлены из западных кочевий казахов в Тобольск в феврале 1718 г. и около двух месяцев спустя прибыли в столицу Сибири. 1 мая 1718 г. они одновременно с вручением князю М.П. Гагарину официального письма своих патронов сообщили «на словах» о благополучном прибытии в апреле того же года его посольства во главе с Борисом Брянцевым на территорию Младшего жуза к хану Каипу и устно заверили сибирского губернатора в желании казахов с «людьми царского величества быть в миру» [КРО-1. С. 26, 23].

2. **Мамай** (ум. в 1728) – султан Младшего жуза. Второй сын Токтамыс-султана, старшего сына Казы-султана, родной племянник хана Абулхаира [ИКРИ-3. С. 300]. До конца 20-х гг. XVIII в. кочевал в западной части Степи, в том числе на территории Северо-Восточного Приаралья; зимой 1718 г. активно содействовал отправлению посольства ханов Каипа и Абулхаира во главе с Елметом Баулыкулы в Тобольск к сибирскому губернатору М.П. Гагарину.

После убийства в начале 1728 г. Шибанида Ширгазы-хана (1715–1728) в Хиве Мамай был приглашен узбекской знатью на ханский престол и отправился в столицу Хорезма, где был поднят на белой кошке и провозглашен новым правителем этого государства под именем *Сары-Айгыр-хана*. Но шесть дней спустя после вступления на хивинский трон во время следования верхом на коне из ханской резиденции в городскую мечеть к пятничному намазу он был скинут на землю вздыбившимся аргамаком и тут же на месте умер [МИКХ. С. 463, Fl, 1999 .Р. 62; КРО-1. С. 68].

3. *Алацкие улусы*. Имеются ввиду все три этнотерриториальные части казахского народа – жузы, традиционно обозначавшиеся казахами термином *Уш Алаш*. Это название восходит к генеалогической легенде о мифическом родоначальнике казахского народа Алаша-хане, у которого было три сына, ставшие прародителями трех жузов казахов. По этому поводу Ч.Ч. Валиханов в середине XIX в. писал: « Все три орды, составляющие союз *Казах* (так называют себя киргизы), считают своим родоначальником некоего Алача, что значит чужеземец, или, буквально, не наш... Кто такой был Алача, откуда он взялся, народное предание повествует различно» [Валиханов, 1985. Т. 2. С. 308].

Традиционное казахское общество имело сложную и разветвленную родоплеменную структуру и подразделялось на *Старший, Средний и Младший жузы*. В российских документах XVIII – середины XIX в. они обычно назывались *Большой, Средней и Малой, или Меньшей, ордами*. Каждый жуз, в свою очередь, делился на несколько крупных племен (в Старшем и Среднем жузах) и поколений (в Младшем жузе), а те и другие – на роды, их отделения и более мелкие ответвления, связанные традицией единого генеалогического древа. Подробную информацию об исторической номенклатуре казахских племен, поколений, родов и существующих в науке разных точках зрения на проблему происхождения трех жузов и составляющих их родоплеменных групп кочевников-казахов см.: *Масанов, 2011. С. 93–276*.

№ 18

1. Посланники сибирского губернатора М.П. Гагарина к ханам Каипу и Абулхаиру Борис Брянцев, Яков Тарыштин и Кабай Мамеев, отправленные вместе со служилыми татарами в начале 1718 г. из Тобольска в Туркестан, 21 января достигли приграничных северо-восточных кочевий казахов, где пробыли до начала апреля, чтобы подробно осведомиться о результатах прошлогодней войны казахских правителей с джунгарским хунтайджи Цэван-Рабданом. « Получа о вышеобъявленной войне ведомость», они последовали в апреле в западную часть Степи и 4 мая 1718 г. прибыли в летнюю ставку хана Абулхаира на р. Ыргыз; но уже несколько дней спустя отправились из кочевий Младшего жуза на юг в Туркестан. К хану Каипу Борис Брянцев со своими спутниками приехали 25 июня и, прожив в Туркестане более 20 дней, 5 или 6 августа 1718 г. возвратились в Тобольск. [КРО-1. С. 22–25].

2. *...прошлого году...контайшины в два пойма нашу землю воевали...* Под этими военными действиями подразумеваются массивные вторжения джунгарских войск под командованием дей-она Цэрен-Дондоба Младшего в 1716 г. на территорию Среднего и Старшего жузов, в ходе которых большое количество казахов было захвачено в плен и о неудачном для казахских полководцев сражении с двумя крупными отрядами ойратов весной – летом 1717 г. на берегу реки Аягоз, разделявшей тогда на востоке Степи казахские и ойратские кочевья [Моисеев, 1991. С. 69–70; Бобров, 2009. С. 83–112]. В результате понесенного здесь казахами серьезного поражения джунгары получили возможность проникать далеко вглубь казахских кочевий, что резко подорвало авторитет хана Каипа во всех трех жузах.

№ 19

1. *...на неприятеля вашего на контайшу...* Имеется ввиду обострение взаимоотношений между Россией и соседними племенами ойратов после прихода к власти в Джунгарии хунтайджи Цэван-Рабдана. С начала XVIII в. он стал требовать прекращения строительства городов в Южной Сибири, жестко ставил перед царским правительством вопрос о своем праве взимать алман (налог) с насе-

ления обширных районов верхнего течения Оби и Енисея, угрожая в случае запрета войной; настаивал на разрушении Томска, Красноярска и Кузнецка, заявляя через своих посланников в Тобольске, что эти города построены будто бы на землях ойратов.

Отношения сибирских властей с правителем Джунгарского ханства особенно осложнились в 1716–1718 гг. после отправления русской военно-разведывательной экспедиции И.Д. Бухгольца вверх по течению Иртыша и основания с 1 октября по 15 ноября 1715 г. на его правом берегу вблизи устья р. Преснухи Ямышевской крепости. С февраля по май 1716 г. посланные Цэван-Рабданом войска под командованием Цэрэн-Дондоба Младшего осадили крепость, требуя от И.Д. Бухгольца разрушить ее. Ввиду превосходства противника в военной силе, русский отряд был вынужден частично разрушить возведенные крепостные сооружения и 28 апреля отступил из этого района вниз по течению Иртыша. [Моисеев, 1998. С. 12–30].

2. Изложенное в письмах казахских ханов Каипа и Абулхаира предложение о совместном военном походе против джунгар не получило одобрения российского правительства, так как, во-первых, оно было заинтересовано в скорейшем разрешении русско-ойратских пограничных противоречий в районе Верхнего Иртыша с целью продолжения поисков местонахождения загадочного города «Еркети», то есть Яркенда; а, во-вторых, проявляло большую обеспокоенность и недовольство по поводу набегов совместных воинских отрядов казахов и каракалпаков в Казанский уезд, разорения его аграрных селений и угона в плен русских людей. По этим причинам казанский губернатор П.С. Салтыков, основываясь на официальном распоряжении Петра I, ограничился в своем ответном послании Каипу от 8 января 1718 г. одобрением его намерения «служить царскому величеству на противника контайшу» и воздержался от обещания о предоставлении казахам военной помощи, заявив казахскому хану, чтобы «в предь бы с ним, контайшоу, он, Каип-хан, управлялся, как ему по своему намерению достойно» [КРО-1. С. 30–31; Моисеев, 1991. С. 83–84; Моисеев, 1998. С. 31–37.]

№ 20

1. *Минская волость*. Речь идет о роде мин башкир Ногайской дороги, обозначаемом в различных исторических документах XVIII в. согласно русской политической традиции того времени понятием «волость». Об этом роде см: Рычков, 2001. С. 40, 246 (Прим. И.В. Кучумова.)

2. *Тявка*. Имеется ввиду старший хан казахов Тауке (не позднее 1672–1715). Судя по отсутствию в письмах хана Каипа, его брата султана Абылая и хана Болата 1712 г. каких-либо упоминаний об этом правителе, он в то время, по-видимому, находился уже в ветхом состоянии и не участвовал в политической жизни казахских жузов. Посланник хана Абулхаира Тойгунур Култабайулы, доставивший 4 сентября 1715 г. письмо хана Младшего жуза в Уфу, сообщил местным русским властям, что Тауке «по смерти оставил свое владительство нынешнему Каип-хану», а Абулхаир является «подданным» этого правителя и у него «во владействе служилого своего людства» 20 тыс. человек [МИБАССР. С. 279].

3. Сын старшины башкирского рода табын Сибирской дороги Тулуша Карт-батыр приехал в западные кочевья казахов весной 1715 г. с целью «пресечения башкирской и киргиз-казачьей ссоры» и размена захваченных казахами в плен в предшествующие годы русских и башкир на «их, киргиз-казацких, полонеников», так как в то время в казахских кочевьях находились 200 одних только русских пленных. На основании письма башкирских родоправителей Уфимского уезда, переданных Картом Абулхаиру и устного распоряжения Каип-хана правитель Младшего жуза отправил своего посланника батыра Тойгунура Култабайулы с письмом на имя Петра I в Уфу, чтобы «башкирской воровской розъезд в их Казацкую орду пресечь». По словам казахского посланника, Абулхаир устно велел ему просить уфимские власти ходатайствовать перед царем об отправлении своего посла к хану Каипу, который, получив нужный ответ, «своих воровских же киргиз-казаков укротит» [МИБАССР. С. 279].

4. В первой половине XVIII в. башкирские земли входили в состав Уфимского уезда Казанской губернии и делились на четыре дороги (дорога – от монг. термина *даруга* – «сборщик налогов»): Казанскую, Осинскую, Ногайскую и Сибирскую. Ногайская дорога охватывала территорию Южного Урала, расположенную восточнее Закамской укрепленной линии; а Сибирская дорога – смежные с ней районы Западной Сибири в бассейне Тобола. Места расселения башкир Ногайской и Сибирской дорог непосредственно граничили с кочевьями казахов Младшего и Среднего жузов.

№ 23а

1. **Алдар Исекеев** (Исенгильдин, Исикеев; не позднее 1677 – 16.05.1740) – башкирский батыр, потомственный тархан, старшина бурзянского рода Ногайской дороги, главный предводитель башкирских повстанцев в 1704–1711 гг. [Асфандияров, 2006. С. 81–88]. С начала XVIII в. поддерживал тесные политические и дружеские отношения с Абулхаиром, в 1709 г. инициировал его приглашение в Восточную Башкирию, где молодой казахский султан был провозглашен сподвижниками именитого батыра ханом башкир. В последующие годы он неоднократно обращался к старшему хану трех жузов за помощью и бывал в его летних кочевьях на реке Ыргыз. Весной 1730 г. Алдар прибыл в ставку Абулхаира предположительно за своим сыном, захваченным казахами Младшего жуза в плен в октябре 1729 г. [Таймасов, 2009. С. 248] и посоветовал хану для разрешения острых территориальных споров подвластных ему казахских родов с башкирами Ногайской и Сибирской дорог просить русскую императрицу о предоставлении им своего покровительства и защиты. Основными побудительными мотивами этого поступка явились убеждение Алдара в неспособности башкирских старшин и казахских ханов, имевших ограниченные властные prerogatives, урегулировать без посредничества российских властей пограничные конфликты обоих народов из-за спорных пастбищных участков и водопоев и желание реабилитировать себя перед царским правительством [ИКРИ-2. С. 372–373; Рычков, 1896. С. 45].

В июле–сентябре 1730 г. Алдар сопровождал посланников хана Абулхаира в Уфу, а затем – из Башкирии в Москву ко двору русской императрицы. В 1731–1733 гг. он был в составе посольства А.И. Тевкелева в Казахской степи и содействовал там вступлению правителей Младшего и Среднего жузов под российский протекторат. За это в 1734 г. получил от Анны Иоанновны обновленную грамоту на наследственное тарханство и именную саблю в ножнах, оправленных серебром. В августе 1740 г. после подавления российскими войсками новой серии протестных выступлений приуральских башкир, обусловленных возведением Оренбургской линии укреплений на юго-восточных рубежах башкирских кочевий, пытался добиться от местных имперских чиновников смягчения наказания повстанцам, но по подозрению в соучастии в востаниях был арестован и привезен в кандалах в Мензелинск, где после жестоких пыток казнен 16 мая 1740 года [Акманов, 1993. С. 202–217; Ерофеева, 2007. С. 143–145, 257–259, 443–445; Таймасов, 2009. С. 238–250]. Впоследствии был воспет во многих исторических песнях и преданиях башкирского народа.

2. *Ра'иййат* (перс.) – букв: «налогоплательщик» или «подданный» [Прим. переводчика]. Вероятно, этим термином здесь обозначены жители городов и аграрных селений Присырдарьинского региона, которые в то время находились в зависимости от казахских ханов и султанов и уплачивали в их пользу натуральную подать продуктами своего хозяйства.

№ 24

1. *Аболфеиз-хан* – искаж. **Абӯ-л-Файз-хāн** (1711–1747) – правитель Бухарского ханства, последний представитель династии Джанидов (Аштарханидов) на монархическом престоле этого государства. Сын Субханкули-хана (1681–1702). По линии отца Абӯ-л-Файз-хāн имел не только чингизидское, но и саййидское происхождение, так как вторая линия его родословной восходит через женщину Шахр-Бāнӯ-Бйгйм (Банӯ-Бегйм, Банӯ-Бегӯм, Шахр-Бāнӯ), дочь Мйрза Бадй' аз-Замана или Мйрзā Саййид Абӯ Талиба, хранителя (мутавалли) гробницы имама 'Али ар-Риза (ум. в 818 г.) в Тусе (Мешхеде) к Пророку Мухаммаду [фон Кюгельген, 2004. С. 225–226]. Он характеризуется в источниках как слабовольный и неавторитетный монарх, который не имел никакого влияния на государственные дела. Современники приписывали Абӯ-л-Файзу классическую фразу: «Лишь бы Регистан был благополучен». В годы его правления Бухарское ханство фактически распалось на ряд независимых от ханской власти и друг от друга владений. В 1740 г. иранский шах Надир совершил крупный военный поход в Среднюю Азию. Абу-л-Файз-хан принял без сопротивления все его требования и благодаря этому был оставлен шахом номинальным правителем Бухарского ханства, хотя в действительности управление страной в то время сосредоточивалось в руках лидера влиятельного племени мангит Мухаммад-Хаким-бия аталыка (ум. в 1743). Признание Надир-шаха – главы шиитов суверенным правителем государства окончательно подорвало авторитет Абу-л-Файза в глазах мусульман-суннитов. В 1740–1746 гг. он еще формально считался главой вассально зависимого от Ирана Бухарского ханства, но после смерти Надира был схвачен и казнен в 1747 г. сыном Мухаммад-Хаким-бия

Мухаммад-Рахимом (правил в 1747–1758 гг.), ставшим основоположником нового правящего дома в Бухаре – династии Мангитов [История Узбекистана, 1993. С. 68–71; Алексеев, 2004. С. 31–32; фон Кюгельген, 2004. С. 230–233].

2. *Албас-хан* – искаж. *Ильбарс-хан*. **Ильбарс-Мухаммад-Бахадур-хан** (? – 16.11.1740) – правитель Хивинского ханства из казахской династии чингизидов (1728–1740). Внук султана Ырыса (Ирыса, Ирыша), двоюродный брат хана Абулхаира [КРО-1. С. 47; ИКРИ-3. С. 52; МИКССР-2. С. 214; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 297–298 (Док. № 379 данного издания)]. Был возведен узбекской знатью на хивинский престол летом 1728 г. после бегства из Хивы султана Батыра по согласованию с Абулхаиром [КРО-1. С. 68; ИКРИ-3. С. 104].

В начале своего правления повел жесткую борьбу с сепаратизмом наиболее крупных группировок узбекских родов и племен и, опираясь на лидера кунградов Иш-Мухаммад-бия (ум. в 1740), в 1736 г. нанес сокрушительный удар по укрепившимся в Аральском владении мангитам во главе с чингизидом Шах-Тимур-ханом (1707/08 – 1736). В результате тонко проведенных Иш-Мухаммад-бием политических интриг среди узбекской знати Приаралья мангиты убили в Хазараспе Шах-Тимур-хана. После гибели главы Аральского владения решительность стоявших за ним лидеров хорезмийских группировок каракалпаков и мангитов сильно поколебалась, и все аральские узбеки и каракалпаки подчинились Ильбарс-хану. Хан выбрал из правящей верхушки кунградов некоего Хасан-Мурад-бека в качестве своего наместника среди аральцев, пожаловал его званием инака и «сделал повелителем над всем обществом мангытов» [МИКХ. С. 464–465].

В 30-х гг. XVIII в. заметно стабилизировались взаимоотношения Хивинского ханства и с казахскими жузами. В российских документах 30-х гг. XVIII в. зафиксированы определенное оживление двусторонних мирных контактов казахских ханов и султанов с правящей элитой узбекских племен и частые поездки хивинских посланников в казахские степи [МИБАССР. С. 323–324; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1732 г. Д. 1. Л. 37 – 38 об; МИКССР-2. С. 68–69]. Кроме того, Ильбарс-хан проявлял интерес к развитию торговых связей с Россией и в 1731 г. направил из Хивы специальное послание к астраханскому губернатору с предложением отправлять караваны «морем на судах до трухмени Мангышлак-места» и далее сухопутным путем до Хивинского ханства [РГИА. Ф. 4. Оп. 1. 1731 г. Д. 76. Л. 187 и об.].

Однако наступивший в эпоху его правления период «отдыха и покоя» был нарушен в 1737–1740 гг. военными походами иранского шаха Надира в Среднюю Азию, решившего покорить весь Мавераннахр. Весной 1737 г. сын Надира Ризакули-мирза двинул свои войска из Ирана в направлении на юго-восток, овладел Балхом и в августе того же года совершил поход в соседние земли Средней Азии. В этой ситуации правитель Бухары Абу-л-Файз-хан и предводитель местных мангитов Мухаммад-Хаким-бий обратились за помощью к Ильбарс-хану. Тот немедленно отправился в Бухару с многочисленным войском, насчитывавшим около 60 тыс. человек, в состав которого входили узбеки, каракалпаки, казахи, русские и аланы. Но подойдя к Хазараспу, Ильбарс узнал, что Абу-л-Файз-хан встретился в районе Чарджуя с Надиром и заключил с ним «мирный договор», согласившись выполнить все требования иранского шаха. После получения этого известия Ильбарс возвратился в Хорезм. Это помогло Надиру разделаться со своими противниками поодиночке [МИКХ. С. 465; FI, 1999. P. 64, Notes. № 353. P. 575 (прим. Ю. Брегея)].

В октябре – ноябре 1738 г. Ильбарс-хан решил самостоятельно совершить упреждающий поход против шаха Надира и, оставив в Хиве наместником Ишмухаммад-бия, 12 декабря двинул стотысячное войско, состоявшее преимущественно из узбеков и туркмен, на Хорасан. Некоторое время спустя он достиг Теджена, где разделил свое войско на три части. Одна из них должна была идти на Сабзавар и Нишапур, вторая – на Сарахс, Зурабад, Джам и Ленгер, а он сам – против Мешхеда. Однако распределение географических направлений похода между тремя группировками воинов вызвало конфликты военачальников туркменских племен с предводителями каракалпаков и аральцев, так как и те и другие желали идти именно на Сабзавар и Нишапур. Ослаблению сплоченности среди разноплеменных военачальников Ильбарс-хана способствовали также поступившие известия из Аральского владения о готовившемся нападении некоего Токтамыш-хана Казаха на их страну. В результате 30 или 40 тыс. аральских узбеков, каракалпаков и значительная часть воинов из других узбекских племен, чьи поселения располагались вблизи Аральского юрта, покинули ставку хана и отправились в Хорезм. Небольшая группа узбеков и салоров численностью около 3 тыс. человек, отправленная Ильбарсом из Теджена по отдельным областям Ирана, атаковала крепость Керенг

(около Кахлана), но потерпела поражение от ее защитников. Лишь часть воинов вернулась в лагерь Ильбарса, остальные бежали в Хорезм. Неудачный исход этого сражения усилил пораженческие настроения в войске хивинского хана, послужив сигналом для многих к возвращению в Хорезм. В этой ситуации у Ильбарса не осталось иного выбора, как вернуться в начале 1739 г. в Хиву [F], 1999. Notes. № 354–355. P. 575–577 (прим. Ю. Брегеля)].

Осенью 1740 г. Надир-шах, завоевав Бухару, по настоянию Абу-л-Файз-хана направил к Ильбарсу своего посланника в сопровождении двух суфийских шейхов Джуйбари. Эти люди доставили правителю Хивинского ханства письмо Надира с требованием покорности. Вместо ожидаемого шахом удовлетворительного ответа Ильбарс-хан, прочитав письмо, приказал убить всех трех его посланников и стал готовиться к отражению военного натиска неприятеля [Ibid. Notes № 357. P. 577].

Решающая схватка между армией Надир-шаха и войском Ильбарс-хана, состоявшем из узбеков, туркмен, казахов и каракалпаков, произошла 9 ноября 1740 г. около Питняка. Ильбарс потерпел здесь сокрушительное поражение и, отступив, был вынужден укрыться в крепости Ханка (Ханках). Надир осадил крепость и после того, как у Ильбарса полностью иссякли силы, ему вместе с узбекскими эмирами пришлось выйти из крепости. 16 ноября 1740 г. Ильбарс-хан и 20 узбекских эмиров во главе с Иш-Мухаммад-бием в отместку за убийство посланников иранского шаха и оказанное ими стойкое сопротивление завоевателям были преданы Надиром мучительной казни [Ibid. P. 65]. По сведениям одних авторов XVIII в., Ильбарс и 30 его приближенных были закопаны живыми в землю. Другие современники этих событий утверждали, что хивинскому хану и 30 представителям узбекской знати по приказу Надира перерезали горло. Согласно третьей версии, Ильбарс был тайно задушен, а его жена, дети и прочие родственники отправлены в заточение. [Ibid. Notes № 360. P. 577–578 (прим. Ю. Брегеля)].

Жена Ильбарса вместе с шестью его сыновьями – Газиз-Мухаммадом, Мухаммад-Рахимом, Сафаром, Джангиром, Шахгази и Абулгази – были отправлены Надир-шахом в Иран и несколько лет содержались в Мешхеде, откуда после смерти Надира в 1747 г. были вырваны самопровозглашенным ханом туркмен-йомудов Акмаметом [МИКССР-2. С. 342–343; *Вельяминов-Зернов*, 1855. Т. 1. С. 144]. Старшему сыну казненного хана – Достыгали-султану своевременно удалось избежать печальной участи своих близких родственников и обрести надежное политическое убежище в семье двоюродного дяди хана Абулхаира. Несмотря на настойчивые попытки казахского правителя добиться от шаха Надира освобождения жены Ильбарса из плена, его старания успехом не увенчались. [МИКССР-2. С. 69, 248; КРО-1. С. 190, 397; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1748 г. Д. 4. Л. 65 и др.]. Лишь три года спустя после смерти Абулхаира его старшему сыну Нуралы удалось получить согласие туркменского правителя Акмамета на возвращение вдовы Ильбарса в казахские степи. В 1751 г. она вместе с детьми прибыла к старшему сыну Достыгали-султану в Младший жуз, а затем по обычаю левирата вышла замуж за Нуралы-хана. [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1752 г. Д. 3. Л. 78–79; *Вельяминов-Зернов*, 1853. Т. 1. С. 144–145]. Впоследствии сыновья Ильбарса Сафар и Жангир стали родоначальниками новых ветвей казахской династии джучидов на территории Младшего жуза [*Ерофеева*, 2003. С. 115, 126–128].

3. *Барак-хан*. Имеется ввиду султан Среднего жуза Барак (ум. в 1750), ранг которого Абулхаир, по-видимому, специально зависил в этом письме для повышения своего собственного престижа в глазах посланника русской императрицы.

№ 26

1. ... *прежнюю вину вашу отпустить соизволит*... Имеется ввиду гибель участников военно-разведывательной экспедиции князя А. Бековича-Черкасского в 1716–1717 гг. в Хиве, где шеститысячный русский отряд был разделен обманом ханом Ширгазы (1715–1728) по пяти городам и перебит хивинцами по частям.

2. *Аральский хан*. Речь идет о правителе Аральского, или Кунградского, владения, иногда называемого в источниках *Аральским юртом*, или *вилайетом*, Шах-Тимур-хане (1721–1736). Это владение занимало территорию Северного Хорезма, располагаясь в дельте Амударьи на побережье Аральского моря. Под именем *аральцев* в XVII–XVIII вв. была известна группа местных узбекских родов и племен, в состав которой входили: кипчаки, мангиты, кенегесы, кунграды, ходжаели и некоторые другие патронимические объединения, размещавшиеся по соседству с местами расселения каракалпаков и казахов поколения алимулы Младшего жуза. В первой половине XVIII в. центрами

Аральского владения были города Кунград и Шахтемир (последний располагался вблизи современного города Чимбай на территории Узбекистана) [История Узбекистана, 1993. С. 256, 298–299; *Абусеитова*, 1998. С. 214–215].

Аральское владение обособилось в период правления в Хивинском ханстве Исфандийар-хана (1623–1643) и играло на протяжении целого столетия значительную роль в политической истории Хорезма. Узбекские племена Арала часто находились в оппозиции по отношению к верховной власти Хивы, в разные годы здесь находили поддержку многие претенденты на хивинский престол, рассматривавшие это владение как удобный трамплин для своего возвышения в ханстве. В течении второй половины XVII – середины XVIII в. аральцы провозглашали у себя ханами сначала представителей побочных ветвей правившей в Хиве чингизидской династии Арабшахидов, а с 1740 г. – приглашенных в Арал из кочевий Младшего жуза казахских джучидов (Абулхаир-хана, затем его сына Нуралы, позднее – его двоюродного племянника, сына хивинского хана Ильбарса Достыгали). С 1721 по 1736 гг. ханом Аральского владения был сын хивинского правителя Мусы-хана (1703–1712) Шах-Тимур (1707/08 – 1736; годы жизни) [МИКХ. С. 461; FI, 1999. P. 58–63; о нем см.: *Веселовский*, 1877. С. 177–180].

№ 27

1. **Доржи Назаров** (? – 1735) – калмыцкий тайша, внук главного тайши калмыков-торгутов Шукур-Дайчина (ум. в 1672), правнук Хо-Урлюка (ум. в 1644), двоюродный брат хана Аюки (1690–1724). Его кочевья располагались в непосредственной близости от мест кочевания казахов Младшего жуза.

2. **Черен-Дундук**, прав. – **Церен-Дондук** (1703–1735) – наместник Калмыцкого ханства (1724–1731), хан волжских калмыков (1731–1735). Сын хана Аюки от Дарма-Балы – дочери или двоюродной сестры джунгарского хунтайджи Цэван-Рабдана (1697–1727) и прямой наследник его ханского титула.

№ 29

1. **Нияз-султан** (ок. 1682 – ?) – двоюродный брат хана Абулхаира.

2. **Шамьяки-хан** – прав. **Самеке**, или **Шах-Мухаммад** (Шемахи, Шемьяка, Шемьяки; ? – 1738) – хан многих родоплеменных групп Среднего жуза (с 1723 г.). Сын хана Тауке (1752–1715), младший брат хана Болата I (не позднее 1712 – не позднее 1723). В 1723–1730 гг. был командиром одного из крупных отрядов общекзахского ополчения в войне с джунгарами и возглавлял также военные походы казахов Среднего жуза против волжских калмыков. После окончания ойрато-казахской войны кочевал вместе с подвластными родами аргынов, кыпшаков и уаков преимущественно в бассейне Торгая и владел городом Туркестаном. [ИКРИ-2. С. 315–316, 364, 366, 369–371; КРО-1. С. 36, 62; *Кудайберды-улы*, 1990. С. 52, 97; *Бакунин*, 1995. С. 58; *Кэстль*, 1998. С. 109; *Букейханов*, 1905. С. 20, 55].

Во время пребывания российского посланника А.И. Тевкелева на территории Младшего жуза 19 декабря 1731 г. по примеру хана Абулхаира принес в своих кочевьях присягу на верность русской императрице [КРО-1. С. 61–64; ИКРИ-3. С. 93–94]. Но уже в августе 1733 г. несмотря на принятые обязательства по отношению к российскому престолу он совершил во главе шеститысячного отряда казахов Среднего жуза военный набег в кочевья башкир Сибирской дороги, в ходе которого потерпел серьезное поражение от знатного башкирского тархана рода каратабын Таймаса Шаимова [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1733 г. Д. 1. Л. 296–297, 305–306]. В связи с этим поражением Самеке в начале 1734 г. возобновил свое прошение о покровительстве перед Анной Иоанновной. Указом императрицы от 10 июня 1734 г. оно вторично было предоставлено хану на прежних условиях. [КРО-1. Док. № 53. С. 117–118]. В последующие годы он проживал преимущественно в Туркестане, где управлял самим городом и прилегающими к нему «городками» Карнаком, Саураном и Сыгнаком совместно с султаном Абулмамбетом. Большую роль в управлении подвластным Самеке городским населением Туркестанского региона играл батыр племени аргын Среднего жуза Нияз Баркыулы, который в то время « в Туркестане великую силу имел» [КРО-1. С. 155; ИКРИ-6. С. 164, 166].

Летом – осенью 1737 г. Самеке кочевал главным образом в бассейне Тобола, где тесно контактировал с башкирскими повстанцами Сибирской дороги. [МИБАССР. С. 313, 335, 350]. Умер при неизвестных обстоятельствах в Туркестане не позднее середины 1738 г. [ИКРИ-6. С. 33, 164]. Имел сыновей: Сеита (ум. после 1785), Тауке (Тевкей; ум. позднее 1797), Есима (Ишима; ум. позднее 1798)

и Карабаса (ум. позднее 1797) [Андреев, 1998. С. 104; КРО-1. С. 270, 648–649, 681–682; ИКРИ-6. С. 161–162, 166, 172, 177].

№ 31

1. **Кылыч**(Клыч, Кучлак)-**Мухаммад-Бахадур-султан** – султан Младшего жуза. Сын Токтамыс-султана, племянник хана Абулхаира [ИКРИ-3. С. 300]. В 1733–1734 гг. находился в составе посольства Младшего жуза, отправленного Абулхаиром к русской императрице.

2. **Сайид-Мухаммад** (Махомет, Мохомбет)-**ходжа** – выходец из аристократического клана сайид-ходжа (сейит-ходжа), племянник некоего авторитетного суфийского шейха братства Ясавия, пира казахских жузов. В конце первой четверти XVIII в. вместе с сыном Мурза-ходжой и другими близкими родственниками переселился из Туркестанского района в кочевья Младшего жуза. В 30-х гг. XVIII в. входил в ближайшее окружение хана Абулхаира и выполнял его ответственные дипломатические поручения во взаимоотношениях с российскими властями. Впоследствии сын Мухаммад-ходжи Мурза-ходжа выдал замуж свою дочь за сына Абулхаира от волжской калмычки Баяны Шынгис-султана (ум. в 1756), после смерти которого она стала по обычаю левирата женой его старшего брата хана Нуралы [Ерофеева, 2003. С. 19–20, 33–34, 142–145].

№ 33

1. *Гарбер*. Имеется ввиду полковник артиллерии **Иоган Густав Гербер** – уроженец Бранденбурга, состоявший на русской службе. В 1722–1723 гг. он выполнял важные дипломатические поручения Петра I на Кавказе и в Иране, а затем в 1732 г. под видом купца был отправлен царским правительством в Хиву и Бухару с целью выяснения возможностей развития торговли России со странами Средней Азии. Однако купеческий караван, в котором находился И.Г. Гербер, не пройдя и половину пути, был разграблен в казахских степях кочевниками рода шекты во главе с султаном Батыром (ум. в 1771). Чудом спасшийся путешественник, возвратился в Петербург, чтобы сделать необходимые приготовления к походу в Турцию. Занимаясь ими, И.Г. Гербер в 1734 г. умер в Павловске Воронежской губернии [Sammlung Russischer Geschichte. Bd. 4. Spb., 1760. P. 1–182; Белковец, 1988. С. 89–90.]

№ 36

1. *Нурмухаммет*. Речь идет о торговом сарте **Нурмухаммад-мулле Алимове** – двоюродном племяннике главы ташкентского магистрата Ашербая, которого пять членов городского самоуправления отправили вместе с посланниками хана Жолбарыса Конай-мурзой Балыкулы и Сарымбетом в марте 1734 г. к Абулхаиру для выяснения обстоятельств принятия старшим ханом казахов российского протектората. Нурмухаммад Алимов со своими спутниками пробыли в ставке Абулхаира на реке Ыргыз до осени 1734 г., а затем отправились в Россию. В марте 1735 г. они уже находились в Уфе, где рассказали местным российским властям о жизни казахов Старшего жуза, о Туркестане, Ташкенте и правителях этих городов [ИКРИ-6. С. 24–31].

№ 37

1. **Кубек Байназаров** – ногаец, старшина сакмарских казаков; в 30–40-х гг. XVIII в. неоднократно посылался чиновниками Оренбургской комиссии с различными поручениями к хану Абулхаиру, казахским султанам и старшинам в кочевья Младшего жуза.

2. **Байбек Аглюк** – казахский батыр и туленгут (слуга) хана Абулхаира, постоянный исполнитель ответственных дипломатических поручений хана и его супруги Бопай-ханым в их взаимоотношениях с местными российскими властями [подробнее о Байбеке и его деятельности см.: Т. 2. Комментарий к Док. № 387]. О термине *туленгут* и социальной группе туленгутов в кочевом обществе казахов см.: Зобнин, 1901. С. 1–99; Вяткин, 1940. С. 19–29; Фукс, 2008. С. 320–330; Зиманов, 1958.

№ 38

1. **Андрей Иванович** (Генрих Иоганн Фридрих) **Остерман** (1686–1747) – русский государственный деятель, дипломат, граф. В 1725–1741 гг. – вице-канцлер Коллегии иностранных дел, с 1731 г. был фактическим руководителем внешней и внутренней политики России.

№ 39

1. Город **Оренбург** был заложен 12 августа 1735 г. в устье реки Ори при впадении ее в Яик. В 1739 г. из-за неудобного географического положения перенесен в урочище Красная гора, ниже прежнего места по Яику на 184 версты, а ранее построенная крепость указом от 9 августа того же года переименована в Орскую (позднее – г. Орск). Третий и последний раз Оренбург был основан 19 апреля 1743 г. в месте впадения Сакмары в Яик. В 1744 г. он стал административным центром новой Оренбургской губернии на юго-востоке России.

2. **Рахмангул** – башкир, вероятно один из участников башкирского восстания 1737–1739 гг.

3. **Роман Уразлин** – переводчик Уфимской провинциальной канцелярии, с 1737 г. – Оренбургской комиссии.

№ 40

1. **Кара Аккешеулы** – батыр, знатный старшина рода шекты поколения алимулы Младшего жуза, давний сподвижник хана Абулхаира. Сын Аккеше-бия (Аккишибея), авторитетного старшины того же рода, который в свое время был в Младшем жузе «первый человек и богатея его и знатных старшин не было» [ИКРИ-3. С. 87, 96, 104, 187–193, 310].

2. *...хана Дюкара...* имеется ввиду падишах Османской империи с 1730 по 1754 гг. Махмуд I (1696–1754), сын падишаха Мустафы II (1695–1703).

№ 42

1. **Бокенбай** (Букенбай, Богенбай) **Караулы** (ум. в начале 1742) – знаменитый батыр рода табын поколения жетыру Младшего жуза, близкий сподвижник хана Абулхаира. С юных лет активно включился в освободительную борьбу казахского народа с джунгарами, в ходе которой потерял четырех братьев на поле брани. За проявленные смелость и мужество в войне с внешними врагами уже в молодые годы был удостоен от своих сородичей почетного звания батыра и не позднее начала XVIII в. стал старшиной рода табын Младшего жуза. В 1710 г. принял активное участие в народном курултае в Каракумах, где выступил с инициативой объединения воинских сил различных казахских родов и племен для организованного отпора джунгарам и был избран на этом степном форуме сардаром боевого ополчения Младшего жуза. В течение последующих двадцати лет почти непрерывно воевал с джунгарскими войсками вместе с ханом Абулхаиром и командовал крупными воинскими отрядами казахов. В 1726 г. участвовал в военных кампаниях ханов Абулхаира и Самеке против волжских калмыков и затем более года до середины 1728 г. находился в качестве аманата в ставке наместника Калмыцкого ханства Церен-Дондука [ИКРИ-5. С. 393–394; *Бакунин*, 1995. С. 58].

Благодаря успешной полководческой деятельности и незаурядным интеллектуальным способностям Бокенбай приобрел к началу 30-х гг. XVIII в. большое политическое влияние в казахских кочевьях, где ему самому и его близким родственникам в то время подчинялись более семи тысяч казахов Младшего жуза. Являясь одним из близких соратников хана Абулхаира, твердо поддержал его идею о вступлении под протекторат России и 10 октября 1731 г. первым из казахских старшин принес присягу на верность русской императрице [ИКРИ-3. С. 54–60, 72–76]. Посредством этого шага он рассчитывал добиться беспрепятственного кочевания подвластных ему родов Младшего жуза по берегам Яика и Тобола и получить свободный доступ к крупным рынкам России в Среднем Поволжье и Западной Сибири [там же. С. 92].

В начале 1742 г. Бокенбай возглавил военный поход пятисотенного отряда казахов против мангышлакских туркмен «для взятия полону и отгону скота», но встретил ожесточенное сопротивление неприятеля и погиб в кровопролитном бою вместе с сотней других воинов Младшего жуза. [КРО-1. С. 205, 211; ИКРИ-4. С. 33]. Был похоронен в районе верхнего течения реки Ыргыз, на вершине конусообразной сопки, расположенной северо-западнее горы Кабанкулак, юго-восточнее современного аула Курылыс (совр. Иргызский район Актюбинской области). Место захоронения прославленного батыра позднее народ увековечил в названии этой горы – *Бокенбай*, или *Богенбай*, *шокасы* – «Пик Бокенбая» [ИКРИ-5. С. 92, 219–220; Актюбинская область, 2009. С. 93].

№ 43

1. *Салтан-Мурат*, прав. – **Султан-Мурат Дускеев** – башкир Юрминской волости Казанской дороги, активный участник башкирских восстаний 1735–1740 гг.

2. **Таймас Шаимов** (ум. позднее 1750-х) – башкирский батыр, старшина Каратабынской волости Сибирской дороги. В 1731 – 1732 гг. участвовал в составе дипломатической миссии А.И. Тевкелева в Казахскую степь, активно содействовал принятию казахами Младшего жуза протектората России. В 1733 и 1734 гг. отряды Таймаса нанесли ощутимое поражение хану Среднего жуза Самеке, вторгшемуся со своими воинами в кочевья башкир Сибирской дороги, в результате чего казахский правитель был вынужден вторично присягать на верность русской императрице. За содействие, оказанное царским чиновникам в принятии казахами протектората России, построении отдельных крепостей по Яику и в подавлении протестов башкир в 1735–1740 гг, был пожалован российским правительством в тарханы [Башкортостан, 1996. С. 557; *Ерофеева*, 2007. С. 281–282].

№ 44

1. **Толебай** (Тулубай, Тюлебай, Тюлябая) **Жолбулдыулы** (Джулбулдин) – батыр, бий, знатный старшина рода табын поколения жетыру Младшего жуза, один из давних сподвижников хана Абулхаира [КРО-1. С. 84, 251, 314, 403, 419, 466, 510; ИКРИ-3. С. 98–99, 111, 228–229, 241, 256, 263, 367; *Крафт*, 1898. С. 44]. По характеристике А.И. Тевкелева, он был не только ответственным исполнителем ханских поручений, но и «человек весьма умной» [ИКРИ-3. С. 211].

№ 45

1. **Шамамет** (Шюмамет)-**мурза** – старшина отдельных ответвлений родов сарыжетым и шакшак племени аргын Среднего жуза, близкий родственник батыра Жанибека Кошкарулы, один из сподвижников хана Абулхаира [ИКРИ-3. С. 95, 207, 257].

2. **Жанибек** (Джанибек, Енибек, Женыбек, Ченбек) **Кошкарулы** (ум. в 1751) – батыр, бий, старшина рода шакшак племени аргын Среднего жуза, ближайший сподвижник хана Абулхаира. Согласно народным преданиям, активно способствовал возвышению молодого султана Абулхаира в Младшем жузе, позднее постоянно оказывал новому хану свое покровительство и поддержку. Был одним из организаторов всенародного сопротивления военной агрессии джунгар после «великого бедствия», командовал крупными боевыми подразделениями общекзахского ополчения в 1727 г. в районе озера Шубартениз и в междуречье Буланта–Белеуитты, где особенно прославился своими подвигами среди воинов трех жузов.

В 1732 г. вслед за Абулхаиром вступил под протекторат российского престола и в течение 30–40-х гг. XVIII в. постоянно принимал активное участие в официальных переговорах правящей верхушки Младшего и Среднего жузов с оренбургскими чиновниками по широкому спектру договорных отношений казахов с Россией. В это время Жанибек внес весомый вклад в нормализацию политической обстановки на северных рубежах казахских кочевий и целеустремленно способствовал развитию транзитной торговли российских и среднеазиатских купцов через казахские степи, за что был удостоен присвоения ему русской императрицей 30 августа 1742 г. звания первого тархана. В последнее десятилетие своей жизни он являлся самым крупным общественным деятелем из степной элиты «черной кости», положение которого среди казахов во многом соответствовало статусу «младших ханов». Умер в преклонном возрасте в мае 1751 г. в одном из своих родовых кочевий на территории междуречья Ыргыза и Торгая и был похоронен на левом берегу нижнего течения реки Ыргыз вблизи горы Тогызкен, расположенной восточнее горы Тилепиттау, юго-западнее горы Бесоба (совр. Ыргызский район Актюбинской области РК) [*Ерофеева*, 2013].

№46

1. Сакмарский городок был основан в 1725 г. яицкими казаками на правом берегу реки Сакмара, расположен в 145 верстах от Яицкого городка, а от Оренбурга – 124 версты. Ныне село Сакмар – районный центр одноименного района Оренбургской области.

№51

1. **Табынск** – поселение, основанное в начале XVIII в. купцами и заводчиками Осокиными и И. Утятниковым. В 1736–1835 гг. – крепость, в настоящее время село Табынское Гафурийского района Башкортостана.

№53

1. **Акай Кусюмов** – башкир Тамьянской волости Ногайской дороги, участник восстаний 1735–1740 гг.
2. **Абдулла Акаев** – башкир, участник восстания 1735–1736 гг.
3. **Килмяк Нурушев** – башкир Юрматинской волости Ногайской дороги, один из руководителей восстания 1735–1736 гг.
4. **Юсуп Арыков** – башкир, батыр Сибирской дороги, один из руководителей восстания 1735–1739 гг.

№ 66

1. **Шига́й** (1726–1750) – султан Среднего жуза, старший сын султана (с 1749 г. – хана) Барака. В начале 1738 г. в возрасте 12 лет был отправлен отцом в Восточную Башкирию, где местные повстанцы хотели возвести его на ханский престол, но некоторое время спустя был возвращен Абулхаиром в казахские степи [МИБАССР. С. 370–371]. С 1744 по 1747 гг. находился в Джунгарии на положении аманата, затем возвратился к отцу. При отпуске Шигая из своих владений хунтайджи Галдан-Цэрен подарил ему панцирный доспех, шлем, «золоченую саблю» и женил на дочери одного из знатных нойонов [ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 8]. Весной 1748 г. он вновь был направлен Бараксом в ургу, но теперь уже в качестве посланника к джунгарскому хунтайджи Цэвану-Доржи. Во время вторичного пребывания в Джунгарии вступил в незаконную связь с вдовой Галдан-Цэрена, матерью нового правителя ойратов, чем вызвал сильную неприязнь у ее сына и летом того же года спешно был вынужден покинуть ургу [ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 330 – 331 об.; *Витевский*, 1897. С. 720–721].

После возвращения в Степь некоторое время кочевал вместе с Бараксом в бассейне Торгая, где в августе 1748 г. участвовал в убийстве старшего хана казахов Абулхаира. Позднее совместно с отцом откочевал в Туркестанский район, а затем – в Фергану и здесь возглавил отдельные роды местных кипчаков. В конце 1748 г. Шига́й был избран подвластными ферганскими кипчаками ханом, стал правителем Намангана и основал на севере Ферганы крепость Тора-Курган, которую сделал своей основной ставкой в этом регионе [*Ерофеева*, 2007, С. 398–399; *Валидов*, 1915. Вып.2. С. 75, 114–115; *Иванов*, 1939. С. 97; *Бейсембиев*, 2009. С. 225, 350, 607]. По отдельным сведениям, весной 1750 г. находился вместе с отцом в гостях у некоего ходжи в г. Карнаке и был отравлен им по распоряжению джунгарского хунтайджи Цэвана-Доржи [ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 18. Л. 114 и об.; МИКССР-2. С. 341; *Витевский*, 1897. С. 722; *Ерофеева*, 2007. С. 404–405]

№71

1. Речь идет здесь о хане Старшего жуза Жолбарысе (1720–1739). Биографический очерк о нем см. ниже в этом томе.

№ 74

1. ... *офицер ваш с купцами...* Речь идет об отправленном В.Н. Татищевым 29 августа 1738 г. с торговым караваном в Ташкент поручике Пензенского гарнизонного пехотного полка Карле Миллере, который должен был способствовать налаживанию регулярных торговых связей России со Средней Азией. Эта поездка оказалась неудачной, так как 2 ноября 1738 г. недалеко от Туркестана в урочище Балакампир караван был разграблен казахами рода шымыр Старшего жуза; и все члены посольства, за исключением Миллера, попали в плен. Сам же руководитель миссии благодаря покровительству старшины местных казахов Кунай-мурзы Балыкулы смог относительно благополучно добраться до Ташкента. В конце марта 1739 г. К. Миллер, собрав при содействии батыра Жанибека Кошкарулы и хана Жолбарыса всех членов своего посольства, отправился в обратный путь и в начале июня 1739 г. прибыл в Орск. В качестве основных отчетных документов об этой поездке К. Миллер и его товарищ геодезист А.Кушелев представили в Коллегию иностранных дел свой путевой журнал за период с 29.08.1738 по 05.06.1739 гг. и маршрутную карту пройденных участков казахских степей, которые являются ценными источниками по истории Южного Казахстана того времени. См: ИКРИ-6. С. 32–55.

2. *Ургенч* – город Хорезма, расположенный в долине Амударьи, на канале Шават. Основан в 1645 г. в связи с изменением русла Амударьи и перемещением жителей бывшего древнего Ургенча из северной части ханства на юг страны. Во второй половине XVII – середине XIX в. был важным торгово-ремесленным и культурным центром Хорезма и назывался *Новый Ургенч*, позднее, до 1929 г. – *Ново-*

ургенч. Старый же город Ургенч, в котором в XVI в. располагалась резиденция верховных правителей государства, постепенно превратился в развалины, и хорезмийцы стали называть его *Куня-Ургенч*, то есть «Старый Ургенч». Он расположен в 35 км к юго-западу от железнодорожной станции Ходжейли. В настоящее время здесь рядом с руинированными остатками прежних строений находится одноименный поселок городского типа.

3. *Урочище Каракум* расположено в Северо-Восточном Приаралье, на правой стороне нижнего течения Сырдарьи; представляет собой южную периферию песков Приаральские Каракумы (совр. Шиелинский район Кызылординской области). В XVII – первой половине XIX в. оно было одним из постоянных мест кочевания многих родов Младшего и Среднего жузов в зимнее время года, так как подземные воды здесь подходят близко к поверхности земли, и кочевники без особого труда прорывали в песке большое количество колодцев для водообеспечения своих стад [Рычков, 1999. С. 77; ИКРИ-5. С. 393, 410–416; Ерофеева, 2011. С. 349]. С начала 60-х гг. XVII в. до середины XVIII в. урочище Каракум являлось приграничным районом кочевий казахов в юго-западной части Степи, где они тесно смыкались с земельными владениями ойратов. Южнее Каракумов, в урочище Калмаккум, вблизи двух одноименных колодцев Карауылтобе, в местности Карауылхана и в других местах в тот период размещались стационарные джунгарские караулы – *шибэ* [Миллер, 2005. С. 33; Мейер, 1865. С. 272; Диваев, 1905. С. 40–41; Ерофеева, Аубекеров, Рогожинский и др., 2008. С. 19, 40, 199, 203, Рис. 6]. В связи с тем, что в первой половине XVIII в. на территории этого урочища находились зимние кочевья (кыстау) самых многочисленных и сильных родоплеменных групп казахов (роды шекты и шомекей поколения алимулы, род каракесек племени аргын и др.), в 1710 и 1726/27 гг. именно здесь проходили судьбоносные для казахского народа курултаи его представителей, посвященные объединению воинских сил трех жузов для борьбы с главным внешним врагом [ИКРИ-5. С. 393–394; Левшин, 2009. С. 168]

№ 77

1. *Галдан-Черин*, искаж. – **Галдан-Цэрен** (ок. 1695 – 13 или 14.09.1745) – джунгарский хунтайджи (1727–1745), старший сын хунтайджи Цэван-Рабдана (1697–1724) от его брака с хошутской княжной Кюнгю [МИРМО-1. С. 303]. Во время его правления Джунгарское ханство достигло наивысшего могущества [Hummel, 1944. Vol. 1. P. 759; Златкин, 1983. С. 235–252]. В 1735 г. он восстановил джунгарское господство над Ташкентом и Туркестаном, в 1739–1741 гг. организовал ряд массированных вторжений джунгарских войск на территорию Среднего жуза и в декабре 1741 г. начал требовать от казахских ханов и султанов выплаты алмана и предоставления аманатов. В 1742–1745 гг. политические взаимоотношения правителей казахов с Галдан-Цэреном носили очень сложный и напряженный характер [Моисеев, 1991. С. 112–173].

Галдан-Цэрен умер после непродолжительной болезни 13 или 14 сентября 1745 года. Его прах был захоронен в бассейне реки Юлдуз [МОЦА-2. С. 219; РДО. С. 306]. Имел от разных жен трех сыновей и двух дочерей. Его генеалогию, биографию и состав потомства см: Pallas, 1776. P. 43; Gegen S. 46. II Stamtafel; МИРМО-1. С. 303–304; Courant, 1912. P. 90–114; Златкин, 1983. С. 235–252, 281; Perdue, 2005. P. 249–270. Моисеев, 1998. С. 52–121; Ходжаев, 2003.

№ 83а

1. Исфахан был тогда столицей Ирана.
2. *Кызылбаши* – букв.: «красноголовые» – прозвище иранских шиитов в суннитской Средней Азии.
3. **Ануширван**, или **Нуширван** – персидский царь из династии Сасанидов, правивший в 531–579 гг., имя которого стало синонимом справедливейшего правителя.
4. **Хатам** (Хатим) **Тайи** – легендарный араб из племени тай, живший в VI в. и прославившийся необыкновенной щедростью.
5. В глазах правоверных суннитов Средней Азии шииты Ирана не считались мусульманами.
6. *Белый хан-падишах*. Имеется в виду русский монарх.
7. *Ак-хан* – русская императрица.
8. Коран. XI, 59.
9. 1153 год хиджры соответствует 29 марта 1740 – 18 марта 1741 г. по григорианскому календарю.

№ 85

1. Здесь и в помещенных ниже русских переводах писем казахских властителей [Док. № 128, 355, 356] под словом *барс* следует иметь ввиду не широко известного обитателя северных предгорий Тянь-Шаня (Зайлийский Алатау) и других горных массивов Центральной Азии – снежного барса, или ирбиса (*Uncia uncia*, или *Panthea uncia*), а туранского тигра (*Tigris tigris virgata Matshie*, или *Panthera tigris virgata*), обитавшего в то время в Северном Иране, в Средней Азии, в бассейне Амударьи; по всему течению Сырдарьи, от Ферганы, долины Ангрена и Чирчика до самых низовьев этой реки; по рекам Чу и Талас в Джунгарском Алатау, Прибалхашье и по реке Или вплоть до Кульджи. В Средней Азии и Казахской степи местные жители называли тигра на разных тюркских языках *йулбарсом*, или *жолбарсом* (жулбарсом), то есть «бродячим барсом», или «полосатым барсом». Имя *жолбарс* русские служилые люди и толмачи заимствовали от так называемых «сибирских бухарцев» – иммигрантов-торговцев из Средней Азии, осевших в разных городах Западной Сибири и степняков-казахов, вероятно, еще в XVII в. и со временем в сокращенном варианте *барсом* стали обозначать в официальных документах малоизвестного им свирепого и бесстрашного царственного хищника из камышовых «джунглей» Семиречья и Средней Азии.

Туранский тигр отличался от других подвидов тигров светлым окрасом мягкой относительно длинной шерсти, большей длиной полос и их коричневатым оттенком. Он был крупных размеров свыше двух метров в длину без хвоста, уступая лишь бенгальскому и амурскому подвидам. Постоянными местами обитания этого хищника являлись густые камышковые заросли (тугаи) по берегам рек и озер. Северной границей ареала обитания туранского тигра в XVII–XIX вв. являлось озеро Балхаш. Позднее в результате многолетнего массового истребления тигров и крупномасштабной утилизации пойменных земель в бассейнах Амударьи и Сырдарьи под посевы зерновых и технических культур этот подвид вымер. Последние документально подтвержденные случаи появления тигров на территории Казахстана и Средней Азии были зафиксированы в 40-х – начале 50-х гг. прошлого века [Соколов, 1986. С. 24, 335].

Поскольку тигр был самым крупным и грозным хищником, водившимся на просторах Центральной Азии, то с ним связано немало легенд и преданий, которые бытовали у населения этого региона с глубокой древности. Огромная физическая мощь и уникальная способность кровожадного зверя маскироваться, неожиданно исчезать и внезапно появляться перед безоружным путником на дороге создала ему славу не только царя местных зверей, но и сверхестественного существа, обладавшего большой магической силой. В традиционных представлениях казахов и многих других народов Центральной Азии тигр фигурировал в роли охранителя избранников высших небесных сил, а его шкуре приписывались свойства апотропеев [Массон, 1963. С. 152–153]. Снятые с убитых тигров шкуры кочевники хранили у себя дома: покрывали ими круп породистых верховых лошадей, постлали для сидения на полу юрты поверх кошмы, либо дарили особо почитаемым людям, так как эти шкуры считались оберегом от происков темных сил, в том числе от злых козней в ночной тьме коварной ведьмы Албасты. Вместе с тем, владение живыми особями «царя зверей» либо выделанными шкурами убитых тигров считалось в кочевом обществе казахов признаком личной доблести и величия, поэтому такие дары правителям и чиновникам других государств имели в восприятии степной аристократической элиты того времени не только охранительное, но и важное имиджевое значение.

2. **Александр Бекович-Черкасский** (? – 1717) – кабардинский князь, до крещения носил имя *Девлет-Гирей-мурза*. В 1716–1717 гг. по указу Петра I возглавил военно-разведывательную экспедицию в Среднюю Азию, в Хиву. В 1717 г. члены экспедиции были заманены в ловушку хивинским ханом Ширгазы (1715–1728) и убиты в ханстве, не выполнив поставленных перед ними задач.

3. ...*речки Куваканского устья*. Имеется ввиду устье бывшего левого рукава Сырдарьи – Куандарьи (Кувандарьи), высохшее русло которого протекает по территории современных Казалынского, Кармакшинского и Жалагашского районов Кызылординской области Республики Казахстан и теряется в солончаках недалеко от аула Каукей.

№ 86

1. **Карасакал** (букв.: «Черная борода» – псевдоним). Настоящее имя – *Миндигул Юлаев* (1691–1749) – простой общинник-башкир Юрматынской волости Ногайской дороги, проживавший на реке Селеук. Под именем *Султан-Гирея* был одним из организаторов восстания в Восточной

Башкирии в 1739–1740 гг., представлялся своим соратникам потомком сибирского хана Кучума по линии его внука Девлет-Гирея, сына Чувак-султана. В начале 1740 г. был объявлен восставшими башкирами ханом Султан-Гиреем [МИБАСР. С. 488–492; Башкортостан, 1996. С. 326]. После подавления восстания бежал в Казахскую степь, где выдавал себя за опального сына джунгарского хунтайджи Цэван-Рабдана (1697–1727) Лоузана-Шоно (Шуна), который в 1725 г. бежал из Джунгарии через казахские степи в Волго-Яицкое междуречье и умер в кочевьях волжских калмыков в 1732 году. В 1741–1749 гг. Карасакал имел пристанище в кочевьях найманов, где укрывался и от российских властей и от охотившихся за ним джунгар. Он рассматривался многими влиятельными лицами Казахской степи как козырная карта в политическом противоборстве с Джунгарской державой, в которой нередко вспыхивали княжеские междоусобицы. До тех пор, пока Карасакал находился в руках казахской знати, она имела возможность возвести своего ставленника на джунгарский престол. В начале 1749 г. Карасакал был отравлен по указанию султана Барака, пытавшегося таким образом снискать себе расположение джунгарского хунтайджи. [МИКССР-2. С. 291; *Мусеев*, 1991. С. 130–131; *Ерофеева*, 2013. С. 158–159].

№ 87

1. **Жангир** (Джахангир, Зангир, Зенгир, Чангир; ум. в 1742) – хан родовой группы капал рода жаныс племени дулат Старшего жуза (не позднее 1717 – 1720-е). Сын Абылай-султана, внук Вали-султана, правнук старшего хана казахов Жангира I (после 1644–1652), троюродный брат Абулмамбет-хана (1739–1770/71) [*Андреев*, 1998. С. 102; ИКРИ-3. С. 301]. В 1707 г. совместно с Абулхаиром участвовал в сражении башкирских повстанцев во главе с Алдаром Исекеевым с русским военным отрядом дворянина П. Хохлова около горы Юрактау на территории Ногайской дороги. [*Таймасов*, 2009. С. 247], позднее приобрел в казахских кочевьях ханский титул и после смерти хана Турсына II (ум. в 1717) управлял родом капал (кубыв) племени дулат Старшего жуза [ИКРИ-6. С. 25]. В конце 1720-х или в начале 1730-х гг. утратил власть над казахами и с того времени в течение более 10 лет постоянно жил в Туркестане, где находился в «великой бедности» и «пита[лся] подаянием обывательским». В конце октября 1738 г. встречался здесь с российским посланником К. Миллером, который посетил «стольной город» казахов по пути в Ташкент [там же. С. 34]. В 1742 г. при неизвестных обстоятельствах был убит в Туркестане [там же. С. 135]. Имел сына Салтамамет-султана, который приходился двоюродным братом султану Абылаю [*Андреев*, 1998. С. 102].

2. **Мырзагул** (Мурзагул) **Даекбай** – батыр племени аргын Среднего жуза, подвластный хану Абулмамбету; участник разграбления торгового каравана К. Миллера 2 ноября 1738 г. в окрестностях Туркестана, на территории урочища Балакампир [ИКРИ-6. С. 34–37, 41–42, 44, 51–52].

3. **Нияз Баркыулы** (? – 1744 или 1745) – батыр, знатный старшина отделения алтай рода атыгай племени аргын Среднего жуза, ближайший сподвижник ханов Самеке и Абулмамбета. На протяжении более 20 лет почти постоянно проживал в Туркестане, «где великую силу имел» и взимал подати с торгово-ремесленного населения города и его сельской округи. В 30-х – первой половине 40-х гг. XVIII в. оказывал большое влияние сначала на хана Самеке, а после смерти этого правителя – и на его правопреемника султана Абулмамбета, которому в 1739 г. помог взойти на ханский престол в Среднем жузе. Вместе с ханом Абулмамбетом и султаном Абылаем в 1740 г. в Орской крепости принес присягу на верность русской императрице, но два года спустя убедил своего патрона в необходимости подчиниться джунгарскому хунтайджи Галдан-Цэрэну и отправил в 1742 г. вместе с его сыном Абулфеизом своего собственного сына в качестве аманата в ургу. Нияз-батыр умер, вероятно, в 1744 или 1745 г., так как в документах последующих лет его имя уже не встречается [КРО-1. С. 155, 163–164, 167, 270–271; МИКССР-2. С. 33–40, 92; ИКРИ-4. С. 18–19, 22, 24; ИКРИ-6. С. 33, 123, 128; *Исламулы*, 1997. 67, 94 бб.].

4. Батыр-султан был женат на племяннице Абулхаира, дочери его младшего брата султана Булхаира.

5. **Досалы** (Дусали) – султан Младшего жуза, племянник хана Абулхаира, сын его младшего брата Булхаир-султана [о нем см.: Т. 2. Комментар. 2 к Док. № 531].

№ 90

1. *Ялгыз Агач*, прав. – *Жалгызагаш* – «Одинокое дерево» – памятная историческая местность, расположенная в бассейне верхнего течения Ори, между правыми притоками реки Ыргыз Уймолы и Ка-

рабутаком (совр. Айтекебийский район Актюбинской области РК). Одно из постоянных летних пастбищ (жайлау) хана Абулхаира и его ближайших потомков во второй четверти XVIII – начале XIX в.

Свое название это урочище получило от единственного в Зауральской степи пышного дерева – пятиствольного тополя, одиноко произраставшего на огромном пустынном пространстве. Поскольку деревья с пышной кроной являются большой редкостью для степного ландшафта, то они издавна служили объектом сакрализации у кочевых народов Центральной Азии. Казахи обожествляли одинокие деревья и считали, что их почитание принесет им счастье, исцеление от болезней, продлит жизнь. Спектр семантического значения Деревя в традиционной номадной культуре весьма обширен и многообразен: это и древо жизни в его постоянном видоизменении и развитии, и генеалогическое древо, где жизнь метафорически отождествлялась с произрастанием и оплодотворением; и образное выражение сложного пути познания мира и постижения истины, и вместилище особой силы, влияющей на жизнь человека и т.д. Местность с одиноко растущим деревом, безусловно, была для степных кочевников сакральной территорией, пребывание на ней неизбежно предполагало поклонение святому дереву с совершением определенных ритуальных обрядов, восходивших к архаическому мировоззрению кочевых народов и их традиционным доисламским и добуддийским религиозным культурам. Судя по многочисленным упоминаниям урочища Жалгызгааш в письменных русских, казахских, ойратских и китайских источниках середины XVII – начала XX в., а также в казахском фольклоре, оно было значимым местом для кочевавших здесь в разное время калмыцких и казахских родов. В устной памяти волжских калмыков и казахов-кочевников эта историческая местность овеяна различными преданиями и легендами.

В 30–40-х гг. XVII в. данная пастбищная территория являлась местом летних кочевий торгутского тайши Елдена, сына Хо-Урлюка (ум. в 1644), брата старшего тайши Дайчина (ум. в 1672), где 17 июня 1645 г. состоялся общий съезд калмыцких тайшей, ногайских и татарских мирз [Санчилов, 2011. С. 69]. Позднее здесь располагалась одна из летних ставок правителей Младшего жуза, в том числе хана Абулхаира, а после его смерти – ханши Бопай и ее сына хана Нуралы (1748–1786). В качестве особо почитаемых мест степного ландшафта это урочище сохранилось в устной памяти волжских калмыков-торгутов на целое столетие и запечатлелось в некоторых документальных и нарративных источниках второй половины XVIII века. В частности, оно упоминается под названием *Орын ганц модн* – букв.: «Одинокое дерево на [реке] Орь» в ойратском историческом сочинении *Qo Örlögün teüke* – «История Хо-Урлюка», написанным «ясным письмом» после откочевки торгутов из Волго-Уральского междуречья в Китай. В этом труде урочище «Орын ганц модн» представлено как первоначальное место пребывания откочевавших из районов Хобоксар (Хобог-Сайир) и Емель (Эмель) улусов ойратского тайджи Хо-Урлюка, где торгуты, занимаясь хлебопашеством, всячески благоденствовали и жили в мире и согласии, тогда как люди других ойратских князей умирали от голода [там же. С. 67–68].

От торгутов, перекочевавших в первой половине XVIII в. с берегов Волги на территорию Джунгарии, о местности «Орын ганц модн», или Жалгызгааш, с растущим здесь «святым деревом» стало известно при дворе цинского богдыхана. В 1757 г. она стихотворно была воспета императором Цяньлуном в поэтическом «Посвящении казахскому одинокому дереву», в котором владыка Поднебесной империи сравнил степную «чудо-тень» с китайским «чудом-сюньфан» [Хафизова, 2001. С. 79–80].

В мае 1847 г. урочище Жалгызгааш посетил ссыльный украинский поэт Т.Г. Шевченко во время девятого перехода транспорта из Орска в недавно возведенное на южном берегу Аральского моря укрепление Раим. Личные воспоминания о встрече со святым деревом и впечатления о нем, навеянные казахскими легендами об этой местности, легли в основу его акварельного рисунка «Джангисагач» (1848 г.), повести «Близнецы» и стихотворения-поэмы «Топор был за дверью у господ бога» (другой вариант перевода – «У бога за дверью лежала секира») [Шевченко, 1949. Т. 4. С. 90; Шевченко, 1952. С. 130–132; Шевченко, 1972. С. 397–399; Қазақтар. Тарих және мәдениет, 2013. С. 429].

Почти одновременно с Т.Г. Шевченко Жалгызгаашу посвятил отдельный очерк под названием «Священное дерево киргизов» и один из своих акварельных офортов ссыльный поляк Б. Залесский, опубликовавший их в объемной книге-альбоме «Жизнь киргизских степей» в Париже на французском языке в 1865 году [Залесский, 1991. С. 69–70]. Благодаря этим изобразительным, поэтическим и публицистическим произведениям памятное место кочевий правящей элиты Младшего жуза было увековечено в живописи и литературе.

2. *Ясаул*, прав. – *жасаул* (ясаул) – обозначение должностных лиц при ханах и султанах для выполнения различных поручений, таких как: доставка официальных писем иностранным адресатам и ниже-

стоящим в степной социальной иерархии представителям казахской знати, устное оповещение заинтересованных лиц, сбор налогов с зависимого населения и т.п. [Doerfer, 1965. Bd. 4. № 1863. P. 166–172].

3. *Косчей*, искаж. – *кошчи* (кащей) – обозначение прислуги казахской знати во время продолжительного путешествия или похода, которая смотрит за лошадьми, седлает их и т.п. [Будагов, 1871. С. 83; Валиханов, 1984. Т. 1. С. 32, 108, 364 (комментарии составителей)].

№ 93

1. **Аюка** (1642–1724) – первенствующий калмыцкий (торгутский) тайша (1672–1690), первый калмыцкий хан (1690–1724), утвержденный Далай-ламой и признанный российским правительством. Представитель рода керейт, старший сын Пунцука (Мончака) и Уралмы, внук Шукур-Дайчина (ум. в 1672) и джунгарского Эрдэни-Батура-хунтайджи (1635–1653) по материнской линии.

Родился и детство провел на территории Джунгарии. В 1654 г. вместе с дедом Дайчином переехал в Поволжье. В 1672 г. после смерти своего отца провозглашен новым главным тайшой Калмыцкой орды, объединив под своим началом всех волжских калмыков.

В первой половине своего правления в отношении России Аюка вел двойственную политику. Неоднократно присягал на подданство в результате заключения договоров (шертей) в 1673, 1675, 1677, 1681, 1683 и 1697 гг.; калмыцкие отряды принимали на стороне царского правительства участие в русско-турецких войнах (1672–1681 и 1686–1700), а также в Северной войне (1700–1721). В то же время калмыки совершали регулярные набеги на южные окраины империи, участвовали в многочисленных конфликтах с российскими подданными. Царское правительство, стремясь укрепить свое влияние на юге, поддерживало Аюку и использовало его войска при подавлении протестных движений: Разинского, башкирских (1681–1684, 1704–1711), Астраханского (1705–1706) и Булавинского (1707–1709) восстаний.

Аюка, восстановив мирные отношения с Российским государством, в конце XVII в. обратил свое внимание на восток. Часть мангышлакских туркмен была переселена им в Поволжье, к этому же периоду относятся его успешные войны с кумыками, кабардинцами, крымцами и кубанцами. В 1690 г. Далай-лама пожаловал Аюке ханский титул с печатью.

В разные годы своего правления правитель волжских калмыков поддерживал дружественные отношения с джунгарскими ханами. Он выдал свою дочь замуж за джунгарского хунтайджи Цэван-Рабдана. В июне 1722 г. впервые произошло знаменательное событие – личная встреча российского и калмыцкого монархов. Во время персидского похода Аюка и его младшая супруга Дарма-Бала были приняты под Саратовом на галере Петром I и Екатериной. Второй раз Аюка был принят Петром I в Черном Яру в августе того же года, когда царь возвращался из похода. На этот раз хана сопровождали Дарма-Бала и двое их сыновей – Церен-Дондук и Галдан-Данжин.

После более чем 50-летнего правления, на 82 году жизни, 19 февраля 1724 г. Аюка-хан умер на правом берегу Волги в 40 верстах ниже Черного Яра, против Казачьего острова в Копановской луке. О нем см: *Пальмов*, 1992; *Khodarkovsky*, 1992; *Батмаев*, 1993; *Мутиров*, 2002; *Тенкеев*, 2012.

№ 99

1. **Жапак** (Джапак) **Кекшиулы** (Кекчин) – батыр рода жагалбайлы поколения жетыру Младшего жуза, сподвижник хана Абулхаира [Крафт, 1898. С. 45].

2. **Котлумбет** (Кутлумбет) – казах рода шомекей поколения алимулы Младшего жуза, жасаул (ясаул) Абулхаира. С 1742 по 1748 гг. неоднократно посылался им к оренбургскому наместнику И.И. Неплюеву с секретными донесениями хана. Так, например, 3 мая 1742 г. по «приказанию» своего патрона прибыл в Самару и поставил в известность начальника Оренбургской комиссии о прибытии «к нему, хану, от зюнгорского владельца посланцев с требованием, чтоб он сына своего в аманаты к ним послал». Абулхаир устно передал через Котлумбета, что он вместе с посланниками хунтайджи Галдан-Цэрена намерен приехать в Орск, «где он будет спрашиваться командиров, и что они прикажут ему, то он и зделает». На основании этого обращения И.И. Неплюев назначил очень важную встречу с ханом и джунгарскими посланниками в Орской крепости на «первые числа июля» того же года [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1742 г. Д. 2. Л. 13]. Котлумбет активно выполнял курьерские поручения Абулхаира и в 1748 году [ИКРИ-3. С. 182, 201, 202].

3. **Киекбай** – казах сильного рода шекты поколения алимулы Младшего жуза, постоянный жасаул хана Абулхаира [ИКРИ-3. С. 201–202].

№ 101

1. **Арчин-хан**, прав. – *Алшын-хан* – мифический прародитель казахов Младшего жуза. Согласно казахским генеалогическим легендам, был третьим, самым младшим сыном первопредка казахского народа Алаша-хана. У Алшына, в свою очередь, было также три сына – Алим, Кадыркожа и Карт-казак, от которых произошли соответственно три главные группы (поколения) Младшего жуза: алимулы, байулы и жетыру [Аманжолов, 1959. С.41; Масанов, 2011. С. 182].

№ 104

1. **Сарайчик** (Сарай Малый) – золотоордынский город, расположенный на правом берегу реки Яик (Жайык) в 50 км от современного города Атырау (до конца прошлого века – Гурьев). В 1395 г. он был разрушен войсками знаменитого завоевателя Мавераннахра Тимура или Тамерлана, но позднее восстановлен и с начала XV в. стал политическим центром Мангытского юрта, в котором располагалась резиденция местных биев. На рубеже 60–70-х гг. XV в. младший соправитель старшего хана казахов Керей Жанибек-хан (1465–1474) распространил свою власть на кочевое население Мангытского юрта (будущей Ногайской орды), и город Сарайчик на короткий период стал одной из его резиденций на западной периферии Восточного Дашт-и Кипчака. Этот исторический эпизод запечатлелся в устной памяти каракалпаков, в которой Жанибек фигурирует как общий хан казахов, ногайцев и каракалпаков [Трепавлов, 2001. С. 86]. В 1573 и 1581 гг. Сарайчик дважды подвергся разбойным набегам яицких казаков и был разграблен. Особенно разорительным для местных ногаев стал второй казачий набег, в ходе которого казаки сожгли разграбленный город [Левшин, 1823. С. 10; Трепавлов, 2001. С. 337–340]. Оставшиеся в живых жители Сарайчика покинули город. Со временем почти вся его территория превратилась в некрополь. Вблизи «гробниц знатных людей» и обычных могил в 30-х гг. XVIII в. российскими военными была возведена Сарайчиковская крепость, на месте которой позднее возникло оседлое поселение. В конце прошлого века и в недавнее время казахстанскими археологами была вскрыта большая часть городища на разных его участках, а на территории современного села Сарайчик создан музейно-мемориальный комплекс [Тасмагамбетов, Самашев, 2001. С. 60].

№ 107

1. **Яицкий городок** – поселение яицких казаков, расположенное на правом берегу реки Яик (каз. – *Жайык*, с 1775 г. – Урал) в ее нижнем течении, в 269 верстах на юго-восток от Оренбурга и в 230 верстах от Самары. Было основано в 1594 или 1595 г. на западной периферии земель распавшейся Ногайской орды [Трепавлов, 2001. С. 346–347]. В российских документах, датированных 1614 годом, упоминается как казачий «острог» [Рябинин, 1866. С. 6]. В то время в нем проживало только 600 яицких казаков. В середине XVIII в. в Яицком городке насчитывалось уже 3 тыс. дворов, а общая численность населения составила 4213 человек [Байпаков, Ерофеева, Иночкин, Кривобокова, Сдыков, 2012. С. 137–138, 145].

В 1613 г. яицкие казаки, находясь во враждебном окружении, приняли российское подданство, но при этом надолго сохранили относительную автономию как в сфере внутреннего самоуправления, так и во внешних контактах с инокультурным окружением. В первой половине XVIII в. этнический состав Яицкого казачьего войска являлся очень неоднородным, большой удельный вес в нем имели наряду со славянами тюркские выходцы из бывшей Ногайской орды, Поволжья, Башкирии, Крыма, туркменских земель и других смежных районов внутренней части Евразии. Жители городка кроме несения воинской службы занимались рыбными промыслами на Яике и прибрежном участке Каспийского моря, служившими одним из основных источников их жизнеобеспечения [там же. С. 136–137, 139, 145 и др.]. К тому времени городок стал административным центром яицкой казачьей общины, где проживала войсковая верхушка. После подавления российским правительством движения Е.И. Пугачева он был переименован в 1775 г. в Уральск.

2. **Серке** (Сярке) **Менлибекулы** (Минлибеков) – батыр, знатный старшина рода жагалбайлы поколения жетыру Младшего жуза, близкий сподвижник хана Абулхаира [Крафт, 1899. С. 44; КРО-1. С. 350, 357–358, 466, 480, 510, 538–539; ИКРИ-3. С. 271].

№ 111

1. **Кутыр** (Гудер, Котур, Кутур, Кутурь; ум. позднее 1755) – батыр, старшина одного из отделений рода табын поколения жетыру Младшего жуза, доверенное лицо хана Абулхаира. Обладал незаурядными дипломатическими способностями, выдержкой и политическим тактом, поэтому с 1734 по 1748 гг. постоянно направлялся Абулхаиром с наиболее ответственными поручениями к царскому правительству и джунгарскому хунтайджи Галдан-Цэрену; являлся фактическим главой казахских посольств в Петербург (1741–1742 гг.), Уфу, Самару, Оренбург, в ургу и среднеазитские города. О нем см: МИКССР-2. С. 100–101, 147 и др; КРО-1. С. 141, 216, 303–304, 313–314, 538; *Кэстль*, 1998. С. 16–17; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1741 г. Д. 2. Л. 1–2; 1742 г. Д. 2. Л. 70 – 98а; Д. 3. Л. 42–43; 1743 г. Д. 7. Л. 4, 83–84а.

2. **Казыбек** (Казбек, Казебек) **Кельдибекулы** (1667–1763) – влиятельный среди казахов бий племени найман Среднего жуза. В конце XVII в. принимал активное участие в кодификации норм обычного права и составлении степного уложения «Жеті жарғы», содействовал хану Тауке в укреплении этнического единства казахских родов и племен. В 30–50-х гг. XVIII в. играл видную роль в общественно-политической жизни кочевого населения Среднего жуза и взаимоотношениях казахов с соседними государствами и народами.

№ 114

1. **Гурьев** (Гурьевский городок) – поселение яицких казаков, расположенное на правом берегу Яика (с 1775 г. – Урала) в 17 верстах от впадения его в Каспийское море. В 1640 г. ярославским купцом Гурием Назаровым на этом месте был построен деревянный острог. Дети купца – Михаил, Иван и Андрей Гурьевы – начали вести здесь промысловую разработку рыбных богатств Яика. По указу царя Алексея Михайловича вместо острога в 1647–1648 гг. был возведен каменный город, который перешел под власть Яицкого казачьего войска. Сначала он назывался *Нижним Яицким городком*, а позднее стал именоваться *Гурьевским городком* по имени рыбопромышленника Михаила Гурьева. До 1753 г. Гурьев находился в ведении Астраханской губернии, а в том году был включен в состав Оренбургской губернии; с 1938 г. административный центр одноименной области Казахской ССР. В 1992 г. переименован в Атырау, является административным центром одноименной области.

№ 128

1. Имеется ввиду правитель Бухары чингизид Абу-л-Файз-хан (1711–1747). Подробнее о нем см.: коммент. 1 к Док. № 24.

2. В то время падишахом Османской империи («турецким мусульманским салтаном») был (с 1730 г.) сын падишаха Мустафы II (1695–1703) Махмуд I (1696–1754).

3. ... *гнедого жеребца аргамака, который покрыт барсовой кожей*.... Под «барсовой кожей» здесь подразумевается шкура убитого туранского тигра. Подробнее об этом см.: коммент. 1 к Док. № 85.

№ 157

1. **Есет** (Исет) **Кокиулы** (1667–1749) – знатный казахский батыр, старшина рода тама поколения жетыру Младшего жуза, близкий сподвижник хана Абулхаира. Активный участник освободительной борьбы общеказахского ополчения с джунгарами второй половины 1720-х гг., вместе с Абулхаиром вел военные действия против волжских калмыков в 1723–1726 гг. на северо-западе казахских кочевий, где командовал крупным отрядом воинов Младшего жуза. С 1726 по 1728 гг. вместе со своим тестем батыром Бокенбаем Караулы (ум. в 1742) находился в ставке наместника Калмыцкого ханства Церен-Дондука на положении аманата. Во время пребывания миссии А.И. Тевкелева в Младшем жузе поддержал инициативу Абулхаира в принятии подвластными ему казахами российского протектората и 10 октября 1731 г. принес присягу на верность русской императрице. В 1743 г. был удостоен царским правительством присвоения ему почетного звания тархана. Умер в преклонном возрасте в 1749 г. и был похоронен в своих родовых кочевьях, расположенных вблизи современного аула Бестамак Алгинского района Актыубинской области. Имя знаменитого батыра после его смерти было увековечено сородичами и земляками в названии правого притока Елека реки *Есет*, берущей начало на юго-западе аула Акжар и протекающей по территории Хромтауского и Алгинского районов той же области (в XVIII – начале XX в. она называлась *Есет-батыр*). О нем см:

ИКРИ-2. С. 315–316, 361; ИКРИ-3. С. 54, 76, 85–86, 104–108, 126, 129–130, 289–292; *Бакунин*, 1995. С. 58; *Пальмов*, 1929. С. 259; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1743 г. Д. 33–38.

2. *Жанибек-тархан*. Имеется ввиду знатный батыр Среднего жуза Жанибек Кошкарулы (ум. в 1751), пожалованный царским правительством в 1742 г. званием первого тархана.

3. **Бокенбай Бешкурткаулы** (1700–1759) – знатный батыр рода шакшак племени аргын Среднего жуза, близкий родственник тархана Жанибека Кошкарулы. Активный участник освободительной борьбы народного ополчения трех жузов против джунгар в 1726–1730 гг., входил в состав ближайшего окружения хана Абулхаира. Во время пребывания А.И. Тевкелева в казахских кочевьях с 21 мая по 30 июля 1732 г. вместе с ним постоянно находился в летней ставке Абулхаира и «в его делах немало помогал». В том же году принял протекторат русской императрицы и в последующие два десятилетия наряду с тарханом Жанибеком предпринимал различные меры по урегулированию пограничных конфликтов казахов Среднего жуза с их северными кочевыми и оседлыми соседями. В 1748 г. неоднократно встречался в Орской крепости с бригадиром А.И. Тевкелевым и был одним из его основных информаторов по истории и этнографии казахского народа. О нем см: ИКРИ-3. С. 113–117, 156–181, 228–231, 254–255, 269; *Кэстль*, 1998. С. 34; *Крафт*, 1898. С. 44.

№ 188а

1. **Джамшид** – см. коммент.1. к Док. № 4.

2. **Рустам** – легендарный герой древнеиранского эпоса, один из центральных персонажей поэмы Фирдоуси «Шахнаме», символ доблести и мужества.

3. **Нуширван**, или **Ануширван** – см. коммент. 3 к Док. № 83а.

4. **Хатим** – см. коммент. 4 к Док. № 83а.

5. Письмо писалось в драматическое для Российской империи и Средней Азии время. Успехи России в русско-турецкой войне 1735–1739 гг. произвели большой международный резонанс. В 1736 г. русская армия овладела столицей Крымского ханства Бахчисараем, в 1737 г. она взяла важную турецкую крепость в Северном Причерноморье – Очаков. В это время начались также широкие завоевательные походы иранского шаха Надира, и возникла угроза вторжения его войск в Среднюю Азию, что сильно встревожило местных правителей. В данном контексте основное содержание письма Жолбарыс-хана, вероятно, следует понимать, как попытку добиться покровительства России в случае возможного вторжения иранских войск в Мавераннахр.

№ 189 а

1. *Хазрат* – букв.: «присутствие» – почтительный титул, прилагаемый как к монархам, так и к крупным духовным лицам в Средней Азии; аналог выражения *praesentia vostra* в средневековой Европе.

2. 24 – сакральная цифра у тюркских народов. Согласно Махмуду Кашгарскому и Рашид ад-Дину, у огузов было 24 рода. В свою очередь *Курама* – отдельная административная область, расположенная между Ташкентом и Ферганой; в первой половине XIX в. состояла из 24 укрепленных пунктов [*Бейсембиев*, 2009. С. 192].

№ 192 а

1. Имя *Колька* было, по-видимому, нарицательным у казахов для обозначения всех русских людей в Степи. Характерно, что степняки часто называли «кольками» детей казахских женщин, рожденных от беглых русских, которые скрывались в их кочевьях, как столетие спустя это отмечал известный писатель Н.С. Лесков в своей повести «Очарованный странник».

№ 193

1. Слово *князь* в русских переводах социальной номенклатуры кочевников того времени соответствовало тюркскому термину *бий*.

№ 197

1. Несмотря на неточный в стилистическом и терминологическом отношении русский перевод этого письма из обозначения султаном Абулмамбетом своего формального ранга как главы «мелкогиреевских», или «мизерных мелкогиреевских, орд» можно понять, что в годы правления большинством родов Среднего жуза хана Самеке (1723–1738) его основной социальной опорой являлись

малочисленные племена уак и керей, соединенные вместе ханом Тауке. По данным А.И. Тевкелева, они были тогда в Среднем жузе « всех родов безсильнея, да всех богатея» [ИКРИ-3. С. 303].

№ 202

1. **Джамшид** (Джемшит) – см. коммент. 1 к Док. №4.
2. **Фаридун** (Феридун) – см. коммент. 2. к Док. №4.
3. *Беграм*, прав. – **Бахрам V**, или **Бахрам Гур** – иранский царь из династии Сасанидов (420–438), идеализированный герой поэмы Фирдоуси «Шахнаме» и многих мифов и легенд, изображающих его бесстрашным воином и победителем всех врагов.
4. *Нуширован Адель*, прав. – **Нуширван**, или **Ануширван** – см. коммент. 3 к Док. № 83а.
5. *Кейгавиз*, прав. – **Кай-Кавус** (Кей-Кавус, авест. *Kašui Usan*) – иранский мифический царь из династии Кавиев, сын Кей-Кубада и отец Сиявуша, упоминаемый в «Авесте» и пехлевийских источниках. Один из героев «Шахнаме» Фирдоуси, где он выступает покровителем великого богатыря Рустама, оказывающего ему помощь во время неудачного полета на небо и поддержку в борьбе с врагами.
6. *Рустам* (Рустям) – см. коммент. 2 к Док. № 188а.

№ 203

1. **Платон** (428/27 – 348/47 до н.э.) – древнегреческий философ-идеалист, ученик Сократа. С его этическим учением связан проект идеального государственного устройства, согласно которому государство основывается на справедливости, а та, в свою очередь, обеспечивает счастье человеку и обществу в целом.

№ 214

1. *Девак-хан* – искаженный перевод имени деда Абулмамбета Тауке-хана.

№ 222

1. *Карача*. Имеется ввиду группа казахов Среднего жуза, управляемая родовыми старшинами, которые кочевали в Среднем Прииртышье. Слово *карача* употреблено здесь в значении «простой народ». О разных значениях термина *карача*, или *карачи*, см.: *Будагов*, Т. 2. 1871. С. 45; *Миллер*, 1999. С. 479 (прим. к § 60); *Валиханов*, 1984. С. 371 (комментарий).

№ 228

1. **Сырымбет** (Сарымбет) **Бекбашулы** (? – 1752) – знатный казахский батыр, старшина рода макатанаш племени найман Среднего жуза. Являлся приближенным султана Барака, который постоянно отправлял его посланником к оренбургским властям и в 1745 г. – в Петербург ко двору русской императрицы.

2. *Абдукарим-бек*, прав. – **'Абд ал-Карим-бий** (? – 1747) – независимый правитель Кокандского владения (1733–1747). Сын первого правителя обособившейся в конце первой четверти XVIII в. от Бухарского ханства Ферганы Шахрух-бия (ум. в 1722) из узбекского племени минг, младший брат его преемника 'Абд ар-Рахим-бия (1722–1733), основавшего крепость Иски-Курган, которая позднее стала называться *Кокандом*. После гибели 'Абд ар-Рахим-бия правителем нового владения стал 'Абд ал-Карим-бий, сделавший своей столицей Коканд [История Узбекистана, 1993. С. 205–206].

Захват в 1730-х – начале 1740-х гг. правителями мингов власти в главных городах Мавераннахра – Намангане, Худжанде, Коканде, Андижане, Маргелане – привел к обострению их взаимоотношений с Джунгарским ханством, которое прежде имело большое политическое влияние в этих городах, и наместники джунгарского хунтайджи взимали дань с их жителей. В связи с этим в 1742–1745 гг. между Галдан-Цэренем и 'Абд ал-Карим-бием завязалась острая борьба за господство в Фергане, активное участие в ней принимали кочевавшие в окрестностях Ташкента казахи Старшего жуза. Подробнее об этом см.: *Моисеев*, 1991. С. 162–173.

№ 248

1. *Гурган*. Имеется ввиду российский город Курган, расположенный в Западной Сибири.
2. *Омны*. Под этим и другими сходными названиями в письмах казахских правителей фигурирует город Омск.

1. Речь идет о начавшихся в Джунгарии после смерти хунтайджи Галдан-Цэрена (1727–1745) междоусобных распрях ойратских князей. Годы правления его сына Цэвана-Доржи (1746–1750), упоминаемого в российских документах того времени под именем *Аджа-хан*, были отмечены разгулом насилия, дворцовыми заговорами и началом распада Джунгарского ханства. Непосредственным поводом к свержению Цэвана-Доржи стал его указ об аресте авторитетного среди ойратов зайсана Олдзы в первых числах мая 1750 г. Это распоряжение вызвало большое недовольство ойратской знати, представители которой низложили с трона своего правителя, а затем сослали его в Аксу, где «велели выколоть шилом глаза». Активную роль в низложении Цэвана-Доржи сыграл известный в Джунгарии нойон, зять Галдан-Цэрена *Саин-Белек*.

27 мая 1750 г. ойратские князья возвели на джунгарский престол старшего брата Цэвана-Доржи Лама-Доржи (ок. 1728 – 1753), рожденного от наложницы Галдан-Цэрена. С 12 октября 1750 г., дня его коронации в Джунгарии, до низвержения с престола в начале 1753 г. он правил под именем *Эрдени-Лама-Батур-хунтайджи*. Однако приход к власти Лама-Доржи не устроил других претендентов на джунгарский престол, которые вступили с ним в 1751 г. в открытую борьбу [Мусеев, 1991. С. 201–206; Мусеев, 1998. С. 127–128].

2. *Лобача*, прав. – *Давац* (1742–1759) – чоросский нойон, прямой потомок основателя Джунгарского ханства Батура-хунтайджи (1635–1653). Сын нойона Намджила, внук знаменитого ойратского военачальника Цэрен-Дондоба Старшего (Черен-Дундука), двоюродного брата хунтайджи Цэван-Рабдана (1697–1727). Его кочевья располагались в Тарбагатае, а численность подвластных родов составляла 8 тыс. семей. Власть и общественная популярность молодого нойона отчасти превосходили политическое влияние хунтайджи Лама-Доржи. В российских документах того времени его ставка называлась «ближней», или «Малой ургой».

Давац с самого начала занял враждебную позицию по отношению к Лама-Доржи, считая себя более достойным по происхождению претендентом на джунгарский престол. Его притязания поддержал хойтский нойон Амурсана (1722–1757), родившийся от брака дочери Галдан-Цэрена Бада-рак с нойоном племени хойт Уйзеном-хошучи, который кочевал по соседству в районе Тарбагатая.

Осенью 1751 г. в Джунгарии произошло несколько серьезных сражений Лама-Доржи с Давац и Амурсаной, которые потерпев поражение в бассейне Верхнего Иртыша, бежали в казахские степи. Ойратские нойоны Давац, Амурсана, его брат Банчжур и небольшая группа сопровождавших их воинов нашли политическое убежище в кочевьях кереев, подвластных султану Абылаю, у старшины Каип-батыра. Местные казахи встретили их благожелательно и помогли на первых порах продовольствием и одеждой. [Мусеев, 1991. С. 202–211; Мусеев, 1998. С. 132–134].

В течение 1752 г. Лама-Доржи направил в ставку Абылая три посольства с требованием выдать ему опасных беглецов, но казахский султан, заручившись поддержкой влиятельных представителей родовой знати Среднего и Старшего жузов, категорически отказался это сделать. Его отказ привел к новой казахско-ойратской войне. 9 сентября 1752 г. джунгарские войска численностью 15–20 тыс. человек под командованием Саин-Белека, Шақдора, Батура-Убаши и др. вторглись в кочевья Среднего жуза. Царское правительство, получив известие о бегстве Давац и Амурсаны в Казахскую степь и начале военных действий между джунгарской армией и казахами, решило вмешаться в эти события и добиться приезда нойонов в Россию. Коллегия иностранных дел стремилась не допустить захвата нойоном Давац власти в урге, опасаясь, что в этом случае ему нетрудно будет привлечь на свою сторону казахских правителей. С этой целью помощник оренбургского губернатора И.И. Неплюева бригадир А.И. Тевкелев и его коллега П.И. Рычков осенью 1752 г. направили к Абылаю капитана А. Яковлева с заданием добиться выдачи нойонов российским властям.

В ходе переговоров с российским посланником Абылай проявил дипломатический такт, но при этом под разными предлогами тонко уклонился от обещания выдать Давац и Амурсану оренбургским властям. Между тем, уже после отправления Абылаем своего письма А.И. Тевкелеву джунгарские нойоны, откочевавшие в начале ноября 1752 г. подальше от мест расположения ополчения Среднего жуза, совершили во главе отряда ойратских воинов скрытый рейд вглубь Джунгарии и подошли к урге. 12 января 1753 г. они ворвались в ставку хунтайджи и убили Лама-Доржи. Правителем страны был провозглашен Давац. С этого момента начался новый этап в истории казахско-ой-

ратских отношений, характеризующийся активным вмешательством степной знати в междоусобную борьбу джунгарских князей [там же. С. 211–222].

№ 253а

1. Появлению данного письма на свет предшествовали следующие исторические обстоятельства.

В начале правления в Джунгарии Даваца хойтский нойон Амурсана активно поддерживал его, но уже в течение 1753 г. взаимоотношения бывших соратников существенно осложнились и к середине следующего года переросли в открытое противостояние. В августе 1754 г. Амурсана бежал в Цинский Китай и обратился к императору Цяньлуну за помощью. Цинский двор решил использовать его и других ойратских перебежчиков в качестве орудия для разгрома Джунгарского ханства.

В начале весны 1755 г. цинская армия вступила на территорию Джунгарии и в конце апреля вошла в район верхнего течения Или. 14 мая ее авангард во главе с Амурсаной вступил в долину реки Текес, где встретился с немногочисленными отрядами Даваца. Не приняв боя, Даваца бежал в направлении Кашгара. 8 июля его схватили мусульманские правители г. Куча и передали в руки Амурсаны, который доставил пленника в ставку командующего цинской армией. Через несколько дней Даваца был препровожден в Китай и там в 1759 г. умер. Захватив Джунгарское ханство, цинские власти упразднили институт верховного правителя ойратских племен и образовали четыре самостоятельных княжества, главы которых были подчинены непосредственно Пекину. К концу лета 1755 г. Джунгария, как единое государство, перестала существовать [Златкин, 1983. С. 285–292].

Обманувшись в надеждах стать всеойратским ханом, Амурсана в сентябре 1755 г. возглавил народно-освободительное движение в Джунгарии, которое к лету 1757 г. было жестоко подавлено цинскими войсками [там же. С. 294–295]. В апреле 1756 г. Амурсана, оставленный большинством своих сподвижников, в сопровождении 200 воинов бежал в кочевья казахов под защиту султана Абылая. Как только цинскому командованию стало известно место пребывания мятежного нойона, оно стало настойчиво требовать от Абылая выдачи Амурсаны. Казахский султан отказался выполнить этот ультиматум и выступил с ополчением Среднего жуза навстречу цинским войскам. Пройдя огнем и мечом по Джунгарии, армия Цинов в июне 1757 г. подошла к границам казахских кочевий. Войсками маньчжур командовали полководцы Фудэ (ум. в 1776) и Чжаохой (Чжаохуэй, 1708–1764). К тому времени Амурсана уже бежал из владений Абылая в Россию. После того, как Абылай узнал о приближении к кочевьям Среднего жуза крупных сил маньчжуро-китайских войск, он решил прекратить военные действия и заключить с Цинами мир [ЦИКХ-1. Док. № 3–77; Сулейменов, Моисеев, 1988. С. 53–65; Моисеев, 1991. С. 222–229].

Офицер дворцовой гвардии Цинов (*шивэй*) Далику с отрядом численностью 11 человек были отправлены из ставки Фудэ, куда спешно прибыл Чжаохой, к султану Абылаю после того, как им стало известно о намерении казахов заключить мир. Абылай через султана Абулфеиза сообщил, что признает свое поражение и готов обменять пленных. Далику прибыл в лагерь Абылая, расположенный в бассейне р. Аягоз, 22 июля 1757 года. Он настойчиво предлагал султану поехать в лагерь командующего для уточнения соглашения о мире, но Абылай под разными предлогами уклонялся от этого предложения [ЦПЧФЧ. Цз. 41. Л. 21]. Тем не менее, он был вынужден отправить 11 своих посланников во главе со старшиной Канжигером (Хэнцзигером; семь членов посольства и четверо сопровождающих) в ставку цинских военачальников. По прибытии казахов в их лагерь на реке Емель Чжаохой переправил посольство и письмо Абылая, составленное на литературном ойратском языке, 28 июля 1757 г. в Пекин [там же. Л. 15]. Следовательно, оно было написано казахским султаном не раньше 22 июля и не позднее 28 июля 1757 года.

2. **Есим** (Ешим, ум. в 1628) – старший хан казахов (1598 – 1613/14, 1627 – 1628). Сын Шигаи-хана от Йахшим-бикем «из Джагата» [Султанов, 2001. С. 211]. Умер естественной смертью в сентябре – октябре 1628 г. и был похоронен в Туркестане, возле мечети Ходжа Ахмета Ясави [там же. С. 219].

3. **Жангир** (Янгир, ? – 1652) – старший хан казахов (после 1644 – 1652). Сын Есим-хана, младший брат Жанибек-хана (1628/29 – 1644/45), прапрадед султана Абылая [там же. С. 136, 223–225]. В 1652 г. был убит в поединке знаменитым ойратским нойоном Галдамбой [Раднабхадра, 1999. С. 71; Султанов, 2001. С. 223–225].

№ 2536

1. Выражение *никогда не удостоивались поучений из Китая* означает, что прежде казахи не имели отношений с Китаем. Согласно китайскому дипломатическому этикету, цинский император должен наставлять других правителей, как старшие обычно поучают людей младшего возраста.

2. Выражение *обратиться к великой цивилизации* означало в китайской делопроизводственной традиции «подчинение» и употреблялось в смысле «подчиниться» Цинскому Китаю.

3. К ойратскому варианту письма Абылая Чжаохой приложил список членов казахского посольства [Noda, Onuma, 2010. P. 15–16]. В сопроводительном послании цинских чиновников и официальной редакции этого письма, помещенных в вышеуказанном китайском сборнике документов, упомянуто лишь имя главы делегации – Канжигера.

4. *Десятитысячелетний* – обозначение императора Цинов.

5. По сложившейся дипломатической традиции Абылай отправил в подарок императору Цяньлу-ну коней, как это издавна было принято во взаимоотношениях казахов со своими политическими партнерами. Генералы Чжаохой и Фудэ также получили в подарок по коню, но отделили коней императора от своих подарков, назвав их «данью» казахского султана, как это обычно трактовалось в Китае на протяжении многих веков. С точки зрения традиционной синоцентристской доктрины взаимоотношений Китая с другими государствами и народами властитель Поднебесной империи мог принимать от чужеземных правителей только «дань».

6. Члены казахского посольства – Умуртай, Дулен (Дулэн), Аланьжа, Танаси, Байкенай (Байконай) – во главе с Канжигером (седьмой член посольства в Сборнике не упомянут) осенью 1757 г. прибыли в Китай и были доставлены офицером гвардии Далику с отрядом воинов к императорскому двору. 18 октября 1757 г. они удостоились аудиенции у императора Цяньлуна в его летней резиденции Жэхэ, находившейся на расстоянии около 300 км от Пекина. Император принял казахских посланников в своем походном шатре, побеседовал с ними, а затем пригласил на банкет. На следующий день они принимали участие в облавной охоте императора [ЦПЧ ФЧ. Цз. 43. Л. 22 об. – 23 об.].

№ 256

1. Амурсана, бежав от казахов в октябре 1756 г. на Иртышскую линию, после непродолжительных скитаний оказался в начале следующего года в окрестностях Семипалатинской крепости и установил контакты с российскими пограничными властями. В течение первой половины 1757 г. он вел через преданных ему зайсанов Дабу и Эрке переговоры с царскими чиновниками об условиях вступления в российское подданство, а 27 июля с восемью спутниками появился под Семипалатинском на противоположном берегу Иртыша. Коменданты Семипалатинской и Ямышевской крепостей тайно переправили Амурсану в Тобольск, где нойон был поселен в 20 верстах от города на неработавшем тогда Кундузском винокуренном заводе. Но 21 сентября 1757 г. он скончался от оспы.

Цинские власти, получив от казахов сообщение о бегстве Амурсаны в Россию, настойчиво требовали от царского правительства выдачи клятвоотступника, а после получения уведомления о его смерти стали настаивать на выдаче праха своего противника. Коллегия иностранных дел предоставила возможность китайской делегации во главе с князем Цыбак-Арадным убедиться в достоверности известий о смерти Амурсаны, останки которого были отправлены на границу России с Китаем в Селенгинск. Цинские власти требовали от Сената выдачи тела Амурсаны, но в этом им было отказано селенгинским губернатором В.В. Якоби. Прах Амурсаны был оставлен в Селенгинске и там же похоронен [Мусеев, 1998. С. 157–167].

№ 258

1. **Кулсары-батыр** (ум. в 1790-е) и **Кулеке-батыр** (ум. в 1763) – наиболее авторитетные и влиятельные в то время старшины крупного рода атыгай племени аргын Среднего жуза. После смерти тархана Жанибека Кошкарулы батыр Кулеке являлся самым сильным старшиной в Среднем жузе («во всей тамошней орде сильный»), в 50-х – начале 60-х гг. XVIII в. под его управлением находилось около 3 тыс. казахских семей. Кулсара и Кулеке обычно кочевали вместе с аулом султана Абылая в бассейне реки Ишим от Звериноголовской до Петропавловской крепости [КРО-1. С. 608, 610, 633–634; МОЦА-2. С. 47, 68–70, 163, 188; Андреев, 1998. С. 112].

2. **Жолбарыс** (Юлбарис, не позднее 1701–1787) – султан Среднего жуза, двоюродный брат султана Абылая [КРО-1. С. 581; МОЦА-2. С. 119. 125]. В начале 1741 г. во время боевых сражений воинского отряда казахов Среднего жуза во главе с Абылаем с джунгарскими войсками попал в плен и был отвезен ойратами в ургу, где в течение более двух лет находился вместе с Абылаем, изучил за это время литературный ойратский язык и летом 1743 г. вместе с ним был освобожден из плена джунгарским хунтайджи Галдан-Цэреном [там же. С. 309]. В 1758–1759 гг. возглавлял посольство Абылая в Петербург ко двору русской императрицы, а в 1761 г. – в Пекин к императору Цяньлуну [там же. С. 308–309, 598, 614, 621–622; МОЦА-2. С. 125–128; ЦИКХ-2. С. 15–16, 19, 22–24, 64–65]. С 1761 г. до конца жизни получал от царского правительства ежегодное жалование мукой по 100 пудов [Андреев, 1998. С. 37–38]. Умер в преклонном возрасте осенью 1787 года. Имел 15 сыновей, старшими из которых были: Жангир (Зенгир), Жанибек (Енибек, Зенибек), Жезок (Зедюк) и Айбак (Ибак) [см.: Т. 2. Док. № 605].

№ 260

1. **Шеаренг** (Церен, Шерен, Шерин) – торгутский нойон. В 1758 г. он и восемь его братьев вместе с улусом численностью около 2500 кибиток вышли из Джунгарии в район Семипалатинской крепости, вырвавшись из окружения цинских войск. Правительство Цинской империи безуспешно требовало от России выдачи Шеаренга. По пути следования из Южной Сибири к Волге он не только собирал вышедших из Джунгарии ойратов, но и вступал в переговоры с казахами, давая при необходимости должный отпор и захватывая скот и людей. Калмыцкий хан Дондук-Даши выслал навстречу ему нойонов Бамбара и Еремпяля с 4500 калмыков, которые схватили Шеаренга. В низовьях Волги он был любезно принят ханом Дондук-Даши, а со временем стал одним из идейных вдохновителей откочевки калмыков в Джунгарию.

№ 262

1. **Байжигит** (Байегит; ум. позднее 1803) – знатный батыр, с 1789 г. – тархан, мурза, старшина подрода алтай рода таракты и подрода тобыкты племени аргын Среднего жуза. В конце XVIII в. под его управлением состояло 500 казахских семей [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1791 г. Д. 1. Л. 60–63]. В 50–70-х гг. XVIII в. входил в состав ближайшего окружения Абылая и пользовался его исключительным доверием. По свидетельству хорошо информированного командующего пограничными линиями в Западной Сибири генерал-поручика И.И. Шпрингера, изложенному в его служебном рапорте Коллегии иностранных дел от 16 ноября 1764 г., Байжигит-батыра султан Абылай «против других особливо жалует и единственно ему о своих тайностях знать дает» [КРО-1. С. 675].

№ 265

1. **Чорго**, каз. – *Шорга* (букв.: «Труба») – река, образующаяся юго-западнее горы Толагай от слияния рек Кандысу и Карасу, которая протекает в южной части Зайсанской впадины и впадает в озеро Зайсан (совр. Тарбагатайский район Восточно-Казахстанской области РК).

2. **Шарабел** (Шарабель) – историческая местность, расположенная на левом берегу Или, северо-восточнее современного города Алматы, охватывающая безводную песчаную пустыню Сарытаукум до урочища Капшагай (граница совр. Жамбылского и Илийского районов Алматинской области). Об этом топониме см.: *Ерофеева*, 2010. С. 507–509.

3. **Лэбси**, каз. – *Лепси* – река, протекающая по восточной периферии Семиречья; берет начало в ледниках Джунгарского Алатау и впадает с юга в озеро Балхаш (совр. Алакольский и Саркандский районы Алматинской области).

№ 266

1. **Салтамамет** (Султамамет, ум. позднее 1785) – казахский султан, правитель племени кыпшак Среднего жуза. Сын Жангир-хана [о нем см. коммент. 1 к Док. № 87], внук Абылай-султана, двоюродный брат султана (с 1768 г. – хана) Абылая. Кочевал в бассейне среднего течения Иртыша от Ямышевской крепости до Железинской крепости, под его управлением состояло более 5 тыс. лиц мужского пола. Имел 13 сыновей (Орыс, Иман, Жангир, Сеит, Карабас, Матай, Каракас, Карибжан, Кулшык, Шамшар, Таймас, Бешкан, Мукус), трое из которых – Орыс, Иман и Жангир – в 80-х гг. XVIII в. управляли разными родовыми группами кыпшаков [Андреев, 1998. С. 101–102].

№ 280

1. *Дикие киргизцы*. Имеются ввиду ближайшие юго-восточные соседи казахов – киргизы, сложившиеся как особый этнос на территории северных предгорий Тянь-Шаня.

2. *Ирдана-бий* (1720–1770) – правитель независимого Кокандского владения (1751–1770) из племени минг. Согласно сочинению кокандского историка Мухаммад-Амин-бека «Анджум ат-таварих», мусульманское имя Ирданы – '*Абд ал-Кайум-хан [Бейсембиев, 2010. С. 239]*. Как и его предшественники, он часто совершал набеги на соседние страны [История Узбекистана, 1993. С. 206]. В 1763–1764 гг. Ирдана-бий был союзником султана Абылая в стремлении противодействовать усилению влияния Цинов в мусульманских странах Центральной Азии и поддерживал с ним оживленную переписку, в которой оба политических партнера обсуждали вопрос о своем отношении к Цинской империи и афганскому правителю Ахмад-шаху. Однако в последующие годы их взаимоотношения резко обострились и приобрели конфликтный характер из-за взаимного соперничества за господство над узловыми перекрестками торговых путей в районе среднего течения Сырдарьи и в Фергане. В 1765 и 1767 гг. между Абылаем и Ирданой-бием произошло несколько сражений, в результате которых жители Ташкента и его округа были вынуждены признать власть казахского султана и уплатить ему дань [Сулейменов, Мусеев, 1988. С. 106–114].

№ 292

1. Здесь речь идет о массовом переходе калмыков с января по июль 1771 г. из Волго-Уральского региона на территорию бывшей Джунгарии через кочевья Младшего и Среднего жузов, преследования их воинскими отрядами казахов и конкретных результатах крупного сражения между казаками и калмыками на западном побережье озера Балхаш. Подробнее об этих исторических событиях см.: Т. 2. Док. № 518, 524 и комментарии к ним.

№ 297

1. Основная летняя ставка Абылая располагалась в 50–70-х гг. XVIII в. в окрестностях Петропавловской крепости (Св. Петра), в бассейне верховьев реки Ишим. В 1765 г. по просьбе султана местными российскими властями здесь был построен для него комплекс деревянных зданий, который состоял из личных покоев Абылая, канцелярии, бани и «дома для приезжающих». В скором времени эти здания подверглись разрушению в результате пожара. В 1829 г. в месте их расположения был возведен двухэтажный кирпичный дом. В 90-х гг. XX в. после обретения Казахстаном независимости правительство Республики приняло решение о воссоздании комплекса «Резиденция Абылай-хана». Восстановленный в первоизданном виде, он стал визитной карточкой современного административного центра Северо-Казахстанской области – Петропавловска [от Алтая до Каспия, 2011. Т. 1. С. 264].

№ 307

1. *Алацкое владение*. Речь идет о казахских жузах. Подробнее см. коммент. 3 к Док. № 17.

№ 309

1. *Хутайменде-салтан*. Имеется ввиду внук Самеке-хана (1723–1738), сын Есим-хана (1756–1798) султан Кодайменде, управлявший в то время родом шакшак племени аргын Среднего жуза [Андреев, 1998. С. 35–36, 115, 118].

№ 315

1. Капитан А. Дудин с небольшим отрядом солдат в 1770 г. находился при наместнике Калмыцкого ханства Убаши (1761–1771) на территории Волго-Яицкого междуречья. Во время бегства волжских калмыков в Джунгарию в начале следующего года они захватили его с собой. В течение около десяти лет российские пограничные власти безуспешно пытались отыскать Дудина в Казахской степи, но следы его затерялись.

№ 323

1. Абылай официально был провозглашен старшим ханом казахов султанами и старшинами подвластных ему кочевых родов и племен в городе Туркестане в конце лета – начале осени 1771 года. Описание обряда его избрания см.: Андреев, 1998. С. 36–37.

2. **Дат Караулы** (Карабатырев; ум. позднее 1785) – батыр, старшина одной из родовых групп племени аргын Среднего жуза; сын Кара-батыра. В последнее десятилетие жизни Абылая входил в состав его ближайшего окружения, был наряду с Байжигит-батыром доверенным лицом («любимцем») и «во всех делах верным советником» хана [МОЦА-2. С. 202, 203, 206; ЦИКХ-2. С. 96, 115].

№ 335

1. **Кукча**, прав. – *Кокшетау* – возвышенность, расположенная в северо-западной части Сарыарки, восточнее плато Торгай (совр. Акмолинская и Северо-Казахстанская области), где располагалась зимняя ставка Абылай-хана.

2. **Адиль** (Гадиль, ? – 1815) – султан Старшего жуза, третий сын Абылая (после Вали и Чингиза) от второй жены каракалпачки Сайман-ханым [Валиханов, 1985. Т. 4. С. 176]. С 70-х гг. XVIII в. управлял разными подразделениями родов шымыр, жаныс, сейкым, ботпай, кошкар, иштекурек и коралаш племени дулат Старшего жуза. Кочевал северо-восточнее города Туркестан, по реке Талас и в бассейне Сырдарьи; позднее – в западной части Семиречья, на границе казахских земель с Цинским Китаем, в верховьях реки Или и в окрестностях Кульджи и Кашгара, в горах Актау (совр. Панфиловский р-н Алматинской области) и Шаган (Чингиз-Чаган; на границе совр. Кербулакского и Коксуского р-нов той же области). В начале XIX в. под его властью находилось 40 тыс. казахских семей [Андреев, 1998. С. 114–115; ИКРИ-5. С. 406; МИКССР-4. С. 512 (Приложение)]. В 1779 г. хан Абылай, одержав победу над кыргызами, построил ему на берегу р. Талас дом, «обнес оный валом, основал около него селение из каракалпаков, привыкших к хлебопашеству» [Левшин, 2009, С. 256].

После смерти Абылая Адиль был избран старшинами подвластных казахских родов ханом и управлял большей частью населения Старшего жуза. Начавшаяся в первом десятилетии XIX в. борьба Коканда и Бухары за политическую гегемонию в Средней Азии и связанная с ней кокандская военная экспансия в южные казахские степи вызвали уход хана Адила вместе с 10 тыс. подвластных семей Старшего жуза из района Таласа во владения империи Цинов. Но несколько лет спустя в конце марта – апреле 1814 г. он обратился через своего сына султана Нуралы, отправленного с письмом в Коканд, к хану Умару (1809–1822) с изъявлением покорности и вступил под его протекторат. [Бейсембиев, 2009. С. 192, 226, 251, 358, 434, 459, 490, 503, 977; История Казахстана, 2013. С. 33–34]. Умер в 1815 году. Имел от разных жен 14 сыновей (Абылай, Али (Гали, Галий), Ерали (Ергали, Иргали), Тынали, Толек, Мамырхан, Каип, Тауке, Сеилхан, Кушым (Кушум), Нуралы, Абулах, Сайлип) [КРО-2. С. 224; Хафизова, 2008. С. 52].

№ 341

1. Утверждение адресанта о том, что Младший жуз (*Малая орда*) «состоит в [его] владении», не соответствует исторической действительности, так как все родовые группы поколений байулы и жетыру и часть отделений родов шекты и шомекей поколения алимулы с 1748 г. были подвластны хану Нуралы и его родным братьям султанам Айчуваку и Ералы, остальные отделения разных родов поколения алимулы в то время возглавлялись сыном хана Батыра (1748–1771) бывшим хивинским ханом Каипом, его родными братьями и сыновьями [см.: историко-биографические очерки об этих правителях в данном издании]. Все эти группы казахов кочевали на большом расстоянии от сезонных ставок Абылая и в политическом отношении не зависели от него. Хан Абылай, вероятно, сознательно расширил в этом письме реальную сферу своего влияния среди казахского населения трех жузов, рассчитывая тем самым убедить высокопоставленных российских чиновников в собственной силе и получить желаемые войска для приведения к покорности тяньшанских кыргызов.

2. В то время номинальными правителями Бухарского ханства был чингизид Абӯ-л-Гәзй-хан, полное имя – *Саййид-Абу'-л-Гизи-Мухаммад-Бахадур-хан* (1759–1785), точное династийное происхождение которого неизвестно. Он был возведен на ханский престол после смерти Мангита Мухаммад-Рахым-хана (1756–1759), но реальная власть в государстве принадлежала дяде его предшественника Мухаммад-Дәнийәл-бию-Аталыку (1711–1785 – годы жизни). После смерти Мухаммад-Дәнийәл-бия его сын Шах-Мурад (1741/42 – 1800) низложил с трона Абӯ-л-Гәзй-хана [фон Кюгельген, 2004. С. 80–83; Бейсембиев, 2009. С. 298, 372, 400, 407–408].

№ 342

1. Вероятно от монгольского глагола *харих* – «вернуться».
2. В начале 1779 г. сто казахов просили разрешить им поселиться внутри линии цинских застав (карун), но получили отказ. Цинские власти отправили послания к Абылай-хану и султану Абулфеизу с просьбой обустроить этих людей [Noda, Onuma, 2010. P. 41].
3. То есть все казахи обрадовались, услышав об этом.
4. Традиционное, превратившееся в Средней Азии в риторический штамп выражение *хвататься за чей-то подол* означает «искать у кого-либо покровительства и поддержки».
5. В тексте неясное слово *анийаман*.
6. Это интересное замечание объясняет, почему письма казахских властителей содержат монгольские языковые элементы. Как отмечают Дж. Нода и Онума, на раннем этапе казахско-цинских переговоров письма ханов, султанов и старшин Среднего и Старшего жузов Цинам писались на ойратском языке [Ibidem, P. 42].

№ 343

1. Неизвестные сведения о деятельности Абылай-хана в последний год жизни этого правителя в Ташкенте и его окрестностях содержатся в кокандской хронике «Та'рих-и Сигари» 'Абдаллаха-пансада (написана в 1874 г.). Рассказывая о своем предке 'Абд ар-Рахман-бахадуре – родственнике кокандских ханов и современнике Абылай-хана, 'Абдаллах-пансад, основываясь, вероятно, на каких-то устных семейных преданиях, пишет, что Абылай-хан совершил набег на Фергану (Наманган и Гурумсарай), после чего 'Абд ар-Рахман-бахадур отправился из Ферганы в ответный поход на него. Перевалив через Кураминский хребет, он нанес поражение Абылай-хану в местности Хитай-риза, занял Кереучи (центр Курамы), преследовал своего противника до Той-тепа (недалеко от Ташкента) и овладел большой добычей. Через месяц после этого Абылай-хан умер [Бейсембиев, 2009. С. 241].

№ 345

1. Перечисленные здесь реки: Аягоз (Айагуз), Кокше (Кокшал), Шынгыс (Чинкыыз) и Шаган (Чаган) протекают в восточной части Казахстана (совр. Аягозский, Абайский и Бескарагайский районы Восточно-Казахстанской области, территория гор. акимата Семипалатинска).
2. *Самай-Болат* – казахское название города Семипалатинск.

№ 350

1. Письмо написано на чагатайском тюрки с сильными элементами монгольских языков (*азин* – из монг. *азин* – «господин», < маньчжур. *ежен* – термин, обозначающий маньчжурского правителя); *фичик* – из монгол. *бичиг* – «письмо; официальный документ» (казах. *бітік* – «письмо»); тюркские глаголы *тутмақ* и *кутармақ* в значении «преподносить, подавать прошение», что соответствует факультативному значению монгольских глаголов *барих* – «держатъ» и *оргох* – «поднимать») [Монгольско-русский словарь, 1957. С. 64, 329. О влиянии монгольских элементов на тюркские языки (на примере языков сибирского региона) см: Рассадин, 1980. Отмечаются также несвойственные чагатайскому тюрки элементы казахского языка (*хатымду йибардым* вместо *хатымны йибардым* в чагатайском).
2. *Ван* – китайский титул, соответствующий князю. У монголов цинского времени этот титул носили потомки Хабуту-Хасара и других братьев Чингиз-хана.
3. *Цзян-цзюнь* – командующий войсками; маньчжурский военный губернатор и наместник Синцзяна в 1762–1882 гг.
4. *Амбань* – маньчжуро-китайский глава округа в Синцзяне. Пост амбаня в Тарбагатае был учрежден в 1764 г. [Noda, Onuma, 2010. P. 36]
5. *Чугучак* (уйг. Чөчэк), или *Тачэн* (кит. – *Tachéng*) – город и одноименный округ в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР; Чугучакский округ входит в состав Или-Казахской автономной области. В прошлом город и прилегающий к нему край были известны в России также под названием *Тарбагатай*. Был основан кашгарскими и атушскими уйгурами-купцами в XVI веке. Маньчжуро-китайцы основали сначала крепость Яр (Йар) на берегу реки Уржар (1764), а затем перенесли ее в 1766 г. к подножию горы Чугучак [Ibid].

6. *Гун* – китайский титул, соответствующий герцогу или князю. **Жоши** (Йучи-гун) – сын Абулфеиз-султана.

7. Имеется ввиду маньчжуро-китайский, цинский император.

№ 351

1. *Бурут* (*Буруд*), прав. – **Бори** – султан Среднего жуза, приемный сын старшего хана казахов Абылая (1771–1780). Сын некоего безымянного нойона и ойратки Тобыш (Топчай, Тубуч), дочери нойона Хаши-Мергена (Хочу-Мергена), родственника хунтайджи Галдан-Цэрена [Валиханов, 1985. Т. 4. С. 175]. В аутентичных письменных источниках XVIII в. встречается упоминание только об одной жене казахского правителя джунгарского («зюнгорского») происхождения. В то же время обозначенная Ч.Ч. Валихановым в его фамильном шежере наряду с Тобыш-ханом пятая по счету жена Абылая – Тохта-ханым, как «дочь тоже калмыцкого нойона», являлась согласно генеалогическим материалам семиреченского краеведа Н.Н. Пантусова, полученным от внуков и правнуков хана именно по этой женской линии, не ойраткой, а казашкой («киргизкой») по своей этнической принадлежности [Пантусов, 1901. С. 3, приложение].

Мать будущего султана Бори вместе со своим отцом, родными братьями и малолетним сыном оказались в кочевьях Абылая, вероятно, в 1751 г., когда джунгарские нойоны Давази, Амурсана и некоторые другие представители ойратской знати были вынуждены бежать из Джунгарии в казахские степи [Моисеев, 1991. С. 202–211; Моисеев, 1998. С. 132–134]. Эти исторические сведения в основном согласуются с генеалогической информацией Ч. Валиханова о том, что отец Тобыш-ханым Хаши-Мерген жил «некоторое время у Абылая в орде» [Валиханов, 1985. Т. 4. С. 175]. Муж этой женщины умер или погиб, по-видимому, не позднее 1750-х гг, так как его вдова фигурирует в документах Оренбургской губернской канцелярии начала 1760 г. уже в качестве жены султана Среднего жуза. В частности, поручик И. Ураков и переводчик Я. Гуляев доносили 10 апреля 1760 г. в Оренбург, что видели во время своего недавнего пребывания в степной ставке Абылая «зенгорских калмыцких владельцев, двух братьев родных – Юлбулду да Баира, которых сестру родную Аблай-салтан имеет за собою в замужестве» [МОЦА-2. С.153].

По сведениям приграничных российских чиновников 60-х гг. XVIII в., юный ойрат – «приемыш», или «пасынок» Абылая, «названный им Бирю-султаном», был «взятой за себя зенгорской калмынки сыном», то есть родным племянником джунгарских нойонов Баира и Юлбулды [там же. С. 187, 193; КРО-1. С. 667]. В то время он неоднократно направлялся своим отчимом с курьерскими и дипломатическими поручениями в Россию, в том числе и в Петербург, а позднее, как можно видеть из содержания представленных в этом издании писем хана Абылая и султана Абулфеиза, – и к цинским пограничным властям.

2. **Байыр** (Баир) – джунгарский нойон, родной дядя султана Бори (Бурута) по матери. В начале 50-х гг. XVIII в. вместе с другими родственниками мигрировал из Джунгарии в казахские степи и с тех пор постоянно находился при хане Абылае. [МОЦА-2. С. 153].

№ 354

1. В письме заметны монгольские языковые элементы. Помимо употребленной в нем монгольской формы слова *турғун* (монг. – *торгон*) – «шелк», глагол *кирмақ* – «входить» имеет несвойственное тюркским глаголам модифицирующее значение с оттенком интенсивности или начинания, что соответствует модифицирующему значению глагола *орөх* – «входить», который «при сочетании со слитными и соединительными деепричастиями выражает начало или интенсивность действия» [Монгольско-русский словарь, 1957. С. 309].

2. Год змеи соответствует 1773 – началу 1774 года.

3. Год лошади соответствует 1774 – началу 1775 года.

4. В оригинале это слово везде обозначено термином *хан*.

5. **Бопы** – султан Среднего жуза, сын султана Абулфеиза.

6. **Тубет** – цинский чиновник.

7. *Хан-Ходжа*, прав. – **Канкожа** – пасынок Абулфеиз-султана. См: Т. 2 данного издания, раздел: *Адресаты*.

8. **Жошы** (Джучи) – султан Среднего жуза, сын Абулфеиз-султана.
9. Конец июня 1775 года.

№ 355

1. Здесь имеется ввиду шкура туранского тигра. Подробнее см. об этом: коммент. 1 к Док. № 85.

№ 359

1. **Болат II** (Булат; ум. позднее 1798) – султан, с 1771 г. – хан небольшой группы родов племени конрат Среднего жуза и разных мелких родовых групп племен сыргели, шанышкылы и ысты Старшего жуза (1771–1798). Старший сын хана Абулмамбета (1739–1770/71), брат султана Абулфеиза [КРО-1. С. 288; ИКРИ-3. С. 301; *Левшин*, 2009. С. 181]. При жизни отца, в 50–60-х гг XVIII в. управлял в ранге султана подразделением алтай родовой группы куандык племени аргын Среднего жуза [там же. С. 607]. После смерти Абулмамбета, в 1771 г. был избран ханом старшинами части родов племени конрат Среднего жуза, родов жакабай (жагабай) и айтбозум (айит, сейит) племени сыргели; племени шанышкылы (чаншкылы) и рода оик (хаик, хаил) племени ысты. С того времени обозначал свой монархический ранг в письменных посланиях иностранным восточным соседям титулом *хан*. Управлял также городом Туркестаном, где с 1771 по 1798 гг. делил власть с сыном хана Самеке (1723–1738) Есим-ханом (1756–1798) [*Андреев*, 1998. С. 34, 39, 41, 104, 114; *Кузнецов*, 1983. С. 28; *Левшин*, 2009. С. 244; ИКРИ-6. С. 161, 166, 177].

Утратил власть над Туркестаном и кочевавшими в его окрестностях и южнее этого города до Ташкента родами и племенами казахов в 1798 г. после завоевания южных казахских земель ташкентским правителем Юнус-ходжой (ок. 1756–1806). Дальнейшая судьба хана Болат (II) неизвестна. Имел сыновей Тогума (ум. ок. 1824), Мурата и Шатемира (Сатемира). Султан Тогум после смерти отца унаследовал его ханский титул, возглавив подразделение алтай рода куандык племени аргын Среднего жуза [*Коншин*, 1901. С. 50–54; *Бөкейхан*, 1995. С. 114–115].

№ 362

1. *Хаба-амбань* – см. коммент.4 к Док. № 350.
2. *Аскан-амбань* и *мурин-джаин-амбань*. Дж. Нода и Т. Онума, по-видимому, правильно переводят эти термины как *вице-министр* или, точнее, *вице-губернатор*, и *заместитель главнокомандующего*, выводя их из употребляемой в маньчжурском языке терминологии (*аскан-амбань* < *ashani amban*; *морин джаин амбань* < *meiren i janggin amban*). См.: *Noda, Onuma*, 2010. P. 44.
3. *Тортул* – родовая группа в составе племени найман Среднего жуза [*Масанов*, 2011. С. 158].
4. *Кызай* – родовая группа в составе племени найман Среднего жуза [там же. С. 158].

**ФАКСИМИЛЕ
ОРИГИНАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ**

کلی صاحب بود که یکم بود و در

عنا پتر فیروز بنده در کافه قاضی

بابانیک باره پسند ارزان تو لوب

پسکناق نیک قاضی لقب سنی شیخ الاسلام

قدیم و پتوری بیرون شفقت قیلدق با لیب

مشالایین قاضی لقب شیخ الاسلام بیلب قدیم

بیرون اعزاز و کرامت بی جای کیلتور و ب تروکات

و نلمحات و اسپیلات لازینی و موجب کمال

تدریس اینک امر بنده بن حقیقی امیر و

جار و البیار لاریفه حافظ بود لوب فذ حتما

Handwritten marginal notes in Persian script, partially obscured and difficult to read.

اللباب

مکومت پناه عزت دستگاری کار پذیره اطوار بعد از سپاس حضرت انجام
 آنکه جهت ایلچی که ساد و بنده خود را فرموده بودم یک مروه مرز ایلدی را نگاه داشته اند
 به معنی دار و بیج زملند ایلچیرا از برای که اگر چه نگاه داشته باشند نیست حال امام باشد که مرز ایلدی
 شده باشند به سوداگر خود همراه کرده فرستمانند ما از آنجا ایلچیرا شانرا به سوداگر خود همراه کرده
 فرستمانیم بیج بورتی به دزد و بی که ایلچی جهت او باشند بورتی خود سوار شده یک
 ماه راه رفته بودیم غازی سلطان به تو اقلباق همراه شده ادب کرده است تا نایب در اجعت خود
 تنبیه کردیم در ایام دولت ابد مدت طرفین که سوداگران به الله و به الله شمای عزیز القدر
 و آمد سازد از ما و شما درین جهان نام نیک خواهد ماند و دیگر نام ایشانرا از این سبب الباب
 بیک گفته اند ارجحیم و بیکو جهت این خدمت بنده ثابت الاراده نایب فرمود که هر مدار این قتل تا
 ابالیق را فرمودیم بزودی بخدمت اجانب فرستمانند ما به تیره ماه ایلچیرا ایشانرا مود
 بخدمت ایشان می فرستمانیم از آنجمله سخن از زبان ایشانرا لیس تقریر نمایند خلا ف
 تصدیق خواهند فرمود زیاده ابرام نرفت دولت پسند امام معارف را

دوره ۱۱۰
 خدمت از این سبب الباب
 بنده خود را فرموده بودم
 بیک گفته اند ارجحیم
 بیکو جهت این خدمت
 بنده ثابت الاراده نایب
 فرمود که هر مدار این
 قتل تا ابالیق را
 فرمودیم بزودی
 بخدمت اجانب
 فرستمانند ما
 به تیره ماه
 ایلچیرا ایشانرا
 مود بخدمت
 ایشان می
 فرستمانیم
 از آنجمله
 سخن از زبان
 ایشانرا لیس
 تقریر نمایند
 خلا ف تصدیق
 خواهند فرمود
 زیاده ابرام
 نرفت دولت
 پسند امام
 معارف را

رباب هابون شهرابی ترکستان خالمیزن قزاق خان غایب محمد خاندن کلان نامه نیک ترجمه سید
 سلطنت و بسالت وحشت و عدالت و عز و امتنان خادم الحرمین الشریفین خاقان البرین
 و البحرین خاقان بن الخاقان السلطان احمد خان جلال ایچون شعار شعاری موافقت
 و روفاق و دثار مآثر مخالفت و اتفاق که عقیدت بی پایان و صفای خاطر اخلاص ظاهر
 صدق نشان یولدن آل موافقت اشتمال جناب عالی شان سلطنت و شرکت پناه حشمت
 و نصفت دستکاه کزبیه دودمان اقبال ستوده خاندان جاه و جلال سلاله سلسله رفیع
 عثمان خان شامله بوزن مکر صبر شیر خورشید تنوره ظاهر و هویر ایدر که لله الحمد المنه
 بو فخاص از ایابک تختند که طاشکند در کند و ناصیه لر به بیله که ترکستان ایام جات
 و سیرام و قره قلیاق و انرک غنیمه سرور تام ابر جمله اول لوای شرع بینک صحیح و شام
 سرفراز لغی ایچون شب و روز دعای جاندر ازه مشول لرز ایتد و ایتد که قبول عرضنه
 کله و نیه معلوم طبع اشرف هابون اولمش اولسونکه بزم ملکتمز ایستقون ملکتی اوردینه
 بر ملک وارد که اکا اشک دیر لر و انر مجموعی اهل سنت و جامع لر در مقدما اول و لایقی خرابی
 وقتند سفوظلما ضبط ایدری بومدنه انرک رحیمی اولتی اوزره باج و بروردی لکن
 شمردی اول جماعت طوق و عسکر ایله طو لوستقون ضرر زدن قور قار لر اما ذکر اولنان جماعت
 بزم جانیزده بوز طو تیر لر که دین غیرتی اوردد اگر سر لر بزه اندادیتند بیچی اولور سکر
 کند و ملگری کافر لک الی اللهدن طشم کوهه مکه قادرز و سزک ایله بر لک اولدینر خالده هر کون
 انک ملکنه رخنه و بررز و بز بوسوزده فکر ایتدک شریله معلوم فر اولر که بوزن اول صدقت
 السید قلی همم اقای بی یار کردن مدار قوسنه کوننده لیکلی خالده جنک خبری و کفار خاکسار
 بوز لرینی بزم قولا غنم تبندی جهان جهان فرح حاصل اولدی چونکه بو مقصد او مرتاده ایدی
 بوکانباء واقعه مذکور بی تحریر ایتدیکنر خالده اخلاص کیش نیک اندیش خصمندن ای خیر کار
 قربان لک کو کله داش یدیله کوننده لک که آستانگری قبیل اویوب بویله امر کزنه اولدینعی بزه
 بلده و بزه تیز خبر تیشده که کوز و فر بولده در که اول بار کاه فلک خرکاهدن نه ظهور
 ایدر انک لا یقینه عمل ایدر لهر

دلوغ لارنگه اوغور همتر بیوگ ده لته ارتوق میر یوزینه بیلاکان آق من اولوغ بادشا همتر بیوگ
 لوزین کون آیرین آغیم یلدرین یلم دولت سلامت زیاده اوله ایشا سیمکا بوجو عورن بندو حضرت
 بودر که سزا اولوغ حضرت کورال ایشا کور با شقوت خلافت برله اراده ایل کیمز یوق ریردی لوزین
 سزده و ایضا اولوغ بادشا حضرت کور سالیس ایشا پناه اولوب مطیع منقاد اولوق و چون توغای بود
 اورال ایشا که بندو کورال رار باغیم ایلر قوشوب یباردیم اول انداز یای سزا اولوغ بادشا کور
 حضرت کور ایلر تیلان کور او چون همز اولور خان قریق سان قزاق اورتم یوز کچر یوز بارجه رعیت
 قراجم لار بر برله باشی سالیم یرلق سزنگه دور اول قول لار کور اورال ایشا کور بر
 ایل قلب بر ایشو کور تلابز سزنگه یر لغت کور بولم ایلر یولغا یوز

سبیت قول
 یبارکان ایلر باشه قوتلما یولداشلاری بول

اولد اولوغ بيگ راجلوا اعظم پادشاه نيكر باجرام ارمنز قيلغوم پادشاه نيكر

پسيوكلگيشيرلر برنوخ مرائقم نيكر كانا طلا بنی سپورت نيكر واسيله ميكنه تاغنت
مسلا) بعداه سپود در. ارراد كر كه معلوم دورادنگان نيكر ايچنك سپورت
لنكخان ايرود كر بر كه جبر بويوندا قلعهم حاصل دور و باه چيكر بولر كيپلنگان
بجز اولوغ مرچنلو پادشاه كز اعظم حضرت شاهزاده صدين اول توغوم
اوج آيگ چيلوق بيران او ييز بوردوق قلعهم صلور بيران كان منور
او ميديانز ايچد اون كون چيلوق كيرگ شايه قلعهم صلور
او مشوسير نيكر بويوندا مشور (چيپلار نكر بولر له كليپنكر جمع
او كونهيس ايرجم اولبام بالالارومغ كيشن بولور ايد پادشاه
يرلوق بولر جريتم بر آخوزلر بولور ايد يارلوق پادشاه نيكر خدمت

اينا ملوق اول چون و هم حدره باسيله بويار كچام آيگ نيكر اولن
تور شوق كونا چكار شوق كونا يار اولد حصار تيريج بولر مكنه آيگ بولور اول
ايچلر نيكر حار ايرجم دور كر ديلا نكر آقا و نكلام بولر

اول اولوچ بیکر را حلیه پادشاه من اعظم حضرت تزار بیکر او کاسته نوبیلا کوچ
 پس بود بود لکوی بیکر بار بصر اولو قوچم استان قوچا کینت میچیله آندورنچ کاسلام
 بعد سپوز بود در اول پسو خاک لارن مر حلیه پادشاه بیکر او کاسته نوبیلا کوچ
 اورا در سز بکار در تیر یوز بیکر بیکر کوشلار من کا عهد قیله در در بقو مشقانه ایریم اوز
 بلوغ بجه اوقلی تو تیر راجه بیکر او قلی الکوچا ک بانور دینه قوجام بیره بانور یونده افسه بیره
 بیشتر کوشا آقا رز بیکر دینه قوجا قوچا رز بیکر یونده بانور دینه قوچا بالوان آقا لار در
 بر دینه تورت ادغون ترا کیکر رز بیکر قوچا باک بجه اوقلی بازار کیکر دینه قوچا لار در
 کوشلار بیره نوز کستان بزر اسهانا آمان بارخان آندین آرم ایله کوشلار بیره ان قارو مفر کیکر
 آقان صیب بوزوق سپوز استنخان ایریم اول خبر نوبیلا کوشلار بیره ان قارو مفر کیکر
 کوشلار بیره ان قارو مفر کیکر کوشلار بیره ان قارو مفر کیکر کوشلار بیره ان قارو مفر کیکر
 صیب اول کوشلار نوز میان کیشور بیره ان قارو مفر کیکر کوشلار بیره ان قارو مفر کیکر
 او مشو آقلا کوشلار بیره ان قارو مفر کیکر کوشلار بیره ان قارو مفر کیکر
 جبارویم هر خبر لارن صیب یاراد جبار سپوز صیب هر کیم پادشاه من تقابیر کوشلار بیره ان قارو مفر کیکر
 ایاناک من اورا در غلوا بولیدل

تریح منده ایریم اول ایله کوشلار بیره ان قارو مفر کیکر کوشلار بیره ان قارو مفر کیکر
 بیره بیکر کوشلار بیره ان قارو مفر کیکر کوشلار بیره ان قارو مفر کیکر
 سلام

اول اولی غریب مشهور و قدرات و ابار چند مشهور پادشاهان امیر اطوار اعظم
حضرت تلامذس از سبیل کوهی با رسم نورانی طلا یعنی وهم ادر در رس را عیتر

وین سبزه پادشاهان اعظم حضرت تلامذس که تا بعد از آن فرغ از ترغی خلقیکر ابوالویر خانم صلاح
ایتب جبار لکان آق سدری خلا کز کیکه را اصلو پادشاه ایسباه لیکونه نخبه یاد قوه
باشند او بجهتونه کو تاج و ک کوه کین تلا کانه نخبه بر زمین بر لو قاب تورو جه نه بز زمین
کیلاکه خدمت بولیه بکنند که بوند بولسبون اول را اصلو امیر اطوار اعظم پادشاه بکره لوقه
کج تا قیام قیامین نه جه نه و سبها قایل غیلیم بینه مشول تا بنی صا و تنیکه طلا تنس جه نه بیک
خوش میوندیم بز لدر بکره فرهنو مز نه بیکو رب ایسکان او چون هر تکم ینکا تیب بر تنه سبزه
و بز لاریتیکر تلا کوز مشول ایرد کاتینجه بر لم موهی بلتور عنود آه طیتلا سبزه
توبلا ملتوق لاریتیکر سبزه کلب سیر بیونده قلعه لاریتیکر سبزه کج بیرون باش
صالحان قلمبر ایرد اراد لوبیکر امیر اطوار اعظم پادشاه کوب بیلغ سبزه لاریتیکر بولک
و بز لاریتیکر بولایق بود و بنا ادهج کم ادکله قلمبر و سبزه لاریتیکر ان
قلسبون بز لاره آلا قلسبون وهم بازمید کاه من جه نه او تو مشول یار و دانه مشول
ینارال بر لم موهی کیلانده سیر بیونده قلعه صالحانده بتمکان انتم قلمبر در

وینه مطم قیل من اول را اصلو پادشاهان حضرت تلامذس بیکر آق سدری خلا تا شکست کای
خانم جبار لکان ایکن سبزه اول جو لبار در خان بود وینا وین اد تو بدر ایکن بلن بوق
یرد قدر دنی بلور لاریتیکر بز لاریتیکر بر لو ککن ایکن قلمبر بز اطلس جبار کج بکن
بر لوق چابولسبون جبار ایک
تروغ منگه ایور دانه ایلا ایکن چیل سبزه بیکر ان تو تو در کج جبار مغن کوه یار و دانه

سبزه

شکوکتلو و قدر تلو بارچہ غم سے جھٹلو بادشاہمہ ابیمیر تیب اعظم حضرت تلو
 اور جیلا کوہ بارچہ اور ریس راغیہ تیز

بن سپر بادشاہ من ایک پراتور اعظم حضرت تلو رینک تابعدہ کہ ترغز ترغز انج
 خلقینک ابوالخیر خان

جیبار دوم او مخلص قوجہ احمد نر حد متکر کا اور زمدہ کوزوم بارچہ ترغز ترغز انج
 باشر صالکہ کو تلو من صاف تابکیر اضلاص بر لہ راستلو ق بر لہ حالہ بر تلو
 قو لہ لوق ایبار من را صیم ای تب یار لبقاؤ سپر دان خدمت بر دان

الحمد لله مشکور نیتن کا جتکو و دنگ ترغز ترغز غم نیک ملق بر دان اور در جم
 اندرین اور کانیدہ الہم بیور سپہ کوند در در من آجانز آتیق این خدمت کلک

باشرا او پتوندہ کشمہ من اور مندر جیبار التور در من
 بر نیک سپور دمنز اول ارشنگ بلش مر صو آکر و ابانیج تکللاؤ بلور

ایکنی طایف سپوین نیک واسیل میکتج تاتیشچو بلور جر نہ ایتمکان سپور

قالمیرہ و جم اینا ملیق او چون مہر و من با سیکرہ

سیدہ جمادہ الاور ایم نیکر آخر صرا شہنم کون باز در ک

اول اولوغ بیکر اعلیٰ پادشاه نیکر بارجم اسرکز قیلغوز پادشاه بیکر
۹۸۵

بیویکله کشته لر اولدی جو لوز آچمان آلام ایمانچ عتکله لاق مرصون
 سلام بعد سبوز برور اوراد نکر کا معلوم دور او تکلای بیلیک ایچما
 سبوز لانکا ایره دکر برکاسیر یویندا قلعه صلده در موعه عسکر لر که کیلک
 سبوز اول اولوغ بیکر اعلیٰ پادشاه عظم حضرت ظله روین او توغوز
 اوج آیی قیلوق برجان اورین بوروق قلعه صلده دروبایر کانه منور ارمید
 ایگه اوز کونا چیلوق بیکر کاشایت قلعه صلده روین او منبور سیر نکر بیونده
 مشولام بیبلا روکده برله کیلیک جمیع او کونمبیر ایره عم اولیبام بلا اور
 یخشه بولور ایله پادشاه بیکر برقوق برلم جرتم بر آوز لر بر بولور
 بز لار نه آیتایکریار لوق پادشاه نیکر خدمت بز نکر دور مرضی
 سبوز اولاد دردا تورور پادشاه نه نیکور جرتم سبوز لار ش
 اینا ملوق او جهون مصلحت کیلیک بویار عجم ایگه اوز نوق کون چار مننه کون
 یاز و کده قار یاز و قریخ منکد ایور او ایلا ایگه ۱۷ ایره و دکر ویگا نیکر آتا
 ۱۷ او بونکم موسیور ایلا ز قنده قلیباق برلم قاتوش قزاق آلجون
 چکلر رفیکر آوز کشته بی نکر اوللا نکر لاموسیناق به و بیتم چو کده
 بایر مین بوی رفیکر جابید لکالامی و بیتم قزاق قلیباق اور اراق بر سرا لاشق عزله
 پادشاه نه بارجم لر جان برله برک تلامق ای بر لدر برلم برک دور
 چیلوق برله
 توراه

تئكرى تبارك وتعالى حضرت لارى نيك لطف احسانيله وجهله مسلمان
 نيك حكمدارى ابو الخير محمد غازى بهادر خان وسز اصفهائى وجهله قزلباش
 نيك استقالى وكل حكمدارينه سوز اولكم جار توبى كچو بولور جاو نيك توبى
 ايل بولور بورونغى زمانده نوشيروان عادل پادشاه برله حاطم طايى
 جومرد جاو بولغان آخربنده ايل بولغان سوزونك بولسا سوبله جواب
 برايك قزلباش وبالنه بز قالمايق مسلمان وبالنه سيز قالمايكنز آق خان
 پادشاه برله ايل بولسا نكز وهم بز نيك برله ايل سز آق خان غه جاو بولسا نكز
 بز نيك برله جاوسز هر نه اشك بولسا آيتپ قىلشايق دىن كا دعوى قىلسانكز
 نوسن اوزبك وجميع مسلمان برىز قالغونجه نور وشور مېز نوكلت على الله
 بار سول الله برخدای سنه ۱۱۵۳

هولند بجان

اول دفعه بیک مرتبه بپادشاه اعظم هند تلامذینه مطلقاً قتل من بدمتن نیکو خدایا بیکر که بیکه نهری

اینها زین نیکو بکامتایه ریویب بیور کاکظم او چون اول مراتب پادشاه نیکو انشاهی بتجدید سپرد او کم
 میدان بودن اینها در من نیکو تلمیذین اینک نام بیور ایدی عیقا کلبه عبرت الورد کون ایله ری
 پادشاه مدامتی یار لاریوب جرمه بود و قلیق قیلر لاره ایکنه ایریم ایکنه مراتب پادشاه خد
 اعلی حضرت او چون آنظمن بر خدای بر سپردن خور منلو پادشاه خد یا شورون سپردن لاریوم
 دشمناره انشاه از معلوم قلم من ادیلا بر منو کلبه تبش تاندا ایکنان سپردن لاریون پادشاه بیور
 بیقال بر لهر صفا فدیور کورده ندان بیست قیلان انشاه دن ایکنان سپردن لاریون پادشاه بیور
 ابولیت سلطان باری سلطان بشکایکنان سپردی بر لاریون ابوالی خانده ای او غلومن او در بر جوی
 پایش صالب او در سپردن لاریون صلب کباشقور در بر لاریون استی بولیب توبول یا نندو قلیق
 بولدردی لاریون ایکنه بیو اینم ادی صلب کباشقور توره بیور آنده غوسندا بولدردی مندا
 اجتهاد ایندردوب مندا غوسنده بولدردی لاریون او چو تشککها بلغان برده اکر لاریون
 ترو کوب سندان اقال جانک کور سلطان توشیب قراجه میرا غولخ نیاز بانور توشیب
 ابوالی سلطان ایار صبارده تلاقان او دیو مستی بوی بارق سلطان ایکنه مستی
 نیکو قولند اتور در قراستال تودی انشاه کور قاعیب بوق بولند کباشلاب بولدردی
 ابوالی سلطان باری سلطان قراستال بانور سلطان تورتاؤنکر کباشلاب بر قالمقنه
 اقول لاریون در جم آنگان بیسپاکی بر لاریون کور قاعیب پادشاه خد تغیر
 تورتاؤنکر منو لاریون قاجل بولر شولار ادیاتقم قویا صیب آخه مان اول لاریون ایکن
 توره لاریونکما او تورتاؤنکر بولفانده پادشاه نیکو بیور فلان بیور لاریون مساعت پتار ایکن
 بی بانور سلطان آری اینم آکر کماؤم ایره اکر بر لاریون کباشلاب بر لاریون بیور ایکن
 بولدر تلمن کاروان مال لاریون مراتب پادشاه آشا کعبه ایکنه کباشلاب بانور
 بولدر توشده ابوالی سلطان باری سلطان بانور سلطان بیور تورتاؤنکر قلمقنه آری ایکن
 بر لاریون ایکنه کباشلاب لاریون بر لاریون بیور شاه دن فرسین کور مدکر لاریون
 اکلای لاریون بر لاریون آتا بولدر کباشلاب بر لاریون قراستال کور قراستال لاریون
 بر لاریون قراستال لاریون بر لاریون قراستال لاریون بر لاریون قراستال لاریون

اینها زین نیکو بکامتایه ریویب بیور کاکظم او چون اول مراتب پادشاه نیکو انشاهی بتجدید سپرد او کم
 میدان بودن اینها در من نیکو تلمیذین اینک نام بیور ایدی عیقا کلبه عبرت الورد کون ایله ری
 پادشاه مدامتی یار لاریوب جرمه بود و قلیق قیلر لاره ایکنه ایریم ایکنه مراتب پادشاه خد
 اعلی حضرت او چون آنظمن بر خدای بر سپردن خور منلو پادشاه خد یا شورون سپردن لاریوم
 دشمناره انشاه از معلوم قلم من ادیلا بر منو کلبه تبش تاندا ایکنان سپردن لاریون پادشاه بیور
 بیقال بر لهر صفا فدیور کورده ندان بیست قیلان انشاه دن ایکنان سپردن لاریون پادشاه بیور
 ابولیت سلطان باری سلطان بشکایکنان سپردی بر لاریون ابوالی خانده ای او غلومن او در بر جوی
 پایش صالب او در سپردن لاریون صلب کباشقور در بر لاریون استی بولیب توبول یا نندو قلیق
 بولدردی لاریون ایکنه بیو اینم ادی صلب کباشقور توره بیور آنده غوسندا بولدردی مندا
 اجتهاد ایندردوب مندا غوسنده بولدردی لاریون او چو تشککها بلغان برده اکر لاریون
 ترو کوب سندان اقال جانک کور سلطان توشیب قراجه میرا غولخ نیاز بانور توشیب
 ابوالی سلطان ایار صبارده تلاقان او دیو مستی بوی بارق سلطان ایکنه مستی
 نیکو قولند اتور در قراستال تودی انشاه کور قاعیب بوق بولند کباشلاب بولدردی
 ابوالی سلطان باری سلطان قراستال بانور سلطان تورتاؤنکر کباشلاب بر قالمقنه
 اقول لاریون در جم آنگان بیسپاکی بر لاریون کور قاعیب پادشاه خد تغیر
 تورتاؤنکر منو لاریون قاجل بولر شولار ادیاتقم قویا صیب آخه مان اول لاریون ایکن
 توره لاریونکما او تورتاؤنکر بولفانده پادشاه نیکو بیور فلان بیور لاریون مساعت پتار ایکن
 بی بانور سلطان آری اینم آکر کماؤم ایره اکر بر لاریون کباشلاب بر لاریون بیور ایکن
 بولدر تلمن کاروان مال لاریون مراتب پادشاه آشا کعبه ایکنه کباشلاب بانور
 بولدر توشده ابوالی سلطان باری سلطان بانور سلطان بیور تورتاؤنکر قلمقنه آری ایکن
 بر لاریون ایکنه کباشلاب لاریون بر لاریون بیور شاه دن فرسین کور مدکر لاریون
 اکلای لاریون بر لاریون آتا بولدر کباشلاب بر لاریون قراستال کور قراستال لاریون
 بر لاریون قراستال لاریون بر لاریون قراستال لاریون بر لاریون قراستال لاریون

هو الله سبحان

اول اولوغ بیک مرحمتلو ایملر اطور پادری
 شاه اعظم حضرتلارینه معلوم قیلامز یورتهمز ننگ
 خوافیا لیک برله کینکاشلاری اینلارهمز ننگ بزکاتقا یوز
 یوروب یور وکانلاری اوچون اول زاحملی پادری شاه
 نینگ اشلاری بتمیدور سوز اولکم مندان بورون
 اینلارهمز ننگ قیلهمین ایتکائیم یوق ایردی عقالی
 کیلسه عبرت الورلار کون ایلکاری پادری شاههمز متینا
 یارارلار دیب هر نه بوز وقلیق قیلسه لارده ایتبای ایردی
 ایردی زاحملی پادری شاهغه احلاصی مز اوچون انظمز
 بر خدای بر سوز بز خورمتلو پادری شاهغه یا شورون
 سوزلارنی وهم اشکاراه اشلارنی معلوم قیلامن
 اولی میرضی کیلب بئشقاندا ایتکان سوزلارنی
 آشاه کیچتیم طاقی شاقوینارال برله میرضاغه یوزکور

شکانتان بیری قلعهان اشلا رونی ایتکان سوزلارونی
 یادی شاه بیلسون آبولممت سلطان باراق سلطان
 بنکا ایتکان سوزی بزلا رابوالخیر خاندای اوغلو مرنی
 اوروستقه بیروب باش صالب اوروس بولا آلمای
 مزید باشقورت برله اچلی تشای بولیب توبول
 یاندای ظاتیغه بولدوردی لار

ایکنجی ینه اینم اولوب طیب باشقورتقه
 توراه بیروب انداغوسندا بولدوردی مندا اچناه
 ایندوروب مندا عوسنده بولدوردی لار

اوچونچی تشکنتکابارغان سوداگرلار مالین
 تورکوستاندای آغاسی جانک گیرسلطانی قو
 نشپ قراچی میرزا عولنی نیاز باتورنی قوشپ
 آبولممت سلطان ایره باروب تلاتقان اوزو
 تورتنجی باراق سلطان آبولممت سلطان

نىك قولسا تورور قاراسقال تولاي اشلا رنى
 كىرى قاعىب بوزوق يولنه باشلاب يوريدور
 آبولممت سلطان باراق سلطان قاراسقال
 باتور سلطان تورتاؤنىك كىنكاشى برقالقغه
 اوغوللار مرنى وهم آلمان بىر ساك بىر ايك دىب
 يورتنى كىرى قاعىب پادى شاه غه تقىر يىروب
 تورغانى شولار قاچندا بولسه شولار اوياتقه قو
 يار دىب اخسان اخلاصه اوچون ايتى توراهلار
 بولماي اوكر قرا قلابق بولعا پادى شاه نىك
 بيورعان بىرلىقلارون ساعت بتار ايكان بزى باتور سلطان
 آرى اينم آرى كيا قوم ايزدى الار برله كىنكاش بر بولدى
 برون مورنا كىلكاندا يولدا تلجان كاروانى ماللارونى
 داخلى پادى شاه آشا كىچىب ايزدى ايمدى ينكادان
 بوزوق يولغه توشدى

آبولممت سلطان باراق سلطان باتور سلطان
 يورتنى آلا قىلب قلماقغه آق ايو برله آلمان بىر ايك

بکانه بزلار ایتمز بزینک تبقان پادی شاه دان بی
 بیان کورد ونک لار آطا بولدی بزلار کا آنا بولدی
 قزیل برله باشیل قرا تولکو قرماجین کید ونک لار
 هر نه تلاؤ مزی بیردی قیش قیشلاؤ بولدی چوغه
 یاز لاؤ بولدی جاؤ آغاندا پنا بولدی اوغری قیلیب
 توشکان قزاقلارنی قولونکزه بیردی نه زیان کور
 دوگزلار مندا ی عدول پادی شاه بورا دانه تابولارو
 مکر سزلار پادی شاه نینک بی دیکاین بیرمه سنکز
 یولغه توشمه سانکز بز سزلار نینک تا بقان قلیاق
 برله پادی شاه آساندا حاقه مز دیدم

ایمدی قیچاندا بولسه کیراک یوز کوروشکا پار
 سونلار کیراک مندا بولسونلار شول سلطانلار دان صو
 راقر سقالندا یسرلار ندا ساؤداگر لار نودا جواب
 بیر مسه لار مقللا جلد ام اشلار یتر بزینک برله نینک
 بولهانین شوندا کورور مز بر الله بترسه بز بترور مز
 انشا الله مقامه پادی شاه پولندا اوزومز آبولنجیر

اوغلانلار قرا باشی سلطان در محمد سلطان
اوروس سلطان

زیور اتم قلغانچی بر هدایفه سیونب پادی
شاه نینک هنر متنی قلیب او عون آتیب قلیبین
چابریمان کمدرسه پادی شاه غه قار و تملیق
قافان کشلار نینک صونکدار من هراش انله غه
معلوم دور

ایکنی پادی شاه غه سوز اولکوم معلوم
قیلامز یینارال لیتی نانت برله آبولهت سلطان
ایلان سلطان یوز کور شکاندا بز نینک نور علی
سلطان برله ای علی سلطان هم بارغان
مسلمت ایچنده بولغان ایر دوک آبولهت
سلطان برله آبلای سلطان بولاردان زیادار

صیلادی بزینک آکا مزدان پادی شاهغه هزمتی
 بلارینک ارتق بولامی آکا مزدان هونکری بزلارکا
 او شبنو ندایی بولا ایکان دیب هطر لاری قالیپ
 کیلکالار بر اول زعلی خانغه او کوت لاپ
 ایردوم مندایی اشلارنی بلکانم یوق ایردی
 هنوز اشنی کم باشلاب اخیر نه تشول چونغار
 دیب

خط امه لال ۱۱ سنه ... محرم ۸
 کمپنه ملا محمد دیوان قولیم قویدم

ابوالخیر خان ... سلطان ...

درخان

صحت حق جل و علا حضرت تباریک لطیف احباب اہلہ عنون عتباتیکم اگر تہ لیس صحت بیضہ از نہ اول اولی بیکر معلول
ابراہیم پادشاہ حضرت تباریک اور بیکر کوئی مصلحت اختیار استقلال کل حکمہ اور دریا چاندہ ترور و غیرہ علم و علم و غیرہ

دربن تابع و مطیع منتاز تر عنو قزاق اور ۱۷۰۱ ہجری سنیک کہ پور بیکر ابو الخیر خان مسلمانوں اور احمد شاہ بیکر حضرت تباریک
بیادیم بیکر تباریک اور نور پادشاہ میر حضرت تباریکہ احلام میں بربر استقامت تا نکلاہہ چہ حقان کو مذہبی معصومات بربر ایرتہ کو
رہنکار کا قریب درو قریب نور در میر جو آخری زمانہ سے زمانہ تباریکہ متعلقہ شخصیتوں پادشاہیہ درو خدایم بر انظار
نور خدایم و سبب آلاز ابابلیب را چاہا پادشاہ میر حضرت تباریکہ ان ار لیس تو تباریکہ مسلمانوں کو بربر کو با ابابلیب کو
نیک ایملکان بلانکہ عننی قیلا کو بر پیر و سبب بندہ لیکر بیضہ قیلوق بنزیک تو تو میر آیتندہ عا لیکر صالان ابوالی خیر خدایم
جمع بخشندہ کیلک انیسب سبب اشع عزالانز بخش تیلب احلام لاری بودندان بار ایرتہ صحت آگاہی نور عنان از لاری
اور ایرتہ کو اختیار لاری بر بخش تیلب تو لوللیق تعلیم اور چون اول مراد پادشاہ حضرت تباریکہ چرنہ حد متیر بار بر لیم
کلیتہ اور استقلال بولیم سبب ادرا چاہا پادشاہ حضرت تباریکہ قزاق پور تباریکہ لاری اور در تباریکہ لیم بر لیکر قزاق پور تباریکہ
اور تباریکہ سبب بولیم بزم احلام و اختیاری بر لاری قزاق اور ایرتہ عود تیلب بخش قیلوق توارہ لاری کران بولیم سلطانہ
دہم بر در گنار پور و ببار چرنہ حد متیر بولیم مطیع بولوق نور تباریکہ پورہ میں سبب قزاق پور تباریکہ لاری پور تباریکہ
انوار قیلوق لاری قزاق قزاق پور ابو الخیر خان قزاقی تباریکہ پور تباریکہ لاری پور تباریکہ لاری پور تباریکہ لاری پور تباریکہ
اور ایرتہ لاری اور اتقون و میکان اور چون قزاق پور تباریکہ لاری پور تباریکہ لاری پور تباریکہ لاری پور تباریکہ
روانہ بیادیم بر لیکر حاجم اور در تباریکہ معلوم بر خدایم معلوم بو بارش ان چاہو تباریکہ لاری پور تباریکہ لاری پور تباریکہ
تباریکہ لاری پور تباریکہ
تباریکہ لاری پور تباریکہ

ہجرت ادو غریک مراد پادشاہ میر حضرت تباریکہ اتویم بیضہ قیلوق خطہ مشرقی نظر تباریکہ قلمایرون حالیکہ بیضہ معلوم قیلوق
اور ہم ایچ اندہ بلا لاری تباریکہ اور بولیم تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ
ابولوب مرتبہ شارح سبب تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ
میر جان پور تباریکہ لاری تباریکہ
ہجرت ادو غریک مراد پادشاہ میر حضرت تباریکہ اتویم بیضہ قیلوق خطہ مشرقی نظر تباریکہ قلمایرون حالیکہ بیضہ معلوم قیلوق
اور ہم ایچ اندہ بلا لاری تباریکہ اور بولیم تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ
ابولوب مرتبہ شارح سبب تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ
میر جان پور تباریکہ لاری تباریکہ
ہجرت ادو غریک مراد پادشاہ میر حضرت تباریکہ اتویم بیضہ قیلوق خطہ مشرقی نظر تباریکہ قلمایرون حالیکہ بیضہ معلوم قیلوق
اور ہم ایچ اندہ بلا لاری تباریکہ اور بولیم تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ
ابولوب مرتبہ شارح سبب تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ لاری تباریکہ
میر جان پور تباریکہ لاری تباریکہ

هو الله الباری

شوکتلو و قدرتلو اول اولوغ رحملی
 پادی شاهیمنز ایمر اطور به لیضوت پطراؤنه
 حسرتلاری نیک اور ملکاتندا بارجه روسیه نیک
 استقلال کل حکمداری هر اخطیار مصلحت
 و جمیع یوردتلاری اوزی بیلا کوچی غلد الله
 ملکه ابدًا

و بز قرغز قزاقی نیک تبع و مطیع بولغانه
 آوالنجیر خان مرحمتلو راحمای پادی شاه عظمی
 حضرتینه اورتونیب عریض قیلانز شفقتلو نضاروندا
 داریع قیلغای کون ایلکاری آنیک او چون بز لارگما
 یبارکان راحمای آق مهر ما خطنی کوروب بیک خوش
 بولدیم سیموندیم اول خورمتلو خطینکزی بنار الله
 هم کورستیم خط نینک ایچندو که سوز راحمای
 پادی شاهیمز ایمر اطور عظمی حضرتلار نیک شفقتی
 ایله بتوروب بزکا جواب ایلمکه یوردوق انا بنی مویتند

ایوان نپاویوغه بز نیک هر اشلارنی کورمک اوچون
 وگا بیوردوق اعتماد ایدوب اینان غایسن دیب سیز
 بز اینان ساقتا ینارال بزکا اینان همان داین بولدی
 باتورغی یل نیک ایچنده یوز کوروشدوک تمام
 سوزلاشدوک و لَامَا اَسْرَ اَلِي كُو نکلومین جای
 تَهَادی اوز و کیردین باشقه دو نیآداه اولوغ نیک
 پادی شاه سیز را حملی مهر باتلو شفقتلو هر
 او تونمیز سز اوز و نکیز کا عریض قیلامیز را حیم
 قیلوچی بر خدای

ایکنچی مُسیر سیز یار دام پیر کوچی بورندان
 کونکلوم احلاصیم برله اوز اخطیار و م برله تشقا-
 ندان پیرلو تلا کا نم پیر و ب پیرلو قاعانسز هیچ
 کونکلوم قایتقانی یوقدور اول بز کا قزاق یوز تیغه
 تفکلاق مورضه کیلکانداه بز دان بلا تلاتکان
 یوق ایردی او غولتی بیورلسون دیب بز یغوز اوز
 او یوم برله هر نه تلا کانمیز پیر و له دیب قولار تیب

ر ر ا خ ط ی ا ر و م ب ر ل ه س ی و ت ی ب ا ی ل ی ق ی ل ب ا و ن ب ر ی ا ش ا ر
 م ل ا م ن ی ا ی ل ی ی ا ش ا ر ا غ ا م ن ی ی ا ر د ی م ش و ل و ق ت ه ر ن ه
 ت ل ا ک ا ن ف ن ی ی ر و ب ا ق م ه ر ل ی خ ط ب ر ل ه ب ر ل ی ق ا ب ی ا ر ی
 ب ا ز ا ر ق ل ع ه ا و ر ی ن ب و ر و خ ن ه ب ز ن ی ک ح ا ق م ی ز د ا د ی ب
 س ل ی ب ی ر د ی ا و ل و غ ب ا ز ا ر ب و ل ی ب ف ر ا و ا ن ل ی ق ب و ل د ی
 ی و ز ک و ر ش د و ک ت ا ت ی ش چ و ژ ی ن ا ر ا ل ق و ت ل م ت م و ر ض و
 ا ی ک ی و ا ل ی ک ی ل ب ی ا ر ل ی غ و ن ی ک ی ز ب ر ل ه ق ر غ ز ق ز ا ق ک ی ل ک ی و ر ت ی
 ق ر ا ن ا و ز ا ر ی ن ه ع ه د ق ی ل د و ر و ب ت م ا م ی و ر ت م ی ز ب ا ش
 س ل د ی ل ا ر ر ا ح م ل ی ی ا د ی ش ا ه م ی ز ن ی ک م ن د ا ی ی ر ل ق ا ن ا
 م د ا ه ی ن ک ا د ا ن ا ی ل ی ق ی ل ب ی و ر ت م ی ز ب ر ل ه خ و ا ج ه ا ح م د ن ی
 ی ا ر د ی م ه ی چ ا ی ن ا ن ی ش م ن ا ن ی ر و م ق ل م د ی د ی ب د و ش م ا ن ی ز
 د ا ن ح و ا ف س ز ا و چ و ن و ه م ق ی ش ن ب و ل ع ا ن د ا ه ی و ت ط ا ن
 ح و ا ف س ز ا و چ و ن ب ز ک ا س ل ن ع ا ن ق ل ع ه ب و ل س ه ا و ر ی ن
 ب و ر و خ د ا ه ب ر ا ی و ی م ب و ل س و ن د ی ب ب ز ی ل ا م ب ر ل ه ا ن ا س ن ی
 آ ل ی ب ی ا ر د ی م ن ا ت و ر ی غ ی ی ل ی و ز ک و ر و ش ک ا ن د ا ه ی ن ا ر ا ل
 ت ل ا م ن ی آ ل م د ی ا ی و ن ی م ن ی ق و ی م د ی ب و ا ش ن ه س ی ل م ی

آلمای سوز بولای مدی دیدیم قراستقلنی تلادی
 شونه من دیب یور وکان آئینک اچون او توز کشی قزاقنی
 نیمان رووندان لوچولاب توئیپ... روودان کشی
 بزکتر بولور آخرنی اشی بتسه چغاری بولور کشلارنی
 ینه هیچ بولمه سه قول بیر قرعز قزاق ایچنده که ارشلار
 بولسه تروب یرایم قرا قلیپاققه چه ینه یلغیپه قولنگا
 تشوراییم و هم قول کوچ بولمه دی شوندین صونکراه
 بیچراه بولیب قایتدیم اوز یور تمدانداه راحمای پادشاه
 عظمی حضرتلار نیک یار لهینه آرقه لانیپ یورکان من بر
 یولغه سلور من دیب منداه بو قزاق یورگی اینامد
 یلار بزکا کیک یوروت اوزونک ییروب بلانکنی مالدا ی
 سیلاتیب یرآتمدی بزلار نیک ارشمنز قاچان برادیپ
 بوروندان بزکا کینکا تشیب قیله نیک یوقدور دیب یشمه
 سالیق قیلدلاز صونکرا بزلار بر اشی قیله دیب یوروت
 قورقدی آنداه ینار الفه ایتسام سوزومه تلمه اینان مغاندا

رور لاغاندای بولدی کوچلیک برلا بیر کابیم یوق ایرد
 لایی اورا عطیاروم برله سیوت بولغان ابردیم سکا اعلی
 یاد شاهبیر عظمی عصر تلاری بولغان داه ارشتوچی ابدو
 راهم قیلک توتقوت بولغان کیشلاری داه برلقاق برور
 ایش دیب الحمد لله شوکور پادی شاه عصر تلارینگ
 داؤلتوداه اورومیک ایق بلا شیر تورغنداه دوست دو
 شمان کولکوسینه قویسیب اینا ما عانقه یئار الفه عطر دم
 شول برداه فالدی منداه قرغز قزاق بیلاری یخبشلا
 بوروت ایتدور ای خان برنیک اوزومیزکانی نک یورتلار
 یوقاری قلماق قلدان چرین بولسون سروچت قطای
 بولسون فریل باشی بولسون توکاراک بوروت بولسون
 عالی بینک بلا سنی بیروب ایل بولغانی یوق آلا رینک باجه
 سیدات بریقی راق احلا صمیز برله ایل ایردوک راهمای
 پادشاه بینک داؤلتوداه خالصیر یورونبیر برله اوتویب
 تلای برخواجا احمدنی بیروندیب ایرکلو پادی شاه دور
 اهر بیکومیر یوروتلارینک طانه سینه قویماغای عمر عمر لیککا

اللمر بر نبع و مطيع ابو الخير حان يولونكزاه بولي،
 بوروندان كوكلوم قالقاي يوفدور عمروم اوتكوسيه
 شفقتلو راھمنگيزدان او ميد قىلب توردرمز بزي
 كوركات نلاروم برله كوت باھه حداي ساع سلامت
 اوزاق عمر سر سويديب تلاق تلاپ توردرمير سيزلا،
 اسان ليكده كوب يرداه دامع مير باردور اشاالله تعالى
 سيزلاركا وھىچ تقيور قىلور يورت بولماس داؤلتو
 نكيزداه مك بزلاركه راھيم قىلب تلاكاميزنى بيروب
 پارليقاسه نكيز خواھه اھمدى بيروب مينك تورله شوکور
 قىلور ايردوك تاي تىتاك برله دو شماھينغھ سورومير
 اوستون بولور ايردى سيزلاركا تقيور قىلب بزلاركه
 كولكان دو شمانلارنى آيندورماق اوھون تورت سات
 قول بيورسانكيز بولور ايردى تمام قزاق قراقلياق
 ايچنداكه ارشارمر بىب قاينب سوزلامسداي قىبور

ایردیم اگر بزرگایور سه نگیز هر کم یور تی ننگ جاین
 بیلور بزلار اهلا حیمیز او چون سیز کا آیتمین باچه
 سیز پینک بولو نگیز داه بولیب بزرگا کوندورون بیرونگیز
 دیب او تونیب عمر پهن قلدیم بو دونیادان اوزوم اوتکونچه
 نلا اوزوم برله راهمینگردان هیچ اومید اوزنمایمین اولوغ
 بادشاه سیر اولسامداه آیور ولهایمین بتلدی

شوال آی پینک اولیکی کوه جمعه یولدوز نینک
 سکیز نچه کون میزان نینک لال اسنه ایناملیق
 او چون مهر باسیلدی ...

کیک مای یصاؤ ولتی بای مورضی قره چورانی
 حد متکا بار دیم

اولاً این بر روی دستارهای مسخره در این...

مکان حکم دار و پیر عمر تلو و خورق منو بود لکن با شکی و دعا و سلام و اکرام

سوز او کلمه کوب بیغم با شاه عهدش در صفا و بولی و ناز منزه هر از خطا بودیم
 شاه شاهیم حضرتلار نیک قدری و چون قلایز و بیخ بنارال ملازمین صلویت نیک
 کا قالیایوان ایوانی و بیخ کنور ناتور بولی هر نه اشک از بر نیک بود و غیره از جمله
 شاه شاه یریتقاغان فرب بر نیک بر شاه نیک از نیک قلیب عکالت
 قلیب توراه در مشونگر از چون براد منزه خان باشم به جان ترتیب
 ایما که چکب هر نیک شد از بر بوردیز آشفوح استر بولی بنارالقم
 بارخونچ برین کا معلوم قیله نیرق تقرولی بر نه ایتیا ک مشوا شو قلاغان
 بر منزه اسپر لارن بوب باشلیق بولیون باره پیر جیب یور دیز کتکان
 غلا دینا و قولقم تبشور ویم یوللاه بلیم یز بتدس جبرو شومق پشناه کونولیک
 صونگر از متر غلا دینا و ایملد یمن آناه بارغان یلیع الماق از چون مپو با قون
 در قلیب تور قیتا دم بنه و ان خیر سزد میر اسلام نامه...

قوتور با طور نیکه آنجا پوتولا کنو. حلا متکا بیاریم بو غلیغ

قوتلیم بیروب برادرین بلنگو قلیب بیجو اولگار لار بره

ایمده مشول اورین بور خندان قیتیللا کولار یخستو بیلا

بیاریولد اشلار بره یتر کتشی دور بولدر قوناق قیل

بیخفا لبا یلی رژی نیکه بلغلارون بویوق بار چسومشول بلتور عمر نوتکاف بلغلار و

الدون جمله ام قیتتاراه تور پسنگه بیروت ایمانور غم یخستو پور اول صوبلا قو

بلقیون پر ویا بیاروب یلعوز اولوز تویتب تور عیله سیز اوراوم بیار

ویگان متر اقلارین بیارور سیر ^{بیایم} حال تور پوزندار سیرد سیرد ایکنر او چولاشو

بتارکا یخستو بولور اشلار بیتکان رژی نیکه کشلار دن ار روم خبر برور لیم خضار

پوندریب شول وقت چخاران دین مینه قوتور با تور کیلدر همزون بلده کبار عخان

میجو دکر لارین یخستو کتور ایتب کیلکان کسکان متر اقلارین کور ایتب تور

چوما کای رژی نیکه کشلار باریم او چلاه شرک لار رود و نمان کشلار باریم او چلاه

او دتم یولوا ن قز باک میدان کشلار باریم او چلاه و سب سلام نامه تیلدو

اول اولوچ بیلر احمد پاشا شاه حمید علی محمد صاحب دار کرامت دروس

قیلغوز و قیرین تور و قلدوز قلدوز بولگوز نیک و رسید پال کله ایله حو حو سلام

سوز اولگو مضاخر تر اراق یلقدری متور بلی شیاران حضرتلاری
سینکا تیشور و بدور بترمه آیتک سیرنکا آیت ای اولو بشتور آلتا
بلتور عنز یلقو دا گول آتی بیکه پیش کونا بولگه جفالبا یاپش
گوراک لوقه نیک چعمان یلقور دور حال غلوعیش متور بانگیکم یا شند آلیب
اوستی تیب ار تیب کیشله روبر آط بر ایتر قاری شند ز قرائده میرس آتا اولو کما
آز بئنه چکله نذری جلیه کوزن اگان آط پسرنا آلا توپس آلیب کشفگان بوغور
کشی سوزون کسفی بکرس تورن یلقو آلیب کسفی پشاوره قویلین بیشتر طایبا
بر آیکوزر تولا یی بکرس توردت ایگرس مشونز جلد ام توشلار و نا جو کلوش
بور دلتا اولوز بیکسه دان کسفی بیار با آلیب بیروب بیار اکلورن بکیر بوکلرین
قلیق بوکلر مندان مللری اکلورس تولا و بیره ایشبولق بیار جبه سجید اولو دلابا

Handwritten marginal notes in smaller script, likely commentary or additional verses related to the main text.

ابوالمظفر المنصور سیدک دولت ابوالمظفر

دیر عزت قلدوز قتلوی موی لکونیک در اسپیلی
 یال شکر و در عیلام

سپور اولی سندان جانک بر نیک که کما جان او غلول قلیب یورده
 بر بلاش اولی ده اینو چیکده بلیتو آیب قلیب ایکنه بر رتقا
 بر قلیماق کوچلیک بر لم یورده آخری بلیتور کلب آقا بین منده
 تالیب یورده کما کشر. آغازه بر شو داگن یورده ایکنه بر شو جمعا
 دیکن او غلن بر در با یار و یب آیتیر. میگره بر بودن منگنا
 بیز مو میلو نیک بلیب بر رباید او چله دن قلمافونده بر کاپر
 بر لاریور بیاق او چله مار بریز او کارا بو عین مو عکار
 او کار قایدان کیده بر باره بر نیکه بر نیتو لاهی کشر او چله
 بیز آنداری او چله بار اولدیکه انش بر پیکر بر در ان سکا

منش بر
 اولی سندان جانک
 بر نیک که کما جان
 او غلول قلیب
 یورده بر بلاش
 اولی ده اینو
 چیکده بلیتو
 آیب قلیب
 ایکنه بر رتقا
 بر قلیماق
 کوچلیک بر لم
 یورده آخری
 بلیتور کلب
 آقا بین منده
 تالیب یورده
 کما کشر
 آغازه بر شو
 داگن یورده
 ایکنه بر شو
 جمعا دیکن
 او غلن بر در
 با یار و یب
 آیتیر
 میگره بر بودن
 منگنا بیز
 مو میلو نیک
 بلیب بر رباید
 او چله دن
 قلمافونده
 بر کاپر بر
 لاریور بیاق
 او چله مار
 بریز او کارا
 بو عین مو
 عکار او کار
 قایدان کیده
 بر باره بر
 نیکه بر نیتو
 لاهی کشر
 او چله بیز
 آنداری او
 چله بار اولدیکه
 انش بر پیکر
 بر در ان سکا

اول شوکتیو کلا باغی ایام غلام حفری کتزلار بریز قیلغور عرملو و خور قتلو بیجا آتو

مملو ویز و کلا میلند طایستوف حاجترخان کتوبیر نادر و عا کلام

سپود اولگم پیز نئیزر کاسیار کلا ایلملار و ککر باجم سلامت ابا ان آمال قولوریم

تیکه یلار میر و لار نیکه ایپن آمان ایکان لیکیز ایشتب بکر خوشو و متن

اولادق بر لاریک کور کلمور اور و کیکر کج همیان و بر به پوجو لیونرا و تلیق

به لرتور ما و حان بلتوق نیتیز بوقدر بر کک کیلکان ایلملار بار کور ننداه میوز

تیر نده کور جیم قیشر زامنی جلا بولیب قر قالون بولیب سوروننا آلمای سینگا

سورده شیب اور یولور تمیز به کک کینک شیب ایلملار و کیکر بار خوشیم کون کلمو کک

نکیر کیم کیمون و میب چایقونو نخر قیلیب بار بیجم جامه لبا ایلی و نینگ کک کور قونور

نیارجم بتلدر جمع کون ما هر ربع الاول نیکر التمن کهنه ۱۱۵۷

مناظر مال بولون حاجترخان نیکر تراق آلمان بولیم و هم بلتور کز بیسیر لار نوز بولون بار جیمر جیبا
بر کور برینه بار اولار و نیکر با دمنشاه حفری لاریک کور و موز بولیم اولای این لیکر ۱۱۵۷ در سیان بولمویز

و سیز عمر و خور تملر بعد اتلو طلائین صیوت نیک
 و اچلی منکج طلائیت شجوه حاجی ترخان کتوبر نامتر
 یار الفه و دعای کلام کوب کوب بالخیبر و الاکرام
 بعد از سپرد اولکم هر نیکم از تار و نیکم بولیم بر بعد از
 بتور مین انشا و الله کوب بیلف باد شاه مین صفت تار و اسپان
 بولشوا اما لیکن پس نیک بر له بر نیک اگر آزاده کتلا و
 نیکم و ایم قاتنه شیب تور پون هم اوزده نیکم بر نیک
 عقلو نیکم نوش بیوادور آنگر او چون بر نیکم کونلو مین ۱۶
 کین بله سیز مشول چکتر تو نینز مندان ایلی و اردنکر بار پر چا
 جیبار ۱۶ بر ۱۶ خبر سیز توتیب تور و اولت سبک کیلینون چکر
 تور داب نیکم انور بر بالشر ادر و پس تور انز حوایه ایلیت بمقتان
 ادر و نیکم کاریز کور و تمدان بر میل بوردن اوز کالار و نا قایتار خانها
 اوله آیب قحیب سینه آنگر خبرون ایمه کور و سیدان بر کلا ایق
 جیبار حریب سلام نامه تبلار سینه ۱۱۵۷ نوم خوار

حواله

سلطنت نشانی خلافت مکان مشوکلو و قدر تلوی و بدو چله
رحموا لکان بادشاه میرا غلو عظم حضرت تارا بنگر اوزی بیلا کو تمام معلوت
اختیار لایق و تورا در خلا المملک ابراهیم را کابریک معین لایق و تورا

خود معلوتی بگر مری ای اور علم میزده تورا ایله قلمو چوب لکوز کابریک
کاش و عا کلام کو بیگوب

میسر در نیک باریگان خندانام بنگر بزرگوار و اخیل اوله و سهر پر لاکر اقرین
عوا غز و سهر پر لاکر اقرین با جه معلوم بود که بگر خوش کور و دگر بزرگوار کابریک دان
حضرت تارا بنگر و توره او بنو ندای تانتاشیب تورا معنی استغیر تورا بنگر و بو دنیا
داه کو کلکو الملی ایله و ذلت بو لو بنگر بزرگوار سهر میلاب خیر لا نشیب تورا بنگر
خوش بو لو خراب بو لو رینه هر نه چن بو آیت بنگر بزرگوار قبل قبلو رینه بر آلا میار داک
چو بار آلا در سو بیمان ایر میس بزرگوار قلم میس کانیدی بر اورد و با میس آلا میس بو
در سخنان کورس و در سخنی بمان بو لاکر چهار در آلا تورا بنگر مشول را و ذلت کرا در دست
خطه بلیه بزرگوار بوندر

مینه بوز ادرک بزرگان بلکوسین بیاراندان بلکوسین ایگاویر خیر لا بنگر مشکت ادر و تورا
و هم ادریشیق اور تراق بو بونام میبشو و اکثر لایق بیاجره تورا بنگر آیتک او چون منان بلغان
میبشو و اکثر لایق تلاب آلمان حال لایق بلکوسین تورا بنگر اچون تمشکت و در کین لایق میبشو و تورا
یون ۱۰۰۰ بولیم مکرده بو بیه تو شب تورا بولیم لاکر تورا بولیم تورا بولیم تورا بولیم تورا بولیم
میجا تورا تورا بولیم
عده متکا اور مانن بیاریم و هم ایگاویر بلیه بنگر بزرگوار بلیه بنگر بزرگوار بلیه بنگر بزرگوار

و در این صورت که در کتب و کتب و کتب
 در این کتاب که در این کتاب که در این کتاب
 بهشتی و تکرار آن بهشتی و تکرار آن بهشتی
 تقویست پس از این که در این کتاب که در این کتاب
 معلوم قیفاً که در این کتاب که در این کتاب
 را معلوم کرده و در این کتاب که در این کتاب
 چند تا از این کتاب که در این کتاب که در این کتاب
 او نوشته بود که در این کتاب که در این کتاب
 بهشتی و تکرار آن بهشتی و تکرار آن بهشتی
 بر روی این کتاب که در این کتاب که در این کتاب
 بار و در این کتاب که در این کتاب که در این کتاب

این کتاب
 در این کتاب
 که در این کتاب
 که در این کتاب

مسوالم

اول اولیغ بکرمسخت نشان خلافت مکان عزیز لوان آتشد ککو و قدر تلو و ایشالا اولیغ بکرمسخت نشان
اورا بیکر و تمام بود تلال و هر معلومت اختیار اولاره لاره تورد در خلافت ملک ایدار

اول اولیغ بکرمسخت نشان شاهین حضرت تلالی بکرمسخت نشان و عرتلو و حوتلو و جهاتلو و تلالی و حیوت
یکر حاج حریفان کور پرتو و اچلی مکتب طایفه و نینا لاله و در حکام جاوید میر نهیا السهام و

میسود اولیغ بکرمسخت نشان ایچیلار دیکر کجا جواب بر بر یاری او شجوا و اولیغ بکرمسخت نشان اولیغ بکرمسخت نشان
بیم جورای کیمین لار لاله دیکر کیمین میار دیم آتیکلام چون بر لاله حیرت بر لاله و دیکر کیمین
بکرمسخت نشان کوراه دیکر بوردن آتیکلام بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین
بولیاقاه دیکر بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین
و دیکر کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین
سبیل خشت بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین
مسخری خطیب آتیکلام بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین
کافور ایوان ایوان بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین
خبر لایق بوردن کیمین
و هم بوردن کیمین
بولیون آتیکلام بوردن کیمین
بر کاجم او خشار بند ای عقل بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین
تو بدیکر قلماق بوردن کیمین
لیک اینا بوردن کیمین
منافعی بوردن کیمین
بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین
طایفه بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین بوردن کیمین

دین اور بزرگوں پر بورد گور و شکستہ جو ہم ایلی پر خود از لار بر وینکند بر کجای بوق اردو ملک
 حواصان بوردن ہر گاہ ایلی کلپون آئین صوکر او قاتنا شوریں حبیب اردوینک مشونانی صونکنا باز
 ایلیار و پسر خان اغیزنگ کتو بیار دیم چاد مشامیہ و من تدارینہ ایلی بیار و سب خود بولور و سب ایلی
 قسلب آرتوق چنگیز بیار دیم بولور انلار لہر لہر آئین صوکر او بورتقز کیلیک منیر شایا آدر کور
 مچناط بولور بزرگ او علمیر نوز علی خان بولور جعفر بزرگ نابیر من خان لوق اور نوندا اولدا
 نوز اور شول حواصی بوردن ان بزرگ فو مویز ابتداء دور تویم خدا بون مشندان بر کجای ایلی
 خایتب کیمچہ اور ایلی بزرگ لارین قیلا اردو کی ایلیک بخشود کور آرتوق چنگیز ایلیار کتین
 اولستومین دان بولور مچالین منیر اقدان او قایوروی آلدیز من کیلیک بر تر ابق بر حوالوق
 بولیب تمام ایلی مچوگان درین بولور چتم ایلی لیبوگان حاجی تر خانم سیو خاثر لار قاتنا لیب
 نوز دیم بزم بزرگ بولور انم کی اور بلنگ نوب لہر بولیب تر مچان بولور ناما اتر اولکان
 مچو تو آرتوق ارتوق آردیم قومیب کتنگ نکتلا رہیم بزدان خبر بزم چو بونو سب بولور لیب بولور
 او اغیز آندہ یلکان نوز اور آلمیز لاریار مای مین اکا اور وینکند دور ایلی مشون بزرگ بیار
 سبب او تو ایلی بولور کتنگ بولور من مشون اقدان باشم ایرو کور مچر قاید ایسی بولور
 لار دہ لیز ننگر بونو او لار لار اور بولور ننگر خطا ننگر بولور بزرگ ایلی لہر تو کیز دان کیلان خیلوق
 نولور من مشان اورین بولور خندان قیو تو ایلی بولور او د آرتوق چنگیز ننگر اج احمد لہر آرم بولور بزرگ کور
 قالدوب اول حاجی تر خانم بارخان من مچو بولور بولور اول بزرگ بولور خیلاری قره ایتنگر بلا بولور
 حواص امیر بادشاہ مشان ار شبت نوز ایلی مچو بولور مشون ایلی بزرگ بیار لہر مچر قاید بولور ایلی
 آرتوق بولور دیم مچو کور ایلی بولور بولور اور کتنگ بولور من قیو بولور لارین بولور بولور لار دیم اسلام نام

سیدنا
 قلدی بکتشہ اور جواد اولاد شکران
 لکڑی کور اور ایلیار
 بچہ قیاری اور بکیر
 درمک آق مول محمد
 ارشاد قیاری

بیچاره محض ایچنده له بولیم انلاجه حد نفوسه دیشیم خوب آیترب لار معقول آیتلا مندان بوردن قتلحق لار بولیم مندا غم خوار ای آنگا
 اخلاردن تیر کانیب بتره ای ۶ اگله در آنگا اوچون قتلحق بورت نیکی بولیم کیش بولیب تمام خیز اخلار عم ارزا بولور دن کلیل مال
 آلا لار انکدرین حدونکده بیز مندا غم خیز اخلار مال آچیلر آلمان لار باروب بیز آلیب کیلیم ایزدک آمانی بوردق حیلان لار دن قتلحق
 قوی کله مندا غم آلمان نیکی اخلاردن بیز کما صا لوریم اکر قتلحق بوردن کلیل ریمان قیزی بار آتلار منیم بیز بلو کور بولورت لار نیکی
 غم من قتلحق اوچون آنگاه پادشاه حدون تدارون حلق قبارک و ستمانی بر استی ترور مندا ۶۰۰۰۰ بولور لار مندا
 قلیل بولور حلق قیلیم ازار و دیگه دیر ۶۰۰۰۰ کله بیز و روک لار نیکی اخلار بیجیم خیز مندا غم بولور تور ادر مندا
 بوز تمام در ندرق دانتوریم و اعلی لاری اقرار قیلیم بوز ادر سیدان بولور دن اولغان اخلار بوز قیلیم اولکان اولغان قتلحق
 صلا و اط بولور دن ستراننده قتلحق آلمان مال بیلیم بوز و اچیز ترور قیلیم قتلحق اولکان بیز مال بولور بوز بر بزان قایتار و بالمشهد
 بار انوشه قیلیم بولور دن صر کوزه تا تویق بولیم بولور چلیق و بولور قیلیم صلا بولور بولور بولور بولور بولور بولور بولور بولور
 باشق قیلیم بولور دن بولور
 بولور بولور بولور بولور بولور بولور بولور بولور بولور بولور بولور بولور بولور بولور بولور بولور بولور بولور بولور
 اچیلیم ازارش با تور بولور
 مال بولور
 کول بولور بولور

مشور چاچو زخان ننگ ایچنده تورخان درملو احوام
 دویگان کشیده تور شو تان آطلیلور مشور چو ننگ
 بولیده بری یار اون یاشار توشکان بکله نردو عکلا
 توشیت پریمکان ایگان آطلیلیم مشور ننگ اوجون
 اوج توروت خطا بارچوخ حیر کیدری منغانی
 یوردوت بگر تونو در مشور ننگ یاشار بولون
 کوجلا بادو عکلا توشور ادر ووب منغانی ایش بولیم
 آکلا تهمان عمر ملکان بولغان ادر ووبلا نردو خاقینار راه لار
 ننگ شاه بر حصار تلامری ننگ و توشور ادر لاری اولان
 دینو بخشور بولور ارجی حیرب اسلام نادر تیل
 اول آرملو باد شاه قورقوز اوزار ^{یاوشاه قورقوز} ایچای نردو اولمک توشکان ننگ خط

اول اولوغ بيگ مراجه باه شامير. حضرتلار يئو و سير عر نلو و خور نملو بسلا كو نوز
 بو لكو نلكو و اسيل بال شو كا ز كو ب كو ب دري سلام سوز اولك بهيچ چي
 بوردون مراجه باه شامير دا و نلو نده پنا بسلا كه كو چيب بوردون چاره و باره
 يايوق نملن دن نكا دان ايلكو كوشو جنروب سيار ريلار ارشنت باطور
 جنوبلار يئو نده قايده بولور ايشو بيله ايلكا نده آيتب سيار ريلار قلماق بيله اولور
 بر كيب آتلا نده اولوغ قول بولوب تراق او بيسنته ديار نلو نلو
 بيو نيم كيله بو ديلم يايوق بيوندا و هر قايده قول بولوب كورانه پرو نلو كورانه
 كيليب هنذا نر سوسته ايس او پيب تورخان يور تايه نو چو نر انجه مينه مبله
 قتر اقلار اريلا نلير دور بار نمان خان بوز بلا سوز بير هاون مينه ايلر چو ايل
 كندار كيلدس كيك باي خوش باه شامير حضرتلار نلو ديدار بيم باره بوردون
 كيليب دور بيم چوليت صونكر اه باروب اول جم كيليه دس آراخاه جلام
 هر كان قاشقه كيليه دس هر بار خان كندار كيليم چيرب تراق اور كيب دور
 اور دوز او نلو نلو ايلانغا يئو بوزلار داييم جسونز راهمان
 وچ او ميدور دن مافور خذاي بر سوز بوردون برانكو كيلك بودور تيرش
 كه هر كوردا كاه ياز بيله مينه قايستب كيلور بوردون اور انكان يايوق
 نر بيم كيليب بول كتر چيرب هر نلو بولاه مراجه باه شامير بير
 و اگر يوق بعتاي كو چيرب كيليب بون تراقلار و چيرب باه شامير

اول اولوغ بيگ مراجه باه شامير حضرتلار يئو و سير عر نلو و خور نملو بسلا كو نوز
 بو لكو نلكو و اسيل بال شو كا ز كو ب كو ب دري سلام سوز اولك بهيچ چي
 بوردون مراجه باه شامير دا و نلو نده پنا بسلا كه كو چيب بوردون چاره و باره
 يايوق نملن دن نكا دان ايلكو كوشو جنروب سيار ريلار ارشنت باطور
 جنوبلار يئو نده قايده بولور ايشو بيله ايلكا نده آيتب سيار ريلار قلماق بيله اولور
 بر كيب آتلا نده اولوغ قول بولوب تراق او بيسنته ديار نلو نلو
 بيو نيم كيله بو ديلم يايوق بيوندا و هر قايده قول بولوب كورانه پرو نلو كورانه
 كيليب هنذا نر سوسته ايس او پيب تورخان يور تايه نو چو نر انجه مينه مبله
 قتر اقلار اريلا نلير دور بار نمان خان بوز بلا سوز بير هاون مينه ايلر چو ايل
 كندار كيلدس كيك باي خوش باه شامير حضرتلار نلو ديدار بيم باره بوردون
 كيليب دور بيم چوليت صونكر اه باروب اول جم كيليه دس آراخاه جلام
 هر كان قاشقه كيليه دس هر بار خان كندار كيليم چيرب تراق اور كيب دور
 اور دوز او نلو نلو ايلانغا يئو بوزلار داييم جسونز راهمان
 وچ او ميدور دن مافور خذاي بر سوز بوردون برانكو كيلك بودور تيرش
 كه هر كوردا كاه ياز بيله مينه قايستب كيلور بوردون اور انكان يايوق
 نر بيم كيليب بول كتر چيرب هر نلو بولاه مراجه باه شامير بير
 و اگر يوق بعتاي كو چيرب كيليب بون تراقلار و چيرب باه شامير

بنارزت و سلطنت که بلاوت و صیرت است به رضا جو ایگان با شاه عظیمی حضرت تباری پهلوی تریسید علی صلوات
بظرف و نور و سبک کوی تمام بر در طراز و نوحه مطیبت مکنند در روز سیزدهم و نور منسوب بعد از آنکه بر نظر

طایفه صیرت نیک و اولاد ایوان ایوان کوی بر نا طبع نینباید ای بیار از خود دعای سلام کوی کوی

سوز او که شکر و تعالی عنایتند مدحت کوی را جلوه باد شاه دولتند الهامه الله مکن ای باره نغز و ظو
تغ کوی کوی بیلان دعای بایش از راه نور و دین العالمین غلبت شفق نظر نغزندان بر ۱۶
بوز بود در مکر بر لاری نیک امر و نیکو بر قند با طو کیدی هر نیکو امر بوز لاری نیکو بر لاری معلوم

و هم بز ابوالخیر خان هر نیکو امر بوز لاری در میرز قو طور با هم طور بر قرچا و راه نغز و شیم منوار
قو طور با هم طور در آن صورت نیکو بر نیکو پوز و میرز منو شده در ایاتور اسد بل و هم پنجه
ده از قایده قلیغویه منیل نلم اما مندا غر عزت اقلار ایکی اورین بوز چاره اوران کان بیرون لاه
بمؤده قلیور لار ضایع تمام بلا لار غم هم درین مندا غر عزت اقلار هر بعد تیاره گامان بر گ
طیبه شهر لاری آن کیهی بر دان کیلکان کشتار گ مندان باریخان بیسوا ده کزلار که اوران کان
بیره میرز اورین بو خواجه قلیغویه نوز لاری هر نیکو بوز نوز بوز هر صومره گامان عان قو طور با هم طور بر بی
کیلیون لاری نام بیست و یک

عوالیه

اول اولیخ پیل سراجلی پادشاه عظیمی پیر از سبب بل صوبین حضرت علی او
 پطریک عزیز فرزند ای حضرت علی اور لور نونقو صدر خام پور تلار از حکم شاه محمد معتمد
 اور لار ندازه حد خطه الله ملک ابدا لیک اکثر جا صیت لار بنم بنده لیک بکش

اول اولیخ پیل سراجلی پادشاه بند ریز عر نود عر نود سید اولو معتمد باشور نا کینه اولی
 کوالیم اورین بوزشیک دیوز اعلای کور بر بنده کور بر نا طویلوان ابو انج پیلور کور خیارال
 حضرت علی کادو عا شاه السلام والاکرام

بزرگایارگان حواجه احمد سلطان فرزند سید نیکو سلام نام پیر و اول بود که هم بر کوه آیت
 بیارگان خطا پوزو پیچیم عر تلوزین دازیک فطایکه بر ل بر کور تو یب لیدس راهت کونک
 مز نیم خوش کور دیک اول اولیخ پیل پادشاه کیم عظیم حضرت نیکو اعلای
 سراج بر ل یار لیا حاج در ایست تودس سلطان لارین بود نیکو محلا لار ز اور دیک اولیخ نود بزر آقا
 مصلط یار لیا غلامان ندر دوق کونک بل کیم حاج مز لیدر کیم پون آنداس مندی اول کور دیب تمام
 صواج اولیخ سلطان اردون بر لیا کونک جایی تابید بر تیغ قایتب کور تودس بر نیکو بر ک
 نیکو لیدر کور کدان توشنگان آیس بویسب پیو یلب تولا یس بور تیز بر ل جوش و اوقت
 بودوق بنارال پیر لار لیم فداس پیو ندر پون نیکو کونک مز جایی بود در بر حواج
 احمد نیک پوزد بر نیکو فطایکه بر ل اقره نغو کیم آیس نونخاندای بود که اگر مرصه لیا
 اولیخ پیل پادشاه کیم امرا طر عظیم نیکو اق صحرای خطی یار لیا حاج دیب حواج
 کسلکانه خاردر کون توغاندایس بود برین آحال بر نونخاندای ایون نده کنی بر قلیونان
 قیطار دبا یار دیب مندا عر ایلموزن آردی نونخاندای کویسب تودر عر محمد نامه تعلیب

این سند در روز ...
 در شهر ...
 در حضور ...
 در حضور ...
 در حضور ...

مبارزت و سلطنت آگاه جلالت و فیریت انتباه شاهجه بلا ایشنه لایق الفخره قابل
 العظمه ارادت نشان اول اولوغ باویش همزه اسپر تری سبب بی صورت لولکان
 بقره کرمیز فرزندان سع حضرت ندر تک آوره نونو چدر تمام معلوم جراف خدیوار اورده
 حد خدا الله ملکه اید

اول اولوغ باویشنا همزه عظمی حضرت ندر لاری شکر عمر نلو و حور مشلوبه اتلو طاینی صورت
 کون ایوم اور برین بود خنجره و بغیر افلا کثر بر ناسند آوره بر ناطره ایوان نیلی یوش آفرینار لیم و دستمال
 بالعمیر کیم

سوز او لکم سیر لدر تک بیار ~~حفظ~~ فنونر با لور بر لیم شار از نقت فیدر شیخه و بنا فیدر
 الیب کیلیب معلوم بودی تمام بود لارن خاق آیتب سیر آیشک او پونا اییدی جو ابلیم
 خیم من احلا صیم بر لیم کون لیک کرین ایتم به کتار کولاما کی کرین یو به کتار مندان یول
 کون لیکو برین یاریم ایر و برین برین حور ای کیلیک قزاق بیار خاشر ایر و کور اور ایر و کور بر لیم احلا صیم
 مرا اهل باویشنا همزه عظمی حضرت ندر لاری شکر حمایت لور مرچت دیدار نیم مشغفت یار لیم
 مشغفت بود یو با بکیش بیلیم ایر کلا نایب همزه عظیم غلبه پیام حجت انلار هم بولیم

اونونم بولیم پرور کینک د ایراه د بیکر دور مسکربانلو ذوق لیل باه شاه حضرت ندر لاری تود لاری
 مزان بود بریز کونیت اورا نایب قانتا شیب توره خدیو ایر اعلی مصلطه زینیم لزار و برین برین کور او یو
 اه لکان یزاکر پیوه او بولیم موقور کیم قزاق بخش لار اور این یار لیم انلار هم آوری نیمه اورده بود بیکر
 مصلطه انلار برین آکلای ابلیمت همزه عظیم خدیو حواجه احمد مصلطان حدامت د اولور در تمام بود بریز

بو زبیر لاری اورده ادهم قیتیب تو شانه کنه کنه بیلر کیتار لاری اگر
 برین بار مای حیب کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم
 اگر ادهم کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم
 چانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم
 بو لیم اورده ادهم کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم
 بوسور اورده ادهم کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم

کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم

قران تولا کولور چو ادهم کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم
 منه نسل اولوق تباقر اراقه بال توشقان متر بل جیا بو لاری زبیر بال عمل اورده ادهم
 بیلور اورده ادهم کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم
 کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم
 بز قوداه بولغان کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم
 بوز لاری اورده ادهم کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم
 بو بارغان کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم
 یاز مصلحت کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم

بو لیم اورده ادهم کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم
 کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم
 بوز قوداه بولغان کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم

کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم
 بوز قوداه بولغان کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم
 بو بارغان کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم
 یاز مصلحت کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم کونلو کونلو کانه زبیر کیتیب بو نا او شوبو پوز لاری اورده ادهم

۲۲۲

اول ادوخلوچ بکرمرا علی ابهر طر عظیم بادیش همیر اولی که نامش بچل فراد در شیخ حوض در کنگ
 اورا بکلی اکثری نام بودرت لاریک ابر استظلال کل حکمدار و امر مصلحت لفظی اورد لار و نه
 در عهد اوله تکلمه انیک

اکثر فایده لاریتم کوب کوب بند لیکر یعنی بلش بزم تر اغیب تا برینه بکرم بودر بکرم قطع
 بولمان ابو النخیر فان غیر آن اورا رینه عهد اوله اقرار قیام الا باعدان بره احوال بره بره
 فم بکرم بکرم فکرم ده عهد بنیم بره بره بره آتقان طاکر لایم چیق علنا کون لایم الاره
 ابراب مر جملو مار لیتا شناساوه جملو ابر بکرم بره بره او فتنه حوش وقت بولیب اس
 خلاست لاریتم بارغان تحت پاینه عرض حیدر قیغاف عدا جملو لفظ فر زیم بره بره بره
 که ندره در بار جیف مر جملو اول ادوخلوچ بادیش همیر ابر طر عظیم جملو بره بره اوله بره بره
 در از بره بره بره اول ادوخلوچ بادیش همیر ابر طر عظیم جملو بره بره بره بره
 همون رافو شد یعنی تمام بره
 و جب استدر بره بره آیات بره
 خبر بره
 بره بره بره بره بره بره بره بره بره بره بره بره بره بره
 ندان او توشیب تلایم بره
 سهار بره
 بود که تویه بنده لیل کما اکره تو تو زین زین بره بره بره بره بره
 اولوچ بادیش همیر بره
 او چمن آیت من از لاریتم بکرم بره بره بره بره بره بره بره
 م م لاریتم بره بره

Handwritten marginal notes or signatures on the right side of the page.

موالہم

اول اولوغ پیر مولیٰ بابا شایخ میر عظیم حضرت تلامذہ کرام و کرامت علیہم السلام

بسودا لکم سع سلامت سیر ایچا یکنیز بلین کینل ندر میر یکنی بر ۱۷۰۱ عریف
 سیولا لار یکنیز بولیم آرا میر بغینا جعداه فانتا شیر بیستر اولنا کتیر یارب
 همیز یار لغز یار لغز شین ایشینب قایتالی دیر تودریر خورشو اقلیق لیر
 بنباک ترخان هم کیلدر آرا امت لار لیرم آناه عریف پور لار دیکیز بولیم
 آرا هم یارب در من مصلحی سیر ۱۷۰۱ تودریر یودوت یکن تمام یخشلاری غایب
 ۱۷۰۱ تودر اور تم یور کیندی یوز نیک آرا امت لار قولاق توشیب کور قراه نیب
 تودریر منواه غرقوناق ایشینب آرا می بال بر ایشینب الیب کیل
 کتیسو ملار دیر سلام نام بارخان کشلار هم بران ملان تیب لار سله تودر توبه
 وان پرک سیق قابه توشیکل ریاده عدومت کیم یاربیم مساعونیم چیتون قلب

کتیسو ملار دیر سلام نام بارخان کشلار هم بران ملان تیب لار سله تودر توبه
 وان پرک سیق قابه توشیکل ریاده عدومت کیم یاربیم مساعونیم چیتون قلب

مخشان تر از جمله جهان است و کجاست که او صاحب قرآن اوست و با او شناخته می شود
 او را در تنبیه نامی شیرین بر لبها شیرین آلمان بپوشد و بر سر فرزند او عهد کند که او را
 بپوشد و تمام بوردن در هر مصلحتی - او را در راه دور خدا را بپوشد ابتدا اکثر حاجت
 بکش

فدایم عزت و خور و تلو سپیدان تو ایوان نیلوی در میز آل سیر بگو خور و تلو غلام
 بزادگاه او ایمل بود تمام نوزاد کیلک ایلم بارغان کنلار بر خوش حال بویب کیدن
 کویا بیلم خوش حراق او غایر سیرین بخشو که نکلور که تونوره کیتکاش اینم سیر
 قابل فیلاز بر شیک کدو ساری سیر که نکلور که کاتام کیم چون عمر سیر لیک کابلک
 یوقدر قانیمی اثر معقوله در منون اثر الیک جانخی سالیب جسته غازی او کلار
 بزیک بیلمکان انظار در بدو ربا اکی آزاده عدول نزارو نکلور بویب تراجه کیک بکلر
 هر نکلور بزیک یادین سیر . عظم حقدنلار نه بیارکان خلا لارین نکلور بویب او غشای
 یارگ سیر بزیک او چون آن حال بر خط یاردم مرجمو سینه باد و شاه سیر . حقدنلار نکلور
 در در بکلر هم اتیکان ایکان پیر شاه حقدنلار نه خط یار بوندر مونتور با طر ایت کدو
 بوز در بکلر سیر سیر لادو خط خط بوز بر لم یاردم سیر بلجای سیر بزیک کونکلور در در بکلر
 عیالدر بزیک لاکرا کرا سیر لادو نکلر معطن بله سیر . دیم ایت سیر و سیر بیک سیر انکلور
 بزیک و سیر سیر ایت قادم سیر نایدو تا و سیر سیر کلا آرین ایت سیر قیلر کولار کیم
 آفرین کرده سیر سیر ایت کیم اوله سفور تلماج قالدو صحتی بکلر قلدوس سیر سیر
 جای سیر بلجای ایکی کون خندو قاشده بولدر کلا آنذا مونتور با طر سیر بکلر بر کان بر تر

Handwritten marginal notes in Persian script, including phrases like "در هر مصلحتی" and "او را در راه دور".

اولیغ بادیشا هم عظمی ایمر تور بیلیک صاعده شریف اولنگان بجهل نیک عزیز خزان نواب حضرت دارم
اورن لاری بیلا توجی تمام یورت لارن هر مصلحت اختیار ادرن لارن اده در خله الله ملک ابد

نیک ادرین عزت و خور قلو سجد اتلو نیارال لوان نیلیویک بز لار کا بیارگان خفا
توتور با طر ایبر کیمده معلوم بولدی بیلر خوش جواب لاریت بیز اینک ادرین بز لار کا کفالت ایتیز
بز لار کا اینا لغو نایر بیلر با بوز بر هم نیک سپرد لارن پیر لار کا اینا نیب ایتیز نیمه قوتور
کیلاکیم جهت قیلین بادشاه نیک حد مو تدر تورورین معاذت اشلارن بز لار کا پادشاهن
عظمی حضرت لاریکا یا شورون کینکاش بیسین منداک بر لار کا ایشج رکینک لشم بولدی ایلیورت
نیک عدالت قیلر اراده بر بز لار نیک سپوز دیز بره فضا بار خنده قیلر قیلر لار یوردون نیک
راووشون چخاردین اشلارن چخاروب قوطا دیکن کشلارن تو طیب سب بر برین نیک بوز
لارونا صیلا تور ساق تشاک شوناه بوغالور ادر حرم ادرن یورت نیک جابز ایتیز اینون
بینه کونکاکیم نیک جوابین کینشی بر دیز نام معقول بولیم او خفا مو تدر بولیم ایشج بولیم
برگان حونین تا شلادق قیلر نیک کونکاکیم او چون جواب ایشج بیز کما فی الدار بولیم بر ایشج بار بر لار
ادخشا پ قیلر سنون تو کاکیم نیک اشلارن ح در کتمه رز نیک ایشج بر ایشج بر ایشج
ایشجایی بره آقایی ده تودور باشقورت لار ایشج بولیم قردمیش بانور لارده سیت اولد
نیک کامیاد بز خوه ایشجایی بیز بره بیز مشولار پر مایدر لار بر ایشج بولیم ایشج بولیم
اکلاد حونون قردمیش بره سیت نیک باشقورت لارن پارچینده تدا کیم بولیم نیک ایشج بولیم

مدهن دل نون چو عن ابانک بسبب لار بول چون اندانبا حسم سپسار بول بر بزر بزر تو کجا بزم
 بر نغانان لار سز بارونندان چو رانخانین یار اتور امین بار چو کسی بر کونان کیکلایریب اینجا بزم
 از بزم نورس بر کوه شاهجه احمد قدر زینک یار لیعه تقیو تکلیک امین حج بر کجا بزم بر ننگ کو کله بزم بر بون

صورتان کنده انان تو تنونان بارونان چو رانخانین یار اتور امین بار چو کسی بر کونان کیکلایریب اینجا بزم
 نونو نلار شولم کراک بولیم نونو تنور یار تبولونو انبار نوز اولام چو تنون یاروب اولان تواد تواد تواد تواد
 اول کنده یار اولام حج نلوانا ریوق ایره حج انکاندری مشو تکلار زونکوه حج سیم انکاندری بوقدر بولپاره چو خار
 تواد حج انکاندری بوقدر ایله کم سینی بر بلا سز جرایم کو بنگو مزو حه بگشتم لیم بوقدر ایله باد نلوانا چو خار
 کنگ او چلار بوناناناه کوچلر رودان او چلار عکس ایله حج عورتکایه روز بولیم بزم سبب سبب کنده انان کنگ
 او چلار سبب بزم بونانان سبب واه کجا بارخانانانان حزننه اشینک جوبان آیتب سبب سبب سبب سبب سبب سبب
 راولمشین آیتب اشلامن بزم سبب
 او چلار بنگلاره بولور مشول کتمه بزم
 آسبب بزم
 بنگلارون بزم بزم اول بزم
 شقیم دیلان اولور بزم بزم ایون سبب بزم
 حج کنگ انلار بزم بزم آکیب کیکلایریب ایکن سوزده اریمین بزم بزم اول بزم بزم بزم بزم بزم بزم بزم
 آلاکویب بر اور سبب بزم بزم
 شرا قشیر سوزده انور بزم بزم سبب بزم بزم
 عقل تولا بزم
 جرد بولیم بزم بزم سبب بزم بزم
 بزم

این تاجان او طایفه ایونز بسیاریم سپه لشکر تاجان ارشد از روز باده بارون
 ایضا میر آرد و نیز بجهت بسیاریم جدا مت بر لم ایونز بر له خوشحال مر یعنی با بی تراک
 آنا یعنی بیور با ایدیم اورد آنز ب قلدر آتیک اینج بسیاریم خوشحال میر را حق تور با تور
 یورد تر ۱۶۰۰ یختر حد قتلک یار اخو دلا یکتا در هم پیر لار نیک صدم من بود و حق تور توانی
 هر کجی تیل پوز لار و پوز تو تور با طر حور آنجا پوز ایستور را است بلو یلک جور آخان پوز در ناچ
 / معیل مایور

بر نیک مقرب پوز شاه شاه علی عظمی و حضرت لار نیک مشتقت لور حمله عثمانیج بر لار ایدیم
 هم بلا یکنه تشو بلر خیدا پوز پوز لور درین خطا کف دروب ایرد نیکر الله او پوز احمیلا و ابوب
 عثمان کیلادیم توراهیر ۱۶۰۰ مع خلیب بر ۱۶۰۱ الشز پوزیم مدام خارور تور در ریز کوبا
 یلغه پادشاه صاقر بود لونا پیر لار ایپین بود لویکز

بتقدیر طایف قصبون قره کولده روز دوشنبه ماه راجب نیک ۱۱۸۸ خیم بر کله سنبله نیکر ۱۱۵۸

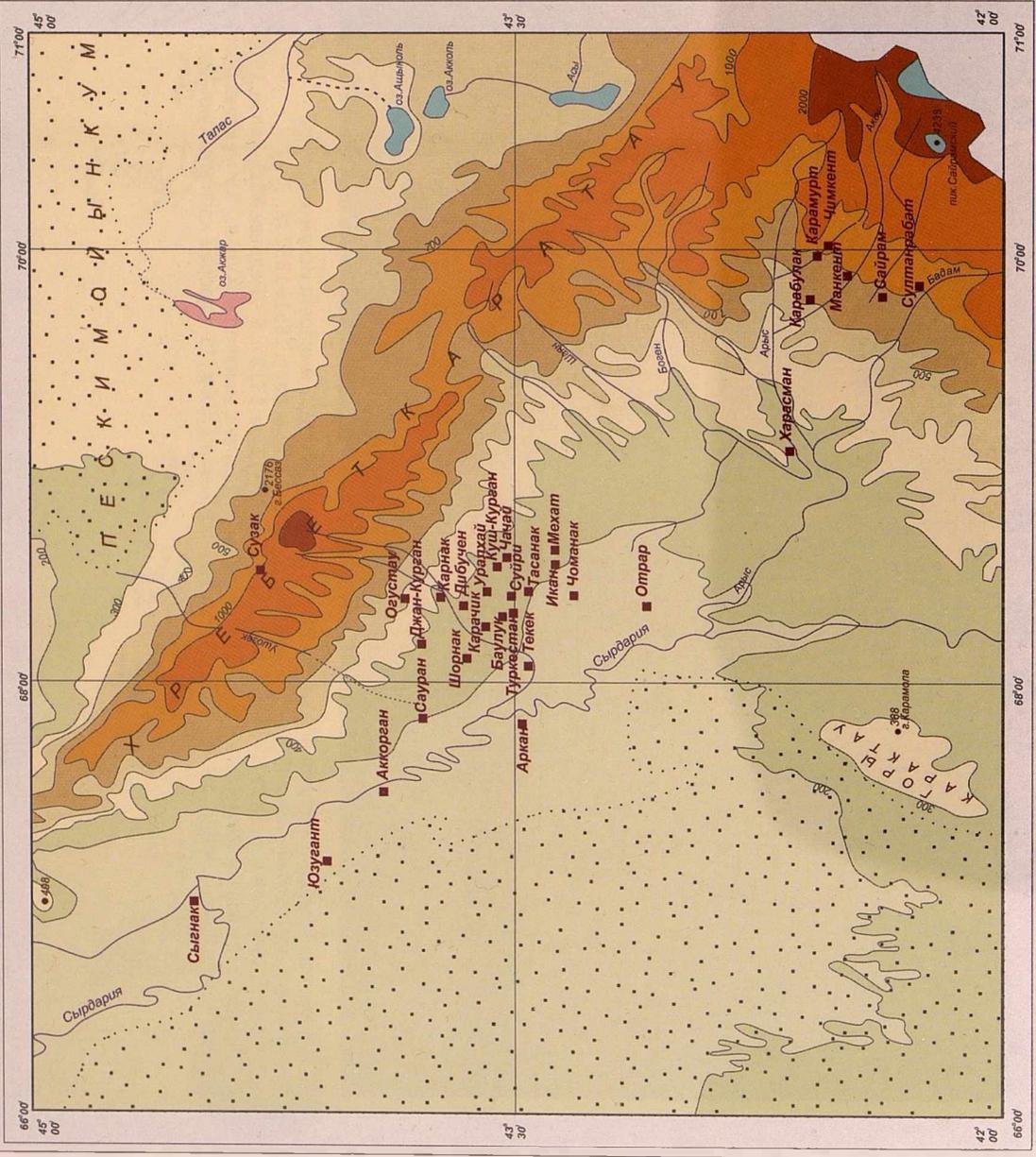

48. Исторический центр («внутренний город») Хивы. Современный вид с минарета Ислам-ходжа:

- 1 – западные ворота Ичан-калы. XVIII в., 2 – медресе Мухаммад-Амин-хана. 1851–1852 гг.,
- 3 – минарет Кальта-Минар. 1850 г., 4 – мавзолей Сайид Ала уд-Дина. 1310 г., 5 – медресе Кази-Калан. 1905 г.,
- 6 – мавзолей Пахлавана Махмуда. 1310–1825 гг., 7 – мечеть Джума с минаретом. XVIII в., 8 – медресе Дост-Алям. XIX в.,
- 9 – медресе Араб-хана. XVII в., 10 – медресе Мухаммад-Рахим-хана. XIX в., 11 – дворец-крепость Куня-Арк. XII–XIX вв. Фотография Р. Сала. 2000 г.

ГОРОДА И АГРАРНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПРИСЫРДАРЬИНСКОГО РЕГИОНА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII – НАЧАЛА XIX в.

Сост.: С.В. Перезовов. 2014 г.

49. Города и аграрные поселения Присырдарьинского региона последней четверти XVIII – начала XIX в. Сост.: С.В. Перезовов. 2014 г.

50. Городище Аккорган.
Космоснимок. 2013 г.

51. Городище Аркан. Космоснимок. 2013 г.

52. Городище Джан-Курган. Аэрофото Р. Сала. 2002 г.

53. Городище Дибучен. Аэрофото Р. Сала. 2005 г.

54. Городище Икан. Аэрофото Р. Сала. 2005 г.

55. Городище Карабулак.
Космоснимок. 2013 г.

56. Городище Карачик. Аэрофото Р. Сала. 2005 г.

57. Городище Карнак. Аэрофото Р. Сала. 2005 г.

59. Городище Огузтау. Аэрофото Р. Сала. 2005 г.

58. Городище Куш-Курган. Аэрофото Р. Сала. 2005 г.

60. Городище Отрар. Аэрофото Р. Сала, 2001 г.

61. Городище Сайрам. Космоснимок, 2013 г.

62. Городище Сауран. Аэрофото Р. Сала. 2003 г.

63. Городище Сузак. Аэрофото Р. Сала. 2010 г.

64. Городище Султанрабат. Космоснимок. 2013 г.

65. Городище Сыгнак. Аэрофото Р. Сала. 2006 г.

66. Городище Тасанак. Аэрофото Р. Сала. 2005 г.

67. Городище Текек.
Космоснимок. 2013 г.

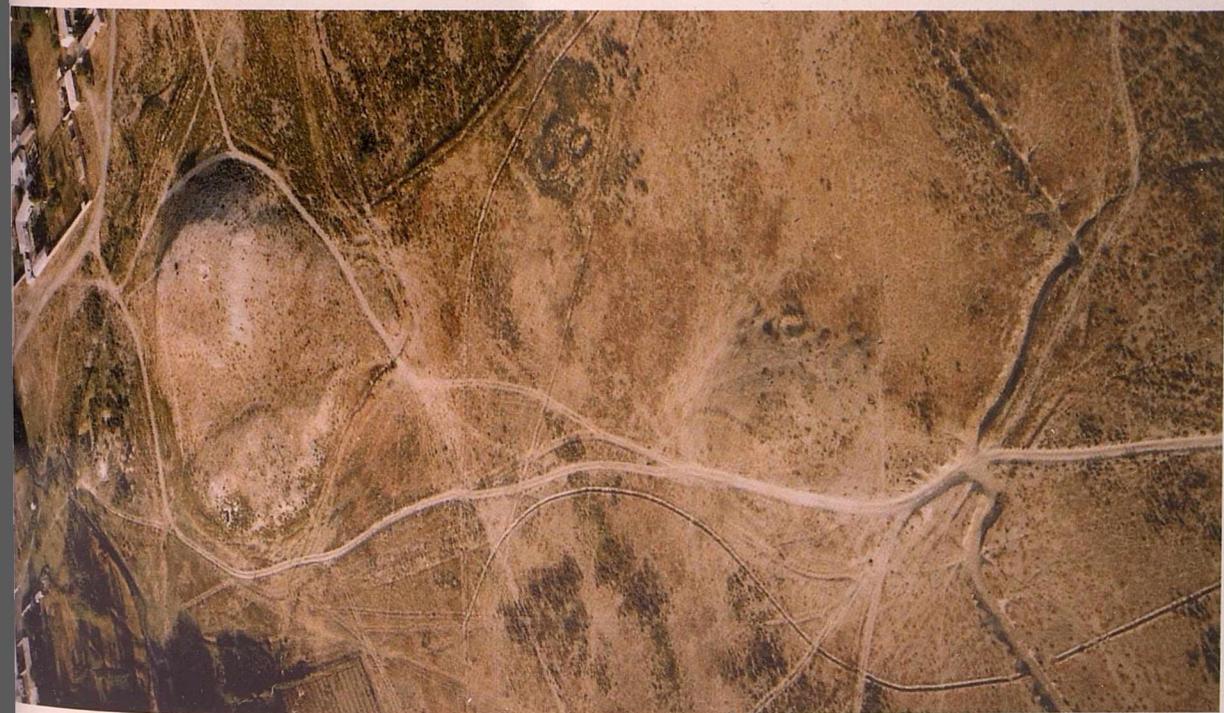
68. Городище Туркестан. Аэрофото Р. Сала. 2001 г.

69. Городище Уралхай. Аэрофото Р. Сала. 2005 г.

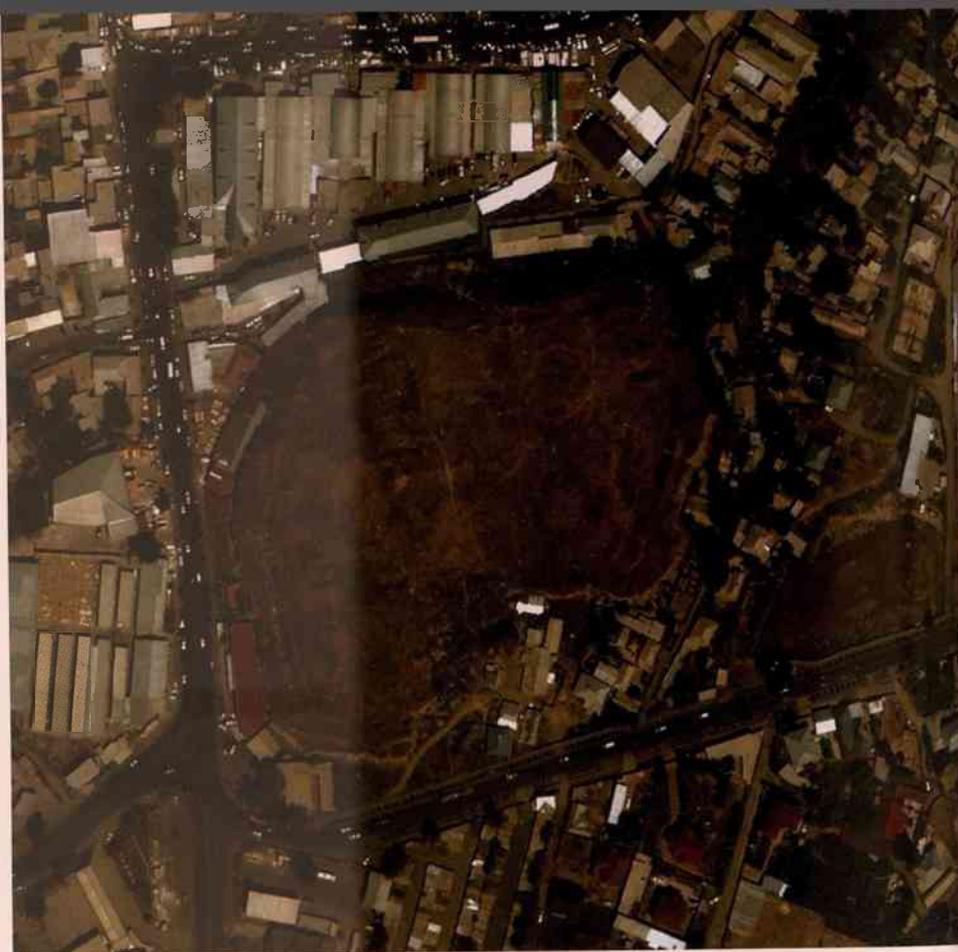

70. Городище Харасман. Аэрофото Р. Сала. 2002 г.

71. Городище Чачай. Аэрофото Р. Сала. 2005 г.

72. Городище Чимкент.
Космоснимок. 2013 г.

74. Городище Шорнак. Аэрофото Р. Сала. 2005 г.

73. Городище
Чоманак. Аэрофото
Р. Сала. 2005 г

75. Городище Юзугант. Космоснимок. 2013 г.

76. Казах верхом на лошади.
Худ. А.О. Орловский, 1810–1820 гг.

77. Казах верхом на лошади. Худ. А.О. Орловский. Первая четверть XIX в.

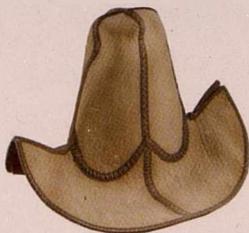
78 Калпак султана Младшего жуза. XVIII – начало XIX в. Войлок, бархат, галун, золотая нить.

79. Калпак султана Среднего жуза. XVIII – начало XIX в. Войлок, галун, золотая нить.

80. Шапка (тебетей) султана Младшего жуза. Первая половина XIX в. Бархат, галун, золотая нить, искусственный мех.

81. Повседневный калпак казахского султана. Первая половина XIX в. Войлок, галун.

82. Парадный мужской халат (шAPAN). XIX в. Бархат, золотое шитье.

83. Свадебный женский костюм. XIX в. Бархат, золотое шитье.

84. Типы казахов, подвластных России. Раскрашенная фотография. 1861 г.

85. Костюм казахского султана. Середина XIX в.

86. Казахская женщина. Худ. Е. Корнеев. Конец XVIII – начало XIX в.

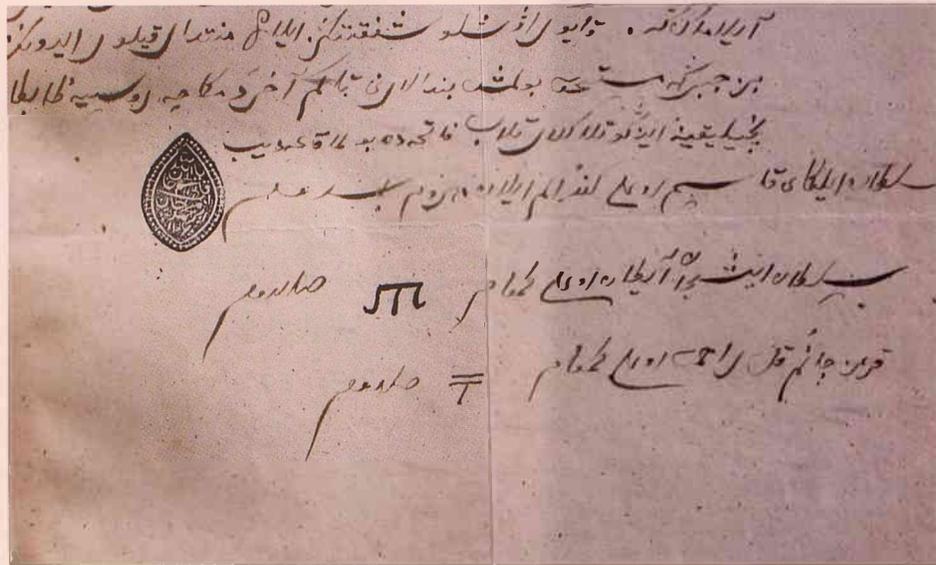
87. Конная группа казахов. Худ. А.О. Орловский. 1811 г.

Дата	Абулхаир-хан	Каип-хан II	Турсын-хан	Коркем-Вали
1785				ᠮᠣ
1824	ᠮ			
1828			ᠮᠮ	
1835			ᠮ	
1836				ᠮ
1846				ᠮ
1847				ᠮᠮ
1848			ᠮ	
1849			ᠮᠮᠮᠮ	ᠮ
1850	ᠮᠮ			
1851		ᠮ		
1852		ᠮᠮ		
1855	ᠮ		ᠮᠮ	
1856		ᠮᠮ		
1861			ᠮᠮᠮᠮ	ᠮ
1865				
1866				ᠮ
1869				ᠮ
1871				ᠮᠮ
1876			ᠮ	
1878	ᠮ			
1879	ᠮ			
1886			ᠮᠮ	
Начало XX века	ᠮᠮᠮ			
Типы тамги	ᠮᠮᠮ ᠮ	ᠮᠮᠮ ᠮ	ᠮᠮᠮ ᠮ	ᠮᠮᠮᠮ ᠮᠮ

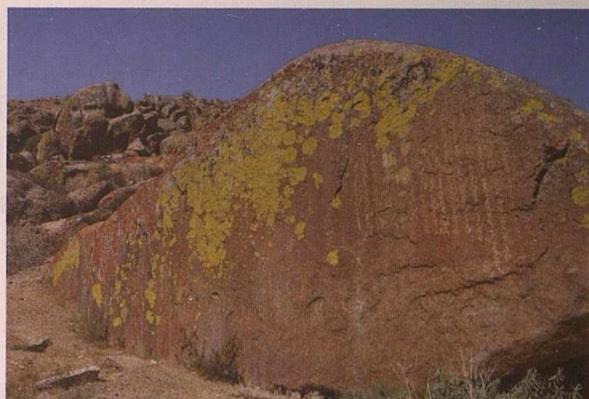
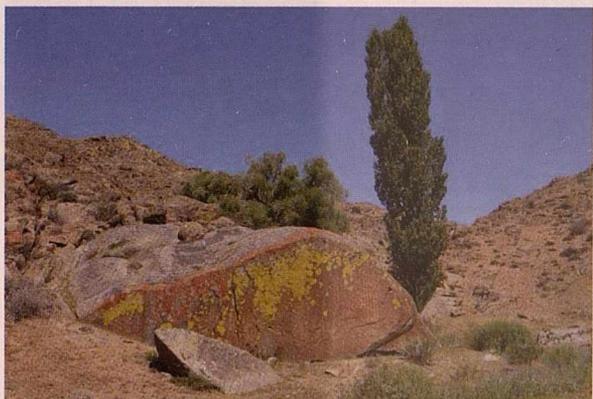
89. Таблица 3. Распределение разновидностей «ханской» тамги по хронологии и отдельным фамильным ветвям.

Андреев И. Г. 1785	Баллюэв Л. Ф. 1871	Ефименко П. С. 1874	Потанин Г. Н. 1881	Гродехов Н. И. 1889	Харузин А. Н. 1889	Добросмыслов А. И. 1893	Аристов Н. А. 1894	Соколов Д. Н. 1904	Тынышпаев М. 1925

90 Таблица 1. Сравнительный анализ источников по тамгам джучидов конца XVIII – начала XX в.

91. Таблица 4. Тамги султана Ишмухаммеда Айтанова на прошении о принятии российского подданства (вверху) и присяжном листе. 1852 г.

92. Таблица 5. Вверху: камень с арабской надписью и «хан-тамгой» на городище Садыр-Курган. Внизу: согдийские надписи и «хан-тамга» в ущелье Терек-сай. Фото А. Е. Рогожинского. 2014 г.

93. Таблица 6. Вид скалы с согдийскими, руническими тюркскими надписями и «хан-тамгой» в ущелье Кулан-сай. Фото А. Е. Рогожинского. 2014 г.

از نیکو عیبی اوله اور قاتق اقلارون بوردور
 ای تم نیکو برو پور اورتا میش او تا اوزنلا
 چان مشول تمینک کنشلا ری حاج سلا ۵
 دان خلافتلار و نانا دم پیر و مار بولیم
 ره کارش بولیمونایور و نغزاه یوق
 ات با تون نیکو انزلارک دور
 نایکوز بخشور دور و سب سلام نامل

نه بای نیکو اوغلی باشقوردت کوبلاک
 ی تر خانیغور اوغلی بایم تر خانیغور
 در استون نلارن تودوریز
 یکان فلا پرور بیا نیکو و سب

سلا ۱۱

حضرت حق جل و عالی حضرتلار نینگ لطف
احسان ايله عونت عنایتله یلی صاوت ایسراطو بیچه
وبالجمله یه ایرکلی پادشا همیز عظم حضرتلاری اوزی
بیلا کوچی تمام یورتلارنی هر مصاحت اوز اعطیا-
رونده دور کالی یورتلار نینگ استقلال حکمداری
مرحمتی پادشا همیز سیز ...

بز تبع و مطع بولغان قرغز قزاقی یورتی نینگ
آبوالخیر خان تو با من اوستنده کوتاردوک مرحمتی
آلتون بهرونکز با سلیب یبارکان آق مهرلی نامه نکر
تسلیم اولندی اچندکی سوزلارنی مطلیع قلب
کوردوک مرحمتنکر دان یبارولکان بریفادیر میرزا
توکه لوف برله یوز کوروشیب قولوندان تبشوروب

تمام بختی بیلا رومر کوز و یجه بیک قه ماق قلب
 قسطنطادی بزلاری قرغز قزاق بیلاهی من اوکار
 یر لیمکن بیونجه اوج تورک مرتبه بزینک قرغز قزاق
 ایچند اگی ایشلار نینک کیپی یوز نیک کیلین قشمدانی
 بیلا ر آلیب مان مان اوعلی نیک کیلین نورعلی خان فر-
 زندییز قاشنده غی بیلا ر آلیب یق روغ روندای کیلین
 ایشتات بهادر بره بولا بای بی آلیب اورتا یوز نینک
 کیلین جنباک ترخات آلیب بوکانبای بهادر اورتا بای
 بی خوب یولدا ایشلاری برله کیلین آلیب نی منه خدمت
 ایشلار بولسه پادی شاهمیز مضرتار نینک قدیمی
 روسیه بنده کشلار و نگر هم چراکاس قلعه شینک
 با ایشلار نینک مال لاری بولسده بتروب برمد بولد و ق
 با ایشلاری بولسده مال لاری بولسده اول قلموق یور-
 تیغه بوله یازا غطا اشمیز گاهنی عینه کونه بولسده جزا

سرب پالهار امین من حمتگر کاکینک یاد شاه سیز مهر بانلو
 مشفقنلو سبز پلور سیز دا ریاسیر مندای اشلاری
 ایولار و میر کا باراه قیصی یرلار دا بولسده شروب اوتور
 بورعه تبشورورمیز اول قالماق یورقی خلا یقلارنی
 تپینده لاری بولسه بزینک قراق یورقی هم تبع بولغان
 میز اوز ایر و کیمز برله اخلا هممیز برله باش سالیب
 گون اینکاری حالیمیز دان خبر دار بولور میکان دیب
 مهر بز / شیز کا آرخان برله توزغان کشلار و میز بولسه
 اوز بوز تمیزغه قایتلر و پیر و میکان دیب او مید توتان
 میز قچاندان یرلو اول قالماق یورقی برله قراقینک
 بزو برون دان آکشیب سور و شیب مال برله کشمیرنیک
 حیساید. یوقدور اول اشلاری بولسده پنه عریهن
 لارون یتکور و بدور

اول سبیلی بزینک یورتمز برله اوتونیب

یالباروب عریض قلامز مرحمتی یادی شاهمیز
 دارگاهینگز کا یغلاب تلاییز او مید قلیب یک ما حالہ
 ور سیکز یلدان پیری اول تو بانگی قلموق تندور
 مای ایلمیزی چایوب اولجہ اسیر قلیب الفان کشلار
 میر برلہ مالیزی حیسابین بزگاہ یبارو لکان بر یغادیر
 توکولف کا یازو برلہ بیر کانمیز شول قالماقلار سیدان
 یازا خطہ اشلارومیز بولب یالباروب تورورمیز
 حضرت نگر کا نامہ مکتوبمیز عریضین باروب کیلکانچہ
 بر یغادیر توکولف تضماق قلیب تلاسده قالماق سیلی
 مرخشلو یاد شاهمیز تحت پایقہ عریض قلمای یازو
 برلہ خالمیزی کونکلو میر جای بولمادی ایرکیلی یاد شاه
 سیز قرغز قزاق خلایقلاری تبع بندہ لارینگز کون
 ایلکاری مندان صونکراہ هیچ یمان بوزوق اشلارنی
 فریان زحمت قلماسقہ ایناندوردوق اول ترفقہ

یوروتسز تلی تنتاکنی طیبعه واعدہ لرجواجمن

یبرومن برله ایناندوردق

۱۱۶۱ سنه

عالی مقام و عالی جا اعد توفیر متلو سعادت طایفی صادیت نیک کو اور ہم اور میں بورخ نیک کو برآ سندن
 کو برتا طر ایوان ایوانچ نیلیدین حضرت تلبیرین کو بکوب سیر نیک ایسا نیکین اور راق عمر اور دن یا ش
 بر جایی ایردی و سب تلمین سلامت نیک بر لم بالسخنه
 بز شمکین کو چنگی بو پایی خاتم ایراعلی سدا صواجیه احمد سدا سیر نیک حضرت نیکوز
 نیارونگن کشاد رو نیک بز نیک آلد و مرخم ایوان ایمان یتشیب خطا نام لارنگش تابش و جیلار
 مشول خطا نام نکره امچند که سوز لارنگه ایستب بیک خوشش کورد که بز ایراعلی سدا اردوم
 قرب تمام نیکش و رب آنگا کیم هر جا بنیم برل خوشی جه بولورق هم آخن سوز لارنگه
 شجان یعقوب ایستب بز نیک سیدی قلعه باقلعلا غم خطا بیاروب سیر اگر سولتقیام بختی سدا
 الیب کیلیب اورچ امیز چچامین حضرت تلبیرین بششور مگا بیور سیرین مشول اشدر و نکره
 خدا راضی بولسون بز هم راضی بولیب قولایان سیر تمام بیونلاروم ایرتور مگا کیلیب
 ایگه خبر بیاروب معلوم قیلیم تور ایرجم الیص هم بولسقا کو نکلورین یقین بولوب خارون
 حضرت نکره ان کشاد و نکره یتب کیلیب سوز نکلورین نکره دراک معلوم قیلیم اولی ایومیز دن
 اولانغا نکره آبلای سلطان بولر ایگه نکره قول بولوب اولان نیک ایرچون آکلیر ابوالنکره خان
 حضرت نیک ریغنی بولغان ایرچ بوزون ایسا نیکر اما نکره یونخار و قتر قلمباقی سوز قلا دیب نکره
 آچون کیلا توروب بیور سیر تورخای سوبیوندا ابوا شدر ن باراق نیک بز لارنگه شجان
 بولوب هم بز لارنگه او تور مگا سیر لکان کشاد ربه الی جان سیر لارنگه آبلای سدا نکره بیاروب
 مشول برچا اشتب آبلای سدا بز لارنگه سیر ایگه نکره واعلا نکره سیر لارنگه قوسیب قولور
 اولاشیب مکه باراق سلطان بر آتایک اوغلی مایق تاناشی قاصیب بارا تورور اور تم بولور
 ایور ولیب آندان باشق اور تم بوز چنباک باشلیق بختی سوز لارنگه کیلیب تورور کیلیب سوز نکره
 اوغلی نکره قوسیب نکره آکلر سوز لارنگه بختی شجان بیور تیز چیبیب کیگاش کان سوز
 مشتاشو خبر بیارورین ایگه خاتم نکره بوز لارنگه ای یا نیک اور تانبی تورخان بنر بوز

سقف بر سبب سوز و در گذاری بولد و نگه بر افندی بولون تا شلامه معتقت گوئگو نگه بر لبه البراب
بخشی کنگا سنگه بر لبه مکتوبه در نگه منی الیب کیلکان کنه در نگه تر جهان یعقبه حق صاقل کو باک بر لبه اسهل
بولار نیکه سوزا آغا بوی تر جهان یعقبه آخه بوز لار بر لبه بر نیکه بر لیقغه تیل بر لبه خوب نیکه سوزا لار خوشواق
بولوب تور در بر لار احوال بر لبه بولون کور در بر با شدی گوئگو تر تا یغولی بولوب شوئدا از کیم او سی
مخج بوقدر طیب آنگار ارمان نیکه ما پس حالیم سور سیه را نقیم بوقدر در لکا اطله سوزا هر در سیم یا ننگه
او علم سوز هم او هر در او او پو آنله بولور تچان باراق سر و ت نیو باشین الیب قاینن سوزا بولونانیه
اما آندای میگر باراق بولوبه خان بولونده صد غم بولوب خوش بتمایس عمر نیز ابو العزیز خان او در متقان
یور سوزین مر حشایک پاشا امین عظیم حضرت تدری نیکه بر لیغ بولوب سرانیز مباراک کنگه سنگه بر لبه عقلو نگه
شکور کاندیک او بولوب بر آخه سوزا دنگه ان باراق صداقه بولون او در ن تور و نگه نر بلیب
یار ام بروب تورغان اخلاص نشنا کننن راست بلده کی از قاشنگه در نه بیارو سوزا تورغان تر جهان یعقبه
بیارو بر بخش بولد انلا بر لبه یور مالی خبره اریو لاق او چون مشقنا آنگه لافه بیارو بر لبه بوز خوش فیلیک
انشاه الله او لکان جو بلار نر یروب قیتاروب چهار در میره عید کونگا او بوغ جیبین کنگاش بولونور و علی
مسلطه بلا میرن کویب تور در نر ایرا عله سلطه بلام ایسان و اما ن کیکه خوش بولوب ایله لاله شکور
بز تخم کین بویسه خانم نیکه گوئگو میره قادر الخ بونغان بر نیکه بر لبه تخم فور بونغان کور دن کور و بر لبه
لا ننگان عمر نیز ایام نونقار بونغان خان کورن کورن گوئگو نغان چغار مایه تورغان ابره بر بناد بر مریم
حضرت آشنایز کیلکان ندان بره بویکیرک عله جز اران جانی تانز بر لبه عشق ابره هم بر مرتبه پور لافه
اما اینچ کعبه بزلار نمیسب آنا کور کاندای بولوب بر نیکه مبارک خطا کنن کور کاندای خار و او در دنگه بر لبه لار
لا شغای بولوب موافق بولوب کور و نگه عدور کلیل خط و میره روتان بولوبه دلنگه ۱۷

قاینوی کشور بزنگ تر از تحقیق محلولین برله آتلارون غلطه سلیب بیاروب ایریم توتم کور پونلا
 آتلارن تدمغانم بلنگان کیل بوروتیز در شمالا درین سیدنا حاج آرقه سو یا وین یوقدیب اولزم اولیل
 ابریم تمام سیز نیک عقلکیز بیل خوش معقول چیشوننگان سوجان تاییدور بز ایله یورد تیز نیک
 جایلارون آنگلاب کورالی قاییمی لاری اعتبارلی بولوب بو عتیه نامصقه نیلا ماییم خان نیک
 بتر اتورغان ارشلار من بتریم پلار هم خان نیک نامیلا درون کلم پلار باشتم باشتم بولوب کینگ کلا
 یور تیز نیک پر کملانده کون ایلکار او نونا نیز اخنری اولونکن بترور سیز بز نیک نامیلا درون
 یافه و باراق باشتم یوروتقه قداقمه باریم یا تشکنت اولوغ یوزک باریم آندا نر عقل بولور ایگان
 بز نیک بلا لوبین برله اولوبین ۱۱ ایریلر سلطان حوامیم احمد سلطانم نور علی سلطانم نیکدا سوزلا و
 اولمشو دور آبراییم میرا خنیز اول اولوغ بیک راهلر کاد مشاهیرین عظم حضرتک نیکل برین
 بولوب اسپهر بان شفقتی بولوب اولورن قورونین سلیب ایماننگان در شمال نیز بولوب چیتل قدا
 کور ستب چراغمن یا نارویب ایلتما پس قلیب اولمیدور بولوب نورورین دوم اولور نیز بتر آنگانده چو
 ترا یوروز هر اشهرین خداییم سدرق سیز کلسدوق

ایک نیکه کونله بندر
 خدایمگا خدایم ایت جوی صوناج
 بیاردم

عالی گاه و عالی جا و عزت و تلی حرم منظر حقیقی و قدیمی بشکای خیر خانی که تمیز و دوستی برین صاحب
مریفتم حضرت یکنزدان تلاسم کوب بیلفم ایدان لکنیکر من منکلو باقی ایکو لکھا نیچے

بز پو باج خانم جیگانڈ

سید لاریگر خرم منلو بارو لاریو یکیز بز لاره نوز و لکلیک بیل تبشور لک نچیل بز لاریو
کو لاریو بیل بیارگان او لکی ہم سو کلفی لاری او تو ب مفهوم من بدو کو حکام خلم و مین
فرا خا نلیقے بیل قبول کو رو بز شاخ لاندوق او تو تو کون ایلا کازی ۱۰۱۰ در او ایچ منور
بز لاره منجتلو مکتوب لاری در بریج قیلمایه کیز تاکم ایشد دو بز شاخ و مان بولاؤز

و بعلو اور و یکیز لک معلو دور بز نیکر خان شہلو و بونوانن بار او در شخا نلیق
قلیب او بتور کون ایگد اگر چندہ کوا ل ارش بز لک غایقده نوز مارکد حال بیل
سین نیکر نچیل نیکر من قبول قلیب حسرت او تینم سنایر من قالقان ایلا بیل صبر
قیلاوق نچیل اور و یکیز کشتا نیر لک نونیکر بونیمہ اوکل یور و تیز بز برایتقا قتم کو لاور دو ک
تمام اور تم بیوز و کبیر بیوز نیکر یخسفی لاری کلب بز لاریو نازدیر نچیل خانلیق
صاریلا و بیلا راما اول خانلیقے باشقار و رقم عملہ قلیب سادہ اولوغ باؤ شفا کیز غظیر
حضرت لک و ندین اور با شتمہ اعلا تر فرمان نامہ لاری کلبا نیچے او لکان خان بولا المای منور
نیکر او چون اول بز لاری ہم بز کند و مین حین اول اولوغ باؤ شفا کیز غظیر حضرت لک و تیز
لاریو مینانی ہم کئی لاریو مین بز بیار دو ک ہم او تو نہ مین سید نیکر حضرت لک و تیز
مر حمت و بیکر بونیمہ شول بز و مین بیار و لکان عریض مین بیل کند لاریو مین اور و یکیز
عریض کئی نیکر قد شیب اول اولوغ باؤ شفا کیز غظیر حضرت لک و تیز تحت باؤ لاریو
ایر سوان ایلا کیز و بز لاره آرا جاہ بو کوا آرا بوی بو لاریو خان اور نیکم خان بولور غم لکون
مہر و کستر خلا لکوبیو لای بیز

آہ مریفتم و مین قدیمی حقیقی چار نہ یول سلب مرا لیم نچیل بیکور لکان اور نچیل سبیل بو کو

ينگ جان ايلچي قاسم قاشلا پيختي بولور حيا او توناميز دوست دوستا نغرم نغرم نغرم نغرم
 اهل نغرم بارک الهه بولوب بيلگوتار دوتنگر بللی ياريم قابوغومين کونارگ ندي بولوب يار حرام يروب
 نورورين بزرگ کراکي نزيه لارن يروب حاجتي ندر اقبليب نور ايز خدایه راضی بولوبون بولوبون
 قیلغان قلیقلاردا نغشلیقلار جان بوکوندا قلغان یخلیق کیزه ایکی ایسا کورومیز کورونانور
 قدروریکیز بیل بله میز بوروندا بازنقانی ایریم ایله یتیم بولوب ایکی اسامو تلوع بولوب ایریم
 هر لهر بولای ایتقام عیب ایلمه کیز بزرگ نغرم نغرم ایتقان پوزومیز نغرم
 ایتورمیز دایم غیر خاهلی سز پویا خانیم اینامیلوق او چون خانم مهر کیمیک
 بتله عتقاد بولورون نغرم یومنده قایللی ایرغوز بیونده سینه

خدا مستویکیزگه ایلچي قلیب اورانتم بیاردور
 قوشقولوق کیدره بلالنی اورا کیزه نولگه کیزه
 قشپونلار آندان باشقولا رونی آویجا اولکلایم
 الددونکیز نغرم کیب اورا یکنیز جان کوز نغرم
 بیاروریز حیب او میل تدایر

کتبه بنده قدیم حقیقتان دیو اولمیز نغرم

اولگان منگودانگن مرتبه لومون تلویطایین صوابت نیک کوالیر هم اورین بورد خینل کورینیندا
 کورینا طراسوان ایوانیچ تلایین سیر نیک حفتر شیکره بارچه سیر نیکر خرفتلو اجلی بیتو شیکر ایلم
 هر برتوری ایله کور سلامت نیک لری منگوباقی ایکه و لکایونچ

میز نیک بر لاره تر جان یعقوب برله بیارکان هم اورن کشین برله بیارکان یاز ولا رو نیکر باشور
 مشول خلالا رو نیکرین اوقوب مشاد بولادوق اوتونمیز کون ایلماری دا هم شونداغ مشول یاز ولا
 رو نیکر دین لاریع قیایمیز و دیگر معلومدر سیر لاره نیکم بر لیم جغتومیز سیر نیکر دین یاز ولا
 ابوالنخیر قلغنی طریقه برله باراق اوتورکان هم بر نیک بورا کومیز غم حسرت اوتونما لقا
 آجکده چرن بولسبه ۱۶ فرقت اوتیفه سینمیزی قالدان ایلا یوب سیر لار نیکر دستلق نغیقلر نیکر
 قیدون قلب مبر تحمل تیلدوق بور تدار ویز چلا یقلار ویز بر آغری بولوشیب جیولیب کیلک شلورن شبت
 قلب اولموی نور علیش آتا لاریع ابوالنخیر خان اورنیفه خانلغیف صایلا دیلار هم مشول صایلاما
 قلقغه بین نمدوم هم نوری و بارچ اورته یوراکچی بود نیکر لاریع عیضه لاریع
 اول اولوغ باکیشاهو عظمی حضرت لاریع بیبا بود اول اوتومون سیر نیکر حفتر تلر و شلورن
 مشول عیضه لاریع هم کشته لاریع مین اولور و نکلر دین عیضه هم کشته قومشوب اول اولو
 غ باکیشاهو عظمی حضرت لاریع قیایمیز صایلا دیلار عیضه لاریع سیر و هم مشول بر اولوغ
 نوری غ آتالاریع اورنیفه الکات خان بولور غم هم مشول مرتبه لاریع اول اولوغ
 باکیشاهو عظمی حضرت لاریع اعلایه فرغان نامه لاریع نیه ارادا اوتور بولور اولو
 پیراسیز و بیله بلورن دین آرتوق مشول بر نیکر شمشاد نومز بارا قیدین قاموسولان
 آلوب پیریکلیک اوچون کاهمت قیلی اول اولوغ باکیشاهو عظمی حضرت لاریع ندرین
 رو صبت لاریع اوتور نمای ایرو نیکر آتیک اوچونکم احوال بو تراق یورنی ناموسونیکر دین اور دین
 الو با بروریز دیلار اولیلک بولسبه یورنقم اینا نا املایمیز و هم اول خالده و هم غیر حاجت لاریع
 سیر نیکر سببیکر برله اول اولوغ باکیشاهو عظمی حضرت لاریع اعلایه فرغان نامه لاریع کورنوب
 ایسانامیز ۲

شونیک اوچون سیر نیکر حفتر تلر نیکر دین اوتونم من شولور دوشماشومیز بارا قلدان اوچومیزین اکر
 تراق یور دین آلوب پیریکلیک بولونانده پیر بولوشلیق قلب آلوب برور دینیکر لک لاریع قار و چور کورنوب

کورگه بولور بولور خورال لاری بر شوینک جو این بو بز دین بارغان کسغی لارومیز برلم کندونیکز دین
 عریضه نیکز ن یازوب او تو نیب آوب قویب نیکر ایرده عایتده خوب بولور ایرده تچان بو یوروت
 بز نه بولوشلیق قیلمایس بولسینا لار شول زمانده رده کسغی یاروب تلم کانومیز داپا پشانه خیر
 عظمی حضرتلر ندین فرمان سورا یقیدیب بز نیکل کباب بولونان کونکلو مین ن آندین آرتوق یا
 ندور ایس بو کماچی ایردو نیکز کون ایله کازیر لارک ایسانیب او میدتوتم مین برکنه بز نیکر نامی
 ایرمیز نیکر هم نامیمن آتیکر او چون بز نیکر حیونغانیمز قوت الیب کوچ الیب یار دام ملان قیل
 بولوشیب تاشلا سپدور بو کماچی ایس انتظربولوب او میدتیب تورور مین نه دار دراز نه مار
 کیلور یار ایچی بو لجاللی و اعلالار دین ایی چواق مصلحان فرزندیمز ن الیب عدول مصلحان فرزندیمز
 بر در وقتقی تارا فرمان نامه لار دیکلر ن الیب خوی خای ایردو نیکر عالی کاه و عالی جاه
 عهد تلوز متلوم بیخادیر مریمنه حضرت برلم آلا لار ایلمیز خان عزیز او شکان آرمان مین پوز
 لاشیب قدیم حقیق دوسه تلیق قیلیم یون ملیب کور کور سب کفکان یولان آیرد کما مین متول او دین
 بورده خدا تورغان حلامتلا ر دیکر دابولوغوج ایی چواق مصلحان فرزندیمز ن الیب بو لجاللی اولما
 سیر کما بیار مکی ایس ایردو نیکر مفاخر یورن هم شونز او خشتب مندا تورغانیمز یخشتو کولار اول
 قاشنیکر دایمی سورا لادیمز نیتیم نین سیکور ایب جهمان عظمی بن تاییب یردب ترخانیکن
 او چون خدای راعنی بولون مین نیکر بر لایبار کان منباراک مکتوبیکر اعز تلوز بیخادیر مین
 حضرت لری برلم بز نیکر برلم اعلام قیلا تورغان مین دیکر نیکر او چون آندان بیلر کونکوز
 خوش بولیب آلا شکر حضرت تلیم خط یازولارومیز ن شو نیکر او چون کوب باره آله دوق کوهلو
 حضرت لری بز کما قلما پدور بو کماچی بز نیکر عظمی یارم بولوب تورغان ایس نیکر ای کما نیکر بر بو
 بز کما حسب ایلا کور میه مین هر نیکر آنکز سورا دوز ن تر جان یعقوبه ایله نیکر آندان بز کما
 بیولوغوق یولدا اشلار برلم بر سهعل ملا او تامانیه الیب قلده قاریلار خانو دیب آندان منده

بیگ جان ایلی کتیب قاشلا پیمیشی بو نور حیمیا او تونا میرده سوت دوستی انفره غم یخشی برکدان
 آطیغی نغشی بارک الهه بولوب بیل کونار دویکنز بللی یاریغ قایغومین کونار گنڈا بولوب یاردهم یروب
 نورورین برک کراکلی نریه لارن یروب حاجتیمیزن وراقیب نورایز خدایه راضی بولوبون بونوق
 قیلان قلیقلاردا یخشی قلیقلار جان بو کوندا قلفان یخشیق یکن ایکر ایسا کورومیز کاکورونادر
 قدریمیز بیل بلیمیز بوروندا بازنقانی ایریم ایگله یتم بولوب ایکر ایسا مولوغ بولوب ایریم
 هرلر سون ایقجام عیب ایلم میکنیز بز نیکر شراق یود توریم ایتمکانه پوردومیزن ایریم
 ایتوریمز دایم حیدر خاقلی سز پویا خانیم اینامیلوق او چون خانم مهر کیمیکله
 بقلده عتد اب بولورون نیکر یومنده قایللی ایرغوز بیولده سینه

خدا مستویکنز ایلی قلیب اور انتم بیاردهک
 قوشقولوق کیدله بلالنی اور کیمیز توکالک
 قشپونلار آندان بالنتق لارونی اوچا اولک
 الددویکنزیم کتیب اور یکنر جان کونور
 بیاروریز حیمیا او مید تدریز

کتبه بنده قدیم حقیقتان دیو اولی انور
 لایق

اول کان منسلو والکان مرتبه او عزت و تلو لایمی سادیت نیک کوالیرکم او بین جوردیفینیک کورین
 گوهرنا طرا یغان ایوانخیز تلامین نیک حضرت تکبزه بارجه برین نیک فرستوا حمل بیتون نیک
 ایله هر برتورنی ایله کولامت یک لری منگوباقی ایکسولابونچ بر پوپا به خانیم
 سید لاری نیک خستلو یار لاری نیک ز لاری نیک تور دکیک بر تاشور دکیک قزاق اورات نیک
 فیدور نایدوناق برله اورا کشید و قزاق قوشقولاق برله ایسان آمان کیلیب بتشدیلار
 یار و ناریک نزار اوقیب اشتدیح مفهومی بلورن تمام چطلمی نزار قزاق لقی برله بیک خوش
 بوکوشا و لاندوق سید لاری نیک مر حملو راهم قلیب ایسه لبا قلم خور بوکوشا کیشیکاش
 نیک نزار فیدور کی بر لهما فیدالی اشلا نزار قلیب کولکونوز جا آجا بوکوشا کولکونوز
 دانگین تاییب تورایز ملات یار سبیکار بوکوشا او شونیک او چون خدای را صنوی بولون
 دامین بونکون الیکاری تاشلا معا سید لاری نیک ایزانیب سید لاری نیک سلا دوق خدیو
 مسلا دوق آلد میره و اکوب کوب اشلا ریز بار و در خدیو بر لیکابا اول اولو خج بلی
 مرا حله بادیشا هیز غنیم حضرت لاری نیک اعلا مرتبلی هم نزار اشلا بر لینی تکلیب سیرتین
 نیک او سینه امرو میز یور و کون بوپ نوز علی سلا نزار ندر نیک خانیق اوران نیک
 بولوب خان بولغانده اوران نیک لاری نیک علی سلا نزار نیک احمد سلا نزار آتی چوق
 عدول سلا نزار خلقه بولوب نیک خدیو مت لاری نیک بر لاری نیک دیامیز او ستنه بولون
 قولومیز جان کیلیک نیک سچ کولکونوز با سخلیق نیک یوتدور سوزومیز بر و در خدیو
 خلاپه انقوالله تعالی کیلور یار نیک م اعدایر لک توروب عدول سلا نزار الشور و ریز
 آتی چوق مسلا نزار الومیز ایله کولکونوز ایلیک کولکونوز بولوب بر هم نیکو بیت
 نیکایمیز اله بولوب آجال نوز علی سلا نزار اورا سینه قلیب ایره نیک کولکونوز

بیر باب

مکلف سلا

جیب الیب نامتقہ اطرا لہماق او چون ملاغر اور حاتم کیلور بوجالی قرابا جدید و کیم کیم کیم
 جنبا کو ترخان نیکو بوجالی مشون وقت ایر جنبا کو ترخان حاتم کیم کیم اور اور کیم کیم کیم
 تورور مشون نیکو او چون تیش لا ویش پینل قرا قولا بود کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم
 اوتیب اور تم یوز نیکو یختر جان تر تقانز بار میکا لیب آردندان اوتیب یاز نیکو
 ارمان لیز بویو سنا یو لیب نار او و شکر نیکو نام صحنہ الیب پروردار ایگ لیب
 یوردن نیکو جو جو بردا بودق ایگ لیب لیز نیکو برہ الیب بود کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم
 یازدی برہ بردا کا بخشی بولور خدای بیور پے ایبار ککن خط یاز و لار و نیکو نیکو مضمونی
 بیگر غنم کلا آنکلا لیز قبل کور ایز تیل پوز لار ویز او تامان سعمل ملاز قیتار و یا
 یبار جم کور کین این ایشتمک این ای تور و یب بلہ میز خیدر ناید و ناقیہ منہ تینلامم الیب
 خلدوق برہ نیکو حضرت نیکو دان بز لار و یبار ککن پان شکر ص امانت لار و نیکو
 تمام تبشور دیلار تور و کیلک برہ خدای را صنی بولون بز حاتم پوز بار آطا خان تانکلا
 حقیقان کوندای قراب تور ویز مر حتمی با ویشا ہمیز عظمی و ذر تدری کوب بیلقم ایبان
 بولون لار ایبان بویو صما و بولون نیکو لار و یب حاتم کیم خیر حوا علی تو لا و نیکو ۱۶ تور ویز
 بملک قرا قولا ترا کلا دانیا بر نیکو کونندہ لکلا جو روز کا
 یونلا قیلار اور کیم
 قوشیب یبار جم

خانہ بیور غر برہ کتبہ بندہ قدیمی و حقیقہ دیوانہ امیر ابن نور محمد

سوق پادشاہ اعظم پنہن سالوق

بنوق
 جمنیہ جمنیت بنی رستم صلابت بنی نوکشیر وان عدالت بنی جالم کلمات
 سوز بولکم سیر سینگ انج بیلدوق بول آخر الزماند ایبر بر اولک آتیش بولوب
 اور تا میردا ایلچی بیارینیب نور ساق دوست لیتنب خوشوقت بولوب
 دشمن لیتنب سا جعیب ترسون دیب خاطر دابار ایننگ اوچون
 مہرم آسی نہ کشنبہ کونہ بیکرمہ نور قید اتاریج نہ سینک بوز یاپیک ہیدا
 نور محمد مابی و محمد بوسن باہمی دست دجان خونہر وینہر نہ ہادور و
 بابا مابی سینگ ایلچی قلیب خدمت لاری نہ بیار دوق کم سیر کاتل لاری
 بیلدور سونلار ہر نہ تیل سوز و منی ایلچی لاری آیتولار ایشانب ہر
 نور لوک یارینج لاری بولسا ہر مسعد و طیار مینر

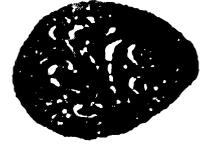
لکھنؤ شہزادہ

جان مار لکه منزه حضرت که

بودم
 مودت چو کوه سینه طغز قرین نهفت آبن رفت تو امان غم موز و مینر
 الحقد محبت و سلامت دعا بید یاد انیب ترو ب پز تو آل خزانه ندا
 هر بر و میز نه آشنای بولوب پهی بیابن آق باز کان کسیر بون پیر کا
 پزین کسیر کیشیب کیشیب جان لحوالات لار میزدین خبر دار بولوب
 دین جان میز نه کبلا تر در اینک او چنان کم بخشش مرگت واقعات لایق
 و فقر ابر دیدنی لاری حج پورت لار کسیر پور بولوب ترور پز تو لرس جان
 دین بکره طورت بخشنی لار نه دعا و سلام پز نینک کهنکند با در کان لار
 باع و حوا کسیر قدیم بوسونی پله بسیار کا نظارینی باش اند جان و مشکان و تو کا
 خنجد و اور انیمه و ضامی و دیزق و ش هر چه و لیکت و آیتق کیشیب
 خوشوقت بولوب هر حسن باق قلب بتر کین لارین پز کا هر و پلار
 یکشنبه کونذ مجرم آئی نایکرمه او چندانای کیشیب پوز ایلک بر و ا
 پز هر بارز کان مینار و دوک طلع میز پوز در کم او لار نه بخشش هر پزین
 قلب خوشوقت این بسیار لار پز تنگ کسب فرزند بیغیر بولوب
 در هر روز... اینک هر نسی دلالت لایق مار میز بارز کان لار میز نه بسیار
 هر در نیل سوز دیز نه نوز محمد بابی و محمد یوسف بانی شاه جان خواهم
 و بنا ز بهانه دیا با کوی ایچچر لار لایق کسب لایق سار بولوب

نمشکند از عبد المنان بای علقمور بای کومک شیخ بدر بای ملا نور جان
 اند جان اعاسی اسد بہادر مرغینان ایرگک اتابلق منجان اعاسی نیاز محمدی
 توقان اعاسی قوی باق اتابلق خجند تقاسی ملا باہنو کومک اور تہہ نامی باہ
 ضامن اعاسی ملک بای ویرق اعاسی ضابط آدی بای شاہ خیر اعاسی رسول
 سکنت اعاسی محمد علی بای آبلیق اعاسی ہاشم بای

آق پادشاه

دعا و سلام

معدلت یق مروت یق شفقت یق سعادت یق سخاوت یق بقا
 دین سوگن سوز بوم کنگری تا بیره بر او دینه مهر سالیب غایبانه آرش نامه یار و
 بولالی دیب آرزو میز بار اوز لاری عنایت لوزیدین ایلچی سلان باز کال
 یب یاریب الشیت کی کویدین خوشوقت بولوب ایردوک کیم لغزت اوزم دین
 اوردوس لور تیدین آق پادشاه هرگز بولغان ایما س بیدی کیم شکند بوز تیا اکر
 و باز کال کیم لکان بولغان بول سعادت انای میزدین مروت لاری ایردی
 ر اذنون وقوی کیلدر جگر دیکان ایکی نین تاک بیر کیب ایلر سلان باز کال نوما نینی
 الیب زور سلار بشلارینی زور لب خدمت لاریغ یب باز دوک تیلرین تک
 یان قیلدر و یب او بالیب ایلر یبیر الما دوک اییدی سوز ایلر لار کال نوما
 تیل سلان عرض قیلیم لاز ایش نیب اوز لاری پادشاه

4.

آقا پادشاه نیک خدمتی که مکتوبی میزنیم کان معلوم
 بولسویکم اورته یوز و کجیک یوز پسیر الوغ آقا پاد
 شاه غه بچو ک ایمل بولوب تورغان بولسپه بیزام
 شوندا ایمل میزدینه پسیردین کلک آقا باذرکان
 بیزنه بخش خدمت لار بران بیز کستان او پستندان
 اوتکار دوک وینه بیزدان اوتکن دین بونک تالکنده
 و پستند الوغ یوز مالینی الدی ایچدی اوشال بیارکان
 سپودا کتری کیزنه البتة البتة ایبت بیار و ک بخش یکن
 لیبوق قیلغانی مینه اوز لاری ایبتور البتة باوا قیلپه کیز
 کرا ک دایلا سلسله

هو الله العلى

سلطانتلو و شوکتلو پادشاه جهات
 و مملکت روسیه و غیر هم و غیر هم و غیر هم
 حضرت اتلارینه باش و دعا اولورمن و بعد ان
 نیچه پلدورکه بویورت خاناری و تورالاری
 و جمله قرچه لاری این حضرت تنگ کمایتنه
 تابع اولوب سلامتلو کینکز تلاتوب ایچی سن
 یور و توب یورتک به بود لوغن معلوم ایدوب
 دعا سلام نامه لاری این عمر زکار لرده ایت
 کاندہ بز لار مو نیچه بر داک ما ورا النهر هم
 قالفق و غیر یور تدار غه چیت ایلر ذابولوب
 هرکن نه اوز مزگه حضرت تنگ دین ایچی و نه
 اوز مز دین حضرت تنگ کا ایچی من بولماغانا و
 عندین قرچمز هم اوز مز مرحمتار نکز دین

محرم بولمالوق دايو اميد داروز بو کلکا
ایچی رحمد ولی نیک یخشی سوز لرینه اینان
اینک الدوندا قرآن اوبوب بیعت کلد وروب
حمایتکزه باشی سألوب قرچمن اون منکداؤلی
نایمان روغنی برله بو مهر خط نامه مزی
بوزحمای مرزا اینان یوللادوق کونه که
هرکزه تعیر سز عمر مزار نیچه خذ متنگزه
میز قرچه میز اینان مر حمتنگز دین بزلزی
هم صالمقای سز ایرکان دایو او توانب
کوچوک خان مهر مزی صألوب یباردوک

Слева приложена миндалевидная печать с надписью:

مکوچوک محمد تورسون خان
بو اور نور داعو یبار الکزغہ جورت...

بزرگوار
سهم

ابوالمحمد بهادر خان دین واجل میکنج بنارال دین میرزا

کوی بدین کوب دعا سلامتلا روین کبرای اذواق

بے لاری دین کوب کوب سلامتلا قیلغان دین سوز

بیلنور غمیل یوز کورث آکادوی مشغول لیکنیز بیلوری

ایمدی سوزلار بیلور سوز کور شور لاکوزوشما سنخ هر سان

هر لیکن قلیس دین سوز دیزیتب یوردسون دین کور

سوز بیلور سوز هر جوک یولیک سوزلار دین کور بیلور

یوردونلی هر سوز کور او کور ندر ایزر ایللیک نیک سوز کور ندر ایزر

یوزار قان ایتم بایع طولانی سوز بیلور قار سوز بیاردوک تو کور

بیاردوک ایتم بایع خذ متنگنر کور وینر ایزر کور

دین ایزر کور وینر جولر و بایع وینر کور

دین ایزر کور وینر کور

ابرو کجی خندان
 حفر تلمبه
 دین مہدیوں بولنگا بکلیج بناراں دین میزا
 مونکلا اوغلی ایوان براوی کی کتیم ہلا
 اون ہر آطینہ آلب کتتے ہر قلا
 آط ایکنات آطے دینہ مانجی ہر
 کونگوم ہر لہ آلتے آطیج آلب قجی
 ہر کایسز البتہ البتہ آلا رے
 مانجی بگوزنگوم ہر لافوان طون
 آلفان او زگا اذاق کوب ہر سہ
 لاری ہر لافونگار کاسہ لار

بیر اور روز مسز اوڈ لیا مد

بیر ابوالمہجیر خان اور روز مسز تور کر دستخان مسہجیر کا

خدا بیغنا کشتی اور غائبی ظہیم اور لیبیا خوجا احمد یا سساروی

حصہ تیار کا توافق قلمغابی بی رورق لیسٹان آمان

بزازو محمد خانزین سہم اجتار خان با شلمی
 تاشقندق بینارالغ کوزوز من بود و در سیرالار
 اورتہ بودن قازانطمان بلور مرزا اوغدی قازاق
 طبر مرزا یسزلار شنگ سوپہ شوزرغانا شوروز
 ابیردو تک ایبصدایو طسوق کک نکلامہ یغین

مخصوص اور یوں سرکار اور مدد قیامیٹی کیلئے
 برضہ جین سکر تار خان بیگ اور یوں سکر
 تو پہنچو یا شور غا برین کیلئے جن سکر تار خان
 کیلئے آج تار خان بیان رانہ بوجھیں آلب
 بار سونہ تیب ایٹی کیلئے

دور هر پورت نيك سوزلار بين يلوركا
 جنك باثور غم يار ايقت قيلغا نمر هر پورت
 "ر ايل قیلور غم جنك باثور غم اينكا نمر

چين شرفار خان لا قوليچو
 ماثور لا ايلچي قلب بيدوم
 يلدام جهدر قايثارغا

کوبہ

اولوغ پادشاہز اعظم امیر طرہ پر حضرت کوبہ یلقہ ساغ بلیمو
 و اورونبورخ کامنوزر ساغ بولسورک بعدین یباویم شایگان
 بتورن و تو لاگ با تورلی الی طیب ایل لکوزنی باشہ سالک نوز
 یلیک اوجونہ بخنہ لقد ذاوزکایان لغز یوقور آغا منز ابوالخیر خان
 چنار منز یوقدور پانارال لوروشکال اورینہ یورخف کیلک انرا بار
 المادوق یور تو مزیراق بولغان جمدن عیب ایتماک لار کرچ
 بارالما ساقدا کو نکلور یچینا دور و تپہ اورینہ تورال سوزون
 سوزایمز سودا کر نکر بوسم نرکا یارگای سوزنچنہ سودا قیلدر رزم
 ہم کولان بیگانہ قوی لار تو لکولارقا رساق لار یبارور منز
 سوزنچنہ سودا قیلدر غایک بز وینہ اولشوا ایلچ لار یمنی اورینہ یورخون
 قاپتار سب یبارگای سوز

شوق کاتدو سبطا نندو پادشاه عالم پسر تور اعظم حضرت له منکر درگاه عالم
 بیز قزاقه یوردیتیک اورتیزوز جهمتلمین استون صد او قلمور اوق سبطا
 دین اوق پادشاه غم باشک باشین منکر ابو کیم الار دین یسوق کلدر بیکار باش
 سالسو نندردیمب اغلیز ابد الخ خان بر لم بسوز لاشیر یورغانلار سوز استون
 کونو سیز چایر بولوب یوردور ایدر اوق پادشاه دین بیز کاباشقیر یسوق کلدر
 ایدر بیز کاتایوغ اورتیزوز قایمان قرق منکر او یلدو قزاق بیز بر لم خدای نیر
 محمد مصطفی صلی الله علیه وسلم بیز حق بلید اوق پادشاه نیر یسوق لار بیز شکر
 قران افشورک قرق منکر او یلدو اورتیزوز نایمان بیز کاتینیز کین سالدر
 بیز اوق پادشاه غم تیز کین سالدوق الار بیز ایز تنکی یسوق لار بیز چکله قویما
 چکلی بیز یوق لار بیز ایز تنکا قوسحای دیمب قران افشورک باشی اوردو بیز
 اوق پادشاه غم دوست بولپه بیز کادو بیست بولور کیم اوق پادشاه دوست
 بولپه بیز کادو بیست بولور تا تریک بیز الار بیز دوستمن یسوق قلفان منکر
 بونک کیدر ایز انشاء الله تعالی آمین و رب العالمین یسوق بیز قزاق
 بیز بیست ایستور قبول قلمو نلار ارام بیگام باد و سلام دلا اکرام باش
 رحمان قلم بیز ایدر ایمان بیز لار بیز ایشیب اوق پادشاه باشین صالده

اوق پادشاه غم استون تنخ درگاه
 اوق قزاق بیز ایدر بولوب نلار
 ایشیب بیز سباب
 شکر ارجاز قلم بیز
 نشان درون

و به سلافتان نام موزنی ملامت با نسبت بیوکر و خضر اتلازنگز که بیو لاسر.

جمله مرحمتلو و عزتلو و شوکتلو و سلطنتلو
 پادشاه اعظم حضرت لارینه بتفر و بیچاپیت درگا
 هینکز دا و تخت پایکیزده مطیع و منقوطوغ دابحساب
 کوبلیلار ساغ سلامت لیقنکزنی تلب باشی
 قیوب عمر و فراواندهمیز برچه یورتومیز برلا
 الحمد لله والمنة و جمله مرحمتلو رحمتنکز برله
 کونیکه نظر مرحمتنکر دین او مید و آرمیز برچه تابع
 قراچه میز ایله سوی اول فائیه میز ایرکان حق
 سبحان و تعالی دین تلای میز حضرت ینکز دین عمر و
 اوزون قیلب شوکت و سلطنت لاری کیزی
 منک یاش ابروی لوق برله برکای انشاء الله تعالی

و بعد ... معلوم شریفالارینکن بولسون عصمت
 یارال ایبان نعلی دین یرلکنز برله هر دآیم برلاری
 ایچی سی برله مرحمتلو یرلوقشی کیزی یباریب و هر
 نیرسا تقریبلی یازیک کچه ... کهل قیلب تبشور آدور
 و تتم کوپراک بوسونگی ایچی سن باشتفید بیعت
 ابد الفان رحمان قل میرزا ترحمائی یورتومیزه پا
 غملی هنر بازولازی برله یباریب اشات دور و فیصل
 تایدوردی اول قیافات قینق لارینه اولینارال غه
 رازی میز هم کونیفه بیوک مرحمتکن دین محروم بو-
 لمسکی ایرکان یرلار هر دآیم راستلق میز برله هر
 آیم خدمتینکزد امین هرکز تهر مسز عمر و بارمچه
 وینه ینارال نفلو یوندین خط کیلدی بزکاستوک
 لوک اینی کیز بیک مرحمتلی کیز اختیار شریف لاد
 رینگیر برلان او یلان لار ایرکان هم عزتلو تخت

پايگيز سر بور ... تووی نماشالاری بولوب بیجای
 کیلتورادور ایرکان انشاءالله تعالی بز لار هم انکا
 سیوندوک خدای تعالی ایکی یاش اوزیک لار
 نیک سیوک لوکون بریب ... و فراغت عمر و لاین
 اوزون قیلب اتا یورتینه ایا بولوب مر آدقه مقصود
 دغه جمله یتوش دوروب جمله قراچه سیله وهم
 اوزکا یورتلارگا مرحمت لو و منعت لو بولسون
 دیب بز لار یورتیهز برله قون لوق لای میز
 و بو سلا متلو نامه مزنی مهر مزنی باسب
 بیوک حضر اتلا رنگز که یوللای مز

Слева приложена миндалевидная печать с надписью:

براق سلطان ابن تورسون خان

عزتلو هرستلو و مردتلو و دولتلو و شو-
 کتلو و مارچاغه رحملی اولوغ پادشاه مصر تلای
 بینک عسپودین آلاکچای میکای لیج سوکراف یغار الله
 من آبولای سلطان دین کوبدین کوب دوغای سلام
 نزموندا ایسان امان تورامن شکر الله سیر
 آندا ایسان امان تولونکن سوز بهز اولدورموندا
 یاد شاه یورتینه قارشیلیق قیلب یاتغان بر پارا
 اویسون دیکان خلق بار یوغاری قالماق برله قازاق
 ار استیندا پادشاه یورتینه قازشیلیق قیلب یاتقان
 بهیج قایدان پامادوق موندا قازاق یورتنه آرالای
 المادق آندا اوروس یورتنه آرالای المادق ایسکی
 قلفان بازیق لارمزغه ییکا تاؤبه قیلدوق بادشاهفه
 باش سالامز تیدی لار اوج یوز اوپلی کشی نینک

باشلیقی بزرگ کیلیب باش سالوب قایتدی انکانه
 حوکوم قیلاسز پادشاهه باش سال دیب حوکوم
 قیلاسز مو یا ایسا باش سالها دیب حوکوم قیلا-
 سز مو آنینک حوکومین عسپودین آلاکچای میکایلیچ
 پینارال سز پیلور سزلار سر نینک آیتکان بیوروغو-
 نکز چه پادشاهه باش سالوب قول بولوب کونوب
 تورماقلیقغه مو شطاقدور اول خلق لار شولادین
 بریکت توبول شهریدا تورمادا تورادور دیب
 لار اتاسینک آطی جاؤلی بای آغاسینک آطی
 ایباش اوزینک آطی بای بیکت پادشاهه باش
 سالوب قول بولغان سبیلی سز آلاکچای میکایلیچ
 پینارال رحیم قیلب قایتارغای ایدونکز مکر رحیم
 قیلسانکز بر نینک بیارکان چاقه اوغلی ایش داؤلت
 دیکان ینه یولداشی ایسان آمان اوغلی بوزدای
 شولار دین قالدورماک بارکای ایدونکز

سوسکتلی و قدرتلی اولوخ پادشاه از ایبراطصی و عظمی و بالاکستینغال کله حسنه و لر سید تنگ و غیره و غیره و غیره
ولایت (شکر حکمدار و غیره) یلی صابیت براتنگه فرزند سی حضرت نذیر نایب رخایاری

توقه تراغی و برطینکل اورطایور تنگ از اسلغ نایب ابراهیم سلطان ایزدین سسکو کولمیشی حضرت و در اها آخامو
ابول خیرجان سسکو و جهر پیکانی صالحاندر برن الحال کتول و جهر سسکو تنگ و لوتونکزه انشا امان تورار سسکو
شوخریل اران بیز ایلیج بیتوش حضرت ایستولجان بوق ایبراطصی سسکو تنگ و لوتونکزه الحادری خندلنگ و هم قراق
بدر طنگه اور تورل طرفین خوفی حضرت و بر امان دوزن بریا و ز بار ابراطصی قطای خلغ تنگ بزر و یار شیب
نوروز اها اور من تنگ حضرت او کتوبور معلوم اولنگه اها او کتوبور نذیر ای جیمت بر و نکوهه او کس خلاصیت ایزد
یعنی اولتور کساق کس و پادشاه قراق یورطوه پادشاه قلی تیب کتول جیمت بر و نکوهه او کس اولتور تنگ
زیایع و اهم ایفاسه تیا و در یعنی دیان تیدر کس او کتوبور اور من تنگ قلم استوندای کتور اها اورطایور تنگ
آطفا اور دنگ المبت بها تورنگه اولی جابوب الدر ابراطصی خلغ امیر قلع سنیدین جیمت کتور کیمت بر و منظور
تیکان قلس الک و مکنک سسکو کتور تنگ نذیر و کتور او ن بر کتور اولتور بوق او کتور کتور نذیر کتور
و بیزیکر می کتور
قایناروب برور توقه سسکو برور یلقیدین قایناروب برور پیش یوز یلقه و توقه قایناروب برور
یکری کتور
برخا تو ن قورن دوزن دختون کتور و بد برقی بای بیسک ویز اذ غلی صابا کتور کتور کتور کتور کتور کتور کتور
یز کتور
بوره و توقه ایلیجی بلدا برور

ایلیجی فصلی نادر منکوره بوره ایلیجی نذیر قورطاهش قلع سنیدین جیمت کتور کتور کتور کتور کتور کتور کتور
بلور حال و هم باره حافنه کس الکتور اها اور لوتور کتور
او جویو فصل ایزدین سسکو کتور
یعنی قیش لایفان ایزدین سسکو کتور
یا خدیجی بر اور کتور
مذکور ایزدین کتور کتور

قیب بیکی فتح کوفور در بود کوشل کوشلماق سبندین فتح ایمکایندور اما ایمکان کائنگک سبندل کوشل مودور فوجی هار کوشل
تینگان روتوشنگ در کایرین باقیمور در اول در کار قنوم و هم در منگک فتح قیبر تورن آطیکم قوی آذرانین قایده نامدر
آذین قراق در کایرین غی باقوروی اول قراق در کایرین زوایر و سیزد بورخی زور الای بول و اولوم حاصله مودور
تور توبنی فصل خلد حکم و پتیه بود و ایلیت بیج ایله اوله قوشنگک ایچده اورطایورد نکک آطقار و تیکر خربت تینگانک ایلی قالماق
فی سیه ویزد منگک اوردین توخا بولغانک ایلیت قاجیب او میوقلعه کوشل مودور قاقازین و هم کوشل مودور اوغلا نلردن کورساق
او میوقلعه نکک دیکور فوجت و دینور فوجین بهایدور و هوش معلوم اولور کورساق و بنا را از اور قالماق مودور زنگاه
بهار از اور قالماق مودور اما در نکک قالماقین یا فوج بول چابوق العنان پتیه و هم به هضون هضونب العنان پتیه
بول و قاجیب اولس نکک چیت طحیرینه ایوب بوزی ارتوتورین کورای بارکسی کوشل چیت زونکده اولتور فوجی تور از بهایدور
هم منوب بارخان اطل و هم آله بارخان حاصنه سینه بهایدور اما اولس طغینان بزنگاه قاجیب کیلا مودور اولس بول و هم
ایلیت بول و بز به ساحت توقنا و کز بز کیکر اولس بول کیکر قالماق بول و اورطایوردین و هم کیریدین و هم از کوشل
توقین اوج یلنگک ایچده آلدر کورساق و با حمتا و نکک قوشل کوشل مودور نلر منگک او بولور قارغ منگک پتیه بود و اولس کیکر
ایلیت ایچده بو قارغی طور کوشل قالماق نکک شرن تینگان تور کورساق بولور نکک فی پاش صالوب سم بولات قلعه
کیرک زین هوشنگک چیت کورساق بولور پلین ایلیت نکک ایچ حق و سوس آلدر و غی ایلیت نکک کیش منگک
ایلیت نکک ایچده ایلیت سیه از صغور و غی کیلا نکک فی یوق زور اولس تینگان اول مودور قالماق نکک بزنگاه ایلیت
تورخان پلشوغی مایور آلک که کوندور و در و غی بطرق کورساق نکک ایچ یا فوج قیبنار بول یا ایلیت بیان زور اولس توتور
اولان یا بوز توتور قراق خلیت بار و اولس بوز توتور قیشلاب اولتورساق اورسلر جا بیغان بیغان کتله بهایدور
بزنگاه قراق خلیت نکک حال بار و بیچا نلر نکک بیقونین او تتر حاله توتور فاعور او اول یلیت نکک ایلیت بول ایلیت
توتور تورنگک یا بوب مال تولا تولا اوله و هم قیبنار قیبنار کورساق تور و هم بزنگاه شاه نکک بیچو سوز سوز کیکر
اورسک لنگک توتور ایچنار کورساق توتور اورسکک اما کورساق ایچناری بار و قایوردین از تیزین قاجیغان
قاجیچو بول و هم الوغان یلیت بول و بزنگاه بولنگک نکک ایچنار و نکک ایچش در دیوبل و هم قیلق
ایچش بول و بول بزنگاه کوشل ایچنار با حمتا و دین بولور و کوشل بوقایدیه یان و لغان بار و بیچو نکک ایچش
س اولکان پادشاه غی بز دین بیتمایدور هوشوغی بکی تور از بزنگاه قدر مودور بلما یورای اولوغلین اخلایرتولو
ای دولتا و حکمتلو پادشاه موشول بوقایدیه یان و لغان مودور هوشوغی سز نکک حکمتنگ هوشوغی ایچدر و اول بولور
پادشاه نکک دو کتور حکمت دو شمانین دو کتور حمتا و جمان سینه ایمکان و قشده حمتنگ و کیمان نیز مودور
اما اخامد بولور بیچان سز نکک بیچا شنگک دین پشپ زور اما بره کوشل بیچا شس صار قوشنگک هوشوغی ایچدر و
بولور فوجوز بزنگاه بولور طغین کور اتورخان اور هکک منگک کتور قل صادر اولیا قل کورساق نکک
تور نظر نکک معلوم اولور ایچدر و اول بولور سله لایچلیکها توتورین بار و بولور نکک ایچش نکک
ایچدر و اول بولور قاجیغان اخور کورساق ایچدر و اول بولور سلطان معلوم قیلمور

کوشل یا زلفاشی بیچا

۱. ...
 ۲. ...
 ۳. ...
 ۴. ...
 ۵. ...
 ۶. ...
 ۷. ...
 ۸. ...
 ۹. ...
 ۱۰. ...

۱. ...
 ۲. ...
 ۳. ...
 ۴. ...
 ۵. ...
 ۶. ...
 ۷. ...
 ۸. ...
 ۹. ...
 ۱۰. ...

اوز تفریحی

یکه برفت

بقتیک تیزی

اولیغ بی پادشاه و بیگانه بیچاره بیچاره و بیچاره کی با بره لار دین یاروق پادشاه در

اور پس یور تفریحی هم یار بقا غوجی قزاقی یور تفریحی یار بقا غوجی اوزگالارنا

هم اوزگالارنا هم اوزگالارنا هم اوزگالارنا را بهت میطابور لب این

اولیغ بیچاره و بیگانه یار بقا غوجی قزاقی غن امینی قلعغ باشی ایجان بیچاره

اولیغ جان المال کاشت بدینیم کوبدین کرب سلام لار قیلا مینر و بنا یار نیم

اور پس یور تفریحی با بار بد پسدن لار خلق والی بلان قزاقی یور تی بلان مهران

بد پسدن لار امان ایمن کیلی ایمنی قلعغ دیشته دیب ایمنی ک بیخشی بد پسدن

خط مینر و این جی مینر یار دیک بریم الاشم نیکم ایجان بیچاره و در خفینر

یار دیک اوز لار آل پسدن لار دینا بریم اور پس یور تفریحی و ایکنر پسون لار

دیکر پسدن مینر بد لیم پسیدن نشکیندن آمان ایمن یور مینر اقی با پادشاه یک
 دولتی دن جان جیلد مینر بخش بد پسدن دیکان کونکول دا اوتادور قیشک
 قیلد و مینر بخش بد پسدن دیکان کونکول دا اوتادور قیشک
 بخش مینر بخش بد پسدن اقم یور تفریحی ایجد ایمنی دور بخش

دولتی دن جان جیلد مینر بخش بد پسدن دیکان کونکول دا اوتادور قیشک
 قیلد و مینر بخش بد پسدن دیکان کونکول دا اوتادور قیشک
 بخش مینر بخش بد پسدن اقم یور تفریحی ایجد ایمنی دور بخش

بخش در بخش جان آرا دیب الیغدیگ پتخشی الالدک اکر سدون
 قاجین کرد و کیلسا بین آبتدیریب بیالیک اکرینون قاجین کرد
 قاجیب یار پسا پوزین تا بدت یریب یریب قنیداش و غن بولوب
 انا اینتی بدلرب یدر کی بخش بدلور ادر پسا بدرتی دایتور کورت یاز قنراق
 یدرتی دایتور کور یار پسندیم جان بخشنا اوتسما پکنفلی قنکون
 بینیم قننی لایک قنشا گون بدلپسا ایدو پشا او یاضنی قنپسا لیک
 جاز کون بدلپسا ایدو پشا بد یاضنی قنپسا لیک قنیداش و غن بولوبیند
 باشی شغول بدلور بعدی پشا بدی یکج مورولانا اوتسما لکچیند

بعد پوزین بدلوکم قنشدیم جان بدلور روز قلفه قنیداش اینتی بخش
 باشد کنشی هنر قنپسا لیک ائی شغول قنپسا لیک نکله لی قنپسلی خاتون قنپسا لیک
 قاجیب یاری قنق قلفه قنیدسه بلان اول قنیدسه اکتیق و غن قنید
 و شغول قنپسا لیک خاتون بدی کونشد بلیک قنیدر اوز که قاجین
 کوب بارغان ایتمیند یوق او شغول شغول قنپسا لیک کونشد کونشد
 پیدر پوزین قنیداش و غن بدلور قنید

به پوزین اکرینون قاجین کرد و کیلسا بین آبتدیریب بیالیک اکرینون قاجین کرد
 قاجیب یار پسا پوزین تا بدت یریب یریب قنیداش و غن بولوب
 انا اینتی بدلرب یدر کی بخش بدلور ادر پسا بدرتی دایتور کورت یاز قنراق
 یدرتی دایتور کور یار پسندیم جان بخشنا اوتسما پکنفلی قنکون
 بینیم قننی لایک قنشا گون بدلپسا ایدو پشا او یاضنی قنپسا لیک
 جاز کون بدلپسا ایدو پشا بد یاضنی قنپسا لیک قنیداش و غن بولوبیند
 باشی شغول بدلور بعدی پشا بدی یکج مورولانا اوتسما لکچیند
 بعد پوزین بدلوکم قنشدیم جان بدلور روز قلفه قنیداش اینتی بخش
 باشد کنشی هنر قنپسا لیک ائی شغول قنپسا لیک نکله لی قنپسلی خاتون قنپسا لیک
 قاجیب یاری قنق قلفه قنیدسه بلان اول قنیدسه اکتیق و غن قنید
 و شغول قنپسا لیک خاتون بدی کونشد بلیک قنیدر اوز که قاجین
 کوب بارغان ایتمیند یوق او شغول شغول قنپسا لیک کونشد کونشد
 پیدر پوزین قنیداش و غن بدلور قنید

عبدالعزیز العظیم

اول اولوغ پیراں کراہی عظیم حضرت لای یاں سلامت بطرؤنہ اور ی نوتوقو حیدر بار چ۔
 روس پورتنے اور کالارنے وہم اور کالارنے وہم اور کالارنے۔

بزرگ اور تایوزنگر آبلی سلطانین سیرہ عتقن علیہ مرتبہ پیراں عظم حضرت لارنگ
 صغیر کی نیا فتح پیراں ایوان ایوان خفم سلامت قلیز سلامتین صونکر سو لہ مز او شہرہ
 اقا سید لارنگ بلہ لارنگر آرام کون ایلمار دست لغیر آرتماقی اوچون

ہر توری حال بانگہز اولادہ او شہزادین قرنگز یولبار ص سلطانین پیرہوکر اولکی
 آشتالین قلیغور سید لارنگر سلامت گزی بیلمور اوچون وہم پورت حالین
 ہر توری خبر آسہو ویب وہم کون ایلمار سید لارہ ہر وین ایرکو خبر لارنگری

عظیم

ہر توری خبر آسہو ویب وہم کون ایلمار سید لارہ ہر وین ایرکو خبر لارنگری

اوو مکای مز ویب قرنگز یولبار ص سلطانین پیرہوکر یولہ املاک برلان و ہر توری
 قائم سولارمزی او شہزادین قرنگز شہر تیل بلا صلا ح قلیغان ویب القاسم

ویب بتلہدی وینہ ہر لارنگر صغیر لارنگر ہر لارنگر

شکوته قدرت اولوغ باور شاهي ايمپراتر بيچي عظم و با استلال کچل
 جمل اوسيه ننگ و غيري و غيري و غيره ولايت
 لارنگ حکمرای باليهانويت بطراونا حضرت لار پور

اولگان مرتبلو وهم اولگان حصت لائنگی کسینر که دوستور با بقا و نیک بطراندر بیج
 حضرت لارینه بزر آبلای سلطان زین سلام نامه بتدی کند رود کار کبچور کوی جماعتلار
 ایلد وهم کوب آئی ییدلار سردار لارنگ ساع سالم لکنک تیلایز اللار حضرت لار زین
 ویزه اول اولوغ باور شاه عظم حضرت لار زین قانغی بیته آظنکر حقتده ایز لار وین
 اینفارت نامه اولغان لغی او چو بیبر ووک برسنه یعنی توری آظن مانکلا ایزنه آرنه آغی
 وهم اونک قولاعنک او چون زین آرنه کسب آلفان ویزه آظانور بوتنده انکی تونکلا کتفا سید
 بار اورنگ وین یور عالی بیبر لیس پرو چکر فیلات آرتدین آلتوسی بوتنده قالدی او چو سیمی لوکاک
 بلر وهم او چو لاری کلکان زمان یو خال قالدی ایدر شایت طاب بر بخشمی یور و چو ارنه زین
 بی کایز بینه اول اولوغ باور شاه عظم حضرت لار زینک تیلانک ایز لار حقتده او کتوبدی کوننده آظن بوتنده
 طلبنده بولغایر طاب تارنی بیبر یوغنه جوابنه بر کایز وین بزر نکر سید لار وین القاصور
 او شهر سیز نکر سید لار فنرین بیبر لیس صلا حقتده میشر الیغونکر لیکر سینه ککر مسلم کاهنده کزین
 بزر لار کاکونکر خانوتنه بر مکندی مکر بیبر و بر لوسنکر اولان بیبر و من مکر بیبر و جوابنه بر کای سیز
 بوتنده غنی غنی اوزر کور و روز

شکر کنج و قدرتی اولوغ بادشاه . بالا استغالی کللی جلد
روسیه ننگ حکم درر ایبراطریه بیاترینا آلکسی یوزنا
حضرتک رینه

و غیر هم و غیر هم
کتابخانه عو کهنه و در
سزا اولوغ ایبراطریه عظمی حضرتک روکر ننگ اولوغ سرعشای
عظمی شریفله نگز جلد روسیه ننگ تختی سزا اولوغ ایبراطریه
عظمی حضرتک روکر ننگ قبول قیلماتکتر دفعه من تابعان
بنده نگز اخلاصم ایله شرجان فیلات کوردیبا فدیبا و حیل ایتمک
مینه اولووم شول سزا اولوغ بادشاه ایبراطریه عظمی حضرتک روکر ننگ
اولوغ سرعشک روکر من کتیرین بنده نگز ۱۰ جستن اوزلا کوب کوب
قوللقلار ایوب سزا اولوغ بادشاه عظمی حضرتک روکر ننگ
شول جلد روسیه ننگ تختی قبول قیلمان نگزی کورستخلف قاب
تابعان مبارک باد ایتمای قادر اول حضرتک اول تختکردا
صالح و سیدمت عاقبت ایما لک اوزره جوق یلارد اول برقرار
ایلیسون آیی یاربا العلیب اما سزا اولوغ بادشاه ایبراطریه
عظمی حضرتک روکر من بنده نگز ۱۰ واجب طوغر و لغین تمام
عمر ویدا شیک و شیشه جفط عیایت قلوب منکا امر
قیلمان تورمان سزا اولوغ ایبراطریه عظمی حضرتک روکر ننگ
قوللوقلار روکر مندی اکتوم بر قیلماتکی بولوب شارط و عده
قیلم من ننگ کم سزا اولوغ بادشاه عظمی حضرتک رینه

بیع بسوگلی محمد نکر ایملطریجی بیلی ماؤزین بطاؤنا حضرتک دینه
 قولبولق ایبتکانه آننگ اوجون تام منکا قزئمان قزئنه قزئنا خلقه
 هم ارشکاره معلوم انشاء الله رب العالمین ما اوزرم بر تمام خلقین مخصوص
 سیز اولغ بادیشه ایملطریجی عظمی حضرتک روکنر نیک اولغ
 سرعت نظر منکره نسل ابدوب لایله تا جانه احلام اید موجودم
 سیز اولغ بادیشه ایملطریجی عظمی حضرتک روکنر نیک بطبع بنده نکر
 قزئنه قزئنی بود طینک ادر تا یوز نیک ایلدین سلطان اینانما خلق
 اوجون اوز مهر بیغ کندرم الیه بلایسم

حق سبحانہ تعالیٰ

شکرگتو و قدرگتو اول اولوغ بادشاہی ایبراطیم غلط حضرتلار یکترینه الاکسایونہ اوروی پلاکو چیدر
کما ارو سکر یورتنه ویز و فیز و غیر ویلا بتارلا تونقوزی

سیرنگز اولوغ بادشاہر ایبراطیم غلط حضرتلارنگز

راستق طابع و مطع قراچونکر قره قزقلارنگز اولویونکر آبدی سلطان سیر اولوغ بادشاہر
ایبراطیم غلط حضرتلارنگز سیرنگز هلا دین میراث اولویونکر تینگان جملہ روس یورقونکر ایبر
طراق امین عیالت تحتہ جماندالاق قیلوب اولورخاننگز بلورک قانیسنگز حقندہ بزنگز پیرجا
جملہ بیو حکمر طابع لی بلان باش اولور مختونکرلا قوتو غلامی اوچوہ اوروم نکر فرزندم بوزی
وینہ قول صارت او بیا تک اولی قیلوب پیا تور
سلطاننہ بای توقیر میرمنیہ یولور بای بی اوغلی اوکان اوغلی میرزا کلدری مولودہ قلدری
بای قولور بای صاری اوغلی وینہ بایان باط یرعال اسکا بولورک

آق ستالور قول صاری شیم پواتور بای یکت پواتور ویم اورنک آق ستالور مولودہ
سلطنت قوتور یولور بای بی قولورک پواتور فالہ دنیا دین باقر قیلدری

۱۴۱۱ اولک بادشاہ حضرتلاریف نیتکرا نزل ایوب حضرت قیلخانز بوینہ قانیسنگز کریم پتیش اینز
باشقورتقن کلر نالہ بالاسی بلن ویم او توز بيسراوانقا پینہ وینہ نوزت روسن ایکی ایر ایکی
خاتون وینہ غیر حضرت لاراده قیلنشی و سنور حضرتلار
بیرا بولدی سلطان کندالز
ایین مورزین باصدوی

۵۰۵ خاندان کورم کلر
۱۷۶۶

بزرگ اورطایون شکر اللہی سلطانیدین

مگر کہ اولمان ختمش و ہم آعلاتر متلو جو سپادین قریب قلعہ کسره بو
نیالال دینج حقرتلا رسلام نامہ ایصال اولنک بارچہ اکل بیت کد

و کجا

سوزن او شہور سیدوم اورون بود روح شکر نیالال حقرتلا ریوم جا

او شہور بزرگ بلین یوز کوروش بیورت حاللارونی سوزلا شور و

قیلور او چو او فرودہ پسر مولو ^{تورغوجو} بکتاب محنت او غلجی و ہم قیامت
او غلجی وینہ شاوقال بایجی حوک او غلجی بریولر ایشی بلین

بیورولسہ ایدی سرور لار شکر رحمنک دین او شہور کور قورت کیش

بلا اور اتورغ و ہم تمام حاج بادور جنای بازوی بلین توروی ایسک

حاقلی وینہ آروق بولسہ ایدی

بزرگ اورطایون شکر اللہی سلطان
کندو الخورایی حقرتلا باصدق

۱۷۶۸
۱۷۶۸

ماه مبارک ذوالحجہ سنہ ۱۲۲۲ یومندہ

تو کلمی و قدر تلی اولوغ ایملر ایچ با لاستیقلال کلر جملار و سینه سکر و غیره
و غیره و غیره و لایله سکر کللر ایچ با کما هی عطف حضرتلار کی یقایتیرینا الکسی پونا

بز او طایور سکر اولای خانلرین

سوزکه اللان حُر متلفس و ۴۲ آعلی تر تریلو عو کسما دین یسارال مایور اوردو بنورج
سکر کوبینه سکر کوبه ناطره ۴۲ کوا ایرانیون رانسیر و رب سکر یو هم حضرتلار
بی نیر میا بی حسنا سلام لار و اصله اولنه و ۴۲ بار هم اهل بیت سکر ایلین و ۴۲ کوی
یلار و بیله کوب قریبن لار یعنی کوب زمانلار رساخ مسالم اولاسزلار

سزلار سکر مبارک مکتوب ناده سکر بز لار سکر انبر کما لاملر ایلین تیکدی اوردو سکر دی
بیرکش تر جهان یوسته آر قلمی بولور اسلام لار به ۴۲ یعنی مفهوم اولنور ۴۲ بز خوب
کوروب قبول الروق بز سکر آر و لار مننی اول اولوغ پادشاهی عطف حضرتلار
قبول آلمه اما اولکی پادشاهلار دین ایشارت بو کما فی سبیل رحمان یوسته
بیر معلوم دور اول ایشارت نشو سکر اوردو زین ایکنی بل سکر اچمده خبر بکان ایردوم
اوردو کما کیلکان مناسب ممت او غلنرین بولور اش قراقلاری بره مانور سکر سوززده مز

عطف نامه

یعنی دوست دو کمانه ایقور اوچ بولور ایدی بز سکر نیازان درجه سکر بولور ایدی
دینه بارغان زمانه بر اول اولوغ پادشاهی عطف حضرتلار سکر یو هم مبارک دیر ایلی
کوردی ایدی و ۴۲ اورنی طوبی کوبینه سکر قریلار قلم سکر بولور ایدی
دینه هم طرفین بزکا دوشمان زورلق قیلر بزکا یاردم بولور ایدی همان کیشنه یا اینکه
سکر کیشنه یا بش یور دینه هر یرده بز سکر اوردو کیشنه یعنی خط نر بیروب یور
روس اچمده بولی آچو بولور ایدی قلم لار بار لارده اور قیلان کوتلار و سکر توشن
روزکا قراقعه ایتمش
قراقلاری

دینہ اول اولوغ پادشاہی عظیم حضرتلاری دین بریارلوخاؤ خط مہرکی بولسہ ایردی
طارخان لقی اوغل اوغلم قیامت کاچ دینہ اوغلانلار دینی آشدورده تورورغ
ایکی یلره میدوریا اوچ یلره میدور اول اینش بئوک اور اختیایره بولسہ ایردی دین

دینہ اول اولوغ پادشاہی عظیم حضرتلاری بارچ دینی برتیک کورس ایردی روس و قزاق
وغیر جلالی خلایقلاری تیک دینہ او شوجیت قلم لار سنکر خیرالت قیلا ایردی زورلق
دولم بولسہ ایردی دینہ بارخان فرزندوم پادشاہ سنکر مبارک دیدرین کورس ایردی

مکناؤ غلوم کوب تورور اوچ یلری بر کورس ایردی دینہ یوقاریدہ یات قیلش صمان کیشے
آکس و شمانغ صمان یتیم بولسہ جنگ دینہ آذین کیچ دو شمان بولسہ بیس یور اچمده
دو شمانلارغ قایوزمانده بولسده اور زمانده حدور یا اوغلانلار روم زمانده میدور
دینہ قاجقان قاجقلار حقنہ کی حکم نی سز لار بولکر قایطارماق نی یا اینکم
قایطارماسی اگر چندیکی بر سنکر قازاق بارشده یا سز لار دین روس کلک پورده
اول بر طاراق بولسہ ایردی نه قیلورغہ بیلمایم دینہ بر سنکر بالار قایدہ بولسہ اولوبادر
آندہ بولسہ ایردی دینہ امبو قلم سی برہ باغلان قلم سی ارا سفیرین آمانت آوب
بر سنکر قزاق یلقی کسی اوتد ایردی دینہ بر سنکر فرزندور سنکر باینده اور طایوز سنکر
اون یخسے بولسہ ایردی اول اولوغ پادشاہی عظیم حضرتلار کینہ او شوب سنکر

۱۰ و صنیاد دینی قبول کوروب مقبول کیچ طارخانلق خطیرہ بتلدا ایردی او شوب
دکوره ایسلار و دز قبول اولسہ او شوب یار کوننده کیلنک بر حاضر مز کوک اولان
وقتندہ قالغان تیل سورم دینی او دوزنکر دین کلکات رحمان یحوی معلما قیلور
باؤر قیلغای سز مختصر اولدی کلام
بر اور طایوز سنکر آبولای خان کندو
اکر ایلن مر دینی با صدوق

۱۷۶۹ ماه مبارک شعبان سنک یایوشده

هر که اول طایون بنیک آبلای خانیدن پس که او سوغلو سید
 بود فوجی بنا را در پارچه گل و لاله نام ایشانین دیر حضرت در دیو سید
 سلیمانین پولند سوزیز او شود در سینه این سلطان محمد
 سلطاننق خط بر کان ایلان پس اول خط مینک قولوم تیکدی
 مظهر بین ایشانیم یکرم آلتی کشته من الوب کتدی یورت کشته من او شور و ب
 دیب پس نشون کتدی لارنر خا تیاروب بر سنگ او لغی تک طاقه بولور
 تدرار مین دیب پس اول تیجات بنال بایلی کره بنیک الفان یلقی
 او حج مینا بر یوز تو تیان آلتی یلقی دیب بر دین او زخان یلار
 لاللان ایردی شعور یلقی از ارجاب المادی کوب الوب در مین
 کلوب الوب در متغ ارا فاذا الجنده ارون بور و چون بری تو لانه
 توشه تیل الفان یلقی یقینت پسان یلقی ارون بور و چون ار خویلقه
 من او سوس بنیک ار خویلقه او یوب تور ناله دیلان کولکالبار
 یلقی دین توفور مینک زریقیت یلقی ادر نشول یلقی لانه الفان کتدی

باشه امان کلدی با سایللم با مانا با او تدرایشکه بنیک تمسب تیلماچی بود
 تیلماچی او او روس ایچنده بشس یوز کتدی کلوب ادر ار خوکوب یلقی من
 کتدی یوز کتدی پس او حد متغ ایچ ایچنده بر یرده اون بیت کتدی من او
 بر یرده او حج کتدی من او لور دی بار چه سپس یکرم کتدی او کتدی الفان مالله
 کوب بی به کتدی لار مینک مال دور نشول مالله بنیک ار تنون تایتاروب بر
 سوز مینک و زان الفان کتدی لار مینک بد پسون و نام مالله مینک بولسور
 تو نشاتما تایتار ماتلیقه غر جهست تیلار مینک و نام مالی تو نشات به کتدی
 زان لار مینک چاب به تو کلدی مینک الایز دیدس من اینجی تیب تولا
 او موارتوق مالله تایتار و لور دیب بر دین اولگی تیارال لار مینک زمانینه
 بر دین اولگی تیارال لار مینک زمانینه طاقه بولوب تورغان لار ایلان ایچدی
 پس مینک بر لان بر مینک زمانینه اوچی بد لسان یلقی بولام

قلوب پر مالینک ارتو غورے خایتا دونگز جہمت قلوب پر
 سینک کثر لارونگز به پسون و سلم مالرنگز ہوسون تا
 ماتلیق نہ جہمت قیلار ایردک مکر بو بی کما . لالینک مالرنگز ارتو غور
 پر بو مالرنگز ایاسی تاراب یا تارادسا مالرنگز الادی وینہ پر
 مالرنگز خایتا روب طاتو بولوب تور خایتر . اینت دور بیار د۲ روح سلطانہ
 اینت نینے یولدا شلار بولان آخر
 بیور نینت معلوم
 قیلار

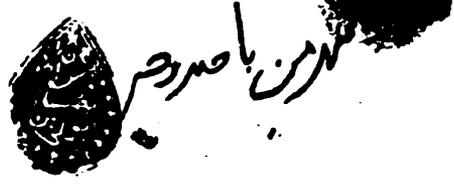
اینت
 قیلار

اور چایوزینک آبلر اس خان
 کنز ایلم لارن سدرین با صدوم

بزرگ اور رطل پور نیک آبلای خان بین پس که قزلبک یار قلعه سید
 بود فوجی عدو سپادین پنازال ما بود صورت لارینه سلام سلام بدین کوشه
 پور میرا او شهوده
 پس لامل معلوم قبلا من بزرگ پادشاه عظمی سعادت لارینه بدو لاقه در خان
 او حج پور معلوم آنچه را نیکه قلعه سیدین اولی بر لارینه بزرگ براق
 بود لارینه او لکان کردیکه بر لان خبر لاله بزرگ او حج بدین حد
 او شب و پسر پاقل قلعه سیدین بر و پس ایردگ وینه پادشاه بقصدین بزرگ
 آنجا ۱۷ اوک سالوب بر لکان ایردیه شول او لارینه قرانرا پس اولاد
 قالده شوک اوک ایکی ترانرا کر اک بر و بیار لارینه قوندوز اولاد
 قوندر خان کتی بیار رو نیکه بزدا قوندر بار کوب بود پس توت کتی بیار لکان
 از بود پس ایکی کتی بیار پون من قانینه کتی قوشب ماچر رو بیار پسر
 اسپان تا بیار و بیار و قوندوز اولاد خان کتی بیار اوینه بو پسون
 بزرگ بود لکان و نام قوندوز اولاد تورخان بالیق اوک تورخان اسپان
 بر لان کوشه آلوب کلکون اینلن مات او چون من ابلا خان کوشه لارینه قوندوز

بزرگه اورنگه بوز بنک آبدلاک خانن پسر که قزلباش پادشاه سندا بولغوه چي مينا
 مایور پسر کایر کیر لیج حضرت لاریه سلام پداه من سونک سوز من اویش
 اولدیا ازخان اردیر پادشاه حضرت لاریه نریب اولونغان اوچه بوز صده اوچون لشد
 اوچه بوز صوم او شبو قزلباش پادشاه سندن پیر و لپه ایردی که یقین بر دین
 شد و ندر جوی بند او مکان لاریت آلب بوز کا خط بهلان معلوم قلعاه پسته لاریه
 معلوم اولسون اول پسر کا پارخان من پادشاه حضرت لاریه قلعه دروب پرگاه اویس
 امیکه قزلباش او شالوب خلدی شونک اوچون بزرگه اونه پتی قزلباش سوز
 بر پستک ز باره پس پیالا بولسون پتک بولکاب اوچی پس پیالا اورنگه پس شیده بولس
 اشک اوزین تورت قاریش سویام یا پتسی اوچ قاریش تورت ایللی بولسینه بینه معلوم
 قلامن سز ایوب پسر لار اورننه امانت بر دیت پسر لار امانت بوز ابره ک آغان قد نوز
 بنک باره پین بزرگه بر پسر بزرگه یار تی پین بر پسر ادره یار تی پین الیه بزرگه اوچون
 امانت بزرگه نایا پس بزرگه بولسینه او رینه د بولسون بالیق اولایا تورخان کشی اور
 مایور پس اوچون ابردی بزرگه بالیق بند کرا کی بوق بزرگه قد نوز ادره تا سیدین تورت کشی باره
 پسر لار بولکاب ایلکی کشی باره کما پسر لار ایست پانک قاجان آنا پس مکره ایسکه ده ناپسکه
 ایسک رمانن باره کما پسر لار بزرگه کما پسر لار زحمت قلعه رمانن قاشینه کشی قد نوز بوز کما
 بزرگه لاریه ندر امانت اولایا تورخان پستقل چاقدی دیکان پستقل بزرگه قاجان
 ده الیه لاریه بزرگه اوز من پسر دین شول نریب لاریه بنک باره پین بروب
 یازگه پسر لار یازدم اوچون امانت اوچون من ابدلاک خان کند المبرلان

کورین باصرو صبر

喜望見家

筆法之妙

各如其人

不為所動

不為所動

子

۱ نکل اعظم اعظم مالک ممالک ملک مملکتین ادرن کر الله کسل و سپ منی

دیرم دیرهم دیرهم دیرهم

اعلام ادرینه در پادشاه اعظم حضرت اربیل تخت پائینه در من

بکشک شاه ادریس

بر ک قران و بلایا تین بیلب تورخوی ابلای خانن کوب یلار
بولده پس اولوخ اعظم حضرت لارینگ آلتون چر اینکر بیگ کورد
کسلی اولوخ یار لیفنگر بیگ آلتون زباینگر دین ایشوت تکلی اعظم

حضرت توینگر دین اوست تو توب تورامیز او فصت بو لنور بولغاه
دیب تخت پایلیغ بیته شورامیز مکر او فصت اعلام بولس ادر
اولوز نوزیم غ خدمت لارینگ یار اور ادریم ایسان بلنگر بیگ فرزند کور
برلان کورب بیغ یار لیفنگر بیگ آلتون ایچر بنگر دین ایشوتوب و هم مبارک
دشوت بنگر بیگ بولس بیلب بز لارا بیان ایلاپس بز نام شاد قرم بولور ادرک

پس اولوخ اعظم حضرت لارینگ حضرت توینگر که اعلام اولسون که بز لارینگ آتا انامیز
چات حاله ای سلطان مرتبه پسند ادرک بو چالدا قران و هم بار چ ادر ایرمدا بولغوی

بارم دیلیات لارینگ کورب بز لره خان لوق مرتبه سین چر دیلا
اعلام مملکتین بیلب تورخوی ابولای خان مرتبه یلا پس

سترگتو و قدرتو باویشاه ایمر طریح عظمی و بالا استقلال علمه مملکت
 اوسیه تنگ بنیم ختایتلو و مکرمتلو باویشاهم یقاترینا الکسا یونا حصر
 تلامشکر حضور هما یوزلا ویند اوسبو نامه عبودیتیم عز اولنه

تابع و غایلا ری قوخر قزاق یورطینک اورتته یوزونکر
 ابلا سسلطانکر

خوش خیر اول پنجای لاری او شلاما سا نکره آنلا و سولاد بلکچ اول یلار که تو بدایتین بارما سولار سوه اقلما بس
 و او اولارن بلدیوش قلب یور یلار اول پنجای لار حنذین وه قاجوب یر یگان کنه لار و برین سندر اور و مر کا کلا کلا
 بر لاد و و مر وه و تو حمر و پاه شاه نکر قل لار دن اور و مر وه آلوه بر و مر حکر تو تقان دین سو نکر قریل یار قلف سته آلوه
 دیل و لار بر آنلا و نکر اور و مر کنه لاری قایر لار و نکر بلکچ قایر و نکر کوب قایر و نکر آر و بار و نکر بو ییر لار کایلتور
 کانا بکونکر بر اور و مر جمید و ریب بر و مر و تو تقانده آنلا نکر نواک بولچه یا آنلا ری بولچه تمامای لارین شو نونکر
 درلا تو بدور و لار آن برک آلب کیمیا ک کرک تو نکر و سا نکر قار بار و نکر تیز جهت تو نکر و حاق کرک آن دین آنلا نکر
 قور سخی تو یار بییه کس قولون لار قون لاری تو نکر لار و صف لاری بود او لار آن دین سو نکر قور صا غی تو یار
 نکر لار کوس کتار لار تو بدو تو نکر و کلا ر تیز جهت تو نکر اول کنه یار و یار بالقم لار دن کایینا و رب لفاق
 رکن آن دین سو نکر تو تمامای کرک تو نکر و اتلف نکر الجنه سوه اغر و اق تمام کر کاج قیما نکر اغر و یار برکت قایر و و
 ایچاق ه یب تو نکر آنلا ر آرا لار و ن دین قیما غن اور لار و کور سا تو ب بر و لار برین سندر بو سوز و مر غ خوشی
 رسا نکر بر کاج و زمان صط بر لا خبر بر و نکر خوشن کور ما سا نکر وه خبرون بر و نکر تو تا دیول نکر تو تا و نکر
 قاسدا ی بول نکر تو تما سکر غ معلوم ایستب یار غمای سز اینا قاق او حوی کند اسم الیه مبرین

با پدوم

1777 г. 6 сент. в Багдаде

او غلامان و نند تو غلامان را ای که سعه کله که چوب باروس بار سپار او غلامان و نند
 باجه است او سفینه او نقد است او پیشش نند چول یا غنذا اول نور او و او ایوشی عمل و نند
 با او قبلش قره اقلان و نند با او قند بالچه و پس و بین لا هه تپا نکر او باروق بالچه
 و سنان هه بین لا هه تپا نکر او این قوه جوق و نند نکر بالچه تو تپا نکر او این هه
 و لی نند بر بالچه تو تپا نکر شو لرون باوی جفعل التی کنه تو تپا نکر او نند
 بزیا هه شاه قل لار قوه لور نکر غم قیلار قوم قلم کنتنر تور بسنه ایوب بیرون نکر و بیاره
 کنه بیروب تو تدور بیون شعل باله نکر لار نکر برله بر کوب مشول بیرو او جقوب الشواتی
 آتیه برله بیوی ایوب تو تپا نکر او لورینه معلوم قیلیم من ازل باشی و لیکن قلمه او نند
 بر باله نند پشیم منه مورغان آتیه ایدر قزل آن لایکن شعل آت تور او و او ایوشی ایخان نند
 او اینجرا وقت کرای سلطان پسر کا معلوم قیلغان ایمر کن شعل مذکور آتیه بز کا آتیه بیرو
 بیرون نکر بو نند ایلی ایوب بیرون نکر او تپا نکر بز بو نند بیروب بیرون نکر مینه معلوم او
 سغه کار تا کشته کلا ر حقتدا بز کا بیرون ایوب پسر لار او ک پسر لار نکر نکر معاشی م
 ایوب بلوک او و پورت نکر او پسر نکر جای بیرون پسر لار بلور پسر لار بز نکر چول طرف نند
 قراق تا کشته کلا ر نکر جای بز لار بلور مین او دم ظلم لوق قیلیم ایچین جای م
 تو نکر بز من او کشته لار مینه قوشوب بیرون نکر نفسه قاشوب جای م و بیرون نکر
 من او مین او کایرون یل بیرون نکر آتیک او چوخ بوندن بیرون نکر مین نکر لک
 قیلیم ایتمی من قراق سغه ایوب منک قولوم ده و بیرون نکر تا کشته کلا ر سغه ایوب
 ابحار سغه ایوب منک قولوم نند او و قزل یار قلعه پس قویب او او بی قلعه پس قویب
 او کایری قلعه لار من سغه او قیلور پام پسر لار یخشه که و رو مونسینه اول یاه شاه
 حله نند او نند معلوم قیلیم اول نند سکر قلعه پس بیرون نکر او نند قزل یار قلعه پس
 بیرون نکر او نند تکلم مین سغه او قیلور بیرون نکر او سغه او سغه او سغه او سغه او
 با این هم قایتوندا موندن قایتوندا یکدم اول بو پسر لار نکر چه این کچه کدر مین
 قیرم بیرون نکر لار اینان نکر او چوخ کدر الم ایله معر منی با پس هم
 قهر معر با سغانه او لور بر نخته تو شکسته ایکنی سغه بلور و بلور سغان نند او غلامان

با پس

ق لور معر سغان

بزرگ ابلی جانن پسر کم سو متلفش ینارال دهم کو آیر انطون قانلیجکم بسد کیم
 سه سنگ پوزم او شیبور وور پسر کا معلوم قیلیم ما یغده بر ایغاق کاکا شفا کین
 بار ایکن شورا اور نندانی آیر معانی سزلا پسر ۵۰ او تنمق آنک او ۴۴ اول نبریز شین
 قراقلا برله اور پسرلا ننگر او آسندو یحشیه توغز له ق برله توور وور ایکن ماچ بر فرار
 اینا نفاق او چور کند الم ایله مع منی باسدر و

დაბლი რატანა უროი მერხენა პრობუნი
 ნადაშედა სახოგინეი თუფენა ურეადო ურეხინე
 14x50; 10x50; 44 924 11x50 3!

کوهیه

بس که قزاق ننگ خان ابدی خاندین هر که حستانش عنبرل بار و تجمک
 هم کفایر باقی مانده و قزاق سپاه گدس نظر عنبرل بار و تجمک هم کفایر
 ایقان اندر بیچ ننگ اورننده و در غوجی دم و دروب هر سر باوشا هلق
 اشلسان توغز لوق بر آوا قیلغوجی هر اطرافغی و بینه سپاه
 سز لاریون بیرومشن سپاه تلوک حبارک حفتنگری یدوق قدر
 فوقی پانچ سپاه تلوک کنگری بلوک سز لاریونک سپاه تلوک حفتنگری
 یارخان ننگری بیک رافی بولدوق و بینه سپاه تلوک حفتنگری یازغان
 ایرکن سین اورنگ ننگ اطرافنگری بیرومشن ایله ننگری بشقورت
 قزاق فعل آرتندین بیرومشن سز ننگ حاتمیز یازغان ایرورک
 باوشاه حفتنگری تحت پای لاریونک یز لاریونک سپاه تلوک
 سز اولدو سز ننگ بیس لک ویب ایرورک آغا جقب یازغان ایرکن سز
 کوهی ننگری باوشاه قاتند ویب سز کوهی ننگری معلوم قیلوب مشرت
 قیلوب جوبین تدقیقاتی اینجه بیرومشن ویب سز آغا بیک رافی بولدوق
 ایجدی سز کلتیز زغان جوبین بیس لاریونک سز لاریونک شول جقب ننگری
 کوهی ننگری و درامن و بینه عرفین حال بدورک سز ننگری باوشاه

حضرتلارینه باش سپلب آلتون ایتکن او شلاب تورغغنیغ قرق آلتی
 یلدور تورلار من اول بولوب قورلار من قول بولوب ایمنون کیلگن
 خدمت لار من بربن تورغغنیغ و بقیه منون داپاوشمان حضرتلارینه
 آلتون کیلگن خدمت لار من ی قیلماقدنیتیمز و بیج ییمانلوق قیلوردا
 نیتیمز یوقدور اما بر آن یلدرین بیر و پادشاه حضرتلار خدیگ مبارک یزلا
 رون کوراق من دم ایلمیزدا و توایدور بلیمیزه معناوان ایرکن آلام اوغلا
 غافل دور آلام گناهیمز لور اگر سز این خانلورک اوتکن بولیم سز کاظم
 قیلورکنیز من معلوم قیلورکنیز یورتلار منک اوز مننک باش سپالغان
 پادشاه لارینز ایلمیز پیک بار دور دم سپانچ پلاننت کیلم و در خود چنگ
 بولیم دم قیزل باش یورتنه بولیم و دم غیری یورتلار من بولیم
 تو قالمایدور اوز مننک باش سپالغان پادشاه مننیم بر آن یلدرین
 ایلمیز و توایدور بلیمیزه معناوان اما غیری باشق یورتلار این اولانز دم
 خود گناهیمز وینه منموم قیلگن سز مننک قزاق لار و پادشاه من قزاق
 قیلغان دم او پیمان لوق قیلغان دم پادشاه حضرتلار منک اور پس قولارون
 بیسیر قیب سیر کورچ لار و ور پس لوزی سز منک بر قابق شهر منز یوق شوندر
 سز مننک سز مننک تیز زمان قولور مننیم تو شتایدور یو سز مننک تو شتیرین سز مننک
 او پس یورتنه اوغزلوق قیلیم سز مننک تو مننک مننیم قاچوب کیت و در دم

سپر سدر دودیز لاین اوی لوی میله هیزنگ دوی سیزده بیلد بددور حی
 دور دور لار سپر لایه آنی بلکی سپر لار شوندی اونی قز قللا بددور حی
 قلله قلله لار ونگز آرابا بیری بوز ایرمش بزار آنک مقین تحقیق
 بلدوق تور چکی قلله سنگ توشندا هم باغلان قلله سنگ توشندا هم
 قزق بوی دوق توشلار وندم قلله لاری آرابا بیری بوز ایرمش بزار
 اوزنگز کشلار بیری سنگ مننگ اوز قزق یروندین جبر توشوب قاجدر
 شونک اوچون سپر نه معلوم قیلیم ایجوری اوزنگزنگز قزقان نامرنگز
 برلین بیور عاری سپر لار تور چکی قلله پندم بدوغوجی توشلار کاوم باغلان
 قلله سنگ توشلار شول اونی قز قللا رومین اوشلاب بیله باقول قلله پند
 بیری سنگلار اکثر تانیم لار بوزوین کتج کیرک بدیه تانور وای کتج لار بیری
 بیور ونگز اگر مننگ اول اونی قز قللا رومین اوشلاب اول توشلار بوز
 سپر و توشلار بوز فلام قیلیم اننگز انشالری بوزنگز ایپا نلوکنر دوشلار
 توشلار سپر یوقا بیدی مننگ کور اونی قز قللا رومین اسپم لار نه قیماق
 اوز قزنگز طوری ایفورنگز منورمته بیوکی ننگ اینج لاری هم اوغل لاری اوما
 دبای ویکن لار دم شولوق قیماق اوز قزنگز طوری ایفورنگز قلچنا قی
 ویکن لار وینه شولوق قیماق اوز قزنگز تانم بونم یولدای توکنک ننگ بارلار
 بیک بیروملار آنجی ننگ ویکن لار وینه قیماق اوز قزنگز یوقا بیدی مننگ کور قزقا
 روندین اوشلاب بیله باقول قلله پندم بیری لار باوشناه ننگ یوقا بیدی مننگ

ایشلار ننگر بارون تمام قیلب بیر لوقا اگر بیز ننگر بو پوز لار و مزین
 قیبل قیلمی پانگنر پونگنر کن بیز لار وین قنق اچننگر شوندا ای کشلار وین
 تمام قیلب بیر و یکل پوز لار پاوشا لوقا کشلار وین اینا نفاق کند لم

ایلم هر روز با پیروم :
 Писемнаго числа 1878 года 20 июля

سکونیتہ کا نثر

فے الجملہ شکر کتبہ و قدر تلو اروع با و نشاہ ایہرا طبع عظمیٰ کا تریبا اللہ ہی بقنا
اودنی تو توفیق ہر دور کل رو کسیتہ نیک حکمدار س . نیرا ہر فیروز ہم . غیر ہم
صفت تلو

تاج برعائیر کز قزغ قضا فیرتہ نیک ابرای کلا نذیر . تقویٰ انک
ایمان عرفی تاجہ دور

سوز میں ہوں تورا سلاکلا رز او غول بولوا لی . بعد ہم تیرا رز
قول بولوا فرق الہ یلدر ہم ہمیشہ وہ سوز نیک و دلگاہ عالیہ ہم کز وہ
خدمت کار بولوا . و بعد ہر بیان و مشتاق کو نکلور کز اور نشانہ
ایرو مشر رحمت عالیہ ہر نیک . ہر ایلوب جملہ نیکاناج قزغ قزغ خلق
ایلم ہج ہر طر بخداں زبان و فزاد کسز نور ساقند . و بعد ایلم کسز ہر جملو
پالا مشا ہر حقیقتی نیک و ہر وقت قبول دینہ اور مدینا گتہ بیرو پ یور
شرمگاز نیک ادر الہ یلدر ہر نیک بو عرفی نامہ ایلم او غلور نیک ایہر خوشدور
سوز نیک و دلگاہ عالیہ ہر نیک گاسب بودن بلند جملو اور بنیورخ نیک گویا نیک
خیراں بار و چھیک نفع بنوع کوا ایرو ایوان اندر بیچ دینا کہ وہ پاشا کفران
نامہ نیک مو جینہ شوق اور بنیورخ نیک گویا نیک نیک اشیاں الاقلنوی
خیراں مانفورڈ وین نیک سب او دسز ہر جملو پالا مشا ہر نیک عالیہ
ہر قبول دینہ و اہیل او ما قلو قنہ عرفی نامہ ایلم اول رو غلور نیک نیک ایہر
بولور

و بعد تقویر اتلک ایله ۵۰۰ نفر فامه مزله مقدمه ندر ایچون اعلیٰ در گشتن گناه نامی خوشتره
 بیرون ۱۱۰۰ نفر فرزندان ۴۰۰۰ نفر کچی بیج ولی سلطان ۱۹۰۰ نفر و هم چنگیز سلطان
 و هم سلطان ندرین کچوک توخیم سلطان ۵۰۰ نفر اولیون اولیون یخسته گشته لایم ایله
 خوشتره و بوجه بوتار بیه فی مذکور ۱۱۰۰ نفر فرزندان ایله یخسته گشته بیج
 رحیم پادشاهن سوزنیک قرغ قزاق قوللر نیکه یوز شنگ آرا گندانی
 بولغولدی و اؤتم او درینه سر شنگ ایینه حد متنگر ۱۵۰۰۰ نفر بیگنجان ایله
 و بعد عرق حالده نامه ایله بیان و بیان ایله معلوم اولور و کلاه عالیله
 ۱۰۰۰ نفر و ۵۰۰ نفر شنگه تقویر اتلک ایله ابوالنجی خان و هم ابوالمحمد
 خان آنلار وفات اولدیله اول خانلار بیلر بیز نیکه اولوغ بابا اولور بیز و
 اول خانلار بیز و دنیا حالندار سفر خاقانلار دور و بعد نوبت بیز
 نیکدی اول خانلار دین سوندا اولور قزاق قزاق نیکه بیز و ۱۱۰۰ نفر
 و هم اولور ایله و هم کچی بیز نیکه باره کیتیکه خان سلطانلار نیکه جی کیتیکه
 اشغاتی ایله و هم تا شنگند شهر کیتیکه اولوغ و کچوک کیتیکه اشغاتی ایله و هم کیتیکه
 اولیون شکر اولوغ و کچوک لار نیکه اشغاتی ایله باری بیز بولوب کیتیکه اول
 ییتنده بولوب بیز نیکه بیز دین مسلمان اولیون کیتیکه اولیون کیتیکه اول
 بیسوی صورت سلطان شنگه قبری قاشنده اولور بیز نیکه قاشیون
 اولور ان چ قزاق قزاق شنگه خاقان ایله بیز بیز و خانلار قزاق کونار
 ۱۷۷۱ ایله اگر چند بیکه اول خانلق بیز ایله اولور کیتیکه
 اولور کیتیکه بیز
 مبارک اللرم بیز
 شایسته ندر در ایچون ایشا سر شنگه فریانا هما یونلر بیز بیز بیز بیز
 بیز بیز بیز بیز بیز بیز بیز بیز بیز بیز بیز بیز بیز بیز بیز بیز

سر تیکه فرما جا لیتے تکریم خیری موافقت ایقدا میرا کسی
 بلکہ امیدہ اور کہ اعلام مرتکز و بین اول خانقہ اسم شایبہ منورہ یو
 وینہ تقیر اتکہ ایلم معلوم قیلہ تا سر مرحتوب با و شایبہ تیکہ و روزت
 قبول و تکریمہ بزرگ وینہ نہ زمان ایلاہ قلیباق بزرگ فرزانہ از ۵۰
 بار و بوبہ شول وقتہ توقفاذ یوک بہ ایدر افرافزہ انی کوہرنا و کز
 بونفوی کوہرنا کفر و دہم خیری قلو بیلہ کوچ اولوغ توران و قوران منع
 قلمکسا اور ایروی شو تیکہ حقنہ اعلام مرتکز و بین ایلمتہ از ۵۰ مبارک
 اللہ تکریمہ اتنوں مہر و کز بیور ایبر اعلانی ۱۲ روزت قبول کز کا ایرسال
 ایبر مشورہ ندلم ایلم و ہم بزرگ افرافزہ ۱۲ بولفوی کوہرنا طراخہ ہم
 خیری اور علما تکریمہ عالیہ مرتکز و بین فرماں دہا یو کز وینہ ایلمتہ
 و در کو با و مانندیہ بیرو بینہ توران خیم سر حدنا بولفوی قلو رکہ کا یغین
 تورانز شول بزرگ افرافزہ ۱۲ بولفوی کوہرنا کفر و دہم توران و برون
 ہج بر نزاع کسا کمالو تورانز اٹا آنداق بولہ و فرماں ہا یونلر کز با
 بیور زلسہ ایروی ارانز ۱۲ انی کچوک شکر و ہ عدالت لک ایلاہ کز تکریمہ
 وینہ مرحتوب باہ شایبہ معلوم اور حق تکریمہ وینہ ایلمتہ ایلم او توش
 اور مرتیکہ قورق قزاق تیکہ آرا کسندہ بخش قارت بہ بخش تیغ تشاکار
 جمع بونفام زمانہ شو ندان فامعقول لا ریتکہ ہماں فرہم و منع
 قلماق ایچون روسیہ مملکتہ زبان کاران طیار ایچا تیغ قدری
 بیور زلسہ ایبر بزرگ کزک زمانہ سور اساق بیور لگا اور تکریمہ کز حد
 عسکر و کز وینہ بزرگ کزک قدری بیور و و عہ ایلم بزرگ افرافزہ بولفوی
 قلو بیلہ کوچ کا نڈا تکریمہ کز کا اولوغ اور تکریمہ و ہم سنو تکریمہ مرتکز
 زمانہ ہا یو تکریمہ وینہ مبارک اللہ تکریمہ وینہ بولہ اتنوں مہر

امید تو نواله و در جمع نامعقول تینتکرتیک طیب و لافه سبب لا لود اید
 و بعد از او شیوه عزیزی نامه ایله کورندوریم عالیته و روزت قیوم کورنه
 فرزندلیم تو غم سلطانه و هم بخش گشته و در مدینه ایچ سطر شینه
 بالان لاری و ات به او در قیام به او در اوغ و هم تو اول به او در
 مینکلیبای اوغ و هم بخش گشته و دریم نیکه بالان لاری اول قاضی بیکی اوغ
 و هم او کبیلدر عبود الجلیل اوغ و هم قانگت هانتب اندر اوغ

اینا مقربوت کندی الم ایلیم و هم با سیدیم
 (Cursive signature and text)

عزت لایق و جسرت موافق اعلان مریبا و اولکان حضرت متاثر
 اوون بورو نکل کو برناظر لایق ایشین آدا قیلغو هر یارال پارو بیلگی
 کو ایز منصرف حضرت لایق بیلدی نهایی سلام لار و اصل
 اولیة دور بیز کوزاق یور تین بیلدی توغری جی ایلار، خان زندین

و بعلله سور بولمیه

بیز لارینگر مکتوبنگر کا ^{بطلان} پیر خاؤ تبرهما بنگر بکچو را ادغلی آرخل بیلگا
 دور سبت مهر ایله و اجیل اولندن، ممدد سئلوق طریقیس ایلی یازغان بنگر غ
 بیز نام خوش اولدوم وینه یوچه ^{حاله} حضرت اول بنگر معلوم قیلان من بیز بیلگی
 او یون جان تار طب من بیلدی اولک مکتوب منج ^{حاله} کاهلو جملو اولدو
 بولکونکو برناظر لایق و اجیل قیلدی اول کو برناظر حضرت لایق اول اولوغ
 درگاه معلوم قیلدی کور و هوا این بیز ایازوب بیز جههد جهت قیلدی بیلگا
 ایلی کو ندروب بیز بیلدی او یون کو برناظر لایق بیلدی کا اول ^{حاله} را ضی اولیون
 نمیبند بچستو بنگر کا بیز کو بولدی کو برناظر من وینه یوچه حضرت اول بنگر کا
 معلوم قیلان اول تلکان منکدرستی بودر ایشین بیز بیلدی او ^{حاله} لاجر بولوب
 تاشر مندی تو اول اوستان جی سلیمان اولایت لایق خان ایسم رکان لاریل
 اما ابو لیس دیادش امام عظیم حضرت لایق من ثابت اولونمخان ارهه کور
 کلوه نامو موافق ایلمدی ^{ایرون} من بیلدی او شسو خان تقیر جغتو ایندیادش عظیم حضرت لایق

اولوخ دکاهنه موافقت برلان بیان قیلور دیلوب پسر لاریون کوبدینه کوس

اومت قدته میر الیم بولور پسر عیبه ن محبت جلیک قیلا بولغان دیسب
ویلنه او شوجومت ایله اولوخ توغوم سلطان نین کیشی لاریون لواتتلا

برلان ایسپر شینه لایم دور پیاردم خضر شریف لاریون کابا بولور ییلاچ

تہ سات ما اوت لاز بنگر ایسک ویلنه جوی بر امن لایطغان دودنه چقند اول
دودن اولدان بوتق بزیکن خا طریمز دا باریدن اما لکین اول دودن برکوب قیغز

نیکن اخیو یاغند دور اینک جهر شند بولان من اگر دلا قیلا قولور بر پسر تار شنه رمانینه
قیلا سما ایکن چقند اولوخ یوز بنگر تور ایس دیلوب تورغان منی نیکن بر اولو هر جا دیلا

۱۷۱۱

دیو کایطغان چقند اکتا تار شنه رمان من اشاء الله انک چقند اهرمت قیلا ایسز

ویلنه دوتنه من اولدی بولوب سلطان لایطغان پرخانه تر جان بنگر بکچور اولوخ فرزندیم

توغوم سلطان برلان پادشاه غنلی حضرت لاریون اولوخ درگاهینه بولداش

بولوب برکابریک ایردیس اوسد تو تان من ایشنه منبر سز لایینه معلوم قیلا من

تور کمان لاریون چقند اولوق اول قالمات تور کمان لاریون چقندانه چالدا برکاب

پسر نیکن طرفدان خا کمان او شوجومت تار سب چقند لاریون ابرین اولتور سب

قرخان توینن او کج قیلا کز دیلان ایردیلا راول میر برلان بدرت اچوسه

کتدیلا اول قالمات تور کمان لاریون قیلا قیلا بنگر ایسک فیریا تغان کوش لاریون

سیر آری چیلوق

اولتور سب کوب ماللرین اولسج قیلوب کتدیلا روم پسر لاریون دودنه

پیاردیم اور فرزندیم توغوم سلطانن ویلنه دست بهاتور یی و منم تو کمل

بهاتورن ویلنه اولدی بول اولتور سب برلان او شوجومت کوش لاریون قیلا اولدیکن

یخین لاریون بنگر بالور دور هر زمان فرزندیم تر سبته لاب بسا قیلا تورغان

کشتی لارودنی قوشوب پیاد ملکانه نیه یلدین پیرو اوجت سدر ساطره
 یلدی بیونکر ویب رحیم باویشامفر بیورک ویب ماچده یول پیوادیلار بوکو
 نکه پیلاره مزینه معنایان ایرکسون و بعد بنم عنیم رحیم باویشامفر بیورک
 یوقلو قغلا دم ایلا لادم با زغان یوق اون آغلی یلدور ایچ لدر شکر حق سبحان
 و تعالی حورتنه مقبول اولدس

لا انکر علی حورتنکر نکر اجنتها و لرونکر له سبب اولدس
 وینه عالی حورتلار نکر. ولن ایلتا سحر بودرک یوقاری نکی مذکور حال لار ایله رحیم
 باویشامفر عیان بیان قلب بیز نکر اونه خاطر ایسمه اثباتلور و ملک
 اجنتها وین کوردور ویب اینانین انی اله تعالی آندره بولدور و حقنر نمانه اولن
 لیک و مستقلق نشاکن ایله هم فرزندم تقیم سلطانه و اوم و قنایم
 یه قاشنه بیوت ایکل شیشینه لار اوم ایله و او قنایم و اوم هم تذکر خطبار
 اولنر حاشیه بیک افکنر ارمو کیلدر عبده لیلید افکنر تانکک صائب آدی افکنر
 بعده شول بیوش فرزندم ایله کشتی لار اوم و او تنی لار ایچرین عالی حورتنر وین
 رحیم باویشامفر نیه بیوت قعه اوزرنده کور ساتوز و بو
 وید مدح یکنک کاپیتان بیروفاق هم شرجا کن بیکره اوزنک کبلیب بیکر بیوت قعه
 اقاتون ایله سلام علی نکر و طابش و ویلر شول مذکور بیوش کشتی لار نکر کا
 بیکر اونی بولدورق

بعده موده اولدغ اوقلوم وکی سلطان و هم چنکر نر سلطان و هم عمر سلمان و بکن
 اوقلار اوم رحیم باویشامفر بیکر بیوش کور قوغده قنایم نکر بیوت نکر
 و پسندنی رحیم باویشامفر نکر خدمت لار نکر آلدارین کچو اوقلوم قوغم
 سلف شنج پیروم قاشنه نیه بیوت یولد شامفر شول مذکور کشتی لار اوم

تابش دروب بیروم یوقاریدنی مدکور کا ایطان بروخاقو وهم ترجهانگزیکیو ونلا
 بیطریده حق باروب قایتانچ برکایروب قایتارونی بشوروم سا وتنون غای حفر
 نکران ور یغ بیورملیوب آنده بولدوقلرنده مرختلنکران نکلدهغای سشدنکاپید
 بروخاقوندهم ترنکران بیکیو اولکر بنم حفره کوب مشتقیق ترنخاقوری و چون باو
 شانکر علفی حفر تکرانین مر تبارو زیاه کندورکلرکنه اندارنگ حفرده رجم نکر وین

ویننه معلوم اولد اعلیم حفر تکران مرحت نکر ور یغ بیورملیوب اولد و توغکلیم حفر
 حال بودی قای سیدور کم ورننگ مرحدت غایر کن وین بیرون رجیم باو شاه ننگ وکا
 قدیم درنبروح کوبیر ننگ سالت هر قیندی بودی بیشتر ننگ لکشر سینگ مولود
 منسکو ونلی کی ننگ بیورملیوب ننگ حفره رجم باو شاه خدمتته پیر
 ملاپورده عثمان اوقا^{۱۷۱۶} پلده بزنگ تلو مرننگ موجنیج بزنگ حفره رجم
 رجیم باو شاه ننگ خدمتته وهم بزنگ حفره رجم شنگ رسلقی و توغ لوقه برله عیلب
 تدر وور شوننگ او چون رجیم باو شاه رجم و نغ نیار کوبیر نکرانی بیکر
 رقی بولعب نور مرننگ حفره رجم باو شاه خدمتته شندی پورتن
 کامل علقون کشتن پیر کونکر و بغه رجیم باو شاه ننگ اوکلای قوتنیج بولنب
 ایدی سبز لارنگ رجیم فرانسها ایوانگزیوین شود و توغ سق و رستلق بر حد
 مت قیلقوی سید پورده عوفان اولکنه عسقا بار بخش نکره وهم هر قینتته برلن
 ارن بیلنه هم قای سیدور کم ورننگ ننگ فرلقن هما یونکره و عده قملفان کر
 شوین بیله هم بیورلپ ایدر رجیم نکر وین اکثر بیورلپ بولسه اعلانه مرحت
 نکر وین اوکاز قوتنیج بیورلپ ایدر قای سیدور کم بزنگ قوی مزده
 بولغوی قیقین بیطریاقیل کیر لارندین بیورلورنه وهم بیورلپ ایدی و نکر
 لارنگ رجم نکر وین شدر توغش بولغوی کانداده لارنی بیورلورنه وهم بزنگ
 موده حویکاز ساقو ایدر شول پیر ملا پورده عثمان اوقا

شادین آسودن و بشتنک حقیقه
 جقاب سدیمن او بنور معین باروب بیروب آردن پیکر کوب مستقت
 لار دور موندیم و ایم با شاه خدمت کنگر بود لار وینه مقلع اولم رحمت
 نکر کاسنو بزننگر عطر درین کایلکاندین برو دیار کاشن بیر لکن یوقدور
 بو کونکچ بزکابوننگ جو این کیچو کردرمی یادغای لار

ینا فاق و چون کند ایلیم سردم بیستدین
 درین کایلکاندین برو دیار کاشن بیر لکن یوقدور
 بو کونکچ بزکابوننگ جو این کیچو کردرمی یادغای لار

امانت بپیر دور وید اینانوب تور اریغ ایچیش بوله اریزوس
 خوتنگ اوکون بزکا اوکار بپیرونکر. اگر اسزوی اوغلاروی
 اوکار بولا کونکله مز بزل اینانوز بولا یور شومان قیلیم.
 بپیر مایدور بولغای وید اقا بزنگ کونکله مزوی اول شو مان همونانکر.
 مبارک حل مهرونکر. ایل اوکارنگ بزمین آیا مانکر.
 اینانماق اوکون کندالم ایل مهروم با اسور
 1778 22:1678 2048 6abai ca-mana

بزرگواران الا کپسای میرزا غم شمت هم سلام بزرگواران
 ایلو صوم نیک بولین برینکیز بکر صومعه قزلیک الا کول برینکیز
 اون صومعه یا شیل قو لفی چیکمان برینکیز اون صومعه صالوا
 قزلیک برینکیز اون صومعه متاع برینکیز بولغاد غم خیار
 یار دیرک با د شاه لوقدان الیورخان اوچ پوز فانتی پدرا
 الا کپسای میرزا غم برینکیز دیب بزرگان کراک بویو صومعه
 ادر دیر دیب الیتمه وق بیزد اخی بولغاد غم یاریب خبرین
 بکنیز یار دیرک تا نلف الیم بتی اغز پوزین ایتا بزرگ
 او شبولشی لادان قویهای ایتقان بویو صومعه بکنیز
 یار بکنیز و نایاق او چون کتولیم ایل او ز مهر منی باستم

ایماننامه اوکیون کندالم ایلام بایرام

به اول خاندان سز که علی کاظم علی حامد بلنده استند اور بنورخ نکر گوهر قاطره
 ارال باره تنجید منوع بنوع کفر الیری اوچان اندر ایچ رخن سپردوب عزتله و عورتله
 بهستم حمزه قلزمه سپلامه و بعد کلام اعلام اسپوننگ علی حمزه قلزم نکر و نایز سال
 به لش مکتوب نکر کا بیطان ما برین آرقله بر کا و در است مهوری ایله بیله شدی ماه شعبان
 تنگ ما یومنده آما و و استلوق یورندن جان قارطب سپله متلوق مکتوب نکر کا و هم سبب
 بهلوب جمیل با و شاه حمزه قلزمه و من نامور ایله او قلزمه توق اسپلان بیله اوله اشارای ایله
 ایسند و کا نکر کا کو برین کو بیگ راجن بودوق و هم قرق اسپلان نکر یورده اشارای بر کلا متله کنه
 یازغان نکر ۵ بیگ راجن بودوق وینه کیسلان و وون توره عقنده یازغان نکر ایسند جمیل
 با و شاه نکر حمزه قلزمه نکر او استنده جان تن ایله لاکین علی حمزه نکر معلوم ایوب
 چه با یازغان کیسلان و وون عقنده علی حمزه نکر و نایز سال ایرو لش مکتوب نکر ۵
 اور نکر کا معلوم نکر بر او غلام عدل اسپلان اولوغ یورده و یکن قر اقم ایچنده تورا کلا
 او استنده شول عدل اسپلانغا خط مبر ایله کشیج بیر کن ایرو کی و وون توره عقنده
 قرغون آلوب بیر کن ویه امید شول بیر کن کشیج کلا عدل اسپلان ندری خط مبر ایله
 اول ملک بندر بزرگامو قیلوب یازغان اول جمیل با و شاه نکر باش تارتدی بزرگامو عقنده
 قیلوب یا قوبولدی ویه وینه قرغون نکر حصار و یکن اسپلانغنه باش بولوب و یب معلوم
 قیلوبی اون و وون توره بیگ کوب مال بیروب اسپرغان نکر بیر کن و هم ایکنج مرتبه
 ایز کن و هم او قاق کشیج بیر کن اسپرغان بیر کن و هم او چه نیمی تبه آلوده کوب کشیج کمانده
 بیر کن بیر کن شول قرغون نکر حصار و یکن اسپلانغنه باش بولوب یا قورال لاری بر جمع
 بولوب قرشلق قیلوب کوب او شش صد غنشی حال (۱۱) بولغان اسپر بولوب نکر ما یچ بر علاج
 تابماره ویه معلوم قیلوب یازغان یا قوبولدی ویه وینه علی حمزه نکر کا معلوم اوله
 اسپر نکر او اسپر یورده ندر تادی توره نکر اسپر کارالم شیداقه بکن مکتوب مال لارن
 قلاب الویده و او شول حصار و یکن باش بولوب نالغان وینه بو توغری بیان قیری تورغان

۱۷۲۱ ایروی کارشکاه و لایتنه نکر کارخان و هم یکتا و لایتنه نکر کارخان
 بزکاکیله توخان ایروی بز سیره توخان ایروک سز نکر اوک سز برتنه
 رحیمیل باو شاهنذر قای یقین قلو لارنه ششول فر فر نکر بیمانده قندان
 طریندی بوزمانده آیمدی عالا حضرت نکر معلوم قیله من اول فرغلا
 یا فر بولدی مودون توهم یا قلو ق بره آکا سهاقی ممکن بولایدور
 خدای خایله اوزم آتلا نمنی اوزم کاتبه کوبنکمانده قیل بره رحیمیل باو شاه
 خدمت وینه سز اولوغ مرکتده عالا حضرت نکر معلوم قیلوب سز اولوغ
 رحیمیل باو شاهنذر اوکادی قوت سز نکر رحیم نکر جون بزکاکیله کیشی کاند
 اوکادی سز لارندن بیرو لایتنه ایروی آنکر اوکادی بیرو کیشی من نکر
 نیتیم ششول فرغلا لارنه باش سز اولوغ بیخش باش کیشی لارنه سز نکر
 قلو نکر آمانت لارنه آکوب بیرو کای آکوب کیشی قیلوب رحیمیل
 باو شاهنذر فرمانونه بیکن لارنکر مال لارن حان نفا سله و غیر بلکی خراج
 آکوب بیرو اوزم بز سز بز تجر به قیلوب باغونکر خدای بیرو
 ششول من نکر سوزخان نکر کیشی کمانده سز اولوغ و هم من نکر
 بو عرض نامه لارمنی رحیمیل باو شاهنذر اعلام قیلونکر
 وینه عالا حضرت نکر معلوم اول قای کیدور اوزنکر نکر عالا رحمت نکر جون بیرو لایتنه
 قوت سز بز نکر خدمت اوزم باو شاه خدمت ششول سز اولوغ عثمان اوکادی
 ششول نکر خدمت سز اولوغ او ششول یا زخان ایروی رحمت نکر کیشی کای یار لو کاش خدمت
 ششول سز اولوغ سز اولوغ نکر جو اب کیدور بو کیشی کیشی کیشی کیشی کیشی کیشی
 او ششول خط نکر چه اب کیشی کیشی کیشی کیشی کیشی کیشی کیشی کیشی
 اینضا سز اولوغ کندر الم ایلد سز اولوغ سز اولوغ

قرقچن لار و هم کوب سماں حد دینه لارن آغا لار رحیمی با د شامنه باغی بولما پیسه نه اوچون حاله تکی
 لار اول بو لاوقه لوقه حال لار قیلمغا لار و اما لاکین حاتون و باله لارن آغا لار آنک اوچون اول
 وکتر کن معاویه اور حاتون بله لارن نه قیلمدن نه کیم لار اور لار نه تار لوقه بولوب و بعد
 هم کارغی مذکور بو لوقه حال لار قیلموب عامی و باغی بولوب حاله تکی لار حوض غریب بارغان

تمام لارنده یا یوقی پشترندن اوچ کس کدیرده نلای بیویغان قره کولک باغانده
 لارند لارنگک ایر قلی ~~...~~ بارغانفون بلب قالماق لار تورو دو خانلار
 ایرن خاتنه نندن آیر ~~...~~ نالارندن آیرغانلار و بعلده جیسیم تیر و یکین
 بیستونک باشنده موغلی ~~...~~ قمرغز قزاق تیرنده یوقا دیراغی
 مکرور ترکن لارنگک خاتنه ~~...~~ جمع قیلب خاص باغی قالماق لار اولار
 قویغانلار و بعلده مشول ~~...~~ اولوغ فر ~~...~~ ولی پیدلانغا اور فرج اولار کویور
 ناطرندن اوکار دکیلو بدور فر ~~...~~ اولوغ قالماق ترکن لارنگک اولار کاتابع
 قمرغز قزاق طر بارلق قیلوب پیولوب چا بو نکر جایی آلونکر ایر لارن قمرنگو ۱۶۹
 خاتون باله لار اسپیر قیلونکر دیککی اکان بمر لار قمرغز قزاق پیولوب بارغانلار چا باراغ
 و بعلده اول زمانده بز لار ایو ده یه قلمیر دوک تا مشکنت و تر کپستان دیکن بر لاره
 اور دوز کاتابع اول لار مزین تیکشور ب تیری ایر مرگک و بعلده اولوغ فرزندم ولی کله
 نندن بز کا خیر بارهی هم بز اول طرفدین آشدوب کیلدکن فرزندم ولی سلطانغا قوتلوق
 مشول اور نلار هم قمرغز قزاق ننگ اولوغ یوز هم اور تا یوز و هم کیم یوز پیولوب فر ~~...~~
 و باغی اولن قالمای ترکن لار بمر لار بیک اولوغ ~~...~~ قیلدوق و هم بر باره دال و هم خاتنه باله
 لارن اولی قیلدیلار و هم قاجقانلار قوتلدیلار و هم بر باره لارن قمر و یلار و بعلده قمرغز
 قزاق ننگ اولوغ یوز ننگ و هم اور تا یوز ننگ و هم کیم یوز ننگ بلای تولا دورن آلوب
 کیتکن لار مشول مکرور قالماق ترکن لار ~~...~~ و بعلده مکرور ترکن لار من بز ~~...~~ جماعتی بوسیوب
 آلمان ایر ~~...~~ قزاق لارنگک آقا قلار یسه بو خانلار اوروپ آدوق و بعلده مشول ترکن لار
 و جیل باوشاه ننگ پسر محمد لارنده بولغوی بیطر یا قول مکی کس بیسج سولار ن باره یلار
 خاتون بلالادی ایلم بیکستان اوچ جان ویتنا مشول یوقا دیراغی مکرور دود لار و چا
 دله باش بولوب چایغان مشورت کفیه ~~...~~ لاری قوتلای ملاء مکی ایکلی کویور
 مشول سکستان اوچ چای ننگ ~~...~~ قالماق لار قانغان ایکس قمرغز قزاق الجند

وبعده اکنون ثانیاً تو من شو کار می فیور و بیخه نند وینس یاروفی قزاقوف مالی
 حقدند جواب یازمن رحیمیل باو شاه نند پس خط لارنده بولغورین ~~پیر قلعو کینده تورا~~
 اوکن زمانده یینارال باروشیکه ~~دخا لون مهم یینارال~~ ~~سختن و ایل نند موزکور ایکه~~
 یینارال نند اوکازی قولومز ~~شونلار~~ ~~بویچی~~ اگر رحیمیل باو شاه نند
 پس خط لارندن قزاق نند ~~بویچی~~ ~~قزاقون یارلوق خط پسز جو قغان~~
 پیشه کارکش لاریا مشرن ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~
 لارده بولغورین کماندیر لارکا تو شوب ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~
 اول فیور و بیخه نند وکیل یاروفی ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~
 بیزهوک برپاره قوین آلوب یا مشرن قزاق ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~
 خط پسز اول ایکه یینارال نند امرن ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~
 اچند قیش قتیغ بولوب تارقالن تو شوب باری اولوب قالدیلار اول قوی لار
 وبعده ثالثاً قزاق لار پیرا پیرا ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~
 سمروپ آلوب کتشن لار ویب پسز ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~
 معلوم بوکا چاقو جو قغان یلده رحیمیل باو شاه نند اور ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~
 من بوکا چاقو غر مطیح بولوب یار بولوب ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~
 بولغا لار مهم باشقورت قل لاریده تابع بولوب ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~
 خط لارکا یقین بولغورین من نند قزاق ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~
 یوز ننگ برآرد قزاق لاری بوکا چاقو غر تابع بولوب ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~
 پسز اول زمانده ایخو دایوق ایروک وبعده بر قایدوب کیلکی ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~
 استروب اولب سو بولوب اول آقمن لار ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~
 ولی سلطه ن اون اوچ اوچ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~
 سلطان اون اوچ پسز ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~ ~~بویچی~~

جینوب بیسروی و پینه تورقنچی فرزندم توخم سلطان تورقن اورکس جینوب بیسروی ولجعه

شول مذکور میوه بیست و سه در کس قل لاری رحیم باو شاه ننگ هر خط لارنده بولغور
 ببطر با قول کبریا - ^{و نیز بیند بیروندی}
 و بعد از اینجا که ^{حقیقت جواب با ذوق قمر غز و یکی جماعت ننگ}
 قزاق یوز تمردا باشا ^{و کور قمر غز جماعت ننگ الحند بر}
 اورسپه توره اسپ باره سیله ^{کوشش بیکر کن ایروکی شول بیکر کن کشین}
 قمر غز جماعت باغ بولوب ^{حسنور کا حله بر کشین شول تور کا}
 چیتکو مدی و لاکین آن ^{سایه یا تو بولوب بولوب نور سید}
 باو شاه حد متنده مز شول کی طالع و ندر ^{فوی بکنده من اگر الله تعالی میسر}
 ایروب قولو مز غ آساق رحیم باو شاه ننگ ^{ساقا} هر خط لارنده بولغور
 قلو لارغ تا بشور در مز معلوم قیلاب و بعد از هر خط لارده بولغور
 اولوغ تور لار کا شریعت نگر نوز ک بیکر سی و یکی یار له قنکره بیکر راضی
 بولروق و بعد خا هلا یعنی از اولوغ لار ننگ ^{کلا متله کلا نگر کو بیل لارغ}

اینانجا اوچوه کند الم ایله مهر و م با ^{سعد}

بیان ایدر حق و وسایق حقیقه سر سپه زلار صمد بکمانده و بیگمیز بو باورغا نهدی بورنی باو شهابدار
 زمانده بهلغان ایسیش ایرسیس و هم سیز من بورنی اولوغ یخالال لار زمانده بولغان اغزل ایرسیس
 دینه برور بورنی قراق نکر خانلار تندر زمانده بولغان اش ایرسیس اصلا لایق شه نلار نکر
 زمانده بولغان اغشلار بولسور و سب رحیملی باو شاه قوم معلوم قیلدوق اما سیز نکر برلن نکر
 زمانده بولسور بو اغشلار سزکا و هم بزرگ بزرگشی آتی بولسور ایتا قاله امیر قیلن
 آقا سیز اول بزرگسورغان کمانده نکر سیزکل برلن و هم بزرگان بولغان برلن او کون تا اولان اغشورغان
 و هم اولوغ تا بنیعی با سیدور حایین و هم سیه بزرگوت سیز لار دین قیر کومین و هم ووشمان برلن
 قارغی جا به لشدوب اور شورو حایین و هم کما قوسلما ای اولوغ قلی او لاس ایس اول بزرگ الو ب سیز کما حای
 نرغا قله لی بزرگ الو ب سیز بار ایس اگر بر آتی اول بزرگ آتین بته لایق و هم اولوق نغقا سیز کما حای
 باورنی نکر بو سینه بولسور اگر بزرگسوز ته کنگور نکر ایس ایل نکر الحند بزرگسوز نکر کوشه
 رحیملی باو شهابدار عسکر اور سیز قلی لار دین قای اول لار بزرگسوز تابشور ورغ
 اول کمانده مشور اولار غه سیله سیلات تابشور ورغ قایتا رور حدی سیه و سیه
 اگرمن نکر بو سوزغان یولومده نکر قیلما سیز سکر ایکن بول لارده سیز سکرده
 راضی بولورمن آقا سوز لار دین قیل قیلما بزرگی بزرگسوز کما حای شوق
 لار لایق لایق بزرگسوز ایس حان زمانده شو ندر ای کمانده الو ب سیز بزرگسوز لار لایق
 و بعه معلوم قیلوب سیز اولوغلار غه یا من نکر لار حقیقه او شوب ایتا بول نکر الحند
 بطلر با قول غه بزور باره سیز سکر ایس اوچ جان نکر تمام متاع لاری ایله و هم اولوغ قدری
 سوز لاری برلن وینه اوغرلاب من قز اولار و مدین اوچ بول قدر بلیق لار الو ب سیز کما حای اول بلیق لار
 ایس قز اولار من نکر ایس لاری اول قز اولار نکر قز اولار قز اولار قز اولار قز اولار
 و کین نکر بلیق لاری و هم قیل قره و کین نکر و هم سیز بزرگسوز نکر و هم و سیز تلخ و صبت
 و کین نکر ایس سیز و هم بو حوق و هم اوچک بزرگسوز باری ته قور کوشه نکر بلیق لاری وینه بزرگسوز
 او سوز من آتو کین لکر بزرگسوز کین لار الو ب سیز نکر و بعه بطلر با قول قلم سینه سز نکر لکر
 بزرگسوز من نکر قز اولار سیز ایله اول بلیق لاری تا شلاب کید و بلا و هم بختن ایس بالایی
 و بعه من نکر قز اولار و بلیق ایس لار باروب جیب بزرگسوز حاقده شول بطلر با قول نکر کمانداری
 بلطور بزرگسوز بکمانده حور غاروب من نکر قز اولار ایله اول بلیق لاری جمل بو قهر اشول نکر
 باور لار لار قلاغان اوچ کوشه کین لار من نکر قز اولار و هم نکر ایس لاری زبیر لاری و هم
 نالاب آغان ایتا لار غه و هم توروت کوشه او شلاب الو ب سیز کما حای و هم سیز سکرده

بر سه قوه کیلیدی و یکی قاجوب کیلیدی قالغان اوچ ششم ننگ اسم لاری ایسان آمان و هم صارت
 هم با سپان و یکی منزه به کنگرته تها نه بلغا هر قوه لوند و هم یلیق لاری بلغا هر قوه لوند
 اما بطر با قول ننگ کماندیری بلغا هر ننگ کمانده به قاری یعنی یلیق لاری و هم شول کشتی لاری و منزه
 و در لوق و جبرک حال لاری به ننگ بیک به ننگه من آخرید و اما لاکین سزا و نه خلا و غیره
 صبر لوق قیلوب تور من بز ننگ شول کوه ننگه من حکم رنج لاری من سزا همه خار و یو آننگه بز ننگ
 مذکور یلیق لاری قایتاروب بیرو و ریب شول اوچ کشتی با خلا و من همه خار و ریب
 کور تو تروپ تور من همیشه سزا و لغلا غر آقا سزا و مایمی شول بارخان مذکور ننگ
 لاری و هم آتارن رحیم با و شاه ننگ اورن تصرفنه بارخان اوچ سزا و اما سزا و یلیق لاری و لغلا
 و ن یو قاری یعنی مذکور یلیق لاری و هم با خلا و نغی مذکور اوچ کشتی بیرو و ننگ ریب
 وینه معلوم قیلوب او تنوب سزا و اب یازن من هر چه عالی لاری ننگه من سبطان بور خا و
 حقتنه و هم یازن نغی با و شیک حقتنه و هم ترجه ننگه من خور بار بیک جور و اوغلا حقتنه
 اولک مرتبه لاری و یا و لغلا و مطه کینه و هم انعام احسان لاری و یا و لغلا و مطه کینه حقتنه
 تو غر لوق برین رحیم با و شاه ننگه من حقتنه جان تن ایله یو کین لاری اوچون اسم قفا
 تو ننگه و هم اسم کین لاری یا تنوب یو لاری اوچون ایله یلیدن بیرو و ننگ حقتنه
 سزا و نغلا لاری او تنوب ننگه اسم ایله و هم سزا و نغی من قبول یو و ریب امیر و نغی
 وینه بز کا یو کور شمه حال لاری به مذکور اوچ کشتی لاری ننگه من غیر یلیق لاری ننگه من
 سزا و ریب اسم ایله سزا و نغی آقا یو سزا و نغی کین کین سبطان بور خا و یو لاری نغی
 قانون برین بز کا یو لوقه یلاری بیک راجی بولوق سزا و هم سزا و نغی مذکور کین لاری ننگه
 و بقعه یز معلوم ایروپ او تنوب سزا و اب یازن من هر چه عالی لاری ننگه من رحیم با و
 شاه ننگه من حقتنه بز ننگ حقتنه منزه تو نغی من ملا یو حقتنه عثمان اوغلا
 حقتنه من هر کت ننگه تا شلما عالی سزا و هم هر کت یار خا ش بیرو یلیق لاری
 سزا و هم نغلا ق بر او نغی بیرو یلیق لاری و هم آو نغی بیرو یلیق لاری یقین یو
 بطر با قول کین سزا و هم امیر و نغی من قبه لوقه او شمه یا نغی سزا و نغی
 سزا و نغی کور تو نغی و نغی کور یا نغی یا یلیق سزا و نغی سزا و نغی
 ایضا نغی اوچون کین الم ایله مهر و م با سزا و نغی

ظنی است ایروب هزاران است در شوره دور نما لاکون است کماند بکیرین بکیرین ایله
 دور شوره مایین او بر شسته نکر او او به عشق بر کفنون بر او هم بر او اول
 هم اکتی او اول اول بر نکر بو بنمزده و ام شول کمانده نکر شسته بر نکر
 بو بنمزده بو لسته قانده نکر کمانده زمانچ او نکر نکر قولون برون ریختن
 نکر بو ساغ است است رایی یوقا بر داغی مذکور داغی فر لاروس نکر
 صا در عینک پر اما لاکین غیری اولوغ قسبه است بوجان یا م بر یق
 یچ هر طرفه لاکون بر عا شته من شونه لاکون نکر بر نکر زمان
 با و شاهان کمانده اول یورکن لاکین آسمن شسته عا شته اما بر نکر
 شونه ای نکر لاری یور کور شون بولغانده حاصل بولور لاکین صول نکر
 رامن بر لوق شتارنگی است در ای اولوخلار یا لغان به اولیس و سب
 اینانده هر طرفه حقتنه

درینته مدام اول یور کور شون حقتنه بر کاتیر جو این یا زحای است لار اگر بیطر با
 عون یور کور شسته است نکر موافیق کور است نکر آننگ او چون بر وح اول بر نکر
 نکر کور طرفه نکر بر نکر ایکیار کون لار ونده بلکی اولوغ یور نکر بیکر کی چیسکی بر نکر
 یقین یورن تورخان بلکی اولوغ یور بر نکر طرفه یورکن یحیی توره قره لاری بر نکر
 بر ل بارور لاری یور کور شکا

کوبت یل لارغی خا یلمین ایو جماعت لار نکر ایله هم تابع کوه جلا نکر
 نکر سماع سلا مانه لار و نکر همیشه اقبال دولت نکر زیاد اولسون

اینا نفاق او چون کند الم ایله مهر و م با مردم

ای اولوغلار من نندرت تمام اورتا یوزم ننگ اگه بیا به تورغنی یخشه توره قره لاری
 باری چه رحمت طرفنده یا سیر جولات تورم قلعه لار ننگ تو شنده بز ننگ
 قزاق یوزغ ننگ اگه سنج ای یار ملوق بیر لار ده من ننگ اورتا یوزم ننگ
 بیرکی چتس من بیطر باؤ تو شنده من ننگ اول بخش لاروم کله تاروم اورتا یوزم ننگ
 توریسکه قدر آله اس بیر لار کا بار مایلا ر آننگ از ننگ اور اس یوز تندی اولوغ
 برلن یزی تورغان آزوق آت طون آله تورغان قعله قانو نمنز یوق بز ننگ یوز تندی
 رسنده کمرک قای سیر لار کا آله سی یغوق اورنلا رغه بار رسنده توره قره من قلع
 ننگ آت آزوق برلن یوزی تورغان اقاما بز ایشتمن بز ننگ یوزت ننگ اولوغ ننگ
 توره لاری یخشه لار اولوق برلن یزی تورغان ویب وهم ایشتمن بز ننگ اولوغ
 یوزت وهم کوب یوزت ایشتمن هم سوز سوز غیر ی بر یاره اولوغلار بار ویب هم
 اولوغ ایتمن ننگ یوزتم آزده یوزت کنگه یوزت ایشتمن بز ننگ یوزت خاق خنده
 بز هم قلع ایشتمن ننگ اوچ کوب بر ننگ قدر بارور ویب ایتمن آزد بولسم
 شول از یوزتم ننگ اولوغی من بز من اولوغی یوق اولو یوشمه والله اعلم
 ایتمن بر یوزت ننگ اولوغی بولسم بز کا یا لغوز برماق من کسب موافق کور مایتمن
 ای اولوغلار وهم بر یوزت ننگ اولوغی بر ویب اولوغ کسب بار مای تور مایتمن
 ایشتمن آله نکره پاوشاه حضرتلار ننگ حرمته اوچون وهم ایشتمن اولوغلار ننگ
 قدری اوچون بار من بیطر باؤ لغه غاز قیلما یمن اورکا غیری اورنلا رغه قطعاً
 با ایا یمن عیب بیور مغای ایشتمن اولوغلار ایشتمن اوچون من ننگ اورتا یوزم
 ننگ تمام یخشه توره قره لاری بیطر باؤ لارن غیری اورنلا رغه بار مایلا ر قطعاً
 آله سی ویب ایشتمن ننگ طلب قیلغان سیر لار کا و سله ق حقه شافره
 قیلب ایتمن سوز لاروم اختیار لور ایشتمن مغنی اولوغا به

بہرہ کہ قرآنی ننگ خانہ اور تالیف ننگ ابولی خاندن سسر کہ حضرت تلمیذ بلند اور خط
غیر ال یار و تھیک اور شہرج ننگ کو ہر ناظری آگے لیرل ایڈ ان ریڈن سدور ب غ
سلام و بعدہ اعلیٰ مرحمت نکرہ معلوم اولہ غای بسید و کریم اولہ نگر ننگ
رنگہون پیرولش تر جھانگ انڈری سماج سلامت کیلوب کور شب قعدہ قانون
مکتوب نگر کی تابش روی وور ہت مہری ایلمہ و بعدہ مکتوب نگر الجندہ باوقاف
ہر براحوالت لارندن او قدوب استعدون و بعدہ مشول مکتوب نگر ہر
یاونین یوز کو اش حقدہ سسر ننگ ہر لن اقا مکتوب نگر ۵۰ یار و ب اس پطر
باؤل کر بیچ من ننگ کو ہر نام قول استند اغی ایر اس و سب دست ہز اول غیر کی کو ہر نا
شندہ یوز کو رشور کا ہولما اس اول یردن یوز کو رشور ننگ ہر ننگ ہر یوز کو
آما اس ہز ہز آندہ بار اس ہز یوز کو رشور سب غیر کی غیر ال لار ہر یوز کو رشور
و سب اقا ہز اور فہم ہز ہر اول سوز لار نگر کی حوش کور مدوک ننگ او حوش اول
باؤل کر بیچ ر حیلہ با و شہ ننگ ہر ہست تصرفندہ بولغوال ایر ہر اول او حوش
کیلوب کا خار قبیلہ اسری اقا ہز ہر لار لہ طلب قبیلہ ہز من ننگ قرآنی ہر ہر
کیلوب کور رشو اما طلب قبیلہ من ر حیلہ با و شہ ننگ فرما شہ ہر نہ کیلبہ
او حوش مطیع منقاد بولوب تمام اور تا یوز ہر بخش توره قرہ لار لہ آندہ نگرہ آلب
بارور غہ بلکی اولوغ یوز کور ننگ ہز کا یقین یوز کی لاروندہ آلب ہر ہر قول
ایلمہ من ننگ ہر اس منہ اور ننگ قبیلہ ہم یو پطر باؤل کر بیچنے قبیلگان طلب
قبول ہر احتیار اور ننگ ۵۰ اولکی مکتوب لار و سز دہ ہر ہر عذر لار و سز
معلہ ص قبیلگان ایر و کی فہم نگر ایر ہر
کر بیچندن غیر کی اور ننگ غیر قطعاً یوز کور ہر
اولہ خلا من اولہ م اول قدر الہ اس ہر کا یا لغہ نگر بارور غہ ہر ہر ہر اور ننگ ہر ہر

پس ننگ یوردای من ننگ یورتم بر آفرینی یورت ایرم
 تاربانزای کشی لاری یورتم ننگ اما من ننگ کینکشم آلب ایر
 ننگ پنظر باؤلفه کیله ب بز ننگ برله یوراکوشکن نگر بچیش
 بولور ایروی بز ننگ فهم مز برلن بولسه ایرکا و هم بزکا
 بر یخشه آتیه قالور ایروی زمانلار و مز صه فهم قیلونکر. فهما
 عَجِيقًا زَكِيًّا وَاللهُ اعْلَمُ بِالْمُؤْمِنِينَ

و بعدو بو مکتوب بنیه تابشوروب قولنه ساخ سلامت بر نمانکر
 یولداشاری سلامت یبر و ک کشی قوشن سپتر باؤلفه قام
 و بعدو ایمل اولور اولاد نکرله حایلیم تابع یخشه لار نکر ایلا
 کوب یللاغه سلامتو کلار نکر می

اینا نفاق او جهون کند الم ایلده هر دم باسدم

في ايامه من سنة ٥٠٠٠ في سنة اوله خ باه شاه ايمبراطور
 عظمى بنا تيرين الالب في ثابون قه نطقه جي دور
 كل بسبه نيز حمله اون وغيره هم وغيرهم وغيرهم
 حضرت نواب

نوبع اكايلر نيز فرموده بودي به اوله تنگ آبلان كسلاندين
 نطقه اكلار ابلان عرض نامه دور

مع نوبع به من قه به كسلان نواب دور اوله نظر به نطقه

بعد از آن که در ٥٠٠٠ عمل به اتفاق و فی التی یلده در ایام اینست دور
 بسطاب در اوله طایفه که در خدمت کار به لفظه بعد از مدتی
 و تحقیق که نطقه نادران نثار ایزده لمس در حجت عالیته که نکره میسر اولوب
 حاکم نطقه نوبع طرف کردی خلق ایله ایچ بر اوله اوزان زبان هر بر سر نه اسپانده
 بعد از اینست که در حمله باور سلاطین و حاکم نطقه نکر دور دولت
 فی الاینه او معین شد بیرو ب به در بسطاب نکر که اوله الیه یلده در
 بر نثار به عرض نامه اوله اقله در این ایست که کاسه نکر در اوله
 عالیته اوله کاسه بسبب به لدر بلند همنده اوله نبورخ نکر که هر
 ناطر نثار ال با او نچیک نفع بنوع کف الیری ایفان اندر ایچ
 نین اوله در ب نثار فرمان نامه بسطاب به جیسو سینه لفظ
 دور نوبع تنگ که بر ناطر نکر اسشین اوله قیلقوچی غنا اوله منصف اوله
 درین نطقه کسب اولدر به در جیل باور نثار نکر عالیته در قه
 اوله نطقه اوله لفظه نطقه عرض نامه اوله اوله خا نکر نطقه نکر الی
 به لفظه

بعده نقله اتلک ایلان عمر من منزل معلوم قبله او کیم اعلان
 و حکمت ندرگاه تا به غنک ۵۰ بپرورم اوچ اولوغ فرزند لادوم من کیم است
 اول سلطان ندرین هم چند غنک سلطانین هم عمر کیم سلطانین
 غنک که غنک سلطان در کین او غنک منی غنک شی لادوم ایل قوشه
 و بعد قادیانی مدینه اوچ اولوغ لکن فرزند لادوم جسم کیم او شاه من کیم
 قرغ قراق قلی لادونکر غنک یورت ندر ارا کینده غنک لغه منی مرده ام
 او ۱۱۱۱ سنه سن غنک غنک خدمت کیم مرده او ۱۱۱۱ سنک تن جان ایل
 و بعد عمر من حال منزل نامه ایله عیوان بیان قیله معلوم او مرده کماله
 مرده قیله کیم حضرت کیمه نقله اتلک ابو الحنیفه خان ۷۰۰ ایل کیم
 خان آنلا وفات اولون اول خان ایل ایل به سنک اولوغ با بالا ۷۰۰
 ۱۱۱۱ اول خان لادوم دنیا عالمین کیم قیله خان لادوم ۷۰۰ بعد سنک کیم
 اول خان لادوم کیم ۷۰۰ قرغ قراق قلی غنک یورت غنک اولوغ یورت هم
 او تا یون ۷۰۰ سنک بلده کیم خان سلطان لادوم کیم سنک
 اتلک ایل هم تا کینت سنک سنک اولوغ و غنک کیم اتلک ایل ۷۰۰
 کیمستان و بلایته سنک اولوغ کیم لادونکر اتلک ایل باری بیلو با
 کیمستان و لایته بلوغه کیم سنک کیم کیمان ولایت کیم اولیا
 حمد احمد یا کیم حضرت سلطان قبری قاشنده او ۷۰۰
 منزل قاشنده قوب اوچ اولوغ قراق غنک خان کیم کیم کیم
 خانله قلم که سنک یلا ۱۱۱۱ ایلده از چند اول خانلق
 اسم ایل او ۷۰۰ کیم منزل رو کاک کیم کیم کیم کیم کیم کیم
 و شاهیم خانلی حضرت قلا سنک مبارک ایل کیم کیم کیم کیم کیم ایل
 با کیم
 کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم
 خانلق کیم
 کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم کیم
 اول خانلق کیم
 قبله من کیم کیم

منه انجان اير اور قبلا اوق بر ننگ اطا فر وانی نه پر تلا نده و نه به لغه
که بر ناط الا هم في قلعه بيلکه جي اوله نه نای و قوه لاری منع قیلان
بیرا ایدی نه ننگ حقه اظه حرکت نگه ایلتا کسر بره کمر میاکن
آن لانه نکر عین التون مسو و نکر بیه و لسه ایوی اعلانیه و وقت
قانه نکه ایزبال ایدو لغه فر و ندم ایله هم بر ننگ اطا فر و نه به لغه
که بر ناط الا نه به نغیر و اوله خاره نده نه عالیته حرکت نده عین فرغانها
یونان نکه به نسه ایوی بر و وینه معلوم اوله حرکتله باور شام حفر نده
نکه برینی ایلتا کسر بره که با نماندین یوه بنم نور لغه کسری حد
به لغه بی قلعه لانه نکه با یقین ته ادم شول بر ننگ اطا فر و نه به لغه
که بر ناط الا نه به نغیر و الا برانی ایز نواع کسری ططانه ادم اقا
آنداق به اید فرغان هما یونان نده ایله بیور لسه ایوی آراد و لانی
یکه ک اشتلازمه عدالت لکی ایلان حکم قیلان و لاری و یوه
هینه نه معلوم باور شام معلوم جهزت لاری نکر برینی ایلتا کسری ایله نه نغیر
ایده ننگ و نغیر خواق ننگ ایلتا کسری باشی و نغیر به باشی نیلی ننگ
جه به نغیر اف زوانه کسه نغیر نام مقصود لاری نغیر بیمان قدم بر منع
قیلما قدر و یوه سیه ملکته زبان کار لاری و یوه یوه یوه یوه یوه یوه یوه
بیه لسه ایوی بر ننگ ایلتا کسری نمانده به ایز ساق بیور و کاه و دگر ننگ
بیر خدای ننگ لاری ننگ بیور و کاه کسری قدری بر آرد و حله ایله بر ننگ
اطا فر و نه به لغه بی قلعه بیلکه جي گماند اتلار و نکر کا و اوله نغیر
لاری نکر و هم نه ننگ حقه مر حمله فرغان هما یوه نده
هری میاکن ال لاری نکر برانی با سله و نغیر نغیر نغیر امید و نغیر
کله نغیر
و نغیر
فر و ندم نه نغیر
نات بهاور قاده بوله و نغیر
و هم نغیر
عهد الجلیل و نغیر و هم نغیر
ایضا نغیر و نغیر نغیر نغیر نغیر نغیر نغیر نغیر نغیر نغیر نغیر

- 1/ قزاق نينک خانى ابولاي خان ايله نينک جنک جونک انبونغه خط اوشلادوق
- 2/ سز بز نينک ايسانليکى ميزنى سوراب سيز بز مونده ايسان امان بارمز سيز
- 3/ لارنى داغى الله تعالى کوب بيلغه ايسان قيلسون بيز نينک توبت ديگان
- 4/ کشى مزدان خط يباريب سز اول خطنى اوقوتوب سوزين ايشتيب کوب
- 5/ کوب سيوندوک آغ نيمان قارمش يوز کشى بوغده خانغه الباتو بولامان
- 6/ اينه من دیدى ديب سز شول کشى لارينکنى ييب آل ديب سز
- 7/ بز اول سوزينکيزغه راضى بولوب سيوندوک بولتور داغى سکز کشى
- 8/ قاچب بارغانين تورتوى قيز تورتوى يکيت انينک تورت قيز
- 9/ بر يکتنى قايتاريب يبارکانينکيزغه اوچ الاجته ايشتمکان کشى قالمادى
- 10/ ايشتکانده سيونمکان کشى قالمادى بز نينک قزاق سوياکلى کشى نى قيتاريب
- 11/ بربدى ديب قيتاريب برکان کشى نينک آتى منكى باى ديگان شول
- 12/ منكى باى ديگان نى اولتورمه ديمسز اول يمان ايشلارنى کوب قیلادور
- 13/ يمان ايش قيلسه داغى اولتورمه ديمى سز يوق بو رو ايش قيلسه اولتور
- 14/ ديمى سز جواين برکایسز اول ايزين بوغده خان نينک التين ايتاکين
- 15/ اوشلاغنده آزغنه يورتوم کوب بولور يارلى يورتوم باى بولور ديب
- 16/ نيتم بار ايردى بر شهر نينک ايجنداکی البتو بولوب شهردين تاشقارى
- 17/ سى البتو بولمايمى سز شهر نينک ايجنداکی داي البتوسز بز تاشقارى
- 18/ سى داغى دای البتومز قيامتغه چه آلتون ايتاکتان ايريلماسدان
- 19/ ديب اوشلاغان مز سز نينک بو ايش لارينکيزکه کوب راضى مز
- 20/ ايمدى قره ول لارينکيزغه ايتب جارلاتيب قويونکيز انيامان
- 21/ ديگان کشى لارنى قيتاريب سالسون اوزکه جاينچه باريب کليب توره
- 22/ تورغان کشى بولسه اوزى بيلسون برون دان قونوش قونوب تورغان کشى

بزرگه قزاق یورطی نیک آبدار خان دین سرکه بیوک مرتبه ایک بلند همت لیک طوبول کو بیدنا سنیک کو بیدنا نظر
دینس ایوانج چچیرن کا سلام

بعد سلام سوز او شبو دور او زغانیل نیک بچندہ بو طرفداغی یورطلار یز قرغز تاشکنند قزاق اپاق
دغیری دغیری یورطلار یز آرا لا، تیکشور مکا وجہ کیلبا ایدک الی اللہ بوزغان بارہم توابع لار یز
ایلا ساغ سلطنت آق بادیو شانیک دلتندہ تمام یورطلار یز لار کا مطیع و متعا بولہ بیللا اگر چه یز او زوز
موند بولسا قدا بز نیک قزاق یورطیز و اولوغ اور دامن ایلیال لار یز بارہم سے آندا ایگاز او زونکر کہ معلوم ہو در
بینہ معلوم اولادای تعابیر سپ کیلور یز لار و اشوال و در دامن غم بار و مرز دیب امیدیم، بار البتہ اور
اور نومز غم اولوغ اولوغ و الی سلطانغ قویوب کیتکازم، ہر حال بولید و روسیلا قزاق یورطی طرف
~~شوق غم اولوغ سلطانغ چچیرن اولوغ بیدنا سنیک بیوک مرتبہ دینس ایوانج چچیرن کا سلام~~
اعا اولک واک ایگ یورطنیال آسندا شریعتینک، نو زوک قلیب تورغان سز بار غوجہ مہر شفقتک، دی دروغ
قیلم غاسن و تلای سز لار بارہم توابع تعلق لار نیک، ایلا ساغ لک اولغای سز دیو سوز تمام قلیب اینمق
او جو کندی الم ایلان مہرینے بالسیم ۱۱۹۴ ماہ رمضان نیک ۳ کو نندہ بند در شہر تاشکنند

شده گنده و در زنده ادو غ باوشا و بالا استدلال کلی چند در سیر نیکو حکم کردی
 اینرا طر بطر قید و روح حضرت تکریم و تیسرا هم و تیسرا هم و تیسری هم
 تا بعد از ضم و در

اد لغو باوشا طی اینطور اعظم حضرت تکریم قدیمیدان یعنی اول راحت
 و اصل ادو غان الامان بیامز تو که خان او زو نیکو زه انونو تابع ادو غ و در
 می عالی بریف کند و گشتی لرزی ماننا شد در خان ایروی هم او زو نیکو انانرا ابو امیر
 خان از رو غر می برز که لرزی بیاروب ایروی اما اول وقت لرزین بیرونها
 و اکثر سیر سیرت تا ماق باؤ بود ب شده لرزین عالی بود ما نیو او زو نیکو گشتی ماننا
 شده را العان بیوق ایروی امید تو گا و اکثر طنح بود ب او زو نیکو او را بو
 لا خلتز نیکو تیشی سانی سایی گشتی لرزین بر اتفاق نیلو شب و در نا بی عالی
 نگرخی او را زو نیکو غر در مزاید اعلا حاکم با یلور کزنی نفسا تیلقا او چون بیار و در
 گشتی لرزی حاضر لاب تب بیرون کاری طر تکریم تا بین آنان زو نیکو خانق کیموب
 او را زو نیکو نیمی وان تابع مطیع بدو غان ایتمز ابد صین ایتمز فی انکلا زو
 او چون مز که در خان نیکو گشتی لرزین بر که اعلا حاکم با یلور نگرزی بیار و در
 او زو نیکو حلقه بر با هر نه و در حین منو نکر و حاضر بود ب تو را از انان او در
 حلقه بر انان که در کو بی منو ان حلقه جمان دیگمان استو لرزینکد بو زو نیکو کو حلقه
 قد نوب بود بر اعلا حاکم با یلور نگرزی باش او رو ب عمر منو حیل او سیر نکر سیر نکر
 بر تدری عمر لرزی بیار و که هم تا نسا شوب تو رو منو شول بز نیکو تو شینو عالی
 بسای بود لا طلو سیر نارمانی همایون نکر فی تیلمای ایر و نکر سیر سیر
 ایر و لرزین او رو سیر از خود ابلا ی سلطان نیکو گشتی لرزی قدر و سیر کوی
 سیر و تیلوب تا بدلائب تر الزا اول طوره سیر کوی نکر سیر نکر سیر نکر سیر نکر
 ایلی او ج بدو بر کیموب سیر و تیلو لرزی الفس ایوین بو نیکو خلتز او در
 بیوز تا یجان ادی شون ادو غ بیوز بار سیر شول طوره سیر کوی سیر و

قبیلا آکا بیلر شول سبب دین ایلاحتی یانلیق نلر د خمر و قیلانیز نیکو هلقن
 خ شو و قیلانیز اولوغ مرتعی یالیر و نکر اید یاز لقا شون قیلون شول
 نیکو تا شتر و انجی سهای بولا ط قلو سینه نارمانی ما اینم نکر و نکر نیکو
 ایروی ریب مرتعی یالیر و نکر اید اینتظر بولا ن اول سهای بولا ط قلو سید
 شو و قیلانیز اولوغ و یاز یارینی قیلون نغان و شتر اینم نکر شو و قیلانیز اولوغ
 ابوالمیت خان تورکستان یوزده نوره خان بولوب ترا اور اولوغ تورکستان
 صید و اشوت کیندین قان سفار د یاز کند و من کید تورمان شو و قیلانیز کیک بیلر
 حایتده نایبالی بولور ایروی ریب مرتعی یالیر و نکر اینم اید و بولوب
 توران و ما باقی سیر اولوغ با و شاه ای میر اطرا اعظم قنر تلری نیکو ایلانتمی
 یالیر نکر د تقظت بیلیق او صون یا یکر میز با طر برده صدای بیرانی و اور کوجی
 نی بیار و دم اولوشبو نکلار اینا نطق او صون مطیع بنده نکر اید ابو الفیض سلطان
 کند اکر اید اولوغ ماری با کوسوم

بتندی حال بیلور د و نکر اید بیلور

۱۷۶۲

علی گاہی و عالی جاہلی و بیستوی تیلنوی تاینای صاویت نیک لیب لاما
 نیبا نیک با رو تجمیدی و بیستوی تیلنوی قمر و کو الیر اول سعید نام و عرف
 مینی الاریو اندج و رافضا و حضرت تلمین
 عرفند

اوز من نیک اور و بیون حلقم برید عرفند منی اول او نوح با و شاه علی اعظم
 حضرت تلمی نیک و ار گاهی عالی بریو عرفند قیلد م علی گاہی و عالی جاہلی
 حضرت تلمی و نکر و این ایلتما سی قیلد با او تمام کند و مرحت نکر ایله بز نیک
 شول عرفند لیر منی اول او نوح با و شاه علی اعظم حضرت تلمی نیک ایله
 عالی با ایله بریو عرفند قیلدای ایر و نکر بز نیک حکم و وقار خور
 حلیق نکر نای قیلدای ایر و نکر و ایور ایجا ایلام اوز من حلقم لیر
 ایال کور کوشا و بیلا کوشا نیک بو بیله نکر و کو خوب قونوس
 یور و یمن و شول بز نیک قلمین حسین مز و لکی سهای بولا قلو و سینه
 بیورد لهای ایروی بز نیک کشتی قاشا شد با تر و خود هم او شیبو بارخان
 کشتی لیر منی و کند و مرحت نکر ایله بز گایار کان و فتد سهای
 بولا قلو سندان بز ک حقاد با بیورد لهای ایر و نکر حسیب
 عالی گاہی حضرت تلمی و نکر و این او نونوب او شیبو عرفند نامن بر

با بمرینه با طریقه صدای بیریگانن و زکونچی بی بیار ووم و ما باقی
 حین اعلا صر اید علی کالی صفرت و نکر بی عزت و اگر ام قلیق
 لیقر اید و وجود مر او شبه نگار اینانمقا او صوح ابو الفیقین
 سلطان ابوالمیرت خان نیکر او علی کند و اگر اید او ز مهر ما

باستوم

۱۷۵۱
 دالو یودو و زونیکر اید یومندف

ابولفیض وانگ

جانگجونکه فجیک توتی ازین ازین اولوغ ازین دین خط کلدی من
باش اوروب الدیم یارلیغ نی اجیب قرادیم تیم قواندیم یارلیغ خط ده نریقی یریم غه برامن دیب
بارسون او
زیندین بر یخشی کشی نی الیب کلیب امبو برلان بتورپ بولوردیکان یارلیغ بارایکان یوجی
کونکنی نری حو
جوکاجک که خطم دو بیردیم منی نریقی یریم غه باردیکان خان نینک یارلیغ بارایکان انکا
قوانیب
باردیم کوتریب توتوم اون نجی آی نینک یکر مه بشیندا یوجی کونکنی برادرغان

ابو الفیض واکتیدن تار بوغغای یورین

بیب نورغان جانتی شکر امبولار سلام سلامی سوت

سوزبوکم بورونخ ایلان بلیب تونغان جانتی شکر امبولار کاجو حاکم

کلر زنده شیم سیز ایب نلنلرک سوزغانغا بختی با تورین ایب اط

بلکه سولای ابریم ابوالحسن باریندر تاشکند با قهری بنلار کیشک

لاذیع دور کاشکوی ایب اوج ایل بولدر قهر غیز بولدر نادر

بزر بوز کل بولماد شوینکا تورونج اوز کمر کاند

بو خط سنای این نیندی بکورد کپه نلدر ^{بوظه} بابرین ابریم

Handwritten text on a dark, textured background, possibly a book cover or endpaper, featuring stylized script.

ابوالغیصر وانگلیں

ایلانہ بلیب تورغان جانگچونگ امونلار غتہ
 دعاء سلام سلامین شوق سوز بوعیم بوغنا
 اذین خانہ برالقاعاچی پوچی کونیک برادر مولات
 خان نیک الحی پنے الا برادر جانگچونگ امونلار دینا پوچی
 کونیک شیب اغریغ بار ایدر اولاکستانی بوغنیغ تیلایچیز
 بو حطہ سنبله امی نیک یکره کونہ تیلد

تاریوختای جوکاجک نی

بلیب تورغان امبونغه ابوالفیض وانکدین دعاء سلام
دیگج سوز بوکیم لقم یلان یلیدا اتام ابوالمحمد خان نینک یورتیغه
؟؟؟؟

یولوقین دیب بریب ایدیم. اندین بیلقی کوز اویومکه کلدیم. قزاق
لار کلیب ایدی. خان دین سیزکه خط کلدی. بوروت الیب کله دور دیب
ایدی. خط بزرکه تکمادی. اوشول خطکه قراب توروب سیزکه یولوق
غالی کجیکیب قالدوق. خان نینک اسانلکنی تلیب کیردیب، جانکجونک
امبونلارغه کوروشوب تانوشیب کیردیب فوفی نی
ابریم. خان نینک ابرکان تورغوندین تورت تورغون نی توبت
تابشوردی. خط یوق ابوالفیض وانکدین امبونغه
بر آت بلک اکی امبونغه اکی آط بلیک. فوفی طوره
خان خوجه نینک بلیک اط امبونغه. جوجی نینک بیلیک اط امبونغه.
سرطان آیی نینک یته ی کونی بیتلدی.

ابوالفیض بهادر سلطان

جملہ دینی روکش سراق اق پادشاہ حضرت لارہ الہیہ تریچ
 یادگار دینہ اور نور توغوی جملہ اور کچس یور تریچ ہم اور مکہ لارہ
 ہم اور مکہ لارہ ہم کوب بچل لارہ اق پادشاہ بیکر ایسا نیک بیللا

پیر اور مہونہ بلیب نور حکم جان ارارغ

ابوالفیض سلطان دینی دعا اسلام دیکھ سوز بوج ابگری اولکن

جان ارارغ بورت ار اسیداق بخنچیمان سوزنہ استیب ایستینور کوجی

ایم اول اولکن دینی بر کسج بارغان یوق خط ابگر خط مضمونہ کلماد

بخنچ بورت لوع سوزی مگر بزرگ تیماد ار شیش یو یوندا اور غرقا قی او

دو پس قزاق نیک ار اپسند کوب بولد بر بیمان بول بکتے ایمد خط ابگر

خط نیک سوزنہ بخنچ تگللاب یور لوق یار ایستینور ایستیب ابگر

ایگری قلمد سوماغہ بار کسج اور و پس دور فونی دور سپودا

قلعہ کسج نیک کسج بر لارہ او نکوجی ایبر اور یوق ایبر کسج پار اور

کسج قویب پازلات او کلمدہ دور کسج پائیند بر التیر الادورینہ

مالی بویب اندی کوب التیر الادور یورونہ پیسوز یوق الدر ظلم

پیدا بولد بر من مودنی الی ابو سیم ایبر المای او نکوز ما بدو

۹۰۲۵۶ ۲۰۱۷۷۶ ۹ ۲۰۱۷۷۶ ۹۰۲۵۶
 (۱۷۷۶)

ایچمیزکه بیلمان قویونکر اورکس تیلمار قویغان شیکز یورد
 مذبوروف یجان بولدر اوغز اوغز کوب بولدر اف پادشاه
 یارینق قلب ایدر سمع فولات ده سودا تیلکوز دیب ایچمیز قایم
 قلووه مسودا کوب بولدر اوغز اوغز کوب بولدر یارینق قیلنکر میبودا
 بریده بولدر کلمته ده سودا ایلماسوز بر مار غزده کلمته ده بولدر
 قلووه مسودا قویغان اورور کاشلیغ بر اوغز بولدر امانت
 دیب قزاقدی کنز الادور قزاق سینه نجات بول اوغز لاب الاده
 بهرک برونی بیسوز کنز جا از ارانچ پیلایدور قزاق کنز کور سمانچ
 پیلایدور بولدر قلبه تورنور قوقلو دکر باتور ایسک با تور ایسک
 بند قلیغان ایندی بیلی اور غز قزاق ^{بقوی} دیر دیب دو قلبت دورانی اور کور
 برلام قزاق بسوز کلا شیب بر قوی ^{دور شوقوی} کلمتور برب بر ما
 دینک کیرای خواجه بر کاز باتور سید اوغابای تا یلاق باتورده جوقیب الیب
 دور بار خاندین سونکر ایله ای قزاق سونکر او یکجا قصاب قیوی دور
 جیقا خاندین سونکر ادر او روپ ابرکار ایکن او یکله بره دخان اولور
 دور موندانغ لاریک عیب باروم یا یوق نیز پیلنکر من موندین بیار دیم
 بول سلطان ابن ابوالبیضی همادور سلطان ویند قزاق خوجه ابن شاه یعقوب
 دینده آن خانق بارغان ایلی بولوب خدای برک همادور

باغ بولغانے نینکر بخشے ہی بوتن ایک پورت تادو بولسونلار

ایچلای خدای برده ایلهجی نی بیاردیک انینک او جون سزلار که معلوم
 قیده سیز تونا که بز نینکر خطا بیز تو بولنیکر کوز نا قیرینار الفه بیاردوکر
 تیب سیر آئے آنکلا شیب کلایل کین بیاردی

و صباوین بنارالغہ بیارکان بول بارص نے خدای برده سیدان بیاردیکم

توبول بنارالغہ بیارکان باغی نے اوزومیز که بو بروق بولسپه انذا الیب باردر

После вступленія Салтана полково 1777 года
 марта 14 дня приком уведомилъ описанъ
 Шейхъ 300 лошадей отъ отардъ имени рибилъ
 волосты истрефлъ предъ правлющимъ въ Ембна
 и въ Кивитъ то учинено хъ Салтану князю

جملہ دین اور دنیا نفاق تو نفع جو اولوغی بادشاہ چھوٹا راہیہ تیرے
 بالادارینہ آلتکسای اولوغی اور نفع جو اور روس پورتنے
 سیم اور کالارنے سیم اور کالارنے سیم اور کالارنے
 دیکھا دینینا رال اون آون قینلیج ایسکر لاق

بن ابو البیضا سلطان دین سیز لارکہ کو بدین کو ب در سلام سلا محمد بن ہونکر
 پور پیز کو کم رد بکر سز لارکہ معلوم قبیلہ مین الہیہ والہیہ عمیب قیلماسانکے
 آئیکل او جون ایرتیشش بو یونداغی قرآق لار بزرگ کیلدی اوج بوز یلقی منی اور روسالدی
 انشیم انیکل او جون سز لارکہ خدا کی برقی ایلمچی نے بیار دیکم شول سبیلے شول قرآق لار بزرگ
 کیلب یغلا دیلار قرآق لار بزرگ کیلکر قیلدی یو یار روس لار زور لوق قیلد الدیجو
 کو ب سیز لار دین بزرگی سیم مونداغ بولغان یوق ایردی نے سبب دین الفانیس بیلماییز
 بیکیار زور لاب الغان بولسہ نے قایتاریب بزرگو رو کتلار بیکیار قرآق تینکر بولسہ
 موندایز کہ معلوم قیلنکر لار آئے موندایز بیلیور بزرگ بادشاہ چھوٹا راہیہ
 ایسا نلیکیدا مونداغ بولغان یوق ایردی بزرگ لار کم یاوق بولسہ آئے بزرگ توغان تکل
 گورامیز بو قیلخان ایسش لار نے بو توروب برسپانکیز پنخشی بولور ایردی اگر بو توروما
 پانکیز بزرگ لار ایسا قیلخانیز اگر موندایز او جون بو آق لار سبیلے ایسکر کولکولک آئے کیلدی
 اگر شولایدا بولسہ ایکل پورتنے تو سباب نور صاق پنخشی ایردی اگر تو زامانکالار بولوب
 بلیس قرآق تینکر اور روس بیلان کولے بار لیکس اور روس بیلان کولے بار بیکیار ایسکر پورت
 قرآق

ایسویک و قنمو کوسپو دینو اونیویو کاپر و بیو قتل نلوا
 اکو سپرینو پانلون مایور
 برادره پورسک قزاقنی تور او غل ایلو باطر قوروی کویلی کو. دعا و سپلام و بجه پسرش مرجم
 مژگانه دلر بولس مثلا یور تور منن تنجلیغ او جو نما و شویار و نخیار ویم یعنی هر یله ایشش بیو بده
 بد لغوی قاز اقلار دن آمانات دیب آلا سزلار او شبو ۱۷۸۸ یله او شبو آلتخان اماناتلار راست قازا
 قبالا ایسپس شوندا قورمادار توغانلار توچارلار قزاق منن بو امانات او جو پسر قزاق یوق
 مثلا او شبو قلع لار دایم ایستاخ لار در راست قزاق باچی امانت آله هر کیزه در زبان بولسا
 مثلا پسرش اور پس بولسا نه کله ایرد کیزه قزاق منن اور با لاجینا بلب ایستلا مک کاراک
 ایمانلیقم او غزلیق کور برک بلونادر هر کیزه تو فرسود لار یوق او شبو یل سبش آی با نیم تولای
 ایستلا بلیم برک تنج قیلغنا دانلماج جم تنج پسر دا او شبو تلما جملار ده بد لغوی ای هر قایچه
 قالدا بولغان تلما جملار دن بیک بیک یا لغنه پوز لالما کایار لیت قیلغای سز مثلا بد منن قازا
 پسرش اور پس تلن بلوجی ایسپس مثلا سس پولات قالدان بر بای منن پر کاشکار قالماق بکیت قش
 ایلور سس یا قور سید مایور آوست آوستا شیخ آویدزه او شبو یا تلغنا قالماق بکیت منا
 علم قایلر هم اور میز بلیم بر منن قازا خیدان قاچغان ایرکان رحیل پادشاه
 یوتغی موزدا ایشش بیور ندانی قزاق او شلابدر جم کے دا توقیه صوغنا
 قور هر نه بولس آدمک بنده بولسا چنه پادشاه ف حد جیحی بولونیتن قیلور او جو
 موزا کیتن آصلین سور قای سز کون ایلکوس شوندا پادشاه یور تیغ کیلگانلار

شولای تغان تاراقلارون تکمشورون سپوشن اوردو سپدا کنایه قتل بیلماس لیکره کای
 ایشلار تلمایدا اوشبوندای ایشلار تولاارکا بیلدورهای قیلا و درلار یعنی اوشبوندان سپوشن
 ضرورت ایتمایورلار مثلاً سپوشن هرجه تنگداه هم اولای یلنارالار توشوندا آمانا سپوشن
 کلم آت قیلمنن ۱۷۶۳ بیلده شوندن برلی تورس اوغل ایلیونیزان اوردو سپوشن یور تیغه ز میان بولو
 نغا ایشو تومایدر هر رایت یوق بولورده میکن دیرب نیتس بار الهه یورسه تیتک اولور کورک
 رایت یوقه سپوشن بزر اوشوبیل اوز بیلش حضور بیلر بار بپسوزلا شون تیلاریم بار
 خوش بار طال دامرجه تنگدن ^{میشور} ایلمه ایدر بزر بزرکایزغای سپوشن اولکایزغایم ایزه حق
 مقام بار اوقاشی صفنه مارت شمش اون اوجونجی بوسده تور قالدان بیبار لکان ایردس
 نیتس بار ایرد اوشبو کیلکانوهر یا نالغه بار بپس اوردیم کیلکانو غلومغ رحیمیل پادشاه غمبار درمن دیک
 ایردیم تور قالدان تورالار بلهای من تلمایجلار سپوشن ایتمایورلار نه امید بولوب قایدیم
 شلکانوهر ایلمه ^{میشور} ایلمه ایدر دیرب ازلوغی کویلوکمی تور قالدان کوانشای
 لاردا معلومدور یور تورمه ایکی تورمز بیر تاؤکا بررس قالدی لغه هم کم بوردن
 تنج قیلر دیرت اکت بولو

ایلمه میشور

۱۷۷۸ بیلده حایق لیومنه

نوعید کلیل ایلمه

جملہ دین روشن راقی نو تقوٰجی اولوع یاد شاہ
 حضرتلار امیر طریجہ جملہ اور و سپا یور شتر اوز کلا
 سخیم اور کلارخ پلکوجی الوقی یاد شاہ نیک اسپن لیکن
 تلا یز کوب یلارغہ یاد شاہ نیک خضمتن قلب تور فول
 کانیک کا ابو العیض سلطان دین دعا سلام دیکم
 سوز بوکر امبو قلا دین اشکانہ برلہ قور بان دیکان نوفا
 چقان ایکان بود اسپن قلو روب وینہ خدا برد مبرہ
 دور دین یبردیم قوشوب کوبدنا تور نیک تا ابو القلا
 امبو قلا دارق جانداک نیک اسپن لیکن بلب کالدا بپہ
 وینہ فولاکن لیک سخ پورا کالدا ب خود ابردا

مولامنہ پاشقلب
 بر ایکی اوج بیت
 دب سینہ خطاب
 دیم البتہ بد خطاب

الجمیز یبردیم
 من مولام پاشقلب آیت و
 بر ایکی کش یبرامن شو نیک
 خیدین الب بین کافات یبرند

يقارى بعد ازین نیک اسن لیکن تلایمیز کوب یل
 لارغه تابغتای ضرکین بلیب اش بلاب تورعان
 خبه آمبان اسقان آمبان مورین جاین آمبان غه قزاق
 وانک ابو الفیض بین دعای سلام دیکاچ سوز بو کم
 تورت اوغل اوتاقنی قزاق نی قیشتایدوغان یرکا یتکور
 الماس من دب اوزنیک اوران کان قیشتوغا
 قویوب کاتم بو یلچه اغورلوق قلمای تورونک لار دب
 تورت اغول دین کراک چقسه غونان قوی دونان قوی
 دین سوراسون قیذای دین کراک چقسه
 خوجه قل نیاز دین سوراسون سیز کا معلوم بولسون
 دب بو خط نی بابقدین بیردیم

ПРИЛОЖЕНИЯ

И. В Ерофеева

**1. Писари казахских ханов и султанов.
Середина XVIII – первая половина XIX в.**

Ханы и султаны	Писари			
	Имя и фамилия, звание, род занятий	Прежнее место проживания или службы	Социальное положение и/или этническая принадлежность	Время пребывания на службе
Абулхаир-хан (1710–1748)*	Альмухаммед Нурмухаммедов (Алмухаммет, Альмухаммет Нуркеев, Нурлин, Нурмухаметов, Нурмухамметев, Урнеев, Мухамметмулла), мулла	Свияжский уезд Казанской губернии	казанский ясачный татарин	1738–1748 гг.
Нуралы-хан (1748–1786)	1. Он же	-//-/-	-//-/-	1748–1771 гг.
	2. Аббас Сияшев (Аббас Сиюшов, Габбас Сувасов, Суюшев, Сююшев)	Ногайская дорога Уфимского уезда Оренбургской губернии	башкир	1759–1786 гг.
Аблай-хан II (1771–1780)	1. Азамат Пулатов (Тометов, Туйметев, Туйметов), мулла	Челябинская округа Исетской провинции Оренбургской губернии	мишарь	1758–1759 гг.
	2. Мунасып Мамбетов (Мунасиб, Мунасип Маметов, Мунаскеп Маматов, Мунасип Мамметев, Мунасып Мамбетев), мулла	Челябинская округа Исетской провинции Оренбургской губернии	мишарь	1760–1769 гг.
	3. Аббас Абдишев (Аббас Габдишев), мулла	Челябинская округа Исетской провинции Оренбургской губернии	мишарь	1770–1775 гг.
	4. Ягуда Герьявич Усманов (Герьяв, Гиманов, Киреев), мурза, мулла	Челябинская округа Исетской провинции Оренбургской губернии	мишарь	1776–1780 гг.
Вали-хан (1781–1821)	1. Муртаза Исламов, мулла	Исетская провинция Оренбургской губернии	мишарь	1784/85–1788 гг.
	5. Ягуда Герьявич Усманов, мурза, мулла	Челябинский уезд Оренбургской губернии	мишарь	1793 – позднее 1815 гг.
Канкожа-султан (1746–1799)**	Киленей Мамлин (Мамкин), толмач, мулла	Тобольская губерния	тобольский служилый татарин	1780–1790 гг.
Ералы-хан (1791–1794)	Абульфетх Абдусалюмов (Абал-Фетих, Абул-Фетих, Абул-Селамулы), мулла	Каргалинская (Сеитовская) слобода Оренбургской губернии	каргалинский татарин	сентябрь 1791 – 1794 гг.
Есим-хан (III) (1795–1797)	1. Аббас Сияшев (Аббас Сиюшов, Габбас Сувасов, Суюшев, Сююшев)	Ногайская дорога Уфимского уезда Оренбургской губернии	башкир	1787–1797 гг.
	2. Губайдулла Феткуллин (Габейдулла Фаткуллин), мулла	?	татарин	?–1797 гг.

Айчувак-хан (1797–1805)	1. Сеит Касимов, мулла	Каргалинская (Сеитовская) слобода Оренбургской губернии	каргалинский татарин	1758–1777 гг.
	2. Фейзулла Абдуллин	Каргалинская (Сеитовская) слобода Оренбургской губернии	каргалинский татарин	1777–? гг.
	3. Абдухалик Сулейманов (Сюлейманов), мулла	?	?	1794.
	4. Хусаин Абдусалямов (Хусейн Габдуссаламов), мулла	?	?	1800.
	5. Абдунасыр Субханкулов (Абдул-Насир, Абдуннасыр, Габдулнасыр Супханкулов), походный старшина, подпоручник (с 1805), мулла, поручник (с 1807)	с. Яныкашир (Анкашир) Бугульминской волости Уфимского уезда Оренбургской губернии Башкиро -мещеряцкое войско	башкир	не позднее 1802–1805 гг.
Жанторе-хан (1806–1809)	Нигметулла Фейзуллин	Каргалинская (Сеитовская) слобода Оренбургской губернии	каргалинский татарин	1805–1809 гг.
Каратай-хан (1806–1824)	1. Ахмет Хасанов	8-й башкирский кантон Оренбургского башкирского войска	башкир	1815 г.
	2. Абубакир Кунгурбаев (Кушурбаев), мулла	9-й башкирский кантон Оренбургского башкирского войска	башкир	1822 г.
Ширгазы-хан (1812–1824)	1. Юсуп Галиев	9-й башкирский кантон Оренбургского башкирского войска	башкир	1806 г.
	2. Нигметулла Фейзуллин (Ниагметулла Файзуллин), тархан (с 1820)	Каргалинская (Сеитовская) слобода Оренбургской губернии	каргалинский татарин	1812–1824 гг.
Букей-хан (I) (1812–1815)	Хабибулла Булаттанин (Танин), сотник	1-й казачий полк Астраханского казачьего войска	астраханский казак	1809–1815 гг.
Арынгазы-хан (1815–1821)	1. Рахметулла Муртазин (Асланов, Исланов), конфидент, мулла, хорунжий (с 1819)	9-й башкирский кантон Оренбургского башкирского войска	башкир	1815–1822 гг.
	2. Абдунасыр Рахматуллин (Абдулнасыр, Абул-Насыр, Габдулнасыр), переводчик	с. Маскары Алабужского уезда Вятской губернии	татарин	1821–1833 гг.
Шигай-хан (1816–1823)	1. Искак Ишбулатов	3-й мещеряцкий кантон Башкиро- мещеряцкого войска	мишарь	1811 г.
	2. Мурсалим Муртазин (Муртазаев, Мурчизаев), мулла	Тетешинский (Тетешенский) округ Казанской губернии	казанский татарин	ок. 1816–1824 гг.
	3. Михаил Степанович Голубев, урядник, хорунжий (с 1826)	1-й казачий полк Астраханского казачьего войска	астраханский казак	1817–1823 гг.

Букей-хан (II) (1814–1819)	Салих Сагитов (род. в 1767), мулла; коллежский регистратор (с 1817) титулярный советник (с 1830)	?	татарин	1816–1819 гг.
Жангир-хан (1823–1845)	1. Михаил Степанович Голубев, урядник, хорунжий (с 1826)	1-й казачий полк Астраханского казачьего войска	астраханский казак	1824–1833 (?) гг.
	2. Ахмедшах Апселямов (Ахмедша Абселямов, Ахметша-Габдул Абселямов, Абзелямов; ум. ок. 1861), мулла, тархан (с 1856)	Казанская губерния	казанский служилый татарин	1735–1745 гг.
	3. Ханская канцелярия из двух отделений: Татарское отделение:			
	1. Мухаммедкерим (Мухамед-Карим, Мухамедкерим) Галикеев, управляющий канцелярией, хорунжий, сотник (позднее 1847)	2-й мещеряцкий кантон Башкиро - мещеряцкого войска	мишарь	1825–1845 гг.
	2. Абусаттар (Абдусаттар, Апсатар) Аминов, писец	Казанская губерния	казанский татарин	?–1845 гг.
	3. Ширъездан (Шир-Эздан) Мансуров, писец	Стерлитамакский уезд Оренбургской губернии	татарин	?–1845 гг.
	Русское отделение:	Канцелярия астраханского губернатора	русский	1843–1845 гг.
	1. Сергей Иванович Матвеев (ум. в 1847 г.), надворный советник, правитель дел			
	2. Полянский, губернский секретарь, помощник правителя дел	Канцелярия астраханского губернатора	русский	?–1845 гг.
	3. Иван Максимович Донцов, урядник, писец	2-й казачий полк Астраханского казачьего войска	астраханский казак	?–1845 гг.
	4. Колпаков, урядник, писец	Астраханское казачье войско	астраханский казак	?–1845 гг.
5. Голубев, урядник, писец	Астраханское казачье войско	астраханский казак	?–1845 гг.	
Султаны-правители родов Внутренней орды, подвластные Жангир-хану:				
Менглигрией Букейханов (1806–1868/70)**	Джалалутдин Кильдибеков (Джалледин Комалединов, Джиляддин Калдыбеков), урядник, хорунжий (1847)	2-й мещеряцкий кантон Башкиро-мещеряцкого войска	мишарь	1838–1845 гг.
Чока (Чука) Нуралиханов (Нуралиев) (1777 – позднее 1845)	Тюреджан (Тюряджан, Тареджан Багиев) Бакеев, зауряд-хорунжий	2-й мещеряцкий кантон Башкиро-мещеряцкого войска	мишарь	1838–1845 гг.

Джанбубек Бегалин (1791/93–1867)**	Мухамеджан (Мухаметжан) Апаков	2-й мещеряцкий кантон Башкиро-мещеряцкого войска	мишарь	1838–1845 гг.
Балкы Кудайбергенов (Балки Худайбергенов) (ум. в 1848), бий	Гималиддин Кильдибеков (Гамаддин Калдыбеков, Гмалетдин Комалитдинов), урядник, зауряд-хорунжий (позже 1847)	2-й мещеряцкий кантон Башкиро-мещеряцкого войска	мишарь	1841–1845 гг.
Чомбал (Чумбал) Ниязов , бий, указной старшина	Музафар (Музаффар) Юсупов	2-й мещеряцкий кантон Башкиро-мещеряцкого войска	мишарь	1838–1845 гг.
Тогум Шигаев (1809 – позднее 1856) **	Асфендияр (Асфиндияр) Бакеев (Байкеев)	Каргалинская (Сеитовская) слобода Оренбургской губернии	юртовский татарин	1838–1845 гг.

*Здесь и ниже в таблице указаны годы правления на ханском престоле

** Здесь и ниже в таблице указаны годы жизни поименованных лиц

Источники: АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1759 г. Д. 1. Л. 322 – 323 об., 325 и об.; 1762 г. Д. 8. Л. 47–51; Ф. 122. Оп. 2. 1763–1767 гг. Д. 15. Л. 505, 519–526; 1766–1769 гг. Д. 18. Л. 290 – 295 об.; 1785–1787 гг. Д. 8. Л. 125 – 128 об.; 1792–1794 гг. Д. 5. Л. 44–48; Оп. 3. 1742–1800 гг. Д. 3. Л. 2–3; ГАОРО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 60 – 61 об., 69–71; Д. 84. Л. 219 – 220 об.; Д. 177. Л. 5 – 48 об., 159 – 160 об.; Ф. 5. Оп. 1. Д. 39. Л. 105 об – 106; Д. 58. Л. 40, 65 – 66 об., 85 – 85 об.; Ф. 6. Оп. 10. Д. 3. Л. 35; 142. Л. 1 и об.; Д. 609. Л. 2 и об.; Д. 1732. Л. 1; ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 249. Л. 59 и об.; Д. 250. Л. 411 и об., 480 и об.; ЦГА РК. Ф.И-4.Оп. 1. Д. 194. Л. 78 и об., 146 и об.; Д. 214. Л. 66 и об., 69; Д. 4524. Л. 2–3; Ф. И-374. Оп. 1. Д. 914. Л. 92–93; РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 4. Л. 76 и об., 78, 80 и об.; Д. 56. Л. 3–4; Д. 70а. Ч. 2. Л. 36 – 38 об., 43–44, 243–244; Д. 71. Л. 11 об, 12; Д. 92. Л. 160–161, 227–232; КРО-1. С. 177, 182, 234, 277–280, 602–603, 616, 596, 694–695; МИКССР-2. С. 199, 202; МИКССР-4. С. 298, 326, 280, 428; КРО-2. С. 136. ЦИКХ-1. С. 161; МОЦА-2. С. 135–136, 147, 148; ИБХ. С. 52, 165–166, 170, 238, 294, 372, 701–702, 722 (Приложение 7), 725 (Приложение 9); Указатель имен. С. 976, 980, 989, 1007, 1016, 1050; *Крафт*, 1898. С. 28, 89, 92–93; *Андреев*, 1998. С. 79; *Бирюков*, С. 27; *Султангалиева*, 2001. С. 57, 228–231.

И.В. Ерофеева

2. Хивинские ханы из казахской династии джучидов.

1728–1783 гг.

Имена и даты жизни ханов	Происхождение	Годы правления	Источники
1	2	3	4
Мамай (Сары-Айгыр, ? – 1728)	Второй сын Тохтамыс-султана, старшего брата Абулхаир-хана (1710–1748)	Не позднее февраля или марта 1728 г.	МИКХ. С. 463; FI. P. 62; Notes. № 339. P. 574; КРО-1. С. 68; ИКРИ-3. С. 300.
Батыр (Бахадур, ? – 1771)	Старший сын казахского хана Каипа I (1704–1709–1718), внук Косроу-султана	Февраль или март – не позднее июня или июля 1728 г.	МИКХ. С. 464; FI. P. 62; КРО-1. С. 68, 213; ИКРИ-3. С. 301.
Ильбарс (Албас, Елбарыс, Йулбарс, Чолбарс, Эльбарс, Эльбас, Юлбарис, Юлбарыс, Юлбарс; ? – 27.11.1740) ¹	Внук Ирыс-султана, двоюродный брат Абулхаир-хана (1710–1748)	Июнь или июль 1728 г. – 27 ноября 1739 г.	МИКХ. С. 464 – 467; FI. P. 62 – 66; Notes. № 353–357, 360, 368. P. 575–578; КРО-1. С. 36, 45, 47, 62–63, 68, 95; ИКРИ-3. С. 52; Ерофеева, 2003. С. 126–128.
Абулхаир (не позднее 1680 – 15 или 17.08.1748)	Средний сын Кажи-султана, внук Ирыс-султана	5–11 ноября 1740 г.	ИКРИ-6. С. 58–61; ИКРИ-3. С. 300; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1738 г. Д. 2. Л. 7–9; 1741 г. Д. 4. Л. 38–40.
Нуралы I (1710 или 1711–1790)	Старший сын Абулхаир-хана (1710–1748)	Январь – май 1742 г.	МИКХ. С. 467 – 468; FI. P. 66; КРО-1. С. 187, 195, 239; ИКРИ-4. С. 15, 18–19, 22, 24–25, 27.
Абулгази II (Абу-л-Мухаммад, Эбулгазы, Карагоза, Каракожа; ? – 1746)	Сын хивинского хана Ильбарса (1728–1739), двоюродный племянник Абулхаир-хана (1710–1748)	Не раньше июля 1742 г. – декабрь 1746 или февраль 1747 г.	МИКХ. С. 468–469; FI. P. 66–68; Notes. № 375. З. 582–583; № 381. P. 584; МИКССР-2. С. 214; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1747 г. Д. 3. Л. 265 и об.
Каип II (Гаиб, Гаип, Гайиб, Ир-Гаип, Хаип; ? – 1789)	Старший сын Батыр-хана (1748–1771), внук хана Каипа I (1704–1709–1718)	Июль 1747 г. – ноябрь или декабрь 1757 г.	МИКХ. С. 469–470; FI. P. 68–70; Notes. № 380, 382, 384, 388, 389, 392–395. P. 584–590; МИКССР-2. С. 159, 202–203, 265–266, 278–279, 342–343, 361; КРО-1. С. 370, 562–564; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1747 г. Д. 3. Л. 265–266; Оп. 3. 1786 г. Д. 3. Л. 1 и об., 7; ИКРИ-3. С. 301; Ерофеева, 2003. С. 84, 93, 102, 116.
Карабай (Абдаллах, ? – позднее 1810)	Сын Батыр-хана (1748–1771), внук хана Каипа I	Январь или февраль – май 1758 г.	МИКХ. С. 470; FI. P. 69–70; Notes. № 393. P. 588; История, 1898. С. 3; Ерофеева, 2003. С. 84, 93, 135.
Тауке (Худайдад, ? – позднее 1798)	Предположительно сын Абулмамбет-хана (1739–1770–1771)	Август или сентябрь 1764 г. – февраль или март 1766 г.	МИКХ. С. 472; FI. P. 72; Андреев, 1998. С. 41, 104; ИКРИ-6. С. 177.

Шахгазы (Шахгоза, Шахгозы; 1746 или 1747 – ?) ²	Сын хивинского хана Абулгази II (1742–1746), пасынок хана Каипа II (1786–1789)	Февраль или март 1766 г. – не позднее мая 1768 г.	МИКХ. С. 472–473; FI. P. 72–73; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1763 – 1767 гг. Д. 15. Л. 505–512 об., 635–636 об., 640–641 об.; <i>Ерофеева</i> , 2003. С. 128
Нуралы II (? – позднее 1769)	Сын Барак-хана (1749–1750), внук Турсун-хана (?–1717)	Февраль – май или июнь 1769 г.	МИКХ. С. 473–474; FI. P. 73–74
Джахангир (Джангир, Джегангир, Жангир; ? – 1814)	Сын хивинского хана (1747–1757), позднее казахского хана (1786–1789) Каипа II, внук Батыр-хана	Июнь или июль 1769 г. – не позднее июня или июля 1770 г.	МИКХ. С. 474–475; FI. P. 74–75; <i>Ерофеева</i> , 2003. С. 93, 95, 102
Булекей (Болекей, Булакай, Буликей, Булякей; ? – 1808) ³	Сын Ералы-хана (1791–1794), внук Абулхаир-хана	Июнь или июль – октябрь 1770 г.	МИКХ. С. 475; FI. P. 75; <i>Ерофеева</i> , 2003. С. 89–90; МИТТ. Т. 2. С. 343
Акым (Абдаллах, Агим, Агым, Акрам; ? – позднее 1792)	Сын Адиль-султана (1726–1756), внук Абулхаир-хана	Сентябрь или ноябрь 1770 г. – не позднее марта 1772 г.	FI. P. 75–76; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1769–1773 гг. Д. 19. Л. 160–163, 178–186; <i>Ерофеева</i> , 2003. С. 92, 112, 124
Абд ал-Азиз (Абдулгазиз, Аблази, Аблез, Аблези, Абулгази, Абулгазиз, Аблязи, Abul; ? – 1815) ⁴	Сын хивинского хана (позднее казахского хана) Каипа II, внук Батыр-хана (1748–1771)	Март 1772 г. – январь или февраль 1773 г.	FI. P. 76; Notes. № 415. P. 593; МИКССР-4, С. 377; <i>Ерофеева</i> , 2003. С. 93, 116
Арту-Гази (Артугали, Артык, Артыкгали; 1752 или 1753–1826) ⁵	Сын хивинского хана (позднее казахского хана, 1748–1786) Нуралы I, внук Абулхаир-хана	1774 г. – не позднее 1775 г.	FI. P. 76; ГАОР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 153. Л. 268–275; КРО-1. С. 600; <i>Крафт</i> , 1898. С. 74; <i>Ерофеева</i> , 2003. С. 88
Абу-л-Файз (Абулфеиз, Али, Алий; ? – 1779)	Сын хивинского хана (позднее казахского хана) Каипа II, внук Батыр-хана	Ноябрь – декабрь 1775 или январь – февраль 1776 г. – январь – февраль 1779 г.	FI. P. 78; АВПРИ. Ф. 122. Оп. 3. 1778–1780 гг. Д. 17. Л. 11–12 об.; <i>Ерофеева</i> , 2003. С. 94
Пулад-Гази	Сын Сафар-султана, внук хивинского хана Ильбарса (1728–1739)	1781–1783 гг.	FI. P. 78–79.

1. О династии Ильбарс-хана и судьбе его семьи после завоевания Хивинского ханства иранским шахом Надиром см.: *Ерофеева*, 2003. С. 126–128; Ком. № 2 к Док. № 24 данного издания.

2. В «Родословном списке о султанах и ходжах Западной части орды», составленном в 1847 г. на чагатайском тюрки правнуком хана Абулхаира султаном-правителем этой части Мухамедгали Таукиным (1809–1894), Шахгазы (Шах-Гази)-султан ошибочно показан сыном, а не внуком Ильбарс-хана [см.: *Ерофеева*, 2003. С. 128]

3. Авторы хивинской хроники «Фирдаус ал-Икбал» Шир-Мухаммад-Мираб Мунис и Мухаммад-Риза-Мираб Агахи ошибочно указали, что Булекей-хан был сыном хана Младшего жуза Нуралы (1748–1786). В действительности же его отцом был родной брат Нуралы-султана (с 1791 г. – хан) Ералы (1722–1794), второй сын хана Абулхаира, что нашло отражение в отдельных письмах Ералы российским чиновникам 1766 г. [см. Док. № 664, 666, 667 данного издания], а позднее – в одном из писем его правнука последнего хана сырдарьинских казахов Ермухаммеда (Илекея) (1846–1852) оренбургским властям [ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 416 а. Л. 42 и об., 46].

4. По свидетельству известного путешественника и исследователя первой половины XIX в. Т.-Ф. Базинера, Абд ал-Азиз был похоронен в г. Хиве в мечети Палван-ата, возведенной в 1811 г. хивинским ханом Мухаммад-Рахимом I Кунградом (1806–1824) [ИКЗИ-5. С. 331].

5. Вопреки утверждению Муниса и Агахи о том, что Арту-Гази приходился братом предшествующему правителю Хивинского ханства – Тимур-Гази-хану (1758–1764), сыну Мангита Мухаммад-Рахим-султана (аталыка) или Джанида Мухаммад-Хаджи-султана [по другим данным – см. FI. Notes. № 394. P. 588], на самом деле он был сыном хана Младшего жуза Нуралы (1748–1786) и внуком хана Абулхаира (1710–1748). Подтверждением этому является сообщение Нуралы в письме оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу от 1 сентября 1776 г. о том, что «в прешедших годах» хивинцы «учинили» его сына Артык-султана «к себе ханом, но напоследок отреша и не дав ему ничего, отпустили от себя нагого» [см.: Док. № 549 данного издания]. Все остальные сведения Муниса и Агахи об Арту-Гази по хронологии и характеру описанных событий в целом согласуются с датой составления и содержанием письма казахского хана.

**3. Города и аграрные селения казахских ханств.
Последняя четверть XVII – XVIII вв.**

Города и укрепленные селения Южного Казахстана играли на протяжении трех веков важную роль в истории казахских ханств. Они выполняли административную, экономическую, военно-оборонную и идеологическую функции [Пищулина, 1969; Кожа, 2011]. В них располагались стационарные ставки степных ханов и султанов, базары и караван-сарай, общественные бани, медресе, мечети и мавзолеи особо почитаемых лиц. В периоды упрочения верховной власти в Степи компетенция казахских ханов распространялась и на ряд городов Средней Азии, но с наступлением смутного времени казахи теряли часть городов Туркестана. Лишь к концу XVI в. они закрепили за собой все города этого региона и Ташкент.

Большинство подвластных казахским ханам городов были основаны в раннем средневековье и существовали на протяжении всего средневекового периода. В последней по времени обобщающей работе о позднесредневековых городах и поселениях Южного Казахстана указывается лишь 23 городища [Байпаков, 1997. С. 474], хотя на самом деле в XVI–XVIII вв. городов здесь было больше. Еще в начале XVI в. Фазлаллах ибн Рузбихан Исфохани писал, что область «Туркестан состоит из 30 крепостей» [ИКПИ-5. С. 124]. В эпоху правления хана Тауке (не позднее 1672–1715) число подвластных казахам городов в районе Сырдарьи достигло 32 [ИКРИ-1. С. 379]. Эту же цифру приводит голландский бургомистр и купец Н. Витсен в конце XVII в. со ссылкой на информацию тобольского купца: «В то время ... на козакских территориях в целом можно насчитать тридцать два маленьких городка» [Витсен, 2006. С. 67]. В середине XVIII в. урбанистическая инфраструктура казахских ханств по-прежнему была представлена «городом Туркестаном с тридцатью двумя городами», о чем начальник Оренбургской комиссии И.И. Неплюев 18 ноября 1742 г. проинформировал Коллегию иностранных дел [КРО-1. С. 270].

Особую группу стационарных поселений составляли небольшие укрепления, которые были построены отдельными представителями степной знати в ходе военного противостояния с джунгарами и другими воинственными соседями. К сожалению, большая часть крепостей на юге казахских земель не локализованы. В частности, не идентифицированы с конкретными памятниками крепость Джатан, которую основал у подножия одной горы казахский хан Тахир (1522–1531/32) «для отражения войск калмаков» [МИКХ. С. 181]; укрепление на Сырдарье, возведенное богатым казахом Карабулат из Младшего жуза в конце XVIII в. [Левшин, 2009. С. 298]; укрепленные поселения на р. Арысь, где «построены глиняные маленькие крепостцы, из коих в случае нападения какого-либо неприятеля той волости кайсаки, с женами и детьми запершись, чинят отпор» [ИКРИ-4. С. 162]. Не привязано к конкретной местности селение, которое Абылай-хан (1771–1780) «построил сыну султану Адилю по просьбе повиновавшихся ему киргиз-казаков Большой орды при речке Талаше». Там сначала он «возвел дом, обнес оный валом, основал около него селение из каракалпаков, привыкших к хлебопашеству» [Левшин, 2009. С. 25]. Городок, построенный знаменитым бием Старшего жуза Толе Алибекулы (1675–1759) «от Ташкента разстоянием с небольшим в полудни ... на том месте, где из реки Цырцют в Ташкент канал проведен и населенный им разными людьми, которые, живучи в том городе, на него, Тюле-бия, пашут и сеют хлеб» [ИКРИ-4. С. 98], можно соотнести, на мой взгляд, с крепостью Ниязбек-курган, обозначенной на российских картах начала XIX в. вблизи г. Ташкента.

В конце XX – начале XXI в. археологами открыты целый ряд ранее неизвестных городищ, уточнены датировки многих памятников. Параллельно историками и востоковедами была

проделана большая работа по выявлению и публикации русских, персидских, тюркских и других письменных источников по истории Казахстана, в которых упоминаются средневековые города и поселения. Автор данного исследования, изучив всю доступную информацию по истории возникновения и развития этих урбанистических центров, сопоставил ее с материалами археологических обследований конкретных городищ. С целью локализации зафиксированных в письменных источниках городов и селений казахских ханств были проведены специальные полевые изыскания и установлены точные географические координаты идентифицированных археологических объектов. Благодаря этому удалось локализовать в пространстве 32 города и селения (наряду с Туркестаном), которые функционировали в XVI–XVIII вв. на территории Присырдарьинского региона.

1. Аккорган (*Акак-Курган, Аккурган, Оккорган*)

Локализуется в месте расположения одноименного городища, на левой стороне Сырдарьи, в 1 км юго-западнее современного села Тугискен (Кызылординская область, Жанакорганский район). Географические координаты: 42Т 369537, 4827227.

Аккорган упомянут автором XVI в. Масудом бен Усман Кухистани в связи с началом вторжения правителя Восточного Дашт-и Кипчака Абу-л-Хайр-хана (1428–1468) в пределы государства Тимуридов. Согласно данным этого историка, в 1446 г. город был включен в состав владений Абу-л-Хайра [МИКХ. С. 159]. Аккорган упоминается при описании военных действий между Шибанидами Абдаллах-ханом и Баба-султаном в сочинении Хафиз Таныша конца XVI в. «Шараф-наме-йи шахи» [там же. С. 260]. Он был известен и как *Урунг-Куйлак* (на древнетюркском языке означает «Белая крепость») [Муминов, 2003. С. 117]. О бытовании этого топонима в более раннее время косвенно свидетельствует нисба Маулана Сафи ад-дина Урунг-куйлаки, жившего в XIII в. [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 51]. Урбоним встречается в русских источниках XVII–XVIII вв. [ИКРИ-1. С. 369, 379]. Город упомянут в 1735 г. в «Сказке» ташкентского сарта Н. Алимова как один из городов исторической области Туркестан [ИКРИ-6. С. 28]. На основании археологического обследования городище датируется XIII–XVIII вв. [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972. С. 162–164]. На территории Аккоргана раскопки не проводились.

2. Аркан (*Аркук, Артык*)

Располагался на месте городища Бузык, в 3 км к западу от современного села Коктобе (Кызылординская область, Жанакорганский район). Географические координаты: 42Т 397857, 4784052.

Аркук упоминается в позднесредневековых мусульманских хрониках в связи с событиями 1446 г., когда правитель Восточного Дашт-и Кипчака Абу-л-Хайр-хан захватил города Туркестана [МИКХ. С. 159]. Аркук являлся важной крепостью на пути из Бухары в Туркестан, откуда вели «дороги в восточные крепости Туркестана, такие, как Йасы, Сайрам и другие вилайеты». Она находилась, по описанию Рузбихана, в 1 фарсах (6–7 км) от Сырдарьи. Крепость упомянута при описании походов Мухаммада Шайбани-хана (1451–1510) и военных действий между Шибанидами Абдаллах-ханом и Баба-султаном, когда подверглась осаде объединенных сил казахского хана Бурундука (1473/74–1509) и тимуридского наместника Мазид-тархана [МИКХ. С. 28, 29, 103, 111, 260; Пищулина, 1969. С. 24–25]. Городище Артык-Ата [Агеева, Пацевич, 1958. С. 126], расположенное в полукилometре от городища Бузык, судя по подъемной керамике, являлось домонгольским Аркуком. В генеалогических грамотах ходжей

Средней Сырдарьи упоминается «соборная мечеть Аркука» [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 115].

Городище Бузык датируется XIII–XVIII вв. [Байпаков, 1977. С. 90]. В 2011 г. в его центральной части были произведены раскопки, в ходе которых вскрыты развалины мечети XV–XVII вв. [Талеев, 2012. С. 39–46].

3. Баулулук (*Бавлулук, Бавлун, Байлак, Баулюк, Багулулук*)

Находился, по данным А.И. Добросмыслова, в 4 верстах от Туркестана и был известен в начале XX в. как *Базарлык* [Добросмыслов, 1912. С. 110]. Позднее в связи со строительством кяриза селение стало носить название *Кяриз*. В настоящее время оно известно как *Бирлик* и располагается в пригороде Туркестана. Географические координаты: 42Т 439448, 4796621.

Обозначен на карте конца XVII – начала XVIII вв. под названием *Бавлун* [Ерофеева, 2011. С.338]. Байулулук (*Баулюк*) приведен в списке городов Туркестана в «Сказке» Н. Алимова о казахских ханах, городах Ташкентского и Туркестанского владений, составленной в 1735 г. [ИКРИ-6. С. 28]. Урбоним встречается в генеалогических грамотах ходжей Средней Сырдарьи в форме *Багулулук* [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 216]. Баулулук можно отождествить с упомянутой в сочинении Рузбихана Исфакхани «Михман-нама-йи Бухара» местностью «Чахар-Баг за городом Йаси», где отдохнул Мухаммад Шайбани-хан [ИКПИ–5. С. 211]. Судя по этим данным и этимологии топонима, указанный населенный пункт первоначально представлял собой сад-парк с дворцом, обнесенный стеной. Согласно местному преданию, сад-парк был заложен по указу эмира Тимура [Анарбаева, 2008. С.5]. Археологические исследования на территории ныне застроенного современными домами пригорода Туркестана не проводились.

4. Джан-Курган (*Янкурган, Бабан Елган*)

Соответствует городищу Торткуль-Бабайкорган, расположенному в 40 км севернее города Туркестан. Географические координаты: 42Т 429107, 4824421. Название города сохранилось в имени горной речки *Жанакорган*, на берегу которой находится село Бабайкорган.

Джан-Курган впервые упомянут в сочинении Хафиз Таныша «Шараф-наме-йи шахи» как местность «Джан-Курган, которая является [одним] из селений Сабрана», при этом отмечен «курук Джан-Кургана» [МИКХ. С. 288, 269]. В «Книге Большому чертежу» он фигурирует как город *Янгурган* [ИКРИ–1. С. 369].

На территории села располагаются остатки двух средневековых городищ. На его восточной окраине, на левом берегу р. Жанакорган расположено городище Торткуль-Бабайкорган, исследование которого дало материалы XV–XVIII вв. Стратиграфический шурф, заложенный на территории второго городища – Айнаколь-Бабай, которое расположено в центре села Бабайкорган, дал материалы IX–XVI вв. [Туякбаев, 2009. С. 124–125]. Таким образом, городище Айнаколь-Бабай является предшественником Торткуль-Бабайоргана – позднесредневекового Джанкургана. Упомянутый в документе 1691 г. при описании приема российскими властями джунгарских посланников город Баба Елган [ИКРИ-1. С. 396] является, на мой взгляд, искаженной формой передачи названия *Бабайкорган* и соответствует более древнему поселению, расположенному в центре села. Наличие рядом двух укрепленных поселений: более древнего, уже заброшенного и нового – привело к параллельному существованию двух топонимов: *Бабайкорган* – «Древняя крепость» и *Джан-Курган* – «Новая крепость». На территории цитадели городища Торткуль-Бабайкорган в настоящее время располагается здание мечети.

5. Дибучен (Йунка)

Располагался на месте городища Додвен – Жуйнектобе, в 17 км северо-восточнее Туркестана, на левом берегу р. Еркемозен. Географические координаты: 42Т 443829, 4812740. Дибучен является, скорее всего, искажением топонима *Додвен*.

Второе название данного городища – *Жуйнектобе* позволило К.М. Байпакову локализовать селение Йунка, упоминаемое Хафиз Танышем как поселение вблизи Карачука [МИКХ. С. 269; *Байпаков*, 1977. С. 88]. Дибучен упомянут в «объявлении» подпоручика А.К. Кушелева 1739 г. По данным этого путешественника, в нем тогда насчитывалось 200 дворов [ИКРИ-6. С. 55]. На основании археологического обследования городище датируется VI–XVIII вв. [*Акишев, Байпаков, Ерзакович*, 1972. С. 176–177; *Туякбаев*, 2009. С. 37]. Часть городища смыта водами протекающей рядом реки.

6. Икан (*Гихан, Дихан, Икант, Ихан, Ихкан, Якан, Иткан, Икан-Канд, Кухан*)

Локализуется на месте городища Икан, которое расположено в центре одноименного села, в 30 км юго-восточнее г. Туркестана. Географические координаты: 42Т 461367, 4781969. Впервые упомянут в сочинении конца XVI в. Хафиз Таныша «Шараф-наме-йи шахи» [МИКХ. С. 269]. О бытовании данного урбонима в более раннее время свидетельствует нисба Камал ад-дин Абу Наср Йусуф ибн Аби-л-Касим ибн Исмаил ал-Иткани, отмеченная в сочинении Ибн ал-Фувати, умершего в 1323 г. [ИКАИ-3. С. 85]. Местность Икан упоминается при описании военных действий между Шибанидами Абдаллах-ханом и Баба-султаном в сочинении Хафиз Таныша «Шараф-наме-йи шахи» [МИКХ. С. 269]. Город обозначен на карте конца XVII – начала XVIII в. С.У. Ремезова как *Гихан*, в атласе И.И. Красильникова 1755 г. – как *Икан* [*Ерофеева*, 2011. С. 338, 350]. В «Насаб-нама» упомянут под названиями *Икан, Иткан, Икан-Канд* [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 207].

По данным Н. Витсена, в конце XVII в. правителем г. Икана являлся Болат-султан, отец будущего хана Абулмамбета [*Витсен*, 2006. С. 67]. *Ихкан* упомянут в списке городов Туркестанского владения, составленном в 1735 г. Н. Алимовым [ИКРИ-6. С. 29]. В начале XVIII в. в Икане располагалась ставка хана Турсына (не позднее 1694 – 1717) [*Ерофеева*, 1997. С. 76]. В конце 40-х гг. XVIII в. здесь находилась ставка сына Турсына Барака – хана группы родов Среднего и Старшего жузов (1749–1750). Он владел Иканом и рядом городов «как настоящей их хан, и не только подати с них берет, но и в Икане чрез них и дом себе построил и протчие работы исправляет» [КРО-1. С.488]. Этот город упомянут и в китайском документе 1759 г. [ҚТҚД. 3 т. 73-б.].

Интересные сведения об Икане мы находим в материалах посольства Д. Телятникова и А. Безносилова конца XVIII в.: селение «построено Средней киргиз-кайсацкой орды Букей-султаном, Барак-хана сыном. Помянутый Букей, собрав завоеванных отцом его ташкентского поколения до 200 семей, которые без призрения по разным городам и местечкам жили, поселил их до сотни в помянутом Икане, а прочих в Туркестане. Сам же он всегда свое пребывание имеет в Икане. Жители питаются пахотой, скотоводства у них нет, довольно обильно родится у них хлопчатая бумага, из которой сотканными вещами одеваются, а излишнее продают» [ИКРИ-6. С.162]. Город упомянут в описании похода султана Абылая против Кокандского владения в 1765–1766 гг. как *Кухан* [*Сулейменов, Моисеев*, 1988. С. 111]. По данным П.И Рычкова, к середине XVIII в. в Икане насчитывалось до 300 семей [ИКРИ-4. С. 77]. На основании археологических обследований городище датируется X–XVIII вв. [*Туякбаев*, 2009. С. 128–129]. В 70-х гг. XX в. поверхность городища была снивелирована землеройной техникой.

7. Карабулак (*Кара-Булак*)

Соответствует городищу Ишкургантобе (Ушкургантобе), расположенному на территории современного села Карабулак, на правом берегу многочисленных родников (Карабулак), образующих реку Карасу (Южно-Казахстанская область, Сайрамский район). Географические координаты: 42Т 562803, 4708372.

Впервые упомянут в переговорах китайского посла с казахским ханом Абулмамбетом (1739–1770/71) в 1759 г. [ҚТҚД. 3 т. 73-б.]. Согласно преданиям, записанным М-Ж. Копеевым, в 60–70-х гг. XVIII в. селение подчинялось власти султана (с 1768 г. – хана) Абылай [Абылай хан. 1 т. 1993. 324–327-бб.]. Как одно из подвластных Ташкенту мест отмечено в материалах поездки Д. Телятникова и А. Безносикова в Ташкентское владение в 1796–1797 гг. [ИКРИ-6. С. 167, 170]. Карабулак упомянут и в генеалогических грамотах ходжей Средней Сырдарьи [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С.115]. Карабулакцы считают своих предков выходцами из Отрара, Икана, Чага и Мата [Юдахин, 1927. С. 404]. Городище датируется X–XVIII вв. [Подушкин, 1994 а. С. 190]. Памятник имеет следы значительных разрушений, в нетронутом состоянии сохранилась только центральная часть городища. Раскопки не проводились.

8. Карамурт (*Харамурол, Карамурын, Карамут, Кара-Мурта, Хара-Мурут*)

Располагался на месте крепости Ишкурган, которая находилась в центре современного с. Карамурт (Южно-Казахстанская область, Сайрамский район). Географические координаты: 42Т 579761, 4684458.

Приведен в 1691 г. в показаниях джунгарских посланников о городах казахов, захваченных джунгарами в начале 80-х гг. XVII в. [Моисеев, 1991. С. 52]. В 1723 г. джунгары вновь захватили «Хара-Мурут» [Моисеев, 1991. С. 72]. Согласно информации ташкентского сарта Н. Алимова, в 1735 г. город находился во владении хана Старшего жуза Жолбарыса (1720–1739) [ИКРИ-6. С. 28]. Позднее он упомянут в донесении китайского посланника о подвластных казахскому хану Абулмамбету местностях Туркестана 1759 г. [ҚТҚД. 3 т. 73-б.]. Как селение отмечен в «Насаб-нама» [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 115]. Лаконичное описание развалин крепости дано этнографом А.Н. Жилиной [Жилина, 1982. С. 143]. Археологические исследования памятника не проводились. Остатки городища были сняты в 70-х гг. XX в.

9. Карачик (*Карачок, Карачюк, Карачук-Кент, Кара-Чук*)

Локализуется на месте городища Тортколь II, которое находится в 8 км севернее г. Туркестана, на левом берегу р. Карашык, на юго-западной окраине села Кумтуин. Географические координаты: 42Т 436373, 4802501.

Название города в форме *Каражук* впервые встречается в сочинении XI в. [Махмуд ал-Кашгари, 2005. С. 450]. *Карачук* является тюркским эквивалентом урбонима *Шавгар*. Город Шавгар, по данным письменных источников IX–XII вв., занимал столичное положение в Туркестанском оазисе. Согласно описанию арабского географа конца X в. аль-Макдиси: «Шавгар – большой город с обширным рустакон, вокруг него стена. Мечеть на краю рынка. Он вдали от большой дороги» [Агеева, Пацевич, 1958. С. 94]. О занятиях жителей имеется примечательная информация в словаре персидского языка «Лугат-и фурс» (составлен во второй половине XI в.): «Жители Шавгара по большей части занимаются тканьем холста» [Баевский, 1980. С. 89]. Исчезновение урбонима *Шавгар* с XII в. со страниц историко-географической ли-

тературы не означало гибели этого центра. С XII в. утвердился тюркский эквивалент названия *Шавгар – Карачук* [Кожа, 2000. С. 21–23].

В X–XII вв. Шавгар-Карачук был под властью Караханидов. В начале XIII в. захвачен хорезмшахом, позже – монголами. Раннему Карачуку-Шавгару соответствует крупнейшее городище Туркестанского оазиса – Торткуль I, расположенное на правом берегу р. Карашык [Кожаев, 1998. С. 86]. Археологические раскопки 2001–2002 гг. показали, что цитадель городища Торткуль I основана в VII–VIII вв. и существовала до XIII–XIV вв. [Елеуов, 2011. 269–277-бб.; Елеуов, 2012. 21-б.].

Послемонгольский Карачук переместился на левый берег р. Карашык и соответствует городищу Торткуль II. Город упомянут в маршручнике армянского царя Гетума I под именем *Харчук* [Киракос Гандзакецци, 1976. С.224], в сочинении конца XVI в. «Шараф-наме-йи шахи» при описании военных действий между Шибанидами Абдаллах-ханом и Баба-султаном [МИКХ, 1969. С. 269]. В 1691 г. отмечен в списке городов казахов, захваченных джунгарами в начале 80-х гг. XVII в. [Мусеев, 1991. С. 52], в росписи городов Казахской орды 1696 г. [ИКРИ-1. С. 379]. Как *Карачок* он обозначен на карте конца XVII – начала XVIII в. С.У. Ремезова [Ерофеева, 2011. С. 338]. Упомянут под именем *Карачюк* в списке городов Туркестанского владения, составленном в 1735 г. Н. Алимовым [ИКРИ-6. С. 29]; в материалах переговоров китайского посла с ханом Абулмамбетом 1759 г. [КТКД. 3 т. 73-б.]. На основании археологического обследования городище Торткуль II датируется XIII–XVIII вв. [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972. С. 175–176; Туякбаев, 2009. С. 117–118]. Часть развалин города уничтожена при строительстве дорог и возведении современных построек на территории памятника.

10. Карнак (Кайрян, Курлак)

Город, позднее – селение, расположенное в 22 км северо-восточнее г. Туркестана. В 30-х гг. XX в. село было переименовано в *Атабай*, в 1992 г. ему возвращено старое наименование. Развалины позднесредневекового Карнака располагаются в центре одноименного села и известны археологам как городище *Ишкент* – «внутренний город». Географические координаты: 42Т 447181, 4818055.

Впервые упомянут в сочинении XI в. [Махмуд ал-Кашгари, 2005. С.439]. Домонгольский Карнак локализуется на месте городища Гартобе, которое находится на западной окраине современного села Карнак. Послемонгольский Карнак располагался на месте городища Ишкент, где заложенные шурфы дали материал XII–XVIII вв. [Туякбаев, 2009. С. 121–122]. В русских источниках XVII в. этот город представлен как важный центр металлургии позднесредневекового Казахстана: «А свинец плавят из руды в городе Карнак» [ИКРИ-1. С. 384]. Согласно местным преданиям, вблизи селения располагаются остатки мастерской, где отливали знаменитый котел для мавзолея Ходжа Ахмеда Ясави [Массон, 1930. С. 16].

По данным Н. Витсена, в конце XVII в. правителем г. Карнака был Каип-султан – будущий старший хан казахов (1715–1718), отец султана Батыра. [Витсен, 2006. С. 67]. Город Карнак обозначен на карте конца XVII – начале XVIII в. С.У. Ремезова, в атласе И.И. Красильникова 1755 г. [Ерофеева, 2011. С. 338, 350], упоминается в приписке к письму хана Абулхаира 1718 г. [КРО-1. С. 28]. В «Сказке» Н. Алимова 1735 г. он фигурирует, как один из городов Туркестанского владения [ИКРИ-6. С. 28], упоминание о нем имеется и в китайском документе 1759 г. [КТКД. 3 т. 73-б.]. Как селение Карнак обозначен в генеалогических грамотах местных хожей [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 115]. В 1762–1798 гг. он был подвластен ханам Болату (1771–1798) и Есиму II (1756/57–1798) [Ерофеева, 1997. С. 81].

По данным подпоручика А. Кушелева, в Карнаке в 1738–1739 гг. было «дворов полтора» [ИКРИ-6. С. 55]. По сведениям П.И. Рычкова, в середине XVIII в. в нем насчитывалось

около 400 семей [ИКРИ-4. С. 77]. В настоящее время на территории городища сохранилась мечеть Ишкент (XIX в.) [Константинова, 1950. С. 37–53]. Большая часть территории городища сnivelирована землеройными машинами, пробурена артезианская скважина и посажен сад.

11. Куш-Курган

Соответствует городищу Коскорган в центре одноименного села в Туркестанском районе ЮКО. Географические координаты: 42Т 458917, 4802522. Упоминается в «Насаб-нама» ходжей района Средней Сырдарьи [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 216]. Городище датируется XIII–XVIII вв. на основе стратиграфического шурфа [Туйкбаев, 2009. С. 38].

12. Манкент (*Мангент, Менкет, Ман-Кинд*)

Располагался на территории современного села Манкент (Южно-Казахстанская область, Сайрамский район). Географические координаты: 42Т 571816, 4698916. Впервые упомянут в географическом словаре Якута XIII в. как город в окрестностях Испиджаба [Волин, 1960. С. 87]. Средневековый Манкент локализуется на месте городища Торткультобе [Подушкин, 1994 б. С. 196], расположенного на левом берегу р. Аксу напротив современного села Манкент.

Упомянут в 1691 г. в показаниях джунгарских посланцев о городах казахов, захваченных джунгарами в начале 80-х гг. XVII в. [Моисеев, 1991. С. 52], встречается в китайских документах 1758 и 1759 гг. в сообщениях о поездках к правителям казахов [КТКД. 3 т. 54, 73-б.]. Согласно преданиям, записанным М-Ж. Копеевым, в 60–70-х гг. XVIII в., город был подвластен Абылай-хану [Абылай хан. 1 т. 1993. 324–327-б.]. Как селение он упоминается в генеалогических грамотах ходжей района Средней Сырдарьи [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 115, 223]. На территории села Манкент археологические исследования не проводились.

13. Мехат (*Махат*)

Определить местоположение городка не удалось. Возможно, урбоним *Мехат* со временем видоизменился в *Мат*. По сведениям К.К. Юдахина, такое название носило небольшое селение около Икана [Юдахин, 1927. С. 404]. Мехат упомянут в списке городов Туркестанского владения, составленном в 1735 г. Н. Алимовым [ИКРИ-6. 2007. С. 29]. В генеалогических грамотах ходжей Средней Сырдарьи упоминается как *Махат* [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 216].

14. Огузтау (*Августау, Окуз, Угустау, Эгистан, Укуз-Таг, Хукуз-таг, Окуз-Таги*)

Локализуется на месте позднесредневекового городища Огузтау 1, расположенного в межгорной долине внутри южного хребта Каратау, приблизительно в 50 км северо-восточнее г. Туркестана. Географические координаты: 42Т 446485, 4833830.

Упомянут в «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме» и других письменных источниках XVI в. при описании военных действий между Шайбани-ханом и казахскими правителями [МИКХ. С. 31, 83, 117]. В комментариях к историческим сочинениям обычно дается интерпретация названия *Окуз-Таги* как «горы, находящейся между г. Сузаком и г. Йасы» [МИКХ. С. 501. Прим. 154; С. 618; ИКПИ-5. С. 221. Прим. 9]. На мой взгляд, в исторических источниках под Огузтау подразумевается в первую очередь одноименная крепость, представлявшая собой относительно небольшое по площади укрепленное поселение на пути от Туркестана в г. Сузак. Причем, глава крепости в источниках именуется «сотник Окуз-Тага», «юзбеги Окуз-Таги, по имени

Кушчи» [МИКХ. С. 31, 117]. В русских источниках середины XVIII в. назван среди подвластных султану Бараку городков [КРО-1. С. 487]. В атласе И.И. Красильникова 1755 г. обозначен как *Угустай*, или как *Августай* [Ерофеева, 2011. С. 350]. В «Насаб-нама» упоминается как *Укуз-Таз* [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 115]. По данным П.И. Рычкова, к середине XVIII в. в Огустай насчитывалось до 40 семей [ИКРИ-4. С. 77]. Подъемный материал с городища относится к позднесредневековому времени [Елеуов, 1997. С. 104–105]. Домонгольский Огустай локализуется на месте тобе с площадкой X–XII вв., расположенной в 200 м к юго-западу от позднесредневекового городища. Среди местных жителей городище Огустай известно и как *Таскорган*, т. е. «каменная крепость». Раскопки не проводились.

15. Отрар (*Атрар, Отров, Утрар, Утроп*)

Располагался на месте городища Отрартобе, расположенного на южной окраине села Талапты (Южно-Казахстанская область, Отрарский район). Географические координаты: 42°44'30.72" N, 74°44'6.99" E.

Отрар в сочинениях ученых раннего периода истории Арабского халифата известен и как *Турарбанд, Тарбанд, Фараб* [Калинина, 1988. С. 39, 48, 66, 151; История ат-Табари. 1987. С. 269]. Согласно определению, приведенному в словаре Якута, «Турарбанд ... – город за Сейхуном... Народ этой страны произносит по-разному это имя, и они говорят *Турар* и *Отрар*» [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972. С. 27–28]. Отрар прославился как родина выдающегося ученого-энциклопедиста Абу Насра аль-Фараби [Байпаков, Азимхан, 2013. С. 137–163]. Историк XIII в. Ибн Халикан писал: «Аль-Фараби означает принадлежность к городу Фараб, ныне называемому *Отрар*... – один из столичных городов тюрков» [Шуйский, 1975. С. 117].

Стратиграфический шурф показал, что нижние слои Отрара относятся к IV–VI вв. [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972. С. 79]. В VII–VIII вв. Отрар превратился в центр одного из владений древних тюрков, стал выпускать собственную монету. В VIII в. район Средней Сырдарьи, в том числе и Отрар, был завоеван мусульманами. Период Караханидов для Отрара был временем его наивысшего расцвета. К началу XIII в. он сложился как крупный городской центр с развитой структурой: цитадель с шахристаном занимали площадь 16 га и рабад – площадь 200 га. Каждая из этих частей города была окружена крепостной стеной [Ерзакович, 1992. С. 177]. Вокруг его ближайшей округи была возведена «длинная» стена [Кожа, 2010].

Захват Отрара монголами в 1219 г. ознаменовал начало упадка жизни города. Возрождение Отрара началось в середине XIII в. В то время здесь чеканились золотые, медные, посеребренные монеты, возводились баня и кирпичеобжигательные мастерские, осваивались незастроенные участки на территории рабада, ремонтировалась крепостная стена шахристана, строились новые ирригационные системы.

В конце XIV–XV в. Отрар был включен в состав империи Тимура и Тимуридов. Вновь была застроена центральная часть, на территории рабада возобновилась деятельность мастерских, строились усадьбы в окрестностях города [Ерзакович, 1992. С. 179–181]. В ближайшей округе возводился уникальный канал Акарык, предназначенный для переброски воды из одной реки в другую [Кожа, 2009. С. 151–153].

В Отраре последний месяц своей жизни провел великий полководец и правитель Тимур, или Тамерлан (1336–1405). Согласно Шараф ад-дин Али Йазди, «Тимур остановился в среду 12 раджаба (14 января) в Отрарском дворце Берди-Бека», где успел принять посла Тохтамыша и скончался там 18 февраля 1405 г. [Зимин, 1914. С. 43–49; Ходжаев, 1998. С. 131–135; Кожа, 2004. С. 50–52].

При ближайших преемниках Тимура произошли события, которые повлекли за собой первый пожар Отрара общегородского масштаба, а во второй половине XV в. запустили рабад и

Первые раскопки на развалинах Отрара были произведены Н.И. Веселовским в 1884 году [Кожа, 2008. С. 11–12]. С 1969 г. по настоящее время ведутся стационарные раскопки городища. В ходе них вскрыты входные ворота и остатки монументальных сооружений в центре города.

16. Сайрам (Саирям, Сайран, Сайрянь, Сосиран, Сейрам, Сарйам, Саран)

Идентифицируется с одноименным городищем, расположенным в центре современного села Сайрам, в 12 км восточнее г. Шымкента (Южно-Казахстанская область, Сайрамский район). Географические координаты: 42Т 562539, 4683345.

Впервые упомянут в XI в. в словаре М. Кашгари: «Сайрам – название Белого города, который называют Исбиджаб» [Махмуд ал-Кашгари, 2005. С. 116, 874]. Его наименование встречается в сочинениях ученых Арабского халифата раннего периода его существования в формах *Исбиджаб*, *Исфиджаб* [Калинина, 1988. С. 39, 63, 66, 130]. Отдельные упоминания о Сайраме в «Насаб-нама» позволяют отнести начальный период его истории к VIII в. В письменных родословных ходжей района Средней Сырдарьи изложена история завоевания доисламского Сайрама войсками мусульман под предводительством Исхак-баба: «В те времена страна Сарйам состояла из 60 тыс. домов, а селений (руста) вокруг него было 400 тысяч. Все они были христианами. Исхак-баб призвал (их) к вере, однако те ее не приняли, а приняли бой. [Тогда он] с 50 тыс. мусульманами против 100 тыс. христиан вступил в сражение. [В сражении] погибли 20 тыс. христиан, пять тысяч мусульман стали мучениками Абд ал-Азиз был ранен в 70 местах и пал мучеником в Сарйаме Исхак-баб назначил в Сарйаме Абд ас-Салама..., он 45 лет обучал народ Сарйама илм-и хикмат». [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 226, 228, 111].

Археологические исследования, проведенные в 2004 г. на территории шахристана городища Сайрам, дали материалы не ранее IX в. [Байтанаев, 2007. С. 62–81], поэтому можно предположить, что домусульманский Сайрам находился в другом месте.

Скорее всего, возрождение Сайрама произошло на новом месте. Исхак-баб, «измерив Ка'ба-хану, построил [по его размерам] мечеть Джуба/Чуба в Сайраме», а «для хранения казны построил крепость [урда]» [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 226, 228, 111]. С этого времени Сайрам стал превращаться в форпост новой мировой религии на территории Казахстана.

Сайрам-Испиджаб чаще других средневековых городов юга Казахстана упоминается в источниках IX–X вв. В 840 г. он был завоеван Саманидами. В составе Саманидской державы Испиджабом управляла полунезависимая тюркская династия, пользовавшаяся большими привилегиями, в том числе и правом чеканки собственных монет [Бурнашева, 2006. С. 107]. В X–XII вв. Сайрам был под властью Караханидов. Лаконичное описание города сохранилось у арабского географа X в. ал-Макдиси: «Исбиджаб – большой окружной город. Он имеет рабад и населенную медину. В ней крытые рынки, рынок полотна и соборная мечеть. Она имеет четверо ворот, у каждых ворот рабат: ворота Нуджакета, ворота Фархана, ворота Шакраны, ворота Бухары. Рабаты: нахшебцев, рабат бухарцев, рабат самаркандцев, рабат Каратегина, а в нем его могила и рынок, ежемесячный доход которого – 7000 диргемов – он завещал на выдачу беднякам хлеба и пропитания. Говорят, что в нем (городе) 1700 рабатов. Это славная пограничная крепость и место войны за веру. Вокруг его рабада стена, а в нем заброшенная цитадель. Они не знают неурожая ... город чистый» [Волин, 1960. С. 80–81].

В начале XIII в. Сайрам был захвачен хорезмшахом, позже – монголами. В составе Монгольской империи он оставался экономическим центром региона. Известны серебряные монеты с указанием монетного двора – Сайрам, Испиджаб.

округа города. Дворцовая мечеть в центре города была переделана в жилую постройку, прилегающие участки некогда жилой застройки стали использоваться под кладбище [Ерзакович, 1992. С. 181]. В Отраре перестал работать монетный двор. Последняя чеканка отрарских монет относится к 1415–1416 г. [Настич, 1983. С. 149–151]. К середине XV в. город перестал играть роль столичного центра в районе Средней Сырдарьи.

В 80-х гг. XV в. Мухаммад Шайбани-хан овладел Отраром. Попытка осады города, предпринятая казахским ханом Бурундуком (1473/74–1509), оказалась безуспешной. В середине XVI в. город временно перешел к казахам. Окончательное его вхождение в состав казахских ханств относится к концу XVI в. [Пищулина, 1969. С. 21–22]. Археологические исследования позднесредневековых слоев городища показали, что в XVI в. Отрар пережил кризис: на восточном и юго-западном участках центральной части города большая часть домов была заброшена, кое-где появились кладбища и свалки. Функции крепостной стены выполняли задние стены жилых домов, выходившие на край бугра, высотой до 15 м. Археологические исследования верхних слоев городища свидетельствуют о том, что с начала XVII в. и вплоть до 80-х гг. этого столетия происходил новый взлет строительной деятельности, охвативший территорию центральной части города. Отрар отстраивался заново, на многих участках жилые кварталы возводились одновременно, по единому плану. Происходила кантризация, аграризация города [Ерзакович, 1992. С. 182]. Оказалось, что в каждом третьем доме Отрара кроме запаса зерна на одну семью хранилось дополнительно еще 5–8 тонн зерна. Это позволяет предположить, что треть горожан была связана с товарным производством зерна [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1979. С. 10–11].

По подсчетам Л.Б. Ерзаковича, в начале XVII в. в Отраре проживало 5212 человек [Ерзакович, 1988. С. 53–58]. Эта цифра характерна, вероятно, для периода подъема жизнедеятельности города, который происходил на рубеже XVI–XVII вв. Уже к середине XVII в. автор сочинения «Бахр ал-асрар» Махмуд ибн Вали писал, что «Отрар ... в настоящее время заброшен» [Махмуд ибн Вали. 1977. С. 15]. Археологические исследования показывают, что отрарцы проживали тогда только в центральной части города – внутри крепостной стены шахристана площадью 16 га.

Тем не менее, в качестве города Отрар продолжал функционировать в течение всего XVII и первой половины XVIII в., о чем убедительно свидетельствуют данные разных документальных и картографических источников. В 1696 г. он отмечен в «рописи» городов Казахской орды тобольских казаков Ф. Скибина и М. Трошина, а в 1735 г. – в списке городов Туркестанского владения, составленном ташкентским сартом Н. Алимовым [ИКРИ-1. С. 379; ИКРИ-6. С. 29]; обозначен на карте конца XVII – начала XVIII в. С.У. Ремезова (*Утпар*) и в Атласе 1755 г. И.И. Красильникова (*Атпар*) [Ерофеева, 2011. С. 338, 350]. Согласно Н. Витсену, правителем этого города в 90-х гг. XVII в. был хан Турсын – отец будущего хана (с 1749) Барака [Витсен, 2006. С. 67]. В показаниях оренбургского переводчика М. Арапова за 1749 г. Отрар упомянут среди подвластных Бараку городов [КРО-1. С. 487].

В 1681–1682 гг. город подвергся осаде джунгарских войск под командованием Галдана-Бошохту-хана (1678–1697), а затем, не позднее лета 1684 г., наряду с Сайрамом был захвачен джунгарами [Раднабхадра, 1999. С. 98], что привело к общегородскому пожару и постепенному угасанию жизни в этом урбанистическом центре. По данным П.И. Рычкова, в первой половине XVIII в. в Отраре насчитывалось жителей «до 40 дворов, которые все земледельцы и в бедном состоянии» [ИКРИ-4. С. 260]. Согласно археологическим материалам, письменным источникам и местным преданиям, время окончательного запустения Отрара относится к середине XVIII в. [Ходжаев, 1993. С. 57–61]. Во второй половине XVIII в. Отрар исчезает со страниц письменных источников.

В конце XIV – XV в. Сайрам находился в составе государства Тимуридов. Минские послы Чюнь Чэн и Ли Гуй, посетившие Сайрам весной 1415 г., отметили в округе города обилие злаков и фруктовых деревьев, а также многочисленность его населения [Китайские документы, 1994. С. 231].

В XVI в. Сайрам оставался важным торгово-земледельческим центром региона, чеканил собственную монету [Пищулина, 1969. С. 23–25; Бурнашева, 2006. С. 108–112]. В начале XVI в. он был присоединен ханом Касымом (1509–1521) к Казахскому ханству, что нашло отражение в труде Мирзы Мухаммад-Хайдара Дуглата «Та'рих-и Рашиди»: «Ранней весной... человек от Катта-бека в сопровождении знатнейших лиц Сайрама (арбаб) принес [ему] ключ от Сайрама и предложил ему Сайрам. Он [Касим-хан] принял предложение [Катта-бека] и направился в сторону [города] Тараза Катта-бек сдал ему Сайрам...» [МИКХ. С. 223].

В XVII – первой половине XVIII в. Сайрам был одним из наиболее крупных городов казахских ханств [ИКРИ-6. С. 28]. На карте С.У. Ремезова он обозначен под названием *Сайран*, на карте Й.-Г. Рената 1738 г. – как *Сарам* (Saram), в атласе И.И. Красильникова 1755 г. – как *Саран* [Ерофеева, 2011. С. 338, 345, 350]. В период правления хана Тауке (не позднее 1672–1715) представители трех казахских жузов часто собирались для совещания на холме Мартобе, который расположен в нескольких км от Сайрама. По данным Н. Витсена, в конце XVII в. городом управлял Карабас-султан [Витсен, 2006. С. 67].

В конце 1681 – начале 1682 г. Сайрам был окружен ойратскими войсками во главе с Галданом-Бошохту-ханом, который около половины года держал население города в осаде, а затем возвратился в верховья Или. В 1683 г. Галдан совершил новый поход на Сайрам, пленил и привел в свою ставку двух казахских султанов, в том числе одного из сыновей Тауке-хана. Летом 1684 г. Сайрам был захвачен войсками племянника Галдана, будущего джунгарского хунтайджи Цэван-Рабдана (1697–1727), который подверг город серьезным разрушениям [Раднабхадра, 1999. С. 98]. Часть его жителей была уведена джунгарами в ургу и Восточный Туркестан.

В 1723 г. джунгарские войска под командованием сына Цэван-Рабдана Лоузана-Шоно (ум. в 1732) вновь захватили Сайрам, но в 1729 г. были вынуждены оставить его из-за понесенных поражений в войне с народным ополчением трех казахских жузов. В 1735 г. джунгары в очередной раз захватили Присырдарьинский регион и распространили свою власть на Сайрам, который находился под их контролем до середины XVIII в. [Мусеев, 1991. С. 51, 72]. В результате всех этих завоеваний численность городских жителей в 30–40-х гг. XVIII в. заметно уменьшилась. По данным путешественника А. Кушелева за 1738–1739 гг., в Сайраме тогда насчитывалось не более 200 дворов [ИКРИ-6. С. 55].

Во второй четверти XVIII в. в Сайраме находилась ставка хана Кушыка (позднее 1717–1750) [Ерофеева, 1997. С. 78]. В 60–70-х гг. город был подвластен Абылай-хану [Абылай-хан. 1 т., 1993. 324–327-66.].

В настоящее время вся территория древнего города занята современными жилыми домами и другими постройками, между которыми располагается старинный минарет, мавзолей Карашаш-ана и другие архитектурные памятники.

17. Сауран (*Савран, Сараван, Саурар, Суран, Ясырван*)

Находился на месте городища Сауран, которое расположено в 40 км северо-западнее г. Туркестана, на границе Южно-Казахстанской и Кызылординской областей. Географические координаты: 42Т 400642, 4819084.

Первые упоминания о Сауране в письменных источниках относятся к X в. В них констатируется: «Сауран – большой город, окруженный семи стенами одна за другой, а в нем есть

рабат, соборная мечеть находится во внутреннем городе. Он – пограничная крепость против гузов и кимаков...» [МИТТ. 1939. Т. 1. С. 185]. Имеются сведения о существовании города еще в доисламский период. В письменных родословных «Насаб-нама» изложена история завоевания Саурана в VIII в. войсками мусульман под предводительством Исхак-баба: «После этого Туббат-Дар падишах в сторону Сулхана, который теперь племена тюрков называют Сауран, бежал. ... После этого Исхак-баб, осадив город Сулхан и несколько суток провоевав, сорок тысяч неверных христиан убил. Семь тысяч мусульман стали мучениками. ... После этого [он] три крепости (стены), которые стоят одна вокруг другой, то есть опоясывая друг друга, воздвиг...» [Муминов, 2003. С. 140]. Ранний Сауран локализуется на месте городища Каратобе, в 3 км южнее развалин позднесредневекового Саурана [Байпаков, 1994. С. 307].

Как город, который «очень велик», он упомянут в XIII в. в маршрутке армянского царя Гетума I [Киракос Гандзакецци, 1976. С. 224]. В первой половине XIV в. в Сауране располагалась резиденция правителей Ак-Орды. В 1320 г. здесь был похоронен хан Сасы-Бука. Его сын Эрзен вошел в историю как строитель медресе, ханаки и мечетей в Сауране и других городах региона [СМИЗО. Т. 2. С. 129]. Согласно данным позднесредневековых мусульманских авторов, Сауран попеременно находился под властью Урус-хана, Тохтамыша, Тимура и его потомков, а также Шибанидов [СМИЗО. Т. 2. С. 129, 135–136, 147, 153, 157, 160; Пищулина, 1969. С. 17–19].

В 80-х гг. XV в. правителем Саурана на протяжении нескольких лет был Иренчи-хан – сын одного из первых казахских ханов – Жанибека (1465–1473/1474). В первой половине 1515 г. Шибанидом Убайдулла-ханом (1512–1539) в Сауране было построено медресе с качающимися минаретами – «одно из чудес мира», город снабжался водой кяризами – подземными галереями, посредством которых подземные воды выводились наружу [Болдырев, 1957. С. 160–161, 335]. «Крепость Сабрана является сильно укрепленной твердыней», – писал в XVI в. Хафиз Таныш и сообщил об использовании при его осаде войсками Абдаллах-хана камнеметных машин и пушек [ИКПИ-5. С. 324–325].

С конца XVI в. Сауран полностью перешел под власть казахских ханов [Пищулина, 1969. С. 17–19]. В начале XVII в. им и другими близлежащими городами владел некий хан Абылай (Аблахан). Не позднее 1616 г. его место занял Турсун-Мухаммад-хан [МИРМО, 1959. С. 43]. Известна продукция сауранского монетного двора XV–XVI вв. На монете Саурана 995 г.х. (1586/87 гг.) указано имя: *Адил-хан* [Бурнашева, 2006. С. 101–102].

Как город, Сауран функционировал и в течение XVII – первой половины XVIII в. Он обозначен на карте С.У. Ремезова под названием *Савран*, упомянут среди городов Туркестанского владения также ташкентским сартом Н. Алимовым в 1735 г. [Ерофеева, 2011. С. 338; ИКРИ-6. С. 28]. Примечательно что на городище Сауран археологами были обнаружены медные монеты царя Алексея Михайловича, чеканенные в 1655–1663 годах. Время проникновения этих монет на городские рынки Южного Казахстана специалисты относят ко второй половине XVII в. [Настич, 1983. С. 152].

Согласно Н. Витсену, правителем Саурана в конце XVII в. был султан Кажи (*Каз-султан*), отец будущего хана Абулхаира (1710–1748) [ИКРИ-6. С. 67]. В 40-х гг. XVIII в. город был подвластен хану Бараку, позднее – Абулмамбету [КТКД. 3 т. 73–6.], в 1762–1770 гг. – Есиму II [Ерофеева, 1997. С. 81]. По данным П.И. Рычкова, к середине XVIII в. в Сауране насчитывалось до 100 семей [ИКРИ-4. С. 77].

Строительные горизонты Саурана датируются XIV–XVIII вв. [Байпаков, Смагулов, 2005. С. 66, 81–84]. Первые раскопки на территории одноименного городища провели П. Лерх [Лерх, 1870. С. VIII–IX] и Н.И. Веселовский [Кожя, 2008. С. 6–7]. Здесь сохранились до наших дней средневековые крепостные стены, башни. Раскопками в начале XXI в. вскрыты входные ворота, остатки монументальных сооружений в центре города.

18. Сузак (*Созак, Сосак, Сусак, Сузак-Канда*)

Локализуется на месте городища Сузак, расположенного на территории одноименного поселка Сузакского района Южно-Казахстанской области. Географические координаты: 42Т 457209, 4887383.

Археологические исследования городища показали, что его нижние слои относятся к X–XII вв. [Ерзакович, 1966. С. 68]. Сузак впервые упоминается в 1256 г. в маршрутке армянского царя Гетума I [Киракос Гандзакец, 1976. С. 224]. В генеалогических грамотах ходжей Средней Сырдарьи фигурирует представитель династии Караханидов Тахир-хан, который в конце XII – начале XIII в. построил в Сузаке крепость и мечеть, прорыл ирригационные каналы [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 214].

Согласно «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», Сузак входил в состав улуса Джучи, и в городе находился сын Джучи Беркеджар [МИКХ. С. 34]. В 1446 г. правитель Восточного Дашт-и Кипчака Абу-л-Хайр-хан захватил туркестанские города и «пожаловал город Сузак султану султанов Бахтийар-султану» [там же. С. 159]. По данным «Та'рих-и Кипчаки», Абу-л-Хайр-хан был захоронен «в городе Сузак около Так-Хана» [там же. С. 393].

В сочинениях позднесредневековых мусульманских авторов при описании исторических обстоятельств борьбы Мухаммада Шайбани-хана с казахами за города области Туркестан часто упоминается город Сузак [Пищулина, 1969. С. 26; МИКХ. С. 31, 74, 83, 106, 117, 366]. Судя по приведенным в них сведениям, он в XV–XVI вв. являлся хорошо укрепленным городом и традиционно служил опорным пунктом казахских ханов в борьбе за города Туркестана [МИКХ. С. 21, 105, 293].

В качестве города Сузак функционировал и в XVII – первой половине XVIII в., о чем свидетельствуют различные упоминания о нем в письменных и картографических источниках того времени. В 1735 г. ташкентский сарт Н. Алимов сообщал российским пограничным чиновникам о Сузаке, что еще в недавнем прошлом это «был город немалый, а разорили калмыки и людей к себе вывезли» [ИКРИ-6. С. 28].

По информации Н. Витсена, в конце XVII в. правителем Сузака являлся Абылай-султан (*Абла-султан*), дед будущего хана Абылая [Витсен, 2006. С. 67]. В 40-х гг. XVIII в. город принадлежал султану Бараку [КРО-1. С. 488].

По данным П.И. Рычкова, в середине XVIII в. в Сузаке проживало 40 семей [ИКРИ-4. С. 77]. По сообщению акына Шади-торе Жангирулы, позднее Абылай-хан для возрождения Сузака переселил в опустевший город некоторую часть оседло-земледельческого населения из других районов Южного Казахстана [Абылай хан. 1 т. 172–173-бб.]. Согласно данным Христофора Барданеса, во второй половине XVIII в. часть казахов Старшего жуза, проживавших в Сузаке, летом выезжали в степь, другие оставались в городе, где занимались ремеслом и земледелием [ИКРИ-4. С. 168].

В 1964–1965 гг. отряд Семиреченской археологической экспедиции под руководством Л.Б. Ерзаковича произвел первые раскопки на территории Сузака [Ерзакович, 1966. С. 66–69]. Последние археологические исследования городища были проведены в 2010 г. [Талеев, 2011. С. 61–64]. В настоящее время на его территории возвышаются два купольных сырцовых мавзолея.

19. Суйри (*Саври, Суюри, Сюри, Сюрю, Сури-Канд*)

Локализация средневекового города, позднее – селения Суйри облегчается тем, что к юго-востоку от современного г. Туркестана сохранился канал Суйри, вблизи которого на советских

картах обозначен «курган Турткультобе». Однако в советский период городище было полностью уничтожено при мелиоративных работах.

Суйри упомянут в маршрутке Гетума I под именем *Саври*, как город, лежавший между Ясы и Отраром [*Киракос Гандзакечи*, 1976. С. 224], что указывает на его местоположение к югу от Ясы-Туркестана. Южнее г. Туркестана в направлении Отрара выявлено городище Шойтобе, которое, на мой взгляд, соответствует более раннему Суйри. В легенде про Ходжа Ахмеда Ясави *Суюри* – название селения, жители которого убили сына святого в ходе ссоры за воду для орошения полей. Ахмед Ясави проклял его жителей, которые после этого стали умирать, и род их прекратился [*Муминов*, 2003. С. 150].

В сочинении XVI в. Хафиза Таныша «Шараф-наме-йи шахи» встречается упоминание о «Сури, известной подвластной Туркестану земле» [МИКХ. С. 283]. В родословных ходжей района Сырдарьи название этого селения обозначено и в форме *Сури-Канд* [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 231]. Согласно П.И. Рычкову «сюрю – народ самой малой, всего семей до тридцати, живут в городке Сюре от Туркестана верст с восемь» [ИКРИ-4. С. 75]. Поэтому упомянутый им городок Сюре соответствует «кургану Турткультобе».

Подаренная Галдан-Цэренем в 1743 г. султану Абылаю при освобождении его из джунгарского плена «разоренная калмыками деревня, называемая *Сундуки*, не в дальнем расстоянии от Туркестана стоящая» [ИКРИ-6. С. 132], вероятно, соответствует историческому топониму *Сури*, а *Сундуки* является искаженным названием этого населенного пункта. В материалах поездки Д. Телятникова и А. Безносикова конца XVIII в. Суйри упоминается уже как безымянная «пустая маленькая крепостца» в 10 верстах от г. Туркестана по пути в Икан [ИКРИ-6. С. 161].

Существует мнение, что былой город Сури соответствует городищу Сортобе, расположенному в 12 км юго-западнее Туркестана [*Байпаков*, 1977. С. 88]. Это неверно, поскольку городище Сортобе датируется периодом не позднее XV–XVI вв. [*Байпаков*, 1990. С. 17]. Суйри располагался, судя по данным письменных источников, к югу от города Туркестан «верст с восемь» [ИКРИ-4. С. 75].

20. Султанрабат (*Султанрабат, Султан Рабат*)

Располагался на месте городища Султанрабат в 0,5 км к юго-западу от современного одноименного села ((Южно-Казахстанская область, Толебийский район). Географические координаты: 42Т 568649, 4670258.

Упомянут в описании похода султана Абылая против Кокандского владения в 1765–1766 гг. как *Салтан Рабат* [*Сулейменов, Моисеев*, 1988. С. 111]. Как селение упоминается в генеалогических грамотах ходжей района Средней Сырдарьи [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 115]. Согласно казахским преданиям, записанным М-Ж. Копеевым, это селение в 60–70-х гг. XVIII в. было подвластно Абылай-хану [Абылай хан. 1 т. 1993. С. 324–327]. Городище предварительно датировано VIII–XVII вв. [*Подушкин*, 1994. С. 170–171]. Раскопки на его территории не проводились.

21. Сыгнак (*Сигнак, Синак, Сунак, Сугнак, Сырнагата, Сырнак, Сырняк*)

Локализуется на месте городища Сунак-Ата, в 2 км северо-западнее современного села Сунак-ата (Кызылординская область, Жанакорганский район). Географические координаты: 42Т 336612, 4891149.

Сыгнак в форме *Сунах* впервые упомянут в анонимной рукописи персидского географа X в. как «небольшой город в области Фараба, очень богатый»; откуда вывозили в разные места луки [*Бартольд*, Очерк истории туркменского народа. С. 560]. Согласно словарю М. Каш-

гари, «Сугнак – один из огузских городов» [Махмуд ал-Кашгари, 2005. С. 438]. Как селение он отмечен Абу Садам ас-Самани: «Абу-л-Фадл Сиддик ибн Сайд ас-Сунахи ал-Фараби – из селения Сунах, из городов Исбиджаба»; а позднее – известным историком Ибн ал-Асир [ИКАИ-3. С. 47, 71]. Сыгнак упомянут персидским историком Джувейни при описании походов хорезмшахов, потом – Чингиз-хана [Джувейни, 2004. С. 58, 196, 212], в труде ан-Насави о монгольском завоевании [Насави, 1996. С. 78–79]. Под именем «Сгнах» он отмечен в XIII в. в маршрутке армянского царя Гетума I [Киракос Гандзакецци, 1976. С. 224]. Стратиграфические шурфы на городище Сунак-Ата [Жолдасбаев, 2010. С. 94] не выявили слоев X–XIII вв., что указывает на иное местонахождение домонгольского Сыгнака, который был взят штурмом во время похода Чингиз-хана на запад. Поэтому обозначенная почти во всех археологических исследованиях домонгольская дата основания городища Сунак-ата является некорректной.

Скорее всего, город возродился на новом месте, и городище Сунак-Ата соответствует позднесредневековому Сыгнаку, упоминаемому в источниках с XIV в. Город был одним из столичных центров Ак-Орды (Кок-Орды), чеканил монеты, служил связующим звеном между кочевым и оседлым населением Дашт-и Кипчака и Мавераннахра [Пищулина, 1969. С. 14–16]. В источниках приводятся сведения об известных выходцах из Сыгнака: Камал ад-Дине ас-Сыгнаки и Хусейне ибн Али ибн Хаджадж ибн Али ас-Сыгнаки [ИКАИ-3. С. 84, 118, 136, 157–158, 172–174]. Город упомянут в XIV в. в труде секретаря египетского султана ал-Умари [ИКАИ. Т. 1. С. 175]. Согласно «Чингис-наме» Утемиш-хаджи, Сыгнак входил в состав улуса Джучи и здесь какое-то время проживал сын Джучи – Берке [Утемиш-хаджи, 1992. С. 96]. В Сыгнаке располагалась могила хана Эрзена [СМИЗО. Т. 2. С. 130]. Согласно Фазлаллах ибн Рузбихану Исфাহани, именно в этом городе находился пантеон правителей Дашт-и-Кипчака: «Из именитых ханов Дешта гроб каждого, кому наступал час предопределенной смерти, обязательно доставляли в Сыгнак, и над могилой его воздвигали здание, похожее на купол». За пределами города располагался мавзолей Абу-л-Хайр-хана [Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани, 1976. С. 116–118].

Одним из степных правителей, обустроивших Сыгнак, был Урус-хан (1368–1376/77) [СМИЗО. Т. 2. С. 130, 196–197; Пищулина, 1969. С. 14]. В городе тогда было развито ремесло, вокруг располагалась большая земледельческая округа. Известна продукция сыгнакского монетного двора последней четверти XIV – XV в. [Бурнашева, 2006. С. 114–115]. О развитии международной торговли в то время свидетельствуют находки в ходе археологических исследований на городище Сунак-Ата фрагментов китайского фарфора и селадона, иранской посуды. Город неоднократно упоминается в средневековых письменных источниках при описании военных действий между Тимуром, Тохтамышем и Урус-ханом. В 1377 г. там «возвели Токтамыш-оглана на ханский престол» [СМИЗО. Т. 2. С. 107–109, 136, 148, 149–150]. В XV в. Сыгнак временами принадлежал Улугбеку, позже – сыну Урус-хана Бараку. В 1446 г. он был включен в состав владений Абу-л-Хайр-хана, который «управление Сыгнака вручил известному Манеоглану» [МИКХ. С. 159].

В период длительной борьбы за присырдарьинские города между Шибанидами и казахскими правителями Сыгнак чаще, чем другие города попадал в руки казахских ханов, так как именно здесь, на окраине исторической области Туркестан, находились зимние кочевья казахов. Рузбихан Исфাহани отмечал, что в его время Сыгнак несколько утратил свою былую мощь и славу: «Этот город в древности был очень цветущим, был окружен большими постройками и обработанными полями, богат разнообразными продуктами и являлся торговым пунктом для казахского народа», но «сейчас число жителей невелико» [Пищулина, 1969. С. 14,15].

Османский историк XVI в. Махмуд ал-Кафави (ум. в 1582) писал о Сыгнаке уже не как о крупном торговом центре, а как о «городке в Туркистане» [ИКАИ-3. С. 157]. В качестве тако-

вого он фигурирует и в документальных источниках конца XVII – первой половины XVIII в. [Ерофеева, 2011. С. 338; ИКРИ-6. С. 28].

В конце XVII в. правителем г. Сыгнака являлся Ишим-султан [Витсен, 2006. С. 67]. В середине XVIII в. город был подвластен казахскому хану Бараку, в 1762–1798 гг. служил стационарной ставкой сыну хана Самеке Есиму II [Ерофеева, 1997. С. 81]. Был покинут жителями в начале XIX в. [Лерх, 1870. С. 38]. Одним из первых описание развалин Сыгнака оставил востоковед Н.И. Веселовский [Кожа, 2008. С. 5–6]. Археологические исследования на территории городища выявили, что жилища его верхнего горизонта относятся к XVIII–XIX вв. [Жолдасбаев, 2010. С. 94]. В настоящее время здесь сохранились развалины монументальных сооружений – мавзолеев и ханак.

22. Тасанак (*Тасианикак, Ташакан, Ташанак, Ташлиак*)

Локализуется на месте городища Абд аль-Малик, расположенного в селе «30 лет Казахстана» (бывшее с. Ташанак, Ынтымак). Географические координаты городища: 42Т 449891, 4789663.

Впервые упомянут в списке городов Туркестанского владения, составленном в 1735 г. Н. Алимовым [ИКРИ-6. С. 29]. Упоминание о нем встречается также в китайском документе 1759 г. [ҚТҚД. 3 т. 73-б.]. По свидетельству П.И. Рычкова, к середине XVIII в. в Ташанак насчитывалось до 100 семей [ИКРИ-4. С. 77]. Согласно данным Христофора Барданеса, во второй половине XVIII в. часть казахов Старшего жуза, проживавших в Тасанак, летом выезжали в степь; другие жители оставались в городе, где занимались ремеслом и земледелием [ИКРИ-4. С. 168].

Стратиграфический шурф в месте расположения Тасанака дал материалы XIV–XVIII вв. [Туякбаев, 2009. С. 66]. В конце XX – начале XXI в. большая часть городища была разрушена [Елеуов, 2005. С. 74–77].

23. Текек

Находился на территории городища Костобе, расположенного вблизи современного села Теке. Географические координаты городища: 42Т 419590, 4784199. Упомянут впервые в 1691 г. в материалах опроса джунгарских посланников о городах «Казачьей Орды» [ИКРИ-1. С. 396]. На основании проведенных археологических исследований памятник датируется XVII–XVIII вв. [Туякбаев, 2009. С. 39].

24. Туркестан (*Азрет, Торкустан, Тургистан, Тургустан, Туркастант, Туркестант, Туркустан, Тюркюстан, Тюрюкстан, Йаси, Йассы, Яссиу, Ясу, Ясун, Ясы, Эссия*)

Соответствует городищу Ески-Туркестан, расположенному в юго-восточной части современного города Туркестан. Географические координаты городища: 42Т 440755, 4794153.

В период позднего средневековья и нового времени город был известен под несколькими названиями. Туркестан, как писал в середине XVIII в. П.И. Рычков, «и другое звание имеет – Яссиу, которое будто бы старше Туркестанта» [ИКРИ-4. С. 64]. Урбоним Ясы, как Асон, впервые упомянут в описании поездки армянского царя Гетума I в 1255 г. [Киракос Гандзакецц, 1976. С. 224]. О существовании населенного пункта с таким названием в домонгольскую эпоху свидетельствуют монеты хорезмшаха Мухаммада ибн Текеша с обозначением монетного двора Йаси и нисба Ходжа Ахмеда Ясави [Настич, 1983. С. 144–145]. Историк XVII в. Мах-

муд ибн Вали писал: «Нынче Туркестан – это город Сакси, который простой народ называет *Иасы*» [Махмуд ибн Вали. 1977. С. 244]. Археологические исследования показали, что ранний Ясы локализуется на месте городища Культобе [Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999. С. 79–111].

Ясы в XIV в. оставался небольшим городком. В конце XIV – начале XV в. здесь был построен мавзолей-ханака Ходжа Ахмеда Ясави, возведены стены цитадели, начал функционировать монетный двор. По данным «Фатх-наме» Моллы Шади и «Шайбани-наме» Камал ад-Дин (Шир-) Али Бинаи, здесь располагалась также резиденция наместника Тимурида султана Ахмеда [МИКХ. С. 69, 101, 118]. Позже город стал центром шибанидских наместников в Туркестанском регионе.

На фоне начавшегося в XV в. упадка городов Средней Сырдарьи росло значение Ясы как политического, административного и экономического центра крупного региона. Уже в начале XVI в. Рузбихан Исфакхани отметил его новую роль: «Город Ясы, который является гробницей его святейшества Хаджи – обширное и плодотворное владение, столица областей Туркестана» [ИКПИ-5. С. 207]. Османский историк Махмуд ал-Кафави (ум. в 1582) писал о нем как о месте пребывания «царя Туркестана» [ИКАИ-3. С. 158].

В письменных источниках конца XVI–XVII в. Ясы именовался то как «крепость Иасы», то как «крепость Туркестан». Появление второго названия города было связано с изменением его статуса. Теперь притязания на г. Ясы означали притязания на весь Туркестанский район. Название *Туркестан* стало ассоциироваться с названием столицы, главного урбанистического центра региона, что привело к параллельному сосуществованию двух названий города, а потом и к частичной замене имени *Ясы* на *Туркестан*. Однако урбоним *Ясы* встречается и в источниках XVIII в. Среди местного населения было распространено еще одно название – *Азрет*. Происхождение данного урбонима связано с тем, что в Туркестане находится знаменитая гробница Ходжа Ахмеда Ясави, почетное имя которой – *Хазрет-и Туркестан*, в сокращенном варианте – *Азрет* и стало одним из названий города.

Расположенная в северо-восточной части городища Ески Туркестан ханака Ахмеда Ясави уже в XV в. превращается в пантеон, где были похоронены представители высшей степной знати. В здании, построенном Тимуром над могилой Ахмеда Ясави, располагались могилы многих узбекских ханов и их жен [Бартольд, 1968. С. 183]. Недалеко от ханакки был воздвигнут мавзолей Рабии Султан-бегум – жены хана Восточного Дашт-и Кипчака Абу-л-Хайра. «Под большим куполом мечети хазрет-султана Ходжи Ахмеда Ясави, на камне перед колодецем мечети находилась надгробие Аман Бике» [Ахмеров, 1896. С. 18–19], которая являлась дочерью одного из основателей казахского государства – хана Жанибека [Кожа, 2000. С. 29].

Ясы-Туркестан в 1579 г. принадлежал казахскому хану Хакк-Назару (1551–1580). Затем здесь на некоторое время утвердился правитель Бухары Абдаллах-хан (1583–1598), поставивший во главе городов Туркестанского региона своих наместников [Пищулина, 1969. С. 19]. С именем последнего связывается ремонт мавзолея Ахмеда Ясави [Маньковская, 1960. С. 69].

Первым из казахских правителей, кто разместил свою ставку в городе Туркестан, был Есим-хан (1598–1613/14, 1627–1628). О своем трехмесячном пребывании у Есим-хана в его туркестанской резиденции написал хивинский монарх и будущий знаменитый историк Абу-л-Гази Бахадур-хан (1583–1655) [КТТД, 5 Т. 195-б.]. Турсун-Мухаммад (1613/1614–1627), ставший старшим ханом казахов в 1613–1614 г., сохранил льготы, дарованные потомкам Ахмеда Ясави. Среди 15 документов, сохранившихся в конце XIX в. у туркестанского шейха, была и грамота 1035 г. хижры, выданная казахским ханом зрителям мавзолея [Лерх, 1870. С.21–22].

В последней четверти XVII – начале XVIII в. Туркестан являлся местом пребывания старшего хана казахов Тауке. Примечательно описание города того времени, составленное по опросам «бывалых людей» путешественником Н. Витсенем: «Он окружен водой, земляные

валы засыпаны песком, с плоскими ротондами. Ротонда у дома Тевки-хана сооружена из обожженного кирпича. Всего до ворот города находится шесть ротонд, они сооружены из необожженного кирпича. Стены города достаточно прочные, во всяком случае, по сравнению с другими городами. Длина стены по периметру составляет более одной версты, а это, примерно, одна пятая часть немецкой мили» [Витсен, 2006. С. 66–67]. По плану Туркестана, составленному майором Карлом Миллером в 1743 г., город был окружен стеной с шестью воротами в виде башен. Имелся огражденный стеной подтреугольный участок с башней внутри города, который был обозначен словом *ханово* [Ерофеева, 2001. С. 8]. Крепостные стены Туркестана позволили Тауке-хану укрыться от войск джунгарского правителя Галдана Бошкту-хана, когда в 1681–1684 гг. он трижды вторгнулся в Южный Казахстан [Моисеев, 1991. С. 52].

В 1715–1718 гг. Туркестан являлся постоянным местом пребывания преемника Тауке – нового старшего хана казахов – Каипа I (1715–1718) [ИКРИ-1. С. 297]. В период с 1719 по 1724 гг. он был резиденцией старшего хана Абулхаира (1719–1748). В 1723 г. Туркестан был захвачен джунгарами. Год спустя Абулхаир освободил его от джунгар и около года удерживал город и окрестные селения под своим контролем, но в начале 1725 г. под напором намного превосходящих сил противника был вынужден оставить Южный Казахстан [Ерофеева, 1999. С. 123–125].

С конца 20-х гг. XVIII в. до конца столетия в Туркестане имели свои главные ставки следующие казахские ханы: Сын Тауке-хана Самеке (в 1729–1737), старший сын последнего Сеит (в 1741–1744), сын Болат-хана (не позднее 1712–1723) Абулмамбет (в 1744–1757, 1762–1770), деливший власть здесь с 1762 по 1770 гг. с другим сыном Самеке – Есимом; сын Вали-султана Абылай (в 1771–1780), сын Абулмамбета Тауке (в 1784–1797) [КРО-1. С. 36; Ерофеева, 1997. С. 113, 118–120, 129]. Именно здесь казахские ханы непосредственно чинили суд и расправу над нарушителями общественного порядка в самом городе, прилегавших к нему аграрных селениях и окрестных аулах кочевников; принимали в большинстве случаев иностранных послов, проводили крупные курултаи кочевой знати и отсюда чаще всего отправляли своих посланников и почтовых курьеров-жасаулов в соседние страны [ИКРИ-1. Док. № 264–267; ИКРИ-2. С. 297; ИКРИ-6. С. 33–34, 128]. Например, в 1763 г. в г. Туркестане в связи с угрозой китайского вторжения в Казахстан и Среднюю Азию собрался курултай, где, по некоторым данным, участвовало шесть тысяч влиятельных лиц Казахской степи [Сулейменов, Моисеев, 1988. С. 105].

Туркестан в период позднего средневековья превратился в крупный центр ремесла и торговли. Автор XVI в. Рузбихан Исфাহани писал, что «в город Йаси привозят товары и драгоценные изделия, и там происходит торг, и он, [город], является местом развязывания грузов купцов и местом отправления толп путешественников по странам» [ИКПИ-5. С. 208]. Примечательно, что на плане Туркестана 1743 г. особый огороженный участок города отмечен как караван-сарай [Ерофеева, 2001. С. 8]. Описывая г. Туркестан, Н. Витсен сообщал: «Там бывает ярмарка. Сам Тевки-хан едет верхом на коне, лук и колчан стрел через плечо, чтобы открыть торговлю» [Витсен, 2006. С. 66–67]. Выполнявший обязанности наместника хана в г. Туркестане в 30-х – начале 40-х гг. XVIII в. Нияз-батыр при встрече с российскими посланниками поднимал вопрос о торговле и заявлял от имени «лутших людей», что «усердственно желают, чтоб торги к ним в Туркестант ... и в Ташкент беспрепятственно продолжались» [КРО-1. С. 163–164]. Согласно данным Христофора Барданеса, во второй половине XVIII в. часть казахов Старшего жуза жили «домами в городах Ташкенте и Туркестане, Тасанаке и Сусакке, хотя в степи имеют также свои кибитки, куда из городов по желанию своему летом уезжают, и таковые, которые привыкли уже к градскому житию, прилежат к некоторым и рукоделиям, таже пашут и землю, и сеют пшеницу, рожь яровую, ячмень, просо, белояровую пшеницу ...» [ИКРИ-4. С. 168].

Основным поставщиком земледельской продукции в Степь являлись города Туркестанского региона, которые были центрами оседло-земледельческих округов и находились под властью казахских ханов. Побывавший в конце XVII в. в Туркестане Василий Кобяков отметил: «А хлеб-де у Тевки-хана родитца многое число, пшеница и ячмень и проса, а хлебы сеют озимые и еровые» [ИКРИ-1. С. 430]. По данным П.И. Рычкова, в Туркестане «на полях родится пшеница, ячмень и хлопчатая бумага» [ИКРИ-4. С. 263]. Хлопок выращивали в округе города [ИКРИ-4. С. 55]. О производстве и торговле в этом городе тканями свидетельствует Н. Витсен: «Торговля здесь идет хлопчатобумажными тканями, красными и белыми, самого низкого качества, которые здесь в козакских регионах вырабатывают бухарцы» [Витсен, 2006. С. 68]. В конце XVII в. в г. Туркестане на базаре продавали «пансыри добрые», «пищали» т. е. ручное огнестрельное оружие [ИКРИ-1. С. 405]. «А порох делают у себя в тех вышеписанных городех» [там же. С. 430].

В XVII–XVIII вв. Туркестан был крупнейшим среди городов Средней Сырдарьи. По свидетельству подпоручика А. Кушелева, в 1739 г. в городе было «домов с тысячу» [ИКРИ-4. С. 54]. Площадь позднесредневекового городища составляет 88,5 га [Туякбаев, 2009, С.76].

В середине XVIII в. в Туркестане было три мечети, из которых «одна древней и хорошей работы и имеет в себе многое число разных покоев» [ИКРИ-4. С. 263]. На территории городища Ёски-Туркестан располагается мавзолей-ханака Ходжа Ахмеда Ясави, позднесредневековые баня и мечеть; археологическими исследованиями вскрыты остатки мавзолеев, суфийские культовые сооружения [Смагулов, Григорьев, Итенов, 1999. С. 114].

Одним из первых научных описаний древностей Туркестана оставил востоковед Н.И. Веселовский [Кожа, 2008. С. 3–14]. Первые археологические раскопки на территории позднесредневекового города были проведены в 1928 г. М.Е. Массоном [Массон, 1929. С. 39–45]. С середины XX в. по настоящее время с небольшими перерывами проводятся археологические исследования на территории городища.

25. Уралхай (*Урайха, Уранга, Урухан*)

Локализуется на месте городища Культобе – Орангай, расположенного на территории современного села Орангай, в 15 км восточнее г. Туркестана. Географические координаты: 42Т 449382, 4805508.

Обозначен на карте конца XVII – начале XVIII в. С.У. Ремезова под названием *Урухан* [Ерофеева, 2011. С. 338]. Под именем *Уралхай* упомянут в «Росписи городов Казахской орды» 1696 г. [ИКРИ-1. С. 379], как *Уранга* – в списке городов Туркестанского владения, составленном в 1735 г. Н. Алимовым [ИКРИ-6. С. 28]. Стратиграфический шурф, заложенный на памятнике, дал материалы XV–XVIII вв. [Туякбаев, 2009. С. 67].

26. Харасман (*Халадж-Карасман, Карасаман, Кара-Асман*)

Соответствует городищу Караспантобе, расположенному у слияния рек Бадам и Арысь, на северо-западной окраине современного села Караспан (Южно-Казахстанская область, Ордабасинский район). Географические координаты: 42Т 503813, 4703913.

Топоним впервые упомянут в конце XIV г. как *Карасаман*. О бытовании данного урбонима в более раннее время свидетельствует нисба Кивам ад-дин Йахья ибн Умар ибн Хаджжадж ал-Карасмани, упоминаемая в сочинении Ибн ал-Фувати (ум. в 1323) [ИКАИ-3. С. 84]. По генеалогическим грамотам «Насаб-нама», крепость Кара-Асман была воздвигнута в VIII в. как форпост в ходе завоевания края мусульманскими войсками [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 112]. Встречается в списке городов Казахского ханства,

захваченных джунгарами (1691 г.) в начале 80-х гг. XVII в. [Моисеев, 1991. С. 52]. Согласно генеалогическим преданиям, город неоднократно разрушался джунгарами, и было произведено даже переселение его жителей по указанию хана Тауке [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 117–118].

В 2004–2009 гг. проводились археологические исследования в центральной части городища Караспантобе. На основании полученного керамического комплекса верхний слой Караспантобе датируется концом XVII – началом XVIII в. [Байпаков, Шербаев, 2005. С. 311–312]. В нижних слоях встречена керамика середины первого тысячелетия н.э. [Байтанаев, Сулейманов, Сулейменова, Ергешбаев, 2010. С. 250–256].

27. Чачай (Чага)

Локализуется на месте городища Шага, расположенного вблизи одноименного села, в 20 км к северо-востоку от г. Туркестана. Географические координаты: 42Т 459294, 4796439.

Чачай представляет собой искаженную форму урбонима *Чага* [Добросмыслов, 1912. С. 110]. Под именем *Шагильджан* он фигурирует в списке городов области Испиджаб, приведенном арабским географом X в. аль-Макдиси [Волин, 1960. С. 80]. Чачай впервые упомянут в списке городов Туркестанского владения, составленном в 1735 г. Н. Алимовым [ИКРИ-6. С. 28]. Стратиграфический шурф, заложенный на цитадели, выявил верхний слой, датируемый XVII в.; на шахристане верхний слой относится к XVIII в. [Туякбаев, 2009. С. 126–127].

28. Чимкент (Чемкет, Чимин, Чимкент, Чимыгэт, Чинчень, Чими-Кент)

Располагался на месте городища Шымкент, которое находится в центре одноименного мегаполиса – административного центра Южно-Казахстанской области. Географические координаты: 42Т 548964, 4682968.

Впервые упомянут в сочинении «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Али Йазди (XV в.) в форме *Чими-Кент* [Пищулина, 1969. С. 24]. Отмечен в списке городов Казахского ханства, захваченных джунгарами (1691 г.) в начале 80-х гг. XVII в. [Моисеев, 1991. С. 52]. По информации ташкентского купца Н. Алимова, город находился с 1729 по 1734 гг. во владении хана Старшего жуза Жолбарыса (1720–1739) [ИКРИ-6. С. 28]. Упомянут в китайских документах 1758 и 1759 гг. [КТКД. 3 т. 54, 73-66.] и в генеалогических грамотах ходжей района Средней Сырдарьи [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 115]. Согласно преданиям, записанным М-Ж. Копеевым, город в 70-х гг. XVIII в. был подвластен Абылай-хану [Абылай хан. 1 т. 1993. С. 324–327]. Раскопки на территории городища вскрыли строительные горизонты XVII–XIX вв. [Байпаков, 2007. С. 377]. Стратиграфические исследования в южной части городища Шымкент позволили датировать ранний период обживания территории будущего города второй половиной III – I в. до н.э. [Байтанаев, 2012. С. 184].

29. Чоманак (Цоманак, Чуманак, Чюманак)

Локализуется на месте современного села Чобанак в 8–10 км северо-восточнее г. Туркестана. В конце 90-х гг. XX в. переименован в *Енбекши-диқан*. Географические координаты: 42Т 446057, 4798503.

Впервые упомянут в 1735 г. в «Сказке» ташкентского сарта Н. Алимова [ИКРИ-6. С. 29]. Обозначен на карте конца XVII – начале XVIII в. С.У. Ремезова как *Цоманак* [Ерофеева, 2011. С. 338]. Хотя в археологической литературе отсутствует информация о наличии на территории селения какого-либо археологического объекта, о древности селения Чобанак свидетель-

ствуют развалины старинной мечети с минаретом и мавзолеей Имам-Маркози (последний, по местным легендам, был современником Ходжа Ахмеда Ясави). Согласно опросу местных жителей, старинное село находилось на месте бугра «Кырыкатыз» вблизи указанного мавзолея. Остатки старого поселения были уничтожены при мелиоративных работах в XX веке.

30. Шорнак (*Пустой град*)

Располагался на месте городища Саухым-Ата, расположенного в 18 км северо-западнее г. Туркестана, в центре села Шорнак. Географические координаты: 42Т 423356, 4804835.

В росписи городов Казахской орды 1696 г. имеется указание на заброшенный город между Саураном и Туркестаном: «От Саврану города, идучи к Туркистану, на полдороге, стоит город пуст, а по ведомости разорил де Кучюк салтан хан» [ИКРИ-1. С. 379]. Обозначен на карте конца XVII – начала XVIII в. С.У. Ремезова как *Пустой град* [Ерофеева, 2011. С. 338]. Между Саураном и Туркестаном обнаружено лишь одно позднесредневековое городище – Саухым-Ата – Шорнак, местоположение которого соответствует отмеченному пустому городу в источнике 1696 г. Городище датируется XV–XVIII вв. [Туякбаев, 2009. С. 67].

31. Юзугант (*Узжанд, Узканд, Озкент, Узкент, Узганд, Изюгант*)

По географическому положению соответствует городищу Кыр-Узгент, которое находится в Жанакорганском районе Кызылординской области, в 10 км юго-западнее села Акжол. Географические координаты: 42Т 345671, 4844352.

Впервые упомянут в сочинении XI в. как *Узжанд* или *Узканд* [Махмуд ал-Кашгари, 2005. С. 852]. Под названием *Озкент* указан Джувеини при описании похода Чингиз-хана в Среднюю Азию [Ата-Мелик Джувеини, 2004. С. 58]. В 1446 г. Узгенд находился в подчинении у степного правителя Абу-л-Хайр-хана, который вручил управление города Ваккас-бию Мангыту [МИКХ. С. 159]. Город-крепость Узгенд близ Сырдарьи отметили Рузбихан Исфхани и Хафиз Таныш [Пищулина, 1969. С. 13–17]. Обозначен на карте конца XVII – начале XVIII в. С.У. Ремезова как *Изюгант* [Ерофеева, 2011. С. 338]. Упомянут также в отчете китайского посланника 1759 г. о переговорах с казахским ханом Абулмамбетом [ҚТҚД. 3 т. 73-б.]. На основании подъемного материала городище датируется XIII–XVIII вв. [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972. С. 163]. Раскопки на нем не проводились.

32. Жетикент (*Йатиканд, Джетыкенд, Итнеент, Йети-Канд, Йетти-Кент, Жеті кент, Житы Кент*)

Впервые упоминается в историческом сочинении автора XVI в. Мухаммед Хайдара Дулата. Согласно «Тарих-и Рашиди», Тимурид Абу-Саид, желая поставить в Моголистане своего сторонника в лице Йунуса, около 1457–1458 г. дал ему Йатикент (Джетыкенд). В литературе было высказано мнение, что этот город располагался на восточной границе Ферганы [МИКХ. С. 196, 523; Пищулина, 1977. С. 73, 123]. На мой взгляд, топоним *Жетикент* – «Семиградье» обозначал не один город, а группу поселений, которые располагались в предгорьях Алатау, на западной границе Моголистана. Автор сочинения конца XVI – начала XVII в. Кадыргали Джалаири пишет: «Урус-хан поселился в местности у предгорий Ала-Тага, ... город Старый Талас расположен там и находился не вдалеке от городов Отрара и Сайрама. В этих вилайетах протекают Чу, Талаш, Иссык-Куль, Текелик, Алмалык, Или, Каратал; Йетти-Кент также находится там» [Пищулина, 1977. С. 73]. В рапорте генерал-майора Н.Г. Огарева от 21 марта 1781 г. в Коллегию иностранных дел о «разведывании» обстоятельств смерти Абылай-хана говорится

о том, что «прочие ж его дети – Адиль, Урустям и Ток султаны – остались по здешнюю сторону города Туркестана, во вновь построенном им, Облаем, не в дальном разстоянии городке Итнеенте» [ИКРИ-6. С. 143]. На карте Степи, «прилегающей к российской границе и занимаемой киргиз-кайсаками Большой, Средней и Малой орды...» начала XIX в., в междуречье Арысь–Бадам изображен город под названием *Житы Кент*. На мой взгляд, *Итнеент* – это искаженная форма топонима *Йатикент*, *Житы Кент*.

Урбоним Жетыкент сохранился и в исторической памяти казахов. В поэме акына Майлыкожи (1835–1898) о родоначальниках кочевого населения Южного Казахстана прошлых лет упоминается *Жеты кент*, причем отмечено, что термин «Семь городов» охватывает Шымкент и Сайрам: «Жеті кенттің біреуі Шымкент пенен Сайрамы» [Майлықожа, 2005. 141б.].

Потомок Абылая Шади-торе (ум. в 1933), излагая в стихотворной форме историю своего знаменитого предка, в разделе о походе казахского хана в Ташкент пишет, что градоначальники города, учтя более раннее мирное подчинение Жетыкента Абылаю, открыли ему ворота Ташкента: «Абылай Жеті кентке бұрын келді, Ұрыспай оның халқы үкіміне енді» [Тарихи жырлар. 1995. 270 б.].

В статье Ю.Д. Южакова о Чимкентском уезде 1867 г. упоминаются «Джеттыкент (Семиград)» и перечисляются семь городов, входивших в его состав: Шымкент, Сайрам, Манкент, Карабулак, Карамурт, Султанрабат, Джанганглык. Последний пункт локализуется, на мой взгляд, на месте городища Яргалыктобе (совр. Тoleбийский район Южно-Казахстанской области) [Южаков, 1867. С. 756]. В генеалогических грамотах ходжей Средней Сырдарьи он упоминается как *Йети-Канд* и *Йети-Кент* [Исламизация и сакральные родословные, 2008. С. 132, 200, 202, 203, 207, 208]. Таким образом, свидетельства исторических источников позволяют понимать под топонимом *Жетикент* группу городов, располагавшихся на берегах рек Бадам и Аксу (Сайрамский и Тoleбийские районы Южно-Казахстанской области).

Обзор сведений позднесредневековых письменных источников и археологических данных показывает, что города Южного Казахстана в течение последней четверти XVII – середины XVIII в. пережили глубокий кризис. Произошло сокращение общего количества городов и численности проживавшего в них населения, существенно понизилась посредническая роль этих населенных пунктов в развитии меновой торговли казахов-кочевников с оседлыми народами Средней Азии, заметно изменился их хозяйственно-культурный облик.

Главной причиной, обусловившей упадок городской культуры в бассейне Средней Сырдарьи, следует назвать опустошительные военные походы джунгар в 1681–1684, 1698–1699, 1708, 1723–1725, 1735, 1742 и 1745 гг. в Присырдарьинский регион. Сайрам, Сузак и другие города этого региона подверглись разграблению и разрушению со стороны завоевателей, часть городских жителей принудительно были переселены во внутренние районы Джунгарского ханства. К середине XVIII в. в ранее многолюдном Сайраме насчитывалось только 200 жилых домов, а в Сузаке проживало лишь 40 семей. Осада и погром Отрара, разрушение джунгарами его ирригационной сети привели к окончательному запустению древнего города. К концу XVIII в. полностью опустели города левого берега Сырдарьи, такие, как Аккорган, Узгент, Аркук. Жители близлежащих к Сырдарье городков переселились в селения и города, расположенные в предгорьях Таласского Алатау и на южных склонах Каратау. Среди оставшихся к тому времени городов на территории Южного Казахстана самым крупным был Туркестан, который сохранил до начала XIX в. свой прежний столичный статус в урбанистической инфраструктуре кочевого государства казахов. Остальные городки приобрели уже в середине XVIII в. ярко выраженный аграрный облик, но при этом некоторые из них по-прежнему являлись политическими и культурными центрами казахских ханств.

4. Внешние знаки отличия правящей казахской элиты XVIII – первой четверти XIX века

В любом обществе существует своя кодовая система обозначения социального статуса индивидуума в разнообразных элементах его предметного мира. Она выполняет социально-дифференцирующую функцию в культуре и дает возможность человеку лучше ориентироваться при внешнем оформлении своего ранга в рамках универсального для его этнической группы эстетического канона.

Количество материальных предметов повседневного обихода, чьи составные части и отдельные элементы обозначают социальные различия между людьми, достаточно велико, причем их видовой состав подвержен постоянным изменениям в процессе развития общественного производства и обновления ассортимента используемых в быту вещей. В традиционном казахском обществе позднего средневековья и начала нового времени сформировался свой архетипический набор знаков-предметов, которые в наибольшей мере отражали имиджевые установки и ценностные предпочтения привилегированных социальных групп степняков. В него входили одежда, оружие, юрта, конское снаряжение, ювелирные украшения и некоторые другие образцы вещного мира степного кочевника-скотовода. Среди всех этих предметов первостепенное ориентировочное значение внутри казахского социума имели верхняя наплечная одежда, головной убор, сабля и персонально-групповые удостоверительные знаки – перстневые печати и тамги.

В XVI – первой половине XIX в. кочевое общество казахов традиционно делилось по генеалогическому принципу на две основные группы: *ак суйек* – «белую кость» и *кара суйек* – «черную кость». Эти группы существенно отличались друг от друга в статусно-правовом, функциональном и культурно-бытовом отношениях.

Первая социальная группа – *ак суйек* – представляла собой закрытую привилегированную корпорацию индивидуумов, непроницаемую извне в силу ее особого династийного происхождения, сословной замкнутости, эндогамии, изолированности от генеалогической (родоплеменной) структуры трех жузов и большой значимости в системе общественных отношений. Ее составляли два аристократических сословия: султаны и ходжи, или кожа. Их представители приобретали высокий статус и вместе с ним особые права и привилегии во всех сферах жизни казахского общества по праву рождения, независимо от своего материально-имущественного состояния и личных интеллектуальных, физических и нравственных качеств.

Высший слой аристократической элиты «белой кости» составляло сословие *торе* или *султанов*. Оно объединяло группу лиц, которые происходили от одной из династийных ветвей «золотого рода» Чингиз-хана по линии Урус-хана (1368–1377), потомка в восьмом колене старшего сына Джучи-хана (ок. 1223–1227) Орда-Эджен-хана (1227–1246/51) [Султанов, 2001. С. 139–141; Пишулина, 1997. С. 320–321; Ускенбай, 2013. С. 172–184, 252]. Происхождение индивидуума из любого фамильного клана степной династии джучидов означало его принадлежность к господствующей социальной группе казахов и изначально предопределяло его исключительные прерогативы и привилегии в социально-экономической сфере, общественных отношениях и политической системе казахского социума, в том числе право на ханскую власть. Именно из этого аристократического сословия казахи выбирали своих верховных правителей – ханов [Ерофеева, 2003. С. 12–18].

Второй слой наследственной кочевой аристократии «белой кости» составляла в традиционном кочевом обществе казахов социальная группа *ходжей* (*х^ааджа*), или *кожа*. К ней

относились представители наследственной мусульманской элиты Центральной Азии, возводившие свои генеалогические корни к пророку Мухаммаду (570–632) через его двоюродного брата и зятя, мужа дочери Фатимы (ум. в 633), четвертого «праведного» халифа ‘Али б. Аби Талиба (ум. в 661) и к трем другим праведным халифам: Абу Бакру (ок. 572–634), ‘Умару (ок. 588–644) и ‘Усману (ок. 575–656) [Ислам, 1991. С. 203–204, 280; Хисматуллин, 2001. С. 31]. В социальном отношении ходжи представляли собой замкнутое привилегированное сословие и строго придерживались эндогамных браков, особенно по женской линии, хотя при этом они нередко делали исключение для браков своих дочерей с титулованными правителями-джучидами. Во многих сферах общественной жизни и наследования имущества ходжи обладали такими же правами и привилегиями как и социальная группа султанов. Однако представители «святого сословия» не входили в состав правящей верхушки кочевого общества и, как правило, не играли сколько-нибудь самостоятельной роли в социально-политической жизни Степи, ограничиваясь поддержанием культурно-бытовых и идеологических традиций ислама среди кочевников-казахов [Ерофеева, 2003. С. 18–37].

В отличие от аристократии «ак суйек» сословно-корпоративные группы «черной кости» не являлись эндогамными структурами и не обладали наследственными привилегиями. Принадлежность к ним была доступна любому индивидууму на основе принципа меритократии и материальной обеспеченности. К элите «черной кости» относились сословия военных вождей – *батыров*, народных арбитров – *биев* и правителей локального уровня – *родовых старшин*, или *аксакалов*. Основная же часть казахского общества никак не дифференцировалась по социальному положению, что отличало ее от господствующих сословно-корпоративных групп кочевников.

Одежда

Привилегированный слой кочевого населения казахстанского региона – торе и простые кочевники использовали в быту общие для своей этнической группы элементы верхней одежды, которые были максимально адаптированы к сложным природно-климатическим условиям аридной зоны евразийских степей и подвижному образу жизни казахов. К этому набору вещей относились: просторный длинный халат – *шапан*, сшитый из привозных шерстяных, шелковых и хлопчатобумажных тканей; шуба из меха пушных зверей – *ишик*, зимние (*тымак*), весенне-осенние (*борик*, *тебетей*) и летние (*калпак*) головные уборы. Для традиционных казахских костюмов были характерны одинаковый фасон, простота покроя, отсутствие конструктивных излишеств и, напротив, наличие многих декоративных деталей [Тохтабаева, 1994. С. 12]. В то же время своим внешним видом они непременно демонстрировали окружающим социальный статус своего носителя. При пошиве или приобретении готовых канонических комплектов одежды представители степной аристократии придавали большое значение цветовой колористике их наиболее бросающихся элементов, выбору престижных тканей и меха, металлических и шелковых нитей, чтобы визуально можно было выделить хана или султана на обозримом расстоянии из группы кочевников и воздать ему почести, подобающие обладателю высокого ранга.

В XVI – первой половине XVIII в. основным источником комплектования элитного гардероба казахских джучидов были почетные дары, получаемые ими от монархов соседних среднеазиатских государств, которые проявляли заинтересованность в развитии непосредственных дипломатических контактов с аристократическими лидерами кочевников. В качестве таковых правители Бухарского и Хивинского ханств обычно преподносили степным ханам и султанам дорогие парчовые халаты и шапки, богатые пояса, ювелирные украшения и другие ценные аксессуары.

Так, в персоязычном анонимном сочинении первой половины XVII в. «*Алам-ārā-йи Шах Исма'ил*» сообщается о том, что бухарские правители Шибаниды Убайдаллах-хан (1512–1539) и его сын Мухаммад-Тимур-хан (1507–1513), оказавшись в трудном положении после гибели Мухаммада Шайбани-хана в битве с сефевидским войском Исма'ил-шаха (1510), отправили правителя Миянкалы Джанибек-султана (1512–1529), внука Абу-л-Хайр-хана к «падишаху степи» и снабдили его «бесконечным числом прекрасных подарков для Касим-хана» [Атыгаев, Джандосова, 2013. С. 79]. Другой персоязычный автор того времени – Хафиз-и Таныш – параллельно отметил в своем сочинении *Шараф-наме-йи шахи*, что преемник Убайдаллаха, его сына Абд ал-Азиза (1540–1550) и своего отца Искандера (1560–1583) бухарский хан Абдулла II (1583–1599) неоднократно одаривал будущего старшего хана казахов Таваккула (после 1583–1598), временно находившегося у него на службе, «халатом, вышитым золотыми нитками, ... шапкой и поясом, украшенным драгоценными камнями» [МИКХ. С. 295, 311; Султанов, 2001. С. 202]. Именно такие дары бухарского и хивинского ханов правящей элите Степи имел ввиду в свое время старший хан трех жузов Абулхаир (1719–1748), говоря начальнику Оренбургской комиссии В.Н. Татищеву о многолетних тесных контактах казахских ханов и султанов с этими монархами: «Они прежде нам ежегодно присылали подарки, а ныне третий год... не дают» [История Казахстана, 2012. С. 72].

Большинство парадных и обычных шапанов и шапок шились самими знатными кочевниками из дорогих шерстяных и шелковых тканей, которые они приобретали на крупнейших городских рынках Средней Азии: в Ташкенте, Хиве и Бухаре. В последней четверти XVII – первой трети XVIII в. казахи из-за перманентных войн с ойратами и острых территориальных споров с северными соседями – башкирами, калмыками, яицкими и сибирскими казаками – по существу были отрезаны от торговых центров Нижнего Поволжья и Западной Сибири, поэтому различные виды текстильных материалов российского и европейского производства до основания Оренбурга на Нижнем Урале фактически не попадали в Казахскую степь [СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 12, 14]. После «великого бедствия» и массовых миграций тюркоязычных кочевников во внутренние регионы Бухарского и Хивинского ханств экономика этих государств и внешняя торговля казахского населения с жителями среднеазиатских городов также пришли в упадок, что крайне негативно сказалось на имущественном состоянии всех без исключения социальных групп степняков [Моисеев, 1991. С. 73–77]. По точному определению «знатного» батыра Среднего жуза Богенбая Бешкурткаулы (ум. в 50-х гг. XVIII в.), всеобщее обнищание казахов к началу 30-х гг. XVIII в. было настолько велико, что «не токмо белые кибитки, но и черные закаптелье кошмы лутчему в честь были, токмо б от жару и от дождя защиту иметь» [ИКРИ-3. С. 171].

С 1731 г. до конца первой четверти XIX в. в связи со вступлением хана Абулхаира, а затем и других правителей Младшего и Среднего жузов под протекторат российского престола новым источником поступления элитных комплектов верхней одежды, дорогих видов тканей, именных сабель, золотых и серебряных перстневых печатей и др. в аристократические дома кочевников-казахов стали подарки царского правительства степным ханам, султанам, знатным старшинам и членам их семей. Парадные шапки и шубы, а также высококачественные сукна и бархат жаловались им, как правило, в ознаменование принесения присяги на верность царствующей императрице и по случаю «высочайшего» утверждения высшего монархического ранга очередных избранников на ханский престол, либо давались в виде вознаграждения за «верную службу» Российскому государству (подробнее об этом см. ниже по тексту).

При этом проводимая российскими властями политика одаривания своих новых подданных нужными им вещами носила в течение целого столетия социально-дифференци-

рованный характер, что выражалось в предоставлении господствующей наследственной аристократии казахов самых дорогих и роскошно оформленных шуб, головных уборов и шапанов, лучших видов ткани и редких мехов по сравнению с нижестоящими в традиционной степной иерархии локальными элитами «черной кости». Кроме того, с середины XVIII в. до законодательной отмены института ханской власти в казахских жузах некоторые казахские ханы, султаны и старшины получали в дар особые халаты, «расшитые драконами», «на шапку шарик и павлинье перо», атлас, шелковые ткани, фарфоровую посуду и прочие изделия от высокопоставленных чиновников империи Цинов, но общее количество обладателей китайских образцов престижной одежды среди степной знати той эпохи было в целом невелико [ЦИКХ-2. С. 20, 41, 57, 80, 103, 111, 112, 129].

После создания меновых дворов в Орской крепости (1738), Оренбурге (1744), Троицке (1750), Семипалатинске (1764), Петропавловске (1759) и Усть-Каменогорске (1776), расположенных на северных и восточных рубежах казахских кочевий, материально обеспеченные выходцы из всех социальных групп казахского общества стали обменивать свой скот на разные виды текстиля и готовые швейные изделия у приезжих российских и среднеазиатских торговцев на пограничных линиях, а также по-прежнему приобретали некоторые нужные им вещи в Ташкенте, Хиве, Бухаре, Кашгаре, Яркенде и Кульдже [Рычков, 1999. С. 165; Андреев, 1998. С. 164–165; История Казахстана, 2011. С. 64; Левшин, 2009. С. 394, 397]. Но поскольку ассортимент привозных товаров на этих рынках был ориентирован в основном на среднего потребителя, дорогие высококачественные («лучшие») сорта тканей и мех редких пушных зверей поступали сюда в минимальном количестве и предназначались исключительно для нужд правящей аристократии кочевников [Аполлова, 1960. С. 267, 270, 272–273, 275; Аполлова, 1976. С. 325–326, 337–338].

Все приведенные нами выше исторические сведения убедительно свидетельствуют о том, что в XVIII – первой половине XIX в. абсолютное большинство зажиточных простолюдинов-карача, как и прежде, не входили в число привилегированных получателей «почетных даров» от восточных государей и царского правительства и не имели возможности приобретать дорогие текстильные материалы, меха и готовые вещи на ближайших к их кочевьям российских и среднеазиатских рынках. По этим причинам богатая и красиво декорированная одежда тогда еще не получила сколько-нибудь широкого распространения среди степной элиты «черной кости» и являлась в рассматриваемый хронологический период показателем не столько имущественного достатка, а главным образом высокого *социального ранга* ее носителей.

Основная информация о престижных составных элементах и деталях верхней одежды привилегированных сословных групп казахского общества XVIII – первой четверти XIX в. содержится в путевых дневниках и историко-этнографических трудах их наиболее наблюдательных иностранных современников: Дж. Касла, Х. Барданеса, И.П. Фалька, И.Г. Георги, И.Г. Андреева, Я.П. Гавердовского, Г.И. Спасского, К.Ф. Гебеля, А.И. Левшина, Ф. Шварца и некоторых других исследователей. Важные свидетельства о принадлежности дорогих костюмов, головных уборов и составлявших их элементов конкретным представителям правящей аристократической элиты кочевников приведены в служебных журналах, церемониальных записках и отчетах оренбургских чиновников об израсходованных суммах денег на подарки казахской знати, а также в дипломатической переписке и посмертных описях имущества отдельных ханов и султанов. Эти исторические документы охватывают относительно широкий круг обладателей царских даров за 1731–1733, 1738, 1740, 1742, 1749, 1758, 1782, 1820–1840-е годы и существенно уточняют и детализируют этнографические описания того времени.

Ценным иллюстративным дополнением к нарративным и делопроизводственным материалам XVIII – первой четверти XIX в. являются немногочисленные изобразительные ис-

точники той исторической эпохи, которые сохранились в фондах отдельных российских музеев, архивов и фундаментальных библиотек. К ним относятся такие информативные произведения иконографии казахской знати, как: пастельные рисунки «Башкир», «Молодой башкир» и гравированная литография «Супруга хана» Дж. Касла, изображающие хана Абулхаира, его сына Ералы (идентификация портретов А.Ш. Бимендиева) и старшую жену Бопай (1736 г.); литографии неизвестных художников «Два киргизских всадника» (1792 г.) и «Киргизец на коне» (1799 г.), акварельный рисунок «Султан киргизов, отправляющийся к соседям» А. де Барбиша (вторая половина XVIII в), гравюра Е.О. Скотникова по рисунку Е.М. Корнеева «Киргизский султан» (1809 г.), рисунок неизвестного художника с оригинала А.О. Орловского «Казах верхом на коне» и картина самого Орловского «Казах верхом на лошади» (первая часть XIX в.), акварельный портрет с натуры хана Арынгазы кисти П.Л. Яковлева (1820 г.) и некоторые другие работы [Қазақтар тарих және мәдениет, 2013. С. 19, 22, 49–52, 54, 84; *Кэстль*, 1998. Рис. XI; *Галиев*, 2005 (после С. 95. Рис. Корнеева здесь назван «Казахская беркутовая охота»); ОР РНБ. Ф. 8. Д. 10. Л. 3. Рис. 1].

С ними органично сочетаются отдельные образцы султанских головных уборов, которые хранятся в фондах Российского этнографического музея (РЭМ, г. Санкт-Петербург) и Центрального государственного музея Республики Казахстан (ЦГМ, г. Алматы) [обозначение этих единиц хранения см. ниже по тексту].

Все эти исторические источники создают общее представление о характерных особенностях традиционной верхней одежды правящей элиты казахов XVIII – первой четверти XIX в. и позволяют выделить в составе однообразных по своему силуэту шапанов, шуб и сезонных шапок различных представителей «белой кости» наиболее репрезентативные семантические элементы, которые четко маркировали социальное положение их владельцев. Первостепенное место среди этих статусных отличительных знаков занимали ткани и мех.

Ткани

В изготовлении одежды кочевников огромную роль играли ткани. Степные ткацкие технологии позволяли делать только грубый шерстяной текстиль [Томина, 1989. С. 231], поэтому качественная импортная ткань очень высоко ценилась в кочевом обществе казахов. Английский художник Джон Касл (Кэстль), сотрудник Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова в 1734–1736 гг. охарактеризовал эту ситуацию так: «Одежда знатных мужчин состоит из полотна и ситца, а у простолюдинов – из овечьих и лошадиных шкур, а также из войлока или верблюжьей шерсти» [Кэстль, 1998. С. 94]. О ткани, ее способности маркировать сословную принадлежность и тесно связанное с ней материальное состояние различных индивидуумов известный российский исследователь А.И. Левшин писал: «Чапаны, или халаты, шьются из бархата, сукна, шелковых и бумажных – русских, китайских, бухарских, хивинских и ташкентских или кокандских. Бедные носят собственной работы грубое сукно или армячину, войлоки и даже рогожи [Левшин, 2009. С. 306]. Качественные шелковые, шерстяные, хлопчатобумажные ткани иранского, среднеазиатского, европейского, российского и китайского производства (в журнальных списках отдельно упоминаются английское и голландское сукна, персидская парча) пользовались большим спросом у казахов-кочевников. Главные составляющие элементы казахской традиционной одежды – шуба, бешмет, шапан, головной убор, женское платье – шились мастерицами-казашками, дорогие шелковые халаты-шапаны, атласные кафтаны, сафьяновые сапоги покупались на российских, среднеазиатских и китайских рынках.

Поскольку сами казахи-кочевники не производили ткань, то ее приобретение для пошива одежды всегда было насущной проблемой. Источниками поступления тканей в ко-

чевые аулы традиционно служили внешние рынки, на которых продукты хозяйственной деятельности кочевников обменивались на ткани и другие предметы первой необходимости. Основные рыночные пункты сформировались еще в средневековье, когда по караванным маршрутам Великого Шелкового пути шерстяные, шелковые и хлопчатобумажные ткани распространялись по всему евразийскому континенту. Привозные ткани вошли в обиход кочевников в глубокой древности. Уже гунны получали одежду из китайских шелковых и бумажных тканей в качестве подарков, военной добычи и в обмен на продукты скотоводческого хозяйства. Археологические раскопки средневековых тюркских памятников свидетельствуют о широком распространении в то время на территории Средней Азии и Казахстана шелковых тканей импортного производства [Томина, 1989. С. 246]. Кочевники всегда были ярко выраженными потребителями этого товара.

В период складывания договорных отношений между Россией и Степью новым источником поступления тканей в кочевую среду стали дары и вознаграждения за верную «службу». В дипломатической переписке, служебных доношениях и журналах российских чиновников 30–80-х гг. XVIII в. обращает на себя внимание подробный перечень подарков делегациям кочевой казахской аристократии во время двухсторонних переговоров. Первое место в подарочных списках отводилось ткани, с обозначением ее наименования, мерного количества и стоимости. Постоянными дарами были также меха и кожа хорошей выделки, медная посуда, чай, сахар, табак. Но материя, из которой шилась одежда, являлась главным подарком для ханов, султанов и знатных старшин. В определенной степени она служила своеобразным посредником в утверждении добрососедских отношений, говорила «языком» дара, который был понятен миру степняка.

Общие каноны культуры тюркских народов улуса Джучи, приоритеты в оформлении костюмов золотоордынской знати и популярные ткани, которыми торговали на всех отрезках Шелкового пути, были известны в русском обществе еще с эпохи средневековья. В ходе многовековой практики взаимоотношений Российского государства с Ордой, а потом – с Астраханским, Крымским, Казанским, Калмыцким и среднеазиатскими ханствами сложились четкие представления об эстетических предпочтениях восточной аристократии. И, безусловно, на начальном этапе установления российского протектората над Степью пограничными чиновниками основательно изучались запросы правящей казахской элиты, в том числе и ассортимент тканей, который преимущественно использовался ей для пошива одежды в зависимости от своего высокого ранга.

Костюм казахского султана отличался от костюма простого кочевника в XVIII – первой половине XIX в. главным образом видом, качеством и цветом ткани, потому что основной набор элементов одежды являлся одинаковым для любого сословия; традиционным оставался в тот период и покрой. Хорошо выделанная, эффектно декорированная и дорогая ткань видимым образом придавала элитарный характер одежде казахской знати. Она была необходима для пошива шапанов, рубашек, штанов и головных уборов ханов и султанов, их жен и детей. Костюм из такой ткани демонстрировал авторитет власти и высокий статус его носителя. Впрочем, как и редкие меха чернобурой лисицы, куницы и соболя, которые не водились в степях, и чей мех шел исключительно на утепление и декорирование парадных головных уборов и шуб (соболь). Эту социальную значимость обоих семантических элементов одежды степных правителей и учитывали высшие должностные лица российской пограничной администрации в своих политических контактах с ними.

Ткань в одежде – это, прежде всего, защитный покров для тела; а из-за своего качества и цвета – это еще и социально-магический знак. Представители российского дипломатического корпуса были прекрасно осведомлены, какие виды текстильных материалов пользуются наибольшим спросом у казахской аристократии и отвечали ее реальным жизненным

нуждам. Эти знания об эстетических вкусах и сословно-корпоративных предпочтениях использовались, чтобы мирно «завоевать» симпатии казахской знати, расположить ее к себе. Понятно, что ткани ввиду своей универсальной утилитарной ценности и социально-имиджевой значимости вместе с мехами и другими подарками позитивно «участвовали» в методах русской дипломатии. Они подробно описаны в служебных журналах начальника Оренбургской комиссии в 1737–1739 гг. В.Н. Татищева: «Послано в крепость к салтану Абулгаир-хану: мех бурой лисицы, две лисицы бурые, атлас – травы золотые, две голи новоманерные, две голи ординарные, одна скатерть с красными травами; ... ему ж и детям – шесть платков больших шелковых; ... ханше: голь новоманерная, гинь разного шелка, кафтан китайский, весь зашит золотом, шесть платьев больших шелковых. Султанам Нурали и Ерали пополам – две изарбаты малиновых, четыре голи, две лисицы черно-бурые; ... из собственных тайного советника – салтанским женам двум: две канфы да гинь шелка» [История Казахстана, 2012. С. 79].

Ткань настолько была значима для казахов, что она в качестве дара в какой то степени способствовала снятию напряженных моментов в отношениях между российской администрацией и правящими элитами кочевников. Ведь бытовая предназначенность ткани, как, впрочем, и меха, состояла в постоянном удовлетворении потребностей в одежде. Поэтому, видимо, в журнале А.И. Тевкелева 1731–1733 гг. в разделе о понесенных расходах есть нотки драматического подтекста: «Того ж октября 20 числа в полночь прислали ко мне Абулхаир-хан, чтоб я прислал к нему сукна 60 аршин всякого цвету, да кармазинного 50 аршин, 20 бобров, 40 выдр, 20 юфтей, красных кож, 5 косяков семиланной камки, 5 чернубрых лисиц, 3 тюня китайки для роздачи знатым киргис-касацким старшинам, и приказал ко мне чрез своего человека, ежели я к нему вышепоказанных товаров не пришлю, то-де завтра нас с ним предадут к смерти. ... И оные товары хан киргис-касацким старшинам роздал все без остатку, и оные старшина, которые от хана и от меня подарками довольствованы, те учинили присягу, чтоб быть в подданстве всероссийском» [ИКРИ-3. С. 57].

Неискушенному современному читателю давно исчезнувшие из нашего бытового лексикона названия ткани, из которой в XVIII – XIX в. шился костюм казахского хана или султана, остаются «тайной за семью печатями». Сегодня больше распространены общие видовые понятия, типа: шерсть, шелк, вискоза, ситец и т.д. В связи с этим необходимо кратко охарактеризовать основную номенклатуру использовавшейся в то время казахской знатью текстильной продукции, главным образом те виды импортного текстиля, которые играли особую, знаковую роль в ее одежде. Мерой для измерения ткани служил аршин – русская дометрическая мера длины, равная 0,711 м. Ткань продавалась и дарилась в следующих объемах: косяк – кусок материи различной длины; тюнь, гинь – тюк, связка, моток.

Главным маркером принадлежности какого-либо индивидуума к разряду правящей степной элиты являлась *парча* – царская ткань, или как еще ее называют, «драгоценность вне времени». Именно парчой сверху покрывались парадные шубы казахских ханов, которые с 1731 г. до 1822–1824 гг. – даты законодательной отмены ханской власти в Среднем и Младшем жузах – являлись неотъемлемым элементом верхней одежды легитимных правителей Степи. Из парчи шились также роскошные «бухарские халаты», которые казахские ханы и влиятельные султаны постоянно получали как канонический дар от монархов среднеазиатских ханств. Слово *парча* происходит от персидского *parche* и означает «материя». Это – художественно-декоративная сложноузорчатая ткань с шелковой основой, содержащая металлические нити из золота или серебра. Парчовые наряды – несомненный признак элитарности и богатства. Лишь самые знатные, влиятельные и богатые люди могли позволить себе роскошные наряды из парчи. Поскольку парча является тканью на шелковой основе, нет ничего удивительного в том, что зародилась она в той стране, где началось

производство шелковых тканей – в Китае. Во времена династии Сун там уже ткали парчу (960–1279 гг. н.э.). Драгоценная ткань вскоре стала известна в странах Малой Азии. Производилась она и в Индии, позднее – в Византии. В средние века она уже ткалась в разных странах Передней Азии и Европы. В России ее производство было начато в XVI веке. Эта сияющая ткань всегда была символом одежды аристократии.

Особенно ценились казахской знатью дорогие иранские парчовые ткани. В первую очередь – это *изорбаф*, или *изорбат*, *кашанский* (от перс. *zer* – «золото» и *baft* – «ткань») – шелковая ткань с травчатым золотым и серебряным узором шириной 1 аршин, которая употреблялась на праздничные верхние халаты (шапан) и легкую верхнюю одежду – камзол, бешпент, или бешмет («полукафтанье»). Среди других разновидностей иранской парчи, как одного из престижных подарков российских императриц казахским ханам и султанам и востребованного ими товара на меновых дворах Оренбургской линии, в исторических документах 40–50-х гг. XVIII в. фигурируют: *китаи*, или *китайка*, *кашанская* – шелковая ткань с травчатым узором, без золота и серебра шириной 13 вершков – 1 аршин; *кановат* (*донлук*) *гилянский* – плотная шелковая «широкополосная» (1 – 1,25 аршина) и «узкополосная» ткань и *чеборбаф* – парчовая ткань с травчатым узором. Однако во второй половине XVIII в. из-за резкого сокращения объема русско-иранской торговли эти ткани уже не поступали в Оренбург, и их место в торговом обмене со Степью постепенно занимали более дешевые, но менее качественные виды шелковых тканей среднеазиатского производства [Аполлова, 1960. С. 272–273].

Казахская знать любила дорогую парчовую одежду, которая особенно выразительно и ярко демонстрировала ее высокий социальный статус и визуально отличала ее внешний облик от одежды простого кочевника, сшитой из дешевой бумажной ткани – джаба. По поводу узкословного предназначения парчи в отличие от многих других тканей возведенный в феврале 1749 г. в «ханское достоинство» хан Младшего жуза Нуралы (1748–1786) говорил оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву, что «подаренная от него, тайного советника, парча дана ему на полукафтанье самому носить; и, объявляя своевольство и застарелые их обычаи, прилежно просил, чтоб ему еще что ни на есть такое прислать, дабы он ис того, по их обыкновению, что ни есть, народу своему роздать мог, а бес того-де принужден будет ту парчу разрезать...» [История Казахстана, 2012. С. 142].

Среди других востребованных правящей элитой казахов разновидностей престижных *травчатых тканей*, то есть шелковых материй с мелкими узорами и/или разводами и прочих категорий привозного шелка в дипломатической переписке степных ханов и султанов с российскими чиновниками и служебных журналах наместников Оренбургского края середины XVIII – первой четверти XIX в. многократно упоминаются следующие виды текстильных материалов: *дарагил* – полосатая или клетчатая ткань в виде тафты с золотыми, серебряными и шелковыми деревцами или травками иранского производства; *штоф* – плотная немецкая ткань с разводами или сложным тканым рисунком; *камка* – китайская жесткая одноцветная ткань с отблескивающими узорами; *голь* – китайская шелковая ткань преимущественно красноватых оттенков; *канфа* – китайский атлас, толстый и плотный; *гроденур* и прочие ткани [КРО-1. С. 166, ИКРИ-3. С. 87, ИКРИ-4. С. 50, 51, 55, 56; Беловинский, 2003. С. 562, 896; Рогожникова, 2005. С. 284, 510, 786].

К престижным тканям, признаку роскоши относился и *бархат* – шелковая ткань, которая отличается вертикальным густым мягким ворсом высотой 1,5–2 мм на лицевой стороне полотна. Он считался королевской тканью – мантии, платья, накидки венценосных особ как в азиатских, так и в европейских странах шились из бархата. Вещи из бархата в виду их дороговизны передавались в наследство, что называется из рода в род. В России бархат был использован для оформления в 1687 г. переплета «Бархатной книги» («Государев родос-

ловец» 1555–1556 гг., родословные материалы второй половины XVI –XVII вв.), в которую записывали древние дворянские роды.

В середине XIX в. внимательный наблюдатель и исследователь повседневной жизни и быта казахов Франц Шварц очень точно подметил, что «богатые и знатные киргизы [казахи – *авт.*] предпочитают носить в качестве праздничной одежды вышитые шелком, серебром и золотом или хотя бы окантованные золотом пиджаки [шапаны – *авт.*] из темно-красного, синего а также зеленого бархата. Такие бархатные халаты преподносятся русским правительством заслуженным знатым киргизам в знак отличия» [ИКЗИ-5. С. 217]. В течение всего рассматриваемого периода самые роскошные образцы верхней наплечной одежды из бархата и качественные сорта бархатной ткани представители султанского сословия получали в дар от царского правительства и приобретали в обмен на скот на российских и среднеазиатских рынках [Андреев, 1998. С.164; Аполлова, 1960. С. 272; Аполлова, 1976. С. 337]. Среди многих привозных видов этой ткани, использовавшихся казахскими ханами и султанами для пошива своих шапанов и головных уборов, наиболее высоким качеством отличался бархат иранского производства, особенно такие его разновидности, как: *бархат гиланский*, шелковый и полушелковый, с мелким ворсом шириной $\frac{3}{4}$ аршина и *бархат кашанский* («косматый») такой же ширины, которыми российские купцы в 40–50-х гг. XVIII в. торговали на Оренбургском меновом дворе [Аполлова, 1960. С. 272]. В числе других разновидностей бархата лучших сортов среди правящей элиты кочевников особенно славился дорогостоящий *самаркандский бархат*, который вывозился среднеазиатскими торговцами «во все края». Красивый малиновый цвет его достигался в результате использования насекомых – кермез, поэтому он назывался *кермези*, или *кирмиз* [История Узбекистана, 1993. С. 113–114]. Определенное распространение в быту у казахской знати получил наряду с самими дорогими шелковыми тканями *плис* – хлопчатобумажный бархат с длинным ворсом, производившийся в центральной России [Беловинский, 2003. С. 562]. Из него шилась большей частью повседневная одежда степных султанов.

Все эти и некоторые другие виды бархата использовались казахской аристократией для покрытия зимних шуб (ишик), шитья шапанов, камзолов, головных уборов. «В платье поступают каждый по своему могуществу в достатке – писал капитан И.Г. Андреев – а по большей части носят кармазинное малиновое и черное; бархатное почитается за знатнейшее, которое и покупают в российских портах» [Андреев, 1998. С. 64–65].

Другой широко распространенной среди степной знати тканью был *кармазин* – тонкое ярко-алое сукно, кармазинный цвет – ярко-алый, багряный. Название восходит к арабскому *qermazi, qirmizi* – «ярко-красный». Ткань кармазин была хорошо известна в Российском государстве уже в XVI в.; почти все высококачественные шерстяные ткани ввозились в XVII – XVIII вв. в страну из Англии, Фландрии, Франции, Италии, германских княжеств. Их названия свидетельствуют о месте производства – «аглицкое», «фряжское», «брабантское», «амбургское» сукно и др. Кармазин применяли для шитья кафтанов, покрытия шуб, в качестве коврового настила для полов и лавок.

В шитье верхней одежды казахов использовался кармазин разных оттенков красного цвета, который являлся, выражаясь современным языком, «лидером продаж и даров». Христофор Барданес, участник экспедиции Фалька 1768–1771 гг., и совершивший самостоятельное путешествие в Казахскую степь, отметил цветовые предпочтения кочевников в выборе ткани для пошива одежды: «Нравится им поболее всех кармазинной цвет, и за богатое и щегольское платья почитается черной бархатной чапан и кармазинной сверху чекмен» [ИКРИ-4. С. 175, 177]. О популярности кармазина на меновых дворах российских пограничных линий известный оренбургский краевед П.И. Рычков писал в середине XVIII в.: «Из российских же и прочих европейских товаров, которые в Оренбурге и в Троицкой крепости

в продажу и в меню азиатским купцам и народам происходят, знатнейшие суть следующие: сукна разных доброт, а особливо кармазинные и мясного цвету» [там же. С. 235]. Обратив внимание на широкое употребление кармазина и некоторых других дорогих видов тканей в одежде правящей элиты казахов, Г.И. Спасский позднее утверждал: «Достаточные люди и ханы стараются иметь свой верхний чапан из хорошего алого сукна или черного плиса» [История Казахстана, 2011. С. 46–47].

Парча, кармазин, бархат и шелк вместе присутствовали в подарочных наборах как наиболее значимые ткани, которые использовались в костюмах казахского аристократа. Комплект подарочных тканей для одежды казахской знати от переговоров к переговорам практически не менялся. В канцелярских бумагах оренбургской пограничной администрации, которую в разные годы возглавляли В.Н. Татищев, В.А. Урусов, И.И. Неплюев и другие, суть дарственного перечня тканей оставалась неизменной. Предпочитаемые, то есть главные цвета ткани – красный, черный, зеленый, синий; вид и высокое качество – парча, бархат, атлас, кармазин, штоф, голь, камка и другие. Абулхаир-хан, Нуралы-хан, Абулмамбет-хан, Ералы-султан, Абылай-султан, Барак-султан и другие представители казахского нобилитета одаривались согласно их социальному статусу примерно одним и тем же набором тканей. В журнальной записке генерал-лейтенанта князя В.А. Урусова о его переговорах с казахской знатью Младшего и Среднего жузов в августе 1740 г. по этому поводу говорится следующее: «Подарено было при объявлении е. и. в. милости хану [Абулмамбету]: парча золотая мерою 10 аршин, 5 аршин сукна кармазинного лутшего, 1 лисица чернобурая; Аблаю-салтану – парча мерою 8 аршин, 5 аршин сукна кармазинного лутшего, 1 лисица чернобурая...» [КРО-1. С. 151].

Об использовании шелковых тканей в мужском и женском костюме кочевников писали в свое время Христофор Барданес и Г.И. Спасский: «Сверх рубашки надевают вместо кафтана халат широкой, по их названию *чапан*, тоже бумажные, а бывает полушелковые и шелковые, выменивают оныя у ташкенцов и бухарцев...» [ИКРИ-4. С. 175, 177]. «На головах носят женщины высокий убор, называемой *явлул*...; сверх того *явлул* обертывают шелковою тканью, а большею частью белым полотном, вышитым шелками, которое спускается по спине клином очень низко...» [История Казахстана, 2011. С. 46–47].

Распространен был еще один вид ткани, который фигурирует в исторических документах рассматриваемого периода под названием *китайка* – первоначально, шелковая, затем хлопчатобумажная легкая ткань, производившаяся в Китае, и массово ввозившаяся в Россию в XVIII – начале XIX века [Беловинский, 2003. С. 325; Рогожникова, 2005. С. 301; Словари и энциклопедии на Америке]. Китайка белого и синего цветов использовалась для шитья нижней одежды, платьев. Об этом пишет П.С. Паллас: «Простое платье киргизских жен состоит в синей нераспашной рубахе...; сверх синей рубахи надевают тогда другую, шелковую, с хорошими или просто вышитыми цветами из бухарской материи, подпоясываются кушаком... и сверх всего, надевают еще широкий бухарский халат» [Прошлое Казахстана, 1997. С. 239]. Для пошива повседневных нательных рубашек знатные и богатые казахи обоих полов широко использовали такие относительно дешевые хлопчатобумажные ткани, как: *бязь персидская*, белая и серая, разной ширины; *выбойка персидская* – грубая ткань с набивным узором; *пестрядь александрийская*, вырабатываемая в Тебризе, шириной 14 вершков – 1 аршин; *даба* (джаба) и другие материи [Аполлова, 1960. С. 272–273].

Руководитель одного из отрядов комплексной Академической экспедиции 1768–1774 гг. в приграничные казахские степи И.П. Фальк отметил в своем труде, что существенные различия в выборе ткани для изготовления одежды кочевника заметно прослеживались не только по статусным, но и по гендерным критериям: «Шелк, бархат, вообще дорогие материи употребляются в одеянии знатных киргизок ... чаще, чем у мужчин» [Прошлое Ка-

захстана, 1997. С. 242]. На те же социальные маркеры ткани в костюмах знатных казашек столетие спустя обратил внимание Ф. Шварц, когда констатировал, что их «верхняя одежда, а порой и штаны и рубашки изготовлены из шелка ..., в то время как обычные киргизки довольствуются хлопчатобумажной и самотканой шерстяной материей» [ИКЗИ-5. С. 215].

Активные потребительницы изысканных тканей – ханские и султанские жены иногда сами обращались с просьбами о пожаловании им каких-нибудь престижных видов шелка к русским чиновникам, которые охотно выполняли их в знак учтивого политеса со Степью, что отмечено А.И. Тевкелевым в журнальных записях с 20 мая по 18 сентября 1748 г.: «Ханша [жена Абулхаира Бопай – авт.] просила для некоторой ея потребности из вещей; ис тех сколько ныне сыскаться могло, послано к ней: ... один косяк голи пурпуроваго цвету, да косяк красной семиланной камки, да персицкая парча з большими травами по бруснишной земле, да светло-железного цвету китайки четыре конца и одна красная кожа» [ИКРИ-3. С. 150].

Ткань жаловалась российскими властями не только казахской знати, но и простым кочевникам, которые сопровождали и обслуживали делегации степных правителей. При этом обязательным правилом было соблюдение принципа социального ранжирования: дорогая ткань – ханам и султанам, ткань попроще – «простолюдинам», то есть имело место статусное деление подарочной материи для одежды знатных и простых кочевников по ее видам и качеству. Об этом сообщает расходная ведомость 1742 г. из церемониальной записки походной канцелярии Оренбургской комиссии: «Дано в жалованье е. и. в. милости Абулхаир-хану: 4 аршина сукна кармазинного мясного цвета..., 8 аршин парчи по зеленой земле з золотыми травами...; Эрали-салтану: 4 аршина сукна алого..., 1 камка из голей желтая...; Абулхаировым-хановым лутчим старшинам: ... лутчих сукон по 3,5 аршина..., средним – сукна средняго по 4 аршина да по одной коже и по китайке.... Роздано средним и рядовым шестидесяти девяти человекам каждому в руки по вещи, а имянно: ... сукна среднего 3 аршина..., по концу китайки. ...Киргисцу Колыбаю-батырю владения Абулхаир-хана за лошадь, которую он дал орскому казаку, ехавшему из орды с письмами – 4 аршина сукна среднего» [ИКРИ-4. С. 50, 54, 58].

В costume казахского хана или султана кроме вида и качества ткани был важен ее цвет. Самый предпочтительный, ведущий цвет цветового кода одежды кочевника являлся красный. Так, описывая в 70-х гг. XVIII в. одежду привилегированных групп казахов, И.Г. Георги отметил, что «платье шьют они себе из китайки, сукна, а особливо красного, или из шелковых ... дорогих материй» [Георги, 2007. С. 240]. Позднее по поводу преобладающего цвета в одежде казахских мужчин А.И. Левшин очень точно заметил, что «самый щегольский цвет [их шапанов] красный или малиновый» [Левшин, 2009. С. 307]. Его наблюдательный современник К.Ф. Гебель также утверждал в своих путевых записках о жизни и быте кочевников приуральских степей, что «у знатных и богатых киргизов [казахов – авт.] чапаны обычно бывали красивого сукна красного ... цвета» [Гебель, 2001. Кн. 5. С. 290].

Характерно, что на рисунках российских и европейских художников 30-х гг. XVIII – первой четверти XIX в. казахские ханы и султаны изображены, как правило, в красных шапанах и/или таких же по окраске головных уборах (борик, тымак и тебетей). Показательным в этом отношении являются малиновый, темно-бордовый и ярко-алый цветовые оттенки тканей в соответствующих элементах традиционной казахской одежды на портретах хана Абулхаира и его сына Ералы, написанных Джоном Каслом; хана Арынгазы (1815–1821) работы П.Л. Яковлева, на рисунках «Султан киргизов, отправляющийся к соседям» – А. де Барбиша, «Киргизский султан» – Е.М. Корнеева, «Казах верхом на коне» и «Казах верхом на лошади» А.О. Орловского и в других художественных произведениях того времени [Қазақтар тарих және мәдениет, 2013. С. 19, 22, 52, 54, 546; Галиев, 2005; ОР РНБ. Ф. 8. Д. 10. Л. 3. Рис. 1].

Ткань красного цвета была наиболее востребована знатными казахами для изготовления разных частей одежды, почему и просил А.И. Тевкелев в 1732 г. Коллегию иностранных дел выдать ему из своего «цейхгауза» «ис кармазинных сукон краснова [цвета] – 40 [аршин], ... ис простых сукон краснова – 20, ... красных кож на дачу в Средней орде ханам, султанам и старшинам» [ИКРИ-3. С. 61]. Позднее цинский император Цяньлун (1736–1796), комментируя в своем указе Военному совету желание казахского султана Абулфеиза (ум. в 1783) и его людей получить в обмен на лошадей побольше текстильных материалов нужных расцветок, констатировал, что «ткани красного цвета ... у казахов ... находят большой спрос» и повелел синцзянскому наместнику Илэту «в дальнейшем при обмене с казахами не мешать им приобретать ткани красного цвета» [ЦИКХ-2. С. 90–91].

Символика красного цвета в costume насельников евразийских степей начала формироваться еще в эпоху бронзы. Шерсть плетеного текстиля в андроновских головных уборах II тыс. до н.э. была окрашена в красный цвет корнями марены красильной (*Rubia tinctorium* L.). Многие вещи из меха, войлока и тканей из пазырыкских могил Горного Алтая (IV–III вв. до н.э.) окрашены в красный цвет, и они имели импортное происхождение. Скорее всего, с этими вещами люди пришли на Алтай [*Полосьмак, Кундо, 2005. С. 598*]. Цветовая палитра – красный, желтый, голубой – была широко распространена в costume у кочевников Сибири и Казахстана, в costume других народов Востока. Они входили в единый семантический ряд, обозначающий огонь, солнце и небо. Именно эти цвета присутствуют в costume и аксессуарах «золотого воина» из кургана Иссык. Универсальная связь этих элементов являла собой важнейшие элементы космогонии, обеспечивающие плодородие [*Акишев, 1984. С. 133*]. Красный цвет – это символ крови, жизненной энергии и плодородия. Характерно, что у многих азиатских народов, в том числе и у казахов, платье и головной убор невесты были красного цвета [*Усманова, 2010. С. 79*]. Красный цвет – это цвет мужества и отваги, царский цвет. Не случайно, древнеримские цезари носили тоги пурпурного (красновато-фиолетового) цвета [*Символика цвета: красный цвет*].

Красный цвет в costume казахского чингизида – это как изоглосс цветового кода, за которым стоят тысячелетия его магического значения – цвета жизни и культа плодородия. Огненно-алая, малиновая, терракотовая, бордовая окраска шапанов и головных уборов казахской знати, как правило, сочеталась с не менее яркими и колоритными декоративными деталями другого цвета, или двух-трех цветов, когда однотонное поле ткани украшалось в разных местах тамбурной вышитой шелком либо позументом и металлическими золотыми или серебряными нитями в виде сложных растительных узоров. Такой насыщенный декор существенно усиливал традиционную семантику красного цвета в одежде привилегированного сословия казахов и придавал ему четко выраженную социально-маркирующую роль. Ярким образцом подобной акцентации «царской» предназначенности красного цвета роскошным золотым шитьем по однотонному полю ткани является один из экспонатов Актюбинского областного историко-краеведческого музея – парадный бархатный шапан, принадлежавший в свое время, по-видимому, какому-то казахскому султану, который в середине прошлого века обнаружил А.Х. Маргулан в фондах этого музея и позднее опубликовал его цветную фотографию в альбоме по прикладному народному искусству казахов [*Маргулан, 1987. С. 258–259*].

Здесь уместно также отметить, что не только одноцветные, но и разного рода узорчатые ткани подбирались для одежды казахских ханов и султанов с учетом рассмотренной выше древней мифологемы, сопряженной с культом плодородия. Вот несколько ремарок из протокольных записей оренбургских чиновников с упоминанием орнаментального оформления дорогой ткани – «атлас травы золотые..., персидская парча з большими травами по бруснишной земле..., 8 аршин парчи по зеленой земле з золотыми травами..., да ново-

манерная конфа з золотыми травами..., голи по красной земле з зелеными травами шесть аршин..., [ткани] персицкой по тусинской земле с мелкими шелковыми травами» [История Казахстана, 2012. С. 78; ИКРИ-4. С. 50. и др.].

Головные уборы

В контексте знакового содержания разных атрибутов одежды казахской знати отдельно следует остановиться на головном уборе. В общем комплекте ее основных элементов он выполнял одну специальную только ему свойственную функцию – увенчание ансамбля одежды. В головном уборе проявляется тесная связь материального и духовного начал, раскрывается понимание верха как символа связи мира небесного, сверхъестественного, божественного и красивого с земным, реальным, каждодневным [Стельмашук, 2006. С. 133]. В этом смысле он имел не только утилитарное, но и символическое значение.

Поручик Я.П. Гавердовский так описал в своем путевом журнале 1803–1804 гг. головные уборы казахов-кочевников: «На голове носят киргизцы зимою суконные и бархатные, подбиваемые различным мехом, шапки – тумак, концы коих по бокам висят до плеч, а сзади закрывают часть спины. Для лета же делают они из козьей и овечьей шерсти и особливые еще себе шапки, называемые *калпак*. Как сей, так и первый головные наряды бывают у них очень высокие и крутообразные подобны конусу. Под оных на голову ... одевают они остренькую на бумаге или шерсти стеганую шапочку – калякуш; они делаются из бархата, сукна и других материй, выкладываются местами позументом; вышиваются иногда бывают разными шелками, шерстью и бумагой и опускаются выдрой или бобром» [КРО-2. С. 153].

Символическое значение головного убора относится главным образом к его социальным функциям. В оформлении всех видов мужских шапок существовали знаки, которые подчеркивали высокий статус кочевой аристократии. Одним из наиболее выразительных в этом отношении головных уборов степняков являлась войлочная шляпа – калпак, сшитый из двух одинаковых половин, по форме напоминающих якорь: тулья была высокая, узкая, с округленной макушкой, а несшитые внизу полулунные края сильно расширялись, их отгибали, образуя тем самым поля. О нем исследователь первой половины XIX в. П.И. Небольсин писал: «Калпак делается из самого тонкого белого войлока Шапка эта надевается на твердый тюбетей, и лунообразные ее поля, смотря по степени силы солнечных лучей, более или менее надвигаются на брови. У султанов эти белые калпаки также вышиваются золотом; богатые люди носят и бархатные, обшитые позументами калпаки» [Небольсин, 1852. С. 240]. Покрытый бархатом или парчой, расшитый шелком или канителью, калпак являлся обязательной принадлежностью парадного султанского костюма [Захарова, Ходжаева, 1964. С. 53]. Российские чиновники учитывали эту важную деталь при встречах с кочевой знатью в своих дарах ее представителям. В служебном журнале начальника Оренбургской комиссии В.Н. Татищева за 13 августа – 2 сентября 1738 г., в частности, сообщалось, что 28 августа он подарил от себя «салтанам: Нурали – колпак, по бархату шитой золотом, Ерали – колпак и туфли, шитые богато серебром» [История Казахстана, 2012. С. 79].

Парадные головные уборы – богато расшитые изысканными растительными узорами калпаки (*ақ қалпақ* и *айырқалпақ*) можно видеть на рисунках и фотографиях разных представителей традиционной аристократической элиты Младшего и Среднего жузов и Внутренней орды первой половины – середины XIX в., опубликованных в более поздние годы [Қазақтар тарих және мәдениет, 2013. С. 306–310, 314–315, 317, 321 и др.]. По гравированным литографиям Дж. Касла (Кэстля), отдельным акварельным рисункам из альбомов А. де Барбиша и Обручевых, черно-белым литографиям, помещенным в немецком издании трехтомного труда И.П. Фалька и трудах других европейских авторов, красочной иллюстра-

ции внешнего вида казаха в исследовании И.Г. Георги и по более поздним изображениям кочевой знати этот тип прослеживается на протяжении всего XVIII и первой половины XIX в. и был широко распространен в северном и центральном регионах Казахской степи [Кэстль, 1998. Рис. III. С. 25, Рис. V. С. 47. Рис. X. С. 95; Қазақтар тарих және мәдениет, 2013. С. 48, 84, 552; Falk, 1786. Dritter Band. 2B. Tab. XXXVII.; Георги, 2007. С. 224–225].

Отдельные образцы султанских войлочных калпаков того времени сохранились в фондах Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге. Один из них, принадлежавший некогда анонимному султану Младшего жуза, покрыт сверху тонким высококачественным бархатом красного цвета и богато украшен вышивкой, выполненной золотой металлической нитью [РЭМ. № 8762–23550]. Два других калпака – типичного белого цвета, отделаны по швам золотым галуном; кроме того головной убор султана Среднего жуза изящно расшит золотой нитью по всей высоте тульи и в нижней части по полям [там же. № 8762–23537].

В коллекции Центрального государственного музея Республики Казахстан имеются церемониальные головные уборы степных аристократов мужчин начала XIX в. – *мурак*, которые своим внешним видом демонстрируют красочность и богатство исполнения, выраженное в дорогой ткани, вышивке золотыми и серебряными нитями [Традиционная одежда казахов, 2009. С. 24]. Высокий калпак – это символ устремленности к небесному, своего рода медиатор между сакральной и обыденной формами существования. Причастность к институтам власти маркируется верхом. Мотивы растительности, образы «мирового древа», популярные в орнаментальных композициях на калпаках казахских султанов – это древнейшие символы плодородной силы, макрокосма Вселенной, объединяющие пространство и время. Человек – держатель власти, носивший подобный головной убор, символически соединял земную и небесную субстанции своего бытия. Согласно данным специальных исследований советских этнографов, во второй половине XIX в. выходцы из традиционной степной знати такие калпаки уже не носили [Захарова, Ходжаева, 1989. С. 210].

Растительный орнамент присутствовал и на зимних головных уборах, демонстрируя архетипичную идею культа плодородия. Х. Барданес отмечал особенности подобного декора утепленных шапок у казахов: «По большей части [они] стараются иметь [шапку] лисью кармазинную, на которой бывают вышиты разные цветки золотом или мишурой, или хотя желтым и зеленым шолком. Таковые зимние шапки называются у них *тумак*» [ИКРИ-4. С. 177].

Судя по рисункам художников XVIII – первой четверти XIX в. – Дж. Касла, А. де Барбиша, Р. Сергеева, Е.М. Корнеева, А.О. Орловского, П.Л. Яковлева и других, в тот период зимние и все виды весенне-осенних головных уборов казахи покрывали сверху тканью преимущественно красного цвета [Қазақтар тарих және мәдениет, 2013. С. 19, 22, 48, 52, 69, 79, 100, 311, 316, 546; Галиев, 2005; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19208. Л. 43об.]. Примечательная особенность султанских головных уборов этого цвета заключалась в их богатом декоре и нетипичном для традиционных степных шапок цвете меха.

Так, на рисунке французского художника второй половины XVIII в. А. де Барбиша «Султан киргизов, отправляющийся к соседям» на голове казахского султана красуется ярко-красный, расшитый золотом тумак. В гравюре Е.О. Скотникова по рисунку Е.М. Корнеева «Киргизский султан» 1809 г. представитель «белой кости» изображен в бордовом борике, отделанном по швам золотистым галуном, а внизу отороченном мехом коричневого цвета [Там же. С. 546; Галиев, 2005]. Среди экспонатов РЭМ имеется высокая конусообразная шапка султана Младшего жуза первой половины XIX в. – тебетей, покрытая сверху малиновым бархатом, украшенная золотым галуном и вышивкой в виде изящных растительных узоров, выполненная золотой нитью, с околышем из искусственного меха [РЭМ. № 8762–23552]. «Обычно шапки с загнутыми кверху полями, – отмечал Ф. Шварц, – шьются из лисьей шку-

ры, а у более знатных – из выдры, бобра и соболя. Сверху эти шапки покрываются черным, голубым, зеленым или красным сукном, или материей из бархата, шелка и хлопчатобумажной ткани. Богатые султаны украшают эти шапки, как это делали и русские помещики, жемчугом, а также драгоценными или полудрагоценными камнями» [ИКЗИ-5. С. 216]. Отсюда можно сделать вывод, что одним из социальных маркеров ханских и султанских головных уборов в рассматриваемую эпоху было их богатое декоративное оформление с доминированием растительного орнамента, по которому различные путники визуально могли отличить повстречавшегося им на степной дороге кочевого властителя от окружающих его простолюдинов.

Меха

Меха степных диких животных и импортированных кочевниками из Сибири редких пушных зверей широко использовались в головных уборах и верхней одежде казахов. Шапки, тулупы и шубы шились шерстью и мехом вовнутрь, покрывались сукном или бархатом и были незаменимой одеждой в студеную зиму. Меха в одежде – это и утеплитель, и способ ее эстетического оформления, и знак социального статуса.

Все кочевники традиционно употребляли в своей одежде меха диких животных, которые водились в казахских степях: рыжей лисицы, корсака, волка, выдры, бобра, хорька. Лисица была одним из самых главных промысловых зверей среди казахов-охотников, которые охотились, «имея с собою собак, а в особенности беркутов, хорошо выученных и, занимаясь постоянно этим ремеслом, убивали иногда в зиму по 150 и даже более лисиц» – сообщал в 1843 г. топограф Т.Ф. Нифантьев [История Казахстана, 2012. С. 181]. По данным исследователя конца XIX в. Я.Я. Полферова, раньше в Тургайской степи была такая масса лисиц, что их шкурки употреблялись вместо кошм, из них шили одеяла и даже попоны для лошадей. В середине XVIII в. в связи с возведением линий российских укреплений на границе с казахскими кочевьями были открыты меновые дворы в Оренбурге, Орске, Троицке, Петропавловске, Семипалатинске и других линейных крепостях, на которые казахи ежегодно привозили на продажу от 30 до 40 тыс. шкурок лисицы [Справочник по хищникам и копытным животным]. Мех местных животных был достаточно распространен на территории региона и, следовательно, доступен всем социальным группам кочевников для оформления разных деталей одежды.

Другое дело – мех диких животных, которых не знала фауна Степи. Меха не случайно называют «мягким золотом». Пушнина во все времена ценилась и была своеобразным мерилом социального статуса и богатства ее обладателя. Меха черно-бурой лисы и соболя использовались в 30-х гг. XVIII – первой четверти XIX в. главным образом в одежде кочевой аристократии. Этот престижный «меховой стиль» одежды был продиктован особой ценностью меха обоих пушных зверей.

Черно-бурая лисица (*Vulpes vulpes*) встречается в природе азиатской части Евразии довольно редко. Ареал ее распространения – Сибирь, лишь в первой половине XIX в. она распространилась в отдельных регионах Северной Америки и Канады. Эта лисица отличалась пышным длинноволосым мехом черно-бурого и серовато-голубого окраса, с боков – пепельного или черного – с белым кончиком хвоста; желтоватый окрас в цветовой палитре чернобурки отсутствует, зато имеющиеся в ней белые ости напоминают рассыпанную седины по всему телу. Зимний и летний мех зверька заметно различаются длиной и окраской. Становление зимних длинноволосых подшерстка и остей обычно происходит с конца лета до конца осени, поэтому российские промысловые люди охотились на черно-бурых лисиц, как правило, в начале зимы.

Большую ценность шкуркам черно-бурой лисицы в восприятии казахской аристократии придавали их пышная шубка и высокие качественные характеристики, необычный окрас волос с сочетанием классических парадных черного и белого цветов, исключительная сложность и трудность ее отлова, а также нетипичность изделий из меха редкого таежного зверя для традиционного предметного мира степняков. Именно поэтому мех чернобурки в то время стоил намного дороже самого удачного годовичного промысла на других диких животных и считался одним из наиболее престижных вещей.

Драгоценным приобретением был и мех соболя (*Mustela zibellina*). Этот зверь прежде всего обитал в тайге на большом пространстве от Северного Урала до Тихого океана. По своему внешнему виду он похож на куницу, но главное отличие соболя составляет дымчато-бурый окрас меха, блестящего и мягкого как шелк, с более темным, черноватым оттенком волос на спине. Особенно ценился в России и соседних странах континента «драгоценный», по определению знатоков, камчатский соболь. Благодаря удивительному шелковому меху, этот красивый зверек в XVIII – первой половине XIX в. в массовом количестве добывался на северо-восточной окраине России и завозился в столицу и центральные регионы страны. «В прежние времена, – отмечал на рубеже XIX–XX вв. знаменитый естествоиспытатель А.Э. Брем, – соболь водился на всем обширном пространстве сибирской тайги. Особенно леса отдаленной Камчатки кишмя-кишели соболями. Их шкурками инородцы уплачивали «ясак», или правительственную подать, в обмен за них приобретали у торговцев все необходимое для своего обихода. Еще не так далеки от нас те времена, когда ... охотник за зиму без труда мог набить шестьдесят – восемьдесят штук драгоценного зверя, когда лучший соболиный мех стоил не дороже полтинника» [Брем, 1992. Т. 1. С. 237].

Меха, как и ткани, приобретались казахской знатью в первую очередь на внешних рынках. П.И. Рычков в своем кратком обзоре истории развития приграничной торговли на Оренбургской линии называл среди наиболее востребованных казахами товаров именно меха импортной выделки и шкурки редких пушных зверей: «бобры немецкия и выдры, ... лисицы черныя и черно-бурыя.» [ИКРИ-4. С. 235]. Другим источником поступления шкурки черно-бурых лисиц и соболей в Казахскую степь были подарки, и, судя по расходным спискам в церемониальных записях, эти меха по своей значимости занимали второе место после тканей: «Дано в жалованье е. и. в. милости Абулхаир-хану: 4 аршина сукна кармазинного мясного цвета, ...1 голь, 2 пары соболей, 1 черно-бурая лисица; Эрали-салтану – 4 аршина сукна алого..., 1 пара соболей, 1 лисица черно-бурая; Джанбек-тархану – 4 аршина сукна алого, 1 пара соболей, 1 черно-бурая лисица» [ИКРИ-4. С. 50].

Мех чернобурки из-за его высокой цены и штучного характера поступлений лисьих шкурки на меновые двory пограничных линий шел на головные уборы исключительно казахской правящей элиты: им подбивалась изнутри зимняя шапка. Здесь уместно привести выразительную цитату из труда капитана И.Г. Андреева о нем как маркере высокого социального статуса: «Салтаны их непременно должны иметь шапки, опушенные черно-бурою лисицею и покрытые белой материею. По сим признакам и незнаемому человеку салтана их тотчас узнать можно» [Андреев, 1998. С. 64–65]. Аналогичное упоминание о символическом значении меха чернобурки во внешнем оформлении привилегированного положения кочевой аристократии «белой кости» мы находим и в историко-этнографическом очерке Г.И. Спасского, который в начале XIX в. также утверждал, что «султаны для отличия от простых киргизов [казахов – авт.] подбивают свои шапки черно-бурою лисицею и покрывают их сверху какой-нибудь белой тканью» [История Казахстана, 2011. С. 47]. В противоположность султанам использование чернобурки знатными выходцами из словенной группы «черной кости» для изготовления головных уборов и других элементов одежды носило в XVIII – первой половине XIX в. единичный, исключительный характер.

Поэтому в служебном журнале чиновников оренбургской губернской канцелярии за 27 июля 1749 г. отдельно выделен такой примечательный факт, как пожалование губернатором И.И. Неплюевым «между всеми старшинами знатнейшему» тархану Жанибеку Кошкарулы (ум. в 1751) «в знак е.и.в. высочайшей милости ... одной лисицы черной по особому его прошению в 11 руб. 68 коп.» [История Казахстана, 2012. С. 153].

В 1731–1738 гг. выделанные шкурки чернобурой лисицы преподносились в дар имперскими чиновниками лишь отдельным степным властителям, которых они в первую очередь старались привлечь на свою сторону. Но после вступления в 1740–1742 гг. под российский протекторат хана Абулмамбета (1739–1770/1771) и влиятельных султанов Абылая (1711–1780) и Барака (ум. в 1750) чернобурка целыми потоками устремилась из Оренбурга к казахской знати, в результате чего в 70–80-х гг. XVIII в. обладателями этого ценного и нетипичного для одежды казахов меха стали многие султаны Младшего и Среднего жузов и их взрослые сыновья.

Меха черно-бурой лисицы, соболя и выхухоли (*Desmana*) – небольшого насекомоядного животного, подобного кроту, которое встречается только в бассейнах Волги, Дона и Урала, постоянно фигурировали в качестве дара или вознаграждения казахским ханам и султанам за различные заслуги в служебных журналах и расходных записях оренбургских чиновников середины XVIII – начала XIX в. В то же время именно элита «белой кости» являлась основным, если не единственным потребителем этих видов импортной пушнины на меновых дворах приграничных российских городов, так как они тогда поступали из Сибири на юго-восточные окраины империи в мизерном количестве и обменивались здесь по очень высоким ценам, недоступным для простых степняков.

В отличие от чернобурки, мехов черных бобров, выхухоли и других редких зверей, присутствовавших в одежде всех представителей казахского сословия джучидов, мех соболя относился исключительно к «знакам ханского достоинства» и почти не использовался нижестоящими в традиционной социальной иерархии кочевников аристократами-султанами. Из него шились главным образом парадные шубы для казахских ханов (иногда отделялись шапки – тымак), причем ношение их являлось особой привилегией легитимных монархов Степи.

Традиционная одежда казахов-кочевников не включала в свой ассортимент соболиную шубу. Статусная мода на нее была введена российскими чиновниками в 30–40-х гг. XVIII в., чтобы польстить самолюбию степных правителей и поразить их этой диковинной меховой красотой. Соболиная шуба служила своего рода «королевской мантией» для казахских ханов, которая внешне возвышала их над всеми остальными кочевниками. Она являлась с 1731 г. непременным атрибутом официальной церемонии принесения ханами Младшего и Среднего жузов присяги на верность русской императрице, а позднее, с 1749 г. – введенного в политическую практику оренбургскими властями торжественного ритуала возведения утвержденных «высочайшими указами» народных избранников на монархический престол. В официальных российских документах середины XVIII – первой четверти XIX в. этот новый степной ритуал назывался *конфирмацией*.

Первым обладателем соболиной шубы среди правителей казахов стал старший хан трех жузов Абулхаир (1719–1748), которому посланник русской императрицы Анны Иоанновны переводчик «ориентальных языков» А.И. Тевкелев вручил 8 ноября 1731 г. почетные «е.и.в. дары: шубу парчовую на собольем меху, шапку с черною лисицею той же парчи, саблю, оправленную серебром и осыпанную камнями». «Тогда Абулхаир-хан, встав с места, – констатировал в своем официальном журнале А.И. Тевкелев, – принял милости е.и.в. ... и потом оное все надел на себя» [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. 1762–1775 гг. Д. 14. Л. 135–136 об.; ИКРИ-3. С. 80]. Вторым по времени владельцем такой шубы был старший сын Абулхаира хан Млад-

шего жуза Нуралы, подтвержденный на ханство в 1749 году [История Казахстана, 2012. С. 93], а вслед за ним и другие «высочайше» утвержденные в ранге хана степные владыки.

«Шуба соболя камчатская, покрытая серебряною парчою с золотыми цветами и петлицами», была прописана первой строкой в специальной «Росписи знакам ханского достоинства», составленной в середине XVIII в. чиновниками Коллегии иностранных дел для проведения церемониалов конфирмации казахских ханов. На втором месте после шубы в этом документе значится «шапка парчовая с околышем лисьим чернобурым и золотой кистью». За ней следует «сабля булатная с золотою надписью русскою и татарскою, насеченною на клинке; черен осыпан красными яхонтами, изумрудами, финисами и аметистами; ножны оклеены зеленым бархатом с золотыми обоями и наконечником». В качестве необходимых престижных дополнений к ней здесь же показаны четвертым и пятым пунктами «футляр..., оклеенный снаружи зеленым сафьяном, а внутри – белым атласом» и «золотой пояс с такими же двумя кистями» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 18. Л. 33].

Конфирмация казахских ханов проводилась российской пограничной администрацией в окрестностях Оренбурга, а позднее и в будущей Ханской роце вблизи Уральска в течение 75 лет, со дня возведения старшего сына Абулхаира (1710–1748) Нуралы в ранг хана Младшего жуза 11–12 июля 1749 г. [История Казахстана, 2012. С. 106–115] до законодательного упразднения института ханской власти в Среднем (1822 г.) и Младшем (1824 г.) жузах, а затем во Внутренней орде (1845 г.). В связи с этим обладателями соболиных шуб и парчовых шапок, отороченных мехом чернобурой лисицы, являлись в разное время ханы: Нуралы (с 1749), Вали (с 1782), Ералы (с 1791), Есим III (с 1795), Айчувак (с 1798), Жанторе (с 1705), Букей I (с 1812), Ширгазы I (с 1812), Букей II (с 1817), Жангир III (с 1824), что зафиксировано в разных канцелярских журналах и отчетах оренбургских губернаторов за соответствующие годы [История Казахстана, 2012. С. 93; РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 18. Л. 75–88; *Ханыков*, 1847. С. 45; ИБХ. С. 246, 936; и др.]. Кроме того у хана Внутренней орды Жангира (1823–1845), в отличие от большинства его предшественников, имелась не только знаковая шуба, но и «остроконечная..., обложенная соболем и вышитая золотом бархатная шапка» [ИБХ. С. 832; подробнее об истории проведения обряда вручения ханских знаков отличия конкретным правителям казахов см.: *Кундакбаева*, 2005. С. 75–77, 81 и др.].

Емкое и точное описание обряда конфирмации казахских ханов, со вручением им царскими наместниками главных атрибутов «ханского достоинства» дано в 1830 г. компетентным исследователем С.Б. Броневским в его специальном историко-этнографическом очерке о казахском народе. В нем этот автор писал: «Пограничное начальство по установленному и издавна наблюдаемому церемониалу делает обряд возведения [хана] на ханство при собрании народа. Прочитав утвердительную грамоту, возлагает на него знаки ханства, то есть: богатой парчи халат, шубу, шапку черных лисиц и саблю; вручает особенные подарки и, дав ему грамоту, которую он, с благоговением приемля, целует, приводит к присяге чрез Алкоран. Он клянется за себя и народ служить верою и правдою государям всероссийским и быть верноподданным. После сего народ снятую с него старую солтанскую одежду раздирает на мелкие куски, и всякой киргиз старается в воспоминание события сохранить в своем семействе лоскуточек одежды хана. Потом старшины с радостным воплем берут его с места и, посадив на белый войлок, при восклицаниях носят на головах, и, качая, восхваляют его мудрость, храбрость и добродетели. За сим следует изобильное угощение на счет правительства как самого хана, так и народа; при чем всегда бывала музыка, пушечная пальба и фейерверк» [*Броневский*, 1830. Ч. 41. С. 414–416].

В данном контексте следует особо отметить, что подобный набор подарочных предметов ханского достоинства существовал также в историческом опыте патронатных отношений Османской империи с Крымским ханством, которое находилось в вассальной зависимости

от нее в 1475–1774 годах. Высокая Порта назначала и смещала ханов в соответствии со своими политическими интересами. Падишаху достаточно было послать одновременно с хаттишерифом (указ султана) одному из Гиреев, предназначенному быть новым ханом, почетную шубу, саблю и соболью шапку, усыпанную драгоценными камнями, и это означало, что его избранник возведен на ханский престол [Дюмечев, 2004. С. 178]. Парадная шапка, богатая верхняя одежда («платье») и сабля являлись неотъемлемыми внешними знаками отличия и правителей волжских калмыков во время проведения традиционного обряда принятия от Далай-ламы ханского титула, о чем наглядно свидетельствует подробное описание торжественной процедуры возведения в ранг хана сына Аюки Церен-Дондука, подготовленное известным знатоком истории и культуры монгольских народов астраханским чиновником В.М. Бакуниным в 1735 году [Кундакбаева, 2005. С. 73].

В целом, при общности всех составных элементов, стиля и характера декорирования одежды для разных социальных групп кочевников-казахов правящая аристократическая элита казахского общества придавала большое значение внешнему оформлению своего привилегированного положения в традиционной степной иерархии статусов, то есть ярко выраженным знакам отличия. Эти имиджевые установки осуществлялись посредством таких универсальных категорий, как *количество* семантических предметов (престижных вещей и их декоративных деталей, аксессуаров и проч.) и *качество* материалов (тканей, меха, ниток, драгоценных камней), используемых для их изготовления; а также через *особую цветовую комбинаторику* текстильной и меховой частей швейных изделий разных тонов. Соответственно, высокий социальный статус казахских джучидов в рассматриваемый период четко маркировали в их гардеробе следующие визуально фиксируемые знаки:

- дорогие высококачественные виды и «лучшие» сорта импортных тканей (иранские парча и бархат, европейское сукно-кармазин) и меха редких пушных зверей (соболя, черно-бурой лисицы, немецких черных бобров) в составе всех элементов одежды (шубы, шапана, шапок);

- красный цвет верхних халатов-шапанов и головных уборов типа тымак, борик, тебетей, ак-калпак и айыр-калпак с широким спектром его оттенков (ярко-алого, малинового, терракотового, бордового и др.);

- нетипичное для цветовой палитры зимних и весенне-осенних шапок степняков сочетание красного или белого (ткань) и черного (мех) цветов во внешнем облике этих вещей;

- богатое художественное оформление различных частей халатов и головных уборов – тамбурная вышивка шелком, канителью (тонкими металлическими золотыми и серебряными нитями), позументом, или галуном (тесьмой, шитой золотом или серебром);

- растительные мотивы в роскошном орнаментальном декоре летних шляп-калпаков и других элементов костюма;

- высокое качество технического исполнения всех декоративных деталей.

Социально-маркирующую роль вышеуказанных атрибутов традиционной одежды казахов как внешних знаков отличия степной элиты «белой кости» наглядно демонстрирует один очень яркий и впечатляющий пассаж из служебного журнала начальника Оренбургской комиссии В.А. Урусова за период со 2 января по 4 апреля 1740 года [РГАДА. Ф. 248. Кн. 1191. Л. 232]. В нем образно описывается торжественный приезд в ставку самопровозглашенного башкирского хана Султан-Гирея (Карасакала), происходившего в действительности из рядовых башкир Уфимского уезда, его «родного брата», а на самом деле предприимчивого простого казаха по имени *Искандар*. Ловкий авантюрист появился весной 1740 г. перед старшинами башкирских родов в костюме с «полным набором» соответствующих аристократических знаков и в сопровождении целой свиты башкир, один из которых

по имени Юсуп держал левой рукой за узды его породистую лошадь, а в правой руке – богатую меховую шапку – борик.

Но на беду так называемого Искандара башкиры Яныш и его сын Юнус, присутствовавшие на парадном приеме у хана Султан-Гирея, неожиданно для себя узнали в «ханском брате» своего давнего знакомого – «Киргиз-кайсацкой орды нищего», который в 1739 г. вышел в «работное время из киргиз-кайсаков нищенским образом» и с того времени постоянно жил в Тамьянской волости Ногайской дороги «в работе» у них и у других башкирских старшин. После этой непредвиденной встречи обманутые башкиры «со товарищичи» «поймали» своего бывшего работника и затем сдали его в руки местным российским властям.

Внешний облик новоявленного «султана» обрисован со слов этих очевидцев в журнале оренбургского наместника следующим образом: «... А платье на нем – кавтан суконной красной, на голове – шапка черной лисицы, вершок – красной суконной; на ногах – сапоги красные. ... И лошадь, на которой тот пойманной вор приехал вперед, вор же Юсуп вел и шапку лисью вез с собой. И знатной-де ... кавтан и сапоги он же тому вору дал для того, чтоб народ башкирской в[о] мнение привести. ...» В семантическом отношении процитированный фрагмент текста носит вполне законченный характер, поэтому какие-либо комментарии излишни.

Сабли

Одежда – это форма выражения одного из первых выстроенных человеком культурных диалогов с природой, в котором свою роль сыграли и климат, и культурные стереотипы поведения, и социальные установки. В этом смысле одежда – категория всеобщая, универсальная. Социально дифференцированными атрибутами ее в кочевом обществе казахов являлись главным образом тканевая или меховая основа, цветовая колористика и декор, так как именно они наилучшим образом визуальным образом маркировали статус каждого индивидуума в традиционной социальной иерархии номадов. К другим внешним знакам высокого социального положения правящей аристократической элиты Степи в XVIII – первой четверти XIX в. относились «именные сабли» и личные печати. В отличие от рассмотренных выше престижных элементов костюмов казахов они имели не только узкословный, но и персонифицированный характер, то есть четко выраженные индивидуальные черты. При этом к именным саблям мы относим многочисленные штучные образцы длиноклинкового рубяще-режущего оружия, которые взаимно различались внешним оформлением рукояти и ножен и принадлежали конкретным лицам. Для большинства их было характерно наличие нарезной удостоверительной надписи на обеих сторонах клинка.

Сабля – неизменный атрибут мужчины-воина на протяжении многих веков. Для любого кочевника она традиционно являлась самым ценным по его профессиональным навыкам и культурным ориентациям видом оружия. С ним он никогда не расставался не только в военных походах, но и в домашнем быту. Внешний облик степного правителя, стоявшего во главе военной организации кочевников-казахов, был немыслим без сабли. Именно поэтому петербургские сановники еще в 1731 г. отнесли ее к разряду неотъемлемых знаков «ханского достоинства» и с того момента постоянно включали добротные по качеству исполнения и красиво декорированные сабельные клинки в реестр тех вещей, которыми местные российские власти должны были одаривать ханов, влиятельных султанов и знатных старшин трех жузов от имени «ее» или «его императорского величества».

В эпоху позднего средневековья и на начальном этапе нового времени казахи использовали как наиболее дешевые и низкокачественные сабли местного производства, так и привезенные из соседних среднеазиатских государств, где имелись собственные ремес-

ленные мастерские по изготовлению клинкового оружия. Судя по отзывам современников, импортированные из Средней Азии сабли отличались достаточно высоким качеством исполнения, разнообразием продукции и ее относительно доступной ценой. По единодушному утверждению российских путешественников и исследователей XVIII – середины XIX в., главными импортерами этого вида оружия в казахские степи в то время были города: Ташкент, Хива, Бухара, а позднее – Кашгар и Кульджа [Прошлое Казахстана, 1997. Сб. 1. С. 202, 235; Левшин, 2009. С. 312, 397; Мейер, 1865. С. 250; Бобров, 2012. С. 348, 352–353].

Сравнительно небольшую часть импорта сабель в Степи составляли высококачественные сабельные комплекты иранского производства – *исфахани*, которые казахи называли *наркескен* – «разрубающая верблюда» [Валиханов, 1985. Т. 4. С. 36] и симбиотические сабли, состоявшие из булатных клинков работы иранских мастеров и рукояти и ножен среднеазиатского образца [Бобров, 2012. С. 353]. Импортированные иранские сабли стоили очень дорого, поэтому они были доступны лишь правящей верхушке казахского общества, да и то не всем ее представителям, а только самым влиятельным и богатым индивидуумам. Это обстоятельство своевременно было учтено царским правительством, и уже с 30-х гг. XVIII в. оно начало активно использовать длинноклинковое оружие в качестве престижных подарков или вознаграждения за «верную службу» для приобретения симпатий степной знати к Российскому государству.

В 30–50-х гг. XVIII в. оренбургские власти стали главным поставщиком элитных сабель иранского и частично турецкого производства казахской знати, строго придерживаясь при передаче этих неравноценных друг другу по декоративному оформлению «даров е.и.в.» конкретным лидерам принципа ранжирования их по статусным различиям и степени общественного влияния одариваемых лиц среди кочевников. Дорогие сабли, отделанные золотом или серебром и инкрустированные драгоценными камнями, дарились ханам и наиболее влиятельным в казахских жузах султанам; сабельные клинки в «серебряной оправе» без дополнительных украшений – менее значимым степным джучидам, клинковое оружие в «облегченной серебряной оправе» – ханским сыновьям и «знатнейшим» старшинам, сабли попроще – всем прочим представителям казахской элиты «черной кости».

Так, после вступления старшего хана казахов Абулхаира под патронат российского престола 8 ноября 1731 г. А.И. Тевкелев подарил ему наряду с соболойной шубой и шапкой, отороченной мехом черно-бурой лисицы, «саблю, оправленную серебром и осыпанную камнями» («оправную с камешки») стоимостью в 63,1 рубля [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1733 г. Д. 1. Л. 223–226; Оп. 2. 1762–1775 гг. Д. 14. Л. 135–136 об.; ИКРИ-3. С. 80]. 3 августа 1738 г. во время пребывания хана в Орской крепости и вторичного принесения им присяги на верность русской императрице глава Оренбургской комиссии В.Н. Татищев «опоясал» его от имени Анны Иоанновны еще более дорогой («богатой») саблей, «золотом оправленной» и при этом сказал: «Сия тебе милость от е.и.в. в знак всевысочайшей и тебе, и всему народу засчиты; ты же должен противу всех врагов ее величества со оною так храбро и верно поступать, как честному человеку и слуге прилично, и должно исче для той памяти имеешь всегда неотлучно при себе носить» [История Казахстана, 2012. С. 45]. По свидетельству исследователя первой половины XIX в. А. Терещенко, проводившего в октябре 1851 г. археологические изыскания на территории Внутренней орды, эта сабля тогда находилась в доме умершего шесть лет назад хана Жангира (1823–1845) в Ханской ставке (совр. аул Хан Ордасы, Бокейординский район Западно-Казахстанской области) [Терещенко, 2001. Кн. 4. С. 163; ИБХ. С. 859]. Впоследствии она, как и многие другие старинные предметы, хранившиеся в *Оружейной комнате* Жангира, из его личной коллекции бесследно исчезла. Параллельно с одариванием Абулхаира В.Н. Татищев преподнес 28 августа 1738 г. «саблю, серебром оправленную», его старшему сыну султану Нуралы [История Казахстана, 2012.

С. 79]. Два года спустя новый начальник Оренбургской комиссии В.А. Урусов, в свою очередь, передал 28 августа 1740 г. «по учинению присяги» на верность императрице Анне Иоанновне «богатую саблю, в серебре оправленную», хану Абулмамбету (1739–1770/71) и почти такую же саблю – султану Абылаю (1711–1780; годы жизни), объявив им, что «сии сабли ... они должны употреблять во охранение е.и.в. верных подданных, во усмирение ж и отмщение противников е.и.в.» [КРО-1. С. 152–153]. Незадолго перед тем, 22 августа В.А. Урусовым были подарены «сабля, оправленная серебром», султану Нуралы и сабля «с серебряною оправою» знатному старшине Среднего жуза Жанибеку Кошкарулы [там же. С. 139].

В 40–50-е гг. XVIII в. круг владельцев элитных сабель заметно расширился, а количество подаренных образцов этого оружия у некоторых казахских ханов, султанов и старшин возросло от одного клинка до 3–5 единиц. В специальном «Экстракте» Коллегии иностранных дел, составленном в 1749 г., в частности, констатировалось, что сабельным оружием, взятым в Москве «из цейхгауза», 23 августа 1742 г. были пожалованы следующие представители казахской знати: хан Абулхаир – «саблей с бирюзью ценю в 65 рублей», его второй сын султан Ералы – «с серебряною небольшою оправою», тархан Жанибек Кошкарулы – «с легкою серебряною оправою», сын хана Чингиз от калмычки Баяны – «легкою оправою ценю в 2 рубли»; его «свойственники» султаны Жанибек и Дербесалы – «по сабле, каждая ценю по 2 рубли»; двоюродный брат султана Среднего жуза Абылая султан Салтамамет – «с медною оправою ценю в 2 рубли 50 копеек». Кроме того, одна сабля была отправлена с курьером в Туркестан хану Абулмамбету [АВПРИ. Ф. 122. Оп. 1. 1749 г. Д. 4. Л. 194–195; ИКРИ-4. С. 44].

С конца 40-х гг. XVIII в. длинноклинковое оружие стало жаловаться местными имперскими властями казахской знати в основном по случаям конфирмации ее отдельных представителей на ханство или в знак благоволения официального Петербурга к своим «верным подданным» за какие-нибудь оказанные ими услуги российскому престолу, либо в ознаменование крупных событий в истории правления царствующей династии. В связи с этим правопреемник Абулхаира Нуралы 10 июля 1749 г. удостоился получить от российского императорского дома в лице царицы Елизаветы Петровны третью по счету элитную саблю в качестве одного из трех официальных атрибутов «высочайше» пожалованного ему ханского достоинства. Так, в протокольном журнале оренбургской губернской канцелярии за соответствующий календарный период отмечено, что в тот день на хана были надеты «шуба соболья, покрытая парчой; шапка парчовая ж, обложена черною лисицею и [золотая] сабля с надписью и поясом в футляре» [История Казахстана, 2012. С. 93, 111]. Надпись, вырезанная на сабельной полосе клинка «на русском и татарском языках», имела следующее содержание: «Божию милостию, мы, Елизавета Первая, жалуем сею саблею подданного нашего Нуралы, хана киргиз-кайсацкого, при учреждении его в сие достоинство. 26 февраля 1749 года» [Ахметжан, 2007. С. 198; Бобров, 2012. С. 354].

13 декабря 1757 г. указом Елизаветы Петровны Коллегии иностранных дел было повелено подарить сабли ценю в 90 руб., 55 руб. и в 120 руб. султанам Ералы, Айчуваку и Абылаю. Причем, специальным «Определением» императрицы петербургским чиновникам от 27 марта 1758 г. предписывалось вырезать на каждой сабле «на русском и татарском языках» соответствующую надпись [КРО-1. С. 551]. Судя по отдельным данным, именные сабли были дарованы в надлежащий срок всем вышеупомянутым лицам. В частности, в фондах Музея истории народов Узбекистана в Ташкенте еще в 80-х гг. прошлого века хранилась рукоять и часть лезвия сабли, подаренной Елизаветой Петровной султану Абылаю. Вырезанная арабскими буквами на одной стороне клинка, а русскими – на другой удостоверительная надпись гласит: «Божиею милостию Елисавета Первая, императрица и самодержица всероссийская, пожаловала сею саблею подданного своего киргиз-касацкого Аблая-солтана за его верную службу. В Санкт-Петербурге 1758 года» [МОЦА-2. С. 126–127].

Практика дарения сабель представителям правящей элиты казахов была продолжена в течение последующих 70 лет вплоть до законодательной отмены ханской власти в Среднем и Младшем жузах. В списке различных предметов, представленных волостными управителями Кокчетавского уезда на организованную в 1876 г. в Петербурге этнографическую выставку по случаю проведения здесь III-го Международного съезда ориенталистов, фигурирует сабля («шашка») «с золотой насечкою, подаренная хану Аблаю императрицей Екатериной II». Дата пожалования этой сабли в документе не указана. Однако, из его содержания следует, что она прежде хранилась у сына Абылая Адила (ум. в 1815), а после смерти султана перешла на хранение к потомкам его старшего брата хана Вали (1781–1821) [Валиханов, 1985. Т. 5. С. 47].

25 февраля 1782 г. императрица Екатерина II утвердила избранного казахами Среднего жуза ханом Вали в ханском достоинстве и повелела пожаловать ему «приличные на ханство знаки, как то: ... саблю с надписью, шубу соболью и шапку черной лисицы» [МИПСК. С. 41]. Несколько месяцев спустя царский указ был приведен в исполнение, и правопреемник хана Абылая стал очередным обладателем роскошной именной сабли импортного производства. В 1892 г. на состоявшейся в Омске этнографической выставке по случаю приезда в главный административный центр Западной Сибири наследника российского престола, цесаревича Николая Александровича (будущего царя Николая II) известным в Акмолинской области казахским коллекционером Мейрамом Жанайдаровым (1846–1921), сыном одного из близких сподвижников хана Кенесары (1841–1846) Жанайдара Орынбайулы (1818–1870-е гг.) экспонировалась вместе с «собольей шапкой и парчовым поясом» хана Вали и «украшенная большими ценными камнями сабля, пожалованная [ему] 27 мая 1782 г. императрицей Екатериной Великой по случаю утверждения в этот день Валия ханом Средней орды». Имена первого владельца и дарителя сабли, а также конкретные исторические обстоятельства ее пожалования хану Вали были четко обозначены мастером в «надписи золотыми буквами», сделанными «на клинке драгоценного оружия» [Дала ұалайатының газеті, 1994. С. 234].

В настоящее время в фондах Центрального государственного музея Республики Казахстан хранится сабельный клинок, пожалованный царским правительством в день конфирмации последнему хану Младшего жуза Ширгазы (1812–1824). На нем выгравирована надпись следующего содержания: «Божию милостью Александр Первый, император и самодержец всероссийский, жалует сею саблею подданного своего Шергазы-солтана киргизкайсацкой Меньшой орды при учреждении его в ханское достоинство. 1812 г.» [Ахметжан, 2007. С. 198; Бобров, 2012. С. 355]. Дорогую «саблю в ножнах, оправленную серебром, ... с сердоликом и двумя гранатами» имел в конце второго десятилетия XIX в. и главный соперник Ширгазы – авторитетный в Младшем жузе правитель сырдарьинских казахов Арынгазы (1816–1821), о чем свидетельствует опись его имущества, составленная коллежским регистратором Святогоровым в 1833 году [ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 4524. Л. 110–111]. Эта сабля, судя по всему, не являлась подарком российского императора нелегитимному с его точки зрения, хотя и избранному народом монарху, а, вероятно, была подарена опальному хану в 1816 г. благосклонным к нему влиятельным родственником «по женскому колену» бухарским эмиром Хайдаром (1801–1825) вместе с обещанными «золотой печатью», «шубой из золотой парчи» и другими престижными вещами в знак официального признания его ханского титула [МИКССР-4. С. 297–298].

В первой четверти XIX в. царское правительство особенно щедро одаривало длинно-клинковым оружием и прочими элитными предметами правителей Внутренней орды, которых оно считало наиболее лояльными по отношению к российскому престолу. В 1802 г. местные имперские власти наградили саблей будущего главу Внутренней орды султана

Букея (ум. в 1815) за перекочевку вместе с подвластными казахскими родами на правую сторону Урала и вступление в российское подданство. Позднее, после того, как царствующий император Александр I утвердил главного инициатора переселения части казахов Младшего жуза в зауральские степи в ранге хана, 7 июля 1812 г. «особо назначенные чиновники надели на Букея всемилостивейше пожалованные ему соболью шубу, саблю и шапку черно-бурой лисицы» [Ханыков, 1847. С. 45; ИБХ. С. 936]. Тринадцать лет спустя тех же знаков отличия был удостоен от имени Александра I и сын Букея Жангир (1804–1845), которому оренбургские власти торжественно вручили 26 июня 1824 г. «при громе музыки и пушек знаки ханского достоинства, состоящие из соболевой шубы, сабли и шапки из черно-бурых лисиц» [ИБХ. С. 246].

По свидетельству нескольких очевидцев и данным «Краткой ведомости имущества хана Джангира» от 11 октября 1845 г., три упомянутые сабли хранились последним ханом Внутренней орды вместе с сабельным клинком его деда хана Нуралы 1749 и 1775 гг. и прадеда хана Абулхаира 1738 и 1742 гг. в доме Жангира, в так называемой *Оружейной комнате*, где размещалась коллекция собранных им в течение более 20 лет раритетных предметов вооружения своих предков [там же. С. 702–704, 835, 843, 859]. Согласно утверждениям К. Гебеля и М.Я. Киттары, которые в разные годы имели возможность посетить в Рын-песках гостеприимного хозяина дома, самыми роскошными и изысканными по своему декору из семи хранившихся там различных образцов длинноклинкового оружия были сабля Букея 1812 г. и Жангира 1824 г., «украшенные золотой отделкой и драгоценными камнями» [ИБХ. С. 835, 843]. К сожалению, последующая судьба и современное местонахождение этих музейных экспонатов историкам пока неизвестны.

Из приведенного краткого обзора именных сабель казахской правящей элиты второй четверти XVIII – первой половины XIX в. можно убедиться в том, что большинство степных ханов и влиятельных султанов были в тот исторический период владельцами одного – двух или даже нескольких элитных сабельных комплектов, которые создавали соответствующий имидж персонифицированным ими институтам власти в восприятии зависимых социальных групп кочевников и наглядно демонстрировали высокий формальный ранг этих лиц внутри Казахской степи и за ее пределами. Относительно небольшая часть именных сабель сегодня хранятся в фондах государственных музеев стран СНГ и, возможно, в отдельных частных коллекциях; остальные образцы либо не дошли до нашего времени, либо еще не выявлены или не идентифицированы специалистами по казахскому оружию.

Печати

Другим важным знаком отличия аристократической элиты казахского общества от других социальных групп кочевников были прикладные металлические печати. Они изготавливались в основном в виде крупных серебряных перстней миндалевидной формы с изящным декором, на наружной поверхности которых зеркальным способом вырезались полные имена владельцев печатей и их титулованных отцов. Эти удостоверительные знаки употреблялись казахскими правителями для заверения различных актов документов внутреннего пользования и международных договоров.

Миндалевидные металлические перстни-печати (*бадами мухр*), надевавшиеся на большой палец правой либо левой руки, производились как степными мастерами-зергерами, так и придворными ювелирами среднеазиатских ханств и дарились бухарскими и хивинскими ханами казахским правителям. С 30-х гг. XVIII в. они стали создаваться большей частью в России и вручались оренбургскими чиновниками в составе обязательного подарочного комплекта вещей казахской знати [История Казахстана, 2012. С. 28]. Царская

пограничная администрация в Оренбургском крае, стремясь строго контролировать политическую деятельность правящей казахской элиты, целенаправленно взяла на себя миссию изготовления этих семантических предметов для нее. Однако полностью поставить процесс создания ханских и султанских печатей под свой административный контроль оренбургским чиновникам не удалось, подтверждением чему может случить параллельное употребление отдельными степными султанами официальных российских образцов персональных удостоверительных знаков и других печатей местного или среднеазиатского производства, в которых их собственные имена фигурировали в сочетании с ханским титулом [Ерофеева, 2001. С. 70, 72, 74, 88, 96, 98].

Именные печати изготавливались большей частью из чистого серебра, реже – из золота. Золотые печати, как правило, не употреблялись для заверения писем и других документов, а имели значение престижных ювелирных украшений, полученных в дар от российского сюзерена или среднеазиатских ханов в знак признания высокого статуса облагодетельствованного ими степного правителя.

Главными атрибутами привилегированного социального положения аристократической элиты казахов в перстневых печатях являлись их форма и декор. Особенно важное семантическое значение имела общая для всех представителей султанского сословия миндалевидная форма металлической матрицы перстня-печати. Именно этот символический знак в первую очередь имел ввиду в 1826 г. военный губернатор Оренбургского края П.К. Эссен, когда сообщал в своем донесении управляющему МИД графу К.В. Нессельроде, что «золотые и серебряные печати, жалуемые киргизским султанам и старшинам, служат сколько наградою по степени усердия и услуг, ими оказываемых, столько же и отличием их званий самую формою, какую они имеют. По обычаю, издревле у них введенному и как бы законом или признаваемому, печати, у коих вверху один угол острый, а продолженные бока его к низу сходятся и образуют полукруг, означают достоинство султанское, то есть княжеское. Те же, коих форма четырехугольная, круглая или овальная, показывают звание старшин. Посему султаны никогда не прикладывают к своим бумагам печатей сей последней формы, почитая себе неприличным, и лучше ставят тамгу, если не бывает у них печати с одним острым углом, султанской называемой» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 116. Л. 1 и об.].

По степной традиции миндалевидный щиток перстня обычно разделялся на две равные части: верхнюю, с заостренной верхушкой и нижнюю, представляющую собой правильный полуовал или полукруг. В верхней части щитка на самом вершине матрицы располагался титул владельца печати – *хан* или *султан*, а немного ниже – его собственное имя и удлиненным знаком по горизонтали – почетное звание *бахадур*. Ниже этого разделителя помещались имя и титул отца владельца печати с указанием прямого родства обоих лиц. Несмотря на то, что арабские буквы и слова своеобразно переплетались между собой и создавали изощренную, на первый взгляд, конфигурацию знаков, тексты печатей легко поддавались прочтению.

Крупные черные пятна миндалевидного щитка перстня-печати украшались мелкими ободками и изящными розетками, общий контур поля окаймлялся орнаментальными узорами разных видов и обводился по краям одной или двумя тонкими линиями, повторяющими его очертания. Благодаря присутствию всех этих декоративных элементов в оформлении матрицы именные печати казахских ханов и султанов являлись, с одной стороны, их сословными и личными удостоверительными знаками, а с другой – произведениями ювелирного искусства [Ерофеева, 2001. С. 38–103].

Личные печати биев и старшин трех жузов, традиционно избравшихся из социальной группы «черной кости», по своему внешнему виду существенно отличались от печатей представителей привилегированного сословия торе. Для них были характерны исключительно овальная, круглая, квадратная либо прямоугольная формы щитков, простота испол-

нения слов, отсутствие художественных достоинств в оформлении общего фона надписей [ИКРИ-8. Ч. 2. С. 924–927].

Как и рассмотренные выше элементы одежды и именные сабли казахской знати, персональные перстневые печати строго специфической формы и художественного оформления имели четко выраженное символическое значение внутри Степи и в сфере внешних контактов их носителей с иностранными соседями. Сам факт обладания такой печатью свидетельствовал о высоком социальном статусе ее владельца в казахском обществе и присущих этому лицу особых преимуществ в сфере управления родовыми и родоплеменными группировками кочевников. При этом именные печати являлись не только показателем привилегированного положения степной элиты «белой кости» среди казахов, но и ценными ювелирными изделиями.

В XVIII – первой четверти XIX в. высококачественные дорогие ткани импортного производства, меха редких пушных зверей, роскошное декоративное оформление разных элементов верхней одежды, именные сабельные комплекты, отделанные благородными металлами и драгоценными камнями и серебряные миндалевидные перстни-печати являлись внешними знаками отличия именно наследственной аристократии трех жузов, которые ярко символизировали ее высокий формальный статус в кочевом обществе казахов. Это было обусловлено исключительными прерогативами знати «белой кости» в сфере регулирования взаимоотношений подвластных ей степных родоплеменных объединений с соседними государствами и народами и большим дефицитом престижных материалов и готовых изделий на меновых дворах приграничных городских центров Средней Азии, Южного Урала и Западной Сибири.

Во второй половине XIX – начале XX в. в связи с проведением царским правительством глубоких административно-политических преобразований в регионе, интеграцией всех сословно-корпоративных групп казахов в общероссийское геополитическое и экономическое пространство и углублением процессов имущественной и социальной дифференциации в кочевом ауле вышеуказанные составные части степного костюма и элитные вещи-знаки во многом утратили свое былое семантическое значение и стали маркировать теперь уже не принадлежность их владельцев к «благородному» сословию, а главным образом материальный достаток этих индивидуумов.

5. «Ханская» тамга казахских джучидов

«Трезубец», «тарак-тамга», «трехногая тамга», «хан-тамга» или «султанская тамга» – вот неполный перечень наименований эмблемы казахских торе, генеалогически связанных с разветвленной кроной династийного древа джучидов – потомков Чингиз-хана. Множественность названий самого знака отражает разнообразие известных на сегодняшний день изображений «ханской» тамги, а это обстоятельство, в свою очередь, делает правомерным вопрос: существовала ли единая сословно-династийная эмблема казахских торе или же имела серия равноценных по значению знаков, отличавшихся по форме? Речь также может идти о возможном сосуществовании нескольких знаков, различавшихся по начертанию и условиям предъявления. Анализ известных источников позволяет установить природу отличий геральдических знаков, приписываемых казахским джучидам.

В отличие от тамговых знаков казахских племен и родов, изучение которых ведется уже около двухсот лет, достоверительные знаки-эмблемы казахских торе ранее специально не изучались, – и этому есть объяснение. Для востоковедов дореволюционной эпохи тамги казахов казались в историко-этнографическом отношении более привлекательными. Первые попытки выяснения и регистрации их форм имели место уже в конце XVIII в. Исследовательский интерес заметно возрос во второй половине XIX столетия, когда с утверждением политико-административного контроля России на всем пространстве Степи перед специалистами широко открылось разнообразие родоплеменных знаков казахов Младшего, Среднего и Старшего жузов. С этого момента, наряду с письменными памятниками, тамги стали уверенно привлекаться как ценный вид исторических источников для рассмотрения вопросов происхождения казахского этноса и роли вошедших в его состав племен в этногенезе других народов Центральной Азии и Восточной Европы [Аристов, 1896; Соколов, 1904]. На фоне такой масштабной научной перспективы тема «дворянской тамги, то есть тамги султанов» [Потанин, 18816], для исследователей конца XIX – начала XX в. не представляла особого интереса.

Отчасти это было вызвано кажущимся единообразием «тарак-тамги» и ее сходством с уже известными на тот период династийными знаками золотоордынских, крымских джучидов, но по существу такое пренебрежение объясняется недостатком фактических данных по генеалогии казахских торе и слабой изученностью на тот период чингизидской геральдики в целом. Достижения исторической науки в этом вопросе к рубежу XIX–XX вв. фактически сводятся к нескольким строкам примечания Н. А. Аристова в одной из известных его работ: «что же касается тарак-тамги крымских ханов, то это общая всем чингизидам (в настоящее время всем киргиз-казачьим султанам...) тамга, которую пользуют также дружинники прежних ханов и султанов (тюленгуты) и род джалаир, состоявший некогда в рабстве у рода Чингиз-хана» [Аристов, 1896. С. 287]. Верное в этнографической части утверждение видного востоковеда XIX в. требует уточнения в достоверности факта единообразия династийно-сословного знака казахских торе и его тождества тамгам родственных ветвей джучидов. Поскольку в советское время тема геральдики «классово чуждого» султанского сословия не могла стать актуальной для отечественной науки, а в новейший период круг новых атрибутированных материалов по тамгам казахских торе все еще ограничен [Ажигали, 2002; ИКРИ-8. С. 921], следует обратиться к источникам, собранным исследователями дореволюционной эпохи.

Едва ли ни первым исследователем, зафиксировавшим в научных целях изображение «ханской» тамги, был капитан И. Г. Андреев, с именем которого связывается становление этнографии казахов в российском востоковедении [Андреев, 1998. С. 15 – 18, 46]. Рисунок тамги

Вали-хана (1781–1821) помещен в рукописи «Описания киргиз-кайсака» в начале списка племен и родов Среднего жуза рядом с изображениями их клановых знаков. Говоря о происхождении правящей элиты казахов, И. Г. Андреев проявляет осведомленность в генеалогической иерархии правителей Степи: «Что принадлежит до знатности поколения ханов и султанов в Средней орде, то оные пред прочими ордами, как Большою, так и Малою, берут преимущество в рассуждении ближайшей линии происхождения своего от древних ханов, и оных несколько пренебрегают» [там же. С. 33]. Далее он возвращается к теме династийной коллизии казахских правителей и уточняет, «что владельцы сей Средней орды в рассуждении своей высокой породы, как Абулхаир-хану самому, так и всей его фамилии дельвали некоторые уничтожения, который, видя себе обиду, и как был хитрее, нежели они, тщился всегда сих владельцев при разных случаях обесславить» [там же. С. 34]. Однако при всей глубине познаний И. Г. Андреева о сложных взаимоотношениях казахских джучидов, он ни словом не оговорился на страницах своего сочинения о бытовании какой-либо общей эмблемы правящего сословия казахов. Упомянутый рисунок тамги Вали-хана присутствует в рукописи И. Г. Андреева не более как персональная монограмма его царственного современника. Витиеватый знак, вероятно, воспроизведенный исследователем по образцу собственноручной тамги казахского хана, представляет собой «трехногую» фигуру («тарак»-гребень) с закругленным окончанием правой опорной линии.

В свое время Н. А. Аристовым [Аристов, 1894. С. 414] высказано сомнение по поводу достоверности части знаков [Андреев, 1998. С. 26] из «Описания Средней орды»: «К числу же вымышленных большею частью принадлежат приводимые капитаном Андреевым (рукопись Географического общества... 1785 года, лист 3 на обороте и 4) тамги, будто бы данные Чингиз-ханом». Но правильность начертания второй группы тамг в той же рукописи [там же. С. 46], принадлежащих известным подразделениям аргынов, найманов и кереев, подтверждается позднейшими исследованиями, поэтому знак Вали-хана также следует признать достоверным, хотя и стилизованным.

Первая половина XIX в. характеризуется активным сбором фактических данных по общим вопросам истории, социального устройства и хозяйственной жизни кочевых народов (казахов, калмыков и др.), оказавшихся в сфере геополитических интересов Российской империи. Непосредственным инициатором изысканий на землях Младшего и Среднего жузов, как правило, выступала колониальная администрация, привлекавшая к сбору первичных сведений наиболее осведомленных и образованных представителей казахской элиты. К этому периоду и ко второй половине столетия относятся целенаправленные сборы генеалогических сведений о сословных группах торе и кожа [Ерофеева, 2003. С. 43–56]. Накопленные этнографические данные легли в основу целой серии обзорных, обобщающих и специализированных тематических исследований, в том числе затрагивавших вопросы тамгопользования казахов [Левшин, 1832; Мейер, 1865; Казанцев, 1867]. К сожалению, многие ценные материалы по данной теме были собраны в архивах Оренбурга, Омска и Санкт-Петербурга, но не отразились или были частично использованы в публикациях того времени; введение их в научный оборот продолжается в наши дни [Бекназаров, 2010].

В 1871 г. издается работа «Народные обычаи, имевшие, а отчасти и ныне имеющие в Малой Киргизской орде силу закона», подготовленная военным губернатором Тургайской области генерал-майором Л. Ф. Баллюзеком при содействии в сборе материалов служащих своего ведения, в том числе султана Тлеумухаммеда Сейдалина (1837 – ок.1901), потомка хана Абулхаира [Баллюзек, 1871; ИКРИ-8. С. 586]. В специальном разделе статьи сообщались сведения об уранах и тамгах «3-х главных сословий киргизского народа, т. е. султанов, ходжей и простых киргизов», о применении знаков для таврения «всякого домашнего животного» и «при безграмотности киргизов на бумагах вместо подписи», а также указывалось,

что «первая из этих тамг, называемая хан-тамга, т. е. ханская тамга, принадлежит султанам и обозначается так **М**» [Баллюзек, 1871. С. 166]. Воспроизведенный в тексте знак представляет собой латинскую прописную букву «m», условно передающую форму известной тамги. Правильное изображение хан-тамги «в виде готической буквы М» можно было видеть на гербе других потомков Абулхаира и сыновей хана Жангира (1823–1845), последнего правителя Букеевского ханства, – султанов Ибрагима, Ахметкирея и Сахибкирея Чингисов, примерно в те же годы удостоенных княжеского титула [Мукатаев, Ирхина. 2003. С. 65–73, фото на С. 69]. Отметим, что проект фамильного герба был подготовлен Ибрагимом Чингисом в 1853–1855 гг.; на листе ниже рисунка имеется автограф князя с собственноручным изображением знака и пояснением «тамга ханов Букеевской, или Внутренней Орды» [там же]. Достоверность начертания ханской тамги также подтверждается аналогичными изображениями знаков на сохранившихся надгробиях (кулпытасах) прямых потомков и родственников ханов Букея и Жангира [Ажигали, 2002. С. 169, 565, 567, рис. 209, 411 (7), 419].

Однако хан-тамга Букеевского ханства, действительно напоминающая прописную «m» с закругленными плечиками и симметрично загнутыми окончаниями двух крайних опорных линий, мало походит на знак хана Вали – наследника Абылая в управлении части казахов Среднего жуза. Оба знака роднит лишь принадлежность к типу «тарак»-тамги, развернутой вниз тремя опорными линиями. Простейший вариант изображения такой султанской тамги был зафиксирован Г. Н. Потаниным в Северо-Западной Монголии [Потанин, 1881а. Табл. XXVI, 27].

Начав от северных склонов Тарбагатая свое путешествие по притокам Черного Иртыша, знаменитый русский этнограф посетил 16–19 сентября 1876 г. кочевья одного из правителей кереев и записал с его слов родословную этой малоизвестной ветви казахских торе. «Все эти дни мы провели во взаимных посещениях с киргизским султаном Самарканом, аул которого находился в нескольких верстах от нашего... Самаркан брат Батырхана, оба они дети Коджемджара и происходят от султана Абельпеиза, сына киргизского хана Абул-мамета, который в половине прошлого столетия кочевал в горах Чингис-тау, к югу от Семипалатинска. По словам Самаркана, у киреев прежде не было султанов; они стали просить султанское словесие отпустить к ним одного из своих членов и было решено послать к ним Абельпеиза; у Абельпеиза был сын Самэн, у Самэна Коджеджар; этот последний был отец Батырхана и Самаркана. ...Кроме этих двух султанов на кобдинской стороне Алтая других нет» [Потанин, 1881б. С. 49]. Тамга султана Самаркана подобна монограмме Вали-хана, но не имеет завитка на окончании правой линии.

В 1874 г. украинский этнограф, известный исследователь русского Севера, бывший ссыльный демократ-народник П. С. Ефименко публикует работу «Юридические знаки», в которой представляет еще одну разновидность знака казахских торе. «Тамги имеют свои особые наименования, смотря по тому, что они представляют. Так, у Султанского рода тамгой служит *джа-ок*, то есть лук со стрелой (№ 351): султанская тамга называется *хан-тамга*» [Ефименко, 1874. С. 275]. В примечании к тексту и таблице знаков он поясняет: «Из моего рукописного сборника юридических обычаев киргиз Малой Орды» [там же. С. 276, 293]; «мой рукописный сборник юридических обычаев киргиз Малой Орды, составлен в гор. Холмогорах со слов бывшего султана-правителя Магомет-Галли» [там же. С. 148]. Несомненно, речь идет о полковнике султанине Мухаммедгали Таукине (1809–1894), правнучке хана Абулхаира, правителе Западной части Области оренбургских казахов (1847–1867), одном из первых выпускников Неплюевского кадетского корпуса в Оренбурге, а также известном составителе в 1847 г. родословной схемы султанов и кожа Западной части Младшего жуза [Ерофеева, 2003. С. 51–52]. После многолетней образцовой службы Мухаммедгали Таукин, «один из любимых в орде султанов за свой благородный характер, участие к нуждам киргизов и неизменное

Последним из исследователей дореволюционной эпохи, опиравшимся в своих историко-этнографических изысканиях на оригинальные источники по тамгам казахов торе, был известный оренбургский краевед Д.Н. Соколов. В своей капитальной работе «О башкирских тамгах» он привел серию родоплеменных знаков казахов Младшего и Среднего жузов вместе с образцом султанской тамги, заимствовав их из «дела архива Орен[бургского] ген[ерал]-губ[ернаторства] о приводе киргизов к присяге в 1826 году» [Соколов, 1904. С. 70, 91–92]. Тамга развернута влево на 90° (вероятно, как в документе) и представляет собой уже знакомый вариант знака с выступающей вверх средней линией, опубликованный впервые А. Н. Харузиным. «Кроме родовых тамг, – пишет Д. Н. Соколов, – у киргизов есть еще тамги словные (или кастовые): тамга духовенства (ходжаны тамгасы) и тамга султанская, совпадающая с тарах-тамгою Крымской династии Гиреев, ханскою тамгою Кундровских татар, тамгою в гербе потомков князя Наймана у Литовских татар и «султанскою» тамгою тюркских (по Г. Н. Потанину) племен в сев[еро]-зап[адной] Монголии» [там же. С. 17]. Таким образом, скрупулезно исследуя формообразование башкирских тамг, Д.Н. Соколов, как и Н.А. Аристов, не замечает различий известных изображений знака казахов торе, а делает акцент на сходстве его иконической основы с династийной эмблемой крымских Гиреев.

Единственным специальным научным исследованием по тамгам казахов, которое подводит итог изучению этой темы в XIX столетии, является статья Жозефа-Антуана Кастанье «Тамги киргизов (казаков)»; она была опубликована в престижном французском журнале «Revue du Monde musulman» вскоре после возвращения автора на родину из революционной России [Castagne, 1921]. В статье используются данные по тамгам из важнейших работ российских ученых (П. С. Ефименко, Н. И. Гродекова, Н. А. Аристова, Д. Н. Соколова и других) и материалы самого Ж.-А. Кастанье, собранные при полевых исследованиях на территории Казахстана в годы его службы в Оренбурге и Ташкенте.

Особое внимание Ж.-А. Кастанье уделяет сословным знакам «ак сук». В отличие от своих предшественников, он не игнорирует очевидные различия султанских тамг, а пытается последовательно применить к ним разработанный российскими коллегами сравнительно-типологический метод, выделяя основную форму знака и производные от нее вариации. Правда, ему не удастся проделать это со всеми разновидностями хан-тамги, а о тамге правителей Букеевского ханства он даже не упоминает. Многообразие форм «ханской» тамги Ж.-А. Кастанье справедливо связывает с происхождением сословия торе и его особой ролью в историческом прошлом казахского народа. Он подчеркивает, что казахские султаны составляют генеалогически единое сообщество, внутри которого выделяются «фамилии», связанные с той или иной группой племен, управление коими некогда принадлежало их предкам, родоначальникам кланов [ibid. P. 40–41]. Поэтому «султаны киргизов (казахов) имеют особую тамгу, фамильную, которая не восходит ни к какому роду или племени» [ibid. P. 38]. Смелой догадке французского ученого для убедительности недоставало полноты представления всех видов знаков казахов торе в перспективе их генеалогических связей и истории народа.

В целом дореволюционными исследователями выявлено семь разновидностей знака торе (Таблица 1), две из которых идентифицированы разными авторами как «ханская» тамга: 1) тамга «джа-ок, то есть лук со стрелой» (№ 351, по П.С. Ефименко); 2) тамга правителей Букеевского ханства (Ибрагим Чингис, А.М. Харузин и др.). Знаки других форм относятся ими к «султанским» тамгам. В каждом рассмотренном случае информаторами российских исследователей о сословных тамгах выступали представители торе, управлявшие различными подразделениями казахов Младшего и Среднего жузов и связанные своим происхождением с двумя ветвями казахских чингизидов – Абулхаир-хана и Абылай-хана. Исследователям дореволюционной эпохи не удалось получить достоверных сведений о тамгах торе, принадле-

жавших к другим генеалогическим ответвлениям правителей казахов, в том числе управлявших племенами и родами Старшего жуза.

Как известно, в советский период историографическая традиция изучения геральдических знаков казахских джучидов прервалась в отечественной науке на многие десятилетия. Если не принимать в расчет академическое переиздание работы Л. Ф. Баллюзек [Баллюзек, 1948. С. 220], в казахстанской исторической литературе сословные знаки торе предстали единожды в книге М. Тынышпаева [Тынышпаев, 1925. С. 30], выпущенной в Ташкенте. Неудачно подобранные типографские литеры условно передают здесь форму многих известных тамг казахских племен и родов, а также двух султанских тамг. Форма одной из них условно воспроизведена с помощью заглавной буквы «Э», развернутой горизонтально. Второй знак, отдаленно напоминающий одну из тамг собрания А. М. Харузина, показан с помощью перевернутого вниз трезубца. К удивлению, именно этот искаженный знак, наряду с иными стилизованными вариантами, наиболее часто фигурирует в наши дни как достоверное изображение тамги казахских торе [Сабитов, 2008; см. обложку и титул].

Трудно надеяться, что нынешние потомки казахских торе, познавших на себе когда-то истребляющую ярость классово-племенной борьбы, во всей полноте сумели сберечь знание о происхождении геральдических нюансов «ханской» тамги. Более надежными источниками по данному вопросу сегодня выступают безмолвные свидетельства аутентичных архивных документов, эпитафий и артефактов, помеченных знаком торе.

Целенаправленный поиск последних лет в фондах Центрального государственного архива Казахстана позволил выявить большое количество удостоверительных знаков торе, кожа и туленгутов. Коллекция султанских тамг насчитывает около пятидесяти персональных знаков, идентифицированных в родословной схеме казахских джучидов конца XVIII – первой половины XIX в. Так же представительна коллекция знаков в хронологическом отношении, охватывая временной период с 1828 по 1886 г. С учетом сказанного выше о достоверности персональной тамги Вали-хана из рукописи И. Г. Андреева нижняя граница этого интервала может быть доведена до 1785 г. В собрании имеется несколько серий разновременных знаков, принадлежавших одним и тем же лицам, что позволяет проследить изменяемость формы персональных тамг в течение жизни их предъявителей (например, тамги 1847 и 1869 гг. султана Старшего жуза Жоши, сына Суюка и внука Абылай-хана). Значительную часть коллекции составляют собственноручные тамги многих известных исторических личностей, например, султана Кошека (родного брата Кенесары Касымова), султанши Кунимжан, первой жены Кенесары, и султана Сыздыка (Садыка), сына Кенесары (1802–1847). Такие фамильные серии знаков помогают определить связи разных видов тамг в системе гендерных отношений.

Несколько рисунков включены в коллекцию идентифицированных знаков условно: зарисовка Г.Н. Потаниным тамги султана Самаркана; зарисовки знаков султанов Кадыргали Узбекгалиева и Бийсалы Каратаева, сделанные в 1850 г. чиновником особых поручений В. М. Лазоревским с пометой «употребляемая им тамга общепринята султанами *Ж* или *ЛТ*» [ИКРИ-8. С. 128]; тамга султана Алтынгазы (Алтын) Нурмухамедова (*Л*), зарисованная в 1851 г. коллежским секретарем Абдулкадыром Субханкуловым [ИКРИ-8. С. 190, 569–570]. Во всех перечисленных случаях компетентность информаторов и добросовестность регистраторов тамговых знаков допускаются *a priori*.

Представительность коллекции знаков возрастает за счет включения в нее тамг казахских торе Букеевского ханства. Основную их часть составляют знаки на надгробных памятниках (кулпытасах) представителей династии, которые изучены на некрополях Западного Казахстана XIX – начала XX в. современным казахским ученым С.Е. Ажигали [Ажигали, 2002. С. 169–170, 560–567, рис. 209, 411, 418–420]. Дополняют эту серию знаков гербовые изображения «тамги ханов Букеевской, или Внутренней Орды» князей Ибрагима и Сахибкирея Чингисов.

Таким образом, совокупная коллекция идентифицированных тамг казахских торе составляет более пятидесяти персональных знаков, датированных в интервале 1785–1913 гг., охватывая полностью XIX столетие. В историко-географическом отношении собрание тамг образуют знаки представителей торе, связанных условиями совместного кочевания или управления с разными родоплеменными подразделениями казахов Старшего, Среднего и Младшего жузов на всей территории Казахстана, а также некоторых смежных областей Узбекистана и Монголии.

Таблица 2 иллюстрирует распространение разных видов знаков среди представителей нескольких ветвей генеалогии казахских торе, ведущих свое происхождение от султанов Жадика и Осека, сыновей Жанибек-хана (1465–1474), одного из основателей Казахского ханства. Прежде всего, необходимо отметить присутствие среди аутентичных тамг торе всех разновидностей знаков, выявленных российскими исследователями XVIII–XIX вв. Однако, помимо семи ранее известных знаков, имеются тамги, не зафиксированные дореволюционными авторами. К таковым следует отнести простейшую форму начертания «тарак»-тамги (ПП) у султанов Среднего и Старшего жузов – потомков Кушык-хана (ум. после 1785) и Абылай-хана (1771–1780). Также у султанов Среднего жуза, потомков Букей-хана II (1816–1819), сына Барак-хана, встречено двойное начертание тамги, которая известна, по И. Г. Андрееву, как «монограмма» Вали-хана: знак может рисоваться развернутым вправо (ПП) или влево (ПП). Палеографическим вариантом хан-тамги, по П. С. Ефименко, выступает знак (ПП), распространенный среди султанов Старшего жуза, потомков Абылай-хана (см. Жоши, сын Суюка) и, вероятно, других потомков его прадеда Коркем-Вали (см. знаки Джанкушука Джадыкова, родственника султана Адамсата Ибакова (Айбак), правителя суанов в первой половине XIX в. [ЦГА РК. Ф. 44. Оп.1. Д. 48139. Л. 9, 135]).

Серия документов позволила выявить еще несколько разновидностей тамги казахских торе, неизвестных ранее по литературным источникам. Одна из них принадлежит султану Сыргазы (брату убитого в 1856 г. в Хиве правителя каракалпаков Зарлик-хана), сыну Абд ал-Азиза, сына Каип-хана II, правившего в Хиве в 1746–1756 гг. [ЦГА РК. Ф. 383. Оп. 1. Д. 32. Л. 90–93об.] Своими очертаниями этот знак (П) напоминает хан-тамгу правителей Букеевского ханства, перевернутую на 180°. По-видимому, к этой же разновидности относится одна из двух тамг (П), принадлежащих султану Младшего жуза Ишмухаммеду (Ишджану) Айтанову, племяннику Илекея Касымова, имевшему кочевье близ Хивы и активно содействовавшему последнему при победе из хивинского плена в 1852 г. [ИКРИ-6. С. 304–305]. К сожалению, более точных сведений о родословной этого чингизида известные источники не содержат. Наконец, имеется еще один знак (П), не учтенный дореволюционными исследователями, но зафиксированный в служебной документации Оренбургской пограничной комиссии в 1850 г. как тамга султана Младшего жуза Кадыркали, внука Нуралы-хана. Этот же знак вырезан на кулпытасе 1913 г. некрополя Балкожа баласы, расположенного на землях бывшего Букеевского ханства [Ажигали, 2002. С. 563–564, рис. 418]

Таким образом, всего выделяется 12 разновидностей тамговых знаков, использовавшихся казахскими джучидами, по меньшей мере, с конца XVIII до начала XX в. Можно заметить, что распределение знаков на генеалогической схеме носит упорядоченный характер: с одной стороны, имеются тамги, присутствующие во всех родословных цепочках; с другой же, – есть группа знаков, связанных только с одной или несколькими ветвями торе, возглавляемыми общими родоначальниками. Наиболее отчетливо обозначаются фамильные ветви потомков Абулхаир-хана (1710–1748), Каип-хана II (1746–1756), Турсын-хана (ум. в 1717) и султана Коркем-Вали. Малым количеством идентифицированных знаков на данный момент отличаются ответвления Барак-хана (ум. в 1750) и Тауке-хана (1680–1715), которые пока самостоятельно не рассматриваются.

Таблица 3 показывает временное и типологическое распределение всех разновидностей знаков по выделенным генеалогическим ветвям казахских джучидов. На примере некоторых

тамг, принадлежащих одним и тем же лицам или разным поколениям тамгопредъявителей в составе всех или нескольких генеалогических ответвлений, прослеживается неизменяемость форм знаков, что убеждает в их универсальном характере для династии казахских джучидов в целом. К таковым относятся знаки \mathbb{M} и \mathbb{N} или \mathbb{L} . Все остальные разновидности тамг типологически являются их производными вариантами, за исключением, возможно, простейшей формы «тарак»-тамги \mathbb{P} , которая представляет собой иконический знак тамги казахских торе.

К числу фамильных знаков, специфических для отдельных ветвей династии, следует отнести хан-тамгу Букеевского ханства, которую правильнее идентифицировать (с учетом других потомков Нуралы-хана, обладавших той же тамгой) как тамгу основателя данного ответвления династии – Абулхаир-хана \mathbb{M} . Вторым примером символического выделения правящего клана (фамилии) является знак \mathbb{W} , представленный одним из потомков Каип-хана II, а также султанская тамга \mathbb{Z} , хотя генеалогическая связь их предъявителей пока не устанавливается. Возможно, также имело значение сходство этих казахских торе в политическом положении: оба участвовали в управлении кочевыми подразделениями, находившимися под юрисдикцией Хивы.

Остается не выясненным до конца значение тамги \mathbb{L} , известные предъявители которой принадлежат к разным ветвям династии (Абулхаир-хана, Каип-хана и Коркем-Вали) и отличаются индивидуальными признаками. Примечательно, что двое из них – женщины (Атанханым, жена Букей-хана I, и Кунимжан-ханым, жена Кенесары-хана), обладавшие наивысшим общественным статусом: являлись первыми женами царственных супругов, носивших титул хана. Однако делать из этого наблюдения определенный вывод преждевременно, поскольку, во-первых, тот же знак представлен в свое время Н. И. Гродекову как общая тамга султанов и, во-вторых, она же зафиксирована чиновником оренбургской администрации как тамга султана Алтына, правнука Каип-хана II. Для решения вопроса требуются дополнительные источники.

Принимая во внимание выявленное наличие специфических удостоверительных знаков у потомков Абулхаир-хана и Каип-хана II, нельзя исключить возможность существования подобных фамильных эмблем у представителей других ветвей казахских джучидов. По изученным материалам, среди потомков Турсын-хана и Коркем-Вали доминируют общединастийные варианты знака \mathbb{M} и \mathbb{N} или \mathbb{L} , хотя тамга Вали-хана, единственного из представленных здесь торе являвшегося обладателем ханского титула, выглядит иначе \mathbb{P} . Можно предположить, что за представителями основных генеалогических ветвей, вплоть до начала XIX в. сохранявших свою власть над большей частью казахских племен Среднего и Старшего жузов, оставалось приоритетное право на использование общединастийной тамговой символики в качестве идентификационных клановых знаков.

Выявленное разнообразие тамг казахских торе, несомненно, объясняется не только возникновением в определенный исторический момент фамильных знаков некоторых ветвей династии, стремившихся утвердить собственный суверенитет в той или иной части Степи. Следует помнить о многообразии условий тамгопредъявления, начиная от статусных отличий участников правовых отношений и технических возможностей, влиявших на выбор ими того или иного знака (например, тавра для клеймения домашних животных), заканчивая индивидуальными способностями обладателя тамги. Только с учетом многих этих обстоятельств можно найти объяснение, к примеру, почему в 1852 г. султан Младшего жуза Ишмухаммед Айтанов (табл.4) в официальном прошении на имя председателя Оренбургской пограничной комиссии о принятии российского подданства поставил общединастийную тамгу казахских джучидов (\mathbb{M}), а в присяжном листе тщательно вырисовал, по-видимому, свой фамильный знак (\mathbb{Z}) [ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 416а. Л. 89, 99]. К сожалению, современный уровень изученности традиций тамгопользования казахских торе вынуждает оставлять подобные вопросы без убедительного объяснения.

Выявление общединастиной тамги казахских торе неизбежно поднимает вопросы происхождения самого знака и родства казахских джучидов с другими ветвями чингизидов. Сходство «ханской» тамги далеких потомков Жанибека с тамгой крымских Гиреев, которое констатировал Н. А. Аристов, теперь становится очевидным. По существу, этот факт мог бы стать решающим аргументом в дискуссии о происхождении Урус-хана, прямого предка первых казахских ханов Керей и Жанибека, по линии генеалогии, восходящей к Орда-Эджену или Тукай-Тимуру, сыновьям Джучи [см. обзор дискуссии и библиографию проблемы в: *Ускенбай*, 2013. С. 171–184]. Однако ряд обстоятельств препятствует однозначному решению проблемы в пользу Тукай-Тимура. Одно из них связано с отсутствием источников, зримых материальных свидетельств, подтверждавших бы наличие у казахских джучидов XV–XVII вв. такой же тамги, как общединастиный знак их потомков в конце XVIII – начале XX в.

Недавно стали известны новые данные, касающиеся принадлежности захоронения в мавзолее Алаша-хана (Центральный Казахстан) и времени сооружения памятника [*Хорош*, 2010]. Автором исследования, архитектором и реставратором Е. Х. Хорош, приведены убедительные аргументы для датировки памятника концом XVI в. и высказано предположение о принадлежности захоронения Хаккназар-хану, сыну Касыма. Среди находок, сделанных в ходе реставрационных работ, привлекает внимание уникальное изображение «тарак»-тамги на строительном кирпиче [*Хорош*, 2010. Рис. 10, а, б]. Основа знака имеет форму общединастиной тамги казахских торе, усложненной некоторыми дополнительными элементами. В таком виде знак напоминает одну из редких разновидностей тамги казахских торе, зафиксированную среди потомков Абулхаир-хана. Из трех других видов тамг, обнаруженных на строительных кирпичах мавзолея, лишь одна отождествляется с тамгой казахского племени аргын. Другие знаки аналогий среди казахских тамг не имеют. Таким образом, принадлежность «тарак»-тамги из мавзолея Алаша-хана, как и самого захоронения в нем, остаются до конца не выясненными. Эта ценная, но единичная и не атрибутированная находка, не решает проблему идентификации генеалогической эмблемы казахских джучидов позднего средневековья.

Другим обстоятельством, не позволяющим считать проблему решенной, является существование самого знака «ханской» тамги в пределах казахстанско-среднеазиатского региона еще до монгольского завоевания. Прежде всего, речь идет о многочисленных предметных находках с городища Садыр-Курган (Шельджи) в Таласской долине, которые отмечены таким знаком, нанесенным на слитки серебра, тарную посуду, на камень рядом с эпиграфическим текстом, выполненным куфическим письмом X–XI вв. (определение В. Н. Настича) [*Камышев*, 2009. С. 284–289, рис. 1, 2]. Зафиксированные знаки тождественны по облику «ханской» тамге казахских торе и крымских тукай-тимуридов. Судя по характеру находок, что отмечает нумизмат А. М. Камышев, знак обладал высоким статусом [*Камышев*, 2009. С. 289], сопоставимым с государственно-династиной символикой «ханской» тамги джучидов. Впрочем, развернутого обоснования датировки названных предметов домонгольским временем исследователь не предлагает, а сам город доживает до XV в. Такие же тамги нередко встречаются на скалах в ущельях Кулан-сай, Терек-сай, Аиртамой и Урмарал долины р. Талас [*Джумагулов*, 1987. Табл. XV; *Табалдиев, Белек*, 2008. Рис. 2, 16–20].

Важно отметить, что на известных памятниках эпиграфики Кулансай и Терек-сай (Табл. 5 и 6) три иконографических варианта «хан-тамги» дважды сопровождают согдийские надписи и один раз – строку рунического таласского письма, датирующиеся концом X – началом XI в. Безусловно, для уточнения датировки и исторической атрибуции перечисленных памятников требуются дополнительные изыскания специалистов. Однако становится ясно, что при решении проблемы происхождения «ханской» тамги казахских джучидов нельзя игнорировать возможность появления этого знака уже в домонгольское время на территории, непосредственно связанной с изначальными землями улуса Керей и Жанибека.

Содержание

От издателя	9
От составителя	9
Письма казахских ханов и султанов последней четверти XVII – середины XIX в. как исторический источник (И. В. Ерофеева)	15
Письма казахских правителей. 1675 – 1780 гг. Переводы с чагатайского тюрки, среднеазиатского фарси, османо-турецкого, ойратского, китайского и маньчжурского языков	77
Тауке (не позднее 1635–1715)	79
№ 1 1675–1676 г. – Жителям города Сыгнака	82
№ 2 1687 г., май. – Царям Ивану V, Петру I и царевне Софье Алексеевне	82
№ 3 1691 г., октября 27. – Тобольским юртовским служилым татарам Азбакею Кулмаметову и Акметею Кучугаеву	83
№ 4 1691 г., ноября 6. – Царям Ивану V и Петру I	84
№ 5 1692 г., ноября 20. – Царям Ивану V и Петру I	84
№ 6 1692 г., ноября 20. – Царям Ивану V и Петру I	85
№ 7 1693 г., октября 4. – Царю Петру I	86
№ 8 1693 г., октября 4. – Тобольскому воеводе А.Ф. Нарышкину	87
Абылай I (ум. позднее 1692)	88
№ 9 1692 г., ноября 20. – Царям Ивану V и Петру I	88
Абылай-султан (ум. позднее 1718)	89
№ 10 1692 г., ноября 20. – Царям Ивану V и Петру I	89
№ 11 1712 г. – Сибирскому губернатору князю М.П. Гагарину	90
Болат I (не позднее 1670-х – не позднее 1723)	90
№ 12 1712 г. – Сибирскому губернатору князю М.П. Гагарину	90
Каип I (?–1718)	91
№ 13 1692 г., ноября 20. – Царям Ивану V и Петру I	92
№ 14 1711 г., позднее июля. – Турецкому султану Ахмеду III	93
№ 15 1715 г., начало июля. – Царю Петру I	93
№ 16 1718 г., января 10. – Казанскому губернатору П.С. Салтыкову	95
№ 17 1718 г., мая 1. – Сибирскому губернатору князю М.П. Гагарину	95
№ 18 1718 г., октября 28. – Сибирскому губернатору князю М.П. Гагарину	96
№ 19 1718 г., декабря 10. – Царю Петру I	97
Абулхаир (не позднее 1680–15.08. 1748)	98
№ 20 1715 г., сентября 4. – Царю Петру I	104
№ 21 1718 г., августа 21. – Сибирскому губернатору князю М.П. Гагарину	105

№ 22	1718 г., октября 7. – Царю Петру I.....	105
№ 23	1730 г., июля 20. – Императрице Анне Иоанновне.....	106
№ 24	1731 г., августа 22. – Переводчику Коллегии иностранных дел А.И. Тевкелеву.....	108
№ 25	1732 г., января 5. – Императрице Анне Иоанновне.....	108
№ 26	1732 г., апреля 19. – Советникам хивинского хана Ильбарса.....	109
№ 27	1732 г., мая 21. – Императрице Анне Иоанновне.....	109
№ 28	1733 г., марта 1. – Императрице Анне Иоанновне.....	110
№ 29	1733 г., марта 1. – Императрице Анне Иоанновне.....	111
№ 30	1734 г., февраля 26. – Императрице Анне Иоанновне.....	111
№ 31	1734 г., сентября 29. – Императрице Анне Иоанновне.....	112
№ 32	1734 г., сентября 29. – Императрице Анне Иоанновне.....	113
№ 33	1734 г., ноября 12. – Императрице Анне Иоанновне.....	114
№ 34	1734 г., ноября 12. – Императрице Анне Иоанновне.....	115
№ 35	1734 г. – Переводчику Коллегии иностранных дел А.И. Тевкелеву.....	115
№ 36	1736 г., октября 20. – Начальнику Оренбургской экспедиции статскому советнику И.К. Кирилову.....	116
№ 37	1737 г., июня 6. – Начальнику Оренбургской комиссии тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву.....	116
№ 38	1737 г., июня 25. – Полковнику А.И. Тевкелеву.....	117
№ 39	1737 г., июня 25. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву.....	117
№ 40	1737 г., июня 25. – Полковнику А.И. Тевкелеву.....	118
№ 41	1737 г., июня 30. – Императрице Анне Иоанновне.....	118
№ 42	1737 г., августа 20. – Полковнику А.И. Тевкелеву.....	119
№ 43	1737 г., сентября 1. – Тайному советнику В.Н. Татищеву.....	119
№ 44	1737 г., сентября 6. – Коменданту Оренбургской крепости подполковнику Б.Л. Останкову.....	120
№ 45	1737 г., сентября 6. – Подполковнику Б.Л. Останкову.....	121
№ 46	1737 г., октября 1. – Полковнику А.И. Тевкелеву.....	121
№ 47	1737 г., октября 1. – Полковнику А.И. Тевкелеву.....	121
№ 48	1737 г., октября 5. – Полковнику А.И. Тевкелеву.....	122
№ 49	1737 г., декабря 24. – Императрице Анне Иоанновне.....	123
№ 50	1737 г., декабря 24. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву.....	123
№ 51	1738 г., января 16. – В Оренбургскую комиссию.....	123
№ 52	1738 г., января 30. – Тайному советнику В.Н. Татищеву.....	124
№ 53	1738 г., января 30. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву.....	124
№ 54	1738 г., января 30. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву.....	125
№ 55	1738 г., января 30. – Тайному советнику В.Н. Татищеву.....	125
№ 56	1738 г., февраля 22. – Башкирским старшинам.....	126
№ 57	1738 г., ранее марта 6. – Капитану Батову.....	126
№ 58	1738 г., марта 11. – Сыну Ералы-султану.....	127
№ 59	1738 г., марта 19. – Тайному советнику В.Н. Татищеву.....	127
№ 60	1738 г., марта 19. – Пермскому провинциальному воеводе подполковнику Евстигнею Мазовскому.....	127

№ 61	1738 г., марта 27. – Тайному советнику В.Н. Татищеву	128
№ 62	1838 г., апреля 8. – Майору Г.Л. Останкову	128
№ 63	1738 г., апреля 8. – Майору Г.Л. Останкову	129
№ 64	1738 г., апреля 9. – Майору Г.Л. Останкову	129
№ 65	1738 г., мая 1. – Тайному советнику В.Н. Татищеву	130
№ 66	1738 г., мая 1. – В Оренбургскую комиссию	130
№ 67	1738 г., начало июня. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву	130
№ 68	1738 г., июня 6. – Тайному советнику В.Н. Татищеву	131
№ 69	1738 г., июня 16. – Тайному советнику В.Н. Татищеву	132
№ 70	1738 г., июня 16. – Майору Г.Л. Останкову	132
№ 71	1738 г., августа 13. – Императрице Анне Иоанновне	133
№ 72	1738 г., августа 29. – Тайному советнику В.Н. Татищеву	134
№ 73	1738 г., августа 29. – Тайному советнику В.Н. Татищеву	134
№ 74	1738 г., октября 23. – Тайному советнику В.Н. Татищеву	134
№ 75	1739 г., марта 12. – Императрице Анне Иоанновне	135
№ 76	1739 г., марта 12. – Тайному советнику В.Н. Татищеву	135
№ 77	1739 г., марта 12. – Подполковнику Б.Л. Останкову	136
№ 78	1739 г., конец апреля. – Императрице Анне Иоанновне	136
№ 79	1739 г., мая 26. – Тайному советнику В.Н. Татищеву	137
№ 80	1739 г., июня 8. – Императрице Анне Иоанновне	138
№ 81	1739 г., июня 18. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву	138
№ 82	1740 г., конец сентября – октября 7. – Поручику Оренбургского драгунского полка Д.В. Гладышеву	138
№ 83	1740 г., ноября 7–8. – Персидскому шаху Надиру	139
№ 84	1741 г., января 24. – Императрице Анне Иоанновне	140
№ 85	1741 г., января 24. – Начальнику Оренбургской комиссии генерал-лейтенанту князю В.А. Урусову	141
№ 86	1741 г., начало марта. – Генерал-лейтенанту князю В.А. Урусову	142
№ 87	1742 г., марта 4. – Императрице Елизавете Петровне	143
№ 88	1742 г., апреля 8. – Начальнику Оренбургской комиссии генерал-лейтенанту Л.Я. Соймонову	145
№ 89	1742 г., апреля 25. – Императрице Елизавете Петровне	146
№ 90	1742 г., апреля 25. – Генерал-лейтенанту Л.Я. Соймонову	148
№ 91	1742 г., апреля 25. – Генерал-лейтенанту Л.Я. Соймонову	148
№ 92	1742 г., октября 2. – Астраханскому губернатору тайному советнику В.Н. Татищеву	149
№ 93	1742 г., октября 2. – Вдове калмыцкого хана Аюки ханше Дарма-Бале	149
№ 94	1742 г., октября 2. – Наместнику Калмыцкого ханства Дондук-Даши	150
№ 95	1743 г., марта 3. – Начальнику Оренбургской комиссии тайному советнику И.И. Неплюеву	150
№ 96	1743 г., марта 3. – Тайному советнику И.И. Неплюеву	151
№ 97	1743 г., мая 15. – Императрице Елизавете Петровне	152
№ 98	1743 г., июня 18. – Тайному советнику И.И. Неплюеву	153
№ 99	1743 г., июня 26. – Тайному советнику И.И. Неплюеву	154
№ 100	1743 г., июля 3. – Тайному советнику И.И. Неплюеву	155

№ 101	1743 г., сентября 3. – Тайному советнику В.Н. Татищеву.....	156
№ 102	1743 г., сентября 3. – Астраханскому губернатору тайному советнику В. Н. Татищеву.....	157
№ 103	1743 г., сентября 22. – Императрице Елизавете Петровне	157
№ 104	1743 г., сентября 22. – Тайному советнику И.И. Неплюеву	159
№ 105	1743 г., октября 12. – Вдове калмыцкого хана Аюки ханше Дарма-Бале	160
№ 106	1743 г., октября 13. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	160
№ 107	1743 г., октября 31. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	161
№ 108	1743 г., ноября 1. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	163
№ 109	1743 г., ноября 7. – Императрице Елизавете Петровне	163
№ 110	1744 г., мая 26. – Оренбургскому губернатору тайному советнику И.И. Неплюеву.....	164
№ 111	1744 г., мая 31. – Коменданту Орской крепости полковнику В.Г. Пальчикову.....	164
№ 112	1744 г., июня 20. – Полковнику В.Г. Пальчикову.....	165
№ 113	1744 г., июня 26. – Полковнику В.Г. Пальчикову.....	166
№ 114	1744 г., июня 28. – Полковнику В.Г. Пальчикову.....	166
№ 115	1744 г., июня 30. – Астраханскому губернатору тайному советнику В.Н. Татищеву.....	167
№ 116	1744 г., июня 30. – Полковнику В.Г. Пальчикову.....	167
№ 117	1744 г., июня 31. – Полковнику В.Г. Пальчикову	168
№ 118	1744 г., июля 1. – Тайному советнику В.Н. Татищеву.....	169
№ 119	1744 г., июля 2. – Полковнику В.Г. Пальчикову.....	170
№ 120	1744 г., июля 3. – Полковнику В.Г. Пальчикову.....	171
№ 121	1744 г., июля 5. – Полковнику В.Г. Пальчикову.....	171
№ 122	1744 г., августа 7. – Тайному советнику В.Н. Татищеву.....	172
№ 123	1744 г., сентября 6. – Полковнику В.Г. Пальчикову.....	174
№ 124	1744 г., сентября 6. – Сыну султану Кожухмету.....	175
№ 125	1744 г., октября 31. – Императрице Елизавете Петровне.....	175
№ 126	1745 г., мая 6. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	176
№ 127	1745 г., июня 28. – Тайному советнику И.И. Неплюеву	177
№ 128	1745 г., июня 29. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	177
№ 129	1745 г., июля 3. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	179
№ 130	1745 г., июля 6. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	180
№ 131	1745 г., июля 12. – Великому князю Петру Федоровичу.....	181
№ 132	1745 г., июля 12. – Тайному советнику И.И. Неплюеву	181
№ 133	1745 г., июля 14. – Тайному советнику И.И. Неплюеву	182
№ 134	1745 г., августа 3. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	182
№ 135	1745 г., августа 23. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	184
№ 136	1745 г. – В Оренбургскую комиссию	185
№ 137	1745 г. – Тайному советнику В.Н. Татищеву.....	185
№ 138	1746 г., мая 27. – Императрице Елизавете Петровне.....	186
№ 139	1746 г., августа 6. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	187
№ 140	1746 г., сентября 22. – Тайному советнику И.И. Неплюеву	188
№ 141	1746 г., сентября 29. – Султану Кожухмету.....	189
№ 142	1747 г., июня 10. – Тайному советнику И.И. Неплюеву	189
№ 143	1747 г., июня 12. – Тайному советнику И.И. Неплюеву	190
№ 144	1747 г., июня 20. – Императрице Елизавете Петровне	191

№ 145	1747 г., сентября 14. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	192
№ 146	1747 г., декабря 8. – Бригадиру А.И. Тевкелеву.....	193
№ 147	1748 г., мая 10. – Бригадиру А.И. Тевкелеву	195
№ 148	1748 г., мая 12. – Тайному советнику И.И. Неплюеву	196
№ 149	1748 г., июня 7. – Бригадиру А.И. Тевкелеву	197
№ 150	1748 г., июня 13. – Бригадиру А.И. Тевкелеву	197
№ 151	1748 г., июня 26. – Бригадиру А.И. Тевкелеву	198
№ 152	1748 г., июля 2. – Бригадиру А.И. Тевкелеву.....	199
№ 153	1748 г., июля 7. – Бригадиру А.И. Тевкелеву	199
№ 154	1748 г., июля 11. – Бригадиру А.И. Тевкелеву	200
№ 155	1748 г., июля 13 – Бригадиру А.И. Тевкелеву.....	200
№ 156	1748 г., июля 23. – Бригадиру А.И. Тевкелеву	201
№ 157	1748 г., июля 31. – Императрице Елизавете Петровне	201
№ 158	1748 г., июля 31. – Императрице Елизавете Петровне	202
№ 159	1748 г., июля 31. – Бригадиру А.И. Тевкелеву	203
№ 160	1748 г., августа 6. – Бригадиру А.И. Тевкелеву.....	204
№ 161	1748 г., августа 9. – Бригадиру А.И. Тевкелеву.....	205
№ 162	1748 г., августа 17. – Бригадиру А.И. Тевкелеву.....	206
№ 163	1748 г., августа 26. – Бригадиру А.И. Тевкелеву.....	207
Бопай-ханым (не раньше 1680–31.05.1780)		208
№ 164	1732 г., января 5. – Императрице Анне Иоанновне	209
№ 165	1745 г., сентября 19. – Оренбургскому губернатору тайному советнику И.И. Неплюеву.....	209
№ 166	1748 г., августа 19. – Бригадиру А.И. Тевкелеву.....	210
№ 167	1748 г., августа 28. – Тайному советнику И.И. Неплюеву	211
№ 168	1748 г., августа 28. – Бригадиру А.И. Тевкелеву.....	212
№ 169	1748 г., сентября 13. – Тайному советнику И.И. Неплюеву	213
№ 170	1748 г., октября 5. – Императрице Елизавете Петровне	215
№ 171	1748 г., октября 6. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	216
№ 172	1748 г., октября 6. – Бригадиру А.И. Тевкелеву	217
№ 173	1748 г., ноября 4. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	218
№ 174	1748 г., ноября 4. – Бригадиру А.И. Тевкелеву.....	219
№ 175	1749 г., апреля 20. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	220
№ 176	1749 г., мая 20. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	222
№ 177	1749 г., июня 2. – Тайному советнику И. И. Неплюеву.....	223
№ 178	1749 г., июня 23. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	223
№ 179	1749 г., июля 1. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	224
№ 180	1749 г., июля 22. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	225
№ 181	1749 г., сентября 3. – Джунгарскому хану Цэван-Доржи-Аджа-Намжилу.....	226
№ 182	1750 г., мая 14. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	227
№ 183	1750 г., июля 5. – Тайному советнику И.И. Неплюеву и бригадиру А.И. Тевкелеву.....	227
№ 184	1750 г., августа 13. – Тайному советнику И.И. Неплюеву и бригадиру А.И. Тевкелеву.....	228
№ 185	1751 г., октября 3. – Бригадиру А.И. Тевкелеву.....	225

№ 186	1752 г., мая 7. – Бригадиру А.И. Тевкелеву	229
№ 187	1752 г., мая 26. – Бригадиру А.И. Тевкелеву	230
Жолбарыс (1690 – 05.04.1739).....		231
№ 188	1738 г., апреля 20. – Императрице Анне Иоанновне	233
№ 189	1738 г., апреля 20. – Начальнику Оренбургской комиссии тайному советнику В.Н. Татищеву	234
№ 190	1739 г., апреля 3. – Императрице Анне Иоанновне	235
№ 191	1739 г., апреля 3. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву.....	235
Сейт (? – позднее 1785).....		236
№ 192	1739 г. апреля 8–24. – Императрице Анне Иоанновне	237
Кушук (не позднее 1717 – после 1785).....		238
№ 193	1735 г., декабря 20. – Начальнику Оренбургской экспедиции статскому советнику И.К. Кирилову и полковнику А.И. Тевкелеву	239
№ 194	1745 г., октября 17. – Императрице Елизавете Петровне	240
№ 195	1745 г., октября 17. – Оренбургскому губернатору тайному советнику И.И. Неплюеву.....	241
Жаубасар (? – 1749).....		241
№ 196	1745 г. – Оренбургскому губернатору тайному советнику И.И. Неплюеву.....	243
Абулмамбет (конец XVII в. – 1770/71)		243
№ 197	1736 г., августа 25. – Начальнику Оренбургской экспедиции статскому советнику И.К. Кирилову	246
№ 198	1737 г., июня 6. – Начальнику Оренбургской комиссии тайному советнику В.Н. Татищеву	246
№ 199	1737 г., июля 26. – Полковнику А.И. Тевкелеву.....	247
№ 200	1737 г., сентября 11. – Полковнику А.И. Тевкелеву.....	247
№ 201	1737 г., сентября 30. – Императрице Анне Иоанновне	247
№ 202	1737 г., декабря 12. – Императрице Анне Иоанновне.....	248
№ 203.	1737 г., декабрь 12. – Императрице Анне Иоанновне	249
№ 204	1737 г. – Коменданту Орской крепости полковнику Б.Л. Останкову	249
№ 205	1738 г., марта 3. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву.....	249
№ 206	1738 г., апреля 9. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву.....	250
№ 207	1738 г., апреля 9. – Атаману Яицкого казачьего войска А.Я. Карпову.....	250
№ 208	1738 г., мая 1. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву.....	251
№ 209	1738 г., июня 6. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву.....	251

№ 210	1739 г., июня 15. – Тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву.....	251
№ 211	1740 г., августа 28. – Императрице Анне Иоанновне	252
№ 212	1742 г., января 27. – Императрице Елизавете Петровне	253
№ 213	1742 г., ноября 1. – Начальнику Оренбургской комиссии тайному советнику И.И. Неплюеву.....	253
№ 214	1743 г., января 18. – Наместнику Калмыцкого ханства Дондук-Даши и ханше Дарма-Бале.....	254
№ 215	1743 г., августа 30. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	255
№ 216	1744 г., июня 18. – Оренбургскому губернатору тайному советнику И.И. Неплюеву.....	255
№217	1744 г., августа 7. – Астраханскому губернатору тайному советнику В.Н. Татищеву.....	256
№ 218	1745 г., июня 26. – Коменданту Орской крепости полковнику В.Г. Пальчикову.....	256
№ 219	1745 г., июня 30. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	257
№ 220	1745 г., октября 17. – Императрице Елизавете Петровне	257
№ 221	1747 г., июня 4. – Тайному советнику И.И. Неплюеву	258
№ 222	1752 г., июля 26. – Императрице Елизавете Петровне	258
Барак (? – февраль – март 1750)		59
№ 223	1739 г., апреля 6. – Тайному советнику В.Н. Татищеву.....	262
№ 224	1742 г., ноября 12. – Императрице Елизавете Петровне	262
№ 225	1742 г., ноября 12. – Начальнику Оренбургской комиссии тайному советнику И.И. Неплюеву.....	263
№ 226	1744 г., мая 31. – Оренбургскому губернатору тайному советнику И.И. Неплюеву.....	264
№ 227	1745 г., мая 22. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	263
№ 228	1745 г., июня 24. – Великому князю Петру Федоровичу.....	264
№ 229	1745 г., июня 24. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	266
№ 230	1745 г., июня 24. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	266
№ 231	1745 г., октября 14. – Тайному советнику И.И. Неплюеву	266
№ 232	1745 г., октября 17. – Императрице Елизавете Петровне	267
№ 233	1747 г., июня 4. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	268
№ 234	1747 г., июня 24. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	269
№ 235	1748 г., июня 14. – Бригадиру А.И. Тевкелеву.....	270
№ 236	1749 г., сентября 24. – Тайному советнику И.И. Неплюеву.....	270
Батыр (? – ок. 1771)		271
№ 237	1742 г. – Начальнику Оренбургской комиссии тайному советнику И.И. Неплюеву.....	273
Абылай II (1711–1780)		273
№ 238	1737 г., сентября 11. – Полковнику А.И. Тевкелеву	279
№ 239	1739 г., октября 29. – Подполковнику Сибирского драгунского полка Я.С. Павлуцкому.....	279
№ 240	1740 г., августа 28. – Императрице Анне Иоанновне	280
№ 241	1743 г., октября 24. – В сибирскую губернскую канцелярию.....	280
№ 242	1743 г., ноября 10. – Коменданту Коркиной слободы	281
№ 243	1745 г., мая 7. – Полковнику Я.С. Павлуцкому.....	281

№ 244	1745 г., не позднее июня. – Полковнику Я.С. Павлуцкому.....	282
№ 245	1745 г., ноября 22. – Командующему войсками в Западной Сибири генерал-майору Х.Х. Киндерману.....	283
№ 246	1745 г., декабря 23. – Сибирскому губернатору А.М. Сухареву.....	283
№ 247	1749 г., мая 9. – Оренбургскому губернатору тайному советнику И.И. Неплюеву.....	284
№ 248	1749 г., июля 12. – Командиру Уйской укрепленной пограничной линии полковнику П.С. Бахметеву.....	285
№ 249	1752 г., ноября 21. – Бригадиру А.И. Тевкелеву.....	286
№ 250	1755 г., мая 6. – Коменданту Ямышевской крепости полковнику Дебонгу.....	287
№ 251	1755 г., сентября 22. – Действительному тайному советнику И.И. Неплюеву.....	287
№ 252	1756 г., октября 31. – Действительному тайному советнику И.И. Неплюеву и генерал-майору А.И. Тевкелеву.....	288
№ 253	1757 г., июля 30. – Цинскому императору Цяньлуну.....	289
№ 254	1758 г., января 15. – Действительному тайному советнику И.И. Неплюеву и генерал-майору А.И. Тевкелеву.....	290
№ 255	1758 г., января 17. – Командиру Уйской пограничной линии бригадиру П.С. Бахметеву.....	291
№ 256	1758 г., июля 22. – Генерал-майору А.И. Тевкелеву.....	292
№ 257	1758 г., августа 3. – Сибирскому губернатору Ф.И. Соймонову.....	293
№ 258	1758 г., августа 21. – Коменданту Омской крепости.....	293
№ 259	1758 г., августа 29. – Коменданту Омской крепости.....	294
№ 260	1758 г., сентября 8. – Императрице Елизавете Петровне.....	294
№ 261	1758 г., сентября 8. – Генерал-майору А.И. Тевкелеву.....	298
№ 262	1759 г., февраля 23. – Генерал-майору А.И. Тевкелеву.....	299
№ 263	1759 г., февраля 23. – Генерал-майору А.И. Тевкелеву.....	300
№ 264	1759 г., октября 22. – Полковнику П.А. Родену.....	300
№ 265	1760 г., апрель-май. – Цинскому императору Цяньлуну.....	301
№ 266	1760 г., июня 6. – Командующему войсками на пограничных линиях и отдельным Сибирским корпусом генерал-майору И.И. фон Веймарну.....	302
№ 267	1760 г., июня 6. – Генерал - майору И.И. фон Веймарну.....	303
№ 268	1760 г., июля 17. – Оренбургскому губернатору тайному советнику А.Р. Давыдову.....	304
№ 269	1760 г., октября 18. – Коменданту Ямышевской крепости полковнику Ф.М. Демьянову.....	305
№ 270	1761 г., августа 25. – Генерал-майору И.И. фон Веймарну.....	306
№ 271	1762 г., октября 17. – Императрице Екатерине II.....	307
№ 272	1763 г., августа 1. – Оренбургскому губернатору тайному советнику Д.В. Волкову.....	308
№ 273	1763 г., сентября 13. – Заместителю командующего войсками на пограничных линиях и отдельным Сибирским корпусом генерал-майору К.Л. Фрауендорфу.....	309
№ 274	1763 г., октября 20. – Командующему войсками на пограничных линиях и отдельным Сибирским корпусом генерал-майору И.А. Клапье де Колонгу.....	309
№ 275	1763 г., декабря 26. – Генерал-майору И.А. Клапье де Колонгу.....	310
№ 276	1764 г., июня 24. – Императрице Екатерине II.....	310
№ 277	1765 г., сентября 12. – Командующему войсками на пограничных линиях и отдельным Сибирским корпусом генерал-поручику И.И. Шпрингеру.....	311
№ 278	1765 г., сентября 12. – Генерал-поручику И.И. Шпрингеру.....	311
№ 279	1765 г., сентября 15. – Генерал-поручику И.И. Шпрингеру.....	312

№ 280	1767 г., июня 17. – Генерал-поручику И.И. Шпрингеру	312
№ 281	1767 г., октября 12. – Коменданту Троицкой крепости	313
№ 282	1768 г., апреля 29. – Оренбургскому губернатору тайному советнику князю А.А. Путятину.....	314
№ 283	1768 г., мая 7. – И. д. командующего войсками на пограничных линиях и отдельным Сибирским корпусом генерал-майору П.А. Девицу.....	314
№ 284	1769 г., мая 15. – Оренбургскому губернатору генерал-майору И.А. Рейнсдорпу.....	315
№ 285	1769 г., августа 14. – Генерал-поручику И.И. Шпрингеру	316
№ 286	1769 г., ноября 7. – Генерал-майору И.А. Рейнсдорпу.....	317
№ 287	1770 г., июня 14. – Генерал-майору И.А. Рейнсдорпу.....	319
№ 288	1770 г., июня 14. – Генерал-майору И.А. Рейнсдорпу	319
№ 289	1770 г., июня 14. – Генерал-майору И.А. Рейнсдорпу	320
№ 290	1770 г., августа 22. – Генерал-поручику И.И. Шпрингеру	322
№ 291	1771 г., октября 2. – Коменданту Озерной крепости полковнику А. Корфу	323
№ 292	1771 г., ноября. – Командующему войсками на пограничных линиях и отдельным Сибирским корпусом генерал-майору С.К. Станиславскому.....	324
№ 293	1771 г., ноября 27. – Коменданту Петропавловской крепости полковнику К. Валленстерну.....	325
№ 294	1771 г. – Полковнику К. Валленстерну.....	326
№ 295	1772 г., мая 26. – Коменданту крепости Полуденной	326
№ 296	1772 г., июня 10. – Коменданту Петропавловской крепости бригадиру Клаверу.....	327
№ 297	1772 г., июля 17. – Генерал-майору С.К. Станиславскому	327
№ 298	1772 г., августа 9. – Генерал-майору С.К. Станиславскому.....	328
№ 299	1772 г., августа 29. – Генерал-майору С.К. Станиславскому	328
№ 300	1772 г., сентября 14. – Командиру отдельного Сибирского корпуса и пограничными линиями генерал-поручику И.А. Клапье де Колонгу.....	329
№ 301	1772 г., сентября 14. – Коменданту Троицкой крепости	329
№ 302	1772 г., сентября 19. – Генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу.....	330
№ 303	1772 г., ноября 22. – Генерал-поручику И.А. Клапье де Колонгу.....	331
№ 304	1773 г. – Военному губернатору и наместнику Синьцзяна Илэту и другим сановникам	332
№ 305	1776 г., февраля 27. – И. д. оренбургского губернатора генерал-майору П.Д. Мансурову.....	332
№ 306	1776 г., февраля 28. – Императрице Екатерине II.....	334
№ 307	1776 г., апреля 24. – Сибирскому губернатору генерал-поручику Д.И. Чичерину	334
№ 308	1776 г., апреля 24. – Императрице Екатерине II.....	335
№ 309	1777 г., января 6. – Командующему войсками на пограничных линиях генерал-майору А.Д. Скалону.....	335
№ 310	1777 г., января 13. – Командующему отдельным Сибирским корпусом генерал-майору Н.Г. Огареву	336
№ 311	1777 г., января 27. – Генерал-майору А.Д. Скалону.....	337
№ 312	1777 г., февраля 16. – Генерал-майору А.Д. Скалону	338
№ 313	1777 г., февраля 21. – Коменданту Петропавловской крепости бригадиру С.В. Сумарокову	339
№ 314	1777 г., марта 3. – Генерал-майору А.Д. Скалону.....	340
№ 315	1777 г., марта 23. – Генерал-майору А.Д. Скалону.....	340
№ 316	1777 г., апреля 21. – Генерал-майору А.Д. Скалону.....	342

№ 317	1777 г., августа 17. – Генерал-поручику П.Д. Мансурову.....	342
№ 318	1777 г., декабря 22. – Генерал-поручику П.Д. Мансурову.....	343
№ 319	1778 г., января 6. – Бригадиру С.В. Сумарокову.....	344
№ 320	1778 г., февраля 11. – Генерал-майору Н.Г. Огареву.....	345
№ 321	1778 г., февраля 28. – Императрице Екатерине II.....	346
№ 322	1778 г., февраля 28. – Генерал-поручику П.Д. Мансурову.....	347
№ 323	1778 г., февраля 28. – Генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу.....	348
№ 324	1778 г., марта 13. – Бригадиру С.В. Сумарокову.....	350
№ 325	1778 г., апреля 2. – Генерал-майору Н.Г. Огареву.....	350
№ 326	1778 г., апреля 2. – Купцу Алексею Пеньевскому.....	351
№ 327	1778 г., апреля 10. – Генералу-майору Н.Г. Огареву.....	351
№ 328	1778 г., апреля 30. – Генерал-майору Н.Г. Огареву.....	352
№ 329	1778 г., мая 13. – Генерал-майору Н.Г. Огареву.....	352
№ 330	1778 г., июня 10. – Генерал-майору Н.Г. Огареву.....	353
№ 331	1778 г., июня 21. – Генерал-майору Н.Г. Огареву.....	353
№ 332	1778 г., июня 24. – Генерал-майору Н.Г. Огареву.....	354
№ 333	1778 г., августа 9. – Генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу.....	354
№ 334	1778 г., августа 9. – Генерал-поручику П.Д. Мансурову.....	355
№ 335	1778 г., октября 26. – Генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу.....	356
№ 336	1779 г., января 16. – Старшему члену Коллегии иностранных дел графу Н.И. Панину.....	357
№ 337	1779 г., января 19. – Генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу.....	358
№ 338	1779 г., марта 2. – Генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу.....	360
№ 339	1779 г., мая 13. – Генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу.....	361
№ 340	1779 г., июля 16. – Генерал-майору И.Г. Огареву.....	363
№ 341	1779 г., июля 16. – Генерал-поручику И.А. Рейнсдорпу.....	364
№ 342	1779 г., октября 10 – ноября 7. – Военному губернатору и наместнику Синьцзяна Илэту.....	365
№ 343	1780 г., сентября 2. – Генерал-поручику Д.И. Чичерину.....	366
Абулфеиз-султан (?–1783).....		66
№ 344	1758 г. – Цинскому посланнику Нусану.....	368
№ 345	1762 г., января 21. – Императору Петру III.....	368
№ 346	1762 г., января 21. – Канцлеру графу М.И. Воронцову.....	370
№ 347	1763 г., июля 12. – Коменданту Семипалатинской крепости.....	370
№ 348	1765 г., сентября 23. – Командующему войсками на пограничных линиях и отдельным Сибирским корпусом генерал-поручику И.И. Шпрингеру.....	371
№ 349	1767 г., июня 19. – Генерал-поручику И.И. Шпрингеру.....	372
№ 350	1769 г. – Военному губернатору и наместнику Синьцзяна Юн Гую.....	372
№ 351	1771 г., октября 9–10. – Амбаням Тарбагатая.....	372
№ 352	1771 г., октября 9–10. – Амбаням Или.....	373
№ 353	1772 г., сентября 5. – Командиру отдельного Сибирского корпуса и пограничных линий генерал-поручику И.А. Клапье де Колонгу.....	373
№ 354	1775 г., июня 4 (мая 7?) – Амбаню Чугучака Цин Гую.....	374
№ 355	1777 г., февраля 9. – Командующему войсками на сибирских пограничных линиях генерал-майору А.Д. Скалону.....	374

№ 356	1777 г., марта 14. – Генерал-майору А.Д. Скалону.....	375
№ 357	1777 г., мая 11. – Коменданту Семипалатинской крепости полковнику И.Т. Титову.....	376
№ 358	1777 г., мая 11. – Полковнику И.Т. Титову.....	377
№ 359	1777 г., мая 11. – Полковнику И.Т. Титову.....	377
№ 360	1778 г., мая 23. – Полковнику И.Т. Титову.....	377
№ 361	1778 г., мая 23. – Полковнику И.Т. Титову.....	378
№ 362	1781 г. – Советнику Тарбагатая Хуэй Лину и другим официальным лицам.....	378
Адресаты (А–Я).....		379
Комментарии.....		396
Факсимиле оригинальных текстов.....		433
Приложения		
1. И. В. Ерофеева		
	Писари казахских ханов и султанов. Середина XVIII – первая половина XIX в.....	615
2. И.В. Ерофеева		
	Хивинские ханы из казахской династии джучидов. 1728–1783 гг.....	619
3. М.Б. Кожа		
	Города и аграрные селения казахских ханств. Последняя четверть XVII – XVIII в.....	621
4. И.В. Ерофеева, Э.Р. Усманова		
	Внешние знаки отличия правящей казахской элиты XVIII – первой четверти XIX века.....	643
5. А.Е. Рогожинский		
	«Ханская» тамга казахских джучидов.....	669

Научное издание

**Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг.
Сборник исторических документов в 2-х томах**

Том I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг.

Книга подготовлена и издана на средства АО «АБДИ Компани»

Президент АО «АБДИ Компани»
кандидат технических наук
А. Ш. Бимендиев

Руководитель – главный редактор Издательского отдела
кандидат исторических наук
К. З. Ускенбай

Редактор-координатор проекта
Ф. А. Чинибекова

Редактор
Л. А. Туманова

Верстка
М. С. Шелекбаева

Дизайн обложки
К. З. Ускенбай

Обработка иллюстраций и дизайн вклеек
А. В. Артюхова

АО «АБДИ Компани»
050050, г. Алматы, пр. Сейфуллина, 465/191,
e-mail: office@abdi.kz
www.abdi.kz

Подписано в печать 13.02.2015 г.
Формат 84x108/16. Бумага офсетная
Тираж 1000 экз. Заказ 345

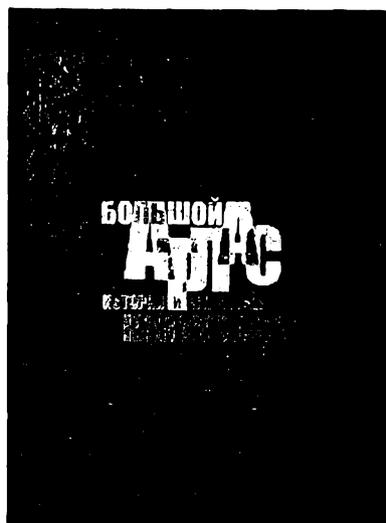
Отпечатано с файлов заказчика в типографии ТОО «Курсив»
г. Алматы, м-н Баганашыл, ул. Восточная, 2.

ISBN 978-9965-832-26-0

9 789965 832260

В 2008 году в издательстве акционерного общества «АБДИ Компани» вышел в свет
БОЛЬШОЙ АТЛАС ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КАЗАХСТАНА

Большой атлас истории и культуры Казахстана / Гл. рук. проекта А.Ш. Бимендиев. Научный редактор К.З. Ускенбай. – Алматы: АО «АБДИ Компани», 2008. – 880 с.: карты, ил. ISBN 9965-832-08-0

В издании приводятся основные сведения о природных условиях республики; освещаются главные вехи историко-культурного развития казахстанского региона в древности и средневековье, в новое время и в годы советской власти; описываются этнографические особенности, традиционные обычаи и обряды казахского народа, дается краткий этнографический обзор наиболее крупных диаспор современного Казахстана; прослежены этапы экономического и социально-политического развития суверенного Казахстана; завершается издание разделом, посвященным истории городов и областей республики, их наиболее ярким культурно-историческим памятникам. Большой атлас включает как современные, так и оригинальные старинные карты. Впервые в отечественной историографии в книге приводится серия культурно-исторических карт, показывающих развитие казахстанского региона в контексте всего евразийского континента с древнейших эпох до нового времени. Книга также снабжена серией тематических карт. Атлас содержит современные научные художественные реконструкции, уникальные старинные иллюстрации и архивные фотографии.

Адресовано широкому кругу читателей.

Код товара 5314

По вопросам приобретения книг и за дополнительной информацией обращаться по адресу:

050050, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Сейфуллина, 465/191

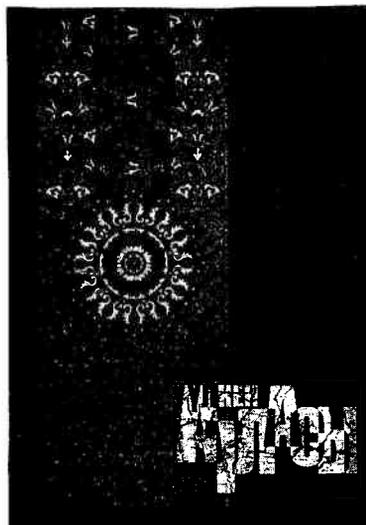
тел./факс: +7 (727) 298 57 94, 233 33 63, 299 87 99

dkp@abdi.kz; www.abdi.kz,

а также в сеть магазинов АО «АБДИ Компани» во всех регионах Республики Казахстан

abdi[®]
company

2010 жылы «АБДИ Компани» акционерлік қоғамының баспасында жарық көрген кітап:
ҚАЗАҚСТАН ТАРИХЫ МЕН МӘДЕНИЕТІНІҢ ҮЛКЕН АТЛАСЫ

Қазақстан тарихы мен мәдениетінің үлкен атласы / Жобаның бас жетекшісі Әбдібек Бимендиев. Ғылыми редактор Қанат Өскенбай; редактор Асылхан Мамашұлы – Алматы: «АБДИ Компани» АҚ, 2010. – 880 б.: карталар, көркемсуреттер. ISBN 9965-832-12-9

Басылымда республиканың табиғи жағдайлары туралы негізгі мағлұматтар, ежелгі дәуір мен ортағасырдағы, жаңа заман мен Кеңес өкіметі тұсындағы қазақ жерінің мәдени-тарихи дамуындағы ірі белестер көрініс тапты; қазақ халқының этнографиялық ерекшеліктері, дәстүрлі мәдениеті мен әдет-ғұрпы суреттелді, сондай-ақ қазіргі Қазақстанда өмір сүретін ірі диаспораларға этнографиялық шолу жасалды. Басылым соңы егемен Қазақстанның экономикалық және саяси-әлеуметтік даму сатыларына, облыстары мен қалаларының тарихына, мәдени-тарихи ескерткіштеріне арналған тараумен аяқталды. Атласта қазіргі заманғы карталармен қоса көптеген ескілікті бірегей карталар да кеңінен қолданылды. Бүгінгі қазақ жерінің дамуын ежелгі дәуірден жаңа заманға дейінгі барша еуразиялық контексте бейнелейтін сериялы карталар Отандық тарихнамада тұңғыш рет берілді. Сондай-ақ әр кезеңдерге байланысты тақырыптық карталар және сирек кездесетін бірегей көне фотосуреттер мен көркемсуреттер молынан пайдаланылды.

Кітап жалпы жұртшылыққа арналған.

Тауар коды 44358, 44359, 44360, 44361

Кітаптарды сатып алу және қосымша ақпараттар алу үшін мына мекен-жайға хабарласыңыздар:
050050, Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Сейфуллин даңғ., 465/191
тел/факс: +7(727) 233 33 63, 298 57 94, 299 87 89
dkp@abdi.kz; www.abdi.kz,
сонымен бірге Қазақстан Республикасының барлық аймақтарында орналасқан
«АБДИ Компани» АҚ-ның дүкендер желісіне хабарласуға болады

abdi[®]
с о м п а н и

2013 жылы «АБДИ Компани» акционерлік қоғамының баспасында жарық көрген кітап:

ҚАЗАҚТАР. ТАРИХ ЖӘНЕ МӘДЕНИЕТ

Қазақтар. Тарих және мәдениет / Жобаның бас жетекшісі Әбдібек Бимендиев. Ғылыми редакторы Қанат Өскенбай. – Алматы: «АБДИ Компани» АҚ, 2013. – 550 б.: карталар, илл. Қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде. ISBN 9965-832-21-8

Басылымда қазақ халқының тарихы мен мәдениетіндегі айрықша кезеңдер мен деректер қамтылған; салт дәстүрлері мен этнографиялық ерекшеліктері сипатталған. Әсіресе, мал шаруашылығы, егіншілік, балықшылық, аңшылық секілді қазақтардың негізгі шаруашылық тұрмысына баса назар аударылып, қолөнері мен кәсіпшілігі суреттелген. Қазақ рухани мәдениеті мен материалдық мәдениетінің жарқын тұстары арнайы атап өтілген. Кітаптағы әрбір тақырып пен оның жалпы сюжеті сирек кездесетін бірегей фотоиллюстрациялармен көркемделіп, қазақ өмірін әр қырынан көрсететін түрлі суретшілердің сапалы суреттері молынан пайдаланылған. Осы аталған материалдарды Қазақстандағы тарихи-мәдени үдерістердің даму кезеңдерін көрсететін ескіден қалған сериялы карталар толықтыра түседі.

Басылым жалпы оқырмандарға арналған.

Тауар коды 209465

Кітаптарды сатып алу және қосымша ақпараттар алу үшін мына мекен-жайға хабарласыңыздар:

050050, Қазақстан Республикасы, Алматы қ., Сейфуллин даңғ., 465/191

тел/факс: +7(727) 233 33 63, 298 57 94, 299 87 89

dkp@abdi.kz; www.abdi.kz,

сонымен бірге Қазақстан Республикасының барлық аймақтарында орналасқан

«АБДИ Компани» АҚ-ның дүкендер желісіне хабарласуға болады

abdi[®]
с а т т а р л а н д ы

В 2013 году в издательстве акционерного общества «АБДИ Компани» вышла в свет книга

КАЗАХИ. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

Казахи. История и культура / Гл. рук. проекта А.Ш. Бимендиев. Научный редактор К.З. Ускенбай. – Алматы: АО «АБДИ Компани», 2013. – 550 с.: карты, ил. На казахском, русском, английском языках. ISBN 9965-832-21-8

В издании приводятся основные сведения по истории и культуре казахского народа; описываются этнографические особенности, традиционные обычаи и обряды. Особое внимание уделено истории хозяйственной деятельности казахов – скотоводству, земледелию, рыболовству, охоте; характеризуются все распространенные домашние ремесла и промыслы. Отдельно освещены яркие стороны материальной и духовной культуры. Каждая тема и сюжет книги сопровождаются уникальными старинными иллюстрациями и редкими архивными фотографиями; очень много в издании качественных репродукций картин различных художников, в творчестве которых отражены разные стороны жизни и быта казахов. Дополняют общую картину развития историко-культурных процессов в Казахстане серия оригинальных старинных карт.

Адресовано широкому кругу читателей.

Код товара 209467, 209468, 209469, 209470

По вопросам приобретения книг и за дополнительной информацией обращаться по адресу:

050050, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Сейфуллина, 465/191

тел./факс: +7 (727) 298 57 94, 233 33 63, 299 87 99

dkp@abdi.kz; www.abdi.kz,

а также в сеть магазинов АО «АБДИ Компани» во всех регионах Республики Казахстан

abdi[®]
КОМПАНИ

В 2010 году в издательстве акционерного общества «АБДИ Компани» вышла в свет книга

З. Самашев, Н. Базылхан, С. Самашев

**КӨНЕ ТҮРІК ТАҢБАЛАРЫ
ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ТАМГИ
ANCIENT TURKIC TAMGA-SIGNS**

Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Көне түрік таңбалары. Древнетюркские тамги. Ancient Turkic tamga-signs. – Алматы: АО «АБДИ Компани», 2010. – 168 с. На казахском, русском, английском языках. ISBN 9965-832-13-7

В работе охарактеризованы и систематизированы материалы по древнетюркским тамгам и символическим знакам, известным в Центральной Азии и Южной Сибири, а также в западных регионах Евразии. Предпринята попытка объяснения функции и семантики древнетюркских тамг.

Код 29294

По вопросам приобретения книг и за дополнительной информацией обращаться по адресу:

050050, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Сейфуллина, 465/191

тел./факс: +7 (727) 298 57 94, 233 33 63, 299 87 99

dkp@abdi.kz; www.abdi.kz,

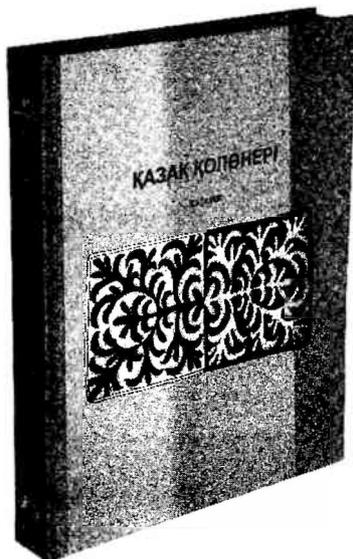
а также в сеть магазинов АО «АБДИ Компани» во всех регионах Республики Казахстан

abdi[®]
С Е Р В И С

В 2010 году в издательстве акционерного общества «АБДИ Компани» вышла в свет книга

*Ә.Қастеев атындағы Қазақстан Республикасының мемлекеттік өнер мұражайы
Государственный музей искусств Республики Казахстан им. А. Кастеева*

ҚАЗАҚ ҚОЛӨНЕРІ
КАЗАХСКОЕ НАРОДНОЕ ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО
Каталог

Қазақ қолөнері. Каталог. Ә. Қастеев атындағы Қазақстан Республикасының мемлекеттік өнер мұражайы. Казахское народное прикладное искусство. Каталог. Государственный музей искусств Республики Казахстан им. А. Кастеева. – Алматы: АО «АБДИ Компани», 2010. – 436 с. ISBN 9965-832-14-5

В книге даны краткие научные сведения о предметах казахского народного прикладного искусства, хранящихся в фондах Государственного музея искусств Республики Казахстан им. А. Кастеева. Произведения прикладного искусства внутри каждого вида систематизируются по функциональным и региональным признакам. Изучение этого материала само по себе вызывает большой научный интерес и является наглядным примером жизнестойкости единой для всего казахского народа системы материальных, художественных и эстетических ценностей, зародившихся в недрах древней кочевой культуры. Основное содержание книги, вводные статьи на трех языках (казахском, русском и английском), описания предметов в каталоге на казахском и русском языках. Количественный состав коллекции – 1383 единиц хранения.

Код товара 3850

По вопросам приобретения книг и за дополнительной информацией обращаться по адресу:
050050, Республика Казахстан, г. Алматы, пр. Сейфуллина, 465/191
тел./факс: +7 (727) 298 57 94, 233 33 63, 299 87 99
dkp@abdi.kz; www.abdi.kz,
а также в сеть магазинов АО «АБДИ Компани» во всех регионах Республики Казахстан

abdi
company

